

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
Р76

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 15-31-12025а(ц)*

Руководитель проекта: д. и. н. Ю. А. Петров

Р76 Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред.
Ю. А. Петров. – В 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2017. – (Россия в
1917 году).

ISBN 978-5-8243-2131-9

Т. 1. – с.: ил.

ISBN 978-5-8243-2133-3

В коллективной монографии, подготовленной Институтом российской истории РАН к 100-летию Великой российской революции 1917 года, рассмотрены ключевые проблемы истории революции в период от кануна падения монархии до принятия первой советской Конституции 1918 г., т. е. создания нового государства. Особое внимание авторами, которые представляют ведущие научные центры страны, уделено историографическому осмыслению событий. Февральская и Октябрьская фазы революции рассмотрены в книге в качестве единого и логически взаимосвязанного процесса. Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в современном общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция – локомотив истории») и идеологически ангажированного негативизма («революция – абсолютное зло»). Революционные события рассматриваются в качестве определяющего фактора воздействия на политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь страны. Исследовано также влияние революции на распад единого Российского государства и изменение международного статуса страны.

Книга рассчитана на ученых-обществоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-8243-2133-3 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2131-9

© Институт российской истории РАН, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (Ю.А. Петров).....	8
Раздел I. Великая Российская революция: основные этапы и проблемы изучения	12
Глава 1. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции (Ю.А. Петров).....	12
Глава 2. Сто лет изучения революции: исторические традиции и современность (В.В. Тихонов, С.В. Журавлев).....	26
2.1. Революция 1917 г. в отечественной историографии.....	26
2.2. Дискуссии о революции в советском научном и политическом дискурсе 1917–1930 гг.	29
2.3. Становление и развитие сталинской концепции революции (1930-е – середина 1950-х гг.).....	36
2.4. Историография революции в условиях «оттепели» и в период 1970-х – начала 1980-х гг.	38
2.5. Дискуссии о революции в годы «перестройки», 1985–1991 гг.	42
2.6. Осмысление революции в Русском зарубежье.....	44
2.7. Революция 1917 года в западной исторической и политической науке, 1930-е – 1980-е гг.	46
2.8. Современная отечественная и зарубежная историография революции, 1991–2017 гг.	52
Раздел II. Революционная Россия: международное положение и внешняя политика (март 1917 – лето 1918 г.)	66
Глава 1. Россия и мир в 1917 г.: историографические споры (Д.Б. Павлов).....	66
Глава 2. От Февраля к Октябрю (Д.Б. Павлов).....	66
2.1 Тайные расчеты германской коалиции.....	75
2.2. Упования Антанты. Первые внешнеполитические шаги новой российской власти.....	82
2.3. От Милюкова к Терещенко.....	92
2.4. Внешние силы: курс на войну против ставки на развал.....	101
2.5. Посланцы Запада в России, российские делегаты на Западе.....	105
2.6. Июльская катастрофа и ее последствия.....	115
2.7. Антанта: отзвуки русской революции.....	118
2.8. Союзники и корниловский мятеж.....	120
Глава 3. Внешняя политика поборников мировой революции и ее последствия (В.Л. Булдаков).....	125
Раздел III. Российское общество накануне и в годы революции (Н.А. Иванова)	146
Глава 1. От подданных к гражданам.....	147
Глава 2. Сословия и классы.....	154
Глава 3. Предприниматели и рабочие.....	159

Глава 4. Фабрично-заводские служащие	167
Глава 5. Москва и Петроград	176
Глава 6. Зарплаты и цены в городе	183
Глава 7. Сельское население	192
Глава 8. Армия и революция	210
Раздел IV. Революция и экономическое положение России.	225
Глава 1. Промышленность в 1917 – весной 1918 г.	225
1.1. Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства (А.С. Грузинов)	225
1.2. Промышленная политика Временного правительства (А.П. Корелин)	248
1.3. Попытки реформирования системы контрольно-регулирующих органов (А.П. Корелин)	268
1.4. Противостояние труда и капитала (А.П. Корелин)	279
1.5. Советская власть и проблема управления промышленностью (М.Ю. Мухин)	291
Глава 2. Сельское хозяйство и крестьянство в 1917 г. (В.В. Кондрашин)	318
Глава 3. Транспорт в 1917 – первой половине 1918 г. (А.С. Сенин)	356
3.1. «Расстройство транспорта»	356
3.2. Попытки Временного правительства стабилизировать работу железных дорог	354
3.3. Углубление кризиса железнодорожного хозяйства	368
3.4. Экономика водного и автогужевого транспорта	374
3.5. Транспорт в первые месяцы пролетарской диктатуры	379
Глава 4. Финансовое положение, февраль 1917 – осень 1918 г. (Ю.П. Голицын, Ю.А. Петров)	384
4.1. Финансовая политика Временного правительства, февраль – октябрь 1917 г.	384
4.2. Советская власть и финансы, октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.	402
Раздел V. Трансформация властных институтов	454
Глава 1. Третьемартовская политическая система (А.Б. Николаев)	457
Глава 2. Временное правительство в политической системе России (К.А. Соловьев)	461
2.1. Цели и задачи Временного правительства. Парадоксы «непредрешенчества»	461
2.2. Легитимность новой власти	464
2.3. Полномочия правительства	465
2.4. Пределы новой власти. Временное правительство и общественные организации	467
2.5. Эволюция состава правительства	472
2.6. Порядок работы	476
Глава 3. Реформы Временного правительства (А.Б. Николаев)	480
Право и управление	480
Реформа местного управления и самоуправления	485
Национальный и конфессиональный вопросы	494

Глава 4. Совещательные структуры (<i>А.Л. Стародубова</i>)	501
4.1. Юридическое совещание	501
4.2. Экономический совет	512
4.3. Государственное совещание	520
4.4. Демократическое совещание.	523
4.5. Предпарламент	527
Глава 5. Советы и органы самоуправления (<i>Е.П. Мальшева, А.Ю. Бахтурина</i>).	530
5.1. Идейное обоснование и институализация власти Советов	530
5.2. Советы и органы местного самоуправления: единство власти или распределение сфер влияния	540
5.3. Советы: традиционное крестьянское самоуправление или новая форма организации власти	543
5.4. Корпоративные институты общественного самоуправления в советской системе	546
5.5. Советы в национальных регионах	549
Глава 6. Становление новых властных институтов. Октябрь 1917 – июль 1918 г. (<i>Т.Г. Архитова, М.А. Андреев</i>).	562
6.1. В поисках новой формулы власти: Учредительное собрание	562
6.2. Съезды Советов и ВЦИК.	564
6.3. Совнарком: новое правительство	569
6.4. Органы правопорядка	583
6.5. Конституция 1918 г.	590
Раздел VI. Общероссийские политические партии в революции 1917 г.	597
Глава 1. Консервативные партии (<i>А.А. Иванов</i>).	599
1.1. Февраль 1917-го и поражение правых.	599
1.2. Консервативный взгляд на Октябрь 1917 г.	604
Глава 2. Либеральные партии (<i>В.В. Шелохаев</i>).	609
2.1. Либералы-консерваторы и «центристы»: попытки новой партийной консолидации.	609
2.2. Конституционно-демократическая партия: испытание властью	613
2.2.1. Корректировка программы и тактики.	613
2.2.3. Методы воздействия на массовое сознание и поиски компромисса с социалистами	629
2.2.3. Противостояние большевистской диктатуре	631
Глава 3. Неонароднические социалистические партии (<i>Н.Д. Ерофеев</i>).	631
3.1. Социалисты-революционеры	631
3.2. Левые социалисты-революционеры.	651
Глава 4. Анархисты (<i>Д.И. Рублев</i>).	661
4.1. В союзе с «революционной демократией»	661
4.2. «Третья революция» и большевистская диктатура.	668
Глава 5. Российские социал-демократы (<i>П.Ю. Савельев</i>).	686
5.1. Состояние социал-демократического движения в России накануне февраля 1917 г.	686
5.2. Феврала 1917 г.	689
5.3. Консолидация и размежевание социал-демократов	689
5.4. Обострение политического кризиса и раскол российской социал-демократии	702
5.5. Коммунисты против социал-демократов	721

К ЧИТАТЕЛЮ

Столетие российской революции, отмечаемое в 2017 г., закономерно вызвало повышенный интерес профессионального сообщества историков к общественно-политическим, социально-экономическим и гуманитарным проблемам, которые породили социальный взрыв в России. В годы Первой мировой войны повсеместно в воюющих странах на фоне обнищания населения, кризиса прежних властных институтов и ценностей наблюдалась резкая радикализация общественных настроений. Популярными становились идеи социального переустройства мира на «справедливых» началах. Россия оказалась в эпицентре этой эпохи «великих потрясений». Здесь наблюдалось особенно сложное переплетение военных и революционных процессов, обусловивших масштаб, глубину и ожесточенность событий. Великая российская революция 1917 г. и начавшийся в ее результате «советский эксперимент» по силе воздействия на общемировые процессы признаны одними из важнейших событий XX в., как в свое время Великая французская революция, предопределившая развитие западной цивилизации в XIX в.

Актуальность данной темы обусловлена прежде всего объективно возросшей потребностью современного российского общества после длительного периода идеологического, политического и историографического мифотворчества революции перейти к объективному осмыслению ее как исторически закономерного звена непрерывного исторического развития России. В предлагаемом читателю коллективном труде рассмотрены ключевые проблемы истории Великой российской революции в период от кануна падения монархии до принятия первой советской Конституции 1918 г., т. е. создания нового государства. Особое внимание авторами, которые представляют ведущие научные центры страны, уделено осмыслению событий революции в историографии, отечественной и зарубежной.

В последние годы господствующей историографической тенденцией стала трактовка событий 1917–1921 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну. При этом особенно внимательно исследуется роль Первой мировой войны в нарастании революционной ситуации¹.

Важным достижением стало утверждение в научной среде представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. Гражданская война ныне рассматривается как прямое следствие и продолжение 1917 г., как особый этап революции. Данный подход позволяет преодолеть сохраняющуюся в современном общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества («революция – локомотив истории») и идеологически ан-

¹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014.

гажированного негативизма («революция – абсолютное зло»). При этом революционные события в современной исторической науке рассматриваются в качестве фактора, определяющего все аспекты политической, социальной, экономической и культурной жизни страны.

Следует отметить характерное для современных исследователей стремление раздвинуть хронологию революционных событий в России, анализировать их в более широком историческом контексте. Становится нормой рассматривать проблему в продолжительных хронологических рамках «эпохи великих потрясений» 1914–1921 гг. Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция оказывается частью системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием Гражданской войны.

Если в советское время отечественная и зарубежная историография в целом противостояли друг другу, то в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогового, единого историографического пространства. В последние годы отечественным и зарубежным исследователям по ряду дискуссионных проблем российских революций удалось преодолеть идеологическое и политическое противостояние, выработать более взвешенные оценки, что, в свою очередь, позволило приступить к совместной реализации ряда крупных исследовательских проектов.

За последние годы в исследовании Великой российской революции произошли серьезные изменения в теоретико-методологической базе исторических исследований, значительно расширилась археографическая база. В работах последнего времени все чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, в связи с чем большое внимание стало уделяться изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества.

Важная историографическая особенность – рассмотрение революции как явления, которому предшествовал длительный подготовительный процесс. Не случайно в отечественной историографии появилась концепция В.П. Данилова о «великой крестьянской революции» в России 1902–1922 гг., согласно которой ключевые события в это время происходили в деревне, где «крестьянская революция» растянулась более чем на 20 лет¹. Кроме того, центр тяжести изучения революции все отчетливее смещается от событий 1917 г. в Петрограде и Москве к анализу революционных процессов в регионах России.

Подчеркнем, что в последние годы заметно вырос интерес исследователей к истории Русской Православной церкви в годы революции. Церковь в этих тру-

¹ Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; *Он же*. История крестьянства в XX веке. Избранные труды: В 2 т. М., 2011.

дах выступает значимым, но идейно и политически неоднородным фактором революционного общества. При этом окончательно отвергнут прежний взгляд на Церковь как на «оплот контрреволюции».

Одним из центральных остается в историографии вопрос, были ли события Февраля 1917 г. результатом стихийного народного выступления или заранее подготовленного заговора «верхов»? Доминирующим в исторической литературе остается признание стихийного характера начала революции. Вместе с тем в части историографии постсоветского периода российскую революцию признают результатом действий внешних злокозненных сил. Имеет хождение версия, согласно которой революция не имела серьезных внутренних оснований, а была подготовлена и совершена сначала «безответственными либералами», а затем перехваченными у них власть большевиками на иностранные деньги.

В современной научной и научно-публицистической литературе можно встретить и теории, изображающие революцию то как «сговор масонов», то как разгул «распоясавшейся черни» во главе с группой авантюристов. Конспирологический подход претендует на новизну, но на самом деле является достаточно архаичным и по характеру используемых источников (все они были хорошо известны еще в период «первой волны» русской эмиграции), и по пониманию исторических процессов, подменяя осмысление глобальных событий поиском таинственных злодеев. У большинства профессиональных историков конспирологическая версия революции не находит поддержки, хотя и продолжает активно присутствовать в медиапространстве.

Дилетантское «переписывание» истории нередко осуществляется путем механической перестановки плюсов на минусы (раньше героями были «красные», теперь – «белые») и возведения на пьедестал тех, кто в советские времена считался «антигероями», начиная с императора Николая II и главы Временного правительства А.Ф. Керенского. Большинство современных российских и зарубежных исследователей отвергают такой подход, который явно противоречит накопленному исторической наукой массиву данных о событиях столетней давности. Поэтому важным вопросом современной историографии революции остается проблема исторической памяти, изучение механизмов актуализации образа революции и практики его использования в политических целях.

Не менее актуально исследование влияния событий 1917 г. на процесс самоопределения бывших национальных окраин и распад Российского государства. Отметим, что в случае с «национальным» ракурсом революции до сих пор остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т. д. частью общероссийской революции, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки большинства постсоветских стран склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста. Напротив, российские ученые изучают революционные события на всем пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности.

Важно подчеркнуть, что традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается научными исследованиями последних лет. Власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам. В сущности, вся первая половина

1918 г. была временем торжества военизированной охлократии. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России.

Российская революция на долгие десятилетия предопределила развитие нашей страны, да и всего мира. В исторической литературе давно утвердилось понятие «долгий XIX век», который в отличие от астрономического, начался в 1789 г. с Великой французской революции, а завершился с началом Первой мировой войны. Исторический XX век для человечества оказался, напротив, короче, поскольку его досрочное окончание в 1991 г. было связано с распадом того государства, которое породила Великая российская революция. Осмыслению событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», и посвящена эта книга.

*Ю.А. Петров,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института российской истории РАН*

Раздел I. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Глава 1. РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.: СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

(Ю.А. Петров)

Прологом Великой российской революции стала Первая мировая война. Она коренным образом изменила европейский государственно-политический ландшафт в целом: с политической карты Европы исчезли четыре империи (Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская), произошли системные изменения в социальных, экономических, политических институтах и отношениях, масштабные сдвиги в интеллектуальном и культурном пространствах.

Таким образом, сегодня Первая мировая война оценивается не только и не столько в качестве прелюдии «Великого Октября», как было принято в советской историографии, но как эпохальное событие, которое привело к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира. За последние два десятилетия в свет вышло множество посвященных этой теме публикаций исторических источников, сотни статей и монографий, историографических исследований¹.

В советский период в историографии утвердилась своеобразная отчужденность военной истории России 1914–1917 гг. от «гражданской» – ход боевых операций изучался независимо от событий внутри страны, и, наоборот, политическая, экономическая и социальная тематика редко «вторгалась» в историю войны. Ситуация начала меняться в последнее время, когда в связи со 100-летием начала войны в свет вышли первые обобщающие работы, в которых в едином контексте рассмотрены экономическое положение страны, социальные процессы и политический кризис военных лет².

Как известно, Первая мировая, ставшая и первой тотальной войной в истории человечества, потребовала мобилизации людских, финансовых ресурсов, производственных мощностей и перестройки системы управления народным

¹ См.: Забытая война и преданные герои / сост. Е.Н. Рудая. М., 2011; Белова И., Гребенкин И. Первая мировая: великая забытая война // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013; Сергеев Е.Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2.

² См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014.

хозяйством. В работах советских историков отмечались негативные изменения социально-экономической ситуации в России, которые, следуя известной ленинской формуле, преопределили массовое недовольство и привели к революции. А.Л. Сидоров, чьи книги благодаря уникальному фактическому материалу до сих пор не утратили своей актуальности, объяснял предрешенность экономического краха России в годы Первой мировой войны промышленной отсталостью страны; на слабости отечественного военно-промышленного потенциала акцентировал внимание и Л.Г. Бескровный¹. Однако в последнее двадцатилетие отечественные и зарубежные исследователи стали все чаще обнаруживать позитивные элементы в финансово-экономической политике правительства предвоенных и военных лет². Согласно новому прочтению государство методом проб и ошибок искало эффективные механизмы взаимодействия с предпринимателями³, пыталось упорядочить работу железнодорожного транспорта⁴, вместе с кооперативными организациями стремилось улучшить продовольственное снабжение армии и тыла⁵. Однако перевод части промышленности на военные рельсы привел к падению выпуска гражданской продукции и ее удорожанию, что неизбежно вызвало негативные социальные последствия.

¹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-промышленного потенциала. М., 1986.

² См.: Шаццло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000; Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб., 2003; Военная промышленность России в начале XX века. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шаццло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006; Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; Бокарев Ю.П. Экономические последствия распада Российской империи в результате Первой мировой войны. Екатеринбург; М., 2009; Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

³ См.: Юрий М.Ф. Организационное устройство Центрального военно-промышленного комитета (1915 – февраль 1917 г.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985; Сергеев С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996; Ваганова Л.В., Рукосуев Е.Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; Кюнг П.А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 57.

⁴ История железнодорожного транспорта России. Т. 1. СПб., 1994; Сенин А.С. Министерство путей сообщения в 1917 г. М., 2009.

⁵ См.: Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009; Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные произведения. Т. 2. М., 2011; Рышков В.М. Зерновое хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2.

В недавних исследованиях все чаще высказывается взгляд, согласно которому глубинные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному. В историографии утвердилось понимание того, что революция – не событие, а процесс. В связи с этим существенно расширяются хронологические рамки изучения революции.

Множество сторонников в отечественной науке приобрела модернизационная парадигма¹, концентрирующаяся на трансформации традиционного аграрного общества в индустриальное. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом, в связи с этим большое внимание стало уделяться изучению состояния политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества².

Впрочем, остается дискуссионным вопрос о соотношении успехов и трудностей на пути модернизации: «оптимистам», подчеркивающим значительный рост уровня жизни подданных империи в начале XX в.³, противостоят «пессимисты», которые рост населения в России связывают с уменьшением душевого потребления⁴. Так, с точки зрения С.А. Нефедова, быстрый рост населения России в XIX в. привел к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению молодежи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва⁵.

Новый взгляд на ситуацию в экономике России дополнили исследования, посвященные социальной истории⁶. В их числе многотомный проект под руко-

¹ О теории модернизации применительно к российской истории см.: История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013.

² *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: вторая половина XIX – начало XX в.* / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

³ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012.

⁴ *Нефедов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // *Российская история.* 2011. № 1.

⁵ *Нефедов С.А.* Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // *Общественные науки и современность.* 2012. № 3. С. 96–107; *Нефедов С.А.* «Молодежный бугор» и первая русская революция // *Социологические исследования.* 2015. № 7. С. 140–147; и др.

⁶ См., например: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.

водством В.В. Шелохаева «Политические партии России конца XIX – первой трети XX в. Документальное наследие», благодаря которому свет увидели документы, показывающие деятельность различных партий накануне и в годы революции¹.

Вместе с тем в последние годы получила распространение конспирологическая концепция, согласно которой втягивание империи в войну, а затем и ее падение интерпретируются как результат заговора внешних (германских или британских) либо внутренних сил – революционеров, масонов, генералов и т. д.² Большинство российских историков убеждено, что официальный Петроград не помышлял о сепаратном мире и, несмотря на военные неудачи, был готов продолжать войну до победного конца. Однако версия о подготовке сепаратного мира представителями ближайшего окружения императора продолжает жить³.

Масонский «след» в событиях Февральской революции в свое время разглядел советский историк Н.Н. Яковлев⁴. В ответ одни его коллеги выступили с резкой отповедью⁵, другие предложили компромиссные трактовки. Так, В.И. Старцев объявил масонские ложи органом по координации действий думских левых либералов, трудовиков и социал-демократов. Все они якобы вынашивали планы военного переворота, но умудрились проглядеть судьбоносные события конца февраля 1917 г.⁶

Некоторые современные исследователи также обращаются к поиску «виновных» в революции, предлагая в этом качестве то «деструктивную деятельность» российской либеральной общественности, то конспирологическую активность «элит». О.Р. Айрапетов утверждает, что либеральная оппозиция смогла дискредитировать правительство, дезориентировать генералитет и в союзе с последним сокрушить правящий режим⁷. Сходную позицию занимает Ф.А. Гайда, в трактовке которого кадеты представляют собой радикальную политическую силу,

¹ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. М., 1994–1996; Меньшевики в 1917 году. Т. 1–3. М., 1997; Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2–3. М., 2001; Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 2015; и др.

² См.: *Соловьев О.Ф.* Обреченный альянс: Заговор империалистов против народов России. 1914–1917 гг. М., 1986; *Масоны и Февральская революция 1917 года.* М., 2007; *Данилов О.Ю.* Пролог «Великой войны» 1904–1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010; *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.

³ *Лебедев В.В.* Проблема выхода из войны и кризис самодержавия (конец 1916 – начало 1917 г.) // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 199–209.

⁴ *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974.

⁵ *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 339–342.

⁶ *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 119, 128.

⁷ *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1907–1917). М., 2003. С. 203, 227–229.

не склонную к компромиссам с правительством и нацеленную исключительно на захват власти¹. С.В. Куликов штабом революции называет Центральный военно-промышленный комитет, причем ключевую роль в свержении монархии, по его мнению, сыграл альянс революционной и общественной «контрэлит»². С такой точкой зрения в принципе солидаризируется Б.Н. Миронов, для которого революция – прежде всего результат верхушечной борьбы. Причиной краха Российской империи, как он полагает, следует считать противостояние между правящей элитой и контрэлитой в лице либерально-радикальной общественности³.

Конспирологический подход, вроде бы претендующий на новизну, на самом деле является весьма архаичным и по характеру используемых авторами источников, и по их пониманию исторических процессов. Между тем в последние годы произошли качественные изменения самой исследовательской парадигмы, что, в свою очередь, привело к возникновению новых направлений в историографии⁴. Ученые обратились к изучению вопроса о том, насколько война изменила облик общества, поведенческие стереотипы населения, его повседневную жизнь. Изучаются изменения в общественном сознании, эволюция ментальности различных социальных слоев, созревание в них протестных настроений. Причем речь идет не только о солдатах или военнопленных⁵, но и о жителях прифронтовой полосы, беженцах, дезертирах, иными словами, о значительной части населения России, чью жизнь перевернула война⁶. Примечательно появление и работ о положении женщин в трудную военную пору⁷. Все больший интерес вызывает повседневная жизнь в России в годы войны⁸, настроения различных социальных

¹ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 372.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 394–401.

³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 654–659.

⁴ См.: Шевырин В.М. Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография): Обзор // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований. Сборник обзоров и рефератов. М., 2013.

⁵ Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52; Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999. С. 263–275; Базанов С.Н. Разложение русской армии в 1917 г. (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. С. 282–290; Нарский И.В. Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 гг. // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194–204; Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

⁶ Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

⁷ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.

⁸ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011; Семенова Е.Ю. Мирозрение городского населения

и национальных групп¹. Здесь можно особо назвать монографию И.В. Нарского, написанную на материалах Урала, и диссертацию В.Б. Аксенова, посвященную повседневной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.² Особой сферой исследований массового сознания времен войны стало изучение восприятия образа врага в русле военно-исторической антропологии³.

Заметной популярностью в последние годы стала пользоваться история Церкви в годы войны и революции⁴. Русская православная церковь выступает значимым, но идейно и политически неоднородным фактором в жизни российского общества⁵. В то же время признается, что церковные круги были в основном сосредоточены на решении внутрицерковных проблем. Наконец, историками окончательно отвергнут взгляд на Церковь как на оплот контрреволюции.

Современная отечественная историография все чаще «вспоминает», что Российская империя оставалась унитарным многонациональным и поликонфессиональным государством. Имперская тематика подводит исследователей к проблемам функционирования полиэтнического государственного образования эпохи модерна, в частности, к проблеме окраин и регионов⁶. Серьезное внимание

Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

¹ *Поршнев О.С.* «Настроения 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история*. 2010. № 2. С. 185–200; *Астахов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 5–85.

² *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

³ *Семянская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

⁴ См.: *Леонтьева Т.Г.* «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // *The Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 36. 2009. № 2. С. 182–196; *Павлов Д.Б.* Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; и др.

⁵ См.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М., 2002; *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; и др.

⁶ См.: *Исхаков С.М.* Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 189–207; *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и Первая мировая война // *Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.* СПб., 1999. С. 461–473; *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Булдаков В.П.* «Бунт» (о восстании казахов в 1916 г.) // *Родина*. 2004. № 11. С. 68–72; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Котокова Т.В.* Первая мировая война и участие в ней народов Российской империи (на примере Туркестанского края) // *Первая мировая война: взгляд через столетие*. М., 2011; *Троши-*

российские историки уделяют теме «война и общество»¹, причем акцент все более отчетливо ставится на изучении ситуации в регионах². В контексте «национального» ракурса революции остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т. д. частью общероссийской революции, как полагает большинство российских историков, или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки бывших советских республик склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста.

Практически «вечный» вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г.³ предполагает особое внимание к проблеме массового движения. Любое политическое, социальное, экономическое явление имеет человеческое измерение, причем в кризисные моменты стихийная сила иррационального, подсознательного, инстинктивного в человеке зачастую выходит на передний план. Именно под таким углом зрения рассматривает социально-политические процессы военных лет В.П. Булдаков. Февральская революция стала триумфом бунтующей массы над ослабевшей властью, потерявшей авторитет и даже веру в себя⁴. Во всяком случае, может считаться преодоленным известный ленинский постулат о «пауперизации масс» как главной предпосылке нарастания революционного кризиса в имперской России.

Россия кануна Великой революции для отечественной историографии, таким образом, – тема традиционная, но в связи со 100-летней годовщиной событий 1917 г. открывающая множество новых граней. И надо признать, что исследование многообразной политической, социальной, экономической, интеллектуальной жизни России эпохи «великих потрясений» остается актуальной задачей историков.

В зарубежной историографии поворот к осмыслению российской революции в контексте Первой мировой войны произошел в 1960-е гг. на фоне осмысления опыта Второй мировой. Если в первые послевоенные десятилетия исто-

на Т.И. Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012.

¹ Политические партии и общество в России 1914–1917 гг. Сборник статей и документов. М., 2000; Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

² *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Комарова Т.С.* Тем, кто в забвенье брошен был судьбой. Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007; *Еремин И.А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 г.). Барнаул, 2010; *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; *Михайлов А.А.* Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков, 2012; и др.

³ *Пушкарева И.М.* Февральская революция 1917 года в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке: Реформы и революция. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 245–246.

⁴ *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 669; *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 80.

рики здесь разрабатывали преимущественно политические, дипломатические и военно-стратегические аспекты истории Первой мировой войны (в том числе вопрос о ее виновниках¹), то позже доминирующими направлениями стали социальная и экономическая история, а одной из центральных проблем – взаимосвязь и взаимообусловленность войны и революционных событий в России, Германии, Австро-Венгрии и Турции. На рубеже же 1980-х – 1990-х гг. начался третий, современный, этап развития историографии войны и революции, ведущим направлением которого явилась т. н. культурная история. Одна из видимых причин такого сдвига – разочарование в марксизме с его преимущественным интересом к социально-экономической сфере². Общей тенденцией стал переход от национально замкнутой историографии к глобальному взаимодействию историков на фоне укрепления позиций англо-американских исследователей³.

В рамках каждого из выделенных этапов преобладала собственная исследовательская парадигма. На первом таковой стала модель «война армий», согласно которой мировой конфликт 1914–1918 гг. рассматривался как логическое продолжение и завершение «долгого» XIX в. В ходе второго этапа война изучалась уже скорее как конфликт между обществами («война наций»). В результате западногерманская, французская и отчасти американская историографии совершили дрейф от военно-политической тематики к ревизии политической истории войны, а затем – к структурной и социальной истории. Это позволило значительно расширить предмет исследования, проследить, как повлияли на исход боевых действий социально-экономические процессы в странах-участницах войны, раскрыть взаимосвязь между войной и последовавшими в ряде стран революциями. В настоящее время преобладающим направлением является изучение «человека на войне». Нынешнее поколение ученых, с его особым интересом к культурной и микроистории, истории повседневности, исследует «войну солдат», «войну жертв», что во многом обусловлено попытками осмыслить трагическую историю XX в. в целом, проследить взаимосвязь между Первой мировой войной и возникновением тоталитарных режимов⁴.

¹ Подробнее об этом см.: *Neilson K.* 1914: The German War? // *European History Quarterly*. 2014. July; *Петров Ю.А., Павлов Д.Б.* Первая мировая война: кто виноват? (историографический этюд) // *Российская история*. 2014. № 5. Впрочем, до сих пор встречаются попытки так или иначе обелить германский милитаризм, выставив виновниками все политические элиты, «лунатически» приведшие Европу к войне: *Clark C.* The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. L., 2012. В связи со 100-летием начала войны появились и явно политизированные сочинения с обвинениями России в развязывании мирового конфликта: *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge (Mass.), 2011.

² См.: *Winter J., Prost A.* The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2005.

³ См.: *Большакова О.* Долгое возвращение в Европу: изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история*. 2014. № 5. С. 26–35; *Нагорная О., Нарский И.* Програнная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Там же. С. 13–26.

⁴ *Kramer A.* Recent Historiography of the First World War // *Journal of Modern European History*. Vol. 12. 2014. № 1. P. 5–26; № 2. P. 155–174; Первая мировая война. Современная историография. Сборник обзоров и рефератов / отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М., 2014.

Тема «Россия в Первой мировой войне» в западной историографии традиционно относится к числу маргинальных. Работы в англо-американской русистике, специально посвященные положению в России в период войны и кануна революции, стали появляться лишь в 1970-е гг.¹ В последние два десятилетия особый интерес исследователей вызывают как раз экономические, социальные и политические процессы в российском тылу².

Одной из основных тенденций современной западной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция воспринимается как часть системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с прекращением Гражданской войны. Американский историк П. Холквист в книге с примечательным названием «Революция ковалась в войне: непрерывный кризис в России 1914–1921 гг.»³ выдвигает тезис о том, что русскую революцию следует рассматривать в контексте общеевропейского кризиса 1914–1921 гг., учитывая серьезные институциональные, политические и идеологические изменения, которые произошли в стране в годы войны. Таким образом, поворотным пунктом в истории России Холквист считает не 1917, а 1914 год.

В исследованиях последних лет отсутствует распространенный ранее жесткий детерминизм по формуле «революция есть прямое следствие неудачной войны». В «Кембриджской истории России», написанной главным образом ведущими представителями западной русистики, подчеркивается, что основной причиной военных поражений России в 1914–1915 гг. чаще была не нехватка снарядов или плохая работа транспорта, а «человеческий фактор» – промахи в командовании. Тем не менее, несмотря на все тяготы войны, к началу 1917 г. военно-стратегическое положение России благодаря мобилизации тыла улучшилось, и ее поражение далеко не было предопределено⁴.

Большое внимание уделяется проблемам экономического положения России. Британский исследователь П. Гэтрелл в книге «Россия в Первой мировой войне: социальная и экономическая история»⁵ подвел итоги изучения этих вопросов в зарубежной русистике. Автор подчеркивает, что за годы войны Россия, несмотря на относительное техническое отставание от ведущих экономик Запада, сделала качественный рывок в производстве вооружений. Прогресс России в выпуске во-

¹ См., например: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. L.; Basingstoke, 1977; *Lieven D.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983; *Siegelbaum L.H.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914–1917: A study of the War-industries Committees. N.Y., 1983; *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. N.Y., 1986.

² См.: *Макаров Н.В.* Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Российская история. 2014. № 5. С. 36–49.

³ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

⁴ См.: *The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917* / ed. by D. Lieven. Cambridge, 2006. P. 659, 662.

⁵ *Gatrell P.* Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005.

енной продукции отмечают и другие исследователи¹. Однако подобные успехи были достигнуты ценой свертывания гражданского производства.

В целом в зарубежной русистике последних лет проделана значительная работа по изучению истории Российской империи в годы Мировой войны. Наполняется новым фактами рассмотрение таких тем, как степень готовности России к войне, социально-экономическое положение и внутренняя политика последних лет империи, «цена» участия России в войне в связи с революцией 1917 г.² Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные проблемы, как межнациональные отношения и политика правящего режима по национальному вопросу, морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «вражеским подданным», беженцам и жертвам войны³. Появляются исследования, затрагивающие важную проблему исторической памяти россиян о Первой мировой войне⁴.

Особенностью современного историографического этапа следует признать расширение международного сотрудничества, в т. ч. проведение совместных научных конференций⁵ и издание на русском языке исследований зарубежных авторов⁶. Впечатляющим совместным трудом российских и зарубежных ученых стал «Критический словарь Русской революции: 1914–1921»⁷, первое издание которого вышло на английском языке в 1997 г. Важно отметить, что авторы словаря указывают на тревожные тенденции роста популярности конспирологических версий для объяснения причин революции.

Сотрудничество не исключает острых научных дискуссий и споров – отечественные ученые разделяют отнюдь не все западные интерпретации российской истории. Это касается и проблем участия России в Мировой войне в целом, и истолкования экономических, социальных и политических процессов в стране в канун Великой революции.

¹ См., например: *The Cambridge history of Russia*. Vol. II. P. 661.

² *Lieven D. Nicholas II: Emperor of all the Russians*. London, 1993; *Lincoln W.B.* Op. cit; *Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. L., 1996; *Wade R. The Russian Revolution, 1917*. Cambridge, 2000.

³ *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007. На русском языке было опубликовано авторское резюме монографии: *Бэдкок С. Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история*. 2007. № 4. С. 103–112; *Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I*. Bloomington, 1999.

⁴ *Petrone K. The Great War in Russian Memory*. Bloomington, 2011.

⁵ Первая мировая война: взгляд через столетие. Материалы международной конференции «Первая мировая война и современный мир» (Москва, 26–27 мая 2010 г.). М., 2011; Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918: материалы международной научной конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М., 2014.

⁶ См.: *Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М., 2007; *Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России*. М., 2009; *Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны*. М., 2012.

⁷ *Критический словарь Русской революции: 1914–1921* / сост. Э. Акстон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014.

Уместно будет, используя накопленный в историографии материал, сопоставить некоторые процессы, характерные для предреволюционной и революционной России, с аналогичными процессами в других воюющих странах. Разумеется, у каждой страны есть собственная неповторимая история, однако в периоды глобальных катастроф, охватывающих целые континенты, участники этих событий испытывают схожие проблемы и пытаются разрешить их сходными способами. Уникальность российского исторического пути обычно подчеркивалась историками в связи с тем, что события Первой мировой войны рассматриваются ими только как часть национальной истории России, а аналогичные процессы в других воюющих странах, не приведшие к столь же драматичным результатам, часто не принимались во внимание.

Что касается экономического положения, то, как свидетельствует современная зарубежная и отечественная историография, серьезных испытаний не удалось избежать ни одной из стран-участниц. А. Креймер, в частности, подчеркивает, что от войны в той или иной степени пострадали «почти все воюющие страны», и, к примеру, в Италии вызванное войной превышение уровня смертности «было на 50 % выше, чем в Германии»¹. Показатели России на этом фоне не выглядят безнадёжными. Сокращение внутреннего валового продукта на душу населения за 1914–1917 гг. в России составило около 18 %, тогда как в Германии – свыше 20 %, а в Австро-Венгрии – более 30 %². Военные противники, таким образом, испытали больший экономический спад, чем Россия. Аналогичными были и его причины, связанные с милитаризацией экономики и свертыванием рыночных механизмов снабжения населения.

Российская империя, как и ее союзники по Антанте, вступила в войну неподготовленной к продолжительным и широкомасштабным боевым действиям, но в целом сумела справиться с задачей мобилизации экономики. Промышленность Германии, Франции и Италии испытывала не меньшие трудности, чем российская, вследствие потери значительной части квалифицированных рабочих, мобилизованных в армию³. Выход во всех странах виделся в мобилизации экономики на нужды войны. Военные структуры существенно расширили административный контроль над всеми сферами общественной жизни. Россия в этом смысле не была исключением. Несмотря на техническое отставание от ведущих экономик Запада, за годы войны она сделала качественный рывок в производстве вооружений⁴. Правда, созданная в империи система военно-регулирующих органов (Особые совещания) едва ли не с самого начала функционирования стала давать организационные сбои, что обуславливалось недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности, несовпадением ведомственных интересов, усугубленным министерскими амбициями. Так, из-за опасений социального

¹ *Kramer A.* Blockade and Economic Warfare // *The Cambridge History of the First World War* / ed. by J. Winter. Vol. 2. Cambridge, 2014. P. 460–489.

² *Markevich A., Harrison M.* Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928 // *The Journal of Economic History*. Vol. 71. 2011. № 3. P. 672–703. См. также расширенную русскую версию: *Маркевич А., Харрисон М.* Указ. соч.

³ *Gatrell P.* Russia's First World War...

⁴ См.: *The Cambridge history of Russia*. Vol. II. P. 661.

взрыва не были своевременно законодательно закреплены меры по милитаризации промышленности и труда, что было осуществлено в других воюющих странах.

Тем не менее России удалось значительно увеличить производительность казенных военных заводов за счет расширения и модернизации, привлечь широкий круг частных предприятий и заключить соглашения на поставку необходимой продукции союзниками и зарубежными торговыми партнерами. В организации военного производства Россия добилась успехов, удачно используя опыт воюющих держав в создании военно-промышленных объединений на основе кооперации крупных, средних и мелких предприятий, в создании основ новых отраслей промышленности (химическая, авиационная, автомобильная, средства связи и т. п.). Однако эти успехи были достигнуты ценой свертывания гражданского производства. Ряд отраслей, обеспечивавших потребности частного рынка, городского и сельского населения, в годы войны стагнировали и даже деградировали. К 1917 г. промышленное производство в стране в целом составляло 62 % от предвоенного уровня. Подобная неизбежная плата за милитаризацию экономики была характерна для всех стран-участниц мирового конфликта.

Война дала мощный импульс этатистским тенденциям во всех воюющих странах. Расширился и укрепился государственный сектор экономики, значительная доля частной промышленности оказалась мобилизованной, частное предпринимательство, взаимоотношения труда и капитала оказались в той или иной мере ограничены законодательством и нормативами военного времени. На Западе подобные процессы подготовили почву для активного регулирования государством экономики в послевоенный период, особенно во время финансово-промышленных кризисов 1920-х – 1930-х гг., получив обоснование в экономической концепции кейнсианства.

В России 1914–1917 гг. все эти явления также имели место, тем более что здесь государственное хозяйство и ранее играло в экономической жизни страны огромную роль (казенные заводы, железные дороги и т. п.). Однако на Западе военно-экономическое регулирование проводилось по соглашению с предпринимательскими и рабочими организациями, опиралось на традиции, нормы, сформировавшуюся культуру взаимоотношений труда и капитала. В России же, несмотря на призывы общественных организаций к правительству признать роль рабочих организаций и попытаться привлечь их к общему делу, отношение государства к профсоюзам не изменилось. Более того, сохранялось и негативное в целом отношение власти к деловым кругам и общественной инициативе. Имперское государство с недоверием и опаской относилось к им же санкционированной системе военно-регулирующих органов, рассматривая их прежде всего как уступку предпринимателям и «общественности». После Февральской революции новое поколение либеральных политиков попыталось наладить сотрудничество с «организованным трудом», но было уже поздно. В то время как Германия достигла компромисса между трудом и капиталом, в России все закончилось установлением контроля над предприятиями со стороны фабрично-заводских комитетов.

Общей для всех воюющих стран являлась и проблема обеспечения населения продовольствием. Мобилизация в армию миллионов мужчин повсюду негативно повлияла на экономическое положение сельского хозяйства. Великобритания и Франция сумели предотвратить потенциальный продовольственный кризис отчасти за счет наращивания поставок из США, а также создания стимулов для

собственных производителей, побудив их расширить посевные площади и, соответственно, увеличить поставки сельскохозяйственной продукции¹.

Германия же и Россия не смогли избежать продовольственных затруднений. Причем в России, в отличие от ее главного военного противника, несмотря на снижение урожайности, продовольственных ресурсов было достаточно, поскольку в годы войны прекратился хлебный экспорт из страны. Посевы 1916 г. были лишь на 5 % ниже, чем в 1909–1913 гг., а урожайность в сравнении с 1914 г. упала всего на 10 %. Однако расстройство транспортной системы страны затрудняло доставку уже заготовленного хлеба в районы потребления. При этом царское правительство пыталось преодолеть дефицит продовольствия путем ограничения частной торговли и замены ее государственным и общественным распределением зерна. Власть старалась свести к минимуму рыночные механизмы и заменить их административными мерами, тем самым навлекая на себя недовольство населения и провоцируя революцию, но из-за опасений социального взрыва не решилась применить систему жесткого нормирования распределения продовольствия (в форме карточек). В итоге неспособность правительства скоординировать работу своего продовольственного аппарата на местах стала важной причиной политического кризиса. Германское правительство, напротив, ввело карточное нормирование продовольственного обеспечения. Это вызвало серьезное недовольство населения и, безусловно, привело к временному росту социальной напряженности. Однако отказ Российской империи от такой политики в итоге обернулся катастрофой². Продовольственный кризис зимы 1916/1917 г. послужил благоприятной почвой для массовых протестных движений, которые завершились Февральской революцией.

На общеевропейском фоне Россия выделялась беспрецедентными масштабами вынужденных перемещений населения, что являлось признаком нового, тотального характера войны. Основной миграционный поток составили беженцы из прифронтовой полосы. Значительная их часть, лишившись имущества, работы, двигалась на восток и оседала в тылу. Конечно, подобная проблема вставала и перед другими странами, часть территории которых была оккупирована вражескими войсками. Тем не менее нигде проблема беженцев не превратилась в такой грозный вызов, как в России, и, надо сказать, с проблемой вынужденных мигрантов в целом удалось справиться³.

Положение российских финансов до Февраля 1917 г. оставалось стабильным. При этом все воюющие страны Европы прибегли примерно к одинаковым мерам финансового регулирования (отмена золотого стандарта, усиленная денежная эмиссия, выпуск внутренних и внешних займов и др.). Путем крайнего напряжения сил народа покрытие военных расходов России обеспечивалось главным образом за счет внутренних ресурсов: к середине 1917 г. на нужды войны было израсходовано около 35 млрд руб., из них 7,5 млрд, или около 20 %, получено из внешних источников (по военным кредитам союзников), а остальные 27,5 млрд руб. – из внутренних. Количество бумажных денег (кредитных билетов) в обра-

¹ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 267–268.

² *Ibid.* P. 157–158, 160–164.

³ *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны... С. 187–259.

щении с 1,6 млрд руб. в канун войны выросло к началу 1917 г. до 9,1 млрд руб., т. е. в 5,6 раза. Реальная покупательная способность рубля к 1917 г. упала вчетверо – до 27 коп. к довоенному уровню. Вместе с тем вплоть до Февральской революции в массе населения сохранялось доверие к бумажным деньгам, что сдерживало рост цен и темпы инфляции¹.

Финансовая катастрофа разразилась после Февраля 1917 г. Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9,5 млрд руб., больше, чем за предыдущие 2,5 года войны. Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесценением рубля, покупательная способность которого к октябрю 1917 г. упала до 6–7 коп. от довоенного уровня. Мероприятия же советского правительства (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование прежних госзаймов и проч.) еще более углубили финансовый кризис, из которого Россия сумела выйти лишь после Гражданской войны².

Что касается социально-политической ситуации военных лет, то точек соприкосновения, взаимного доверия между государственными структурами и «образованным обществом» в России было явно недостаточно. В то же время не стоит преувеличивать, а тем более абсолютизировать противоречия между правительством и обществом. В деле помощи фронту земствам, органам городского самоуправления и общественным организациям удалось наладить с властью по-настоящему конструктивный диалог. В условиях резкой критики действий правительства легитимность муниципальных структур и общественных организаций, поддержка их общественным мнением существенно возрастала. Однако эти структуры не смогли нарастить свой политический капитал до такой степени, чтобы бросить вызов режиму. Поэтому, по выражению П. Гэтрелла, «они скорее явились бенефициарами кризиса царской власти зимой 1916–1917 г., чем его инициаторами или подстрекателями»³.

Итак, экономические тяготы войны испытали на себе практически все европейские страны. Экономический фактор нельзя поэтому считать достаточным для объяснения того, почему именно в России в ходе войны произошла революция (в других странах существенно позже, в основном после завершения боевых действий). Противники России понесли военные потери и испытали экономический спад и дефицит продовольствия по крайней мере не меньший, чем она сама. На вопрос о происхождении российской революции 1917 г. и Гражданской войны нельзя ответить без обращения к историческим факторам, характерным именно для России. Очевидно, что в основе революции лежали не только глобальные экономические факторы, но и ухудшение условий жизни населения, падение морально-этических норм и др.

Вместе с тем экономический фактор играл в нарастании социального конфликта в России весьма важную роль, причем и до Февральской революции, и еще более при Временном правительстве. За 1914–1917 гг. значительно ухудшились

¹ Подробнее см.: *Петров Ю.А.* Финансовое положение до февраля 1917 г. // *Россия в годы Первой мировой войны...* С. 379–398.

² *Петров Ю.А.* На пути к финансовой катастрофе // Там же. С. 813–819.

³ *Gatrell P.* Russia's First World War... P. 55.

качество питания жителей тыла и, соответственно, состояние их здоровья и социальные настроения. Трудности военного быта стали благоприятной почвой для массовых протестных движений, в итоге завершившихся революцией. Тем не менее, как справедливо отмечает Б.И. Колоницкий, нарастание кризиса еще не вело фатально к революционному взрыву. Толчком к последнему явилась та «взрывчатая смесь воинствующего национализма, ксенофобии и шпиономании», которая получила «необычайное широкое распространение в специфических условиях военного времени»¹.

В мирное время Российская империя, несмотря на многообразие, разнонаправленность и масштабность характерных для нее социальных конфликтов, способна была их «переварить». Однако в экстремальных условиях войны это стало невозможным. В сознании российских рабочих и крестьян в 1917 г. желание покончить с войной соединилось со стремлением сокрушить государственную машину и уничтожить систему частнособственнических отношений. Для объяснения причин Великой российской революции недостаточно «простых» конспирологических ответов, и, возможно, мы все еще далеки от ответа на вопрос, как именно сработал ее пусковой механизм.

Так или иначе, если практически повсеместно в Западной Европе завершение войны означало наступление эры реформ, то перед Россией открылась совершенно иная перспектива. Революционный выход из войны на долгие десятилетия предопределил ее развитие.

Глава 2. СТО ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (В.В. Тихонов, С.В. Журавлев)

2.1. Революция 1917 г. в отечественной историографии

Проблема истории революций занимала в советской историографии центральное место. Согласно марксистской парадигме, революции являются локомотивами истории и обязательным условием перехода к новой, качественно более высокой формации. Но не только соображения теоретико-методологического порядка двигали советскими историками. Октябрь 1917 г. – это еще и начало советского государства, его рождение и становление. Внимание к революции 1917 г. не только было закономерно, но и необходимо для конструирования советской идентичности, построенной в том числе и на революционных идеалах².

¹ Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 572.

² Библиографические обзоры и указатели: Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917 – март 1918 г.). Указатель советской литературы, 1917–1964. М., 1967. Вып. 1–12; Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война. Указатель советской литературы, 1972–1976 / сост. К.К. Искольская, И.С. Урина. М., 1977; История исторической науки в СССР: Советский период: октябрь 1917–

В советское время жанр историографических обзоров, посвященных различным аспектам истории революции, преимущественно событиям октября 1917 г., приобрел самостоятельное значение. И дело было не только в необходимости для исследователей оглянуться назад и осмыслить достижения и недоработки своих предшественников или оценить сложившуюся историографическую ситуацию. В советской исторической науке историографическое исследование рассматривалось не только в академическом ключе, но и как инструмент борьбы за утверждение «правильной» марксистской концепции прошлого, и как способ построения нового, революционного исторического знания. В конечном итоге как элемент социального конструирования, где знание играет не меньшую роль, чем другие формы организации общества. В первую очередь это касалось историографии революции в силу особого, едва ли не «сакрального» характера этой темы, которая была в большей мере подвергнута индоктринации, чем изучение других проблем отечественной истории.

Этос советской «воинственной науки»¹ требовал бескомпромиссного развенчания традиций «объективистского» знания, а также борьбы с враждебной «буржуазной» наукой, в особенности с зарубежной. Это породило своеобразный историографический жанр «критика буржуазной историографии», особенно набравший силу после идеологических кампаний эпохи «позднего сталинизма». Учитывая ключевое значение Октябрьской революции для советской идеологии, защита именно этого события от «буржуазных фальсификаций» объявлялась приоритетной². Причем «критика», как правило, проводилась по традиционной схеме: труды западных ученых сравнивались с доминирующей (официозной) концепцией в советской историографии, а все несовпадения объявлялись «фальсификациями», исходя из априорного утверждения о более высоком уровне советской науки, базирующейся на передовом марксистском учении. Два потока литературы – советской (часто на библиографическом уровне) и критики буржуазной историографии – и составляли две стороны советской историографической традиции осмысления революции 1917 г.

1967 гг.: Библиография. М., 1980. С. 115–127; Великая Октябрьская революция и Гражданская война: К 70-летию Великого Октября. Указатель советской литературы. Ч. 1–2. М., 1987.

¹ *Кантес О.* «Воинственная наука»: проработка прошлого диктатур в германских и российских историографиях второй половины XX века. М., 2015. С. 62–65.

² *Иоффе Г.З.* Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; *Игрицкий Ю.И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории (Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1974; *Жарков М.Г.* Против буржуазной фальсификации истории Октября. Минск, 1975; *Наумов Н.В.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской историографии. М., 1975; *Романовский Н.В., Игрицкий Ю.И.* Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; *Романовский Н.В., Марушкин Б.И., Иоффе Г.З.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; *Салов В.И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Соболев Г.Л.* Октябрьская революция в американской историографии. 1917 – 1970-е годы. М., 1979; *Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций.* М., 1983; и др.

К началу 1980-х гг. были предприняты попытки систематизации и периодизации отечественной традиции изучения Октябрьской революции. Е.Н. Городецкий, в частности, выделял следующие периоды: 1) 1917 – середина 1930-х гг.; 2) середина 1930-х – 1967 г., который распадался на два этапа (середина 1930-х – середина 1950-х и середина 1950-х – 1967 г.)¹ Историограф признавал противоречивость развития советской историографии темы на первом этапе и негативное влияние на ее изучение «культы личности».

Постсоветская литература предлагает скорректированную периодизацию. Выделяются 1920-е гг. (время «историографического нэпа»); 1930-е гг. рассматриваются как период утверждения «сталинского догматизма», венцом которого стал «Краткий курс истории ВКП(б)». Данный период завершается развенчанием «культы личности» в середине 1950-х гг., далее «оттепель» (до конца 1960-х гг.), которая прошла под знаменем «возвращения» к ленинской трактовке истории революции, а основным ее содержанием стала деятельность историков т. н. нового направления. «Брежневский» период ознаменовался разгромом «нового направления» и тенденциями «консервации» исторической мысли. «Перестройка» рассматривается как время отхода от догматизма и начала переосмысления истории революции 1917 года; наконец, новый, современный период начинается с 1990-х гг.² В принципе данная периодизация совпадает с развитием отечественной исторической науки в целом; тем не менее требуются определенные уточнения.

Предлагаемая периодизация изучения революции 1917 года включает следующие этапы. Первый (1917–1931) распадается на два периода. В 1917–1924 гг. публикуется много работ В.И. Ленина, посвященных революции, которые приобретают огромное значение в связи с особым статусом текстов Ленина в формировании и развитии советской историографии. Эти годы характеризуются относительной исследовательской свободой и острой политической борьбой вокруг оценки революции. В 1920 г. по инициативе «старых большевиков» запускается масштабный историко-документальный проект «Истпарт», построенный по принципу инициативного документирования. Для этого были созданы комиссии по сборанию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и стоявшей у ее руля партии большевиков. Завершается первый период полемикой вокруг книги Л.Д. Троцкого «Уроки Октября», в связи с выходом которой зазвучали призывы утвердить «верную» интерпретацию истории революции.

Следующий период (1924–1931) отмечен борьбой советских историков, с одной стороны, с концепцией революции Л.Д. Троцкого и со взглядами на нее историков-эмигрантов (в первую очередь П.Н. Милокова), с другой. Центральной фигурой в утверждении официальной версии истории революции становится М.Н. Покровский. Появляется первый коллективный труд об Октябрьской революции³. Завершается период публикацией письма И.В. Сталина в редакцию

¹ Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. М., 1981; *Он же*. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. С. 5.

² Булдаков В.П. Красная смута. С. 590.

³ Очерки по истории Октябрьской революции / под ред. М.Н. Покровского. Т. 1–2. М.; Л., 1927–1928.

журнала «Пролетарская революция», прекратившей дискуссии по истории партии¹.

Основным содержанием этапа 1931 – середины 1950-х гг. является формирование и развитие «сталинской» концепции истории революции. Главной институциональной основой ее утверждения являлась созданная в 1931 г. Главная редакция «Истории Гражданской войны». В законченном виде сталинская концепция революции была воплощена в «Истории ВКП(б). Краткий курс» (1938). Завершается период возвращением к ленинскому теоретическому наследию, что отчасти означало возврат к трактовкам революции периода 1920-х гг.

Историографическая «оттепель» (середина 1950-х – начало 1970-х гг.) характеризуется отказом от упрощенных трактовок в духе «Краткого курса», попытками «нового прочтения» ленинского наследия. Пересмотр сталинской концепции истории под флагом «возвращения к Ленину» начался в 1954–1955 гг., еще до XX съезда КПСС, а главным действующим лицом здесь был единственный на тот момент в ЦК партии образованный марксист Отто Куусинен, действовавший в союзе с Н.С. Хрущевым². Одновременно функционировали механизмы сдерживания историографических новаций. Самым ярким примером стала идеологическая проработка руководства журнала «Вопросы истории» в 1957 г.

1970-е – первая половина 1980-х гг. традиционно связываются с затуханием «оттепельных» импульсов и преобладанием консервативных тенденций в исторической науке. Между тем на примере изучения революции можно утверждать, что многие достижения «историографической оттепели» сохранились в научной среде. Поэтому представляется правомерным рассматривать это время как продолжение предыдущего этапа.

«Перестройка» (1985–1991) привела к динамичному изменению трактовок Октябрьской революции, в эти годы стала доступной западная и эмигрантская литература, был запущен процесс переосмысления всей советской истории, включая и ее ключевой момент – революцию. Наконец, на постсоветском этапе развития историографии (1990-е – 2000-е гг.) ранее приоритетная тематика революции 1917 г., как и истории большевистской партии, перестала быть популярной в научной среде. Фокус внимания исследователей сместился в сторону разоблачения коммунистического режима и его вождей, а также апологетики антибольшевистских сил. В последние годы историографическая ситуация стала меняться в направлении более сбалансированной оценки революционных событий.

2.2. Дискуссии о революции в советском научном и политическом дискурсе 1917–1930 гг.

1917–1924 гг. следует рассматривать как время становления отечественной историографии революции (сюда включается и историческая мысль Русского

¹ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма (Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция») // Пролетарская революция. 1931. № 6.

² См.: Журавлев С.В. «Кремлевский диссидент»: документы об Отто Куусинене в ЦК КПСС в середине 1950-х – начале 1960-х годов // Труды Института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 322–347.

зарубежья, которая с 1930-х г. стала восприниматься как часть западной историографии). Совершенно естественно, что главными проблемами, оказавшимися в центре внимания, стали причины неожиданного падения самодержавия и прихода к власти большевиков. От трактовки закономерности или случайности революции зависело решение вопроса о легитимности большевиков и права на власть. Эти темы волновали прежде всего авторов русского зарубежья, советскими же приход к власти большевиков воспринимался как закономерное и вполне легитимное явление.

Учитывая огромное значение ленинской концепции революции для дальнейшего развития советской историографии (что связывалось с освоением теоретического наследия Ленина), целесообразно обратиться к его идейному наследию, точнее, к его последующей интерпретации. У Ленина не было «догматичной» концепции революции, многие его взгляды с течением времени менялись, часть дореволюционных трактовок не выдержала испытания практикой и после 1917 г. была пересмотрена (этот естественный процесс признавался в советской историографии, называвшей его «творческим развитием В.И. Лениным теории революции»). Поэтому анализ освоения историографией ленинской концепции революции представляется чрезвычайно важной исследовательской задачей.

Фактически отношение историков к ленинскому наследию можно рассматривать как своеобразный индикатор состояния советской исторической науки. Например, в 1930-е – 1940-е гг. ленинское наследие оказалось оттеснено сталинскими указаниями и «Кратким курсом». В периоды поиска новых концептуальных решений и отказа от догматизма неизменно звучали лозунги возврата к Ленину и его идеям.

Итак, ленинская концепция революции 1917 года, воспринятая советской историографией, включала следующие компоненты. Во-первых, объективный и неизбежный характер революции. Во-вторых, Февральская революция, буржуазная по сути, рассматривалась как революция пролетариата, крестьянства и буржуазии против царизма. В то же время Февральская революция, по сути, резко противопоставлялась Октябрьской. В-третьих, двоевластие как основное содержание постфевральского политического процесса. В-четвертых, кризисы власти как этапы на пути к Октябрьской революции. В-пятых, союз рабочих и крестьян как залог «триумфального шествия советской власти» (октябрь 1917 – середина февраля 1918 г.). В-шестых, кадеты как «штаб контрреволюции», с которым смыкались другие политические силы¹.

Данные положения стали концептуальной основой трактовки революции для нескольких поколений советских историков. Иначе, чем Ленин, события 1917 г. оценивали его политические оппоненты. Заметным событием стала публикация книги известного историка меньшевика Н.А. Рожкова «Октябрьский переворот. Факты и документы» (Пг., 1918), где движущей силой революционного процесса в стране были названы солдаты. При этом отстаивался тезис о буржуазном характере Октябрьского переворота². Либеральный взгляд на события 1917 г. пред-

¹ См.: *Городецкий Е.Н.* Советская историография Великого Октября... С. 40–114; *Овсянников А.А.* Эпоха в советской исторической науке: В.И. Ленин // *Историческая наука России в XX веке.* М., 1997. С. 61, 67–70.

² Подробнее о взглядах Н.А. Рожкова на революцию 1917 года см.: *Волбуев О.В.* Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М., 2012. С. 85–106.

ложил лидер кадетов П.Н. Милюков, выпустивший за рубежом «Историю второй русской революции» (София, 1921. Т. 1).

Большой политический резонанс вызвала публикация брошюры Л.Д. Троцкого «Уроки Октября» (М., 1924). Ее появление было связано как с начавшейся внутрипартийной борьбой за политическое наследие Ленина, так и с дискуссиями о дальнейшей судьбе большевистской революции. Троцкий подчеркивал амбивалентную роль мировой войны, которая, с одной стороны, прервала развертывание революционного движения, начавшегося как раз накануне, но, с другой, стала стимулом к его активизации в дальнейшем.

Пожалуй, два положения Троцкого вызвали особое неприятие партийно-государственной верхушки СССР. Во-первых, утверждение о том, что партия большевиков в 1917 г. не отличалась единством взглядов и действий. При этом Троцкий подчеркивал свою особую позицию и личную роль в победе большевиков. И, во-вторых, прозвучавший тезис о необходимости мировой революции. Первое напоминало о расколе партии и неприятии частью ее членов ленинской стратегии и тактики, а, следовательно, и невозможности рассматривать верхушку партии в качестве верных ленинцев (естественно, в этой роли Троцкий видел себя), а второе противоречило концепции построения социализма в отдельно взятой стране, ставшей официальной доктриной СССР после 1925 г.

Пленум ЦК РКП(б) в резолюции от 17–20 января 1925 г. постановил, что Троцкий выступил «против основ большевистского мировоззрения». Его обвинили в том, что он «самую историю Октября “излагает” так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого Троцкого по формуле “герои и толпа”»¹.

Появление книг П.Н. Милюкова и Л.Д. Троцкого, при всей непохожести их авторов, стало поворотными событием в развитии советской историографии. Дело в том, что были сформулированы концепции, противостоявшие нарождавшейся официальной схеме. Именно они стимулировали разработку единой концепции Октябрьской революции в преддверии 10-летнего ее юбилея. Таким образом был сформирован образ «историографических врагов», ставших главной мишенью в конструировании «правильного» взгляда.

Главным действующим лицом нового этапа в развитии советской историографии революции становится М.Н. Покровский и его ученики по Институту красной профессуры (ИКП). Их задача была предельно ясной – разгромить конструкции Л.Д. Троцкого и П.Н. Милюкова и построить на их руинах официальную советскую историю революции².

С первой задачей М.Н. Покровский справился вполне успешно. Статьи, написанные в свойственном ему язвительном стиле и направленные против работ Милюкова, которого главный историк-марксист ловил на противоречиях, обвинял в сознательной фальсификации фактов, наконец демонстрировал классо-

¹ Цит. по: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. М., 1966. С. 445.

² Вышедшая ранее книга С.А. Пионтковского «Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход» (М.; Пг., 1923; 3-е изд. Л., 1926) не соответствовала лозунгам построения социализма в отдельно взятой стране из-за сомнений автора в зрелости России для социалистической революции.

вую ограниченность историка-кадета¹, считались достойным ответом. Не менее эффектно Покровский справился с разоблачением Троцкого. Он показал тесную связь его общей теории российской истории с наследием буржуазной историографии, и, что особенно выглядело одиозно, с П.Н. Милюковым². В дискуссии вокруг книги «Уроки Октября» Покровский занял решительную антитроцкистскую позицию³.

Со второй задачей было сложнее. В 1924 г. вышел курс лекций Покровского, посвященный истории революционного движения в России. В нем прозвучали заявления, явно не вписывающиеся в актуальную политическую ситуацию. Во-первых, была сформулирована концепция двух заговоров: царизма, стремившегося к сепаратному миру и выходу из войны, и военных, в союзе с либеральными кругами надевавшихся благодаря смене царя победоносно завершить войну⁴. Во-вторых, уже Февральская революция была объявлена Покровским социалистической. Пожалуй, основную критику вызвало утверждение Покровского не о национальном, а о международном характере революции⁵, что опять-таки противоречило стремлению к «национализации» революции в рамках идеологии построения социализма в отдельно взятой стране.

Не менее «сомнительно» Покровский повел себя и в ходе дискуссии середины 1920-х гг. между «национализаторами» и «денационализаторами», напрямую касавшейся вопроса о причинах революции в России. Группа историков, в которую входили Н.Н. Ванаг, С.Л. Ронин, Л.Н. Крицман и др., утверждала, что российская экономика накануне мировой войны находилась в полной финансовой зависимости от иностранного капитала. Исходя из этого, делался вывод о полукOLONIALном положении России, слабом уровне развития капитализма. Такое утверждение могло привести к далеко идущему выводу, что социалистическая революция в отсталой стране невозможна. В противовес «денационализаторам» такие историки, как А.Л. Сидоров, Е.Л. Грановский, И.Ф. Гиндин и ряд других, встали на точку зрения, что в России сложилась в целом самостоятельная система монополистического капитализма⁶. Покровский решительно занял сторону «денационализаторов».

На этом фоне проходила подготовка первых коллективных трудов по истории Октябрьской революции, приуроченных к 10-летию юбилею в 1927 г. и призванных стать ориентиром в создании революционного исторического нарратива. В конце 1926 г. Агитпроп ЦК поручил группе историков, в которую входили Е.М. Ярославский, А.М. Панкратова, Н.Н. Попов, А.С. Бубнов, С.М. Дубровский и Я.А. Яковлев, написать серию монографий об Октябрьской революции.

¹ Покровский М.Н. Противоречия г. Милюкова // Красная новь. 1921. № 2. С. 284–300.

² Подробнее о дискуссии см.: Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: О дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 200–216.

³ См. его статьи в сб.: Октябрьская революция. М., 1929.

⁴ Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. С. 182–183.

⁵ Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX – XX вв. М., 1924. С. 7.

⁶ О дискуссии см.: Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 11–52.

Проект фактически не был реализован, вышла только апологетическая книжка Е.М. Ярославского «Партия большевиков в 1917 году» (М.; Л., 1927).

Под руководством М.Н. Покровского в Институте красной профессуры работал семинар, на котором зачитывались и обсуждались доклады, посвященные 1917 г.¹ Именно благодаря работе этого семинара и появилось двухтомное издание «Очерки по истории Октябрьской революции» (М.; Л., 1927–1928), подготовленное А.Л. Сидоровым, К.Ф. Сидоровым, Д.А. Баевским, Э.Б. Генкиной, М.С. Юговым, О.А. Лидак, Н.Л. Рубинштейном. Несмотря на попытку на новом уровне рассмотреть ключевые проблемы кануна 1917 г., издание не получилось монолитным: с концептуальной точки зрения Покровский, выступивший редактором, допускал различия во взглядах. Сильной стороной «Очерков» было привлечение многими авторами архивных документов.

Ключевыми в издании следует признать очерки, написанные А.Л. Сидоровым, Э.Б. Генкиной и Н.Л. Рубинштейном. А.Л. Сидоров развивал идею о национальном характере российского капитализма, что противоречило взглядам Покровского, о чем тот прямо писал во введении. Но при этом Сидоров поддерживал концепцию своего учителя о «двух империализмах» в России: он выделял «капиталистический империализм» и «военно-феодальный». Таким образом, пусть и с оговорками, доказывалась готовность России к социалистической революции.

Э.Б. Генкиной во втором томе принадлежал очерк о Февральской революции. Вне автор солидаризировалась с концепцией «двух заговоров» М.Н. Покровского. Подчеркивалась роль пролетариата как гегемона революции. Но при этом Генкина указывала на стихийность его действий, что прямо противоречило тезису об организующей роли большевиков. Наконец, очерк Н.Л. Рубинштейна был посвящен внешней политике Временного правительства. Автор подчеркивал его растущую зависимость от союзников по Антанте, Англии и Франции. При этом Рубинштейн обращал внимание на стремление Временного правительства ослабить влияние Англии при помощи сближения с США.

Итак, «Очерки» не дали целостной концепции революции. Важно подчеркнуть, что изданные тома касались кануна революции, а истории событий собственно октября 1917 г. должен был быть посвящен третий том, который так и не увидел свет. Причина заключалась в том, что из первых томов складывалось закономерное впечатление о стихийности революционного процесса, что противоречило утверждению об организующей и руководящей роли большевиков в 1917 г. Аналогичные проблемы были обнаружены в четвертом томе «Истории ВКП(б)» (М., 1933; авторы И.И. Минц, Д.Я. Кин, В.Н. Рахметов, Н.Л. Рубинштейн) под редакцией Ем. Ярославского. Издание критиковали за преувеличение стихийности революции.

Помимо концептуальных баталий вокруг революции эпоха становления советской историографии стала временем реализации грандиозного историко-документального проекта по инициативному документированию истории партии и революции. Понимая, что создание собственной версии истории является неотъемлемым компонентом политической легитимации, лидеры большевиков

¹ Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. С. 264–267.

(особую роль в этом сыграли В.И. Ленин, М.С. Ольминский, В.В. Адоратский и М.Н. Покровский) инициировали создание Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт). Официально она была образована 25 сентября 1920 г., с 1921 г. – на правах отдела ЦК РКП(б), что подчеркивало особый научный и политический статус этой организации. Влияние Истпарта еще больше усилилось после того, как в 1922 г. при нем было создано Общество старых большевиков – наиболее деятельный актив истпартовских начинаний.

Создание Истпарта ЦК РКП(б), а также его влиятельного рупора – исторического журнала «Пролетарская революция» стало важным шагом на пути институционализации памяти о революции¹. При партийных органах на местах появились многочисленные отделения Истпарта, собиравшие и публиковавшие источники и исследования о революционной эпохе². С одной стороны, истпарты в 1920-е гг. провели огромную работу по сбору документов, воспоминаний и их изданию, а с другой, сыграли контролируемую и цензурирующую роль в изучении революции, поскольку именно эта структура давала разрешение на публикацию документов, связанных с историей партий³. Вместе с тем в изданиях Истпарта звучали разные точки зрения на события революции, допускались дискуссии, печатались воспоминания не только большевиков.

В 1920-е гг. на основе собранных Истпартом и других архивных материалов были подготовлены хроники революции. Крупнейшей из них стало шеститомное издание, составленное Н.Н. Авдеевым, В. Владимировой, К. Рябинским и И. Любимовой⁴. Свет увидела и развернутая хроника Февральской революции⁵. Эти же годы ознаменовались и серией добротных документальных публикаций. Среди них семитомник «Падение царского режима» (Л., 1924–1927), включающий стенограммы допросов членов царского правительства, проводившихся Чрезвычайной следственной комиссией, созданной Временным правительством.

Большой интерес представляет серия «1917 год в документах и материалах» (М.; Л., 1925–1931), включавшая 10 томов (11 книг) документов. Редакторами издания выступили А.Я. Яковлев и М.Н. Покровский. Часть томов были тематическими («Разложение армии в 1917 году», «Рабочее движение в 1917 году»,

¹ *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca-London, 2004. P. 97–125.

² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III. С. 214; *Алексеева Г.Д.* Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17–29; *Дряблова Е.Е.* Деятельность губернских истпартов в 1922–1929 годах. По материалам Иваново-Вознесенской, Костромской и Владимирской губерний. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003; *Калинкина Е.А.* Комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии на Южном Урале в 1920–1939 гг. Челябинск, 2009; *Селунская Е.А.* Деятельность Тверского губернского истпарта в 1922–1929 гг.: история и источники изучения. СПб., 2010.

³ *Зеленов М.В.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С. 182–238.

⁴ Революция 1917 года (Хроника событий). Т. I–VI. М.; Пг.; Л., 1923–1930.

⁵ *Заславский Д.О., Канторович В.А.* Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917. Февраль–май. Пг., 1924.

«Крестьянское движение в 1917 году», «Буржуазия накануне Февральской революции»), остальные включали протоколы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, стенограммы совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, протоколы Всероссийских съездов Советов, стенограммы Государственного совещания, стенографический отчет Всероссийского Учредительного собрания¹.

В 1920-е гг. получило распространение использование архивных документов, касающихся событий 1917 г., для борьбы с политическими оппонентами. Так, после дискуссий о книге Троцкого «Уроки Октября», когда в качестве аргументов против политических противников стало использоваться документальное наследие Ленина, вышло специальное постановление о запрете публикации ленинских документов без разрешения ЦК. В 1927 г., в разгар борьбы с «новой оппозицией», в журнале «Пролетарская революция» появилась подборка протоколов ЦК РСДРП(б) за сентябрь–октябрь 1917 г., в которых Ленин подвергал критике Каменева и Зиновьева². Таким образом, история революции неизбежно становилась в 1920-е гг. частью текущей политической борьбы.

Еще одной тенденцией 1920-х гг. стало постепенное ограничение доступа к документам по истории партии и революции. С учетом их политической значимости эти источники помещались на особое хранение. В 1920 г. в Государственном архиве РСФСР было создано специальное отделение для собирания и хранения документов Октябрьской революции, которое в 1923 г. было преобразовано в Архив Октябрьской революции (с 1925 г. Центральный архив Октябрьской революции). В инструкции 1926 г. указывалось: «Считать все документальные материалы Архива Октябрьской революции не подлежащими широкому оглашению»³.

Время относительно свободных дискуссий о событиях 1917 г. завершилось в 1931 г. Неудивительно, что первым шагом на пути ликвидации «крамолы многоголосья» в отношении трактовки событий 1917 г. стала публичная критика Сталиным в 1931 г. истпартовского журнала «Пролетарская революция», редакция которого состояла из ветеранов революционного движения⁴. В 1932 г. показательному осуждению был подвергнут четырехтомный труд старого большевика А.Г. Шляпникова «Семнадцатый год», сочетавший документальную хронику с личными воспоминаниями автора⁵. Причина заключалась как в прошлом автора, в

¹ Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября... С. 292–300.

² И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920-е – 1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920-е – 1930-е годы / сост. М.В. Зеленев. СПб., 2006. С. 24–25.

³ Савин В.А. Архивное наследие России. Государственный архивный фонд РСФСР: управление и коммуникации 1918–1941. М., 2009. С. 176–179.

⁴ См.: Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 84–102; Дунаевский В.А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1991. С. 284–297; Энтон Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149–155; И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920-е – 1950-е годы. С. 113–182; «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. В 2 ч. Ч. 1. М., 2014. С. 61–80; и др.

⁵ Шляпников А.Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1923–1928. Кн. 1–4.

свое время возглавлявшего «рабочую оппозицию» в партии, так и в неосторожном акценте издания на стихийности революции¹. С начала 1930-х гг. можно говорить о формировании новой, «сталинской», концепции истории, в которой событиям 1917 г. и последующей Гражданской войны отводилось центральное место.

2.3. Становление и развитие сталинской концепции революции (1930-е – середина 1950-х гг.)

В 1930-е гг. история играла важную роль в легитимации личной власти Сталина. Образ революции 1917 г. претерпел заметную трансформацию. В эпоху «социалистического наступления», когда страна жила в условиях «вражеского окружения», когда возрождалась милитаристская риторика и насаждались ассоциации с временами Гражданской войны («фронт индустриализации», «фронт социалистических преобразований в деревне» и проч.), события революции 1917 г. заняли «подчиненное» положение по отношению к истории Гражданской войны, вышедшей на первый план. В этой ситуации в 1930-е гг. ведущую роль в трактовке революционной эпохи стали играть уже не Истпарт и Общество старых большевиков, а специально созданная при личном участии И.В. Сталина Комиссия по истории Гражданской войны, рабочим органом которой стала Главная редакция, фактически руководимая И.И. Минцем².

Проект был начат по инициативе М. Горького 30 июля 1931 г., когда вышло Постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории Гражданской войны в СССР». В состав Главной редакции издания вошли Сталин, Горький, Молотов, Ворошилов, Киров, Бубнов и Гамарник. Предполагалось, что будет подготовлена 16-томная история, первый том издания посвящался Октябрьской революции, которая рассматривалась как своего рода «предыстория» Гражданской войны. В дальнейшем, по указанию Сталина, этот том был разделен на два. Первый, опубликованный в 1936 г.³, освещал период подготовки революции. В нем повторялась концепция «двух заговоров» накануне свержения самодержавия. Кадеты рассматривались как ведущая партия контрреволюции. Главной движущей силой революции объявлялся пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством. Подчеркивалось, что он сумел нейтрализовать крестьянского «средняка», которого представляла армия. По-новому оценивался корниловский мятеж. Если ранее его рассматривали лишь как эпизод классовой борьбы, то теперь он объявлялся попыткой буржуазии начать гражданскую войну. Тем самым снималась ответственность с большевиков. Подчеркивалось единство «правильной» части партии в курсе на вооруженное восстание, умалялась и негативно оценивалась роль Троцкого в 1917 г. Очень мало внимания уделялось Февральской революции.

¹ Булдаков В.П. Красная смута. С. 593.

² Историю проекта см.: *Мальшева С.* Миф о революции 1917 года. Первый советский государственный проект // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 285–303; *MacKinnon E.* Writing History for Stalin: Issak Izlailevich Mints and the Istoriiia grazhdanskoi voiny // *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5–54.

³ История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала Октября 1917 г.). М., 1936.

«Прежде чем сдать в печать первый том “Истории гражданской войны”, главная редакция, при ближайшем участии товарища Сталина, внесла в том около 700 поправок и вставок, иногда одно слово коренным образом меняло весь смысл фразы», – отмечалось в предисловии к тому. Действительно, Сталин лично редактировал «Историю Гражданской войны в СССР», не только «подправляя» события истории, но и фактически утверждая или вычеркивая тех, кто достоин попасть на ее страницы в качестве героев и «антигероев» революции и Гражданской войны (характерный пример – негативная трактовка роли Л.Д. Троцкого)¹.

В наиболее законченном виде новая концепция Октябрьской революции нашла выражение в «Истории ВКП(б). Краткий курс», вышедшей в 1938 г. Концепция Сталина состояла из следующих положений. Во-первых, признание слабого уровня развития Российской империи накануне Первой мировой войны (Россия – полуколония и слабое звено «фронта капитализма») и глубокого кризиса царского режима². Во-вторых, акцент делался на иницилирующую и ведущую роль большевиков в революции, а также сдерживающую роль меньшевиков и эсеров. Кадеты объявлялись главной партией контрреволюции. В-третьих, победа революции объяснялась тем, что рабочий класс «возглавлял движение миллионов масс крестьян, переодетых в солдатские шинели»³. В-четвертых, подчеркивалось единство партии большевиков, ведомой В.И. Лениным к закономерному успеху. Ленинской линии противоречили только одиночки – Каменев, Зиновьев, Рыков, Пятаков, Троцкий. В-пятых, выпячивание роли Сталина, как руководителя Октябрьского восстания. Фактически обосновывалась концепция «двух вождей революции» – Ленина и его верного ученика Сталина. Фигура Троцкого обходилась молчанием, либо подвергалась уничижительной критике; подчеркивалось, что он стремился к развалу партии. В-шестых, рассмотрение Гражданской войны как части иностранной интервенции и борьбы большевиков с единым империалистическим фронтом.

Данные положения легли в основу изучения революции 1917 г. до конца сталинской эпохи. Показательно, что в «Кратком курсе» Февральская революция стала называться «буржуазно-демократической» – определение, прочно закрепившееся за ней до конца советской эпохи. Вообще, в противовес Октябрьской, Февральской революции за полтора десятилетия (1940-е – первая половина 1950-х гг.) не было посвящено ни одного специального исследования⁴. Схема «Краткого курса» закреплялась во втором томе «Истории Гражданской войны в СССР»⁵, получившем Сталинскую премию в 1943 г.

¹ Zhuravlev S. Creating a Stalinist Model of Russian History in the 1930s. Maxim Gorky's Historical Initiatives // 19th International Congress of Historical Sciences. Proceedings. Reports, Abstracts and Round Table Introductions. Oslo, 2000. P. 95–96.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1997. С. 156, 168, 173.

³ Там же. С. 169.

⁴ Домокуров В.В. Отечественная историография Февральской революции 1917 года в России: социально-политический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 14.

⁵ История гражданской войны в СССР. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь–ноябрь 1917 г.). М., 1943.

2.4. Историография революции в условиях «оттепели» и в период 1970-х – начала 1980-х гг.

Смерть Сталина и начавшиеся процессы «десталинизации» напрямую коснулись исторической науки, тем более что многим избавление от сталинского наследия виделось именно через разрушение исторических мифов. Особое значение история революции 1917 г. получила в свете ее 40-летнего юбилея (1957 г.) Оценка этих событий становилась и очередной формой выбора путей дальнейшего развития советского общества.

В 1954–1957 гг. большое значение приобрела деятельность редколлегии журнала «Вопросы истории» во главе с академиком А.М. Панкратовой и ее заместителем Э.Н. Бурджаловым. Издание старалось публиковать статьи, позволявшие отойти от жестких канонов, навязанных «Кратким курсом»¹. Особый резонанс получила статья Э.Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте–апреле 1917 года», в которой автор показал колебания в рядах большевиков в ходе революционных событий, а также сотрудничество местных партийных ячеек с меньшевиками и эсерами. Эти факты нарушали миф о монолитности партии и беспощадной борьбе с другими партиями. 9 марта 1957 г. вышло специальное постановление ЦК КПСС, осуждающее линию журнала. Главный редактор и его заместитель лишились своих должностей².

Тем не менее изучение революции в 1957 г. получило ощутимый импульс: был создан Научный совет АН СССР по комплексной программе «История Великой Октябрьской социалистической революции» во главе с академиком И.И. Минцем³. Только за 1958–1968 гг. совет провел 30 научных сессий⁴. На этот же 1957 г. пришелся пик публикаций архивных документов по истории революции. Впрочем, приходится учитывать явную тенденциозность в отборе и археографической подготовке этих публикаций. Многие из них издавались в извлечениях, когда части документов, не вписывающиеся в принятую концепцию об Октябре, просто изымались. На порочность такой практики указывалось еще в советское время⁵.

¹ Сидорова Л.А. Оттепель в советской исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Она же. Феномен «санкционированной свободы»: «Вопросы истории» академика А.М. Панкратовой // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 532–561; Савельев А.В. Номенклатурная борьба вокруг журнала «Вопросы истории» в 1954–1957 годах // Отечественная история. 2003. № 5. С. 148–162; и др.

² Постановление ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”» от 9 марта 1957 г. // Справочник партийного работника. М., 1957. С. 381.

³ О времени и обстоятельствах создания совета см.: Исхаков С.М. Из опыта изучения Октябрьской революции (1957–1985 гг.) // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. М., 2007. С. 132–138.

⁴ Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. С. 93; Великая Октябрьская социалистическая революция: библиографический указатель документальных публикаций / сост. В.В. Филагина, И.Л. Геллер, Л.А. Котельников и др. М., 1961.

⁵ Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. С. 213–214, 218.

Наиболее ярким явлением в развитии советской историографии революции в указанный период считается научная деятельность представителей т. н. нового направления¹. Традиционно к нему относят К.Н. Тарновского, П.В. Волобуева, И.Ф. Гиндина, М.Я. Гефтера, А.М. Анфимова и др. Формально «новонаправленцы» не занимались проблемами изучения революции 1917 г.: в центре их внимания оказалось социально-экономическое развитие России начала XX в. Но это напрямую затрагивало проблему предпосылок и причин революции, поэтому деятельность «нового направления» приобрела острое политическое звучание. Его представители обосновывали тезис о многоукладном характере российской экономики, подчеркивали большое значение в ней государства, в конечном счете рассматривали Россию как страну второго эшелона капиталистического развития.

Теоретические разработки «нового направления» потенциально ставили под вопрос закономерность социалистической революции в России. В концентрированной форме дискуссии по вопросам многоукладности нашли свое выражение в сборнике «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности» (Свердловск, 1972). В противовес «новому направлению» группа историков, включающая В.И. Бовыкина, В.Я. Лаверычева и П.Г. Рынзюнского, отстаивала положение о высоком уровне развития капитализма в России и, как следствие, ее готовности перейти на следующую, социалистическую, ступень формационного развития.

Деятельность историков «нового направления» была подвергнута критике на высшем уровне. Заведующий отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников организовал совещание (21–22 марта 1973 г.), осудившее «ревизионизм» «нового направления», что и было закреплено в форме рекомендаций Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС².

Заметным событием стала публикация коллективной монографии ленинградских историков «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (Кн. 1–2. М.; Л., 1967). Авторский коллектив, в который входили Р.Ш. Ганелин, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев, Ю.С. Токарев, В.А. Нардова, З.В. Степанов и др., представил подробное описание событий 1917 г. в «колыбели революции». Особенностью издания стал критический подход ко многим устоявшимся представлениям. Крупным достижением авторов является «возвращение» политических оппонентов большевиков на авансцену революции, демонстрация их реальной (пусть и с учетом действующих идеологических ограничений) роли в революционном процессе. Издание сыграло не только заметную роль в консолидации «ленинградской школы» историков революции, но и стало формой ее манифестации³. Особое внимание ленинградские историки уделяли социально-поли-

¹ О «новом направлении» см.: *Поликартов В.В.* «Новое направление» 50-х – 70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; *Шенелева В.Б.* Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 219–257; *Булдаков В.П.* «Новое направление» в историографии (К 90-летию со дня рождения академика П.В. Волобуева) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2013. № 5. С. 3–14; и др.

² Рекомендации совещания историков в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС 21–22 марта 1973 г. М., 1974.

³ *Соболев Г.Л.* О ленинградской школе Российской революции 1917 года // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 142–147.

тической истории, признавая политическую субъектность за различными силами, принимавшими участие в революционном процессе, а не только большевиками.

«Историографическая оттепель» ознаменовалась прорывом и в изучении событий Февраля 1917 г. Ведущим специалистом здесь оставался Э.Н. Бурджалов. Его двухтомная монография «Вторая русская революция»¹ до сих пор считается одной из лучших работ по данной теме. Основную роль в Февральской революции автор традиционно отводил пролетариату, считая, что буржуазия не являлась движущей силой революции, а примкнула к ней. Но теперь абстрактные формулы наполнялись солидным фактическим материалом, часто выходящим за их рамки. Автор приводил многочисленные примеры стихийных выступлений рабочих и солдат. Но, пожалуй, главным достижением историка стало доказательство неправомочности резкого разграничения Февральской и Октябрьской революций. Он подчеркивал их тесную связь и следствие второй из первой. Тем самым разрушался устоявшийся историографический канон описания революции 1917 г.

В 1960-е гг. фактически происходит реабилитация истории небольшевистских революционных партий². Выходя за жесткие рамки «Краткого курса», где они рассматривались как враги революции, К.В. Гусев показал, что блок большевиков с левыми эсерами способствовал утверждению советской власти³. Несмотря на усиление идеологического контроля в 1970-е гг., изучение истории политических партий, в том числе правомонархических и либеральных, не было свернуто⁴. В Калининском педагогическом институте по инициативе ректора В.В. Комина проходили конференции, сопровождавшиеся выпуском сборников статей, посвященных непролетарским партиям в годы революции и гражданской войны⁵. Нужно отметить, что для контроля над изучением непролетарских партий применялся своеобразный цензорский метод: разрешалось публиковать исследования, но запрещалось издавать документы⁶.

К 50-летию революции была приурочена публикация фундаментальной трехтомной монографии И.И. Минца «История Великого Октября» (М., 1967–1973; 2-е изд. М., 1977–1979). Издание аккумулировало огромный фактический материал, в том числе и архивный. В то же время оно стало ярким примером воплощения «умеренной», не выходящей за рамки официоза, концепции Октябрьской революции. Отказавшись от квалификации России накануне революции как полуколонии, Минц все же указывал на сильную зависимость ее от иностранного капитала. Стержнем революционного процесса объявлялась борьба большевиков

¹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

² Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917 – 1918 г.). М., 1968.

³ Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

⁴ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; и др.

⁵ История непролетарских партий России: Урок истории. М., 1984; Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. статей. М., 1989.

⁶ Степанский А.Д. Археография отечественной истории XX века. М., 2004. С. 61.

и контрреволюционных сил. Особый акцент делался на демонстрацию объективных причин победы большевиков и провала их противников. Окончательно произошел отказ от мифа о двух вождях революции (Ленине и Сталине), теперь Ленин объявлялся единственным руководителем партии. Особым этапом выделялось «триумфальное шествие советской власти» вслед за Октябрьской революцией.

Ожидается сильный политический подтекст получила дискуссия вокруг вопроса о «дворцовом заговоре» как факторе революции и роли в нем масонов. Импульсом к началу дискуссии стала публикация книги Н.Н. Яковлева «1 августа 1914» (М., 1974). В ней доказывалось, что именно масоны повинны в свержении монархии, что и в дальнейшем они играли определяющую роль в работе Временного правительства. Более взвешенную позицию представлял В.И. Старцев¹. Он отказался от конспирологической версии о масонской доминанте в Февральской революции, но указывал на сам факт существования политического масонства и считал его свидетельством организованности русской буржуазии перед революцией.

На середину 1950-х – начало 1980-х гг. приходится пик (в особенности на юбилеи 1957, 1967 и 1977 гг.) документальных публикаций по истории революции. Издавались тематические сборники по истории партии в революции², экономической истории³, положению армии в 1917 г.⁴ и др. 10-томная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957–1963) была построена по хронологическому принципу. Появились издания документов, отобранных на основе их происхождения: «Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы» (Т. 1–3. М., 1966–1967); «Районные советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний исполнительных комитетов» (Т. 1–3. М.; Л., 1964–1966); «Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы» (Т. 1, 2. М., 1979, 1982) и др. Такие издания объективнее отображали историческую реальность. Всего к 1987 г. в СССР было издано более 250 сборников документов по истории Октябрьской революции⁵.

Несмотря на ряд заметных достижений, в особенности по сравнению с предыдущими периодами, говорить о прорыве в изучении революции 1917 г. не приходится. Расширение проблематики и географии исследований, увеличение

¹ *Старцев В.И.* Русская революция и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; *Он же.* Крах керенщины. Л., 1982.

² Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958; КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. 27 февраля – 4 июля 1917 г. М., 1957; КПСС в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 6 июля – 6 ноября 1917 г. М., 1957.

³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957–1967. Т. 1–3.

⁴ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920 гг.). М., 1969; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота. М., 1968; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). М., 1971–1978; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1973.

⁵ *Степанский А.Д.* Археография отечественной истории XX века. С. 82.

специалистов по теме нивелировалось концептуальными и фактическими ограничениями. В работах зачастую доминировал «декретный подход» (так его называл Е.Н. Городецкий), по которому партийные указания и их реализация с точностью совпадали, в очередной раз демонстрируя безупречную политику партии. Очевидно, что изменения в оценках событий и явлений революции могли произойти лишь в случае трансформации самой советской политической системы.

2.5. Дискуссии о революции в годы «перестройки», 1985–1991 гг.

Общественно-политические изменения второй половины 1980-х гг., инициированные руководством КПСС и прошедшие под лозунгами «перестройки», самым непосредственным образом коснулись и исторической науки. Считается, что профессиональные историки долго оставались в стороне от дискуссий о советском прошлом и настоящем, занимали выжидательную позицию, и только в 1987 г. стали более или менее полноправными их участниками¹. Интересно, что включение профессионалов в процесс пришлось как раз на 70-летний юбилей революции. К тому времени в лексикон советских интеллектуалов уже вошли термины «плюрализм», «белые пятна», «черные дыры» истории и т. д. От специалистов ждали ответов на самые злободневные исторические вопросы. Приходится признать, что они оказались к этому не готовы.

В 1987 г. М.С. Горбачев выступил с докладом «Октябрь и перестройка: революция повторяется», где заявил, что текущие процессы обновления советского общества являются прямым продолжением Октябрьской революции 1917 г. Начавшаяся политика гласности позволяла иначе рассмотреть традиционный круг проблем и сделать предметом обсуждения ранее запрещенные темы.

Учитывая контекст эпохи, когда активно шли поиски путей дальнейшего развития советского общества, объясним и повышенный интерес историков к альтернативам в истории. Наиболее ярким примером такого подхода стала монография П.В. Волобуева «Выбор путей исторического развития. Теория, история, современность» (М., 1987). В центре внимания автора находилась и проблема альтернативы революции 1917 г. Он признал возможность реформистского выхода Российской империи из кризиса, но подчеркнул, что ни либеральная буржуазия, ни мелкобуржуазная демократия не способны реализовать данную альтернативу.

Знаковым для изучения революции стал круглый стол «Россия 1917 года: выбор исторического пути», состоявшийся 22–23 октября 1988 г. и организованный новым председателем Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» П.В. Волобуевым, сменившим на этом посту И.И. Минца.

П.В. Волобуев призвал отказаться от «канонизации» Октябрьской революции и взглянуть на нее более объективно. Но при этом он заявил, что Октябрь нуждается в защите от излишне радикальных критиков, готовых объявить Октябрь

¹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 7.

и строй, возникший в результате революции, «насилием» над русской историей, «неудачным социалистическим экспериментом», наконец, «“черной дырой”, через которую наша страна напрямик скатилась к сталинизму». Выступавший обратил внимание на необходимость обратиться к ленинскому наследию, которое должно быть переосмысленно в новом контексте. В частности, П.В. Волобуев считал плодотворным дополнить его модернизационной концепцией России как второго эшелона капитализма¹.

И.И. Минц в своем выступлении предостерег от увлечения поисками альтернативы революции, указав, что «Октябрь был путем спасения России. Ему не было альтернатив»². Е.Г. Плимак призвал не просто по-новому рассмотреть наследие В.И. Ленина, но и заявил, что многие его высказывания носили преходящий характер, а многое он просто не мог знать³.

Некоторые из участников (Е.Н. Городецкий, Я.С. Драбкин, Г.З. Иоффе, К.Ф. Шацлло и др.) рекомендовали отказаться от конфронтационного взгляда на зарубежную историографию и оценить ее достижения. Ряд выступавших говорил о необходимости серьезного обновления методологического инструментария исследований. Так, В.П. Булдаков призвал сделать акцент на изучении психологии масс и ее влияния на революцию⁴. Близкую позицию высказал В.И. Старцев, заявивший, что вопрос о предпосылках революции является второстепенным, поскольку взятие пролетариатом и большевистской партией власти определялось не экономическим развитием страны, а политическим сознанием масс и волей большевистских лидеров⁵. Дискуссия не только зафиксировала новую, более открытую для полемики историографическую ситуацию, но и способствовала утверждению исследовательских направлений, ставших одними из ведущих в последующие десятилетия.

Большое значение имела своеобразная реабилитация Л.Д. Троцкого и его роли в революции. Табуированное ранее имя вновь стало привлекать самое пристальное внимание. Особое значение имела статья Ю.И. Кораблева «Почему Троцкий?»⁶, в которой автор раскрывал заслуги Троцкого в годы революции и Гражданской войны. Знаменем времени стало издание в СССР работ зарубежных специалистов по истории революции⁷. Издание этих книг большими тиражами заметно оживляло историографическую картину.

Утрата монополии КПСС на власть и распад Советского Союза привели к радикальному изменению контекста изучения революции 1917 г. Многочисленные институты и издания, призванные поддерживать идеологическую ортодоксию, ушли в прошлое. Выжившие институты и их сотрудники продолжали научную

¹ Россия 1917 года: выбор исторического пути. М., 1989. С. 12–13, 21.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 106–107.

⁶ *Кораблев Ю.И.* Почему Троцкий? // Политическое образование. 1989. № 2. С. 57–62.

⁷ *Карр Эд.* История Советской России: Большевистская революция 1917–1923. Кн. 1. М., 1990; *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; и др.

деятельность уже в новых условиях. Важно то, что, несмотря на долгие годы господства одной идеологии и, как следствие, единой теоретико-методологической модели исследования, советские историки могли гордиться достижениями, позволявшими рассматривать советскую историографию революции как научную среду, способную генерировать творческие идеи.

2.6. Осмысление революции в Русском зарубежье

Переосмысление опыта революции 1917 г. и Гражданской войны происходило и среди тех активных участников событий, кто вынужден был эмигрировать из советской России. И здесь с 1920-х гг. под влиянием политических доктрин и вольных интерпретаций (большую популярность среди бывших политиков и генералов получило написание мемуаров) начинают складываться мифы о событиях 1917 г. В эмиграции набирала силу героизация лидеров Белого движения, а также объяснение причин революции с точки зрения теории заговора масонов, евреев, шпионов-большевиков и т. д.¹

Для русской эмиграции тема революции являлась центральной не только в плане осмыслении российской истории, но и для объяснения самого феномена послереволюционной эмиграции, а также прогнозирования дальнейшего развития России и перспектив большевистской власти². В Русском зарубежье можно было обнаружить почти весь спектр идеологических и партийных течений, которые существовали в дореволюционной России. Учитывая сильную политическую окраску дискуссий о революции в эмигрантской среде, представляется возможным описание концепций революции через призму общественно-политических предпочтений их авторов.

Так, П.Б. Струве и В.А. Маклаков оптимистично смотрели на политические перспективы эволюции Российской империи, и, следовательно, не считали революцию неизбежной. Более того, они подчеркивали ответственность радикальной либеральной оппозиции, не желавшей, с их точки зрения, найти компромисс с властью. П.Б. Струве рассматривал революцию лишь как эпизод мировой войны, а ее движущими силами называл солдатские массы, устроившие бунт. В конечном счете, с его точки зрения, революция уничтожила не пережитки прошлого, а жизнеспособные ростки будущего³.

Иной позиции придерживался П.Н. Милоков. В упоминавшейся монографии «История второй русской революции» автор попытался вписать революцию в общий ход русской истории. Он исходил из разработанной им «теории контраста», согласно которой Россия запаздывала в своей эволюции по сравнению с Европой

¹ Подробнее об этом см.: *Лисенкова Л.Н.* Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 г. СПб., 1997.

² *Розенталь И.С.* 1917 год и случайность: из истории общественной жизни // Историк и педагог: Сборник статей памяти профессора А.С. Рудя. М., 2012. С. 190–197.

³ *Струве П.Б.* Размышления о русской революции. София, 1921. Подробнее см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20-е – 30-е гг. XX в. М., 2009. С. 52–59, 63–74; *Митрохин В.А.* Проблема политической трансформации в работе П.Б. Струве «Размышления о русской революции» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Т. 10. Серия: Социология. Политология. № 2. С. 100–102; и др.

и развивалась не благодаря импульсам, идущим от общества к государству, а наоборот. В таких условиях увеличивался разрыв между государственной властью и обществом. Именно власть, по его мнению, оказалась не способна пойти навстречу требованиям общества, что и стало причиной революционного взрыва. Значимым стимулом стала и мировая война. Российскую революцию он рассматривал как единый процесс, считая, что Февральская революция носила демократический характер, а Октябрьский переворот стал следствием «бессилия старой власти», унаследованной новыми лидерами. При этом Февраль оценивался как «созидательный» период революции, а Октябрь как «разрушительный». Свои идеи Милуков проводил и через газету «Последние новости»¹. Его взгляд на революцию встретил неприятие многих представителей консервативного лагеря русского зарубежья, которые винили в случившемся кризисе радикализм либерального движения, одним из лидеров и символом которого и являлся Милуков.

В 1921 г. в Праге вышел получивший большой резонанс сборник «Смена веков», авторами которого выступили Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов и др. В своих статьях, помимо прочего, они сформулировали новую для эмиграции оценку Октябрьской революции, которую рассматривали не как аномалию естественного развития, а признавали ее обусловленность особенностями русского общества. Главной причиной революции называлась деятельность радикальных западников².

Большое значение для развития историографии сыграли исторические сочинения активных участников революции, сочетающие мемуарный и исследовательский жанры. Среди них в первую очередь следует назвать книгу А.И. Деникина «Очерки русской смуты» (Париж; Берлин, 1921–1926. Т. 1–6). В основном она посвящена событиям Гражданской войны, но автор давал и собственное понимание причин краха Российской империи. По его мнению, главной составляющей революционных событий стал развал армии, вызванный девальвацией в годы мировой войны традиционных религиозных и государственных ценностей, приведших к падению авторитета монархии. В то же время он признавал наличие в российском обществе глубоких социальных противоречий, накладывавшихся на слабое развитие национального и политического самосознания народа.

А.Ф. Керенский также отметил серией историко-мемуарных публикаций. Среди них можно назвать публицистические работы «Прелюдия большевизма» (1919), «Дело Корнилова» (1918) и др. Он противопоставлял Февральскую революцию Октябрьской, называя последнюю контрреволюцией³.

В русской эмиграции был реализован и масштабный проект по сбору и изданию источников, освещающих историю революции и Гражданской войны. Серия сборников, выходящая с 1921 по 1937 г., получила название «Архив русской революции». Значительное место в издании занимали воспоминания участников и очевидцев событий. Его инициатором и издателем стал И.В. Гессен. В 1991–1993 гг. серия была переиздана в России.

¹ См. статьи в сборнике: П.Н. Милуков: «Русский европеец»: Публицистика 20-х – 30-х гг. XX в. М., 2012.

² *Петренко Е.Л.* Сменовеховство // *Общественная мысль Русского зарубежья.* Энциклопедия. М., 2009. С. 150–156.

³ См.: *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005.

История революции 1917 г. и установление большевистского режима находились в центре внимания известного историка С.П. Мельгунова, написавшего целую серию исследований, в том числе о финансировании Германией большевиков¹. В дальнейшем тема «германского следа» в российской революции неоднократно поднималась и становилась предметом многочисленных спекуляций². Большое внимание С.П. Мельгунов уделил проблеме дворцового заговора против Николая II. Его вывод был однозначен: несмотря на признаки деятельности групп заговорщиков, они не могли стать причиной свержения монархии³. В дальнейшем схожим образом проблему оценивали и советские историки⁴.

Заметную роль в изучении революции 1917 г. в среде русской эмиграции сыграл бывший меньшевик Б.И. Николаевский. Широкую известность в эмигрантской среде и СССР ему принесла книга об Е. Азефе⁵. Много лет он занимался сбором документального наследия русских социалистических партий. С конца 1950-х гг. участвовал в масштабном проекте по истории меньшевизма, которым руководил американский историк Л. Хеймсон. В его рамках он опубликовал очерк-воспоминание «Меньшевики в дни октябрьского переворота» (Нью-Йорк, 1962).

Подводя итоги обзора того, как происходило изучение и осмысление истории революции 1917 г. в среде русской эмиграции, необходимо подчеркнуть, что концепции ее представителей оказали заметное влияние на становление и дальнейшее развитие зарубежной историографии. Что касается отечественной исторической науки, то труды историков Русского зарубежья стали широко известны в СССР с конца 1980-х гг. и пусть не сразу, но стали органичной частью нашей историографической традиции.

2.7. Революция 1917 года в западной исторической и политической науке, 1930-е – 1980-е гг.

Западные историки традиционно уделяли самое пристальное внимание революции 1917 г., рассматривая ее в качестве причины утверждения советской власти, провозгласившей курс на построение нового общественного строя, аль-

¹ Массонство в его прошлом и настоящем. В 2 т. / под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. СПб., 2006; *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2007. См. подробнее: *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

² См. подробнее: *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

³ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931.

⁴ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 298–304; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 238–245; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 239–240; *Спирин Л.М.* Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 42.

⁵ *Николаевский Б.И.* Конец Азефа. Л., 1926.

тернативного капиталистическому¹. В связи с этим западных историков, политологов и философов интересовал вопрос о том, имелась ли альтернатива самой Октябрьской революции. В условиях холодной войны тема революции 1917 г. приобретала острое политическое звучание, что самым непосредственным образом отражалось на исследовательской практике.

Основные исследовательские центры по истории России и СССР действовали в Великобритании и особенно в США, где изучение главного геополитического соперника привлекало повышенное внимание и пользовалось щедрым финансированием. В континентальной Европе, где лидерские позиции занимали Франция и ФРГ, работы по истории Советского Союза не приобрели американского размаха, но также стали заметным направлением исследований.

Основы изучения российской революции были заложены еще в 1920 – 1930-е годы. Так, в 1935 г. вышла в свет двухтомная монография У. Чемберлина «Русская революция»², неоднократно впоследствии переиздававшаяся. Ее отличала симпатия автора к Февральской революции. Большой интерес вызвала книга Б. Пэйрса «Падение русской монархии»³, который не считал революцию неизбежной, а связывал ее с политическими ошибками царского режима.

Особое значение в становлении послевоенной западной русистики сыграли русские ученые-эмигранты М.М. Карпович, В.А. Маклаков, М.Т. Флоринский, С.П. Мельгунов, Г.В. Вернадский и др.⁴ Многие из них стали университетскими преподавателями и воспитали первое поколение американских исследователей России и Советского Союза⁵. Общим местом в их оценке русской революции являлось представление о возможности ее избежать. В отличие от советских историков они подчеркивали успехи развития Российской империи, а Октябрьская революция расценивалась как классический государственный переворот.

Послевоенное поколение американских историков-русистов и советологов (Р. Пайпс, Л. Шапиро, М. Малиа и др.) отдавало предпочтение классической политической истории. В центре их внимания оказались причины и последствия революции. Идейнными основаниями оценки революции стал либерализм, а теоретико-методологические предпочтения варьировались от теории тоталитаризма до активно развивавшейся в то время теории модернизации. И в том, и в другом случае советскую историю оценивали по западноевропейской ценностной шкале, а не как специфический цивилизационный феномен.

¹ См. обобщающие обзоры: *Дэвид-Фокс М.* Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период.* Самара, 2000. С. 5–47; *Большакова О.В.* Русская революция глазами трех поколений американских историков // 1917 год. Россия революционная. Сборник обзоров и рефератов. 2-е изд. испр. и доп. М., 2009. С. 6–32; *Шевырин В.М.* Революция 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии (Обзор) // Там же. С. 33–64.

² *Chamberlin W.* The Russian Revolution. 1917–1921. N.Y., 1935.

³ *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939.

⁴ *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

⁵ См.: *Дэвид-Фокс М.* Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России. С. 7–10.

В рамках политической истории большое внимание уделялось истории партии большевиков и их лидеров. Причем оценка их деятельности не отличалась положительными коннотациями, а успех партии объяснялся циничным прагматизмом и умением воспользоваться наступившим хаосом. Л. Шапиро вообще утверждал, что к Первой мировой войне партия большевиков находилась в состоянии упадка и политической изоляции, а революция явилась для ее лидеров полной неожиданностью¹. Для сторонников тоталитарной теории характерной чертой стало указание на анархический характер революции. Подчеркивалось, что революция и ее идейное наследие в виде ленинизма подготовили сталинский тоталитаризм².

В условиях холодной войны советологи стремились разглядеть в революционном времени истоки и характерные черты советской системы в целом. Бесспорным их лидером выступил Ричард Пайпс. За десятилетия изучения этой темы он пришел к выводу о том, что для понимания российской революции достаточно ответить на три главных вопроса: почему пал царизм, почему большевики захватили власть и почему на смену Ленину в качестве лидера в начале 1920-х гг. пришел именно Сталин. По мнению Пайпса, самодержавие погубила неуступчивость монархии в проведении назревших политических реформ, а также деятельность либеральной интеллигенции, не осознававшей трагических последствий подталкивания страны к революции. В трактовке Пайпса в октябре 1917 г. либералов убрал с исторической сцены более сильный политический игрок – расчетливый и жаждавший власти большевистский лидер Ленин, после смерти которого в начале 1920-х гг. у руля страны встал еще более жестокий и хитрый политический интриган Сталин³. В работах Р. Пайпса события революции и Гражданской войны предстают едва ли не в столь же детерминированном и политически пристрастном виде, как и в сталинском «Кратком курсе» 1938 г., с той лишь разницей, что герои «Краткого курса» в трудах американского политолога показаны антигероями.

Интересно, что в законченном виде данная концепция революции 1917 г. отражена в двухтомном труде Р. Пайпса, переведенном на русский язык в начале 1990-х гг. и оказавшем заметное влияние на отечественную историографию на волне интереса в новой России к тоталитарной концепции, уже утратившей к тому времени популярность на Западе⁴. В своей книге Р. Пайпс категорически отрицает вовлечение в Октябрьскую революцию широких масс населения, рассматривая ее как верхушечный переворот. Отвергнув причастность общества к революции, Пайпс доказывал тем самым, что большевики могли впоследствии удержать власть только при помощи тотального насилия. Здесь он проводил прямую линию преемственности между взглядами Ленина и сталинским режимом. Более того, большевистские практики насилия и контроля над собственностью

¹ Shapiro L. The Communist party of the Soviet Union. N.Y., 1960.

² Von Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia, 1964; Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N.Y., 1994.

³ Пайпс Р. Три «почему» русской революции // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996.

⁴ Pipes R. Russian Revolution. Vol. 1–2. N.Y., 1990. Русское издание: Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1–2. М., 1994.

историк связывал с традиционной для России с дореволюционных времен «вотчинной», «патримониальной» социально-политической системой, в которой жители страны являются собственностью правителя¹. Неслучайно, что ренессанс теории тоталитаризма в первые годы после распада СССР был расценен некоторыми представителями послевоенного поколения советологов как исторический реванш их идейного лидера².

В 1950-е гг. выделялись труды английского марксиста Э. Карра. Революцию 1917 г. Карр считал поворотным пунктом мировой истории. Он делал упор на социально-политических факторах и акцентировал внимание на массах как субъекте исторического процесса. При этом автор не отрицал значения политической воли участников событий. В его понимании Февральская революция стала следствием социального неравенства и падения уровня жизни на фоне Первой мировой войны. Указывая на противоречия между марксистской теорией и реальной революционной практикой, Карр все же считал, что Октябрьскую революцию вполне можно считать пролетарской³.

Период 1950-х – 1960-х гг. ознаменовался дискуссией между историками – т. н. оптимистами и пессимистами. Первые доказывали, что, несмотря на имевшиеся проблемы, Россия начала XX в. уверенно вышла на траекторию экономического роста и вполне была готова стать развитой и благополучной страной, а революция в таких условиях отнюдь не была предопределена⁴. «Пессимисты» акцентировали внимание на слабости общественных и экономических институтов, диспропорциях в развитии, национальных движениях и традиционалистской политической культуре русских. В условиях быстрых перемен социальный взрыв был неизбежен, а самодержавие было просто не готово его предотвратить⁵. Так, А. Гершенкрон, признавая экономические успехи России, подчеркивал, что промышленное развитие целиком зависело от государственной поддержки и не приводило к реальному росту благосостояния граждан, особенно основной массы населения – крестьян. Именно их тяжелое положение и стало, по его мнению, причиной революционных потрясений⁶.

Бурные 1960-е гг., мода на «левые» идеи в интеллектуальной среде, процессы десталинизации в СССР, опровергавшие самые мрачные прогнозы сторонников теории тоталитаризма, – все это стало питательной почвой для смены вех в советологии. Начальным моментом в утверждении «ревизионистского» направления считается появление статьи Л. Хеймсона «Проблема социальной стабильности в городской России, 1905–1917»⁷. Автор доказывал существование в России глу-

¹ См. также: *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.

² *Малша М.* В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 178–187.

³ *Карр Э.* Большевицкая революция. 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990. С. 75–115. (Первое издание на англ. языке вышло в 1954 г.)

⁴ *Gregory P.R.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge, 1982.

⁵ *Von Laue T.* Why Lenin? Why Stalin?

⁶ *Gershenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. N.Y., 1962.

⁷ *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. № 4; 1965. Vol. 24. № 1.

бокого антагонизма между властью и обществом, подчеркивал усиливающуюся классовую борьбу и активность рабочих, что, с его точки зрения, делало революцию неизбежной.

В 1960-е гг. в науку приходит новое поколение исследователей, которых в англосаксонской историографии принято называть «ревизионистами», поскольку они выступили с критикой господствовавшего в то время подхода к истории России и СССР с позиций «теории тоталитаризма». «Ревизионисты» стремились дополнить политическую историю социальной и культурной историей, показать события «снизу», через восприятие и психологию рядовых людей, учесть региональный разрез и национальный фактор в революции и т. д. Особый акцент на социальные движения и историю «снизу» привел к интенсификации «ревизионистами» поисков новых источников и активизировал работу с советскими архивами. Тем более что «левые» взгляды делали их для советской системы более желанными гостями, чем их антисоветски настроенных предшественников. История революции занимала особое место в творчестве молодых историков поколения 1960-х – 1980-х гг. К началу 1990-х гг. «ревизионисты» заняли лидирующие позиции в западной историографии. Можно утверждать, что произошло сближение ряда позиций историков-«ревизионистов» и советской историографии.

Особенностью ревизионистского подхода к истории революции стало не только широкое привлечение архивного материала, но и расширение проблематики и территориальных рамок исследований¹. Особое внимание уделялось роли в революции различных социальных групп, их классовому и политическому протесту². При этом авторы уходили от упрощенных трактовок классовой борьбы. Не была забыта и история партий. У. Розенберг в монографии, посвященной партии кадетов в революции, доказывал, что причиной поражения либерального политического крыла в лице кадетов стало то, что они заняли позицию отстаивания интересов привилегированных классов, игнорируя требования масс³.

Знаковым событием стала монография Т. Хасегавы «Февральская революция: Петроград, 1917»⁴, которая является ярким примером пересмотра устоявшихся в западной историографии представлений. Авторская концепция Т. Хасегавы основывалась на нескольких положениях: во-первых, причиной революции было восстание масс, вызванное социальными противоречиями и лишениями мировой войны; во-вторых, несмотря на стремление либералов к компромиссу с правительством, царизм упорно отказывался от союза с умеренной оппозицией, что в итоге привело ее в стан радикальных противников режима; в-третьих, автор призывал не преувеличивать стихийный и анархический характер революции, указывая на

¹ *Suny R.* The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, 1972; *Raleigh D.* Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. Ithaca, 1986.

² *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; *Smith S.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917–1918. Cambridge, 1983; *Wade R.* Red Guards and Workers' Militia in the Russian Revolution. Stanford, 1984; *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989.

³ *Rosenberg W.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.

⁴ *Hasegava T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, London, 1981.

роль революционных рабочих-активистов, представлявших различные социалистические партии и группы.

«Ревизионистский» характер имела и книга А. Рабиновича «Большевики приходят к власти. Революция в Петрограде»¹. Историк не считал Октябрьскую революцию неизбежной. По его мнению, если бы Временное правительство отказалось от продолжения войны и прислушалось к чаяниям низов, у него был шанс сохранить власть. Наоборот, большевики чутко прислушивались к требованиям масс, что способствовало тому, что их лозунги оказались понятны и привлекательны. Более того, по мнению автора, только большевики смогли понять особое значение армии в текущем моменте и проводили активную агитацию в ее рядах.

В то же время А. Рабинович акцентирует внимание на расколе внутри самой партии большевиков, отрицая тем самым аксиому сторонников тоталитарной теории о партии как единой, жестко выстроенной организации, нацеленной на взятие власти. В противовес этому он считал ее достаточно гибкой структурой, способной меняться в случае необходимости и подстраиваться под настроения масс. Таким образом, большевики оказывались не кукловодами революции, а выразителями ее настроений, что и стало причиной их успеха. Примечательно, что книга А. Рабиновича вызвала критику со стороны Л. Шапира, считавшего, что Октябрьская революция являлась верхушечным переворотом, поддержанным деклассированными элементами, преимущественно солдатами столичного гарнизона².

Во французской историографии происходили схожие процессы. Классическим признается исследование М. Ферро, посвященное Октябрьской революции³. Акцент на решающей роли массовых движений в революции приводил автора к постулату о вторичности роли партий в процессе. В то же время остро ставился вопрос о том, какая партия сможет встать во главе стихии. По мнению М. Ферро, ни либеральные, ни социалистические партии не были достаточно популистскими, чтобы завоевать симпатии толпы. А вот большевики, не сопротивлявшиеся стихии революции, сумели стать выразителями народных чаяний и исполнителями требований низов в области экономики и социальной сфере. Автор подчеркивал, что реальные цели партии расходились с интересами народа.

На фоне повышенного интереса к социальной истории революции архаично смотрелась книга английского автора русского происхождения Г.М. Каткова «Россия, 1917: Февральская революция»⁴, утверждавшего, что причиной революции стал заговор масонов, осуществленный на немецкие деньги.

Таким образом, к 1980-м гг. в западноевропейской советологии и русистике в изучении революции 1917 г. произошли существенные изменения, главным со-

¹ *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y., 1976 (Русское издание: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989).

² *Shapiro L.* Two Years that Shook the World // The New York Review of Books. 1977. 31 March.

³ *Ferro M.* La revolution de 1917. La Chute du tsarisme et les origins d'Octobre. Paris, 1967.

⁴ *Katkov G.* Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967 (Русское издание: *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997).

держанием которых стал поворот от классической политической истории к социальной в ее ревизионистском варианте. Но уже в 1980-е гг. радикально изменился контекст изучения русской революции. Во-первых, на смену экономически ориентированным концепциям пришел целый букет постмодернистских теорий, радикально меняющих исследовательский инструментарий и ракурс изучения. Особой популярностью пользовались идеи М. Фуко. Во-вторых, радикально изменился политический контекст. Начавшаяся «перестройка», а за ней и распад Советского Союза завершили советскую эпоху, рожденную революцией 1917 г. Казалось, что сама жизнь показала утопичность идеалов Октябрьской революции. На этом фоне в изучении 1917 г. началась очередная смена вех.

2.8. Современная отечественная и зарубежная историография революции, 1991–2017 гг.

Современная историографическая ситуация изучения российской революции характеризуется рядом отличительных черт по сравнению с предыдущими периодами. В начале 1990-х гг. произошла глубокая перестройка всей системы отечественной исторической науки. Ряд факторов сыграл огромную роль в качественной трансформации исторических исследований в России и за рубежом. Большинство этих факторов принято метафорично сравнивать с революцией.

Так, произошла методологическая революция, заключающаяся в отказе отечественной исторической науки от марксизма-ленинизма как единственно верной теоретико-методологической модели, пригодной для изучения революционного процесса. В западной советологии социальные теории были потеснены рядом постмодернистских подходов. Методологическая революция и идеологическая плюрализация привели в российской историографии к значительному расширению исследовательской проблематики. Многие темы, табуированные в советское время, оказались не просто открыты для изучения, но и стали частью историографической моды (например, Белое движение).

Наконец, свершилась «архивная революция», открывшая российские центральные и региональные архивы, пусть не полностью, но в значительно большей степени, чем это было в советское время. Она стимулировала активную издательскую деятельность, в ходе которой были изданы многочисленные документы, ранее не известные или известные узкому кругу специалистов. Впрочем, тематика революции 1917 г. оказалась востребованной в меньшей степени, чем история сталинского времени (история сталинизма).

Важнейшей характеристикой периода после 1991 г. стала интенсификация контактов между российскими и зарубежными историками, участие первых в международных программах и исследовательских проектах. Теперь можно было говорить о потенциальной возможности формирования открытого и диалогического историографического пространства. Фактически началось создание более или менее единого историографического пространства в изучении российской революции 1917 г.

Тем не менее историографическая ситуация 1990-х гг. не во всем вызывала оптимизм у специалистов. На смену советской идеологизации истории революции

пришла новая – антикоммунистическая¹. В этой ситуации наибольшее внимание стали привлекать, казалось бы, потерявшие былую популярность антикоммунистические тоталитарные теории². В итоге одна мифологизация пришла на смену другой. Революцию, несмотря на надежды профессиональных историков, продолжали оценивать сквозь призму идеологических предпочтений³.

Переписывание истории нередко осуществлялось путем механической перемены знаков на минусы (раньше героями были «красные», теперь – «белые») и возведения на пьедестал тех, кто в советские времена считался «антигероями» начиная с императора Николая II и главы Временного правительства А.Ф. Керенского. Как реакция на советскую историографию, для которой история революции была связана в первую очередь с историей партии большевиков и рабочего класса, с конца 1980-х гг. приоритетными темами стала история российского либерализма, царской семьи и контрреволюции⁴.

Показательна современная историография Гражданской войны, в которой преобладают работы по истории Белого движения и его лидеров. За незначительным исключением⁵ многие исследования и популярные книги носят апологетический характер. В них проводится мысль о том, что, в противовес большевикам, «белые» выступали носителями демократических и патриотических идей, высокой морали и т. д.⁶

Распад СССР повлиял и на зарубежных коллег. Несмотря на снижение политической напряженности, а точнее благодаря этому на изучение истории России стало выделяться значительно меньше ресурсов. В первую очередь это коснулось именно истории революции. В то же время расширился доступ зарубежных историков к российским архивам, в том числе и провинциальным⁷.

В 1990–2000 гг. произошла заметная трансформация проблемной структуры исследований по истории революции и Гражданской войны. Во-первых, была зафиксирована тенденция к снижению исследовательского интереса к револю-

¹ *Булдаков В.П.* Историографические метаморфозы «красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С. 179.

² *Актон Эд.* Революция и ее историки // Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 29.

³ *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография Русской революции 1917 года // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 95.

⁴ См., например: *Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа?* М., 1991; *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. М., 1995; *Рыбников В.В., Казаков В.Г., Ипполитов Г.М.* «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблемы белого движения в гражданской войне в России (1917–1922 гг.) М., 2001; *Искандеров А.В.* Русская монархия, реформы и революция // Вопросы истории. 1999. № 9; и др.

⁵ Из лучших работ по истории Гражданской войны см.: *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006; *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009.

⁶ См., например, *Суетов Л.А.* Белое дело. СПб., 2000; *Бардадым В.П.* Жизнь генерала Шкуро. Краснодар, 1998; *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы 1920–1921 гг. М., 2001; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006; и др.

⁷ См.: *Шевырин В.М.* Революция 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 54–55.

ционной теме. Если во второй половине 1990-х гг. этой теме было посвящено 19 % диссертаций по истории России, то в первой половине 2000-х гг. только 14 %. Схожая динамика обнаружилась и в издании книг. На фоне общего снижения интереса к истории революции на первый план вышли темы, ранее являвшиеся маргинальными: царская семья, антибольшевистское движение, масонский фактор в революции, Русская православная церковь в революционную эпоху и т. д.¹ Причем сходная тенденция наблюдается и в зарубежной исторической науке².

Представление о смене вех в отечественной историографии дает круглый стол «Гражданская война в России», состоявшийся в марте–апреле 1992 г. в Институте российской истории РАН. Участники обсуждали вопрос о причинах и виновниках войны. Несмотря на разброс мнений, был зафиксирован тот факт, что историки отказались от трактовки Гражданской войны как навязанного большевикам извне конфликта и стали рассматривать Октябрьскую революцию как отправную точку в нем³.

Заключительным событием стал международный colloquium «1917 год в России: массы, партии, власть» в Санкт-Петербурге в январе 1993 г., собравший ведущих специалистов по истории российской революции. Сам факт проведения такого мероприятия свидетельствовал о новой историографической ситуации, когда российские и зарубежные ученые решали ключевые научные проблемы в формате равноправного диалога. На colloquium неоднократно звучали утверждения о кризисе российской историографии. Ряд историков (например, В.П. Булдаков) предпочитали говорить не о кризисе, а о трудностях развития. Материалы colloquium показывают заметное усиление интереса исследователей революции к социальной истории, изучению массовых настроений, истории понятий и т. д.⁴

В поле зрения историков остаются многие неизученные проблемы политической истории. В работах Г.А. Герасименко поставлено под сомнение классическое определение конфигурации власти после падения царского режима как двоевластия. Он указал на то, что Временное правительство и Советы активно сотрудничали, тогда как реально противостояли Временному правительству губернские комитеты общественной безопасности (КОБы)⁵. Много споров продолжалось вокруг роли немецких денег в русской революции и масонского заговора. Отнюдь не случайным является рост популярности в современной России старой книги С.П. Мельгунова «Золотой немецкий ключ к русской революции» (1940), которая уже неоднократно переиздавалась.

¹ *Ерофеев Н.Д.* Современная отечественная историография Русской революции 1917 года. С. 93–94.

² *Smith S.A.* The Historiography of the Russian Revolution 100 years on // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. N 4. Fall 2015 (New Series). P. 733–749.

³ Гражданская война в России: «круглый стол» // *Отечественная история*. 1993. № 3. С. 103–115.

⁴ См.: *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994.

⁵ *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917). М., 1992.

Особый интерес историки проявляли к ключевым институтам власти¹, партиям², ведущим политикам³. Заметной популярностью в последние годы стала пользоваться история Русской православной церкви в годы революции⁴. Церковь в этих трудах выступает значимым, но идейно и политически неоднородным фактором революционного общества⁵. Но в то же время признается, что церковные круги были больше сосредоточены на решении внутренних проблем и на реформах. В связи с этим большое значение имело издание деяний Священного Собора Православной Российской Церкви за 1917–1918 гг.⁶ Окончательно был отвергнут взгляд на Церковь как на оплот контрреволюции⁷.

Важнейшей особенностью современной историографической ситуации, как отмечалось, является методологическое переоснащение исследователей. На смену классовому подходу и изучению «высокой» политической истории в отечественной историографии пришел ряд западных макроисторических теорий (вроде теории модернизации), а также исследовательских новаций, вызванных к жизни многочисленными методологическими поворотами мировой исторической нау-

¹ Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль–октябрь 1917 г.). М., 2000; Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции. Рязань, 2002; Протасов Л.Г. Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Он же. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

² Спириин Л.М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999; Злоказов Г.И. Большевицско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М., 1997; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 годы. М., 2001; Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917). Нижний Новгород, 2006; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

³ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Сеин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Гусев К.В. В.М. Чернов: Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997; Он же. Александр Керенский: Страницы политической биографии. М., 2012; Карпер д'Анкокс Э. Ленин. М., 2008; Rubenstein J. Leon Trotsky: A revolutionary's Life. New Haven, 2011; Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М., 2012.

⁴ См.: Леонтьева Т.Г. «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 36. № 2. 2009. С. 182–196; Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; Он же. Русская православная церковь, государство, общество первой четверти XX века в зарубежной историографии // Российская история. 2011. № 5. С. 163–172; и др.

⁵ См.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Рогозский П.Г. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Dekalb, 2008; и др.

⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 4–11. М., 1996–2000.

⁷ Например: Hedda J. His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. Northern Illinois, 2008.

ки во второй половине XX в. и имеющих ярко выраженную постмодернистскую генеалогию. К новым направлениям можно отнести историю ментальностей, повседневности, микроисторию, гендерную историю и многочисленные т. н. новые истории (политическая, культурная, социальная и т. д.).

Мало сторонников в отечественной науке приобрела модернизационная парадигма, причем чаще всего в ее классической европоцентричной форме. В фокусе исследовательской оптики сторонников этой теории оказывался процесс перехода общества и государства традиционного аграрного типа к модернизированному, индустриальному. Большое внимание уделяется анализу того, насколько правящая элита справляется с вызовами времени и понимает необходимость реформ. Согласно этому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом. В связи с этим большое внимание стало уделяться изучению политической жизни накануне революции 1917 г., развитию гражданского общества¹. По-прежнему определенной популярностью пользуются поиск и анализ альтернативных большевизму путей социально-политического развития России².

В оценке модернизационных достижений России накануне Первой мировой войны и революции 1917 г. отечественные ученые, как и их зарубежные коллеги, также разделились на «оптимистов» и «пессимистов». Наиболее ярко «оптимистический» подход был реализован в серии монографий Б.Н. Миронова, который доказывал, что процесс модернизации Российской империи проходил по европейскому пути: качество жизни населения улучшалось вместе с его антропометрическими показателями, а необходимые для успешной модернизации общественные институты не только появлялись, но и довольно успешно развивались³. По мнению Б.Н. Миронова, причиной краха Российской империи следует считать не социально-экономические причины, а противостояние между правящей элитой и контрэлитой в лице либерально-радикальной общественности⁴. Книги вызвали множество споров. Автора упрекали в излишнем увлечении антропометрией, приведшей его к конспирологическим выводам⁵.

¹ Например: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002; *Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи: Вторая половина XIX – начало XX в.* / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012; и др.

² Например: *Модели общественного переустройства России, XX век* / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.

³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.

⁴ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. 1-е изд. М., 2010; 2-е изд. М., 2012.

⁵ *Ананьич Б.В.* Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Как платили за индустриализацию: Экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. (по антропометрическим данным) // Экономическая история: Ежегодник. 2002.

Ярко выраженный «оптимизм» демонстрируют и авторы сборника «Russia in the European context 1789–1914: A Member of the family» (N.Y., 2005). Среди них известные специалисты по истории России XIX – начала XX в. М. Меланкон, Л. Хэфнер, А. Пэйт и др. Пафос издания заключается в утверждении взгляда на Россию как на нормальную европейскую страну, успешно развивающуюся в русле магистральных тенденций эволюции западного государства и общества. В книге пересматривается взгляд на Россию как на страну слабых общественных институтов, что и стало, по мнению их оппонентов – «пессимистов», причиной революции. Наоборот, члены авторского коллектива демонстрируют заметные успехи России в развитии схожих с западноевропейскими институтов государства и общества.

На другом полюсе макроисторического подхода находится С.А. Нефедов, предлагающий неомальтузианскую модель причин революции. Он считает, что быстрый рост населения России в XIX в. привел к нехватке продовольственных ресурсов и резкому увеличению доли молодежи в возрастной структуре населения, что значительно усилило социальную активность и повысило агрессивность общества, выплеснувшуюся в форме революционного взрыва¹.

К «пессимистам» в оценке роста благосостояния населения России можно причислить и британского историка экономики Р. Аллена. Динамику развития Российской империи он рассматривает в контексте проблемы успеха/неуспеха советской экономической модели. По его мнению, сохранение дореволюционной экономической модели не привело бы к сокращению разрыва в уровне жизни между населением России и развитыми странами. Причинами являлись быстрый демографический рост, неэффективное управление, разрыв между богатыми и бедными, а также инфраструктурный тупик российской экономики, в который она бы попала в 1920-е гг. И хотя непосредственную причину революции Р. Аллен видит в Первой мировой войне, он утверждает, что имперская экономическая традиция была благодатной почвой для возникновения радикальных политических течений².

В «пессимистическом» ключе, хотя и с других методологических позиций, чем у сторонников теории модернизации, строится большинство исследований предшественников т. н. новой культурной истории. В центре внимания ее приверженцев находится изучение дискурсивной стороны социального опыта, массовые и индивидуальные настроения, культурные практики и их роли в различных сферах, включая экономику, политику и т. д. Большое внимание уделяется символической (семиотической) стороне социальной реальности, а главным предметом исследований становится «маленький человек»³.

С. 611–613; Материалы «круглого стола» по книге Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в России: XVIII – начало XX в.» // Российская история. 2011. № 1. С. 145–204; Булдаков В.П. Революция и миф: критические заметки о некоторых историографических тенденциях // Обозреватель-Observer. 2012. № 9. С. 107–115; и др.

¹ Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009; Он же. «Молодежный бугор» и первая русская революция // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 140–147.

² Аллен Р. От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013.

³ См.: Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М., 2012. С. 88–92; Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

Ярким событием в историографии революции 1917 г. стало исследование В.П. Булдакова «Красная смута: природа и последствия революционного нашествия» (1-е изд. М., 1997; 2-е изд. М., 2010). Несмотря на то что автор нередко оперирует понятийным аппаратом теории модернизации, для него важны не макропоказатели развития страны и общества, а столкновения традиции и модерна на микроуровне. Революцию историк описывает как системный кризис патерналистской модели властвования, не сумевшей вовремя перестроиться и теряющей свою политическую легитимность в глазах различных слоев населения. По мнению В.П. Булдакова, кризис империи следует изучать на различных уровнях (стадиях): этическом, идеологическом, политическом, организационном, социальном, охлократическом и рекреационном¹. В центре внимания автора оказываются «маленький человек» и его реакция на происходящие процессы. Отсюда большое внимание автора к различным проявлениям агрессии и девиантному поведению (ставшему частой нормой) в годы революции. Приход большевиков к власти он оценивает как победу «социальной архаики».

В.П. Булдаков предлагает собственную версию ритмов русской истории, где революционный кризис традиционалистской имперской государственно-общественной модели является нормой, а не аномалией². Но «отсутствие общества превращало всякую исторически назревшую революцию (и даже реформу) в “бессмысленную и беспощадную” смуту». В то же время революция является «энергетической подпиткой» для империи, «выстроенной на эмоционально-идейных, а не прагматичных основаниях»³. Ярким примером является революция 1917 г., давшая мощный импульс новому витку развития имперской по форме советской идеократии.

На волне интереса к «маленькому человеку» предметом исследования не могла не стать повседневная жизнь в революционную эпоху. Внимание преимущественно уделялось революционному городу и его обитателям⁴. Наиболее яркими образцами здесь можно назвать монографию И.В. Нарского, написанную на материалах Урала⁵, и диссертацию В.Б. Аксенова, посвященную повседневной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.⁶ Последняя наглядно демонстрирует не только бытовую и психологическую катастрофу, в которую погрузились обе столицы, но и тот факт, что наступившая социальная апатия горожан стала одной из причин того, что большевики так легко захватили власть.

¹ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. С. 80; *Он же*. Красная смута. С. 669.

² Булдаков В.П. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 5–27; *Он же*. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–64.

³ Булдаков В.П. Красная смута. С. 668–669.

⁴ Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000; *Илюхов А.А.* Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007.

⁵ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

⁶ *Аксенов В.Б.* Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

В новых условиях заметно снизился интерес к изучению места и роли пролетариата в революции. Если в советское время эта тема занимала почетное место, то теперь работ, посвященных ей, появляется немного. Благодаря усилиям И.М. Пушкаревой свет увидела многотомная хроника «Рабочее движение в России, 1895 – февраль 1917 г.»¹. В определенной мере традиции изучения пролетариата в революции сохранились в среде петербургских историков. Одним из направлений современных исследований в области рабочей истории стало изучение экономических конфликтов и протеста пролетариата уже против большевиков². В современных исследованиях все отчетливее просматривается линия на отказ от советской оценки пролетариата как «гегемона революции»³. Самостоятельным исследовательским направлением можно считать изучение политической культуры и общественных настроений революционной эпохи. Начало этому было положено в советское время работами Г.Л. Соболева⁴.

Особое внимание в последнее время уделяется символической стороне политического процесса, ведь именно в символах ярко отражаются политическое сознание масс. Семиотический вектор исследований представлен совместными работами американского ученого О. Файджеса и российского историка Б.И. Колоницкого⁵. В монографии о символах власти и борьбе за власть Б.И. Колоницкий рассматривает революцию как противостояние разных символических систем. По его наблюдениям именно революционная символика стала своеобразным проводником в мир политики для «маленького человека». Более того, она играла роль решающего фактора в политической мобилизации⁶. Революционную символику в контексте общего развития советской символики исследовала и Н.А. Соболева⁷.

Произошедшие в исторической науке мемориальный и перформативный (изучение праздников и ритуалов) повороты привели к появлению ряда исследований о том, как эволюционировала память о революции в советском обществе⁸, а также

¹ О проекте см.: *Пушкарева И.М.* Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюционной России: «Рабочее движение в России. 1905 – февраль 1917 гг. Хроника» // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 584–603.

² Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Экономические конфликты и политический протест. Октябрь 1917–1929 гг. Сб. док. СПб., 2000; *Яров С.В.* Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

³ *Фельдман М.А.* Была ли Октябрьская революция пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.

⁴ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петроград в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973; *Он же.* Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

⁵ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999.

⁶ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. 1-е изд. СПб., 2001; 2-е изд, доп. СПб., 2012.

⁷ *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 186–432.

⁸ *Corney F.C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca and London, 2004; *Богданов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 15–89.

как годовщины и юбилеи использовались властью для социально-политической мобилизации и утверждения «правильного» образа революции¹.

Изучение крестьянства продолжает оставаться важнейшим направлением исследования революции 1917 г.² Резонанс вызвали работы О. Файджеса, который рассматривал проблему через призму фактического противостояния между городом и деревней. Он исходит из того, что крестьянский мир России был архаичен, а попытки его реформирования провалились, поскольку община сопротивлялась этому. Революция 1917 г. привела к тому, что сельская община стала автономной политической силой. Она быстро демократизировалась, допуская к управлению непривилегированные сельские элементы и женщин. Большое внимание автор уделяет вопросу восприятия крестьянством лозунгов политиков, которые преломлялись в сознании крестьян самым причудливым образом, поскольку «язык города» и «язык деревни» сильно отличались. Попытка большевиков навязать общине классовую борьбу между кулаками и бедняками при помощи комбедов также столкнулась с вековым общинным сознанием русского крестьянина³.

До логического конца концепция была доведена О. Файджесом в книге «Народная трагедия: Русская революция, 1891–1924»⁴. В ней революция тесно связывается автором с крестьянским вопросом, историк вновь подчеркивает неготовность архаичного крестьянского социума к реформированию. В России также появился ряд фундированных исследований по истории крестьянства. В центре внимания историков оказывается процесс противостояния крестьянства и большевистской власти⁵.

Заметный интерес проявляется к региональному ракурсу исследования революции⁶. В рамках советской исторической науки местный материал зачастую втискивался в схему, копирующую концепцию революции в столицах. В западной историографии региональный подход получил развитие с середины 1980-х гг.

В 2007 г. вышла монография исследовательницы из Великобритании С. Бэдкок, посвященная революции в российской провинции (на материале Нижегородской и Казанской губерний)⁷. В ней ученый подчеркивает раскол между центральной властью и провинцией. Большое внимание в монографии уделяется политической

¹ *Petrone K.* Life has become more joyous, comrades: Celebration in the Time of Stalin. Bloomington and Indianapolis, 2000. P. 149–174; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Эннер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011.

² Подробнее см.: *Коновалов В.С.* Крестьянство России в годы войны и революции // 1917 год. Россия революционная. Сборник обзоров и рефератов. 2-е изд. испр. и доп. М., 2009. С. 105–152.

³ *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.

⁴ *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution. 1891–1924. L., 1996.

⁵ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Телицын В.Л.* «Бесмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003.

⁶ Об этом см.: *Novikova L.* The Russian Revolution from a Provincial Perspective. P. 769–785.

⁷ *Badcock S.* Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007. На русском было опубликовано авторское резюме монографии: *Бэдкок С.*

жизни в регионах. Автор настаивает на том, что не приходится говорить о проекции модели «двоевластия», сложившейся в Петрограде, на провинцию, уместнее констатировать «распыление власти» между многочисленными политическими и социальными акторами. Демократизация и децентрализация, проводимые Временным правительством, в то время как воюющие страны напротив усиливали контроль за экономикой, управлением и политической жизнью, явились причинами потери управляемости провинцией центром. Интересно, что заметным историографическим трендом становится перекладывание вины за экономический кризис, повлекший падение царизма, на институты, до этого считавшиеся символом модернизации России (земства, Земгор и т. д.)¹.

Этническое измерение революции также не осталось без внимания ученых. Роль и место тех или иных народов в событиях 1917 г. до сих пор остается слабо изученным и перспективным направлением исследования революции. Тем не менее необходимо указать на работы о российских мусульманах в революции и Гражданской войне², евреях³, о среднеазиатском регионе⁴, Украине⁵ и т. д. В случае с «национальным» ракурсом революции до сих пор остро стоит вопрос о том, являлись ли революционные события на Украине, в Закавказье, Прибалтике и т. д. частью общероссийской революции или их следует рассматривать как особые «национальные» революции. Историки большинства постсоветских стран склонны их «национализировать», отрывая от общеимперского контекста. Напротив, российские ученые изучают революционные события на всем пространстве бывшей империи как важнейший фактор складывания новой советской государственности⁶.

В рамках исследований социальной истории науки и образования революционной эпохи утвердилась тенденция к отказу от свойственного советской и советологической историографической традиции резкого размежевания дореволюционной и постреволюционной эпохи. Подчеркивается преемственность в образовательной и научной политике между Российской империей и совет-

Переписывая историю Российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4. С. 103–112.

¹ *Мацузато К.* Земства во время Первой мировой войны: межрегиональные конфликты и падение царизма // *Земский феномен: Политологический анализ.* Екатеринбург, 2001. С. 144–198; *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.

² *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М., 2004; *Он же.* Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М., 2014.

³ *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006.

⁴ *Буттино М.* Революция наоборот: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.

⁵ «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. СПб., 2006; *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918 гг. М., 2007; *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2012.

⁶ *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924 гг. М., 2007; *Она же.* Этнокультурный дискурс в революционно контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос.

ской эпохой¹. Большой интерес вызывает изучение социальных и интеллектуальных практик «переживания» революционной эпохи российскими учеными². Революция 1917 г. и Гражданская война теперь оцениваются не как разрыв между «нормальным» развитием образования и науки, а как ее сложный, но важный этап развития.

Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь революция оказывается частью системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с прекращением гражданской войны. В концентрированной форме такой подход нашел свое выражение в монографии историка из США П. Холквиста, который тесно связал организационные практики военного времени и революционную политику Временного правительства и большевиков. Рецепция дореволюционного опыта проявилась и в том, что как «красные», так и «белые» проводили схожие мероприятия, несмотря на разницу в идеологии³. Российские исследователи В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева также вписывают революционный кризис в контекст мировой войны. С их точки зрения, революция выросла, скорее, не на экономической почве, а явилась результатом не оправдавшихся завышенных ожиданий общества от участия в войне⁴.

Схожей позиции придерживается авторский коллектив «Критического словаря Русской революции: 1914–1921», первое издание которого вышло на английском языке в 1997 г. Книга стала успешным примером международного сотрудничества ведущих специалистов по истории революции. В 2014 г. увидело свет русское издание⁵. Важно отметить, что уже в 1997 г. авторы словаря указывали на тревожные тенденции роста популярности конспирологических версий. К сожалению, с тех пор эта тенденция только усилилась.

Одним из центральных остается в историографии вопрос, были ли события Февраля 1917 г. результатом стихийного народного выступления или заранее подготовленного заговора «верхов»? Доминирующим в исторической литературе остается признание стихийного характера начала революции. В современной научной и публицистической литературе, тем не менее, можно встретить теории, изображающие революцию то как «сговор масонов», то как результат «сошествия антихриста», то как разгул «распоясавшейся черни» во главе с узкой группой авантюристов. Большинство исследователей отвергает конспирологическую вер-

¹ Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в.). М., 2011; Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012.

² Например: Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Историк на перепутье: научное сообщество в «Смуте» 1917 года // Диалог со временем. 2008. № 25-1. С. 87–108; Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. / авт.-сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

³ Holquist P. Making war, forging revolution Russia's continuum of crisis. 1914–1921. Cambridge; L., 2004.

⁴ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

⁵ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / сост. Эд. Акстон, У. Розенберг, В.Ю. Черняев. СПб., 2014.

сию революции. Они, в частности, сходятся во мнении, что масонство в России было прежде всего модой на ритуал, а не влиятельным политическим движением, хотя, по мнению В.И. Старцева, масоны сыграли определенную роль в усилении революционной ситуации в конце 1916 – начале 1917 г.¹

Имеет хождение и версия, согласно которой революция не имела серьезных внутренних оснований, а была подготовлена и совершена сначала «безответственными либералами», а затем перехваченными у них власть большевиками на иностранные деньги². С повестки дня не сходит и, казалось бы, давно закрытый вопрос о роли Германии и других стран в финансировании политической деятельности большевиков. Тему «германского следа» в революции изучил В.И. Старцев, который подтвердил, что сенсационные документы о финансировании Ленина и его партии из Германии являются фальшивками. Вывод историка однозначен: «Обе революции 1917 г. сделаны не на “немецкие деньги”, а самими нашими русскими людьми под русским же руководством»³. Не подтвердились и версии о ее финансировании властями Великобритании и США при участии находившегося в эмиграции Л.Д. Троцкого⁴.

Значительный резонанс получили работы известного историка и политика В.А. Никонова «Крушение России. 1917 год (М., 2011) и «Российская матрица» (М., 2014), в которых автор рассматривает события 1917 г. сквозь призму столкновения западной и российской цивилизаций. Он скептически оценивает роль объективных предпосылок 1917 г., настаивая на том, что за важными политическими событиями всегда стоят чьи-то интересы. Это приводит В.А. Никонова к выводу: свержение монархии носило «рукотворный характер».

Самостоятельный блок в исследованиях, посвященных 1917 г., в настоящее время занимают работы о династии Романовых и о последнем российском императоре Николае II⁵. Центральными являются вопросы о возможности сохранения монархии в России и о причинах ее крушения, а также в какой степени данный политический институт к 1917 г. утратил свою популярность⁶.

Важная историографическая особенность – рассмотрение революции как явления, которому предшествовал длительный подготовительный процесс. Не случайно в отечественной историографии появилась концепция В.П. Данилова о «великой крестьянской революции» 1902–1922 гг., согласно которой ключевые события в это время происходили в деревне, где «крестьянская революция» рас-

¹ *Старцев В.И.* Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996.

² См.: Тайна Октябрьского переворота: Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания / сост. В.И. Кузнецов. СПб., 2001; *Херш Э.* Кулленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004; *Кобылин В.С.* Анатомия измены. Истоки антимонархического заговора. СПб., 2005; и др.

³ *Старцев В.И.* Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского / науч. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2006.

⁴ *Саттон Э.* Уолл-Стрит и большевистская революция. М., 1998.

⁵ См.: *Полунов А.Ю.* Романовы: между историей и идеологией // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 83–99. *Июффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992.

⁶ *Боханов А.Н.* Император Николай II. М., 2006. С. 420–425; *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

тянулась более чем на 20 лет¹. Германские исследователи Б. Бонвеч и М. Хильдермайер начинают рассмотрение причин революции 1917 г. с периода «великих реформ» второй половины XIX в. и расценивают 1905–1921 гг. как время единой российской революции². Но не только признание преемственности между дореволюционной эпохой и революцией стало историографической нормой.

Многие исследователи продолжают рассматривать политическую революцию как отправную точку в совершении большевиками настоящей социоментальной революции. Ш. Фицпатрик рассматривает революцию как длительный процесс радикальной перестройки общества, который стартовал в 1917 г. и закончился только после 1937–1938 гг., когда даже коммунистическая партия жаждала установления стабильности и снижения масштабов революционного террора³.

Помимо концептуальных новаций, за постсоветский период заметно увеличился объем опубликованных источников по истории революционной эпохи. Значительный вклад в изучение российской политической истории внес много-томный издательский проект (рук. В.В. Шелохаев) «Политические партии России конца XIX – первой трети XX в. Документальное наследие», благодаря которому увидели свет документы, показывающие деятельность различных партий в 1917 г.⁴ Следует отметить и сборник документов и материалов «Февральская революция 1917 года» (М., 1996, сост. О.А. Шашкова). Фундаментальный характер носила публикация «Журналы заседаний Временного правительства» (Т. 1–4. М., 2001–2002). Фондом «Демократия» были подготовлены издания: «Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике: 1917–1953 гг.» (М., 1999), «Экология и власть: 1917–1990» (М., 1999); «Дело генерала Л.Г. Корнилова» (М., 2003)⁵. Большой интерес вызвала публикация документов, показывающих революцию как самоорганизующийся процесс⁶.

Подводя итог, следует обратить внимание на ряд особенностей, характеризующих современное состояние изучения революции 1917 г. По целому ряду ключевых проблем дискуссии продолжаются в течение десятилетий. К ним относятся

¹ *Данилов В.П.* Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992; *Он же.* История крестьянства в XX веке. Избранные труды. В 2 т. М., 2011.

² *Bonwetsch B.* Die Russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991; *Hildermeier M.* Die Russische Revolution 1905–1921. Frankfurt a. M., 1989.

³ *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. Oxford, 1994.

⁴ Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. В 6 т. М., 1994–1996; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1–3. М., 1997; Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998; *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 2–3. М., 2001; *Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы.* М., 2003; *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг.* Т. 2. Ч. 2. М., 2015; и др.

⁵ Оценку этих публикаций см.: *Козлов В.П.* Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М., 2013. С. 12–14.

⁶ *Voices of Revolution, 1917 / by Mark D. Stein.* New Heaven, 2001.

экономическое положение России в начале XX в., социальные и политические причины революции, роль в ней внешних факторов и др.

Господствующей историографической тенденцией стала трактовка событий 1917–1921 гг. как единой Великой российской революции, прошедшей в своем развитии несколько этапов, включая Февраль, Октябрь и Гражданскую войну. При этом особенно внимательно исследуется роль Первой мировой войны в нарастании революционной ситуации¹. Важным достижением, таким образом, стало утверждение в научной среде представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. Гражданская война ныне рассматривается как прямое следствие и продолжение 1917 г., как особый этап революционной эпохи. Следует также отметить характерное для современных исследований стремление раздвинуть хронологические рамки революции, анализировать ее в более широком историческом контексте как часть «эпохи великих потрясений» 1914–1921 гг. Кроме того, центр тяжести изучения революции все отчетливее смещается от событий 1917 г. в Петрограде и Москве к анализу революционных процессов в регионах России и на «национальных окраинах».

В последние десятилетия отечественная историография революции стала органичной частью мировой историографии этой темы. Произошло заметное расширение историографической и источниковедческой базы, становятся разнообразнее исследовательские методики и методологический инструментарий изучения революционной эпохи. Традиционные подходы с точки зрения политической и социально-экономической истории активно дополняются т. н. новыми историями. Взгляд на события 100-летней давности с позиций истории повседневности и культурной антропологии, микроистории, теории элит, гендерного анализа, этнопсихологии, истории эмоций позволяет по-новому оценивать, казалось бы, хорошо известные факты, но также ставить совершенно новые вопросы и исследовать темы, ранее остававшиеся на периферии внимания историков. Все это дает основание говорить о том, что изучение истории российской революции находится на подъеме, чему, несомненно, способствует и столетняя годовщина событий 1917 г.

¹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2014.

Раздел II. РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА (март 1917 – лето 1918 г.)

Русская революция сама по себе – настолько значительное событие мировой истории, что знание ее происхождения должно всегда интересовать всякого, кто изучает великие движения в истории человечества.

Дэвид Ллойд Джордж

(War Memoirs. 2nd ed. Vol. 1. London, 1938. P. 952)

Глава 1. РОССИЯ И МИР В 1917 г.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ СПОРЫ (Д.Б. Павлов)

Международное положение России накануне и после Февраля 1917 г., как и борьба по вопросам внешней политики в самой России имеют обширную отечественную и зарубежную историографию¹. На современном этапе внимание большинства авторов занимают не столько внешнеполитические сюжеты, сколько более общий вопрос о том, имела ли русская революция 1917 г. социально-экономические предпосылки². Между тем изучение революционной эпохи истории России в глобальном международном контексте остается одной из актуальных исследовательских задач.

¹ См.: *Kenan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. Russia Leaves the War. 2 vols. New Jersey: Princeton University Press, 1956, 1958; *Иоффе А.Е.* Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). М., 1958; *Ullman R.H.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. 3 vols. Princeton University Press, 1961, 1968, 1972; *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. Март – октябрь 1917 г. М., 1968; *Игнатъев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975; *Schuman F.L.* American Policy Toward Russia since 1917. A Study of Diplomatic History, International Law & Public Opinion. New York, 1977; *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretative History. New York, 1978; *Neilson K.* Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995; *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006; и др.

² Подробнее о полемике последних лет по этому вопросу см.: *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М., 2014.

В трактовке советских историков внешняя политика постфевральской России была либо совершенно тождественна самодержавной, либо имела с ней принципиальное сходство, будучи в своей основе столь же империалистической и реакционной¹. Однако вопрос о субъекте этой политики не получил однозначного разрешения. В соответствии с ленинской формулой о существовании в 1917 г. двух властных центров первоначально считалось, что буржуазная Россия проводила и две внешние политики – «керенщины» и меньшевистско-эсеровских Советов². Позднее возобладала точка зрения о «полной ответственности» за внешнеполитический курс Временного правительства вместе со «стоявшими за ним кругами», которые в коалиционный период включали и эсеров с меньшевиками, ставших правительственными партиями³. В 1990-е гг. решающую роль в определении политики постфевральской России на мировой арене некоторые историки стали отводить не правительству, а «общественным организациям» как «основному фактору» в принятии внешнеполитических решений⁴. Конечная цель этих конструкций заключалась в стремлении противопоставить «революционно-интернационалистскую» платформу большевиков внешнеполитическим взглядам всех прочих участников политического процесса.

Советские историки были единодушны в том, что дальнейшее участие в войне ставило Россию на грань катастрофы и грозило ей выпадением из синклита великих держав. Одновременно «антинародная» внешняя политика Временного правительства рассматривалась как важная предпосылка и слагаемое «предоктябрьской революционной ситуации»: с одной стороны, она обусловила кризис верхов как один из базовых факторов нового революционного подъема, а с другой, – способствовала осознанию массами необходимости передачи власти большевистским Советам как единственному пути к немедленному заключению мира. Было принято считать, что лишь приход к власти большевиков вывел страну из внешнеполитического тупика и положил начало «политике подлинного национального величия»⁵. Вопиющее противоречие последнего утверждения Брест-Литовскому национальному и геополитическому провалу и, как следствие, многолетней утрате Россией системообразующей роли в международных отношениях проистекало

¹ Волобуев П.В., Голиков Г.Н. Временное правительство // Советская историческая энциклопедия (СИЭ). Т. 3. М., 1963. С. 766–772; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 491–492; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. С. 425–426. Различия в проведении царским и буржуазным режимами своего внешнеполитического курса Игнатъев усматривал как в его формах и методах (в отличие от своего предшественника Временное правительство, особенно в коалиционный период, указывал он, широко применяло демократическую и даже социалистическую фразеологию), так и в тенденции к сокращению своих захватнических притязаний.

² Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика керенщины // Очерки по истории октябрьской революции / под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 349–446.

³ Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 494.

⁴ Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / под ред. Ю.А. Писарева и В.Л. Малькова. М., 1994. С. 71.

⁵ Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. С. 430; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 494–495.

из подмены советскими историками российских общенациональных интересов узкопартийными (большевистскими) задачами.

На Западе в 1950-е – 1990-е гг. вышли фундаментальные труды, в той или иной степени посвященные международным аспектам революции 1917 г., европейцев Б. Пэрса, А. Тэйлора, Дж. Вествуда, М. Ферро, американцев Дж. Кеннана, Л. Гарднера, Р. Уэйда, Р. Пайпса, А. Улама¹. Особо следует отметить выдержавшую на Западе два издания книгу американского историка Роберта Уорта «Союзники и русская революция: от свержения монархии до мира в Брест-Литовске»², которая явилась первым и, пожалуй, по сей день наиболее добротным специальным исследованием отношения стран Антанты к России в 1917–1918 гг.

Эти работы выполнены с использованием опубликованных в 1920-е – 1930-е гг. мемуаров и публицистики очевидцев и непосредственных участников революционных событий – государственных и общественных деятелей, дипломатов и др., и в конечном счете нацелены на выяснение причин падения Временного правительства и прихода к власти большевиков. После распада СССР эти вопросы потеряли прежнюю общественно-политическую остроту, и, может быть, отчасти поэтому в исторических исследованиях, опубликованных на Западе в последние два десятилетия, тема «Россия и мир в 1917–1918 гг.» звучит мельком, а порой и вовсе не затрагивается³.

Зарубежных исследователей внешней политики и международного положения России от Февраля к Октябрю можно условно разделить на две группы. Представители первой делают акцент на фактическом «безвластии» Временного правительства и «всесилии» Советов, перекладывая, таким образом, на последние ответственность за курс постфевральской России на мировой арене. «Реальной властью обладали Советы, – считает Джон Вествуд, – <...> Причины “неудачи” Февральской революции следует искать в Советах, а не во Временном правительстве». В важнейшем вопросе об отношении к войне, указывает этот исследователь, эсеро-меньшевистские Советы вели себя крайне непоследовательно. Не

¹ *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. Oxford, 1954; *Idem.* From Sarajevo to Potsdam. London, 1965; *Pares B.* A History of Russia. 4th ed. New York, 1966; *Wade R.A.* The Russian Search for Peace. February–October 1917. Stanford University Press, 1969; *Ferro M.* The Russian Revolution of February 1917 / translated from French. London, 1972; *Gardner L.C.* Imperial America: American Foreign Policy Since 1898. New York & Chicago, 1976; *Westwood J.N.* Endurance and Endeavor. Russian History, 1812–1980. Oxford University Press, 1981; *Ulam A.B.* Russia's Failed Revolutions. From the Decembrists to the Dissidents. New York, 1981; *Паїнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994; *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1997; и др.

² *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. From the Fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. 2nd ed. New York, 1973 (на рус. языке: *Уорт Р.* Антанта и русская революция. 1917–1918. М., 2006).

³ См., например: *Petro N.N., Rubinstein A.Z.* Russian Foreign Policy: From Empire to Nation-State. New York: Longman, 1997; *Lieven D.* Russia, Europe and World War I // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921 / ed. by Edward Acton, Vl. Cherniaev & W. Rosenberg. London, 1997. P. 46–48 (на рус. языке: Критический словарь русской революции: 1914–1921 (Систематический свод аналитических статей). СПб., 2014; *Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century* / ed. by Ronald G. Suny. Cambridge University Press, 2006.

сумев заручиться безоговорочным одобрением окончания войны по формуле «без аннексий и контрибуций» ни у себя дома, ни в правительствах Антанты, ни даже у западных «левых», они оказались в тупике; образовавшийся вакуум заполнили большевики, что и открыло им путь наверх¹.

Отметим от себя, что при такой трактовке неизбежно возникает вопрос о смысле событий 25 октября / 7 ноября 1917 г. Согласно давно существующему в отечественной историографии взгляду, расклад сил в российской власти от Февраля к Октябрю последовательно прошел три этапа: (1) двоевластия в марте–июне с гипотетической возможностью мирного перехода всей власти к Советам, (2) фактического безвластия Советов в июле–августе ввиду «открытого перехода» меньшевиков и эсеров «в лагерь контрреволюции» и (3) обретения большевизировавшимися Советами полновластия в сентябре–октябре². Однако сегодня эта схема ставится под сомнение. Вслед за некоторыми западными исследователями Н.А. Коваленко полагает, что двоевластие, если и существовало, то лишь временно и в центре, в то время как ситуацию в масштабах всей страны точнее определять как «многовластие»³. В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева идут еще дальше – они призывают не преувеличивать «политических возможностей» Петросовета и объявляют его коллизии с Временным правительством не более, чем разновидностью «диалоговой формы взаимоотношения власти и общества»⁴.

На схожем с Вествудом идейном поле оперирует Ричард Пайпс. «Теоретически “Временный комитет” Думы, вскоре переименованный во Временное правительство, – пишет он, – нес всю административную ответственность, а функции Совета сводились к контролю, какой может осуществлять законодательный орган по отношению к исполнительному. В действительности, однако <...> Совет, или, вернее, его Исполком, распоряжался и устанавливал законы по своему усмотрению»; Совет «захватил безраздельную власть над вооруженными силами <...> он диктовал и военные цели России. Таким образом, правительство теряло власть как в военной сфере, так и в сфере иностранной политики»⁵.

«Если в период между Февралем и Октябрем и существовала ключевая властная точка, таковой являлись Советы, особенно Петросовет, – развивает ту же мысль коллега Пайпса Рекс Уэйд, – <...> важнейшей проблемой был вопрос о войне и мире, и именно в нем провал умеренных [социалистов] стал поистине катастрофическим; их несостоятельность в этой сфере более чем что-либо другое привела к Октябрю»⁶. «Вместо того, чтобы взять власть еще в период апрельского

¹ *Westwood J.N.* Endurance and Endeavor. P. 226–227, 229. Здесь и далее перевод на рус. язык автора.

² *Токарев Ю.С.* Двоевластие // СИЭ. Т. 5. М., 1964. С. 13–15; *Smirnov N.* The Soviets // Critical Companion to the Russian Revolution. P. 431–432.

³ *Коваленко Н.А.* «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. 2007. № 113. С. 21.

⁴ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015. С. 479–480, 484, 492.

⁵ *Папс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 325, 333, 352.

⁶ *Wade R.A.* The Russian Search for Peace. P. V–VI. «Великая война создала такую ситуацию в России, Австрии и Германии, что монархии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов пали, – пишет Роберт Сервис. – Она также дала возможность большеви-

кризиса, используя мандат доверия масс, – описывает ту же ситуацию под другим углом зрения Орландо Файджес, – лидеры Советов поддержали уже дискредитированное либеральное правительство. Тем самым они приобрели репутацию защитников “буржуазного” государства, и инициатива продолжения революции под лозунгами хлеба, земли и мира перешла к большевикам»¹.

Другая группа западных историков также базируется на представлении о несамостоятельности Временного правительства в выборе внешнеполитического курса, но ставит его в решающую зависимость уже от союзников². Одну из основных причин его фиаско они усматривают в неадекватных российским реалиям действиях лидеров стран Антанты и их послов в России, развивая, таким образом, взгляды ряда союзных дипломатов, изложенные ими в своих автобиографических сочинениях. Так, англичанин Брюс Локкарт на правах очевидца революции, тесно контактировавшего с ее главными действующими лицами, включая А.Ф. Керенского, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, «долю ответственности за триумф большевизма» прямо возлагал на правительства Англии и Франции³.

Наиболее отчетливо это историографическое направление представляют работы Джорджа Кеннана и Роберта Уорта. Первый констатировал, что союзники, «обращаясь к руководителям Временного правительства с одновременными призывами к внутривнутриполитической консолидации и продолжению войны, просили о невозможном»; «нереальными» называл он и надежды некоторых советских и государственных деятелей России, а вслед за ними и правительств Антанты и США на восстановление боевого потенциала русской армии, которая под влия-

кам захватить власть в октябре 1917 г. Если бы не Великая война, Ленин так и остался бы эмигрантским теоретиком, марающим бумагу в швейцарских библиотеках, и будь Николай II отстранен от власти в мирных условиях, последующее водворение коммунистического строя вряд ли могло состояться» (*Service R. A History of Modern Russia: From Nicholas II to Vladimir Putin. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. P. 25–26*). О роли войны в свержении самодержавия и последующем приходе к власти большевиков см. также: *Smith S.A. The Revolutions of 1917–1918 // Cambridge History of Russia. Vol. III. P. 138–139; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010. С. 650, 675.*

¹ *Figes O. A People's Tragedy. P. 384.*

² Такой подход близок точке зрения раннесоветской историографии, согласно которой Россия занимала в Антанте подчиненное, «полуколонияльное» положение и воевала как «экономический вассал антантовского, англо-французского империализма» (*Покровский М.Н. Предисловие // Очерки по истории октябрьской революции / под ред. М.Н. Покровского. Т. 1. М.; Л., 1927. С. VI*). Однако с середины 1950-х гг. вокруг вопроса о статусе России в Антанте развернулась дискуссия (см.: *Граев Б.Б. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. 1956. № 6*). Наиболее взвешенный вывод сделан А.В. Игнатьевым, который отмечал, что в ходе войны «влияние царизма в антигерманской коалиции в целом уменьшалось», одновременно констатируя, что в 1917 г. Россия «оставалась в ряду трех ведущих держав Антанты» (*Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. С. 11, 427*).

³ *Lockhart B.R.N. The Two Revolutions. An Eye-Witness Study of Russia, 1917. London, 1957. P. 91*; см. также: *Idem. Memoirs of a British Agent, Being an Account of the Author's Early Life in Many Lands and of his Official Mission to Moscow in 1918. London & New York, 1932*. См. также: *Grenard F. La Revolution russe. Paris, 1933.*

нием большевистской пропаганды была «полудеморализована и жаждала лишь земли». В общем, требование союзников, включая США, к России возобновить военные усилия «фактически находилось в конфликте с другой важнейшей целью американской политики в отношении Временного правительства, именно – с тем, чтобы конституционно-демократический эксперимент в России успешно продолжался», – дипломатично заключал Кеннан¹.

Уорт пришел к выводу, что в основе «политики и дипломатии союзников лежало полное непонимание смысла событий Русской Революции и ее действующих сил. Союзников <...> главным образом беспокоило успешное продолжение войны, но те идеалы, за которые они, по их разумению, сражались, нигде так грубо и очевидно не противоречили практике, как в России, равно демократической и большевистской»². Под нажимом Антанты Временное правительство до последнего придерживалось курса на войну, что в итоге и привело его к краху. «Трагедия Временного правительства в 1917 г., – отмечал Александр Даллин, – по крайней мере, отчасти, состояла в том, что оно не смогло идентифицировать себя с движением за мир»³.

Вероятно, уместно будет рассмотреть и историографическую ситуацию вокруг проблемы «немецкого золота» в революции 1917 г., которая столь оживленно обсуждается в современной России⁴. О том, что «германские деньги были в числе факторов, содействовавших [февральскому] перевороту», министр иностранных дел П.Н. Миллюков, по воспоминаниям его самого и В.Д. Набокова, говорил в правительстве еще весной 1917 г., что не встретило возражений со стороны других министров (кроме А.Ф. Керенского)⁵. Несмотря на это, следы «немецкого золота» современники событий и позднейшие исследователи, как правило, искали и ищут не в Мариинском дворце (резиденции правительства), а в большевистской (реже в эсеровской) кассе. Незадолго до октябрьского переворота министр иностранных дел М.И. Терещенко приватно известил британского посла, что к тому времени большевики через разные банки в общей сложности получили от герман-

¹ *Kenan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. P. 23–25.

² *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. V.

³ *Dallin A.* The Use of International Movements // Russian Foreign Policy. P. 319.

⁴ Из вышедших за последние годы в России исследований и документальных публикаций, специально посвященных этой теме, отметим следующие: *Соболев Г.Л.* Русская революция и «немецкое золото». СПб., 2002; *Он же.* Тайный союзник. Русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009; *Макаренко П.В.* Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5; *Попова С.С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010; Германия и революция в России. 1915–1918. Сб. документов / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2013.

⁵ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 586. Согласно позднему и не слишком убедительному толкованию Керенского в духе «теории двух заговоров», Миллюков хотел этим сказать, что одной из главных причин Февраля стала повсеместная «уверенность в измене “у самого трона”»: *Керенский А.Ф.* Ленин на службе у кайзера. Письмо в редакцию // Русская мысль. 1956. 14 июня.

ских властей порядка 34 млн руб.¹, или 57 млн немецких марок. Германский социал-демократ Э. Бернштейн, изучавший этот вопрос вскоре после подписания Версальского мира, по свидетельствам своих высокопоставленных соотечественников, сообщал о 60 млн марок, потраченных Берлином на те же цели². Таким образом, сведения Терещенко подтвердились с немецкой стороны.

Вслед за волной публикаций на тему «Ленин и большевики – германские шпионы», захлестнувшей западноевропейскую и американскую прессу в 1917–1921 гг., на Западе по этому вопросу вплоть до Второй мировой войны писали преимущественно российские эмигранты, публицисты и мемуаристы³. Для советской историографии этой проблемы не существовало – с точки зрения советских историков, подобная «стародавняя клевета»⁴ была недостойна досконального рассмотрения. Большинство эмигрантов не сомневалось, что в 1917 г. большевики работали главным образом на немецкие деньги и в интересах Германии. Керенский, например, утверждал, что в 1917 г. в российском «тылу действовали начиненные внешним врагом и Лениным живые бомбы» и «если бы у Ленина не было опоры во всей материальной и технической мощи немецкого аппарата пропаганды и немецкого шпионажа, ему никогда не удалось бы разрушение России», но при этом не считал, что большевистский вождь «был германским агентом в прямом значении этого слова»⁵.

Версию о большевиках как, по сути, марионетках Берлина подкрепляли документальные материалы, в конце 1917 г. приобретенные представителем Белого дома в Петрограде Эдгаром Сиссоном и в 1918 г. опубликованные американским правительственным Комитетом по общественной информации под заглавием «Германо-большевистский заговор»⁶. Но в середине 1950-х гг. американский историк и дипломат Дж. Кеннан доказал апокрифичность большей части «документов Сиссона»⁷ (позднее к тем же выводам пришли петербургские исследователи Г.Л. Соболев и В.И. Старцев), что окончательно сделало тему «немецкого

¹ National Archives (UK). Foreign Office. Russia: Correspondence. 371. Vol. 2999. L. 185 (Посол Дж. Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 25 октября 1917 г.).

² *Foglesong D.S. Foreign Intervention // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. P. 107–108; Германия и революция в России. С. 6 (От редактора-составителя).*

³ См.: *Kerensky A.F. The Catastrophe. Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. New York & London, 1927; Бурицев В.Л. Юбилей предателей и убийц (1917–1927). Париж, 1927; Он же. Преступления и наказания большевиков. По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц. Париж, 1938; Chernov V. The Great Russian Revolution. New Haven: Yale University Press, 1936; Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940 (2-е изд. Нью-Йорк, 1989; 3-е изд. М., 2007); и др.*

⁴ *Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 19.*

⁵ *Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство // Современные записки. Париж, 1934. № 55. С. 271; Он же. Русская революция. 1917 / пер. с фр. М., 2005. С. 212.*

⁶ Ту же подборку из 68 документов Сиссон воспроизвел в приложении к своей «Хронике большевистской революции», вышедшей в 1931 г. См.: *Sisson E. One Hundred Red Days: A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. New Haven: Yale University Press, 1931.*

⁷ См.: *Kenan G.F. The Sisson Documents // Journal of Modern History. 1956. Vol. 28. No 2. P. 130–154. Несмотря на это, в 1977 г. документы из «коллекции Сиссона» в США были изданы вновь.*

золота» в русской революции маргинальной. Фальшивки появлялись в печати и дальше¹, но уже с 1950-х гг. на Западе стали публиковаться подлинные и аутентичные документы высших государственных учреждений Германии о поддержке Берлином большевистского движения, а затем и основанные на них исторические исследования².

По мнению зарубежных историков, за 1915–1917 гг. Германия в общей сложности направила не менее 30 млн марок на антивоенную пропаганду в России, львиная доля которых, вероятно, пошла на финансирование большевистских изданий. Современные отечественные авторы определяют такие германские «инвестиции», шедшие сразу по нескольким каналам, в 40–50 млн марок³. Высказано предположение, что большая часть этих сумм не была направлена непосредственно в Петроград, а, достигнув Швеции, в видах маскировки, использована доверенными большевиков Я.С. Ганецким и его родственницей Е.М. Суменсон на закупку дефицитных товаров (медикаментов) для их последующей перепродажи в России⁴. Такая схема дала возможность той же Суменсон позднее утверждать, что она финансировала большевиков из собственных средств⁵.

В итоге современные исследователи не оспаривают стремления германских властей воздействовать на внутриполитическую ситуацию в России в выгодном для себя направлении. Признавая факт тайного субсидирования Берлином ленинской партии, большинство из них, однако, не склонно считать большевиков исключительно орудием германской политики и усматривать первопричину падения Временного правительства в германо-большевистском сговоре. В доказательство низкой эффективности немецких субсидий такого рода историк Ю.Г. Фельштинский, например, сообщает, что «на так называемую “мирную пропаганду” Германия за годы войны направила не менее 382 млн марок, «причем

¹ Например, в 1986 г. Ю.Г. Фельштинский опубликовал «копию доклада» Заграничной агентуры Департамента полиции о посещении В.И. Лениным посольства Германии в Берне в декабре 1916 г., сохранившуюся в собрании Г.А. Алексинского в Бахметевском архиве Колумбийского университета. См.: *Фельштинский Ю.* Еще раз о Ленине и немецких деньгах. Документы архива Заграничной агентуры Департамента полиции Российской империи // Континент. Париж, 1986. Кн. 50. С. 313–317.

² См.: *Katkov G.* German Foreign Office Documents on Financial Support to the Bolsheviks in 1917 // International Affairs. London, 1956. Vol. 32. P. 181–189; *Hahlweg W.* Lenins Rueckkehr nach Russland, 1917. Leiden, 1957 (на рус. языке: *Хальвег В.* Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М., 1990); *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / ed. by Z.A.B. Zeman.* London: Oxford University Press, 1958; *Zeman Z.A.B., Scharlau W.B.* The Merchant of Revolution. The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867–1924. London: Oxford University Press, 1965 (на рус. языке: *Земан З., Шарлау В.* Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991); *Possony S.* Lenin: the Compulsive Revolutionary. Köln, 1965; *Bonnin G.* Les Bolsheviks et l'argent allemand pendant la premiere guerre mondiale // *Revue historique.* 1965. P. 101–127; *Пушкарев С.Г.* Ленин и Россия. Франкфурт, 1978; *Lyandres S.* The Bolsheviks' «German Gold» Revisited. An Inquiry into 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995; и др.

³ См.: *Лукоянов И.В.* Революционеры и националисты как союзники Берлина // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 1. С. 711, 713.

⁴ Там же. С. 712.

⁵ *Кускова Е.* В дополнение... // Русская мысль. 1956. 17 мая.

до мая 1917 г. на Румынию или Италию денег было потрачено больше, чем на Россию, что не помешало и Румынии, и Италии выступить в войне на стороне Антанты»¹.

Решение Ленина «принять германские деньги было абсолютно логичным», считает Адам Улам, «как бы отвратительно это ни выглядело в глазах обычного члена большевистской партии или любого другого социалиста»: торопиться из эмиграции в Россию и сделать этот шаг, «которого он избегал вплоть до самой революции, его, безусловно, толкнула тревога за распространение среди его сторонников [в России] демократической и пацифистской заразы»². То, что власти Германии оказали большевикам финансовую поддержку, вовсе не означает, как впоследствии считали многие, будто те превратились в немецких агентов, отмечает О. Файджес³. Поскольку большевизм «был врагом противника Германии – русского правительства», он, по мнению Р. Уорта, являлся ее «законным орудием в борьбе за военное превосходство»⁴, а «то, что у Ленина и большевиков хватило политической мудрости понять очевидное и начать кампанию за мир, в большей степени явилось результатом бесплодия буржуазного руководства» страны. Уже осенью 1917 г., пишет далее Уорт, стало «неоспоримо», что «большевики и немцы не заодно», и характер их последующих взаимоотношений показал это с еще большей наглядностью⁵. По словам Роберта Сервиса, большевики «блестяще», хотя и «неумышленно» обеспечили Германии достижение ею своей главной цели – «разложения России как военной силы политическими методами»⁶.

Американский биограф Ленина Р. Пейн, соглашаясь, что большевистская партия и германское руководство преследовали идентичные цели («те и другие стремились к уничтожению государственной власти в России»), одновременно подчеркивает, что Ленин по масштабу личности и просто «по своей натуре» не годился в германские марионетки⁷. Добавим, что стремление вождя мирового пролетариата уже в 1918 г. начать разжигать общеевропейский революционный «пожар» именно с Германии заставляет задуматься, кто в ситуации с «немецким золотом» годичной давности был «охотник», а кто «дичь». Британский биограф большевистского вождя, называя проблему «немецкого золота» «устойчивой мифологемой Революции» и не отрицая, что эти деньги могли оказаться в большевистской кассе, подчеркивает, что Ленин ни в коем случае не являлся германским агентом, получавшим приказы из Берлина. «Германия и большевики, – пишет

¹ Германия и революция в России. С. 9 (От редактора-составителя).

² *Ulam A.B. Russia's Failed Revolutions.* P. 330, 331, 333. См. также: *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 57–60.

³ *Figes O. A People's Tragedy.* P. 385.

⁴ В схожем контексте мемуарист Бернард Пэрс, а вслед за ним и историк Вествуд приводят позднейшее высказывание начальника штаба Восточного фронта генерала Макса Гофмана о том, что Германия имела такое же право «атаковать Россию Лениным», как ее действующую армию – отравляющими газами (*Pares B. My Russian Memoirs.* London, 1931. P. 426; *Westwood J.N. Endurance and Endeavor.* P. 235).

⁵ *Warth R. The Allies and the Russian Revolution.* P. 42, 50, 201.

⁶ *Service R. A History of Modern Russia.* P. 75.

⁷ *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть / пер. с англ. М., 2003. С. 342.

Кристофер Рид, – имели ряд общих интересов, в частности, в военном ослаблении России, но их цели были совершенно различны. Ленин в числе прочего стремился превратить Россию в рычаг для ликвидации Германской империи, что, конечно, не входило в намерения кайзера!»¹.

Глава 2. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

(Д.Б. Павлов)

2.1. Тайные расчеты германской коалиции

Весть о свержении российского самодержавия мировое сообщество встретило с воодушевлением, мир с жадным вниманием следил за развитием событий в России. Но в государствах германского блока поначалу преобладала тревога. Печать высказывала опасения, что, заполучив власть, русская буржуазия будет вести войну «до конца», превратив саму Россию в «британскую марионетку». Австро-Венгрия продолжала держать на востоке почти половину (48 %) своих сухопутных сил, а количество германских дивизий даже возросло с 72 в апреле до 78 в июне 1917 г.², а потом и до 80; число орудий разного калибра за тот же период увеличилось на 640 единиц. Однако, учитывая рост в России антивоенных настроений и не желая провоцировать там патриотический подъем, военно-политическое руководство Германии сознательно не воспользовалось революционной сумятицей в стане врага и временным замешательством его командования. С санкции кайзера Берлин отказался от проведения крупных военных операций против России, «которые могли бы привести к восстановлению [в ней] единства»³. В первые два месяца после свержения самодержавия на русско-германском фронте, подтверждает А.Ф. Керенский, установилось «фактическое перемирие»⁴. 30 марта⁵ в интервью официальной газете «Fremdenblatt» австрийский министр иностранных дел граф Оттокар Чернин заявил, что «народы русской империи» «каждый день могут заключить почетный мир с центральными державами»⁶ («Австро-Венгрия уже сильно подумывает о сепаратном мире», – отметит вскоре его русский коллега П.Н. Милоков⁷). Власти Германии сосредоточились на подрыве восточного противника изнутри.

¹ *Read Ch.* Lenin: A Revolutionary Life. London & New York, 2005. P. 161.

² *Ferro M.* The Russian Revolution of February 1917 / translated from French. London, 1972. P. 195.

³ Посланник в Швеции барон Г. фон Люциус – в МИД Германии. Стокгольм, 24 марта 1917 г. (с одобрительной пометой Вильгельма II) // *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 285, 400.

⁴ *Керенский А.Ф.* Союзники и Временное правительство // *Современные записки.* Париж, 1934. № 55. С. 279.

⁵ Здесь и далее одиночные даты даются по новому стилю, двоянные – по старому и новому календарям.

⁶ Русские ведомости. 1917. 9/22 апр. С. 3 («Граф Чернин о русской революции и мире»).

⁷ Русские ведомости. 1917. 17/30 апр. С. 2 («В партии народной свободы»).

Официальный Берлин, как и правительства Антанты, не прельщала «циммервальдская» формула мира «без аннексий и контрибуций». Поэтому его главная ставка в разрушении государственных устоев России была сделана на «левых» радикалов-«пораженцев» – большевиков, а также на националистов, особенно финских и украинских. Последних, утверждает З.А. Земан, германское внешнеполитическое ведомство активно, хотя и негласно поддерживало, по крайней мере, с 1916 г.¹ По сведениям Милокова, немцы задолго до 1917 г. стремились «раздуть украинский сепаратизм, чтобы, в худшем случае, создать русской армии новые затруднения в тылу, а в лучшем подготовить себе союзников, если удастся перенести театр военных операций на русский юг, и даже создать возможность отделения Украины от России в случае удачного исхода этих операций»². Информация Милокова находит подтверждение с немецкой стороны³. Историки М. Креггер и Г. Герцфельд констатируют, что с началом войны в стремлении ускорить крах своего противника на востоке германские дипломаты наряду со «стратегиями революционизации» делали ставку на «инонациональные части Российской империи – от Финляндии до Украины»⁴.

Петербургский историк И.Н. Новикова такой курс Берлина, причем в отношении не только России, метафорически изображает в виде двух перекрещивающихся осей – вертикальной (разжигание социально-политической напряженности в лагере противника руками субсидируемых извне революционеров) и горизонтальной (стимулирование межнациональных конфликтов силами мотивированных таким же способом радикалов-националистов)⁵. В общем, имелось в виду расчленить Россию под лозунгом самоопределения ее народов при одновременном ее политическом разложении изнутри. По мнению гамбургского историка Фрица Фишера, этот курс был предназначен «стать средством освобождения немецких вооруженных сил на Востоке и содействовать осуществлению одной из целей войны – оттеснению России как можно дальше от границ Германии»⁶.

¹ Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / ed. by Z.A.B. Zeman. London: Oxford University Press, 1958. P. 23.

² Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1919. С. 95.

³ «Украина и другие государственные образования, – утверждал в 1919 г. в интервью британской газете «Дейли Мейл» бывший начальник штаба Восточного фронта генерал М. Гофман, – не более как эфемерное создание <...> В действительности Украина – это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир, хотя бы с одной частью России». Цит. по: Рыбас С.Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. М., 2014. С. 312–313.

⁴ Цит. по: Лебедев С.К. Иностранная историография Первой мировой войны // Первая мировая война и конец Российской империи. Т. 1. Политическая история / под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 2014. С. 44. Подробнее о попытках Берлина использовать в своих целях украинское национальное движение и деятельности эмигрантских организаций российских националистов (особенно «Лиги инородцев России») см.: Там же. С. 713–717; Новикова И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 324–329.

⁵ Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 65.

⁶ Цит. по: Там же. С. 65–66.

21 марта 1917 г. будущий министр иностранных дел Германии и ее посол в советской России, а тогда посланник в Копенгагене граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау телеграфировал в Берлин содержание своей только что состоявшейся беседы с «доктором Helphand»'ом – социалистом А.Л. Парвусом, своим давним конфидентом, которому еще в декабре 1915 г. выдал миллион рублей «на потребности революционного движения в России»¹ из 20 млн рублей, затребованных Парвусом «для полной организации русской революции». «По его [Парвуса] мнению, в настоящий момент, – говорилось в телеграмме Брокдорфа, – [в России] происходит конфликт между умеренными либералами и социалистами, и у него нет сомнений в победе последних. При этом победа социал-демократов в России означает мир». На вопрос посла о текущих настроениях в русской армии Парвус сообщил, что если в среде высшего офицерства еще заметно желание воевать, то «нижние чины сплошь хотят мира, причем особенно важно, что солдаты поголовно братались с рабочими»; «как только амнистия политзаключенных вступит в силу»², – пообещал тут же российско-германский социал-демократ, – [у немецких властей] появится возможность, используя прямые контакты с социалистами, эффективно действовать против Милюкова и Гучкова»³ – либералов, ключевых министров Временного правительства, последовательных сторонников участия России в войне в составе Антанты.

Позаботились в Берлине и о политэмигрантах. 23 марта в ответ на их просьбу германскому послу в Берне, из конспиративных соображений переданную через посредника, внешнеполитическое ведомство ходатайствовало перед Генштабом о пропуске из Швейцарии через Германию в нейтральные страны и далее в Россию «ведущих русских революционеров». «В наших интересах, чтобы преобладало [их] радикальное крыло»⁴, – мотивировали дипломаты необходимость такого шага. Согласие командования последовало, и за организацию и оформление поездки российских социалистов незамедлительно взялись берлинские внешнеполитическое и военное ведомства. Спустя неделю секретный информатор ру-

¹ Статс-секретарь Германии – посланнику в Копенгагене. Берлин, 26 декабря 1915 г. // *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. С. 257. Вероятно, эти деньги были выделены на проведение всероссийской политической стачки под лозунгом «Свобода и мир!», детальный план подготовки и осуществления которой Парвус направил в МИД Германии в марте 1915 г. В письме статс-секретарю А. Циммерману от 2 апреля 1917 г., представляя «Dr. Helphand»'а министру и ходатайствуя об их встрече, Брокдорф характеризовал своего протеже «одним из первых, кто работал на результат, который сегодня является нашей целью» в России, и «уже добился исключительных успехов» [Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 32 (Депеша Брокдорфа Циммерману от 2 апреля 1917 г.), 140–152 (Меморандум Парвуса, полученный в МИД Германии 9 марта 1915 г.)].

² Общая политическая амнистия была объявлена 6/19 марта [Вестник Временного правительства. 1917. 8/21 марта. № 3 (49)].

³ Brockdorff-Rantzau to the Foreign Ministry. Copenhagen, 21 March 1917. No 476 // Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 25.

⁴ State Secretary Zimmermann to the Foreign Ministry Liaison Officer at General Headquarters. Berlin, 23 March 1917. No 461 // Ibid. P. 25–26.

ководителя Политического отдела германского Генштаба капитана Эрнста фон Хюльзена передал ему привезенный из Швейцарии список политэмигрантов, желавших вернуться на родину. В пояснительной записке заявителя с поразительной безапелляционностью констатировали, что «для Германии признается предпочтительным обеспечить выезд членов ленинской партии большевиков в числе около 40. Среди них Ленин и Рязанов из Берна <...> Не столь важно, что вместе с ними поедут 20–30 так называемых “революционных оборонцев” и меньшевиков, сторонников продолжения войны, – те в любом случае вернутся в Россию при содействии Антанты»¹. Выступая 2 апреля на межпартийном² совещании по вопросу о способе возвращения на родину (идея поездки через Германию принадлежала меньшевику Ю.О. Мартову), прозвучавшие опасения быть скомпрометированными проездом по вражеской территории во время войны В.И. Ленин парировал так: «Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»³. Однако ленинская уверенность была показной – опасаясь, что по поводу возвращения намеченным маршрутом на родине придется объясняться, как минимум, перед партийным «судом чести», большевистский вождь при первой возможности организовал сбор оправдательных документов.

Испытанные революционеры только собирались в дорогу, а граф Брокдорф уже набросал желательный сценарий развития внутривнутриполитической ситуации в России вследствие их приезда и меры Германии в этой связи. «Если мы в военном и экономическом отношениях будем в состоянии эффективно воевать до этой осени, – писал он в Берлин 2 апреля 1917 г., – для нас важно попытаться создать в России максимальный хаос. В этих видах нам следует избегать любого открытого вмешательства в развитие русской революции. С другой стороны, я убежден, что мы должны делать все возможное, чтобы тайно углубить раскол между умеренными и радикальными партиями. В наших жизненных интересах победа последних, поскольку они обеспечат сильнейшие изменения, которые примут такие формы, которые неизбежно потрясут основы и самое существование Российской империи <...> я полагаю, что с нашей точки зрения, предпочтительнее поддержать экстремистов – этот путь вернее и быстрее приведет к какой-либо развязке. По всей вероятности, в течение примерно трех ближайших месяцев мы будем наблюдать развал такого масштаба, что сможем подавить русскую мощь военными средствами»⁴. Как видим, кратчайший путь к победе на Восточном фронте буду-

¹ Captain Hulsén [Political Section of the General Staff in Berlin] to the Foreign Ministry. Berlin, 30 March 1917 // Ibid. P. 27–28.

² Большевистские и меньшевистские «верхи» разделились еще в 1912 г.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. Март–октябрь 1917. М., 1973. С. 32–33. Подробнее об обсуждении в эмигрантских кругах предложения Мартова и демаршах, предпринятых большевиками для его осуществления, см.: *Бьеркегрэн Х.* Скандинавский транзит: Российские революционеры в Скандинавии, 1906–1917. М., 2007. С. 316–331.

⁴ The Minister in Copenhagen to the Foreign Ministry. 2 April 1917. No 528 // Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 31.

щий министр иностранных дел Германии видел в разгроме России, ослабленной изнутри «левыми» радикалами.

Сказанное, разумеется, не означает, чтобы власти Германии ощущали с ними какое-то идейное родство – как идейное течение российская социал-демократия их вообще не интересовала. В случае, если «мы не сможем до конца этого года продолжать воевать с шансами на успех, – заканчивал свою телеграмму Брокдорф, – нам следует попытаться *сблизиться* (курсив источника. – Д. П.) с умеренными [российскими] партиями, ныне находящимися у власти, и убедить их, что, настаивая на продолжении войны, они просто делают за англичан их работу и открывают двери реакции, тем самым ставя под угрозу завоеванные ими же свободы. Вдобавок следует указать милюковым и гучковым, что ввиду неясности положения в России британцы могут попытаться сговориться с нами за счет русских»¹. Иными словами, ради победы над Россией, а потом и для закрепления ее результатов германские власти в принципе были готовы сотрудничать с кем угодно, не исключая и те российские политические силы, которые, казалось, уже безвозвратно канули в лету².

3 апреля 1917 г. имперское казначейство удовлетворило полученную накануне просьбу МИД о выделении очередных 5 млн марок «на политические цели в России»³ (первый такой транш был направлен еще в июне 1915 г.⁴). Статс-секретарь (министр иностранных дел) Циммерман, ссылаясь на политическую необходимость, просил военные власти обставить транзит революционеров так, чтобы «всячески избегать причинять эмигрантам какие-либо неудобства и не огорчать их без нужды»⁵. Идиллию едва не нарушил Вильгельм II, экспромтом предложивший снабдить отъезжающих экземплярами «Белой книги» (изданным еще в августе 1914 г. сборником тенденциозно подобранных дипломатических документов, призванным снять с Германии ответственность за войну) и религиозной литературой – приближалась Пасха – «для просвещения» ими сограждан. Но со своей бестактностью кайзер опоздал – экстерриториальный вагон с 32 большевиками, близкими им бундовцами и меньшевиками-интернационалистами уже покинул его владения, и сами они плыли на пароме в шведский Треллеборг. Просьба Циммермана сработала – на территории Германии, в т. ч. при двукрат-

¹ Ibid.

² Весной–летом 1918 г., в преддверии неизбежного, как считали в Берлине, падения большевиков, статс-секретарь Р. фон Кюльман, ради «предотвращения консолидации России», настаивал на поддержке левацких («*furthest to the left*») партий. «Кадеты настроены антигермански, монархисты также будут бороться за пересмотр Брестского мирного договора», – мотивировал он свои соображения послу в России в письме от 18 мая 1918 г. Сам же посол граф В. Мирбах считал более предпочтительным опереться как раз на «умеренных правых» – октябристов и кадетов, «до последнего момента» продолжая, однако, поддерживать видимость своей лояльности большевикам (Ibid. P. 129, 138–139).

³ Ibid. P. 24.

⁴ Германия и революция в России. 1915–1918. Сб. документов / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2013. С. 63.

⁵ The State Secretary to Freiherrn von Lersner, the Foreign Ministry Liaison Officer at General Headquarters. Berlin, 5 April 1917. No 549 // Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 37.

ном пересечении ее границ и во время многочасовой остановки в Берлине, у революционеров, в большинстве граждан враждебной России, проблем с пограничными, таможенными, военными или полицейскими властями не возникло, притом, что их вагон, вопреки давно существующей легенде, не был апломбирован. 10 апреля германский посланник в Стокгольме получил указание Берлина обеспечить беспрепятственный проезд русских эмигрантов и через территорию Швеции.

Британский посол в Берне сэр Гораций Рамбоулд 3 апреля донес в Форин офис, что уже известил своего русского коллегу о том, что главное предназначение российских политэмигрантов, «на днях выезжающих с помощью немецких властей на родину», заключается в ведении энергичной пропаганды в рабочей и солдатской среде в пользу немедленного мира с Германией. Посол утверждал, что тем же способом правительство Германии «рассчитывает переправлять в Россию шпионов и провокаторов»¹. 5 апреля британское внешнеполитическое ведомство переправило депешу Рамбоулда своему послу в России с указанием немедленно ознакомить с ее содержанием МИД². Но министр Милюков эти предостережения, по сути, проигнорировал, предложив ограничиться публикацией имен «возвращенцев» в газетах (что, к слову сказать, сделано так и не было). Проезду русских эмигрантов через Швецию дипломатическими методами попыталось помешать французское внешнеполитическое ведомство, но и тут без успеха. Сделав 13 апреля остановку в Стокгольме, Ленин на встрече с местными «левыми» социал-демократами, по информации британского посла в Швеции, словно политик уже общероссийского масштаба заявил о готовности своей страны к сепаратному миру: «Если западные великие державы воспротивятся заключению всеобщего мира, Россия пойдет этим путем в одиночку»³.

Со своей стороны шведские социалисты мэр Стокгольма К. Линдхаген, Ф. Стрем, К. Карлесон, Т. Нерман и К. Чилбум письменно удостоверили целесообразность только что состоявшейся поездки своих российских единомышленников через Германию. Позднее к ним присоединился некий норвежец, и этим, как замечает шведский историк Ханс Бьеркегрен, оказалась исчерпана «международная поддержка, которой Ленин смог заручиться в защиту своего сотрудничества с главным врагом России в мировой войне»⁴. Зато из Лозанны на имя министра юстиции Керенского и председателя Петросовета Н.С. Чхеидзе вслед Ленину полетел телеграфный протест русских социалистов против «политического бесчестия», совершенного им и его сторонниками⁵.

Встретаться с Парвусом в шведской столице большевистский вождь демонстративно отказался, предусмотрительно потребовав от шведов запротоколировать этот факт. Ленин «категорически не желал дать хотя бы малейший повод по-

¹ National Archives (UK). Foreign Office. Russia: Correspondence (F.O.R.C.). 371. Vol. 3009. List 206 (Посол Г. Рамбоулд – в Форин офис. Берн, 3 апреля 1917 г. № 278).

² Ibid. L. 207 (Форин офис – послу Дж. Бьюкенену. Лондон, 5 апреля 1917 г. № 655).

³ Цит. по: Gardner L.C. Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York & Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 138.

⁴ Бьеркегрен Х. Скандинавский транзит. С. 331.

⁵ Русские ведомости. 1917. 5 (18) апр. С. 6 («Протест русских социалистов Лозанны»).

дозреть его в связи с немцами», – объясняет этот поступок его американский биограф¹. Парвусу пришлось вести переговоры с большевиком К.Б. Радеком – как подданный Австро-Венгрии тот оставался в Западной Европе и смог вернуться в Россию только осенью 1917 г. Затем «Dr. Helphand» отправился в Берлин на встречу с министром Циммерманом, а политэмигранты, без труда получив визы в российском Генконсульстве в Стокгольме, продолжили путь на родину. Поздним вечером 16 апреля их, по выражению того же историка, «боевой десант, который скоро, очень скоро захватит всю Россию»², благополучно прибыл в Петроград, где его восторженно приветствовали тысячи сторонников. Милюков и его коллеги-министры к возвращению Ленина отнеслись безразлично, правительственная пресса отмолчалась. «Въезд Ленина в Россию удался», – телеграфировал 17 апреля в Берлин резидент германской разведки в Стокгольме³.

Условием выхода России из войны была посвящена продолжительная беседа депутата рейхстага Маттиаса Эрцбергера (лидер партии католического центра, он входил в руководство правительственного «Центра для заграничной службы», ответственного за пропаганду вне Германии) с русским эмигрантом, журналистом и бывшим крупным чиновником Министерства финансов И.И. Кольшко. К тому времени этот авантюрист уже несколько лет осведомлял германскую дипмиссию в Стокгольме о положении дел в России, участвовал в неофициальных консультациях относительно условий российско-германского мира, а в начале 1917 г. вошел в контакт и с Парвусом⁴. Его беседа с Эрцбергером состоялась в шведской столице 19 апреля, и проект сепаратного мира, выработанный в ее ходе, немецкий парламентарий не мешкая переправил в Берлин⁵. В портфеле Кольшко, который, в свою очередь, бросился в Россию, вместе с тем же мирным проектом лежала крупная сумма, полученная от немцев на подкуп российской печати. Однако на родине незадачливый «посол мира» попал в поле зрения контрразведки и в начале июня 1917 г. был арестован. В числе конфискованных при аресте бумаг были все тот же мирный проект и личная переписка Кольшко, в которой «миротворец», в частности, сообщал в Швецию, что «почва для удаления из правительства Милюкова и Гучкова» вполне подготовлена. При всей скандальности обнаруженных материалов их было явно недостаточно для обвинения Кольшко в шпионаже, и вскоре он был отпущен на свободу под крупный залог⁶. В Берлине мирные инициативы в предложенном Кольшко и Эрцбергером формате также поддержки не получили в основном потому, что предполагали передачу России Галиции и черноморских проливов.

¹ *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть / пер. с англ. М., 2003. С. 308.

² Там же. С. 307.

³ Цит. по: *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия, 1914–1918. СПб., 2009. С. 190.

⁴ *Лукоянов И.В.* Иосиф Иосифович Кольшко и его «Великий распад» // *Кольшко И.И.* Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 7–10.

⁵ М. Эрцбергер – барону Э. фон Лангверту, руководителю Политического отдела МИД. 21 апреля 1917 г. (с приложением отчета о беседе с И.И. Кольшко) // Германия и революция в России. С. 117–125.

⁶ *Лукоянов И.В.* Иосиф Иосифович Кольшко. С. 11–12.

2.2. Упования Антанты.

Первые внешнеполитические шаги новой российской власти

Совсем иначе свержение самодержавия восприняли в странах антигерманской коалиции. 18 марта 1917 г. посол США телеграфировал из Петрограда в Вашингтон о «поразительной» шестидневной революции, в результате которой «200-миллионная нация, свыше тысячи лет находившаяся под властью абсолютной монархии, а ныне вовлеченная в величайшую войну в своей истории, принудила своего императора отречься от престола»¹. Российские события и шедшие оттуда призывы и идеи, вспоминал Уинстон Черчилль, миллионам людей «казались открывающими дверь в новый светлый мир Братства, Равенства и Науки»². Исследователи отмечают почти мессианское понимание Февраля западным сообществом, которое простиралось до восприятия революционного Петрограда новым Римом либо «меккой мирового социализма»³ – отношение, которое позднее в своих интересах с успехом эксплуатировали большевики.

Однако наиболее злободневными, естественно, оставались военные ожидания. В странах Антанты верили, что «движение за победу в войне» (*win the war movement*) получит настоящий размах только в новой, свободной России. «Армия и народ, – объясняла суть Февраля лондонская «Таймс», – взявшись за руки, сбросили реакцию, которая душила национальные устремления и усилия»⁴. Об установившемся в России «новом единении между армией, народом и Государственной думой» писала и «Вестминстер Газетт»⁵. «Народы британской империи, – утверждала 26 марта «Таймс», – никогда не рассматривали союз с Россией как личный союз с царем. Они <...> считали, что союз заключен с русским народом»⁶. Британские парламентарии в подавляющем большинстве восторженно отозвались на свержение самодержавия и в эйфории ожидали его последствий⁷. Митинг-приветствие победившей русской революции, состоявшийся 31 марта в лондонском Альберт-холле, собрал около 15 тыс. рабочих, которые свою уверенность, что «именно рус-

¹ Foreign Relations of the United States, 1917 (F.R.U.S.) (Посол Д. Фрэнсис – госсекретарю Р. Лансину в Вашингтон. Петроград, 18 марта 1917 г. № 1107) // <http://digicoll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1917.p1373&id=FRUS.FRUS1917&isize=M>

² Churchill W. The World Crisis. The Aftermath. London, 1929. P. 60.

³ Kolonitskii B. The “Russian Idea” and the Ideology of the February Revolution // Empire and Society: New Approaches to Russian History / ed. by T. Hara & K. Matsuzato. Sapporo, 1997. P. 41–71; *Idem*. The February Revolution of 1917 as a World Revolution [Доклад на международном симпозиуме «Russia and Global History». Саппоро, 30–31 июля 2015 г.] // <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/15summer/index.html>

⁴ The Times. 1917. March 16.

⁵ Цит. по: Вестник Временного правительства. 1917. 5/18 марта. № 1 (46).

⁶ Цит. по: Там же. 1917. 15/28 марта. № 9 (55).

⁷ Гаврова Е.С. Революционная Россия в английских парламентских дебатах (апрель–июнь 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей / под ред. А.Б. Николаева и др. СПб., 2013. С. 43.

ский народ укажет всему свету» путь к миру, засвидетельствовали телеграммой на имя Милюкова¹.

Парижская пресса в «триумфе» российского освободительного движения увидела преддверие «решающей фазы борьбы с германским варварством»; «русский народ в гордом сознании своей свободы, – провозглашала французская печать, – вызывает врага на решительный бой»². Свержение самодержавия с воодушевлением восприняли и в монархической Японии, посчитав его залогом «подъема национальных сил». Единение нового, демократического правительства с народом, надеялись токийские газеты, устранит ошибки и германофильские «влияния и интриги» прежнего «бюрократического управления»³. В том же смысле события Февраля комментировали в Риме. Развернувшееся в России движение «имеет целью устранить реакционные силы, стремящиеся к заключению мира», – говорилось в сообщении официального итальянского информационного агентства Стефани. Это движение, заявил в тот же день (16 марта) в палате депутатов итальянский министр иностранных дел Сидней Соннино, «сделает более энергичным и интенсивным ведение Россией войны»⁴. Во многих итальянских городах состоялись официальные манифестации, которые проходили под здравицы в честь революционной России.

Со своей стороны российское военно-политическое руководство постаралось, чтобы у союзников не возникло сомнений в основательности подобных ожиданий. 4/17 марта, в день своего вступления в управление МИД, Милюков оповестил российские зарубежные дипломатические представительства о намерении новой власти в полном объеме выполнять международные обязательства прежнего режима и до победы воевать в составе Тройственного соглашения⁵. 5/18 марта текст этого циркуляра Милюков направил союзным дипломатам в Петрограде⁶. Командующие фронтами, отвечая на телеграфный запрос союзных военных миссий от того же числа, без колебаний подтвердили верность «священным» обязательствам перед Антантой. «Россия – большая страна и в состоянии одновременно воевать и делать революцию», – заверял бывший председатель Думы М.В. Родзянко британского военного атташе⁷. Сам новоиспеченный глава российского МИД первоначально пребывал в «ликующем» настроении. «Бескровный

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 30 марта/12 апреля. № 20 (66).

² Petit Republique. 1917. Mars 17, 18; Вестник Временного правительства. 1917. 9/22 марта. № 4 (50).

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 95. Л. 27–28 (Секретная депеша посла В.Н. Крупенского в МИД. Токио, 12/25 марта 1917 г. № 19).

⁴ Цит. по: *Кирова К.Э.* Русская революция и Италия. Март–октябрь 1917 г. М., 1968. С. 23.

⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 5/18 марта. № 1 (46).

⁶ Address by Paul N. Miliukov, Minister of Foreign Affairs, to the Representatives of the Allies. March 18, 1917 // Russian-American Relations, March 1917 – March 1920. Documents and Papers / Compiled and ed. by C.K. Cummings and W.W. Pettit. New York, 1920. P. 2–4.

⁷ *Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917: Being chiefly Extracts from the Diary of a Military Attache. Vol. 2. London, 1921. P. 569 (в пер. на рус. яз.: Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917. М., 2014).

переворот. Бурный поток стихийного народного подъема входит в спокойное русло, – говорил он новым сослуживцам осипшим от митинговых речей голосом, но с “искрящимися восторгом глазами”. – Лишь не стать ему поперек течения. Держаться берегов. Направлять. Не давать вылиться из русла. Перспективы самые радостные!»¹. Русские газеты писали о необычайном взлете патриотизма в стране и в войсках (подъем, действительно, наблюдался, но, по оценкам, лишь до конца апреля 1917 г.²).

По подсчетам западных исследователей, в первые два месяца после свержения самодержавия за мир без аннексий и контрибуций высказалось лишь 3 % рабочих, направивших свои обращения во Временное правительство или в Петросовет, солдаты в своей массе «склонны были считать выступающих за немедленный мир приспешниками кайзера»³. Эта позиция нашла отражение в совместной резолюции московских исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов от 10/23 марта, согласно которой «солдат, покинувший свой пост, а также рабочий, отказавшийся от работы на оборону, признаются изменниками своей родины»⁴. В начале апреля представители столичного гарнизона высказались за продолжение войны до победного конца; «армия, – говорилось в их резолюции, – отдает себе отчет в том, что даже мир, который восстанавливает старые границы, и мирный договор без согласия союзников будут постыдным миром, который угрожает новой свободой России и представляет собой предательство, которое отлучит нас от свободной Англии, республиканской Франции, от Бельгии, Сербии, Монтенегро и Румынии»⁵.

В свою очередь, советские историки указывали на резолюции с требованием скорейшего заключения демократического мира, которые уже в марте 1917 г. принимали рабочие по всей стране. При этом признавалось, что солдаты, городские обыватели и крестьяне в это время все-таки «поддались “патриотической” агитации» правительства и «советских соглашателей»⁶.

Не меньшее значение победившая русская революция в глазах союзников имела и в геополитическом плане. Действия и заявления новой российской власти и сам факт ликвидации самодержавия подкрепляли центральный идейно-пропагандистский постулат Антанты о войне как противоборстве мировых сил гуманизма, демократии и прогресса с царством тевтонского милитаризма и монархической реакции. В таком контексте фактическое превращение России в республику до-

¹ Цит. по: *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 294.

² *Ulam A.B.* Russia's Failed Revolutions. From the Decembrists to the Dissidents. New York, 1981. P. 325.

³ *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1. С. 358. См. также: *Соболев Г.Л.* Письма в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 1. Л., 1968; *Маркевич А.М.* Солдатские письма во ВЦИК и Петросовет в 1917 г. К методике анализа // Круг идей: Историческая информация на пороге XXI века. М.; Чебоксары, 1999.

⁴ Цит. по: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 87.

⁵ Цит. по: Германия и революция в России. С. 115–116.

⁶ *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 77–78, 84, 88–91.

полнительно цементировало антигерманскую коалицию и одновременно наносило моральный урон монархиям Гогенцоллернов и Габсбургов.

По мнению правящих кругов США, которые только готовились вступить в войну, победившая в России революция видоизменила идейный ландшафт всего мирового конфликта. Выступая на заседании правительства 20 марта 1917 г., глава американского внешнеполитического ведомства Роберт Лансинг мотивировал своевременность объявления войны Германии и ее союзникам тем, что свержение русского самодержавия «ликвидировало препятствие к признанию европейской войны борьбой демократии с абсолютизмом». Американский госсекретарь был уверен, что вступление в мировую схватку США окажет «огромную моральную поддержку России, даст толчок демократическому движению в Германии» и дополнительный импульс к борьбе странам Согласия¹. В том же ключе оценивала ситуацию и заокеанская печать: восторжествовавшая русская демократия «придает странам антигерманского блока ранее отсутствовавшее у них политическое и духовное единство», – писала далласская газета «Ньюс»². В начале апреля 1917 г. президент Вудро Вильсон говорил в конгрессе о «замечательных и воодушевляющих событиях, которые в последние несколько недель произошли в России»³. По словам американского историка, «он предвкушал, что Россия, освобожденная от царской тирании и англо-французской зависимости, встанет с ним плечом к плечу в борьбе с реакцией старушки-Европы»⁴.

Специалисты по истории российско-американских отношений отмечают, что само решение о вступлении США в войну не в последнюю очередь было принято под влиянием надежд американских политиков включить Россию в орбиту своего влияния⁵. Не удивительна доброжелательность, с которой Вашингтон отреагировал на приветственное послание петроградского Общества сближения между Россией и Америкой от 25 апреля 1917 г. «Новая Россия, проникнутая тем же духом подлинной демократии, что и Соединенные Штаты, – выражал уверенность Лансинг от лица президента в ответном письме, – будет непоколебимо сражаться с силами деспотизма» ради «всеобщего признания принципов права и справедливости»⁶. Имелось и встречное движение – наметилась тенденция к сближению России с США⁷. Настроения такого рода были заметны и на «низовом» уровне. По докладу посла Фрэнсиса госсекретарю в Вашингтон, в апреле–мае 1917 г. свои симпатии заокеанской республике у стен

¹ Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917–1920. Russia Leaves the War. New Jersey: Princeton University Press, 1956. P. 14–15.

² Цит. по: Warth R. The Allies and the Russian Revolution. From the fall of the Monarchy to the Peace of Brest-Litovsk. New York, 1973. P. 27.

³ F.R.U.S. (Лансинг – Фрэнсису в Петроград. Вашингтон, 3 апреля 1917 г.).

⁴ Gardner L.C. Imperial America: American Foreign Policy since 1898. New York & Chicago, 1976. P. 100.

⁵ Подробнее см.: Листиков С.В. Вступление США в первую мировую войну и «русский фактор» // Американский ежегодник. 1998. М., 1999. С. 179–193.

⁶ F.R.U.S. (Лансинг – Фрэнсису в Петроград. Вашингтон, 30 апреля 1917 г. № 1362).

⁷ Очерки по истории октябрьской революции. Т. 2. С. 411–418; Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. С. 426.

американского посольства выражали «необъятные толпы» жителей российской столицы¹.

На демократическом Западе не сразу смогли разобраться, кто есть кто в новой России. Британские парламент и премьер-министр свои первые (а парламент еще и «братские») поздравления с победой адресовали Государственной думе² в уверенности, что именно она стояла во главе переворота и ныне управляет страной; французский премьер Александр Рибо симпатии победителя засвидетельствовал письмом министру-кадету Милюкову. Аналогичные приветствия исполкома Американской федерации труда (АФТ) во главе с Сэмюэлем Гомперсом и 20 вождей британских лейбористов (14 из которых являлись депутатами парламента) были направлены на имя председателя Петросовета меньшевика Чхеидзе как «лидера русской рабочей партии», а французских социалистов, также парламентских депутатов и членов правительства, – заместителю Чхеидзе по Петросовету и одновременно министру юстиции эсеру Керенскому (позже посол Франции Морис Палеолог утверждал, что это было сделано по его рекомендации – он считал Керенского «единственным, кто мог убедить Совет в необходимости продолжать войну и участвовать в коалиции»³). Тема участия России в войне так или иначе прозвучала в каждом приветствии. Британский парламент высказал «полную уверенность», что произошедшие в России события «будут способствовать не только быстрому и счастливому прогрессу русской нации, но и ведению ею с новым и непоколебимым упорством и решительностью войны с твердыней авторитарного милитаризма, угрожающего свободе Европы»⁴. Французские социалисты «восторженно приветствовали» русскую революцию, которая, как они считали, «объединила всю русскую нацию для самозащиты»⁵.

Вопреки ожиданиям, симпатии простых американцев, как выяснил историк Джордж Кеннан, по большей части находились на стороне умеренных социалистов, меньшевиков и эсеров, но не либералов⁶. Большевиков дипломаты Антанты, в отличие от своих немецких коллег, до поры не принимали всерьез, да и не слишком интересовались. Хотя британский посол в Швеции сэр Эсме Ховард рекомендовал «приглядеться» за Лениным по его возвращении на родину (по слухам, «Ленин весьма опасный человек и хороший организатор», – предупреждал он⁷), союзные послы почти не заметили его приезда и триумфальной встречи в Петрограде, а его самого аттестовали политическим авантюристом и честолюбцем либо «анархистом»⁸. Потенциальную угрозу в «анархо-коммунисте» Ленине

¹ F.R.U.S. (Фрэнсис – Лансингу в Вашингтон. Петроград, 1 мая 1917 г. № 1241).

² War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 1. P. 969.

³ *Paleologue M.* An Ambassador's Memoirs. Vol. 3. London, 1925. P. 234.

⁴ Цит. по: *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. London, 1967. P. 19.

⁵ Цит. по: Вестник Временного правительства. 1917. 7/20 марта. № 2 (47).

⁶ *Kenner G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. P. 12–13.

⁷ Цит. по: *Gardner L.C.* Safe for Democracy. P. 138.

⁸ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 226 (из частного письма автора воспоминаний в Лондон от 16/29 апреля 1917 г.).

тогда усмотрел лишь американский консул в Петрограде Нортон Уиншип¹. Зато его шеф, посол Д. Фрэнсис, ограничился извещением Вашингтона о появлении в российской столице «крайнего социалиста или анархиста по имени Ленин, который произносит яростные речи и тем усиливает правительство»². Тогда же Бьюкенен информировал Лондон о падении популярности большевистского вождя «и в солдатской среде, и в народе» ввиду подозрений в его связях с ненавистной Германией и предрекал его скорый арест³. Немного позднее, находясь в Петрограде, недавний начальник американского Генштаба (и личный друг президента) генерал Хью Скотт в уверенности, что большевики поголовно германские шпионы, предлагал казнить или хотя бы выслать из России «этих немецких агитаторов Ленина и Троцкого» с несколькими десятками единомышленников и был весьма раздосадован прохладной реакцией министра-председателя Керенского на эту идею, заподозрив самого российского премьера «в опасной степени» сочувствия радикалам. «Большевизм сам по себе – пустяк! – описывал Керенский тогдашние настроения союзных кабинетов. – Он живет только слабостью Врем. правительства, где засело так много “полубольшевиков”»⁴.

С самого начала «вторым планом» в западноевропейской печати звучали восхищение «великодушием, жертвенностью» и «беспримерным благородством» русского императора, который отрекся от престола якобы «во избежание гражданской войны»⁵, и продолженная впоследствии суровая критика Советов как собрания демагогов, анархистов и прочих «экстремистов», которые своими «идеологическими фантазиями» терроризируют рабочих и «распространяют злонамеренные слухи, направленные к ослаблению Временного правительства». В апреле 1917 г. «Нью-Йорк Таймс» утверждала, что Петросовет выражает чаяния не более

¹ F.R.U.S. (Уиншип – Лансину в Вашингтон. Петроград, 23 апреля 1917 г. № 295).

² F.R.U.S. (Фрэнсис – Лансину в Вашингтон. Петроград, 21 апреля 1917 г. № 1211). По одним свидетельствам, американский посол часто бывал некстати прямолинеен и вообще «простоват», по мнению других (например, историка Марка Ферро), он «ровным счетом ничего не смыслил в революционном движении» (*Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. P. 446*). Американский биограф В. Вильсона Дэвид Лот высказался на этот счет еще энергичнее: «Посол Фрэнсис <...> пережил величайший за столетие переворот без единой отметины в своей блистательной умственной пустоте» (цит. по: *Warth R. The Allies and the Russian Revolution. P. 31*).

³ War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1519–1520. Это сообщение Бьюкенена подтверждают сведения члена Исполкома Петросовета Н.Н. Суханова. В последних числах апреля, после того, как Балтийский флотский экипаж принял резолюцию с осуждением Ленина за то, что тот «вернулся к нам в Россию с соизволения его величества императора германского», на каждом петроградском перекрестке, пишет он, слышалось: «Арестовать Ленина», а затем и «Долой большевиков». Участники грандиозной демонстрации под лозунгом «Война до конца», состоявшейся 29 апреля (Петроградское телеграфное агентство сообщило о 50 тыс. манифестантов), явились к Таврическому дворцу с требованием ареста и высылки Ленина как «шпиона и провокатора». От расправы большевистского вождя тогда тогда спасло лишь заступничество презираемых им руководителей Петросовета М.И. Скобелева и И.Г. Церетели и особенно М.В. Родзянко (*Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 3. Берлин, 1922. С. 109–112*).

⁴ *Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. С. 286.*

⁵ *Кирова Э.К. Указ. соч. С. 29.*

5 % рабочих России, в еще меньшей степени – интересы солдат и вовсе не представляет мнений крестьян, не говоря о буржуазной общественности¹. В общем, почти с самого начала Советы в западных столицах расценили как самозванное и опасное порождение русской революции, с которым дела иметь нельзя. Напротив, в социалистических кругах на сотрудничество с российской революционной демократией возлагались большие надежды.

О неизбежной верности свергнутого царя союзническому долгу явно в назидание новым российским властям сочли уместным публично напомнить не только спикер нижней палаты британского парламента тори Эндрю Бонар Лоу², но и француз-республиканец Рибо, один из создателей франко-русского союза, только что вновь занявший кресло премьера. В марте – начале апреля через британскую военную миссию в России и посла Бьюкенена ободряющие письма Николаю II направил его «кузен Джорджи» – Георг V. Несмотря на эти послания (в одном из них британский монарх, «с согласия министров», приглашал русского кузена с семьей в свои владения «до конца войны») и оживленную переписку между Лондоном и Петроградом в апреле–мае 1917 г. по этому вопросу (в отличие от деятелей Петросовета, «члены Временного правительства боялись за судьбу императорской семьи»³, – свидетельствовала дочь английского посла, находившаяся в гуще событий), отъезд бывшего царя в Великобританию так и не состоялся. Между тем после отречения Николай прямо заявлял британскому военному атташе о намерении жить либо в Ялте, либо в Англии, что делало ситуацию для лондонского кабинета еще более щекотливой – как адмирал британского флота в визе в Англию он не нуждался. Несмотря на это, в июне 1917 г., ссылаясь на рост среди английских рабочих антимонархических настроений и их возможные массовые протесты, Лондон известил посла Джорджа Бьюкенена, что приглашение бывшего царя в Великобританию бесповоротно «отложено до окончания войны»⁴. Бьюкенен, по свидетельству Керенского, встретил эту весть «как личное свое горе»⁵.

¹ Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. С. 65.

² War Memoirs of David Lloyd George. 2nd ed. Vol. 1. London, 1938. P. 969–970; Gardner L.C. Safe for Democracy. P. 131.

³ Бьюкенен М. Крушение Великой Империи / пер. с англ. Париж, 1933. С. 63.

⁴ Gardner L.C. Safe for Democracy. P. 132–133. Подробнее см.: Kerensky A.F. The Road to Tragedy. London, 1935. P. 118; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / пер. с англ. 2-е изд. М., б. г. С. 217–219; War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 1. P. 971–976. Сам Георг V спустя много лет объяснил тогдашнюю ситуацию проще: «Если бы он [Николай II] был таким же чертовым политиком, как и они, все быстро бы уладилось. Но бедняга был королевской крови...»: Warth R. The Allies and the Russian Revolution. P. 42.

⁵ Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. С. 273. По воспоминаниям Мириэль Бьюкенен, первую телеграмму из Лондона на этот счет ее отец получил еще 10/23 апреля и «каким-то безжизненным голосом» прокомментировал так: «Они находят, что было бы более осторожным отложить на неопределенное время приезд императорской семьи в Англию. Правительство боится беспорядков и забастовок <...> Они приказывают мне передать Временному правительству, чтобы отложили все приготовления к отъезду. Истина заключается в том, что наше правительство просто испугалось»: Бьюкенен М. Крушение Великой Империи. С. 70–71.

В итоге Георг V не сделал ничего для эвакуации из России «дорогого Никки» и его семьи; современный отечественный автор считает его бездействие «предательством»¹. В Лондоне вздохнули с облегчением лишь в конце июля 1917 г., когда Бьюкенен, со слов министра иностранных дел М.И. Терещенко извещил Форин офис о намерении Временного правительства из соображений безопасности и предоставления «большей свободы» бывшему императору и его семье, перевезти их из Царского Села, где они содержались под домашним арестом, в Тобольск. «Несмотря на его ошибки и слабый характер, – одобрительно прокомментировал британский посол состоявшееся решение, – император – не преступник и заслуживает как можно более уважительного к себе отношения»².

В духе отмеченного в упомянутом циркуляре Милюкова от 4/17 марта стремления новой власти «руководствоваться демократическими принципами уважения к малым и большим нациям» и «свободы их развития» 7/20 марта Временное правительство упразднило ограничения финляндской автономии, введенные с 1899 г.³, в т. ч. восстановило права сейма, накануне возвратив из сибирской ссылки его председателя и будущего президента Финляндии П.Э. Свинхувуда. Спустя неделю, 13/26 марта, было сформировано и признано Петроградом новое финское правительство. В ходе мартовского визита в Хельсинки Керенский как министр юстиции обещал финнам и дальше идти по пути расширения их автономных прав.

К числу «важнейших вопросов политической жизни, стоящих на очереди», кадетская «Речь» относила «установление на новых началах мира и взаимного уважения русско-финляндских отношений». Однако, несмотря на «твердую уверенность» той же газеты, что с финской стороны не последует «и тени желания использовать “политическую конъюнктуру” для того, чтобы вместо мира и доброго соседства начать <...> борьбу за разрушение русско-финляндских уз»⁴, уже в апреле–мае 1917 г. в Хельсинки в открытую заговорили о необходимости предоставить Финляндии полную независимость, о которой прежде шептались в «своем» кругу⁵. Была поставлена под сомнение и сама легитимность новой российской власти в правопреемстве царского суверенитета по отношению к Финляндии. О том, что с падением самодержавия власть императора над ней автоматически переходит к национальному правительству, на первом же его заседании заявил премьер-министр сенатор социал-демократ О. Токой. Финноманская печать соседней Швеции, почти, выражаясь словами британского посла в Стокгольме, «идентичная прогерманской», жизнеспособность будущего суверенитета Финляндии усматривала, во-первых, в гарантиях со стороны великих держав и, во-вторых, в

¹ Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 372, 379–385.

² F.O.R.C. 371. Vol. 3015. L. 2, 4 (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 24 и 25 июля 1917 г.).

³ Акт об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении его в полном объеме // Вестник Временного правительства. 1917. 8/21 марта. № 3 (49).

⁴ Речь. 1917. 7/20 апр. С. 4 (редакционная статья).

⁵ Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 90–91; *Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland. 4th revised ed. Weilin+Goos, 1984. P. 221–222.

лишении Петрограда столичного статуса¹. Реакцией Временного правительства стал роспуск сейма в июле 1917 г. Новые законодательные инициативы финнов, последовавшие в октябре, оно рассмотреть уже не успело.

Устами того же Милокова Временное правительство заявило о перемене курса и в «чешском вопросе» – о готовности содействовать созданию суверенной и демократической Чешской республики². Военнопленные чехи и сербы, «воодушевленные безграничной любовью к любимой матери славянства – России», приветствовали ее «новое народное правительство» и клялись «положить свою жизнь за благо великой освободительницы славян»³. Томаш Масарик, будущий первый президент Чехословацкой республики, в своей телеграмме Милокову выразил надежду на скорое освобождение Россией славян, включая Чехию и Моравию, «от германо-мадьяро-турецкого ига» и объединение сербо-хорватов со словенцами. В ответной телеграмме российский министр «всцело присоединился» к предложенной Масариком схеме «окончательного переустройства» юго-востока Европы⁴. Обращаясь к Милокову, лондонский Юго-славянский комитет высказался за создание при поддержке России объединенной Югославии как «барьера против германских домогательств в сторону Востока и Царьграда» и «опоры славянской демократической политики» на Балканах⁵.

13/26 марта Временное правительство распорядилось освободить из-под стражи поляков, украинцев и евреев, ранее взятых заложниками в Галиции⁶. В опубликованном вскоре правительственным воззвании к «братьям-полякам» содержалось обещание без оглядки на грядущее Учредительное собрание создать независимое польское государство, образованное «из всех земель, населенных в большинстве польским народом». В появлении на европейской карте суверенной Польши, находящейся в «свободном» и «вечном» оборонительном союзе с демократической Россией, в Петрограде видели и путь к созданию «твердого оплота против напора срединных держав на славянство», и «надежный залог прочного мира в обновленной Европе»⁷.

Таким образом, в финляндском и особенно славянском вопросах Временное правительство заявило готовность пойти намного дальше своего предшественника⁸. В его обращении к российским гражданам от 27 марта / 9 апреля подчерки-

¹ F.O.R.C. 371. Vol. 3007. L. 339 (Посол Э. Ховард – в Форин офис. Стокгольм, 6 июня 1917 г. № 100).

² Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 272–273.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 9/22 марта. № 4 (50).

⁴ Обмен телеграммами П.Н. Милокова с Т. Масариком. 21 марта / 3 апр. 1917 г. // Там же. 23 марта / 5 апр. № 16 (62).

⁵ Там же. 1917. 25 марта / 7 апр. № 17 (63).

⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917 г. / под ред. Б.Ф. Додонова. М., 2001. С. 88–89 (журнал от 13/26 марта).

⁷ Воззвание Временного правительства к польскому народу. 17/30 марта 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов / под ред. С.В. Лаврова. Тула, 2014. С. 344–345.

⁸ О целях императорской России в мировой войне подробнее см.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. Ч. I.

валось, что цели свободной России в текущей войне состоят не в «господстве над другими народами, не в отнятии у них национального их достоинства, не в насильственном захвате чужих территорий, но в утверждении прочного мира на основе самоопределения народов»¹. На то, что русская революция явилась «могучим идейным движением, выявившим волю русского народа в стремлении к равенству, свободе и справедливости как во внутренней жизни государства, так и в области международных отношений», Временное правительство указывало союзникам и впоследствии².

За выражением странами-союзницами безоговорочной моральной поддержки нового российского режима последовало его официальное признание, а вскоре и предложения помощи. Первыми, 9/22 марта 1917 г., по настоянию своего посла в Петрограде³, Временное правительство признали Соединенные Штаты Америки⁴. Вслед за тем, как Милюков, под нажимом дуайена дипкорпуса (британского посла), подтвердил готовность Временного правительства соблюдать договоры и соглашения, заключенные «при прежнем государственном строе», и решимость России «сражаться с общим врагом до конца», 11/24 марта об этом же заявили правительства Великобритании, Франции и Италии, 22 марта/4 апреля – Бельгии, Японии, Португалии, Сербии и Румынии (затем то же сделали и другие страны, причем некоторые довольно поздно. Правительство Аргентины, например, декрет о признании Временного правительства подписало лишь 18 сентября 1917 г.). На официальной церемонии по этому случаю Милюков еще раз заверил союзных дипломатов, что его страна будет биться «с новой силой, удвоенной переворотом», на что британский военный атташе отреагировал следующей записью в своем дневнике: «Не сомневаюсь, что Милюков так и поступит, но может ли он говорить от лица всей России?»⁵.

В первых числах апреля посол Фрэнсис по поручению Белого дома предложил Временному правительству заем. Русская сторона его с благодарностью приняла, и в течение лета и осени 1917 г. США в общей сложности предоставили России кредитов на 325 млн долларов, из которых российским властям, правда, удалось реализовать немногим более половины (187,7 млн). «Союзники очень хотели оказать русскому правительству всевозможную поддержку, дабы стабилизировать его внутрисполитическое положение и восстановить фронт, – вспоминал британский премьер-министр. – Они верили, что <...> их чистосердечная и благожелательная попытка помочь России сможет сплотить ее граждан и оставить ее в войне

¹ Обращение Временного правительства к российским гражданам. 27 марта / 9 апр. 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта / 10 апр. № 18 (64).

² См., например: Нота министра иностранных дел М.И. Терещенко министру вооружений Франции А. Тома. 31 мая / 13 июня 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 351.

³ *Francis D.R. Russia from the American Embassy. April, 1916 – November, 1918. New York, 1921. P. 93–94.*

⁴ Statement conveying Recognition of the Provisional Government by the United States and the Provisional Government's Reply. March 22, 1917 // *Russian-American Relations. P. 6–7.*

⁵ *Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. P. 585.*

в качестве эффективной боевой силы»¹. Но ни одна из этих надежд не оправдалась, дальнейшие события в России развивались противоположным образом.

2.3. От Милокова к Терещенко

В своей внешней политике Временное правительство первого состава в лице министра Милокова исходило из того, что смена режима оставила прежними приоритеты и базовые условия участия России в мировой войне: «Революция ничего не изменила в нашей иностранной политике», – повторял он ежедневно². Одну из своих главных задач министр иностранных дел, по собственному признанию, видел в «обороне против циммервальдизма за сохранение общей внешней политики с союзниками». Ни сам Милоков, ни его преемник на министерском посту в уже коалиционных кабинетах М.И. Терещенко не подвергали МИД ни чистке, ни существенной реорганизации. Из всех российских центральных правительственных учреждений в постфевральский период внешнеполитическое сохранилось в наибольшей мере. Милоков оказался единственным министром, который не уволил никого из служащих своего ведомства, по его собственным словам, он ценил «заведенную машину с точки зрения техники и традиции»³. За единичными исключениями прежним, «царским», оставался личный состав и центрального аппарата МИД, лишь несколько, по выражению очевидца, «очищенного от штюрмеровской скверны»⁴ и его заграничных установлений⁵. Последние по традиции плохо информировались о текущей военно-политической обстановке в России. В этом смысле «было, фактически, не легче, чем при Штюрмере», – вспоминал поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков⁶.

¹ War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1522. Ллойд Джордж «забыл» прибавить, что его правительство с середины апреля прекратило финансирование России, ограничившись выплатами остатков своих прежних кредитов, и полностью перекрыло поставки ей тяжелой артиллерии (*Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. С. 515).

² *Керенский А.Ф.* Союзники и Временное правительство. С. 276.

³ *Милоков П.Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 592.

⁴ *Михайловский Г.Н.* Записки. С. 255.

⁵ Бегство общественных и государственных деятелей (В.А. Маклакова, М.А. Стаховича и др.) на зарубежные дипломатические посты началось позже – незадолго до октябрьского переворота.

⁶ *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 97. «Ни разу, никогда не имел он смелости, – жаловался Набоков на Терещенко, – а может быть, и возможности по создавшимся уже тогда условиям, в которых работали министры, то есть под давлением соврабдена – сказать мне правду» (Там же. С. 114). Напрямую «втирать очки» союзникам относительно состояния дел в России начали еще при прежнем министре. Чиновник МИД вспоминал, как секретарь Милокова, готовя обзоры для союзных послов по донесениям с фронта, по указанию шефа, брал только то, «что могло выставить военное состояние нашей армии, дисциплину и т. д. в благоприятном освещении», а Палеолог и Бюкенен «аккурратно» передавали полученные таким образом сведения своим правительствам (*Михайловский Г.Н.* Записки. С. 266).

Внутриминистерский порядок движения дел также не изменился лишь с той оговоркой, что Терещенко, молодой (на момент вступления в должность ему шел всего 32-й год) успешный бизнесмен, либерал и полиглот (он был единственным членом нового кабинета, свободно изъяснявшимся по-английски), как человек, малосведущий во внешнеполитических вопросах, в повседневную деятельность своего ведомства вмешиваться избегал и более всего заботился о «демократической» лексике публичных актов МИД, особенно направляемых за рубеж (впрочем, необходимость произносить «левые слова» сознавал и его предшественник). Чиновникам МИД, вспоминал один из них, было «неимоверно трудно» «добиться Терещенки, чтобы переговорить о не терпящих отлагательства делах и вырвать от него подпись на срочной министерской бумаге» – настолько министр, «упоенный властью», был погружен во внутривластную злобу дня¹. Керенский позднее утверждал, что с начала мая до второй половины июня 1917 г., т. е. на протяжении первого месяца своего руководства МИД, Терещенко главным образом был занят негласным расследованием «связи Ленина с немцами», и лишь затем к этому делу были подключены министр юстиции П.Н. Переверзев и глава столичной контрразведки Б.В. Никитин².

Все это время главной «пружиной» ведомства и его «истинным хозяином» оставался многолетний (с 1910 г.) товарищ министра А.А. Нератов, который занимал этот пост вплоть до октября 1917 г. «Всегда ровного спокойного характера, приятного обращения, хороший техник дипломатических сношений и переписки»³, Нератов, по словам Г.Н. Михайловского, являлся «живым показателем» преемственности русской внешней политики⁴. Однако в условиях революции вековые иерархические устои чиновного мира пошатнулись, и в последние месяцы существования российского МИД текущие внешнеполитические проблемы его служащие решали, по преимуществу, самостоятельно, чем были весьма довольны. «Ну что же, будем служить республике!» – таков, по свидетельству мемуариста, был их общий порыв⁵.

Диссонансом таких настроений, по словам очевидца, звучали разговоры П.Б. Струве, возглавившего вновь образованный Экономический департамент МИД, о «еврейских зачинщиках» Февраля и необходимости скорейшей ликвидации «бунтарства»⁶ (как свидетельствует Лопухин, этот «авгур» российского либерализма вещал, что «время революций миновало» и «все дальнейшее разрешится эволюционным путем»⁷). В марте 1917 г., поддавшись царившему поветрию, чиновники МИД учредили свое Общество, первоначально похожее на профсоюз, но с приходом к власти большевиков превращенное ими в стачечный комитет. В соответствии с министерскими циркулярами, из официальных наименований иностранных российских представительств было исключено прилагательное «импера-

¹ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора. С. 304.

² Русская мысль. 1956. 14 июня.

³ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора. С. 99.

⁴ Михайловский Г.Н. Записки. С. 49.

⁵ Там же. С. 246–247, 253.

⁶ Там же. С. 258.

⁷ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора. С. 299.

торское», с их печатей и флагов исчезли царские гербы, а из помещений вынесены портреты свергнутого царя и членов его семьи¹.

Общегосударственный внешнеполитический механизм изменился еще заметней. Место бывшего императора как «верховного вождя» (в соответствии с Основными законами Российской империи) всей ее внешней политики занял министр иностранных дел. С момента образования Временного правительства его председатель в международной титулатуре был приравнен к президенту республики. Казалось, что сосредоточение в руках нового правительства верховной, законодательной и исполнительной власти (такова была его «отличительная черта», – верно замечает мемуарист²), делало его министров всемогущими. Однако на практике руководитель его внешнеполитического ведомства находился под сильнейшим перекрестным давлением Петросовета, союзных правительств и своего собственного аппарата – Михайловский констатирует «могущественное», хотя и «бесшумное» воздействие на министра «коллективного настроения» его подчиненных³; маневрирование между этими разновекторными силами составляло его рабочую повседневность. Хотя степень их влияния менялась вместе с колебаниями военно-политической конъюнктуры, постепенно давление Советов стало преобладающим (Милуков тщетно пытался нивелировать его через своего личного секретаря, который под вымышленной фамилией состоял депутатом Петросовета⁴), но так и не превратилось в абсолютное. Известная свобода маневра у руководителя МИД оставалась всегда, тем более что в этой борьбе у министра было на кого опереться: с самого начала у него установилось полное единомыслие со своими главными сотрудниками по ключевому вопросу – продолжение войны «до конца».

В коалиционный период тактика министров, сторонников «гибкого» внешнеполитического курса (группы Н.В. Некрасова – М.И. Терещенко), несколько изменилась: не имея большинства в правительстве, они стали лавировать между «правым» (кадетским) и «левым» (умеренно социалистическим) флангами кабинетов и весьма успешно⁵. Сближению правительственного внешнеполитического курса с советским способствовала оборонческая линия эсеро-меньшевистского Петросовета. Однако «старый» дипломатический корпус с нескрываемым раздражением относился к вмешательству советских деятелей в дела иностранной политики. Летом 1917 г. правительственный комиссар С.Г. Сватиков обнаружил в зарубежных российских дипмиссиях множество «реакционеров» и «черносотенцев», «верных слуг монархии», «совершенно отрицательно» относившихся к Временному правительству и революции⁶.

¹ Циркулярные телеграммы МИД в дипломатические представительства России за границей от 11/24 и 13/26 марта 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 669, 671.

² Михайловский Г.Н. Записки. С. 312.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. С. 431.

⁶ Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 32–34.

Из других новаций в деятельности центрального внешнеполитического аппарата следует отметить рост значения Отдела печати МИД, который в мае 1917 г. был слит с Осведомительным отделом того же ведомства и превращен фактически в пресс-службу министерства¹. То же можно сказать и о его Юрисконсультской части, преобразованной в Правовой департамент с включением части II департамента, в свою очередь превращенного в упомянутый Экономический². Российское внешнеполитическое ведомство следовало в общемировом «тренде», для которого, по наблюдению современного исследователя, были характерны прагматизм, стремление к активному манипулированию общественным мнением и акцент на «экономические соображения»³.

Министерские юрисконсульты привлекались к работе чрезвычайных государственных учреждений – Главного земельного комитета (председатель В.М. Чернов), ликвидационной по делам Царства Польского (А.Р. Ледницкий) и вероисповедной (С.А. Котляревский) комиссий, Высшего призового суда, комиссии по вопросам военнопленных (Ф.А. Лизогуб) и др. В связи с переходом в компетенцию Правового департамента дел о шпионаже и охране государственных границ позднее в его составе было образовано особое Бюро «для объединения деятельности различных органов МИД по контрразведке»⁴. Продолжал активно действовать созданный еще в декабре 1915 г. министерский Отдел о военнопленных; по требованию Милокова в широких масштабах политэмигрантам всех мастей стало оказываться содействие при возвращении на родину. Наконец, в конце лета 1917 г. в российском внешнеполитическом ведомстве впервые в его истории появилось специализированное Шифровальное отделение в составе 32 профессионалов – ранее эту работу выполняли младшие чиновники «цифирной экспедиции» канцелярии министерства.

Разногласия Временного правительства с умеренными социалистами и Советами по внешнеполитическим вопросам обнаружались почти сразу. Резолюции конференций московских меньшевиков и эсеров, состоявшихся 3/16 марта, связывали вопрос о войне с защитой революции при условии борьбы с «захватными стремлениями как России, так и других воюющих государств»⁵.

¹ Записка Отдела печати МИД. 17/30 мая 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 688–689.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 94 (журнал от 14/27 марта 1917 г.).

³ *Тарановски Т.* «Европейцы» и «восточники»: Как они определяли геополитические интересы России // Родина. 1995. № 8. С. 27.

⁴ Проект записки Департамента общих дел МИД. Не позднее 29 июля 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 695.

⁵ Резолюции Первой московской конференции социалистов-революционеров (3/16 марта 1917 г.) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 31; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 85, 86. Правда, по сведениям Н.Л. Рубинштейна, в частной обстановке лидеры и меньшевиков (Г.В. Плеханов, Ф.И. Дан), и эсеров (Н.В. Чайковский, М.Р. Гоц) весьма сочувственно отзывались об овладении Россией чер-

Исполком Петросовета в своем обращении «К народам всего мира» от 14/27 марта подтвердил революционно-оборонческую платформу русской демократии («революция не позволит раздавить себя внешней военной силой»), подчеркнув при этом необходимость «решительной борьбы с захватными стремлениями всех стран» и призвав народы, включая «братьев-пролетариев австро-германской коалиции», «взять в свои руки решение вопросов о войне и мире»¹. Способы реализации этой красивой формулы не уточнялись. Попыткой компромисса правительства и Советов по внешнеполитическим делам стало упомянутое правительственное заявление от 27 марта/9 апреля, выработанное совместно с контактной комиссией Петросовета. Но каждая сторона толковала его текст по-своему: советские деятели упирали на слова декларации об «утверждении прочного мира на основе самоопределения народов», а министры – на содержащееся в ней обязательство в полном объеме соблюдать прежние договоренности с союзниками.

Считается, что исход Первой мировой войны предрешило выступление на стороне Антанты США, которое казалось тем неожиданной, что на недавно состоявшихся выборах В. Вильсон был переизбран на второй президентский срок именно как политик, сумевший «уберечь Америку от европейской резни»². Ближайшими поводами к объявлению Вашингтоном войны державам Тройственного союза 6 апреля 1917 г. стало январское заявление Берлина о переходе к неограниченной подводной войне, а также его попытка наскоро сколотить союз с Мексикой, направленный против США. Комментируя вступление Америки в Первую мировую войну, зарубежные исследователи много внимания уделяют идейным побуждениям, толкнувшим ее президента на этот шаг, придавая его последствиям поистине эпохальное, всемирно-историческое значение³. Пунктиром цитат из работ крупного западного специалиста по интересующей нас тематике ход их рассуждений по этому поводу можно представить так: «В 1914 г. в мире доминировала Европа <...> К 1917 году закончились времена, когда Франция и Россия даже с помощью Британии могли рассчитывать одолеть Германию <...> Вступление США в европейскую войну открыло новую эру европейской цивилизации <...> В 1918 г. Германия выиграла войну, но только для того, чтобы убедиться, что ее победа украдена Америкой <...> Вильсон стал апостолом новой эпохи <...> Европа

номорскими проливами по итогам войны (см.: Очерки по истории октябрьской революции. Т. 2. С. 421–422).

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 г. Л., 1991. С. 323–324.

² War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 1. P. 977.

³ Традицию пафосных оценок места и роли США и их лидеров в войне и мире в целом заложил политический советник Вильсона Эдвард Хауз, который весной 1917 г. предрекал президенту: «Вы выйдете из этой войны ее главным действующим лицом, и прежде всего как великий либерал нашего времени. Ваша инаугурационная речь <...> и последующие публичные выступления укрепили демократию во всем мире, и я почти уверен, что последние события [в России] есть во многом результат Вашего влияния». Цит. по: Gardner L.C. Safe for Democracy. P. 134.

перестала быть центром мира»¹. В итоге сегодня минувшее столетие принято считать «веком англосаксов»², главным образом американцев.

Публичные заявления американского президента подтолкнули российских социалистов («возможно, под германским влиянием», предпологал госсекретарь Лансинг³) к выводу о том, что прежние договоренности России с союзниками относительно целей в войне утратили силу. Но Милюков оставался непреклонен. В интервью «Нью-Йорк Таймс», приветствуя присоединение США к Антанте и выражая надежду на помощь России со стороны нового союзника, он вновь заверил западное сообщество в решимости своей страны воевать до победы, называя советские призывы к миру без аннексий и контрибуций плодом немецкой пропаганды и невыполнимой патовой комбинацией⁴. «Мы можем говорить о мире без аннексий, – заявил он, – только в том случае, если под аннексией подразумевается захват». Говоря о целях России в войне, министр решительно отверг идею нейтрализации Дарданелл («вопрос о проливах и о приобретении их в суверенное обладание Россией был моей руководящей нитью», – признается он вскоре после отставки⁵), сообщил о намерении присоединить Румынию «к нашей Украине», а турецкую Армению, в соответствии с прежней (майской 1916 г.) договоренностью с союзниками, превратить в российский протекторат⁶. В конце мая 1917 г. и сам Вильсон, дабы «исключить всякие превратные толкования и недопонимания» своих заявлений о целях антигерманского блока в войне, прозрачно намекал на позицию Советов по вопросу о мире, предостерегая Временное правительство от «сети интриг» Берлина, который под прикрытием лозунгов свободы и справедливости в действительности по-прежнему стремится завладеть территорией «до Багдада и дальше». Итог войны как *status quo ante*⁷ невозможен, подчеркивал Вильсон – империю кайзера следует навсегда лишить ее довоенного положения⁸.

Утром 3 мая 1917 г. петроградские газеты опубликовали текст ноты, которую Милюков двумя днями раньше направил российским представителям при союзных державах для передачи их правительствам. Наряду с указаниями на «освободительный» характер войны для стран Антанты и на их стремление создать «прочные основы для мирного сожительства народов» с учетом «самоопределения угнетенных национальностей» в документе подтверждалась решимость

¹ Taylor A.J.P. *The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918*. Oxford, 1954. P. 557, 566, 568; *idem*. *From Sarajevo to Potsdam*. London, 1965. P. 9, 42, 44.

² Нарочницкая Н.А. «Вторая Отечественная», Великая война 1914–1918 гг. // Россия и Европа до и после Великой войны 1914–1918 гг. М., 2015. С. 10.

³ F.R.U.S. (Лансинг – президенту Вильсону. Вашингтон, 17 мая 1917 г.).

⁴ Уверенность в том, что «война не может кончиться вничью», Милюков высказывал и раньше, например, в речи перед британскими парламентариями, посетившими Россию в феврале 1916 г. (Цит. по: Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 174).

⁵ Речь П.Н. Милокова на VIII съезде Партии народной свободы // Речь. 1917. 11/24 мая.

⁶ The New York Times. 1917. April 8.

⁷ Status quo ante bellum (status quo ante) – довоенное положение (лат.).

⁸ Note from President Wilson to the Russian Government. May 26, 1917 // Russian-American Relations. P. 24–25.

России соблюдать прежние обязательства перед союзниками¹. В союзных столицах нота была встречена благосклонно, западная печать обсуждала ее текст с живейшим удовлетворением. Но в самой России реакция была иной, протестные настроения были «разогреты» состоявшимися накануне массовыми первомайскими манифестациями, которые прошли под антивоенными лозунгами. Полученная в Исполкоме Петросовета 2 мая, нота Милокова была воспринята его «левой» частью как «наглое и циничное издевательство над Советом и народом», как «полная ликвидация <...> самого факта революции – с точки зрения внешней политики и интересов мира», а умеренными социалистами – как наносящая «единению» правительства и Советов «сильный и серьезный удар»². Однако Исполком, прообсуждав ноту всю последующую ночь, «завяз в болоте» (по выражению Суханова) прений и не смог принять никакого решения.

Днем 3 мая к Мариинскому дворцу, в котором заседало правительство, явились солдаты и офицеры Финляндского, Павловского полков, Балтийского флотского экипажа и других частей с протестом против только что опубликованной ноты, с требованием отставки Милокова и его немедленного ареста (роль организатора демонстрации современники приписывали члену Петросовета большевику Ф.Ф. Линде, вольноопределяющемуся Финляндского полка). Не допустить насилия призывал демонстрантов с кузова грузовика член Исполкома М.И. Скобелев, в подкрепление доводов которого командование Петроградского округа стянуло на Исаакиевскую площадь верные правительству кавалерийские части с артиллерией. Вечером у Мариинского дворца собралась многотысячная толпа уже сторонников Временного правительства и Милокова. Однако на следующий день с окраин в центр города стали стягиваться колонны рабочих, солдат и красногвардейцев³. «Демонстрация, – вспоминал ее участник, солдат-большевик, делегат петроградского съезда фронтовиков, – двигалась к Адмиралтейству, где заседал Совет⁴, но на Невском, на углу библиотеки, нас обстреляли. Демонстрация рассыпалась, но значительная часть демонстрантов все же прорвалась к Адмиралтейству, ворвалась на заседание Совета и учинила там бунт против Милокова»⁵.

Иностранцы – очевидцы этих событий, сотрудник британского посольства в Петрограде (будущий историк России) Б. Пэрс и американский журналист Л. Стеффенс, а вслед за ними и некоторые исследователи полагают, что реальная власть в столице уже тогда принадлежала не правительству или Советам, а «бурлящей улице», рабочим и солдатам, или «инсургентам» в лице рабочей милиции и солдатских комитетов, согласно уточнению историка Цуеси Хасегава⁶. Суханов

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 20 апр. / 3 мая. № 35 (81).

² Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 3. С. 252, 275.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 26 апр. / 9 мая. № 40 (86).

⁴ В Морском училище в эти дни проходили пленарные заседания Петросовета.

⁵ Большевик, подпольщик, боевик. Воспоминания И.П. Павлова. М.; СПб., 2015. С. 119–120.

⁶ Pares B. A History of Russia. 4th ed. New York, 1966. P. 491; Hasegawa Ts. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle & London: University of Washington Press, 1981. P. 408–409; см. также: Листиков С.В. Журналист и внешняя политика В. Вильсона. Линкольн Стеффенс и «русский вопрос» // Американский ежегодник 1999. М., 2001.

также увидел в этих событиях демонстрацию народом «своей силы и власти». По его же сведениям, Ленин в те дни «был тише воды, ниже травы» – «несмотря на уличное движение, имевшее формы восстания, он со своей партией не пытался возглавить его и дать ему свои лозунги»¹. Американский консул Уиншип описал эту демонстрацию как «процессию вооруженных анархистов»², в толпе он заметил черные знамена с изображением «веселого Роджера». Министерство юстиции отреагировало судебным расследованием «по делу о стрельбе в народ группой манифестантов, шедшей по Невскому проспекту с плакатами, на которых были начертаны лозунги “Долой временное правительство”, “Долой капиталистов” и ряд других лозунгов большевистской группы и ленинцев»³. Как бы там ни было, именно эта демонстрация ввергла Временное правительство в его первый кризис.

Следом в Мариинском дворце состоялись дебаты, которые Бьюкенен назвал «генеральным сражением по вопросу о знаменитой формуле “мир без аннексий”»⁴. Семь министров из 11 с премьером во главе поддержали Керенского, который настаивал на ее принятии, и Милюков был вынужден уйти в вопиющем противоречии с официальным разъяснением, согласно которому его нота после «тщательного и продолжительного обсуждения» была одобрена членами правительства «единогласно»⁵. Служивец отставленного министра вынес его уходу такой «приговор»: «Не понял Павел Николаевич революции. По-видимому, он ее мнил себе лишь как смену верховной власти и образование правительства, ответственного перед народом, с сохранением *tels quels* [такого как есть] аппарата власти, его персонала и даже императорской программы в области, по крайней мере, внешней политики. Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли (хотя и скованной книжностью), человек свободно лившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!»⁶.

Об отставке его и военного министра А.И. Гучкова (обоих «согласно заявлению») было объявлено лишь 19 мая одновременно с известием о формировании первого коалиционного кабинета⁷. В согласии с выработанными Исполкомом Петросовета 14 мая «пунктами» – условиями вхождения шести его представителей в правительство – в заявлении нового кабинета говорилось о приверженности

C. 214–215; *Smith S.A.* The Revolutions of 1917–1918 // Cambridge History of Russia / ed. by R.G. Suny. Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge University Press, 2006. P. 116.

¹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 3. С. 239, 278.

² F.R.U.S. (Уиншип – Лансингу в Вашингтон. Петроград, 8 мая 1917 г. № 300).

³ Русские ведомости. 1917. 22 апр. / 5 мая. С. 5 («Расследование о кровавых столкновениях»).

⁴ *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. С. 227.

⁵ Русские ведомости. 1917. 22 апр. / 5 мая. С. 4 («Сообщение Временного правительства»).

⁶ *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора. С. 302.

⁷ Сам Милюков утверждал, что вопрос о его и Гучкова отставке был принципиально решен еще 29 апр. / 12 мая, накануне его отъезда в Ставку, в ходе его беседы с премьером. Главной причиной своего ухода он считал согласие князя Г.Е. Львова на создание правительственной коалиции с Советами. О состоявшемся в его отсутствие упомянутом решении семи министров Керенский известил его 15 мая (*Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 67–69).

заклучению всеобщего мира «без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов»¹. Несмотря на это, отношение «улицы» к чиновникам МИД внезапно и резко ухудшилось. «Долой!» с требованием ареста и расправы на нескончаемых митингах стали кричать не только «немецким шпионам», капиталистам, помещикам и царским бюрократам, но и дипломатам как «презупмтивно не сочувствовавшим перевороту»². Во избежание эксцессов служащим МИД было «решительным образом» запрещено публично говорить о своей профессии³.

Приход в МИД Терещенко не нарушил бюрократического механизма министерства и его заграничных установлений, но, не изменив международную политику России по существу, внес заметные коррективы в тональность ее внешнеполитических заявлений. С первых слов Терещенко его подчиненным «стало совершенно ясно, что новый министр никакой своей “программы” не имеет и, наоборот, готов охотно следовать тому, что мы по обстоятельствам войны считали единственно возможной программой для России»⁴. Свое вступление на новое поприще он открыл пространным заявлением для печати в духе упомянутой декларации обновленного кабинета⁵, а потом неукоснительно правил в телеграммах МИД выражения «притязания» и «обеспечение интересов» России на ее «требования справедливости» и «блага народов»⁶. В этом и состояла произведенная им в МИД «лексикологическая революция». Тем самым цели России в войне получили новую формулировку, по словам Михайловского, «идеологически противоречивую, но словесно более идеальную»⁷. Иначе говоря, внешнеполитическая платформа Временного правительства, по крайней мере внешне, приблизилась к умеренно-социалистической.

Признание коалиционным кабинетом советской формулы будущего мира было призвано сгладить разногласия с революционной демократией, одновременно оправдывая в глазах населения верность России союзническим обязательствам и ее участие в войне. В связи с этим советские историки фиксировали выход на авансцену «скрытого», «более “гибкого” империализма Керенского – Терещенко», который, в отличие от «прямолинейного “милюковского” империализма», при поддержке умеренных социалистов выступил «под вывеской отказа от аннексий и контрибуций»⁸. Внутренняя противоречивость вновь сложившейся ситуации заключалась в том, что министры-«капиталисты» стремились обрести поддержку своих коллег-социалистов, обусловленную признанием необходимости демократического окончания войны, но при этом по-прежнему действовать в согласии с союзниками. Их послов Терещенко доверительно уговаривал в своих публичных заявлениях формулировать цели Антанты в войне в максимально общих выраже-

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 6/19 мая. № 49 (95).

² Лопухин В.Б. Записки бывшего директора. С. 296.

³ Михайловский Г.Н. Записки. С. 271.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ Текст заявления см.: Вестник Временного правительства. 1917. 9/22 мая. № 51 (97).

⁶ Очерки по истории октябрьской революции. Т. 2. С. 388.

⁷ Михайловский Г.Н. Записки. С. 469.

⁸ Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. С. 492; Очерки по истории октябрьской революции. Т. 2. С. 385.

ниях, дабы «держать армию вне политики». Самое важное в данный момент, говорил он Бьюкенену в конце мая, «это обратить настоящее затишье [на русско-германском фронте] в победоносное наступление, после которого разговоры о мире “без аннексий и контрибуций” сами собой сойдут на нет»¹.

2.4. Внешние силы: курс на войну против ставки на развал

Лидерам стран Антанты и их дипломатам оказалось не под силу адекватно оценить общественно-политическую ситуацию в России; непопулярность внешнеполитического курса Милокова внутри страны и его отставка ничему их не научили. В союзных столицах его уход встретили даже с облегчением, истолковав как признак «одностороннего отказа России от тех выгод, которые в случае победы выпали бы на ее долю», особенно от Константинополя². Англо-французская и, отчасти, итальянская печать развернули кампанию за интернационализацию Проливов. «Не думаю, что Милоков и Гучков серьезная потеря», – писал в Лондон посол Бьюкенен, увидевший в коалиционном кабинете «последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения» на русском фронте³.

В начале июня британский посол представил своему министру обзор текущей партийно-политической ситуации в России. Автором документа выступил Гарольд Вильямс, многолетний корреспондент в России лондонской «Таймс», который благодаря жене, члену ЦК кадетской партии А.В. Тырковой, вращался в русских политических кругах и был прекрасно осведомлен об их состоянии и настроениях. Отмечая полное исчезновение монархических организаций и немощь кадетских «низов», главное внимание британский журналист сосредоточил на социалистах. «Социал-демократы, – сообщал он, – включают несколько непримиримых фракций, взаимная вражда которых превосходит их ненависть к так называемым буржуазным партиям <...> Основное размежевание проходит по линии большевики – меньшевики <...> В данный момент большевик – это синоним самого шумливого и крайнего социалиста. Безусловно, они – наиболее активная партия, выступающая против участия в коалиционном кабинете и свирепо нападающая на министров-социалистов. Настроены яростно антивоенно, прогермански и анти-союзнически <...> Под флагом большевизма действуют германские агенты и реакционеры <...> В Совете большевики в меньшинстве, но пользуются влиянием благодаря своей энергии; их число растёт»⁴.

Таким образом, тенденция к радикализации внутривнутриполитической жизни России не прошла мимо внимания союзных дипломатов. Однако, несмотря на

¹ F.O.R.C. 371. Vol. 3010. L. 310–311 (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 30 мая 1917 г. № 795).

² Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. С. 279–280.

³ Цит. по: Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский (март–октябрь 1917 г.) // Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 68; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. С. 233.

⁴ F.O.R.C. 371. Vol. 2998. L. 396 reverse (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 2 июня 1917 г. № 127).

проблемски здравомыслия, в главном их позиция оставалась неизменной. «Я склонен согласиться с министром иностранных дел в том, что наша единственная надежда уберечь внутривнутриполитическую ситуацию [в России] от анархии и хаоса покоится на победоносном наступлении» русской армии, – заключал Бьюкенен доклад о своей майской беседе с Терещенко, и в Лондоне с ним согласились¹. В ходе событий в Петрограде 3–5 (16–18) июля² американский посол Фрэнсис прямо заявил Терещенко, что России не следует рассчитывать на помощь извне «до тех пор, пока в стране не появится устойчивое правительство, которое продолжит ведение войны»; если же Временное правительство окажется не способным восстановить порядок, «оно потеряет уважение не только собственных граждан, но и союзников»³. В ответ российский министр через своего посла заверил Белый дом в решимости своего правительства обеспечить «единение власти, способной противостоять всем угрозам», и «вести войну до конечного триумфа»⁴.

Не уставая указывать Временному правительству на необходимость внутривнутриполитической консолидации, союзники в то же время подталкивали его к активизации на фронтах и восстановлению боеспособности армии ради достижения ранее тайно оговоренных целей в войне. Но в тогдашних российских реалиях это были взаимоисключающие требования. Планы будущих военных триумфов Антанты совершенно не учитывали прогрессирующего разложения российской армии, которое уже в мае–июне 1917 г. наблюдалось в тыловых частях, и не только в столицах. Мобилизация повсеместно проходила с огромным трудом, призывники массово отказывались ехать на фронт, в провинциальных гарнизонах процветали пьянство, буйство, дезертирство, неподчинение офицерам вплоть до физической расправы над ними. Историк В.В. Кондрашин приводит нашумевший случай убийства офицера-отпускника в Пензе, гарнизон которой местный Совет солдатских и офицерских депутатов переподчинил себе. Фронтовик был растерзан солдатской толпой только за то, что напомнил празднующимся запасным о необходимости ехать в действующую армию⁵. В общем, многомиллионная солдатская масса воевать явно не желала, и сама быстро превращалась в мощный дестабилизирующий внутривнутриполитическую ситуацию фактор. Да и без гласного и солидарного отказа стран Антанты от своих захватнических планов, как того требовала русская революционная демократия, добиться успокоения страны было

¹ F.O.R.C. 371. Vol. 3010. L. 312 (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 30 мая 1917 г. № 795).

² Сами эти события не оставили у чиновника МИД Г.Н. Михайловского «тени сомнения в германской завязи большевистского движения». Действия кронштадтских матросов на улицах Петрограда, которые он наблюдал, выглядели «методами не народной революции и даже не гражданской войны, это была неприятельская вылазка, изменническое нападение внешнего врага, старавшегося врасплох овладеть городом» (*Михайловский Г.Н.* Записки. С. 425). Керенский считал, что этот «удар с тылу в столице» был нанесен большевиками, дабы «облегчить подготовленный к этому времени удар с фронта» немцев (Русская мысль. 1956. 14 июня).

³ F.R.U.S. (Фрэнсис – Лансину в Вашингтон. Петроград, 18 июля 1917 г. № 1528).

⁴ F.R.U.S. (Бахметьев – и. о. госсекретаря. Вашингтон, 3 августа 1917 г.).

⁵ *Кондрашин В.* Первая мировая война и российская провинция // Первая мировая война и Россия: Научная встреча с профессором В.В. Кондрашиным. Университет Васэда. Институт российских исследований. Токио, 2016. С. 12–13.

проблематично. В таких условиях «никакое правительство в России не могло бы устоять, продолжая войну», – отмечает историк Ллойд Гарднер¹.

В июне 1917 г. военный министр Керенский и его коллега в МИД Терещенко с одобрения Петросовета добивались созыва конференции союзников специально для того, чтобы совместно и публично отказаться от принципов секретной дипломатии и объявить о пересмотре аннексионистской части военной программы Антанты². Однако в Лондоне и Париже эти инициативы были восприняты как «нелепое дон-кихотство» (выражение Керенского) и понимания не нашли. Президент США, к которому Керенский через посредника (журналиста Л. Стеффенса) обратился как к возможному союзнику в переговорах со Старым Светом на тот же счет, отговорился тем, что в секретные договоры стран Согласия не посвящен. Формально Соединенные Штаты в антигерманский блок, действительно, не входили, пребывая в статусе державы, «ассоциированной» с Антантой. Летом 1917 г. Белый дом старался дистанцироваться от захватнических вожелений своих европейских партнеров и лишь в конце 1917 – начале 1918 г., когда американские войска открыли боевые действия, заявил о необходимости пересмотра их военной программы³. Для президента Вильсона, утверждает британский историк Дэвид Френч, прусский милитаризм был лишь «немногим более омерзителен» британского стремления к морскому господству («*navalism*»)⁴; в соответствии с этим был сконструирован и его мирный план.

Ситуацию в России продолжали тщательно отслеживать и в Германии, власти которой с особым вниманием фиксировали нарастание кризисных симптомов, предсказанное графом Брокдорфом. Неизменной оставалась и их поддержка ленинцев. В разгар летнего наступления русского Юго-Западного фронта желание выехать на родину горстки засидевшихся в эмиграции большевиков германское внешнеполитическое ведомство подкрепило специальным ходатайством перед Генштабом: «Мы заинтересованы в том, чтобы в Россию вернулось как можно

¹ Gardner L.C. *Imperial America*. P. 100.

² Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. С. 275, 280–281; Нота министра иностранных дел М.И. Терещенко министру вооружений Франции А. Тома. 31 мая / 13 июня 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 351.

³ В ноябре 1917 г. на очередной встрече союзников в Париже, желая перехватить мирные инициативы большевистской России и «переформатировать» их под свой мирный план, американский президент устами советника Хауза повел атаку на систему секретных договоров Антанты, но с тем же результатом, что в свое время получили Керенский и Терещенко [см.: Zilliacus K. (*Vigilantes*) *The Mirror of the Past Lest in Reflect in Future*. London, 1944. P. 152–153]. В своем послании конгрессу от 8 января 1918 г. с проектом мирного договора по итогам мировой войны Вильсон, помимо конкретных мер в отношении отдельных стран, предложил объявить всеобщее сокращение вооружений, отказ от принципов секретной дипломатии, повсеместную свободу торговли и судоходства и создание «общего объединения наций» для гарантии независимости и территориальной целостности всех государств – будущей Лиги Наций (President Wilson's Address to the Congress. January 8, 1918 // *Russian-American Relations*. P. 68–74). Эти знаменитые «14 пунктов» Вильсона легли в основу Версальского мира 1919 г.

⁴ French D. *Allies, Rivals, and Enemies: British Strategies and War Aims during 1st World War* // *Britain and the First World War* / ed. by John Turner. London, 1988. P. 32.

больше сторонников Ленина», – говорилось в министерской депеше¹. В докладе своему министру немецкие дипломаты, ссылаясь на сведения приехавшего из России неумолимого «*Helphand*»'а, с удовлетворением отмечали, что, вопреки сообщениям союзнической прессы, «влияние Ленина и других групп, работающих во имя общего мира, продолжает расти»². Осечки в деятельности РСДРП(б) вызывали неподдельную озабоченность: «Влияние ленинской группировки, к сожалению, падает»³, – било тревогу германское посольство в Стокгольме, комментируя июльскую неудачу большевиков в попытке провести через Петросовет резолюцию недоверия Временному правительству (за – 126 голосов, против – 543). Публикация кадетской газетой «Речь» материалов расследования петроградских июльских событий с указанием на Ленина как на «германского агента» и на получение им и его ближайшими соратниками денежных средств от военных противников России⁴ Берлин немедленно и «энергичным образом» опроверг не только через собственную печать, но и подконтрольные швейцарские и шведские периодические издания⁵.

Бельгийский социалист Эмиль Вандервельде, в мае–июне 1917 г. посетивший Москву, Петроград, а затем и фронт, нашел много общего в содержании германской правительственной пропаганды со взглядами большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Не склонный к фантазиям и хорошо информированный британский дипломат Брюс Роберт Локкарт утверждал, что немцы содействовали распространению ленинских призывов, с ведома ли самого Ленина или нет тиражируя статьи большевистских газет, которые покупали в Стокгольме⁶. Напротив, меньшевик Р.А. Абрамович в позднейшей личной переписке глухо ссылаясь на документ, из которого следовало, будто немцы сами печатали большевистские прокламации «и затем пересылали их в Стокгольм, где они передавались большевистским представителям»⁷. Если верить Б. Пэрсу, большевистская литература широко распространялась и в лагерях русских военнопленных в Германии при полном попустительстве немецких властей⁸.

«По полученным секретным сведениям, правительства Антанты крайне озабочены положением дел в России, – сообщал в июне германский статс-секретарь пос-лу в Берне. – Распространение идеи мира не остановила даже последняя – лишь временная – консолидация Временного правительства. Отчаянные наступления

¹ Foreign Ministry to the Liaison Officer at General Headquarters. Berlin, 6 July 1917. No 358 // *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* P. 63–64.

² Memorandum to the State Secretary. Berlin, 17 July 1917 // *Ibid.* P. 66.

³ *Ibid.* P. 64–65.

⁴ Речь. 1917. 22 июля / 4 авг. С. 5.

⁵ *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* P. 68–69.

⁶ *Lockhart B.R.N. The Two Revolutions. An Eye-Witness Study of Russia, 1917.* London, 1957. P. 93; *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* P. 68.

⁷ Цит. по: Германия и революция в России. С. 31.

⁸ *Pares B. My Russian Memoirs.* London, 1931. P. 426.

русских войск не в состоянии скрыть нарастающего развала русской армии и ее нежелания воевать. Ленинская пропаганда мира уверенно усиливается, его газета «Правда» выходит уже в 300 тысячах экземпляров. Оборонные предприятия либо прекратили работу, либо сократили производство до минимальных размеров. Транспортный кризис продолжает нарастать, в результате чего страдает подвоз продовольствия в города и в армию. По всем этим причинам Антанте совершенно не следует ожидать отсюда помощи»¹.

И это была реалистическая оценка. Германское правительство, утверждал Михайловский, «было гораздо лучше осведомлено о положении России, чем не только союзники, но и само Временное правительство»².

2.5. Посланцы Запада в России, российские делегаты на Западе

Однако в странах Согласия, вопреки всему, продолжали верить в способность своего восточного союзника к полномасштабным и эффективным боевым действиям, всячески побуждая его к ним. С весны 1917 г. в Россию потянулись их делегации, которые имели целью выяснить настроения русского общества и намерения правящих кругов относительно участия России в войне и по возможности воздействовать на них в нужном для Антанты направлении.

Одним из первых «угovorить «доблестный русский народ» остаться верным союзником и не выходить из войны» в Россию 21 апреля прибыл французский социалист и министр вооружений Альбер Тома. Спустя почти полвека известный писатель, а тогда молодой газетный репортер К.Г. Паустовский так вспоминал одну из его московских речей: «Тома, прыгая на согнутых ногах по балкону, наглядно показал, что произойдет, по его мнению, с Россией, если она выйдет из войны. Он подкрутил усы на манер Вильгельма, сделал хищные глаза, высоко подпрыгнул и стремительно схватил в воздухе за горло воображаемую Россию. Он вцепился в нее мертвой хваткой, зашипел, швырнул ее под ноги и начал остервенело топтать лакированными ботинками. При этом он испускал воинственные крики и рычал, как бешеный тигр. Эта страшная пляска Вильгельма над поверженным телом России длилась несколько минут. Толпа, пораженная цирковым зрелищем, затаила дыхание. Потом по толпе прошел глухой гул <...> гул, разрастаясь, становился все более грозным, пока наконец не послышались крики: «Позор!», «Клоун!», «Долой!» Раздался пронзительный свист»³.

13 апреля, когда Ленин был еще в Стокгольме, в Петроград явились шестеро социалистов, французов и англичан (пятеро из них, включая будущего председателя Французской компартии Марселя Кашена, были депутатами своих парламентов)⁴, к которым позднее присоединился Артур Гендерсон, многолетний

¹ The State Secretary to the Minister in Bern. Berlin, 3 June 1917. No 658 // Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 61.

² Михайловский Г.Н. Записки. С. 476.

³ Паустовский К.Г. Повесть о жизни. Кн. 3: Начало неведомого века. М., 1966. С. 647–648.

⁴ Вместе с ними из почти 40-летней эмиграции на родину вернулся и один из отцов-основателей русской социал-демократии Г.В. Плеханов. Многотысячную толпу встреча-

лидер Лейбористской партии и единственный ее представитель в тогдашнем британском «кабинете пяти» – премьер Ллойд Джордж прочил его на место посла Бьюкенена. Задача делегации заключалась в попытке подогреть провоенные настроения умеренных российских социалистов. Но, по свидетельству Суханова, советские деятели, равно циммервальдисты и оборонцы, отнеслись к ним как к «агентам англо-французского капитала и империализма», шовинистам, игравшим «глубоко вредную роль» в рабочем движении своих стран, вся дипломатия которых состояла в том, чтобы прикрывать «грабительские планы своего правительства обычной фразеологией насчет германского милитаризма, защиты свободы, права, цивилизации и пр. Это была дипломатия Ллойд Джорджа и Милюкова»¹. В итоге словесные дуэли западных социалистов с депутатами Советов Петрограда и Москвы, а затем их «зажигательные» речи перед солдатами на фронте ни к чему не привели. Лишь в правительстве, свидетельствует Суханов, «иностранные социал-патриоты были у нас желанными гостями и принимались с распростертыми объятиями в Мариинском дворце. Брантинг, Кашен, О’Греди, Дебрукер и проч. <...> составляли с нашими министрами единый фронт против Совета»². Однако даже в Мариинском дворце им пришлось выслушать пламенную, как всегда, речь Керенского, который от лица русской демократии и в вопиющем противоречии с линией Милюкова заявил, что «никогда, ни при каких условиях мы не допустим вернуться к старым захватным задачам войны»³.

Локкарт, сопровождавший Гендерсона как своего возможного будущего шефа в поездке в Москву, вспоминал тяжелое впечатление, которое произвели на британского министра нападки советских ораторов: «Испытание было жестоким, и задолго до окончания [дебатов] желание стать преемником сэра Бьюкенена на посту посла его величества совершенно покинуло мистера Гендерсона»⁴. В ответ на прозвучавшую в Совете критику межсоюзнических секретных договоров, в том числе по проблеме Проливов, один из англичан полушутя предложил «отдать, черт побери», Константинополь Великобритании. По воспоминаниям очевидца, в зале воцарилась тяжелая пауза, которая вынудила зарубежных визитеров удалиться, – накануне в интервью «Манчестер Гардиан» представитель Моссовета заявил, что «русская демократия не имеет ничего общего» с милюковскими планами относительно Константинополя и Дарданелл.

Посланцы конгресса итальянских социал-реформистов (А. Лабриола, Д. Лерда, И. Каппо и О. Раймондо) с их, по выражению Суханова, «оголенно грабитель-

ющих он приветствовал здравицами в честь русской революции и призывами к «обороне страны» (Русские ведомости. 1917. 1/13 апр. С. 4). Подробнее о его позиции в войне см.: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997; *Костяев Э.В.* Проблемы мира и войны в платформах и деятельности Г.В. Плеханова и меньшевиков в 1914 – марте 1918 года. Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2014.

¹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 3. С. 184.

² Там же. С. 200.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 5/19 апр. № 24 (70).

⁴ *Lockhart B.R.N.* The Two Revolutions. P. 91. Не прибавило воодушевления Гендерсону в этом смысле и то, что в Петрограде его обокрали, «на улицах он попал раза два под перестрелку, и несколько раз враждебная толпа производила демонстрации перед зданием английского посольства»: *Бьюкенен М.* Крушение Великой Империи. С. 85.

ской» позицией в мировой войне, не снискав успеха перед «левой» российской аудиторией, оказались вынуждены оттачивать ораторское искусство «больше в министерских сферах»¹. Их «миссия дружбы» также явно не задалась, и, вдвое сократив свое пребывание в России, уже в середине июня они отправились восвояси². Стало очевидно, что по вопросу целей в войне общего языка российским и западным социалистам найти не удастся. Впрочем, не более понравилась европейским делегатам и ситуация в самой России: «Если это называется демократией, нам такая чертовщина у себя ни к чему», – резюмировал впечатления от этой поездки один из ее участников-лейбористов³. «Группой еврейских атеистов» показало руководство Советов Уильяму Сандерсу, секретарю Фабианского общества⁴, старейшей рабочей организации Великобритании.

Зато Гендерсон вернулся домой сторонником идеи общеевропейского социалистического конгресса⁵ в надежде, что его решения в духе лозунга мира «вничью» заставят правительства воюющих стран умерить свои захватнические аппетиты. В этом Гендерсон видел единственный способ удержать Россию от сепаратного выхода из войны. Британским лейбористам, считал он, так же следовало принять программу мира в редакции умеренных российских социалистов и направить своих делегатов на европейский социалистический конгресс. В печати поползли слухи, будто глава лейбористов замыслил скооперироваться с руководством британской «левой» Независимой рабочей партии с целью объединить и возглавить общеевропейское рабочее движение за мир, а затем, возможно, и прийти к власти на его волне⁶. Июньская поездка Гендерсона в Париж вместе с лидером «левых» лейбористов депутатом парламента Рамсеем Макдональдом для переговоров с французскими единомышленниками как будто подтверждала эти предположения. Они окрепли еще больше, когда агитировать в пользу европейского социалистического конгресса в Лондон явилась группа депутатов Петросовета (И.П. Гольденберг, Н.С. Русанов, А.Н. Смирнов и Г.М. Эрлих), которые, как общал дипломат Набоков, «ежедневно и постоянно виделись с Хендерсоном и Макдональдом»⁷. Направленная на Запад по решению I Всероссийского съезда Советов для переговоров относительно созыва Стокгольмской конференции, эта делегация имела целью выяснить позицию западноевропейских социалистов по вопросу о целях в войне.

¹ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 4. С. 84, 94.

² *Кирова К.Э.* Указ. соч. С. 225.

³ Цит. по: *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. P. 53.

⁴ *Page Arnot R.* The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 55.

⁵ С инициативой его созыва в апреле выступил лидер датской социал-демократии Фредерик Боргбьерг, и в мае Петросовет эту идею поддержал (его призыв «К социалистам всех стран» на этот счет был опубликован 15 мая). Из советских руководителей особенно горячим сторонником такой конференции был меньшевик Церетели.

⁶ *Gardner L.C.* Safe for Democracy. P. 139–140.

⁷ *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С. 117. Хозяйничанье этих депутатов в русском посольстве дало поверенному в делах «совершенно ясное, ошутительное представление о том, как велико было засилье соврабдепа над растерянным и ежедневно терявшим под собою почву Временным правительством»: Там же. С. 117–118.

10 августа конференция лейбористов огромным большинством высказалась за посылку своих представителей в Стокгольм, однако уже на следующий день правительство Ллойд Джорджа признало их поездку нежелательной. Самостоятельно обеспечить доставку в Швецию своих делегатов Гендерсону не удалось (помешал британский профсоюз моряков), его комбинация, таким образом, рассыпалась, и в ответ на жесткую критику в свой адрес со стороны премьера он покинул «кабинет пяти». Да и сам конгресс не состоялся. Другие правительства Антанты также отказались выдать его делегатам паспорта, президент США распорядился на этот счет еще в конце мая¹. Временное правительство устами министра Терещенко заявило, что, «не находя возможным воспретить участие русских делегатов в Стокгольмской социалистической конференции, считает, однако, эту конференцию делом исключительно партийным и решения ее не могущими ни в какой мере связать свободу действий правительства»². По мнению А.В. Игнатьева, крах созыва стокгольмского социалистического конгресса «подорвал влияние соглашателей в массах и послужил одной из причин поворота последних к большевикам»³.

Тем временем визиты союзников в Россию продолжались. В июне 1917 г. для выяснения положения дел в стране и «среди различных классов ее населения» из Харбина в Петроград, по поручению Токио, отправился директор Общества Южно-Маньчжурской железной дороги Каваками Тосицунэ. Генконсул Японии во Владивостоке с той же целью предпринял объезд Приамурья. Хотя русские газеты с жаром опровергали слухи о намерении союзников по Антанте предложить японцам занять Приамурье и Забайкалье в случае, если Петроград пойдет на сепаратный мир с германской коалицией, русская секретная служба зафиксировала наплыв на русский Дальний Восток переодетых японских жандармов и офицеров⁴, а также военные приготовления Японии в пограничных с Россией северных районах Кореи. Попытки союзников вернуться к вопросу о посылке японских регулярных войск на европейский театр в поддержку ослабшей России (впервые о такой комбинации в Антанте задумались еще в начале войны⁵) ни к чему не привели.

В июне 1917 г., проделав долгий путь морем из Сиэтла до Владивостока, а затем по железной дороге, в Петроград прибыла правительственная делегация США в составе 28 человек во главе с Элиу Рутот, сенатором-республиканцем, бывшим

¹ F.R.U.S. (Циркулярная телеграмма Лансинга главам американских миссий в европейских столицах. Вашингтон, 22 мая 1917 г.).

² Цит. по: *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С. 118.

³ *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 431.

⁴ Как установил современный дальневосточный историк А.В. Полутов, японский Генштаб в связи с ухудшением внутривосточной ситуации в России еще в конце 1916 г. принял решение развернуть в Сибири и на Дальнем Востоке свою разведывательную сеть. Находясь в оперативном подчинении генерал-губернаторства Квантунской области, она формировалась из офицеров военной разведки и имела целью сбор сведений о политической и экономической обстановке в регионе. Подробнее см.: *Полутов А.В.* Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 72–73.

⁵ Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014. Гл. IV.

военным министром и госсекретарем, лауреатом Нобелевской премии мира. В знак особого уважения американцев разместили в Зимнем дворце (73-летнего Рута позабавило, что его поселили в опочивальне Екатерины II). За три дня до прибытия Рута, 31 мая, во Владивостоке высадилась группа его соотечественников, железнодорожных деятелей под руководством крупного инженера, строителя Панамского канала Джона Стивенса, которая занялась обследованием Транссибирской магистрали¹. В Петрограде надеялись, что результатом деятельности этой Консультативной железнодорожной комиссии для России (*The US Railway Advisory Commission to Russia*) станет расширение поставок американского подвижного состава и железнодорожных материалов, в которых Россия по-прежнему остро нуждалась (по официальной оценке, России тогда требовалось не менее 2,5 тыс. паровозов и до 40 тыс. вагонов). Как подчеркивает советский автор, «вопрос об американском контроле над железными дорогами, прежде всего от Владивостока до Москвы, был выдвинут в качестве одного из центральных пунктов американского экономического наступления на Россию»². В июле, в обращении к Временному правительству, выработанном на совещании членов американской комиссии с представителями союзных стран и их техническими экспертами (из Великобритании, Франции, Бельгии, Италии, Японии), которое состоялось в британском посольстве в Петрограде, продолжение поставок России союзники напрямую связали с принятием их рекомендаций по улучшению работы ее транспорта. К концу лета комиссия Стивенса разработала и представила предложения по увеличению пропускной способности Мурманской и Сибирской дорог (в последнем случае главным образом для разгрузки Владивостока, заваленного военными материалами, которые были получены от союзников за годы войны³), но их полноценную реализацию сделала невозможной обстановка, сложившаяся в стране и на Дальнем Востоке после прихода к власти большевиков⁴.

¹ Соглашение с американской военной миссией о продаже России «значительного количества подвижного состава», а также об отправке американских железнодорожных инженеров «для изучения вопросов эксплуатации и повышения рентабельности Уссурийской железной дороги, КВЖД и Транссиба» было достигнуто министром Милоковым еще в середине апреля 1917 г. (Шифрованная телеграмма П.Н. Милокова послу в США Ю.П. Бахметеву. Петроград, 4/17 апр. 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 682–683).

² *Попова Е.И.* Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917–1922 гг. // Исторические записки. 1957. Т 60. С. 33.

³ По оценке инженера Б.А. Бахметьева, посетившего Владивосток в мае 1917 г. по пути в США, для разгрузки этого порта требовалось по меньшей мере 8–9 месяцев интенсивной работы портовых служб и железнодорожников [Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 1. Д. 6288. Л. 26 (Шифрованная телеграмма Бахметьева военному министру А.А. Маниковскому. Токио, 23 мая/5 июня 1917 г.)].

⁴ В ноябре 1917 г., по настоянию посла Фрэнсиса, убежденного, как и многие его коллеги, в недолговечности большевистского правления, миссия Стивенса отправилась «отсидиваться» в Японию. В середине февраля 1918 г. госсекретарь Лансинг распорядился, чтобы американские железнодорожники переместились в Харбин дабы рука об руку с местными антибольшевистскими российскими властями и при участии японских и китайских войск установить контроль над Транссибирской магистралью в обоих – восточном (до

Официальная цель миссии Рута, в которую вошли высокопоставленные представители американских вооруженных сил, крупные промышленники и финансисты, функционеры АФТ и YMCA¹ и лишь один весьма умеренный социалист, заключалась в том, чтобы поддержать «приверженность России принципам демократии» и обсудить «пути и средства эффективного сотрудничества правительств двух стран в деле продолжения войны»². Говоря непротокольным языком, от лица Белого дома миссии надлежало приободрить Временное правительство, на этот раз солидарно с Советами занятое подготовкой нового масштабного наступления на германском фронте. Проведя официальные переговоры и выслушав дежурные клятвы министров в верности союзническим обязательствам, американцы попытались установить связи в русских военных, деловых, церковных и даже советских кругах. В последних – безуспешно, не помогло и прочувствованное заявление заокеанского социалиста Чарльза Расселла делегатам I съезда Советов о том, что отныне «свет справедливости будет исходить не из факела статуи Свободы в Нью-Йорке, а из священных могил [революционеров] Марсова поля»³. Американские офицеры отправились в Ставку, на Черноморский и Балтийский флоты и на фронт в тщетной надежде поднять боевой дух русского воинства⁴.

В ходе этих неформальных контактов состоялась встреча члена делегации Рута, морского спецпредставителя американского президента вице-адмирала Джеймса Гленнона с А.В. Колчаком, только что сложившим с себя командование Черноморским флотом. Беседа закончилась приглашением будущего верховного правителя России за океан в качестве гостя правительства США для участия в «дарданелльской операции» американского ВМФ, или даже для руководства ею⁵ (официально – «для сообщения флоту республики данных опыта по ведению морской войны»). Поездка оказалась весьма насыщенной – Колчак и сопровождавшие его офицеры встречались с президентом Вильсоном и госсекретарем Лансингом, наблюдали масштабные учения американского флота в Атлантике,

Владивостока) и западном (до Иркутска) – ее направлениях. Однако уже в начале марта привлечение к этому делу японских военных Вашингтон отменил (подробнее об этом см.: Gardner L.C. Safe for Democracy. P. 171–172), а последовавшее восстание чехословацкого корпуса заставило еще больше скорректировать этот план (подробнее об этом см.: Понова Е.И. Миссия Стивенса. С. 38–85).

¹ Young Men's Christian Association (YMCA) – Юношеская христианская ассоциация, волонтерская организация, основанная в Лондоне в 1844 г., российское отделение – в Петербурге в 1900 г.

² Цит. по: Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917–1920. P. 20.

³ Цит. по: Kolonitskii B. The February Revolution of 1917 as a World Revolution.

⁴ Подробнее о составе миссии Рута и ее деятельности в России см.: Иоффе А.Е. Миссия Рута в России в 1917 году // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 87–100; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г. С. 236–248.

⁵ Подробнее об этом см.: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006; Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2010. По сведениям А.Е. Иоффе, Гленнон спас Колчака, добившись его освобождения из-под стражи в Севастополе, а затем перевез в Петроград (Иоффе А.Е. Миссия Рута в России в 1917 году. С. 94).

знакомились с работой Военно-морского колледжа в Ньюпорте, адмирал консультировал американских коллег в вопросах минного дела, в котором считался крупным авторитетом. Однако сам Александр Васильевич свое двухмесячное пребывание в США посчитал «формой политической ссылки», безрезультатной в военно-морском отношении. Операция по захвату Дарданелл, о которой в июне в Петрограде ему рассказывал американский адмирал, оказалась мифом, в действительности «пробивать» Проливы ради спрямления морского сообщения союзников с Россией власти США не собирались; Колчаку объяснили, что за океан он был приглашен ради его же собственного «спасения»¹. Однако «спасаться» таким образом адмирал не пожелал, в конце октября 1917 г. вместе со своими офицерами покинул США и отправился домой через Японию, где его и застало известие о свержении Временного правительства.

Для воздействия на русское общественное мнение в проантантовском духе Рут предложил от лица Временного правительства субсидировать газеты, печатать массовыми тиражами плакаты, листовки и другие пропагандистские материалы, для начала, на личные средства, в сотнях тысяч экземпляров воспроизведя одно из собственных выступлений перед министрами Временного правительства, а также речь президента Вильсона в американском конгрессе в переводе на русский язык². Поднимать воинственный настрой русской армии он рассчитывал в основном силами волонтеров YMCA, учитывая их «изумительный успех» в войсках Великобритании, Канады и Австралии. «Было бы очень желательно, – писал он Лансину 17 июня, – немедленно прислать сюда как можно больше фильмов с показом американских приготовлений к войне, военных кораблей, марширующих войск, работающих оборонных предприятий и всего остального, чтобы стало понятно, что Америка кое-что делает. Здешних бедняг уверяют, что по-настоящему воюет одна Россия, и они этому верят»³. Проектируемую пропагандистскую кампанию сенатор оценил в 5 млн долларов.

Степень осведомленности Рута по части русских дел иллюстрирует их общая оценка в его собственной формулировке, которой он поделился с Лансингом в том же письме, прося довести ее до сведения президента. Рут писал: «Мы нашли здесь 170-миллионный свободный народ в младенческом состоянии, который нужно снабжать материалом уровня детского сада; это искренние, славные, хорошие люди, но они сбиты с толку и ошеломлены». Прочитывая это послание, официальный американский историк признает: «Нет никаких признаков того, чтобы личные наблюдения и речи Рута в Петрограде оказали хоть какое-то воздействие на русские политические круги, если не считать доведенного до их сознания императива, согласно которому объемы американской помощи Временному правительству будут находиться в прямой зависимости от военных усилий последнего»⁴.

¹ Зырянов П.Н. Адмирал Колчак. С. 354.

² В то время это была распространенная практика. Например, речь того же адмирала Колчака, произнесенную в апреле 1917 г. и посвященную состоянию российских вооруженных сил и их взаимоотношениям с союзниками, Московская городская дума растиражировала в нескольких миллионах экземпляров.

³ F.R.U.S. (Рут – Лансину в Вашингтон. Петроград, 17 июня 1917 г. № 8).

⁴ Kennan G.F. Soviet-American Relations, 1917–1920. P. 20–21.

В официальном заявлении об окончании работы своей миссии Рут был дипломатичнее, но по всем статьям не стал более близок к российской действительности. «Мы не обнаружили в русской демократии органических либо неизлечимых болезней, – докладывал он. – <...> С момента революции [Россия] ежедневно демонстрирует естественную приверженность закону и порядку и способность к самоуправлению. В настоящий момент самые насущные проблемы страны – это недостаток средств и отсутствие транспортной системы. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь решению обеих»¹. Понятно, что эксперты, подобные Руту, понять и дать объективную картину положения дел в России или как-то повлиять на них были не в состоянии². Неудивительно, что Вильсон признал поездку этой делегации не вполне удачной, и инициативы сенатора в полном объеме поддержки Вашингтона не получили. Лишь в конце октября Лансинг известил Фрэнсиса о скорой отправке в Россию 75 тыс. футов документальных фильмов с проекционным оборудованием и операторами, а также 200 пропагандистов YMCA, часть которых уже прибыла во Владивосток³.

Идею проведения в России, особенно в ее действующей армии, широкой пропагандистской кампании подхватила и попыталась реализовать специальная информационная служба при британской дипломатической миссии во главе с писателем Хью Уолполом⁴. Выступать на фронтовых митингах часто отправлялись английский военный атташе генерал Нокс и его помощник полковник Катберт Торнхилл, а также специалисты по России, будущий профессор-историк англичанин Бернард Пэрс⁵ и главный консультант президента США по «русскому вопросу» Сэмюэль Харпер (оба находились в Петрограде как военные корреспонденты западных газет). Однако их призывы восстановить армейскую дисциплину и продолжать воевать не находили отклика в солдатской среде. «Нашим ораторам надоедало выступать перед слушателями, которые аплодировали всему, но ничего не делали», – вспоминал Пэрс⁶. «Впечатление, которое могли произвести наши речи, – уточнял Нокс, – уже следующий оратор уничтожал в течение нескольких

¹ Statement by Mr. Root on the Work of the Mission. July 10, 1917 // Russian-American Relations. P. 32.

² Впрочем, оценки некоторых членов миссии Рута были более реалистичными. Историк С.В. Листиков установил, что промышленник Сайрус Мак-Кормик, например, докладывал о разрушении экономических основ русского общества, о «разложении традиционных социально-политических структур и отношений», о трагедии русской армии и успехах в России германской пропаганды (*Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. С. 240).

³ F.R.U.S. (Лансинг – Фрэнсису в Петроград, Вашингтон, 29 октября 1917 г. № 1808).

⁴ Оба его наиболее известных романа – «Темный лес» (1916) и «Тайный город» (1919) – основаны на впечатлениях, полученных в России.

⁵ Впоследствии, став профессором истории Лондонского университета, Пэрс, считавший себя учеником В.О. Ключевского, опубликовал фундаментальную историю России с древнейших времен, которая выдержала четыре издания. Для нас эта работа, как и изданные в 1931 г. в Лондоне его мемуары, особенно интересна описанием событий 1917 г., которые во многом сделаны с натуры.

⁶ *Pares B.* My Russian Memoirs. London, 1931. P. 444.

минут»¹. Не большим успехом пользовались воинственные речи, с которыми обращались к солдатской аудитории на фронте и в тылу майор Тонелли, лейтенант Марченго и другие сотрудники итальянской военной миссии в России².

«Разоблачить германских агентов и убедить русских сражаться до полного крушения Германии» была призвана и совместная англо-американская секретная пропагандистская операция³, в рамках которой в Россию направили писателя Уильяма Сомерсета Моэма (якобы для подготовки книги о русской революции) вместе с четырьмя чешскими эмигрантами, членами американского Богемского национального союза, или Комитета американских граждан славянской национальности. Но группа Моэма достигла Петрограда лишь в конце августа, когда «разоблачать германских агентов» было уже поздно, и вера Вашингтона в возможность положительного развития событий в России была основательно подорвана, если не утрачена вовсе. Очевидно ошибочным было решение Парижской межсоюзнической конференции (о которой речь впереди) отказаться от объединения или даже только координации действий в России своих информационно-пропагандистских служб. В результате в России провоенная пропагандистская кампания союзников и организационно, и содержательно оказалась провалена и вчистую проиграна идейному натиску антивоенных радикалов, особенно большевиков. Летом 1917 г. братания солдат превратились в массовое явление, особенно на русско-австрийском фронте.

Несколько более успешно действовала внешняя российская пропаганда в союзных и нейтральных странах. Осознание необходимости борьбы «против распространения за границей вредных для наших государственных интересов ложных сведений о России и русской армии» наступило с первых же дней войны, для чего, по инициативе Ставки, при МИД было создано межведомственное Совецание с участием представителей Главного управления по делам печати МВД, военного, морского и финансового ведомств. Решение Совецания о негласном финансировании прессы Скандинавии, Нидерландов, Румынии, Италии и США в августе 1914 г. было одобрено Советом министров. На протяжении следующих полутора лет (до весны 1916 г.) для воздействия на печать нейтральных стран внешнеполитическое ведомство получило кредитов на 525 тыс. рублей⁴, а общие затраты МИД на эти цели на протяжении войны, по имеющимся подсчетам, составили до миллиона рублей⁵. Однако летом 1916 г. директор дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили был вынужден признать, что «дело воздействия на за-

¹ *Knox A.* With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. P. 579.

² См.: *Кирова К.Э.* Указ. соч. С. 207–208.

³ Подробнее о ней см.: *Сахновский Е.В.* Миссия Сомерсета Моэма в Россию в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 176–179; *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. С. 251–264.

⁴ Записка управляющего Отделом печати МИД А.И. Лысаковского. 29 мая / 11 июня 1916 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 579.

⁵ *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 55. Историк обращает внимание на то, что эти субсидии значительно уступали аналогичным тратам других стран, например, США (не менее 7,5 млн долларов) или Германии (сотни миллионов марок).

граничное общественное мнение в благоприятном для нас смысле до сего времени не получило удовлетворительного разрешения»¹. В итоге в 1917 г. функции центрального органа внешней правительственной пропаганды от МИД перешли к Военному министерству, с июня Генштаб начал готовить информационные материалы «о работе Временного правительства по устройению государства», о его отношении к сепаратному миру, роли и значении Советов в жизни страны и по другим животрепещущим внутри- и внешнеполитическим вопросам. Эти материалы предназначались для публикации в союзнической прессе, в том числе через вновь созданные пресс-службы российских дипмиссий. Несмотря на это, в целом, по оценке исследователя, Временное правительство «не продвинулось в этом дальше, чем царское»².

Благодарить заокеанскую «великую Союзную Республику» за признание нового российского режима выпало чрезвычайной правительственной миссии во главе с товарищем министра торговли и промышленности Б.А. Бахметьевым, первым послом Временного правительства, который как инженер-гидравлик не имел никакого дипломатического опыта – его предшественник и почти однофамилец Ю.П. Бахметев подал в отставку по идейным соображениям; помимо посольства в Вашингтоне Бахметьеву надлежало возглавить Русский заготовительный комитет в США. Среди 47 членов его делегации были представители финансового, торгово-промышленного, военного и других ведомств, которым предстояло детально обсудить с новым союзником вопросы военно-политического и финансово-технического сотрудничества³. Американских берегов миссия Бахметьева достигла в середине июня 1917 г. Небывалый по размаху и дружелюбию прием (приветствия восторженных толп в крупнейших городах, «дождь» конфетти на улицах Нью-Йорка) сопровождался встречами русских делегатов с президентом и госсекретарем США, конгрессменами и сенаторами, журналистами ведущих американских изданий. Сразу по прибытии в Сиэтл, а затем в бесчисленных заявлениях, речах и интервью Бахметьев не устал повторять, что «цели и идеи» России и США в текущей войне идентичны и их сотрудничество будет иметь «огромное влияние на всю мировую политику», что Россия «с возмущением отвергнет любые предложения сепаратного мира» и намерена воевать до тех пор, пока «немецкая тирания» не будет уничтожена⁴. К деловой части визита – переговорам относительно займов и военных закупок – члены делегации смогли приступить только в начале июля, и уже упомянутое получение Россией американских кредитов и их «освоение» на здешнем рынке – отчасти их заслуга. По иронии судьбы, в том, что Россия

¹ Записка директора дипломатической канцелярии при Ставке Н.А. Базили. 8/21 июня 1916 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 582.

² *Жданова И.А.* «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте–октябре 1917 г. // Отечественная история. 2008. № 3. С. 140. См. также: *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте. С. 62–65; *Сергеев Е.Ю.* Официальная пропаганда России на нейтральные страны во время Первой мировой войны // Российская история. 2015. № 5. С. 131–137.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 348–349 (журнал от 25 апр. / 8 мая 1917 г.).

⁴ F.R.U.S. (Кафферы – Лансингу в Вашингтон. Сиэтл, 15 июня 1917 г.).

«будет сражаться до конца», а его сограждане «душой и сердцем с правительством Керенского», Бахметьев в очередной раз заверил американскую аудиторину накануне прихода к власти большевиков и оглашения их Декрета о мире.

2.6. Июльская катастрофа и ее последствия

В разгар лета 1917 г. обстановка на российско-германском фронте вновь накалилась. 18 июня/1 июля русский Юго-Западный фронт перешел в наступление в общем направлении на Львов, которое поначалу развивалось успешно. Однако 6/19 июля немцы контратаковали, прорвали фронт у Тарнополя, «демократическое» русское воинство стремительно покатило назад, и этот неутешительный итог явился последним масштабным боевым эпизодом русской армии в Первой мировой войне. Летнее наступление, проведенное по настоянию союзников, оказалось фатальной ошибкой, которая только способствовала дальнейшей дискредитации сторонников продолжения войны в России и еще большей деморализации и распаду самой действующей армии¹. Французский генерал, очевидец кровопролитных июльских боев, свидетельствовал, что жертвой наступления пал цвет русской армии, оставшиеся же войска, «лишенные дисциплины и боевого духа», почти не оказали немцам сопротивления, типичным был случай, когда десять русских дивизий бежали под натиском двух германских².

В конце июля Петроград сотрясла новая волна беспорядков, действующая армия (опять-таки не «ударные», в основном офицерские и казачьи, а обычные пехотные части) откликнулась массовым дезертирством, нескончаемыми митингами и по призыву большевиков очередным раундом братаний с противником. О масштабах этих братаний и их последствиях можно составить представление по тому, что благодаря им еще накануне русского наступления немецкие и австрийские офицеры, пропагандисты и разведчики установили контакты с военнослужащими половины российских пехотных дивизий из 214, стоявших на передовой³. Русские офицеры в братаниях, как правило, не участвовали, но и остановить их были не в состоянии, по новым советским правилам все их действия и приказы требовали санкции солдатских комитетов.

После провала июльской операции покидать боевые позиции стали уже целыми батальонами и полками, а офицеров, пытавшихся остановить позорное бегство, расстреливать. По данным того же Пэrsa, в течение лета 1917 г. с русского фронта

¹ Подробнее об этом см.: *Heenan L.E. Russian Democracy's Fatal Blunder: The Summer Offensive of 1917. New York, 1987.*

² F.O.R.C. 371. Vol. 3011. L. 515–516 (Записка Форин офис Ллойд Джорджу с изложением беседы с генералом Walsh'ем. Лондон, 14 августа 1917 г.).

³ Для Берлина и Вены не менее важным, чем солдатские братания, источником сведений о планах русского военного руководства, отмечает Колоницкий, явились перемещения военного министра А.Ф. Керенского по передовой: «Германское и австро-венгерское командование специально регистрировало эти выступления военного министра, о которых открыто сообщала пресса: так легко было определить грядущие удары российских войск»: *Kolonitskii B. The February Revolution of 1917 as a World Revolution // <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/15summer/index.html>*

в общей сложности дезертировало до 2 млн солдат¹. Крупные города, вспоминал другой очевидец, заполнялись солдатами, беспрепятственно валившими в тыл; «станционные служащие разбегались гораздо раньше, чем на входные стрелки с разбойничьим свистом, ревом гармоник и граммофонов и пулеметной пальбой вытягивались, прогибая рельсы, эшелоны с демобилизованными». Москва «превратилась в буйное военное становище. Солдаты плотно оседали вокруг вокзалов. Привокзальные площади курились дымом, как развалины завоеванных городов. Но это был не пороховой дым, а дым махорки. Ветер вертел серые смерчи из подсолнечной шелухи»². Фактически, русская армия как боевая единица переставала существовать. Фронтвые наблюдения привели британского военного атташе к заключению, что для Антанты русская армия потеряна безвозвратно³.

Несмотря на все это, в конце июля Временное правительство направило в Лондон и Париж очередные заверения в своей верности союзническому долгу, пообещав в течение двух-трех месяцев «преодолеть настоящие трудности», восстановить дисциплину в армии и пополнить ее запасы с тем, чтобы во всеоружии вступить в зимнюю кампанию⁴. Однако все эти посулы были заведомо невыполнимы. По сведениям Ставки, в сентябре из более миллиона запасных в действующую армию удалось доставить лишь 78,5 тыс. человек – при некомплекте в 587 тыс.⁵ На этом фоне военная и внешнеполитическая активность России закономерно упала, правительство оказалось вынужденным занять пассивно-выжидательную позицию, а дипломатия встать в «глухую оборону». Международные авторитет и влияние страны сразу пошли на убыль⁶, ожидания «радостных перспектив» революции потускнели, иностранная политика государства, по признанию управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова, окончательно свелась к разговорам.

Другими словами, результатом попыток Временного правительства продолжить масштабное участие России в войне стал катастрофический развал ее армии, эрозия ее великодержавного статуса и, как верно отмечает историк Роберт Слассер, «углубление революции»⁷. Локкарт, воочию наблюдавший эти события, полагал, что, оказавшись между обухом Советов и плетью союзников, у правительства Керенского оставался лишь один способ выжить – выйти из войны на относительно почетных для России условиях⁸, и, вероятно, был недалек от истины. Но из-за позиции союзников сделать это было возможно лишь ценой полного раз-

¹ *Pares B.* A History of Russia. P. 491, 493.

² *Паустовский К.Г.* Повесть о жизни. Кн. 3. С. 652–653, 685.

³ *Кнох А.* With the Russian Army, 1914–1917. Vol. 2. P. 648.

⁴ F.O.R.C. 371. Vol. 2997. L. 197, 201 (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 27 и 31 июля 1917 г. №№ 1150, 1169).

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1462. Л. 12, 46.

⁶ *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. С. 493; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 427–429.

⁷ *Slusser R.M.* The Role of the Foreign Ministry // Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective / Ed. by Ivo J. Lederer. New Haven and London: Yale University Press, 1962. P. 211.

⁸ *Lockhart B.R.N.* The Two Revolutions: An Eye-Witness Study of Russia, 1917. P. 113.

рыва с ними и огромных репутационных издержек (территориальные потери, особенно в сравнении с последующими брест-литовскими, тогда едва ли явились значительными¹). Историк О. Файджес приводит слова Керенского, который много лет спустя, уже в эмиграции, отвечал в частном разговоре на вопрос о том, могло ли Временное правительство преградить большевикам путь к власти, подписав сепаратный мир с Германией. Керенский заявил: «Конечно, и теперь мы были бы в Москве». На последовавший вопрос, почему, в таком случае, этого не было тогда сделано, бывший премьер ответил: «Мы были слишком наивны»².

Июльская катастрофа на русском фронте заставила страны антигерманского блока вынести «русский вопрос» на обсуждение особой конференции. Она состоялась в Париже 25–26 июля 1917 г. без участия самой России (Терещенко ехать в Париж отказался). Политический меморандум, который 25 июля огласил британский делегат, исходил из того, что союзникам по-прежнему следует делать все возможное, дабы удержать Россию в составе коалиции. Для этого Великобритании надлежало взять под свою опеку российский военный флот, Франции – сухопутные вооруженные силы, а США и отчасти Японии – транспортную систему. Похоже, однако, что с самого начала все понимали запоздалость этих мер. Во всяком случае антантовские генералы, собравшиеся на следующий день, уже предавались раздумьям о политико-экономических последствиях для стран Согласия окончательного «падения» своего восточного союзника, особенно тревожась по поводу перехода «громadных ресурсов России» в руки Тройственного союза³. Тем не менее 4 августа 1917 г., в третью годовщину вторжения Германии в Бельгию, Ллойд Джордж направил Керенскому послание с выражением уверенности, что «свободная Россия преодолет текущие трудности и рука об руку с союзниками <...> обеспечит свободу и демократию в своей стране и во всем мире». Керенский, «глубоко тронутый» поддержкой Великобритании и ее премьера в этот знаменательный день, заверил, что русский народ «триумфально поборет» возникшие «затруднения»⁴.

После провала июльского наступления отношение правящих верхов Японии к России, по донесению российского посла, «стало более сдержанным и менее для нас благоприятным», хотя в целом все еще дружественным⁵. Несмотря на «чрезвычайное расстройство» российских финансов, которое Временное правительство было вынуждено констатировать уже в августе 1917 г., и вызванный инфля-

¹ Если верить Михайловскому, в российском МИД имелись сведения, что в то время парламентская оппозиция в Германии «была бы не прочь сговориться с Временным правительством на умеренных началах», и «если бы Временное правительство захотело последовать примеру германского вмешательства в русские дела и поддержать парламентскую оппозицию так, как германское правительство поддерживало большевиков, то финал войны мог бы быть иным»: *Михайловский Г.Н.* Записки. С. 470.

² *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. P. 409.

³ *War Memoirs of David Lloyd George.* Vol. 2. P. 1531.

⁴ *F.O.R.C.* 371. Vol. 3015. L. 40; 2998. L. 461 (Бальфур – в британское посольство в Петрограде. Лондон, 4 авг. 1917 г. и ответ Бьюкенена в Форин офис от того же числа за № 1196).

⁵ АВПРИ. Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 1865. Л. 171 (Секретная депеша Крупенского Терещенко. Токио, 17/30 июля 1917 г. № 106).

цией лавинообразный рост военных расходов¹, официальный Токио продолжал исправно выполнять ранее заключенные контракты по военным поставкам, а также предоставлять России займы, правда, все менее охотно и на все более тяжелых финансовых условиях. Последний контракт на поставку 150 тыс. новых (образца 1906 г.) винтовок Арисака, подписанный в начале сентября 1917 г., был полностью выполнен Японией спустя всего два месяца². Тогда же посол Крупенский от лица своего правительства сделал заключительные заимствования в Банке Японии. Однако 116 млн иен, вырученные в результате двух таких операций, не покрывали даже российских долгов по ранее заключенным в Японии военным контрактам³.

2.7. Антанта: отзвуки русской революции

Правительства Согласия весьма беспокоила не только перспектива утраты важнейшего в стратегическом отношении восточного союзника, но и то влияние, которое русская революция и ее лозунги оказывали на положение в их собственных странах⁴. На фоне затяжных, кровопролитных, но мало результативных боев союзных армий во Фландрии (в сражениях при Пашендейле) и на Итальянском фронте (в битвах при Изонцо) звучавшие из России призывы к немедленному заключению справедливого мира находили отклик и в войсках, особенно французских (крупные беспорядки там отмечались в мае–июне и сентябре 1917 г., в последнем случае бунтовал Русский экспедиционный корпус⁵), и в пролетарской среде, и в лагере социалистов. Русская революция расколола европейское общественное мнение: «Социалистические партии Великобритании и Франции, а вместе с ними и внушительный сегмент промышленного пролетариата отозвались на новую программу русских революционеров – “мир без аннексий и контрибуций”. Война в их глазах становилась “войной хозяев”, в которой массы ничего не приобретут, но много лишатся. Люди были готовы поверить, что она ведется в

¹ Если в 1914/1915 г. один день войны в среднем обходился русской казне в 15 млн руб., то в 1917 г. – уже 58,9 млн. Общая сумма военных кредитов за 1917 г. составила 15,3 млрд руб. (*Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 115–116. Примеч.).

² ГА РФ. Ф. Р-5980 (Российский военный агент в Японии). Оп. 1. Д. 57. Для сравнения: американская компания «Ремингтон», которая по контрактам 1915 г. должна была до весны 1917 г. поставить России 1,5 млн винтовок, к началу 1918 г. отгрузила заказчику всего 840 тыс. стволов, в результате чего договор с ней был расторгнут (*Ильин Ю.В.* Вклад России в создание военно-промышленного комплекса США // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы международной конференции. М., 2011. С. 434–435).

³ Подробнее см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. С. 133–135.

⁴ Об отклике на русскую революцию в странах Тройственного союза см.: *Игнатьев А.В., Иоффе А.Е.* Международная обстановка накануне Октября // Вопросы истории. 1962. № 11. С. 57–60.

⁵ См.: Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Красный архив. 1940. № 2 (99); *Капелюш Ф.* Восстание во французской армии в 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 3.

эгоистических, “империалистических” целях»¹. «Стачки во Франции уже определенно революционны по характеру, – с удовлетворением отмечалось в переписке германского МИД середины июня 1917 г., – революционное движение в Италии ширится»². Призыв «Сделать, как в России!» на Апеннинах имел скорее антивоенное, чем социальное звучание, но скоро превратился в один из самых популярных лозунгов итальянских народных масс³. В начале августа 1917 г. в Болонье, Риме, Флоренции, Милане упомянутую делегацию Петросовета к замешательству ее членов, меньшевиков и эсеров, тысячи рабочих приветствовали возгласами «Да здравствует Ленин!» и «Долой войну!». Под теми же лозунгами проходило восстание, вспыхнувшее в конце августа в промышленном Турине, – крупнейшее антивоенное выступление итальянского пролетариата в годы Первой мировой войны⁴.

Для британских рабочих особенно привлекательными оказались Советы. «В каждой мастерской и на каждом углу, – вспоминал Ллойд Джордж, – можно было слышать один и тот же вопрос: “В России рабочие создали особый орган, координированный с правительством и обладающий большей властью, чем пэры в Англии. Его вето эффективно как в административной, так и в законодательной области. Почему в Британии такого нет?” <...> Русский пример вводил в соблазн, и это тревожило»⁵. В условиях всплеска стачечного движения на экономической почве (по данным того же британского премьера, в мае–июне 1917 г. в стране бастовало до 200 тыс. рабочих) антивоенные настроения и просоветские симпатии англичан попытались аккумулировать левейбористская Независимая рабочая и марксистская Британская социалистическая партии. В мае они создали «Объединенный социалистический совет», который выступил с инициативой съезда представителей рабочих, социалистических и массовых общественных организаций (женских, профсоюзных и т. п.) для «приветствия русской революции и организации британской демократии по русскому образцу». В обращении, подписанном Рамсеем Макдональдом, Филиппом Сноуденом и другими вожаками «левых», говорилось, что съезд «откроет новую эру демократической власти в Великобритании и начнет внедрять достижения, которые русская революция обеспечила в России»⁶.

Конфиденциальный источник известил британского премьера, что практической целью инициаторов съезда являлась «организация забастовки с переходом в мятеж, для прекращения которого войскам придется применить оружие; это, в свою очередь, позволит развернуть всеобщую забастовку, которая принудит Британию прекратить войну – во многом так же, как русская революция при-

¹ *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. P. 558–559.

² The Minister in Stockholm to the State Secretary. 15 June 1915. // Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. P. 62–63.

³ *Курова К.Э.* Указ. соч. С. 43.

⁴ Там же. С. 131–135, 240–247; *Кобылянский К.В.* Великий Октябрь и революционное движение в Италии (1917–1921). М., 1968. С. 13.

⁵ War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1146.

⁶ Цит. по: *Ibid.* P. 1153.

остановила военную активность России»¹. Несмотря на это, а также, как пишет Ллойд Джордж, на «нервозность, проявленную некоторыми сферами», правительство запрещать съезд не стало, и он состоялся в городе Лидсе в начале июня 1917 г. Свыше тысячи его участников приняли приветствие русской революции, обращение к лондонскому кабинету немедленно объявить о своем согласии с задачами во внешней политике и войне, заявленными российскими социалистами, и требование всеобщей политической амнистии. Наибольший резонанс получила резолюция съезда, призывавшая к повсеместному созданию на Британских островах «Советов рабочих и солдатских делегатов» с помощью образуемого им «Временного комитета»².

Практического продолжения эти начинания не имели, по версии Ллойд Джорджа, главным образом потому, что делегаты съезда никого кроме самих себя не представляли. Уже в середине июля 1917 г. министр труда доложил премьеру, что «основная масса рабочих не разделяет революционных взглядов» и настроена вполне патриотично. «Так и закончилась английская революция по русскому покрою, не причинив большого ущерба», – заключил Ллойд Джордж свой рассказ³. Лидеры Независимой рабочей партии, скомпрометированные участием в лидском съезде, на следующих парламентских выборах в декабре 1918 г. лишились депутатских мандатов, а сама эта партия их проиграла. Советские исследователи неудачу советских начинаний в Великобритании 1917 г. объясняли усилением правительственных репрессий, «погромной, шовинистической агитацией против Советов», а также деятельностью «правых и центристских элементов в лейбористской партии и Независимой рабочей партии», которые сумели оседлать это движение⁴.

2.8. Союзники и корниловский мятеж

Отношение европейских союзников к правительству Керенского в последние два-три месяца его существования российский поверенный в делах в Лондоне назвал «фазисом полного разочарования и раздражения»⁵. На очередной, лондонской, встрече руководства Антанты, состоявшейся 7–8 августа 1917 г. и снова в отсутствие российских представителей, Ллойд Джордж предлагал направить в адрес русского премьера «решительный протест» против нарастающих в России распада и анархии. К незамедлительному наведению порядка в армии и в стране Керенского стала призывать и европейская печать – британские газеты советовали ему «спасать Россию свистом шрапнели», а французские грезили о «диктаторе, способном побороть и внутреннюю анархию, и Австро-Германию»⁶. Предчувствия

¹ War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1153.

² Ibid. P. 1153–1154.

³ Ibid. P. 1156. Об энтузиазме, с которым русская революция была встречена в британской провинции, см.: *Dukes P. The Russian Revolution in Aberdeen and Northern Scotland, 1917–1920: Lewis Grassie Gibbon, William Leslie and John Paton // Россия и Британия: На путях к взаимопониманию. Вып. 5. М., 2010. С. 200–208.*

⁴ *Игнатьев А.В., Иоффе А.Е. Международная обстановка накануне Октября. С. 61.*

⁵ *Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 97, 139.*

⁶ Цит. по: *Warth R. The Allies and the Russian Revolution. P. 117.*

появления в Петрограде «сильной руки» посетили и главу американского Госдепа: «Деморализация будет нарастать до тех пор, пока не появится сильный человек, который покончит с ней», – писал Лансинг о ситуации в России в те же августовские дни¹. Керенский, по оценке Ллойд Джорджа, «был одаренный человек, но это не был талант деятеля»². Как известно, в августе 1917 г. кандидатом в русские диктаторы выступил не «главноуговаривающий» премьер, а Верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов.

Официально занимая по отношению к действиям генерала позицию строгого нейтралитета, союзники и словом, и делом давали понять, что их симпатии находятся всецело на стороне его курса на «спасение России». «Пора положить конец всяким комитетам и дебатам, Советам из псевдорбочих и бездельников-солдат и бросить заниматься утопиями, когда враг стоит у ворот», – призывала в разгар «корниловщины» лондонская «Таймс»³; Корнилов – «самый уважаемый и благородный из всех русских», утверждала парижская «Фигаро»⁴. Генерал Нокс настойчиво советовал своему правительству не ограничиваться заявлениями об «озабоченности» угрозой гражданской войны в России, а оказать Корнилову недвусмысленную и полную поддержку в предпринятых им мерах по «восстановлению дисциплины на фронте, на железных дорогах и в Петрограде»⁵. 10 сентября союзные послы собрались в британской дипмиссии и, обсудив текущую ситуацию, приняли решение не покидать Петроград, дабы при необходимости выступить посредниками в урегулировании «конфликта между Временным правительством и Верховным главнокомандующим». Свою главную задачу дипломаты Антанты по-прежнему видели в том, чтобы «обеспечить единство всех сил России ради продолжения ею войны до победного конца»⁶.

Лорд Альфред Милнер, один из наиболее влиятельных членов военного кабинета, направил претенденту в русские диктаторы личное приветствие, которое генералу доставил А.Ф. Аладьин, бывший депутат-трудовик Первой Государственной думы, затем эмигрант, с началом Первой мировой войны ставший офицером-волонтером британской армии. На родину Аладьин прибыл на английском военном корабле вместе с крупной суммой денег (как утверждал он сам, британского происхождения⁷), благодаря чему смог выступить главным казначеем и спонсором Корнилова и даже намечалось его назначение на пост министра иностранных дел

¹ Цит. по: Gardner L.C., LaFeber W.F., McCormick Th.J. Creation of the American Empire: US Diplomatic History. Chicago and New York, 1973. P. 334.

² War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1530.

³ The Times. 1917. September 8.

⁴ Figaro. 1917. Septembre 12.

⁵ Текст его заявления военному кабинету в Лондоне от 7 сентября 1917 г. см.: Page Arnot R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. P. 75–76. Подробнее об отношении британской дипломатии к Корнилову см.: Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский. С. 69–71.

⁶ F.O.R.C. 371. Vol. 2999. L. 41 (Бьюкенен – в Форин офис. Петроград, 10 сент. 1917 г. № 1419).

⁷ Форин офис, запрошенный по этому поводу Бьюкененом, свою причастность к финансированию Аладьина отрицал (F.O.R.C. 371. Vol. 3016. L. 435–436 (Запрос Бьюкенена в Форин офис от 20 окт. 1917 г. и ответ лорда Хардинга от 27 окт. 1917 г.)).

будущего правительства¹. Мало того что, поддерживая мятежного генерала, власти Антанты, таким образом, подставляли под удар своего официального союзника – Временное правительство. В Лондоне и Париже совершенно не учитывали, что попытка военного переворота, неизбежно толкая Керенского к поиску опоры «слева», в случае неудачи откроет дорогу к власти большевикам.

Провал наступления корниловских войск на столицу и арест самого претендента в диктаторы вместе с группой офицеров-сподвижников в середине сентября стал большим подарком для большевиков, но для Антанты – огромным разочарованием. История с Корниловым показала, что в распоряжении даже самых авторитетных и, казалось, популярных русских военачальников нет солдат, готовых не то, чтобы драться с внешним врагом, но даже защитить их самих от «презренного советского сброда». Общественные настроения хорошо передала редакционная статья «Русских ведомостей»: «Великодержавной России больше нет. На ее месте – измученная и обессиленная страна, которой угрожают сразу три врага: внешний завоеватель, внутренний хаос, голод <...> Страна с опустошенной народной душой, страна обнищавшая и обессиленная не может ставить себе тех широких и притязательных задач, которые она ставила себе при начале войны и при начале революции»².

Набоков свидетельствует, что «после корниловского эпизода английское правительство “махнуло рукой” и ожидало казавшегося ему неминуемым краха Временного правительства»³. По словам Керенского, отношение к российским властям в руководящих кругах Антанты «стало явно враждебным»⁴, сам российский премьер в донесениях дипломатов все чаще фигурировал как «германофил», сторонник сепаратного мира, «корыстолюбец», а то и просто «мерзавец»⁵. Несмотря на то что сразу после «корниловщины» Терещенко направил союзным правительствам новую ноту о готовности России продолжать войну «любой ценой»⁶, с тех пор военное сотрудничество Антанты с Россией фактически оказалось свернуто. Олицетворением пренебрежения судьбой России стал отказ Лондона удовлетворить просьбу русского командования о посылке своей эскадры

¹ Warth R. The Allies and the Russian Revolution. P. 124. О впечатлении, которое Аладын произвел в русских правящих сферах, см.: Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 180–181.

² Русские ведомости. 1917. 26 авг./8 сент. С. 1.

³ Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 142.

⁴ Керенский А.Ф. Союзники и Временное правительство. С. 285.

⁵ Колоницкий Б.И. Британские миссии и А.Ф. Керенский. С. 73.

⁶ Не вполне понятно, чем при этом руководствовался министр иностранных дел. В октябре директор дипломатической канцелярии при Ставке князь Г.Н. Трубецкий уже открыто ставил вопрос о необходимости заключить мир. «Ожидать результатов быстрого и решительного оздоровления армии и страны невозможно», – писал он Терещенко, ибо «никакая власть не может со дня на день возродить внутренние нравственные основы армии, доверие солдат к офицерам, одушевление последних, воссоздать отлетевший от армии благодаря стараниям левых организаций и неумелых руководителей военного ведомства боевой дух» (Письмо Трубецкого Терещенко. 1/14 октября 1917 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сб. документов. С. 353, 354, 355).

в Балтийское море для охраны российской столицы от немецкого флота, а равно как-либо способствовать повышению боеспособности российского ВМФ.

Да и с кем им было сотрудничать? Уже в начале сентября, в дни, когда германские войска входили в Ригу, почти не встречая сопротивления, британский премьер-министр писал президенту США о «военном коллапсе России» как об общепризнанном, бесспорном факте, видя в нем главную причину безрезультатности для Антанты летней кампании 1917 г.: «До конца 1917 г. союзники уверенно рассчитывали произвести серьезные посягательства на германскую военную мощь, если не на то, чтобы покончить с ней окончательно. Конечно, их неудачу в этом предприятии следует объяснить прежде всего военным коллапсом России»¹. «*The Russian collapse*» (курсив источника. – Д. П.), – замечал Набоков, – уже сделалось обычным выражением, все чаще мелькавшим в газетах»². Последнее коллективное обращение союзных послов к Керенскому с требованием восстановить дисциплину в армии и порядок в тылу, направленное 10 октября, было как никогда резким, но уже почти ритуальным. Как активная военная сила Россия окончательно перестала представлять интерес для Лондона и Парижа. Их взоры обратились на прибывавшие в Европу американские войска, восточный союзник предоставлялся собственной судьбе.

Что касается Германии, то осенью 1917 г. ее власти перешли к подготовке решающего и уже смертельного удара противнику на востоке. Незадолго перед тем новый германский министр иностранных дел Р. фон Кюльман, едва вступив в должность, затеял многоходовую комбинацию, нацеленную на отрыв Британии от Антанты и, таким образом, на развал антигерманского блока. Через посредников он предложил Лондону частично восстановить независимость Бельгии и Сербии, вернуть Франции Эльзас и Лотарингию, а также пообещал смириться с потерей германских заморских владений в обмен на компенсации в Румынии и России, которую в качестве самостоятельного игрока уже не рассматривал. Однако британский кабинет от сепаратных переговоров уклонился, и в начале октября Кюльман, выступая в рейхстаге, заявил, что «Германия не может сделать Франции никаких уступок. Она только может сказать: Нет, никогда»³.

«Военные операции на Восточном фронте, масштабно подготовленные и осуществленные с огромным успехом, – секретно извещал Кюльман верховное командование сухопутных сил в последних числах сентября 1917 г., – были поддержаны интенсивной подрывной деятельностью внутри России, проводимой МИД. Наш первостепенный интерес при этом заключался в том, чтобы и дальше максимально расширять проявления национализма и сепаратизма и оказывать всемерную поддержку революционным элементам. Этим мы и занимаемся при полном взаимопонимании с Политическим отделом Генерального штаба в Берлине (капитан фон Хюльзен). Наша совместная работа уже принесла ощутимые плоды. Большевицское движение никогда не получило бы такого распространения и влияния, как сегодня, если бы не наша непрекращающаяся поддержка. По всем

¹ War Memoirs of David Lloyd George. Vol. 2. P. 1414, 1530–1531.

² Набоков К.Д. Испытания дипломата. С. 139.

³ Подробнее об этом см.: Игнатьев А.В., Иоффе А.Е. Международная обстановка накануне Октября. С. 66–70; French D. Allies, Rivals, and Enemies. P. 31.

признакам, это движение будет расти; то же можно сказать и о движении за независимость Финляндии и Украины. По последним сведениям, ситуация в России такова: ее экономическая жизнь полностью разрушена <...> и для ожидаемого полного коллапса достанет одного мощного удара»¹.

Этим посланием Кюльман хотел побудить германское командование оккупировать Аландские острова. По его мысли, такие действия заставили бы Россию оттянуть войска из Финляндии и тем облегчить финнам борьбу за независимость: «приготовления к финскому восстанию уже идут полным ходом и серьезным образом поддержаны», – уверял он². Интерес самой Германии состоял в том, чтобы руками финских инсургентов перерезать железную дорогу Петроград – Хапаранда – последнюю «ниточку», которая связывала Россию с союзниками по суше.

Однако «удар», на который уповал германский министр, спустя месяц сокрушил Российскую республику не извне, а изнутри. Керенский, подытожил посол Бюкенен скоротечную политическую карьеру русского премьера незадолго до его падения, «заслуживает сурового порицания за неумение подавить большевиков после их июльского путча, а равно за то, что пошел на поводу у тех, кто убеждал его порвать с Корниловым, но он и не предатель, действующий во благо сепаратного мира с Германией, – по крайней мере, не больший, чем император Николай, которого также в свое время обвиняли в измене. Как в прошлом социалист он проявил большие слабости и колебания, но вместе с тем я убежден, что, как однажды выразился министр иностранных дел, он “честный человек”»³.

* * *

Курс Временного правительства на мировой арене, оставаясь по своим приоритетам и базовым установкам почти идентичным царскому, отличался от него стремлением укрепить позиции России в славянском мире, в первую очередь путем создания независимых чешского и польского государств и урегулировать отношения с Финляндией восстановлением ее урезанных царизмом автономных прав. Первое намерение в условиях войны не могло не остаться декларацией, второе, как оказалась, уже не соответствовало ожиданиям финнов, жаждавших независимости. В коалиционный период на первый план вышла приверженность российского кабинета демократической фразеологии, однако его попытки на деле добиться от союзников отмены секретных внутриантантовских договоренностей о целях в войне носили скорее декоративный (в угоду социалистам) характер. Все

¹ The State Secretary to the Foreign Ministry Liaison Officer at General Staff. Berlin, 29 September 1917. No 1610 // *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry.* P. 70.

² Можно считать установленным, что к подготовке вооруженных беспорядков в Финляндии дипломатия и военные круги Германии приступили еще в конце 1914 г., причем базой для этого стала нейтральная Швеция. См.: *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 74; *Мусаев В.И.* Политические аспекты взаимоотношений России и Финляндии в условиях Первой мировой войны // *Первая мировая война и конец Российской империи.* Т. 1. С. 566; *Пронин Е.* Финляндская карта в кайзеровском пасьянсе // *Россия и Европа до и после Великой войны.* С. 99–101.

³ F.O.R.C. 371. Vol. 2999. L. 184 (Бюкенен – в Форин офис. Петроград, 25 окт. 1917 г.).

это время главным смыслом внешней политики Российского государства оставалось сохранение верности союзническим обязательствам и продолжение войны «до конца» любой ценой. В официальном Петрограде надеялись, что в эйфории грядущей военной победы Антанты социалистическая формула «без аннексий и контрибуций» быстро потеряет свою актуальность.

Державы германского блока последствия русской революции желали увидеть в ослаблении военной мощи своего восточного противника и его скорейшем выходе из войны. Продолжая негласно содействовать обострению революционной ситуации в России и радикализации ее партийно-политической жизни, а затем, так же тайно подстегивая нарастание внутривнутриполитической напряженности и государственный развал, власти Германии и Австро-Венгрии сделали все, чтобы эти расчеты оправдались. При этом «болевые точки» и особенности противника – усталость его армии и населения от войны, традиционный недостаток доверия к союзной Англии, раскол общества и внутривнутриполитическая нестабильность, шаткость новой власти при слабости и неукорененности конституционно-либеральных норм и практик, рост влияния «левых» радикалов на фоне эскалации антивоенных настроений, развал армии и центробежные устремления национальных окраин – были верно нащупаны и с разной степенью успеха утилизированы.

Напротив, в государствах Согласия горячо приветствовали свержение самодержавия в иллюзорной надежде, что восточный партнер, несмотря ни на что, будет еще более рьяно выполнять свой союзнический долг. Правительства Антанты всеми путями и способами подталкивали Россию к продолжению активного участия в войне ради достижения аннексионистских целей, сформулированных в их секретных договорах 1915–1916 гг. Призывы социалистов к немедленному окончанию войны на основе отказа от тайной дипломатии и к заключению демократического мира оказались блокированы; декларативное стремление Временного правительства «к равенству, свободе и справедливости» в международных делах повисло в воздухе.

О выходе из войны на относительно почетных условиях, который, вероятно, только и мог предотвратить последующие революционные катаклизмы в России, в Петрограде задумались лишь после провала корниловского путча, когда момент был уже упущен. К осени 1917 г. российская армия окончательно утратила боеспособность, в глазах как союзников, так и противников Россия перестала восприниматься в качестве самостоятельного политического игрока, внешнеполитическая активность страны была заморожена, ее великодержавный статус пошатнулся. Внутри России антивоенная риторика «левых» радикалов взяла верх, доверие к Временному правительству рухнуло, дни его были сочтены.

Глава 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПОБОРНИКОВ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

(В.П. Булдаков)

Победа большевиков привела к тому, что проблемы внешней и внутренней политики тесно переплелись; строго говоря, сами эти понятия утратили привычное содержание. Особо это касалось наиболее истощенных войной государств. Так, Германия делала ставку на сохранение и поддержание революционной нестабиль-

ности в России, что предполагало сохранение власти большевиков. Страх перед приливом «мирового большевизма» в Германии, как и в странах Антанты, появился позже. События в России в Берлине рассматривали в традициях *Realpolitik* как изолированное, эндогенное явление, результат краха старой прогнившей государственности, породившей «русский бунт». Подразумевалось, что глупо было бы не воспользоваться «счастливым шансом» столь заметно обнаружившейся слабости противника¹. О последствиях такого курса до поры не задумывались, хотя определенные опасения возникали. К тому же мало кто верил в устойчивость большевистской власти.

Вместе с тем ленинский Декрет о мире, принятый II съездом Советов, сумел произвести впечатление на некоторых европейских «левых». В ноябре 1917 г. Норвежская социал-демократическая партия внесла в Комитет по Нобелевским премиям предложение присудить премию мира В.И. Ленину. «До настоящего времени, – говорилось в обосновании, – для торжества идеи мира больше всего сделал Ленин, который не только всеми силами пропагандирует мир, но и принимает конкретные меры по его достижению»².

Норвежское рабочее движение было к тому времени одним из наиболее радикальных в Европе – сказывались продовольственные затруднения, вызванные частичной блокадой страны. 30 ноября, после того как в Норвегию поступили сообщения о перемирии на Восточном фронте и о переговорах большевиков со странами Четверного союза в Брест-Литовске, в крупнейшем театральном зале Христиании состоялся 3-тысячный митинг, на котором была принята резолюция в поддержку Совнаркома, направлена приветственная телеграмма в Петроград, а также принято обращение к норвежскому правительству с требованием немедленно признать русскую социалистическую власть³.

Сами большевики смысл своей внешней политики в «экспортном варианте» (т. е. сугубо для западного читателя) в середине ноября 1917 г. формулировали следующим образом: «В своей борьбе за мир рассчитывать не на добрую волю буржуазных партий или их дипломатии, а на давление народа, повсеместно восстающего против мировой бойни. Советская политика должна дать толчок революционным настроениям, существующим в Западной и Центральной Европе, которое одно только может привести к заключению демократического мира <...> Германский народ не позволит своим правителям напасть на революционную Россию, почему на всех фронтах должно установиться перемирие. Если же, вопреки всему, народ Германии не отреагирует на советские предложения о немедленном демократическом мире и германский император продолжит войну с Россией, русская армия будет до последнего защищать революцию»⁴.

¹ См.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

² Цит. по: *Бовин А.Е.* Суровая школа Бреста // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989. С. 10.

³ *Левлиен Э.* Рабочий класс России и Октябрьская революция // Международная жизнь. 1957. № 10. С. 63; *Проскурич В.* Октябрьская революция и рабочий класс Норвегии // Ученые записки Высшей школы профдвижения ВЦСПС. М., 1968. Вып. 3. С. 187.

⁴ F.O.R.C. 371. Vol. 3011. L. 331 [Совершенно секретная телеграмма Бьюкенена в Лондон, сообщенная королю и военному кабинету (Петроград, 18 нояб. 1917) с изложением]

В условиях продолжавшейся войны действия большевиков воспринимались на Западе неадекватно. Положение в самой России оставалось неустойчивым, лидеры большевиков, мечтавшие продвинуть революцию и на Запад, и на Восток, чувствовали себя относительно уверенно только под защитой латышских стрелков. Они по-прежнему рассчитывали на раскол т. н. национальных движений, а потому пытались привлечь на свою сторону их отдельных руководителей. Первое время большевистские маневры приносили некоторый успех: национальные лидеры, особенно мусульмане, терялись в непривычной политической обстановке. Особое внимание Ленин уделял Украине, не столько из страха перед «буржуазными националистами», сколько из-за боязни прекращения поставок хлеба. 4/17 декабря 1917 г. в манифесте Совнаркома к украинскому народу было заявлено признание Украинской Народной республики, ее право на отделение от России и о готовности вступить с ней в переговоры об установлении федеративных или иных взаимоотношений. «Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, – говорилось в манифесте, – признается нами, Советом народных комиссаров, тотчас же без ограничений и безусловно»¹. Большевики не лукавили: они искренне приветствовали все, что в ожидании мировой революции помогло бы им удержаться у власти.

Важное значение приобрела проблема революционизирования Финляндии. В начале декабря 1917 г. финскому Сенату была предложена республиканская форма правления, которую он утвердил². Со своей стороны большевистское правительство стремилось заручиться симпатиями социалистов Финляндии. Но здешние «активисты» и правые социал-демократы предпочитали ориентироваться на Германию, которая, в свою очередь, искала мира с Россией. 18/31 декабря 1917 г. Совнарком принял решение о предоставлении самостоятельности Финляндии. Этому предшествовали беседы В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого с депутатом финских социал-демократов. П.Э. Свинхувуд, ранее рассчитывавший получить независимость от Всероссийского Учредительного собрания, все же решил на соглашение с большевистским Совнаркомом, ему казалось, что это поможет предотвратить революцию в Финляндии. Большевики вовсе не «даровали» независимость Финляндии «от широты души», как было принято изображать в советской историографии. Они рассчитывали усилить в этой стране классовую борьбу и тем самым придать дополнительный импульс мировой революции. Не случайно 29 декабря 1917 г. / 11 января 1918 г. Совнарком принял декрет о поддержке права армян турецкой Армении, к тому времени покидаемой русскими войсками, на свободное самоопределение вплоть до полной независимости³. С целью подхлестнуть антиколониальное движение было заявлено также о готовности советского правительства обсудить вопрос о выводе русского военного контин-

ем записки В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, переданной на условиях полного неразглашения в России].

¹ Цит. по: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 530.

² *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 151.

³ История внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1986. С. 37.

гента из Ирана. При этом делался расчет и на то, что его вывод осложнит пребывание там английских и турецких войск¹.

22 декабря 1917 г. / 4 января 1918 г. ВЦИК утвердил декрет о независимости Финляндии. Но на финских политиков этот акт не произвел особого впечатления, как и прежде, они считали, что, поскольку связь Финляндии с Россией базировалась на личной унии императора с финским народом, их страна де-юре обрела свободу еще с момента падения самодержавия. И все же финны колебались: их согласие означало бы признать легитимность ленинского правительства, что в условиях подготовки к российской конституанте (Учредительному собранию) выглядело бы странно. Разумеется, формальное признание независимости также имело значение. Как бы то ни было, появление этого акта позволило буржуазному большинству сейма предоставить Сенату полномочия для создания прочной власти. По мнению финского историка, обе стороны выторговывали выгодные для себя формальные условия, способные пригодиться с точки зрения международного права, ничуть не веря в прочность внутренних позиций своего партнера². Жизнь показала, что обманулись и те, и другие.

31 декабря 1917 г. / 13 января 1918 г. официальные представители Финляндии во главе со Свинхувудом получили документ Совнаркома о признании суверенитета своей страны. Однако это не развеяло сомнений финнов, которые полагали, что большевистское правительство не могло считаться легитимным до соответствующего решения Учредительного собрания. Кроме того, в Финляндии уже сформировались две противостоявшие друг другу военные группировки – т. н. шюцкор (самооборона), ставший основой Белой гвардии, и рабочие отряды, спешно обучаемые и вооружаемые большевизированными русскими солдатами. При этом, по мнению финского историка, «для красных финнов гражданская война в Финляндии являлась их собственной борьбой, отличной по идеологии от большевистской, хотя и стала частью большевистской операции по защите и распространению революции в Петрограде»³. Независимость Финляндии была одобрена ВЦИК накануне созыва Учредительного собрания 5/18 января 1918 г. Точно так же поступили не только Германия, но и Франция со Швецией, затем еще ряд государств, что косвенно означало признание легитимности большевистского правительства⁴. В условиях продолжающейся войны никто не стеснял себя буквой закона.

Германская сторона не без иронии смотрела на большевиков, как на заложников собственного революционного прожектерства. Уже в декабре 1917 г. в Берлине с приятным изумлением констатировали «необычайную ситуацию в России» – ее распад на несколько «независимых республик», включая даже «Республику не-

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 72, 73, 92.

² Кеттола Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 304.

³ Там же.

⁴ Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012. С. 110–111. Правда, в 1917 г. социалисты оказались в сейме в меньшинстве, но это уже не могло повлиять на стремление финнов к независимости. Подробнее об этом см.: Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 450–451.

мецких военнопленных», как «новый феномен в мировой истории». Россия – «страна неограниченных возможностей», воодушевленно заключал депутат рейхстага Эрцбергер в докладе статс-секретарю Кюльману, который распорядился ознакомить с ним кайзера¹.

Со своей стороны, Ленин не скрывал своего недовольства тем, что большевикам пришлось согласиться на признание независимости «буржуазной» Финляндии. Но с позиций перспектив мировой революции эта уступка казалась терпимой. Последовавшая затем гражданская война в Финляндии не обошлась без помощи «красным финнам» со стороны большевиков. Это имело трагические последствия для русского населения Финляндии². Считается, что треть жертв гражданской войны в Финляндии – погибшие не в боях, а в ходе т. н. белого и красного террора, причем убийства совершались не регулярными войсками, а военизированными группировками или военно-полевыми судами, действовавшими вне правового поля³.

Угроза извне подталкивала перестановку политических сил и в других окраинных регионах бывшей Российской империи. В Закавказье в связи с ожидаемым наступлением турецких войск и бегством с фронта русских солдат воцарилась анархия. Ситуацию обостряло и то, что продолжалось формирование Грузинского, Армянского, Мусульманского, Русского корпусов и даже особой Греческой дивизии. При этом формирование Грузинского корпуса шло медленно, поскольку грузинские меньшевики подозревали высших офицеров своей же национальности в контрреволюционности. Между тем куда более реальной была угроза «слева». По информации белогвардейцев, после большевизации Совета Трапезунда в городе начались погромы, затем последовали стычки из-за очередности погрузки на суда, выходившие из порта⁴. Для большинства солдат война де-факто закончилась.

9/22 ноября 1917 г. Ленин в радиообращении призвал к перемирию на фронтах. Это повлекло за собой новую массовую волну братаний. Со своей стороны, германскому руководству было выгодно откликнуться на большевистское предложение, ибо оно уже давно из конъюнктурных соображений поддерживало лозунг «мира без аннексий и контрибуций». 14/27 ноября Германия официально сообщила о готовности начать мирные переговоры, и Ленин поспешил воспользоваться этим предложением. В тот же день Совнарком выступил с обращением к странам Антанты. Было заявлено, что, если бывшие союзники в течение четырех дней не откликнутся на предложение примкнуть к мирным переговорам, Россия начнет без них. Ответа не последовало: союзники не принимали большевистскую власть всерьез.

¹ Deputy Erzberger to the State Secretary. Berlin, 7 December 1917 [with an enclosure of a report from Stockholm, 5 December 1917] // *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry* / ed. by Z.A.B. Zeman. London: Oxford University Press, 1958. P. 99.

² Подробнее см.: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 476, 524, 536–537, 582–583, 612, 661, 695, 720.

³ *Ханала П., Тикка М.* Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год) // *Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. Сб. статей.* М., 2014. С. 110.

⁴ *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 544.

20 ноября / 3 декабря 1917 г. на оккупированной немцами территории, в Брест-Литовске, начались переговоры. Символично, что они проходили в здании местного театра: переговорщики словно старались переиграть друг друга, прибегая к демагогическим приемам. Первым требованием большевиков стала полная гласность переговоров. Представители Четверного союза с этим согласилась, еще раньше от их лица глава австро-венгерской делегации заявил, что базой переговоров могут явиться основные положения российской декларации о мире¹. Вслед за тем Троцкий произнес, по отзыву генерала Макса Гофмана, пропагандистскую речь с призывом ко всем державам заключить мир. Немцы в принципе были согласны, но намеревались сделать это на своих условиях².

Хотя обе стороны нуждались в мире, среди них не было единства относительно его приемлемых условий. 24 ноября / 7 декабря было заключено перемирие на 10 дней, а 2/15 декабря стороны согласились на перемирие на 28 дней с его автоматической пролонгацией до подписания договора или, напротив, до заявления одной из сторон о прекращении переговоров. В последнем случае военные действия могли возобновиться не ранее чем через неделю после демарша одной из сторон.

В Германии, которая определяла курс всех представителей Четверного союза, пытались выработать оптимальную линию поведения в Брест-Литовске. Предполагалось, что мирный договор с советской Россией послужит образцом для заключения мира и с западными державами. Лишь германские социал-демократы настаивали на том, чтобы правительство не выставляло слишком жестких требований к большевикам, т. к. Германия нуждается в мире больше, чем Россия. Высказывались также опасения, что срыв переговоров может повлечь за собой революцию в Германии и Австро-Венгрии. Особенное беспокойство в связи с этим выражали в Вене³.

На первом же совещании в Бресте выяснилось, что принцип «без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов» понимается сторонами по-разному. В Германии этот принцип трактовался в духе «освобождения народов России». Эта идея нашла поддержку у представителей Польши, Литвы и Курляндии, что вызвало шок у российской стороны⁴. Свой взгляд немцы фактически навязали союзникам. Кроме того, они рассчитывали воспользоваться ситуацией, чтобы вынудить все страны Антанты пойти на переговоры. 12/25 декабря 1917 г. германские представители заявили, что мир «без аннексий и контрибуций» возможен только при условии подписания его правительствами Антанты. Было решено еще раз выступить с соответствующими предложениями. Это было на руку большевикам, заявившим о готовности в одностороннем порядке вывести свои войска из Австро-Венгрии (Галиции), Турции (Западной Армении) и нейтральной Персии. Однако Германия не собиралась делать встречные шаги.

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 124–125.

² Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб., 2016. С. 182–183, 192.

³ Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 143.

⁴ Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 192–193.

14/27 декабря с ее стороны было заявлено, что принцип «без аннексий и контрибуций» неприменим к таким уже «самоопределившимся» районам, как Польша, Литва, часть Латвии и Эстонии, находившимся в тот момент под властью Германии и Австро-Венгрии. Более того, германская сторона была намерена поставить вопрос о том, чтобы право на такое же «самоопределение» получили оставшиеся за Россией части Латвии и Эстонии, а также Финляндия и Украина. Тем временем в рейхстаге начали раздаваться голоса о том, что правительство «должно отклонить всякие разговоры о праве наций на самоопределение, которое (право) несовместимо с интересами Германии»¹. Все это вызывало крайнее недовольство большевиков. В такой обстановке советская делегация запросила десятидневного перерыва переговоров, а по возвращении в Петроград, чтобы выиграть время, предложила перенести переговоры на нейтральную территорию – в Стокгольм. Перерыв был нужен большевикам для того, чтобы «народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такого мира»². Немцы не согласились, опасаясь срыва перемирия³.

Переговоры возобновились 27 декабря 1917 г. / 9 января 1918 г. Германская сторона заявила, что, поскольку Антанта не поддержала предложения большевиков, формула мира «без аннексий и контрибуций» утратила свое значение.

На развитие ситуации повлияло еще одно заметное событие. 26 декабря 1917 г. / 8 января 1918 г. президент США В. Вильсон выступил в Конгрессе со своими знаменитыми 14 пунктами, призванными стать основой всеобщего мира. В первом пункте было заявлено о приверженности США принципам открытой дипломатии. Пункты 2–5 касались принципов организации мира после войны, включая «справедливое решение колониального вопроса». Пункты 7–13 – решения территориальных вопросов в Европе на основе отказа от аннексий и самоопределения народов. В 14 пункте предусматривалось создание Лиги Наций. В общем, вильсоновская программа отвечала мнению некоторых либеральных кругов в Великобритании, включая промышленников⁴.

Пункт 6, касавшийся непосредственно России, звучал так: «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама себе изберет <...> Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от

¹ *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. С. 57.

² Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т. 1. С. 13.

³ *Гофман М.* Война упущенных возможностей. С. 193, 184.

⁴ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V. М., 1938. С. 39.

своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий»¹.

В сложившейся ситуации текст этого пункта выглядел туманно. Впрочем, он не мог быть иным после появления ленинского Декрета о мире и ожидания результатов голосования в Учредительном собрании. Сходным образом формулировались задачи Великобритании и ее союзников². В США плохо понимали ситуацию в России. Большевики тем временем постарались по-своему истолковать предложения американского президента. Вильсон был назван «политическим эквилибристом», готовым под маской самоопределения продолжить политику «грабежа народов»³. «Прекрасная декларация по мысли, по благородству чувств, но условия, в ней изложенные, для одних радостные, для других оскорбительные, ибо у них отнимают то, что они считают своим или на что они приобрели право своей кровью»⁴, – считал генерал Ф.Ф. Палицын, представитель доживавшей последние дни Ставки российского Верховного командования при Совете союзных армий во Франции.

В значительной степени ход переговоров зависел от положения дел внутри бывшей Российской империи. Между тем состояние дел на Украине становилось все более угрожающим. Большевистско-левоэсеровский Совнарком указал на «двусмысленность» политики Центральной рады, оказывающей поддержку «кадетско-калединскому заговору». Киевским националистам предлагалось либо отказаться от союза с донской контрреволюцией, либо считать себя в состоянии войны с советской властью⁵. Время для этого заявления было выбрано не случайно: в этот день предполагалось открытие Всеукраинского съезда Советов, на котором большевики собирались «законно» отстранить Центральную раду от власти. Поскольку с нормами представительства на тогдашних съездах была масса неясностей, деятели Рады решили направить на съезд как можно больше представителей «селянской спилки» и «украинизированных» солдат. Это принесло успех: из 2000 делегатов большевики получили только 125 голосов. В результате верные Раде войска отказались пропустить через Бахмач три большевистских полка и артдивизион. Дело дошло до настоящего сражения, в ходе которого большевики понесли серьезные потери⁶. Это было использовано большевиками для нагнетания антиукраинских настроений, тем более что Рада откровенно ориентировалась на Германию.

2/15 января 1918 г. в Брест-Литовске советское правительство заявило о недопустимости сепаратных соглашений представителей Четверного союза с украинской Центральной радой, «неожиданно» объявившей о своем суверенитете в духе принципа свободного самоопределения. В ответ большевики поспешили сфор-

¹ *Wilson W.* War and Peace: Presidential Messages, Addresses, and Public Papers (1917–1924). N.Y., 1970. P. 161.

² *Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. С. 127–128, 133.

³ Правда. 1918. 12 янв. (30 дек. 1917 г.).

⁴ *Палицын Ф. Ф.* Записки. Франция (1916–1921). Т. 2. М., 2014. С. 107.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 143, 145.

⁶ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 530–531.

мировать «советское» украинское правительство в Харькове, якобы стоявшее на «интернационалистических» позициях. Большевики опирались на мнение части солдатских масс, заявлявших о признании единственной властью на Украине «Всеукраинского ЦИКа», а любые «попытки организовать новый Генеральный секретариат из членов и групп Центральной рады» объявлявших контрреволюционными¹. Действительно, некоторые солдаты были настроены крайне жестко по отношению к Центральной раде. Так, в наказе III Всероссийскому съезду Советов солдаты 23-й пехотной дивизии сообщали, что она действует «в контакте с Румынией», а распоряжения Рады вызывают голод и необходимость ухода с фронта².

В этой обстановке Германия 5/18 января 1918 г. выдвинула свои условия мирного договора. Р. Локкарт считал, что «вначале немцы хотели заключить мир как можно скорее, но теперь, после измены украинцев, целиком предавшихся им, они пытались заставить большевиков принять самые невероятные условия»³. Области, захваченные Германией и ее союзниками, отторгались от России, с Украиной члены Четверного союза собирались договариваться отдельно. Со своей стороны, украинские представители считали, что большевистско-левоэсеровский Совнарком не правомочен единолично решать вопрос о мире, это право принадлежит представителями нарождающейся федерации народов и областей России. Однако дипломаты Четверного союза не желали ждать грядущих «самоопределений». Тут же в Брест-Литовск явилась делегация Центральной рады⁴.

Стороны Четверного союза заявили, что западная граница Украины будет установлена без участия российской стороны. Российская делегация потребовала десять дней на изучение изменившейся ситуации. «Мне представляется, что Троцкий и делегаты из цепких лап немцев не выберутся»⁵, – предрекал генерал Палицын. Но в Петрограде надеялись решить украинский вопрос по-своему. Большевики считали, что власть Центральной рады, которой руководили умеренные социалисты, не может быть прочной. Для этого были некоторые основания – противников у Центральной рады было предостаточно. В результате обе стороны развернули пропагандистскую войну. Ее вдохновители не располагали государственным аппаратом, позволявшим осуществлять управление теми или иными территориями, однако ситуация позволяла им натравливать отряды все более ожесточившихся вооруженных людей друг на друга, используя те или иные идеологические символы.

Харьковское большевистское правительство еще 4/17 января 1918 г. официально объявило войну Центральной раде и тут же неожиданно захватило Сумы. В ответ в ночь на 5/18 января киевскими властями было произведено разоружение

¹ ГА РФ. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 2. Д. 29. Л. 15–16.

² Там же. Д. 23. Л. 3.

³ Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 222.

⁴ Михутина И. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007. С. 64–65.

⁵ Палицын Ф.Ф. Записки. С. 113.

красногвардейцев завода «Арсенал» и ряда других предприятий, арестовано более 200 организаторов готовившегося большевиками восстания. Тем временем разворачивалась «эшелонная война»: большевистский 2-тысячный отряд под командой подполковника М.А. Муравьева захватил Полтаву и разоружил украинизированных солдат местного гарнизона¹, 30 января / 12 февраля здесь состоялся парад «червоного казачества». При этом левый эсер Муравьев произнес в восстановленном Совете пылкую речь, в которой пообещал пройти «через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон, всюду устанавливая Советскую власть». Выступление этого, по словам А.Н. Бенуа, «кондотьера-фанфарона»² страшно напугало обывателей и вызвало протест со стороны ЦИК Советов Украины³. Из Харькова большевики рапортовали, что «ежедневно прибывают выражения симпатий со всех сторон»⁴.

После того как большевики предупредили представителей Четверного союза, что делегация Центральной рады «не выражает воли украинского народа», а мирный договор, подписанный с нею, не может считаться миром с Украинской республикой, последовали контрдействия украинской стороны. В ноте Генерального секретариата Центральной рады Совнаркому говорилось о готовности прислать в Петроград своих представителей для переговоров на следующих предварительных условиях: беспрепятственный вывод советских (точнее, большевизированных русских) войск с территории Украины; официальное признание российской стороной Украинской Народной республики и заявление о невмешательстве в ее внутренние дела; подготовка федеративного объединения России с Украиной и другими республиками; совместная борьба республик с контрреволюцией, угрожающей какой-либо из них; запрет объявления какой-либо из республик контрреволюционной в одностороннем порядке другой республикой⁵. В общем, это был обычный для того времени набор демагогических заявлений.

Лидеры Рады пытались заслониться ставшим общепризнанным принципом федерации для изоляции от «русского» большевизма; их противники под видом реализации того же принципа надеялись сковать территории и народы своей диктатурой, а затем распространить свое влияние на внешний мир. Лукавили обе стороны. На деле ускоренный войной процесс разложения Российской империи подошел к своей критической черте, а вооруженные столкновения большевиков с украинскими социалистами, объявленными буржуазными националистами, делали этот процесс необратимым. Несмотря на это, лидеры противоборствовавших сторон все еще надеялись на реализацию своих доктрин и политических программ.

27 января / 9 февраля 1918 г. представители Центральной рады заключили договор с Четверным союзом. Согласно ему, в состав Украины включалась Холмская губерния, однако земли Восточной Галиции, Закарпатья и Буковины оставались за Австро-Венгрией. Украина должна была поставлять Германии и Австро-Венгрии сырье и продовольствие. В сущности, германская сторона рас-

¹ Савченко В.А. Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 132.

² Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. М., 2003. С. 227.

³ Михутина И. Украинский Брестский мир. С. 194.

⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 28. Л. 20.

⁵ Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 574.

считывала изменить баланс сил, решив продовольственный вопрос за украинский счет. Позднее Троцкий так описывал поведение украинских «предателей» в Бресте: «Нужно было видеть, как они <...> подобострастно и любовно заглядывали в глаза своим новым господам и с каким высокомерным торжеством глядели на нас, изолированных представителей пролетариата»¹. Украинское правительство обязалось продать Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов хлеба, однако за лето и осень 1918 г. те смогли вывезти вдвое меньше – 30 млн пудов. Как ни странно, при этом на Украине сохранялись большие запасы хлеба².

Казалось, что поведение большевиков в Бресте обуславливали их ожидания мировой революции. Однако по вопросу о заключении мира внутри самой большевистской партии не было единства, причем поначалу преобладали сторонники «революционной войны», поддерживаемые левыми эсерами. Из 160 партийных организаций промышленных районов лишь четыре выступили сторонниками сепаратного мира. Ситуация кажется невероятной. Что двигало людьми, которые были намерены вести «революционную войну», когда воевать было практически некому? Возможно, сказывалось то, что Бенуа называл «гипнозом авантюрной игры» и верой в «звезду» своих лидеров³. Ленинская точка зрения победила не сразу, и только 11/24 января большевистским ЦК советской делегации в Брест-Литовске было дано указание подписать мир в случае ультиматума со стороны Германии.

Вернувшись в Брест-Литовск, Троцкий попытался затянуть переговоры. С его стороны последовал ряд демагогических заявлений, которые, однако, вызвали лишь раздражение представителей Четверного союза. 28 января / 10 февраля немецкая делегация потребовала обсуждать только те пункты проекта соглашения, которые позволили бы прийти к конкретным результатам. В ответ Троцкий заявил о прекращении войны со стороны России, о полной демобилизации по всему фронту и одновременно об отказе подписать мир. Возникла ситуация «ни мира, ни войны». Вечером того же числа Троцкий телеграфировал Ленину о том, что переговоры завершены. Петроградский Совет большинством голосов поддержал демарш советской делегации в Бресте. Позиция Троцкого была одобрена и левыми эсерами.

Лидеры большевиков колебались. 31 января / 13 февраля 1918 г. Троцкий писал из Бреста Ленину о том, что ходят «глупейшие слухи», будто бы «мы собираемся демонстративно не подписывать мирного договора, будто бы по этому поводу имеются разногласия в среде большевиков». Он отмечал, что германская печать уверяет, что большевики хотят не мира, а мировой революции. «Эти ослы не могут понять, что именно под углом зрения развития европейской революции скорейший мир имеет для нас огромное значение»⁴, – заключал он. Это походило на упражнение в революционной софистике: то ли революция для мира, то ли

¹ *Троцкий Л.Д.* Между империализмом и революцией. Основные вопросы на частном примере Грузии. М., 1923. С. 35.

² *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 295.

³ *Бенуа А.Н.* Мой дневник. С. 227.

⁴ *The Trotsky Papers. 1917 – 1922 / Ed. by J.M. Mejer. Vol. I. The Hague, 1971. P. 10, 12.*

мир для мировой революции. Возможно, Троцкий просто рассчитывал на утечку информации, дабы дезинформировать немецкую сторону о реальных целях большевиков.

Казалось бы, Ленину в Москве следовало руководствоваться более прагматичными соображениями, но и он пребывал во власти революционных страхов и фантазий. «При всевозможных мыслимых перипетиях, – говорил он в марте 1918 г. на VII съезде своей партии, – если немецкая революция не наступит – мы погибнем»¹. Поскольку в это время в Германии и Австро-Венгрии прошли массовые забастовки, возникла иллюзия, будто немецкое наступление вызовет негодование по всей Европе. Если же немцы все же решатся наступать, полагал Троцкий, «мы всегда успеем капитулировать». Со своей стороны, Ленин оценивал вероятность немецкого наступления в $33 \frac{1}{3} \%$ ². Таким образом, колебания большевистского руководства стоили новых военных потерь.

16 февраля³ немцы объявили, что с 12 часов 18 февраля возобновляют военные действия. Главной целью германского наступления являлось удержание и закрепление тех преимуществ, которые были достигнуты благодаря подписанию мирного договора с Украиной⁴ Противостоять немецкому наступлению было некому, за исключением немногочисленных отрядов «завесы». Люди устали от войны и стремились домой. Красногвардейцы, на которых рассчитывали левые большевики и эсеры, могли обеспечивать лишь поддержание порядка и самоснабжение.

В надежде спасти положение Ленин и Троцкий неоднократно беседовали с представителями стран Антанты. Так, 26 февраля Ленин встречался с руководителем миссии американского Красного Креста в России полковником Р. Робинсоном⁵. На следующий день он беседовал с сотрудником французской военной миссии графом дю Люберсаком о возможности использовать в борьбе с Германией французскую военно-техническую помощь, а 28 февраля виделся с британским генеральным консулом в России Локкартом⁶. По мнению последнего, Ленин был готов воевать с немцами, если те откажутся от союза с советским правительством и попытаются создать правительство буржуазное⁷. Если верить Робинсону и Локкарту, Ленин в обмен лишь на твердое обещание материально-технической и финансовой помощи со стороны стран Антанты изъявлял готовность выступить на IV съезде Советов против ратификации Брест-Литовского

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 15.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 223.

³ Далее даты даются только по Григорианскому календарю, на который советская Россия перешла в ночь с 31 января 1918 г. (после 31 января сразу наступило 14 февраля).

⁴ Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии. М., 2009. С. 288.

⁵ Доверительные отношения с высшим большевистским руководством представителям Антанты удалось установить с помощью переводчика этой миссии А.С. Гомбарта – родного брата председателя Петроградского ревтрибунала, а затем комиссара по иностранным делам Северной области С.С. Гомбарта (Зорина), который вернулся в Россию из США в 1917 г. вместе с Троцким.

⁶ Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 181.

⁷ Локкарт Р. Агония Российской империи. С. 251.

мира с гарантированной, как он был заранее уверен, поддержкой депутатов, а значит и продолжением участия России в войне.

Что касается германской стороны, то некоторые ее представители считали, что мести большевистское правительство не составит особого труда. По их мнению, для этого было достаточно продвинуться до линии Смоленск – Петроград и пустить слух о восстановлении романовской династии¹. Но в германском руководстве также не было единства. Как ни парадоксально, в это время в России и без того уже ходили панические слухи о германской или даже финляндской угрозе. Когда стало известно, что немецкие войска заняли Двинск, Ленин настоял на возобновлении мирных переговоров. Его предложение приняли в большевистском ЦК с перевесом всего в два голоса; 19 февраля об этом было сообщено германской стороне. Вслед за тем, 22 февраля появилось воззвание СНК, в котором говорилось, что «социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности» и потому «священным долгом рабочих и крестьян» является беззаветная защита родины от «полчищ буржуазно-империалистической Германии»².

В новом немецком ультиматуме от 21 февраля (в Петрограде он был получен 23-го числа) содержались еще более тяжелые условия мира. Помимо утраты уже оккупированных Германией территорий, Россия обязывалась вывести войска с Украины и заключить с Центральной радой сепаратный мир. Российские войска выводились также из Финляндии и Прибалтики. Помимо этого, Турции передавались Карс, Ардаган и Батум. Линия границы, предложенная Четверным союзом, отрезала от России более 150 тыс. кв. верст территории³. Было выдвинуто также требование контрибуции в размере 6 млрд марок. 21 февраля большевиками был создан Комитет революционной обороны⁴. Сомнительно, однако, чтобы он мог сыграть какую-либо серьезную военную роль.

В правящих большевистско-левоэсеровских верхах царил растерянность, а в массе населения – паника. Сообщали (по данным на 1 марта), что германские разъезды замечены «в трех верстах» от станции Бологое. Повсеместно солдаты бежали подальше от линии фронта, заполняя железные дороги. Некоторые московские обыватели, напротив, тешили себя слухами, что немцы уже заняли Смоленск и Бологое и через 48 часов будут в Петрограде. Из этих слухов невозможно было понять, то ли большевики привели немцев, то ли немцы пришли, чтобы следить за большевиками⁵. В общем, обыватель безвольно и бездумно фантазировал об альтернативах большевизму. Но таковых не оказалось, ибо главнокомандующий германской армией Э. Людендорф считал, что для Германии важнее победа на Западном фронте, и потому настаивал на скорейшем подписании договора с Россией. Людендорф ошибся: успеха на Западе немцам достичь не удалось. Однако договор с Украиной позволял им некоторое время удерживать ситуацию на Востоке под контролем⁶.

¹ Гофман М. Война упущенных возможностей. С. 218.

² Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357.

³ Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. 1. С. 130.

⁴ Чубарьян А.О. Брестский мир. С. 167.

⁵ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 2004. С. 11, 14–15, 30, 31.

⁶ Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. С. 251–252.

Тем временем обстановка внутри России накалялась в связи с надвигавшимся голодом¹. В городах продолжались забастовки и голодные бунты; крестные ходы принимали антибольшевистский характер². И.А. Бунин 19 февраля записал в дневнике: «В газетах – о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: “Ах, если бы”... Какая-то намазанная сучка стала говорить, что вот-вот немцы придут и всем придется расплачиваться за то, что натворили». Находившийся поблизости рабочий пообещал раньше «перерезать» всех, кто надеется на приход немцев; солдаты подтвердили³. Большевики пытались прощупать настроения «передовых» рабочих, но картина получалась неопределенная⁴. Повсеместно шли перевыборы Советов, меньшевики и эсеры усиливали свое влияние⁵. «Положение дел с социалистической революцией в России, – настаивал Ленин, – должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти»⁶.

Германское наступление почти не встречало сопротивления. 20 февраля ими был занят Полоцк; большевикам доносили, что началось их движение в сторону Орши, Ревеля и Нарвы⁷. Угрожая отставкой, Ленин добился согласия ЦК большевиков на принятие германского ультиматума. «За» проголосовали семь человек, «против» – четверо, столько же воздержалось. 24 февраля ВЦИК также решил принять германские условия. На новые переговоры была послана делегация в составе Г. Сокольников, Л. Карахана, Г. Петровского и Г. Чичерина. Одновременно Ленин попытался задержать демобилизацию старой армии⁸.

3 марта 1918 г. в 5.30 вечера российская делегация подписала мир на германских условиях. Согласно договору от России отторгались Польша, часть Белоруссии, Прибалтика. Турция передавалась округа Ардагана, Карса и Батума. Советское правительство обязывалось признать договор между Германией и украинской Центральной радой и определить границу между Россией и Украиной. Для окончательного решения вопроса о мире 6–8 марта 1918 г. был созван VII съезд большевистской партии. Несмотря на сопротивление «левых коммунистов», съезд одобрил Брестский мир. Считается, что проходивший 14–15 марта Чрезвычайный IV съезд Советов также почти единогласно одобрил договор. На деле большинство его делегатов протестовало против «капитуляции перед германским империализмом». Так, лидировало число высказываний с призывами к революционной войне (16,2%), такой же процент делегатов высказался против заключения мира без ука-

¹ Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996. С. 22–24.

² См.: Аксютин Ю.В. Послеоктябрьское похмелье гегемона: Рабочий класс и политические партии России в первый год Советской власти (ноябрь 1917 – конец 1918 г.) М., 2013. С. 86–95.

³ Бунин И.А. Окаянные дни. С. 51–52.

⁴ См.: Аксютин Ю.В. Послеоктябрьское похмелье гегемона. С. 101–104, 108–109.

⁵ См.: Собрание уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006. С. 43–49.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 245.

⁷ Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 293.

⁸ Ксенофонтов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. Документальный репортаж. М., 1991. С. 357.

зания на мотивацию. Многие говорили, что условия Брестского мира неприемлемы (11,3 %) и гибельны для мировой революции (7,7 %), каждый десятый оратор требовал революционной мобилизации и создания Красной Армии, некоторые предпочитали организацию партизанской войны (7,2 %)¹. Особенно резко высказывались максималисты, заявляя, что нынешняя власть – «советская по наименованию, но партийная по существу» – не в состоянии «творить новую жизнь на трудовых началах»². В эти дни Ленину пришлось услышать крики «Предатель!», «Иуда!», «Шпион!» даже от тех, кого он считал своими соратниками³. Троцкому меньшевик Ю. Мартов задал ехидный вопрос о «священной войне», которую тот грозился объявить, если Германия не согласится на заключение демократического мира⁴. Впрочем, это была лишь риторика наиболее эмоциональных участников съезда. Большевики фактически предрешили вопрос, прагматично рассчитывая на нереальность сопротивления германскому нашествию.

Ситуация на Украине продолжала оставаться нестабильной. В докладе начальнику Оперативного отделения штаба германского Восточного фронта она характеризовалась следующим образом: «Вся страна разделена на целый ряд отдельных областей, ограничивающихся пределами уезда, города, а иногда даже отдельными селами и деревнями. Власть в таких областях принадлежит различным партиям, а также и отдельным политическим авантюристам, разбойникам и диктаторам. Можно встретить деревни, опоясанные окопами и ведущими друг с другом войну из-за помещичьей земли»⁵. 30 марта австро-венгерский посол в Киеве докладывал в Вену о критическом состоянии украинских железных дорог, государственном хаосе и «полном крахе финансовой системы на Украине»⁶.

Позднее анархист Волин так оценил значение произошедшего в Бресте: большевики «спасли себя, убив революцию и сломив начавшееся сопротивление масс их диктаторскому самоуправству»⁷. Действительно, в решающий момент победил этатистский, а не революционный принцип. В советское время считалось, что Брестский мир «спас» советскую республику⁸. Инерция подобных представлений отчасти сохранилась до наших дней⁹. Однако нельзя забывать, что больше-

¹ *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 г.). М., 2006. С. 848.

² Цит. по: *Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика.* М., 2002. С. 123.

³ *Уилер-Беннет Дж.* Брестский мир. С. 242, 244.

⁴ *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. С. 242.

⁵ Цит. по: *Шкляев И.Н.* Одесса в смутное время. Одесса, 2004. С. 98–99.

⁶ Цит. по: *Гай-Нижник П.* Міжнародна фінансова політика Центральної Ради: надії та нереалізовані проекти (1917–1918 рр.) // *Україна в революційних процесах десятиліття XX століття.* Київ, 2007. С. 199.

⁷ *Волин.* К вопросу о причинах «поражения анархизма» в русской революции // *Анархический вестник.* 1923. № 5–6. Ноябрь–декабрь. С. 11.

⁸ См.: *Майоров С.М.* Чтобы спасти революцию. Борьба Советской республики за заключение Брестского мира. М., 1965; *Аржанов Ф.М.* В.И. Ленин и Брестский мир. Л., 1968; *Берхин И.Б.* Историческая битва за мир. М., 1976.

⁹ См.: *Ксенофонтов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели; *Бутаков Я.А.* Брестский мир. Ловушка Ленина для кайзеровской Германии. М., 2012.

вики, с трудом согласившись на его подписание, с легкостью перечеркнули его при известии о революции в Германии. Этот их шаг сумел предсказать профессор-«черносотенец» Б.В. Никольский. «А Ленин и Троцкий разве не заключили мир во время ускорения революции в Германии? – задавался он риторическим вопросом, уверяя, что российские германофилы готовы брать деньги у немцев, а либералы во главе с Милюковым – у англичан и французов¹. Впрочем, возникали и прямо противоположные реакции. Поэт И. Северянин в марте 1918 г. приветствовал Ленина в связи с заключением Брестского мира с пацифистских позиций: «Он в смысле мира мой двойник!»².

22 апреля на заседании ВЦИК Троцкий поднял вопрос о создании новой регулярной армии. По его мнению, она была необходима «специально для возобновления мировой войны совместно с Францией и Англией против Германии». При этом вновь стала обсуждаться возможность военного союза с Антантой³. А тем временем, летом 1918 г., особенно после убийства в Москве германского посла Мирбаха и казни Николая II, страхи в Европе перед большевизмом многократно возросли⁴.

С началом 1918 г. все более сложная обстановка складывалась в Закавказье. Здесь давно опасались, что под давлением Германии Россия согласится на передачу их территорий под контроль турецкой армии. Окраинным националистам приходилось скорее думать о стабилизации обстановки и самосохранении, нежели о противостоянии столичным большевикам. Наибольшую опасность по-прежнему представляли солдаты стихийно демобилизующейся армии – они, в отличие от местных «правительств», располагали оружием. С другой стороны, усиливалась угроза турецкого нашествия. 4/17 января центральный орган армянской партии «Дашнакцутюн» опубликовал телеграмму Н. Жордания с приказом о разоружении русских войск, оставляющих фронт, и передаче вооружения местным (меньшевистским) Советам⁵. И хотя сам Жордания категорически отрицал факт отправки подобного распоряжения, этому документу было суждено сыграть провоцирующую роль в обострении ситуации. Фактически речь шла о санкции на вооружение всех националистических сил. Наблюдатели отмечали резкое ухудшение взаимоотношений русского и мусульманского населения в Закавказье⁶. 22 января / 4 февраля тифлисский Закавказский комиссариат сформировал законодательный орган – Закавказский сейм. Создание коалиционной полиэтничной власти было предпринято ради того, чтобы не допустить политического раскола, а главное – не обострять вопрос о границах. Хотя угрозы центральной власти вновь созданный сейм не представлял, большевики попытались противопоставить пла-

¹ *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2. СПб., 2015. С. 370.

² *Петров М.* Игорь Северянин – он тем хорош, что он совсем не то... // *Северянин И.В.* Полное собрание сочинений в одном томе. М., 2014. С. 1089.

³ Протоколы ВЦИК IV созыва. Стенографический отчет. М., 1920. С. 171.

⁴ *Герварт Р., Хори Д.* Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 годы) // *Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны.* С. 66.

⁵ Оризон. 1918. 4 января.

⁶ Бакинский рабочий. 1918. 19 апреля.

нам создания «буржуазных» национальных формирований «интернациональные» революционные части. Это нашло поддержку у армян, надеявшихся задержать на фронте солдат для противодействия турецкому наступлению¹.

В начале февраля 1918 г. положение Закавказского комиссариата стало катастрофическим как по причине нехватки продовольствия, так и в связи с действиями возвращавшихся с фронта солдат. Местные большевики использовали ситуацию, взваливая все беды на закавказское «правительство», которое называли худшим, пронизанным национализмом, вариантом керенщины². 10 февраля было объявлено об открытии Закавказского сейма. В ответ местные большевики заявили, что это «новый подлог, новый обман народа, новое средство удушить революцию в Закавказье»³. Естественно, что закавказские лидеры дистанцировались как от центрального большевистского правительства, так и от лидеров Бакинской коммуны, не без основания полагая, что именно от них идут подстрекательские призывы. Теперь в деле поддержания стабильности в крае они могли надеяться только на коалиционную межнациональную власть и внешнюю силу в лице либо Антанты, либо Четверного союза⁴.

27 февраля Жордания, заявив, что теперь все нити, связывающие край с Россией, порваны, предложил Закавказскому сейму объявить себя закавказским Учредительным собранием и добиваться заключения сепаратного мира с Турцией. Сам сейм отказался признавать Брестский договор, официально уведомил об этом советское правительство⁵ и 3 марта начал в Трапезунде переговоры с Турцией, которые, однако, закончились безрезультатно.

В марте турецкие войска заняли Эрзерум, в следующем месяце их наступление продолжилось. По сведениям армянской стороны, 30 марта в Баку мусаватисты подняли мятеж против здешнего Совета, но он был подавлен большевиками при поддержке дашнакских формирований⁶. Последовала резня азербайджанского населения⁷. По мнению Майкла Смита, ход развития событий определили взаимные страхи и соответствующие слухи⁸. Газеты писали об ужасах взаимных расправ. Однако позиции бакинских большевиков оставались непрочными – они в значительной степени опирались на поддержку армянского населения города и возглавляемых дашнаками формирований. Наконец, в Баку не хватало продовольствия.

22 апреля, после безуспешных попыток противостоять турецкому давлению, была провозглашена независимость Закавказской федеративной республики. На следующий день ее правительство заявило Турции о признании Брестского до-

¹ Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 594.

² Кавказский рабочий (Тифлис). 1918. 1 февраля.

³ Бакинский рабочий. 1918. 8 марта.

⁴ Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 625.

⁵ Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. С. 258.

⁶ Шаумян С. Избранные произведения. М., 1978. Т. 2. С. 291.

⁷ Балаев А.Г. Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. М., 2008. С. 24–41.

⁸ Smith M. Anatomy of a Rumour: Murder Scandal, the Musavat Party and Narratives of the Russian Revolution in Baku, 1917 – 1920 // Journal of Contemporary History. 2001. April. Vol. 36. No 2.

говора и желании возобновить переговоры. 28 апреля турецкая сторона ответила согласием и заявила о приостановке наступления. 5 мая в Батуми открылось заседание мирной конференции, однако турецкая сторона заявила, что оставляет за собой право предъявления новых территориальных претензий. Под давлением турок Закавказская федерация, просуществовав чуть больше месяца, распалась. При содействии Германии 4 июня Грузия и Армения заключили с Турцией Договор мира и дружбы, что, однако, не спасло Армению от нашествия турок. Но Грузия от турецкой оккупации была спасена, променяв ее на германскую. В этой обстановке бакинский Совет большинством голосов высказался за приглашение бывших союзников России. Однако присланный англичанами отряд в 1100 человек не смог противостоять 11-тысячному турецкому войску. Бакинская коммуна пала, в сентябре в город вошли турецкие войска¹.

В сущности, большевики – и не только на окраинах – пытались опереться на те же «национальные» силы, на которые в прошлом делали ставку и самодержавие, и Временное правительство. И это, по-видимому, находило порой большее понимание, нежели их интернационалистские лозунги. Но там, где народы стремились избежать насилия на этнической почве, они предпочитали любую силу, которая могла бы хотя бы на время обезопасить их. Бывших внешние враги России не составляли исключения.

В Прибалтике у местных националистов, казалось, не было выбора. 16 февраля литовская «Тариба» приняла Акт независимости Литвы – политики, давно пребывавшие на оккупированной территории, сделали выбор в пользу ближайшего и более мощного средоточия силы. Со стороны большевиков последовал «интернационалистский» ответ: литовский комиссариат по согласованию с Наркомнацем приступил к созданию литовских национальных частей. Позднее, в период немецкого наступления, литовский эскадрон участвовал в защите подступов к Петрограду². Разумеется, его действия не могли изменить соотношения военных сил.

В скором времени германскими войсками была полностью оккупирована территория Латвии, и т. н. Латвийская социалистическая советская республика прекратила существование. Однако большевики получали в свое распоряжение латышских стрелков, которым попросту некуда стало деваться. В Ревеле организовать антигерманское сопротивление большевикам не удалось³.

В Белоруссии местные националисты также попытались обезопасить себя от «большевистской анархии» с помощью иностранных штыков. 9 марта в Минске Исполнительный комитет рады Всебелорусского съезда провозгласил Белорусскую народную республику, а 18 марта реорганизовал ее в Белорусскую раду. 25 марта было объявлено об отделении Белоруссии от России, затем в мемо-

¹ *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. 264–266.

² *Силин Н.Т.* Об участии народов Советской Республики в организации Красной Армии и в защите социалистического Отечества в 1918 г. // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. М., 1956. С. 469–470.

³ *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 626.

рандуме правительству Германии была высказана просьба о помощи в создании «национального государства»¹.

В сложной межэтнической обстановке 11 мая началась т. н. Батумская мирная конференция, в которой приняли участие делегации Германии, Турции, Закавказской федерации, горцев Северного Кавказа и Дагестана². Державы Четверного союза намеревались продиктовать закавказским политикам свою волю. Абхазские представители заявили турецкой стороне, что Абхазия относит себя к Северокавказскому объединению горцев³, и поспешили отмежеваться от Грузии, не желая разделить ее судьбу. 11 мая было объявлено о независимости Горской республики, в которую вошли Дагестан, Чечня, Кабарда, Адыгея, Абхазия и некоторые другие образования, претендовавшие на этногосударственный статус⁴. С помощью Турции, поддержанной Германией и Австро-Венгрией, Горская республика 26 мая получила международное признание⁵.

15 мая 1918 г. переговоры между Закавказской демократической федеративной республикой (ЗДФР) и Турцией были прерваны турецкой стороной. Турки начали наступление, его удалось приостановить благодаря армянским соединениям. Но одновременно прекратила свое существование и ЗДФР, 26 мая объявил о самороспуске Закавказский сейм. На месте Закавказской демократической федеративной республики были созданы Грузинская (26 мая), Азербайджанская (28 мая) и Армянская (29 мая) республики. Правда, их границы не были тогда определены, что спровоцировало последующие межэтнические столкновения.

Сразу после объявления независимости Грузии ее премьер-министр Н. Рамишвили и министр иностранных дел А. Чхенкели начали в Поти секретные переговоры с германским командованием с целью установления над Грузией германского протектората. Германская сторона при этом взялась оказать помощь Грузии «в деле обеспечения ее границ»⁶, определенно не доверяя своим союзникам – туркам. В обмен на защиту от турецкой оккупации грузинские власти обещали немцам использование своих железных дорог, свободную циркуляцию немецкой марки, монопольное положение немцев в горнозаводской промышленности и экспорте сырых материалов⁷. Подобная «независимая» Грузия сразу превратилась в объект особой ненависти белогвардейцев.

¹ Круталевич В.А. История Беларуси: становление национальной державности. Минск, 1999. С. 41–46.

² См.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 312–313; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994. С. 109.

³ Цит. по: История Абхазии. Сухум, 1991. С. 291.

⁴ См.: Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 104–108, 121.

⁵ Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917–1924 гг.) (Начальный этап национально-государственного строительства народов Северного Кавказа в XX веке). Владикавказ, 2003. С. 27–30.

⁶ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг. Нью-Йорк, 1982. С. 68.

⁷ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 46–47; Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Stanford, 1988. P. 192–193.

Как бы то ни было, международные юридические соглашения не решали все более усложнявшихся социальных и этнических проблем Закавказья. Шаткое положение было у Бакинской коммуны. В отдаленных от Баку местностях постоянно происходят расправы с большевистскими агитаторами. Приходилось рассчитывать не на интернационалистские призывы, а на тактические союзы с армянскими националистами. Традиционно интернациональные (и достаточной отчужденные от мусульман) верхи бакинского общества тем временем продолжали жить своей жизнью¹.

На Украине, как и в Закавказье, внутренние противоборствующие силы вынуждены были, так или иначе, соотносить свои шаги с действиями стран Четверного союза и Антанты, а также с условиями большевистско-германского соглашения. 6 апреля германский главнокомандующий на Украине Г. Эйхгорн издал приказ об обязательном засеивании крестьянами земельных площадей, которые те в состоянии обработать. Оставшуюся землю земельные комитеты обязывались вернуть помещикам вместе с инвентарем и посевным материалом. Вялые протесты лидеров Центральной рады не помогли². Взрыв крестьянского недовольства стал неизбежен, и это происходило в обстановке, когда Брестский мир рассматривался большевиками и особенно левыми эсерами как своего рода прикрытие другой, партизанской борьбы с «германским империализмом и его пособниками». Со своей стороны германские войска вместе с гайдамаками поспешили захватить южные уезды Курской губернии, полагая, что те принадлежат «независимой» Украине³.

18 апреля в Таганроге местными большевиками было создано Бюро по руководству повстанческой борьбой на Украине, одновременно выполнявшее функции «правительства» советской Украины и более известное как «Повстанческая девятка». Основная деятельность этого органа была связана с проникновением в нейтральную зону партизанских повстанческих отрядов, где они объявлялись полками украинской Красной Армии. Но большевистское руководство в Москве, формально связанное условиями Брестского мира, не могло этого допустить. В марте было решено создать Донскую республику, являвшуюся частью РСФСР. В апреле ее руководители получили указание интернировать украинские советские войска, оказавшиеся на ее территории, – таким наивным приемом большевики пытались приостановить продвижение германских войск. Их разоружения, конечно, при этом не производилось⁴. По подсчетам украинских советских историков, в марте–апреле 1918 г., вопреки условиям Брестского мира, из советской России на Украину было доставлено 165 тыс. винтовок, 2840 пулеметов, 360 пушек; из Петрограда переброшено около 1400 красноармейцев и батальон матро-

¹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 739.

² Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С. 273, 347.

³ Алешникова М.А. Немецкая интервенция на территории Курской губернии после подписания Брестского мира 1918 г. // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). Взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 435.

⁴ РГАСПИ. Ф. 71 (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 1172. Л. 11об.–14.

сов¹. Возле демаркационной линии концентрировались анархистствующие отряды, которые, в сущности, не признавали никаких властей².

К середине апреля Запорожская дивизия – главная военная сила Центральной рады – насчитывала до 20 тыс. штыков и сабель, имела на вооружении пять бронепоездов, 12 броневиков, 64 пушки, четыре самолета. Рада и ее Совет министров считали себя высшей властью в крае, хотя практически не контролировали положения дел. Несмотря на это и германо-австрийскую оккупацию края, хаос в отдельных регионах продолжался. Украинские социалисты осуществляли реквизиции у «буржуазных классов» – Киев должен был внести в казну 35 млн рублей, Харьков – 50 млн, Одесса – 40 млн. Подобные акции мало отличались от большевистских³.

В условиях, когда приходилось учитывать множество внешне- и внутривнутриполитических факторов, германские власти были все менее склонны прислушиваться к мнению украинских властей. Им было явно не до украинской демократии. 24 апреля 1918 г. состоялась встреча генерала П.П. Скоропадского с начальником штаба германских войск на Украине генералом Гренером. С этого момента судьба Центральной рады была предрешена. При поддержке германской оккупационной администрации состоялось избрание Скоропадского гетманом Украинской державы. 25 апреля появился приказ Эйхгорна об охране Киева, предусматривавший введение германского полевого суда, а также запрет на уличные манифестации и агитацию⁴. Переворот был с пониманием встречен русскими «правыми» деятелями на Украине. Избрание гетмана произошло в цирке на съезде «украинских хлеборобов». Характерно, что его избрали не путем голосования, а «выкрикнули» в соответствии с запорожской казацкой традицией так, как в свое время был выдвинут Иван Мазепа⁵. Через несколько часов на Софийской площади по этому случаю состоялся молебен. Украинскую национальную власть возглавил генерал-лейтенант русской армии, командир 42-го «украинизированного» корпуса, затем атаман «вольного казачества», отнюдь не являвшийся ни украинским националистом, ни тем более сепаратистом. Так возникло странное по одному только архаичному названию – Украинская держава – еще одно государственное образование на территории бывшей Российской империи. Этот эфемерный объект международного права просуществовал столько же, сколько его настоящий хозяин – Германская империя.

Как бы то ни было, «похабный», по известному выражению Ленина, Брестский мир, ускоривший процесс территориального развала бывшей Российской империи, принес куда меньше жертв, чем революционная и контрреволюционная «доблесть» последующих лет. Россия вышла из войны, как и было обещано большевиками, но это не принесло спокойствия стране. С накопившимися в ней проблемами нельзя было поступить как с «гордиевым узлом», ибо они пропитали души людей. И груз этих проблем ощущается до сих пор.

¹ История УССР. Т. 6. Киев, 1984. С. 322–323.

² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 505. Л. 3.

³ *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. С. 710.

⁴ Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936. С. 52.

⁵ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008. С. 241.

Раздел III. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

(Н.А. Иванова)

Изучение динамики и структуры российского общества начала XX в. как сложного конгломерата различных сословно-классовых страт позволяет выявить их количественные параметры, соотношение социальных позиций, определить интересы – общие и частные, а также существующие между ними противоречия – унаследованные от старого традиционного общества и вновь появившиеся в складывающемся индустриальном обществе.

При анализе социальных процессов одним из основных, базовых источников являются статистические материалы. С помощью статистических данных можно проследить единство социальных процессов в довоенный и военный периоды, влияние Первой мировой войны и революции 1917 г. на социальную стратификацию, а через анализ динамики заработной платы, цен на предметы первой необходимости, требований основных классов и слоев в ходе революции и других показателей оценить материальное положение трудящихся, его связь с социальной дифференциацией и влияние на революционизацию населения. Изучение всех этих вопросов способствует более отчетливому пониманию характера революции 1917 г.

В ряду имеющихся в распоряжении исследователей статистических источников, которые касаются демографии и социальной стратификации российского общества, на первое место следует поставить материалы единственной в Российской империи Всеобщей переписи населения 1897 г. По многим вопросам сведения переписи остаются уникальными и используются при анализе соответствующих явлений и процессов периода вплоть до 1917 г.

Весной и летом 1917 г. Временным правительством была проведена перепись городского и сельского населения. Она включала значительный круг вопросов, в т. ч. относящихся к социальной структуре. Однако условия военного времени не позволили должным образом выполнить эту программу как в отношении сбора материала, так и особенно его обработки и публикации. Поэтому если опубликованные материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. оказались достаточно представительными, то данные городской переписи отрывочны.

Для восполнения этого пробела использован еще один ценный источник – материалы Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., фактически касающиеся преимущественно городского населения, а также переписи населения Москвы и Петрограда 1918 г. Известно, что в революции 1917 г. важную роль сыграли солдатские массы. Сборник документов, подготовленный на основе официальных данных периода войны¹, дополненный другими источника-

¹ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.

ми, приоткрывает завесу некоторых происходивших в армии процессов. Вопросы продовольственного и иного материального положения населения в 1917–1918 гг. привлекали большое внимание правительственных и общественных организаций. В связи с этим проводились многочисленные статистические обследования и подсчеты, результаты которых нашли отражение в специальных изданиях. Наконец, существует статистика, касающаяся классовой борьбы и организаций различных социальных групп и слоев населения.

Еще одна группа источников раскрывает изменение правового, сословного статуса населения в 1917 г. Это декреты, постановления и др. документы, принимаемые Временным и Советским правительствами в ходе революции, направленные на ограничение сословного начала и расширение свободы и автономии личности.

Глава 1. ОТ ПОДДАННЫХ К ГРАЖДДАНАМ

Всеобщая перепись 1897 г. зафиксировала стратификацию российского населения на сословные, профессиональные и классовые группы. Сословное деление основывалось на различном правовом статусе определенных слоев населения, который был закреплен в российских законах. При этом оказалось, что из 126,6 млн чел. постоянного населения Российской империи (без Великого княжества Финляндского) привилегированные сословия составляли всего 2,3 %, в т. ч. на потомственное и личное дворянство приходилось 1,5 % жителей (потомственное – 1 %), на христианское духовенство – 0,5 %, столько же на почетных граждан и купцов вместе взятых. Более 95 % населения составляли непривилегированные (бывшие податные) сословия: крестьянство, включавшее 77,1 % жителей империи, мещанство – 10,7 %, инородцы – 6,6 %. К последним относились оседлые, кочевые и бродячие коренные жители Сибири и Средней Азии, Севера и юга Европейской России, а также евреи. Особое место занимало сословие войсковых казаков (2,3 % населения), которые являлись, с одной стороны, служилым сословием, а потому наделялись определенными привилегиями (особенно офицерский слой), с другой стороны, примыкали к крестьянству, ибо занимались сельскохозяйственным трудом. Остальные 0,3 % учтенных переписью 1897 г. жителей составляли финляндские уроженцы, духовенство нехристианских исповеданий, которое не считалось сословием, разночинцы и 0,5 % – иностранные подданные¹.

В начале XX в. при численном росте населения (вплоть до 1917 г.) примерно на треть соотношение привилегированных и непривилегированных сословий менялось незначительно. В связи с более высокой рождаемостью по темпам роста выделялось крестьянство. Еще быстрее увеличивалась численность городских сословий – мещан и особенно почетных граждан – в силу урбанизации, повышения уровня образования, расширения состава лиц, получивших по закону право причисления к почетному гражданству.

¹ Подсчитано по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. XIII, 164–171 (далее – Общий свод по империи...)

Сословный строй общества не только устанавливал иерархию его членов, законодательно закреплял правовое неравенство, но и служил опорой самодержавно-православной монархии. Представители всех сословий являлись подданными российских царей – императоров. Отличительными чертами института подданства, выразившего собой сущность отношений верховной власти и народа, являлись неограниченно-самодержавный характер власти императора, признание монарха подданными в качестве носителя религиозно-нравственного идеала народа, господствующее положение православия, считавшегося государственной религией, при соблюдении принципа терпимости по отношению к другим конфессиям; неравенство личных, имущественных и общественных прав сословий, отсутствие свободы совести. Самодержавие проводило в отношении подданных политику патернализма и попечительства, поддерживая традиционалистский принцип уравнительности. Единение общества строилось на верноподданнической, религиозной и наднациональной (общенародной) основе.

Ослабление сословного начала происходило в результате издания законодательных актов, уравнивавших сословия в правах, на что существенное влияние оказала революция 1905–1907 гг. Однако создание центральных представительных учреждений, как и расширение некоторых личных и общественных прав, происходило в рамках дарования их монархом своим подданным, что нашло отражение в Основных законах 1906 г.¹ Не случайно все эти права «не получили должного развития и осуществления, а часто и попирались»².

Тенденция разложения сословного строя и одновременно известного усиления правового неравенства проявилась и в годы Первой мировой войны³. Но кардинальные изменения произошли в 1917 г. в результате действий Временного, а затем Советского правительства.

2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от Российского престола, а 3 марта была принята Декларация Временного правительства о его составе и задачах. Она включала обращение к народу, где впервые за всю историю население Российской империи официально называлось гражданами. Далее следовало перечисление демократических свобод, которые Временное правительство намеревалось предоставить гражданам для достижения их подлинного равенства. Они включали полную и немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам, в т. ч. «террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям»; свободу слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих «в пределах, допускаемых военно-техническими условиями»; отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое должно было установить форму правления и конституцию страны; выборы в ор-

¹ Свод законов Российской империи. 1906. Т. 1. Ч. 1. Ст. 69–83.

² *Ростовщиков И.В.* Права личности в российских конституциях: история и современность // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 5.

³ См.: *Иванова Н.А.* Сословия и классы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 234–244.

ганы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; при сохранении строгой военной дисциплины в строю и несении военной службы отмену для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам¹.

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, адресованный ко всем солдатам Петроградского гарнизона и изданный 1 марта 1917 г., наделял солдат гражданскими правами, ставил их в равное положение с офицерами вне службы и строя, воспрещал грубое обращение с солдатами, отменял титулование (ваше превосходительство, ваше благородие и т. п.) в армии и флоте². 4 марта приказами по военному и морскому ведомствам положения приказа № 1 Петроградского Совета были распространены на всю армию и флот. Одновременно наименование «нижний чин» заменялось наименованием «солдат» и «матрос»³.

Термин же «граждане» широко употреблялся как в официальных документах, так и в обычном обиходе. Даже великий князь Михаил Александрович, отказываясь «от восприятия верховной власти до решения вопроса Учредительным собранием и новыми основными законами Российского государства, „призывая благословение Божие“, просил „всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству“»⁴.

12 марта постановлением Временного правительства была отменена смертная казнь, которая заменялась срочной и бессрочной каторгой. Отменялось установленное в действующих законах наказание розгами, наложение оков и надевание смирительных рубашек для ссыльнопоселенцев и арестантов⁵.

16 марта 1917 г. Временное правительство рассмотрело представление оберпрокурора Синода об отмене ограничений и прав священнослужителей белого духовенства и монашествующих, слагающих с себя добровольно сан либо монашество или лишенных таковых по духовному суду. 25 марта указанным лицам по возвращении в гражданское состояние было разрешено сохранять права по происхождению, образованию, службе и пожалованию, ученые степени и чины, полученные ими на государственной службе⁶.

20 марта было принято постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», а 14 июля «О свободе совести»⁷. Отменялись все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности. В том числе были отменены все акты в отноше-

¹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 124–125.

² Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1. М., 1923. С. 176–177.

³ Приказы по Военному ведомству. Пг., 1917. С. 104.

⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 126.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (далее – СУ). Пг., 1917. № 66. Ст. 375, 377.

⁶ Журналы заседаний Временного правительства // Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. М., 2001. Т. 1. Март–апрель 1917 года. № 21. С. 107–108; № 66. С. 375, 377.

⁷ Там же. № 66. С. 142–143; Т. 3: Июль–август 1917 года. № 131. С. 94–95.

нии водворения, жительства и передвижения, приобретения прав собственности, участия в акционерных и иных торгово-промышленных обществах и товариществах и занятия в них всякого рода должностей как по выборам, так и по найму, поступления на государственную службу, участия в выборах в органы местного самоуправления и общественные учреждения, поступления в учебные заведения и т. д.¹ Устанавливая равенство прав граждан вне зависимости от национальности и вероисповедания, эти документы предоставляли возможность свободного перехода из одного исповедания в другое или вообще отказа от принадлежности к какой-либо конфессии. Определением Временного правительства 20 июня 1917 г. церковно-приходские школы передавались Министерству народного просвещения².

12 апреля 1917 г. постановлением о собраниях и союзах и в изменение имевшихся узаконений все российские граждане получали право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы, которым в свою очередь разрешалось объединяться с другими подобными организациями, устанавливать постоянные сношения с ними и с заграничными обществами и союзами. Зарегистрированные судебной властью общества и союзы имели право приобретать и отчуждать недвижимые имущества, образовывать капиталы, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде³.

Наряду с этим 21 апреля было утверждено Положение об учреждении земельных комитетов, предназначенных для подготовки земельной реформы⁴, а 23 апреля – Положение о рабочих комитетах в промышленных заведениях⁵. Члены комитета избирались рабочими заведения на основе всеобщего (не исключая женщин и несовершеннолетних), равного, прямого и тайного голосования. Предметом ведения рабочих комитетов являлись представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам, касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими (о заработной плате, рабочем времени, правилах внутреннего распорядка и др.). Комитет имел право созывать собрания рабочих. Служащие заведения могли учреждать самостоятельные комитеты, или по согласованию с рабочими участвовать в рабочих комитетах. Споры между администрацией, рабочими и служащими решались через примирительные камеры.

15 апреля 1917 г. ряд статей Положения об управлении городов 1915 г. был отменен. Принятые одновременно Временные правила о производстве выборов гласных городских дум предусматривали право участия в выборах российских граждан обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий, достигших 20 лет, если они во время составления избирательных списков проживали в данном городе, либо имели в нем «домашнее обзаведение», или состояли там на службе, или имели иные связанные с городом определенные занятия. Лица, находившиеся на

¹ СУ. 1917. № 69. Ст. 388; № 70. Ст. 400.

² Журналы заседаний Временного правительства. М., 2002. Т. 2: Май–июнь 1917 года. № 113. П. 3. С. 311–312; СУ. 1917. № 182. Ст. 1014.

³ СУ. 1917. № 98. Ст. 540.

⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. № 58. П. 56. С. 327–331; СУ. 1917. № 98. Ст. 543.

⁵ Там же. Т. 1. № 60. П. 4а. С. 338–340.

военной службе, принимали участие в выборах на общих основаниях. В гласные и кандидаты в них могли избираться не только те, кто пользовался правом участия в выборах, но и все прочие граждане, даже не проживавшие в городе и не имевшие там «домашнего обзаведения», службы или занятия, но удовлетворявшие остальным требованиям, установленным для участия в выборах¹.

После Февральской революции был поставлен вопрос о снятии правовых ограничений с казаков. Создана межведомственная комиссия для обсуждения представленных казачьими войсками проектов местного казачьего самоуправления. Сущность предложений заключалась в создании полновластных войсковых кругов (рад, съездов) и их исполнительных органов, избранных на демократической основе. Одновременно решался вопрос, поднятый еще в 1916 г., об упразднении казачьих войсковых станичных судов и передаче их дел мировым судам. В области Войска Донского и Терского были введены земские учреждения².

4 марта 1917 г. на одном из первых заседаний Временного правительства по предложению министра народного просвещения были отменены процентные нормы для евреев при поступлении в учебные заведения и восстановлены в правах на продолжение образования уволенные по причине политической неблагонадёжности. 10 марта ликвидированы ограничения, распространявшиеся на акционерные общества и товарищества на паях относительно евреев³. Постановление 20 марта об отмене ограничений в правах российских граждан были распространены на евреев. Они уравнивались с другими российскими сословиями и народами в отношении места жительства и передвижения, участия в предпринимательской деятельности, поступления на государственную службу и в учебные заведения, выборов в общественные учреждения и др.

«Вершиной буржуазной демократии» считают правоведы Положение о выборах в Учредительное собрание, подготовленное специально созданным для этого Особым совещанием летом и осенью 1917 г.⁴ Прежде всего избирательные права получили женщины. Между тем даже в развитых капиталистических странах (Англия, Франция, Германия, многие штаты США) этого права женщины были лишены. Достаточно низким был установленный возрастной ценз – 20 лет. В Англии, США, Италии, Франции он составлял 21 год, в Бельгии, Германии, Испании, Голландии – 25 лет. Ни в одном государстве, кроме России, не признавались избирательные права за военнoслужашими. В стране отменялись цен-

¹ Там же. Т. 1. № 55. П. 1. С. 294–302; СУ. 1917. № 95. Ст. 529.

² Сборник указов и постановлений Временного правительства. 28 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. Вып. 1. С. 326–327; РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 13893. Л. 6–6об., 12об.; Д. 14178. Л. 1–2об., 11, 13, 24–27, 39–53, 56–57; Д. 13884. Л. 56–64, 157–165; *Трут В.П.* Организация высших органов казачьего управления на Дону, Кубани и Тереке после Февральской революции и их работа весной–летом 1917 г. // Исторические этюды. Ростов-на-Дону. 1998. Вып. 3. С. 210–218; *Звездова Н.В.* Всероссийский казачий съезд и начало возрождения самоуправления на Дону (март–апрель 1917 г.) // Местное самоуправление на рубеже веков: история и современность. Ростов-на-Дону. 2000. С. 100–106.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. № 4. П. 8. С. 30; № 14. П. 2г. С. 68.

⁴ Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 169. Ст. 915. № 251. Ст. 1801; Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 135–136.

зы имущественный, оседлости и грамотности, не было в законе ограничений по национальному или вероисповедному принципам. При равных избирательных правах предусматривались прямые выборы тайным голосованием с применением принципа пропорционального представительства, т. е. избрания по партийным спискам в соответствии с процентом поданных за список голосов.

Вместе с тем в реальной жизни сословные начала оставались. Это обуславливалось тем, что в течение длительного, более чем двухсотлетнего существования сословий, они не только отличались юридическими правами, но превратились в особые социальные группы населения, имевшие свой образ жизни, менталитет, культуру и т. д. Продолжали идентифицировать себя как особые сословия дворянство, духовенство, казачество. 16 марта 1917 г. Временное правительство отменило утверждение предводителей дворянства властями, что свидетельствовало о предоставлении большей самостоятельности дворянской корпорации и одновременно о ее сохранении даже в условиях дальнейшей демократизации общества¹.

Большинство крестьянского населения и после 1917 г. жило в рамках крестьянской общины. 28 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О приостановлении действия некоторых узаконений о крестьянском землевладении и землепользовании, а также об упразднении землеустроительных комиссий», частично отменявшее столыпинское законодательство и полностью прекращавшее деятельность землеустроительных комиссий². Сословный характер сохраняло во многом дворянское латифундиальное и крестьянское наделное землевладение. Ликвидация сословных различий требовала не только длительно-го времени, но и готовности населения к таким изменениям.

Советское правительство, с одной стороны, продолжило линию Временного правительства, доводя до конца буржуазно-демократическую революцию, с другой, переходя к «социалистическим» преобразованиям, отказывалось от общегражданского начала, все более усиливая классовое.

11 ноября был принят декрет ЦИК и Совнаркома об уничтожении сословий и гражданских чинов. В нем говорилось:

«Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской республики.

Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. № 20. П. 6. С. 105.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. № 137. Пб. С. 124–125.

Ст. 6. Все соответствующие статьи доньше действовавших законов отменяются.

Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹.

Принятая III Всероссийским съездом Советов 12 января 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа объявляла Россию Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «на основе свободного союза свободных наций»². Однако уже в ней говорилось об уничтожении «паразитических слоев общества», о вооружении трудящихся и полном разоружении имущих классов³. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах (принят 20 января 1918 г.) предоставлял право гражданам исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Церковь отделялась от государства, а школа от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях не допускалось⁴.

В декрете о земле, принятом уже 26 октября 1917 г., признавалось, что «право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом»⁵. А в законе о социализации земли (27 января 1918 г.) заявлялось, что «право пользования землей не может быть ограничено: ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством»⁶.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, как и положения декрета о свободе совести, вошли в Конституцию Российской социалистической федеративной советской республики, принятую 10 июля 1918 г. В качестве основной задачи она предусматривала установление «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком...» Рабочим и беднейшим крестьянам предоставлялись преимущества в организации собраний, митингов, создании и деятельности союзов, получении образования и др. Вместе с тем, «руководствуясь интересами рабочего населения в целом», Конституция предусматривала лишение «отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»⁷.

Так в течение полутора лет в условиях революции российское общество проделало путь от подданства к гражданскому равенству и, не освободившись окончательно от сословности, вступило на стезю еще более непримиримого сословно-классового противоборства.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. № 52. С. 72; См. также: *Шенелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 215–218.

² Декреты Советской власти. Т. 1. № 228. С. 341.

³ Там же. № 228. С. 342.

⁴ Там же. № 2486. С. 373–374.

⁵ Там же. № 13. С. 19.

⁶ Там же. № 2746. Ст. 4. С. 407.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 51. Ст. 582.

Глава 2. СОСЛОВИЯ И КЛАССЫ

Профессионализация населения как переходный этап на пути к классовообразованию отражала замену сословных ограничений в занятиях свободным выбором профессии. В переписи 1897 г. фиксировались не столько специальности, сколько занятия, которые определялись для самостоятельного населения на основе главного источника получения дохода. Сведения о занятиях свидетельствуют о том, что 54,9 % самостоятельного населения России в конце XIX в. трудилось в сельском хозяйстве. В промышленности было занято 16 % самостоятельных, в торговле – 4,7 %, на транспорте и в средствах связи – 2,2 %. Личным услужением и поденной работой занимались 6,5 %. Лица интеллигентских профессий (преподаватели и воспитатели, медицинские работники, занятые наукой, литературой и искусством и др.) составляли всего 1,1 %, а работавшие в аппарате государственного управления – 4,5 %. Не имевших занятий и живущих доходами с капитала и недвижимости, а также за счет казны, родителей, на пенсии и пр. было среди самостоятельного населения 4,3 %. Распределение по главным занятиям всего, а не только самостоятельного населения России значительно увеличивает (до 74,6 %) долю лиц, живших за счет сельского хозяйства, и уменьшает удельный вес жителей, связанных со всеми остальными видами деятельности: с промышленностью – до 10 %, торговлей и транспортом – до 5,5 %, интеллигентской деятельностью – до 0,6 % и т. д.¹

В отличие от данных о стратификации по сословиям и занятиям общие сведения о классовой структуре общества, основанной на экономических признаках (наличие собственности, величина дохода, использование наемного труда и др.), в российской статистике отсутствуют. В силу этого, что само по себе свидетельствует о незавершенности процесса классовообразования в стране, подсчеты численности и качественная характеристика различных классов осуществляются исследователями по разным частным источникам. Поэтому результаты неизбежно оказываются приблизительными.

В течение всего советского периода для определения классовой структуры России использовались данные В.И. Ленина, полученные им на основе материалов переписи населения 1897 г., переписи Петербурга 1890 г. и сведений об имущественной дифференциации крестьян из военно-конских переписей. Согласно этим подсчетам (см. табл. 1) крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие составляли 2,4 % населения России, зажиточные мелкие хозяева – 18,4 % (к ним, помимо крестьянства, Ленин относил значительную часть торгово-промышленной администрации, служащих, «буржуазной» интеллигенции, чиновничества и т. д.), беднейшие мелкие хозяева (преимущественно крестьянство) – 28,5 %, «пролетарии и полупролетарии» – 50,7 %. При этом к пролетариям относилось 17,5 % населения, остальные 33,2 % приходились на полупролетариат².

¹ Подсчитано по: Общий свод по империи... Т. 2. СПб., 1905. Табл. XXа, XXI. С. 256–292, 296.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 505.

Таблица 1

Классовый состав населения России в конце XIX в.

Классовые группы	млн чел.	%
Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и пр.	около 3,0	2,4
Зажиточные мелкие хозяева	– " – 23,1	18,4
Беднейшие мелкие хозяева	– " – 35,8	28,5
Полупролетарии	– " – 41,7	33,2
Пролетарии	– " – 22,0	17,5
Всего	около 125,6	100,0

Источник: Ленин В.И. ПСС. Т. 3. С. 505. (Проценты подсчитаны нами. – Н. И.)

При определении классового состава населения на 1913 г. советские исследователи пользовались методикой В.И. Ленина. По подсчетам Ю.И. Писарева, из 165,7 млн чел., насчитывавшихся в империи в этом году, около 4,1 млн (2,5 %) принадлежали к крупной буржуазии, помещикам, высшим чинам и пр., 31,5 млн (19 %) составляли зажиточные мелкие хозяева, 42 млн (25,3 %) – беднейшие мелкие хозяева, 55,6 млн (33,6 %) – полупролетарии и 32,5 млн (19,6 %) – пролетарии¹. Близкие цифры приводились и в ряде других работ².

Однако классовую структуру можно изучать и другим путем. При этом исходными остаются сведения о занятиях самодеятельного населения по переписи 1897 г. Численность «имущих слоев» (как они называются в источнике) определяется в соответствии с группами занятий по данным, составленным в Министерстве финансов на 1904 г. в ходе подготовки к введению подоходного налога в России. В состав имущих включались лица, получавшие в год доход свыше 1 тыс. руб.³ Число рабочих подсчитано на 1900 г. исследователями и является в достаточной степени достоверным⁴. Остальные группы населения включены нами условно в промежуточные слои. Их численность получена путем вычитания из общего числа самодеятельных в каждой «профессиональной» группе количества имущих лиц и наемных рабочих.

Согласно таким подсчетам, удельный вес имущих слоев в общем числе самодеятельных составлял 1,2 %, наемных рабочих – 36,7 %, на промежуточные слои приходилось 62,1 %. В составе имущих слоев самая большая группа (27,9 %) жила

¹ Писарев Ю.И. Народонаселение СССР. М., 1962. С. 68.

² Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне и революции. М., 1968. С. 32; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917–1920. М., 1976. С. 122–123; Селунская В.М. Социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987. С. 11; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938). Статистический сб. М.; Л., 1939. С. 16; СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сб. М., 1970. Диаграмма 1; Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 35.

³ Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и по размерам в России. СПб., 1906.

⁴ Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 42.

доходами от капитала и недвижимости, другая (25,6 %) включала преимущественно чиновников госаппарата. К производственной сфере относились торговцы и промышленники (20,6 %) и землевладельцы (14,7 %). Доля интеллигенции и лиц «свободных профессий» в составе имущих слоев составляла 3,6 %¹.

В.И. Ленин определял численность пролетариата России в 1913 г. примерно в 20 млн чел., в 1919 – 14 млн². В 1919 г. он вновь обратился к оценке социальной структуры, теперь уже Советской России, выделив в составе ее населения следующие группы: «минимум» 20 % пролетариата, 75 % мелкой буржуазии (в ее числе 30 % бедных, 30 % средних и 15 % богатых) и 5 % капиталистов³. Классовое соотношение, как видим, принципиально не изменилось по сравнению с концом XIX в. и кануном Первой мировой войны.

При оценке социальной структуры России в довоенный период бросается в глаза низкий удельный вес пролетарского населения, составлявшего всего пятую часть жителей империи, незначительная доля буржуазных и других состоятельных слоев (крупная буржуазия, помещики, высшая бюрократия, «буржуазная» интеллигенция и пр.) и численное преобладание полупролетарских и крестьянских сословно-классовых групп, называвшихся в советской историографии мелкой буржуазией.

Заметные отличия существуют во взглядах исследователей на терминологические определения классов, их состав и качественные характеристики. Так, понятие «пролетариат», как правило, отождествляется с термином «рабочий класс». Однако между ними имеются существенные отличия. В условиях перехода к капитализму термин «пролетариат» стал употребляться по отношению к людям, которые оказались лишены средств производства и вынуждены были жить наемным трудом (К. Маркс, В.И. Ленин). Те, кто имел средства производства, но в размере недостаточном для воспроизводства своей рабочей силы, искали побочные заработки и считались полупролетариями. Не нашедшие работы оказывались пауперами, нищими. Разницу между рабочими и пролетариями в России накануне Первой мировой войны видели и современники, считая пролетариатом особое «сословие людей, не имеющих ни собственности, ни определенных занятий»⁴.

Превращение пролетария в рабочего требовало постоянства работы на крупном производстве, приобретения квалификации. В пореформенной России типичной фигурой был рабочий, имевший землю, за которую он обязан был платить налог, или сохранявший другие формы связи с хозяйством и семьей в деревне. Представитель рабочего класса не являлся пролетарием в прямом смысле слова, поскольку, не имея средств производства, рабочий обладал другими важными «ресурсами» в виде умения, навыков, профессиональной специализации и т. д. У квалифицированных рабочих были приличные заработки, нередко собственные дома, они помогали деньгами деревенскому хозяйству, если оно у него сохраня-

¹ Опыт приблизительного исчисления народного дохода. С. VIII, XIV, XIX, XXV, XXXVIII, XXXIX, 90–91.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 34; Т. 38. С. 11.

³ Там же. Т. 39. С. 454.

⁴ Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. Российский военный сборник. М., 1997. Вып. 13. С. 105.

лось. Мы не говорим уже о создании рабочих организаций, развитии сознания, участии в различных формах классовой борьбы как важной составляющей, характеризующей рабочий класс.

Вопрос о составе, а в связи с этим и численности рабочего класса России начала XX в., тоже решается в литературе по-разному. Общеизвестно, что его ядро составляли индустриальные рабочие – занятые в фабрично-заводской, обрабатывающей, горно- и горнозаводской промышленности, а также на железнодорожном и водном (паровой флот) транспорте. К 1917 г. они составляли по подсчетам П.В. Волобуева 4253 тыс. чел., Л.С. Гапоненко – 5310,8 тыс. (с учетом служащих), В.Я. Лаверычева – 4320 тыс. чел. (включая рабочих казенных заводов и армейских мастерских)¹. Некоторые авторы ограничивают численность рабочих только индустриальными, считая ее равной 4,2–4,4 млн чел.²

Однако большинство специалистов включает в состав рабочего класса (иногда пишут об «армии наемного труда») служащих, рабочих мелкой промышленности, торговли, строительных, чернорабочих и поденщиков, занятых в сельском хозяйстве, прислугу и т. п. С учетом всех этих категорий число рабочих увеличивается по разным подсчетам до 15–18 млн чел., а доля индустриальных в итоге не достигает и трети. И хотя большинство трудилось по найму в разных отраслях хозяйства, среди них было немало временных работников, малоквалифицированных, тесно связанных с землей, что существенно отличало их от профессиональных рабочих крупных капиталистических предприятий.

Термин «предприниматели» тоже несет на себе неоднозначную нагрузку. С одной стороны, им обозначается класс капиталистов – тех, кто, обладая собственностью на средства производства, живет за счет прибавочной стоимости, получаемой в результате эксплуатации наемного труда. В конце XIX – начале XX в. в России их называли заводчиками, фабрикантами, торговцами, банкирами и др., использовали понятия «торгово-промышленный класс», «промышленный класс», а в отраслевом разрезе – «горнозаводчики», «сахарозаводчики» и т. д. При этом классовые организации этих групп именовали «предпринимательскими».

С другой стороны, термин «предпринимательство», в частности, в зарубежной историографии соотносится с инновационной деятельностью, а предпринимателями считают владельцев-менеджеров в сфере малого бизнеса и менеджеров-новаторов в более крупных организациях³. Для раннего периода предпринимателями считают владельцев мелких и средних заведений, соединяющих в своем лице функции собственника и управляющего, а нередко занятого и физическим трудом (например, мастер-ремесленник). По- существу, здесь речь идет о представителях среднего класса.

¹ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 16; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 72; Лаверычев В.Я. Численность, состав и размещение рабочего класса России в 1914–1917 гг. // Рабочий класс России 1907 – февраль 1917. М., 1982. С. 246.

² Яров С. Рабочие // Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 541.

³ См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М., 2004. С. 352; Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М., 1982.

Наиболее широким понятием с точки зрения сущностного многообразия, численного охвата различных групп населения является термин «мелкая буржуазия». В ее состав включается (начиная с В.И. Ленина) не только крестьянство, причем различные его социальные группы, но и мелкие предприниматели, служащие, интеллигенция и др. Характерной чертой мелкой буржуазии считается ее переходный, неустойчивый характер в социальной структуре общества, расслоение на пролетариат и буржуазию.

Фактическое признание идентичности между понятиями «буржуазия» и «капиталисты» – столь же обычное явление в литературе, как между терминами «пролетариат» и «рабочий класс». Между тем термин «буржуазия» связан с появлением в городах западных стран «третьего сословия», представителей которого (обладавших собственностью) называли бюргерами и противопоставляли как первым двум (дворянство, духовенство), так и четвертому, низшему, сословию работников. Признавая правомерным применение термина «буржуазия» к городским предпринимателям, купцам и промышленникам периода раннего капиталистического развития, ученые считают этот термин устаревшим по отношению к более позднему периоду, поскольку он скрывает различия между классом капиталистов и средним классом¹. В частности, по мнению зарубежных исследователей, со временем термин «мелкая буржуазия» стал использоваться «для обозначения класса людей, находящихся на границе как среднего, так и рабочего классов. Люди данного класса могут владеть средствами производства, но их доход является довольно низким, а условия работы – относительно плохими»². Отмечается, что мелкая буржуазия (предприниматели, сочетавшие исполнительский и управленческий труд) занимает реальную классовую позицию в обществе с рыночной экономикой, однако существует вне капиталистических отношений, в рамках простого товарного производства³.

Для понимания социальной структуры в России в начале XX в. значение имеет теория многоукладности⁴, согласно которой признается не только формирование классов ведущего, капиталистического уклада (капиталисты и наемные рабочие), но и сохранение многочисленных слоев, связанных с мелкотоварным производством (занятые в мелкой, в т. ч. кустарной промышленности, среднее крестьянство, связанное с рынком и др.), с патриархальным, в значительной мере натуральным хозяйством (беднейшее крестьянство), с отработочной системой на помещичьих землях.

Таким образом, «пролетариат» («полупролетариат»), «буржуазия», «мелкая буржуазия», «мелкие предприниматели» являются социальными слоями, которые связаны с ранним этапом переходного к капитализму общества. В свою очередь, рабочий класс, капиталисты, капиталистически ориентированные предприниматели

¹ *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. С. 48.

² Там же. С. 247; См. также: *Bechhofer F. and Elliott B.* (eds). *The Petite Bourgeoisie: Comparative studies of the Uneasy Stratum*. London, 1981.

³ *Wright E.O.* *Classes Counts Comparative Studies in class Analysis*. Cambridge, 1997.

⁴ Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972; *Сычев Н.В.* Многоукладная экономика (политико-экономическое исследование). М., 1999.

тели, новые средние слои, как часть формирующегося среднего класса, существуют в условиях развитого капитализма, определяют его лицо. Сосуществование тех и других классовых групп наряду с сословиями, ослабление сословного начала и противоречия формирующихся классов – свидетельства переходного характера общества от традиционного к индустриальному.

При существующих отличиях во взглядах исследователей общим становится признание незавершенности процессов классовобразования в России накануне революции 1917 г. В условиях мировой войны стратификация общества претерпела значительные изменения. При этом 1914–1916 и 1917–1918 гг. являлись в социально-экономическом отношении двумя существенно отличающимися друг от друга периодами.

Глава 3. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И РАБОЧИЕ

Известно, что формирование классов капиталистического общества представляло собой взаимосвязанный процесс. Применительно к предпринимателям, рабочим и служащим, занятым в фабрично-заводской промышленности, это можно проследить по материалам Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. Правда, данные о предпринимателях в прямом смысле слова в этих материалах отсутствуют. Однако подробные сведения о промышленных предприятиях (их численности, территориальном размещении, отраслевом составе, распределении по величине заведений) с известными оговорками можно использовать в качестве характеристики их владельцев. Что касается служащих, то материалы переписи впервые в российской промышленной статистике представляют их столь широко, как особую, отличную от рабочих социальную группу, занятую на фабриках и заводах¹.

Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. охватила 31 губернию Европейской России (на которые распространялась летом 1918 г. советская власть) и осуществлялась под руководством отдела переписи и статистики Высшего Совета народного хозяйства. Затем обработка материалов была произведена в Центральном статистическом управлении РСФСР под руководством известного статистика Н.Я. Воробьева, который предварил публикацию обширным введением с анализом имеющихся данных².

Переписи подлежали наиболее крупные фабрично-заводские предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности, отвечающие условиям следующего ценза: заведения, имеющие механический двигатель и не менее 16 рабочих, и заведения без механического двигателя с числом рабочих не менее 30 чел. Как

¹ См.: *Рашин А.Г.* Фабрично-заводские служащие в СССР (численность, состав, заработная плата). М., 1929.

² Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. I. Промышленная перепись. М., 1926. См. также: *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 г.) // Вестник статистики. 1923. Кн. XIV. № 4–6.

исключение, согласно инструкции, в перепись вошли все промышленные заведения, подчиненные акцизному надзору и горной инспекции, независимо от числа рабочих.

Всего переписью было зарегистрировано 9750 ценовых промышленных заведений, как действующих, так и бездействующих на 31 августа 1918 г. Профессиональная же перепись учитывала только те предприятия, которые на момент переписи имели у себя то или иное количество рабочих. Таких оказалось 6973 промышленных заведения, имевших 1 246 243 рабочих и служащих.

Материалы переписи имеют высокую ценность и достаточно представительны, что признавали как статистики из ЦСУ, обрабатывавшие материалы переписи, так и исследователи, которые их анализировали¹. В 1913 г. на территории, охваченной переписью, находилось 54,6 % общего числа фабрично-заводских предприятий и 68,9 % рабочих от всех рабочих 50 губерний Европейской России (без Польши, но включая Северный Кавказ и Закавказье)².

Динамика главнейших элементов промышленного производства (число заведений, рабочих и объем валовой продукции) представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика числа заведений, рабочих и валовой продукции, 1913–1918 гг.

Годы	Число заведений		В них рабочих		Валовая продукция, тыс. руб.		Годовая выработка в среднем на одного рабочего, тыс. руб.
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1913	7296	100,0	1377559	100,0	3509422,8	100,0	2,55
1914	7623	104,5	1441028	104,6	3660532,3	104,3	2,54
1915	7561	103,6	1527955	110,9	4198969,8	119,6	2,75
1916	7464	100,9	1649398	119,7	4355735,4	124,4	2,64
1917	7585	104,0	1743178	125,5	3032581,7	86,4	1,74
1918, 1-я пол.	7273	99,7	1416984	102,9	730313,0	20,8	0,50

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. М., 1926. С. 64; Табл. XXXIII. С. 374–413 (годовая выработка в среднем на одного рабочего подсчитана нами. – Н. И.).

Число заведений за время войны изменилось незначительно. Некоторый их рост наблюдался по 1917 г. включительно, а в первой половине 1918 г. произошло существенное падение. Число рабочих из года в год увеличивалось, в 1917 г. на четверть по сравнению с 1913 г., и только в первой половине 1918 г. сократилось, приблизившись к довоенному уровню. Наконец, валовая продукция, исчисленная в довоенных рублях, росла еще более быстрыми темпами до 1916 г. включительно, в 1917 г. по сравнению с предыдущим годом упала на 38 %, в 1918 г. составила только 20,8 % от довоенного уровня. Годовая выработка в среднем на одного рабочего росла до 1916 г. включительно, в 1917 и особенно в 1918 г. резко снизилась.

¹ «Вестник статистики». 1919. № 1. С. 138; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 354; Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры (опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М., 1975. С. 43.

² Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. М., 1926. С. 9.

В табл. 3 промышленные предприятия и рабочие представлены по губерниям, которые расположены в нисходящем порядке по числу рабочих в действующих заведениях. Кроме того, специально выделены Москва и Петроград, игравшие, как известно, особую роль в социально-экономическом и политическом развитии России до и в ходе революции.

Московская губерния, прежде всего благодаря Москве (здесь находилось $\frac{2}{3}$ заведений губернии), сосредоточивала самое большое число заведений (а значит и предпринимателей) – 1742, составлявших около 18 % учтенного в ходе переписи их общего количества. Из-за высокой концентрации текстильных фабрик еще более значительным здесь был отряд рабочих – свыше 30 % рабочих всех действовавших на день переписи предприятий. При этом самые крупные фабрики находились не в Москве, а в уездах губернии, о чем свидетельствует сосредоточение здесь 64,7 % рабочих губернии. В других примыкающих к Московской губерний Центрального промышленного района (Иваново-Вознесенская, образованная после Октябрьской революции 1917 г. из текстильных районов Владимирской и Костромской губернии, собственно Владимирская и Костромская губерний, а также Нижегородская, Тверская, Ярославская, Тульская) сосредоточивалось в совокупности 21,3 % предприятий и 36,9 % рабочих.

Таблица 3

Распределение заведений и рабочих на 31 августа 1918 г. по губерниям

№ п/п	Губернии	Число всех заведений		В том числе действовало 31 августа 1918 г.				
		абс.	%	Число заведений	В т. ч. с данными о рабочих	Рабочих в них		Среднее число рабочих на заведение
						абс.	%	
1	Московская, в т. ч. Москва	1742	17,9	1281	1236	357462	30,4	434,8
		1139	11,7	927	895	130249	11,1	145,5
2	Петроградская, в т. ч. Петроград	769	7,9	499	461	139290	11,9	302,1
		595	6,1	442	409	127798	10,9	312,5
3	Иваново-Вознесенская	240	2,5	156	156	142124	12,2	913,0
4	Владимирская	398	4,1	215	210	103410	8,8	492,4
5	Тверская	207	2,1	149	145	52164	4,4	359,8
6	Нижегородская	544	5,6	362	314	50429	4,3	146,6
7	Вятская	165	1,7	121	113	34288	2,9	303,4
8	Ярославская	240	2,5	128	127	33443	2,8	263,3
9	Тульская	291	2,9	132	123	29893	2,5	243,0
10	Орловская	324	3,3	154	149	23094	2,0	155,0
11	Рязанская	199	2,0	104	98	22871	1,9	233,4
12	Тамбовская	306	3,1	172	159	18694	1,6	117,6
13	Казанская	200	2,0	130	121	18384	1,6	151,9
14	Костромская	164	1,7	77	75	16264	1,4	216,9
15	Самарская	577	5,9	457	328	15169	1,3	35,4
16	Саратовская	847	8,7	648	636	14928	1,3	23,5
17	Новгородская	159	1,6	87	87	14129	1,2	162,4
18	Калужская	152	1,6	79	70	13070	1,1	186,7

№ п/п	Губернии	Число всех заведений		В том числе действовало 31 августа 1918 г.				
				Число заведений	В т. ч. с данными о рабочих	Рабочих в них		Среднее число рабочих на заведение
		абс.	%			абс.	%	
19	Ульяновская*	339	3,5	190	179	12317	1,0	68,8
20	Смоленская	283	2,9	102	95	11894	1,0	125,2
21	Астраханская	223	2,3	194	193	11415	1,0	59,1
22	Пензенская	254	2,6	95	92	9254	0,8	100,6
23	Курская	273	2,8	148	139	7453	0,6	53,6
24	Гомельская	323	3,3	118	114	4490	0,4	39,4
25	Витебская	176	1,8	88	81	3553	0,3	43,9
26	Северо-Двинская	29	0,3	17	16	3118	0,3	194,9
27	Вологодская	47	0,5	31	27	3063	0,3	113,8
28	Воронежская	78	0,8	46	46	3001	0,2	65,2
29	Череповецкая	50	0,5	25	24	2026	0,2	84,4
30	Олонекская	35	0,4	16	15	1933	0,2	128,9
31	Псковская	116	1,2	45	41	1248	0,1	30,4
	Всего	9750	100,0	6066	5800	1174181	100,0	202,4

* До 1924 г. – Симбирская губерния.

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. С. 16.

Вторым крупным районом сосредоточения промышленности был Петроградский, включавший вместе с Петроградом 769 заведений (предпринимателей), т. е. 7,9 %, и 139 290 рабочих (11,9 % их общего учтенного числа). При этом в Петрограде находилось 77,3 % заведений и 91,9 % рабочих губернии.

В целом очевидна неравномерность распределения фабрично-заводской промышленности по территории России и связанных с этой промышленностью социальных групп населения. Подтверждается и исключительная роль Москвы и Петрограда в социально-экономической структуре страны. Эти два города по совокупному числу предприятий (и их владельцев) давали 17,8 %, рабочих – 22 % общего числа. Также следует учитывать, что в столицах находились конторы многих расположенных в других губерниях заведений, акционерных обществ, торговых домов, коммерческих банков и т. п., это заметно увеличивало численность находящегося здесь предпринимательского класса.

Переходя к вопросу о распределении предприятий и рабочих по группам производств, необходимо учитывать, что при обработке материалов переписи предприятия были сгруппированы по отраслям согласно классификации, принятой комиссией при ЦСУ и отличавшейся от группировки довоенного периода. Эта группировка использована в табл. 4. Группы производств расположены в нисходящем порядке по числу рабочих в них.

Таблица 4

**Распределение числа заведений и рабочих по группам производств
на 31 августа 1918 г.**

Группы производств	Число всех заведений		В т. ч. действовало на 31 августа 1918 г.				
	абс.	%	Число заведений	С данными о рабочих	Рабочих в них		Среднее число рабочих на одно заведение
					абс.	%	
XVI. Обработка хлопка	463	4,7	335	332	456603	38,9	1375,3
X. Производство машин, инструментов и аппаратов	574	5,9	476	458	198 201	16,9	432,8
XVII. Обработка шерсти	242	2,5	184	180	67428	5,7	374,6
XIII. Производство пищевых продуктов и напитков	3285	33,7	1631	1539	60876	5,2	39,6
XIX. Обработка льна	107	1,1	76	74	57171	4,9	772,6
XII. Химическая промышленность	396	4,1	276	268	46366	3,9	173,0
XIII. Горная и горнозаводская промышленность	275	2,8	155	150	41215	3,5	274,8
XXII. Одежда и туалет	447	4,6	318	303	40019	3,4	132,1
XXIV. Полиграфические производства	600	6,2	581	554	39488	3,4	71,3
VII. Добывание и обработка камней, земель и глин	573	5,9	198	182	38835	3,3	213,4
XV. Кожевенная и меховая промышленность	717	7,4	622	606	25430	2,2	42,0
IX. Металлообрабатывающая промышленность	434	4,4	330	317	24294	2,1	76,6
XI. Обработка дерева	1006	10,3	441	414	22407	1,9	54,1
XXIII. Обработка бумаги	216	2,2	149	145	20423	1,7	140,8
XVIII. Обработка шелка	90	0,9	53	52	13946	1,2	268,2
XX. Обработка пеньки и прочих волокнистых веществ	77	0,8	48	47	8313	0,7	176,9
XXVI. Производство и передача физических сил и водоснабжение	1-5	1,0	102	89	8080	0,7	90,08
XXI. Производства по обработке смешанных волокнистых веществ	39	0,4	18	18	1819	0,2	101,1
XXV. Художественная и прикладная научная промышленность	46	0,5	31	30	1701	0,1	56,7
XIV. Обработка твердых материалов животного происхождения	58	0,6	42	42	1566	0,1	37,3
Всего	9750	100,0	6066	5800	1174181	100,0	202,4

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. С. 18.

По числу заведений первое место занимало производство пищевых продуктов и напитков, объединявшее 3285 (33,7 %) всех заведений, зарегистрированных переписью. На втором месте находились предприятия деревообрабатывающей промышленности ($\frac{1}{10}$ часть всех заведений). Значительное число заведений было учтено в производствах по обработке кожи – 717 (7,4 %), полиграфической промышленности – 600 типографий и т. п. (6,2 % от всех заведений района переписи). Эта отрасль сосредоточивалась преимущественно в Петрограде и Москве. Перечисленные производства охватывали более половины учтенных заведений, которые, однако, в большинстве своем были мелкими, имея в среднем на предприятие от 39,6 до 71,3 чел.¹

По общему числу рабочих предприятия располагались по-иному. На первом месте оказывалась хлопчатобумажная промышленность, имевшая 456 603 рабочих (38,9 % их общего учтенного количества). В этой высококонцентрированной отрасли в среднем приходилось на одно предприятие 1375,3 чел. За ней следовала машиностроительная промышленность, имевшая 198 201 рабочих (16,9 % общего числа) и 432 рабочего на заведение. На третьем месте оказывалось производство шерсти, затем пищевая, льнообрабатывающая, химическая отрасли, изготовление одежды и предметов туалета. В середине этого ряда находилась горная и горнозаводская промышленность, объединявшая 41 215 рабочих (3,5 % их общего числа). На одно предприятие здесь приходилось в среднем 274,8 чел. В целом текстильные, металлообрабатывающая и пищевая отрасли промышленности сосредоточивали 66,4 % учтенных переписью рабочих.

Материалы переписи 1918 г. свидетельствуют о влиянии войны и революции 1917 г. на промышленное и социальное развитие. Во-первых, из общего числа фабрик и заводов, значащихся по переписи, действовало только 62,2 %, в то время как более трети (37,8 %) прекратили деятельность. В свою очередь, полностью работавших предприятий было немногим более половины (54,1 %), остальные действовали частично.

Наблюдались отличия и в ходе самих производственных процессов. Для заводов и фабрик, интенсивно работавших «на оборону» (по терминологии того времени), был характерен общий рост продукции, численности рабочих и производительности труда (количества продукции на одного рабочего), который обуславливался устойчивостью состава рабочей силы (что было связано с привилегиями, распространявшимися на эти отрасли промышленности в виде освобождения работников от военной службы). В целом характерные для кризисных периодов явления (сокращение производства, числа предприятий и рабочих) усугублялись и деформировались под влиянием войны и революции.

По мнению Н.Я. Воробьева, одной из главных причин кризиса большинства отраслей промышленности, начавшегося в ходе мировой войны, являлась «деформация рабочей силы в количественном, главным же образом в качественном ее составе, в результате чего получилось падение продуктивности на одного рабочего»². В свою очередь А.Л. Сидоров считал, что «падение продуктивности труда рабочих

¹ Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. М., 1926. С. 17, 19.

² Там же. С. 49.

было лишь выражением и следствием общего экономического расстройтва, которое охватило все отрасли промышленности и выразалось в нарушении правильного и достаточного снабжения производства материалами и инструментами... при наличии рабочих и машин предприятия стояли, железные дороги не подвозили топливо, руду, отсутствовали такие элементы производственного процесса, без которых останавливались все предприятия»¹.

Скорее всего имели значение и те, и другие факторы. Во всяком случае перепись 1918 г. (как, впрочем, и иные источники этого периода) показывает рост применения женского труда во всех отраслях промышленности: если в 1913 г. женщины составляли в среднем 38,7 %, то в 1918 – 44,8 %, на сто мужчин-рабочих вместо 63 женщин в 1913 г. приходилось в 1918 г. – 81,2. Приток женщин привел к сокращению производимой продукции на одного рабочего.

Изменился и возрастной состав рабочих: произошло сокращение взрослых мужчин и замена их подростками и малолетними. При этом наиболее устойчивым состав взрослых мужчин (с 17 лет и старше) оказался в производствах, выполнявших военные заказы. Сокращение числа взрослых мужчин продолжалось до 1916 г., с 1917 наблюдался новый рост, что привело в 1918 г. к достижению довоенного уровня, т. е. в условиях революции часть рабочих начала возвращаться из армии к станкам.

Однако сопоставление по более дробным возрастным группам показывает, что на войну была отвлечена из промышленности наиболее сильная и здоровая часть мужчин. Так, например, в фабрично-заводской промышленности Московской губернии рабочих-мужчин в возрасте 20–39 лет в 1908 г. было 60 чел. на каждую сотню, а в 1918 г. это число сократилось до 41,9, т. е. примерно треть их ушла на войну. Этот контингент заменялся малолетними (12–14 лет), подростками (15–19 лет) и особенно лицами 40–59 лет (доля которых увеличилась с 21,4 до 34,8 %) и старше².

Продолжительность рабочего года в среднем по всем группам производств возросла с 264 дней в 1913 до 268 в 1916 г. и уменьшилась до 249 (на 15 дней) в 1917 г. Средняя продолжительность рабочего дня (см. табл. 5) под влиянием революционных событий 1917 г. уменьшилась с 9,8 до 8 час. Кроме того, если в довоенный период рабочий день в девяти группах производств составлял 10 и более час. и только в одной (производство и передача физических сил и водоснабжение) – 8,6 час., то в 1917 г. практически повсеместно был установлен 8-часовой рабочий день. Лишь в группе VIII (горная и горнозаводская промышленность) и XX (производства по обработке пеньки и прочих волокнистых веществ растительного происхождения) рабочий день немного превышал 8-часовой отметку, в группе XIV (обработка твердых материалов животного происхождения) и XXVI (энерго- и водоснабжение) составлял менее 8 час.

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 422.

² Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. С. 51.

Средние производственные показатели по группам производств в непрерывно действовавших в 1913–1918 гг. предприятиях

Группы производств	Среднее число проработанных дней на одного рабочего			Средняя продолжительность рабочего дня, час.		Валовая средняя годовая выработка на одного рабочего в руб. (в ценах 1913 г.)		Выработка средняя, один человеко-день, руб. (в ценах 1913 г.)	
	1913	1916	1917	1913	1917	1913	1917	1913	1917
VII	280	266	259	9,6	8,0	901	597	3,21	2,30
VIII	229	217	217	10,9	8,8	1258	623	5,50	2,88
IX	268	280	246	10,0	8,0	3319	2447	14,06	9,96
X	277	294	277	9,9	8,0	1823	1632	6,58	5,88
XI	238	241	240	10,0	8,0	1945	969	8,16	4,03
XII	284	296	285	9,6	8,0	5729	5260	20,14	18,47
XIII	192	179	147	10,4	8,1	3780	1824	19,82	12,43
XIV	286	283	279	10,9	7,8	6474	5005	22,62	17,93
XV	272	286	275	10,0	8,0	2935	2098	10,78	7,62
XVI	266	266	240	9,7	8,0	2218	1245	8,32	5,16
XVII	270	274	265	9,7	8,0	2245	1515	8,44	5,70
XVIII	265	268	246	9,8	8,0	1416	997	5,57	4,06
XIX	275	275	263	9,9	8,0	1343	927	4,88	3,52
XX	265	272	263	10,2	8,3	2016	1608	7,61	6,12
XXI	266	257	267	10,0	8,0	2700	2265	10,15	8,75
XXII	266	277	270	10,0	8,0	1688	2180	6,34	8,08
XXIII	311	311	295	9,0	8,0	2317	1570	7,44	5,33
XXIV	278	280	276	9,0	8,0	1689	1426	6,07	5,16
XXV	277	274	257	9,9	8,0	1550	812	5,59	3,15
XXVI	355	361	359	8,6	7,9	5732	5673	16,13	15,79
Итого	264	268	249	9,8	8,0	2349	1690	8,93	6,79

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. I. Табл. XVI, XVII. С. 162–163.

Промышленная и профессиональная перепись 1918 г. показала, что в связи с развитием фабрично-заводской промышленности в России сложилось ядро предпринимательского и рабочего классов. Ко времени революции процесс их формирования имел довольно длительную историю. Перепись показала преобладание собственников мелких предприятий и сосредоточение основных капиталов в руках крупных владельцев, ориентацию большинства предпринимателей на легкую (пищевая, текстильная, деревообрабатывающая, кожевенная) промышленность, связанную с производством товаров широкого потребления, и слабое развитие машиностроения. В годы войны тяжелая промышленность вышла на первый план, однако она работала главным образом на оборону, поддерживалась правительством, в то время как отрасли легкой промышленности не имели такой поддержки, а ослабление рыночных отношений при расширяющемся регулировании экономики, ее развал добавляли новые противоречия в среду предпринимательского класса.

Отчетливо проявилась неравномерность не только отраслевого развития, но и территориального размещения промышленности – высокая степень ее концентрации в Петрограде, Москве и Московской губернии, а также губерниях Центрального промышленного района. В условиях войны подобное размещение не претерпело существенных изменений, которые были связаны в основном с занятием ряда территорий вначале войсками противника, а позже оказались под контролем Белого движения.

Численный рост до 1917 включительно, а затем сокращение количества рабочих в 1918 г. обуславливались влиянием войны и революционными преобразованиями. В силу особенностей промышленного производства и класса предпринимателей, как и до войны, основной контингент рабочих концентрировался на крупных и крупнейших предприятиях. Другие параметры, связанные с составом класса (более широкое применение женского труда, привлечение на производство работников молодых и старших возрастов вместо ушедших в армию), снижали общую квалификацию рабочих, вели к уменьшению производительности труда. В неравном положении оказывались рабочие оборонных предприятий, освобожденные от призыва в войска, и большинство остальных рабочих, не имевших таких льгот.

Глава 4. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ СЛУЖАЩИЕ

Еще одним показателем экономического и социального развития являлось выделение в статистических материалах переписи 1918 г. категории фабрично-заводских служащих, их количественная и качественная характеристика по аналогичным с рабочими параметрам. Значение этих материалов возрастает благодаря тому, что в фабричной статистике служащие включались в одну группу с рабочими. Между тем по мере развития крупной промышленности служащие формируются как особая социальная группа, которую исследователи относят к категории «новых» средних слоев. Специалисты связывают увеличение числа служащих и передачу собственниками предприятий высшим из них управленческих функций с ростом технического оснащения предприятий, переходом от единоличного к ассоциированному владению (создание товариществ, акционерных обществ), усложнением финансовой системы, расширением торговой сети крупных компаний, созданием особых контор для централизованного управления несколькими принадлежавшими владельцу фабриками и т. д.¹

При учете наемных работников и сводке в ЦСУ данных профессиональной переписи 1918 г. эти лица были отнесены к рабочим или служащим, а также к различным категориям служащих «в зависимости от квалификации, принятой в списках фабрично-заводских контор»². В составе самих служащих выделялись три

¹ См.: *Пак М.Е.* Служащие московских промышленных предприятий в конце XIX – начале XX века // Отечественная история. 2006. № 2. С. 31.

² Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. // Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. II. Профессиональная перепись. М., 1926. С. VI.

основных категории: 1) директора и управляющие; 2) технический персонал; 3) прочие служащие. Под директором и управляющим понимались лица, стоящие во главе управления, причем по крупным предприятиям к этой категории относились технические и коммерческие директора, управляющие хозяйственной частью и т. п. Эта категория по характеру деятельности (административной) и размеру жалования примыкала к предпринимательскому слою.

Техническим персоналом считались помощники директоров и все остальные технические руководители, до цеховых мастеров и их помощников, а также все лица, обладающие технической подготовкой и занятые наблюдением за отдельными техническими операциями заведения. Под прочими служащими понимались все лица, которые фабричным управлением не относились к числу рабочих. Нередко они тесно примыкали к рабочим и были трудно отделимы от них.

Распределение служащих по губерниям и группам производств во многом аналогично размещению рабочих (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение фабрично-заводских служащих по губерниям по данным профессиональной переписи 1918 г.

№ п/п	Губернии и города	Число служащих						На 100 рабочих приходилось служащих
		Всего		В том числе				
		чел.	%	Мужчин		Женщин		%
				чел.	%	чел.	%	
1	Астраханская	1418	1,4	1274	89,9	144	10,1	11,5
2	Витебская	568	0,5	473	83,3	95	16,7	70,0
3	Владимирская	6960	6,7	6171	88,7	789	11,3	5,9
4	Вологодская	478	0,5	416	87,0	62	13,0	12,7
5	Воронежская	736	0,7	641	87,1	95	12,9	10,3
6	Вятская	1517	1,5	1375	90,6	142	9,4	9,2
7	Гомельская (Могилевская)	522	0,5	474	90,8	48	9,2	7,7
8	Иваново-Вознесенская	7457	7,2	6933	93,0	524	7,0	5,3
9	Казанская	1842	1,8	1476	80,1	366	19,9	8,0
10	Калужская	1637	1,6	1391	85,0	246	15,0	9,1
11	Костромская	1237	1,2	1085	87,7	152	12,3	6,5
12	Курская	2279	2,2	1985	87,1	294	12,9	12,6
13	Московская	12226	11,7	9727	79,6	2499	20,4	5,7
14	г. Москва	16002	15,4	12207	76,3	3795	23,7	11,5
15	Нижегородская	6585	6,3	5345	81,2	1240	18,8	11,2
16	Новгородская	1322	1,3	1156	87,5	166	12,5	8,5
17	Олонецкая	173	0,2	148	85,6	25	14,4	8,6
18	Орловская	2689	2,6	2183	81,2	506	18,8	11,1
19	Пензенская	839	0,8	736	87,7	103	12,3	8,3
20	Петроградская	1133	1,1	917	80,9	216	19,1	9,8
21	г. Петроград	11600	11,1	7947	68,5	3653	31,5	9,8

Окончание табл. 6

№ п/п	Губернии и города	Число служащих						На 100 рабочих приходилось служащих
		Всего		В том числе				
				Мужчин		Женщин		
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	
22	Псковская	149	0,1	127	85,2	22	14,8	8,5
23	Рязанская	2256	2,2	1988	88,1	268	11,9	6,4
24	Самарская	2813	2,7	2593	92,2	220	7,8	12,5
25	Саратовская	2901	2,8	2632	90,7	269	9,3	11,6
26	Симбирская	1798	1,7	1664	92,6	134	7,4	9,6
27	Смоленская	1366	1,3	1147	84,0	219	16,0	9,4
28	Северо-Двинская	230	0,2	202	87,8	28	12,2	6,5
29	Тамбовская	2029	1,9	1784	87,9	245	12,1	9,3
30	Тверская	3541	3,4	3089	87,2	452	12,8	7,9
31	Тульская	4772	4,6	4548	95,3	224	4,7	13,8
32	Череповецкая	234	0,2	211	90,2	23	9,8	9,7
33	Ярославская	2666	2,6	2262	84,8	404	15,2	6,6
	Итого	103975	100	86307	83,0	17668	17,0	8,3

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. II. Профессиональная перепись. М., 1926. Табл. I. С. 3 (проценты подсчитаны нами. – Н. И.).

В Москве и Петрограде находилось 15,4 и 11,1 % соответственно всего числа учтенных на 1918 г. служащих. Высокая доля (11,7 %) была в Московской губернии (без Москвы). Из других территорий выделяются Иваново-Вознесенская (7,2 % служащих), Владимирская (6,7 %), Нижегородская (6,3 %), Тульская (4,6 %) промышленные губернии. В среднем по всем губерниям служащие составляли 8,3 %, в то время как рабочие – 91,7 % всех наемных работников.

Соотношение рабочих и служащих по губерниям во многом определялось отраслевым составом промышленности (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение служащих по группам производств в 1918 г.

Группы производств	Общее число служащих						Состав по возрасту, в %*		
	Мужчины		Женщины		Оба пола		мало-летние	под-ростки	взрос-лые
	чел.	%	чел.	%	чел.	%			
VII. Добывание и обработка камней, земель и глин	3373	87,4	487	12,6	3860	3,7	1,2	4,5	94,3
VIII. Горная и горнозаводская промышленности	3670	87,1	544	12,9	4214	4,1	1,3	5,1	93,6
IX. Металлообрабатывающая промышленность	2657	87,2	391	12,8	3048	2,9	1,9	5,4	92,7

Группы производств	Общее число служащих						Состав по возрасту, в %*		
	Мужчины		Женщины		Оба пола		мало-летние	под-ростки	взрос-лые
	чел.	%	чел.	%	чел.	%			
X. Производство машин, инструментов и аппаратов	17876	83,0	3652	17,0	21528	20,7	0,8	3,1	96,1
XI. Обработка дерева	3173	93,3	229	6,7	3402	3,3	0,6	2,5	96,9
XII. Химическая промышленность	5989	77,5	1734	22,5	7723	7,4	0,4	2,7	96,9
XIII. Производство пищевых продуктов и напитков	10974	87,5	1563	12,5	12537	12,1	0,4	2,4	97,2
XIV. Обработка твердых материалов животного происхождения	281	96,9	39	3,1	290	0,3	–	0,3	99,7
XV. Кожевенная и меховая промышленность	1637	88,9	205	11,1	1842	1,8	1,9	2,6	96,5
XVI. Обработка хлопка	20450	83,3	4100	16,7	24550	23,6	1,1	5,7	93,2
XVII. Обработка шерсти	3088	88,0	421	12,0	3509	3,4	1,4	5,3	93,3
XVIII. Обработка шелка	590	84,3	110	15,7	700	0,7	0,5	4,3	95,2
XIX. Обработка льна	2699	87,9	371	12,1	3070	3,0	1,6	5,3	93,1
XX. Обработка пеньки и прочих волокнистых веществ	394	90,4	42	9,6	436	0,4	0,2	4,1	95,7
XXI. Производства по обработке смешанных волокнистых веществ	172	85,6	29	14,4	201	0,2	–	3,7	96,3
XXII. Одежда и туалет	2226	66,6	1117	33,4	3343	3,2	0,5	3,1	96,4
XXIII. Обработка бумаги	1696	84,5	312	15,5	2008	1,9	1,1	4,2	94,7
XXIV. Полиграфические производства	2936	68,3	1364	31,7	4300	4,1	0,7	2,4	96,9
XXV. Художественная и прикладная научная промышленность	404	75,4	132	24,6	536	0,5	2,2	1,8	96,0
XXVI. Производство и передача физических сил и водоснабжение	2022	71,0	826	29,0	2848	2,7	0,1	1,6	98,3
По всем группам	86307	83,0	17668	17,9	103975	100,0	0,9	3,9	95,2

* Учтено 98 509 чел.

Источник: Труды ЦСУ Т. XXVI. Вып. 2. Табл. II. С. 4–5; Табл. XIV. С. 84–89 (проценты подсчитаны нами – Н. И.).

В общем числе служащих более половины (56,4 %) трудилось в трех отраслях промышленности – машиностроительной, хлопкообрабатывающей и пищевой. В первых двух концентрировалось более чем по 20 % служащих, в пищевой – 12,1 %. Это были наиболее развитые и представительные по объемам производства и числу рабочих отрасли российской промышленности. Во всех губерниях и группах производств число служащих-мужчин существенно превышало количество женщин. Высокой долей женщин-служащих отличались Москва (23,7 %) и Петроград (31,5 %). 20-процентную отметку превышала также Московская губерния. В среднем по всем группам производств мужчин среди служащих было 83, женщин – 17 %. Это соотношение заметно отличало их от рабочих, в числе которых, как отмечалось выше, мужчины составляли 55,2, а женщины – 44,8 %.

Труд детей и подростков среди служащих тоже использовался гораздо реже, чем у рабочих. Из учтенных переписью служащих малолетних до 15 лет было 0,9 %, подростков от 15 до 17 лет – 3,9 %, взрослых в возрасте от 17 лет и старше – 95,2 %. Между тем, по данным фабричной инспекции на 1917 г., среди всех учтенных ею рабочих (более 2 млн чел.) малолетних было 2,4, подростков – 11,6 %¹.

Половой и возрастной состав служащих во многом обуславливался характером их труда, необходимостью иметь образование, профессиональную подготовку. Не случайно среди служащих грамотных (умевших хотя бы только читать на каком-либо языке) было 98,9 %, тогда как рабочие имели грамотных всего 64 %.

Среди директоров и управляющих высшее образование в России и за границей получили 39,7 %, среди технического персонала – 12,3 %, прочих служащих – всего 0,3 %. Технический персонал имел в основном низшее и среднее техническое образование, остальные категории служащих – преимущественно низшее. Из общего числа учтенных служащих насчитывалось 495 иностранных подданных (4,4 %), в т. ч. 129 директоров и управляющих и 245 технических служащих. Они приехали из Англии (109 чел.), Франции (103 чел.), Австрии (71 чел.), Германии (61 чел.), Бельгии (38 чел.) и других, не обозначенных в источнике стран (114 чел.)². Вообще удельный вес нерусских народностей среди служащих был более высоким, чем у рабочих. Тем не менее русский язык считали родным 85,3 % служащих и 90,1 % рабочих.

Важным показателем социального положения служащих, как и рабочих, являлась связь с землей³. До революции имели землю 16,1 % служащих, вели хозяйство с помощью членов семьи 8,6 %. Число служащих, уходивших на полевые работы (преимущественно в свое хозяйство), и ранее, и в 1917 г. составляло менее процента. Существовали и гендерные отличия. Женщины-служащие, нанимавшиеся на работу в промышленность, были более свободны от земли (82,9 % из них не имели земли на день переписи), чем мужчины (72,3 %). До революции 1917 г. только 5,2 % женщин имели землю, в то время как среди мужчин – 18,4 %. Среди служащих Москвы доля имевших землю до революции составляла 17,5 % (превышая средний показатель по всем губерниям), в то время как Петрограда – всего 7,5 % (более чем в два раза ниже).

¹ Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. I. С. 39.

² Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. Табл. 4. С. 101.

³ Там же. Вып. 2. Табл. XXVI–XXXI.

Рабочие, учтенные переписью 1918 г., были связаны с землей сильнее, чем служащие: среди рабочих всех отраслей до революции 1917 г. имели землю в среднем 27 %, вели хозяйство с помощью членов семьи 18 %. Но доля уходивших на полевые работы среди рабочих была так же мала, хотя и выше, чем у служащих. Женщины-работницы (как и служащие) были слабее связаны с землей, чем мужчины. Особенно существенные отличия наблюдались между рабочими Москвы и Петрограда. Среди первых имели землю 32,3 %, вело хозяйство при помощи членов семьи 18,8 %. У питерских рабочих аналогичные цифры были существенно ниже – 14,6 % и 7 % соответственно. Меньше была у рабочих Петрограда и доля уходивших на полевые работы.

Авторы, которые осуществили обработку первичных материалов профессиональной переписи 1918 г., пришли к выводу, что связь рабочих с деревней отражала преимущественно их крестьянское происхождение, но «не означала экономически прочной связи с крестьянским хозяйством и не могла служить критерием социальной дифференциации пролетариата»¹. Следует при этом отметить, что в первой половине 1918 г. в связи с демобилизацией промышленности, сокращением и закрытием многих предприятий увольнялись и отправлялись в деревню рабочие, имевшие там хотя бы какие-то средства существования. Это не могло не сказаться на сокращении числа рабочих, связанных с деревней, при проведении переписи 1918 г.

В целом категория фабрично-заводских служащих заметно отличалась от рабочих по ряду параметров. Однако лишь в лице директоров и управляющих служащие противостояли рабочим, как, впрочем, и остальным категориям служащих. Технический персонал был связан с рабочими в процессе производства, хотя и выполнял в известной мере руководящие функции. Основная же масса – низшие служащие, составлявшие до 80% их общего числа, тесно примыкала к рабочим по своему социальному (наемные работники) и материальному положению, хотя и занималась нефизическим трудом.

Показателем степени формирования классов являются данные об их организациях. Уже в периоды революции 1905–1907 гг. и нового подъема рабочего движения 1912–1914 гг. происходил быстрый рост организованности рабочих и служащих, в частности, с помощью профессиональных союзов. В 1917 г. процессы организации различных слоев населения многократно усилились в результате широкой демократизации общества, а также расширившихся возможностей достижения ощутимых результатов с помощью самых различных общественных организаций. Число рабочих, занимавших общественные должности, более чем вдвое превосходило количество служащих, но по удельному весу в общем составе этих категорий работников, служащие (11,3 %) заметно превосходили рабочих (2,6 %). При этом у тех и других преобладающее число занимали общественные должности на выборной основе и малую долю – по назначению².

Сведения о численности членов профсоюзов в 1917–1918 гг. по губерниям представлены в табл. 8. Количественный рост профсоюзов и их участников наблюдался во всех губерниях, максимум достигнут во второй половине 1918 г. –

¹ Дробижев В.З., Соколов О.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 206–207.

² Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 2. Табл. XLI–XLIV.

1126 профсоюзов и 2 309 089 членов, что превосходило организованность 1917 г. в 3,3 раза (по количеству членов). При этом особенно высокий уровень организованности в Московской и Петроградской губерниях подтверждается и этими данными. В первой половине 1917 г. здесь было немногим более 200 тыс. членов профсоюзов, а начиная со второй половины того же года – около миллиона. Во второй половине 1918 г. число профсоюзов этих городов составляло 9,3 % от общего учетного их числа, а количество членов – 39,3 %.

Таблица 8

**Численность членов профессиональных союзов в 1917–1918 гг. (по губерниям)
по сведениям ЦСУ РСФСР**

№ по порядку	Наименование губсоветов	1917 г.				1918 г.			
		1-я половина года		2-я половина года		1-я половина года		2-я половина года	
		Число союзов	Число членов	Число союзов	Число членов	Число союзов	Число членов	Число союзов	Число членов
1	Архангельский	–	–	–	–	6	13 449	нет сведений	
2	Астраханский	–	–	2	4830	4	12816	9	46148
3	Брянский	–	–	–	–	–	–	–	–
4	Витебский	3	5126	4	5195	4	5280	6	6899
5	Владимирский	4	5066	14	22610	42	121914	53	136819
6	Вологодский	3	527	4	697	6	787	20	10771
7	Волынский	–	–	–	–	–	–	–	–
8	Воронежский	7	3151	13	8674	23	15348	35	27166
9	Вятский	11	13308	15	13635	21	18303	23	19346
10	Гомельский	–	–	–	–	3	241	4	477
11	Донецкий	–	–	–	–	–	–	–	–
12	Донской	–	–	7	43617	18	50608	10	53708
13	Екатеринбургский	–	–	–	–	–	–	–	–
14	Екатеринославский	6	22145	15	70938	17	72378	18	86950
15	Енисейский	–	–	–	–	–	–	–	–
16	Иваново- Вознесенский	1	207	10	37110	23	88413	43	155445
17	Иркутский	–	–	–	–	20	7150	20	7150
18	Казанский	9	25903	10	27792	11	30642	12	43308
19	Калужский	–	–	–	–	11	3870	14	13932
20	Киевский	27	61738	28	63012	30	65277	30	64229
21	Костромской	16	16488	18	20202	28	27014	29	28645
22	Кубанский	1	833	2	1823	2	1823	3	2123
23	Курский	1	323	7	2416	29	14800	35	18073
24	Минский	2	1944	2	1944	2	1944	4	3138

№ по порядку	Наименование губсоветов	1917 г.				1918 г.			
		1-я половина года		2-я половина года		1-я половина года		2-я половина года	
		Число союзов	Число членов						
58	Челябинский	–	–	–	–	–	–	–	–
59	Череповецкий	–	–	1	191	2	5191	2	5214
60	Черниговский	–	–	–	–	–	–	1	500
61	Ярославский	31	37222	36	42312	50	69525	61	79360
	Всего:	349	693278	554	1653560	866	1946235	1126	2309089

Источник: Статистический ежегодник. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 2. М., 1922. С. 160.

Распределение членов профсоюзов по производственным объединениям подтверждает известную и по довоенному периоду высокую организованность металлистов, преобладание среди всех отрядов рабочих текстильщиков, что соответствовало их месту в общей численности рабочих. Вслед за ними и металлистами шли транспортные, строительные, горные рабочие, пищевики. Среди служащих на первом месте во второй половине 1918 г. оказываются совработники (служащие советских учреждений), составлявшие 11,2 % всех членов профсоюзов. Заметное место занимали муниципальные и медицинские работники, «домовые служащие»¹.

Фабрично-заводские служащие представляли собой одну из быстро растущих и наиболее сформировавшихся категорий «новых» средних слоев. Их деятельность была обусловлена передовыми формами промышленного производства, эта группа развивалась параллельно с формированием индустриального отряда рабочего класса. Не случайно эти две категории наемного труда имели ряд общих черт, связанных с отраслевым и территориальным размещением, концентрацией на наиболее крупных предприятиях, контактами в ходе производственной деятельности и др.

Вместе с тем служащие заметно отличались от рабочих по характеру труда, (нефизический, управленческий и умственный труд), по более высокому уровню образования, меньшей доле женщин, детей и подростков, меньшей связи с землей и деревенским хозяйством и другим, показательным для классовой группы, характеристикам.

¹ См.: Статистический ежегодник. Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 2. С. 361; Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. Сб. материалов и документов. М., 1964. С. 358–361.

Глава 5. МОСКВА И ПЕТРОГРАД

Помимо индустриализации процессам классового образования способствовала урбанизация, что прослеживается на примере крупных российских городов. Городское население в Российской империи было немногочисленно. В 1897 г. оно составляло 16,8 млн чел. (13,4 % жителей страны), 1913 – 26,3 млн (15 %), 1916 – около 25 млн (14,7 %)¹. Тем более существенной была роль городов, большинство которых в начале XX в. представляли собой торгово-промышленные центры и являлись, согласно законодательству, административными пунктами различных уровней.

При том что в России существовала громадная разница между городскими и сельскими жителями, не меньшим было различие между Москвой и Петроградом, с одной стороны, и остальными городами – с другой. Новая и древняя столицы Российского государства, выделяясь численностью населения, его структурой, сосредоточением крупной промышленности и торговли и обслуживающих их институтов, центральных правительственных учреждений, культурных и общественных организаций, как известно, играли решающую роль в политической жизни страны, в т. ч. в революции 1917 г.

Таблица 9

Динамика численности населения Москвы, 1912–1918 гг.

Источник и дата сведений	Число жителей	Динамика числа жителей	
		абс.	%
Перепись 6 марта 1912 г.	1617700	–	
Исчисление 20 ноября 1915 г.	1984000	366300	22,6
– ”– 1 февраля 1917 г.	2017137	33137	1,7
– ”– 23 мая 1917 г. (после присоединения пригородов в черту окружной ж. д.)	2043534	22397	1,3
Перепись 17 сентября 1917 г.	1849916	– 193618	– 9,5
– ”– 8 апреля 1918 г.	1715728	– 134188	– 7,3

Источник: Предварительный расчет данных профессиональной переписи г. Москвы 21 апреля 1918 г. (из отчета заведующего переписью В.Г. Михайловского) // Статистика труда. М., 1918. № 1. С. 24.

Табл. 9 показывает, что рост численности населения Москвы происходил до мая 1917 г. под влиянием демографических, миграционных процессов – из деревни в город и из местностей, занятых неприятелем или близких к линии фронта, а также в результате присоединения к городу ряда пригородов. Однако в 1917 и 1918 гг. ситуация резко изменилась. По сравнению с весной к сентябрю 1917 г. произошла убыль населения почти на 200 тыс. чел. (9,5 %), к апрелю 1918 г. оно уменьшилось еще на 7,3 %, т. е. всего на 16,8 %. Статистики, предпринявшие предварительный анализ материалов переписи Москвы 1918 г., видели причину сокра-

¹ Общий свод по империи... Т. 1. С. 160–163; Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд. 1. С. 57; Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. Пг., 1918. С. 39–47.

щения в уменьшении численности гарнизона, больных и раненых воинов. Имел значение и отток населения в деревню в первой половине 1918 г. Во всяком случае гражданское население Москвы сократилось на 8 %, что составило половину всей его убыли.

При этом уменьшение населения шло главным образом за счет его мужской части. В результате впервые женщин в ней оказалось больше (875 тыс.), чем мужчин (841 тыс.). Если в 1912 г. на 1000 мужчин приходилось 843 женщины, в феврале 1917 – 983, то в 1918 – 1040. По соотношению мужского и женского населения Москва приблизилась к европейским столицам, но произошло это не из-за естественного социального развития, а в результате чрезвычайных условий войны и революции.

С 1915 г. началось сокращение в Москве количества детей, удельный вес которых упал в составе населения с 24,5 до 23,9 % в феврале 1917 г., в дальнейшем процесс происходил еще интенсивнее. Детей отправляли в деревню (в связи с продовольственным кризисом), росла детская смертность и снижалась рождаемость.

Перепись 1918 г. показала резкое сокращение доли самодеятельного населения в Москве. Если по переписи 1912 г. самодеятельных было 62,9 %, то в 1918 – 54,5 %¹. По подсчетам А.Я. Грунта, сделанным на основании материалов переписей Москвы 1912 и 1918 г., социальный состав самодеятельного населения города предстает в следующем виде (табл. 10).

Таблица 10

Социальный состав самодеятельного населения Москвы в 1912–1918 гг.

Социальные группы	1912 г.		1917 г.		1918 г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Пролетариат	365,6	34,8	420,0	40,0	305,8	32,7
Полупролетариат	213,9	20,3	200,0	19,0	128,5	13,7
Буржуазия	69,3	6,6	70,0	6,7	40,2	4,3
Мелкая буржуазия	81,5	7,8	80,0	7,6	60,9	6,5
Служащие и лица «свободных профессий»	146,4	13,9	150,0	14,3	242,8	25,9
Прочие	174,4	16,6	130,0	12,4	156,8	16,7
Итого	1051	100,0	1050,0	100,0	935,0	100,0

Источник: Грунт А.Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 41.

В состав пролетариата автор включил как фабрично-заводских, так и другие категории рабочих. К полупролетариям причислены жившие продажей рабочей силы и занимавшиеся физическим трудом прислуга (частная и в учреждениях), повара, кухарки, горничные, ремесленные и промысловые ученики, поденщики, дворники, сторожа и др. аналогичные группы. К мелкой буржуазии отнесены хозяева-одиночки, хозяева, работающие с помощью членов семьи, и помогающие члены семьи. В состав «собственно буржуазии» вошли хозяева, имевшие наемных рабочих, и рантье, живущие с капитала или недвижимого имущества. В число

¹ Статистика труда. 1918. № 1. С. 24.

служащих и лиц «свободных профессий» включены все категории чиновников в государственных и частных учреждениях, за исключением высших (там, где их удалось выделить), учителя и прочая творческая интеллигенция. Наконец, в рубрику «прочие» попали служащие по охране безопасности (за исключением офицерского состава армии, полиции, жандармерии, отнесенных к буржуазному классу), безработные, деклассированные элементы, пенсионеры, заключенные и пр.¹

Несмотря на неизбежную приблизительность в подсчетах, процентное соотношение выделенных групп принципиально не менялось. В частности, пролетариат составлял меньше половины всего самодеятельного населения, и все-таки его доля в Москве была «несравненно выше», чем в стране в целом. Это создавало, по мнению Грунта, «могучий “ударный кулак” не только в Петрограде, но и во второй столице»².

Согласно нашим подсчетам, проведенным по тем же источникам, в 1918 г. (по сравнению с довоенным 1912 г.) численность самодеятельного населения города сократилась примерно на 24 %³. Изменились численность и соотношение различных социальных групп самодеятельного населения. Уменьшились на 27,3 % численность хозяев, имевших наемных рабочих, и их удельный вес среди самодеятельного населения с 4,2 до 3,8 %. В состав этих хозяев включались фабриканты и заводчики, владельцы транспортных предприятий, домовладельцы и арендаторы домов, хозяева тракторов и торговых предприятий и т. п. Доля рантье в 1918 г. сократилась до 0,9 % по сравнению с жившими за счет земли и капитала и учтенными в 1912 г. 1,8 %.

Удельный вес рабочих (не только фабрично-заводских, но и др. категорий) уменьшился с 38,4 % в 1912 до 36,1 % в 1918 г. Судя по данным профессиональной переписи 1918 г., в Москве насчитывалось 130 249 фабрично-заводских рабочих (или 42,6 % общего числа рабочих в городе). В 1912 г. эта доля равнялась 40,9 % (165 184 чел.). Таким образом, при уменьшении общей численности рабочих в 1918 по сравнению с 1912 г. на 24,2 % удельный вес фабрично-заводских в составе пролетариата города, хотя и незначительно, но возрос. На процессы уменьшения численности и удельного веса рабочих и предпринимателей в 1918 г. влияли переход промышленности с военных на мирные рельсы, национализация части промышленных предприятий, уход рабочих в деревню.

Особенно увеличился удельный вес служащих – с 17,4 в 1912 до 31,1 % в 1918 г. Правда, в материалах переписей и 1912, и 1918 г. в состав служащих были включены лица, занятые в администрации и судах, охраной общественного порядка, т. е. связанные с аппаратом государственного управления. Торговые служащие и хозяйственно-распределительный, а также технический персонал составляли в 1918 г. 7,1 %, занятые учетно-контрольной и делопроизводственной деятельностью 9,6 %. Служащих непромысловых занятий, в числе которых оказывалась и работавшая по найму интеллигенция, насчитывалось 6,9 %, лиц «свободных профессий» было 0,65 %. Показательно, что в состав последних, наряду с техниками,

¹ Грунт А.Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция. С. 24, 26–29, 38–39, 40.

² Там же. С. 41–42.

³ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. Отд. II. Табл. 12. С. 52–53; Табл. 14. С. 68–74.

медиками и педагогами, художниками и адвокатами, официальная статистика включила служителей культа.

Одновременно хозяева, не имевшие наемных рабочих, которых можно причислить к «старым», «традиционным» средним слоям, поскольку они занимались индивидуальной трудовой деятельностью, являлись собственниками и одновременно тружениками (ремесленники, кустари, торговцы и т. п.) и сократили свою численность с 11,7 до 7,2 %, возможно, потому что помогающие члены семьи (в сельском хозяйстве, промышленности и торговле) не были учтены переписью 1918 г. Отнесение этой категории населения к средним слоям имеет не только академический интерес. Известно, что причисление их к мелкой буржуазии только на основе наличия собственности (хотя они не использовали наемный труд или применяли его в незначительных размерах) служило основой репрессивной политики советской власти по отношению к этим слоям, так же как и к крестьянству.

В целом удельный вес лиц, которых можно отнести к представителям формирующегося среднего класса, вырос среди самостоятельных при одновременном увеличении в его составе доли «новых» средних слоев (служащих, интеллигенции). В российской социальной структуре с XIX в. высокий удельный вес составляла прислуга. В 1918 г. в Москве ее численность возросла, и доля составила 15,3 % по сравнению с 11,6 % в 1912 г.

Кроме того, в городе переписью 1918 г. был зарегистрирован 89 791 безработный (9,6 % в общей численности самостоятельных, в составе всего населения 5,3 %), что свидетельствовало о быстром росте безработицы: в 1912 безработные в Москве составляли 2,9 % самостоятельных, в 1902 г. – 2,4 %¹.

Табл. 11 показывает рост численности населения Петрограда с 1897 по 1916 г. на 91 %, уменьшение в 1917 на 4,9 %, сокращение на 49,2 % в 1918 (по сравнению с 1916 г.) и дальнейшее резкое падение в 1919–1921 гг.

Таблица 11

Динамика численности населения Петрограда, 1897–1921 гг.

Годы	Численность населения	Прирост в %	Годы	Численность населения	Прирост в %
1897	1264920		1918	1468845	– 36,1
1910	1905589	– 50,6	1919	900000	– 38,7
1915	2347851	– 23,2	1920	722229	– 19,7
1916	2415700	– 2,9	1921	770000	+ 6,6
1917	2300000	– 4,9			

Источник: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. 1922 г. Пг., 1922. С. 2–3.

При этом в 1918 г. число женщин превысило количество мужчин на 7,4 % (больше, чем в Москве): на 1000 мужчин приходилось 1074 женщины. Сведения о социально-профессиональном составе населения Петрограда в 1918 г. представлены в табл. 12.

¹ Статистика труда 1918. № 1. С. 24, № 2–3. С. 22.

Социальный состав населения Петрограда по городской переписи 1 июня 1918 г.

Социальные группы и вид занятий	Самодельные		Несамодельные		Всего		Число душ на одного работника
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
А. Рабочие	284207	32,9	232946	38,6	517153	35,2	1,82
1. Промышленность	263800		222367		486167		1,85
2. Торговля	20407		10579		30986		1,52
Б. Прислуга	112634	13,0	59420	9,8	172054	11,8	1,53
В. Служащие	192584	22,3	144222	23,9	336806	22,9	1,75
1. Промышленность	12393		15002		27395		2,21
2. Торговля	51542		38780		90322		1,75
3. Учреждения	57350		46539		103889		1,81
4. Военнослужащие	44699		21633		66332		1,48
Г. Хозяева без наемных рабочих	68806	7,9	63514	10,5	132320	9,0	1,92
1. Ремесленники без наемных рабочих	30450		31080		61530		1,95
2. Торговцы	24708		24358		49066		1,98
3. Лица «свободных профессий»	13648		8076		21724		1,59
Д. Хозяева, имеющие рабочих	17252	2,0	30034	5,0	47286	3,2	2,74
1. Промышленники	5792		121		17989		3,11
2. Торговцы	5967		11714		17681		2,96
3. Рантье	5493		6123		11616		2,12
Е. Прочие	189300	21,9	73840	12,2	263140	17,9	1,39
Все группы	864783	100,0	603976	100,0	1468759	100,0	1,7

Источник: Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. Сб. материалов и документов. М., 1964. С. 352–353 (проценты подсчитаны нами. – Н. И.).

Социальная структура Петрограда при некоторых отличиях была в целом аналогична московской. Рабочие составляли более 30 %, вместе с семьями 35,2 %. В числе рабочих преобладали промышленные (92,8 % общего количества самостоятельных этой группы). По неполным данным промышленной переписи 1918 г., фабрично-заводских рабочих в столице насчитывалось 127 798 тыс. чел. (около 50 % всех промышленных рабочих). Остальные трудились на мелких предприятиях. Помимо занятых в обрабатывающей промышленности, в категорию рабочих были включены транспортные, строительные и др. Была высока доля служащих (22,3 % самостоятельных). Среди них самую большую часть (29,8 %) составляли служащие учреждений (включен, видимо, и госаппарат). Промышленные служащие составляли 6,4 %, в 3,6 раза меньше, чем военнослужащие (23,2 %).

Правомерно, что в этой таблице лица «свободных профессий» отнесены к хозяевам без наемных рабочих, а не к служащим, поскольку они не являлись лицами наемного труда. В целом же доля хозяев без наемных рабочих (7,9 %) была не столь велика, но выше, чем в Москве (7,2 %). С учетом несамодельных ее удельный вес поднимался в столице до 10,5 %, ремесленники среди этой категории населения составляли 44,2 %.

На капиталистически ориентированных хозяев, использовавших наемный труд, приходилось всего 2 % самодельных и 3,2 % всего населения города (в Москве вместе с рантье среди самодельных 4,8 %). Торговцы преобладали над промышленниками, но не значительно, а рантье составляли 31,8 % этой социальной группы.

Уменьшение в 1918 г. удельного веса мужчин в городе и численности рабочих прежде всего было связано с сокращением промышленного производства Петрограда и эвакуацией из города многих рабочих. Согласно анкете Совнархоза Северного района, из 706 учтенных предприятий города 33 не дали ответа, 116 оказались закрытыми, т. е. с 1 января 1917 по 1 апреля 1918 г. число предприятий уменьшилось на 17,2 %¹.

Уменьшение численности рабочих в ходе демобилизации промышленности, ее перехода на мирные рельсы, происходило прежде всего за счет тех, кто пришел на производство в годы войны и был связан с сельским хозяйством. Так, согласно специальной инструкции, принятой расчетной комиссией Путиловского завода, в первую очередь должны были увольняться те рабочие, которые имели землю, дома с квартирами для сдачи в наем. Рассчитывались также пришедшие на завод, чтобы избежать призыва в армию. В январе 1918 г. комиссия выпустила специальное обращение к рабочим, в котором говорилось: «Пусть каждый проявит в этот трудный момент сознательное отношение гражданина...» «Товарищи, не порвавшие окончательно связь с землей и деревней, товарищи, пришедшие к нам во время войны... проявите сами в себе гражданское мужество, заявляйте расчет и тем придите на помощь»².

Растущей категорией населения в Петрограде, как и в Москве, являлись безработные. По данным переписи, на 1 июня 1918 г. число безработных в столице достигало 115 744 чел. (7,8 % всего населения города). По данным Петроградской биржи труда, положение на организованном через нее рынке труда выглядело следующим образом (табл. 13).

Таблица 13

Рынок наемного труда в Петрограде в декабре 1917 – июне 1918 г.

Месяцы	Вновь записалось безработных	Предложено мест	Послано на работу	Эвакуировано	Осталось без работ к 1-му числу след. мес.
С 8 декабря 1917 г.	7217	10 998	1383	1335	5803
Январь 1918 г.	13328	2798	2578	4441	12755
Февраль 1918 г.	8487	2375	1753	6498	17068

¹ Итоги эвакуации Петрограда // Статистика труда. М., 1918. № 2–3. С. 8.

² Цит. по: Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 36.

Месяцы	Вновь записалось безработных	Предло- жено мест	Посла- но на работу	Эвакуи- ровано	Осталось без работ к 1-му числу след. мес.
Март 1918 г.	19258	4847	3473	6546	28729
Апрель 1918 г.	36834	11390	3042	17846	44675*
Май 1918 г.	56991	18258	9492	10364	43942*
Июнь 1918 г.	51819	25574	14297	2678	40908
Всего	193934	76240	36018	49708	193880

Источник: Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 10.

* Цифры выведены балансовым путем, т. к. биржа не дала соответствующих сведений – примечание составителей. (Итоговые данные подсчитаны нами. – *Н. И.*)

Число безработных росло в первой половине 1918 г., а спрос колебался от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ объема предложения труда. Из отдельных профессиональных групп безработных на первом месте по количеству стояли металлисты, число которых к 1 июня составило 26,9 тыс. чел. Второе место занимали неквалифицированные рабочие (чернорабочие), насчитывавшие к тому же времени 15 тыс. чел.

Эвакуированных с 16 марта по 31 мая 1918 г. безработных было 33,8 тыс. чел., из них мужчины составляли 70 %, поскольку закрывались и сокращали производство преимущественно заводы, работавшие на оборону, где преобладали мужчины. Из общего числа эвакуированных в сельские местности направилось 57, в уездные и заштатные города – 26,2, в губернские – 16,8 %¹.

В отчете Отдела рынка труда Нарокомата труда по поводу состава безработных отмечалось: «Ликвидация войны наводнила рынок массой демобилизованных солдат и всех рабочих – полукрестьян, занятых в разных предприятиях, работавших на оборону. Эти «оборонные» рабочие и демобилизованные солдаты, в большинстве чуждые той профессии, к которой они себя причисляют, составили главнейшие кадры безработных на Бирже труда. Затем, под видом бухгалтеров, служащих, конторщиков и лиц интеллигентского труда на Биржах зарегистрировались бывшие офицеры, чиновники и вообще лица без определенных профессий. В результате на Биржах труда оказалась одна фикция; при наличии большого числа «металлистов» нет для посылки на работу ни одного слесаря, кузнеца или формовщика; есть мелкий интеллигентский слой, но нет пригодных работников для народившихся общественно-государственных учреждений. Что касается неквалифицированного труда, то большинство безработных – женщины, которые не для всякой работы пригодны и в силу своей привязанности к местным условиям и семье для иногородней работы особенно не применимы»².

Состав населения Москвы и Петрограда отражал высший уровень социально-го развития, который был достигнут в дореволюционный период в городах России и в стране в целом. Удельный вес связанных с индустриальной трансформацией групп населения здесь был достаточно велик, а соотношение между нанимателя-

¹ Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 10–11.

² Там же. С. 30.

ми и продающими свой труд – десятикратным: наемные рабочие составляли от 33 до 36 %, предприниматели с наемными рабочими – от 2 до 3,8 %. Высокой была доля служащих – от 22 до 30 %. Хозяева без наемных рабочих («старые» средние слои) составляли всего 7–8 %, что было на порядок меньше, чем доля «новых» средних слоев (служащих и интеллигенции). Прислуга, составлявшая 13–15 % самостоятельного населения, осознавала свою близость к пролетариям, участвуя в заключении тарифных договоров, обращаясь на биржи труда.

Однако численность населения этих городов, хотя и была велика (в годы войны в совокупности около 4,5 млн чел.), в населении России (170 млн) составляла примерно 2,6 %. В других городах обнаруживались как общие со столицами закономерности в формировании социальной структуры, так и особенности, связанные с типом города, его социально-экономическими, административными и культурными функциями, местоположением.

Глава 6. ЗАРПЛАТЫ И ЦЕНЫ В ГОРОДЕ

Известный социолог Питирим Сорокин главными причинами революции 1917 г. в России считал голод и войну. Он связывал это с нарушением основных естественных, биологических инстинктов людей – необходимостью удовлетворять голод и самосохранением¹. Во многих странах и в разные времена борьба против голода играла важную, нередко главную, роль в возникновении народных движений, бунтов толпы, занимала определяющее место в ходе революций². Не составляла исключения и Россия. Нет точных подсчетов того, какова доля в ходе революции 1917 г. требований улучшения материального положения различных слоев населения, решения продовольственного вопроса, регулирования цен, снабжения хлебом и т. п. Однако многочисленные примеры таких выступлений известны и широко представлены в литературе³. Известно и то, что голод оказывал влияние не только на физическое, но и психическое состояние людей, лежал в основе многих стихийных выступлений, погромов, неконтролируемых действий толпы⁴.

Существуют обширные статистические данные о материальном положении различных слоев населения, их борьбе за его улучшение. Это сведения о заработной плате, индексах цен, бюджетах. Они, конечно, не исчерпывают понятия материального положения, но являются его важной составной частью.

¹ Сорокин П. Социология революции. М., 2008. С. 309–312, 357.

² Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984.

³ См.: Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.). М., 2005. С. 133–147; Аксютин Ю.В. Рабочие низы и большевистские верхи: динамика взаимоотношений в первые девять месяцев Советской власти // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 1. М., 2006.

⁴ Буддаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2016.

В начале XX в. вопрос заработной платы занимал одно из главных мест в жизни трудящегося населения России и прежде всего рабочих. Низкие заработки обуславливались широким распространением неквалифицированного и мало-квалифицированного труда, крестьянским происхождением большинства рабочих, сохранением их связей с деревней, нищенским уровнем жизни большинства населения. Правда, как показало исследование Ю.И. Кирьянова, с 1901 по 1913 г. номинальный заработок фабрично-заводских рабочих России вырос почти на 30 %. На основе анализа отдельных групп рабочих был сделан также вывод о росте реальной заработной платы. Это было частным проявлением общего заметного повышения жизненного уровня рабочих, но сохранения его в целом в пределах низкого¹.

В годы Первой мировой войны проблема оплаты труда еще более обострилась в силу высокой инфляции, постоянного роста цен, нехватки продуктов питания и других предметов первой необходимости. Улучшение материального положения стало общей проблемой для большинства трудящегося населения страны.

Таблица 14

Годовая денежная заработная плата фабрично-заводских рабочих и служащих в 1913–1918 гг.

Годы	Рабочие						Служащие					
	1913	1914	1915	1916	1917	1-я пол. 1918 г.	1913	1914	1915	1916	1917	1-я пол. 1918
Число заведений	2331	2331	2331	2331	2331	2328	1877	1877	1877	1877	1877	1877
Число работников	859929	883081	908443	956 650	992003	826830	56311	60797	65753	72175	81314	75560
Заруботок в бумажных руб. абс. %	258 100,0	275 106,6	365 141,5	573 222,1	1703 660,1	1538 595,1	1058 100,0	1051 100,3	1251 118,2	1699 160,6	3117 294,6	263 249,3
Заруботок, в довоенных руб. абс. %	258 100,0	272 105,4	281 108,9	278 107,7	220 85,3	27 10,4	1058 100,0	1050 99,2	962 90,9	825 78,0	402 38,0	46 4,3
Бюджетный индекс статистики труда для г. Москвы	1,00	1,01	1,30	2,06	7,75	56,80	1,00	1,01	1,30	2,06	7,75	56,8

Источник: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. С. 57. Табл. XIII. С. 152.

¹ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979. С. 110, 132, 270, 274.

Из приведенных в табл. 14 данных видно, что годовая денежная плата одного рабочего в бумажных рублях увеличилась с 1913 по 1916 г. более чем в 2 раза (на 222,1 %), в 1917 г. составила 1703 руб. Заработок служащих в бумажных рублях тоже возрастал – с 1913 по 1916 г. на 160,6 % и в 1917 г. составил 3117 руб., что втрое (295 %) превышало показатель 1913 г. Однако рост заработной платы как рабочих, так и служащих происходил не за счет повышения его реального значения, а в результате падения покупательной способности бумажного рубля.

Перевод на довоенные рубли был сделан в ЦСУ по бюджетному индексу статистики труда для г. Москвы¹. Рост годового заработка в реальном выражении, как следует из той же таблицы, происходил у рабочих более медленными темпами, а в 1917 заработок резко упал, составив 85,3 % по отношению к 1913 г. У служащих реальная заработная плата с 1913 по 1917 г. постоянно падала, составив в условиях революции менее 40 % зарплаты довоенного периода. Это вело к уменьшению разрыва между заработками рабочих и служащих. Но даже в год наибольшего падения реальных заработков служащих они вдвое превышали заработную плату рабочих.

Составители таблиц по материалам переписи из ЦСУ отмечали, что рост заработной платы происходил прежде всего в тех отраслях, где увеличивался выпуск продукции. Как известно, это были преимущественно производства, работавшие на нужды войны. В других отраслях наблюдался упадок. Внимание исследователей уже привлекала дифференциация оплаты труда в фабрично-заводской промышленности², в т. ч. данные за 1914 и 1916 г., собранные в результате анкетного обследования, проведенного Министерством торговли и промышленности осенью 1916 г.³ Они показывают, что в июне 1916 г. (по сравнению с июнем 1914 г.) удельный вес рабочих, получавших до 1 руб. в день, существенно уменьшился – с 62,9 до 26,8 % и, соответственно, увеличилась доля тех, кто зарабатывал от 1 до 4 руб. (с 36 до 62,4 %), а также имевших более 4 и 5 руб. (с 1,1 до 10,8 %)⁴. Являясь интегральным показателем совокупности факторов (группы производства, соотношение мужского, женского и детского труда, величина предприятий и степень их механизации, а также место расположения и др.), эти сведения отражали также профессионально-квалификационный уровень рабочих и изменение номинальной оплаты труда в годы войны.

Приведенные данные перекликаются со сведениями переписи 1918 г. Среди рабочих Петрограда в 1918 г. на крупных, средних и мелких фабрично-заводских предприятиях было 23,3 % квалифицированных рабочих, 33,9 – полуквалифицированных и малоквалифицированных, 26,7 – не имели специальности, у

¹ См.: Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. 1. С. 11.

² Волков В.В. «Дешево и сердито». Рынок труда в Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2016. Ч. II. С. 69–87; Веринчук К.Д. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих в годы Первой мировой войны // Экономическая история. Ежегодник 1914/15. М., 2016. С. 251–290.

³ Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 и июнь 1916 г.). М., 1918. Вып. 1. С. 20–21.

⁴ См.: Иванова Н.А. Сословия и классы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 249. (Подсчет наш. – Н. И.)

5,1 % рабочих квалификация не установлена. Таким образом, на малоквалифицированных и неквалифицированных приходилось 60,6 %. В металлообработке и машиностроении квалифицированные рабочие составляли 49,6 %, в текстильной промышленности удельный вес полуквалифицированных и малоквалифицированных поднимался до 72,3 %¹.

Материальное положение трудящихся классов зависело от соотношения заработной платы и цен на продукты и предметы первой необходимости.

Таблица 15

Цены на главные продовольственные продукты и другие предметы первой необходимости в Москве в январе 1916 и июне 1918 г.

№	Наименование продуктов и товаров	Единица счета	Средние месячные цены, в коп.			Превышение цен за июнь 1918 г. над ценами за январь 1916 г., в % по каждому продукту в отдельности	
			январь 1916 г.	июнь 1918 г.			
				нормированные и кооперативные	вольного торго	нормированные и кооперативные	вольного торго
1	Хлеб ржаной	фунт*	5	44	–	780	–
2	Хлеб пшеничный	–”–	10	56	–	460	–
3	Сахар	–”–	20	150	–	650	–
4	Соль	–”–	2	11	11	450	450
5	Растительное масло	–”–	23	140	438	509	1804
6	Яйца	десяток	51	240	800	371	1469
7	Молоко	бут.	12	–	155	–	1192
8	Масло коровье	фунт	123	400	1350	225	1006
9	Картофель	–”–	2	60	165	2900	8150
10	Мясо говяжье	–”–	28	174	700	521	2400
11	Рыба соленая	–”–	16	135	225	744	1306
12	Ситец	аршин**	20	171	–	755	–
13	Дрова	сажень***	1500	–	15000	–	900
14	Керосин	фунт	6	28	–	367	–
15	Мыло	–”–	26	235	–	804	–

* фунт – русская единица веса, равная 409,5 г.

** аршин – русская мера длины, равная 0,71 м.

*** сажень – русская мера длины, равная трем аршинам (2,13 м).

Источник: В. Я-ий. Цены на продукты и заработная плата московских рабочих // Статистика труда. 1918. № 1. С. 11.

¹ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. С. 84.

Таблица показывает огромное увеличение в Москве с января 1916 по июнь 1918 г. как нормированных цен, так и цен вольного рынка на все продовольственные продукты и другие предметы первой необходимости. В среднем нормированные цены возросли в 6,5 раза, по вольному торгу – в 20 раз, при том что рыночная цена на хлебные изделия не учтена. Помесячные данные говорят об особенно значительном росте цен в первой половине 1918 г. – по всем продуктам на 1540 % по сравнению с 1916 г., в то время как к концу 1917 г. этот рост исчислялся в 383–418 %¹.

Соотношение роста цен и заработной платы показано на примере рабочих-металлистов г. Москвы.

Таблица 16

Периоды	Относительное повышение цен на продовольственные продукты и размеров заработной платы рабочего-металлиста г. Москвы, %			
	Цены на продовольствие	Заработная плата		
		Черно-рабочего металла	Квалифицированного металла	Средняя
Июнь 1916 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
Январь 1916 г.	163,5	130,0	152,0	141,0
Июнь 1917 г.	262,9	218,0	190,0	204,0
Январь 1918 г.	678,7	327,0	219,0	273,0
Июнь 1918 г.	1503,7	451,0	324,0	387,0

Источник: Статистика труда. 1918. № 1. С. 12.

При постоянном увеличении цен на продовольствие и заработной платы рабочих рост цен с начала 1918 г. значительно опережал увеличение зарплаток металлистов. При этом заработная плата чернорабочих-металлистов росла быстрее, чем квалифицированных рабочих, отражая тенденцию к уравнительности.

Показательны данные о прожиточном минимуме одинокого человека в течение месяца (весна 1918 г., Москва)².

Продовольствие	– 304,63 руб.
Одежда и обувь	– 124,19 руб.
Другие расходы	– 143,00 руб.
в том числе:	
Керосин	– 18 руб.
Квартира и ее уборка	– 35 руб.
Баня (4 раза)	– 8 руб.
Парикмахерская (2 р.)	– 5 руб.
Покупка газеты	– 12 руб.
Партийный и членский взнос	– 10 руб.
Непредвиденные расходы	– 30 руб.
Приготовление пищи	– 15 руб.
Все расходы	571,82 руб.

¹ Статистика труда. 1918. № 1. С. 9.

² Там же. С. 13.

С.Г. Струмилин, обратившись к определению прожиточного минимума чернорабочего Петрограда в 1918 г., подсчитал, что его нормальный пищевой паек, включавший черный и белый хлеб, картофель, крупу, говядину, жиры и сахар, должен давать 3580 кал. в день. По продуктовой карточке в Петрограде давали в течение месяца по 1 фунту мяса, крупы, картофеля, жиров, сахара и 3 яйца, по хлебной карточке – $\frac{1}{4}$ фунта в день, т. е. 667 кал., или 18,5 % нормальной потребности. Вынужденный докупать продукты на рынке, рабочий сталкивался с большой нехваткой средств. В 1918 г. при месячной заработной плате рабочего 280 руб. расходы на пищу составляли 601,50 руб., а с учетом хотя бы одного неработающего члена семьи – 902,25 руб. При этом дефицит оказывался равным 622,25 руб., или 322 %. Сюда не входили расходы на жилище, одежду и др.¹

Задавшись вопросом о том, «как же существует петроградский пролетариат, если его заработки находятся в таком разительном несоответствии с его минимальными потребностями в средствах питания», статистик выяснил, что «петроградский рабочий помимо заработка изыскивает целый ряд других средств для покрытия своего дефицита в питании. Некоторую роль в этом отношении играет получение бесплатных посылок с продуктами от родных из деревни. Нередко можно отметить такие факты: рабочие получают часть заработка на фабрике продуктами своего изготовления, например, мануфактурой, и, отправляя их в деревню, выменивают себе там у крестьян необходимые пищевые продукты. Не последнюю роль, вероятно, играют и некоторые другие подсобные «промыслы», вплоть до собирания милостыни. Наиболее крупными являются поступления от продажи имущества, одежды и т. п. вещей, сбережения от крупных получек при введении новых тарифов задним числом, сдача комнат жильцам, наконец, займы»².

Что касается других губерний, то как следует из табл. 17, во всех, кроме Петроградской, суточный расход на одного едока был меньше, чем в Московской, т. е. социальное напряжение в обеих столицах было более сильным, чем в провинции.

О том, какое место занимали материальные интересы у рабочей массы свидетельствовали требования, выдвигавшиеся рабочими в ходе различных выступлений³. По данным фабричной инспекции, на подчиненных ей предприятиях на протяжении всего начала XX в. требования, связанные с заработной платой, были самыми распространенными. Сведения за 1913–1916 гг. представлены в табл. 18.

¹ Струмилин С.Г. Прожиточный минимум и заработки чернорабочих в Петрограде // Статистика труда. 1918. № 2–3. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ См.: Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России... С. 181–213; И.М. Пушкарева обобщила подсчеты ряда исследователей, касающиеся числа стачек и стачечников в марте–октябре 1917 г. (*Pushkareva I. The working class movement in Russia between February and the First World War. Annali Anno wentisettes mo 1990/1991. Milano, 1992. P. 492–495*).

Таблица 17

**Суточный расход на продовольственные продукты, в среднем на одного едока
(цены за апрель–июнь 1918 г.)**

Название губерний	Суточный расход				Название губерний	Суточный расход			
	На одного едока в коп.		В % отношении к расходу в Москве			На одного едока в коп.		В % отношении к расходу в Москве	
	В губернском городе	В среднем по губернии без губернского города	В губернском городе	В среднем по губернии без губернского города		В губернском городе	В среднем по губернии без губернского города	В губернском городе	В среднем по губернии без губернского города
Московская	1195	731	100,0	61,2	Нижегородская	936	562	783	47,0
Петроградская	1455	963	121,8	80,6	Симбирская	902	541	75,5	45,3
Новгородская	1228	737	102,8	61,7	Саратовская	895	537	74,9	44,9
Тверская	1106	663	92,5	55,5	Вятская	835	501	69,9	41,9
Пензенская	1077	646	90,1	54,1	Пермская	813	488	68,0	40,8
Рязанская	1038	623	86,9	52,1	Астраханская	752	451	62,9	37,7
Калужская	1035	621	86,6	52,0	Тамбовская	648	389	54,2	32,6
Тульская	1032	619	86,4	51,8	Орловская	604	376	50,5	31,5
Владимирская	1015	609	84,9	51,0	Смоленская	583	350	48,8	29,3
Ярославская	996	598	83,3	50,0	Могилевская	517	310	43,3	25,9
Казанская	990	594	82,8	49,7	Воронежская	438	263	36,7	22,0
Костромская	968	581	81,0	48,6	Курская	344	206	28,8	17,23

Источник: Статистика труда. 1918. № 4–5. С. 44.

**Распределение забастовок фабрично-заводских рабочих по их причинам
в 1913–1916 гг.**

Причины забастовок	1913 г.		1914 г.		1915 г.		1916 г.	
	Число забастовок и их участников*		Число забастовок и их участников*		Число забастовок и их участников*		Число забастовок и их участников*	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Заработная плата	1020/ 262433	42,4/ 29,6	474/ 150581	13,4/ 11,3	520/ 232188	56,0/ 43,0	874/ 508465	67,9/ 53,1
Рабочее время	55/ 14310	2,3/ 1,6	345/ 71114	9,8/ 5,3	18/ 4569	1,9/ 0,8	19/ 2573	1,5/ 0,3
Порядок в заведении	160/ 46947	6,7/ 5,3	146/ 56212	4,1/ 4,2	175/ 146601	18,9/ 27,2	153**/ 135749	11,9/ 14,2
Политические причины	1025/ 496457	42,6/ 56,0	2401/ 985655	67,9/ 73,7	202/ 154263	21,8/ 28,6	242/ 310290	18,8/ 32,4
Разные причины	144/ 66915	6,0/ 7,5	164/ 73456	4,6/ 5,5	13/ 1907	1,4/ 0,4	–	–
Всего	2404/ 887062	100,0/ 100,0	3534/ 1337458	100,0/ 100,0	928/ 539528	100,0/ 100,0	1288/ 957075	100,0/ 100,0

* Через слеш указано число забастовок и количество их участников.

** Другие условия быта и труда.

Источник: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 2. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 2. М., 1922. Табл. VI, XII, XV. С. 132–134 142–145 152–155 162–165. (Проценты подсчитаны нами. – Н. И.)

Только в 1914 г. на волне патриотического подъема требования, связанные с заработной платой, уступили место политическим лозунгам, но все же они превышали другие экономические требования. В 1913 г. 42,4 % стачек и 29,6 % стачечников проявили свою заинтересованность в вопросах заработной платы. В 1915 и 1916 гг. число таких выступлений и их участников резко возросло, превысив половину всех забастовщиков (67,8 % произошедших в 1916 г. стачек).

Фабрично-заводская статистика за 1917 г. ограничивается январем–сентябрем, при этом стачки разделены только на экономические (без раскрытия требований): 621 выступление (209 913 участников) и на «политического и другого неэкономического характера» (как они учитывались и группировались фабричной инспекцией при составлении статистики). Последних насчитывалось 1317 забастовок при 682 403 участниках (67,1 % общего числа стачек и 76,5 % их участников)¹.

Помесячные статистические ведомости о забастовочном движении рабочих в 1914 – январе 1917 г. были составлены в Министерстве торговли и промышленности на основе сообщений фабричных инспекторов и горных инженеров под руководством возглавлявшего отдел статистики В.Е. Варзара². По этим данным

¹ Забастовки в России в 1895–1917 гг. // Статистика труда. 1918. № 4–5. С. 9, 10.

² Стачечное движение рабочих России в годы Первой мировой войны. Материалы официальной статистики за август 1914 – январь 1917 г. Вып. I–II. М., 1986; Вып. III–IV.

на 1916 г. требования, связанные с заработной платой, выдвигали 57,9 % стачечников в 69,8 % выступлений. В январе 1917 г. у фабрично-заводских рабочих политическая составляющая стачечной борьбы усилилась, а экономическая ослабла. Однако и тогда заработная плата представляла интерес для 29,9 % стачечников, которые участвовали в 33,7 % стачек, имевших место в этом месяце.

Подъем стачечной борьбы с одновременным увеличением доли политических стачек ($\frac{2}{3}$ общего числа забастовщиков) происходил в России в 1905–1907, 1912, 1914 г. и повторился в 1917 г., в чем проявились общие для страны закономерности кризисных периодов. Вместе с тем о политических стачках следует сказать особо. Известно, что в фабричной статистике политические стачки объединены в одну группу со стачками «другого неэкономического характера». К этим последним относились, в частности, в годы войны стачки против выдачи новых расчетных книжек, действий администрации, повышения городской управой платы за проезд в трамвае, стачки в поддержку товарищей, добивавшихся увеличения заработной платы и улучшения условий труда и т. д.¹

Собственно политическими считались первомайские стачки, в память событий 1912 г., поддержку рабочих Путиловского завода, подвергшихся локауту в феврале 1916 г. В Москве 19 ноября 1916 г. бастовало до 9 тыс. рабочих в связи с распространившимися слухами о роспуске Государственной думы и т. п.² Таким образом, эти «политические» выступления в большинстве своем были откликами или протестами рабочих в связи с текущими событиями того времени и свидетельствовали о развитии их общественно-политического сознания, но видеть в подобных требованиях особую «революционную» направленность нет оснований.

Политические и экономические требования выдвигались в ходе других форм борьбы – демонстраций, митингов, собраний и т. д. Об этом свидетельствуют подсчеты выступлений средних городских слоев в сентябре–октябре 1917 г.³ Сведения были почерпнуты из документальных сборников и хроник событий по истории Октябрьской революции, в которых авторами было выявлено 413 фактов выступлений.

В числе участников выступлений значились «горожане вообще» (в т. ч. средние слои), составлявшие по числу выступлений 19,6 %, мелкая буржуазия города (1,7 %), промышленные служащие (14,0 %), служащие транспорта (31,2 %), почтово-телеграфные служащие (1,7 %), торговые служащие (5,1 %), трактирные служащие (1,2 %), служащие городского хозяйства (3,9 %), служащие государственных и общественных учреждений (2,9 %), частные и кооперативные служащие (1 %), студенты, гимназисты и т. п. (1,0 %), средние медицинские работники (4,8 %), работники культуры (0,2 %), рабочие ремесленных заведений (6,1 %), прислуга (1,5 %), чернорабочие, поденщики и т. п. (3,4 %), промышленные рабочие (43,3 %), солдаты (7,3 %)⁴. Таким образом, в движение были вовлечены самые различ-

М., 1988 / публ. подг. В.Я. Лаверычев (отв. ред.), В.П. Желтова (отв. сост.), С.С. Атапин, И.А. Торопов.

¹ Там же. С. 7, 384.

² Там же. С. 286, 302, 323, 344, 401, 463.

³ *Канищев В.В., Протасов Л.Г.* Соотношение сознательности и стихийности в революционных выступлениях средних городских слоев осенью 1917 г. // *Городские средние слои в трех российских революциях. Межвузовский сб. науч. трудов.* М., 1989. С. 94–112.

⁴ Там же. С. 103.

ные категории городских жителей, но наибольшую активность проявляли промышленные рабочие, транспортные и промышленные служащие и «горожане вообще». Политические и смешанные требования выдвигались городскими слоями чаще тогда, когда они выступали совместно с рабочими.

В самостоятельных выступлениях служащих, интеллигенции, ремесленников, горожан вообще доминировали экономические требования. Характерно и то, что в числе политических лозунгов значительное место занимали такие, как «Власть – Советам!», осуждение политики Временного правительства, демократический мир; выдвигались требования установления демократической республики, демократических прав и свобод, созыва Учредительного собрания и т. п. Среди экономических наиболее распространенными были требования повышения заработной платы, хлеба, снижения цен или введения твердых цен¹.

О том значении, которое имели вопросы улучшения материального положения в ходе революции, свидетельствовала также политика Временного, а затем советского правительства, направленная на регулирование потребления и распределение материальных благ: установление минимума и максимума заработной платы, регулирование цен, введение карточной системы, реквизиция хлеба у крестьян и др. В основе этих мер лежала идея уравнительности, понятная и близкая большинству населения страны. При этом речь шла не о расширении производства, что было осложнено условиями войны и революции, а о распределении уже имеющегося. Наконец, если после Февральской революции вопросы регулирования потребления и распределения решались на общегражданской основе, то советское правительство осуществляло его по классовому принципу².

Глава 7. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Хотя доля городских жителей в России в годы Первой мировой войны несколько возросла, селяне по-прежнему составляли большинство населения страны. Об этом говорят материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., которые позволяют в то же время представить социальную структуру сельских жителей. Правда, материалы этой переписи, опубликованные в двух выпусках, касаются только 52 из 57 губерний России и лиц, живущих за счет сельского хозяйства³, тем не менее они не только являются вполне репрезентативными, но и позволяют делать общие выводы.

Табл. 19 показывает, что учтенные сельскохозяйственной переписью 1917 г. категории сельских жителей составляли 71,9 % всего населения 52 губерний Европейской России, Сибири и Степного края. 68,2 % ко всему населению приходилось на крестьян, 0,6 % – на казаков, 0,4 % – на инородцев и 1,7 % на кир-

¹ Канищев В.В., Протасов Л.Г. Соотношение сознательности и стихийности в революционных выступлениях средних городских слоев осенью 1917 г. С. 105–106.

² См. подробнее: *Илюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: Материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.)*. М., 2007.

³ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям. М., 1921; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923.

гизов¹. Распределение лиц, живших за счет сельскохозяйственного производства, по регионам отражает демографическую и хозяйственную специфику отдельных территорий.

Сведения о распределении земель сельскохозяйственного назначения между различными категориями пользователей проанализировал В.П. Данилов, изучая перераспределение земель в первое десятилетие советской власти (см. табл. 20)². При этом отмечалось, что относящиеся к 1905, 1917 и 1927 гг. сведения касаются территории РСФСР без автономных республик, учитывают земли без лесов, причем купчие крестьянские земли (12 418 тыс. га) были включены в состав частновладельческих³.

Таблица 19

Численность различных категорий сельского населения в 52 губерниях России в 1917 г.

Регионы	Число жителей в 52 губерниях													
	Всего		Сельские жители, связанные с с/х*		в том числе									
					Жившие в частно-владельческих хозяйствах**		Крестьяне		Казаки		Инородцы		Киргизы	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Европейская Россия	93400337	100,0	66629749	71,3	1111094	1,2	65518655	70,1	–	–	–	–	–	–
Сибирь	10144717	100,0	7942377	78,3	3100	0,03	7303940	72,0	295385	2,9	339952	3,3	–	–
Степной край	4748837	100,0	3285141	69,2	23000	0,02	988545	20,8	375518	7,9	57709	1,2	1840369	38,7
Все губернии	108293891	100,0	77857267	71,9	1137194	1,0	73811140	68,2	670903	0,6	397661	0,4	1840369	1,7

* В таблицу не включены беженцы и гражданские военнопленные, учтенные переписью.

¹ К сословию «инородцев» российское законодательство относило «иноверцев», население «не российского происхождения», жившее по своим правам и обычаям и имевшее особое управление: сибирских инородцев, самоедов Архангельской губернии, кочевые народы Ставропольской губернии, калмыков, кочующих в Астраханской и Ставропольской губерний, киргизов Внутренней орды, инородцев областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, инородческое население Закаспийской области (См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 38. № 29125. § 143; Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 762.)

² Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет о земле в действии. М., 1979. С. 296–299.

³ Там же. С. 299.

** Цифры получены путем умножения числа частновладельческих хозяйств на среднее число числившихся в одном хозяйстве членов семьи хозяина и наемных рабочих.

Источник: Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. С. 102–104; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. 42–49, 54–55, 62–87. (Проценты подсчитаны нами к общему количеству населения в регионах и всех 52 губерниях. – Н. И.)

Таблица 20

Распределение фонда сельскохозяйственных земель в 1905 и 1917 гг.

Категория землевладения	1905 г.		1917 г.	
	тыс. га*	уд. вес, %	тыс. га	уд. вес, %
Надельное крестьянское и городское**	169417	67,3	184637	73,3
Частное (помещичье и прочее)	34506	13,7	36786	14,6
Церковно-монастырское, казенное, удельное	1714	0,7	1714	0,7
Прочие	46202	18,3	28709	11,4
Итого	251846	100,0	251846	100,0

* Сведения о количестве земли даны в гектарах, поскольку в таблице имеются цифры за 1927 г., опущенные нами.

** Городское землевладение составляло в 1917 г. 1224 тыс. га, т. е. 0,7 % из общего количества 184 637 тыс. га.

Источник: НКЗ РСФСР. К вопросу об очередных задачах по работе в деревне. Материалы к XV съезду ВКП(б). М.; Л., 1928. С. 107.

Из табл. 20 следует, что из общего количества земель сельскохозяйственного назначения большинство составляли носившие сословный характер крестьянские наделные земли. Их абсолютные показатели возросли в 1917 по сравнению с 1905 г. на 9 %, а относительные – на 6 %. Сословным являлось также церковно-монастырское, казенное и удельное землевладения, размеры которых не изменились в рассматриваемый период. Частное землевладение по составу владельцев (в основном помещиков-дворян), а также по наличию в нем ряда категорий земель, находящихся на особом праве, тоже носило черты сословности. Правда, в результате мобилизации земель в довоенный период в составе землевладельцев было немало купцов, крестьян, т. е. оно по существу приобретало всесословный характер. Частное землевладение также возросло, хотя и не так заметно, как наделное, – на 6,6 % по абсолютным показателям и на 0,9 % – по относительным. Рост и наделного, и частного землевладения происходил за счет «прочих» земель, уменьшившихся на 37,9 %, а по доле в общем составе земель – на 6,9 %.

Сословное начало проявлялось и в другом. Табл. 21 касается числа крестьянских хозяйств и их населения. Из общего числа учтенных 14,6 млн крестьянских хозяйств 51 губернии и области Европейской России, Сибири и Степного края абсолютное большинство (88,1 %) составляли приписные хозяйства, т. е. связанные с общиной. Самая большая доля таких хозяйств (92,6 %) была в Сибири, самая маленькая, но тоже значительная (87,5 %) в Европейской России.

Таблица 21

Крестьянские хозяйства и их население

Регионы		Число всех хозяйств	В том числе хозяйств				
			Приписных		Посторонних	Из них хозяйств	
			наличных	отсутствующих		беженцев	гражданских военнопленных
1	2	3	4	5	6	7	8
Европейская Россия (38 губ.)*	абс.	12979990 ¹	10706708	653491	725382	163736	12426
	%	100,0	82,5	5,0	5,6	1,3	0,09
Сибирь (9 губ.)**	абс.	1426440	1296288	24285	105867	5378	783
	%	100,0	90,9	1,7	7,4	0,4	0,06
Степной край (4 обл.)***	абс.	184614	162424	6488	15702	1737	94
	%	100,0	88,0	3,5	8,5	0,9	0,05
Всего по 51 губернии и области	абс.	14591044	12165420	684264	846951	170851	13393
	%	100,0	83,4	4,7	5,8	1,2	0,09

Продолжение таблицы 21

Всего населения (своей семьи и наемных рабочих)							
Мужчин	Женщин	Оба пола	В том числе отсутствующих	Трудоспособных в рабочем возрасте			
				Мужчин			Женщин
				всех	В том числе		
					отсутствующих	из них призвано в войска	
9	10	11	12	13	14	15	16
37831583	38342694	76174277	10655622	16730699 ²	8705977 ²	8117160 ³	17749415
49,7	50,3	100	14,0	44,2****	52,0*****	48,5*****	46,3*****
4276858	4085264	8362122	1058182	1918390	988803	939814	781923
51,1	48,9	100	12,6	44,8****	51,5*****	49,0*****	19,1*****
597935	541366	1139301	150756	254849	144352	140249	244158
52,5	47,5	100	13,2	42,6****	56,6*****	55,0*****	45,1*****
42706376	42969324	85675700	11864560	18903938	9839132	9197223	18775496
49,9	50,1	100	13,8	44,3****	52,0*****	48,6*****	43,7*****

* Сведения о крестьянских хозяйствах получены по 38 губерниям Европейской России без девяти западных: Лифляндской, Курляндской, Эстляндской, Ковенской, Виленской, Минской, Гродненской, Витебской, Подольской и трех южных: Бессарабской, Херсонской, Таврической.

** Включены 9 губерний и областей: Алтайская, Амурская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Приморская, Тобольская, Томская, Якутская.

*** Включены 4 области: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская.

**** По отношению к графе 9.

***** По отношению к графе 13.

***** По отношению к графе 10.

¹ В т. ч. 894 409 не разнесенных по группам.

² Без Воронежской и Полтавской губ.

³ Без Воронежской и Пермской губ.

Источник: Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. 42–49, 54–55, 62–87. (Подсчеты наши. – Н. И.)

«Посторонние» хозяйства (по отношению к приписным) составляли по всем представленным губерниям 5,8 %, самым большим их удельный вес был в Степном крае (8,5 %), наименьшим – в Европейской части страны. Среди «посторонних» примерно пятую часть занимали хозяйства беженцев и гражданских военнопленных. Особенно заметной была их доля в европейских губерниях (24,8 % всех «посторонних» хозяйств).

Сведения о населении крестьянских хозяйств (графы 9–16 табл. 21; учтены члены семьи хозяина и наемных рабочих, занятых в хозяйстве) показывают незначительное превышение числа женщин над мужчинами и различия в этих соотношениях по регионам – закономерность, которая проявляется и при анализе всего, а не только крестьянского населения. Показательно, что доля отсутствующих крестьян была выше (13,8 %) по сравнению с удельным весом отсутствующих хозяйств (4,7 %). То есть уход на заработки был связан в большей мере с сохранением связи с деревенским хозяйством, нежели с полным прекращением сельскохозяйственной деятельности.

Тяжело складывалась ситуация в отношении трудоспособных в рабочем возрасте. Среди мужчин таких было лишь 44,3 %, среди женщин – 43,7 % к общему числу учтенных лиц обоего пола. Причем из трудоспособных мужчин отсутствовала половина, большая часть была призвана в армию.

Большинство селян, живущих сельскохозяйственным трудом, несмотря на все предпринимавшиеся властями в начале XX в. преобразования, оставались связанными сословными ограничениями – припиской к обществам, а следовательно, общинными порядками, наделным землевладением. При этом чем дальше от центра страны, тем эти ограничения были более значимыми.

Крестьянское население не ограничивалось общинным, приписным, хотя последнее и составляло абсолютное большинство. В результате проведения столыпинской аграрной реформы особую категорию крестьянских хозяйств стали представлять хутора. Сведения о них, которые собирались в ходе сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., опубликованы по Калужской губернии¹. Они, конечно, не претендуют на сколько-либо основательное освещение этого вопроса, но в сравнении с общинным крестьянством той же губернии дают

¹ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. Калужская губерния. М., 1919. С. 82–97, 138, 144–145, 148–149.

возможность проанализировать относительные показатели и выявить некоторые, если не общие, то локальные закономерности.

Общинное крестьянство пользовалось наделной (преимущественно) и купленной обществом землей. При этом удельный вес наделной земли преобладал, составляя 88 % в общем количестве крестьянской земли. Доля купленной обществом или товариществом земли равнялась всего 12 %. В источнике обозначены также размеры общинной укрепленной земли. 96,4 % из всей укрепленной составляла чересполосная, 7,3 % отрубная и только 0,01 % хуторская земля. Надельная подворно-наследственная земля в губернии отсутствовала. У хуторов поселкового типа, напротив, преобладали купленные товариществом и обществом земли, на них приходилось 80,6 % земли. Удельный вес наделной составлял 19,4 %. В изолированных хуторах (термин источника) выше была доля наделной земли, которая, однако, ненамного превосходила купленные товариществами и обществами: 53,2 % и 46,9 % соответственно.

В общем числе наличных крестьянских общинных (приписных) и хуторских хозяйств преобладали общинные, составляя 96,3 %. Такой же процент приходился на проживавшее в этих хозяйствах население. Хутора поселкового и изолированного типа в числе хозяйств и населения составляли всего 3,7 %.

Между хозяйствами общинного приписного крестьянства и двух выделенных категорий хуторян – поселкового и изолированного типа – существовали качественные отличия. Приписные общинные хозяйства характеризовались более высоким удельным весом отсутствующих хозяйств, составлявшим 10,4 % против 3,3 % у хуторян, а также хозяйств с промыслами (42,4 % при 9,5 % «промышленников» в наличном приписном населении). У хуторян соответствующие показатели были 26,1 % и 5,4 %. В безземельных хозяйствах общинников больше была доля отсутствующих лиц рабочего возраста: 17,6 % к населению этих хозяйств при 13,5 % – у хуторян.

Вместе с тем у приписных крестьян меньше была доля хозяйств, нанимавших рабочих на срок (2 % против 6,1 % у хуторян, в т. ч. 8,3 % – в хозяйствах изолированных хуторов); меньшим был удельный вес безземельных хозяйств – 4 % (у хуторян 8,1 %), безземельных хозяйств с посевом 0,7 % (у хуторян 5,7 %) и средний размер посева (1,5 дес.), среднее количество скота на хозяйство (9,9 головы) и доля хозяйств без всякого скота (6,5 %), без рабочего скота (16,9 %), без коров (10,9 %).

Изолированные хутора находились в более выгодном положении по удельному весу безземельных хозяйств (1,4 % при 2,1 % их населения) и таких хозяйств с посевом (9,7 %), по среднему количеству скота на хозяйство (13,4 головы). Одновременно хутора поселкового типа отличались высоким удельным весом безземельных хозяйств (11,3 % при 9,2 % населения), хозяйств без скота (9,5 %), а среднее число голов на хозяйство (10,8) приближалось у них к количеству голов у общинников.

Помимо крестьянских общинных и хуторских хозяйств в ходе переписи 1917 г. были учтены частновладельческие хозяйства. Демографические сведения о них имеются по Петроградской, Пензенской и Калужской губерниям, где перепись зафиксировала владения частных лиц двух видов: имевших до 50 дес. земли на хозяйство и свыше 50 дес. В российской статистике частные владения до 50 дес. официально признавались крестьянскими, а имевшие свыше 50 дес. – хозяйства-

ми землевладельцев разных сословий – дворян (помещиков), купцов, крестьян и пр., хотя их сословная принадлежность при проведении переписи не фиксировалась.

Табл. 22 также показывает явное (в разы) превышение по численности крупных землевладельцев над крестьянами, имевшими землю в частной собственности. Превосходили землевладельцы крестьян и по количеству наемной рабочей силы. Это были постоянные работники, поскольку в источнике они показаны вместе с семьями, как живущие при землевладельцах. Кроме того, среди этих рабочих было немало женщин.

Согласно Инструкции по проведению сельскохозяйственной переписи 1917 г. частновладельческими считались хозяйства, чьи владельцы имели 50 и более десятин собственной удобной земли или такое же количество земли в обособленном сельскохозяйственном пользовании (как на праве собственности, так и на арендном или ином праве). Вместе с тем в отдельных губерниях допускались вариации в пределах от 20 до 100 дес. К разряду частновладельческих относились все дворянские хозяйства или вообще хозяйства, ведущиеся на внеадельной земле¹.

Как следует из табл. 22, при обработке материалов переписи в состав частновладельческих были включены и крестьянские земли, существовавшие на частном праве (прежде всего купленные ими). Это в известной мере объясняет отмеченный выше факт, почему и в советской статистике купчие крестьянские земли попали в разряд частновладельческих. В целом справедливым оказывается вывод о том, что «хозяйства помещиков-дворян входят в группу частновладельческих хозяйств, но не составляют единственного ее содержания»². При этом определяющим был не столько размер владения, сколько юридический статус принадлежавших им земель.

Данные по всем видам хозяйств – о владении землей, скотом, орудиями производства, использовании наемного труда и др., позволяют подойти к решению вопроса о формировании классовой структуры сельского населения. В табл. 23 представлены такие сведения, пересчитанные применительно к одному хозяйству в среднем или показанные в относительных (проценты) величинах. Помимо частновладельческих хозяйств представлены хозяйства крестьян, казаков, инородцев, киргизов. Это позволяет сделать необходимые сопоставления по разным типам хозяйств. Существенные отличия проявляются и по регионам.

¹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С. 47–48.

² Там же. С. 48.

Таблица 22

Владения частных лиц и их население согласно сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. *

Губернии	Владения частных лиц раз- мером десятин	Число хозяйств	Население и его состав						Обоего пола	В том числе					
			Мужчин			Женщин				Беженцев			Военно- пленных		
			Семья владельца	Рабочие	Семья рабочего	Итого	Семья владельца	Рабочие		Семья рабочего	Итого	Муж.		Жен.	Обоего пола
Петроградская	до 50	558	508	236	84	828	667	101	158	926	1754	2	5	7	8
	свыше 50	1318	2013	3747	2789	8549	2608	1871	4809	9292	17841	139	184	323	75
Пензенская	до 50	140	335	133	101	569	329	60	153	542	1111	-	-	-	-
	свыше 50	1013	2420	7105	2598	12123	2516	3011	3994	9521	21644	92	5	97	1145
Калужская	до 50	637	1471	297	76	1844	1507	409	75	1991	3835	6	4	10	2
	свыше 50	1264	3023	3152	1244	7419	3102	2608	1509	7219	14708	205	225	430	135

Источники: ГА РФ. Ф. 4265. Оп. 1. Д. 18. Л. 11, 138; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года. Калужская губерния. С. 138–139.

Таблица 23

Хозяйства частновладельческие, крестьянские, казаков, киргизов и инородцев в 1917 г. по регионам России

Регионы	Число хозяйств	Земли на одно хозяйство, дес.	Безземельные хозяйства, %	Посевы на одно хозяйство, дес.	Хозяйства без посева, %	Голов скота на одно хозяйство*	В т. ч. лошадей на одно хозяйство	Хозяйства без скота, %	Хозяйства без рабочего скота, %	Усовершенствованные орудия труда на 100 дес. посева*	Хозяйства без усовершенствованного инвентаря, %	Число членов семьи и наемных рабочих на одно хозяйство	Хозяйства, нанмававшие рабочих, %	Число сроков рабочих на одно нанмававшее хозяйство	Хозяйства с промыслами, %	Лица, занимавшиеся промыслами, ко всему населению хозяйств, %
Частновладельческие хозяйства																
Европейская Россия****	78801	297,5	—****	48,4	23,3	50,7	9,7	18,8	24,7	10,9	29,8	14,1	41,0	14,7	—	—
Сибирь*****	250	150,2	—	74,8	8,8	36,4	12,8	9,2	16,4	15,7	16,0	12,4	Нет сведений	Все-го***** 760	—	—
Степной край*****	2500	67,4	—	51,9	2,8	69,8	9,2	1,6	7,0	6,2	9,5	9,2	41,4	4,2	—	—
Крестьянские хозяйства																
Европейская Россия	12979990	8,3	11,4	3,9	18,4	8,2	1,3	16,7	34,6	24,7	52,0	7,1	41,0	14,7	27,8	5,9
Сибирь	1426440	15,5	9,4	5,3	13,8	15,7	3,5	6,9	14,2	17,1	12,7	6,4	Нет сведений	Всего 78861	20,3	4,3
Степной край	184614	47,8	1,9	9,0	2,8	16,7	2,7	7,5	18,2	13,6	26,1	6,2	7,2	1,3	11,0	2,0
Хозяйства казаков																
Сибирь	54321	23,9	5,2	5,0	17,5	29,7	5,3	6,8	11,2	13,9	20,7	5,9	Нет сведений	Всего 4094	27,8	6,0
Степной край	69222	21,5	1,7	6,7	36,0	28,1	3,4	12,1	20,0	6,2	7,9	5,9	10,1	1,9	34,5	9,7

Хозяйства киргизов и инородцев																
Сибирь, инородцы	74120	12,1	3,6	2,1	33,5	28,1	4,3	4,7	8,7	9,7	16,4	4,7	Нет сведений	Всего 2869	23,4	6,4
Степной край, инородцы	12457	6,3	9,8	2,9	33,5	17,8	1,9	10,4	16,4	4,6	54,4	4,6	–	–	20,1	4,9
Степной край, киргизы	380456	–	–	1,2	4,9	41,5	6,3	3,5	9,5	7,2	34,7	4,9	2,5	1,4	10,7	2,9

Источники: Потубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. 42–49, 54–55, 62–87. Подсчеты В.П. Желтовой и Н.А. Ивановой. См.: *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004. С. 520–521.

* Учтены лошади, крупный рогатый скот и мелкий скот.

** Учтены плуги, сеялки, жнейки, молотилки, веялки.

*** Сведения о крестьянских хозяйствах получены по 38 губерниям Европейской России без девяти западных: Лифляндской, Курляндской, Эстляндской, Ковенской, Виленской, Минской, Гродненской, Витебской, Подольской и трех южных: Бессарабской, Херсонской, Таврической; по частновладельческим – по 34 губерниям, исключая также Псковскую, Смоленскую, Воронежскую и Пермскую губ.

**** Прочерк означает отсутствие таких хозяйств.

***** Включены 9 губерний и областей: Алтайская, Амурская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Приморская, Тобольская, Томская, Якутская.

***** В связи с отсутствием в источнике сведений о числе хозяйств, нанмавших сроковых рабочих, здесь и ниже приведены общие цифры о числе сроковых рабочих по всем хозяйствам.

***** Включены 4 области: Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Уральская.

Известный русский экономист-аграрник конца XIX – начала XX в. А.А. Кауфман дал характеристику различных категорий частновладельческих хозяйств в докладе, сделанном на заседании Комиссии Главного земельного комитета по подготовке земельной реформы в 1917 г. При этом он опирался в т. ч. на свое исследование этого вопроса в начале XX в., основанное на изучении 1570 имений, характеристика которых содержалась в книге «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах» (М., 1897)¹. Признавая «факт дифференциации, происходящий среди нашего поместного землевладения», Кауфман выделил три основных типа хозяйств, оценивая их с точки зрения необходимости ликвидации или сохранения в ходе реформы². К первому типу он относил «кабально-крепостническое хозяйство», которое характеризовалось раздачей земель крупного владения в мелкую краткосрочную крестьянскую аренду, обработкой земли в крупных владениях крестьянским скотом и инвентарем. Считая такие хозяйства отсталыми, несправедливо эксплуатирующими чужой труд, Кауфман признавал необходимость их ликвидации.

Ко второму типу автор причислял культурно-капиталистические хозяйства, которые носили «в той или в другой степени передовой характер», где «сельское хозяйство связано с техническими производствами, где ведется семенное хозяйство, где организовано племенное скотоводство и т. п.»³ Эти хозяйства, как считал Кауфман, бесспорно должны быть сохранены. При этом он допускал передачу культурно-капиталистических хозяйств в заведывание государственных, земских или кооперативных органов. Наконец, третий тип представляли те имения, где хозяйство хотя и велось на капиталистических основаниях, но технически и экономически не отличалось или мало отличалось от хозяйств окрестного крестьянства. Поскольку такие хозяйства не представляли особой ценности с точки зрения производства, а социально являлись «несправедливыми», они должны были подлежать, по мнению Кауфмана, ликвидации и разделу между трудовыми хозяйствами.

Данные о частновладельческих хозяйствах, полученные в ходе сельскохозяйственной переписи 1917 г., также свидетельствуют о том, что землевладельцы Европейской России, т. е. прежде всего те же помещики, по-прежнему сдавали значительную часть своих земель в аренду, другую использовали непроизводительно, прибегали к отработкам с помощью крестьянского скота и инвентаря. Более рационально вели хозяйство новые собственники в Сибири, включавшие выходцев из купеческого, крестьянского сословий. Оценивая уровень развития частнособственнических хозяйств, исследователи приходят к выводу, что в них сочеталась «собственно капиталистическая и отработочная организация производства». «В социальном плане одни и те же лица выступа-

¹ Кауфман А.А. К вопросу о культурно-хозяйственном значении частного землевладения // Аграрный вопрос. М., 1907. Т. II. См. также: Заграевская Е.Ю. А.А. Кауфман о культурно-хозяйственной роли частновладельческих хозяйств // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. С. 249–270.

² Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. Вып. I. О крупном землевладении. Пг., 1917. С. 7–9.

³ Там же. С. 8.

ли одновременно «как капиталисты-агрии – и как помещики – полукрепостники»¹.

«Переходный тип хозяйства, соединявший в себе черты как старой барщинной, так и новой капиталистической систем»², свидетельствовал о незавершенности складывания класса землевладельцев, переходном характере возникшего социального слоя. Некоторые исследователи относят дворянские поместья полукрепостнического типа, неразрывно связанные с окружающим общинным крестьянством, к крупнопатриархальному укладу³. В свою очередь, Н.А. Проскурякова, используя материалы поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г., пришла к выводу, что к залому частновладельческих земель в ипотечных кредитных учреждениях больше других обращались те из помещиков, кто сам вел хозяйство на основе найма (чем больше численность рабочих на имение с наймом, тем больше был распространен залог). Автор констатировала многообразие форм использования поземельных ссуд в разных типах помещичьих хозяйств – не только для спасения разоряющихся имений или удовлетворения потребительских нужд владельцев, но преимущественно в производительных целях у тех помещиков, которые смогли приспособиться к новым экономическим условиям⁴.

Табл. 23 свидетельствует о том, что крестьянские хозяйства кардинально отличались от частновладельческих, намного уступая им по количеству земли на одно хозяйство (в Европейской России 8,3 и 297,5 дес. соответственно), площади посева (3,9 и 48,4 дес.), количеству скота в целом (8,2 и 50,7 головы) и рабочего скота (1,3 и 9,7 лошади), а также другим производственным показателям. Правда, эти данные заметно разнились по регионам. Так, в Степном крае по средней площади земли (47,8 дес.) крестьянские хозяйства сближались с частновладельческими (67,4 дес.), а в Сибири (15,5 и 150,2 дес. соответственно) и особенно в европейской части страны представляли противоположные полюса. Крестьянство европейских губерний отличалось высоким процентом хозяйств без рабочего скота (более трети всех хозяйств), без передовых по тому времени орудий труда (52 %). В других районах эти цифры были существенно ниже. Количество постоянных наемных рабочих не превышало в среднем 1–2 чел. на крестьянское хозяйство, но эти средние данные скрывают тот факт, что большинство хозяйств вообще не использовало годовых наемных рабочих. Временные работники привлекались гораздо чаще в хозяйства Европейской России (41 % дворов и примерно 15 чел. на одно хозяйство). Занятие промыслами в большей мере было характерно для крестьян европейских губерний (27,8 % хозяйств), в меньшей – Сибири (20,3 %) и незначительно (в 11 % хозяйств) – Степного края. Однако число «промышленников» ко всему крестьянскому населению было невелико, колеблясь от 5,9 % в европейской части до 2 % в Степном крае.

¹ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России... С. 144, 224.

² Корелин А.П. Россия сельская на рубеже XIX–XX вв. // Россия в начале XX в. М., 2002. С. 235.

³ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 270.

⁴ Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 449–450.

Крестьянские дворы отличались, хотя и в меньшей мере, от хозяйств казаков, сведения о которых приведены также в табл. 23. Последние представляли собой зажиточный слой сельских обывателей, о чем свидетельствуют, в частности, средние размеры земельных участков (свыше 20 дес. на хозяйство) и количество скота – около 30 голов и 5,3 лошади в Сибири, ведущих хозяйство в основном с помощью членов своей семьи. Значительную роль у них играли промыслы, особенно распространенные в Степном крае (в 34,5 % хозяйств). Правда, и у казаков безземельные хозяйства составляли 5,2 %, а не имевшие лошадей – 11,2 %.

Что касается инородцев и киргизов, то перепись 1917 г. отразила скотоводческий характер их хозяйства, хотя в $\frac{2}{3}$ из них имелись и посевы различных культур. Большинство остальных показателей хозяйства, кроме количества скота, а также процента хозяйств с промыслами в Сибири и в Степном крае – более чем в 20 % хозяйств, у инородцев оказываются менее благоприятными, чем у крестьян.

Помимо сословной принадлежности сельских жителей, перепись 1917 г. позволяет увидеть имущественную и вместе с ней их социальную дифференциацию. Это касается прежде всего крестьянства. Согласно табл. 23, безземельные хозяйства крестьян Европейской России составляли 11,4 %, беспосевные – 18,4 %, а не имевшие рабочего скота – 34,6 %. Дворы без лошадей исследователи считают пролетарскими, поскольку ведение сельского хозяйства без лошади было невозможно. По данным военно-конской переписи 1912 г. в Европейской России они составляли 31,6 %. Хозяйств, имевших одну лошадь, насчитывалось 32,1 %; сельскохозяйственное производство могли поддерживать при этом в основном крестьяне нечерноземной полосы, а в Черноземье требовалось на обработку того же количества земли как минимум две лошади. Поэтому эта категория крестьянства была беднейшей. 2–3 лошади имело 29,7 % крестьян, входивших в группу среднего крестьянства. Наконец, 4–5 лошадей имело лишь 4,8 % крестьянских дворов, а многолошадными были всего 1,8 %¹.

А.В. Островский, проанализировавший данные военно-конских переписей 1888–1912 гг., пришел к выводу, что если, по мнению В.И. Ленина, формирующаяся сельская буржуазия составляла к концу XIX в. около 20 % всего крестьянства, то к началу Первой мировой войны удельный вес таких крестьян сократился до 6,6 %². Это не означало, однако, однолинейного движения вспять, а могло быть результатом выделения из среды богатеющего крестьянства элементов торгово-промышленной буржуазии за счет свертывания ими сельскохозяйственного производства. Определенная часть этих разрушающихся хозяйств являлась не хозяйствами капиталистического типа, а базировалась на семейной кооперации (две-три неразделившиеся семьи), т. е. в социальном плане они не отличались от хозяйств середняков³.

¹ Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX века // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской науч. конференции. Вологда. Октябрь 1992. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 71–73, 80–81.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 77.

А.А. Храмов, изучая сибирское крестьянство, обратил внимание на существенные региональные отличия сельскохозяйственного производства при группировке крестьянских хозяйств. Так, военно-конская перепись 1912 г. зафиксировала по Томской губернии 13 % безлошадных дворов, 46,9 % имевших 1–2 лошади, 21,2 % – 3–4 лошади и 18,9 % – от 5 до 7 и более лошадей. Первые две группы автор относил к бедняцким хозяйствам, а к середняцким – имевших 3–5 и даже 6 голов рабочего скота. Он выявил также наличие прямой связи между количеством рабочего скота и размерами посевов в крестьянских хозяйствах зерновых районов. Хозяйства без посева и с посевом до 3 дес. (которым не хватало своего хлеба) принадлежали к низшей группе. Хозяйства, засевавшие от 3 до 6 дес., имели незначительные излишки хлеба, едва позволявшие крестьянам рассчитаться с налогами и долгами. Средняя группа состояла из хозяйств, посев которых равнялся 6–12 дес. – они получали излишки хлеба до половины урожая, что давало им возможность собрать определенный капитал. Наконец, в высшую группу сибирского крестьянства входили хозяйства, засевавшие свыше 12 дес. и получавшие в виде излишков больше половины урожая. Был зафиксирован автором и значительный разрыв между низшей группой, составлявшей почти половину крестьянских хозяйств и имевшей в 3 раза меньше посевов, и $\frac{1}{6}$ частью дворов высшей группы¹.

В постсоветский период произошли изменения и в сущностной трактовке крестьянства. Исследователи отказываются от односторонней оценки процесса раскрестьянивания, когда в условиях товарного производства и обмена крестьянство якобы фактически полностью превратилось в мелкую буржуазию, которая, в свою очередь, расслаивалась на буржуа и пролетариев и полупролетариев. По мнению ряда специалистов, в то время как крайние группы крестьянства (беднейшая и богатая) действительно имели тенденцию уходить из своей социальной среды, становясь наемными рабочими или предпринимателями различной производственной ориентации (и не только сельскохозяйственной), основная масса крестьянства сохранялась и воспроизводилась на основе семейно-трудового индивидуального хозяйства. По своей экономической сущности указанные хозяйства являлись мелкотоварно-потребительскими и мелкотоварно-предпринимательскими. Они представляли собой самый массовый экономический уклад. В условиях рыночной экономики индивидуальное крестьянское хозяйство, проявлявшее устойчивость, могло быть сохранено в результате развития различных форм кооперации².

К интересным выводам пришел М.И. Роднов, изучивший социальную структуру крестьянства Уфимской губернии по первичным материалам губернской переписи 1912–1913 гг. и сельскохозяйственной переписи 1917 г. При этом группиров-

¹ Храмов А.А. Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. Барнаул, 2014. С. 187–189, 194.

² Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) Материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 23–24; Анфимов А.М. Новые собственники (из истории столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 90–92; Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // Там же. С. 8–25; Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009. С. 318–321; и др.

ка крестьянских хозяйств осуществлялась им по размерам посевных площадей с использованием трудовых и потребительских норм. Автор установил, что основная масса крестьянства существовала в рамках традиционного уклада. Хозяйства, не сеявшие и с посевом до 2 дес., составляли в среднем по уездам 20–30 % дворов, включали в основном бедноту, трудившуюся по найму, перебивавшуюся случайными заработками, нищенством. Это были полупролетарии и пауперы, которые создавали аграрное перенаселение и обуславливали обострение кризиса традиционного общества. Патриархальные и полунатуральные дворы, составлявшие до 60 %, помимо бедноты (посевы 2–4 дес.), включали середняков (4–10 дес.), в т. ч. «наиболее сохранившийся тип натурального хозяйства», производство и потребление в которых было почти уравновешено, а связь с рынком носила во многом вынужденный характер (дворы, сеявшие 4–6 дес.). Сельская верхушка в традиционном обществе – общинное кулачество, имевшее более 10 дес. посева, тесно связанное с рынком, но использовавшее часто докапиталистические методы хозяйствования и эксплуатации крестьянских масс, ростовщичество и отработки, не превышало 10 %¹.

Все эти группы жили в рамках общины, подчинялись ее порядкам: переделы земли, чересполосица, уплата налогов, принцип уравнительности, мирская помощь и др. Большинство связывало с общиной возможность выживания в условиях перенаселения, малоземелья, экстенсивного хозяйствования, частых неурожаев, кризисных явлений периода войны. В предпринимательском (капиталистическом) укладе, утверждавшемся на юге и северо-востоке, крестьяне-фермеры составляли до 20–30 %. Они засевали свыше 10 дес. (нередко 15) земли, широко использовали передовую технику и наемный труд, их хозяйство носило высокотоварный характер. В то же время в капиталистический сектор аграрной экономики Роднов включает «кулацкие» поселки, агропромышленный бизнес купцов, дворян, крупных крестьян, отмечает усиление самодостаточности капиталистической экономики, которая «господствовала над всеми остальными укладами, подчиняла их», выступая, однако, в качестве определенной «внешней оболочки»².

В этих условиях основные противоречия в деревне приобрели антибуржуазную направленность как внутри самой общины (о чем свидетельствовало уменьшение в начале XX в. удельного веса в ней кулачества), так и вне ее. В то же время выход из кризиса традиционного общества, его укрепление связывались с передачей крестьянству помещичьих земель, что привело к победе традиционализма в ходе революции 1917 г. и Гражданской войны³.

Новые работы о кустарных промыслах позволяют получить более ясное представление об этой специфической форме российской промышленности и занятом в ней населении. По существу, речь идет о мелких товаропроизводителях, связанных с рынком. К.Н. Тарновский понимал под мелкой кустарной промышленностью работу «товаропроизводителя на рынок, непосредственно или через скупщика». При этом в нее не входили ремесло, работающее на заказ, и домашняя промышленность для собственного потребления крестьянской семьи, а также

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 210, 213, 307, 308.

² Там же. С. 309, 310.

³ Там же. С. 312.

«домашняя система крупного производства» – переработка за сдельную плату материала, полученного от фабрики¹. Автор показал особенности развития кустарного производства в годы Первой мировой войны: ее привлечение государством, наряду с другой частной промышленностью, к выполнению военных заказов, усиление роли земств, артелей кустарей и кооперативных организаций, создание новых, «принудительных» объединений для выполнения заказов военного и других ведомств.

Серия монографий о кустарных промыслах, опубликованная группой авторов в последние годы², содержит методологическое обоснование проблемы, основанное на современных подходах, и конкретно-историческое рассмотрение кустарных промыслов во второй половине XIX – начале XX в., их трансформации в рамках традиционного уклада крестьянских хозяйств и в условиях модернизации российского общества. Авторы отмечают, что мелкотоварное кустарное производство, вышедшее из недр домашней промышленности, связано с деятельностью крестьянской семьи, традиционными институтами и хозяйственными укладами аграрного общества. Появившиеся в силу необходимости обеспечить устойчивое материальное положение крестьян в условиях товарных отношений и проникновения капитализма в деревню, кустарные промыслы могли существовать, лишь опираясь на сельскохозяйственное производство. Несмотря на трансформацию мелкотоварного уклада кустарей под влиянием модернизационных процессов, «связь промышленных занятий крестьян с аграрной сферой оставалась основополагающим качеством кустарных хозяйств»³. К этому можно добавить, что именно связь с сельским хозяйством, необходимость добыть для него денежные средства, обуславливала низкие заработки кустарей, заставляла соглашаться на них.

Мелкое кустарное производство, выходя на обслуживание индустрии через работу на дому для фабрики, вместе с тем «генерировало собственную экономическую «нишу», в пределах которой функционирование крупной промышленности было нецелесообразно (например, высокохудожественные промыслы и эксклюзивные производства). Другое условие сохранения кустарных промыслов, так же как самодостаточных крестьянских хозяйств, заключалось в их кооперировании. Функционирование кооперативной формы организации общественного производства тесно переплеталось с деятельностью общины, имея с ней как общие черты, так и особенности⁴.

Судя по официальным данным, представленным в табл. 24, число кредитных кооперативов с 1913 по 1917 г. существенно возросло: кредитных товариществ –

¹ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 11–12.

² *Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX в. (на материалах Московской губернии). М., 2011; *Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркуцов С.А., Петряев С.В.* Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2013; *Егоров В.Г., Антонов О.Ю., Зозуля О.А.* Кустарные промыслы Воронежской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2014.

³ *Егоров В.Г., Зозуля О.А., Палеолог М.В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX – начала XX в. С. 211, 214, 219.

⁴ Там же. С. 203, 209.

на 49,4 %, ссудо-сберегательных товариществ – на 47,1 %. Особенно заметным этот рост был на Кавказе и в Азиатской части страны: на Кавказе он составил по кредитным товариществам – 72,4 %, по ссудо-сберегательным – 61,2 %, в Азиатской России – 67,6 и 264,6 % соответственно. Между тем в Европейской России рост равнялся 44,4 и 28,3 % соответственно. Однако по абсолютным показателям Европейская Россия существенно превосходила масштабы кооперативного движения в др. регионах: в 1913 г. здесь находилось 81,1 % всех кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в стране, в 1917 – 76,4 %.

Сведения о потребительских обществах, сельскохозяйственных товариществах и обществах относятся к 1913 г. Они показывают, что суммарное число этих кооперативов (13 845) превышало количество кредитных (10 024), доля Европейской России и среди них была самой большой (78,6 %).

Таблица 24

Число кооперативов главнейших видов в 1913–1917 гг.

Виды кооперативов	Кредитная кооперация									
	Кредитные товарищества, существующие на 1 января					Ссудо-сберегательные товарищества, существующие на 1 января				
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Регионы										
Европейская Россия	6078	7041	7930	8480	8778	2047	2286	2485	2566	2627
Кавказ	496	615	724	782	855	188	251	277	294	303
Азиатская Россия	1051	1335	1545	1640	1762	164	247	347	452	598
Всего по России	7625	8991	10199	10902	11395	2399	2784	3109	3312	3528

Окончание табл. 24

Виды кооперативов	Потребительские общества	Сельскохозяйственные товарищества				Сельскохозяйственные общества			Прочее	Всего
		Всего	В том числе			Всего	В т. ч. специальных	В т. ч. общих		
			Общих	Всего	Из них молочных					
Регионы	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	1913 г.	
Европейская Россия	6899	992	140	852	690	2992	2496	496	302	19313
Кавказ	237	106	92	14	2	71	43	28	54	1152
Азиатская Россия	606	1821	1	1820	1813	121	102	19	28	3791
Всего по России	7742	2919	233	2686	2505	3184	2641	543	384	24256

Источник: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. 2. Труды ЦСУ. Т. VII. Вып. 2. М., 1922. С. 240–241.

В целом сельское население Российской империи, живущее за счет сельскохозяйственного производства, по своему земельному и личному правовому статусу, имущественному положению, методам ведения сельского хозяйства и др. представляла собой в совокупности не стабильную, а весьма подвижную, разнородную, неустойчивую социальную структуру. Часть его тянулась к традиции, другая – к рынку, третья сочетала те и другие начала. При этом общинное крестьянство играло определяющую роль. «В ходе революции община вновь ожила и окрепла»¹, – констатировали специалисты-аграрники. Это проявилось не только в преобладании приписного крестьянства, пользующегося наделными землями, не только в высоком удельном весе полупролетарских, беднейших и средних слоев в деревне, связанных с патриархальным и мелкотоварным укладами, но и в роли общины в политической жизни страны.

Выражением безусловной воли большинства крестьян России считается Примерный наказ, составленный редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» на основе 242 сельских и волостных наказов. Этот документ предназначался Учредительному собранию и был опубликован в № 88 «Известий» 19 августа 1917 г. Затем часть Примерного наказа, касающаяся земли, была включена в Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г.² Наконец, отдельные положения Наказа использовались при составлении Основного закона о социализации земли (февраль 1918 г.). Наказ был направлен против частной собственности на землю, на безвозмездное отчуждение в пользование трудящихся всей земли и сохранение общинных порядков в отношении переделов, уравнительных способов распределения земли, форм пользования ею, мирской помощи и пр.

Приверженность традиционным отношениям сказывалась и на политических организациях крестьян – Советах крестьянских депутатов. По наблюдениям исследователей, сельские Советы имели органическую связь с органами крестьянского общинного самоуправления как по характеру деятельности, так и по месту их расположения. «Общинная система самоуправления практически совпадала с системой организации и функционирования местных Советов, являвшихся одновременно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти»³, – констатировал В.П. Данилов.

Демократизация общества, произошедшая после Февраля 1917 г., проявилась в политическом объединении крестьянства и на общероссийском уровне, о чем свидетельствовали состоявшиеся в мае, ноябре–декабре 1917 и январе 1918 г. три всероссийских съезда Советов крестьянских депутатов. В январе 1918 г. под давлением большевиков произошло слияние III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов с III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в единый Совет и одновременно самороспуск Исполкома крестьянских съездов,

¹ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община. С. 31.

² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 18–19.

³ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год: Материалы международного симпозиума (15–16 января 1999 г.). М., 1999. С. 13.

что означало упразднение самостоятельной всероссийской организации крестьян. Это облегчало большевикам отход от принципов Декрета о земле и Закона о социализации земли, способствовало превращению крестьянства в политически и экономически неполноценный класс со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Глава 8. АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Социальной структурой, претерпевшей наибольшие изменения под влиянием мировой войны и революции 1917 г., оказалась российская армия. Ее распад в условиях системного кризиса 1917–1918 гг. привел к двоякому результату: ликвидации структуры, призванной осуществлять внутреннюю и внешнюю охрану государства, и втягиванию армии в революционный процесс, в котором солдаты стали играть одну из основных, а по мнению многих исследователей – главную роль.

В условиях войны численность армии многократно возросла по сравнению с довоенным периодом. В источниках приводятся различные сведения о мобилизованных за годы войны – от 15 млн до 19 млн чел.¹ Хотя по абсолютным показателям российская армия превосходила армии других государств, в армию было призвано 8,6 % населения страны, что значительно меньше, чем в других странах. Но в силу низкого удельного веса «кормильцев» (самодельных) среди населения призывники составили 47,4 % трудоспособных мужчин, в то время, как во Франции – 38 %, а Германии – 40 %². Таким образом, отвлечение рабочих рук было для России более чувствительным.

Состояние армии на 1 сентября 1917 г. представлено в табл. 25. Если накануне войны в армии насчитывалось 1423 тыс. чел., то за время войны было мобилизовано 14 375 тыс.

Таблица 25

**Состояние армии на 1 сентября 1917 г.
(по данным Ставки верховного главнокомандующего)**

Состояние армии	тыс. чел.
Мобилизовано	15793,0
1. Ко дню объявления войны	1423,0
2. За время войны к 1 мая 1917 г.	14375,0
Потери	8737,3
А. Военные потери	4467,8
1. Убитыми и без вести пропавшими	775,4
2. Тяжело ранеными и уволенными от службы	348,5
3. Взатыми в плен	3343,9
Б. Санитарные потери	4269,5
4. Эвакуированных во внутренние округа	
Больных	1425,0

¹ Россия в мировой войне. С. 88; Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 12.

² Россия в мировой войне. С. 21; *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. С. 132–133.

Состояние армии	тыс. чел.
Раненых	2844,5
Насчитывалось в армии на 1 сентября 1917 г.	7060,7
А. В действующей армии	5973,7
1. В строевых частях	4783,9
2. В запасных частях фронта	400,5
3. В частях, управлениях и учреждениях фронта	789,3
Б. В военных округах	1087,0
1. В переходных запасных полках	774,0
2. В запасных частях специальных родов войск	313,0

Источник: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 20.

Основная часть военнообязанных находилась в действующей армии, более 80 % которой составляли строевые части, в запасных частях фронта находилось 6,7 % военнослужащих, остальные были заняты в различных прифронтовых управлениях и учреждениях. Действующая армия разделялась на фронты и армии. По данным на 1 мая 1917 г. из 6877,6 тыс. наличного состава всех фронтов на Юго-Западный приходилось 34,7 %, Западный, Северный и Румынский сосредоточивали примерно по 20 %, Кавказский – 5 %. 0,7 % составляли инородцы и военнопленные. Солдат насчитывалось 6612,7 тыс. чел. (96,1% всего состава), офицеров – 137,1 тыс. (около 2 %), остальные 1,9 % приходились на чиновников¹.

Вторая часть армии, помимо действующей, находилась внутри страны, распределялась по военным округам и подчинялась военному министру. Здесь располагались управления и учреждения, обслуживавшие армию, и запасные войска, т. е. те части, в которых происходило обучение новобранцев и ратников (рядовые государственного ополчения). Внутри страны для «охранной службы» находилась часть дружин ополчения.

Численность запасных войск к 15 сентября 1917 г. составляла во внутренних военных округах 773,5 тыс. чел. С учетом запасных частей специальных родов войск общая численность запасных поднималась до 1100 тыс. чел. По сравнению с декабрем 1916 г. количество запасных пехотных полков уменьшилось в 2,7 раза, а с учетом запасных других родов – почти в 2 раза. По мнению видного военного теоретика и практика периода войны генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, это свидетельствовало об «истощении источников комплектования армии», «исчерпании людского запаса России»².

Общая численность занятых в управлениях, учреждениях, состоящих в дружинах ополчения, подчиненных военному министру, достигала к концу 1917 г. 400 тыс. чел. и таким образом в целом во внутренних военных округах насчитыва-

¹ Подсчитано по: Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. Приложения. С. 210.

² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 174, 175.

лось около 1,5 млн чел. (в декабре 1916 г. – 2550 тыс.)¹. Кроме того, во внутренние округа эвакуировали больных и раненых воинов, общая численность которых до сентября 1917 г. составила свыше 4 млн чел.

Гарнизоны русской армии, расположенные в прифронтовой полосе, по численности и составу запасных воинских частей почти непрерывно изменялись, а находившиеся в тыловом районе были относительно стабильными. Сведения о численности гарнизонов разноречивы, однако признается, что в крупных городах они были весьма многочисленны и сыграли в ходе революции 1917 г. большую роль. Особенно это относилось к Петрограду и Москве. Численность Петроградского гарнизона в феврале 1917 г. определяется исследователями от 160 тыс. до 200 тыс. солдат и офицеров, а вместе с пригородами – до 460 тыс. чел.² Численность Московского гарнизона в 1917 г. большинство исследователей считает равной 100 тыс. чел.³

Наиболее полные официальные сведения о социальном составе армии относятся к 1912 г. и составлены по программе, утвержденной военным министром⁴. Они представлены в относительных величинах в табл. 26 и 27.

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 176.

² Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 43; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. М., 1967. С. 97; Октябрьское вооруженное восстание (1917 год в Петрограде). Т. 1. Л., 1967; Андреев А.М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. С. 30–31.

³ Миц И.И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 420; Васин И.И. Армия и революция. (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М., 1973. С. 106–107, 206; Грунт А.Я. Москва 1917-й. Революция и контрреволюция С. 42–43.

⁴ Военно-статистический ежегодник России за 1912 год. Пг., 1914. Абсолютные показатели содержащихся здесь сведений частично опубликованы в сборнике: Россия 1913. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 286–288.

Таблица 26

Социальные показатели нижних чинов Российской армии в 1912 г. (в %)

Род войск	Сословность				Занятия до поступления на службу					Грамотность				Образование					
	Потомственные дворяне	Духовного звания	Купеческого звания	Потомственные почетные граждане	Выпущенные из казачьего сословия	Земледельцы	Ремесленники и мастеровые	Фабричные и заводские	Чернорабочие	Домашняя прислуга	Служба в административных и общественных учреждениях	Прочие занятия	Грамотные	Малограмотные	Неграмотные	Высшее	Среднее	Низшее	Не имеющие образования
Все войска и учреждения*	0,42	0,19	0,38	0,46	98,55	59,50	16,79	3,51	11,00	1,33	2,03	5,84	47,41	24,09	28,59	0,12	0,49	10,13	89,26
Казачьи войска**	0,09	0,02	0,003	0,007	99,88	95,85	1,10	0,03	0,43	0,06	0,18	2,34	60,18	23,15	16,67	0,02	0,25	6,35	93,38

Окончание табл. 26

Род войск	Национальность										Вероисповедание							Семейное положение		
	Русские***	Поляки	Литовцы и латыши	Немцы	Евреи	Кавказские народности	Финны, мордва, черемисы и чуваш	Татары, мещеряки, башкиры, тевтры	Прочие народности	Православные	Католики	Протестанты	Армяно-григоряне	Иудеи	Карамы	Мусульмане	Язычники	Женатые	Холостые	Вдовы или разведенные
Все войска и учреждения*	76,85	8,66	1,98	1,57	4,18	2,16	0,79	3,16	0,65	78,56	9,84	2,09	1,23	4,17	0,09	2,98	1,04	32,92	66,64	0,44
Казачьи войска**	96,03	0,04	-	-	0,01	1,16	0,02	1,16	1,58	94,31	0,55	0,30	0,003	0,44	0,04	2,43	1,92	74,90	24,20	0,90

* Учтено 1 202 206 чел. нижних чинов, служивших в пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерных, железнодорожных войсках, Амударыинском флоте. Кроме того, учтены войска полевые, крепостные, запасные, местные, вспомогательного назначения, а также нижние чины.

** Учтено 57 953 чел.

*** Кроме русских сюда включены малороссы (украинцы) и белорусы.

Источник: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. Пг., 1914. С. 372–375.

Данные о нижних чинах (как они назывались до марта 1917 г., когда были переименованы в солдат) касаются 1,2 млн чел. По военному уставу 1912 г. армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности. Тем не менее, как следует из табл. 26, 98,5 % нижних чинов были выходцами из бывших податных – преимущественно крестьянского – и казачьего сословий. На долю всех остальных привилегированных сословий приходилось всего 1,45 % нижних чинов.

Сведения о занятиях до поступления на службу показывают, что земледельцами являлись из нижних чинов 59,5 %, ремесленники и мастера составляли 16,8 %, чернорабочие и прислуга – 12,3 %, фабрично-заводские рабочие – 3,5 %, служащие учреждений – 2 %, около 6 % не распределены по занятиям.

Грамотных, т. е. умеющих читать и писать, было около половины (47,4 %), малограмотных (только умеющих читать) – 24,1 %, неграмотными являлись 28,5 %. Получивших образование, преимущественно низшее, в различных школах насчитывалось всего 10,7 %. Остальная масса не имела никакого образования.

По семейному положению большинство нижних чинов были холостыми (66,6 %), женатыми являлась лишь треть. Вдовых и разведенных было всего 0,44 %. Армия отражала многонациональный и многоконфессиональный состав населения империи, но по национальности, которая определялась родным языком, и вероисповеданию громадное большинство нижних чинов было русскими (76,8 %) и православными (78,6 %). При этом статистика того времени включала в состав русскоязычных не только великороссов, но и малороссов (украинцев) и белорусов. Поляки составляли 8,7 %, литовцы и латыши – примерно 2 %, евреи – 4,2 %, татары и близкие им языковые группы – 3,2 %, кавказские народности – 2,2 %. В соответствии с этим католиков насчитывалось среди нижних чинов около 10 %, иудеев – 4,2 %, мусульман – почти 3 %, протестантов – 2,1 %.

Нижние чины казачьих войск, которых учтено 57,9 тыс. чел., были еще более единообразны. Выходцы из бывших податных и особенно казачьего сословий составляли 99,9 %, занятые сельскохозяйственным трудом – 95,9 %, русскоязычных и православных было 96,0 и 94,3% соответственно, удельный вес женатых в 3 раза превышал долю холостых. Более высокой была и доля грамотных – 60,2 % всех нижних чинов казачьих войск.

Социальные показатели, касающиеся офицерского корпуса, приведены в табл. 27.

Таблица 27

Социальные показатели офицерских чинов Российской армии в 1912 г. (в %)

Наименование военных чинов	Сословность					Образование							Семейное положение			
	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия	Общее			Военные училища	Юнкерские училища (окружные)	Не проходили курс военных заведений	Женатые	Холостые	Вдовы и разведенные		
						Высшее	Среднее	Низшее								
<i>В армии*</i> генералы (932 чел.)	87,45	7,72	1,39	0,75	2,69	5,79	89,48	0,97	3,76	56,33	35,73	6,87	1,07	86,37	7,08	6,55
штаб-офицеры (6448 чел.)	71,46	10,53	4,22	2,31	11,48	2,39	76,10	14,13	7,38	19,34	42,91	36,93	0,82	83,73	12,28	3,99
обер-офицеры (33528 чел.)	50,36	14,44	3,60	3,61	27,99	0,92	65,95	22,27	10,86	3,22	49,66	44,74	2,38	52,90	45,28	1,82
<i>В казачьих войсках**</i> генералы (36 чел.)	69,45	8,33	–	2,78	19,41	5,56	66,66	5,56	22,22	27,78	41,46	22,22	8,33	83,33	13,89	2,78
штаб-офицеры (277 чел.)	59,21	6,86	3,61	5,78	24,54	1,45	67,15	14,08	17,32	10,11	33,94	51,26	4,69	84,84	11,91	3,25
обер-офицеры (2361 чел.)	37,44	12,82	2,97	5,59	41,17	0,55	64,42	19,87	15,16	1,06	48,66	48,33	1,95	51,80	45,91	2,29

Наименование военных чинов	Национальность										Вероисповедание							
	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы и жмудины	Татары	Кавказские народности	Прочие народности	Православные и единоверцы	Старообрядцы	Католики	Протестанты	Армяно-григоряне	Магометане	Карамы	Буддисты	Прочие вероисповедания	
<i>В армии*</i> генералы	86,48	3,33	6,55	0,21	0,32	1,39	1,29	0,43	85,41	0,32	4,19	6,76	0,64	1,07	-	-	1,61	
штаб-офицеры	85,84	6,28	3,26	0,42	0,29	0,57	2,65	0,69	87,50	0,14	6,39	3,30	1,09	0,67	-	-	0,89	
обер-офицеры	86,70	5,71	2,61	0,78	0,21	0,56	2,54	0,89	88,43	0,23	5,81	2,82	0,97	0,80	0,03	0,01	0,82	
<i>В казачьих войсках**</i> генералы	88,89	-	-	-	-	-	11,11	-	94,44	-	-	-	-	5,56	-	-	-	
штаб-офицеры	95,67	0,72	0,72	-	-	0,36	1,08	1,45	96,03	-	-	1,8	0,72	1,45	-	-	-	
обер-офицеры	96,40	0,17	0,17	-	-	0,25	2,54	0,47	97,84	0,47	0,25	0,21	0,04	0,90	-	0,04	0,25	

* Учтено 40 908 офицерских чинов в пехоте, кавалерии, артиллерии, инженерных, железнодорожных войсках, в Аму-Дарьинской флотилии, а также в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства.

** Учтено 2674 офицера казачьих войск.

Источник: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С. 234–235.

Среди учтенных в источнике почти 41 тыс. офицеров армии 2,3 % приходилось на генералов (чины от генералиссимуса до бригадира), 15,8 % – на штаб-офицеров (чины «полкового штаба», от полковника до майора) и 81,9 % на обер-офицеров, т. е. старших офицеров – чины от капитана до прапорщика. Унтер-офицеры – младшие офицеры, выходявшие в основном из нижних чинов, в состав офицерского корпуса не включались¹.

Основная масса офицеров происходила из потомственных дворян. Среди генералов таких было 87,4 %, штаб-офицеров – 71,5 % и обер-офицеров – 50,4 %. Менее всего генералов было из купеческого (0,7 %) и духовного (1,4 %) звания, штаб-офицеров – из купеческого (2,3 %), а обер-офицеров – из духовного и купеческого званий (по 3,6 %).

Большая часть офицеров имела среднее общее образование: из генералов около 90 %, штаб-офицеров – 76,1 %, обер-офицеров 65,9 %. Остальные получили высшее (из генералов – 5,8 %), низшее (22,3 % обер-офицеров) и домашнее (3,8 % генералов, 7,4 % штаб-офицеров и 10,9 % обер-офицеров) общее образование.

Почти все имели военное образование. Наибольший процент офицеров, закончивших академии, наблюдался у генералов (56,3), затем следовали штаб-офицеры (19,3) и наконец, обер-офицеры (3,2 %). Из штаб-офицеров и обер-офицеров большинство училось в военных и юнкерских училищах.

Преобладающая часть офицеров – от 86 до 88 % – были русскоязычными и православными. Но в офицерском корпусе представлены и многие другие народы, жившие в империи, – поляки, немцы, выходцы с Кавказа, татары и т. д.

Семейное положение офицеров существенно отличалось от такового у нижних чинов: большинство из них были женаты (от 52,9 % у обер-офицеров до 86,4 % – у генералов), что объяснялось во многом возрастным составом офицерского корпуса. Среди генералов преобладали лица от 50 до 60 лет (66,3 %), у штаб-офицеров – от 40 до 50 лет (51,4 %), обер-офицеров – в возрасте от 30 до 40 лет (37,7 %)².

Из 2674 офицеров казачьих войск 1,3 % приходились на генералов, 10,4 % – на штаб-офицеров и 88,3 % на обер-офицеров. Состав этих офицеров был более демократичным, чем армейских. Выходцы из потомственных дворян составляли среди генералов 69,4 %, штаб-офицеров – 59,2, обер-офицеров – 37,4 %. В свою очередь доля представителей бывших податных сословий оказывалась выше, достигая среди генералов 19,4 %, штаб-офицеров – 24,5 и обер-офицеров 41,2 %. У казачьих офицеров уровень общего среднего образования был несколько ниже по сравнению с армейскими, но военные учебные заведения различного уровня оканчивало большинство. Подобно нижним чинам казачьих войск, и их офицеры отличались большим единообразием в отношении национальной и конфессиональной принадлежности: русскоязычные и православные составляли среди них в среднем более 95 %, а доля представителей других народностей и конфессий была незначительной.

В целом накануне войны по своему составу, методам подготовки, идеологической составляющей, в основе которой по-прежнему лежала триада «право-

¹ См.: *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. С. 77.

² Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. С. 229, 233.

славие, самодержавие и народность», российская армия оставалась традиционной структурой, хотя и продвигавшейся в определенной степени в сторону гражданственности.

Поправки, спешно вносимые в устав о военной службе в годы войны, а также принимаемые правительством меры по проверке лиц, освобожденных от призыва в войска, особенно в городах, не изменили принципиально состава армии. Как и раньше, большинство нижних чинов были выходцами из деревни. Имеющиеся данные о социальном составе инвалидов и военнопленных периода войны также показывают преобладание крестьянского элемента в армии, хотя и свидетельствуют об увеличении в ней доли рабочих и средних слоев¹.

Сильнее всего изменился в годы войны офицерский корпус. В связи с возросшими потребностями и большими боевыми потерями офицеров стали выпускать с сокращенным сроком обучения в юнкерских училищах, а также в специально созданных школах прапорщиков, куда принимали в т. ч. выходцев из мещан и крестьян. Кроме того, в офицеры стали производить за боевые заслуги из солдат и унтер-офицеров без прохождения специального курса обучения. В результате удельный вес выходцев из привилегированных, в т. ч. дворянского, сословий, падал, а из непривилегированных – возрастал. В составе офицерского корпуса увеличилась доля представителей интеллигенции². Профессиональная подготовка офицеров военного времени признавалась «много ниже той, которой обладали замененные ими кадровые офицеры»³. Что касается нижних чинов, то из учтенных 12,6 млн чел. более 60 % составляли плохо обученные новобранцы и ратники⁴.

В мае 1917 г. генерал А.А. Брусилов, в то время командующий Юго-Западным фронтом, так характеризовал состояние армии: «Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили 50 % кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армии. Большие потери убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров – все это привело к тому, что попадают полки, где состав обернулся 9–10 раз, причем в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2–4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры – молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду неопытности»⁵. Командование Западного фронта в сентябре 1917 г. доносило в Ставку: «Большинство запасных полков дошло до полной дезорганизации и вместо того, чтобы давать фронту об-

¹ См.: *Иванова Н.А.* Демографические и социальные процессы // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 214–216.

² *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). М., 2006. С. 169–170.

³ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 146.

⁴ *Сазонов Л.И.* Численность русской армии в войну 1914–1918 гг. // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 126.

⁵ Цит. по: *Деникин А.И.* Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. Париж, 1921. Вып. 1. С. 233.

ученное укомплектование, дают необученные и зараженные большевистскими идеями маршевые роты, которые вредно действуют на полки фронта и вносят в них развал»¹.

Показателем состояния личного состава действующей армии было соотношение количества раненых и больных, эвакуированных в тыл и возвратившихся в свои части по выздоровлению. Согласно отчету Главного полевого военно-санитарного инспектора, представленному начальнику Штаба верховного главнокомандующего, с января по май 1917 г. было эвакуировано за пределы фронта 9790 офицеров, из которых вернулось по выздоровлению 91 %, и 891 765 солдат, доля вернувшихся среди которых равнялась только 37 %. Л.И. Сазонов, анализировавший эти данные, полагал, что среднее отношение вернувшихся к числу эвакуированных для всей войны могло составить примерно 50 %².

За 1914–1916 гг. число не возвратившихся больных составило 726 200 чел., а за 9 месяцев 1917 г. достигло 1 183 988³. Статистика показывает резкий рост числа невозвратившихся в условиях революции и значительные различия в доле невозвратившихся у офицеров и солдат. Главную причину этого различия Н.Н. Головин видел в большем сознании «своего долга перед Родиной в офицерской, нежели в солдатской массе»⁴.

Наконец, имеются данные Ставки верховного главнокомандующего о числе дезертиров. С начала войны до Февральской революции общее число дезертиров в русской армии составило 195 130 чел., а с 15 мая до 1 августа 1917 г. оно возросло до 365 137. До революции в среднем в месяц дезертировало 6300 чел., после революции – 30 900, т. е. в 5 раз больше⁵. Кроме того, до полутора миллионов составляли «незарегистрированные дезертиры». Таким образом, к концу войны численность дезертиров достигала 1900 тыс.⁶

«Утечка» солдат с фронта, отказ идти на фронт под разными предлогами нередко провоцировалась самим командованием. Так, 28 марта 1917 г. вышел приказ военного министра А.И. Гучкова об отпуске солдат, чей возраст превышал 40 лет, на сельскохозяйственные работы до 15 мая (впоследствии срок продлен до 15 июня). Эта мера касалась тыловых округов – Московского и Казанского в Европейской России и всех округов Азиатской части страны; она была распространена и на прифронтовые округа – Одесский, Киевский, Минский, Двинский и Петроградский⁷. Решение вопроса предоставлялось солдатским комитетам, и в ряде армий они постановили отправлять в отпуска по 100 чел. из каждого пехотного полка и всех старослужащих на время полевых работ. Возвращение этих солдат обратно в строй стало большой проблемой.

¹ Цит. по: *Чертисев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание. С. 516.

² *Сазонов Л.И.* Численность русской армии в войну 1914–1918 гг. С. 159–160.

³ *Аврамов В.Г.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Народного комиссариата здравоохранения. М., 1920. № 1–2. С. 40–42.

⁴ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 146, 181.

⁵ Россия в мировой войне. Табл. 16. С. 26.

⁶ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. С. 186.

⁷ *Андреев А.М.* Указ. соч. С. 91.

19 июня 1917 г. появился приказ военного министра А.Ф. Керенского о прекращении отпусков во всех воинских частях фронта и тыла. Он вызвал массовые выступления солдат против отправки в действующую армию. Местные Советы рабочих и солдатских депутатов принимали решения в поддержку солдат¹. В свою очередь, в июне и июле 1917 г. с фронта в тыл стали уходить солдаты старше 40 лет, поверившие слухам, что их отправят домой. Являясь в столицы, они посылали депутации, устраивали шествия, добиваясь, чтобы их уволили на «законном основании»².

Можно согласиться с исследователями, которые считают, что «трактовка дезертирства исключительно в пацифистском ключе не отражает всего его многообразия»³. Конечно, дезертирство как крайнее проявление развала армии, ставшее по существу «стихийно начавшейся демобилизацией»⁴, было отражением усталости большинства солдат от войны, недовольства положением дел на фронте, было связано с большими человеческими потерями, непониманием целей войны, чуждых народу. Патриотические настроения начала войны постепенно сменялись требованиями мира во что бы то ни стало, а общее настроение армии создавало благоприятную почву для пацифистской пропаганды. Вместе с тем военнослужащие были тесно связаны с гражданским населением, болезненно воспринимали положение в тылу, нехватку продуктов, повышение цен, реквизиции хлеба у крестьян, беспокоились о своих семьях в деревне и предстоящем переделе земли.

Военнослужащие, находившиеся в рамках армейского коллектива, основанного на подчинении и строгой дисциплине, при морализирующей роли религии и следовании воинской присяге, в условиях войны и революции потеряли эти скрепы. Отречение Николая II от престола и переход власти к Временному правительству разрушили объединяющую российское общество идею «За Веру, Царя и Отечество». Взамен нее ничего аналогичного предложено не было. Лозунги многочисленных партий, представлявших в условиях революции различные программы переустройства общества, вели не к единению, а к усилению конфронтации различных слоев и групп на протяжении 1917–1918 гг. Она проявилась и в армии.

Демократизация общественной жизни после Февральской революции имела неоднозначные последствия. Приказ № 1, изданный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов по Петроградскому гарнизону, узаконивал право нижних чинов выбирать комитеты в армии из их числа, а также представителей в Советы, передавать оружие в распоряжение ротных и батальонных комитетов, не выдавать их офицерам. Хотя приказ не содержал пункта о выборности командного состава, но оставлял его решение на усмотрение каждой воинской части⁵. Приказ № 2 Исполкома Петроградского совета по войскам Петроградского во-

¹ Андреев А.М. Указ. соч. С. 94–98.

² Половцев П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 81.

³ Миронов В.В. Заложники распадающейся империи: мотивация дезертирства в австро-венгерской армии в 1917–1918 гг. // Человек и война в XX веке. Материалы международной научно-практической конференции. г. Тольятти, 2 июня 2007 г. М., 2007. С. 61.

⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 187.

⁵ Миллер В.И. Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции // История СССР. 1966. № 6. С. 39.

енного округа от 5 марта 1917 г. признавал выборы офицеров в силе, «если они утверждены или посланы на утверждение военного начальства»¹. В дальнейшем, по мере издания Временным правительством приказов, направленных против демократизации в армии, развернулось массовое движение солдат за выборность командного состава. В реальности это приводило как к смещению командованием неугодных офицеров, так и к насильственным действиям солдатских масс². Последние все больше рассматривали офицеров не просто как командиров, которым не следует подчиняться, что в корне подрывало воинскую дисциплину, но как «господ», своих классовых врагов. После корниловского мятежа в конце августа 1917 г. из действующей армии в результате солдатских самосудов было изгнано примерно 10 тыс. офицерских чинов³. Армия по существу становилась ареной гражданской войны.

Одновременно организованность личного состава на иной, не служебной основе, продолжала расти. В воспоминаниях генерала Нокса приводятся цифры численности комитетов, советов и других организаций Юго-Западного фронта. В армиях, запасных частях и тыловых учреждениях в этих организациях состояло 75 тыс. солдат, 8,2 тыс. офицеров и 1727 чиновников и врачей⁴. Отмечается исследователями ведущая роль тыловых гарнизонов в революционизации армии, особенно близких к столицам, тенденция контактов солдатских Советов с рабочими или их слияния, и тот факт, что «роль представителей городских средних слоев в политической жизни армии в 1917 г. была намного выше их удельного веса»⁵.

Важным показателем настроения в армии являлись письма солдат с фронта, которые неоднократно анализировались учеными⁶. Они свидетельствуют о том, что в 1917 г. главным волновавшим солдат вопросом было скорейшее заключение мира, усталость от войны, нежелание идти в бой. Наряду с этим считалось, что война ведется ради интересов господствующих классов, солдату, как и народу в целом, который несет на себе все тяготы войны, она ничего не дает. На фоне стремления восстановить социальную справедливость, в частности, в отношении службы в армии, появляются угрозы возмездия, расправы с буржуазией и помещиками, к которым добавляются офицеры.

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия (февраль–март 1917 г.). Документы и материалы. М., 1957. С. 208.

² *Андреев А.М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. С. 42–44; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание. С. 273–274.

³ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 32.

⁴ Major General Alfred Knox. With the Russian Army. 1914–1917. London, 1921. P. 699, 700.

⁵ *Миллер В.И.* Представители городских средних слоев в русской армии 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. Межвузовский сб. науч. трудов. М., 1989. С. 87.

⁶ *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 212–214, 229–231, 329–330; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание. С. 840.

До февраля 1917 г. важное место занимали жалобы солдат на жестокую дисциплину, телесные наказания, бесправие, а также плохое питание, одежду, обувь и т. п. Солдат возмущало положение в тылу: разорение крестьян, затягивание с решением земельного вопроса, дороговизна для одних и нажива других. В 1917 г. в ходе стихийных выступлений в городах вместе с другими слоями населения на первый план у солдат выходили: насилие против лиц и учреждений, которые рассматривались как непосредственные «источники зла» (61 % всех упоминаний солдатских выступлений), массовые обыски (19 %) и политические выступления (18 %), пьяные беспорядки (12 %), разгром частных торговых заведений (10 %) и разгром тюрем (7 %), разгром государственных продовольственных учреждений (3 %)¹. Характерный отзыв дал командир 12-й армии, который констатировал, что армия представляет из себя «огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединяемых жаждой мира и всеобщим разочарованием»². Такая характеристика без особой натяжки может быть применима ко всему фронту вообще.

Распад российской армии произошел в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. под влиянием целого ряда факторов. Среди них – депрофессионализация и маргинализация как солдат, так и офицеров. Утратив свои мирные занятия и профессии, военнослужащие в большинстве своем не только не стали кадровыми военными, но и перестали выполнять свои прямые воинские обязанности. Были утрачены идеологические и религиозные основы, объединяющие патриархальное общество. Нарушению воинской дисциплины сопутствовало усиление социальных противоречий в армии, их выдвигание на первый план в отношениях между солдатами и офицерами.

Большое влияние на армию оказывали пацифистские и революционные настроения в тылу: недовольство общества затягиванием войны, поражением на фронте, действиями властей, социальным неравенством, материальными тяготами. Разнонаправленная партийная пропаганда и агитация усиливала социальный и политический раскол в армии. Неоднозначное воздействие оказывала демократизация общества как результат Февральской революции: наряду с предоставлением широких гражданских прав военнослужащим, она стимулировала неповиновение, вседозволенность, жестокость, насилие. Рост дезертирства стал крайним проявлением разложения армии. В психологическом и душевном состоянии большинства солдат место рассудка и воли стали занимать эмоции, инстинкты и страсти, которые превратили армию из защитницы Отечества в вооруженную толпу. «Империя... начала разлагаться изнутри; это разложение передалось армии; развал армии в свою очередь привел к развалу всего государства», – заключал Н.Н. Головин³.

¹ Канищев В.В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: историческая информатика в индустриальном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 148.

² Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 143–144.

³ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 11.

* * *

Та социальная структура, с которой Россия пришла к революции 1917 г., сложилась в предвоенный период, в начале XX в. Однако в условиях войны, с одной стороны, численно выросли и приобрели больший удельный вес наиболее структурированные слои, с другой – в условиях ослабления рыночных начал переходные, в т. ч. маргинальные, группы населения, увеличились количественно, выросла их роль в дестабилизации общества. При этом к прежним подобным группам населения добавились порожденные военной обстановкой беженцы, военнопленные и др.¹

Структурирование российского общества происходило прежде всего в связи с развитием индустриальных отраслей хозяйства и под влиянием урбанизации. Однако удельный вес рабочего класса даже с учетом рабочих всех других, а не только индустриальных отраслей, не превышал 20 %, а в фабрично-заводских и транспортных группах производств составлял в разы меньше. Вместе с тем даже это ядро рабочего класса отличалось неоднородностью по уровню квалификации, оплате труда и др. параметрам. Среди городского населения быстро росло число служащих, интеллигенции – представителей «новых» средних слоев, догонявших рабочих по своему удельному весу. В то же время «старые» средние слои – ремесленники, торговцы и другие мелкие хозяева, являвшиеся собственниками и тружениками одновременно, испытывали стагнацию.

Однако Петербург и Москва, кардинально отличавшиеся от всей остальной городской периферии уровнем политического, экономического, социального, культурного развития, выделялись и структурой своих жителей. В большинстве других, особенно малых, городов доля промышленных рабочих и служащих была низкой, а вышедшие из традиционного общества слои населения заметно преобладали. Еще больший контраст существовал между городом и деревней. Крестьянство составляло большинство населения и оставалось связанным немалыми сословными ограничениями. Широкое распространение имели в деревне патриархальный и мелкотоварный уклады и связанное с ними беднейшее и среднее крестьянство.

Общей тенденцией России начала XX в. являлось численное преобладание низших, малообеспеченных слоев населения и ничтожно малая доля высших, состоятельных групп, а также колоссальная разница между ними в имущественном положении. Это относилось и к городским, и к сельским жителям. Вот почему, несмотря на различие интересов и нужд отдельных слоев населения, стремление к социальному равенству и улучшению материального положения, ухудшившегося в годы мировой войны, объединяло большинство народа. Важным шагом в этом направлении была ликвидация многих, хотя и не всех, правовых сословных ограничений, превращение российского населения из подданных в граждан.

Идея уравнительности в распределении земли, другого имущества (жилья), заработной платы, продовольствия, пришедшая из традиционного общества, имела широкое распространение среди населения и реализовалась в политике как Временного, так советского правительства. При этом крестьянству (и состоявшей

¹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 227–233 и др.

преимущественно из него армии), разочаровавшемся в патернализме самодержавного государства (которому оно служило веками, платя налоги, давая рекрутов, кормя население хлебом) в результате неудач в войне, нерешенности вопроса о земле, реквизиций хлеба и т. п., было по большому счету, видимо, все равно, как будет достигнута эта уравнительность – в результате укрепления привычных традиционных начал или перехода к малопонятному ему социализму. К последнему его подталкивали большевики, которые сумели использовать рабочие, крестьянские и солдатские массы в качестве главной силы революции.

Раздел IV. РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ

Глава 1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1917 – ВЕСНОЙ 1918 г.

1.1. Российская индустрия в 1917 г.: динамика и структура производства (А.С. Грузинов)

Накануне Первой мировой войны современники недооценивали индустриальный характер будущего военного конфликта, ключевое значение промышленного сектора экономики для победы в войне. Основные вопросы, на которые традиционно ищут ответ исследователи, сводятся к тому, справлялась ли российская промышленность со стоявшими перед ней в годы войны задачами и какова была взаимосвязь между динамикой производства и революционными событиями 1917 г.?

Самый общий ответ, казалось бы, заключен в цифровых показателях динамики российской промышленности накануне и после Февральской революции. Однако исследователи расходятся в исчислении показателей, характеризующих годовые индексы, и их соотношения, что обусловливается состоянием источниковой базы, различиями методов ее обработки. Это сказывается на оценках масштаба и характера назревавшего промышленного кризиса. Тем не менее при всех различиях расчетов валовые данные свидетельствуют о безусловном падении в 1917 г. объемов производства не только по сравнению с довоенным уровнем, но и с 1916 г., когда был достигнут пик мобилизации промышленности (табл. 1).

Наиболее востребованными в историко-экономических исследованиях являются обработанные В.Я. Воробьевым результаты промышленной переписи, проведенной в августе 1918 г. на территории 31 губернии Европейской России, за исключением Прибалтийского, Южного и Уральского промышленных районов, где было сосредоточено большинство предприятий тяжелой промышленности¹. На основе данных переписи о непрерывно действовавших в 1913 – первой половине 1918 г. предприятиях, он выявил поотраслевую динамику производительности труда в годы войны («коэффициенты данных переписи») и, дополнив ее данными фабричной и горной инспекции по численности рабочих, вычислил приблизительно динамику валовой продукции фабрично-заводской промышленности

¹ Воробьев В.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года) // Вестник статистики. Кн. XIV. Апрель–июнь 1923 г. № 4–6; Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. М., 1920. С. IV–X; Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. / Труды Центрального статистического управления. Т. 26. Вып. 1–2. Б. м., 1926. С. 38–39; и др.

Таблица 1

Индексы российской промышленности (в %, 1913 г. = 100)											
Авторы расчетов	Ряды данных	Территория	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1917 г. к уровню 1916 г. (%)			
Прокопович С.Н. (1918)	Производительность промышленности	—	100	100	<u>92,6</u>	70,9	50				
	Валовая продукция непрерывно действующих предприятий промышленности (в ценах 1913 г.)	31 губ. Европейской России	104,5	134,6	143,8	100,8	20,9*			—29,9	
Воробьев Н.Я. (1923/1924)	Движение среднесуточного числа рабочих непрерывно действующих предприятий промышленности	1924	102,4	117,6	119,6	84,7	19,7*			—29,2	
		1923	102,9	106,9	113	118,2	95,2*			4,6	
	Валовая продукция непрерывно действующих предприятий промышленности	1924	102,9	106,6	112,6	117,8	90,7*				4,6
		1923	101,6	126,1	127,3	85,3	22				—33
Валовая продукция непрерывно действующих предприятий промышленности, в расчете на количество задействованных рабочих	1924 (в год / в 1 чел.-день)		99,4 / 100,9	110,3 / 108,3	106,3 / 104,1	72 / 76	21,8* / 49,7*			—32,3 / —27	
	1923 / 1924	58 губ. Европейской России и Кавказа; Сибирь; Туркестан	101,2	113,7	<u>121,5</u>	77,3	34,5			—36,4	
Варзар В.Е. (1928)	Физический объем потребления предметов промышленного производства	СССР в границах до 1939 г.	99,8	97,7	<u>93,6</u>	71,04	33,7			—24,1	
Проман В.Г. (1928)	Ценность продукции промышленности (в ценах 1913 г.)	СССР в границах до 1939 г.	91,9	102,1	<u>109,1</u>	69,1	30,4			—36,7	
Гухман Б.А. (1929)	Стоимость валовой продукции крупной (фабрично-заводской) промышленности (в ценах 1913 г.)	СССР в границах до 1939 г.	100,6	110,4	<u>116,7</u>	74,8	33,8			—35,9	

Кафенгауз Л.Б. (1930[1994])	Физический объем производства промышленно-сти (по числу рабочих)	104	101,1	104,8	80,1	49,6	-23,6
	Физический объем производства промышленно-ности (по стоимости производства)	99,9	97,9	97,5	78,5	28,8	-19,5
	Число промышленных рабочих				119,1	92	
Наггер У. (1962)	Стоимость валовой продукции фабрично-завод-ской промышленности (в ценах 1913 г.)	98,75	110,9	110,2	79,8	36,75	-27,6
	Валовая стоимость промышленной продукции, включая мелкую	110	107	111	92	40	-17,1
Эггелл П. (2005)	Национальный доход в крупной промышленности	101	111	104	76	49,7*	-26,9
Смирнов С.В. (2012)	Усредненная оценка (на основе геометрической средней темпов роста) промышленной дина-мики разными экспертами (Варзар В.Е., 1928; Кафенгауз Л.Б., 1930; Наггер У., 1962; Маркевич А.М. / Харрисон М., 2011)	104,5	102,3	100,5	80,5	26,4	-20
	Добавленная стоимость валовой продукции крупной промышленности	106,3	110,9	94,2	73,3	31,3	-22,2
Маркевич А.М. / Харрисон М. (2013)	Добавленная стоимость валовой продукции мелкой промышленности	98,1	78,4	88,3	78,4	73,5	-11,2

* Данные за первую половину 1918 г.

Источники: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 173; Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции (по данным переписи 1918 года) // Вестник статистики. Кн. XIV. Апрель-июнь 1923 г. № 4-6. С. 119, 122-123, 152-153; Сборник статистических сведений по СССР, 1918-1923, за пять лет работы ЦСУ // Труды ЦСУ. Т. XVIII. М., 1924. С. 168-171; Громан В.Г. Народное хозяйство СССР. Упадок и возрождение. М., 1928. С. 48; Гуджан Б.А. На рубеже // Планоное хозяйство. 1929. № 5. С. 173; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. - 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 290-297, 231; Gatrell P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1913-1917 // Broadberry S., Harrison M. The economics of World War I. Cambridge, 2005. P. 241, 254; Смирнов С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861-2012. М., 2012. С. 69, 73; Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913-1928 гг. М., 2013. С. 18, 71, 75, 89-98.

СССР «в границах до 1939 г.», отличающуюся наиболее высоким, по сравнению с большинством других оценок, приростом производства с 1913 по 1916–1917 гг.¹

Материалы переписи 1918 г. также использовал Л.Б. Кафенгауз², совместно с группой советских статистиков и экономистов собравший и обобщивший к началу 1930-х гг. огромный массив статистических данных, характеризующих развитие российской промышленности с 1887 по 1926/27 г. На их основе Кафенгауз рассчитал несколько вариантов индексов – физического объема продукции российской промышленности (на основе 29 рядов данных)³, динамики стоимости валовой продукции (37 рядов), численности рабочих (29 рядов) и промышленных заведений (27 рядов). Впрочем, сам автор высказал сомнения, насколько достоверно разработанный им индекс физического объема продукции отображал реальную картину в период Первой мировой войны, поскольку он недостаточно учитывал изменение ассортимента продукции, кардинальное расширение военного производства в ущерб гражданскому⁴.

В недавнем исследовании А.М. Маркевича и М. Харрисона, предпринявших попытку исчисления национального дохода в России в 1913–1928 гг. в соответствии с требованиями Системы национальных счетов ООН, используется наиболее широкий из индексов, включающий 60 рядов данных по отраслям и производствам (например, В.Е. Варзар использовал 35 рядов)⁵.

Другие фигурирующие в литературе индексы промышленного производства во многом «вторичны» по отношению к упомянутым подсчетам. Индексы Гухмана, Громана, Гэтрелла в основном восходят к промышленной переписи 1918 г., т. е. к данным, обобщенным Воробьевым. Смирнов выводит средний индекс из четырех других, Варзар не раскрывает исходных данных, индекс Прокоповича основан исключительно на динамике производительности труда в угольной промышленности Донбасса.

В целом усредненный индекс развития промышленности равен по данным табл. 1⁶ по отношению к 1913 г. 104,4 %, в 1916 и 75,1 % в 1917 г. Приведенные циф-

¹ Возможно, сказался отмеченный Воробьевым недоучет в переписи числа закрывшихся в годы войны заведений (*Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 117).

² См.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.; Л., 1929. С. 22, 27–28.

³ Кафенгауз разработал два варианта данного индекса, различающихся за 1913–1918 гг. в пределах 10 %. Наиболее значимые расхождения относятся к 1918 г., когда снижение числа задействованных рабочих значительно отставало от падения уровня производства, но в целом отмечается схожесть выявленных трендов.

⁴ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 288. Критику индексов Л.Б. Кафенгауза см.: *Бокарев Ю.П.* Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М., 2007. С. 170–179; *Грегори П.* Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. М., 1999. С. 471–500.

⁵ См.: *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстание: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013.

⁶ Усредненный показатель получен на основании представленных в табл. 10 вариантов индекса (выделены подчеркиванием в столбце за 1916–1917 гг.): за исключением подсче-

ры, на первый взгляд, подтверждают точку зрения, что к 1917 г. российская промышленность если и не находилась на стадии своеобразного подъема, то как бы сохраняла позиции на уровне предвоенного 1913 г., а ее послефевральский спад скорее был обусловлен иными, внешними факторами: обвальному (в среднем на 28,1 %) снижению в 1917 по отношению к 1916 г. предшествует едва заметное (в среднем на 1 %) снижение в 1916 по сравнению с 1915 г. Однако примечательно, что 6 из 10 индексов свидетельствуют о начале спада уже в 1916 г., причем Маркевич/Харрисон фиксируют падение в 15 %, сопоставимое с 1917 г. (22,2 %). Таким образом, вопрос о валовых показателях российской промышленности накануне 1917 г. остается дискуссионным.

В других воевавших странах падение промышленного индекса было даже большим: например, в Германии в 1916 оно составило 36 % к 1913 г. (причем это сокращение произошло уже в 1914–1915 гг.), в Англии – 10,5 %¹. Во Франции в 1916 г. производство от уровня 1913 г. составило: 52 % по углю, 14 % по железной руде, 25 % по чугуну, 38 % по стали². Учтем, впрочем, что Франция лишилась территорий, где производилось около 60–90 % целого ряда важнейших продуктов (например, более 80 % чугуна)³.

Сходным образом относящиеся к России промышленные индексы учитывают территории «в границах СССР в межвоенный период», т. е. без оккупированных в годы Первой мировой войны Прибалтики, Польши, которые на 1913 г. давали около 20 % общероссийской продукции, особенно в машиностроении и металлообработке, химической отрасли⁴. Тем самым прямое сравнение промышленных индексов не учитывает потерю к 1917 г. около $\frac{1}{5}$ ресурсной производственной базы России при отсутствии таковой в Англии и при использовании Германией промышленно-сырьевых ресурсов оккупированных территорий Польши, Франции, Бельгии.

Кроме того, трудности для России были более ощутимы, поскольку требовалось обеспечить вооружениями, боеприпасами, продовольствием и снаряжением самую крупную в мире на тот момент армию, превосходившую к 1917 г. совокупную численность войск Центральных держав или союзных армий Англии и Франции⁵. Россия изначально проигрывала ведущим мировым державам (за исключением, пожалуй, Австро-Венгрии) по доле в мировом промышленном производстве, в 1913 г. уступая Англии и Германии приблизительно в 3–5, США – в 7 раз, на 20 % отставая от Франции⁶. По показателю ВВП на душу населения

тов, касающихся численности рабочих, динамики мелкой промышленности и исходных данных Н.Я. Воробьева по непрерывно действующим предприятиям.

¹ Мировые экономические кризисы. 1848–1935. Т. 1. М., 1937. С. 360; Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. М., 1964. С. 509, 516.

² Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. С. 512.

³ Мировые экономические кризисы. Т. 1. С. 366.

⁴ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 85–87.

⁵ См.: Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 13.

⁶ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 89.

Россия на 1913 г. в 2–3 раза уступала ведущим мировым державам¹. И ситуацию не исправляет чуть меньшее падение в России в 1917 г. ВВП на душу населения (– 18 %; при – 24 % в Германии, – 21 % во Франции, – 33% в Австрии, – 25 % в Венгрии) по сравнению с ведущими европейскими странами (за исключением стоящей особняком Англии, где происходил рост в 13 %)².

Схожее положение наблюдалось и по другим ключевым отраслям: например, по объему добычи угля Россия отставала от Германии в 5,3 раза, Англии – в 8,1 раз (ситуацию не меняет даже наличие в России нефтедобычи, учет которой по теплотворности увеличивал совместный топливный баланс лишь на $1/3$)³, находилась на уровне Франции и вдвое превосходила Австро-Венгрию. По чугуну доля России составляла – 44, 27, 89 и 194 % соответственно⁴.

В цветной металлургии, несмотря на огромные природные богатства, только по меди внутренние потребности удовлетворялись Россией в основном за счет внутреннего производства и занимали заметную долю в мировом производстве (около 3 %)⁵, выработка же других цветных металлов в России находилась в зачаточном состоянии⁶. Германия же, напротив, была среди мировых лидеров по совокупному производству свинца, цинка, олова, меди, алюминия (в среднем 12 % мирового производства в 1913 г.), доля США составляла около $1/3$, Франции – 5,6 %, Англия значимую роль играла в выплавке меди (5,3 %) и алюминия (10,5 %)⁷.

По производству серной кислоты, основного продукта химической промышленности, Англия превосходила Россию примерно в 9 раз, Франция – в 4, Германия – в 5; последняя занимала монопольное положение в мировом производстве органических красителей – важнейшего компонента для выработки взрывчатых веществ⁸.

Кроме того, России недоставало транспортных возможностей для импорта товаров и военных поставок, с 1913 по 1916 г. физический объем импорта в Россию сократился почти втрое, в то время как в Англии – лишь на 17 %⁹. Россия, не-

¹ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870 – наши дни. М., 2014. С. 70; *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 99.

² *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 33, 99.

³ См.: *Дьяконова И.А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 70.

⁴ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. С. 113.

⁵ Подсчитано по: *Брейтерман А.Д.* Цветные металлы // *Богатства СССР* / под ред. А.Ф. Арского. Вып. V. М., Л., 1925. С. 13; *Мировое хозяйство: статистический сборник за 1913–1925 гг.* / под ред. Н.Д. Кондратьева. М., 1926. С. 67.

⁶ *Брейтерман А.Д.* Цветные металлы. С. 3–61; *Грузинов А.С.* Цветная металлургия // *Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия*: В 3 т. Т. 2. М., 2014. С. 379–380.

⁷ Подсчитано по: *Мировое хозяйство*. С. 67–69.

⁸ *Лельчук В.С.* Создание химической промышленности СССР. М., 1964. С. 20–23.

⁹ *Петров А.Ю.* Внешняя торговля // *Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия*. В 3 т. М., 2014. Т. I. С. 377; *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. С. 271.

смотря на второе место в мире по протяженности железных дорог, отставала по показателям обеспеченности дорогами на единицу площади или в сопоставлении с численностью населения¹. По тоннажу торгового флота Россия из ведущих держав превосходила только Австро-Венгрию, уступая Великобритании в 16 раз, Германии – в 4, Франции – в 2². Финансовый же вопрос и до войны был наиболее уязвимым для России: к началу войны она была единственной из ведущих держав страной с крупной внешней задолженностью и также единственной с отрицательным платежным балансом³. Во время войны эти показатели только ухудшились.

Таким образом, по уровню развития промышленности и транспортной инфраструктуры Россия находилась далеко не в самом выгодном положении, за исключением определенного преимущества в продовольственном вопросе за счет прекращения сельскохозяйственного экспорта в годы войны.

Поэтому не стоит преувеличивать значение благополучных валовых показателей промышленного производства к началу 1917 г. Важно выяснить, каково было положение в ключевых отраслях, от которых зависело успешное функционирование всей промышленности, прежде всего в топливно-металлургическом, сырьевом комплексе и машиностроении. Насколько существенны были наблюдавшиеся в них кризисные явления до 1917 г.?

Данные отраслевой динамики российской промышленности в годы войны на основе рассчитанных А.М. Маркевичем и М. Харрисоном индексов представлены на рис. 1. Данный индекс является в определенной степени комплексным, т. к. включает в себя как ряды данных, собранные Кафенгаузом, так и учитывает тенденции, выявленные в результате промышленной переписи 1918 г. Выявляемый таким образом поотраслевой срез в целом отражает общие тенденции прежде всего в отношении существенного возрастания диспропорции в развитии отдельных секторов.

Наиболее благополучное положение в 1917 г., «вытягивающее» общие показатели по всей промышленности, наблюдалось в металлообработке и машиностроении. Эти отрасли, по подсчетам А.М. Маркевича и М. Харрисона, даже увеличили объем производства по сравнению с 1916 г. на 3,5 % (при падении по всей крупной промышленности на 26,7 %). По сравнению же с 1913 г. отмечен рост в 1,5 раза, т. е. превышение среднего (73,3 %) показателя по всей крупной промышленности вдвое. По оценкам же Н.Я. Воробьева, стоимость валовой продукции в металлообработке возросла с 1913 г. в 3 раза, но в 1917 в сравнении с 1916 г. тем не менее сократилась на 36 %⁴.

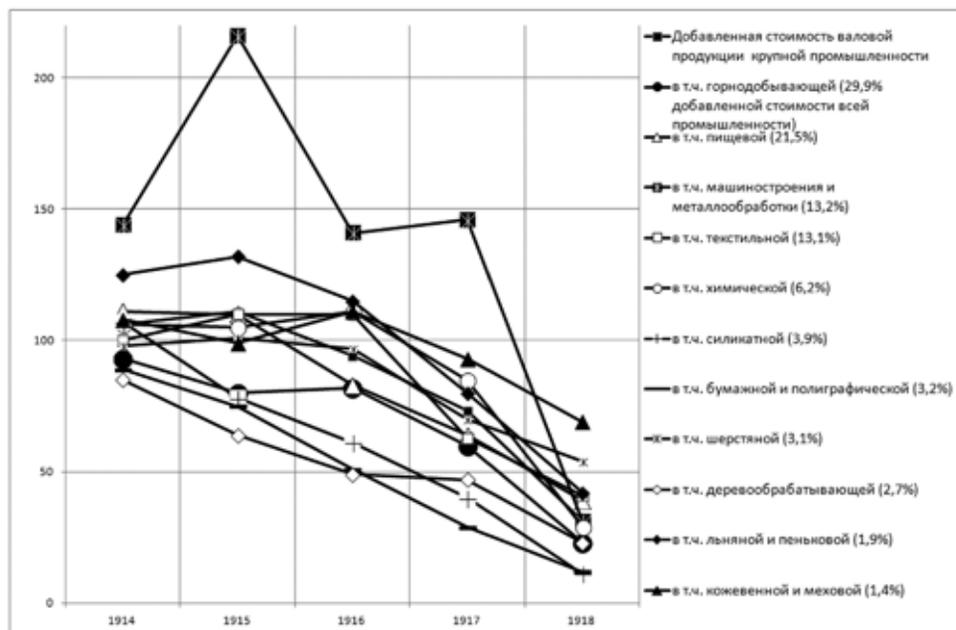
¹ Мировое хозяйство. С. 119; *Караваева И.В.* Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны // Военная экономика России в первой половине XX столетия. М., 2006. С. 72.

² Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. С. 119.

³ Мировая война в цифрах... С. 71; *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 132; *Он же.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. С. 92; Мировое хозяйство. С. 175.

⁴ Подсчитано по: *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 152.

Рис. 1. Динамика добавленной стоимости валовой продукции крупной российской промышленности (в %, 1913 г. = 100), в границах СССР до 1939 г.

Источник: Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 18, 71.

Определенную позитивную динамику отрасли с 1913 г. отметил и Кафенгауз: «Металлообрабатывающая промышленность вышла из войны обогащенной более мощным оборудованием и новым техническим опытом»¹. Особенно значимым был рост отечественного станкостроения в связи с проблемой импорта станков: к началу войны 58 % машин для промышленности покрывал их импорт, который в 1914–1917 гг. сократился в 2,3 раза². Выпуск металлообрабатывающих станков, по данным переписи 1918 г., вырос с 1913 по 1916 г. в 10 раз³. Впрочем, их большая часть представляла простейшее оборудование для снарядного производства. Производство же станков и машин для «гражданских» потребителей, напротив, в среднем сократилось вдвое, а в 1917 по сравнению с 1916 г. еще на треть⁴. Производство других видов «невоенной» продукции в 1917 по сравнению с 1913 г. также значительно уменьшилось: плугов в 13,3 раза, молотилок в 7,2 раза, пассажирских вагонов в 3,4 раза, грузовых на 8 %. До 1916 г. в выпуске вагонов наблюдался некоторый рост, сменившийся затем заметным сокращением, причем

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 189.

² Караваева И.В. Российское промышленное производство... С. 70.

³ Там же. С. 188.

⁴ Подсчитано по: Там же. С. 189. См., например, также: Шелякин П. Война и угольная промышленность // Война и топливо 1914–1917 гг. М.; Л., 1930. С. 42.

в 1917 г. производство их оказалось ниже уровня 1913 г. (при том что недогруз производственных мощностей в производстве вагонов в 1914–1917 гг. составил 40 %, паровозов – 50 %¹). Похожая картина складывалась также в паровозостроении, которое опустилось ниже уровня 1913 уже в 1916 г.² В целом доля «предметов мирного строительства» в продукции отрасли, по подсчетам П.А. Кюнга на основе переписи 1918 г., составила в 1913 г. 73,8 %, при 34,4 % в 1916 г. (21,7 % по предварительным подсчетам П.Я. Воробьева по тому же корпусу источников)³ и 44,3 % в 1917 г. (24,4 %, по Воробьеву)⁴.

Таким образом, подъем отрасли в значительной степени был обеспечен ускоренным производством военной продукции в ущерб «гражданской»: производство самолетов увеличилось в 6,8 раз, моторных двигателей в 7–10 раз⁵, электротехнического (электромоторы, радио-, телефоно-, телеграфоаппаратура) примерно в 5 раз⁶, артиллерийских орудий вдвое⁷, снарядов в 4,2 раза⁸. В 1917 г., по оценкам Воробьева, в абсолютных цифрах выпуск военной продукции отрасли сократился по сравнению с 1916 г. на 33,5 %. По наиболее важным ее видам падение выработки в 1917 г., впрочем, было менее значительным. Так, производство артиллерийских снарядов, по данным А.А. Маниковского, даже выросло по сравнению с 1916 г. на 14 %⁹, артиллерийских орудий сократилось на 13 %, причем наиболее существенное снижение ежемесячного выпуска отмечалось в феврале, июне и ноябре–декабре 1917 г.¹⁰ Схожая динамика в 1917 г. наблюдалась и в производстве 3-линейных патронов: падение производства по отношению к 1916 г. на 18,4 % (при росте в сравнении с 1914 г. в 1,8 раза) с наибольшим снижением выпуска продукции в те же месяцы¹¹.

¹ *Караваева И.В.* Российское промышленное производство... С. 75.

² *Маркевич А.М., Харрисон М.* Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 92.

³ *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 127–128. Изделия, «могущие быть использованными одновременно и для мирной жизни и войны», относились автором в графу «изделия мирного строительства».

⁴ *Кюнг П.А.* Трансформация экономики Российской империи в период Первой мировой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Материалы Междунар. науч. конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 409.

⁵ *Воронкова С.В.* Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны (к проблеме развития промышленного потенциала) // Экономический журнал. 2002. № 2(5). С. 18.

⁶ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 187.

⁷ Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М.; Л. 1930. Ч. 1. С. 267–268.

⁸ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии... Ч. 1. С. 361, 386, 390, 397. Всего 78 % поступивших в войска снарядов за годы войны были изготовлены в России (Там же. С. 398).

⁹ *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии... Т. 1. С. 397. При расчете – по общему количеству произведенных снарядов (без поправки на коэффициент, в зависимости от калибра) – упало по сравнению с 1916 г. на 21,2 % (Там же. С. 361, 386, 390).

¹⁰ Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии... Т. 1. С. 267–268.

¹¹ Подсчитано по: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии... Т. 1. С. 294.

Однако внутреннее производство военной продукции, несмотря на рост по отношению к 1913 г., далеко не покрывало потребности. Так, например, по данным Особого совещания по обороне государства на 1916 – первую половину 1917 г., согласно размещенным заказам потребности армии в аэропланах могли быть удовлетворены лишь на 36 %, в т. ч. пятая часть за счет поставок из-за границы¹. Причем в значительной мере русские показатели и по моторам, и по самолетам относятся к сборке из заграничных готовых деталей и узлов². Всего было произведено самолетов (в скобках авиамоторов) за годы войны: в России 3,5 (1,4) тыс. шт., Франции 52,15 (92,4) тыс. шт., Англии 47,9 (52,5) тыс. шт., Германии 47,3 (44) тыс. шт.³

Потребность в автомобилях покрывалась на 26 % (в т. ч. 61 % заграничного производства; ни один из строящихся 6 автомобильных заводов в России к 1917 г. не был введен в строй в основном из-за затруднений с оборудованием⁴), в мотоциклах на 7 % (100 % иностранных), в винтовках – на 63 % (72 % иностранного производства⁵), в винтовочных патронах на 60 % (56 % иностранных). Всего произведено пулеметов в годы войны: в России около 28 тыс. шт., Франции 312 тыс. шт., Англии 120,8 тыс. шт., Германии 280 тыс. шт., к 1917 г. предусматривалось полностью покрыть потребности в пулеметах, однако 71 % из них должны были поступить от союзников⁶. Импортировалась также тяжелая артиллерия и снаряды к ней. По степени обеспеченности военной техникой и боеприпасами Россия, за редкими исключениями, значительно уступала как Германии, так и союзникам по Антанте (табл. 2).

Увеличению производства препятствовали потеря в ходе войны западных территорий, где было сосредоточено значительное число машиностроительных предприятий, а также проблемы с эвакуацией заводов. Из северо-западных губерний империи «было эвакуировано несколько сотен предприятий, из которых в январе 1916 г. только немногие были пущены в ход, причем некоторые только временно, для обработки имеющихся полуфабрикатов»⁷. По данным же А.Л. Сидорова, через год после начала эвакуации было пущено в строй около 20–25 % эвакуиро-

¹ Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 52.

² *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 268. На ноябрь 1916 г. 73 % отправленных в армию самолетов были российской сборки, при том что 77,5 % авиамоторов были заграничного производства (*Мухин М.Ю.* Авиационная промышленность // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. В 3 т. М., 2014. Т. 1. С. 23).

³ Мировая война в цифрах... С. 41.

⁴ См.: *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика... С. 242–263; *Воронкова С.В.* Автомобильная промышленность // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. В 3 т. М., 2014. Т. 1. С. 36–38.

⁵ Внутреннее производство винтовок в России выросло с 1914 к 1917 г. в 2,5 раза; однако в целом в 1915–1917 гг. около половины винтовок были иностранного производства (*Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика... С. 66–67).

⁶ Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 52–53.

⁷ *Бокарев Ю.П.* Экономические последствия распада Российской империи в результате Первой мировой войны. Екатеринбург; М., 2009. С. 48.

**Техническая оснащенность боевыми средствами армий главнейших держав
к концу Первой мировой войны**

Виды боевых средств	Россия		Франция		Англия		Германия	
	абс.	в % (Россия = 1)	абс.	в % (Россия = 1)	абс.	в % (Россия = 1)	абс.	в % (Россия = 1)
Артиллерийские орудия легкие	7265	1,38	10000	0,96	7000	0,96	15000	2,06
Артиллерийские орудия тяжелые	2560	2,88	7500	1,54	4000	1,54	10000	3,85
Артиллерийские орудия зенитные	–		400		400		2600	
Минометы	–		3000		4000		30000	
Винтовки и карабины	3500000	0,86	3000000	0,57	2000000	0,57	6000000	1,71
Пулеметы ручные и легкие	–		70000		10000		104000	
Пулеметы станковые	23800	1,26	30000	2,1	50000	2,1	–	
Танки	–		4000		3000		70	
Автомобили грузовые	7000	11,43	80000	8,1	56700	8,1	55000	7,86
Автомобили легкие	2700	11,11	30000	11,18	30200	11,18	10000	3,7
Самолеты боевые	1000	7	7000	4	4000	4	14000	14
Снаряды легкие	20000000	1,9	38000000	1,25	25000000	1,25	40000000	2
Снаряды тяжелые	–		10000000		6000			
Патроны	1500000000	0,46	700000000	0,53	800000000	0,53	540000000	0,36

Источник: Мировая война в цифрах. М., 1934. С. 31.

ванных крупных предприятий¹, в т. ч. такие, как завод «Всеобщей компании электричества» (одно из крупнейших многопрофильных электротехнических предприятий страны) и Русско-балтийский вагонный завод (производивший вагоны, автомобили и самолеты).

Проблема потери ведущих предприятий была существенной и для химической промышленности, значительный потенциал которой базировался в Прибалтике и Польше. Тем не менее в этой отрасли в 1915–1916 гг. наблюдался рост как валовой продукции, так и числа заводов и количества рабочих. Численность последних продолжала расти и в 1917 г., однако их производительность с 1916 г. снизилась на 20,7 %, хотя и оставалась несколько выше уровня 1913 г.² «Локомотивом» роста выступало производство взрывчатых веществ (около 40 % валовой выработки отрасли в 1916–1917 гг.³), где число рабочих в 1917 по отношению к 1913 г. увеличилось 5,7 раз, валовая продукция в 2,4 раза⁴. Оно породило существенный прорыв в развитии производства основных компонентов: производство серной кислоты с 1913 по 1916 г. выросло в 1,7 раза⁵, азотной в 3 раза, возникали новые производства по химической переработке нафталина, газообразного и жидкого хлора, практически с нуля была рождена отечественная коксобензолная промышленность⁶, что позволило наконец освободиться от заграничной зависимости в выработке бензола (при росте его выработки с 1913 по 1916 г. почти в 14 раз)⁷.

Слабым местом боевого снабжения оставалось производство пороха, 70–80 % которого в 1915–1916 гг. доставлялось из-за границы, и даже строительство в 1917 г. двух пороховых казенных заводов могло покрыть лишь часть дефицита⁸. Тем более проблематичным было положение с продукцией «невоенного спроса». В годы войны наблюдалось ее резкое сокращение: суперфосфатов в 1917 выработывалось 8 % от уровня 1913 г., кальцинированной соды (необходимого компонента для текстильной отрасли) 65 %⁹. Снижались и масштабы нефтепереработки (примерно на 15 % с 1913 по 1916 г., при снижении в Баку на 25 % и росте в Грозном)¹⁰.

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 251.

² Подсчитано по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 431. Впрочем, согласно индексу производства, используемому А.М. Маркевичем и М. Харрисоном, в 1917 г. фиксируется спад в 15 %.

³ Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 129.

⁴ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 190.

⁵ Лельчук В.С. Создание химической промышленности СССР.. С. 28.

⁶ Урибес Э. Коксобензолная промышленность России в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 46–72.

⁷ Лельчук В.С. Создание химической промышленности СССР.. С. 29.

⁸ Сидоров А.Л. Экономическое положение России... С. 144–145.

⁹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 191–192.

¹⁰ Караваява И.В. Российское промышленное производство. С. 86–87; Фролов В.И. Война и нефтяная промышленность // Война и топливо 1914–1917 гг. М.; Л., 1930. С. 103; Сравнительные статистические данные о Бакинской нефтяной промышленности за период 1911–1920 гг. Б. м., 1921. С. 94–95. По данным Кафенгауза, общее снижение нефтепере-

Таким образом, в машиностроении, металлообработке, химической промышленности наблюдались определенные позитивные тенденции (сравнительно незначительный спад или даже рост производства, развитие новых технологий и пр.), несмотря на сокращение промышленного потенциала из-за потери западных районов и неэффективной эвакуации. Однако во многих, даже «военных», секторах производства в годы войны сохранялась зависимость от иностранных поставок, что вызвало к жизни в конце 1916 г. запоздалую программу строительства 37 казенных заводов, выполнение которой потребовало значительных расходов, не принесших видимой отдачи в ходе войны¹.

Однако в большинстве, особенно в базовых, отраслей тяжелой и добывающей промышленности картина была обратной. Одной из отраслей, где спад производства наиболее критично отражался на функционировании российской промышленности и экономики в целом, являлась черная металлургия. Уменьшение выплавки чугуна в стране началось с 1914 г., но немного приостановилось в 1916 г. В связи с огромным ростом «военного» спроса на металл сокращение его выплавки усугубляло дефицит: если в 1915 г. пятая часть производимых металлов еще поступала на «вольный рынок», то в 1916 г. он уже остался почти без железа, получая его по спекулятивным ценам². В 1915–1916 гг. производство чугуна в России составляло около $\frac{4}{5}$ уровня 1913 г. (без учета Польского района), в 1917 г. – $\frac{2}{3}$ ³. Восполнять недостаток металла планировалось огромными закупками за границей, однако союзники сами испытывали нехватку металлов. Отчасти по этой причине и из-за трудностей с доставкой в Россию и дальнейшей транспортировкой по железной дороге (к февралю 1917 г. на складах Владивостокской таможни скопился 21 млн пуд. грузов) реальные объемы импорта черных металлов в годы войны были относительно скромными.

Во второй половине 1917 г. выплавка чугуна сократилась по сравнению с первым полугодием на 12 %. Наибольший спад (рис. 2) произошел в феврале и октябре 1917 г. После Февральской революции в течение трех месяцев прослеживается некоторый подъем выплавки, с июня сменившийся очередным спадом.

Производство проката в 1917 г. упало еще больше – почти на 25 % по сравнению с 1916 г. (до уровня 1908 г.)⁴. Наилучшее положение в 1917 г. наблюдалось с сортовым железом, доля которого в общей выработке проката в 1917 г. составила 34,5 % в основном за счет «снарядной» стали, и с проволокой (8 %), т. е. с «военными» сортами металла, а также с железнодорожными бандажами (1,8 %) (рис. 3). В наибольшей степени с 1913 по 1917 г. снизилась доля производства рельсов (с 18,4 до 8 %), листового кровельного железа (с 11,6 до 4,3 %), балок и швеллеров (с 7,8 до 2,2 %), т. е. продукции «массового спроса».

работки составило в 1916 г. 11 % по сравнению с 1913 и 21 % – с 1915 г. (*Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 178).

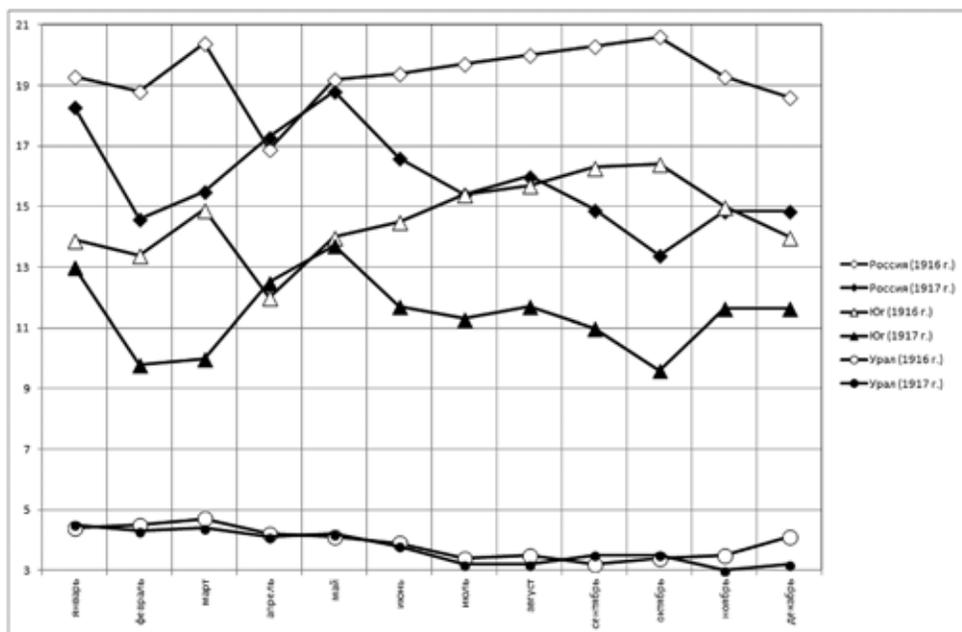
¹ См.: *Воронкова С.В.* Заводское строительство в России в годы Первой мировой... С. 15.

² *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России... С. 377.

³ Подсчитано по: Статистический сборник за 1913–1917 гг. // Труды Центрального статистического управления. Т. VII. Вып. 1. М., 1921. С. 77.

⁴ *Волубуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 292.

Рис. 2. Ежемесячное производство чугуна в России (в т. ч. на Юге и Урале), 1916–1917 гг. (млн пуд.).

Источник: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 291.

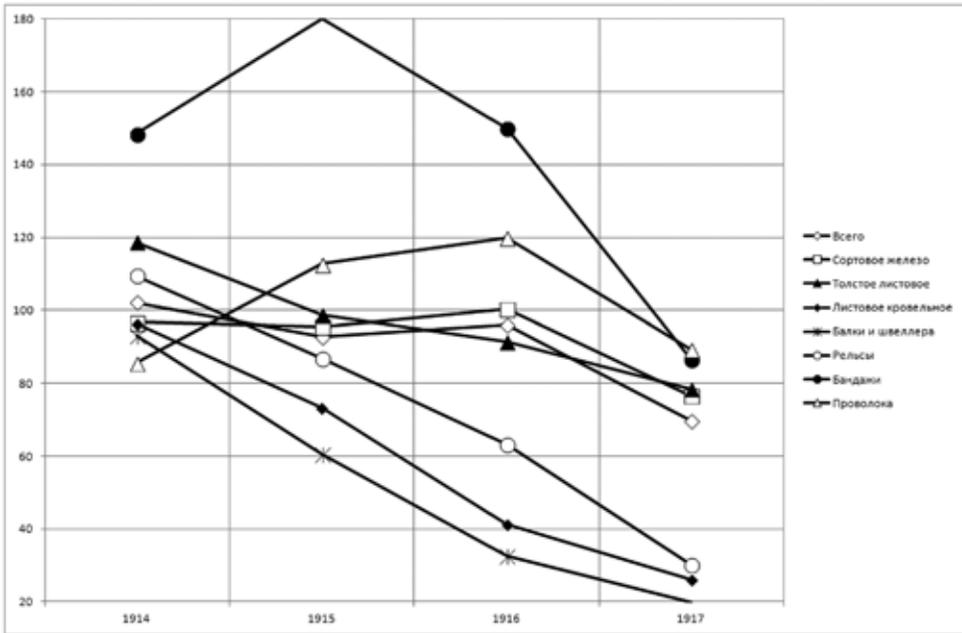
В результате снижения объема выработки производственные мощности металлургических предприятий использовались далеко не полностью. Число действующих домен сократилось к 1916 г. на 18 % (еще 20 % домен простаивали на остановленных заводах)¹. В октябре 1917 г. на Юге работало лишь около половины домен (33 из 65) и мартенов (55 из 102). Сказывались прежде всего трудности с топливно-сырьевым обеспечением металлургии. Снижалась добыча руды в Криворожье при росте невывезенных ее запасов. В целом объемы добычи руды (без учета польского района) упали по сравнению с 1913 г. на 29 % (399,2 млн пуд.) в 1914, на 42,8 % (321,7 млн пуд.) в 1915, на 28 % (405,1 млн пуд.) в 1916, на 46,2 % (302,5 млн пуд.) в 1917 г. (на 25,3 % меньше, чем в 1916)². Таким образом, сокращение добычи с 1913 по 1917 г. было значительно большим, чем в выплавке чугуна и стали; в 1917 по отношению к 1916 г. это падение было более синхронным – 20–28 %.

По данным Совета съездов представителей промышленности и торговли, существенные затруднения вызывали недопоставки топлива на металлургические

¹ Мерцалов Г. Железная промышленность // Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 3. Пг., 1920. С. 16, 22–23.

² Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 183.

Рис. 3. Ежегодное производство проката в России 1914–1917 гг. (в % к 1913).

Источник: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 184.

предприятия (с июля 1917 г.) из-за расстройтва транспорта¹. При потребности в 32 млн пуд. донецкого топлива в месяц заводы Юга получали в первой половине 1917 г. 19,1 млн пуд. (около 60 %), затем по 15–16 млн, в октябре 13,3 млн пуд., т. е. 41 % нормы. С начала войны почти прекратился импорт кокса, достигавший в 1913 г. 22 % (59,4 млн пуд.) объема его производства в России. В годы войны производство кокса на Юге России сохранялось приблизительно на уровне 1913 г. (270 млн пуд.). Причем доля бездействовавших коксовых печей из-за недопоставок угля, ремонта и т. п. выросла с 1913 по 1916 г. с 5,3 до 11,7 %, достигнув 30 % к осени 1917 г.²

Основой топливного баланса служил каменный уголь, причем как всей российской промышленности (63 % потребления в 1913 г.), так и железных дорог (62 %)³. В 1913 г. 18 % его потребления удовлетворялось за счет импорта (особенно существенного для петербургского и прибалтийского промышленных районов), в годы войны кардинально сократившегося. Внутренняя добыча также снизилась

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. М., 1957. Ч. 2. С. 141.

² См: Шелякин П. Война и угольная промышленность. С. 35.

³ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 182.

на 13 % в 1917 в сравнении с 1913 г., хотя за вычетом угля Домбровского бассейна выросла на 7,5 % (табл. 3). В основном добывающем регионе – Донецком бассейне, дававшем три четверти всего угля, снижение добычи достигло почти 14 %.

Таблица 3

Добыча угля в России в 1913–1917 (в тыс. т)

Районы	1913 г.	1916 г.	1917 г.	% 1917 к 1916 г.	% 1917 к 1913 г.	
Донецкий бассейн	25288,2	28688,0	24734,0	86,2	97,8	
Домбровский	6950,2	–	–	–	–	
Подмосковный	299,8	696,2	704,4	101,2	235	
Урал	1204,0	1511,9	1595,5	105,5	132	
Западная Сибирь	876,3	1353,0	1394,0	103	159	
Восточная Сибирь	1167,9	1950,9	2573,3	131,9	217	
Кавказ	70,4	63,9	32,8	51,3	47	
Туркестан	137,6	196,6	185,1	94,1	135	
Всего	35994,4	34460,5	31219,1	90,6	87	
Итого за вычетом Домбровского бассейна	29049,1	34460,5	31219,1	90,6	107,5	
В т. ч.:	Донбасс	25288,2	28688,0	24734	86,2	97,8
	То же, в %	87,2	83,2	79,2	95,2	–
	Пр. бассейны	8760,9	5772,5	6485,1	112,3	172
	То же, в %	12,8	16,8	20,8	123,8	–

Источник: Шелякин П. Война и угольная промышленность // Война и топливо 1914–1917 гг. М.; Л., 1930. С. 51.

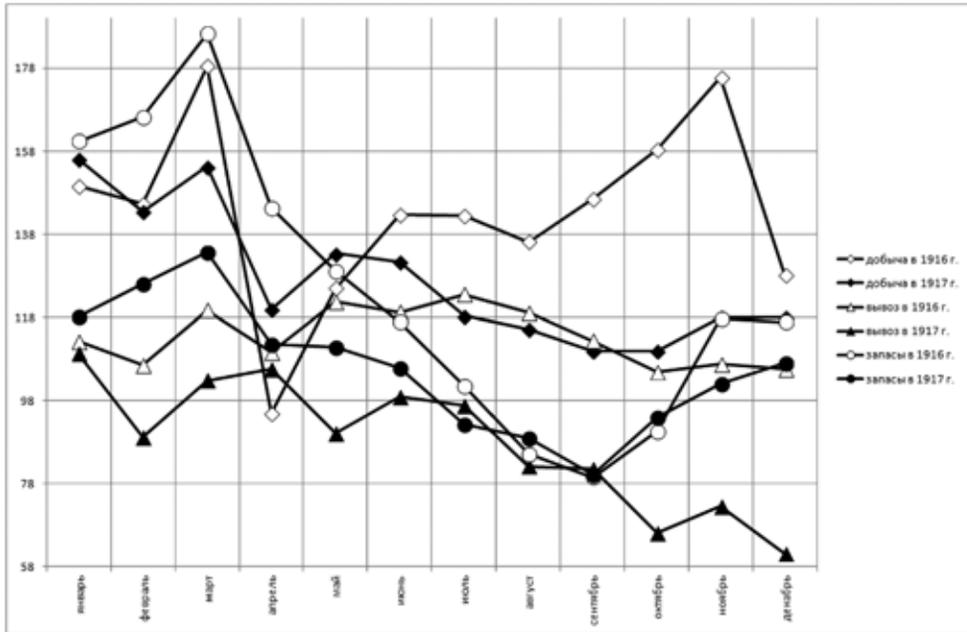
Перелом в Донбассе произошел в июне 1917 г., когда добыча угля стала заметно уступать уровню 1916 г. (рис. 4). Причиной стало «значительное обострение продовольственного вопроса», «принявшего тяжелую, длительную форму»¹.

Вывоз угля за девять месяцев 1917 г. сократился по отношению к 1916 г. на 18 %. Особенно существенные перебои с вывозом были в августе–сентябре 1917 г. – 31 и 27 % по сравнению с августом–сентябрем 1916 г. В октябре 1917 г. месячная норма вывоза донецкого угля была сокращена с 125 млн пуд. до 105 млн, но реально было вывезено 67,8 млн при добыче в 110 млн пуд. Около половины этого топлива, по сведениям П. Шелякина, шло на потребление самих же железных дорог, при этом около четверти в 1913 г., т. е. доля дорог выросла почти вдвое². Доля металлургических заводов среди потребителей донецкого топлива оставалась неизменной (22 %), а доля «прочих потребителей» сократилась с 1913 по 1916 г. на треть. В абсолютных цифрах вывоз донецкого угля различными группами потребителей в 1917 по сравнению с 1916 г. сократился на 38 %, в т. ч. на железные дороги на 31 %, металлургические заводы на 37 %, сахарные заводы на 54 %, прочим потребителям на 45 %.

¹ Шелякин П. Война и угольная промышленность. С. 43.

² Там же. С. 68.

Рис. 4. Ежемесячная добыча, вывоз и запасы угля в Донецком бассейне в 1916–1917 гг. (млн пуд.)

Источники: Бюллетени Статистического отдела управления делами Особого совещания по топливу. Октябрь–ноябрь 1917 г. С. 10–11; Народное хозяйство в 1916 г. Вып. VII. Сводные статистические таблицы за 1913–1916 годы. Пг., 1922. С. 66–70; Шелякин П. Война и угольная промышленность С. 59; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. М., 1957. Ч. 2. С. 86.

Обострение проблем с углеснабжением привело к введению с 1 августа 1917 г. угольной монополии, согласно которой все добываемое на коях топливо (за исключением необходимого для их внутреннего потребления) реквизировалось для дальнейшего распределения соответствующими государственными учреждениями. Формально госмонополия просуществовала около года, однако общая дезорганизация российской экономики и расстройство транспортной системы и в особенности существенные затруднения с кредитованием операций по реквизиции угля привели к тому, что введение угольной монополии ничего не дало для преодоления дефицита топлива.

В условиях дефицита угля, а также в связи с прекращением экспорта нефтепродуктов жидкое топливо в годы войны «спасало промышленную жизнь страны», завоевывая новые географические районы и увеличивая свою долю в потреблении промышленностью и транспортом¹. Тем не менее в 1917 добыча нефти все же была меньше, чем в 1913 г. на 5,5 % (в т. ч. в Бакинском районе на 14 %) (табл. 4).

¹ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999. С. 48.

Валовая добыча нефти (тыс. т)

Район	Баку		Грозный		Эмба	Прочие районы	Всего по России	
	абс.	% к 1913	абс.	% к 1913	абс.	абс.	абс.	% к 1913
1913	7672,6	100	1206,6	100	117,6	238,1	9234,9	100
1914	7061,6	92	1612,6	133,6	272,6	185,3	9132,1	98,9
1915	7377,8	96,1	1444,1	119,7	2703	212,7	9304,9	100,8
1916	7828,2	102	1682,9	139,5	253,9	114,7	9879,7	107
1917	6599,7	86	1788,2	148,2	255,5	82	8725,4	94,5
Доля района в общей добыче в 1913 г. (в %)	83,1		13,1		1,3	2,5	100	
Доля района в общей добыче в 1917 г. (в %)	75,6		20,5		2,9	1,0	100	

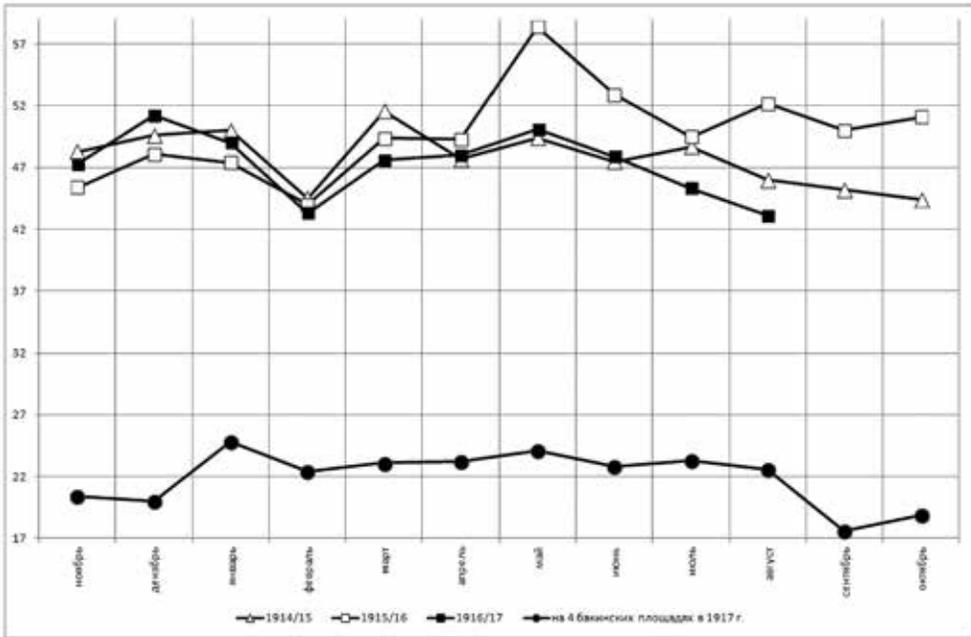
Источник: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 177.

Падение бакинской добычи объясняется прежде всего истощением старых скважин и затруднениями в буровых работах на новых (в 1917 работы по бурению сократились почти вдвое по сравнению с 1916 и в 3–4 раза по сравнению с 1913 г.)¹. Проблемы с заготовкой материалов обострились с начала 1917 г., когда перестали выполняться заявки, нехватка металла для нефтяной промышленности достигла 40–50 %. В результате основной прирост добычи пришелся на грозненскую фонтанную нефть, причем в 1917 г. возникли затруднения с вывозом нефти из-за недостатка цистерн, а также с отсутствием металла для строительства второго нефтепровода Грозный – Петровск, вследствие чего приходилось даже глушить работающие скважины². В результате поджога и разгрома значительной части скважин в ноябре 1917 г. грозненский промысел был остановлен, критическим образом на добычу нефти в бакинском районе также повлияли революционные события 1917 г. Снижение объемов общероссийской нефтедобычи намечилось с мая 1917 г. (рис. 5).

¹ См.: Фролов В.И. Война и нефтяная промышленность. С. 107–113; Нефтяная промышленность России за 3 года Советской власти. М., 1920. С. 3; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. Документы и материалы. Л., 1973. С. 437–438.

² Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. С. 53; Фролов В.И. Война и нефтяная промышленность. С. 112, 121, 123.

Рис. 5. Ежемесячная добыча нефти в России в 1915–1917 гг. (млн пуд.)

Источники: Бюллетени Статистического отдела управления делами Особого совещания по топливу. Октябрь–ноябрь 1917 г. С. 34; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). С. 213.

Негативно сказывалось расстройство железнодорожного транспорта: если водная доставка работала удовлетворительно, то дальнейшая транспортировка нефтепродуктов по железным дорогам была серьезно затруднена, и в феврале 1917 г. недогруз при отправлении вагонов с жидким топливом составлял уже около половины назначений¹.

Недостаток транспортных средств и фуража не позволял покрыть дефицит минерального топлива за счет торфа и дров. Война и революция принесли деминерализацию топливного баланса промышленности: доля дров увеличилась с 35 % в 1913 до 60 % в 1917 г. при падении доли угля с 41 до 16 %, торфа – с 6,7 до 5,7 % и при росте доли нефтяного топлива с 13 до 23 %². Причем почти весь прирост потребления топлива (в 1917 он составил 14 % по отношению к 1913 г.) пришелся на машиностроительную, металлообрабатывающую и химическую отрасли, в наибольшей степени вовлеченные в исполнение заказов на нужды обороны. Нехватка топлива усугублялась увеличением его расхода из-за ухудшения качества и квалификации рабочего персонала.

¹ Фролов В.И. Война и нефтяная промышленность. С. 122–123.

² Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 180.

Проблемы с нехваткой топлива усугубились летом 1917 г. К октябрю железнодорожное движение на наиболее важных направлениях было полупарализовано, фабрики из-за недопоставки сырья и топлива останавливались. В Москве предприятия получили в 1917 на 40 % меньше донецкого топлива, чем в 1916 г., в Петрограде – в 2,8 раза. В целом промышленное потребление топлива сократилось в 1917 г. на 40 %¹. По причине нехватки сырья и топлива в марте–июле 1917 г. остановилось две трети из закрывшихся предприятий². «В конце 1917 г. топливный кризис вступил в фазу топливного голода, который с началом гражданской войны и утратой основных районов топлива добычи приобрел катастрофические очертания»³.

В отличие от тяжелой, легкая промышленность, по мнению Кафенгауза, в годы войны не приобрела «нового более высокого технологичного опыта, но, наоборот, деградировала в качественном отношении» из-за перехода к производству более простых групп изделий⁴. По объемам валовой выработки и по числу рабочих она держалась в годы войны на уровне 1913 г., эти показатели сократились в 1917 г. на 30 и 25 % соответственно. В текстильной промышленности в 1917 произошло снижение стоимости валового производства до 62 % по сравнению с 1913 г. и падение на 30 % по сравнению с 1916 г., несмотря на рост числа рабочих. Эти данные, на первый взгляд, противоречат динамике, выявленной в исследовании Маркевича/Харрисона (рост в 1915–1916 гг. до 110 % по сравнению с 1913 г., или на 29 % выше, чем по данным Кафенгауза на 1916 г.⁵). Однако данное расхождение объясняется отмеченным Кафенгаузом «огрубением и понижением качественного уровня» отрасли (изменением ассортимента)⁶, что вело к понижению валовых стоимостных показателей.

Загрузка мощностей хлопчатобумажной промышленности в октябре 1916 г. составляла $\frac{4}{5}$, в начале 1917 г. – $\frac{3}{4}$, несмотря на наличие огромного казенного (85 % тканей шли на военные нужды) и частного спроса и потерю из-за оккупации игравших до войны важную роль предприятий лодзинского района⁷. На текстильную промышленность пришлось значительная часть предприятий, закрытых в 1917 г. из-за нехватки сырья и топлива⁸, что привело к росту безработицы и повышению социального недовольства рабочих.

Следует отметить, что революционные события 1917 г. стали одним из решающих факторов резкого снижения производительности труда на предприятиях. Однако по вопросу о том, имела ли место эта тенденция до февраля 1917 г., в исто-

¹ Шох П. Проблемы топливоснабжения по опыту мировой войны // Война и топливо 1914–1917 гг. М.; Л., 1930. С. 19.

² Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 295

³ Шох П. Проблемы топливоснабжения... С. 19.

⁴ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 206.

⁵ Маркевич А.М., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление. С. 71.

⁶ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 200.

⁷ Сидоров А.Л. Экономическое положение России... С. 394–395.

⁸ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. С. 38–46.

риографии существуют различные точки зрения. Те авторы, кто полагает, что производительность труда к 1917 г. выросла, основываются на данных промышленной переписи 1918 г. В частности, Воробьев оценивает рост годовой валовой выработки на одного рабочего в 1915 в 126,1 % к уровню 1913 г., 1916 – 127,2 %, 1917 – 85,3%¹. Эти данные обусловлены высокой совокупной долей наиболее динамичных отраслей – машиностроения/металлообработки и химической промышленности, которые в 1916 г. обеспечивали 55 % выработки всей промышленности. Однако в этом случае искажается положение дел в большинстве других групп производств, где производительность труда падала. Более корректны данные сборника ЦСУ 1924 г., где фигурируют несколько иные цифры роста производительности труда в сравнении с 1913 г., полученные на основе пересчета данных переписи 1918 г.: 110 % в 1915, 106 % в 1916 и 72 % в 1917 г.² На данных переписи 1918 г. основывает свои расчеты и П. Гэтрелл, представивший следующую динамику (с учетом продолжительности рабочего дня): 108 % в 1915, 100 % в 1916 и 71 % в 1917 г.³

Однако территориальная и отраслевая неполнота промышленной переписи 1918 г. ставит вопрос о достоверности ее данных относительно оценки динамики производительности труда. Судя по данным Кафенгауза, использовавшего более широкий круг статистических данных, динамика производительности труда выглядит несколько иначе: 105,2 % в 1915, 94 % в 1916 и 67 % в 1917 г., причем основная «вина» за падение в 1916 г. лежит на легкой промышленности при сохранении «статус-кво» в тяжелой⁴.

Перепись 1918 г. отмечает рост производительности в машиностроении/металлообработке, химической промышленности, а также по группам «производство пеньки», «одежда и туалет», «производство и передача физических сил и водоснабжения», на 1913 г. составлявшим около $\frac{1}{5}$ совокупного продукта промышленности⁵. В других же отраслях производительность падала. Например, производительность рабочих угольной промышленности Донбасса в 1913–1915 гг. держалась на одном уровне, однако в 1916–1917 гг. снижалась примерно на 20 % ежегодно⁶. В металлургии Юга России в 1913–1916 гг. она уменьшилась на 45 %⁷. В бакинской нефтяной промышленности в 1914–1916 гг. держалась на одном уровне, уступая примерно 10 % выработке 1913 г., а спад в 1917 г. составил

¹ Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 123.

² Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг., за пять лет работы Центрального статистического управления / Труды Центрального статистического управления. Т. XVIII. М., 1924. С. 171.

³ Gatrell P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1913–1917 // Broadberry S., Harrison M. The economics of World War I. Cambridge, 2005. P. 253.

⁴ Подсчитано по: Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 194, 206, 212.

⁵ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 211–212.

⁶ См.: Шелякин П. Война и угольная промышленность. С. 39; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. С. 210.

⁷ Бакулев Г.Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953. С. 170.

15 %. В хлопчатобумажной промышленности в 1915 она снизилась на 2,6 % по отношению к 1913 г., в 1916 – еще на 13 %, в 1917 – уже на 29 %¹.

В целом по большинству подсчетов прослеживается начало падения общей производительности труда в 1916 г., т.е. резкое снижение показателя в 1917 г. лишь ускорило обозначившуюся годом ранее тенденцию. В значительной мере это снижение объясняется изношенностью оборудования и падением уровня квалификации рабочих. В ходе мобилизации в армию к 1917 г. было призвано около четверти всех рабочих-мужчин крупных промышленных предприятий². В результате доля женщин среди фабрично-заводских рабочих увеличилась с 31 % в 1914 до 40 % в 1917 г., доля малолетних и подростков – с 11 до 14 %, активно привлекались к труду военнопленные, которых в конце 1916 г. было задействовано в промышленности около 300 тыс. чел.³

В условиях нарастания революционных событий, падения производительности труда, снижения объемов производства, кризиса железнодорожных перевозок определенное удивление, на первый взгляд, вызывает мощный бум акционерного учредительства. Природа роста акционерного учредительства в 1917 г. была, по-видимому, разной. С одной стороны, он имел под собой реальную основу: щедрое финансирование по государственным заказам способствовало расширению производства и созданию новых предприятий. Другим побудительным мотивом для капиталовложений в промышленность в условиях топливно-сырьевого голода было стремление обеспечить себя топливно-сырьевыми ресурсами за счет покупки предприятий, что подталкивало к «трестированию». Банки, владевшие металлообрабатывающими предприятиями, в условиях дефицита металла приобретали в собственность металлургические заводы. В годы войны, в особенности в 1916–1917 гг., крупный банковский капитал значительно усилил свои позиции в уральской металлургии, благодаря чему основной капитал уральских горнозаводских обществ с 1913 по 1917 г. вырос более чем в 1,5 раза (с 125,4 млн до 191,6 млн руб.).

П.В. Волобуев подчеркивал «спекулятивный» характер роста акционерных капиталов в 1917 г. По его мнению, производственный сектор в 1917 г. «становился все менее выгодным для предпринимателей» (в условиях заметно усилившейся инфляции, роста расходов на заработную плату, дефицита оборотных капиталов, транспортного кризиса, расстройств аппарата государственного управления, задолженности казны перед поставщиками и пр.)⁴. «Полагая, что акции легче, чем кредитный рубль, перенесут смутное время революции, – отмечает новую тенденцию П.В. Лизунов, – многие снова стали приобретать ценные бумаги... В нормальное время даже незначительное сокращение ссуд под акции вызвало бы на бирже длительную депрессию, но в то время это не произвело никакого впечатления. Акции покупались с единственной целью “освободиться от ничего не стоящего

¹ Хромов П.А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М., 1950. С. 319, 332.

² Володин А.Ю. Русский рабочий в тылу Великой войны // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. Материалы Междунар. науч. конференции (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М., 2014. С. 440.

³ Рабочий класс России 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 248, 254.

⁴ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 286.

рубля”... Биржа перестала быть местом размещения ценных бумаг для развития и расширения предприятий и не служила экономическим и финансовым целям государства, а превратилась в место самой низкой спекуляции»¹. Напуганное отвлечением денег от государственных ценных бумаг, Временное правительство в июле 1917 г. вынудило биржу приостановить новые эмиссии акций. Но ввиду тяжелого положения индустрии в августе свобода акционерного учредительства, по сути, была восстановлена.

Инвестиции в дивидендные бумаги способствовали сдерживанию инфляции. По темпам роста бумажноденежного обращения Россия делила лидерство с Англией, увеличив его в 1914–1916 гг. в 5,6 раза, в то время как Австро-Венгрия и Германия приблизительно в 4 раза, Франция в 3 раза, Италия в 2,3 раза; однако Англия и Германия, в отличие от России, одновременно более чем вдвое увеличили золотой запас². Поэтому важно было не обескровить рынок потребительских товаров, однако в России в 1915–1916 гг. происходил противоположный процесс, а именно резко выросла диспропорция гражданской и военной продукции в пользу последней. Производство собственно «военных припасов» было сравнительно незначительным, но в более широком понимании «работы на оборону», как включающую не только производство вооружения и боеприпасов, но и работу по государственным оборонным заказам в целом, на военные нужды шла существенно бóльшая часть продукции. Кафенгауз оценивал долю первых в общей продукции тяжелой промышленности в 9 % в 1913 и 27 % в 1916 г., долю же вторых в 1916 г. прокомментировал фразой о том, что «больше половины промышленной продукции уходило на нужды армии и связанных с ней учреждений»³. Воробьев долю производства «предметов вооружения и снаряжения» на 1917 г. оценивал, по материалам переписи 1918 г., в 35 % по числу рабочих и 58 % по валовой продукции (при 23 и 29 % соответственно в 1913 г.) при доле производств, совсем «не работающих на оборону», лишь в 11 и 6 % (14 и 9,5 % в 1913 г.) соответственно⁴. Наиболее же полный анализ произведен А.Л. Сидоровым, подсчитавшим, что в среднем около $\frac{2}{3}$ продукции промышленности шло «на войну» и лишь треть на частный рынок⁵.

Гипертрофированное развитие «оборонных» отраслей промышленности ставило на повестку дня вопрос их послевоенного перевода на производство продукции «мирного» спроса. В связи с этим, например, в химической промышленности в 1917 г. была активизирована работа по сбору статистических сведений и сделаны важные шаги к созданию общепромышленной организации. В связи с сокращением казенных заказов и необходимостью расширения гражданской продукции

¹ *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004. С. 483.

² Подсчитано по: Мировое хозяйство. С. 148–152; *Кондратьев Н.Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны / Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. труды. М., 2002. С. 104–106.

³ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России... С. 195, 213.

⁴ *Воробьев Н.Я.* Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 126.

⁵ *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России... С. 371.

в августе 1917 г. создаются объединения металлообрабатывающих предприятий, являвшихся в годы войны контрагентами организации С.Н. Ванкова по производству снарядов¹. Однако реальной репрофилировки на производство «мирной» продукции в 1917 г., судя по данным переписи 1918 г., не произошло². Хотя в демилитаризации экономики, пусть даже ценой выхода из войны, возможно, заключался последний шанс изменить ситуацию и избежать эскалации революции.

Таким образом, поддержание общих валовых показателей промышленности России на уровне 1913 г. достигалось почти исключительно за счет роста военного сектора. В «гражданских» же отраслях, и прежде всего в топливно-металлургическом комплексе, ключевом с точки зрения обеспечения ресурсами нормального функционирования всей экономики, кризисные явления (снижение объемов производства, падение производительности труда, недогруз производственных мощностей и др.) проявились еще до февраля 1917 г., и в значительной степени были обусловлены изначальной сравнительной слабостью производственной базы российской промышленности и транспортной инфраструктуры.

Кризис «недопроизводства» промышленных товаров воздействовал на другие составляющие экономического цикла, способствуя росту продовольственных трудностей (резкое сокращение товарообмена с сельскохозяйственной продукцией), развитию финансового из-за неспособности отечественной промышленности удовлетворить военно-мобилизационные потребности и транспортного кризисов. Перечисленные признаки нарастающего общеэкономического кризиса обозначились также до Февраля, революционные же события 1917 г. многократно усилили сформировавшиеся тенденции в экономической жизни страны.

Поэтому сводить произошедший в 1917 г. в России экономический коллапс исключительно к недееспособности и провалам вставшей у рычагов управления страной «либеральной элиты», на наш взгляд, является слишком упрощенным подходом. Не случись Февраля, царскому правительству пришлось бы решать те же проблемы, что и их «сменщикам», однако практика предыдущих 2,5 лет войны, вероятно, оставляет немного оснований для предположения, что оно справилось бы с ними эффективней Временного правительства. С учетом предвоенных российских экономических, социальных и политических реалий роковой финал в случае длительной войны был весьма возможен и при сохранении монархии. Чтобы избежать крушения, требовалось искусное управление государственным кораблем, на что ни прежняя, ни новая «контрэлита» оказались не способны.

1.2. Промышленная политика Временного правительства

(А.П. Корелин)

Оказавшись в результате Февральской революции у власти, оппозиционные старому режиму силы получили возможность сформулировать свои программы

¹ Иванова Н.А. Принудительные объединения в России в годы Первой мировой войны // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 247–249.

² См.: Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции. С. 126.

политических и социально-экономических преобразований и выработать меры по их реализации. Разнородные политические группировки, партии и течения, которых еще недавно в какой-то мере объединяла критика старого режима, теперь пытались наладить сотрудничество на практической почве строительства нового общества. Но уже первые шаги в этом направлении обнаружили существенные противоречия в представлениях самих властных структур, «деловых» и партийно-политических кругов о сущности нового политико-государственного и социально-экономического строя, о тех мерах, которые могут придать устойчивость дезорганизованному войной народному хозяйству, и перспективах его развития. В наиболее острой форме эти расхождения проявились в системе «двоевластия» Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Добровольно отдав властные прерогативы, Советы тем не менее сохранили возможность влияния на курс правительственной политики. Причем социально-экономические проблемы в ходе формирования последней фактически вышли на первый план, а дискуссии о возможных путях их решения приобрели, как мы увидим, политический характер.

Мировая война сделала неизбежной мобилизацию и милитаризацию всего экономического потенциала противоборствующих сторон. Нарушение механизмов свободного капиталистического рынка привело к формированию во всех странах-участницах грандиозного конфликта с различной степенью успешности военной регулируемой хозяйственной системы, в которой ведущая роль отводилась государству. Тенденция к регулированию и огосударствлению важнейших отраслей народного хозяйства, в первую очередь промышленности, и ее последствия стали объектом пристального внимания экономистов самых разных идейно-политических направлений. Основу концепций, объяснявших суть происходящих в экономике изменений, составляли представления о качественно новой ступени в развитии капиталистического общества, обусловленной возросшей регулирующей ролью государства.

При этом не только констатировалась необходимость и неизбежность этого процесса, но и отмечалось особенно в левых социалистически ориентированных кругах, что «старый» капитализм утрачивает свои важнейшие ценности – индивидуализм и неограниченную свободу хозяйственной деятельности, что на смену им идут принципы регулируемого и социализируемого производства, позволявшие резко увеличить эффективность производительных сил. Идея регулируемого, сознательно организуемого народного хозяйства становится центральной, определяющей основные направления в развитии экономической мысли во всех воюющих странах. Причем ряд видных западноевропейских и российских экономистов-теоретиков отмечали, что ход событий ставит реализацию некоторых идей социалистической организации народного хозяйства в практическую плоскость¹. Расходясь в признании целесообразности и вообще приемлемости мер по социализации промышленности и ее отдельных отраслей в условиях войны и в ближайшей перспективе, сторонники различных точек зрения сходились на том, что

¹ См: *Букидан Я.М.* Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914-1918 гг. М.; Л., 1929. С. 16–23; *Май В.А.* Реформы и догмы. 1861–1929. 3-е изд. М., 2013. С. 96–182.

лишь государство может и должно путем разработки и реализации теоретически и практически обоснованной экономической политики и привлечения общественности обеспечить наиболее рациональный порядок работы всех звеньев народного хозяйства. Этот принцип и был положен в основу промышленной политики новой российской власти.

Формально официальные программы Временного правительства разных составов нашли отражение в правительственных декларациях. Как правило, это были весьма краткие и столь же расплывчатые заявления о принципах правительственной политики, дававшие возможность различного их толкования. Конкретизация ее основных направлений и обоснование практических мер по их реализации содержались в обращениях и заявлениях правительства и глав отдельных ведомств.

В первом составе Временного правительства, в котором преобладали политики-интеллигенты кадетской и октябристской партийной принадлежности, экономический блок представляли министры, так или иначе связанные с «деловыми», предпринимательскими кругами. Министерство торговли и промышленности возглавил А.И. Коновалов, крупный московский промышленник и общественно-политический деятель, депутат IV Государственной думы, один из инициаторов создания торгово-промышленной (1905) и прогрессивной (1912) партий, в годы войны – товарищ председателя ЦВПК, один из организаторов Прогрессивного блока. А.И. Гучков, также известный предприниматель и политический деятель, лидер партии октябристов, возглавил военно-морское ведомство, тесно связанное с предпринимательскими кругами через распределение военных заказов. Один из крупнейших российских сахарозаводчиков М.И. Терещенко, формально беспартийный, но близкий по политическим взглядам к прогрессистам, был назначен министром финансов; пост государственного контролера получил И.В. Годнев, крупный земельный собственник и домовладелец, депутат III и IV Государственной думы, октябрист, также участник Прогрессивного блока. Исключение составлял министр путей сообщения Н.В. Некрасов, инженер по образованию, профессор, депутат Государственной думы III и IV созывов, левый кадет, выделявшийся радикально-демократическим взглядами.

В правительственной декларации от 3 марта «О назначении министров первого общественного кабинета и о программе его деятельности» в самой общей форме провозглашался курс на отмену обветшавших политических и правовых норм старого режима и введение основ нового правопорядка¹. В ряду объявленных политических и гражданских прав и свобод в ней говорилось также о свободе союзов, собраний, стачек и забастовок, т. е. фактически о введении новых принципов взаимоотношений труда и капитала, прежде всего для обеспечения социального мира в стране. С заявлений о подготовке программы реформ, призванных регулировать экономическую жизнь страны, начал свою деятельность и Коновалов, обратившись уже 5 марта за содействием к торгово-промышленным организациям, 7 марта – с воззванием к рабочим². Наиболее полно программа де-

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 7–8.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 2. 7 марта.

тельности ведомства была изложена им в беседе с представителями печати 29 марта и на встрече с предпринимателями 14 апреля при посещении Московской биржи¹.

В ходе беседы с журналистами министр наметил три основных направления работы ведомства. На первом плане стояла задача упорядочения и некоторого усовершенствования системы регулирования промышленности и в первую очередь обеспечение оборонных предприятий топливом и металлом. Старая власть, отметил он, оставила тяжелое наследие: закрытие ряда портов, через которые снабжалась импортным углем промышленность, потеря Домбровского бассейна в оккупированной Польше, развал железнодорожного хозяйства, многовластие и хаос в организации работы промышленности. Министерство уже предприняло ряд организационных мер по приспособлению старой контрольно-регулирующей системы к насущным задачам организации снабжения предприятий сырьем и топливом. Следующим шагом намечалась передача государству распоряжения всем углем, его обезличивание и уничтожение всех частных договоров, т. е. фактически введение государственной угольной монополии.

Другим важным направлением признавалось введение в экономическую жизнь страны принципов буржуазного правопорядка – раскрепощение труда, свобода предпринимательской инициативы и предприимчивости, неприкосновенность частной собственности. Первыми шагами здесь стали ликвидация ограничений, связанных с учреждением акционерных компаний, препятствовавших предпринимательской инициативе (постановление правительства от 10 марта), спешная разработка нового акционерного законодательства, в основу которого должен быть положен принцип явочной системы, содействие организации предпринимательского самоуправления (торгово-промышленные палаты). Вместе с тем при Министерстве торговли и промышленности на паритетном начале от рабочих и предпринимателей был создан отдел труда, который уже занялся разработкой социальных законопроектов о профессиональных союзах, примирительных камерах, рабочих комитетах, биржах труда, а также пересмотром законодательства об охране труда, продолжительности рабочего дня, страховании от профессиональных болезней и т. п.

Придавая особое значение этому направлению своей деятельности, правительство, подчеркнул министр, считает необходимым создать Министерство труда, на которое и будет возложена разработка социального законодательства. Причем «по соображениям переживаемого момента» чрезвычайно важно, чтобы глава этого нового ведомства был выдвинут «социалистическими группами и партиями». И, наконец, был поставлен ряд вопросов, касающихся подготовки перехода предприятий на мирные рельсы, демобилизации промышленности, создания условий для ее успешной работы. Представлен был широкий спектр задач в области разработки законодательства по самым различным аспектам организации торгово-промышленной жизни страны.

¹ Там же. 1917. № 21. 31 марта; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. Ч. 1. М.; Л., 1957. С. 216–218 (Экономическое положение России).

В выступлении перед предпринимателями эти программные положения были конкретизированы, расширены и аргументированы¹. В условиях стремительно разраставшегося кризиса отдельные меры по организации обеспечения предприятий сырьем и топливом были уже недостаточны. «Не подлежит сомнению, что при современном положении дел, – констатировал министр, – при недостатке в стране самых насущных предметов, при неизбежности для фабрик и заводов сокращать свою производительность вследствие недостатка сырья и топлива, при расстройстве транспорта и при необходимости, несмотря на все это, удовлетворять потребности фронта – нет других средств как только известное государственное вмешательство в частные торгово-промышленные отношения и интересы и приобщение к делу регулировки торгово-промышленной жизни широкой общественности и демократических кругов населения». Создавая новые регулирующие органы по отдельным отраслям промышленности и реформируя существующие, необходимо придать им «общественный характер» и расширить их компетенции вплоть до предоставления права нормирования цен на продукцию и даже ограничения предпринимательской прибыли.

В сущности программа Коновалова, при всем ее внешнем радикализме, не отличалась ни новизной, ни четкостью в соотношении регулятивных функций государственных органов, частноправовых и общественно-демократических принципов. Предложения об усилении регулирующей роли государства вносили еще в 1915–1916 г. финансовое и торгово-промышленное ведомства, на создании единого государственного регулирующего центра настаивали, ссылаясь на опыт Германии, Англии, Франции, деятели ЦВПК и Всероссийского союза городов, в журналах «Экономист», «Новый экономист», «Промышленность и торговля» и других появились публикации видных российских экономистов, ратовавших за преодоление стихии рынка, усиление мер по государственному регулированию экономики – вплоть до принудительного синдицирования и трестирования целых отраслей².

К тому же ряд важных положений, касавшихся взаимоотношений труда и капитала, практически уже были реализованы в результате соглашений между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, при котором был собственный экономический отдел, и Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов (о введении 8-час. рабочего дня, создании примирительных камер, рабочих комитетов и т. д.). Затем они получили широкое распространение и в других регионах.

Сам Коновалов, один из наиболее дальновидных представителей европеизированных кругов российской буржуазии, будучи депутатом Государственной думы, считался экспертом по проблемам экономической политики и по рабочему вопросу и хорошо понимал необходимость «социального мира» для развития российской промышленности³. Еще в сентябре 1916 г. он убеждал московских

¹ Торгово-промышленная газета. 1917. 16 апр.; *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 59–61.

² См. *Май В.А.* Реформы и догмы. С. 133–141, 146–147.

³ Подробнее см.: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века. Предпринимательство и политика. М., 2002.

предпринимателей: «Спасение в одном – в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих – с другой. Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели»¹. Но призывая к содействию организации рабочих, к созданию на предприятиях рабочих комитетов, примирительных камер с паритетным представительством сторон, третейских судов для разрешения конфликтных ситуаций, к расширению представительства «общественности» в регулирующих органах, в т. ч. предпринимательских объединений и Советов рабочих депутатов, он был решительным противником какого-либо вмешательства во внутренний распорядок работы промышленных заведений, любых покушений на права их собственников, что придавало предложенным им мерам противоречивый характер.

Тем не менее первоначально программа Коновалова, заложившая фактически основы правительственного курса всех составов кабинета в торгово-промышленной сфере, не встретила возражений ни в предпринимательских кругах, ни в Петросовете, ни у «демократической общественности». «Программа нового главы торгово-промышленного ведомства, – отмечала «Торгово-промышленная газета», – в своих основах вполне приемлема для торгово-промышленного класса»². Предложения по решению рабочего вопроса и усилению государственного регулирования хозяйственной жизни страны получили поддержку Советов. Состоявшееся 29 марта – 3 апреля Всероссийское совещание Советов одобрило эти направления правительственной политики. Аналогичные решения этих проблем разрабатывались экономическим отделом Петросовета³. Повышение эффективности государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, вера во всеислие нового, «демократического государства» стали важными компонентами правительственной программы.

Но уже вскоре разраставшееся рабочее движение, активизация фабзавкомов, участвовавшие случаи установления рабочего контроля над предприятиями и, соответственно, возраставшее сопротивление промышленников, наконец, апрельский кризис вызвали разброд в самих правительственных кругах, в т. ч. и среди глав ведущих ведомств. Так, А.И. Гучков, поддержанный А.И. Шингаревым, выступил против курса на «безграничное» включение представителей «общественности» в государственные регулирующие органы. Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, наоборот, считали, что позицию правительства можно усилить за счет кооптации в него «умеренных» советских лидеров и ратовали за более широкое привлечение представителей «демократических кругов» к решению хозяйственных проблем.

Апрельский кризис, как известно, завершился формированием первого коалиционного правительства. Экономический блок в нем по-прежнему был представлен Коноваловым, Годневым и Некрасовым, которые сохранили свои позиции, пост министра финансов занял левый кадет А.И. Шингарев, а созданное 5 мая новое ведомство – Министерство труда, как и предлагал Коновалов, возглавил меньшевик М.И. Скобелев. Один из лидеров Петросовета А.Ф. Керенский, оставаясь товарищем председателя Исполкома Совета, стал во главе военного и мор-

¹ *Граве Б.Б.* Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 140.

² Торгово-промышленная газета. 1917. № 13–14.

³ *Волубуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 62–63.

ского ведомств. Уже сам по себе такой состав руководства важнейшими министерствами предполагал противоречивость и даже конфликтность правительственной политики по ее важнейшим направлениям – экономическому и социальному. И действительно, декларация 6 мая, извещавшая о новом составе правительства и его ближайших действиях, содержала пункты о «всеобъемлющем» государственном контроле и регулировании народного хозяйства, «всесторонней защите труда», «переустройстве финансовой системы на демократических началах» и «усилении прямого обложения имущих классов»¹. Это не могло не вызвать реакцию предпринимателей.

Особую активность проявили промышленники Юга России. В конце марта – начале апреля они вступили в переговоры с рабочими комитетами по поводу введения 8-час. рабочего дня и повышения заработной платы, затем предприниматели, заявив, что удовлетворение «непомерных» требований рабочих «приведет к общему повышению стоимости всех предметов производства и снабжения» и что это «грозит потрясением экономической жизни страны», отказались от переговоров и направили делегацию для переговоров с правительством. С 17 по 23 мая шли переговоры с Министерством труда, на которых делегация отстаивала свою позицию. Было заявлено, что предприятия уже выплачивают рабочим заработную плату гораздо большую, чем возможно при существующих ценах производства, что фабрики и заводы «в весьма большом проценте» работают с убытком, что «самочинные комитеты» вмешиваются в распоряжения администрации предприятий и что в результате продолжительность работ, производительность и качество труда понизились. Предприниматели, отмечалось в их выступлениях, обращаются к правительству с заявлениями о невозможности вести дело и просят взять предприятия в казну или закрывают производство. Перечислив все обрушившиеся на промышленность беды, делегация поставила перед правительством «категорический вопрос – какова его экономическая и хозяйственная программа?» По какому пути пойдет страна – «по пути ли перестройки всей хозяйственной деятельности по социалистической программе» или «по пути существующего хозяйственного и правового строя?» Требовалось, чтобы Временное правительство уточнило свою экономическую программу².

Состоявшаяся в Петрограде 1–2 июня конференция торгово-промышленных организаций, на которой были обсуждены «создавшиеся условия хозяйственной жизни страны», приняла решение о создании Комитета защиты промышленности. Предприниматели обращались к Временному правительству с призывом «использовать всю полноту власти для поддержания в стране порядка, охраны свободы и неприкосновенности личности и собственности, для защиты прав граждан». «При существующих условиях мирового хозяйства, – отмечалось в резолюции конференции, – никакой экономической строй, кроме капиталистического, в России невозможен».

Поэтому всякие попытки вмешательства рабочих в управление предприятиями приводят лишь к анархии, полному расстройству работы заведений и их

¹ Вестник Временного правительства. 1917, 6 мая. *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 64–65.

² Экономическое положение России. Ч. 1. С. 173–180.

закрытию. Заработная плата, повышение которой постоянно требуют рабочие, должна быть «сообразована» с ценами на продукцию, продолжительностью рабочего времени, производительностью труда. Именно это должно стать первоосновой в мерах по государственному регулированию промышленной жизни. Причем упорядочение отношений между трудом и капиталом, соглашались участники конференции, возможно лишь при участии профессиональных организаций и примирительных учреждений. Что же касается предпринимательских прибылей, отмечалось в резолюции, то промышленники готовы пойти на «самые тяжелые жертвы в пользу казны». Но если правительство не предпримет требуемых мер, то в ближайшее время предстоит закрытие многих предприятий, что приведет к массовой безработице, а в конечном итоге к экономическому «порабощению России иностранными государствами»¹.

Конфликтность ситуации усугублялась тем, что почти одновременно на заседаниях Петросовета меньшевики и эсеры уверяли рабочих, будто с вступлением в правительство членов социалистических партий «представители пролетариата во Временном правительстве» используют свою власть «в интересах трудящихся масс» и для «обуздания капиталистов». Более того, 16 мая Исполком Петросовета, обсудив вопрос об экономической политике правительства, принял предложенную его экономическим отделом резолюцию о борьбе с разрухой «в качестве практического руководства для деятельности своей и деятельности товарищей-министров»².

В самом Временном правительстве обострились разногласия между А.И. Коноваловым и А.И. Шингаревым, Н.В. Некрасовым и М.И. Скобелевым. Коноваловский «радикализм» оказался недостаточным для его коллег. Глава торгово-промышленного ведомства, предлагая усилить меры по государственной мобилизации промышленности и выступая за регулирование отношений между трудом и капиталом, по-прежнему настаивал на принципе невмешательства во внутренние дела предприятий, был категорически против ограничения частнособственнических прав владельцев заведений, что, по его мнению, чревато «экономическим тупиком». Выступая против стихийного введения в условиях военного времени 8-час. рабочего дня, он призывал «руководящие элементы Совета» овладеть движением и направить его «в русло закономерной классовой борьбы». Конфликт завершился 20 мая отставкой Коновалова. Управляющим Министерством торговли и промышленности был назначен В.А. Степанов, занимавший ранее пост товарища министра и входивший в ЦК кадетской партии. Как и Коновалов, он был депутатом Государственной думы и считался специалистом по рабочему вопросу и государственному бюджету³.

Новый глава ведомства в весьма краткие сроки подготовил докладную записку, поданную 8 июня Временному правительству, в которой были изложены

¹ Там же. С. 181–182.

² Известия Петроградского Совета. 1917. 9 и 13 мая; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925.

³ Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 589–590.

основные принципы торгово-промышленной политики¹. В преамбуле этого документа, видимо, под впечатлением картины, обрисованной в предпринимательских обращениях, констатировалось, что расстройство народного хозяйства достигло крайнего напряжения, что страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. «Борьба труда против капитала, – отмечал автор записки, – несмотря на героические усилия правительственной власти и общественных организаций влить ее в примирительное русло, принимает все более острые формы и грозит исключительными осложнениями не только для обороны... но просто для существования страны». С одной стороны, рабочие, в среде которых «культивируются узкоклассовые настроения», постоянно, при неуклонном падении производительности труда, требуют повышения заработной платы, с другой – предприниматели все более обнаруживают «склонность к приостановке производства» или стремление, соглашаясь на требования рабочих, переложить дополнительные расходы на казну. В этих условиях, считал новый глава ведомства, правительство должно в кратчайшие сроки ясно и определенно заявить о кардинальных принципах экономической политики, которой оно намерено придерживаться.

Прежде всего, по его мнению, необходимо занять определенную позицию в отношении перехода к социалистическому строю. «Невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства, – считал Степанов, – по-видимому, не вызывает сомнений ни среди членов Временного правительства, ни в реалистически настроенных кругах революционной демократии»². Следует рассеять заблуждения, получившие распространение среди масс в результате пропаганды социалистических идей: при нынешнем «оскудении» введение социализма само по себе не спасет Россию от нищеты. Усилия правительства должны быть направлены прежде всего на расширение производства и принятие мер по интенсификации и повышению производительности труда.

Не менее важно рассеять и надежды решить все проблемы передачей фабрик и заводов в ведение казны, т. е. путем «огосударствления» промышленности. Государство не располагает ни необходимыми средствами, ни подготовленными кадрами, чтобы удовлетворить эти требования рабочих. К тому же раздача «бумажных денег» усилит инфляцию и приведет в итоге к банкротству страны. Особенно вредны, считал он, попытки «социализации» отдельных предприятий, подрывающие не только основы существующего хозяйственного строя, но и дис-

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 220–225.

² Действительно, «революционная демократия», меньшевики, эсеры, представители других социалистически ориентированных политических сил (кроме большевиков) реализацию своих программных целей теперь откладывали на неопределенное будущее, сосредоточившись на «улучшениях» существующего строя. Министр труда М.И. Скобелев в беседе с представителями печати раскрыл позицию своих коллег – министров-социалистов: «Когда мы говорим о решительном вмешательстве государства в промышленность в целях регулирования ее и введения контроля, то речь здесь идет, конечно, не о социалистическом производстве и не о государственном социализме, а о том минимуме мероприятий, в которых нуждается народнохозяйственная жизнь страны и которые проведены уже в Англии». (См.: Горнозаводское дело. 1917. № 26–27. С. 16; *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 65).

кредитирующие саму социалистическую идею. В русле критики последней автор пишет и о крайней нужде России в денежных средствах, приток которых может обеспечить лишь иностранный капитал. Но для этого необходимо твердо заявить о сохранении капиталистических основ существующего хозяйственного строя – неприкосновенности частной собственности и свободы предпринимательства.

Далее излагались, с некоторыми модификациями, основные положения коноваловской программы. Критикуя и социализацию, и тотальное «огосударствление» промышленности, глава ведомства доказывал, что в сложившихся условиях невозможен и возврат к свободной экономике, т. к. «хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов». Остается лишь один путь – государственное регулирование важнейших отраслей экономики, прежде всего работающих на оборону, но без «колебания» принципов частной собственности и предпринимательской инициативы. Двигательной силой экономики должно оставаться «частно-хозяйственное начало», хотя и несколько ограниченное государственным контролем. Но при этом необходим избирательный подход. Во-первых, государственному регулированию должны подлежать прежде всего отрасли, производящие «промышленное сырье, топливо, металл и вообще главнейшие предметы первой необходимости и жизненного обихода». Во-вторых, методами регулирования может быть как введение государственных монополий, главным образом в сфере торговли и распределения продукции, так и объединение, в т. ч. и принудительное, отдельных отраслей и производств (имелось в виду прежде всего синдицирование и трестирование предприятий). Последнее, при условии вхождения в такие объединения казны, дает государству «могущественное орудие надзора и контроля» (эта идея позднее оказалась близка и лидерам советской власти).

Но ни в коем случае задачу регулирования промышленности не решает ни учреждение государственных органов финансового и административного контроля на отдельных предприятиях, ни тем более введение «общественного» контроля. Автор еще раз напоминал, что отстаивать интересы труда должны профессиональные рабочие союзы, а до их массового распространения – фабрично-заводские комитеты, учрежденные (скорее легализованные) постановлением правительства от 23 апреля 1917 г. При возникновении конфликтов на предприятиях и в отраслях, регулируемых государством, остановка производства недопустима: в этих случаях использование права как стачек, так и локаутов приостанавливается. Конфликты должны разрешаться примирительными учреждениями, создаваемыми на паритетных началах. При невозможности достичь соглашения о величине и формах заработной платы их должны определять особые правительственные комиссии, призванные устанавливать нормы оплаты труда по профессиям и регионам, причем в основу должен быть положен прежде всего уровень производительности труда.

Государство, считал глава торгово-промышленного ведомства, при помощи своего аппарата должно взять на себя снабжение трудящихся продовольствием и необходимыми предметами ширпотреба и обеспечить промышленность профинансированными заказами, сырьем, материалами, топливом, рабочей силой. Но это возможно, подчеркивалось в записке, лишь при росте производства, интенсификации труда. И это положение, приобретая программный характер, в отличие от предложений Коновалова, ориентированных прежде всего на введение в законные рамки отношений труда и капитала, теперь выходило на первый план.

Вместе с тем автор, «понимая вполне законную тревогу трудовой демократии», что все выгоды от этого могут в первую очередь пойти «на пользу своекорыстным интересам имущих классов», считал необходимым довести до сведения трудящихся, что Временное правительство разрабатывает соответствующие меры в налоговом законодательстве. Действительно, 12 июня были приняты правительственные постановления о повышении окладов государственного подоходного налога, введившие прогрессивную шкалу обложения. Устанавливался на 1917 г. единовременный налог со всех доходов, а также повышение обложения прироста военных прибылей торгово-промышленных предприятий (от 30 до 60 %)¹. Все начинания кабинета, считал Степанов, будут совершаться не старым бюрократическим порядком, а с привлечением по возможности профессиональных и общественных организаций. Правительство, разрабатывая меры по упорядочению социально-экономической жизни страны, намерено запрашивать мнения специалистов и представителей всех заинтересованных сторон – деловых кругов, профсоюзов, «общественности», науки.

Свои предложения в сжатом виде глава экономического ведомства изложил в проекте правительственной декларации, однако по каким-то соображениям она не была опубликована. Видимо, помешал открывшийся в начале июня I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, подтвердивший основные положения резолюции экономического отдела Петросовета от 16 мая. Тем не менее принципиальные положения записки Степанова и его проекта декларации рассматривались Министерством торговли и промышленности как руководство к действию.

Несколько модернизировав, с учетом обострявшейся ситуации в экономической и социально-политической жизни страны, коноваловскую программу, правительство теперь пыталось свернуть ее социальную направленность. Показательно в этом плане воззвание министра труда Скобелева к рабочим России от 28 июня. Министр осуждал их «самочинные» действия и борьбу за повышение заработной платы, т. к. это «дезорганизует промышленность и истощает казну», мешает правительству «авторитетом революционной власти» подчинить народное хозяйство государственному регулированию и контролю, что необходимо «во имя закрепления революции и торжества наших конечных идеалов»². На первый план выходят меры по увеличению выпуска продукции предприятий, причем в основном за счет повышения производительности труда рабочих, нормирования заработной платы и, соответственно, свертывания курса на демократизацию органов управления промышленностью, решения социальных конфликтов силовыми методами. При этом правительство представляло свою позицию как «надклассовую», продиктованную прежде всего интересами государства и целями достижения «благополучия всего населения».

Балансируя между интересами труда и капитала, оно все же пыталось заручиться поддержкой широких слоев общества. Этим целям должно было служить созданное еще 5 мая при Министерстве торговли и промышленности межведомственное Совещание по вопросу о развитии производительных сил России, в работе которого предполагалось участие глав важнейших министерств, а также

¹ Экономическое положение России. Ч. 2. С. 400–405.

² Вестник Временного правительства. 1917. 28 июня.

представителей военно-промышленных комитетов, союзов земств и городов, авторитетных ученых. Его задачей должно было стать обсуждение основных начал экономической политики и изыскание прежде всего общих мер содействия развитию добывающей и обрабатывающей промышленности. Вскоре этот замысел приобретает более широкие масштабы. Вместо органа ведомственного подчинения постановлением от 21 июня за подписями министра-председателя Г.Е. Львова и министра труда Скобелева образуются новые коллегиальные учреждения – Экономический совет и Главный экономический комитет (ГЭК), создаваемые теперь уже при Временном правительстве.

Согласно Положению, определявшему состав и направления деятельности этих органов¹, Экономический совет учреждался «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни». Совет возглавлял министр-председатель. В него входили министры или их заместители практически всех ведущих ведомств (торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, путей сообщения, финансов, труда, военного и морского), товарищ председателя ГЭК и лица, избранные следующими организациями: Советом рабочих и солдатских депутатов, Советом крестьянских депутатов, Советом съездов промышленности и торговли, Советом банков, Советом съездов кооперативов, Советом съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, Советом съездов мелкой и средней промышленности, Центральным бюро профессиональных союзов, Союдами городов и земств; а также представители от ученых обществ – Вольного экономического, Технического и Общества имени Чупрова, председатели комиссий Экономического совета и представители от его районных отделений. Кроме того, председателю Совета предоставлялось право приглашать на заседания «сведущих лиц» с совещательным голосом.

Заместителем председателя с 1 июля был назначен С.Н. Прокопович, известный экономист и общественный деятель, впоследствии министр торговли и промышленности. В компетенцию Совета входило обсуждение вопросов, передаваемых на его рассмотрение правительством, а также возбуждаемых по его инициативе или вносимых ГЭК. Решения его подлежали утверждению правительством, после чего все особые совещания и комитеты должны были принять их в качестве руководства в своей деятельности.

ГЭК формально должен был стать прежде всего исполнительным органом по реализации программы, разработанной Экономическим советом и утвержденной правительством. На него возлагалось практическое руководство деятельностью всех существующих организаций по регулированию народного хозяйства и согласование проводимых ими мероприятий, а также объединение всех статистических работ и технических обследований предприятий. Последнее направление его деятельности было весьма важно, т. к. правительство фактически не имело четкого представления о состоянии экономики.

¹ Журнал заседаний Временного правительства от 21 июня 1917 г. // Архив новейшей истории России. Т. VIII. М., 2002. С. 316–318; Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 182. 4 авг. Ст. 1819–1821. См. также: *Кузнецова О.Н.* Экономический Совет при Временном правительстве России в 1917 г. // *Новейшая история России (Modern history of Russia)*. 2011. № 2. С. 7–21; *Май В.А.* Реформы и догмы. С. 40–45.

В целом же статус ГЭК, очерченный Положением, имел неопределенный и даже противоречивый характер. С одной стороны, он мыслился как исполнительный орган Экономического совета, с другой – в своих действиях он был автономен, его постановления могли отменяться только Временным правительством. К тому же в его компетенцию входила и разработка новых законопроектов, которые он мог вносить непосредственно в правительство. Состав его определялся правительственными назначениями: в него входили главы тех же ведомств, которые были представлены в Экономическом совете. Формально председателем его считался премьер, но фактически большинством заседаний руководил его заместитель, который входил в кабинет с правом решающего голоса.

При этом полностью бюрократическом учреждении образовывалось Совецание, в которое наряду с представителями тех же ведомств входили 10 представителей от «общественности», уже являвшиеся членами Экономического совета, – по одному от каждой организации. Таким образом, предполагалось, что правительство в своих действиях будет если не опираться на мнения различных слоев общества, то знать и учитывать их интересы, пожелания и предложения. В заседаниях Совета и ГЭК принимали участие видные государственные, политические и общественные деятели, авторитетные представители деловых кругов.

Следующим этапным поворотом в экономической политике Временного правительства стали июльские события. В новом составе кабинета после ухода ряда кадетов большинство принадлежало уже «министрам-социалистам» во главе с А.Ф. Керенским, который руководил правительством, но сохранил за собой посты военного и морского министра. ЦИК Советов объявил новый кабинет «правительством спасения революции», признав за ним неограниченные полномочия. Н.В. Некрасов, теперь лидер Радикально-демократической партии, был назначен товарищем главы правительства и министром финансов, С.Н. Прокопович, «внефракционный социал-демократ» – министром торговли и промышленности, кадеты П.П. Юренев, инженер путей сообщения, имевший большой опыт практической работы, – министром путей сообщения и Ф.Ф. Кокоскин, юрист, приват-доцент, эксперт «по конституционным вопросам», – государственным контролером. Таким образом, в кабинете, за исключением Терещенко, возглавлявшего МИД, не осталось представителей деловых кругов.

После июльских событий в Петрограде Временное правительство попыталось успокоить возмущенные массы новыми обещаниями. В проекте декларации, принятом в заседании 8 июля, оно указывало на его преемственность с декларацией от 6 мая. Провозглашалось, что правительство приложит все силы для победоносного окончания войны и созыва Учредительного собрания, которое и решит все накопившиеся проблемы. Экономическая часть проекта возвещала о начале работы новых учреждений – Экономического Совета и ГЭК, созданных именно для «решительной борьбы с хозяйственной разрухой и дальнейших мероприятий по защите труда». Фактически ничего нового в этих заявлениях не было: по-прежнему речь шла о регулировании народного хозяйства и контроле над промышленностью, разработке законопроектов о 8-час. рабочем дне, охране труда, введении примирительных камер и третейских судов, биржах труда и т. п.¹

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 9 июля.

Кадеты и торгово-промышленные круги выступили против основных положений проекта, требуя от «социалистической части кабинета» формального отказа от декларации 6 мая. Причем кадеты заявили, что последний документ составлен без их участия и представляет собой фактически социалистическую программу. Подобным образом отреагировали деловые круги, принявшие свою декларацию: «Временное правительство не вправе предпринимать коренной ломки существующих отношений до Учредительного собрания. Должна быть немедленно создана твердая власть на местах... Промышленность и торговля имеют государственное значение... Всякие классовые притязания как промышленников, так и рабочих должны быть подчинены государственным интересам»¹. Поскольку декларация не была принята правительством, представитель купеческой Москвы С.Н. Третьяков, внучатый племянник великого мецената, отказался от приглашения войти в состав коалиционного кабинета.

В результате новый состав коалиционного правительства решил воздержаться от публикации программной декларации и обратился к населению с воззванием, в котором туманно упоминалось о «ранее возвещенных началах» правительственной политики, а основным содержанием были призывы к «священному единению» классов во имя победы революции, борьбе с анархией и контрреволюцией, говорилось о неизбежных жертвах, которые потребует эта борьба².

Открыв 21 июля первое заседание Экономического совета, А.Ф. Керенский, занявший пост министра-председателя, выразил надежду, что созданное учреждение найдет в себе силы выработать «новые начала» правительственной экономической политики, которая, опираясь на «общенародный национальный разум, финансово-экономическую мудрость», найдет выход из катастрофического положения, «укажет нам направление, которое выведет страну на путь экономического развития, достойного имени российского государства»³. В ходе обсуждения предстоящих задач новых органов было высказано мнение, что в основу их деятельности должны быть положены принципиальные положения программы Коновалова. Его ближайший сподвижник, товарищ министра торговли и промышленности П.И. Пальчинский, к тому времени сконцентрировавший в своих руках весьма влиятельные властные полномочия и как главноуполномоченный по снабжению предприятий топливом и металлом, и как председательствующий в Особом совещании по обороне, на заседании Совета 22 июля заявил, что «те программные выступления, которые имели место в речах бывшего министра торговли и промышленности А.И. Коновалова, в основных своих чертах сохраняли и сохраняют свою полную силу для Министерства торговли и промышленности, конечно, и сейчас...»⁴

Об этом же говорил в своем докладе на заседании Совета 24 июля и экономист М.В. Бернацкий, за весьма краткий срок проделавший карьеру от управляюще-

¹ Речь. 1917. 16 июля.

² Там же.

³ Стенографические отчеты заседаний Экономического совета (СОЭС). Пг., 1917. Отчет № 1 от 21 июля 1917. С. 1.

⁴ СОЭС. 1917. Отчет № 2 от 22 июля. С. 10. Подробнее см.: *Гараевская И.А.* Петр Пальчинский. Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996.

го отделом труда Министерства торговли и промышленности до управляющего Министерством финансов (с 24 июля), а затем и министра финансов (с 25 сентября). Как Коновалов и Степанов, он признавал, что война и разруха вынуждают правительство идти по пути государственного регулирования. Более того, по его мнению, оно должно быть «углублено» и сохранено и после окончания войны, причем одной из его задач должно стать «пробуждение частной энергии» как решающего условия развития народного хозяйства. Выразив сомнение в целесообразности принудительного синдицирования промышленности, он вместе с тем определенно высказался за необходимость использования в государственных интересах частного торгового аппарата.

Вместе с тем, признав, что стремительно наступающий экономический кризис, перерастающий в разруху всего народного хозяйства, обусловлен рядом объективных факторов (разбалансированность экономики, слабость технического оснащения промышленности, неэффективность системы регулирующих органов), он, тем не менее, главную причину всех бед видел в неумеренных требованиях рабочих. «Главное страдание русской промышленности... в том, – заявил Бернацкий, – что рост заработной платы не стоит в связи с производительностью труда». И в заключение выразил уверенность, что в будущем в России «придется иметь дело... с хозяйством капиталистическим, хотя и урегулированным, а не с социалистическим». Об этом, по его мнению, Экономическому совету следует «немедленно заявить, дабы восстановить тот дух, который создает широкую и сильную промышленность и торговлю»¹.

Отказавшись от публикации декларации из-за жесткой критики ее предпринимательскими кругами, новый состав правительства фактически огласил свои представления об основных направлениях торгово-промышленной политики в выступлениях С.Н. Прокоповича и Н.В. Некрасова на Государственном совещании в Москве 12–15 августа. Оба министра, признав в очередной раз критическое положение экономики и необходимость борьбы с разрухой, фактически повторили старые рецепты выхода из угрожающей ситуации. Но теперь на первый план в «урегулировании рабочего вопроса» ставились меры по борьбе с рабочим движением и жестким ограничением «самочинной» деятельности фабзавкомов, профсоюзов и прочих организаций, не оправдавших надежд властей использовать революционную эйфорию для решения экономических проблем, прежде всего в целях повышения производительности труда. В отношении же предпринимателей приоритет отдавался «обеспечению прав владельцев предприятий в руководстве делом»².

Наиболее пространно это положение прозвучало в выступлении Некрасова, заявившем о «немедленном и решительном пересмотре всего нашего бюджета». Возвещенный им «режим экономии» государственных средств должен был пре-

¹ СОЭС. 1917. Отчет № 3 от 24 июля. С. 12–20; *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 78–79. Подробнее см.: *Владимирский М.В.* М.В. Бернацкий – министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля // *Отечественная история.* 2007. № 1. С. 160–170.

² Государственное совещание 1917 г. в документах и материалах. М.; Л., 1930. С. 29–30, 35, 39.

жде всего положить предел требованиям рабочих о повышении заработной платы и «облегчить» положение предпринимателей. В первые моменты революции, отметил министр, требования повышения заработной платы удовлетворялись сравнительно легко, особенно на предприятиях, работавших на оборону. Но в конце концов стало ясно, что все это в итоге ложится тяжелым бременем на казну, т. к. предприниматели, в свою очередь, стремились компенсировать эти расходы требованиями чрезвычайных кредитов, внеуставных ссуд и т. п. Причем требования эти, подчеркивал новый глава финансового ведомства, находили поддержку прежде всего у «представителей рабочей демократии».

Правительство крайне озабочено, подчеркивал Некрасов, «тревожным, грозным» вопросом – связано ли это повышение заработной платы с ростом производительности труда, т. к. только создание новых ценностей является источником пополнения государственного казначейства. Вопрос, конечно, закономерный, но весьма странный для главы ведомства, обнаружившего незнание ситуации после полугода функционирования в качестве члена правительства. Зато в отношении налогового обложения предпринимателей мнение его было совершенно определенным: предпринятая правительством реформа в этой области «подлежит неизбежным исправлениям», ибо она «бьет уже хозяйственный аппарат страны, бьет промышленность, а не промышленников». «Временное правительство помнит, – заверил министр, – что хозяйственный стимул требует того, чтобы промышленность наша имела возможность существовать и развиваться, и эти ограничения прибыли, – в полном согласии со мной о них говорил министр торговли и промышленности, – они должны оставить целым хозяйственный аппарат промышленности, ибо в этой промышленности в первую очередь заинтересовано государство».

К тому же только прямое обложение не даст необходимых для бюджета средств. Требуется повышение, серьезное и значительное, косвенных налогов. Следует использовать все возможности для того, чтобы оздоровить финансы, чтобы с окончанием войны выйти из кризиса, принять меры по восстановлению и развитию экономики. Для этого также необходимо поддерживать частную хозяйственную инициативу. Вынужденные меры по использованию торговых монополий, подчеркнул министр, ни в коем случае «не являются насаждением новых основ государственного социализма» – это меры «определенно фискальные». «Мы знаем, – подытожил он свое выступление, – что после войны нам предстоит быть в семье народов, которые эту частную инициативу не подорвали, не уничтожили и с которой нам придется считаться в состязании равных на общем экономическом поприще всего мира»¹.

Изложенная двумя министрами программа, вернее ее направленность, была поддержана предпринимательскими кругами, выразившими надежду, что теперь в «положении частной промышленности можно надеяться на предстоящую перемену к лучшему»². В то же время ряд ее компонентов не устраивал руководителей ЦИК Советов, и от имени последнего его председатель Н.С. Чхеидзе 14 августа

¹ Экономическое положение России. Ч. 2. С. 415–417.

² Государственное совещание 1917 г. С. 257 (Из выступления Н.Н. Кутлера).

огласил декларацию «революционной демократии», которая преподносилась как общенациональная платформа, пригодная для правительственной программы.

По этому вопросу разгорелась полемика, фактически приведшая к очередному правительственному кризису¹. 25 сентября было сформировано последнее коалиционное Временное правительство. В нем экономический блок вновь представлял вернувшийся в правительство А.И. Коновалов, вступивший к тому времени в кадетскую партию. Теперь он не только возглавил Министерство торговли и промышленности, но и стал товарищем министра-председателя. М.В. Бернацкий, «радикальный демократ», по своим взглядам все же остававшийся близким к кадетам, стал во главе Министерства финансов. Государственным контролером был назначен С.А. Смирнов, крупный текстильный фабрикант, так же как и Коновалов, покинувший «прогрессистов» и перешедший к кадетам. В качестве председателя Экономического совета вошел в правительство ранее отказавшийся С.Н. Третьяков. Традиционно оппозирующее предпринимателям ведомство – Министерство труда – возглавил меньшевик К.А. Гвоздев, член президиума Исполкома Петросовета, лидер профсоюза металлистов, с 5 мая занимавший пост товарища министра, активный участник комиссий по разработке «рабочего» законодательства.

В последней декларации Временного правительства от 26 сентября 1917 г. предпринята была финальная попытка корректировки правительственной торгово-привычными заявления о стремлении правительства «предохранить народное хозяйство от дальнейшего разрушения». Но теперь предлагалось перейти от преобладавшего ранее «снабженческо-распределительного» принципа регулирования промышленности к прямому вмешательству государственных органов, правда, в исключительных случаях, непосредственно в хозяйственно-производственную деятельность предприятий. Предполагалось введение «особым законом» государственного контроля над производством при участии «представителей рабочего и промышленного класса», деятельное вмешательство в руководство предприятиями в целях подъема их производительности, при непременном «ограждении технического персонала от всяких самочинных действий и насилия».

За этими расплывчатыми формулировками крылось стремление ввести в «законные рамки» деятельность фабзавкомов, профсоюзов и прочих органов, так или иначе связанных с контролем над промышленностью, определиться с пределами государственного вмешательства в работу частных предприятий при непременном сохранении прав собственников. В «рабочем» законодательстве по-прежнему предусматривалось «урегулирование взаимных отношений между трудом и капиталом», решение проблем с заработной платой и рабочим временем, а также «дальнейшее развитие сети бирж труда и примирительных камер». Пока же «законодательное творчество» правительства в этом вопросе практически ограничивалось легализацией существующих рабочих организаций, отменой старого закона о ночном труде женщин и подростков в горнозаводском производстве, некоторой корректировкой положения о страховании рабочих на случай болезни, попытками ввести минимальный размер заработной платы.

¹ См.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 80–83.

Особо оговаривалось намерение властей ввести твердые цены на промышленную продукцию и продовольственные товары, широкое привлечение к заготовкам и распределению продуктов, помимо кооперативов и общественных организаций, частного торгового капитала. Эта тема все чаще обсуждалась во властных структурах и в общественных кругах в связи с нарастающими продовольственными трудностями и угрозой голода. Власти пытались найти выход в нормировке потребления хлебопродуктов и цен на продовольствие, в введении карточной системы и даже в различных формах «самообеспечения» и «самозаготовках» населения и рабочих отдельных предприятий. Временное правительство, положением от 25 марта установившее «твердые цены» на хлебопродукты (хлебная монополия), а затем 4 августа заявившее о гарантированном их сохранении и поисках мер по обеспечению населения промышленными товарами, уже 29 августа вынуждено было признать необходимость повышения заготовительных цен на хлеб вдвое¹. Тем не менее в программных документах и в риторике глав экономических ведомств продолжали звучать претензии к рабочим за их «неумеренные» требования.

Наконец, в финансовых вопросах декларация следовала положениям, заявленным в выступлениях Некрасова, Прокоповича и Бернацкого, о «строгой экономии» в расходах, повышении доходных статей бюджета, в первую очередь за счет косвенных налогов. Уступая требованиям предпринимателей о пересмотре июньского налогового законодательства, правительство отложило платежи по единовременному налогу на 1918 г., предоставило льготы по уплате подоходного и военно-прибыльного налогов в виде отсрочек платежа, сложения пени и т. п. Все эти изменения вскоре были узаконены постановлением Временного правительства 13 октября². В последней декларации Временного правительства речь шла лишь о реформе наследственного обложения, введении налогов на прирост ценностей, на предметы роскоши и т. п. Таким образом, по признанию кадетов, несколько скорректированная программа свидетельствовала о «полном отрезвлении» правительства и руководящих эсеро-меньшевистских кругов. Оставшиеся в ней пункты о демократических преобразованиях носили теперь, по признанию Милокова, весьма «урезанный» характер³, сближаясь с программами предпринимательских объединений.

Дальнейшее развитие событий свидетельствовало о все большей утрате правительством контроля над ситуацией в стране и о его беспомощности в поисках выхода из кризиса. Экономический совет, громоздкое, чрезвычайно «велеречивое» и столь же беспомощное учреждение, так и не смог проявить ожидавшуюся от него «финансово-экономическую мудрость» и предложить какую-то рациональную модель организации экономики. По представлению его председателя, 13 октября 1917 г. Совет был упразднен под тем предлогом, что его функции фактически должны были перейти к Демократическому совету. ГЭЖ, заслушав на заседании 22 сентября сообщение товарища председателя Комитета Н.Н. Савина об обострении обстановки на Юге России, грозящей остановкой производства в

¹ Экономическое положение России. Ч. 2. С. 338–343.

² Собрание узаконений. 1917. № 278. Ст. 2051. (СУ).

³ Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 3. София. 1921. С. 75; *Он же*. Россия на переломе Т. 1. Париж. 1927. С. 112.

Харьковском районе и в Донбассе, признал, что подобная опасность назревает и в большинстве других промышленных центров. Обсудив создавшееся положение, Комитет высказался за следующие меры: «1) Воспрещается самовольное со стороны владельцев прекращение работ на предприятиях, работающих на оборону. 2) В случае нарушения нормальных отношений между рабочими и предпринимателями, а также падения производительности труда ниже нормы, обеспечивающей хозяйственное ведение предприятия, назначаются особые правительственные комиссары. Они принимают меры к соблюдению соглашений со стороны как предпринимателей, так и рабочих». С этой целью предлагалось выработать законопроект о порядке закрытия предприятий¹.

Однако все эти меры не возымели ожидаемого воздействия – забастовки и локауты продолжались. Обострились продовольственные проблемы. 16 октября С.Н. Прокопович, еще недавно возглавлявший Министерство торговли и промышленности, а теперь уже как министр продовольствия, сообщал о крайне угрожающем положении с обеспечением населения хлебом. Министр не исключал применения военной силы для обеспечения выполнения заготовок. Продовольствие в стране есть, но его надо взять у производителей и, что не менее важно, доставить его потребителям. В перечне трудностей с доставкой на первое место опять-таки ставились «непомерные требования» рабочих при погрузо-разгрузочных работах, забастовки железнодорожных служащих, и лишь коротко министр упомянул о нехватке паровозов, участвовавших в грабежах вагонов с продовольствием. Судя по содержанию речи, Прокопович находился в состоянии крайней растерянности. Как и большинство его коллег, в качестве последнего рецепта решения всех проблем он предлагал усиление органов власти на местах, отметив, что «борьба между политическими партиями достигает напряжения гражданской войны»².

Итак, по строгим меркам согласованной и завершенной экономической программы у Временного правительства так и не появилось. Это обуславливалось рядом факторов. Прежде всего сказалось то обстоятельство, что страна и после Февраля 1917 г. находилась в условиях продолжавшейся войны, истощавшей материальные и людские ресурсы, российское общество продолжали раздирать внутренние противоречия и конфликты, по своему характеру фактически принимавшие формы нового классового и гражданского противостояния. Разнородные политические силы, получившие представительство во Временном правительстве, не имели ни единой теоретической платформы, позволявшей как-то ориентироваться в сложных процессах переходного периода, ни достаточного управленческого опыта в высших властных структурах.

Принятая с самого начала установка на внедрение норм демократического правопорядка первоочередной задачей ставила достижение в обществе «социального мира», прежде всего примирение труда и капитала, введение классовых конфликтов в «закономерное» русло, а также поддержание функционирования экономики, в первую очередь промышленности. Достижению этих целей призваны были служить содействие организаций как рабочих, так и предпринимателей, меры по демократизации правительственных и общественных институтов, рефор-

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 416–419.

² Там же. Ч. 2. С. 353–368.

мирование системы контрольно-регулирующих органов, обеспечивающих работу промышленности.

В теоретическом плане эти направления правительственной политики в какой-то мере соответствовали основным положениям учений о «государственном капитализме», «государственном социализме», разработавшихся экономистами еще со второй половины XIX в. и приобретших особую актуальность в годы мировой войны. Но теоретические рассуждения, намечая тенденции мирового развития и необходимые пути приспособления хозяйственной системы к чрезвычайным военным условиям, уже не могли воздействовать на реальные экономические механизмы, на государственную практику. Российская экономика входила в глубокий кризис, и попытки ее реформирования посредством регулирования сначала снабженческо-сбытовой сферы, а затем и усиления контроля над производством оказывались неэффективными.

Чаще всего звучали предложения воспользоваться практическим опытом военной мобилизации экономики Англии, Германии, Франции. При этом, как правило, почти общепризнанной была ссылка на ведущее государственное начало. Это положение если не объединяло, то отчасти примиряло представителей различных политических направлений в выборе мер по реализации программных положений, что в значительной мере обуславливалось и традиционным мобилизационным характером развития российской промышленности¹. Ситуацию усугубляла продолжавшаяся еще с царских времен «министерская чехарда» правительства, что позволяло отдельным его членам публично выступать с несанкционированными кабинетами заявлениями, вызывавшими неоднозначную реакцию в обществе.

Легализованные рабочие комитеты, профсоюзы, больничные кассы и различные «революционно-демократические» организации (советы, исполнительные комитеты и т. п.) оказались вовлеченными в процесс демократизации управленческих структур. Их участие в деятельности контрольно-регулирующих органов постепенно вышло из-под контроля властных органов. Особенно жесткое противостояние наметилось между фабзавкомами, администрацией предприятий и предпринимательскими организациями по вопросам установления рабочего контроля над производством, внутреннего распорядка работы, особенно по нормам выработки и размеру заработной платы. Конфликты все чаще выливались в забастовки и локауты, следствием которых было падение производства на предприятиях и усиление разбалансированности экономики.

Предприниматели едва ли не всю вину за сокращение и развал производства возлагали на рабочих, обвиняя их в падении производительности труда, вмешательстве в управление предприятиями и требуя от правительства фактически дотаций в виде повышения цен на продукцию, увеличения авансов за военные заказы и т. п. Рабочие, в свою очередь, обвиняли фабрично-заводскую администрацию в некомпетентности, владельцев – в своекорыстности, умышленном закрытии предприятий, власти – в растущей дороговизне жизни. Несомненно, на

¹ См: *Бокарев Ю.П.* Мобилизационная экономика России и Германии в годы Первой мировой войны: опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. Челябинск. 2009; *Павлович М.П.* Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны. М., 2012.

падении производства сказывались все эти факторы, воздействие которых усугублялось ширившейся пропагандой революционных сил. Но все же, видимо, претензии промышленников к рабочим за вынужденное закрытие предприятий были преувеличены. По данным фабрично-заводской инспекции, из закрывшихся с 1 марта до 1 августа 1917 г. 568 фабрик и заводов со 104 372 рабочими по причине ухода рабочих на сельскохозяйственные работы и вследствие их «непомерных» требований были закрыты 66 заведений с 7396 рабочими, т. е. лишь 11,6 и 7,1 % соответственно¹. Не устраивал предпринимателей и состав регулирующих органов, в которые по закону теперь входили и представители «демократических» организаций и которые также пытались расширить контрольные функции отраслевых и местных учреждений. При этом, видимо, сказалось и традиционно сложившееся негативное отношение российской общественности к предпринимательству и предпринимателям, которых обвиняли в стремлении любыми способами добиться высоких прибылей, сервильности в отношениях с властями и т. п.

Как бы то ни было, попытки правительства установить «социальный мир» и обеспечить работу промышленного сектора экономики в воюющей стране, опираясь на революционно-патриотический подъем в обществе, демократизацию всех властных и контрольно-регулирующих органов, очень быстро показали свою бесперспективность. Правительство осознало ограниченность в условиях войны курса на реформирование социальных и экономических институтов, признало необходимость жестких мер, но уже не располагало необходимыми ресурсами для реализации своей программы. Недовольство рабочих и сопротивление «деловой» буржуазии росло, обостряя экономическую ситуацию в стране и приближая новый революционный взрыв.

1.3. Попытки реформирования системы контрольно-регулирующих органов (Корелин А.П.)

Как уже отмечалось, в области управления экономикой Временное правительство получило в наследство громоздкий, сложный, бюрократизированный аппарат военно-регулирующих органов. Основу его составляла система Особых совещаний – по обороне, топливу, перевозкам, продовольственному делу, возглавляемых соответствующими министрами. Согласно Положению от 17 августа 1915 г., это были высшие государственные учреждения, призванные регулировать деятельность главных отраслей народного хозяйства в условиях военного времени. Их дополняли разветвленная сеть районных отделений и многочисленные специальные комитеты по отраслям промышленности, создававшиеся при министерствах². По своему составу Совещания представляли коллегиальные, напоминающие, по крайней мере внешне, «коалиционные» органы, в которые наряду с представителями ведомств входили выборные представители от обеих законодательных палат, общественных организаций (ЦВПК, Всероссийских Земского и Городского

¹ Торгово-промышленная газета. 1917. 1 авг.; Экономическое положение России. Ч. 2. С. 44–45.

² См.: Особые совещания и комитеты военного времени. Свод законов. Пг., 1917.

союзов), деловых кругов. Таким образом власть рассчитывала достичь временного компромисса с оппозиционной «общественностью», но под жестким контролем государственных структур. По своему статусу Совещания и их местные органы представляли собой, юридически и фактически, совещательные учреждения, в которых все решения принимались главами соответствующих ведомств и их «назначенцами» на местах.

Формально координирующие функции возлагались на Особое совещание по обороне (полное название – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства). Компетенция его была весьма широка, включая вопросы не только снабжения армии вооружением, боеприпасами, техникой, интендантским имуществом, но и обеспечение всех подведомственных ему казенных и частных предприятий рабочей силой, оборудованием, материалами, топливом, транспортом и т. п. Но обозначив эти направления его деятельности, закон фактически не предоставлял ему достаточных распорядительных, властных полномочий в решении задач, относящихся к компетенции смежных Совещаний. Несмотря на внешне кажущуюся жесткой «властную вертикаль» управления мобилизацией и функционированием экономики (министры-председатели Особых совещаний, главноуправляющие специализированных комитетов, председатели районных совещаний, уполномоченные председателей Особых совещаний на предприятиях и т. д.), созданной системе были присущи незавершенность, противоречивость, несогласованность. В результате она едва ли не с самого начала ее создания стала давать организационные «сбои», что обуславливалось недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности Особых совещаний, несовпадением и противоречивостью ведомственных интересов, усугубленных министерскими амбициями и опасением верховной власти утратить свои прерогативы, а также нарастанием недовольства правящим режимом даже среди функционеров военно-регулирующих органов. Не менее половины их оказались вовлеченными в оппозиционный Прогрессивный блок, требовавший создания правительства «общественного доверия» и опоры власти на общественные институты. Неоднократные попытки правящего режима создать верховный регулирующий орган оказывались, как правило, безуспешными¹.

Февральскую революцию большинство членов Особых совещаний встретили вполне лояльно. На первом же после отречения Николая II заседании Особого совещания по обороне 6 марта 1917 г. А.И. Гучков, возглавивший военное ведомство, заявил, что «новый строй получил всенародное и всеармейское признание» и что теперь «очередной задачей является установление нормального хода жизни путем объединения творческой работы всех живых сил страны». В ответ от имени членов Совещания В.И. Гурко, избранный в него еще от Государственного совета, заверил председателя, что они «от всей души приветствуют тех лиц, которые вывели Россию на новый путь...», и готовы содействовать ее «благосостоянию и процветанию»². В этом духе прошли заседания и остальных Совещаний.

¹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 133–186.

² Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства) / отв. ред. А.П. Корелин. В 3 т. М., 2013. Т. 3: 1917–1918 гг. С. 152. (ЖОСО).

Временное правительство, при всем своем критическом отношении к доставшейся ему в наследство системе регулирующих органов, довольно длительное время не предпринимало каких-либо радикальных мер к ее реформированию, считая, что следует с крайней осторожностью отнестись к перестройке сложившейся структуры учреждений. Это вполне соответствовало и настроениям предпринимательских кругов.

Уже 5 марта Комитет Совета съездов представителей промышленности и торговли, рассмотрев вопрос об Особых совещаниях, признал необходимым продолжить их деятельность. В телеграмме, направленной военному министру, лидеры деловых кругов заявляли, что «текущие неотложные нужды промышленности, в особенности работающей на оборону, требуют немедленного возобновления работ Особых совещаний по топливу, продовольствию и перевозкам»¹. Продолжали свою деятельность и многочисленные комитеты, созданные при Министерстве торговли и промышленности (хлопкоснабжения, льняно-джутовый, суконный, кожевенный, бумажный и т. п.). Отдельные изменения коснулись лишь сфер снабжения промышленности металлами и топливом, которые было решено объединить, передав все полномочия Министерству торговли и промышленности, для того чтобы ликвидировать несогласованность в распределении ресурсов. В целом же система центральных военно-регулирующих органов была сохранена фактически в прежнем виде, за исключением Особого совещания по продовольственному делу, которое 9 марта было преобразовано в Общегосударственный продовольственный комитет. Ведущая роль по-прежнему принадлежала Особому совещанию по обороне, на заседаниях которого, помимо вопросов распределения военных заказов и их финансирования, обсуждались важные народнохозяйственные вопросы.

Первые месяцы после февральских событий главное внимание Временного правительства в этой области привлекали две тесно связанные проблемы – реорганизация регулирующих органов и «демократизация» их состава. Была признана необходимость некоторой децентрализации снабжения металлами и топливом, с тем чтобы за центральными органами были оставлены лишь учет и составление общего плана их распределения. Само распределение ресурсов должно было осуществляться местными органами районных уполномоченных. Первыми такими учреждениями стали временные комитеты снабжения Донецкого бассейна и Уральского горнозаводского района, созданные соответственно 13 и 17 марта с целью объединения деятельности уполномоченных Особых совещаний в регионе².

Первоначально правительство, заявившее об опоре на «живые силы страны», сознательно делало ставку на привлечение в местные регулирующие учреждения представителей общественных организаций, в основном от предпринимательских объединений и Советов рабочих депутатов. Но вскоре количество таких организаций (различных исполнительных комитетов, советов, профсоюзов, фабзавкомов и т. п.), часто «самочинных», никому не подконтрольных, стало быстро расти, а акции по «демократизации» регулирующих органов фактически превратились в одно из направлений общественного движения. Более того, Екатеринославский

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 243.

² СУ. 1917. № 76. С. 423; Экономическое положение России. Ч. 1. С. 244–246.

временный исполнительный комитет общественных организаций предложил немедленно, явочным порядком изменить статус местного заводского совещания, являвшегося органом Особого совещания по обороне, пополнив его представителями Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и передав ему все властные полномочия по снабжению местных оборонных предприятий¹.

Правительство попыталось перехватить инициативу. Под председательством П.И. Пальчинского 15 апреля состоялось совещание руководителей регулирующих органов Московского промышленного района, на котором было решено создать «Постоянное совещание районных уполномоченных» с координирующими функциями и под председательством назначаемого лица. Для этого была начата разработка специального «положения». Однако маневр не удался. Районные комитеты снабжения продолжали создаваться явочным порядком. Пример подавала Москва. Здесь «по соглашению» местного Совета рабочих депутатов, его отдела снабжения и руководителей местных регулирующих органов 14–15 июня состоялся Учредительный съезд, сформировавший Московский районный комитет снабжения и принявший Временные основные положения об организации снабжения Московского района, включавшего 15 центральных губерний. Следующий съезд, состоявшийся 7–9 июля, в специальной резолюции отметил, что существующие Особые совещания по обороне, топливу и перевозкам «не пользуются авторитетом в глазах местных органов», и поэтому он настаивает на их немедленной реорганизации «на широких демократических началах». Более того, было заявлено, что до их преобразования московские районные органы не считают себя обязанными подчиняться руководству Совещаний и «будут действовать, руководствуясь своим пониманием долга и пользы дела». Вскоре прошли аналогичные районные съезды в Екатеринбурге, Харькове, Екатеринославе, Петрограде².

В ходе создания районных регулирующих органов остро стал вопрос о их статусе и представительстве (паритете) в них различных сторон – правительственных, демократических, цензовых, «нейтральных» (земское и городское самоуправление) элементов. Особую остроту приобрел вопрос о реорганизации системы органов топливоснабжения. Временное правительство с подачи Пальчинского, вопреки решениям съездов представителей районных совещаний по топливу, постановлением от 28 июня сохранило в Особом совещании по топливу представительство от Государственного совета и Думы – органов, фактически утративших статус законодательных учреждений, предоставило большинство мест в нем промышленникам и фактически подтвердило статус «Осотопы» и его местных органов как совещательных учреждений³.

Областной учредительный съезд снабжения Донбасса и Криворожья, состоявшийся 12–15 июля в Харькове, обратился к Временному правительству с требованием удалить Пальчинского из состава Министерства торговли и промышленности и передать все функции главноуправляющего по топливу в регионе учреждаемому Областному экономическому комитету⁴. Противостояние район-

¹ Там же. С. 257–258.

² Там же. С. 279–281.

³ СУ. 1917. № 171. Ст. 935.

⁴ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 282–283.

ных совещаний и центральных органов снабжения приняло форму острого конфликта, приобретшего политический характер. Первое коалиционное правительство пыталось отстаивать паритетный принцип в его «третьей» форме, согласно которой все основные стороны получили по трети мест. Предпринимателей такой расклад не устраивал. Совет съездов горнопромышленников Юга России, считая, что только предприниматели имеют необходимый опыт и подготовку для руководства экономикой, требовал, чтобы в органах, «непосредственно ведающих производством», им было предоставлено большинство или, в крайнем случае, не менее половины голосов, а «участие общественных и государственных элементов» в них ограничивалось «ролью контроля общественного мнения».

Несмотря на сопротивление промышленников, процесс «демократизации» местных регулирующих органов властям остановить не удавалось. Более того, в своих действиях комитеты снабжения, в значительной части находившиеся под влиянием Советов рабочих и солдатских депутатов и фабзавкомов, все чаще принимали решения без согласования и даже вопреки распоряжениям центральных органов. Как объясняли сложившееся положение сами представители власти, на местах правительственные структуры, в отличие от столичных, часто вообще уже были не в состоянии контролировать ситуацию.

За всеми этими спорами и конфликтами сама работа по созданию обновленной системы регулирующих органов явно отставала от насущных потребностей. Особое совещание по обороне не могло охватить все проблемы производства и снабжения. Для межведомственного согласования еще в марте 1915 г. был создан Совет товарищей министров по боевому снабжению армии под председательством А.А. Маниковского. Кроме того, существовал т. н. Малый совет, состоявший из глав ведущих ведомств и их заместителей, который ведал «высшей политикой в отношении снабжения». При Министерстве торговли и промышленности функционировал «свой» Комитет снабжения и планировалось создание уже упоминавшегося Совета по вопросам развития производительных сил страны. Спустя месяц после создания Экономического совета и ГЭК С.Н. Прокопович вынужден был убеждать коллег, что «нужно возможно скорее приступить к организации регулирующих органов». Еще через месяц помощник военного министра А.А. Маниковский жаловался председателю ГЭК, что «весьма нужных органов до сих пор не создано», хотя в принципе «регулирующих инстанций более чем достаточно»¹.

Тем не менее при разработке в сентябре–октябре нового положения о ГЭК, на который теперь, за счет реорганизации и ограничения полномочий Особых совещаний, возлагалось руководство деятельностью всех специальных органов снабжения, более тщательно прописывались статьи о компетенции и составе его районных организаций, взаимоотношениях центральных и местных учреждений. При сохранении представительства в местных экономических комитетах и советах «демократических элементов», правда, в заметно урезанном виде, все эти учреждения теперь считались органами ГЭК и должны были функционировать под его руководством и контролем. Их председатели, являвшиеся одновременно и районными уполномоченными Комитета, и заместители должны были назна-

¹ СОЭС. 1917. № 7. 9 авг. С. 10.

чаться «сверху», хотя и по представлению районных отделений, что в какой-то мере восстанавливало «властную вертикаль»¹. Таким образом, по мнению Совета съездов представителей промышленности и торговли, создавался «верховный комитет снабжения, нечто вроде Министерства снабжения», причем права ГЭК «чрезвычайно расширены и сводятся к диктаторским правам Особого совещания по обороне и даже превышают их»².

Против проекта, естественно, с разных позиций, выступили и состоявшийся 6–9 сентября в Петрограде Всероссийский съезд районных комитетов снабжения, и Совет съездов представителей промышленности и торговли, и Центральный совет фабрично-заводских комитетов. Все это крайне обостряло проблему регулирования промышленности и затягивало ее решение. В конце концов президиум Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов циркуляром от 5 сентября 1917 г. известил своих членов, что считает наилучшим способом решения проблемы передать все функции по снабжению предприятий самим промышленникам, непосредственно союзу и его районным обществам, и что с этим предложением в принципе согласны и министр торговли и промышленности, и председатель ГЭК³. Новое «Положение» все же было одобрено ГЭК, который фактически отверг все поправки, предлагавшиеся «общественностью». На 24 октября было намечено его рассмотрение Временным правительством. Но события опередили завершение затянувшегося процесса перестройки органов контрольно-регулирующей системы, которая так и не смогла избавиться от «несогласованности ведомств и хаоса многовластия».

В значительной мере причиной запаздывания с реформой были нараставшие затруднения в производственной сфере, перераставшие фактически в промышленный коллапс. Уже с апреля–мая в массовом порядке посыпались ходатайства оборонных предприятий, требовавших пересмотра контрактных цен по заказам и дополнительного кредитования и авансирования в связи с ростом цен на оборудование, сырье, топливо, рабочие руки, с нехваткой оборотных средств. Особое совещание по обороне, обсудив в конце мая ситуацию, грозящую прекращением поставок оборонной продукции, создало специальную Комиссию по вопросам об изменении цен по заказам на оборону и о возмещении убытков предприятий в связи с современным состоянием производства. Председатель Комиссии В.И. Гурко на заседаниях 31 мая – 3 июня доложил Совещанию, что проблема является общей для всех отраслей промышленности и что она настолько обширна и комплексна, что решить ее Совещанию не под силу. Временное правительство должно принять какие-то общие, законодательного порядка меры, в первую очередь касающиеся ограничения роста заработной платы рабочих и прибылей предпринимателей, введения твердых цен на топливо и основные материалы производства, конкретные же решения по ходатайствам пока целесообразно возложить на соответствующие управления военного ведомства⁴. Мнение Совещания было доведено до сведения Временного правительства, причем упор был сделан на не-

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 307–309.

² Там же. С. 300, 301.

³ Там же. С. 294–295.

⁴ ЖОСО. Т. 3. С. 224, 241–243, 251–256.

обходимость первоочередного введения твердых цен на топливо и материалы и установления максимальных заработков рабочих.

Озабоченное стремительным ростом расходов по заказам правительство достаточно оперативно отреагировало на эти предложения. По ходатайству синдиката «Продамета» и представлению Министерства торговли и промышленности цены на металлы были повышены. При Заготовительном комитете Министерства была создана межведомственная комиссия по установлению цен на плановые и массовые заготовки, причем с учетом предстоящей демилитаризации промышленности. И, наконец, 16 июля было утверждено «Положение о передаче донецкого топлива в распоряжение государства и о государственной монополии торговли донецким топливом», которое вводилось с 1 августа, в связи с чем расторгались все прежние договоры производителей с заказчиками¹.

Введение твердых цен и особенно госмонополий вызвало неоднозначную реакцию в правительственных, общественных структурах и среди предпринимателей, а также протесты рабочих и демократических организаций. ЦВПК в циркулярном письме местным комитетам заявил, что «с формальной точки зрения нет оснований к увеличению цен на железо». В Особом совещании по обороне высказывалось мнение, что компенсация предприятиям «не должна сводиться к автоматическому перекладыванию добавочной стоимости производства на заказчика, каковым... сейчас является главным образом казна», что необходимо в каждом конкретном случае выяснять, насколько справедливы расчеты предпринимателей. Делегация от конференции Советов рабочих и солдатских депутатов Юга России настаивала на изучении вопроса о себестоимости топлива особой правительственной комиссией, считая запросы промышленников завышенными. Союз же представителей металлургической и железодельательной промышленности жаловался, что углепромышленники «не желают придерживаться реквизиционных цен... и требуют расчета за топливо по произвольно назначенными ими высшим ценам». Крайне отрицательно к введению угольной монополии отнеслись средние и мелкие предприниматели и деятели угольной биржи, заявлявшие, что эта мера угрожает закрытием до 60 % всех шахт Донбасса, т. к. лишает их возможности работать с частным рынком².

Выяснение себестоимости продукции и, соответственно, цен на нее, определение размеров получаемой прибыли, доли заработной платы рабочих и объема казенного финансирования упиралось в пресловутую коммерческую тайну, которую отстаивали предприниматели. В конце концов было решено допускать в исключительных случаях уполномоченных ведомств к ознакомлению с заводскими документами, но при условии неразглашения результатов обследования. Особое совещание по обороне, признав в принципе участие казны в возмещении убытков предприятий, вызываемых объективными обстоятельствами, необходимым, при обсуждении ходатайств о повышении стоимости заказов постоянно напоминало о предоставлении заводоуправлениями таких расчетов, но также регулярно, за некоторыми исключениями, штамповало решения о выдаче просимых авансов,

¹ СУ. 1917. № 200. Ст. 1237.

² Экономическое положение России. Ч. 1. С. 324, 326, 334, 346, 265–266.

кредитов, ссуд, постоянно возвращаясь к проблеме очередного повышения «твердых» цен.

Чтобы избежать нареканий в получении промышленниками чрезмерных прибылей, предлагалось ограничить их средним учетным процентом Государственного банка (6,25–6,5 %). Комиссия Совещания, занимавшаяся этим вопросом, отмечала: «Мера эта весьма желательна как в видах сбережения средств Государственного казначейства, так и для убеждения рабочих, что никаких чрезмерных прибылей предприниматели не получают и что, следовательно, всякие дальнейшие их требования о повышении рабочей платы неизбежно поведут к прекращению действия предприятий»¹. В деловых кругах прозвучали даже заявления об отказе вообще от военных прибылей за 1917 г. как жертвенном вкладе в дело революции и успешного завершения войны. Правда, они были дезавуированы рядом предпринимательских организаций и даже правительственных структур. В результате все завершилось принятием Временным правительством известных июньских налоговых законов, что вызвало новую волну протестов заводовладельцев, грозивших закрытием предприятий. Упорядочением финансирования заводов и пересмотром контрактных цен должны были заниматься специальные комиссии, создаваемые при управлениях Военного министерства. Но в начале сентября 1917 г. председатель Особого совещания по обороне вынужден был признать, что работа этих комиссий еще только началась и пока не привела к каким-либо реальным результатам.

Другим важным направлением деятельности регулирующих органов стало изыскание мер борьбы с нарастающим падением выпуска промышленной продукции. Особое совещание по обороне отреагировало созданием 15 июля специальной Комиссии по выработке мероприятий по повышению производительности заводов, работающих на оборону под председательством бывшего военного министра А.А. Поливанова. Комиссия, учитывая кризисную ситуацию со снабжением предприятий, высказалась за создание списка особо важных производств (авиационные заводы, предприятия по выпуску взрывчатых веществ, снаряжения, боеприпасов, по изготовлению противогазов), которые должны были обеспечиваться всем необходимым в первую очередь. Но при этом главный упор был сделан на меры по общему урегулированию взаимоотношений между рабочими, служащими и заводской администрацией.

В этих целях на особо важные предприятия властью председателя Совещания должны были назначаться особые военноуполномоченные, в компетенцию которых входили и вопросы, связанные с заработной платой, рабочим временем, производительностью труда, а также разрешение конфликтов на заводах. Уполномоченные получали право увольнения своей властью рабочих, в т. ч. членов фабзавкомов, и лиц низшей администрации, причем третейские и примирительные учреждения не могли изменять этих решений, что шло вразрез с принятыми положениями о рабочих комитетах и примирительных камерах.

В необходимых случаях уполномоченный мог возбуждать судебные преследования против лиц, виновных в нарушениях законодательства, и даже «прибегать к содействию военной силы». В отношении же «неправильных действий»

¹ ЖОСО. Т. 3. С. 242.

лиц высшей администрации он лишь докладывал председателю Совещания. Председательствовавший в заседании П.И. Пальчинский посовещал, что промышленники не обнаружили «достаточной стойкости в борьбе с царящей дезорганизацией» производства и «не приняли никаких решительных мер противодействия непомерным требованиям рабочих», что они по примеру последних «должны организовать, и только в этом случае возможно реальное соотношение сил». По поводу же претензий к Министерству труда и его комиссарам на местах, якобы, сочувствовавших требованиям рабочих, он отметил, что их статус зафиксирован в положении от 11 июля 1917 г. и промышленники могут не исполнять их требования, выходящие за пределы предоставленных им полномочий.

На это уже в самом Особом совещании по обороне со стороны его членов – председателя Совета съездов горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмара и В.И. Гурко прозвучала критика в адрес Временного правительства по поводу фактического отсутствия власти на местах и «потакания» правительства требованиям рабочих¹. Решение проблемы с «военноуполномоченными» упиралось не только в отсутствие необходимого количества лиц, которые могли бы занять эти должности, но зачастую и в невозможность реализовать предоставленные им чрезвычайные полномочия, о чем, в частности, докладывал назначенный на Днепровский металлургический завод особоуполномоченный представитель военного ведомства².

Тем не менее в этом же ключе в начале сентября по инициативе ГЭК было принято постановление теперь уже об особоуполномоченном комиссаре правительства в Донецком бассейне с чрезвычайными полномочиями – вплоть до введения в регионе военного положения и вызова войск для предупреждения и подавления «народных волнений и беспорядков». Он назначался для объединения деятельности всех правительственных учреждений и органов местного самоуправления по обеспечению нормальной работы промышленности и повышению производительности предприятий. В его компетенции в случае неразрешимых конфликтов между рабочими и предпринимателями было приостанавливать распоряжения председателей Особых совещаний и даже ГЭК, не говоря уже о праве закрытия предприятий без согласования с комиссарами Министерства труда³. Но и эта мера уже не могла каким-либо образом повлиять на обстановку в регионе.

Последовало представление ГЭК Временному правительству с предложением принять постановление о порядке приостановки и закрытия предприятий в связи с происходящими на них конфликтами между владельцами и рабочими. «Явление это столь грозно, закрытие этих предприятий столь опасно для всего дела обороны страны, – констатировалось в обращении, – что правительство не может и не должно стоять в стороне; оно обязано властно вмешаться в назревающую катастрофу и сказать свое твердое слово как предпринимателям, так и рабочим».

¹ ЖОСО. Т. 3. С. 368–371.

² Экономическое положение России. Ч. 1. С. 600 (коммент. к док. № 220).

³ Вестник Временного правительства. 1917. № 170. 6 сент.; СУ. 1917. № 246. Ст. 1749. Само Положение было принято Временным правительством 13 октября 1917 г. (Экономическое положение России. Ч. 1. С. 234).

В случае возникновения конфликтов, угрожающих закрытием предприятий, государство «в лице своих представителей» должно взять на себя посредничество в достижении соглашений сторон. При невозможности достичь примирения в случае вины владельцев предприятие подвергается особому надзору, вплоть до секвестра или реквизиции; если рабочие не исполняют своих обязанностей и не способны поднять производительность, то возможно закрытие заведений и роспуск части или всего рабочего состава. Но в любом случае этот акт возможен только в результате постановления компетентного правительственного органа¹.

Следует отметить, что на реквизицию и особенно секвестр правительство шло весьма неохотно и в целом достаточно редко. Наиболее крупным прецедентом в этом плане был секвестр Путиловского завода, предпринятый еще в феврале 1916 г. Временное правительство осенью 1917 г. после долгих мытарств секвестрировало московский Металлический завод Ю. Гужона, петроградский минный завод общества «Динамо», ряд средних предприятий. Заводы «Респиратор» и «Противогаз» были переданы в управление ЦВПК. Долгое время на грани секвестра были бастовавшие летом 1917 г. предприятия общества «Коломна – Сормово», переговоры о секвестре также бастовавшего Подольского завода американской компании «Зингер» закончились тем, что казна взяла завод во временную аренду. Причины достаточно ограниченного использования этой меры сводились главным образом к нехватке у регулирующих органов необходимых управленческих кадров, острому недостатку финансовых средств, а также нежеланию оказаться лицом к лицу с рабочими заводов. Так, на одном из заседаний, обсуждавшем в начале октября возможность секвестра Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова (сам владелец С.А. Смирнов к этому времени входил в состав Временного правительства), Пальчинский заявил, что эта акция невозможна, т. к. «у правительства нет для этого ни денег, ни технически опытных людей»².

В связи с резким сокращением объемов выплавки металла, добычи топлива и очередным обострением проблемы с их доставкой активизировалась деятельность эвакуационной комиссии Особого совещания по обороне. Идея эвакуации из Петрограда, Риги и Ревеля ряда предприятий и учреждений, а также «излишнего населения» обсуждалась еще до революции, к ней неоднократно возвращалось и Временное правительство. Но эти планы встречали активное противодействие рабочих и различных революционно-демократических организаций, усматривавших в них контрреволюционные поползновения. Весьма сдержано к ним относились и оборонные структуры: Петроградский район, в частности, давал около половины всей военной продукции. Лишь осенью 1917 г. эти намерения, казалось, начали обретать реальные очертания. На заседании Особого совещания по обороне 7 октября А.А. Маниковский, обрисовав критическую ситуацию, предложил всем военным управлениям начать немедленную эвакуацию из Петрограда оборудования ряда предприятий, используя свободный оборотный подвижной состав железных дорог. Начальник Главного управления пограничным заказам

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 420–422.

² Там же. С. 458.

уже распорядился о приостановке доставки в столицу грузов из Владивостока и распределении их по другим регионам. Началось составление списков оборонных предприятий, предназначенных к плановой остановке и эвакуации¹.

Особое совещание вскоре было вынуждено вернуться к этой проблеме. Обсудив на заседании 18 октября общее положение с топливом, оно констатировало, что в связи с расстройством деятельности предприятий Донецкого бассейна, вызванным продолжающимся падением производительности труда рабочих, достигающей до 50 % нормы, дальнейшее сокращение добычи угля неизбежно, «если на месте не будет создана твердая власть, способная водворить порядок и подавить анархические вспышки». Подводя итоги заседания, Пальчинский в письме военному министру от 22 октября сообщал, что считает необходимым принять общую «планомерную программу закрытия заводов», в т. ч. и работающих на оборону². Это, видимо, можно считать «венцом» военно-регулирующей деятельности и Особого совещания по обороне, и самого Временного правительства.

Таким образом, унаследовав от старого режима громоздкую и неповоротливую систему управления промышленностью, доказавшую за годы войны свою организационно-экономическую неэффективность, новая власть фактически вплоть до осени 1917 г. так и не смогла сколько-нибудь успешно ее реформировать и, главное, «запустить» несколько обновленную модель регулирования экономики. В организационном плане эта модель во многом восприняла недостатки старой системы, сохранив многовластие, ведомственную несогласованность и разобщенность, усугубленные противоречиями различных социально-политических сил, представленных в регулирующих органах.

Стремясь модернизировать социально-экономические отношения и институты путем внедрения норм правопорядка, Временное правительство, исходя из программных положений, первоначально сделало упор на демократизацию военно-регулирующих органов, на включение в их состав представителей различных общественных слоев и организаций, в т. ч. Советов, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов, пытаясь таким путем добиться «социального мира» в стране. Результат оказался противоположным: противостояние полярных по своему положению сил фактически обострилось до крайней степени, подрывая основы формирующейся новой управленческой системы.

Все это крайне негативно сказывалось на состоянии промышленности, усугубив последствия ее технико-экономической слабости и отраслевой несбалансированности. Пытаясь найти выход из грозящей хозяйственной и политической катастрофы, Временное правительство и его регулирующие структуры постепенно отходили от позиции надклассового арбитра, пытаясь переложить всю ответственность за развал промышленности на рабочих и подавить «беспорядки и анархию» на производстве путем репрессий, вплоть до использования военной силы. В связи с этим представляется важным последить, каковы же были взаимоотношения труда и капитала в сфере производства и влияние этого фактора на состояние промышленности.

¹ ЖОСО. Т. 3. С. 533–534.

² Там же. С. 565–568.

1.4. Противостояние труда и капитала

(А.П. Корелин)

Социальная напряженность в сфере промышленного производства фактически держалась вплоть до Февраля 1917 г., за исключением некоторого спада в начале войны, вызванного волной патриотических настроений. Причем степень угрозы социального взрыва была такова, что царское правительство не решилось ввести в стране военное положение. Забастовки, представлявшие основную форму рабочего движения, достигли пика в февральско-мартовские дни. По данным фабричной инспекции, еще в марте 1917 г. бастовали, без учета горных и горнозаводских предприятий, более 150 заводов и фабрик. Затем волна стачек спадает: в апреле бастовали 41, в мае – 78, в июне 76 предприятий¹. В центре движения в это время оказываются другие, в основном «переговорные» формы борьбы, направленные на улучшение положения рабочих. Основными требованиями становятся введение 8-час. рабочего дня, улучшение условий труда и повышение заработной платы, а также «демократизация» внутривозводской жизни. Эти требования реализовывались явочным порядком или путем переговоров с предпринимателями. В связи с этим особую актуальность приобрела проблема организаций противостоящих сторон.

С началом войны легальные рабочие объединения фактически вынуждены были свернуть свою деятельность. Но после февральских событий рабочие довольно быстро «вспомнили» революционный опыт организаций – стачечных комитетов, фабричных старост, профсоюзов, советов, больничных касс и т. п. На предприятиях с первых же дней марта явочным порядком возникают фабрично-заводские комитеты, получает новый импульс деятельность профсоюзных объединений, Советы рабочих и солдатских депутатов становятся представительными, «передаточными» инстанциями между рабочими, правительственными и предпринимательскими структурами. Лидирующую роль в этом плане заняли рабочие организации Петрограда, где уже в марте–апреле прошли районные и общегородские, а затем и всероссийские конференции и съезды фабзавкомов, профсоюзов, сформировались центральные советы рабочих комитетов и профсоюзов, за деятельностью которых с напряженным вниманием следили рабочие всей страны. Вскоре аналогичные организации и их центры возникли в Москве, Харькове, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Одессе и других городах. Определенную роль в этом сыграло и принятое Временным правительством 12 апреля положение «О профессиональных обществах и союзах», упростившее процедуру юридического оформления различного типа объединений, и закон от 23 апреля о рабочих комитетах.

Фабзавкомы, будучи демократически избранными органами всех рабочих предприятий, были наиболее близки к нуждам трудящихся. Возникнув первоначально в Петрограде и Москве, они затем в течение каких-нибудь двух месяцев,

¹ *Pushkareva I.M.* The Working Class Movement in Russia between February and October 1917 // *Strikes Social Conflict and the First World war. Annali. Anno Wentisittesimo 1990–1991.* Milano. 1992. P. 492. Примерно аналогичные данные содержатся в монографии: *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970. С. 386.

распространились по всем промышленным районам. Общую численность комитетов установить весьма сложно. О масштабах их распространения свидетельствует анкетное обследование, проведенное Московским союзом металлистов, из которого следует, что к лету 1917 г. рабочие комитеты существовали на 144 из 166 обследованных предприятий. Осенью фабзавкомы объединяли в Москве и губернии более 400 тыс. рабочих, в Киеве – 55 тыс.¹ Оживилось профсоюзное строительство. Только в марте–апреле союзы возникли в 74 производствах и профессиях, в мае и июне – еще в 35. По этим показателям также лидировали Петроград и Москва: за март–апрель здесь образовалось 130 союзов. По всей России к осени их насчитывалось свыше 2 тыс. Впереди по охвату союзными объединениями шли металлисты (в частности, в Москве и губернии профсоюзами были охвачены до 75 % их общей численности). К июлю профсоюзы объединяли до 1,5 млн членов, к октябрю 1917 г. численность профессионально организованных рабочих и служащих составляла уже около 3 млн чел.² Быстрыми темпами шло формирование системы Советов. К лету 1917 г. в промышленных центрах страны было создано около 400 советских органов разных уровней (районные, городские, губернские, областные, региональные). 3–24 июня состоялся I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, давший Советам общероссийскую организацию³. Они стали не только политической, но и вообще наиболее массовой представительной организацией, сыграв заметную объединительную роль.

И все же, несмотря на стремительный рост численности Советов, рабочих организаций, в целом рабочему движению этого времени были присущи и определенные слабости. Так, исследователи отмечают, что между профсоюзами и фабзавкомы существовали противоречия, перераставшие порой в конфликты, обусловленные как характером этих объединений, так и различной политической ориентацией их лидеров⁴. Во-первых, профсоюзы, в отличие от фабрично-заводских комитетов, представлявших рабочие коллективы предприятий, объединяли рабочих определенных специальностей и производств, и потому они были более расплывены и разобщены: на одних и тех же предприятиях могли существовать несколько союзов, часто малочисленных и не всегда находивших общий язык. Во-вторых, в большинстве своем, особенно в первой половине 1917 г., они находились

¹ *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. (февраль 1917 – июнь 1918 г.). М., 2015; *Панкратова А.М.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.; Л., 1927; *Волубуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 61; *Егорова А.Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март–октябрь 1917 г.). М., 1960; *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление в 1917 г. М., 1998; *Степанов З.В.* Фабзавкомы Петрограда в 1917 г. Л., 1985; *Иткин М.Л.* Рабочий контроль накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1985; и др.

² *Профессиональный вестник.* 1917. № 11–12. С. 2; *Панкратова А.М.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. С. 53.

³ *Волубуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. С. 59–60.

⁴ *Мандель Д.* Рабочий контроль на заводах Петрограда, или почему на самом деле в 1917 г. было две революции и можно ли из этого извлечь уроки для сегодняшнего дня. М., 1994; *Чураков Д.О.* Конфликт между производственной и профессиональной формой самоуправления рабочих в 1917–1918 гг.: фабзавкомы и профсоюзы // *Экономическая история.* Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 97–101.

под влиянием, а зачастую и руководством лидеров т. н. умеренных социалистов (меньшевиков и эсеров), которые оказывались в руководящих структурах профсоюзных и советских органов и прилагали немалые усилия подчинить им фабзавкомы. Последние же в большинстве своем находились в сфере влияния более радикально настроенных большевистских организаций или анархо-синдикалистских элементов. Все это ослабляло рабочее движение, обуславливало его разобщенность, стихийность.

На первый взгляд это может показаться странным, но отчасти те же проблемы стояли и перед предпринимательскими кругами. В начале XX в. функционировало около 150 предпринимательских организаций, в основном представительского типа. Накануне Февральской революции их насчитывалось уже не менее 175¹. Это были биржевые общества и комитеты – организации в основном торговой буржуазии; всероссийские и региональные, общепромышленные и отраслевые советы и съезды торговли и промышленности – объединения крупных предпринимательских кругов, а также общества заводчиков и фабрикантов, представлявшие собой региональные союзы работодателей.

Несмотря, казалось бы, на многочисленность предпринимательских объединений, проблема организации и единения сил деловых кругов стояла весьма остро. Формально главным всероссийским представительным центром считался Совет съездов представителей промышленности и торговли, возникший еще в 1906 г. Лидирующая роль в нем принадлежала деятелям петроградского банковско-промышленного капитала и представителям тяжелой промышленности Юга России. Московские фабриканты, занимавшие в этой организации особую позицию, традиционно с недоверием относились к «петербуржцам», близким к правительственным кругам, считая их, по выражению известного лидера «москвичей» П.П. Рябушинского, «промышленной бюрократией»².

В годы войны и особенно после февральских событий, несмотря на некоторый рост численности предпринимательских организаций, разобщенность торгово-промышленных кругов не только не была преодолена, но отчасти даже усилилась, что объяснялось и обострением межотраслевой конкурентной борьбы, и различиями в подходах к решению кризисных проблем в экономике и социальной сфере. Наиболее наглядно это проявлялось в неоднократных и безуспешных попытках преодоления противоречий и расхождений между различными предпринимательскими группировками и объединениями торгово-промышленного сообщества на самом высоком уровне. Уже 7 марта 1917 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли признал, что «хотя политическая революция уже миновала... впереди еще социальная революция», и потому «промышленникам

¹ *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 168; *Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е.* Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л., 1957. С. 262. По другим сведениям, уже в 1911 г. таких объединений насчитывалось не менее 199, а с учетом областных и местных союзов около 330 (См: *Бессолицын А.* Типология представительных организаций буржуазии в России во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 1. С. 58–71).

² См: *Гэтрелл П.* Промышленники и революция // Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 534.

необходимо соединиться именно как социальному классу»¹. Эту инициативу поддержало и Временное правительство, заявив о необходимости создания массовой организации, которая должна объединить все предпринимательские слои и группы. В частности, в ее программу была включена разработка законопроекта о торгово-промышленных палатах, необходимость создания которых была осознана властями еще в предвоенные годы, но до октября 1917 г. эта идея так и не была реализована.

Первым шагом на пути создания новых предпринимательских объединений был созыв 19–22 марта лидерами московской буржуазии I Всероссийского торгово-промышленного съезда, на котором было положено начало формированию Всероссийского союза торговли и промышленности. Возглавили союз известные московские предприниматели и общественные деятели П.П. Рябушинский (председатель), С.Н. Третьяков, С.А. Смирнов, В.Н. Башкиров, П.А. Бурьшкин, М.М. Федоров, Д.В. Сироткин, Ю.М. Поплавский. Уже к августу 1917 г. в него входило около 350 организаций и фирм².

В начале июня на конференции представителей торгово-промышленных организаций в Петрограде был создан практически аналогичный по своим задачам Комитет защиты промышленности во главе с А.И. Путиловым (председатель), А.И. Вышнеградским, Л.Ф. Давидовым, Ф.А. Ивановым, А.П. Мешерским, С.Г. Лианозовым, Н.Н. Кутлером. «В Петрограде, – провозглашалось в резолюции конференции, – образуется особый комитет защиты промышленности... Все мероприятия и выступления, могущие иметь общее значение, предпринимаются комитетом по предварительному соглашению с Московским торгово-промышленным комитетом. Равным образом названный Московский комитет не предпринимает общих мер иначе, как по предварительному соглашению с Петроградским комитетом»³.

В августе–сентябре возник Всероссийский союз обществ заводчиков и фабрикантов во главе с А.А. Бачмановым, лидером Петроградского общества. Несмотря на попытки согласовать направления деятельности и отдельные совместные акции этих организаций, единого предпринимательского органа создать так и не удалось. Единственное, что их как-то сплачивало перед лицом нараставшей опасности полного развала экономики, это непрерывные требования к правительству о повышении контрактных цен на продукцию и подавление разраставшегося рабочего движения.

Первые 2–3 месяца после февральских событий прошли для промышленности сравнительно спокойно. В результате соглашения 10 марта Петросовета с Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков на предприятиях вводился 8-час. рабочий день, что явилось сигналом для аналогичного решения проблемы и в других регионах. Временное правительство приняло эти акции «к сведению», но

¹ Цит. по: *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. С. 70–71.

² *Лаверьев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 35–37; Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. М., 1918.

³ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 181–184; Финансовое обозрение. 1917. № 15. С. 24.

так и не решилось их декретировать. Предприниматели же рассматривали эти соглашения как временную меру, приняв 8-час. рабочий день только как счетную единицу для начисления заработной платы и сделав ставку на сверхурочные работы. Заработки заметно выросли, отчасти повысилась и производительность предприятий, что отмечалось различными учреждениями и самими предпринимателями¹.

Ситуация заметно обострилась в связи с попытками рабочих установить контроль над действиями заводской администрации, получившими широкое распространение с возникновением и легализацией правительством фабрично-заводских комитетов. Первоначально рабочие требовали главным образом демократизации внутривзаводских порядков, улучшения условий труда, ликвидации патриархально-деспотического режима в цехах, удаления наиболее скомпрометировавших себя грубым обращением и некомпетентностью лиц низовой администрации, участия в приеме и увольнении кадров. По мере нарастания трудностей со снабжением и финансированием промышленности рабочие комитеты пытались установить контроль над заводским руководством при получении заказов и кредитов, в деле рационального использования материалов, топлива, оборудования и т. п.

На ряде предприятий были предприняты попытки устранения фабрично-заводской администрации и установления рабочего контроля над производством. Известны случаи, когда рабочие посылали делегации для поиска сырья и топлива в другие регионы. Но еще в мае–июне введение рабочего контроля в форме надзора за деятельностью администрации и доступа к заводским документам было сравнительно редким явлением. В Петрограде, по данным обследования Петросоветом 84 предприятий с 230 тыс. работников, лишь примерно в трети всех случаев речь шла о контроле над производством, а также над финансами и сбытом продукции. В остальных случаях вмешательство комитетов сводилось к «надзору» за условиями труда, наймом, увольнением и охраной предприятий, что по «положению» входило в компетенцию фабзавкомов².

Заметную роль в радикализации их деятельности сыграла Первая общегородская конференция фабзавкомов Петрограда, состоявшаяся 30 мая – 3 июня 1917 г. под руководством большевиков, на которой была принята резолюция по докладу В.И. Ленина, посвященному экономическим мерам борьбы с разрухой. «Путь к спасению от катастрофы, – указывал оратор, – лежит только в установлении действительного рабочего контроля за производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо, во-1-х, чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими не менее трех четвертей голосов при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала; во-2-х, чтобы фабричные и заводские комитеты, центральные и местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а равно профессиональные союзы, получили право участвовать в контроле с открытием для них всех торговых и банковских книг и обязательством сообщать им все данные; в-3-х, чтобы представители всех круп-

¹ СОЭС. 1917. № 2. 22 июля. С. 15; № 5. 31 июля С. 25.

² *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. (февраль 1917 – июнь 1918 г.). С. 208–209; *Селицкий В.И.* Петроградские массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. С. 200.

ных демократических и социалистических партий получали такое же право»¹. Избранный на конференции Петроградский Центральный совет фабзавкомов стал фактически их всероссийским центром, практический опыт и рекомендации которого учитывались в деятельности рабочих организаций и советов.

Постепенно под влиянием усугубления кризисной ситуации в промышленности и роста дороговизны рабочие переходят от «оборонительной» тактики к наступательной. Вызывалось это и активизацией предпринимательских объединений, посчитавших рост расходов на заработную плату, наряду с трудностями снабжения промышленности сырьем и топливом, одной из важных причин грозящей остановки предприятий. Весной 1917 г., по данным «Торгово-промышленной газеты», из 75 объявивших о закрытии столичных заводов администрация 54 предприятий называла главной причиной именно требования рабочих о повышении зарплаты и лишь 21 – трудности со снабжением. Либеральная газета «День» считала, что «если в некоторых случаях эти закрытия мотивировались нехваткой сырья, то во многих других целью являлось запугать рабочих и Временное правительство»².

Эти действия заводоуправлений, в свою очередь, вызывали попытки рабочих комитетов расследовать истинные мотивы остановки предприятий. И в ряде случаев подозрения в умышленных действиях заводладельцев или их недостаточной дееспособности оправдывались, что вызывало сомнение у рабочих в добросовестности администрации при решении проблем на предприятиях и давало материал для социалистических партий и демократической прессы, разжигавших возникавшие конфликты. Требования об увеличении заработной платы, подгоняемые галолирующей инфляцией, все чаще сталкивались с растущей непримиримостью промышленников.

В мае–июне в ряде промышленных регионов обостряются конфликты между предпринимателями и рабочими комитетами и поддерживающими их требованиями Советами и «демократизированными» органами снабжения. Попытки достичь соглашения через примирительные камеры и третейские суды оказывались безрезультатными. Даже меньшевистская «Рабочая газета», выступавшая за соглашения Советов с либеральной буржуазией, уже 20 мая писала о намерении промышленников провести скрытый локаут. «В лагере промышленников оживление, – отмечал обозреватель. – Прошла недолгая оторопь, охватившая их в первые дни революции. От недавней растерянности и панической уступчивости не осталось и следа. Если в первый месяц свободы объединенные промышленники почти без сопротивления удовлетворяли требования рабочих, то теперь они решительно перешли в оборону и спешно готовятся к наступлению по всему фронту». Отмечалось, что заводы не ремонтируются, оборудование изношено, запасы сырья и топлива не возобновляются, в ряде случаев производство сокращается и рабочие увольняются под предлогом их «неумеренных требований». Министерство труда оказалось завалено заявлениями о трудовых спорах и обращениями за содействием в их урегулировании. О масштабах этого явления свидетельствуют

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 196.

² Цит. по: Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 г. (февраль 1917 – июнь 1918 г.). С. 208.

данные, приведенные представителем ведомства на заседании Экономического совета 26 июля: к этому времени было зарегистрировано 550 таких обращений и только в 100 случаях Министерство смогло выступить в роли арбитра¹.

В декларации, направленной 27 мая Временному правительству, промышленники отстаивали свои позиции, указывая, что в марте–апреле уже согласились на повышение заработной платы на 90 % и даже более, что принятие новых требований рабочих превысит валовую прибыль предприятий в 10 раз и что они «необоснованны и неприемлемы», т. к. многие заведения фактически уже работают в убыток². Особое внимание обращалось на то, что возникшие самочинно различного рода комитеты и организации вмешиваются в распоряжения заводской администрации, дисциплина «совершенно отсутствует», служащие «терроризированы», и, как следствие, продолжительность работ, производительность рабочих и качество их труда понизились.

Рабочие, отказываясь от сдельной работы, предпочитают переходить на почасную оплату, что резко снижает продуктивность предприятий. Все это, отмечалось в декларации, «ведет к полному промышленному развалу, остановке предприятий, безработице, отсутствию топлива, металлов и, соответственно, к нехватке необходимых предметов потребления», а в конечном счете – к народным волнениям «с самыми непредвиденными результатами». Нарисовав столь неприглядную картину состояния промышленности, предприниматели, как уже отмечалось выше, поставили правительство перед необходимостью определиться с программой дальнейшего экономического развития страны. Промышленность, заявлялось в обращении, «в массе готова работать временно даже без денежной прибыли», но принятие «каких-то боевых или непродуманных мер против капитала» может подорвать «государственный кредит России» и привести вообще к коллапсу экономики.

Через месяц предприниматели вновь обращаются к правительству. Причем тон обращения становится все более требовательным. В докладной записке Совета съездов от 2 августа³ указывалось, что производительность труда рабочих продолжает падать, причем одной из причин этого, настаивали авторы записки, «являются непомерно большие заработки», несоответствующие даже «бешеным ценам на продукты потребления». С введением 8-час. дня рабочее время сокращается, причем на сдельных работах оно фактически составляет 5–5,5 час. Служащие также явочным порядком установили 6-час. рабочий день. Все это лишает заводской персонал стимула к «напряженности производства». Причем договориться с рабочими и их организациями не представляется возможным. Местные Советы депутатов присвоили себе властные функции и вмешиваются в «течение промышленной жизни», заводские комитеты в своей деятельности выходят за рамки закона и представляют собой «как бы второе управление» предприятиями.

Необходимо вмешательство государства, которое должно не допускать дальнейшего повышения заработной платы, установить прежнюю продолжительность

¹ СОЭС. 1917. № 4. 26 июля. С. 7; Кузнецова О.Н. Экономический Совет при Временном правительстве России в 1917 г. С. 14.

² Экономическое положение России. Ч. 1. С. 173–180.

³ Там же. С. 192–195.

рабочего времени, хотя бы и с уплатой сверхурочных за превышение 8 час. Советы, если уж необходимо существование этих органов «революционной демократии», «мыслимы как партийная политическая организация, но они не должны иметь право вмешательства в промышленную жизнь». Деятельность рабочих комитетов следует ограничить законными рамками или вообще их ликвидировать. Вместо этого надо содействовать созданию действительно рабочих профессиональных союзов, закрыв законодательно доступ в них «разного рода демагогам».

В перечне предложенных мер лишь коротко упоминались и другие факторы, влиявшие на состояние промышленности региона, – «безденежье» промышленников, требующее повышения цен на продукцию, пересмотр налогового законодательства, урегулирование транспортных проблем. Такова была предложенная Советом съездов программа нормализации работы промышленности, реализация которой фактически возлагалась на государство, от которого требовалось применение жестких мер против рабочих.

Не менее жесткую позицию в отношении требований рабочих занял Московский торгово-промышленный комитет. Еще 14 марта 1917 г. на его заседании был обсужден вопрос о введении 8-час. рабочего дня и его последствиях. После продолжительного обмена мнениями Комитет остановился на следующих соображениях. Во-первых, в связи с «общеизвестным фактом» недостаточного развития в России промышленности, «с особенной яркостью» обнаружившегося в годы войны, уменьшение рабочего времени обязательно повлияет на сокращение производства. Во-вторых, производительность труда рабочих в России ниже, чем на Западе, но там 8-час. день, как общее правило, еще не введен, и потому русская промышленность окажется еще более отстающей и неконкурентоспособной, а в военное время и не способной удовлетворить военные и гражданские потребности. Решение этой проблемы требует общегосударственного подхода, что, впрочем, не исключает возможности соглашения с рабочими по каждому конкретному случаю¹.

Но уже в ходе заседаний II Всероссийского торгово-промышленного съезда, проходившего 3–5 августа в Москве, от общих рассуждений о состоянии и уровне развития российской промышленности, обусловленных различными историческими обстоятельствами, промышленники перешли к конкретным проблемам производства и мерам по их разрешению. Тон в отношении оценок поведения рабочих на предприятиях и особенно по поводу реакции на это властей задан был в речи П.П. Рябушинского². Он обвинил рабочих в сокращении производства и падении производительности труда, которое по различным отраслям промышленности составило от 25 до 50%, несмотря на повышение расценок. Признав, что «жизнь требует больших прибавок к оплате труда», он указал, что рабочие должны проявить и «необходимую заботу» о том, чтобы эти прибавки были оправданы. Пока же рабочие, руководимые Советами, которые вообще «pretендуют на первенствующую и руководящую роль в России», не исполнили «своего основного долга перед русским государством».

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 159–161.

² Там же. С. 196–201; Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3–5 августа 1917 г. М., 1917. С. 3–8.

Самокритично было признано, что падение производительности труда и общий упадок экономики обусловлен главным образом тем, что «мы не умеем государственно организоваться». Но весь пафос речи был вложен в критику Временного правительства, которое не может и не умеет управлять, не считается с торгово-промышленным классом и «во многих случаях тормозит его работу во вновь рожденных, всевозможных наименований организациях», предпринимательский класс «жаждет проявить интенсивную работу, но, к сожалению, работать не в состоянии». Под бурные аплодисменты зала оратор заявил: «На наше Временное правительство, которое представляло собой, к сожалению, какую-то видимость власти, давили посторонние люди, и у нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов». Вновь и вновь звучали призывы: чтобы противостоять всем негативным факторам, необходима организация и единение, что позволит принять активное участие в политической жизни страны. В какой-то мере эти пожелания реализовались. В последнем коалиционном составе правительства, как уже отмечалось, вновь появились знаковые фигуры московских деловых кругов – А.И. Коновалов, С.Н. Третьяков, С.А. Смирнов.

Что же касается практических мер по оживлению промышленности, то дело приняло совершенно критический оборот. Еще 22 мая чрезвычайное собрание московского Союза объединенной промышленности, обсудив производственные проблемы, высказалось за остановку предприятий на период с 15 июля по 15 сентября, за исключением важнейших оборонных заводов, в связи с состоянием снабжения топливом и сырьем (в основном из-за неподвоза хлопка). В связи с тем, что причиной остановки предприятий являются факторы объективного порядка, собрание решило просить Временное правительство произвести оплату рабочим за это время, полностью или частично, за счет государственных средств. По мнению промышленников, рабочие могут найти заработки на сельскохозяйственных и иных работах, и потому предприятия могут ограничиться выплатой им вознаграждения за 2–3 недели¹.

Готовящиеся планы закрытия предприятий получили широкую огласку. Конференция фабзавкомов Москвы (23–28 июля), обсудив проблему состояния московской промышленности, приняла резолюцию, в которой планы промышленников расценивались как готовящийся скрытый локаут, и призвала профсоюзы потребовать от правительства расследования правомерности таких действий и принятия решительных мер вплоть до секвестра предприятий². И тем не менее на заседании Союза объединенной промышленности 9 августа было решено: закрывшиеся по причинам «расстройства транспорта и общей ненормальности хода государственной жизни» предприятия после 15 августа прекращают выплату рабочим содержания и все договоры найма прекращаются. Более того, по этому вопросу представитель Союза был принят министром торговли и промышленности С.Н. Прокоповичем, который признал право на закрытие предприятий владельцами законным и обещал оказать всемерное содействие в создании условий для возобновления их работы.

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 404–405.

² Там же. С. 410.

Что же касается оплаты рабочим за время простоя заведений, то министр поддержал промышленников, заявив, что недопустимо 5–6 месяцев содержать их за счет фабрик и заводов и что помощь рабочим должна прийти в виде общественных работ и страхования от безработицы, которого, кстати, на тот момент не существовало. Но объявляя о закрытии предприятий, их владельцы, сохраняя, как выразился министр, «известный такт», должны документально доказать («не боясь гласности») невозможность ведения дела. Если все упирается в заработную плату, то министр обещал содействовать увеличению ставок по казенным контрактам. Но в любом случае, предупреждал он, необходимо обсудить все вопросы на совещании с паритетным представительством рабочих и промышленников и с участием министерств труда и торговли и промышленности, на котором и должны быть разработаны правила, на основании которых предприятия могут закрываться¹. Как уже отмечалось, принципиальные положения этих правил были разработаны в сентябре, но не успели получить законодательного оформления, а закрывшиеся в июне–июле предприятия осенью так и не возобновили работу.

Несколько иную позицию заняли петроградские промышленники. В докладной записке Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, направленной 9 мая министру-председателю правительства², отмечалось, что когда «по достижении политических целей революции рабочими был предъявлен ряд экономических требований, Общество, сознавая, что внутренняя распря может губительно отразиться на деле обороны», вступило на путь соглашения с организованным представительством рабочего класса – с Советом рабочих и солдатских депутатов. «Промышленники, – напоминали авторы, – пошли на весьма значительные уступки, принесли большую жертву в надежде на восстановление работ на заводах и фабриках». Но вскоре требования рабочих перешли пределы возможного, и теперь «катастрофа промышленности надвигается с головокружительной быстротой». Справедливости ради, в записке отмечалось также, что на падении производства (а оно сократилось по ряду отраслей до 60 %) сказался и ряд объективных факторов – недостаток топлива, металлов, необходимых материалов, рост их стоимости (расходы только на топливо увеличились вдвое), а также острая потребность в оборотных капиталах. Но основной упор был сделан на крупный перерасход средств по заработной плате. Единственный предлагавшийся в записке выход – доведение до сознания рабочих, что их требования угрожают смертельной опасностью русской промышленности, государству и им самим. По этому пути и пошло Временное правительство, опубликовав несколько обращений к рабочим с призывом к дальнейшим жертвам в борьбе за революционные завоевания.

В резолюции конференции представителей торгово-промышленных организаций, состоявшейся 1–2 июля в Петрограде³, в отличие от бескомпромиссной позиции «москвичей» и «уральцев», отстаивалось мнение, что упорядочение отношений между трудом и капиталом возможно лишь при развитии профессиональных организаций, достаточно сильных и авторитетных, и с помощью системы промысловых судов и примирительных камер. В циркулярном письме от

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 410–413.

² Там же. С. 165–168.

³ Там же. С. 181–182.

22 июля указывалось, что «промышленники должны отрешиться от мысли руководить предприятиями на дореволюционных началах и в области взаимоотношений с рабочими должны привлечь и всемерно поддерживать рабочие организации в лице рабочих комитетов», но лишь образованные на основе и в пределах закона 23 апреля 1917 г.¹

Все комитеты, сформировавшиеся самочинно, явочным порядком должны быть переизбраны. В отношении Советов рабочих и солдатских депутатов мнение Союза не расходилось с позицией других предпринимательских объединений. Советы, указывалось в циркуляре, не являются органами власти, и потому их распоряжения к исполнению не допускаются, районным союзным отделениям предлагалось не вступать с ними ни в какие контакты. Но и то же время, в противовес москвичам, заявлялось о поддержке Временного правительства в его усилиях найти выход из кризисных июльских событий. В целом же петроградским промышленникам удалось за счет относительной умеренности своих позиций в рабочем вопросе и путем достижения определенных соглашений с Петросоветом и профсоюзными лидерами избежать массовых выступлений вплоть до октября 1917 г.²

С середины августа, особенно после корниловских событий, ситуация в промышленности фактически вышла из-под контроля и правительства, и предпринимательских объединений, а также фабрично-заводских и советских организаций, нередко оказывавшихся бессильными перед анархо-синдикалистскими настроениями рабочих. Заметно обострилась проблема безработицы. Только в Московском промышленном районе, по данным московского комиссариата труда, к сентябрю было зарегистрировано 114 тыс. безработных, на Юге России, по сведениям профсоюзов, около 50 тыс. Всего же, по самым приблизительным подсчетам, к октябрю насчитывалось не менее 300 тыс. безработных, что серьезно осложняло положение в социальной сфере³.

Тем не менее, несмотря на официальное двукратное повышение в августе стоимости продовольственных товаров, промышленники дружно высказались против любого дальнейшего повышения заработной платы, аргументируя это не только отсутствием средств, но и необходимостью остановить инфляцию. Особую их неприязнь продолжала вызывать деятельность рабочих комитетов. В результате непрерывных обращений предпринимательских структур к правительству с требованиями об ограничении деятельности фабзавкомов министр труда Скобелев издал 22 и 28 августа особые циркуляры, которыми запрещались любые заседания комитетов, собрания и митинги в рабочее время и оплата членов комитетов. Петроградский Союз объединенной промышленности решил с 15 сентября прекратить выдачу членам фабзавкомов и депутатам Советов заработной платы за время их отсутствия на рабочем месте, нарушив достигнутое ранее соглашение. Это вызвало взрыв недовольства рабочих, расценивших это решение как политический акт. В результате Петроградское общество заводчиков и фабрикантов циркулярным письмом от 12 сентября уведомило своих членов, что «в связи с ис-

¹ Там же. С. 189–190.

² См: *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. (февраль 1917 – июнь 1918 г.). С. 337–338.

³ См: *Волобуев П.В.* Буржуазия и пролетариат России в 1917 г. С. 218.

ключительными условиями времени» Совет Союза рекомендует временно оплачивать рабочее время членов комитетов в пределах средней заработной платы¹.

Конференция промышленников Донбасса и Криворожья, прошедшая 20–24 сентября, поддержала резолюцию Союза металлургической и железодельной промышленности, который потребовал от рабочих организаций в качестве условия продолжения производства «гарантии» неприкосновенности заводской администрации, подчинения всем действовавшим законам, отказа от требований повышения заработной платы и введения 8-час. рабочего дня².

Все эти меры лишь обострили ситуацию и политизировали взаимоотношения сторон, оказывая крайне неблагоприятное влияние на производственные процессы. Рабочие комитеты теперь все чаще стали переходить от «надзора» за деятельностью заводской администрации к попыткам организовать управление предприятиями. Конференция фабзавкомов Москвы, проходившая 23–28 июля, попыталась разобраться с проблемой закрытия предприятий региона и пришла к выводу, что скрытые локауты становятся возможными в результате «недостаточного контроля в хозяйственной жизни». Именно это обстоятельство толкало рабочих на более радикальные действия. Но не будучи уверенной в профессионально-управленческих возможностях комитетов, конференция требовала «скорейшего введения общего контроля над производством». В случае же обнаружения локаутов предлагалось принятие самых решительных мер – вплоть до секвестра, т. е. остановка производства владельцами «имеет целью не только экономическую борьбу с рабочими, но является главным образом средством борьбы политической для ослабления силы рабочего класса как главной опоры революции»³.

Накал борьбы и тревожное ожидание назревавших событий получили весьма наглядное отражение в сентябрьском воззвании Центрального правления московского отдела Всероссийского союза металлистов. Указав на угрозу локаутов, закрытия предприятий, увольнений рабочих и массовой безработицы в важнейших индустриальных центрах и регионах страны, авторы обращения предупреждали, что это только начало грядущих грозных событий. Воззвание призывало рабочих к организации, сплоченности. «Не мы искали теперь этой борьбы, – отмечалось в обращении. – Нам объявила войну буржуазия»⁴.

Летом и осенью вновь резко поднялась стачечная волна. В июле фабричная инспекция отметила 67 забастовок, в августе – 112. В сентябре количество забастовок уменьшилось до 60, но число стачечников заметно возросло (по подсчетам исследователей, с 549 тыс. в июле до 815 тыс. в августе и до 1,2 млн чел. в сентябре), что, видимо, свидетельствует о росте числа повторных стачек, более активном включении в стачечную борьбу рабочих крупных предприятий. Исследовательские подсчеты числа стачек и их участников за март–октябрь по всем отраслям промышленности весьма разнятся: от общего количества 1140 забастовок с 1,7 млн стачечников до примерно 5 млн участников⁵. Оценивая в целом

¹ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 560–562, 532.

² Там же. С. 410, 539, 540–541.

³ Там же. С. 410; Октябрьская революция и фабзавкомы. Т. 1. М., 1927. С. 268.

⁴ Экономическое положение России. Ч. 1. С. 423–425.

⁵ *Pushkareva I.M.* The Working Class Movement in Russia between February and October 1917. P. 492–495.

масштабы забастовочного движения, следует иметь в виду все более частое переплетение экономических стачек с политическими, увеличение числа массовых выступлений (общегородских, отраслевых, региональных), продолжение забастовок скрытыми и откровенными локаутами.

Как бы то ни было, обострение конфликтов на предприятиях имело крайне негативные последствия для производства, общие потери от которых весьма сложно представить в количественном выражении, т. к. они неразрывно связаны с общим ухудшением условий функционирования промышленности. Несомненно, сказались последствия кризиса снабжения предприятий сырьем, топливом, материалами, как результат разбалансирования ведущих отраслей промышленности (особенно добывающих и обрабатывающих) и транспортной инфраструктуры, изношенности станкового парка и оборудования, качественного ухудшения профессионального уровня рабочей силы (рост удельного веса чернорабочих, женского и детского труда, использование труда иммигрантов, военнопленных и т. п.).

Но все сильнее на первый план выходил фактор непримиримости конфликта между трудом и капиталом, принимавший политический характер. Восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, улучшение условий производства и «демократизация» управления предприятиями с участием рабочих организаций – основные составляющие конфликтных ситуаций, по которым согласие – по объективным и субъективным причинам – так и не было достигнуто. Рост номинальной заработной платы не отражал ее реальный уровень, который в 1917 г. был ниже довоенного. Действительно, падение доходности и даже убыточность предприятий имели место. Но ни одна из сторон, в т. ч. и правительство, не имела четкого представления о действительном положении дел в промышленности.

Вместе с тем организация сил и промышленников, и рабочих, которая должна была повлиять на изменение характера их взаимоотношений и поиск компромиссного решения проблем на производстве, была слаба, в должной мере не осознана и фактически велась с целью защиты исключительно классовых интересов, приобретающих традиционный антагонистический характер. Причем обе стороны показали неумение, нежелание и неспособность использовать общественные, созданные на паритетном принципе арбитражные институты. Несмотря на критику Временного правительства и властных структур, и рабочие, и предприниматели обращались к ним за содействием в решении конфликтных ситуаций, которые те оказались не в состоянии погасить. Социальная революция разрасталась, все неизбежнее приобретая характер нового политического переворота.

1.5. Советская власть и проблема управления промышленностью (*М.Ю. Мухин*)

При анализе экономических новаций советского руководства в конце 1917 – первой половине 1918 г. следует постоянно иметь в виду два крайне важных фактора.

Во-первых, В.И. Ленину и его соратникам при определении путей и способов социалистического строительства попросту не на что было опереться ни в методическом, ни в практическом плане. События революции 1905 г. не дали опыта сколько-нибудь существенных экономических преобразований, поэтому в каче-

стве прецедента большевики могли рассматривать разве что экономические реформы Парижской коммуны 1871 г. Однако, с одной стороны, этот опыт мог быть полезен преимущественно в плане фиксации допущенных ошибок, но не давал никаких проверенных эффективных рецептов, а с другой – было очевидно, что парижские коммунары действовали в столь специфических условиях, что использовать их «наработки» в условиях российских реалий было заведомо невозможно.

Во-вторых, следует учитывать, что революционный кризис застал большевиков в известном смысле врасплох. И руководители РСДРП(б), и рядовые партийцы в своем большинстве были уверены, что революция в России – дело отдаленного будущего. Характерно, что в январе 1917 г., буквально за считанные недели до февральских событий, В.И. Ленин, читая доклад о событиях 1905 г. и предвещая России новую революцию, тем не менее, сожалел, что его поколение, видимо, может не дожить до новых решающих битв¹. Соответственно, и теоретические разработки на тему «как нам реорганизовать экономику после победы социалистической революции в России» носили несколько отвлеченно-академический характер.

Так или иначе, к реформированию российской экономики после захвата власти большевики приступили в режиме экспромта, практически не имея в своем распоряжении сколько-нибудь оформленной практической программы. Именно поэтому деятельность советского руководства в конце 1917 – первой половине 1918 г. носила в известной степени бессистемный характер – это был период эмпирического поиска оптимального курса методом проб и ошибок. При этом подчас несколько «конкурирующих проектов» преобразований осуществлялись синхронно, а смена генерального курса реформ могла произойти в течение считанных недель. Эти обстоятельства крайне затрудняют последовательное изложение генезиса стратегии советского руководства в области промышленной политики.

При этом приступить к переформатированию промышленности советскому руководству предстояло в особо сложной ситуации. Ранее уже был рассмотрен процесс постепенного ухудшения ситуации в отечественной экономике на протяжении 1917 г. Основные тенденции сохранились и в рассматриваемое время. Однако следует иметь в виду, что теперь на сугубо экономические проблемы дополнительно наслоились новые – и уже не столько экономического, сколько социально-политического и даже отчасти психологического характера.

Во-первых, большевики в определенном смысле сами загнали себя в ловушку. С весны 1917 г. они занимали по отношению к Временному правительству позицию «вечно критикующего». Постоянно подчеркивая объективно существовавшие экономические трудности и неурядицы, непрерывно критикуя экономическую политику «временных» и обличая их «реакционность», руководители РСДРП(б) решали сразу несколько важных задач. С одной стороны, они обеспечивали своей партии известную популярность. Ведь в февральских событиях роль большевиков была крайне незначительна, и широкие массы совершенно оправданно считали триумфаторами Февраля представителей совсем иных социалистических партий. С другой стороны, позиция «стороннего критика» делала большевиков практически неуязвимыми в любой дискуссии. Логика «мы бы решили все проблемы,

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 328.

но министры-капиталисты и соглашатели из променьшевистского Петросовета не пускают нас к рычагам власти» позволяла обещать слушателям что угодно – все равно потребовать выполнения обещанного можно было лишь после социалистической революции.

Однако после того, как социалистическая революция победила и большевики получили практически полное политическое доминирование, ситуация перевернулась с ног на голову. Теперь требовалось, с одной стороны, и в самом деле проводить в жизнь лозунг «фабрики – рабочим», а с другой – обеспечить как функционирование промышленности в целом, так и минимально приемлемый уровень потребления для основной массы индустриальных рабочих.

Во-вторых, следует учитывать, что если в большевистской верхушке представления о будущем обществе и путях его построения активно дискутировались, и единого мнения так и не было сформировано, то в широких массах воззрения о «новом мире», жизни «без богатеев и буржуев» и вовсе были не оформлены и крайне разнообразны.

Единственный момент, в котором сходились все или почти все – это твердое убеждение, что жизнь в новом обществе должна быть легче и вольготнее. Соблюдение производственной дисциплины и вообще выполнение тех или иных требований заводской администрации рассматривались как «старорежимные» замашки. А уж лозунг о переходе всей власти в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вовсе трансформировался в твердую уверенность в том, что теперь трудовые тяготы остались позади. Практически повсеместное распространение получила сугубо повременная оплата труда, а редкие попытки внедрить сдельщину или премиальную систему поощрения встречались в штыки¹. Надо отметить, что достаточно широко были распространены наивные, но крайне живучие взгляды на то, что при коммунизме вообще не надо будет трудиться. Раз все общее, рассуждали многие рабочие, значит и мое. «Прогулял – ничего страшного, на себя работаем!»²

Между тем, экономическое положение страны на протяжении всего рассматриваемого периода имело негативную динамику. Спад в промышленности нарастал медленно, но неотвратимо, поэтому советскому руководству требовалось предпринимать не только эффективные, но и своевременные шаги для преодоления этой тенденции.

Наконец, чтобы завершить описание исходных условий советских преобразований системы управления экономикой, следует отметить постоянный кадровый голод, который испытывало и дореволюционное, и советское руководство в отношении специалистов-управленцев. В какой-то степени показателен состав делегатов I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства, состоявшийся в Москве летом 1918 г. Из 252 делегатов съезда лишь 13 % имели высшее образо-

¹ См., например: *Фельдман М.А.* «Мы, собственно, ни одного серьезного опыта национализации не провели»: дискуссии на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства // *Российская история.* 2014. № 1. С. 50.

² Подробнее см.: *Соколов А.К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // *Экономическая история.* Вып. 4. М., 2000. С. 39–80.

вание, остальные – среднее или вовсе начальное¹. Г.И. Оппоков, в 1917 г. нарком юстиции, в 1918 заместитель председателя ВСНХ, позднее вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем еще надо было учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств... Желających попасть в наркомы было немного. Не потому, что дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой. Ленин энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий никаких не было»².

«Рабочий контроль»

Первые контуры политики большевиков в области организации экономики в целом, и промышленности в т. ч., были заданы в «Декрете о земле», принятом 8 ноября 1917 г. по новому стилю³. Этот документ провозглашал национализацию земли, полезных ископаемых, вод и лесов, что с юридической точки зрения открывало дорогу к широкой национализации в дальнейшем и промышленных объектов. 27 декабря этот курс получил дополнительное подтверждение в «Декрете о национализации банков», который объяснял национализацию банковского сектора страны интересами «правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения... спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации... капиталом»⁴. Как видим, уже в первые недели советской власти большевистское руководство проводило достаточно последовательный курс на национализацию тех или иных материальных активов с целью решения политических задач текущего дня.

В связи с этим очень важно правильно оценить общий настрой лидеров советского государства в отношении вопросов организации производства. Для советской историографии было характерно рассмотрение этих сюжетов исходя из «стержневой» статьи В.И. Ленина «Как нам организовать соревнование», написанной в январе 1918 г. Хотя статья была впервые опубликована только в 1929 г., она, несомненно, отражает взгляды Ленина на этот вопрос по состоянию на начало 1918 г., а с учетом ленинского влияния в партии можно сказать, что в статье изложены господствовавшие на тот момент в большевистской верхуш-

¹ Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчет. М., 1918. С. III, IV.

² Ломов Г. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 171–172. Цит. по: Калинин И.В. Практика подбора управленческих кадров в период 1917–1924 гг. // Акмеология. 2004. № 3. С. 38–39.

³ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 17.

⁴ Там же. С. 230.

ке взгляды на магистральный курс перестройки отношений в промышленности. Историки, работавшие в советские годы, по очевидным причинам не имели возможности анализировать данную ленинскую статью беспристрастно, поэтому при рассмотрении этой работы на первый план выводились апелляции Ленина к самодельной инициативе и народным талантам, «которых в народе непочатый родник», а основным инструментом, которым Ленин предлагал осуществить перестройку промышленности, объявлялся «всенародный учет и контроль». Сейчас, когда изучение ленинского наследия уже не связано с жестким идеологическим контролем и события тех лет можно изучать с точки зрения академического и сугубо объективного знания, этот подход выглядит несколько однобоким.

При внимательном анализе текста становится очевидным, что дефиниции «учет и контроль» относились в первую очередь отнюдь не к организации сугубо производственных процессов: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох – жуликов, от клопов – богатых и прочее и прочее». То есть «учет и контроль» предлагалось применять в первую очередь по отношению к классовым врагам и их пособникам. Вообще, при чтении статьи складывается впечатление, что именно эта задача – победа над «эксплуататорами и их приспешниками» и является ключевой для переустройства промышленности и даже всей экономики в целом. Все очень просто – надо лишь сломить сопротивление буржуазии, а дальше промышленность оживет сама собою.

Для достижения этой победы Ленин рекомендовал не останавливаться на одном-двух шаблонных решениях, а предлагал обратиться к той самой инициативе и народным талантам: «В одном месте, – посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытию карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ до их исправления надзирал за ними, как вредными людьми. В четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинацию из этих средств»¹. Статья представляла собой некий манифест социальной вражды. По большому счету, в ней Ленин не только объявил революционное насилие на физическом уровне основным инструментом переустройства общества, но и одновременно расширил (сделав практически безразмерным) категорию лиц, которых следовало физически подавлять. Теперь, в случае тех или иных затруднений в деятельности промышленности, прямые репрессии можно было обрушить на головы не только собственно «буржуев»-предпринимателей, но и «лакеев» и «шкурников», а т. к. в эти дефиниции можно было зачислить практически весь персонал отечественной индустрии, то в безопасности себя не мог ощущать никто.

Наконец, очень важным в этой статье был совсем краткий абзац, идущий в начале текста. Он представляет собой как бы своеобразный конспект планируемых на тот момент преобразований экономики: «Первым шагом к освобождению тру-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. М., 1974. С. 264.

дящихся... является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительные общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами». Как видим, уже в январе 1918 г. Ленин считал национализацию фабрик и заводов делом ближайшего будущего.

Итак, в качестве уже осуществленной меры Ленин в январе 1918 г. указывал рабочий контроль. Основным инструментом этой формы организации промышленности являлись сеть фабрично-заводских комитетов, созданных практически на всех крупных промышленных предприятиях и представлявших интересы рабочих этих индустриальных объектов. Как уже отмечалось, фабзавкомы начали формироваться практически сразу после Февральской революции. В ряде мест они пытались сотрудничать с заводской администрацией, в других случаях – конфликтовали с ней и иногда даже пытались перехватить рычаги управления заводом или фабрикой. В июне 1917 г. в Петрограде прошла первая общегородская конференция фабзавкомов, на которой был избран преимущественно пробольшевистский Центральный совет петроградских фабзавкомов. Так как всероссийского органа система фабзавкомов не имела, Петроградский Центральный совет, по сути, выполнял роль общего центра. В течение 1917 г. прошло еще две петроградские конференции фабзавкомов, в ходе которых влияние большевиков на эти организации только возрастало. Постепенно была выработана концепция рабочего контроля, подразумевавшая переход к фабзавкомам полного контроля как над производственной деятельностью, так и над распределением продукции.

Большевистское руководство исходило из того, что «рабочий контроль» возможен только и исключительно в условиях победившей диктатуры пролетариата, т. е. после победоносной социалистической революции: «Когда мы говорим: “рабочий контроль”, ставя этот лозунг всегда рядом с диктатурой пролетариата, всегда вслед за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства класса. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-“керенская” государственность, от которой рабочему народу в России “корнится и керенится” вот уже больше полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль может стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим учетом производства и распределения продуктов»¹.

В этом плане попытка использовать систему фабзавкомов в качестве инструмента управления промышленностью после Октябрьской революции была естественна и ожидаема – с одной стороны, эта структура уже существовала, с другой – лозунг рабочего контроля был достаточно хорошо известен в массах, и безболезненно отказаться от выполнения прежних обещаний советскому руководству было достаточно затруднительно. 27 ноября 1917 г. по новому стилю ЦИК утвердил Положение о рабочем контроле. «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товарище-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 306.

ствах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, – гласил этот акт, – вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»¹.

При этом речь шла о создании достаточно разветвленной структуры, охватывающей практически всю страну – создавались губернские и городские советы рабочего контроля, которые замыкались на Всероссийский совет рабочего контроля, заседавший в Петрограде. Права этих органов были весьма обширны: «Органы рабочего контроля имеют право наблюдения за производством, устанавливая нормы выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов... Органы рабочего контроля имеют право контроля всей деловой переписки предприятия, причем за сокрытие корреспонденции владельцы ответственны по суду. Коммерческая тайна отменяется. Владельцы обязаны предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты как за текущий год, так и за прошлые отчетные годы... Решения органов рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменены лишь постановлением высших органов рабочего контроля»². Как видим, даже без национализации система рабочего контроля позволяла советскому руководству вмешиваться в руководство промышленными предприятиями в достаточно широких пределах. Сама же система учреждений рабочего контроля по масштабам (по крайней мере, в планах) соответствовала созданному позднее ВСНХ.

Однако очень скоро стали ощущаться негативные последствия работы этой системы. Вот как ее уязвимые места описывал уже в 1918 г. И.И. Скворцов-Степанов: «Фабрично-заводской комитет во многих отношениях является преемником капиталистического предпринимателя. На все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами данной фабрики или завода... Этим определяются такие методы действия, которые способны не приблизить, а отдалить нас от основной задачи современности, от сознательного и планомерного урегулирования всех экономических отношений»³. Марксисты, не сотрудничавшие на тот момент с советской властью, высказывались по этому поводу еще более жестко: «Получился промышленный строй, который, не имея ни одной из положительных сторон частнохозяйственного капитализма, не только удерживал, но и утрировал все его отрицательные стороны. Новый коллективный хозяин быстро усвоил себе психологию старого, индивидуального: с таким же рвением отстаивал он интересы “своего” предприятия, старался перебить сырье и топливо у конкурентов и отнюдь не избегал спекулятивного использования случайных излишков.

Но в противоположность капиталисту фабрично-заводской комитет был совершенно не осведомлен в вопросах административного и в особенности финан-

¹ Декреты Советской власти. Т. I. С. 83.

² Ваганова Л.А. Осуществление рабочего контроля над производством в Башкирии // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Сб. статей. Уфа, 1959. С. 84–85; Тропов И.А. Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917–1920 гг. // Вестник ЛГУ. 2011. № 1 Т. IV. С. 125.

³ Скворцов-Степанов И.И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7–8.

сового заведования предприятием и к тому же не имел никаких побуждений экономно вести дело; в расчете на субсидии “своего” пролетарского правительства он с легким сердцем доводил эксплуатационные расходы до совершенно фантастических размеров»¹. Правда, эти суждения можно до известной степени расценивать как проявления политических споров тех лет. Скворцов-Степанов критиковал деятельность фабзавкомов с позиций «левого коммуниста», Базаров осуждал их как меньшевик, но, что характерно – и при критике «слева», и при критике «справа» претензии к системе рабочего контроля выдвигались практически идентичные.

Как бы то ни было, уже спустя несколько месяцев после официального создания всероссийской системы рабочего контроля на первый план вышли не вопросы совершенствования и развития этой системы, а задачи подавления сопротивления представителей эксплуатирующих классов. Думается, этот факт может служить лучшим доказательством малой эффективности рабочего контроля как инструмента управления индустрией. Собственно, отечественная историография в целом разделяет мнение Базарова и Скворцова-Степанова по поводу хозяйственной деятельности фабзавкомов, отмечая, что внедрение рабочего контроля на местах привело к тому, что рабочие коллективы попытались немедленно разрешить свои материальные затруднения путем «проедания финансовых счетов предприятий»².

Выборочная национализация и создание ВСНХ

Вопрос о правомочности и целесообразности насильственного отторжения собственности у буржуазии победившим пролетариатом рассматривался уже в середине XIX в. основоположниками марксизма – этой проблеме посвящены отдельные страницы и в «Коммунистическом манифесте», и в «Капитале», эти моменты были отражены в программе РСДРП, утвержденной в 1903 г., поэтому для большевиков в 1917 г. вопрос о национализации промышленности был на стратегическом уровне уже решен. Собственно, обсуждались лишь тактические подробности – когда, в какие сроки, в каких формах и масштабах осуществлять национализацию? С другой стороны, было бы неверным рассматривать саму идею насильственного отторжения собственности в пользу государства как некую сугубо коммунистическую правовую новацию. Как отмечают исследователи, «задолго до большевистской революции русские предприниматели столкнулись с покушениями на их экономические позиции... со стороны царского государства и образованного общества»³. По сути, на протяжении всего XIX в. российская бюрократия обсуждала те или иные формы и виды экспроприации частной собственности⁴.

Практика внесудебных, административных изъятий той или иной собственности в пользу государства (как правило, военного или морского ведомства,

¹ Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 2. С. 59. Цит. по: Мау В. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 63–64.

² Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. М., 1996. С. 57.

³ Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Edinburgh Gate, 2005. P. 109, 238, 127.

⁴ См., например: Венецианов М. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891.

а также министерства путей сообщения) получила в конце XIX – начале XX в. достаточно широкое распространение в России. Следует учитывать, что целый ряд промышленных предприятий, связанных с военным или морским ведомствами, являлись частными сугубо номинально. Они были полностью зависимы от казенных заказов, подчас находились в заведомо неоплатном долгу перед государством, представители которого нередко напрямую вторгались в вопросы оперативного управления заводами и фабриками, поэтому претензии таких фабрикантов на свою частнопредпринимательскую независимость выглядели необоснованными. В таком свете принудительное отчуждение таких предприятий в пользу казны виделось современникам вполне законным делом¹. Хотя собственник получал при этом денежную компенсацию, но ее размер определялся государственными чиновниками во внесудебном порядке, поэтому очевидно, что особого почтения к праву частной собственности российское чиновничество не испытывало.

В годы Первой мировой войны эти тенденции получили еще более широкое распространение. Секвестрование предприятий, принадлежавших гражданам стран, с которыми Россия вела боевые действия, практиковалось весьма широко, но все же мыслилось как мера временная. По окончании боевых действий теоретически предполагалось вернуть секвестрированные предприятия владельцам, хотя есть основания считать, что на деле такой возврат к довоенному status quo был бы отнюдь не автоматическим и не беспроблемным². Однако следует отметить, что в 1916 г. Министерство торговли и промышленности предложило осуществлять «реорганизацию» акционерных компаний, в которых участвовали капиталисты из временно враждебных стран. Предполагалось, что «в тех случаях, когда нет никаких данных предполагать сохранение связи русских совладельцев с их компаньонами – подданными враждебных держав», присутствующие акционеры (понятно, что компаньоны из Германии и Австро-Венгрии физически не могли прибыть в Россию) получают право проводить собрания «наличных» акционеров и принимать решения о ликвидации той или иной фирмы с одновременным созданием нового акционерного общества, которому и передавались все материальные и нематериальные активы общества ликвидированного. Таким образом, сутью всей комбинации становилось исключение из числа собственников компании германских и австро-венгерских акционеров без всякой компенсации их паев. В январе 1917 г. этот порядок «реорганизации» акционерных обществ был последовательно утвержден сначала Советом министров, а затем и Николаем II³. В целом можно признать, что сама по себе идея конфискации или насильственного отчуждения собственности была к 1917 г. достаточно хорошо известна и обществу в целом, и чиновничеству, и деловым кругам России, поэтому меры советского руководства, направленные на национализацию тех или иных предприятий, не вызвали, да и не могли вызвать какого-то особого эмоционального или психологического шока.

¹ Подробнее см.: *Поликартов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015. С. 310–327.

² Там же. С. 347.

³ *Соболев И.Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 103, 114–115.

Советская историография выделяла период конца 1917 – февраля 1918 г. под особым названием «красногвардейская атака на капитал», подчеркивая, что в условиях активного сопротивления «эксплуататорских классов и реакционного чиновничества» большевистское руководство было вынуждено в первые месяцы советской власти основное внимание уделять не налаживанию функционирования экономики, а подавлению саботажа и разнообразной «ползучей контрреволюции», внедряя в промышленности рабочий контроль и национализируя те или иные предприятия. Впервые этот термин был введен в оборот Лениным, который в своей статье «Очередные задачи Советской власти», написанной не позднее апреля 1918 г., уже характеризовал «красногвардейские» методы как тактику «вчерашнего дня». Надо отметить, что вопрос о национализации отдельных промышленных предприятий или даже целых отраслей поднимался с первых дней советской власти, но эти предложения раз за разом отвергались большевистскими лидерами. Так, уже 19 ноября 1917 г. на заседании СНК И.В. Сталин предложил национализировать всю угольную промышленность целиком, однако это предложение было отклонено даже без обсуждения¹. На том же заседании в ответ на запрос Моссовета о праве осуществлять секвестрование или национализацию заводов и фабрик ему было рекомендовано применять эту меру «с большой осторожностью, предварительно обсуждая всю техническую и финансовую конъюнктуру»². Очевидно, что некоторое время советское руководство планировало сделать ставку на рабочий контроль, используя национализацию лишь как крайнюю меру.

Видимо, первым актом о национализации промышленного объекта стало постановление о национализации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры, принятое 30 ноября 1917 г.³ Национализация предприятия в этом документе обосновывалась следующими соображениями: «Совет Народных Комиссаров, считая, что закрытие фабрики Товарищества Ликинской Мануфактуры А.В. Смирнова, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей, – недопустимо, что материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих и саботировать производство, и что в интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4000 рабочих и их семей необходимо пустить указанную фабрику в ход». Затем последовал длительный перерыв, и только 20 декабря 1917 г. был принят «Декрет о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа» в связи с отказом заводоуправления подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством⁴. Причем в процессе подготовки этого декрета высказывались сомнения в своевременности такой меры, поэтому визирование уже разработанного проекта декрета было перенесено на более поздний срок⁵. С той же формулировкой

¹ Ленинский сборник XXXV. М., 1945. С. 8.

² Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. В 2 ч. Ч. 1. М., 1963. С. 99.

³ Декреты Советской власти. Т. I. С. 105.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ *Ольшевский В.Г.* Интриги «всеобщей национализации»: на подступах к декрету СНК РСФСР от 28 июня 1918 г. // Евразийский союз ученых. 2015. № 12–3 (21). С. 19.

22 декабря был принят «Декрет о конфискации имущества акционерного Симского общества горных заводов»¹. 26 декабря без объяснения причин была национализирована типография «Биржевые ведомости»². 29 декабря был принят «Декрет о конфискации имущества “Общества электрического освещения 1886 года”», гласивший: «Ввиду того, что “Общество электрического освещения 1886 года”, получая в течение целого ряда лет правительственные субсидии, своим управлением привело предприятие к полному финансовому краху и конфликту со служащими, грозящему прекратить работу предприятия, Совет Народных Комиссаров постановил: конфисковать все имущество “О. э. о. 1886 г.”, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики»³.

Наконец, в январе 1918 г. произошел качественный переход от национализации отдельных предприятий или акционерных обществ к принятию целых пакетов актов о национализации промышленных объектов. В первый такой пакет, принятый 9 января, вошли декреты о конфискации в пользу Российской Республики имущества Кыштымского горного округа⁴, акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа⁵. Тогда же было принято постановление «О переходе Путиловского завода в собственность Российской республики»⁶ в связи с его крупной задолженностью государству, а также издан декрет о конфискации автомобильных мастерских Международного общества спальных вагонов ввиду отказа управления мастерских продолжать работу⁷. 11 января за этими актами последовал декрет о конфискации имущества акционерного общества Невьянского горного округа⁸.

Наконец, 12 января принят декрет «О конфискации имущества, принадлежащего Путилову, объявленному врагом народа». Обоснование для конфискации было сформулировано следующим образом: «Председатель правления Русско-Азиатского банка А.И. Путилов изобличен в соучастии в корниловском заговоре. В письме генерала Алексеева к вождю корниловской партии П.Н. Милокову (от 12 сентября 1917 г.) Алексейев требует от Путилова выдачи 3 000 000 рублей для арестованных корниловцев, с которыми Путилов, по свидетельству названного генерала, связан “общностью идеи и подготовки” заговора против революции»⁹. В тот же день был принят целый ряд актов, предусматривавших национализацию предприятий, имевших то или иное отношение к оборонным заказам. «Ввиду заявления правления... о нежелании подчиниться декрету о демобилизации и желании рассчитать всех рабочих» был национализирован авиазавод Андреева-

¹ Декреты Советской власти. Т. I. С. 194.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 241.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 209–210.

⁵ Декреты Советской власти. Т. I. С. 291.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 209.

⁷ Декреты Советской власти. Т. I. С. 290.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 379.

⁹ Цит. по: *Азатян Г.* Национализация промышленности СССР в 1917–1920 гг. // Известия Академии наук Армянской ССР. 1958. № 2. С. 7.

Ланского¹; в связи с задолженностью казне – Невский судостроительный и механический завод², «ввиду отказа заводоуправления... продолжать производство» – Сестрорецкий металлический завод³. 17 января 1918 г. по новому стилю было принято еще три решения о национализации предприятий. Имущество товарищества Гельферих-Саде конфисковывалось, т. к. «правление товарищества закрыло свой завод и, оставив главную квартиру в Харькове, переехало к Каледину в Ростов-на-Дону»⁴. Были национализированы в связи с отказом хозяев продолжать производство картонажная фабрика «Теодор Киббель»⁵ и Ростокинская красильно-аппретурная фабрика⁶.

В феврале вследствие того, что «администрация... отказалась подчиниться декрету о контроле и оставила завод на произвол судьбы» были национализированы предприятия Петроградского арматурно-электрического акционерного общества⁷, фабрика военного обмундирования Маркушевича⁸; без объяснения причин – имущество акционерного общества «Дека» в Александровске⁹ и механический завод «Пло» в Костроме¹⁰. Следующий пакет актов о национализации пришелся на 9 февраля. В этот день были конфискованы и переданы в собственность государства без указания причин, вызвавших национализацию, Иваново-Вознесенская ткацкая мануфактура, листопрокатный завод «Влохи», завод Шиманского в Харькове, Нижне-Тагильский и Луньевский горные округа и фабрика «Коновалов» в Бонячках и Каменке Костромской губернии¹¹. 13 февраля без указания причин национализации были конфискованы у владельцев и переданы в собственность республики заводы акционерного общества Верх-Исетского горного округа и Первый русский завод рентгеновских трубок¹². 20 февраля был принят «Декрет о конфискации имущества акционерного общества “С. Г. Волковыский и К^о”»¹³, в котором отчуждение фабрики объяснялось систематическим уклонением владельца предприятия и его администрации от управления предприятием, а не позднее 22 февраля без объяснения причин был принят «Декрет Президиума ВЦИК о конфискации типографии товарищества Проппер»¹⁴. 2 марта были национализированы склад и автомастерская братьев Эбергард, причем впервые в качестве обоснования конфискации появилась формулировка «ввиду важного

¹ В.И. Ленин и советская авиация. Документы, материалы, воспоминания. М., 1979. С. 40.

² Декреты Советской власти. Т. I. С. 346.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 259.

⁴ Декреты Советской власти. Т. I. С. 326.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ Там же.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 289.

⁸ Декреты Советской власти. Т. I. С. 376.

⁹ В.И. Ленин и советская авиация. Документы, материалы, воспоминания. С. 44.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. I. С. 378.

¹¹ Там же. С. 427–431.

¹² Там же. С. 454–455.

¹³ Там же. С. 488.

¹⁴ Там же. С. 496.

государственного значения для Народного Комиссариата по морским делам»¹. На этом, собственно, национализация предприятий в ходе «красногвардейской атаки на капитал» завершилась.

Возможно, приведенный перечень национализированных предприятий не совсем полон. Ряд предприятий в этот период был конфискован постановлениями местных Советов и ревкомов². Но подавляющее большинство декретов и постановлений по этому поводу, принятых в январе–марте 1918 г., учтены. Кроме того, в данном случае важно даже не столько перечислить все эпизоды с национализацией того или иного предприятия (тем более что национализация, скажем, горного округа или акционерного общества могла касаться сразу десятков промышленных объектов), сколько выделить ключевые доводы, которые рассматривались советским руководством на тот момент как достаточные для осуществления мер по национализации.

Как видим, мотивы национализации различных предприятий в тот период были разнообразны – тут и сопротивление рабочему контролю, и задолженность перед государством (в лучших традициях царской администрации), и карательные меры по отношению к «изобличенным контрреволюционерам», но также и стремление возобновить работу на закрытых предприятиях. Разумеется, можно трактовать вышеописанные прецеденты Петроградского электроарматурного общества, Гельферих-Саде, Ростокинской фабрики и др. как борьбу с предпринимательским саботажем, однако вне зависимости от мотивов этого шага объективно решение о национализации вело к восстановлению производства.

Таким образом, «красногвардейская атака на капитал» отнюдь не была неким однонаправленным актом принудительного отчуждения собственности. Наряду с конфискационными мерами (а их наличие не отрицала и советская историография), «атака» на капитал подразумевала и определенные шаги по налаживанию управления и координации хозяйственных шагов как национализированных предприятий, так и заводов и фабрик, юридически остававшихся частновладельческими, но фактически управляемых через систему рабочего контроля. Другое дело, что эффективность такого управления в первые месяцы советской власти была столь невелика, что Ленин в своей работе «Как нам организовать соревнование» не нашел для нее ни единого доброго слова.

Зимой–весной 1918 г. большевикам пришлось искать оптимальные пути управления экономикой эмпирически, буквально на ощупь, и без ошибок в этом деле обойтись было немислимо. Кроме того, обращает на себя тот факт, что организационное оформление системы рабочего контроля и начало «красногвардейской атаки» в форме национализации практически совпали хронологически – Положение о рабочем контроле было утверждено 27 ноября, а Ликинская мануфактура национализирована 30 ноября 1917 г. Таким образом, эти два процесса – становление рабочего контроля и первые конфискационные меры на отдельных предприятиях – шли синхронно и, очевидно, дополняли друг друга.

¹ Там же. С. 513.

² См., например, *Гансаламов А.Р.* Национализация промышленности Советской России и особенности ее проведения на местах (на примере Казанского края) // *Современные исследования социальных проблем.* 2011. № 3. Т. 7. С. 37.

Вряд ли начало «красногвардейской атаки» можно объяснить сопротивлением предпринимательских кругов внедрению рабочего контроля, судя по всему, синхронное использование обоих методов было сознательным решением советского руководства.

Помимо этого, хотелось бы отметить еще несколько моментов. Во-первых, львиная доля всех решений о национализации промышленных предприятий была принята в январе – начале февраля. После 9 февраля количество таких актов резко пошло на спад. Во-вторых, обращает на себя внимание рост конфискационных мер без объяснения причин. Можно предположить, что в данном случае речь шла о национализации, проводимой исходя из интересов именно производства. Внятных причин, позволявших объяснить отчуждение завода ростом задолженности, отказом от сотрудничества с рабочим контролем или саботажем заводской администрации, не было. Обвинить же действующий на предприятии фабзавком в развале работы завода (а прецедентов неутешительных итогов хозяйствования «по-фабзавкомовски» было предостаточно, судя по критическим замечаниям Базарова и Скворцова-Степанова) было невозможно по политическим причинам. В этой ситуации государству приходилось национализировать предприятие без объяснения причин. Исходя из того, что в течение февраля число таких «необъясненных» национализаций резко выросло, советское руководство все больше разочаровывалось в идее рабочего контроля.

Однако даже производимая в ограниченных масштабах национализация промышленных предприятий подразумевала создание какого-то административного органа для управления ими. Известно, что Ленин согласился подписать декрет о национализации Богословского горного округа, только получив от рабочих этих предприятий документ, в котором последние принимали на себя обязательства повысить производительность труда, обеспечить трудовую дисциплину, назначить зарплату согласно действующим в этой местности тарифам и т. д.¹ То есть изначально предполагалось, что и национализированными предприятиями будут руководить фабзавкомы, однако практика быстро показала неэффективность такого решения. Как уже отмечалось, первый акт национализации произошел 30 ноября, а 18 декабря 1918 г. был принят «Декрет о Высшем Совете Народного Хозяйства»². Причем разработка этого документа началась едва ли не с первых недель советской власти³. Вот текст этого декрета:

«1) При Совете Народных Комиссаров учреждается Высший Совет Народного Хозяйства.

2) Задачей В. С. Н. Х. является организация народного хозяйства и государственных финансов. С этой целью В. С. Н. Х. вырабатывает общие нормы и план регулирования экономической жизни страны, согласует и объединяет деятельность центральных и местных регулирующих учреждений (совещание по топливу, металлу, транспорту, центральный продовольственный комитет и пр., соответствующих народных комиссариатов, торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, финансов, военно-морского и т. д.), Всероссийского Совета Рабочего

¹ *Ольшевский В.Г.* Указ. соч. С. 19.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 66.

³ *Чубарь В.Я.* Октябрьские дни 1917 года (Воспоминания) // Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 23–24.

Контроля, а также соответственную деятельность фабрично-заводских и профессиональных организаций рабочего класса.

3) В. С. Н. Х. предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов.

4) Все существующие учреждения по регулированию хозяйства подчиняются В. С. Н. Х., которому предоставляется право их реформирования.

5) В. С. Н. Х. образуется: а) из Всероссийского Совета Рабочего Контроля, состав которого определен декретом от 14 ноября 1917 г.; б) из представителей от всех народных комиссариатов; в) из сведущих лиц, приглашаемых с совещательным голосом.

6) В. С. Н. Х. разбивается на секции и отделы (по топливу, металлу, демобилизации, финансам и проч.), причем количество и сфера деятельности этих отделов и секций определяется общим собранием Высшего Совета Народного Хозяйства.

7) Отделы В. С. Н. Х. ведут работу по регулированию отдельных областей народно-хозяйственной жизни, а также готовят мероприятия соответствующих народных комиссариатов.

8) В. С. Н. Х. выделяет из своей среды бюро в составе 15 человек для координации текущей работы секций и отделов и выполнения задач, требующих немедленного разрешения.

9) Все законопроекты и крупные мероприятия, имеющие отношение к регулированию народного хозяйства в его целом, вносятся в Совет Народных Комиссаров через В. С. Н. Х.

10) В. С. Н. Х. объединяет и направляет работу местных экономических отделов Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, включающих в себя местные органы рабочего контроля, а также местных комиссаров труда, торговли и промышленности, продовольствия и проч.

При отсутствии соответствующих экономических отделов В. С. Н. Х. образует свои местные органы. Для экономических отделов местных Советов, являющихся местными органами В. С. Н. Х., обязательны все постановления В. С. Н. Х.»

Как видим, ВСНХ с самого начала замышлялся как экономический штаб, своего рода «надведомственный диспетчер», обладающий прерогативами «организовывать и регулировать», т. е. управлять целыми отраслями индустрии, во многом напоминающий Экономический совет и ГЭК Временного правительства. Характерно, что ВСНХ вменялась в обязанность координация деятельности всех прочих наркоматов, а также профсоюзов и органов рабочего контроля. С учетом того, что ВСНХ должен был замыкать на себя достаточно разветвленную систему местных совнархозов, речь шла о формировании особого ведомства, занимавшего совершенно исключительное положение при Совнаркоме, явно превосходя по масштабам компетенции любой «несиловой» наркомат – почт и телеграфов, земледелия или путей сообщения. «Положение о создании местных совнархозов: областных, уездных, губернских» было утверждено 23 декабря 1917 г.¹ Впрочем,

¹ Гайдюлина Р.Р. Формирование региональных управленческих структур ВСНХ: причины и особенности. // Экономика и политика. 2013. № 1 (6). С. 128–131.

в полной мере сеть местных совнархозов сформировалась лишь к лету 1918 г.¹ Важно отметить, что местные совнархозы создавались выборным путем и юридически находились в двойном подчинении – ВСНХ и местных Советов². Это, с одной стороны, выгодно отличало систему совнархозов от чрезмерно забюрократизированных структур царского правительства, но с другой стороны – снижало степень ведомственной управляемости.

Кроме того, стремление создать свой, отдельный совнархоз практически при каждом Совете вело к чудовищному разбуханию этого ведомства. Так, к июню 1918 г. только в Московском промышленном районе при Советах различного уровня было создано около 40 совнархозов³. Следует учитывать, что в ряде случаев, кроме Советов, в организации совнархозов участвовали и другие структуры. Так, Петроградский совнархоз был создан по инициативе Центрального совета фабзавкомов Петрограда⁴. В то же время следует иметь в виду, что хотя формально ВСНХ был неразрывно связан с рабочим контролем, по сути, он и возглавляемая им сеть местных совнархозов была структурой, альтернативной и в какой-то мере даже конкурирующей с системой рабочего контроля⁵. Там, где рабочий контроль работал удовлетворительно, нечего было делать представителям совнархоза. Но на национализированных предприятиях, находящихся в прямом директивном управлении совнархоза (местного или ВСНХ), рабочий контроль неизбежно превращался в пятое колесо телеги.

Следует отметить еще два важных момента. Во-первых, хотя согласно тексту декрета о ВСНХ все акты о национализации должны были проходить через правительство, на практике этот порядок часто нарушался. По сути, в дни «красногвардейской атаки» сложилась парадоксальная ситуация – СНК настаивал на расширении сферы применения национализации, а ВСНХ, который эти национализации должен был, собственно, планировать и осуществлять, всячески такому расширению противился⁶. Уже в декабре 1917 г. Ленин на заседании Бюро ВСНХ огласил план мероприятий, который участник того заседания Н. Осинский назвал «проектом всеобщей национализации производства». Однако Бюро одобрить этот проект отказалось⁷. Не исключено, что в какой-то мере такая «пассивность» ВСНХ объяснялась организационными трудностями создания этого учреждения и кадровым голодом. Так, В.В. Оболенский (председатель ВСНХ до марта 1918 г.) писал, что ВСНХ «должен быть организован в большом масштабе, быстро и технически совершенно. Без такой организации всякие проекты национализа-

¹ *Бокарев Ю.П.* Мобилизационная экономика России в годы Первой Мировой войны и военного коммунизма. С. 36.

² *Гафурова В.М.* Создание и трансформация органов управления социалистической промышленностью Урала (1918–1929 годы). Екатеринбург, 2008. С. 70, 71.

³ *Гайдюлина Р.Р.* Указ. соч. С. 129.

⁴ Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917–1920). Документы и материалы. Т. 1. 1958. С. 169.

⁵ Подробнее см.: *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 65.

⁶ *Ольшевский В.Г.* Указ. соч. С. 19.

⁷ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 20.

ции производства повиснут в воздухе и работники ВСНХ не смогут взяться за их проведение в жизнь»¹.

Во-вторых, система двойного подчинения совнархозов сложилась не сразу и стала результатом достаточно напряженного поиска оптимального сочетания интересов центра и регионов. В ряде случаев в первые месяцы формирования системы совнархозов наблюдались прецеденты борьбы за перераспределение сфер компетенции между ВСНХ и региональными совнархозами. В данном случае речь шла о борьбе отраслевого и регионального принципа построения системы управления промышленностью. Так, например, в декабре 1917 г., ввиду невозможности управлять из Петрограда большим количеством национализированных предприятий Урала, ВСНХ признал Заводское совещание Уральского района, созданное в 1915 г. как местное учреждение в системе Особого совещания по обороне, своим областным органом². Видимо, достаточно скоро руководство ВСНХ осознало опасность такого решения, но «загнать джина обратно в бутылку» было уже непросто, и в январе 1918 г. Уральский областной совет учредил в своем составе Экономическую секцию, претендуя, таким образом, на особую экономическую независимость от центра. Тогда же, в январе 1918 г., на Урале прошел I Уральский съезд национализированных и бывших казенных предприятий³. ВСНХ, пытаясь найти компромисс, создал при своем Металлургическом отделе особую Уралсекцию. Однако уральский областной Совет депутатов этим решением не удовлетворился и учредил в своем составе отдел производства («Уралпроизводство»)⁴, которому было поручено руководить всеми национализированными предприятиями Урала. При этом непосредственное оперативное управление национализированными уральскими заводами осуществляли не назначаемые из центра, а избираемые рабочими предприятий⁵ и подчиняющиеся «Уралпроизводству» «деловые советы». Роль же собственно ВСНХ в оперативном управлении уральскими предприятиями была сведена фактически к их финансированию⁶. Особую напряженность ситуации добавляло весьма специфическое положение с дислокацией национализированных заводов. В период с 15 ноября 1917 по 6 марта 1918 г. в России было национализировано 81 предприятие, из которых на Урал приходилось 48, причем из 46 национализированных горно-металлургических заводов на уральский регион приходилось 42⁷. Таким образом, «Уралпроизводство» на конец периода «красногвардейской атаки» контролировало около половины всей национализи-

¹ Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ, 1917–1932 гг.). М., 1966. С. 80.

² Буданов А.В. Первые шаги органов рабочего управления национализированным производством Урала (декабрь 1917 – май 1918) // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 1 (35) С. 148.

³ Фельдман М.А. Указ. соч. С. 52.

⁴ Гайдулина Р.Р. Указ. соч. С. 131.

⁵ Запарий В.В. Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 84.

⁶ Буданов А.В. Первые шаги органов рабочего управления национализированным производством Урала. С. 149.

⁷ Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 45.

рованной промышленности России и почти всю национализированную металлургическую индустрию. Неудивительно, что в такой ситуации ВСНХ приходилось искать компромисс со строптивыми региональными властями.

Особый интерес представляет процесс использования советским руководством аппарата управления промышленностью, оставшегося от «старого» и «временного» режимов. При создании ВСНХ было решено использовать уже существующий административный аппарат – началась трансформация дореволюционных Особых совещаний и комитетов в «главки» и «центры» ВСНХ. В январе 1918 г. на базе Главного комитета по кожевенным делам был сформирован Главный комитет кожевенной промышленности ВСНХ («Главкожа»)¹, в феврале «Центроткань», созданная летом 1917 г. путем слияния хлопчатобумажных и суконных комитетов, была преобразована в «Центротекстиль» в составе ВСНХ. «Расмеко» вошел в состав ВСНХ, даже не меняя названия². Особое совещание по обороне, созданное еще царским правительством для координации работ по обеспечению действующей армии, было изъято из военного ведомства и вошло в состав ВСНХ как Совещание по финансированию предприятий³. В дальнейшем ВСНХ структурно строился именно как объединение отраслевых главков, число которых к лету 1918 г. достигало уже 70. В ряде случаев местные совнархозы (губернские и областные) также создавались на базе организационных структур регулирующих органов, оставшихся в наследство от «старого режима»⁴. Таким образом, в первой половине 1918 г. организационную основу как ВСНХ, так и местных совнархозов составляли именно созданные еще царской администрацией военно-регулирующие органы⁵.

Предприниматели и Советская власть: поиск компромисса

Для советской историографии в целом было характерно мнение, что «влиятельные капиталистические круги не хотели пойти на соглашение с Советским государством, на сотрудничество с ним в рамках госкапитализма», сделав ставку «на контрреволюционный саботаж и на насильственное свержение рабоче-крестьянской власти»⁶. Хотя отдельные авторы позволяли себе некоторое отступление от

¹ *Иголкин А.А.* Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922. Очерки экономической и политической истории. М., 2013. С. 204.

² *Шацлло М.К.* Российские предприниматели в поиске контактов с Советской властью // Российская история. 2016. № 1. С. 35.

³ *Венедиктов А.В.* Организация государственной промышленности в СССР. 1917–1920. Т. I. Л., 1957. С. 297.

⁴ Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июль 1918 года) // Сб. документов. Свердловск, 1958. С. 50.

⁵ *Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности (Очерки истории ВСНХ. 1917–1932). М., 1966. С. 74, 77–79.

⁶ *Волбуев П.В., Дробижев В.З.* Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 121.

этой позиции¹, все же генеральный тренд состоял в том, что буржуазия взяла курс на сопротивление и именно им в конечном счете и была вызвана «красногвардейская атака на капитал».

Однако внимательное изучение событий и фактов тех лет показывает, что ситуация была совсем не так однозначна. Важно отметить, что к моменту Октябрьских событий в России, наряду с некоторым количеством крупных концернов и финансово-промышленных холдингов, сложилась широкая сеть различных предпринимательских союзов, отчасти выполнявших и регулирующих функции². Таким образом, взаимоотношения предпринимательских кругов и советского руководства выстраивались как бы на двух уровнях. Крупные предприниматели, возглавляющие финансово-промышленные группы, были в первую очередь заинтересованы в достижении с новой властью консенсуса, обеспечивающего в конечном итоге получение прибыли. Представительские предпринимательские союзы во главу угла ставили защиту имущественных прав своих участников, пытаясь добиться от советской администрации устраивающих коммерсантов «правил игры». Такая дихотомия вносила во взаимоотношения деловых кругов и советского руководства дополнительную сложность.

Как уже отмечалось, в той или иной форме государство вмешивалось в экономику (вплоть до принудительного отчуждения) еще в годы монархии, поэтому новации советской власти в области управления индустрией были восприняты российскими фабрикантами достаточно спокойно. Следует также учитывать, что в первые месяцы после Октября 1917 г. советская власть воспринималась значительной частью отечественных коммерсантов как что-то временное и преходящее. Один из видных представителей предпринимательских кругов В.А. Ауэрбах³ вспоминал: «Казалось, что произошел не переворот, а смена кабинета... Деятельность союзов после большевистского переворота не только не ослабевает, а наоборот, приобретает особенно оживленный характер: владение и управление промышленностью остается в тех же руках, но предоставленные сами себе промышленники проявляют особенную склонность к сплочению и солидаризации действий»⁴. На фоне «министерской чехарды», характерной для царской администрации и постоянных перетрясок Временного правительства, приход к власти «народных комиссаров» воспринимался без особого ажиотажа, тем более что на протяжении некоторого времени большевистское руководство, считая государственный капитализм своеобразной предтечей социалистической экономики, не применяло по отношению к заводчикам и фабрикантам существенных репрессий⁵. Вплоть до

¹ Историографию данного вопроса см: *Шаццло М.К.* Российские предприниматели в поиске контактов с Советской властью. С. 28.

² Подробнее см: *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002; *Воронцова Е.А.* Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М., 2013; и др.

³ Член Совета Съездов горнопромышленников Юга России.

⁴ *Ауэрбах В.А.* Революционное общество // Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1924 (репринт: М., 1991). С. 53.

⁵ См., например: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003. С. 92.

начала «красного террора» (до осени 1918 г.) отечественные предприниматели за очень редким исключением вели привычный образ жизни и не покидали мест постоянного проживания¹.

Характерно, что даже в период «красногвардейской атаки» продолжалась купля-продажа промышленных активов. Так, 30 ноября 1917 г. акционерное общество Белорецких железоделательных заводов приняло решение приобрести у князя Белозерского-Белосельского Катав-Юрюзаньский горнозаводский округ. Ввиду различных обстоятельств бюрократического порядка сделка затянулась, однако 11 июня 1918 г. вопрос был окончательно решен, и передача округа компании Белорецких заводов официально утверждена².

С другой стороны, далеко не все российские коммерсанты восприняли экономические новации новой власти столь спокойно. Прежняя администрация вмешивалась время от времени в деятельность промышленности, но советское руководство не просто вмешивалось, а проводило политику коренного переустройства системы управления промышленными предприятиями, причем распространяло эту политику на всю индустриальную сферу. Неудивительно, что вскоре после начала экономических и социальных преобразований советской власти руководство Всероссийского торгово-промышленного союза («Протосоюз») выступило с воззванием, одобрявшим бойкот чиновниками распоряжений большевистского руководства. Ряд его видных участников вошли в состав подпольных антисоветских организаций «Правый центр» и «Национальный центр»³.

В дальнейшем руководство «Протосоюза» занималось в основном отстаиванием интересов своих членов перед местными и центральными властями. Как писал один из его руководителей, «Всероссийский союз торговли и промышленности, объединяя еще до большевистского переворота много торгово-промышленных учреждений всей России, сосредоточивает в себе заявления о контрибуциях, об арестах и т. д. И Союз торговли и промышленности возбуждает перед комиссариатом юстиции, перед комиссариатом торговли и промышленности и комиссариатом внутренних дел эти вопросы – об облегчении участи отдельных лиц или облегчении общей контрибуции. И очень часто эти ходатайства удовлетворяются. Это была борьба не в буквальном смысле. А это было принятие известных мер к облегчению участи представителей торговли и промышленности, а иногда и предприятий торговли и промышленности»⁴.

Аналогичную тактику борьбы с притеснениями конкретных предприятий избрала и петроградские союзы предпринимателей. Так, Совет съездов промышленности и торговли подготовил для своих членов специальную методичку для борьбы с неправомерным налогообложением: «Совет съездов рекомендует во всех случаях, когда обложение предприятий не основано на действующих законах и

¹ Шацлло М.К. Указ. соч. С. 30.

² Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 210–211.

³ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 11, 12, 17, 39.

⁴ Заседание чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете, 22 мая 1920 года // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 149.

декретах Советской власти... немедленно протестовать письменно по телеграфу Народному Комиссару Внутренних дел... ходатайствовать о сложении или понижении того или иного налога, сбора или контрибуции. Копии ходатайств просим пересылать в налоговый отдел Совета съездов, для возможности, в случае крупных правонарушений, выступать и с его стороны в защиту интересов его членов»¹. Надо признать, что в ряде случаев попытки предпринимателей «найти управу» на действия тех или иных советских чиновников действительно приносили плоды. Так, например, опираясь практически исключительно на показания двух фабрикантов – владельца заводов антифрикционных металлов Ф.А. Фишбеина и владельца кузнечно-штамповального завода И.Е. Щербака, – советское руководство летом 1918 г. арестовало ряд ведущих сотрудников «Расмеко», якобы вымогавших взятки и угрожавших необоснованной национализацией предприятий, принадлежавших заявителям².

Вообще следует отметить, что именно фабриканты и заводчики как индивидуально, так и в составе тех или иных ассоциаций и союзов охотно искали точки взаимного интереса с советской властью, т. к. за годы мировой войны индустриальная сфера явочным порядком перешла от свободного рынка в его классическом понимании к регламентированию распределения подавляющего большинства ресурсов. Таким образом, промышленность и связанные с ней предприниматели были жизненно заинтересованы в налаживании делового сотрудничества с действующей властью. Напротив, представители деловых кругов, связанные с сельским хозяйством, банковской деятельностью или биржевой торговлей, занимали по отношению к «комиссарам» куда более жесткую позицию³. Пожалуй, единственной ассоциацией фабрикантов и промышленников, вставшей на путь последовательного отказа от сотрудничества с новой властью являлся Совет съездов горнопромышленников Урала⁴, что, собственно, и предопределило особо широкое применение мер по национализации промышленных предприятий на Урале. Уральские предприниматели, отказавшись от сотрудничества с советской властью, достаточно активно вели на подконтрольной СНК территории экономическую (в т. ч. и незаконную) деятельность. Разъезжая по всей стране, представители Совета съездов горнопромышленников Урала «подпольно производили оптовые закупки различного вида оборудования, исходных материалов, комплектующих изделий, которые не поставлялись уральским заводам по лимитам ВСНХ»⁵. При этом Уралоблсовет и местные фабзавкомы достаточно быстро нашли общий язык с представителями бизнеса, поэтому противостояние рабочего контроля и бывших владельцев на уральских заводах скоро сошло на нет⁶. Не исключено, что та-

¹ Шацлло М.К. Указ. соч. С. 36.

² Свидзинская М.С. «Дело “Расмеко”»: из истории нравов российского чиновничества и борьбы с «выжиманием взяток» // Новый исторический вестник. 2011. № 30. С. 28–46.

³ Шацлло М.К. Указ. соч. С. 38–39.

⁴ Запарий В.В. Указ. соч. С. 82–83.

⁵ Хазиев Р.А. Подпольное производство и коммерческие сделки в условиях государственного администрирования экономики. 1917–1921 // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 311.

⁶ Там же. С. 312.

кая «особая позиция» уральских «товарищей» в отношениях с представителями буржуазии привносила дополнительную напряженность в упомянутое противостояние ВСНХ и уральских хозяйственных органов.

Немалая же часть российских предпринимателей увидела в советской власти не угрозу своим интересам, но, напротив, новые возможности для расширения коммерческих предприятий. Рассуждения видных большевиков о государственном капитализме как важной ступени к социалистической экономике рассматривались некоторыми предпринимателями в качестве приглашения к созданию смешанных частно-государственных объединений.

В этом плане примечательным представляется проект А.П. Мещерского, одного из руководителей холдинга «Коломна – Сорново» и Петроградского международного банка, о создании треста «Национальное общество», который должен был сосредоточить в своем составе подавляющее большинство производственных мощностей России по выпуску паровозов и вагонов. По первоначальному плану Мещерского, выдвинутому в ноябре 1917 г.¹, предполагалось, что из полутора миллиарда рублей основного капитала на долю государства должно было приходиться лишь около трети. Примечательно, что сам проект у советского руководства принципиальных возражений не вызвал, однако долю государства представители ВСНХ потребовали поднять до половины основного капитала. Этому проекту придавалось такое значение, что с 27 марта 1918 г. к его обсуждению подключился лично В.И. Ленин². Тем не менее в апреле проект был отклонен. Правда, одновременно с отказом от создания «Национального общества» представителям крупного капитала (и, видимо, Мещерскому в первую очередь) было сделано предложение поступить на службу новой власти в качестве «организаторов производства». Спустя несколько недель Мещерский был арестован и лишь после долгих мытарств освобожден, а предприятия «Коломна – Сорново» были национализированы летом 1918 г.

Тогда же, весной 1918 г., с проектом о создании частно-государственной компании обратился Н.Д. Стахеев³. Он предлагал организовать на Урале металлургический трест. Планировалось, что 200 млн руб. будут внесены Стахеевым, столько же государством, и еще 100 млн приходилось на «американский капитал». Однако и это предложение не было реализовано⁴. Возможно, этот проект был торпедирован благодаря активному противодействию уральского облсовета и «Уралпроизводства», т. к. уральские «областники» справедливо опасались, что создание подобного треста, жестко привязанного в административном отношении к центральным инстанциям страны, будет означать существенное сокращение уральской экономической автономии⁵.

¹ Шацлло М.К. Указ. соч. С. 33.

² Савицкая Р.М. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина (март–июль 1918 г.). М., 1969. С. 148–150.

³ Владелец крупных нефтяных и золотых приисков. Имел существенные интересы в торговле текстилем и недвижимостью.

⁴ Шацлло М.К. Указ. соч. С. 34.

⁵ Подробнее см.: Буданов А.В. Первые шаги органов рабочего управления национализированным производством Урала. С. 150.

Следует заметить, что политика привлечения представителей бизнеса в качестве организаторов производства, несмотря на неудачи с проектами Мещерского и Стахеева, в целом была успешной. Очевидец следующим образом описывал ситуацию в ВСНХ летом 1918 г.: «Во главе многих центров и главков стоят бывшие предприниматели, ответственные сотрудники и руководители предприятий, и неподготовленный посетитель этих главков и центров, лично знавший прежний торгово-промышленный мир, был бы поражен, увидев в Главкоже бывших владельцев крупных кожевенных заводов, в центротекстильном учреждении – крупных мануфактуристов и т. д.»¹.

Второй этап национализации

Советская историография ограничивала период «красногвардейской атаки на капитал» периодом с ноября 1917 по февраль 1918 г. Однако начало массовой национализации промышленных объектов и выстраивание полномасштабной структуры «военного коммунизма» справедливо датировалось летом 1918 г. Таким образом, весна 1918 г. представлялась странным переходным временем, когда «красногвардейская атака» уже завершилась, а строительство «военного коммунизма» с присущими ему чертами еще не началось. Один из сотрудников юридического отдела ВСНХ вспоминал об этом периоде: «Национализировал» всякий, кто хотел: местные “совнархозы”, “исполкомы”, “военревкомы” – даже чрезвычайки в порядке карательных “конфискаций”. Делалось это не по какому-либо плану, а по специальным на каждый данный случай мотивам. То “исполком” рассердился на фабриканта, то кому-либо приглянулся запас топлива, имеющийся на данном заводе, то конкурент посещал президиум “губсовнархоза” с приношениями, то какой-либо инженер из соответствующего отдела ВСНХ находил, что на данном предприятии он сумеет развернуть свои непризнанные до сих пор новаторские идеи»².

Видимо, центральные органы пытались привнести в такую хаотичную деятельность какой-то порядок, но получалось это плохо. Так, например, в апреле 1918 г. фабзавком фабрики А. Каретниковой в селе Тейково практически независимо от каких-либо инстанций настоял на национализации этого предприятия, причем Ленин на встрече с наркомом труда В.П. Ногиным и представителем фабзавкома фабрики О.Г. Сучковым сам факт национализации осудил, но рекомендовал, «если уж захватили, так держать крепче»³. Так или иначе, из 6908 предприятий, находившихся на учете ВСНХ, к 1 июня 1918 г. были национализированы лишь 513 (7,4 %) ⁴. Это, конечно, было куда больше 81 национализированного на начало

¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 570.

² Гурович А. Высший Совет Народного Хозяйства. Из впечатлений года службы // Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922 (репринт: М., 1991). С. 311.

³ Савицкая Р.М. Указ. соч. С. 135.

⁴ Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957. С. 17–18.

марта индустриального объекта, но до полной национализации крупной промышленности было еще далеко.

Велик соблазн считать, что в отличие от периода «красногвардейской атаки», весной 1918 г. советское руководство национализировало предприятия с целью оптимизации управления производством. Однако сами руководители советской экономики придерживались противоположного мнения. В мае 1918 г. В.П. Милютин (на тот момент заместитель председателя ВСНХ) заявил, что доселе осуществленная национализация промышленных предприятий была обусловлена в первую очередь не экономической целесообразностью, а интересами классовой борьбы и носила по преимуществу карательный характер¹. В том же духе высказывался и А.К. Гастев, ответственный секретарь Всероссийского союза рабочих-металлистов.

Принципиальное решение о переходе к широкомасштабной национализации промышленности было принято на состоявшемся 25 мая – 4 июня в Москве I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства². Обращает на себя внимание крайне важный факт, отмеченный М.А. Фельдманом: из 252 делегатов съезда, даже с учетом небольших реплик, всего выступили лишь 50 чел., остальные только внимали речам с трибуны. А из тех 50 выступивших, которые хотя бы каким-то образом приняли участие в дискуссии, лишь 8 чел. высказались практически по каждому обсуждаемому вопросу (В.В. Оболенский, В.П. Милютин, А.И. Рыков, Г.И. Ломов, Г.Д. Вейнберг, Д.Б. Рязанов, С.А. Лозовский, А.К. Гастев). Они-то и составили интеллектуальную группу, которая определила будущее отечественной промышленности на несколько лет вперед. Надо отметить, что все «активисты» были профессиональными революционерами, не имевшими ранее опыта работы в промышленности или в государственном аппарате. При этом высшим образованием (но не экономическим, а юридическим) похвастаться могли лишь Милютин и Ломов. Думается, это обстоятельство также отразилось на принятых съездом решениях. По сути, он стал ареной борьбы между «левыми коммунистами» и большевиками, придерживавшимися «генеральной линии»³.

Причем следует учитывать, что «левые коммунисты» (по большому счету, их позицию последовательно отстаивал только Гастев) придерживались принципов, провозглашенных руководством РСДРП(б) еще в ноябре 1917 г., а «генеральная линия» к этому времени ушла «вправо», в сторону жесткой административно-директивной системы управления промышленностью. Гастев, выражая точку зрения своих немногочисленных сторонников, заявил: «Мы оказались в нашей передовой, шумящей на весь мир революции... неспособными поставить даже делопроизводство. Мы революцию превратили в пустую болтовню, богему... Я нахожу, что при существующих условиях продолжение национализации является невозможным... национализация носила чисто полицейский характер. Кроме того, мы, соб-

¹ Труды Первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчет. М., 1918. С. 53.

² Детальный анализ событий съезда см.: *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 44–53.

³ Впервые этот раскол на I Всероссийском съезде совнархозов зафиксировал А.Л. Филоненко (*Филоненко А.Л.* Зарождение Советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000. С. 60).

ственно, ни одного серьезного опыта национализации не провели. Не научились и создать систему финансового контроля за расходами. За государством надо оставить функции контроля в экономике, а все дело передать тем, у кого мы должны учиться»¹. На основании этого делался вывод о бессмысленности дальнейшей национализации. Однако большинство считало по-иному.

Интересно, что многие из выступавших соглашались с Гастевым по поводу недовлетворительного уровня работы ВСНХ вообще и организации национализации в частности. Рыков, сменивший Милютина на посту председателя ВСНХ, признавал, что в ВСНХ нет ни учета, ни планирования; нарком финансов Украины С.В. Косиор отмечал, что ВСНХ не имеет определенной экономической политики; нарком же финансов РСФСР В.М. Смирнов отметил в своем выступлении, что у «ВСНХ не было и нет плана национализации»². Однако выводы из этих фактов делались совершенно другие. Там, где «левые коммунисты» выступали в духе «эффективность наших управленческих структур мала, давайте откажемся от новых национализаций, потому что мы уже национализированным имуществом не можем толком распорядиться», большинство выступавших ратовали за расширение масштабов национализации промышленных объектов и синхронную оптимизацию работы системы совнархозов.

Итоговые резолюции съезда во главу угла ставили полную национализацию всей промышленности под эгидой ВСНХ, назначение совнархозом, а не избрание рабочим коллективом руководства промышленных объектов, мобилизацию всех инженерно-технических кадров и введение трудовой повинности. Таким образом, именно на I Всероссийском съезде совнархозов были сформулированы ключевые положения экономической концепции «военного коммунизма». Видимо, определенную роль в этом сыграл общий рост политической напряженности в стране, т. к. конец мая 1918 г. ознаменовался мятежом чехословацкого корпуса. Гражданская война из стадии столкновений отрядов в несколько сотен человек перерастала в противоборство многотысячных масс, и в этой ситуации стремление к созданию системы директивного управления промышленностью было вполне понятно.

Однако этот шаг логически предопределил и остальные. Было очевидно, что по мере расширения масштабов национализации и распространения сферы директивного управления ВСНХ, роль фабзавкомов и осуществляемого ими рабочего контроля должна была сокращаться. Разумеется, заявить открытым текстом о провале системы рабочего контроля и его деструктивной роли в управлении промышленной сферой было невозможно по политическим причинам. Поэтому о сокращении влияния рабочих на оперативное управление производственными процессами на съезде говорилось вскользь, обиняками и используя различные эвфемизмы. Так, Рыков говорил, что «диктатура рабочих означает диктатуру сознательных выразителей класса в экономической и политической жизни страны», что «эта диктатура выражается в господстве органов, созданных рабочим классом», явно имея в виду ВСНХ. Заместитель наркома труда Ногин пошел еще дальше, заявив, что в ряде регионов «рабочий класс зарвался» и «довел свои требования до пределов невозможного». Но, пожалуй, наиболее откровенным был член президи-

¹ *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 46, 48.

² Там же. С. 48.

ума ВСНХ Рудзутак, заметивший: «Я понимаю тов. С.А. Лозовского, который говорит о недостаточном обуздании пролетариата, потому что он видит величайшее несчастье в том, что рабочие принимают участие в организации производства»¹.

Помимо курса на сокращение сферы компетенции фабзавкомов и фактически на свертывание рабочего контроля, требовалось решить и проблему региональной фронды, наиболее выдающимся прецедентом которой является описанный эпизод с «Уралпроизводством». Уже в апреле была ликвидирована Уралсекция ВСНХ, а в конце мая (в ходе съезда совнархозов) создан II съезд национализированных и бывших казенных предприятий Урала, который санкционировал создание на общих основаниях Уралоблсовнархоза². Наиболее резко выразил новый тренд член ВЦСПС Рязанов: «Я считаю необходимым, чтобы все местные совдепы и совдепики (!!! – М. М.) были лишены права видоизменять инструкции, полученные из центра»³. Таким образом, прежний курс на двойное подчинение местных совнархозов гласно и очевидно ставился под сомнение. В том же духе на съезде совнархозов высказывался и Рыков. Отныне ведущей тенденцией стало выстраивание жесткой вертикали власти, в которой местные совнархозы должны были выступать как приводные ремни ВСНХ в регионах.

Принятый 28 июня 1918 г. Декрет о национализации крупной промышленности⁴ в целом соответствовал резолюциям съезда, легитимизируя, таким образом, уже принятые решения. Сутью документа было провозглашение национализации большинства крупных промышленных предприятий страны «в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты». Критерии отбора для национализации существенно варьировались в зависимости от конкретной отрасли или подотрасли производства. Так, по горной промышленности безусловно подлежали национализации вообще все предприятия по добыче минерального топлива, железной и медной руды, но только 21 специально перечисленное золотодобывающее предприятие и лишь три специально указанные предприятия по производству соли. По металлургической и металлообрабатывающей промышленности национализации подлежали все заводы и фабрики с основным капиталом от 1 млн руб., а также вообще все предприятия, являющиеся производителями-монополистами той или иной продукции в масштабах России. В текстильной промышленности национализировались фабрики, выпускающие хлопчатобумажные ткани, с основным капиталом от 1 млн руб., выпускающие ткани льняные, шелковые и джут, – от 500 тыс. руб., производящие пеньку, – от 200 тыс. По лесопильной и деревообрабатывающей промышленности к национализации предполагались все предприятия с основным капиталом от 1 млн руб., а также вообще все индустри-

¹ *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 50.

² *Гайдулина Р.Р.* Указ. соч. С. 131. Впрочем, по мнению ряда уральских историков, окончательно противостояние между ВСНХ и «экономической фрондой» Урала так и не было разрешено вплоть до того момента, когда реалии Гражданской войны сделали эти споры неактуальными (см.: *Буданов А.В.* Первые шаги органов рабочего управления национализированным производством Урала. С. 150).

³ *Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 52.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 632–636.

альные объекты, обладающие механическим оборудованием. Таким образом, несмотря на достаточно разнообразную методику определения критериев, можно сказать, что национализацию было решено распространить на всю крупную промышленность страны.

В декрете специально подчеркивалось, что все национализированные предприятия (за исключением имущества, передаваемого в распоряжение Наркоматов путей сообщения и продовольствия, а также местных Советов) отходят под непосредственное управление ВСНХ. Особо важным был пункт III, гласивший: «Впредь до особого распоряжения Высшего Совета Народного Хозяйства по каждому отдельному предприятию, предприятия, объявленные согласно настоящему декрету достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, признаются находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев; правления и бывшие собственники финансируют их на прежних основаниях, а равно получают с них доходы на прежних основаниях». Было очевидно, что в короткие сроки обеспечить непосредственное директивное управление массой новых индустриальных объектов из единого центра было невозможно, поэтому данный пункт давал ВСНХ некоторый хронологический лаг для организации аппарата управления. С другой стороны, риторика о безвозмездной аренде и праве получать доходы от своих заводов еще на некоторое время в определенной степени успокоила отечественные деловые круги. Во всяком случае, никаких эксцессов, связанных с противодействием предпринимателей этому декрету, не наблюдалось.

«Свершен знаменитый “прыжок из царства необходимости в царство свободы”, – откликнулся специальной статьей на публикацию декрета известный экономист Л.Б. Кафенгауз, сотрудник «Осотопа», а впоследствии и ВСНХ, – но каким бы грандиозным ни оказался акт, отменяющий сразу промышленную частную собственность, необходимо признать, что при существующих условиях новый декрет вносит сравнительно мало нового в промышленную жизнь страны. Ведь и без того в большинстве предприятий хозяйничали заводские комитеты, профессиональные союзы и местные советы; и до нового декрета почти ни одно предприятие не могло функционировать без государственных средств; при таких условиях новый декрет только унифицирует новое промышленное право». Автор считал, что этот акт не может сколько-нибудь значительно повлиять на процесс «замирания и разрушения нашего народнохозяйственного организма»¹. Спешность с принятием декрета, по его мнению, объясняется опасением назревания всеобщей политической забастовки как следствия экономического коллапса. Власть все более склонялась к жестким мерам по централизации управления промышленностью и обузданию рабочей стихии.

С середины 1918 г. начинается снижение роли и значения ВСНХ в системе государственного управления Советской России². Казалось бы, именно теперь, когда сфера прямого директивного управления ВСНХ резко расширилась за счет

¹ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 648.

² *Шахновский А.А.* Координация в деятельности центральных государственных органов РСФСР (1917–1921 гг.) // Правоведение. 1985. № 5. С. 66.

массовой национализации промышленных предприятий, вес этого органа в административной системе должен был пропорционально возрасти. Однако на деле переход к директивному управлению и формирование системы «главклизма» в первую очередь привели к тому, что ВСНХ утратил функции координирующего надведомственного органа и превратился просто в рядовой «наркомат промышленности». Характерно, что в Конституции РСФСР 1918 г. в перечне наркоматов ВСНХ помещен на одну из последних позиций. С разворачиванием полномасштабной Гражданской войны роль надведомственного органа координации переходит к Реввоенсовету республики, в экономических вопросах на первый план выходят различные чрезвычайные органы хозяйственного управления и снабжения, а функции ВСНХ все больше сокращаются. Именно декрет 26 июня 1918 г. заложил фундамент экономической системы «военного коммунизма».

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что захватившие власть лидеры большевиков имели очень приблизительные представления о путях формирования нового государства вообще и новой системы управления промышленностью в частности. Поэтому организационные шаги «новой власти» в первые послеоктябрьские месяцы носили характер своеобразных поисков методом проб и ошибок. При этом в качестве возможных вариантов рассматривалась и экономика, основанная на рабочем контроле, и национализация с передачей предприятий в директивное управление ВСНХ, и даже партнерство с частным капиталом в форме государственно-капиталистических концернов.

Важно отметить, что в ходе построения новой системы управления индустриальной сферой советским руководителям приходилось синхронно решать как политические, так и экономические проблемы, а жесточайший кадровый голод вынуждал строить систему ВСНХ преимущественно на базе регулирующих органов, оставшихся еще от «старого режима». Неудачные попытки организовать эффективное хозяйствование в рамках рабочего контроля и реалии разгоравшейся Гражданской войны в конце концов вынудили советских руководителей сделать ставку именно на широкомасштабную национализацию и формирование системы «главклизма», замкнутой на ВСНХ. Постепенно все более отчетливо в управлении промышленностью вырисовывалась тенденция к усилению «властной вертикали» и свертыванию демократических институтов. Период экспериментов завершился – экономика начала перестраиваться в соответствии с принципами «военного коммунизма».

Глава 2. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО В 1917 г.

(В.В. Кондрашин)

Состояние сельского хозяйства России и участие российского крестьянства в революционных событиях 1917 г. изучается отечественными исследователями с начала 1920-х гг. и по настоящее время. На эту тему имеется значительная литература, которую условно можно разделить по хронологии и тематике. Прежде всего особого внимания заслуживают статистические сборники, характеризующие состояние основных отраслей аграрной экономики в 1917 г. в сравнении с предыдущим и последующим периодами. Их ценность состоит в том, что они составлялись опытными экономистами и статистиками до-

революционной школы и опирались на достоверные источники официальных органов государственной власти. Именно в них приводятся сведения о динамике посевных площадей, урожайности, поголовье скота, хлебной торговле, производстве сельскохозяйственных орудий и машин в 1917 г. в целом по стране и в региональном разрезе. Их анализ позволяет увидеть влияние революции на сельское хозяйство России, а также последствия для него Первой мировой войны¹.

В этом же ряду находятся сборники документов и материалов, характеризующих крестьянское движение в России в 1917 г. Они показывают его динамику, масштабы и региональные особенности².

Важнейшим вкладом в изучение проблемы являются публикации экономистов и историков – непосредственных участников событий. Среди них наиболее значимы с точки зрения глубины исследования аграрной экономики труды Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Литошенко, Г.С. Гордеева, П.И. Попова, С.Н. Прокоповича³. Немалую ценность представляют и работы В. Качинского, Н.Я. Быховского, Е.А. Мороховца, А.В. Шестакова на тему крестьянских съездов, аграрных программ политических партий, региональных особенностей крестьянского движения в 1917 г.⁴

До настоящего времени сохраняют научную значимость и актуальность труды классиков советской историографии, посвященные рассматриваемой проблеме. Это монографические исследования о состоянии экономики России в годы

¹ См.: Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924; Россия в мировой войне. 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М., 1927; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Ч. III: Сельское хозяйство и крестьянство. М.; Л., 1967.

² См.: Крестьянское движение в 1917 году. Сборник документов. М.; Л., 1927; Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. 1. Ч. 1. М. 1929; 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). М., 1967.

³ См.: *Гордеев Г.С.* Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925; *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918 г.; *Попов П.И.* Хлебофуражный баланс 1840–1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

⁴ См.: *Маслов С.Л.* Правовые основы земельной реформы. Пг., 1917; *Качинский В.* Очерки аграрной революции на Украине. Вып. 1. Харьков, 1922; *Авдеев Н.Н.* Революция 1917 года (Хроника событий). Т. I. М., 1925; *Шестаков А.В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 года. М., 1927; *Мороховец Е.А.* Аграрные программы российских политических партий в 1917 году. Л., 1929; *Быховский Н.Я.* Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г. М., 1929.

Первой мировой войны и Февральской революции А.Л. Сидорова, П.В. Волобуева, А.М. Анфимова, А.П. Корелина¹.

Если судить по количеству публикаций, то тема участия крестьян в революции и характеристика самого крестьянского движения в 1917 г. привлекала и привлекает больше внимание исследователей, чем проблемы чисто экономического плана. На данный момент изданы многочисленные работы о динамике крестьянских выступлений в 1917 г., их формах, влиянии на крестьянство политических партий, о крестьянской психологии в революционное время и т. д. Среди них следует выделить публикации В.П. Данилова, Т.В. Осиповой, В.И. Кострикина, В.М. Лаврова, Э.М. Щагина, В.П. Булдакова и др.²

Особого внимания заслуживает концепция В.П. Данилова о крестьянской революции в России 1902–1922 гг., согласно которой в 1917 г. наступила ее кульминация и крестьяне осуществили главный лозунг революции – ликвидировали помещичье и частновладельческое землевладение и уравнительно разделили землю³.

На современном этапе в отечественной историографии активно изучается проблема аграрной и продовольственной политики Временного правительства. Глубоко и всесторонне она освещена в работах Т.М. Китаниной, А.Ю. Давыдова, Н.Е. Хитриной и др.⁴

¹ См.: *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960; *Он же.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962; *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.

² См.: *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015; *Бухараев В.М., Люшкин Д.И.* Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Казань, 1994; *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; *Кравчук Н.А.* Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971; *Куреньшев А.А.* Всероссийский Крестьянский союз 1905–1930 гг. Мифы и реальность. М.; СПб., 2004; *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996; *Люшкин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; *Осипова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; *Она же.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. М., 1966; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; *Телицын В.Л.* «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М., 2003; *Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987; и др.

³ См.: *Данилов В.П.* Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979. С. 261–310; *Он же.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 // Крестьяне и власть. Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.

⁴ См.: *Давыдов М.И.* Борьба за хлеб: Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны. (1917–1920). М., 1971; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 –

Состояние сельского хозяйства России и участие российского крестьянства в революционных событиях 1917 г. активно изучалось и изучается на региональном уровне¹. Наибольших успехов здесь достигли историки Сибири, Поволжья и Дальнего Востока.

В зарубежной историографии рассматриваемая проблема затрагивается вскользь в контексте более общих проблем российской экономики и российского крестьянства в первые десятилетия XX в. Специальные работы о событиях 1917 г. в деревне отсутствуют².

В итоге исследователями проделана значительная работа по изучению состояния сельского хозяйства России в 1917 г., участия в революции российского крестьянства. Но обобщающей работы на эту тему, где одновременно были бы рассмотрены вопросы сельской экономики, аграрной и продовольственной политики Временного правительства, крестьянского движения в 1917 г. до сих пор не создано. В данном разделе монографии предпринимается попытка создания такого синтетического очерка.

Итак, что представляло собой сельское хозяйство России в 1917 г.?

Прежде всего рассмотрим состояние земельного фонда страны и его распределение по категориям земель и землевладельцев накануне революции. Наиболее точное представление об этом дают расчеты В.П. Данилова на основании заслуживающих доверие материалов Всероссийской сельскохозяйственной поземель-

октябрь 1917 г.). Л., 1985; *Она же*. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб., 2016; *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. М., 1990; *Позиции основных политических партий в начале XX в. // Земельный вопрос*. М., 1999. С. 95–99; *Филитов И.Т.* Продовольственная политика в России (1917–1923 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. М., 1995; *Хитрина Н.Е.* Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2001; *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг. Мешочники. СПб., 2002.

¹ См.: *Щагин Э.М.* Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.). М., 1974; *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1975; *Борисов В.И., Чернобаев А.А.* Хлеб, война, революция: Продовольственная политика на Юге России в период Первой мировой войны и революции (1914–1918). М.; Луганск, 1997; *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998; *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002; *Булатова Л.В.* Продовольственная политика царского и Временного правительств и ее реализация на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003; *Ковалева Н.А.* «Аграрная революция» vs аграрная политика: начало крестьянской войны в украинских губерниях в 1917 г. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века. Сб. статей. Коломна, 2013. С. 265–269; *Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории*. Новосибирск, 2008; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; и др.

² См.: *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки, М., 2003; *Мауцзато К.* Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 годы // Отечественная история. 1995. № 3; и др.

ной переписи лета 1917 г., а также данные журнала «Новый экономист», опубликованные в 1917 г. по 50 губерниям Европейской России (табл. 1, 2).

Таблица 1

Землевладение крестьянских и частновладельческих хозяйств по данным Всероссийской переписи 1917 г. (тыс. дес.)

	Крестьянские	Частновладельческие	Прочие некрестьянского типа	Частновладельческие и прочие некрестьянского типа	Итого
Число хозяйств	11572175	78801	68462	147263	11719418
В них:					
Усадьбы	2682,3	282,8	62,1	344,9	3027,1
%	88,6	9,3	2,1	11,4	100,0
Пашни	59382,9	9568,9	1001,2	10570,1	69953,1
%	84,9	13,7	1,4	15,1	100,0
Сенокосы	12396,5	2115,8	355,0	2470,8	14867,3
%	83,4	14,2	2,4	16,6	100,0
Леса	11441,8	9928,3	4575,9	14504,2	25945,9
%	44,1	38,3	17,6	55,9	100,0
Кустарника	1619,8	134,3	64,1	198,4	1818,0
%	89,1	7,4	3,5	10,9	100,0
Выгона	5704,6	508,2	76,7	584,9	6289,5
%	90,7	8,1	1,2	9,3	100,0
Всего удобной земли %	93227,8 76,5	22538,3 18,5	6134,8 5,0	28673,1 23,5	121900,0 100,0
Неудобной %	7180,5 78,6	908,8 10,0	1042,3 11,4	1951,1 21,4	9131,6 100,0
Прочих и невыясненных угодий %	8436,9 70,4	1680,9 4,0	1873,8 15,6	3554,7 29,6	11991,6 100,0
Всей земли %	108845,2 76,1	25127,9 17,6	9051,0 6,3	34178,9 23,9	143024,1 100,0

Источник: Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979. С. 274.

Таблица 2

Социальные категории землевладения в Европейской России к 1917 г.

Категория землевладения	млн дес.
Надельных земель	119,0
В том числе:	
у крестьян-общинников	79,5
казаков	16,5
крестьян-подворников	23,0
Укрепленных в личную собственность наделных земель общинных и подворных	22,0
Купленных крестьянами в личную собственность (участков, не превышающих 50 дес.)	13,5
Купленных крестьянскими товариществами и сельскими обществами	17,5

Окончание табл. 2

Категория землевладения	млн дес.
Частновладельческих (участки более 50 дес.)	67,0
Торгово-промышленных товариществ	5,0
Казачьего войскового запаса и офицерских наделов в Донской, Астраханской и Оренбургской обл.	4,0
Церковных и монастырских	2,7
Крестьянского банка	2,8
Городских	3,0
Бывших удельных	7,1
Казенных	131,6
Всего	395,2

Источник: Бонди Б. Земельный вопрос // Новый экономист. 1917. № 32. С. 5.

Из приведенных в табл. 1 и 2 сведений следует, что крестьянские наделные земли в общей массе земель не превышали одной трети. Остальные принадлежали частным лицам (в т. ч. крестьянам), казачеству, церкви, банкам, казне и пр. Поскольку именно общинное крестьянство являлось преобладающей массой сельского населения (особенно в Европейской России), то можно констатировать факт недостатка земли в его реальном владении и пользовании. С другой стороны, наличие значительной массы частновладельческой земли (не менее 25 %) свидетельствовало о ее концентрации в руках частных лиц и о рыночной ориентации сельского хозяйства России в рассматриваемый период.

Данная тенденция была особенно заметна в Европейской части России. Например, по уточненным сведениям ЦСУ РСФСР, на территории 20 губерний в 1917 г. общая площадь крестьянских наделных земель равнялась 52 млн дес. Им противостояли 37,2 млн дес. частновладельческих земель, 36,8 млн дес., принадлежащих разным учреждениям, и 82,6 млн дес. казны и уделов. То есть налицо значительный перевес частновладельческой земли по сравнению с наделной крестьянской¹. Само по себе это еще ни о чем не говорило, если бы не значительная социальная дифференциация по владению землей внутри самого крестьянства, создававшая условия для недовольства малоземельем.

Проведенный Л.Н. Литошенко анализ показал, что в 1917 г. значительная масса крестьян испытывала серьезные трудности в своей хозяйственной деятельности из-за недостатка земли, рабочего и продуктивного скота (табл. 3).

Таблица 3

Экономическая группировка крестьянских хозяйств в 1917 г.

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Удельный вес хозяйств, %	Группы	Удельный вес хозяйств, %	Группы	Удельный вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,8
До 1,0	10,34	1 лошадь	47,62	1 корова	56,68

¹ Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979. С. 276.

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Удельный вес хозяйств, %	Группы	Удельный вес хозяйств, %	Группы	Удельный вес хозяйств, %
1,1–2,0	18,36	2	17,57	2	18,94
2,1–4,0	28,92	3	3,98	3	4,30
4,1–6,0	14,65	4	1,24	4	1,23
6,1–10,0	11,16	5 и более	0,84	5 и более	0,67
10,1–16,0	3,84		100,0		100,0
16,1–25,0	0,98				
25 и более	0,26				
	100,0				

Источник: Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 106.

Из табл. 3 видно, что в 1917 г. в Европейской части России 83,7 % крестьянских хозяйств имели посевы от 0 до 6 дес. Причем среди них преобладали многочисленные семьи, с 4 членами и больше. Вполне закономерны поэтому и их показатели обеспеченности скотом. Более четверти крестьянских хозяйств не имели лошади и около $\frac{1}{5}$ – коров, приблизительно половина всех дворов имели по одной лошади и по одной корове. Общее число безлошадных и однолошадных, бескоровных и однокоровных дворов составляло не менее 75 % всего количества хозяйств. Очевидно, что с точки зрения нормального функционирования все эти хозяйства находились на грани разорения.

Причинами подобной ситуации были последствия войны, особенно в губерниях Европейской России. Например, в 1917 г. по сравнению с предвоенным периодом численность беспосевных крестьянских хозяйств возросла с 4,4 до 6,5 % в Тульской губернии, с 6,5 до 14,6 % в Калужской (Жиздринский уезд), с 10,2 до 13,4 % в Симбирской губернии¹.

В то же время к 1917 г. заметно экономически окрепли зажиточные (кулацкие) крестьянские хозяйства, включая т. н. столыпинских крестьян, т. е. выделившихся из общины на хутора и отруба. Они существенно увеличили запашки, скупая за бесценок земельные наделы разорившихся крестьян, а также наживаясь на высоких ценах на хлеб и мясо в условиях военного времени. К началу революции общая численность хуторских и отрубных хозяйств составила около 1610 тыс. (примерно 10,5 % всех хозяйств), они занимали площадь 16 млн дес., в среднем по 10,9 га на хозяйство².

В землепользовании и общем состоянии сельского хозяйства страны в 1917 г. были значительные региональные особенности. Например, в Сибири не было помещичьего землевладения. Все сибирские земли принадлежали государству (казне), правящему монарху (кабинетские земли) и сибирскому казачьему войску.

¹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 61.

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 32.

Сибирские крестьяне были наделены гораздо большим наделом земли (15 дес.), чем крестьяне Европейской части России¹. Но к 1917 г. они так и не получили свободного доступа к лесам и другим угодьям и испытывали большие неудобства в связи с этим. Сложилась парадоксальная ситуация: в Сибири, богатой лесом, крестьяне многих районов страдали от его недостатка. Ситуация обострилась и по причине недостатка земли у переселенцев, поток которых не иссякал в Сибирь во все годы войны². Они были вынуждены арендовать у казны и Кабинета почти треть необходимой им земли, причем на неблагоприятных условиях³. Примерно схожей картина с обеспечением земель и доступом к ресурсам была и на Севере России, в Вологодской и Архангельской губерниях⁴.

Таким образом, к началу революции в России сложилась напряженная ситуация с обеспеченностью земель и другими угодьями значительной массы крестьянства, особенно в Европейской части страны.

Охарактеризуем развитие земледельческой отрасли сельского хозяйства России в 1917 г. и влияние на нее революции.

К 1917 г. налицо был факт сокращения посевных площадей в стране по сравнению с довоенным периодом⁵. Исключение составляли «окраинные земли», менее затронутые войной: Степной край (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области), Оренбургская, Астраханская, Уфимская губернии, Зап. Сибирь (табл. 4)⁶. Снижение посевов продовольственных хлебов произошло в районах, дававших до войны наибольшее количество товарного зерна, – губернии Сев. Причерноморья и Предкавказья. Одновременно там увеличились посевы кормовых культур, в частности, на Ставрополье и Кубани⁷. Сокращение посевной площади в нечерноземной полосе шло быстрее, в т. ч. и в 1917 г.⁸ Резко уменьшились площади под картофелем из-за запрета выработки спирта, сокращения деятельности крахмально-паточных, сушильных заводов⁹.

¹ Дорощев М.Ф. Год 1917: социально-психологические аспекты крестьянского протеста в Западной Сибири // Октябрь 1917. Вызовы для XXI века. М., 2009. С. 243.

² Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 году. С. 26.

³ Там же. С. 23.

⁴ Саблин В.А. Правовые основы расширения наделного землепользования в северной деревне Европейской России в 1917–1920-е гг. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 261–262.

⁵ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 309.

⁶ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 21.

⁷ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 467.

⁸ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 122.

⁹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 89.

**Площадь полевого посева сельскохозяйственных культур в среднем
за 1909–1913, 1916, 1917 гг.**

Районы	1909–1913	1916	1917
Всего по СССР	83129,6	79030,9	79439,0
В том числе:			
РСФСР	63488,4	60416,5	60185,0
Украинская ССР	19641,2	18614,4	19245,0
Белоруссия	3596,7	3563,0	3659,0
Московско-Промышленный район	4393,0	3403,6	3397,2
Центрально-Земледельческий район	12840,8	12159,5	12345,0
Приуральский	9754,8	9941,7	9793,0
Нижне-Волжский	11453,1	10106,5	10287,3
Юго-Восток	12033,6	9685,0	8931,3
Степной край	2029,1	3310,4	3311,3
Западная Сибирь	4141,6	5009,3	5193,3
Восточная Сибирь	874,2	1000,2	970,3
Юго-Западный	4366,4	4137,1	4250,0

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 122–125.

Сокращение посевных площадей было связано с тяготами войны (мобилизация крестьян, реквизиции тяглового скота и т. д.). К сентябрю 1917 г. в действующей армии находилось 15,8 млн трудоспособных мужчин, или около 9 % населения страны, почти треть трудоспособного мужского населения¹. Резкое уменьшение рабочей силы в деревне привело к сокращению посевов в хозяйствах, опирающихся на наемный труд, т. е. в районах наибольшего распространения найма сельскохозяйственных рабочих, например, в губерниях Новороссии. Также сокращение рабочей силы вызывало сокращение крестьянских посевов на арендованных и купчих землях².

В то же время в 1917 г. проявилась тенденция к росту посевов. По подсчетам Л.Н. Литошенко, по тем 18 губерниям, в отношении которых можно сделать сопоставление, посевная площадь в 1917, по сравнению с 1916 г., увеличилась в среднем на 0,71 % по производящей полосе и на 4,78 % по потребляющей. При этом в 1917 г. в первую очередь выросли посевы в крестьянских хозяйствах и сократились в помещичьих. В частности, посевы крестьянских хозяйств увеличились в производящей полосе на 2,06 %, а в потребляющей на 5,18 %. Соответственно, в помещичьих хозяйствах в 1917 г. они сократились на 10,12 % в производящей и на 6,37 % в потребляющей полосе (табл. 5).

¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 39, 123.

² Там же. С. 123–124.

Таблица 5

Площадь посевов в 1916 и 1917 гг. (тыс. дес.)

Губернии	Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Всего	
	1916	1917	1916	1917	1916	1917
Производящий район и Украина						
Орловская	1421	1392	187	190	1608	1582
Рязанская	1081	1042	122	74	1203	1116
Тамбовская	1854	2060	329	275	2183	2335
Казанская	1548	1626	86	47	1634	1673
Уфимская	2359	2549	87	71	2446	2620
Екатеринославская	2536	2420	424	408	2960	2828
Донская	4128	4322	298	254	4424	4576
Харьковская	1765	1742	299	281	2064	2023
Черниговская	1377	1341	100	126	1477	1467
Полтавская	1869	1805	437	380	2306	2185
Итого	19690	20299	2359	2106	22249	22405
В %	100,0	102,06	100,0	89,27	100,0	100,70
Потребляющий район						
Нижегородская	873	934	38	31	911	965
Владимирская	563	621	17	9	580	631
Московская	316	328	21	24	337	352
Костромская	656	660	6	4	662	664
Петроградская	265	272	21	24	286	296
Олонецкая	117	116	0,3	1	118	117
Новгородская	520	559	18	20	538	579
Архангельская	64	59	0,2	0,1	64	59
Итого	3374	3549	121	114	3495	3663
В %	100,0	105,18	100,0	94,21	100,0	104,87

Источник: Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. С. 159.

Рост посевов был реакцией крестьян на дороговизну хлеба, производство которого становилось чрезвычайно выгодным в условиях революции¹. Происходил он прежде всего за счет зажиточных крестьянских хозяйств и в районах товарного зернового производства, где помещичье хозяйство было слабо развито или вообще отсутствовало².

Урожай 1917 г. в целом по стране был ниже среднего. Он был несколько хуже урожая 1916 г. и урожая предвоенных лет. Но катастрофического падения урожайности не произошло. Произведенных продуктов с учетом имеющихся резервов вполне хватало для обеспечения потребностей страны (табл. 6–8).

¹ Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. С. 159–160.

² Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 21; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 466–467.

Урожай хлебов в пудах с 1 дес. в среднем в 1909–1913, 1914, 1915, 1916, 1917 гг.

Районы	Годы	В среднем по главным зерно- вым хлебам	В среднем по мас- ляничным (карто- фель, лен, конопля, подсолнечник)
Всего по СССР	1909–1913	50,3	37,7
	1914	46,1	35,7
	1915	53,1	39,5
	1916	47,7	Сведений нет
	1917	45,8	34,3
По РСФСР	1909–1913	47,2	36,8
	1914	44,2	34,2
	1915	51,2	38,5
	1916	42,8	Сведений нет
	1917	41,1	31,0
Украина	1909–1913	59,8	46,0
	1914	52,1	49,7
	1915	59,5	47,4
	1916	63,1	Сведений нет
	1917	60,1	56,2
Белоруссия	1909–1913	48,6	27,5
	1914	44,6	18,6
	1915	54,5	26,1
	1916	50,6	Сведений нет
	1917	42,7	23,7
Мовсковско-Промышленный	1909–1913	47,7	25,9
	1914	38,3	15,3
	1915	54,8	22,3
	1916	51,5	Сведений нет
	1917	38,3	20,4
Центрально-Земледельческий	1909–1913	56,3	47,5
	1914	46,0	43,0
	1915	59,1	49,3
	1916	56,5	Сведений нет
	1917	42,1	42,0
Приуральский	1909–1913	45,0	22,8
	1914	43,2	19,0
	1915	57,1	29,2
	1916	41,2	Сведений нет
	1917	38,5	16,4
Нижне-Волжский	1909–1913	41,1	39,1
	1914	34,5	30,5
	1915	50,3	40,1
	1916	33,0	Сведений нет
	1917	21,2	14,6

Окончание табл. 6

Районы	Годы	В среднем по главным зерно- вым хлебам	В среднем по мас- ляничным (карто- фель, лен, конопля, подсолнечник)
Юго-Восток	1909–1913	50,2	55,4
	1914	46,0	63,6
	1915	50,3	60,0
	1916	37,4	Сведений нет
	1917	44,7	56,9
Степной край	1909–1913	27,8	16,3
	1914	48,4	31,7
	1915	37,7	32,0
	1916	27,2	Сведений нет
	1917	43,2	8,4
Западная Сибирь	1909–1913	42,6	27,4
	1914	59,8	37,1
	1915	30,5	26,1
	1916	38,2	Сведений нет
	1917	68,1	33,8
Восточная Сибирь	1909–1913	40,6	27,8
	1914	57,4	38,5
	1915	33,1	22,2
	1916	59,2	Сведений нет
	1917	52,4	27,5
Юго-Западный	1909–1913	74,9	46,4
	1914	75,6	58,2
	1915	75,5	47,8
	1916	94,7	Сведений нет
	1917	72,4	53,6
Малороссийский	1909–1913	60,4	45,0
	1914	55,4	50,7
	1915	58,3	50,4
	1916	56,0	Сведений нет
	1917	52,7	59,4
Новороссийский	1917–1913	53,1	49,1
	1914	40,5	44,8
	1915	53,3	43,1
	1916	53,4	Сведений нет
	1917	59,0	53,9

Источник: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. С. 128–130.

Валовые сборы продовольственных культур в 1914–1917 гг.

Годы	Продовольственные	Крупяные	Второстепенные	Картофель	Кормовые	Всего
В тыс. пуд.						
1914	2783712,8	183680,0	207278,3	2242575,4	1489872,4	6911590,3
1915	2935393,8	228930,9	190547,8	1526824,6	1455250,9	6336940,0
1916	2281728,8	196151,7	172146,8	1131143,1	1316687,4	5097857,8
1917	2167128,0	199013,0	188180,0	1229655,0	1247308,0	5031284,0
В относительных величинах, в %						
1914	100,0	78,2	95,0	104,8	91,1	98,6
1915	105,6	98,7	87,1	71,3	89,0	90,4
1916	82,0	80,2	78,9	52,9	80,5	72,7
1917	77,9	85,7	86,2	57,5	76,3	71,8

Источник: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126.

Хлебный баланс за 1917 г. (млн пуд.)

Производство		Потребность	
Валовой сбор	3809	Армия	501
Чистый сбор	3124	Городское население	263
Остаток от урожаев прошлых лет	669	Сельское население	1472
Всего хлебных ресурсов	3793	Животноводство	1001
Излишки	556	Общие потребности страны	3237
		Дефицит от урожая 1917 г.	113

Источник: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 386.

По мнению П.В. Волобуева, излишки по главнейшим хлебам составили в 1917 г. 847 млн пуд., в то время как недобор не превышал 321 млн пуд. Следовательно, 526 млн пуд. были в распоряжении Временного правительства для снабжения армии и городов продовольствием в осенне-зимний период 1917 г. И их было достаточно, чтобы не допустить голода и народного недовольства¹.

Более того, очень разной была география урожая 1917 г. и, соответственно, отличались продовольственные запасы и положение населения. Например, в Сибири урожай был выше, чем в 1916 г., и там имелись значительные излишки хлеба (табл. 9). Объяснялось это особыми условиями Сибири, где с мобилизацией мужского населения на войну положение сельского хозяйства не ухудшилось так значительно, как в Европейской России. Кроме того, мобилизация, скупка и реквизиции скота производились в Сибири в меньших размерах по сравнению с

¹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 384–385.

другими регионами, что обеспечивало возможность обработки земли выше довоенного уровня¹.

Таблица 9

Урожай по культурам в 1916–1917 гг. в Сибири (пуд./дес.)

	Рожь озимая	Рожь яровая	Пшеница яровая	Овес	Ячмень	Гречиха	Просо	Горох	Картофель
1916	47	52	41	50	45	34	40	50	543
1917	49	46	45	60	49	33	38	71	577

Источник: Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 85.

На уровне прошлых лет в 1917 г. был урожай в Тамбовской и других губерниях Европейской России². О наличии в стране запасов хлеба свидетельствовал и продолжавшийся весь 1917 г. его экспорт, хотя и в меньших размерах, чем в 1916 г. и довоенный период (табл. 10). Экспорт зерна продолжался до октября 1917 г., только во Францию Временное правительство отправило 1311 тыс. пуд. пшеницы и ржи³.

Таблица 10

Вывоз сельскохозяйственной продукции из России в 1913, 1916 и 1917 гг. (тыс. пуд.)

Продуктов земледелия	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Всего хлебов	606200	40813	2747,6

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке. Сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923. С. 302–305.

Таким образом, земледелие в 1917 г. находилось примерно на уровне предшествующего года, наметилась тенденция к росту посевов.

Состояние животноводства в 1917 г. определялось влиянием войны и революции. Имеющаяся в распоряжении исследователей статистика свидетельствует, что в его развитии сохранились тенденции предшествующих лет. Прежде всего продолжилось сокращение поголовья рабочих лошадей при одновременном росте поголовья мелкого скота (овец, коз, свиней) и некотором снижении поголовья крупного рогатого скота по сравнению с 1916 г. В то же время темпы роста численности овец, коз и свиней были незначительными⁴ (табл. 11, 12).

¹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 89–90.

² Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 44.

³ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. С. 354.

⁴ Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. С. 260–263.

Таблица 11

Поголовье лошадей и крупного рогатого скота, 1913, 1916 и 1917 гг. (тыс. голов)

Районы	Лошади			Крупный рогатый скот		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Центрально-Земледельческий	3008	3341	3365	3018	4317	4383
Средне-Волжский	2837	3067	3091	3255	4440	4372
Нижне-Волжский	2186	1685	1628	2898	2861	2020
Новороссийский	3548	6745	6505	4375	–	–
Юго-Западный	1810	–	–	2477	10680	10625
Малороссийский	1839	–	–	2363	–	–
Всего по черноземной полосе	15231	14839	14589	18749	22300	21402
Промышленный	1612	1430	1460	2417	3022	3135
Белорусский	1646	1089	1039	2868	1710	1757
Литовский	774	–	–	1750	–	–
Приозерный	765	748	764	1588	1933	1980
Прибалтийский	392	–	–	1074	–	–
Приуральский	1872	1825	1735	2600	3560	2978
Северный	345	358	364	735	1000	984
Итого по нечерноземной полосе	7410	5452	5364	13011	11126	10837
Всего по Европейской России	22776	20292	19953	31973	33427	32239
Поволжье	1116	–	–	2011	–	–
Кавказ	2135	1757	–	6326	3300	–
Степной край	4735	4083	2367	5625	5825	5518
Сибирь	5070	4888	4774	6451	7654	7136

Источник: Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. С. 94.

Таблица 12

Поголовье овец и свиней, 1913, 1916, 1917 гг. (тыс. голов)

Районы	Овцы			Свиньи		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Черноземная полоса						
Центрально-Земледельческий	6945	12136	11334	208	1985	2839
Средне-Волжье	7248	11146	10334	813	1298	1547
Нижне-Волжье	5342	5904	4309	290	552	586
Юго-Западный	1811*	10444	10041	1836	5697	6801
Малороссийский	2581	–	–	1573	–	–
Всего по черноземной полосе	29172	39631	36020	7962	9535	11773
Промышленный	1980	4370	3978	636	642	760
Белорусский	2461	2930	2923	1896	1749	1848

Районы	Овцы			Свины		
	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Литовский	1473	–	–	1136	–	–
Приозерный	1002	1861	2006	409	312	403
Прибалтийский	988	–	–	562	–	–
Приуральский	3688	4897	4739	702	1372	1258
Северный	580	737	772	581	90	108
Итого по нечерноземной полосе	12175	13897	14420	5432	4167	4379
Всего по Европейской России	41426	53529	50441	13458	13702	16153
Приволжье	682	–	–	490	–	–
Кавказ	12230	6312	–	1214	1407	–
Степной край	20672	12489	11536	178	679	544
Сибирь	5792	7294	7090	1501	2778	2573
Всего по империи	80805	79625	75380	16844	18568	20679

* Так в тексте.

Источник: Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 95.

Существовали региональные особенности в развитии животноводства в 1917 г. Об этом можно судить на примере анализа состояния конского поголовья в различных регионах России. Например, численность рабочих лошадей значительно сократилась в прифронтовых районах (Витебская, Смоленская и другие губернии), где наиболее интенсивно проходила их мобилизация в армию. Аналогичные процессы наблюдались в Центрально-Земледельческом районе (в Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской губерниях), а также в Средне-Волжском районе (в Казанской, Нижегородской и других губерниях)¹. В то же время южные губернии дали некоторый прирост поголовья за счет основного потока беженцев, приводивших с собой некоторое количество скота². В целом состояние конского поголовья в 1917 г. было стабильным. Следует отметить, что при незначительном уменьшении численности рабочих лошадей в 1916–1917 гг. наблюдался рост молодняка, т. е. лошадей моложе четырех лет³.

В 1917 г. сохранилась тенденция к некоторому снижению в России поголовья крупного рогатого скота в сравнении с предшествующим периодом войны. О ее точных показателях трудно судить, поскольку переписей данной категории скота, в отличие от лошадей, не производилось. Тем не менее разрозненные по времени и методам земские переписи, как и данные учета ветеринарного управления и Центрального статистического комитета, подтверждают эту тенденцию (табл. 11).

В то же время имелись региональные особенности в составе и качестве крупного рогатого скота в 1917 г. Например, в отдельных районах, расположенных рядом

¹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 92.

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 460.

³ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 92–93.

с Москвой и Петроградом, количество коров во время войны выросло, поскольку столицы были выгодным местом для сбыта молочной продукции¹. Одновременно понизилось качество стада. Первые мобилизации унесли безвозвратно большое количество улучшенного крестьянского метизированного скота и много племенного. Восстановить качества скота уже не было возможности. Уменьшение быков вызвало увеличение яловости скота. В Вологодском и Западно-Сибирском масляных районах из-за снижения поголовья коров, хотя и небольшого, количество молока, доставляемого на заводы, значительно сократилось. В 1917 г., как и в предшествующие годы, продолжались эпизоотии скота².

В 1917 г. в животноводстве сохранилась тенденция роста поголовья мелкого скота. Овца и коза решительно заполняли места прочих видов скота (табл. 12). Объяснялось это тем, что в первые годы войны овцы и козы не подлежали мобилизации. Поэтому к 1917 их стало больше по сравнению с 1913 г. на 7 %. В общей массе скота в крестьянских хозяйствах они составили 44 %. В военное время особенно увеличилось число овец в черноземной полосе³.

Еще одной причиной роста в крестьянских хозяйствах поголовья мелкого скота было отсутствие у крестьян стимулов к продаже хлеба. Это заставляло их скармливать хлеб скоту, поскольку цены на мясо были выше, чем на зерно. Поэтому мелкий скот уподоблялся копилке, сберкассе. С подлежащим в первую очередь реквизиции крупным рогатым скотом было труднее и опаснее оперировать на рынке. Поэтому его место заняли овцы, козы и свиньи. В 1917 г. Временное правительство в счет реквизиций стало брать маловесный, маловозрастной скот, а потом взамен крупного и мелкий⁴. В результате его поголовье стало сокращаться, за исключением свиней, которые оставались основной «крестьянской копилкой» (табл. 13).

Таблица 13

Годы	Поголовье свиней (тыс. голов)
1913	16844
1916	18568
1917	20679

Источник: Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 96.

Если количественные показатели состояния животноводства 1917 г. говорили о стабильности отрасли в условиях военного времени, то распределение скота по категориям крестьянских и помещичьих хозяйств указывало на существующие проблемы в сельском хозяйстве страны.

В 1917 г. усилилась тенденция сокращения поголовья скота в помещичьих хозяйствах по сравнению с крестьянским хозяйством, проявившаяся в 1916 г. (табл. 14).

¹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 95.

² Там же. С. 95–96.

³ Там же. С. 66–67.

⁴ Там же. С. 97.

Таблица 14

Количество скота в 1916 и 1917 гг. в крестьянских и помещичьих хозяйствах (тыс. голов)

Губернии	Лошади				Рогатый скот				Свины			
	Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства	
	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917
Производящий район и Украина												
Орловская	468	482	47	42	512	571	47	38	377	508	26	27
Рязанская	374	380	31	19	574	552	36	17	267	292	14	9
Тамбовская	596	632	52	46	786	852	56	45	331	484	36	36
Казанская	472	481	14	8	693	657	20	8	367	423	6	4
Уфимская	976	978	18	15	1296	1238	21	14	361	431	5	5
Киевская	543	487	86	70	942	935	102	67	517	719	30	23
Харьковская	551	572	41	34	876	981	80	68	390	690	36	48
Черниговская	607	587	20	19	846	867	39	31	854	836	16	17
Полтавская	511	496	63	54	908	989	116	96	471	758	50	59
Итого по району	5098	5095	372	307	7433	7642	517	384	3935	5161	219	228
В %	100,0	99,9	100,0	82,5	100,0	102,8	100,0	74,2	100,0	131,1	100,0	104,3
Потребляющий район												
Нижегородская	249	241	10	6	449	420	18	7	100	87	6	3
Владимирская	186	192	5	3	450	451	17	5	52	54	3	1
Московская	188	195	11	10	332	366	18	18	103	113	4	5
Костромская	243	247	3	2	557	568	6	4	109	115	1	0,8
Петроградская	111	121	7	5	261	282	20	15	42	85	4	6
Олонечкая	78	78	0,2	0,3	226	236	0,7	0,9	2	2	0,03	0,001
Новгородская	289	295	7	6	736	753	22	18	75	120	2	3
Архангельская	61	62	1	0,0	164	165	0,7	0,02	0,5	0,6	0,05	-
Итого по району	1405	1431	44	32	3175	3241	101	67	483	576	20	18
В %	100,0	101,8	100,0	73,0	100,0	102,1	100,0	66,3	100,0	119,2	100,0	90
Всего по 17 губерниям	6503	6226	416	339	10608	10833	618	451	4418	5737	239	246
В %	100,0	100,3	100,0	81,5	100,0	102,6	100,0	73,0	100,0	132,3	100,0	103,0

Источник: Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. С. 162–163.

Из табл. 14 следует, что в 1917 г. крестьянское хозяйство сумело удержать на прежнем уровне даже число лошадей, несмотря на массовые конские мобилизации. Количество рогатого скота увеличилось за этот период на 2,6 %, а свиноводство выросло почти на треть. Иную картину дает помещичье хозяйство, где война сократила конское стадо на 18,5 % и рогатый скот на 27 %. Только свиноводство показало незначительный прирост в 3 %.

Следует подчеркнуть, что в 1917 г. помещичьи хозяйства были фактически парализованы крестьянским движением, которое подрывало их основы, в т. ч. животноводческую отрасль. В период аграрных беспорядков фактически уничтожались ценные породы лошадей на частных конных заводах, поскольку крестьяне загоняли в табуны жеребцов-производителей беспородных маток. Фиксировались случаи намеренного заражения ценных пород крупного рогатого скота с целью его захвата. Делалось это путем смешения стада со скотом, зараженным ящуром¹.

За приведенными цифрами общей положительной динамики крестьянского животноводства по сравнению с помещичьим хозяйством в 1917 г. скрывался факт изменения показателей наличия скота у различных групп крестьянских хозяйств.

В 1917 г. еще больше усилилось расслоение крестьянских хозяйств по степени обеспеченности рабочим и продуктивным скотом. Выросло число безлошадных, бескоровных хозяйств и маломощных с одной лошадию и коровой. Если в 1917 г. все количество лошадей в России дало уменьшение на 1,2 %, то количество хозяйств в то же время увеличилось на 5,6 %, т. е. рост поголовья лошадей значительно отставал от роста числа хозяйств. До войны на 100 хозяйств приходилось 114 рабочих лошадей, в 1917 г. – 107². По 14 губерниям и частям губерний количество хозяйств без тягла увеличилось на 17,6 %. Если до войны такие хозяйства среди крестьян составляли 28,7 %, то к 1917 г. они составляли уже 33,3 %³.

Типичной в этом смысле была ситуация в Тамбовской губернии. Несмотря на реквизиции крупного рогатого скота, его поголовье за годы войны не уменьшилось, но увеличилось число бескоровных хозяйств с 24,8 до 26,1 %, одновременно выросло количество однокоровных. Здесь сказалось стремление зажиточных крестьян избавиться от лишнего скота, т. к. однокоровные освобождались от реквизиций. В то же время многие бескоровные стремились обзавестись в трудное время коровой-кормилицей⁴.

В 1917 г. в большинстве регионов стало больше безлошадных хозяйств. Например, в Пензенской губернии их число возросло с 31 хозяйства на сотню до 36, в Калужской – с 14 до 21, в Тверской – по разным уездам с 16 хозяйств на сотню до 17–22, в Новгородской – с 19 до 31 и т. д.⁵

¹ Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918. Кн. 2. Прага, 2014. С. 209–210, 216.

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 460.

³ Там же. С. 463.

⁴ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). С. 44.

⁵ Шестаков А.В. Большевики и крестьянство в революции 1917 года. С. 12.

Таким образом, общее состояние животноводства в России в 1917 г. было на уровне предыдущего года с незначительным снижением поголовья лошадей и крупного рогатого скота и укреплением крестьянских хозяйств по сравнению с помещичьими. При этом сохранялась тенденция к росту числа безлошадных и бескоровных крестьянских хозяйств. Наличие в стране серьезных затруднений в снабжении городов продукцией животноводства не было связано с резким сокращением ее производства и запасов, хотя война и ослабила данную отрасль сельского хозяйства.

На состояние сельского хозяйства России влияло его обеспечение сельскохозяйственными орудиями и машинами. К моменту революции отечественное сельскохозяйственное машиностроение находилось в глубоком кризисе. И это было вполне закономерно, т. к. в предыдущие годы данная отрасль была переориентирована на производство военной продукции. Кроме того, царское правительство по остаточному принципу выделяло заводам сельскохозяйственного машиностроения необходимое сырье. Например, в 1916 г. им было отпущено 4 млн пуд. чугуна, железа и стали, вместо требуемых 13–15 млн. Но реально они получили только 1,3 млн пуд.¹ В результате в 1917 г. к началу весенних полевых работ сельскохозяйственных машин и орудий в стране было изготовлено 2 % от довоенного производства². Деревянная фактически оказалась с сохой и косулей (распространенное в России орудие для пахоты) (табл. 15). К 1917 г. потребности в косах удовлетворялись только на 15 %³.

Таблица 15

Продукция сельскохозяйственного машиностроения в 1913, 1916, 1917 гг. (тыс. руб.)

	1913 г.	1916 г.	1917 г.
Плуги	667000	133400	22902
%	100	20	3,4
Бороны	127000	25400	892
%	100	20	0,7
Уборочные машины	111000	22200	1117
%	100	20	10,0
Молотилки	110180	22100	158
%	100	20	0,1
Веялки	49000	9800	853
%	100	20	1,7
Сеялки	68435	13688	–
%	100	20	–
Серпы	2521000	504200	206907
%	100	20	8,2
Косы	46000	8200	418283
%	100	17	909

Источник: Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 103.

¹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 69.

² Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 186.

³ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. С. 454.

Не меньшие проблемы испытывала и кустарная промышленность, связанная с сельским хозяйством. В 1917 г. большинство кустарей были мобилизованы в армию или ушли в города из-за более высокого там заработка или отсутствия сырья. Фактически были закрыты почти все кузницы. Можно считать, что к этому времени кустарное производство в деревне оказалось ликвидированным за исключением изготовления деревянных косуль и сох¹.

Временное правительство попыталось изменить ситуацию, приняв ряд мер по улучшению снабжения села сельскохозяйственными машинами и орудиями. 12 апреля 1917 г. оно предложило Министерству торговли и промышленности отпустить для производства сельскохозяйственных орудий 1,5 млн пуд. металла, а также предоставило продовольственным комитетам право производить реквизицию сельскохозяйственных машин и орудий, находившихся на железнодорожных станциях без соответствующих документов. 17 июня 1917 г. были приняты Временные правила о порядке распределения имевшихся на частных и заводских складах сельскохозяйственных машин и орудий. На Министерство продовольствия был возложен их учет и контроль за использованием, включая косы, серпы и вилы. Кроме того, на эти орудия устанавливались твердые цены и формально запрещалась свободная торговля ими².

Но эти меры были неэффективными. Для производства сельскохозяйственных орудий требовалось как минимум 5 млн пуд. металла. Также для поддержки предприятий сельскохозяйственного машиностроения следовало установить государственную монополию на производство сельскохозяйственных машин и орудий, т. е. гарантированное снабжение их топливом и сырьем, закупка и сбыт всей продукции. Такое предложение было выдвинуто в мае 1917 г. на съезде председателей губернских продовольственных комитетов и Всероссийском продовольственном съезде, а также на Всероссийском съезде фабрикантов земледельческих машин и орудий, состоявшемся 17 августа 1917 г. Однако его выполнение было отложено Временным правительством на 1918 г.

Из-за противодействия собственников не удалось осуществить на практике и Временные правила о порядке распределения имевшихся на частных и заводских складах сельскохозяйственных машин и орудий. Их было учтено около 1 % годовой потребности.

Министерство продовольствия так и не смогло добиться увеличения в 1917 г. производства сельскохозяйственных машин и орудий и обеспечить снабжение ими деревни. К 1 августа 1917 г. на рынок поступило всего 15 % сельхозмашин и орудий по сравнению с уровнем довоенного производства³.

До войны около половины потребности сельского хозяйства в машинах удовлетворялось импортом, особенно из Германии⁴. Война изменила ситуацию коренным образом. Во время войны в первую очередь импортировалось военное сна-

¹ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 69–70.

² Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 189.

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 70.

ряжение, машины и полуфабрикаты военного назначения. Сельское хозяйство отошло на задний план¹. В 1917 г. положение несколько изменилось в лучшую сторону, импорт сельхозмашин увеличился по сравнению с 1915–1916 гг. Но в количественном отношении показатели импорта 1917 г. заметно уступали довоенному времени (табл. 16). К осени 1917 г. в Россию из США, Швеции и Англии прибыли 71 928 машин и 891 263 пуд. шпагата².

Таблица 16

Импорт сельскохозяйственных машин в 1913–1917 гг.

Годы	Общий ввоз в млн пуд.	%	Ввоз с.-х. ма- шин, млн пуд.	%	Мин. удобр., млн пуд.	%
1909–1913	686	100	9,9	100	31	100
1914	649	94	7,2	75	22	70
1915	240	35	0,1	2	4	12
1916	250	36	0,3	4	0,001	0
1917	178	25	1,7	17	–	–

Источник: Гордеев Г.С. Сельское хозяйство в войне и революции. С. 74.

В 1917 г. сохранялся низкий уровень обеспеченности сельского хозяйства минеральными удобрениями. Их было внесено на поля 3,3 млн пуд., или 9,1 % к довоенному уровню. Таков был результат прекращения импорта удобрений из Германии, а также потери производящих их предприятий в Польше и Прибалтике в результате военных действий³.

Аналогичная ситуация была в 1917 г. и с вывозом навоза на поля. Недостаток работников в деревне вынуждал крестьян оставлять имеющийся навоз на дворе или выбрасывать его. Кроме того, его стало меньше в выросших численно за годы войны маломощных хозяйствах из-за уменьшения общего количества скота. Ухудшение обеспеченности крестьянских хозяйств удобрениями способствовало снижению урожайности зерновых культур в 1917 г.⁴

Революция 1917 г. стимулировала кооперативное движение в России. За годы войны численность кооперативов выросла на 2224 тыс. чел. (табл. 17). Процесс роста кооперации продолжался и в год революционных потрясений. К концу 1917 г. в стране насчитывалось более 63 тыс. кооперативов с числом участников около 24 млн чел., кооперативы охватили около половины всего населения страны. Подавляющее большинство членов кооперативов составляло крестьянство⁵.

¹ Там же. С. 73.

² *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 216.

³ Там же. С. 70–71.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 348.

Динамика кооперативного движения в 1913–1917 гг.

Состояло на 1 января	Число членов кооперативов (тыс. чел.)		Оборотные фонды (млн руб.)			
	Кредитных товариществ	Ссудно-сберегательных товариществ	Итого	Кредитных товариществ	Ссудно-сберегательных товариществ	Итого
1913	4868	1726	6594	214	256	470
1914	6209	2044	8253	305	309	614
1915	7727	2260	9487	382	328	710
1916	7787	2297	10084	452	331	783
1917	8162	2315	10477	601	382	983

Источник: Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 336.

Об успехах кооперации в 1917 г. свидетельствует торговый оборот потребительских обществ. Если в 1913 г. он составлял около 250 млн руб., то к 1917 г. в перерасчете на довоенные рубли составил уже 1298 млн руб., т. е. вырос в 5,2 раза¹. Об этом же говорит оборот Сибирского союза маслодельных артелей: в 1917 г. 160 млн руб. Только из-за сбоя работы железнодорожного транспорта Союз несколько снизил объемы вывоза масла в 1917 г. в другие регионы страны².

Российские кооператоры поддержали демократические преобразования в стране после февраля 1917 г. Виднейшие их представители вошли в состав Временного правительства. Например, Министерство продовольствия первого коалиционного правительства возглавил А.В. Пешехонов, а его заместителем (товарищем министра) стал другой авторитетный деятель кооперации В.Н. Зельгейм.

20 марта 1917 г. Временное правительство издало «Положение о кооперативных товариществах и союзах», которым устранялись все преграды на пути образования сельскохозяйственных, потребительских и пр. обществ. 25 марта 1917 г. оно утвердило «Временное положение о местных продовольственных органах», в соответствии с которым кооперации отдавалось предпочтение при заготовке зерна и фуража. В результате с помощью кооперации, обладавшей своими ссыпными пунктами и элеваторами, органам Временного правительства удалось заготовить за 8 месяцев 1917 г. не менее 360 млн пуд. зерна, в то время как за последние 8 месяцев существования царской власти было заготовлено всего на 5 млн пуд. больше³. Деятельность кооперации в данном направлении сдерживало введение хлебной монополии, огосударствление хлеботоргового оборота (запрет залога хлеба законом от 25 марта 1917 г.) и т. п.⁴

¹ Корелин А.П. Указ. соч. С. 348.

² Там же. С. 345.

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 217.

⁴ Там же. С. 219.

Именно российская кооперация выступила инициатором создания в деревне Советов крестьянских депутатов и организационно поддержала созыв I Всероссийского крестьянского съезда. В начале марта 1917 г. на совещании кооперативов льноводов и кредитников в Москве трудовик и народный социалист В.А. Кильчевский заявил о необходимости создания крестьянских Советов¹. Об этом же шла речь на состоявшемся 25–28 марта 1917 г. в Москве Всероссийском съезде кооперативных союзов, где присутствовали почти 800 делегатов. Кооператоры высказались за создание волостных, уездных и губернских Советов крестьянских депутатов во главе с Всероссийским Советом крестьянских депутатов, а также за переход всей земли к трудовому народу и за демократизацию государственного строя России². На проведение I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов кооперацией было ассигновано до 400 тыс. руб.³

Таким образом, в 1917 г. кооперированное крестьянство и российская кооперация в целом поддержала революционные перемены и успешно развивалась.

На основании анализа состояния сельского хозяйства России в 1917 г. можно заключить, что оно находилось в стабильно кризисном состоянии, порожденном войной. Существенных изменений в ту или иную сторону в рассматриваемый период не произошло.

Крестьяне восприняли революцию как конец старым земельным порядкам и законам, стоявшим на страже интересов помещиков и крупных землевладельцев. Они ждали от новой власти немедленного решения своей главной проблемы – справедливого решения земельного вопроса, и т. к. власть не торопилась, крестьянство само приступило к его решению.

Уже в марте 1917 г. по всей стране начались крестьянские выступления, направленные на фактический захват всей частновладельческой земли. Произошло возрождение института общины как организующей силы крестьянского движения⁴. Сельские сходы создавали крестьянские исполнительные комитеты, устраняли действующие органы прежней власти, принимали решения об установлении контроля над всеми частновладельческими землями, инициировали захваты имений и изгнание из них владельцев и управляющего персонала. Можно согласиться с мнением ряда авторов, что это было началом крестьянской «общинной революции»⁵. По неполным данным, в марте 1917 г. произошли 190 крестьянских выступлений в 77 уездах Европейской части страны. Наиболее интенсивно движение развивалось в Центрально-Земледельческом, Центрально-Промышленном и Средневолжском районах. Уже на начальном этапе крестьянского движения наблюдались факты разгромов помещичьих усадеб и насилий над помещиками, как правило, там, где в 1905 г. «проводились экзекуции»⁶. Крестьяне мстили за

¹ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. С. 14.

² Авдеев Н.Н. Указ. соч. С. 125.

³ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. С. 18.

⁴ Першин П.Н. Участковое землепользование в России. М., 1922. С. 36.

⁵ Телицын В.Л. Октябрь 1917 г. и крестьянство: поведенческий императив и хозяйственная обусловленность // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению М., 1998. С. 146.

⁶ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 36.

1905 г. и были настроены более решительно, чем тогда. Наиболее радикальными выступления были с участием солдат-отпускников¹.

В ходе крестьянских выступлений была ликвидирована прежняя сословная система власти. По точному определению министра юстиции А.Ф. Керенского, в апреле 1917 г. старые органы местного управления «исчезли без всякого следа»². Крестьянам хватило двух месяцев, чтобы создать свою «крестьянскую власть» под разными названиями: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля 1917 г. за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов. Они были созданы не менее чем в 15 тыс. волостей России³. Крестьянские органы власти на уровне волостей были беспартийными. Эсеры, создавшие общероссийские, губернские и уездные организации крестьян, не контролировали их деятельность, т. е. не овладели крестьянским движением в самом массовом звене – волостном и сельском⁴. Не смогло поставить его под полный контроль и Временное правительство, образовав на губернском, уездном и волостном уровнях земельные комитеты для решения вопроса о земле, а также создав институт губернских комиссаров.

Основной задачей крестьянских комитетов стало решение земельного вопроса в интересах крестьян, причем безотлагательно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, к чему призывала их новая власть.

В марте–мае 1917 г. под формальным предлогом засева всех земель в условиях военного времени крестьянские комитеты изменили арендные отношения в частновладельческих хозяйствах, прежде всего в крупных помещичьих. Была прекращена выплата аренды или установлен ее минимальный размер. На учет и в ведение крестьянских комитетов были взяты помещичьи земли, леса, луга и выгоны, рабочий скот, сельскохозяйственные машины и инвентарь⁵.

В Сибири, где отсутствовало помещичье землевладение, созданные в течение марта–апреля 1917 г. крестьянские комитеты и сельские сходы принимают решение о свободном пользовании казенными угодьями, захватывают земельные участки и целые лесничества, запрещают продажу казенного или частновладельческого леса, изгоняют крестьянских начальников и лесную стражу⁶. В Иркутской губернии крестьяне конфисковывают церковные земли⁷. Целые уезды отказываются от выполнения повинностей⁸. В Акмолинской области центром крестьянского движения стал Омский уезд, где были сосредоточены частновладельческие земли и куда шел поток переселенцев. Малоземельные крестьяне захватывали угодья частновладельцев и крупных арендаторов казенных и войсковых земель⁹.

¹ *Кострикин В.И.* Указ. соч. С. 188.

² *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 15.

³ Там же. С. 14–15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). С. 10, 12; *Кострикин В.И.* Указ. соч. С. 202–203;

⁶ *Горюшкин Л.М.* Указ. соч. С. 93, 99.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Там же. С. 123.

С наступлением сенокосной поры широкий размах приобрела борьба за луга. По решению крестьянских волостных комитетов все луговые земли частных владельцев передавались крестьянам, отменялись все арендные сделки на луга, за частными владельцами оставалась та часть лугов, которая была необходима для обеспечения их скота сеном. Широкое распространение получили факты самовольного захвата частновладельческих лугов, распределения сенокосов в губерниях Поволжья, Приуралья, Центрально-Промышленного, Белорусского, Северного и других районов¹.

Отдельным направлением выступлений крестьян-общинников стала борьба против столыпинских крестьян. Они требовали не только прекращения землеустроительных работ по выделению на отруба, но и ликвидации вообще отрубного и хуторского землевладения. Уже весной 1917 г. начались захваты отрубных и хуторских земель в большинстве губерний Европейской России, несмотря на призывы и угрозы Временного правительства².

Весной 1917 г. в крестьянском движении преобладали мирные формы. Даже прямые захваты помещичьих земель и лесов в большинстве случаев не сопровождались погромами³. Временное правительство было бессильно остановить крестьянское движение, хотя и пыталось воздействовать на него угрозами и реальным применением силы. В частности, 13 апреля 1917 г. на места был разослан циркуляр Временного правительства, запрещающий разрешение земельного вопроса самим населением. На следующий день правительство подтвердило, что комиссарам на местах предоставлено право подавлять крестьянские выступления силой воинских команд⁴.

Высшей формой политической организации крестьянства в 1917 г. стали крестьянские съезды. Наиболее массово они прошли по всей стране в марте–мае. Как уже отмечалось, инициатива их проведения исходила от кооперации – самой многочисленной и авторитетной организации российского крестьянства, окрепшей в годы войны. Также ее поддержала партия эсеров, позиционирующая себя защитницей крестьян и проводником их интересов во властных структурах. Только в Европейской части России весной 1917 г. состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян, в которых приняли участие тысячи крестьян⁵.

Съезды имели определенную региональную специфику, но суть их решений сводилась к одному – скорейшему разрешению в России аграрного вопроса в интересах трудящегося крестьянства, к фактической передаче земли в руки крестьян до созыва Учредительного собрания. Повсеместным на съездах были лозунги ликвидации частной собственности на землю и бесплатного перехода к крестьянам помещичьих, частновладельческих и церковно-монастырских земель, запрещения всякого рода земельных сделок, уравнительного распределения земли⁶.

¹ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 211–212, 214.

² Там же. С. 37.

³ 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). С. 10, 12.

⁴ Есиков С.А. Указ. соч. С. 53.

⁵ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 19.

⁶ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 40–41.

В районах Сибири при отсутствии помещичьих хозяйств крестьянские съезды декларируют ликвидацию удельного и кабинетского землевладения, собственности государства и частных лиц на землю, леса и водные ресурсы¹.

Также на съездах принимались решения об отмене столыпинских законов об образовании хуторов и отрубов, создании крестьянских органов власти на местах и передачи в их руки земельных преобразований, переселенческого дела и т. д. Крестьяне выступали за установление единого для всех классов и групп прогрессивно-подходящего налога и отмену натуральных повинностей, за введение всеобщего бесплатного образования за счет государства, улучшение медицинского обслуживания и ветеринарного дела². Все съезды, за исключением одного уездного (Шлиссельбургского), выразили политическое доверие Временному правительству, поддержав идею революционного оборончества и созыва Учредительного собрания для окончательного решения вопроса о земле. В то же время они повсеместно высказались за немедленную передачу казенных, удельных, церковных, монастырских и помещичьих земель в руки крестьянских комитетов и Советов³. Подобные действия стали сигналом к легитимизации захватов крестьянами помещичьей и другой частновладельческой земли⁴. Попытки Временного правительства не допустить их не имели успеха.

Камнем преткновения на крестьянских съездах стал вопрос о купчих крестьянских землях. На крестьянских съездах и волостных и сельских сходах ряда губерний, где были распространены в большей степени крепкие хуторские хозяйства и крестьяне имели значительный фонд купчей земли (Симбирская, Ярославская, Пермская, Нижегородская и другие губернии), были приняты решения о выкупе земель мелких и средних владельцев⁵. Но в подавляющем большинстве случаев принимались резолюции, отстаивающие общинный принцип пользования землей, т. е. безвозмездного отчуждения всех земель, в т. ч. и купчих крестьянских⁶.

Главная роль в осуществлении решений крестьянских съездов отводилась земельным комитетам, организация которых началась в губерниях и уездах по постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г. Хотя их основной задачей был сбор статистических сведений о состоянии землевладения и землепользования на местах, большинство земельных комитетов, особенно на волостном уровне, вышли далеко за пределы определенного им правительством круга деятельности и стали орудием крестьянской общины в деле ограничения и ликвидации частновладельческого землевладения. К осени 1917 г. в стране были созданы 45 губернских, 425 уездных земельных комитетов и около 12 тыс. волостных

¹ Дорوفеев М.Ф. Указ. соч. С. 246.

² Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 85.

³ Осипова Т.В. Указ. соч. С. 19. Кострикин В.И. Указ. соч. С. 55–59, 169; Догаева В.П., Шарошкин Н.А. От Февраля к Октябрю // Земля Пензенская. Саратов, 1978. С. 23–24.

⁴ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 170.

⁵ Осипова Т.В. Указ. соч. С. 19.

⁶ Там же.

комитетов (в 80 % волостей)¹. Подавляющее большинство из них действовало в духе постановлений I Всероссийского съезда крестьян², который состоялся в Москве 4–28 мая 1917 г. Он был подготовлен специальным оргбюро, созданным на апрельском совещании представителей губернских Советов крестьянских депутатов десяти центральных губерний страны при содействии Московского союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ и Московского губернского кооперативного комитета³. В работе съезда приняли участие 1353 делегата, представляющих 63 губернии и 8 областей (из 78 губерний и 21 области). 681 делегат представлял действующую армию. По партийной принадлежности свыше 600 делегатов были эсерами, около ста социал-демократами⁴. По точному определению В.М. Лаврова, съезд являлся революционным крестьянско-солдатским представительством⁵.

Первым на съезде был рассмотрен продовольственный вопрос. Съезд признал необходимым установление твердых цен на хлеб и продукты добывающей и обрабатывающей промышленности в соответствии с ценами на хлеб. С целью пресечения спекуляции и наживы хлеботорговцев предлагалось реквизировать по твердым ценам хлебные запасы владельцев, имеющих свыше 50 дес. запашки, а также торговых посредников, купцов и банкиров. Для разрешения продовольственного кризиса предлагалось распределять все продукты первой необходимости для населения по карточкам и т. д.⁶

Основным вопросом на съезде стал земельный вопрос, обсуждавшийся целых 10 дней. На I Всероссийский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г. было привезено 242 наказа о земле, в которых в полной мере была отражена крестьянская позиция по этому важнейшему вопросу⁷.

В ходе жарких дискуссий на съезде выявились две тенденции: левая радикально-общинная, отражавшая настроения деревенских низов и солдат, и правая либерально-реформаторская, отражавшая интересы земельных собственников из крестьян⁸. Представители последней пытались провести решение о необходимости удержания крестьян от захватов и сохранении частновладельческих земель в неприкосновенности до созыва Учредительного собрания⁹. Но в итоге возоблудала первая, и на съезде была принята резолюция о том, что все земли «без исключения, должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и т. п.». Им же предоставлялось право реквизиции и использования на общественных и кооперативных началах всех сельскохозяйственных машин, орудий, лошадей и

¹ Там же. С. 27.

² Там же. С. 27.

³ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. С. 19.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же. С. 39.

⁶ Там же. С. 52–53.

⁷ Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 180–181.

⁸ Осипова Т.В. Указ. соч. С. 21.

⁹ Там же.

пр., а также регулирования всех арендных отношений и контроля за сбором и хранением зерна, проведением в жизнь «запрета купли, продажи, дарения, перехода по завещанию и залога земли до Учредительного собрания»¹.

Одобрение большинства делегатов съезда вызвало выступление на съезде 22 мая 1917 г. лидера большевиков В.И. Ленина, который предложил крестьянским комитетам немедленно взять всю землю в свои руки и бесплатно передать ее крестьянам².

На съезде не получила поддержку идея превращения Крестьянского союза в главный орган народной власти. С ней выступил председатель оргкомитета Всероссийского крестьянского союза С.П. Мазуренко³. Данная идея уже не пользовалась поддержкой у крестьян, поскольку появилась новая форма крестьянской организации – Советы. Их популярность росла в деревне в связи с особой ролью Советов в февральских событиях 1917 г. и активной деятельностью в столице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В результате 16–17 мая 1917 г. съезд принял «Положение о Советах крестьянских депутатов». В их задачи входили: «а) выяснение земельного вопроса и проведение в жизнь тех мероприятий, которые смогут быть осуществляемы до Учредительного Собрания; б) подготовка крестьянства к Учредительному Собранию; в) контроль над действиями органов власти и наблюдение, чтобы они не отступали от демократических (народно-трудовых) начал; г) представительство интересов крестьянства во всякого рода правительственных и общественных организациях»⁴.

К 15 июля 1917 г. Советы крестьянских депутатов были организованы в 50 губерниях и 371 уезде. В них вошло большинство организаций Крестьянского союза, который фактически прекратил свою деятельность из-за потери поддержки со стороны крестьян⁵. Этот факт стал очевидным после провала состоявшегося в Москве 31 июля – 6 августа 1917 г. съезда Всероссийского крестьянского союза, который покинуло более половины его делегатов, обвинивших руководителей съезда в подрыве крестьянского единства⁶.

В 1917 г. фазы крестьянского движения определялись циклом сельскохозяйственных работ, которые в период их пика сдерживали революционный напор. Так было летом в период уборочной кампании. Но в конце августа 1917 г. крестьянское движение вновь активизировалось и осенью достигло своей кульминации, перейдя в фазу всеобщего крестьянского восстания. Оно стало результатом предшествующего развития крестьянского движения, его организованных и стихийных форм. Особую решимость ему придали решения I Всероссийского крестьянского съезда и региональных съездов, однозначно высказавшихся за передачу земли крестьянам. Также осенью крестьянам стал очевиден факт бездействия и слабости Временного правительства, затянувшего решение вопроса о земле. Свою

¹ Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 154–156.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 169–171.

³ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. С. 69–70.

⁴ Там же. С. 63–64.

⁵ Осипова Т.В. Указ. соч. С. 24.

⁶ Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России. С. 70.

роль сыграл и солдатский фактор: переход на сторону крестьянства местных гарнизонов и активное участие в аграрных беспорядках солдат-фронтовиков, массами возвращающихся домой осенью 1917 г.¹ У Временного правительства не было сил для борьбы с крестьянским движением, и крестьяне это отлично понимали.

Крестьянское восстание осенью 1917 г. стало одним из крупнейших проявлений общенационального кризиса в стране, кризиса существующей власти². Основным его содержанием были захваты и разгромы помещичьих и крупных частновладельческих имений, нередко с применением насилия в отношении их хозяев и обслуживающего персонала. Наиболее активное участие в них принимали беднейшие слои деревни и середняки. Они же решительно выступали против крестьянского частного землевладения, столыпинских крестьян – выделенцев из общины.

Имеющаяся в распоряжении исследователей статистика свидетельствует, что если в июле–августе 1917 г. в губерниях Европейской части страны произошли 2214 крестьянских выступлений против 1718 выступлений в мае–июне, то с 1 сентября по 20 октября их было свыше 5 тыс. Основная масса выступлений приходилась на районы помещичьего землевладения – черноземный центр, Среднее Поволжье и Украину, а также Белоруссию, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и Московскую губернии³.

Существовали региональные особенности крестьянского движения в период его кульминации. Например, на Украине наиболее широких масштабов захваты помещичьих имений приобрели в юго-западных губерниях (Подольская, Киевская, Волынская и др.), где особенно остро ощущались малоземелье, засилье помещиков и близость фронта. На Левобережной Украине крестьянское движение активизировалось намного позже, уже после большевистской революции 1917 г. Здесь помещики, священники и зажиточные крестьяне поддерживали украинское национальное движение. В Южнестепной Украине (Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская губернии) крестьянское движение было наименее интенсивным и направлено против зажиточных крестьян и отрубщиков⁴.

В Сибири ситуация была несколько иной. К осени 1917 г. крестьяне уже захватили значительную часть земель и лесов и тем самым «утолили острый земельно-лесной голод». Поэтому порубки леса и запреты крестьян частным владельцам, монастырям и другим использовать землю и лес становятся менее интенсивными и массовыми⁵. В то же время в данный период в Сибири резко усилилось крестьянское движение против продовольственной политики Временного правительства.

¹ *Кострикин В.И.* Указ. соч. С. 276–277.

² *Оситова Т.В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. С. 224.

³ Там же. С. 225–226; *Она же.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 52; *Пасичная Ю.Г.* Отношения Временного правительства к крестьянскому движению в марте – октябре 1917 г. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века: сборник статей / отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. С. 279–280.

⁴ *Першин П.Н.* Указ. соч. С. 425; 1917 год в деревне (воспоминания крестьян). С. 114, 214; *Ковалева Н.А.* Указ. соч. С. 267.

⁵ *Горюшкин Л.М.* Указ. соч. С. 131.

В конце августа 1917 г. оно повысило цены на хлеб, что и вызвало недовольство беднейших слоев¹.

Особенностью крестьянского движения в Сибири осенью 1917 г. была активизация межсословных столкновений среди сельских жителей Сибири и Дальнего Востока. Очагами крупных конфликтов из-за земли и угодий между казаками и киргизами (казахами) стали Степной край, между крестьянами, казаками и хакасами – юг Енисейской губернии, между старожилами и бурятами – Забайкалье, между казаками и крестьянами, с одной стороны, и корейцами и китайцами, с другой, – Приамурье и Приморье. Противостояние происходило и по линиям переселенцы – старожилы, приписанные – неприписанные, земледельцы – скотоводы, арендодатели – арендаторы, демобилизованные солдаты – не служившие крестьяне². Например, переселенцы настаивали на переводворении их на удобные земли, издавна занятые старожилами, крестьяне травили посевы и жгли сено в казачьих селениях. В результате в Енисейской губернии осенью 1917 г. произошло объединение казачьих и инородческих земельных комитетов для противодействия крестьянам, также опиравшихся на свои земельные комитеты³.

Среди регионов Европейской России осенью 1917 г. особо выделилась Тамбовская губерния. Ее с полным основанием можно назвать колыбелью крестьянской общинной революции. Именно там по решению исполкома губернского Совета крестьянских депутатов 13 сентября 1917 г. было принято Распоряжение № 3, ликвидировавшее в губернии на законодательном уровне до ленинского декрета о земле помещичье землевладение и частную собственность на землю. В соответствии с ним все частновладельческие земли в Тамбовской губернии перешли в ведение земельных комитетов для их последующего распределения между крестьянами по уравнительной норме⁴.

Осенью 1917 г. в подавляющем большинстве регионов России было ликвидировано крестьянское частное землевладение. Погромы хуторян, отрубников, крестьян-собственников особо широкий размах приняли в Поволжье и Центрально-Земледельческом районе⁵. Попытки столыпинских крестьян и помещиков противостоять крестьянским захватам с помощью объединения в союзы земельных собственников и самообороны оказались безуспешными ввиду неравенства сил⁶. Также не были успешны и их призывы к Временному правительству и губернской власти о подавлении аграрных беспорядков воинской силой (присылка войск и введение военного положения). Хотя осенью 1917 г. в центральных губерниях военная сила и применялась против крестьян (112 раз), но у действующей власти не было столько надежных частей, чтобы погасить пожар крестьянской

¹ Горюшкин Л.М. Указ. соч. С. 133.

² Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. С. 45.

³ Там же. С. 45, 53.

⁴ Есиков С.А. Указ. соч. С. 56.

⁵ Оситова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 54; Кострикин В.И. Указ. соч. С. 312.

⁶ Кострикин В.И. Указ. соч. С. 240–241.

революции, в которой участвовало подавляющее большинство крестьян, в т. ч. и одетых в солдатские шинели¹.

В конечном итоге к моменту большевистского переворота в Петрограде земельный вопрос в России был решен так, как этого желало общинное крестьянство. Об этом оно заявило в полный голос на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 г. Крестьяне проголосовали за землю, т. е. за те партии, которые согласились с итогами их крестьянской революции и готовы были подтвердить данный факт в Учредительном собрании².

В дальнейшем после захвата власти большевиками советская власть утвердит итоги крестьянской общинной революции Декретом о земле и Основным законом о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. При этом следует учесть, что только в районах бывшего помещичьего землевладения, как правило, в Европейской части России, произойдет успокоение деревни в вопросе о земле. В Сибири, на Северном Кавказе и Украине он будет решаться в ходе ожесточенной гражданской войны, в которой столкнутся интересы различных групп сельского населения данных регионов (крестьян и казаков, русских и инородцев и т. д.).

Важным вопросом является вопрос о причинах неспособности Временного правительства справиться с крестьянским движением и умиротворить деревню. Известные исследователям факты говорят о том, что Временное правительство предприняло решительные меры по борьбе с крестьянским движением. Одновременно оно разрабатывало законопроекты, способные, по его мнению, полностью удовлетворить крестьян в главном для них вопросе – вопросе о земле.

По нашим подсчетам, в марте–октябре 1917 г. Временное правительство издало около 30 специальных постановлений, направленных на успокоение деревни. Их суть сводилась к призывам остановить захваты частновладельческих земель до созыва Учредительного собрания и угрозам применения силы за участие в аграрных беспорядках. Также Временное правительство стремилось всячески ограничить полномочия земельных комитетов в земельном вопросе, рассматривая даже возможность их законодательного роспуска. В аграрной политике революционной власти четко просматривалось стремление сохранить экономически дееспособные частные хозяйства и обеспечить их владельцам защиту от крестьянских действий³.

¹ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 54–55; *Шестаков А.В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 года. С. 17.

² *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 224–226.

³ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. С. 43; Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта. 23 апреля; Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Пг., 1917. № 88–89; *Кострикин В.И.* Указ. соч. С. 223–255; *Литошенко Л.Н.* Указ. соч. С. 15–17; *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 17–18, 28–29, 56, 57; *Пасичная Ю.Г.* Указ. соч. С. 279–282; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 311–318; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. С. 245; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. С. 201–203, 230–231, 503; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. I. Ч. I. С. 151–160; *Телицын В.Л.* Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. С. 168–169; Труды по подготовке земельной реформы. Вып. 3. Пг.,

Как уже было сказано, одновременно Временное правительство и поддерживавшие его политические партии разрабатывали законопроекты по решению земельного вопроса. Своеобразным мозговым центром разработки теоретических основ земельной реформы стала Лига аграрных реформ (ЛАР), созданная в апреле 1917 г. В ее состав вошли представители Вольного экономического общества, Московского общества сельского хозяйства, Всероссийского земского союза и ряда других общественных и научно-исследовательских объединений. Кроме того, земельная реформа обсуждалась в Главном земельном комитете (ГЗК), также начавшем свою работу в апреле 1917 г. по решению Временного правительства. В перечисленных органах были сосредоточены лучшие интеллектуальные силы страны, представители основных политических сил, за исключением партии большевиков.

В своей работе они сразу же столкнулись с бюрократической волокитой и другими препонами, во многом обусловленными разными подходами членов ЛАР и ГЗК к содержанию земельной реформы из-за их различных политических пристрастий¹. Именно по этой причине принцип коалиции политических сил даже на условиях компромисса в аграрной политике не оправдался², поскольку кадеты выступали за компенсацию землевладельцам отчуждаемой в пользу крестьян земли и сохранение крупных образцово-показательных хозяйств, эсеры за социализацию земли, меньшевики за ее муниципализацию (передачу в распоряжение муниципальных властей) и т. д.³ В результате Временному правительству так и не удалось не только осуществить, но даже выработать четкую программу аграрной реформы. Моментом истины был и факт нежелания всех составов Временного правительства прислушаться к голосу крестьянства, понять причины его нетерпения и революционного напора.

Первостепенной задачей сельского хозяйства и его тружеников всегда было и есть обеспечение населения продовольствием в необходимых размерах для нормальной жизнедеятельности. Царский режим пал под бременем нерешенной проблемы снабжения столицы и городов хлебом и другими продовольственными товарами. Она досталась по наследству и новой власти, и казалось, что ей хватит

1917. С. 16, 17; *Хитрина Н.Е.* Указ. соч. С. 374–375; *Шестаков А.В.* Большевики и крестьянство в революции 1917 года. С. 17; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. III. С. 235, 242, 250, 251, 263–273, 401, 406.

¹ *Хитрина Н.Е.* Указ. соч. С. 373.

² Там же.

³ Там же. С. 373, 374, 374, 377–379; *Бруцкус Б.Д.* К современному положению аграрно-го вопроса. Пг., 1917. С. 15; *Кабанов В.В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37; *Куреньшев А.А.* Указ. соч. С. 244, 247, 248–250, 253, 254–256; *Лавров В.М.* Указ. соч. С. 47, 87–88; *Маслов С.Л.* Указ. соч. С. 1–4; *Мороховец Е.А.* Указ. соч. С. 145; Позиции основных политических партий в начале XX в. С. 95–103; *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 30–39, 57; *Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 235–238; *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. С. 59; *Телицын В.Л.* Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика. С. 169–171, 173–174; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. III. С. 209, 241–242, 263–273, 409–411.

сил, чтобы ее решить в кратчайшие сроки и с минимальными потерями, поскольку хлеб в стране был и сельское хозяйство успешно функционировало, несмотря на серьезные проблемы военного времени.

Как уже отмечалось, запасов хлеба от прежних урожаев и полученного нового вполне хватало, чтобы накормить и армию, и города, а также обеспечить минимальные потребности сельского населения¹. В то же время перед Временным правительством стоял ряд задач технического и политического характера, которые необходимо было решить, чтобы достигнуть указанной цели.

Например, географическое распределение урожая 1917 г. было неблагоприятным и характеризовалось сосредоточением основной массы товарного хлеба в отдаленных от центра регионах страны. Его запасы были распределены неравномерно: наибольшие (73 %) в окраинных районах (на Сев. Кавказе, в Херсонской, Таврической, Бессарабской, Екатеринославской губерниях, в Области Войска Донского и Зап. Сибири), остальные в губерниях промышленного и земледельческого Центра и Поволжья. В результате в Европейской России (без Сев. Кавказа и украинских губерний) не хватало почти 200 млн пуд. хлеба. Их следовало завезти туда с окраинных территорий. По подсчетам специалистов, запасы хлеба, имевшиеся в распоряжении государственных органов на 1 марта 1917 г., сократились до критического минимума: их осталось всего 20 млн пуд. при ежемесячном потреблении армией и населением промышленных центров более 90 млн пуд.² При том, что в стране имелись крупные запасы хлеба, которыми можно было обеспечить не только армию, но и гражданское население. Следовательно, важнейшим вопросом был вопрос о своевременной организации перевозки продовольственных грузов из хлебопроизводящих районов страны.

Еще более трудной задачей являлась организация принудительного изъятия хлеба у его держателей. А основным из них был зажиточный крестьянин – кулак, который в 1917 г. заменил собой прежнего помещика, разоренного в ходе крестьянской общинной революции. В то же время и помещик до осени 1917 г. оставался весомой фигурой на хлебном рынке страны: объем товарного хлеба помещичьих хозяйств составлял тогда не менее 200 млн пуд.³

В 1917 г., опасаясь потери земли и имущества, помещики сокращали расходы хлеба на производственные нужды и скрывали его от заготовителей. Кроме того, у них имелись крупные запасы старого хлеба, в т. ч. необмолоченного⁴.

Но главным держателем хлеба в 1917 г. было зажиточное крестьянство – кулачество. Если до войны на его долю приходилось около $\frac{2}{3}$ всего крестьянского товарного хлеба, то за годы войны она еще больше возросла. В зажиточных крестьянских хозяйствах накопились огромные запасы хлеба, которые еще больше увеличились в 1917 г. По данным продовольственных комитетов Временного правительства и крестьянских Советов, в первый революционный год запасы хлеба и продуктов имелись лишь в тех крестьянских хозяйствах, землепользование

¹ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 309, 346–347.

² Волобуев П.В. Указ. соч. С. 21.

³ Анфимов А.М. Указ. соч. С. 300; Волобуев П.В. Указ. соч. С. 388.

⁴ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 388.

которых составляло 30 дес. и выше¹. В 1917 г. они были обладателями более половины товарных излишков урожая этого года². Бестоварье, обесценение денег и расстройство товарообмена с городом превратили хлеб в самую ценную валюту для зажиточных крестьян, как правило, сосредоточенных в губерниях товарного зернового производства (Украина, Сев. Кавказ, Поволжье, Сибирь и некоторые губернии Черноземного центра – Тамбовская, Курская, Воронежская).

Зажиточные крестьяне и крупные землевладельцы придерживали хлеб и ждали повышения на него цен как на свободном рынке, так и в сфере государственных закупок. О том, что это был чисто прагматичный, коммерческий расчет, основанный на реакции участника рынка на ценовую политику государства, свидетельствует динамика роста цен в 1917 г. на хлеб и промышленные товары. По данным Н.Д. Кондратьева, по 15 губерниям Европейской России осенью 1917 г. цены были выше осенних цен 1914 г. ржи на 1844 %, овса – на 1463 %. Цены на ситец в августе–ноябре 1917 г. в Москве были на 1592 % выше уровня 1914 г., цены на сапоги – на 1000, кровельное железо – на 618, проволоку (до 6 мм и шире) – на 1225, чай (байховый) – на 646 %. Таким образом, в 1917 г. хлебные вольные цены росли быстрее, чем рыночные цены на предметы промышленности. Только цены на мануфактуру росли так же стремительно, как и на хлеб. При этом следует подчеркнуть, чем твердые цены на хлеб в большинстве случаев были ниже местных рыночных цен соответствующего времени. Хлеб превратился в один из самых дорогих продуктов³. Обратной стороной такой ситуации была растущая дороговизна хлеба для беднейших слоев крестьянства и городского населения⁴. Переломить ее могла лишь жесткая и эффективная продовольственная политика государства.

Временное правительство попыталось проводить ее с момента своего образования, осознавая всю глубину продовольственного кризиса в стране. Оно пошло по пути установления твердых цен на хлеб, реквизиций его излишков у крупных земельных собственников и хлеботорговцев, запрета свободного вывоза хлеба. Уже 2 марта 1917 г. Продовольственная комиссия Временного комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов направила на места предписание о реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 дес., а также о реквизиции запасов хлеба у торговых предприятий и банков⁵.

25 марта 1917 г. Временным правительством был принят закон «О передаче хлеба в распоряжение государства», подтвердивший государственную хлебную монополию. Статья первая гласила: «Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего урожая 1917 г., за вычетом запаса... необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает, со времени взятия хлеба на учет... в распоряжение государства и может быть отчуждаемо лишь при посредстве государственных продовольственных

¹ *Волбуев П.В.* Указ. соч. С. 388.

² Там же.

³ *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 155.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 206.

органов»¹. Третья и четвертая статьи закона устанавливали для сдатчиков хлеба минимум хлебных запасов, оставляемых им после выполнения разверстки для обсеменения полей, прокормления и хозяйственных надобностей. Отчуждаемый в распоряжение государства хлеб подлежал равномерному распределению среди потребителей по особым продажным ценам, которые устанавливались в соответствии с твердыми ценами в местах закупок с прибавлением необходимых накладных расходов. Закон запрещал залог хлеба и другие подобные операции свободной торговли. Для осуществления закона Временным правительством было издано «Временное положение о местных продовольственных органах». На местах создавались губернские, уездные, городские, волостные и районные продовольственные комитеты².

По логике вещей, одновременно с данным законом Временному правительству следовало принять закон о государственном регулировании других жизненно важных отраслей экономики, прежде всего связанных с производством нужных селу промышленных товаров и предметов первой необходимости. Но этого не случилось. Промышленные изделия обращались на свободном рынке по свободным ценам. Твердые цены на хлеб оказались ниже рыночных и не повышались вплоть до осени 1917 г.³

В начальный период хлебозаготовок, по свидетельствам современников, пуд хлеба по «твердой цене» равнялся одной подкове или полуаршину плохого ситца, или полфунту гвоздей, если удавалось найти этот товар на рынке. Вполне естественно, что крестьяне стали воспринимать такую хлебную монополию как меру, ведущую к хозяйственному разорению. У них пропал стимул к отчуждению хлеба, ибо рынок не давал им эквивалентного обмена промышленных товаров на продукты питания, заставляя идти по пути «бартерного обмена». В результате в 1917 г. многие зажиточные крестьяне сменили лапти на интендантские сапоги, а их привычный рацион пополнился белым хлебом, маслом, мясными продуктами⁴.

Россия вступила в полосу революции при крайне несовершенном, местном продовольственном аппарате, который наспех создавался в чрезвычайно сложных условиях. Как видно из последующих событий, ему так и не удалось решить важнейшую проблему – произвести учет излишков хлеба в 18,8 млн хозяйств с целью их отчуждения. Население не позволило этого сделать, а у Временного правительства не хватило на это сил. В такой ситуации, чтобы добиться успеха в хлебозаготовках, ему необходимо было чем-то мотивировать крестьян, а также действовать решительно при изъятии хлеба у недобросовестных держателей. Ни того, ни другого Временному правительству осуществить не удалось. Хлебозаготовки 1917 г. были сорваны, продовольственный кризис в стране сохранился, а в ряде регионов даже обострился. На неудачи хлебозаготовительной кампании 1917 г. указывают данные табл. 18, 19.

¹ Закон «О передаче хлеба в распоряжение государства». Пг., 1917.

² Временное положение о местных продовольственных органах. Пг., 1917; *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 177.

³ *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 261.

⁴ *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 309–310.

Таблица 18

Фактический ход заготовок в годы Первой мировой войны (млн пуд.)

Кампания	Продовольствие		Крупяные		Кормовые		Все хлеба	
	млн пуд.	% к заданию	млн пуд.	% к заданию	млн пуд.	% к заданию	млн пуд.	% к заданию
1914/15 г.	106,1	168,3	14,0	127,2	182,6	116,3	302,7	131,1
1915/16 г.	233,0	253,2	34,0	242,9	233,0	98,3	500,0	145,8
1916/17 г.	303,9	53,7	51,0	58,0	185,9	41,0	540,8	48,2
1917/18 г.	106,3	38,7	6,3	19,6	40,1	9,7	152,6	21,2

Источник: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 228.

Таблица 19

Проценты выполнения заданий по месяцам в 1917 г.

	Заготовлено всех хлебов, тыс. пуд.	Заготовка % к месячному заданию
Январь	57000	77,0
Февраль	41000	61,5
Март	69000	98,2
Апрель	30000	38,3
Май	77000	87,8
Июнь	62000	111,6
Июль	28000	56,7
Август	19759	16,9
Сентябрь	46730	31,3
Октябрь	27381	19,0
Ноябрь	39125	37,5
Декабрь	8329	6,9

Источник: Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 231.

Из табл. 19 хорошо видно, что падение темпов хлебозаготовок в 1917 г. произошло с началом уборки урожая и в осенние месяцы, когда крестьянские выступления достигли своей кульминации. В этот период крестьяне сплошь и рядом отказывались отдавать государству хлеб по твердой цене. Нередко свои поступки они объясняли «идейными» соображениями – несогласием с действиями «буржуазного» Временного правительства и своей солидарностью с большевиками. Или же крестьяне заявляли: «Армии дадим, а городу не желаем». При этом волостные продовольственные комитеты, которые находились ближе всего к народу, недовольному политикой Временного правительства, нередко высказывались против нее и по существу противодействовали осуществлению хлебной монополии. В этом же ряду находится позиция крестьянских комитетов и Советов, заявлявших крестьянам о буржуйской направленности продовольственной политики действующей власти.

Таким образом, крестьянское движение – это важнейшая причина срыва хлебозаготовок в 1917 г.

Но наряду с ней были и другие, связанные с конкретной деятельностью Временного правительства и его продовольственных органов. Например, можно с уверенностью заключить, что Временному правительству так и не удалось организовать снабжение деревни промышленными товарами по твердым ценам и в необходимых объемах, о чем было заявлено 28 марта 1917 г. в специальном постановлении¹. Осталось на бумаге и другое его постановление на эту тему: от 7 июля 1917 г. «О приступе к организации снабжения населения тканями, обувью, керосином, мылом и другими продуктами и изделиями первой необходимости»². Из-за бюрократической волокиты и нежелания ущемлять интересы заводчиков невыгодной для них ценовой политикой в лучшем случае деревня стала бы получать нитки, обувь, мыло, керосин, спички и другие предметы первой необходимости к концу 1917 г.³ В то же время объективности ради следует отметить, что неудача в снабжении сельского населения промышленными товарами в значительной степени объяснялась их недостатком из-за падения темпов промышленного производства в годы войны.

Именно по этой причине местные продовольственные комитеты не могли предложить крестьянам выгодный товарообмен. Более того, нередко они испытывали нехватку всего, что было необходимо для хлебозаготовок. Например, не хватало даже мешков – вместо необходимых 200 тыс. на складах имелись 120 тыс. Осенью 1917 г. обнаружился серьезный перебой с поступлением в кассы продовольственных управ денег, предназначенных для расчетов со сдатчиками зерна. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда члены безденежных управ были заинтересованы в том, чтобы земледельцы привозили им как можно меньше хлеба. В отдельных местностях в ожидании расплаты за сданные государству продукты крестьяне целыми днями жили рядом со ссыпными пунктами, создавая таборы. Поэтому вполне закономерно, что после таких мытарств они предпочитали гнать из хлеба самогон, пускать его на корм скоту или продавать мешочникам, которые не знали проблемы нехватки мешков и денег⁴.

На ход централизованных хлебозаготовок на местах негативно влияла деятельность частных хлебных фирм, скупавших хлеб с целью его коммерческой реализации в голодающих городах и губерниях. Например, в Н. Новгороде при губернском продовольственном комитете была создана огромная закупочная организация с участием крупнейших мукомольных хлебных фирм, с опытными закупщиками, средствами, поставившая на 25 пристанях 40 готовых барж, чтобы сплавить их водой в голодающие губернии округа. Огромное закупочное объединение в 16 губерниях вокруг Москвы организовал известный промышленник П.П. Рябушинский⁵.

Еще одной причиной неэффективности хлебозаготовок в 1917 г. были неотрегулированные взаимоотношения в деле заготовок между производителями и потребляющими губерниями. Обострение продовольственного кризиса стимулировало

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Там же.

⁴ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 19.

⁵ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. С. 347–348.

в потребляющих губерниях и на фронте стремление к самостоятельным заготовкам в хлебопроизводящих губерниях. Но Временное правительство циркулярным распоряжением от 5 мая 1917 г. установило такую процедуру, по которой агенты потребляющих губерний не могли свободно закупать хлеб, не заручившись официальным разрешением продорганов производящих губерний. Это существенно сдерживало их деятельность по закупкам хлеба¹.

Более того, хлебная монополия обострила межрегиональные противоречия. Появился т. н. сепаратизм в хлебном деле. В хлебопотребляющих губерниях местные продовольственные комитеты, заинтересованные во ввозе хлеба, выступали за либерализацию торговли и отмену твердых цен. В то же самое время продорганы хлебопроизводящих губерний в целях создания крупных запасов хлеба для его реализации на вольном рынке и по более высоким твердым ценам старались прекратить вывоз хлеба за пределы этих территорий².

В целом хлебозаготовительная кампания 1917 г. была провалена. По данным Н.Д. Кондратьева, в 1917 г. государство удовлетворило своими силами потребность населения в хлебе лишь на половину или на одну треть, Это было ниже даже минимальной нормы потребления³. Именно поэтому в стране бушевал вольный нелегальный рынок хлеба, самым ярким проявлением которого было мешочничество⁴. Побороть его запретительными мерами и заградительными кордонами Временному правительству не удалось⁵.

Глава 3. ТРАНСПОРТ В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г.

(А.С. Сенин)

3.1. «Расстройство транспорта»

Несмотря на признание большинством российских историков «расстройства транспорта» одним из определяющих факторов нарастания общенационального кризиса в России, состоянию этой отрасли народного хозяйства в 1917 г. до сих пор не посвящено ни одного специального исследования. Сведения о транспортной инфраструктуре, в основном железнодорожном транспорте, как правило, содержатся в отраслевых исторических исследованиях, в книгах по истории революционного движения либо в монографиях по экономической истории России. Например, месту и роли железнодорожного транспорта в революционном 1917 г. посвящена глава в коллективном исследовании «История железнодорож-

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 220.

² Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 22–23.

³ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 307.

⁴ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 23–34.

⁵ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 212, 308.

ного транспорта России, XIX–XXI вв.»¹. Анализ состояния железных дорог опирается на свидетельства очевидцев и участников Февральской и Октябрьской революций, документы фондов учреждений МПС в РГИА. Авторы приходят к выводу о том, что Временному правительству не удалось стабилизировать положение на железных дорогах, равно как и на других видах транспорта².

Оценки влияния транспортного кризиса на социально-экономическое состояние страны не изменились за последние десятилетия. В 1962 г. П.В. Волобуев в исследовании, посвященном экономической политике Временного правительства, писал: «Чем больше приходил в упадок транспорт, тем ошутительнее становились голод, металлический и топливный кризис»³. В 2016 г. Т.М. Китанина указала на тяжелое состояние подвижного состава, устаревшего «и технически, и морально», что «приводило к бесчисленным нарушениям графиков доставки грузов, нередко выполняемых лишь частично», и «явилось одной из решающих причин экономического кризиса»⁴. Некоторые сведения об экономике и эксплуатации железных дорог в 1917 г. содержатся в нашей монографии об истории ведомства путей сообщения и разделе о положении транспорта в коллективной монографии о России в годы Первой мировой войны⁵. Однако тема «транспорт и революция» нуждается в более детальном рассмотрении.

* * *

Основным перевозчиком грузов и пассажиров в годы Первой мировой войны оставался железнодорожный транспорт. Протяженность железнодорожной сети к концу 1916 г. достигла 72,3 тыс. верст (в т. ч. 45,5 тыс. казенных железных дорог и 26,8 тыс. частных)⁶. Особое совещание под председательством товарища министра путей сообщения И.Н. Борисова в 1916 г. разработало пятилетний план железнодорожного строительства. В 1917–1922 гг. предстояло построить примерно 35 тыс. верст новых линий. Совет министров одобрил финансирование этого плана из расчета 600 млн руб. ежегодно (всего 3 млрд руб.)⁷. В 1916 г. приступили к сооружению 1148 верст казенных железных дорог и 1250 верст частных железных дорог. Всего к концу 1916 г. в постройке находилось 12 574 верст железнодорож-

¹ История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. / под ред. Е.И. Пивовара. М., 2012.

² Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны. М.; СПб., 2014; Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995; *Гранков Л.М.* Русское судоходство. История и современность. В 3 т. М., 2004–2013.

³ *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 202.

⁴ *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. СПб., 2016. С. 308.

⁵ *Сенин А.С.* Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд. М., 2009; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 352–378.

⁶ Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. М., 2002. С. 89, 91; Пути сообщения России. 1917. № 1. С. 9. В это число верст не вошли Китайско-Восточная железная дорога и железные дороги Великого княжества Финляндского.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 229. Оп. 3. Д. 915. Л. 7.

ных линий¹. МПС и частные общества формировали исследовательские партии для изучения трасс будущих железных дорог. Так, на инженера И.И. Мрозовского было возложено окончание работ по исследованию мостового перехода через Керченский пролив проектируемой магистрали от Умани до Туапсе².

За годы войны существенно сократился подвижной состав. Количество паровозов уменьшилось на 3234 единицы, вагонов – на 76 130³. Действующий рабочий парк использовался не рационально. Уже к 1 января 1915 г. 19 тыс. вагонов не вернулись с театра военных действий, поскольку их приспособили под склады на колесах. Вагоны массово использовались под санитарные поезда, поезда-бани, поезда-прачечные, поезда-столовые, для бронепоездов и т. п. Дополнительная нагрузка на железные дороги легла, по словам начальника военных сообщений при Ставке Верховного главнокомандующего генерал-майора С. А. Ронжина, потому что «у нас было ничтожное сравнительно с потребностью число грузовых автомобилей и очень малое количество переносных железных дорог». Немало затруднений вызвала перевозка в живом виде скота для довольствия людей мясом, не говоря о таких проблемах, как организация в пути кормежки и водопоя; вагон при такой перевозке использовался всего на 10 % своей грузоподъемности. Попытки организовать доставку мяса на фронт в вагонах-холодильниках успехом не увенчались⁴. В результате повышенной эксплуатации подвижного состава с каждым годом войны росло число т. н. «больных» паровозов и вагонов. В начале 1917 г. требовали ремонта примерно 3,4 тыс. паровозов и 25 тыс. вагонов⁵.

Из-за перевода промышленности на выпуск военной продукции отечественные предприятия стали отказываться выполнять заказы ведомства путей сообщения как менее выгодные. Министерство путей сообщения (МПС) было вынуждено уже в 1915 г. разместить заказы на подвижной состав за рубежом. Например, американские предприятия согласились поставить в Россию 13 160 четырехосных вагонов большой грузоподъемности и 400 паровозов типа 1-5-0 «Декапод». Их сборка осуществлялась в мастерских Владивостока и Харбина. Мощные американские паровозы в первую очередь были направлены на Пермскую, Самаро-Златоустовскую и Северные железные дороги. Американские полувагоны грузоподъемностью в 50 т были переданы на Екатеринбургскую, Пермскую, Привисленские, Томскую и Южные железные дороги. В США российское правительство так же разместило заказ на 26,5 млн пуд. рельс.

В годы войны существенно изменилась логистика перевозок. Импортные грузы из стран-союзниц России направлялись в Архангельск и Владивосток. Но эти порты связывали с центральной Россией однопутные магистрали с малой про-

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 414. Л. 176.

² Там же. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1424. Л. 57.

³ Сидоров А.Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. 26. М., 1948. С. 40.

⁴ Ронжин С.А. Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны) // Новый исторический вестник. 2013. № 4. С. 117.

⁵ Гальперина Б.Д. Обзор состояния железнодорожного и водного транспорта к августу 1917 г. // Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 297.

пускной способностью, а в порт на Белом море вела узкоколейная дорога, которую перешли на широкую колею только в 1915 г. Чтобы провести один состав из Владивостока в Петроград и обратно требовалось 120 паровозов, что делало доставку грузов с тихоокеанского побережья поистине «золотой»¹. Большим успехом железнодорожных строителей стало сооружение и открытие рабочего движения на Мурманской железной дороге и завершение строительства Алексеевского железнодорожного моста через Амур, сделавшим возможным перевозку грузов из Владивостока в европейскую часть страны исключительно по территории Российской империи². Отвечая критикам ведомства путей сообщения, министр путей сообщения А.Ф. Трепов писал, что техническое оснащение железнодорожной сети страны «не только никогда не производилось в расчете на потребности войны, особенно такой тяжелой и затяжной, как настоящая, но постоянно отставало и от требований жизни в мирное время»³.

Серьезной проблемой для железнодорожников стало низкое качество угля, да и его хронически не хватало. До войны уголь для железных дорог поступал по долгосрочным контрактам из Донбасса, Домбровского района Польши и Англии. Домбровский район был утрачен после оставления русской армией польских территорий, поставки из Англии сократились в несколько раз, а Донбасс не справлялся с отгрузкой угля всем своим потребителям. К тому же в этом регионе также начался процесс падения добычи угля. В феврале 1917 г. было вывезено всего 89 млн пуд. донецкого угля вместо ожидаемых 110–120 млн пуд. В результате на некоторых железных дорогах остался 2–3-дневный запас твердого топлива и «его брали где попало»⁴. Последний министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер отметил в своем докладе царю: «В дальнейшем почти все прежние поставки отказались от поставок: ни новых крупных закупок, ни контрактов на поставки железным дорогам совершать не удавалось вследствие постоянно возрастающих требований поставщиков и явного предпочтения их продавать уголь другим потребителям, а не железным дорогам, особенно казенным»⁵.

Много неприятных сюрпризов преподнесла железнодорожникам зима 1916/17 г. Уже в декабре на дорогах Сибири свирепствовали 45-градусные морозы, сопровождавшиеся сильными метелями и заносами, вызвавшими на ряде дорог полное прекращение движения. Из-за снегопадов тогда же на дорогах южного и юго-восточного направлений застряло в снегу свыше 50 тыс. груженых вагонов. В январе и феврале 1917 г. ситуация на дорогах существенно не улучшилась, что привело к сокращению перевозок на фронт пополнения и части интендантских грузов. На южных дорогах империи МПС было вынуждено сократить движение пассажирских поездов. 23–25 февраля на Московско-Курской железной дороге из-за метелей и снежных заносов движение поездов было остановлено.

¹ Ронжин С.А. Железные дороги в военное время. С. 99.

² Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 350–352.

³ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1626. Л. 202.

⁴ Стенографический отчет заседания Экономического совета [21 июля] при Временном правительстве. Пг., 1917. С. 23.

⁵ О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны. Пг., 1917. С. 8.

Автомобильный и гужевой транспорт выполнял в годы Первой мировой войны в перевозках грузов для действующей армии и крупных промышленных центров исключительно вспомогательную роль. В канун войны в России насчитывалось около 9 тыс. автомобилей разных типов, в т. ч. немногим более 1,5 тыс. грузовых, что, конечно, ничтожно мало. 24 июня 1914 г. правительство приняло программу, направленную на развитие этого вида транспорта. В отсутствие отечественной автомобильной промышленности¹ автомобили пришлось приобретать в странах Антанты. Всего было ввезено около 30 тыс. автомашин. В годы войны по инициативе предпринимателей и при поддержке государства в стране началось строительство нескольких автозаводов, но из-за сложности получения импортного оборудования для производства автотехники ни один из них так и не вступил в строй. В феврале 1917 г. в стране было около 36 тыс. автомобилей и 29 тыс. мотоциклов².

Развитию автомобильного транспорта препятствовало российское бездорожье. В канун войны на обширной территории империи протяженность шоссейных дорог, т. е. дорог с твердым покрытием, едва превысила 22 тыс. верст. С 1 октября 1915 по 1 марта 1917 г. в европейской части Российской империи, в основном на театре военных действий и в примыкавших к нему губерниях, было сдано в эксплуатацию 320 км новых шоссе, 3,8 тыс. км грунтовых дорог магистрального значения, отремонтировано около 75 тыс. км (в основном грунтовых дорог) и сотни мостов³. Однако из-за усиленной эксплуатации большинство грунтовых дорог и шоссе в губерниях, примыкавших к театру военных действий, пришло в негодность. Например, инспекторы Управления шоссейных дорог МПС повсеместно отмечали плохое состояние дорог Киевского округа путей сообщения: неровный поверхностный слой щебня из-за неправильного ремонта, дороги прорезаны колеями и покрыты выбоинами, канавы везде запущены, обочины не срезаны, мосты с деревянными настилами требовали замены на более прочный материал. Ремонт, по свидетельству инспекторов, проводился случайно подобранными рабочими небрежно⁴. Кроме лопат никакого другого инструмента у рабочих не было. Щебеночное хозяйство отсутствовало. К тому же частные предприниматели не укладывались в сроки ремонтных работ. Поэтому МПС все чаще было

¹ В предвоенные годы автомобили в небольших количествах собирали из импортных деталей несколько предприятий и мастерских. Более успешно автомобильное производство развивалось только в Риге на Русско-Балтийском вагонном заводе, но и он за 1909–1915 гг. произвел по разным данным всего от 541 до 581 автомобилей. В связи с эвакуацией завод в 1915 г. прекратил выпуск автомобилей. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия: в 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 35.

² *Лебедев А.В.* История транспорта России в XIX – начале XX века. Текст лекций. Ярославль, 2011. С. 70.

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 364.

⁴ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 349. Л. 2–4, 48–49 и др. Инспектор К. Невмержицкий добился получения щебня в Луцке, но не мог перевести его в Киев из-за отсутствия подвод. Тогда он одолжил у сослуживцев 13 тыс. руб. на частные подводы, а в рапорте написал: «Роль моя свелась к тому, что для поддержания престижа дистанции и округа, я должен был прибегнуть к попрошайничеству и всякого рода уловкам» (Там же. Л. 10–10об.).

вынуждено осуществлять ремонт дорог хозяйственным способом, т. е. своими силами¹.

В МПС отдавали отчет в том, что малая протяженность благоустроенных дорог является серьезным препятствием «к успешному экономическому развитию нашего отечества». Поэтому министерство еще в 1914 г. предложило создать специальный дорожный фонд для выдачи пособий и ссуд земским учреждениям на дорожное строительство. Фонд должен был ежегодно пополняться из средств государственного казначейства. Предложение министерства было одобрено в Государственной думе и Государственном совете и стало законом в июне 1914 г., но выделенный на 1914 г. для Фонда 1 млн руб. был направлен на военные нужды. В сметы МПС на 1915 и 1916 гг. средства для Фонда уже не закладывались. На 1917 г. МПС просило выделить для Дорожного фонда 25 млн руб., но после межведомственных согласований эта сумма уменьшилась вдвое – до 12 млн руб. В годы войны в МПС были разработаны планы строительства дорог с твердым покрытием в Сибири и на Дальнем Востоке².

Важное место в транспортной системе России занимал водный транспорт. Из-за особенностей климата на территории страны перевозки по рекам носили сезонный характер, но были значительно дешевле железнодорожных. Протяженность рек, озер, каналов в Европейской России в 1913 г. составляла 232,5 тыс. верст (всего по стране – 362,8 тыс. верст), из них годных для судоходства и сплава – 177,3 тыс. (всего по России – 271,5 тыс.), в т. ч. судоходных в обе стороны – 42,7 тыс. (всего по России – 88,1 тыс.) верст. Из всех грузов, перевезенных по рекам России в предвоенный год, 65,3 % транспортировалось на судах и 34,7 % на плотах³.

Во время Первой мировой войны речной флот России работал с повышенной нагрузкой. Однако перебои с топливом, призыв в действующую армию значительного числа работников речной инфраструктуры и судовых команд, невозможность проведения крупномасштабного ремонта и уменьшение коммерческих грузов привели к снижению объемов перевозок. В 1913 г. по внутренним водным путям России было перевезено 49,1 млн т, в 1915 – 35,5 млн, в 1916 – 31,8 млн⁴. Сказались трудности с топливом, кадрами, материалами, ремонтом. Журнал «Русское судоходство» писал, что «отправка грузов ограничивалась не сотнями тысяч, как было до войны, а жалкими тысячами и даже сотнями пудов». В 1915 г. в Херсон прибыло по Днепру почти в 3 раза меньше грузов, чем в 1914, в Николаев

¹ На совещании в Управлении шоссейных дорог МПС 18 ноября 1916 г. обсуждался вопрос о ремонте шоссе Киев – Гуровщина. Выполнение ремонта частным предприятием стоило 262 тыс. руб., а казенным – 317 тыс. Совещание высказалось за казенное выполнение заказа, поскольку это единственный способ, «при котором возможно выполнение намеченной работы к... сроку» (Там же. Л. 2.)

² Там же. Д. 431. Л. 2об.–5об. В частности, предполагалось построить дороги по местам золотодобычи и т. н. Чуйский тракт от г. Бийска до урочища Кош-Агач на границе с Монголией.

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. С. 366–367.

⁴ *Лебедев А.В.* История транспорта России в XIX – начале XX века. С. 66.

по Южному Бугу – почти в 5 раз меньше¹. С 1915 г. прекратился отпуск средств на капитальный ремонт гидротехнических сооружений и технического флота. Весь речной флот царской России принадлежал частным лицам и акционерным пароходным компаниям. Государству принадлежал лишь казенный путейский флот речных округов МПС².

В порядке подготовки к навигации 1917 г. при непосредственном участии Распорядительного комитета по водным перевозкам было несколько улучшено снабжение судоходства металлами для зимнего ремонта судов и оказано финансовое поощрение постройке частных паровых и непаровых судов. В речных портах проводилась механизация погрузочно-разгрузочных работ. Началась перепись речного флота по зимовкам, которая должна была завершиться к 1 марта 1917 г. и дать точные данные о его составе и провозной способности. Одновременно выяснялись грузы, которые могли быть переданы в навигацию 1917 г. с железных дорог на воду³. Продолжались дноуглубительные работы на реках страны. Только в прифронтовом Киевском округе путей сообщения в 1916 г. такие работы осуществлялись на 2,5 тыс. верстах⁴.

Авторы доклада правительству считали настоятельно необходимым для неизбежного пополнения в 1917 г. недостатка судовых команд и грузчиков привлечение военнопленных, а также возвращения из действующей армии квалифицированных рабочих, служивших на судах; для своевременного ремонта судов требовалось полностью удовлетворять флот в металлах; для поддержания непрерывной работы буксирного флота обеспечить его топливом наравне с железными дорогами. Помимо этого, следовало обеспечить подвоз грузов к пристаням уже в течение зимнего времени. МПС должно своевременно получать все сведения о предполагаемых в течение предстоявшей навигации перевозках с указанием начальных и конечных пунктов, а равно времени, к которому грузы должны быть подвезены к пунктам отправления⁵.

Морской торговый флот оказался в годы Первой мировой войны в наиболее тяжелом положении. Самые развитые и мощные торговые порты страны (Петроград, Рига, Либава, Одесса, Николаев, Ростов-на-Дону), через которые раньше проходили $\frac{2}{3}$ всего объема морских грузов, с началом войны оказались не у дел. Вся масса морских внешнеторговых грузов пошла через Север и Дальний Восток, где до войны проходило ничтожное количество внешнеторговых грузов России.

Резкое увеличение перевозок потребовало основательной реконструкции портов Архангельск и Владивосток, расширение мощностей внутренних путей сообщения. В Архангельске в ходе войны были построены новые торговые районы,

¹ Речное судоходство в России / под ред. М.Н. Чеботарева. М., 1985. С. 306–307.

² Речной транспорт СССР. 1917–1957. Сб. статей о развитии речного транспорта СССР за 40 лет. М., 1957. С. 135–138.

³ Доклад Совету министров. О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны. Пг., 1917. С. 19.

⁴ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 291. Л. 66об.

⁵ Доклад Совету министров. О путях сообщения и условиях перевозок в третий год войны. С. 20–21.

реконструированы существующие причалы, проведены дноуглубительные работы на основных фарватерах для прохода крупных океанских судов, которые до войны сюда почти не заходили. В результате уже в 1915 г. в районах порта могли одновременно стоять у причалов 60 морских и океанских судов.

Благодаря дополнительной реконструкции Владивостокского порта в 1916 г. здесь могли одновременно разгружаться 20 крупных океанских пароходов и несколько десятков малых каботажных судов. К причалам были подведены железнодорожные пути, значительно пополнился парк перегрузочных машин и механизмов. Был значительно реконструирован и порт Николаевск-на-Амуре.

На основании закона «О военно-судовой повинности» была осуществлена мобилизация торговых судов, принадлежавших различным частным пароходствам. Они использовались в качестве военных транспортов, посыльных и портовых судов. Часть кораблей была вооружена и использовалась в качестве боевых единиц. Например, наиболее современные суда Русского общества пароходства и торговли «Император Николай I» и «Император Александр III» стали вспомогательными крейсерами. Всего на Балтийском море для военных целей использовались 273 торговых судна (в т. ч. 66 принадлежавших ранее иностранным судовладельцам), а на Черном и Азовском морях – 255 судов (из них 30 ранее также принадлежали иностранным пароходствам и частным лицам). Для перевозки грузов из союзных стран российское правительство в годы войны закупило за границей или наняло много иностранных судов: были куплены 23 парохода-угольщика для перевозки твердого топлива из портов Великобритании в Архангельск¹.

В годы войны торговый флот России выполнял три основные задачи: перевозка военных грузов для армии из-за рубежа; пополнение военно-морского флота судами; каботажные перевозки грузов и людей в интересах страны, армии и приморского населения².

Морской торговый флот понес значительные потери в Первой мировой войне. По состоянию на март 1917 г. противником были захвачены и потоплены в результате торпедных атак, артиллерийского огня и подрыва на минах 90 транспортных судов общим тоннажем 50 тыс. т. В июне 1916 г. флот имел 1013 пароходов, 91 теплоход и 2524 парусных судна. Большинство из них (555 судов) эксплуатировалось до 30 лет³.

К началу 1917 г. транспортная система России оказалась самым слабым звеном народного хозяйства. Несмотря на огромный объем работ по повышению пропускной и провозной способности, осуществленный в военные годы, устранить копившиеся десятилетиями проблемы оказалось невозможным. Действующая армия и промышленные центры испытывали постоянный голод в продовольствии, топливе и металлах. Транспортные средства работали на износ и все чаще выходили из строя, требуя не только текущего, но и капитального ремонта. Пророческими

¹ Гранков А.М. Русское судоходство. История и современность. Т. I: Коммерческий флот России. Страницы истории. М., 2004. С. 65.

² Гранков А.М. Русское судоходство. История и современность. Т. II: Морской флот России во внешней торговле и международном судоходстве. М., 2010. С. 81–82.

³ Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. С. 269.

оказались слова министра путей сообщения А.Ф. Трепова в записке для Совета министров в 1916 г.: «Безграничных требований наша рельсовая сеть удовлетворить не в состоянии»¹.

3.2. Попытки Временного правительства стабилизировать работу железных дорог

Транспорт в России всегда сильно зависел от погодных условий. На зимний период речные суда уходили в затоны, реки замерзали, и движение по внутренним водным путям прекращалось. Грунтовые дороги, за небольшим исключением, в этот период времени становились непроезжими. Почти все перевозки грузов и пассажиров в зимние месяцы осуществлялись железными дорогами. Но и они зависели от погоды. Январь и февраль 1917 г. выдались снежными и морозными. Снегопады, метели, сильные морозы привели к перерывам, а в отдельных случаях к прекращению движения.

22 января 1917 г. под председательством министра путей сообщения Э.Б. Войновского-Кригера состоялось экстренное совещание руководителей ведомства. Было констатировано тяжелое положение на ряде железных дорог. Совещание решило обратиться к морскому министру с просьбой в первой половине февраля снабжать Петроградский район из запасов английского угля с тем, чтобы временно снизить нагрузку на Северо-Донецкую железную дорогу. Ставке Верховного главнокомандующего была адресована просьба сократить с 1 по 14 февраля перевозку пополнения на фронт и части интендантских грузов. Было решено в эти дни полностью прекратить перевозку хозяйственных грузов для железных дорог и материалов для строившихся линий. Управлению железных дорог было предложено рассмотреть вопрос о сокращении пассажирского движения².

4 февраля из-за снежных заносов фактически было прервано движение на Московско-Киево-Воронежской железной дороге. К вечеру 6 февраля мороз достиг 30°С. Не работали поворотные круги, гидравлические колонки, стрелки. В эти дни на станциях остались без паровозов 47 товарных поездов³. Войновскому-Кригеру пришлось решать сложный вопрос обеспечения продовольствием и хлебом столицы Российской империи. Для этого на период с 1 по 14 февраля на Николаевской железной дороге было резко усилено товарное движение, а из поездов дальнего следования оставлен только поезд Петроград – Минеральные воды. Благодаря чрезвычайным мерам в середине февраля в Петроград прибывало в среднем в сутки по 25 поездов с мукой. Поэтому Войновский-Кригер считал нехватку хлеба в столице, вызвавшую народные волнения в февральские дни 1917 г., провокацией, ибо «в феврале 17-го года, перед самой революцией, запас муки в Петрограде был месячный, при ежедневном подвозе в размере не менее суточной потребности»⁴.

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1626. Л. 204об.

² Там же. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 1–1об.

³ Там же. Ф. 268. Оп. 5. Д. 325. Л. 345–346.

⁴ *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 49.

Решившись на противостояние царской власти, депутаты Государственной думы сформировали Временный комитет, от имени которого в министерства были направлены комиссары. В МПС по собственной инициативе отправился депутат Думы инженер путей сообщения А.А. Бубликов. Ведомство путей сообщения имело собственную телеграфную сеть, не зависящую от Министерства внутренних дел. Сеть МПС давала Временному комитету Госдумы (ВКГД) возможность информировать население о событиях в столице и, в свою очередь, получать сведения с мест на всей территории страны. Контроль над МПС позволял также следить за передвижением императорских поездов и переброской войск к столице. По воспоминаниям А.А. Бубликова, председатель Госдумы М.В. Родзянко несколько взволнованным и в то же время каким-то отстраненным голосом сказал ему: «Так если это необходимо, пойдите и займите»¹.

Нерешительность Родзянко можно понять, ибо никто из депутатов не ожидал такого стремительного развития событий. Блестящий хроникер Февральской революции монархист В.В. Шульгин писал: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... под условием, чтобы императорский караул охранял нас... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала – у нас кружилась голова, и немело сердце»².

В ночь на 28 февраля Бубликов прибыл на автомобилях с отрядом солдат, перешедших на сторону Государственной думы, к большому четырехэтажному зданию на Фонтанке, 117. В помещении правительственной канцелярии Управления железных дорог он собрал старших агентов министерства во главе с Д.П. Козыревым и С.М. Богашевым и объявил им, что принял на себя управление ведомством³.

Здесь, в помещении Управления железных дорог, Бубликов продиктовал телеграмму для всей сети российских железных дорог: «По поручению Комитета Государственной думы, я сего числа занял Министерство путей сообщения и объявляю следующий приказ председателя Государственной думы: Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху всех отраслей государственного управления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти. Обращаюсь к Вам от имени Отечества: от Вас зависит теперь спасение Родины. Она ждет от Вас больше чем исполнение долга, она ждет подвига. Движение поездов должно производиться непрерывно с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должны быть покрыты Вашей беззаветной энергией, любовью к Родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Председатель Государственной думы Родзянко». К тексту приказа Бубликов сделал приписку: «Член Вашей семьи, я

¹ Цит. по: *Бубликов А.А.* Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 21. О назначении Бубликова комиссаром в МПС см.: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума. 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 317, 328–329.

² *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 435.

³ Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 4. С. 76.

твердо верю, что Вы сумеете ответить на этот призыв и оправдать надежды на Вас нашей Родины. Все служащие должны остаться на своем посту. Бубликов»¹.

Эта телеграмма сыграла решающую роль в победе революции. Из этой телеграммы во всех городах, куда были проложены рельсы железных дорог, население впервые узнало о революционных событиях в столице империи. Инженер Ю.В. Ломоносов вспоминал: «Первое впечатление всегда самое сильное... Тот факт, что Бубликов нашел в себе смелость торжественно уведомить всю Россию о создании новой власти в то время, когда фактически еще никакой власти не было, предотвратило на местах даже тень контрреволюционных выступлений»². Отбывавший ссылку в Иркутске экономист и публицист В.С. Войтинский вспоминал: «Всем населением Сибири бубликовская телеграмма была принята как благая весть об избавлении от ненавистного общественного строя и вместе с тем как сигнал устранять старое начальство, брать в свои руки дело управления»³.

Свержение самодержавия было с энтузиазмом встречено работниками транспорта. От служащих, мастеровых и рабочих железных дорог, судовых команд, работников судостроительных предприятий в адрес Государственной думы, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Временного правительства поступали приветственные телеграммы, обращения, письма. В них выражались «воодушевление падением старого ненавистного всем строя и образованием нового народного правительства» и «глубочайшая благодарность» Думе и Исполкому Петросовета «за осуществление переворота, столь долгожданного нашей многострадальной Родиной», надежды на «устроение правды и порядка» в стране и вера «в светлое будущее России»⁴. Приветствия от различных коллективов работников транспорта поступали в МПС в течение всей весны 1917 г.

Одними из первых решений новой власти стали ликвидация Главного комитета по охране железных дорог и упразднение жандармских полицейских управлений железных дорог. Вместо них охрану путей сообщения правительство возложило на создаваемую железнодорожную милицию с выборными начальниками. Сразу после революции была свернута работа Отдела административных расследований, хотя правонарушений на железных дорогах меньше не стало. Некрасов образовал при министерстве два специальных совещания. Одно из них для выработки мер по улучшению материального положения железнодорожных служащих и рабочих, которое попросил возглавить известного лидера социал-демократии Г.В. Плеханова. Другое совещание под руководством депутата Государственной думы инженера путей сообщения А.А. Добровольского было создано для пересмотра множества ведомственных нормативных актов, прежде всего Устава о службе на железных дорогах.

В апреле МПС направило в правительство проект постановления «О назначении комиссаров на железные дороги», мотивируя это предложение правом общества, в лице его представителей, наблюдать за работой дорог. Буква и дух этого документа буквально пронизаны недоверием к железнодорожной администрации, и

¹ Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 4. С. 77.

² Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 230.

³ Цит. по: Николаев А.Б. Революция и власть. С. 339.

⁴ РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1637. Л. 7–81; Русское судоходство. 1917. № 2. С. 1; № 3–4. С. 21.

можно было не сомневаться в неизбежных конфликтах, учитывая политические взгляды будущих назначенцев. Временное правительство приняло соответствующее постановление, возложив выбор и назначение комиссаров на министра путей сообщения¹.

Весна 1917 г. стала временем образования на транспорте различных общественных организаций, ставивших целью защиту профессиональных интересов работников этой отрасли народного хозяйства. Одним из первых был образован Союз инженеров и техников, работающих по путям сообщения. В Петрограде в апреле состоялась всероссийская конференция представителей возникших на железных дорогах профсоюзных организаций. Она постановила образовать Всероссийский железнодорожный союз для защиты правовых, экономических и культурных интересов железнодорожников. Выступая 8 апреля на конференции, Некрасов заявил о невмешательстве министерства в ту сферу деятельности, которая могла регулироваться самими железнодорожниками. Органами создаваемого союза на каждой дороге были местные комитеты, районные съезды и комитеты, делегатский съезд дороги и главный исполнительный комитет дороги².

27 мая Некрасов издал свой знаменитый циркуляр № 6321, которым вносил существенные изменения в управление железнодорожным транспортом, передав органам отраслевого профсоюза решение ряда административно-хозяйственных вопросов. Министр подчеркнул, что впредь МПС и подведомственные ему учреждения «должны и будут строго согласовывать свою работу со взглядами и пожеланиями объединенных железнодорожных тружеников, чутко прислушиваясь ко всем заявлениям, идущим от Союза и через Союз» и какие-либо требования, идущие не от органов профсоюза, министерством приниматься не будут. Профсоюзные органы получили «право самого широкого контроля и наблюдения за всеми отраслями железнодорожного хозяйства и вообще за деятельностью железных дорог». Они могли обжаловать в МПС и во Временном правительстве любое административное распоряжение, с которым были не согласны, а также ставить вопрос о несоответствии вновь назначенных должностных лиц возложенным на них обязанностям³.

Пытаясь распространить положения этого циркуляра на другие виды транспорта, МПС уже на следующий день предложило обсудить циркуляр № 6321 на проходившем в Петрограде всероссийском съезде работников водного транспорта. С разъяснением положений циркуляра и просьбой поддержать его к делегатам обратился начальник Управления внутренних водных путей МПС инженер путей сообщения И.П. Калинин. По его словам, право широкого контроля не означает навязывание своих кандидатов администрации, поскольку это лишит работников путей сообщения возможности «объективного контроля» за ними. Циркуляр вызвал на съезде бурное обсуждение и был спустя сутки одобрен незначительным большинством голосов⁴.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 875. Л. 2–13об.

² Там же. Ф. 7742. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³ См. подробнее: *Сенин А.С.* Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викждор, Всопрофжель... // Новый исторический вестник. 2005. № 2. С. 96–141.

⁴ РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2012. Л. 33–40.

Резкий протест против деятельности МПС за первые три послереволюционных месяца и содержания циркуляра Некрасова высказал Совет частных железных дорог. В своем обращении к Временному правительству он заявил, что министр путей сообщения, допуская вмешательство профсоюзов в распоряжения администрации, «фактически вводит не имеющие примера в мировой практике принципы коллективного управления» в дело громадной государственной важности «неустойчивым и переменным составом служащих, большинство из которых не несет при этом ни юридической, ни материальной ответственности». Такая политика неминуемо «угрожает в ближайшем будущем новым расстройством транспорта»¹.

3.3. Углубление кризиса железнодорожного хозяйства

Временное правительство осознавало значение железных дорог в экономической жизни страны и приняло ряд мер для улучшения его состояния. Прежде всего оно предоставило ведомству путей сообщения большие средства для покрытия эксплуатационных расходов, увеличения пропускной и провозной способности дорог, их технического переоснащения. Это позволило ввести в эксплуатацию 2488 верст железных дорог. Важнейшими среди них были линии: Сорока – Кандалакша (396), Кандалакша – Мурманск (278), Татарская – Славгород (Кулундинская) (315), Алейская – Семипалатинск (299), Псков – Полоцк (284)². К концу 1917 г. было завершено сооружение важной линии Буй – Данилов, значительно разгрузившей Вологодский железнодорожный узел. Продолжалось строительство второго пути на участке Челябинск – Чисма (до пересечения с Волго-Бугульминской железной дорогой). В 1917 г. предполагалось завершить сооружение магистрали Казань – Екатеринбург, но отечественные заводы не поставили необходимого количества рельсов. Начались работы по постройке участка Орехово – Киржач. Правительство предоставило чрезвычайные кредиты на продолжение работ по сооружению линии Сорока – Кандалакша, Петроград – Мга, Мга – Рыбинск, реконструкцию Петроградского железнодорожного узла, а также на производство изысканий ряда крупных магистралей: Москва – Донецкий бассейн, Рязань – Тула – Барановичи, Котлас – Сорока. А.А. Бубликов писал о необходимости сооружения новых стратегических дорог, таких как Минусинск – Пекин, Обь – Архангельск, Джульфа – Бендер-Аббас и др.³ МПС дало согласие группе инженеров произвести изыскания для постройки железной дороги в Якутской области от селения Нелькан на реке Майя Ленского бассейна до порта Аян на берегу Охотского моря⁴. Министр путей сообщения Н.В. Некрасов уже

¹ Временному правительству. Пг., 1917. С. 1–4.

² Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. С. 93.

³ Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. С. 112.

⁴ Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 8. С. 113, 183, 186; Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта 1913–1925. М., 1925. С. 68; РГИА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 1639. Л. 18–20.

10 марта направил во Временное правительство представление о необходимости привлечь к ремонту паровозов машиностроительные заводы и получил на это согласие¹. Месяц спустя Некрасов поручил инженеру Г.О. Графтио разработать проект использования на железных дорогах электрической тяги вместо паровой, т. е. был поставлен вопрос об электрификации отдельных участков этого вида транспорта². Для разгрузки железных дорог Временное правительство прибегло к принудительной передаче груза на водный транспорт (постановление о смешанной железнодорожно-водной перевозке)³. В июне только продовольственных грузов было направлено на воду примерно 6 тыс. вагонов, т. е. около 30 % общего количества. В июле на воду передали груз 8400 вагонов с продовольствием (более 40 % общего количества)⁴.

Временное правительство попыталось улучшить состояние подвижного состава за счет новых заказов за границей. 1 апреля оно утвердило представление МПС о заказе в США 2 тыс. паровозов и 40 тыс. вагонов и выделило на эти цели 200 млн долларов⁵. Американская сторона определила стоимость паровоза в 300 тыс. руб., что более чем в два раза превышало среднюю стоимость отечественного паровоза подобного типа. «Американские паровозы – слишком нежная машина, требующая тщательного ухода и особо высокого качества топлива, – писал экономист П.П. Мигулин. – Американцам пришлось бы дать нам своих машинистов и свой уголь»⁶. Из США в 1917 г. (по 16 сентября) поступило во Владивосток 69 комплектов паровозов «Декапод», из которых в Харбинских мастерских собрали 22 паровоза. За восемь месяцев того же года из США в Россию прибыл также 561 полувагон⁷.

Несмотря на принятые меры, в течение всего 1917 г. продолжала ухудшаться материально-техническая база железнодорожного транспорта. Отечественные заводы сокращали выпуск новых паровозов. В 1917 г. заводы получили от ведомства путей сообщения заказы на изготовление 1163 пассажирских и товарных паровозов. Для этого было необходимо в месяц выпускать около 100 локомотивов, но заводы с этой задачей не справились. В результате было изготовлено только 407 паровозов⁸.

¹ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 162. Л. 4.

² Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1917. № 8. С. 186.

³ Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 года // Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. М., 2001. С. 265. На время навигации 1917 г. железные дороги могли направлять принятые к перевозке грузы без согласия грузоотправителей смешанным железнодорожно-водным путем.

⁴ Гальперина Б.Д. Обзор состояния железнодорожного и водного транспорта к августу 1917 г. С. 294.

⁵ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 214.

⁶ Новый экономист. 1917. № 30–31. С. 4.

⁷ РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 75–76об. Из США к 15 октября 1917 г. должно было поступить 375 комплектов паровозов и 8,5 тыс. вагонов по заказу 1916 г.

⁸ Вестник путей сообщения. 1918. № 4. С. 20.

Выпуск паровозов в 1917 г.*

Заводы	Заказано	Изготовлено
Брянский	164	38
Луганский	265	105
Коломенский	145	50
Невский	163	36
Путиловский	64	11
Сормовский	128	57
Харьковский	234	110
Итого	1163	407

Источник: Вестник путей сообщения. 1918. № 4. С. 20.

Количество паровозов, нуждающихся в ремонте, увеличивалось ежемесячно на 200–400 единиц¹. С января по 12 мая 1917 г. число «больных» паровозов выросло с 3382 до 4779². К этому следует добавить еще 235 паровозов, которые не прошли капитальный ремонт в 1916 г.³ На 1 июля в среднем по сети дорог требовали ремонта 25 % паровозов, но на отдельных дорогах «больными» считалось до 50 % паровозов рабочего парка⁴. По мнению А.А. Бубликова, доля требовавших ремонта паровозов была выше, но скрывалась служащими дорог, чтобы не навлечь на себя гнев начальства. К поездам часто подавали локомотивы, которые еще год тому назад направились бы в ремонт. В докладе МПС Временному правительству в июне 1917 г. сообщалось о принятом решении увеличить мелкий и средний ремонт локомотивов за счет капитального. Но как этого можно было добиться, когда повсеместно в депо и мастерских сокращалось количество отремонтированных паровозов. Например, на Московско-Киево-Воронежской железной дороге в ее московском депо в 1916 г. было отремонтировано 13 паровозов, в депо Малоярославца – 36, Брянска – 34, Курска – 37. В 1917 г. эти показатели составили 4, 23, 19, 22 паровоза соответственно⁵. Железнодорожные депо и мастерские испытывали острейшую нехватку металла для ремонта износившихся паровозов. «Мы сейчас на железных дорогах не имеем запасных частей и принуждены ремонтировать котлы старым железом», – говорил членам Исполкома Московских общественных организаций профессор Петроградского института инженеров путей сообщения В.Н. Щегловитов в апреле 1917 г. – Мы принуждены отбирать одни вагоны и чинить этими отобранными частями другие вагоны, и таким об-

¹ Волобуев П.В. Временное правительство и вопрос о преодолении разрухи на железнодорожном транспорте // Исторические записки. Т. 69. М., 1961. С. 258.

² РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3677. Л. 33–34.

³ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 162. Л. 2.

⁴ Стенографический отчет заседания Экономического совета [21 июля] при Временном правительстве. С. 21.

⁵ Вестник Главного военно-революционного комитета Московско-Киево-Воронежской железной дороги. 1918. № 23. С. 1.

разом у нас образовались “кладбища вагонов”»¹. К концу 1917 г. в стране было 570 066 вагонов, из них 36 007 требовали ремонта (6,7 %), 8130 были приспособлены под склады и жилье (1,5 %), для прочих надобностей использовались еще 20 427 вагонов (3,8 %)².

К числу главных причин ухудшения состояния подвижного состава в 1917 г. следует отнести резкое падение производительности труда и дисциплины среди рабочих и служащих, особенно в депо и мастерских. Рабочие настаивали на отмене системы сдельного расчета и переходе на почасовую или поденную плату. Но то, что возможно на заводах, на железнодорожном транспорте, по мнению товарища министра путей сообщения Л.А. Устругова, осуществить было очень трудно «вследствие невозможности произвести учет интенсивности труда», сдельный же расчет «является единственным стимулом для повышения производительности». Повышение заработной платы, которое неминуемо пришлось сделать ввиду удорожания жизни, введение 8-час. рабочего дня и падение производительности труда привели к резкому росту стоимости ремонта паровоза: с 12–15 тыс. руб. до 80–90 тыс. На производительности труда сказывалось отвлечение лучших рабочих и служащих для работы в различных выборных профсоюзных комитетах, а позднее в отрядах Красной гвардии. Бубликов на заседании Экономического совета приводил в пример станцию Тверь, где в местный профкомитет избрали 4 лучших мастеров-котельщиков. Оставшиеся уже на следующий день не справились с объемом работ по ремонту паровозов.

Понижали производительность труда грубые нарушения технологии перевозок. Например, длина тягового плеча на участке Москва – Курск составляла примерно 200 верст, и до революции паровозные бригады вели состав до Тулы, затем отдыхали, пока паровоз готовили в местном депо для обратного рейса, и на следующий день с другим составом возвращались в Москву. После Февральской революции паровозная бригада доезжала только до Серпухова и заявляла, что дальше не поедет и вернется на ночь в Москву. Так на дорогах появились «брошенные поезда». И за это никого не наказывали.

Железнодорожники в полной мере испытали на себе влияние все увеличивающегося количества дезертиров, бандитов, мешочников и других любителей езды без правил. 5 мая МПС направило во Временное правительство новое сообщение о ситуации на железных дорогах: «Непосильная для пассажирских вагонов погрузка быстро приводит вагонный парк в полный упадок: ломаются оси, просаживаются рессоры, раскатываются бандажи, люлочные болты упираются в рельсы и проч.»³. Солдаты занимали в вагонах все места, проходы, коридоры, площадки, подножки, топочные камеры, буфера и даже крыши. Министерство признавало, что военнослужащие ставят пассажиров «в совершенную невозможность пользоваться дорогами как общегосударственным способом передвижения: имеются до-

¹ Транспорт. Доклады проф. В.Н. Щегловитова и инж. П.П. Корелина Общему собранию Исполнительного комитета Моск. Общ. Орг. 15 апреля 1917 года. М., [1917]. С. 2.

² Следует отметить, что за весь 1917 г. отечественные заводы изготовили всего 12 561 товарный вагон (при заказе 27 956), 576 пассажирских вагонов (при заказе 1874), см.: Вестник путей сообщения. 1918. № 4. С. 20–21.

³ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 765. Л. 7.

несения о случаях насильственного удаления пассажиров солдатами из вагонов, некоторые пассажиры, лишённые возможности выходить в коридор вагона, вынуждены отправлять естественные надобности в окно, женщины впадают в обморочное состояние и т. п.»¹.

МПС зафиксировало случаи угроз жизни начальникам и дежурным по станциям: «хватания за горло для удушения с требованием отпустить поезд». Солдаты вторгались в частные и казенные квартиры служащих для совершения над ними самосуда якобы за умышленное промедление в отправке поездов. Имело место нанесение тяжелых ранений станционным служащим, сбрасывание «на ходу поезда на полотно начальника поезда». Для остановки нужного им поезда солдаты укладывали на рельсы посторонние предметы. Однажды уложили на путь начальника станции.

С 15 июля по 25 августа в Москве работал Всероссийский железнодорожный съезд. Его состав и принятые решения отразили нараставшие в рабочем движении анархо-синдикалистские настроения. По мнению многих участников съезда, управление железнодорожным хозяйством должно было перейти к самим железнодорожникам в лице комитетов Всероссийского железнодорожного союза и прежде всего в руки избранного на съезде Исполнительного комитета (Викжеля). По словам профсоюзного деятеля А. Хаина, для железнодорожного союза было характерным смешение собственно профессиональных функций с государственными, а другой профсоюзный лидер А. Лозовский считал, что эта организация железнодорожников с момента своего создания была не столько профсоюзом, сколько железнодорожным парламентом. Свою силу Викжель продемонстрировал в сентябре, организовав Всероссийскую железнодорожную забастовку и заставив правительство выполнить его требования.

Позицию значительной части железнодорожных специалистов о ситуации на железных дорогах страны изложил на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. представитель Союза инженеров и техников А.Н. Фролов. Он признал, что «все авторитеты» в железнодорожном деле признают неминуемую остановку работы дорог к ноябрю 1917 г. в случае непринятия правительством решительных мер по спасению транспорта. «Транспорт болен не тем, что у него больны паровозы и вагоны. Транспорт, как и вся Россия, болен духом, – говорил Фролов. – Господа, та революция, от которой мы ждали, что этот дух будет вознесен на недосягаемые высоты, эта революция, к нашему ужасу, низринула этот дух в такие низины, до которых он никогда не падал, и тот чистый источник, к которому мы прикасались тогда, оказался отравленным». Февральская революция смела все моральные опоры, и в стране «началась вакханалия». От имени Союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения, он выдвинул следующие требования для возрождения транспорта: введение трудовой повинности, регламентируемой строгой дисциплиной; сосредоточение управления на транспорте в руках администрации и невмешательство в ее распоряжения профсоюзных организаций; немедленное создание на дорогах государственной милиции; недопущение самочинного удаления лиц администрации; обеспечение железных дорог металлами и прочими материалами и оборудованием наравне со снабжени-

¹ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 765. Л. 7.

ем армии; введение сдельной оплаты труда и внеурочных работ в связи с недопустимостью в условиях войны сокращения продолжительности рабочего дня и др. Фролов высказался за объединение «живых сил страны» на патриотической основе. «Нужно, чтобы Временное правительство поняло, что родина есть величайшая ценность сама по себе, а не ценность постольку, поскольку из нее извлекаются политические блага», – подчеркнул оратор¹.

Осенью 1917 г. положение российского транспорта значительно ухудшилось. Основные показатели эксплуатации железных дорог были самыми низкими с начала войны. Например, суточный пробег товарных поездов в августе 1916 г. составлял 76 верст, а год спустя не превышал 55 верст. Из-за этого замедлился оборот товарных вагонов (с 6,5 суток в декабре 1916 до 13,5 в декабре 1917 г.). Это равносильно тому, что в среднем каждый вагон перевозил в два раза меньше груза. Коммерческая скорость перевозимого груза не превышала 3 верст в час (скорость пешехода). В среднем вдвое сократилось движение поездов на участках Московского железнодорожного узла. Многие станции оказались заблокированы стоящими без движения поездами из-за нехватки исправных локомотивов и медленных темпов погрузо-разгрузочных работ. В отличие от прежнего времени новой причиной невывоза грузов стало опасение получателей грузов за их сохранность. Им приходилось решать вопрос: нанимать охрану для своих складов или платить железной дороге. И они предпочитали платить железной дороге, поскольку товарные дворы пока еще хорошо охранялись. Но в результате, например, на станциях Московского узла в ноябре не были поданы под разгрузку около 7 тыс. вагонов, и они превратились в склады на колесах. МПС было вынуждено направить значительную часть поездов в обход Московского узла. Управления дорог стали сокращать прием грузовых поездов с соседних дорог. Так, казенная Московско-Курская железная дорога могла принимать в сутки от Южных железных дорог 1500 вагонов, а принимала лишь 250. Частная Московско-Киево-Воронежская железная дорога сократила прием вагонов от соседей в три раза². Погрузка в вагоны по всей сети дорог в августе и сентябре была ниже уровня января–февраля 1917 г., когда свирепствовали морозы и метели.

Таблица 2

Результаты эксплуатации железных дорог

Показатели	1913 г.	1917 г.
Перевезено пассажиров (млн чел.)	250	280
Перевезено грузов (млн пуд.)	8000	5500
Валовый доход (млн руб.)	1172	1400
Расход по эксплуатации (млн руб.)	705	3300
Чистый доход или дефицит (млн руб.)	+ 467	– 1900

Источник: Вестник путей сообщения. 1918. № 5. С. 24–25.

¹ Государственное совещание 12–15 августа 1917 года (Стенографический отчет). М., Л., 1930. С. 173–177.

² Московская железная дорога. Через годы, через расстояния... М., 1997. С. 94–95.

На снижение производительности труда повлияла отмена сделельных и сверхурочных работ, поверстного вознаграждения паровозным и кондукторским бригадам, всякого рода премий за увеличение состава и коммерческой скорости, за улучшение маневровой работы, увеличение средней нагрузки вагона и т. п. То есть «было уничтожено все то, что так или иначе являлось стимулом к успешной работе, к увеличению полезной производительности труда»¹. Инженер С.В. Тюменев, бывший помощник управляющего эксплуатационным отделом Управления железных дорог МПС и член Центрального комитета по регулированию массовых перевозок грузов по железной дороге, в докладе Комитету Совета съездов промышленности и торговли о состоянии железнодорожного транспорта за октябрь и ноябрь 1917 г. обратил внимание на нарушение правил эксплуатации железных дорог самими железнодорожниками. Например, недопустимо сокращались тяговые участки непрерывного обслуживания. Паровозные и кондукторские бригады устанавливали суточный отдых после каждой поездки. Систематически из депо не выпускались паровозы под уже готовые к отправке поезда. На станции Царицын на трое суток прекратилась всякая работа из-за того, что большинство осмотровиков, слесарей, машинистов и кондукторов проходили обучение в отрядах Красной гвардии.

Осенью 1917 г. железнодорожный транспорт захлестнула волна преступности и анархии. Неизвестные вооруженные лица грабили поезда и станционные склады. На станции Рязань с 18 по 27 октября было вскрыто 170 вагонов, на станциях Великие Луки и НовоСокольники с 8 по 13 ноября – 150 вагонов только с зерном, а всего разграблено около 500 вагонов. Повсеместно крестьяне и рабочие расхищали инвентарь и заготовленные для железных дорог дрова. Различные организации, в т. ч. и профсоюзные, назначали поезда без ведома железнодорожной администрации. Железнодорожный телеграф был перегружен подачей телеграмм, содержание которых не относилось к движению поездов. Отмечались факты прекращения поставок на железные дороги продовольствия и денежных средств. Терроризируемые солдатами из проезжавших эшелонов и лишенные возможности нормально работать, железнодорожники стали покидать службу². 17 октября 1917 г. газета «Русское слово» опубликовала статью под примечательным названием «Крах российских железных дорог».

3.4. Экономика водного и автогужевого транспорта

В 1917 г. падение объема речных перевозок продолжалось. Если в 1916 по внутренним водным путям России было перевезено 1808,6 млн пуд., то в 1917 г. 1524,8 млн.³ По Мариинской системе в 1917 было перевезено в 9,5 раза меньше грузов, чем в 1916 г. С 1913 по 1917 г. перевозки в Западной Сибири уменьшились

¹ Ландсберг Э.В. К вопросу о положении железнодорожного транспорта 1916–1917 гг. Записка, представленная Центральному комитету по железнодорожным перевозкам. Пг., 1918. С. 21.

² Сешип А.С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг. М., 2004. С. 220–224.

³ Артохов Я.С. Пути сообщения и средства сношений // Природа и хозяйство России. Вып. II. С. 47.

с 1,75 млн до 1,21 млн. т, в т. ч. на Оби с 707 тыс. до 328 тыс. т, на Иртыше с 565 тыс. до 426 тыс. т. В целом по стране объем речных перевозок в 1917 г. составил только 53 % довоенного уровня. В 1918 г. общий объем перевозок по рекам сократился в 3 раза и составил всего 496,6 млн пуд.

Таблица 3

Объем речных перевозок по Волжскому бассейну в 1916–1917 гг.

Груз	Перевезено (тыс. т)		1917 к 1916, в %
	1916	1917	
Лес и дрова	6060	5180	87
Нефть и керосин (вывоз из Астрахани)	5900	4500	77
Хлеб	3000	1230	41
Уголь (вывоз из Сарепты)	656	164	25
Соль	820	574	70

Источник: Речное судоходство в России / под ред. М. Н. Чеботарева. М., 1985. С. 308.

Развитие водных перевозок затруднялось тем, что сравнительная дешевизна железнодорожного транспорта побуждала ведомства и частных грузоотправителей направлять грузы преимущественно по железным дорогам. В целях разгрузки железнодорожного транспорта Временное правительство приняло постановление о принудительном направлении в навигацию 1917 г. грузов, сданных к перевозке на железнодорожные станции, для смешанной водно-железнодорожной перевозки. Постановление правительства в спешке было направлено телеграммами начальникам и управляющим железными дорогами и председателям порайонных комитетов. Последние должны были согласовать свои действия с уполномоченными по водным перевозкам и организовать внеочередную перевозку грузов к пристаням. Однако беспристрастная статистика засвидетельствовала, что водой в 1917 было перевезено грузов меньше, чем в 1916 г.

Сокращение хлебных перевозок отразилось на общей картине движения по Волге. По наблюдению «Вестника Рыбинской биржи» по реке вместо вереницы барж с хлебом шли редкие баржи с нефтью и лишь кое-где мелькали хлебные баржи. Общий вывоз с пристаней сократился по сравнению с 1916 г. в три раза. Недовоз хлеба в основной распределительный район у Рыбинска привел к сокращению перевозок по водным системам в направлении Петрограда. Так, в устье Шексны за первую половину 1917 г. вошли суда с 451 тыс. пуд. хлеба, тогда как за аналогичный период 1916 г. – с 5704 тыс. пуд.

Причинами стали отсутствие достаточного количества грузов на пристанях к началу навигации, «недоразумения с судовыми командами на экономической основе», быстрое обмеление таких рек, как Кама и Волга. Землечерпалкам нашлась работа там, где они обычно никогда не работали, например, у пристаней Н. Новгорода¹.

По словам Л.А. Устругова на заседании Экономического совета 21 июля 1917 г., только в транспортировке водой металла и хлопка был достигнут не-

¹ Гальперина Б.Д. Обзор состояния железнодорожного и водного транспорта к августу 1917 г. С. 298–299.

большой прогресс. Всего по воде за первую половину 1917 г. с Урала было перевезено около 3 млн пуд. металла. Хлопок с пристаней Каспийского моря сразу перевозили волжскими речными судами. Из глубинных районов Ср. Азии хлопок везли сначала железной дорогой до средней Волги, а затем из Самары – водой до верхних пристаней Волги.

Перевозки основных грузов в бассейне Волги в 1917 сократились на 25 % по сравнению с 1916 г., по Нижнему Днепру – на 38 %¹. Распорядительный комитет по водным перевозкам констатировал «расстройство» пассажирского движения на Волге из-за наплыва солдат-дезертиров, занимавших места в каютах всех классов без билетов и заставлявших пароходы идти вне расписания². Проведенная в 1917 г. перепись судов показала, что почти половина из них требовала ремонта³.

Таблица 4

Перевозки важнейших товаров по водным путям России в 1913–1918 гг.

Грузы	1913	1916	1917	1918
Всего перевезено, млн пуд.	2435,5	1808,6	1524,8	496,6
В % к 1913 г.	100	74	62	20

Источник: Артюхов Я. С. Пути сообщения и средства сношений // Природа и хозяйство России. Вып. II. С. 47.

Одной из серьезнейших проблем, препятствовавших увеличению перевозок водным транспортом, стала политизация возрожденного после Февральской революции профсоюзного движения. На всех морских и речных бассейнах создавались профсоюзы водников. Учредительный съезд, открывшийся 17 июля 1917 г. в Петрограде, провозгласил создание Всероссийского профессионального союза моряков и речников торгового флота. Он объединил местные союзы водников, насчитывавшие тогда 47 тыс. членов, из которых две трети составляли моряки. Организованные работники водного транспорта стали устанавливать явочным порядком свои правила организации труда, в частности, ввели 8-час. рабочий день на пристанях и в портах, пересмотрели в сторону уменьшения нормы дневной выработки. Устругов на заседании Экономического совета 21 июля приводил в пример ситуацию в Царицыне, где при 8-час. рабочем дне речники ввели 2-час. перерыв на обед и 15-мин. перерыв каждый час на отдых. В результате резко понизилась производительность труда. А в Перми на камских пристанях грузчики отказались допускать к работам по перевалке грузов из вагонов на речные суда тех, кто не являлся членом профсоюза, при этом поднимая расценки за свой труд. В итоге Устругов был вынужден констатировать: «К сожалению, водные перевозки в связи с рабочим вопросом поставлены в страшно тяжелое положение и то количество грузов, которое железные дороги в этом направлении так или иначе подготовили, несмотря на наличие свободных перевозочных средств

¹ Волобуев П.В. Временное правительство и вопрос о преодолении разрухи на железнодорожном транспорте. С. 262.

² РГИА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 20–20об.

³ Русское судоходство. 1918. № 6. С. 3.

на водных путях, не могло быть использовано в первую половину текущей навигации»¹.

В морских перевозках в 1917 г. существенных перемен не наступило, поскольку основные морские порты на Балтике и в Черноморско-Азовском бассейне использовались исключительно для внутренних перевозок. На страницах ведомственной печати обсуждались перспективы развития отечественного морского флота. На майском съезде представителей военно-промышленных комитетов в резолюции по морскому транспорту признавалось, что его тоннаж «был безусловно недостаточен до войны, ослаблен потерями во время войны и потому немедленное увеличение его является государственной необходимостью и должно быть всячески поддержано государством»². Беды русского торгового мореплавания были хорошо известны. Для создания мощного коммерческого флота нужны были огромные капиталовложения. Судовладельцам было выгоднее приобретать более дешевые и технически более совершенные суда за рубежом. В России высокая стоимость эксплуатации судов была связана с малым тоннажем судов, неполной их загрузкой в рейсах (корабельный инженер В.Л. Татаринов в одной из статей писал, что наши суда уходили нагруженными лишь из российских портов, а иностранные в большинстве случаев были обеспечены грузом в оба конца), высокой стоимостью топлива, неудовлетворительной подготовкой кадров для торгового мореплавания, дискриминационными мерами некоторых иностранных правительств в отношении русских судов и др.³

Из-за больших потерь в тоннаже в ходе Первой мировой войны цены на суда выросли в 4–5 раз по сравнению с мирным временем, и строительство судов должно было стать выгодным для отечественной промышленности. Однако с введением 8-час. рабочего дня производительность судостроительных предприятий сократилась на 30 %. Крупнейшее предприятие «Наваль», ссылаясь на отсутствие материалов, проблемы с топливом, недостаток банковских кредитов, заявило о сокращении производства и увольнении 50 % рабочих, которые в ответ на собрании потребовали установить рабочий контроль над деятельностью предприятия. Эта позиция нашла поддержку в отраслевом профсоюзе, который высказался за национализацию флота. По мнению профсоюза, именно государство должно диктовать нормы оплаты труда и условия службы. Всероссийский съезд союза моряков и речников принял резолюцию, требующую строить национальный торговый флот за счет государства, независимо от инициативы частных предприятий. В первую очередь должны быть задействованы казенные верфи и заводы, а частным предприятиям государство должно выдавать льготные ссуды на судостроение. При этом профсоюз работников водного транспорта настаивал на своем участии в управлении отраслью и принятии решений в области судостроения и повседневной деятельности флота⁴.

¹ Стенографический отчет заседания Экономического совета [21 июля] при Временном правительстве. С. 14.

² Русское судоходство. 1917. № 5–6. С. 20.

³ Гранков А.М. Русское судоходство. История и современность. Т. 1. С. 50. В портах Британской империи с судов под российским флагом взимали пошлины в 2 раза выше, чем с судов других государств.

⁴ Русское судоходство. 1917. № 9–10. С. 6; № 11–12. С. 20–22.

Управление шоссейных дорог в 1917 г. рассматривало различные проекты строительства дорог с твердым покрытием, особенно в западных губерниях. Первоочередными признавались шоссе Владимир-Волынский – Луцк, Ровно – Старооконстантинов, Старооконстантинов – Бердичев – Казатин, Проскуров – Винница и др. – всего 2125 верст¹. В апреле 1917 г. Управление шоссейных дорог подготовило проект объединения всего дорожного дела в стране в ведомстве путей сообщения. Предполагалось открыть высшее учебное заведение, несколько средних и низших технических училищ для подготовки специалистов по строительству дорог. Намечалось направить за границу инженеров и техников для изучения опыта дорожного строительства. Предстояло построить завод для производства различной дорожной техники и мастерские для их ремонта. Ведомство должно было взяться за разработку каменных карьеров. В министерстве выражали уверенность, что после революции «дело борьбы с русским бездорожьем успешно пойдет вперед»². Однако посланные с инспекцией чиновники Управления шоссейных дорог констатировали удручающее состояние дорожного полотна. Даже в окрестностях столицы шоссе Петроград – Нарва уже после 14-й версты (после Красного Села) было прорезано колеями и покрыто выбоинами, а после дождя дорога превращалась в «корыто с водой». Шоссе Петроград – Гатчина – Луга только до Пулково находилось в удовлетворительном состоянии. Далее – колеи, выбоины, на отдельных участках тонкое щебеночное покрытие. Только 5 верст шоссе от границ Петроградской губернии до Пскова инспекция нашла в хорошем состоянии. Некоторые участки требовали немедленного ремонта, поскольку обочины заросли, каналы не обеспечивали сток воды, поверхность дороги неровная из-за бесконечного «ямочного ремонта». В акте осмотра этого шоссе инспекторы указали на срочную необходимость замены пришедших в ветхое состояние деревянных мостов³.

По-прежнему недоставало средств механизации. В прифронтовых районах на дорожных работах использовалось всего 276 моторных и паровых катков, 142 прицепных конных катка, 16 тракторов, 251 грузовой автомобиль. Этих средств для строительных работ было явно недостаточно. Поэтому на дорожных работах применялся в основном ручной труд и конный транспорт⁴. В ведомстве признавали, что выполнение программы модернизации и развития всей сети дорог возможно лишь в результате демобилизации армии, т. е. после войны⁵. К октябрю 1917 г. общее количество автотехники достигло 50 тыс. единиц⁶. Но потребности действующей армии росли еще быстрее. По расчетам Главного военно-технического управления к середине 1918 г. армия должна была получить 22 тыс. автомобилей и 10 тыс. мотоциклов⁷.

¹ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 383. Л. 6–7об.

² Там же. Д. 431. Л. 9–10.

³ Там же. Д. 349. Л. 68об.–70об.

⁴ Дороги России: исторический аспект. М., 1996. С. 67.

⁵ РГИА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 383. Л. 4.

⁶ Лебедев А.В. История транспорта России в XIX – начале XX века. С. 70.

⁷ Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. Т. 1. С. 493.

3.5. Транспорт в первые месяцы пролетарской диктатуры

После октябрьских событий 1917 г. вся ответственность за состояние транспорта легла на Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным. Первое советское правительство было сформировано без руководителя путейского ведомства. Большевики подыскивали на эту должность человека, популярного в железнодорожной среде, такого как Н.В. Крыленко в армии или П.Е. Дыбенко на флоте. После долгих и интенсивных поисков удалось уговорить занять это место М.Т. Елизарова – мужа старшей сестры Ленина. В годы войны он был директором-распорядителем правления пароходного общества «По Волге», от Всероссийского Союза городов участвовал в работе Особого совещания по перевозкам и в целом был в курсе основных проблем транспортной отрасли. Учитывая, что Викжель не оставил попыток возглавить МПС, Совнарком принял решение о созыве Чрезвычайного железнодорожного съезда, на котором предстояло обсудить вопрос управления железнодорожным транспортом. О созыве такого же съезда объявил Викжель.

После Октябрьской революции власть на железных дорогах оказалась в руках железнодорожных профсоюзов. Первоначально главные дорожные комитеты поддерживали политику Викжеля. В дальнейшем, под влиянием успехов большевиков и радикализации настроений рядовых железнодорожников, они брали управление на дорогах в свои руки, к чему психологически были давно готовы. Там же, где дорожные комитеты проявляли нерешительность, большевики создавали военно-революционные комитеты для захвата власти. В результате система управления железными дорогами страны представляла собой пеструю мозаику.

Так, весной 1918 г. органом власти на Николаевской железной дороге был Исполнительный комитет в составе 25 чел., избираемый дорожным делегатским съездом на три месяца. При нем действовали трудовой и технический советы. На Пермской и Самаро-Златоустовской железных дорогах управление взяли на себя главные дорожные комитеты, а на Юго-Восточных железных дорогах – Главный дорожный революционный комитет. Екатеринбургской железной дорогой управлял Совет комиссаров. На Московско-Казанской железной дороге администрация попыталась наладить конструктивную работу с профсоюзами, и в результате реальная власть осталась у прежнего управляющего дорогой Л.Н. Бернацкого. На Московско-Киево-Воронежской железной дороге Совет железнодорожных депутатов избрал Коллегию по управлению. На Забайкальской железной дороге Главный дорожный комитет был преобразован в Исполком Совета железнодорожных депутатов. Такой же орган стоял во главе Средне-Азиатской железной дороги. На Сызрано-Вяземской железной дороге съезд железнодорожников избрал председателя дороги и комиссаров служб. Все они были абсолютно не знакомы с вопросами управления, и тогда из прежних начальников служб организовали Технический совет. На Северных железных дорогах общее управление осуществлял Главный дорожный комитет, а сугубо распорядительные функции были сосредоточены в Техническо-транспортно-административно-распорядительном совете.

Народный комиссар путей сообщения П.А. Кобозев в докладе Совету народных комиссаров в мае 1918 г. отметил, что «приходится наблюдать более систем и способов управления, чем имеется отдельных дорог в России». А по мнению

Совета частных железных дорог, «государство фактически утерало право управления своими путями сообщения», ибо любая ячейка профессионального союза считала себя вправе устанавливать нормы работы своего участка или дороги «на вполне самостоятельных началах». По существу, служащие железных дорог пытались устроить управление так, «как это кажется лучшим случайно подобранной группе рядовых работников»¹. Это привело к полному расстройству техническо-административного аппарата дорог и отсутствию лиц, ответственных за результаты эксплуатации на местах. Разрушились служебные взаимоотношения между различными категориями железнодорожного персонала. Поскольку грузы все же должны были приходиться к грузополучателю, отдельные учреждения стали активно вмешиваться в действия железнодорожной администрации. Возникло т. н. толкачество, когда грузохозы (учреждения, организации, частные лица) посредством взяток проталкивали составы со своими грузами. В таких условиях работа дорог могла хоть сколько-нибудь поддерживаться только высококвалифицированными администраторами. Но и здесь возникли трудности. В одном из материалов, помещенных в «Вестнике путей сообщения», говорилось: «Дороги оказались во власти коллективов, подобранных по случайным признакам... Мы можем теперь наблюдать заурядных машинистов, конторщиков, слесарей и т. п. в ролях главных руководителей железных дорог, и это в то время, когда состояние дорог требовало назначения на посты руководителей людей совершенно исключительных знаний и энергии»².

Выборные коллективы пытались соблюсти в первую очередь интересы избравших их железнодорожных работников, а не интересы страны в целом. В результате большинство железнодорожных агентов стали работать так, как считали нужным, и в той мере, какую считали для себя необременительной. При этом, по оценке «Вестника путей сообщения», «их заработок повысился до максимума, а количество работы понизилось до минимума»³.

Схожие процессы шли и на морском торговом флоте, и в портовых городах. Например, Одесский отдел Всероссийского союза моряков и речников объявил весь торговый флот на Черном море собственностью моряков, назвав эту акцию социализацией⁴.

Найти разумное сочетание децентрализации и централизации в управлении транспортом оказалось достаточно сложно. Сильным являлось стремление освободиться от прежней излишне бюрократической системы управления, от прежних чиновников. Приходилось действовать методом проб и ошибок.

Первоначально советская власть пошла на уступку отраслевым профсоюзам, которые на съездах поддержали идею формирования высших органов управления из своей среды. Так, в январе 1918 г. второй Чрезвычайный железнодорожный съезд утвердил «Положение об управлении железными дорогами Российской

¹ Вестник путей сообщения. 1918. № 5. С. 27; *Михайлов И.Д.* Эволюция русского транспорта 1913–1925. М., 1925. С. 80.

² Вестник путей сообщения. 1918. № 5. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Русское судоходство. 1918. № 1–2. При этом деньги на текущие расходы одесситы попросили у ленинского Совнаркома в Петрограде.

Советской Республики», согласно которому высшее управление железнодорожным транспортом переходило к избранной съездом коллегии. Аналогичное заявление принял работавший в феврале 1918 г. Второй делегатский съезд Всероссийского союза моряков и речников.

Широкое самоуправление на транспорте вызывало обоснованную критику специалистов. Начальник Эксплуатационного управления МПС Э.В. Ландсберг писал, анализируя положение на железных дорогах в 1917 г., что «самоуправление послужит лишь последним толчком к довершению разрухи на железных дорогах и к окончательной гибели транспорта... Это надлежит глубоко взвесить и продумать всем тем, кто будет, вопреки здравому смыслу, проводить в жизнь автономию железных дорог»¹.

Жизнь быстро показала ошибочность решений, принятых на съездах профсоюзов работников транспорта. Пытаясь вернуться к проверенным временем методам управления, 23 марта 1918 г. Совнарком принял декрет «О централизации управления, охране дорог и повышении их производительности», где подчеркивалось, что во главе формировавшегося Наркомата путей сообщения будет находиться нарком, ответственный перед Совнаркомом и Всероссийским центральным исполнительным комитетом².

Опасаясь вывода или продажи российских судов за границу, Совнарком 24 ноября 1917 г. принял декрет «О воспрещении продажи, заклада и отдачи по charter-партии русских торговых судов в руки иностранных подданных или учреждений»³. Согласно декрету, все сделки по передаче русских судов за границу, заключенные после 19 июля 1914 г., признавались недействительными. За неделю до принятия декрета советское правительство образовало следственную комиссию по делу о передаче Временным правительством ряда судов русского торгового флота английскому адмиралтейству на основе договора charter-партии, по которому владелец судна предоставлял нанимателю для морских перевозок судно или часть его. Эти решения вызвали саботаж судовладельцев. Отмечались случаи поджога и затопления судов.

Утечка тоннажа за границу и саботаж владельцев судов ускорили разработку декрета о передаче всего флота государству. На водном транспорте первым шагом к национализации было введение рабочего контроля. Его органами стали деловые советы, действовавшие на пристанях и в агентствах крупных пароходств. В затонах функции рабочего контроля были возложены на затонские комитеты профсоюза водников. Органы рабочего контроля контролировали финансовые операции пароходных предприятий, выполнение программы судоремонта и подготовку к предстоящей навигации 1918 г. Однако их деятельность затруднялась разбросанностью флота по пароходствам, портам, затонам, удаленностью от центральных органов управления. Кое-где работники водного транспорта были подвержены идеям анархо-синдикализма. Они явочным порядком проводили национализа-

¹ Ландсберг Э.В. К вопросу о положении железнодорожного транспорта 1916–1917 гг. С. 57.

² Сборник декретов, постановлений и распоряжений по Народному комиссариату путей сообщения. По 1-е января 1919 года. М., 1919. Кн. 1. С. 4.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 140–141.

цию судна и объявляли его собственностью отдельных групп водников. Все это побуждало ускорить национализацию флота.

23 января 1918 г. СНК принял декрет «О национализации торгового флота». Собственностью советской республики объявлялись все судоходные предприятия, принадлежавшие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям, а также морские и речные суда всех типов, использовавшиеся для перевозки грузов и пассажиров. В частном секторе оставались китобойные и рыболовные суда лоцманских обществ и товариществ, органов городских и сельских самоуправлений, равно все небольшие суда, служившие для мелкого промысла¹. Особенностью национализации было то, что в момент ее провозглашения большинство судов находилось за пределами действия советского законодательства – в открытых морях. Часть их в годы Гражданской войны была задержана в иностранных портах, часть осталась за границей. Изъятие судов у акционерных обществ, паевых товариществ, торговых домов и крупных единоличных предпринимателей, охрана, ремонт и подготовка к навигации возлагались на местные органы советской власти и отделы Всероссийского союза моряков и речников торгового флота. Всего по этому декрету было национализировано 13 754 судна речного и 2476 судов морского транспорта. Позднее выяснилось, что на местах порой конфисковывались суда мелких собственников, поэтому их пришлось вернуть прежним владельцам².

Еще ранее, в декабре 1917 г., Совнарком образовал комиссию по развитию отечественного торгового флота. Комиссия должна была разработать план судостроения в России и рационального использования отечественных судостроительных предприятий, оценить возможности пополнения флота путем приобретения судов за границей. Комиссия получала право распределять заказы между государственными и частными предприятиями на постройку торговых судов³.

В связи с нарушением перемирия и вторжением германских войск на Украину, в Белоруссию и Прибалтику 18 февраля 1918 г. была предпринята попытка прорыва скопившихся в Ревеле судов в Гельсингфорс и далее в Россию. С помощью ледоколов «Ермак», «Волынец», и «Тарно» в Гельсингфорс был переведен большой отряд кораблей Балтийского флота и 20 торговых судов. В связи с нависшей угрозой германской оккупации Финляндии с 5 по 12 апреля из Гельсингфорса в Кронштадт были переведены 63 торговых судна, составивших основу торгового флота на Балтике⁴.

Одновременно решался вопрос о создании органов управления национализированным флотом. Декретом Совнаркома от 27 февраля 1918 г. Отдел торгового мореплавания и Отдел торговых портов, функционировавшие до тех пор в составе Наркомата торговли и промышленности, передавались в ведение ВСНХ. При нем учреждался Отдел водных сообщений – общегосударственный орган управления

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 391–397.

² История социалистической экономики СССР. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976. С. 181–182.

³ Русское судоходство. 1918. № 1–2. С. 36–37.

⁴ Под флагом России. История зарождения и развития морского флота. С. 273.

торговым морским и речным флотом и водными сообщениями¹. Для дальнейшего улучшения руководства торговым флотом декретом Совнаркома от 18 мая 1918 г. Отдел водных сообщений был преобразован в Главное управление водного транспорта (Главвод). В качестве местных органов создавались Областное управление водным транспортом Балтийского моря (Трансбалт), Беломорское и другие управления². Вопросами развития водного хозяйства с 11 июня 1918 г. ведал Комитет государственных сооружений ВСНХ³.

5 марта 1918 г. управление внутренними водными путями сообщения перешло в ведение ВСНХ. Шоссейными путями ведали Наркомат внутренних дел и ВСНХ. НКПС теперь руководил только железными дорогами. Разрушение единого ведомства отрицательно сказалось на состоянии транспорта страны. Уже в апреле 1918 г. для согласования деятельности НКПС и Главного управления водных сообщений ВСНХ была образована Межведомственная комиссия по смешанным железнодорожно-водным перевозкам. В состав Комиссии вошли по три представителя этих ведомств и один от Наркомата продовольствия. С совещательным голосом присутствовали по два специалиста Главвода и НКПС. Комиссия утверждала планы смешанных перевозок, вырабатывала меры по усилению пропускной способности пристаней и близлежащих станций, оборудованию складских помещений и т. п. Решения Комиссии были обязательны для этих ведомств⁴.

17 июня 1918 г. Президиум ВСНХ образовал из представителей Главвода и НКПС особую коллегияю «в целях координирования и объединения деятельности всех видов транспорта (железнодорожного, водного, шоссеиног)». 1 ноября того же года декретом СНК была учреждена Чрезвычайная транспортная комиссия «в целях объединения железнодорожного и водного транспорта» и для проведения срочных мероприятий по улучшению состояния транспорта, ускорению ремонта вагонов и паровозов и т. п. Решения этой комиссии были обязательны для Главного управления водного транспорта ВСНХ и НКПС⁵.

Не остался в стороне от проводимых реформ автомобильный транспорт. 31 мая 1918 г. в целях «правильной постановки автомобильного хозяйства» и «надлежащего использования автоимущества» Совнарком постановил возложить общее руководство автомобильным транспортом на ВСНХ, в котором создавалась Центральная автосекция. ВСНХ отныне рассматривал все вопросы автомобильного строительства, организации и поддержания производства на предприятиях автомобильной промышленности, ведал капитальным ремонтом автомобилей, заготовкой и снабжением всем необходимым автоимуществом различных ведомств и отдельных учреждений по их общим планам и заказам⁶.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 501–502.

² Морской транспорт СССР. К 60-летию отрасли / под общ. ред. Т.Б. Гуженко. М., 1984. С. 14–16.

³ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 422–426.

⁴ Сборник декретов, постановлений и распоряжений по Народному комиссариату путей сообщения. С. 103–104.

⁵ Там же. С. 106–107.

⁶ Декреты Советской власти. Т. II. С. 372–375.

Российское государство еще до революции в значительной степени контролировало транспортный сектор экономики, выступая в качестве основного собственника железных дорог, гидротехнических сооружений, шоссеиных дорог, заказчика и главного инвестора транспортного строительства. Государство готовило все управленческие и инженерные кадры для транспорта. Частные транспортные общества находились в финансовой зависимости от государства. Их высшие руководители состояли на государственной службе. Поэтому переход частного сектора на транспорте под полный контроль государства прошел без особых эксцессов. Его темпы были продиктованы чрезвычайными обстоятельствами разгоравшейся Гражданской войны.

Гораздо большую опасность для новой власти представляло массовое стихийное движение работников транспорта с их иллюзиями рабочего самоуправления, распространившимися анархо-синдикалистскими настроениями. Обуздание «сверхреволюционности» рабочих масс, возрождение дееспособности управления на транспорте стало главной задачей советского правительства в 1918 г.

Глава 4. ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ФЕВРАЛЬ 1917 – ОСЕНЬ 1918 г. (*Ю.П. Голицын, Ю.А. Петров*)

4.1. Финансовая политика Временного правительства, февраль–октябрь 1917 г.

После Февральской революции и отречения Николая II пришедшее к власти Временное правительство практически сразу признало все обязательства прежней власти, в т. ч. по внутренним и внешним государственным займам, вкладам государственных сберегательных касс и союзническим обязательствам. Уже 8 марта 1917 г. новое правительство заявило, что оно «приняло к неременному исполнению все возложенные на государственную казну при прежнем правительстве денежные обязательства, как то: платеж процентов и погашения по государственным займам, платежи, по договорам, содержание служащим, пенсии и всякого рода иные платежи следующие кому-либо из казны по закону, по договору или на другом законном основании.

Вместе с тем и все платежи, следующие в казну, – налоги, пошлины и иные всякого рода поступления – должны вноситься по-прежнему, впредь до изменения их новым законом»¹.

Фактически продолжение политики старого режима в финансовой области предусматривало финансирование войны путем бумажноденежной эмиссии и внутренних займов, однако масштабы этих операций в громадной степени воз-

¹ Заявление Временного правительства о признании им денежных обязательств царизма и о характере своей финансовой политики // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. Ч. 2. М., 1957. С. 394.

росли в связи с растущей дезорганизацией экономической жизни. Восемь послефевральских месяцев оказались периодом нарастания жесточайшего финансово-экономического кризиса, усугубляемого растущей общественно-политической нестабильностью. В немалой степени его обострению способствовала и сама финансовая политика правительства.

Прежде всего это касалось денежной эмиссии. Если в апреле эмиссия снизилась до дореволюционного уровня, то затем ее темпы выросли, превзойдя дореволюционные показатели почти в четыре раза. С марта по октябрь 1917 г. было напечатано кредитных билетов царских образцов на 6,412 млрд руб. Весной 1917 г. были пущены в обращение и собственные деньги нового правительства с упрощенным оформлением – кредитные билеты достоинством 250 (с двуглавым орлом без царских регалий – короны, скипетра и державы) и 1000 рублей (т. н. думки с изображением Таврического дворца в Петрограде, где происходили заседания Государственной Думы), летом 1917 г. – казначейские знаки достоинством 20 и 40 рублей (прозванные керенками по имени министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского). Последние выпускались целыми неразрезанными блоками по 40 знаков на общую сумму 1600 руб., без нумерации, подписей и даты выпуска. Впоследствии многие сельские жители использовали эти суррогатные денежные знаки вместо обоев для оклейки стен.

Всего Временным правительством было эмитировано бумажных денег на 9,533 млрд руб., или больше, чем за предыдущие 2,5 года войны. Общая сумма бумажных денег в обращении к ноябрю 1917 г. достигла 19,574 млрд руб.

В литературе встречаются и другие данные. Так, Н.А. Данилов указывал, что «к Февральской революции было выпущено в обращение кредитных билетов на сумму 9,95 млрд руб., а за период от Февральской до Октябрьской революции выпустили 8,967 млрд руб.»¹. По мнению В. Бляхера, «за 8 месяцев, с марта по октябрь 1917 г., были выпущены кредитные билеты на сумму 9,4 млрд руб., т. е. на 1,5 млрд руб. больше, чем за предыдущие 32 месяца войны»².

«Непосредственными причинами громадного выпуска кредитных билетов, – отмечалось в представлении министра финансов М.В. Бернацкого 6 октября 1917 г., – были не только крупные позаимствования казны в Государственном банке на военные расходы, но также значительные затраты банка по кредитованию закупочных операций Министерства продовольствия... Все более значительная часть военных расходов покрывается за последнее время за счет бумажноденежного источника»³.

Наполнение оборота бумажными деньгами подстегнуло инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства и ростом товарных цен, а также катастрофическим обесцениванием рубля, покупательная способность которого к октябрю

¹ Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922. С. 89.

² Бляхер В. Внутренние государственные займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны // Научные записки Всесоюзного заочного финансового института. Вып. 1. М., 1957. С. 112.

³ См.: Представление министра финансов о расширении денежной эмиссии, 6 октября 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917. Ч. 2. С. 424.

1917 г. упала до 6–7 коп. от довоенного уровня¹. Отметим, что уже в течение 1916 г. индекс товарных цен поднялся почти втрое. Темпы обесценивания денег стали значительно опережать темпы бумажноденежной эмиссии, в результате чего реальный доход государства от эмиссии стал сокращаться².

Растущие расходы на войну и общеэкономический кризис не оставляли правительству выбора. «У нас нет никакого другого способа непосредственно сейчас же заполучить в свое распоряжение денежные знаки... нет более надежного и верного источника, как все тот же злосчастный станок Экспедиции заготовления государственных бумаг»³, – признавался министр труда меньшевик М.И. Скобелев. После февраля 1917 г. это предприятие, печатавшее бумажные деньги (предшественник современного Гознака), являлось едва ли не единственным в стране, не сократившим, а резко расширившим объем производства. Для этого пришлось постоянно увеличивать численность работников. Если к 1 марта 1917 г. в Экспедиции работали 7873 чел., то к 1 ноября уже 9280. Но даже рост количества рабочих не позволял в полной мере удовлетворить потребности Государственного банка в кредитных билетах⁴.

Накачивание денежного оборота новыми платежными средствами сопровождалось, как это ни парадоксально, острым дефицитом денежных знаков. Из-за падения курса рубля реальная стоимость денежной массы, несмотря на гигантскую эмиссию, с 3,2 млрд довоенных золотых рублей сократилась за полгода до 1,9 млрд руб. Причина кризиса заключалась в опережающем росте товарных цен: за второе полугодие 1917 г. количество денег в обращении по сравнению с началом 1914 г. выросло в 8,2 раза, а индекс товарных цен – в 11,7 раз⁵. Дефицит платежных средств в ряде городов и губерний породил выпуск местными органами власти, торговыми, кооперативными и другими организациями своих средств платежа – разного рода чеков, марок, бон и др.

Почти полностью прекратился возврат денег в казну – к осени 1917 г. из почти 20 млрд руб. денежных знаков, выпущенных в обращение царским и Временным правительствами, на руках у населения оставалось около 13–14 млрд руб.⁶ Имущие городские слои предпочитали прятать деньги, особенно крупные купюры в 100 руб. царского образца с портретом Екатерины II («катеньки»). Крестьянство, напуганное введенными Временным правительством твердыми ценами на хлеб при продолжающемся росте дороговизны на промышленные товары, также придерживало свои целковые в ожидании лучшей рыночной конъюнктуры. «Мы уто-

¹ Наше денежное обращение. Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. М., 1926. С. 10–12.

² Бляхер В. Внутренние государственные займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны. С. 108.

³ Цит. по: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 353.

⁴ Вознесенский С.В. Первые сто лет Экспедиции заготовления государственных бумаг (1818–1918 гг.). СПб., 2009. С. 384.

⁵ См.: Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. С. 147.

⁶ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

ляем жажду соляным раствором, – сетовали по поводу денежного кризиса современники, – захлебываемся от бумажной водянки, а между тем ощущаем все более и более сильную жажду»¹.

Временное правительство прекрасно осознавало угрозу бумажной эмиссии как инфляционного фактора. В обращении первого премьер-министра Г.Е. Львова к населению страны, подготовленном в апреле 1917 г., прямо говорилось: «Самая серьезная опасность заключается в необходимости до конца войны продолжать выпуск бумажных денег, что роняет покупательную силу рубля и тем самым ведет к удорожанию жизни и к ухудшению общих условий народнохозяйственной жизни». Выход лидерам Временного правительства виделся в выпуске новых внутренних займов, «снимающих с рынка лишние займы и ослабляющих необходимость новых выпусков бумажных денег»².

Надежды связывались с реализацией т. н. Займа Свободы. 5 марта 1917 г. министр финансов М.И. Терещенко на заседании Временного правительства высказал предложение о проведении «большого» займа. А уже на следующий день он встретился с руководителями Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков. На этой встрече Терещенко впервые предложил будущее официальное название кредитной операции – «Заем Свободы». В практике отечественного государственного кредита это был первый случай, когда внутренний заем официально получал ярко выраженное политическое название.

Спустя три дня вопрос о займе обсуждался на совещании глав правлений ведущих акционерных банков. В ходе совещания были рассмотрены различные варианты будущего займа. Оптимальным был признан проект, предусматривавший 5-процентную ставку ежегодного дохода и выпускной курс 85 руб. за 100 номинальных. Применительно к такому варианту и были выработаны «общие основания выпуска нового государственного военного займа». По настоянию банкиров Терещенко был вынужден согласиться на не практиковавшийся ранее выпуск государственного займа без определения нарицательной суммы. Вместо этого был установлен минимум в 3 млрд руб.

Датой официального выпуска «Займа Свободы» было назначено 27 марта, начало подписки – 6 апреля. Таким образом, проект этой кредитной операции был разработан в беспрецедентно короткие сроки – менее чем за две недели³. За такое время не могли быть напечатаны бланки облигаций, поэтому «до получения на местах подлинных облигаций займа, заблаговременное изготовление которых и снабжение местных учреждений не могло быть осуществлено... по техническим условиям, подписчикам временно выдаются без права передачи... квитанции, которые в дальнейшем обмениваются в местах подписки на подлинные облигации»⁴.

Для размещения займа крупнейшие частные банки совместно с Государственным банком образовали специальный синдикат, в который входили 30 ведущих коммерческих банков, среди них были Русский для внешней торговли,

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 39. С. 364–365.

² Экономическое положение России. Ч. 2. С. 375.

³ *Страхов В.В.* «Заем Свободы» Временного правительства // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 32.

⁴ *Мошенский С.З.* Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014. С. 450–451.

Петроградский Международный, Русско-Азиатский, Волжско-Камский, Азовско-Донской и др. В отличие от военных займов царского правительства, которые выгашались на 10 лет, новый заем имел долгосрочный характер и должен был погашаться тиражами в течение 49 лет начиная с 1922 г. Тем не менее для держателей заем был намного выгоднее аналогичных операций военного времени. В первую очередь за счет крайне низкого выпускного курса. Подписная цена облигаций составляла лишь 85 % от их нарицательной стоимости, что обеспечивало подписчикам получение дополнительных 15 руб. с каждых 100 руб. номинала при погашении займа. Кроме того, вместо официально установленных 5 % годового дохода льготные условия подписки обеспечивали получение в первый год почти 7 %, а в дальнейшем – около 6,3 %¹.

Для максимальной «демократизации» подписки предусматривалось предоставление ссуд при приобретении облигаций в учреждениях Государственного банка и казначействах. Для подписки, например, на сторубовую облигацию первоначально следовало внести лишь 10 руб. Остальную сумму в 75 руб. необходимо было уплатить до 1 июля 1918 г. Для привлечения же крупного капитала в счет оплаты за облигации принимались краткосрочные обязательства государственного казначейства. Важное новшество эмиссионной техники «Займа Свободы» заключалось в том, что за него нельзя было расплачиваться облигациями предыдущих военных займов и билетами государственного казначейства («сериями»), которые фактически являлись процентными деньгами.

Выпуск «Займа Свободы» сопровождался специальным воззванием Временного правительства: «Только напряжение всех наших сил может дать нам желанную победу. Нужна затрата многих миллиардов, чтобы спасти страну и завершить строение свободной России на началах равенства и правды. Не жертвы требует от нас Родина, а исполнения долга. Одолжим деньги Государству, поместив их в новый заем, спасем этим от гибели нашу свободу и достояние»².

В считанные дни поддержка или осуждение займа стали не только одним из проявлений социально-политической борьбы, показателем «накала революции», но и своего рода лакмусовой бумажкой, раскрывая отношение к войне и правительственному курсу различных партий и движений, общественных объединений и органов революционной власти, социальных и профессиональных групп.

Закономерно, что полным одобрением встретила «Заем Свободы» партия кадетов, печать которой еще в начале марта развернула его активную пропаганду. Кадетская «Речь» писала в те дни: «Необходимо прибегнуть к большому все-русскому займу нового правительства у свободного русского народа... И мы глубоко верим, что момент для такого займа пришел, надо смело им воспользоваться». Большая часть партии социалистов-революционеров первоначально воздержалась от открытого выражения своего отношения к займу и находилась как бы на распутье. «Займом революции» назвал его 9 апреля в своей передовой

¹ Боголепов Д. Война и финансы. М., 1917. С. 29.

² Цит. по: Терещенко М. Первый олигарх: Михаил Иванович Терещенко (1886–1956): Необычайная история жизни моего деда, как ее рассказала бы мне моя бабушка / пер. с фр. Киев, 2012. С. 117.

статье главный печатный орган партии «Дело народа»¹. Организационный комитет партии меньшевиков на первых порах принял решение соблюдать нейтралитет. Но затем меньшевики, несмотря на определенные колебания и сомнения, в большинстве оказали займу поддержку, правда, обставляя это рядом требований к Временному правительству.

Бескомпромиссную позицию, осуждавшую заем, с самого начала заняла лишь партия большевиков. «Не свободу, а дальнейшее закрепощение принесет этот заем народу, – писала «Правда» 10 марта. – Он даст возможность буржуазии продолжать кровавую бойню, затеянную во славу капитала»². Большевики прилагали немалые усилия с целью воспрепятствовать участию в подписке широких слоев населения.

Заявление своей принципиальной позиции большевиками в данном случае имело важное значение и в том смысле, что в этом вопросе впервые после Февраля столь резко обозначились противоречия между ними и другими социалистическими партиями. «Нас изолировал вопрос о займе – вот что привело нас к изоляции. Вот в каком вопросе мы оказались в меньшинстве», – отмечал Ленин на Апрельской конференции³.

С точки зрения дальнейшей судьбы «Займа Свободы» определяющими стали решения столичных и региональных Советов. И если Петроградский Совет занял выжидательную позицию, то исполком Моссовета 15 апреля принял резолюцию о поддержке займа. Решения столичных органов революционной власти о поддержке «Займа Свободы» послужили сигналом для местных Советов, которые выразили поддержку займу и согласие оказывать помощь в его распространении⁴.

Большие усилия для развертывания пропаганды займа прилагал лично Терещенко⁵. Его двухмесячное пребывание на посту министра финансов запомнилось управляющему делами Временного правительства В.Л. Набокову главным образом тем, что министр финансов был постоянно занят «выпуском знаменитого займа»⁶. Во многом благодаря настойчивости Терещенко в течение первой половины апреля в десятках губерний были образованы возглавляемые комиссарами Временного правительства комитеты (комиссии) по популяризации «Займа Свободы».

Руководство пропагандистской кампанией в стране было возложено на Всероссийский комитет общественного содействия государственным займам,

¹ *Страхов В.В.* «Заем Свободы» Временного правительства. С. 31, 34.

² Цит. по: *Страхов В.В.* «Заем Свободы» Временного правительства. С. 35.

³ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 111.

⁴ *Страхов В.В.* «Заем Свободы» Временного правительства. С. 38.

⁵ Интересно, что, по некоторым сведениям, Терещенко дал личную гарантию на выпуск этого займа и в эмиграции на протяжении многих лет погашал долговые обязательства России по «Займу Свободы» крупнейшим европейским банкам, участвовавшим в его размещении (*Терещенко М.* Первый олигарх: Михаил Иванович Терещенко (1886–1956). С. 199–202).

⁶ Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 58.

который был создан еще в конце 1916 г.¹ Впечатляющей была издательская деятельность Комитета, выпустившего весной массовыми тиражами более десятка агитационных брошюр и инструктивных материалов для агитаторов, авторами некоторых из них являлись известные экономисты М.И. Боголепов, В.С. Зив, М.И. Туган-Барановский и др.

Так, Боголепов пытался обосновать необходимость выпуска и приобретения займа «корыстными и безрассудными» действиями старой власти, а также перспективами «народной свободы». «Интересы государственного кредита и интересы народного хозяйства потребовали того, чтобы новая Россия в лице своего Временного Правительства признала все старые долги, все государственные займы и обязательства, которые были заключены как до войны, так и во время войны. На новую дорогу свободная Россия выступила с тяжелым грузом прошлого. Окончание войны не за горами; но в силу необычайного удорожания войны придется значительно увеличить размеры государственного долга... Перед нашим отечеством стоят колоссальные задачи внутреннего устройства, облегчения условий для мирного труда и упрочения нового строя на началах свободы и справедливости. Государственный кредит нужен и для того, чтобы оздоровить нашу денежную систему, сильно страдавшую во время войны. В данном случае военный заем достигает две больших цели: с одной стороны, он дает деньги для довершения войны, с другой – он спасает страну от тяжких влияний расстроеной денежной системы»².

Одной из наиболее действенных форм пропаганды, практиковавшейся в крупных городских центрах, являлись т. н. дни (праздники) «Займа Свободы» – с уличными шествиями, с оркестрами и транспарантами, «летучими» митингами, раздачей агитационных материалов, благотворительными, в счет займа, выступлениями артистов, устройством лотерей, кружечных сборов, выпуском однодневных газет. Вот как, по воспоминаниям современника, проходил такой день в Екатеринбурге. У каждого банка в городе был установлен разукрашенный киоск, где принимали подписку на заем и продавали лотерейные билеты, при розыгрыше, который проходил тут же, можно было выиграть сторублевую облигацию. Лотерейные билеты «брались нарасхват». По улицам города в этот день ездил «кортеж из экипажей, украшенных цветами и флагами»³. Подобные «дни» и «праздники» прошли во многих крупных городах.

К реализации займа оказались привлечены самые широкие круги населения России. По некоторым данным, в «Займе Свободы» приняли участие даже Николай II и члены его семьи, которые выразили готовность «о приобретении на их средства облигаций Займа Свободы». Летом 1917 г. с представителями власти согласовывался вопрос «размер суммы, которая могла быть употреблена на этот предмет». Николай Романов был готов приобрести облигации «из своих капиталов», даже в случае прекращения «отпуска сумм» на содержание его семьи.

¹ Бляхер В. Внутренние государственные займы дореволюционной России в годы Первой мировой войны. С. 109.

² Боголепов М.И. Заем Свободы и интересы Свободной России. Пг., 1917. С. 2–3, 8–9.

³ Анчиков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 56–57.

Он был готов израсходовать на «Займ Свободы» до 100 тыс. руб.¹ Его поддержали и некоторые члены императорской семьи. Так, в сентябре 1917 г. Е.Г. Саксен-Альтенбургская приобрела и положила на хранение в Московский купеческий банк облигации «Займа Свободы» на общую сумму более 1 млн руб.²

Помимо физических лиц, на заем подписывались кредитные учреждения, кооперативные и общественные организации, больничные и эмеритальные кассы, страховые общества, фирмы, приходы и т. д. Судя по некоторым косвенным данным, лидером здесь являлись кредитные товарищества в количестве нескольких тысяч, ставшие держателями облигаций займа³.

Широкое распространение получили коллективные подписки. Позднее, когда в январе 1918 г. советское правительство аннулировало внутренние и внешние займы, ему пришлось разбираться с большим количеством обращений трудовых коллективов, члены которых хотели «ликвидировать» подписку на «Займ Свободы»⁴. По числу подписчиков, общее количество которых достигло 1 млн чел., «Займ Свободы» не имел себе равных. По сравнению с числом участников последних займов царского правительства это было как минимум в три с лишним раза больше.

Однако, несмотря на внешний успех, эмиссия не принесла ожидаемого результата, т. к. оплата облигаций производилась населением большей частью не наличными деньгами, а краткосрочными обязательствами казначейства. Общая сумма выпусков краткосрочных обязательств казны при Временном правительстве составила 10 млрд руб., от учета которых в России в казну поступило 8,19 млрд руб. Подавляющая часть обязательств на сумму 6,21 млрд руб. была принята к учету Государственным банком, а около 2 млрд руб. были размещены на частном рынке⁵. Произошел в итоге лишь перевод краткосрочного долга казны в долгосрочный. Заем не сдержал инфляционной волны, которая с лета 1917 г. захлестнула экономику страны.

То, что «Займ Свободы» не оправдает возлагавшихся на него надежд, Временное правительство ощутило уже в конце апреля, когда вместо ожидавшихся миллиардов народных денег оно получило подписку лишь в 725 млн. В то же время один день войны обходился более чем в 50 млн⁶. К 1 июня, т. е. есть сроку, когда правительство намеревалось разместить облигации на 3 млрд руб. и закончить подписную кампанию, «Займ Свободы» удалось реализовать на 1,2 млрд. В итоге же сумма подписки составила немногим более 4 млрд руб.⁷ В сентябре 1917 г. об-

¹ Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 32.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7930. Л. 47.

³ Страхов В.В. «Заем Свободы» Временного правительства. С. 42.

⁴ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 77. Л. 26, 29–29об.

⁵ См.: Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 141–143.

⁶ Страхов В.В. «Заем Свободы» Временного правительства. С. 43.

⁷ Чубаков И.И. Внутренние и zahraniчные кредитные операции в период империалистической войны // Вестник финансов. 1926. № 5–6. С. 134; Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914–1917 гг.) М.; Л., 1926. С. 14.

лигации «Займа Свободы» Временное правительство узаконило в качестве государственных денежных знаков (все выпущенные номиналы займа)¹.

Еще одной достаточно крупной финансовой операцией Временного правительства было размещение второго выпуска Объединенного железнодорожного займа. Первый выпуск этого займа был подготовлен и начат царским правительством. Осенью 1916 г. Министерство финансов выпустило его на общую сумму 350 млн руб. Необходимость данного займа обосновывалась «нежеланием» коммерческих банков «идти на дальнейшее кредитование железных дорог без обеспечения им дополнительных кредитов в Государственном банке». Выпуск объединенного займа исключал конкуренцию отдельных железнодорожных обществ и предоставлял Министерству финансов возможность использовать полученные средства «для неотложных нужд некоторых железных дорог»². Заем был выпущен из 4,5 % на 81 год и реализован среди акционерных банков по цене 73,75 за 100. В займе участвовали 12 частных железнодорожных обществ, окончательно заем был размещен только в июне 1917 г.³

Уже в ходе реализации первого выпуска начались переговоры о втором выпуске, т. к. положение с перевозкой грузов, как военных, так и гражданских, оставалось тяжелым. 9 августа 1917 г. Временное правительство постановлением объявило о выпуске внутреннего 4,5-процентного гарантированного правительством железнодорожного займа на 750 млн руб. Заем предназначался «для производства работ по постройке и усилению пропускной способности отдельных линий, а также для погашения краткосрочных долгов железнодорожных обществ»⁴.

Управляющий Министерством финансов М.В. Бернацкий признал, что, «ввиду большой задолженности частных железнодорожных обществ, выпуск нового займа представляется безусловно своевременным и необходимым, так как в противном случае нормальная деятельность частных железных дорог могла бы поддерживаться лишь путем выдачи им пособий из казны». Предполагалось, что чистая выручка, за вычетом комиссионных в пользу банков, «даст» около 600 млн руб., из которых 296 млн руб. предназначались на погашение векселей и правительственных ссуд, 166 млн на погашение ссуд в частных банках и 120 млн в сберегательных кассах. Остаток должен был быть размещен на находившиеся «в распоряжении» Министерства финансов текущие счета железных дорог в частных банках⁵. Заем должен был погашаться тиражами по нарицательной цене в течение 81 года начиная с 5 сентября 1918 г.⁶

¹ *Денисов А.Е.* Государственные займы Российской империи 1798–1917 годов. М., 2005. С. 90.

² *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 163–164.

³ *Гусаков А.Д., Дымишиц И.А.* Денежное обращение и кредит СССР. М., 1951. С. 59.

⁴ Постановление Временного правительства о выпуске внутреннего 4,5%-го объединенного гарантированного железнодорожного займа на 750 млн руб. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март–октябрь 1917 г. Ч. 2. С. 411.

⁵ Вестник путей сообщения. 1917. № 34. С. 171–172.

⁶ Финансовое обозрение. 1917. № 21. С. 3.

Публичная подписка на заем проводилась 3–5 октября 1917 г. во всех крупнейших акционерных банках и банкирских домах страны. Заем был размещен в течение трех дней. Такой успех железнодорожного займа, в отличие от «Займа Свободы», печать объясняла его «производительным» назначением и наличием государственной гарантии. Но по мнению некоторых исследователей причина была проще – появился новый благодатный объект для спекуляций на фондовой бирже¹.

В мае 1917 г., когда уже стало очевидно, что «Займ Свободы» не оправдывает надежд, появилась идея принудительного займа. Ее активно пропагандировал профессор П. Гензель. Он считал, что «государство должно оказать сильнейшее принуждение на обращение крупных свободных средств». По его мнению, подобный заем был более выгоден и для государства, и для населения, т. к. государство получает больше средств, а «всякий кредитор, даже если он сделался им насильно», находится в лучшем положении, чем налогоплательщик, отдающий свои деньги государству «безвозвратно»².

По мнению Гензеля, заем должен был быть выпущен на 20 лет по номиналу. Официально он объявлялся «добровольным», однако все плательщики подоходного налога, имевшие по итогам 1917 г. более 2 тыс. руб. облагаемого дохода, должны были на него обязательно подписаться. При этом в проекте Гензеля предполагалась прогрессивная шкала подписки. Лица, имевшие облагаемый доход в размере от 10 тыс. до 20 тыс. руб., должны были обязательно подписаться на сумму не менее 15 %, от 20 тыс. до 50 тыс. руб. – на 30 %, свыше 200 тыс. руб. – на 60 %³.

Но проект принудительного займа осуществлен не был. По мнению А.П. Потемкина, причинами этого были ухудшение экономического положения в стране, возобновление крупномасштабных военных действий, политические кризисы и слабость Временного правительства⁴.

Еще одним проектом этого времени было предложение о выпуске военного выигрышного займа на 1 млрд руб. с большим количеством мелких, средних и крупных выигрышей, которыми и должны были погашаться облигации займа. От традиционных тиражей погашения предлагалось отказаться. Такой способ позволил бы избежать быстрого роста рыночного курса облигаций и их конкуренции с другими государственными ценными бумагами⁵.

Некоторые из идей этого проекта были реализованы Временным правительством в принятом 11 августа 1917 г. постановлении о выпуске Государственного

¹ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. С. 349.

² Гензель П. Кредитная политика государства и органов местного самоуправления // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 18. С. 163; Страхов В.В. Общественные проекты в сфере государственных финансов России 1914–1917 годов // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 34–35.

³ Гензель П. Принудительный заем и меры поощрения подписки на займы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 24. С. 426–430.

⁴ Потемкин А.П. Государственные займы в период Временного правительства в 1917 г. // Финансы. 1997. № 1. С. 56.

⁵ Вопросы финансовой реформы в России. Т. III. Вып. I. Пг., 1917. С. 28–37.

внутреннего 4,5-процентного выигрышного займа 1917 г.¹ Это постановление предусматривало эмиссию облигаций отдельными сериями по 400 млн руб. каждая. Ежегодно в течение 50 лет по каждой серии должны были производиться два тиража выигрышей. В каждом тираже разыгрывался 141 выигрыш на общую сумму в 2,5 млн руб. Особенностью этого займа по сравнению с дореволюционными выигрышными займами было отсутствие тиражей погашения, облигации должны были погашаться выпавшими на них выигрышами.

В октябре 1917 г. российскими представителями в США был подписан контракт с фирмой American Bank Note Company на изготовление для России облигаций займа в количестве 10 млн штук. Из-за срочности заказа российскими представителями было дано согласие на печатание американской фирмой облигаций на бумаге без водяных знаков. Первое время после свержения правительства А.Ф. Керенского в Вашингтоне еще надеялись, что политический кризис в России вскоре закончится и в стране установится «законная власть». Но кризис принимал затяжной характер, поэтому начались переговоры о расторжении контракта. Однако выяснилось, что прекращение печатания облигаций сулило весьма большие убытки, поэтому их изготовление было продолжено «до лучших времен»². Изготовление последней партии было завершено в начале апреля 1918 г.³

Одной из больших проблем, которую необходимо было решить Временному правительству, были отношения с представителями делового мира. В марте 1917 г. правительство отменило ограничения в отношении открытия акционерных компаний. Право утверждать уставы вновь возникавших обществ и разрешать дополнительные выпуски акций было предоставлено министру торговли и промышленности (до революции такое право принадлежало Совету министров). За 9 месяцев 1917 г. акционерные компании получили разрешение выпустить акций на 1,5 млрд руб. (в 6 раз больше, чем в 1913 г.), учредить новые компании с основным капиталом в 469 млн руб. и выпуском акций на 1,9 млрд руб. (в 6,5 раз больше, чем в 1913 г.). В августе 1917 г. возникли 62 компании с капиталом в 205 млн руб., в сентябре – 303 общества с капиталом в 800 млн руб.⁴

Вместе с тем надо отметить, что активное учреждение новых акционерных компаний и усиленный спрос на дивидендные ценные бумаги возникли еще

¹ Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского. М.; Тольятти, 1992. С. 160.

² Шиканова И.С. Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках: очерки по истории бонистики XIX–XX вв. М., 2005. С. 73–74.

³ В сентябре 1919 г., после дополнительных переговоров с американским правительством, облигации были доставлены во Владивосток. В итоге I–III разряды выигрышных билетов были выпущены в обращение правительством Колчака в качестве наличных денег по нарицательной стоимости. После установления в Сибири советской власти колчаковские деньги были аннулированы. Но из-за продолжавшегося «денежного голода» Иркутский губфинотдел в 1920 г. выпустил в обращение облигации IV–V разрядов со специальными надпечатками. Таким образом, 4,5-й выигрышный заем 1917 г. установил своеобразный рекорд – был задуман одним правительством, получен другим, а использован третьим.

⁴ Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., 1947. С. 40.

до Февральской революции¹, первые дни которой стали последними днями Петроградской биржи. 24 февраля началось падение курсов некоторых бумаг, а 3 марта биржа была закрыта официально. После относительной стабилизации положения появились предложения об открытии биржи, но Временное правительство так и не решилось пойти навстречу финансистам.

Осенью 1917 г. была предпринята попытка решения ипотечного кредита. 14 сентября 1917 г. заместитель министра-председателя М.И. Терещенко и министр финансов М.В. Бернацкий подписали распоряжение «Об учреждении Государственного банка городского и земского кредита»². Новый банк должен был заменить Кассу городского и земского кредита³. Предполагалось, что банк сможет «принимать на себя» реализацию выпускаемых непосредственно местными учреждениями облигационных займов как на внутреннем, так и на зарубежных рынках. Но из-за свержения Временного правительства вновь учрежденный банк свою деятельность начать не успел.

Надо отметить, что не только в биржевом, но и в других вопросах Временное правительство так и не смогло заручиться поддержкой отечественных финансистов. Последних возмущали многие начинания власти: уголовное преследование за вывоз валюты из России, запрет на ее продажу внутри страны, а также пересылку и ввоз из нейтральных стран русских ценных бумаг⁴.

Временное правительство пошло в этом смысле еще дальше царского, запретив 5 июня 1917 г. все денежные переводы за границу, «поскольку на то не будет изъявлено согласие Министерством финансов», и установив меры уголовного наказания (до 5 лет лишения свободы) за нарушение этого постановления. Один из последних циркуляров Кредитной канцелярии по этому поводу был издан 17 октября 1917 г. В нем расширительно толковалось постановление 5 июня в том смысле, что оно устанавливает также «контроль и над продажей банками своим клиентам в России наличной... валюты, ибо продажа ее, хотя бы и клиентам в России, рано или поздно влечет перевод денег за границу»⁵.

Накануне революции при Министерстве торговли и промышленности был образован Комитет по обязательной продаже неприятельских акций, основной

¹ Шепелев Л.Е. Фондовая биржа в России в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Исторические записки. Т. 84. М., 1969; Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917). СПб., 2004.

² Указатель Правительственных распоряжений по Министерству финансов и по Министерству торговли и промышленности. 1917. № 43. С. 695–701.

³ Касса городского и земского кредита была открыта в 1913 г. Главной задачей этого учреждения, подчинявшегося непосредственно министру финансов, была выдача ссуд городам и земствам, а также реализация выпущенных этими эмитентами облигационных займов. Касса получила также право выпуска собственных облигаций. Подробнее см.: Голицын Ю.П. Фондовый рынок дореволюционной России: очерки истории. М., 1998. С. 20–21.

⁴ Ананьич Б.В. Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX века: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 22.

⁵ Беляев С.Г. Министерство финансов и международные связи петроградских коммерческих банков в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 405.

обязанностью которого являлась принудительная продажа акций компаний, принадлежавших «неприятельским подданным» и образованных в соответствии с законодательством Российской империи. Деятельность этого Комитета продолжалась и после Февральской революции¹.

19 июня 1917 г. вышло постановление Временного правительства, в соответствии с которым «впредь до особого распоряжения почтовые учреждения принимают к пересылке за границу процентные и дивидендные бумаги, а равно купоны к ним на сумму свыше пятисот рублей только с разрешения Особенной Канцелярии по Кредитной Части Министерства Финансов». Данное ограничение не распространялось на облигации «Займа Свободы» при условии «представления отправителями подписки в том, что посылаемые облигации не предназначены для производства платежа в пользу неприятельских подданных и учреждений»².

В решении налоговой проблемы Временное правительство и деловые круги также не нашли компромисса. Через несколько дней после крушения монархии кабинет Г.Е. Львова выступил с декларацией о том, что «при громадности текущих военных расходов и при вызванном войною увеличении государственного долга повышение некоторых налогов оказывается неизбежным». Налоги при этом не рассматривались в качестве сколько-нибудь значимого ресурса военных затрат: «Расходы на войну покрываются суммами, полученными путем обращения к государственному кредиту на внутреннем и на внешнем рынке». Назначение податей новые правители России, как, впрочем, и их предшественники, усматривали в том, чтобы обеспечивать «текущие расходы государственного управления». Население призывалось добросовестно платить налоги, а власть обещала «стремиться к облегчению бремени налогов более справедливым их распределением»³.

Однако Временное правительство столкнулось с фактом резкого ослабления налоговой дисциплины. Сбор прямых налогов после февраля 1917 г. существенно сократился: поступления по поземельному налогу – на 30 %, с городской недвижимости – на 40 %, квартирный налог – на 43 %, промысловый – на 19 % и т. д.⁴ Перманентный политический кризис, в котором с первых дней своего существования оказалось Временное правительство, дискредитировал новый режим в глазах как имущих слоев, так и широкой демократической массы, не спешивших раскрывать свои кошельки. В число недоимщиков попал даже министр финансов М.И. Терещенко, задолжавший казне 8 тыс. руб.⁵

С включением в состав кабинета социалистов (меньшевиков и эсеров) правительство начало демонстрировать решимость повысить налоги на «буржуев». 12 июня 1917 г. Временное правительство приняло три самых известных своих налоговых закона «О повышении окладов государственного подоходного налога», «Об установлении единовременного налога» и «Об изменении оснований и

¹ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8803. Л. 29.

³ Цит. по: *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 247.

⁴ См.: Выступление министра финансов Н.В. Некрасова на Государственном совещании в Москве, август 1917 г. // *Экономическое положение России.* Ч. 2. С. 417.

⁵ Там же. С. 338.

размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий»¹. Эти законы, предусматривавшие громадное повышение налогов на имущих россиян, явились беспрецедентным актом не только российской, но и мировой налоговой практики.

Законы являлись отражением общественных настроений. С конца мая в письмах и обращениях во Временное правительство появляются предложения не просто об увеличении обложения крупных капиталистов и земельных собственников, а о введении максимально высоких ставок и установлении «революционных» и «чрезвычайных» налогов, за неполный или несвоевременный платеж которых предусматривались бы жесткие санкции. Появление подобных идей свидетельствует о дальнейшей радикализации «налогового сознания» народных масс под влиянием большевистской пропаганды, разгоняющейся инфляции и заявлений отдельных членов Временного правительства. Так, министр труда меньшевик М.И. Скобелев 13 мая 1917 г., выступая в Петроградском Совете, потребовал сто-процентного изъятия в пользу государства прибылей капиталистов и «беспощадного» обложения их имущества².

Аналогичные законы, продиктованные суровой обстановкой военного времени, принимались и в других странах, но нигде уровень обложения не достигал той максимальной планки, которую установило Временное правительство. От повышения ставок подоходного налога правительство рассчитывало получить 500 млн руб., единовременный налог должен был принести в казну 80 млн, а налог на сверхприбыль – около 100 млн, т. е. в общей сложности 680 млн руб.

Инициатива правительства вызвала резкую отповедь деловых кругов. Выступая на Государственном совещании в начале августа 1917 г., П.П. Рябушинский, один из идейных вождей торгово-промышленного класса, прямо заявил, что «в настоящее время Россией управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия». В итоге после корниловских событий обновленному кабинету Керенского пришлось пойти на попятную и в сентябре 1917 г. признать, что «взимание означенных налогов на существующих основаниях приведет в отдельных случаях к конфискации всей прибыли предприятий или дохода плательщиков...»³. Законы 12 июня 1917 г. Временным правительством так и не были реализованы. Налоговый кризис стал ярким проявлением нараставшего общенационального катаклизма, приведшего к свержению кабинета Керенского.

Верное союзническим обязательствам, Временное правительство с самого начала своей деятельности продолжило линию на расширение позаимствований у партнеров по Антанте. За счет военных кредитов оплачивались поставки вооружения для армии, поддерживался курс русской валюты на зарубежных рынках, производилась выплата процентов по государственному долгу. Союзники продол-

¹ Подробнее см.: *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. С. 319–324; *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 321–323.

² *Страхов В.В.* Общественные проекты в сфере государственных финансов России 1914–1917 годов. С. 33.

³ Представление Министерства финансов Временному правительству. 20 сентября 1917 г. // Экономическое положение России. Ч. 2. С. 420–422.

жали кредитование по счетам царского правительства и отчасти открыли новые каналы финансирования для того, чтобы Россия не заключила сепаратный мир. С марта по ноябрь 1917 г. правительство Великобритании выделило России около 408 млн руб., но это было значительно меньше того, что ранее получило царское правительство. США, официально вступив в войну в апреле 1917 г., предоставили Временному правительству первый кредит на сумму 100 млн дол. уже 16 мая 1917 г. Через два месяца, 17 июля, был открыт дополнительный кредит в 75 млн дол. 23 августа был предоставлен третий заем на сумму 100 млн дол., а в октябре Временное правительство получило от США еще 50 млн дол. Таким образом, сумма прямых американских кредитов Временному правительству должна была составить 325 млн дол., но реально было отпущено в разные сроки только 187,7 млн.

Тяжелое положение с платежами сложилось для Временного правительства в Японии. Разрыв между стоимостью произведенных заказов и полученными займами составлял здесь около 100 млн иен. К тому же Англия начиная с марта полностью прекратила кредитование России в иенах. Временное правительство, чтобы восстановить финансирование, предпринимало усилия по двум направлениям. Оно несколько раз обращалось к японским властям с просьбой помочь заключению нового займа у синдиката японских банков. При этом было дано согласие на коммерческие условия, предложенные перед революцией японской стороной. Одновременно правительство добивалось в Лондоне и Париже реализации проекта Петроградской конференции о тройственном займе в Японии, но Англия и Франция с его реализацией не спешили, ожидая пока США определят размер и условия своей финансовой помощи союзникам¹.

Современный исследователь Д.Б. Павлов считает, что размер государственного долга досоветской России Японии «точно не установлен». По его мнению, оценки простираются от 365,5 млн иен (по позднейшим данным советской прессы) до 220–256 млн, согласно подсчетам самих японцев². Между тем есть возможность уточнить этот вопрос. В фондах РГАЭ сохранилась справка «Задолженность бывших Российских правительств (царского и временного) Японии», подготовленная отделом международных расчетов Валютного управления Наркомфина СССР в 1925 г., видимо, для проходивших в то время советско-японских переговоров. В соответствии с данной справкой окончательная сумма долга СССР по отношению к Японии выражается суммой 297,7 млн иен³. Но в справке ничего не говорится о залоговом золоте, которое отправлялось в Японию в качестве обеспечения поставок вооружения. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании⁴.

Еще одной попыткой получения дополнительного финансирования стала для Временного правительства операция по получению займа в Швеции. В 1915 г. русский посол в Стокгольме А.В. Неклюдов, сообщая о займе в 50 млн крон, который в Швеции получила Германия, предлагал последовать этому примеру. Подобные планы у русского правительства существовали. В августе 1916 г. П.Л. Барк на-

¹ *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 150–151.

² *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 106.

³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8590. Л. 51–52.

⁴ Подробнее см.: *Латышев И.* Как Япония похитила российское золото. М., 1996.

меревался отправить главу Азовско-Донского банка Б.А. Каменку в Швецию, Норвегию и Данию для осуществления там от имени Азовско-Донского банка кредитной операции с передачей полученной от нее валюты в казну¹.

Но в Швецию для ведения переговоров о предоставлении Временному правительству кредита Каменка был командирован лишь 20 марта 1917 г.² 18 мая 1917 г. между консорциумами шведских и российских банков во главе с *Stockholms Enskilda Bank* и Азовско-Донским банком соответственно было заключено соглашение об открытии кредита на сумму 30 млн шведских крон. В обеспечение этого кредита в Госбанке Швеции должно было быть депонировано золото, принадлежавшее Государственному банку России, на сумму 5 млн руб.³

Вместе с тем шведское правительство официально оставалось в стороне от предоставляемого кредита. Ведь формально кредит открывал не Государственный банк Швеции (*Sveriges Riksbank*), а частные коммерческие банки, причем не Временному правительству, а консорциуму российских частных коммерческих банков во главе с Азовско-Донским. 9 сентября 1917 г. в российском Госбанке было сделано распоряжение об отправке в Швецию 5 млн руб. золотом в обеспечение кредита, «имеющего быть открываемым шведскими банками». 234 золотых слитка весом 3874,2 кг упаковали в 59 ящиков и поездом повезли в Швецию. 5 октября золото было доставлено в Стокгольм⁴.

Оформление документов на полученный груз заняло более трех месяцев. В России уже произошла Октябрьская революция, а в Швеции все еще оформляли золото как принадлежащее Временному правительству. Следующие партии золота в Швецию отправлены не были, а Временному правительству так и не удалось получить в Швеции хотя бы часть кредита⁵.

Позднее об этой тайной финансовой операции узнало советское правительство. Один из руководителей Народного банка Я. Ганецкий в 1926 г. вспоминал: «В Петербурге в начале 1918 года я наткнулся в банке (бывшем Государственном) на какие-то таинственные документы, доказывающие, что перед самым Октябрьским переворотом было вывезено из Питера в Стокгольм золото в слитках на 5 миллионов. Официально золото вывез Азовско-Донской банк и депонировал в Шведском государственном банке... Азовско-Донской банк как представитель концерна русских банков выступал лишь формально, а фактически, по указанию Временного правительства, высылал золото Государственный банк»⁶.

После того как Ганецкий сообщил Ленину об отправленном в Стокгольм еще до революции золоте, он вскоре был командирован в Швецию «для зондирова-

¹ *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 464.

² *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 373.

³ По следам золота царской России // Исторический архив. 1994. № 1. С. 133.

⁴ *Ефимкин А.П.* «Кребиль». Дороги российского золота (страницы жизни Н.Д. Рождественского) // Финансы СССР. 1991. № 1. С. 75.

⁵ *Ефимкин А.П.* Отправка Временным правительством золота в Швецию // Вопросы истории. 1988. № 12. С. 109.

⁶ *Ганецкий Я.* Ленин и национализация банков // Пролетарская революция. 1926. № 6. С. 6.

ния почвы, нельзя ли получить нам обратно эти деньги». Вместе с Ганецким этой проблемой занимался и советский представитель в Скандинавии В.В. Воровский. В июле 1918 г. он писал В.И. Ленину, что ранее уже информировал Совнарком о том, что «шведский банк Stockholms Enskilda Bank отказался под формальным предлогом выдать депонированное у него Азовско-Донским банком золото, принадлежавшее собственно Государственному банку, на сумму свыше 9 млн крон»¹.

Интересно, что к переговорам о возврате золота большевики попытались привлечь известного российского банкира Б.А. Каменку. Но последний отказался. По воспоминаниям Ганецкого, его командировка завершилась успехом лишь наполовину: «Золота мы... не получили (оно и до сих пор не возвращено). Но мы предприняли необходимые шаги для того, чтобы оно не досталось Керенскому и его братии»². В 1926 г. переговоры о золоте с Stockholms Enskilda Bank возобновились, но они ни к чему не привели и были прерваны в 1928 г.³

В 1932 г. переговоры возобновились, а 15 мая 1933 г. шведское посольство вручило советским представителям меморандум, в котором содержались следующие условия возврата золота: 1. Правительство СССР «отказывается от всех своих прав на этот золотой вклад...». 2. Правительство Швеции отказывается «от всех претензий» к СССР. 3. Шведское правительство предоставляет «в свободное распоряжение» правительства СССР 5,5 млн шведских крон. Советское правительство согласилось с этими условиями, и 2 июля 1933 г. указанная сумма поступила на счет Наркомфина⁴.

Всего Временному правительству России от союзников удалось получить около 2 млрд руб., в то время как царскому правительству за 2,5 года войны было выделено 5,2 млрд руб. При этом золотой запас при Временном правительстве уменьшился незначительно, с 3617,9 млн до 3605,1 млн. руб.⁵ Никаких долгосрочных внешних займов ни царское, ни Временное правительства не получили. Миллиардные займы, предоставленные Англией, Францией и другими союзниками, были оформлены как краткосрочные кредиты, обеспеченные краткосрочными обязательствами государственного казначейства России.

До Первой мировой войны основным внешним кредитором России по сумме государственного долга и частных инвестиций являлась Франция. Согласно данным, подготовленным советской делегацией к Генуэзской конференции 1922 г., общая внешняя государственная (по займам государственным и гарантированным правительством) задолженность России к 1914 г. составляла 6330 млн золотых руб. (по довоенному курсу 1 руб. = 0,5 \$ США или 2,16 германских рейхсмарки). Франция являлась кредитором на 3786 млн руб., Германия – 975, Голландия – 575, Великобритания – 500 и остальные страны – на 494 млн руб.⁶

¹ РГАЭ.Ф. 7733. Оп. 1. Д. 47. Л. 32–32об.

² *Ганецкий Я.* Ленин и национализация банков. С. 7.

³ *Петров С.* Сколько российского золота оказалось за границей в 1914–1920 годах? // Дипломатический ежегодник. М., 1995. С. 243.

⁴ По следам золота царской России // Исторический архив. 1994. № 1. С. 134–135.

⁵ *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 378; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8516. Л. 107; Д. 8074. Л. 81.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. V. М., 1961. С. 302–303.

Кроме того, по имеющимся подсчетам, в акционерные компании России к 1915 г. было вложено около 1940 млн руб. заграничных инвестиций, причем и здесь Франция шла на первом месте (594 млн руб.), опережая Великобританию (491,5), Германию (399), Бельгию (230,4) и США (114 млн руб.)¹.

О размере госдолга России к концу существования Временного правительства у историков нет единого, общепринятого мнения. Так, И.Ф. Гиндин полагал, что «вся государственная задолженность в широком смысле (включая гарантированные железнодорожные займы, залповые листы Дворянского и Крестьянского банков. – *Авт.*) достигала 41,6 млрд руб., из которых почти 15 млрд руб. – заграничная задолженность»². П.В. Волобуев указывал, что прямой государственный долг России к началу Октябрьской революции достиг 49 млрд руб. (в т. ч. внешний 11,2 млрд руб.), увеличившись за время войны на 40,2 млрд руб. (в т. ч. внешний на 7,2 млрд руб.)³. Примерно те же цифры (49–50 млрд руб.) приводил А.Л. Сидоров⁴. Бытует также мнение, что накануне октября 1917 г. государственный долг России (с учетом краткосрочных обязательств казначейства) превышал 60 млрд руб., в т. ч. внутренний долг составлял 44 млрд руб., внешний достигал 16 млрд руб.⁵

В любом случае обращает на себя внимание громадное расширение внутреннего долга за годы войны, ставшее главным фактором роста госдолга. Этот феномен был связан с колоссальной денежной эмиссией и займовыми операциями казны на внутреннем рынке⁶. И все же значимость внешних долгов была выше, ибо без реальных союзнических кредитов Россия не могла продолжать войну. В экономическом отношении внешние долги «весили» гораздо больше, чем внутренняя задолженность, и потому, что к моменту Октябрьской революции бумажный рубль по сравнению с довоенным золотым рублем обесценился почти в 15 раз, тогда как подавляющая часть заграничных займов была заключена в золотых рублях или в иностранной валюте. Несмотря на огромный объем внешнего государственного долга, Россия до октября 1917 г. считалась надежным и аккуратным заемщиком.

Тем не менее финансовое положение страны к осени 1917 г. было катастрофическим. Временное правительство, признав обязательства прежней власти, в т. ч. по внутренним государственным займам, вкладам государственных сберегательных касс и союзническим договорам, в целом продолжило финансовую политику царской власти. Отдельные попытки осуществить принципиально иные действия в этой сфере остались незаконченными или провалились.

¹ Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки / отв. ред. В.И. Бовыкин. М., 1997. С. 320.

² Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. // История СССР. № 5. 1957. С. 171.

³ Волобуев П.В. О государственном долге дореволюционной России // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 468.

⁴ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 517.

⁵ Золин П.М. Государственный долг: истоки и тенденции // Финансы СССР. 1991. № 4. С. 62.

⁶ См.: Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. С. 517–518.

4.2. Советская власть и финансы, октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.

После прихода к власти большевики и левые эсеры получили в наследство от Временного правительства множество проблем в финансовой сфере: рост денежной эмиссии и государственного долга, перманентный денежный голод на местах, резкое увеличение расходов на создание и содержание нового государственного аппарата¹.

РСДРП(б) и до революции обсуждала некоторые меры в области финансов, которые будет необходимо осуществить после прихода к власти, в т. ч. необходимость и возможность осуществления национализации банков и аннулирования государственного долга. При этом большевики опирались на классиков марксизма. Так, уже в «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. содержался перечень мероприятий, которые пролетарская власть должна провести после победы революции: «Введение высокого прогрессивного налога; централизация кредита в руках государства посредством национального банка и проведение исключительной монополии банковского дела»². Позже одной из причин поражения Парижской коммуны Маркс и Энгельс считали медлительность и непоследовательность ее руководителей в решении финансовых проблем, не сумевших подчинить рабочему правительству Французский банк³.

На VI съезде РСДРП(б) в июне 1917 г. была выдвинута программа преобразования финансовой системы России путем создания новых учреждений социалистического типа, введения прогрессивного подоходного налога и высоких косвенных налогов на предметы роскоши. Предусматривалось немедленное прекращение выпуска бумажных денег, ликвидация государственных долгов, как внешних, так и внутренних, и отказ от их уплаты при соблюдении интересов мелких подписчиков. Съезд включил в принятую им экономическую платформу и требование национализации и централизации банковского дела⁴.

В дальнейшем эти положения были обоснованы В.И. Лениным, который в сентябре 1917 г. в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» доказывал, что экономическая возможность национализации банков «создана как раз капитализмом, раз он доразвился до векселей, акций, облигаций и проч. Тут остается только объединение счетоводства»⁵. Он подчеркивал, что для этого нет ни малейших технических трудностей, что объединение всех банков в единый государственный банк можно осуществить в течение нескольких недель, если тому не будут препятствовать руководители частных банков. Ленин считал, что национализация банков находится в неразрывной связи с национализацией крупной промышленности. «С одной стороны, это значит, что нельзя национализировать только банки, не делая шагов к созданию государственной монополии торговых и промышленных синдикатов (сахарной, угольной, железной, нефтяной и пр.), не национализируя эти синдикаты. С другой стороны, это значит, что регулирование

¹ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 49.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. IV. С. 446.

³ Там же. Т. XXII. С. 197.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 1. М., 1970. С. 490.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 164.

экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков, и синдикатов»¹.

Еще одной проблемой, которую большевики начали обсуждать до прихода к власти, была проблема государственного долга. В этом вопросе они также следовали за основателями марксизма. За 40 лет до революции в России Ф. Энгельс писал: «Государственные долги! Рабочий класс знает, что он их не делал, а когда он захватит власть, он предоставит расплачиваться за них тем, кто их сделал»². Этот тезис послужил теоретическим обоснованием для отношения революционеров к проблеме государственных долгов. В апреле 1916 г. на II Циммервальдской конференции социалистических партий было принято постановление, в котором все народы приглашались аннулировать военные займы и возложить расплату и ответственность за мировую войну на буржуазию, которая ее подготовила и получила в результате огромные прибыли.

Но, несмотря на достаточно четкие теоретические положения, финансовая программа РСДРП(б) осенью 1917 г. оставалась расплывчатой и содержала лишь общие положения. Конкретных наработок, каким образом осуществлять декларируемые мероприятия и каковы будут их последствия, не было. 25 октября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, провозгласившего переход государственной власти к Советам, была принята резолюция, в которой определялись первоочередные задачи новой власти в экономической области: «Новое рабочее и крестьянское правительство... немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие». Таким образом, «огосударствление» банков, в отличие от вопросов о мире и земле, не предполагалось провести в тот же момент, однако решение проблемы национализации было ускорено самим ходом событий³.

После формирования советского правительства повседневная государственная деятельность заставила революционеров обратить самое пристальное внимание на финансы.

Подчинение банковского аппарата

Большой проблемой для новой власти стало подчинение Государственного банка⁴. Хотя утром 25 октября 1917 г. еще до ареста Временного правительства в здание Госбанка на Садовой ул. в Петрограде вошел отряд моряков Военно-революционного комитета, однако на совместном собрании руководителей

¹ Там же. С. 168.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XV. С. 24.

³ См.: Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 307.

⁴ См.: Гиндин А.Г. Как большевики овладели Государственным банком (факты и документы Октябрьских дней в Петрограде). М., 1961; История Банка России. 1860–2010. В 2 т. / отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов. М., 2010.

Министерства финансов и Госбанка было принято решение о неподчинении новой власти. В результате правительство большевиков и левых эсеров (Совнарком) первое время не могло получить от банка средств даже на оплату канцелярских расходов¹.

6 ноября на заседании Совета Государственного банка было рассмотрено письменное требование Совнаркома о выдаче ему 10 млн руб. При этом заместитель народного комиссара по Министерству финансов В.Р. Менжинский заявил, что в случае отказа эти деньги будут взяты силой. Но Совет Госбанка единогласно постановил: требование Совнаркома о выдаче каких-либо сумм не удовлетворять, как незаконное. Замаячила тень Парижской коммуны. Тогда новая власть предприняла попытку решить возникшую проблему вооруженным путем.

Утром 7 ноября во все воинские части Петроградского гарнизона была разослана телефонограмма, предлагавшая прислать своих представителей в Смольный. На гарнизонном собрании выступил Л.Д. Троцкий, который обрисовал сложившуюся финансовую ситуацию и предложил получить первые 10 млн руб. в Госбанке, направив туда вооруженных представителей от каждой роты.

В тот же день солдатская делегация во главе с Менжинским вошла в здание Госбанка. Менжинский вручил мандат на получение 10 млн руб. и от имени Совнаркома заявил, что те, кто будет препятствовать выполнению распоряжений советского правительства, будут считаться государственными преступниками.

По воспоминаниям одного из участников событий, со стороны сотрудников раздались протесты против «взлома народного сундука», распоряжаться которым может только законная власть, избранная легитимным путем. Но через несколько минут выяснилось, что на мандате Менжинского нет подписи В.И. Ленина как председателя Совнаркома. Отсутствовали подписи и на требовании о выдаче денег. Послышались нелестные для революционеров замечания: «И вот с такими-то бумажками Совнарком требует выдачи 10-ти миллионов народных денег».

Правда, требование по просьбе банкиров Менжинский тут же подписал. А вот с мандатом было сложнее, пришлось ехать в Смольный. Ленину объяснили, что по поводу выдачи денег в Госбанке возникло несколько вопросов. В требовании не было указано, почему Совнарком просит выдать деньги из Госбанка, хотя это относится к компетенции казначейства; почему Совнарком требует именно 10 млн руб., а не меньше или больше; непонятно, удовлетворится ли Совнарком 10 млн руб. или в ближайшее время последуют новые требования. В результате беседы с Лениным было принято устное решение, что этот вопрос необходимо «временно считать открытым и впредь требования нового характера предъявлять лишь с точной формулировкой и с указанием всех, как правовых, так и иного характера оснований»².

Таким образом, первая атака на Государственный банк завершилась ничем. Переломным моментом в отношениях советского правительства и Госбанка

¹ Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 74.

² См.: Хохряков А. Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 92–96.

стало 11 ноября. В этот день «за отказ признать Совет Народных Комиссаров» были уволены управляющий Госбанком И.П. Шипов, директор департамента Государственного казначейства Г.Д. Дементьев, директор Кредитной канцелярии К.Е. Замен и еще несколько руководителей Госбанка и Министерства финансов.

13 ноября В.И. Ленин издает распоряжение: «Служащие Государственного банка, отказывающиеся признать Правительство Рабочих и Крестьян – Совет Народных Комиссаров и сдать дела по Банку, должны быть арестованы». В тот же день комиссаром по Госбанку был назначен В.В. Оболенский (Н. Осинский)¹. Государственный банк был взят революционерами. Но высшие и средние служащие Государственного банка объявили забастовку. Они покинули банк и унесли с собой ключи от денежных касс, сейфов и шкафов с документами.

Еще больше проблем возникло у советского правительства с частными коммерческими банками, которые стали закрываться уже днем 25 октября 1917 г. 26 октября они не работали. 27 октября представители банков на своем совещании постановили, что банки будут открыты в часы, когда открыт Госбанк. При этом банкиры ограничили выдачу на одного клиента 10 тыс. руб. наличными, а остальное выдавали чеками на Госбанк. 27–28 октября банки работали с 12 до 13 час., выдачи в некоторых из них превысили поступления, но паники у публики не было. 30 октября банки закрылись из-за напряженного положения на улицах и нарушения телефонной связи, кроме того, чеки на Госбанк оказались во многих случаях не оплачены. Банкиры решили сократить выдачу на одного клиента до 3 тыс. руб. наличными, остальное выдавать чеками на Государственный банк².

30 октября 1917 г. Совет народных комиссаров принял постановление, в котором говорилось: «Частные банки закрыты. Служащие и директора собираются, но дверей банков для публики не открывают. Рабочие лишены возможности получить заработанную плату, так как банки не выплачивают денег по чекам заводов и фабрик. Такое положение терпимо быть не может». Правительство предписывало с 31 октября открыть все банки, угрожая в противном случае подвергнуть аресту директоров и членов их правлений, а также направить в банки комиссаров, под контролем которых должна будет производиться выплата по чекам предприятий³.

На следующий день банки открылись, но работали не более двух часов в день. Деньги со счетов выдавались с перебоями. В середине ноября частные банки вновь были закрыты, т. к. проводили трехдневную забастовку «в виде протеста против захвата Государственного банка советской властью». В дальнейшем частные банки продолжили работу, открываясь на 1–2 часа в день⁴.

Лидеры банков, полагая, что дни большевиков сочтены, стремились только оттянуть время. Советским же органам власти, в среде которых зрело убеждение, что с банковским саботажем пора покончить раз и навсегда, необходимо было

¹ Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 г.). Рязань, 2008. С. 19.

² Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. С. 83; Зак А.Н. Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. Пг., 1918. С. 33.

³ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 30–31.

⁴ Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 79.

подготовиться к решительному штурму. Советское правительство опасалось, что, если частным вкладчикам выдача денег была ограничена, то переводы (особенно за рубеж) юридических лиц через коммерческие банки продолжатся. С таким положением новая власть мириться не могла. 14 декабря 1917 г. петроградские банки были заняты отрядами вооруженных красногвардейцев, через день подобная участь постигла банки в Москве. Одновременно был опубликован декрет «О национализации банков», провозглашавший монополию государства в банковском деле¹.

В литературе есть две версии этого события. По одной из них, Ленин поручил подготовить проект декрета о национализации частных банков Г.Я. Сокольникову². По воспоминаниям Д.П. Боголепова, декрет «был проведен, помимо народного комиссара по финансовым делам, на особом частном заседании, которое состоялось в Совнарком... Главным инициатором этой меры был тов. Сокольников, который был назначен комиссаром над частными банками»³.

В воспоминаниях же управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича указывается, что еще в начале ноября 1917 г. Ленин попросил его разработать план действий по национализации банков, рассчитывая провести ее в конце ноября. Бонч-Бруевич стал собирать информацию об акционерных банках и их руководителях. Но хотя подготовка операции велась тайно, уже через несколько дней стало известно, что руководители частных банков активно обсуждают возможность национализации. К удивлению Бонч-Бруевича сведения, вероятно, «утекли» из Смольного, где новоявленные чиновники в открытую вели «дискуссии по самым животрепещущим и конспиративным будущим мероприятиям правительства». Еще большее удивление испытал Бонч-Бруевич, когда 8 ноября прочитал опубликованное «Воззвание к населению», подписанное Лениным, где содержалось следующее выражение: «Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон готовится»⁴.

В результате было решено форсировать подготовку. Так как в каждый банк было необходимо назначить комиссара, а в Петрограде в тот момент действовали 28 акционерных банков, то самая большая трудность для советского правительства заключалась в подборе людей, знакомых с банковским делом. 9 декабря в «Правде» появились два объявления. В первом просили собраться «большевиков, служащих в частных кредитных учреждениях», во втором приглашали на собрание «служащих в частных кредитных учреждениях, не разделяющих платформу преступного саботажа и забастовок»⁵. В результате было сформировано необходимое количество групп для захвата коммерческих банков.

¹ См.: *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. С. 392.

² *Генис В.Л.* Упрямый нарком с Ильинки (вместо предисловия) // Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 5.

³ *Боголепов Д.* Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 4. С. 166.

⁴ *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931. С. 197–199.

⁵ *Дробижев В.З.* Красногвардейская атака на капитал. М., 1976. С. 86–87.

Через несколько дней (13 или 14 декабря 1917 г.) на одном из первых заседаний Бюро Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) обсуждался «Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и необходимых в связи с этим мерах», разработанный В.И. Лениным. По воспоминаниям председателя Совета В.В. Оболенского, «в этом проекте... провозглашались сразу: национализация всех банков, национализация всех крупных промышленных предприятий, аннулирование государственных займов, введение трудовой повинности, потребительских коммун и бюджетно-трудовых книжек. Члены Бюро были весьма смущены этим проектом. Принципиально (кроме гг. Лозовского и Рязанова) они не возражали против положений декрета, но, очевидно, сомневались в том, чтобы все эти меры можно было осуществить сразу». Когда Ленину был задан вопрос, «считает ли он этот проект программой экономических мероприятий... или он полагает, что все это можно провести сразу, одним законом», он ответил, что «имеет в виду последнее». Однако члены Бюро его предложение отклонили, приняв решение «разработать более детально отдельные части декрета»¹.

Захват частных банков, начавшийся 14 декабря 1917 г., носил характер боевой операции². В 7 час. утра из ворот Смольного выехали 28 автомобилей, в которых находились комиссары и приданные им латышские стрелки. К полудню частные банки были заняты революционными отрядами, а директора арестованы и доставлены в Смольный, где несколько комнат были выделены для содержания арестованных. Некоторые из директоров выразили желание продолжить работу и при советской власти, поэтому были отпущены по домам³.

А вечером 14 декабря, когда на заседании ВЦИК рассматривался проект декрета о национализации банков и началась активная дискуссия, Ленин очень резко выступил против своих оппонентов, критикуя тех, кто «пытался нас запугать, что мы идем к верной гибели», проводя национализацию частных банков⁴. Этот упрек был адресован меньшевику Б. Авиллову. Отвечая на выступление левого эсера В. Трутовского, призывавшего к детальной предварительной проработке проекта, председатель Совнаркома сделал упор на то, что «неутверждение декрета сейчас же приведет к тому, что банки примут все меры для сугубого расстройтва хозяйства»⁵. В результате поставленные перед свершившимся фактом представители оппозиционных партий не смогли ничего изменить. Декрет был принят⁶.

Противники советской власти сразу заявили, что содержание декрета о национализации банков и введение контроля над банками, «напоминающее простой красногвардейский налет, отчетливо говорят, что большевики в первую голову искали здесь для казны денежных запасов, а сама национализация была для

¹ Оболенский В. (Осинский Н.). Из первых дней Высшего совета народного хозяйства // Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 14–15.

² Подробнее см.: Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948.

³ Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. С. 203–205.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 171.

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 225–230; Журавлев В.В. Три декрета Советской власти // Исторические записки. Т. 100. М., 1977. С. 274.

них делом второстепенным»¹. Бывший член правления Азовско-Донского банка Е.М. Эпштейн писал, что «термин “национализация”, который власть большевиков использует стыдливо во всех своих декретах, ни в коей мере не отражает суть действий советских властей», потому что ее специалисты были полными невеждами в вопросах банковского дела. «Эти специалисты полагали, что, овладев банками, правительство получит огромное количество золота, других богатств, валюты и, в конце концов, все денежные капиталы страны»².

Споря с оппонентами, В.И. Ленин утверждал: «Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела... может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали... Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией – научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван»³.

Отвечать на критику пришлось и Г.Я. Сокольникову, который утверждал, что национализация прекратила «бегство капиталов», которое началось еще в сентябре, но особенно активизировалось после октябрьских событий. Кроме того, по его словам, взяв в свои руки коммерческие банки, Советская республика не имела в виду «получить там деньги» в материальной форме денежных знаков⁴.

Последнее утверждение было оспорено уже современниками, ведь 14 декабря 1917 г. был принят еще один известный декрет, ярко продемонстрировавший намерения революционной власти в отношении частных капиталов, – это Декрет ВЦИК о ревизии стальных ящиков в банках⁵. Именно золото из банковских сейфов на первом этапе стало заметным источником поступлений в государственную казну. Все российские коммерческие банки с 1902 г. имели собственные золотые резервы, а работавшие непосредственно с добывающими предприятиями – золотосплавочные лаборатории; в банковских сейфах хранились ценности частных лиц. Конфискованное у банков золото было собрано в Отделе кредитных билетов и металлического фонда Народного банка, а также в т. н. Кремлевских кладовых.

О размахе проведенной конфискации может свидетельствовать ряд примеров. В одном из центров золотодобычи – Екатеринбурге после немедленной постановки на учет сейфов местных отделений Сибирского, Азовско-Донского, Волжско-Камского, Русско-Азиатского банков к середине лета 1918 г. было переплавлено и отправлено в столицу около 165 пуд. золота. Помимо изъятых в банках, здесь был в спешном порядке «утилизирован» эвакуированный из Петрограда запас государственных наград Российской империи. В слитки был переплавлен также золотой запас Румынии, эвакуированный в Россию во время наступления немцев на Бухарест в 1916 г. Всего Уралсоветом было собрано около 400 пуд. (6,6 т) золота.

¹ Раков Д.Ф. Финансовая политика большевистской власти // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Пг.; М., 1918. С. 180–181.

² Эпштейн Е.М. Российские коммерческие банки (1864–1914 гг.). Роль в экономическом развитии России и их национализация. М., 2011. С. 94, 114.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 173.

⁴ Сокольников Г.Я. К вопросу о национализации банков. М., 1918. С. 6–10, 21–22, 29–31.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 230–231.

В начале 1918 г. была национализирована и передана в ведение Комитета советских организаций крупнейшая в Сибири Иркутская золотосплавочная лаборатория, запасы которой также пополнили государственный металлический фонд¹.

Исполнение декрета о ревизии сейфов растянулось на несколько лет. Только за период с февраля по декабрь 1920 г., по официальным данным Наркомфина, было изъято из сейфов и конфисковано ценностей на сумму до 500 млн руб. (в оценке 1918 г.)². В стране разворачивалась мощная, не затухавшая на протяжении всей Гражданской войны кампания по реквизициям и конфискациям ценностей, в ходе которой особое значение придавалось драгоценным металлам. Ценностей лишались не только «классовые враги», но фактически все население. В соответствии с январским 1918 г. постановлением ВСНХ «О золоте и платине» государство, монополизировав обращение золота, обязало все золотопромышленные и золотообрабатывающие предприятия немедленно сдавать имевшееся у них золото государству по нормированной цене (32 руб. за золотник 96-й пробы)³.

Целям накопления золотых ресурсов служила и кампания «экономии» обращаемого валютного металла. Согласно февральскому 1918 г. постановлению Совнаркома, у частных лиц должны были изыматься массивные изделия весом свыше 16 золотников. 14 февраля СНК ввел регламентацию изготовления изделий из золота. Декретировались их максимальная проба (назначена 36-я) и вес наиболее массовых изделий: обручальных колец – не более 1 золотника, «крестильных крестов» – не более 0,5 золотника. Совет народного хозяйства Северного района отчитывался в марте 1918 г., что в ходе переплавки «тяжеловесных изделий» в одном только Петроградском районе было «экономлено» 130 пуд. золота⁴.

Параллельно продолжался и процесс огосударствления банковской системы. 10 января 1918 г. на заседании Совнаркома Сокольников представил проект декрета о национализации капиталов частных банков, по которому банковские акции аннулировались и выплата дивидендов прекращалась. Проект был утвержден и опубликован 26 января 1918 г.⁵

Национализировать все банки в стране одновременно не удалось. В Москве частные банки перешли в руки советской власти 15 декабря 1917 г. В регионах это произошло позднее. В Челябинске 30 января 1918 г. по приказу Военно-революционного комитета все банки были национализированы. В Уфе губернский ВРК издал приказ о национализации банков 23 января 1918 г.⁶. Во Владивостоке в банки поставили комиссаров к 18 февраля 1918 г. В Чите 21 февраля 1918 г. был создан Комитет советских организаций, который национализировал отделения

¹ Сапоговская Л.В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 32.

² Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957. С. 201.

³ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 625–626.

⁴ Сапоговская Л.В. Золото в политике России (1917–1921 годы). С. 33.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 390–391.

⁶ Абрамовский А.П., Буданов А.В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 104.

Русско-Азиатского и Сибирского торгового банков. Служащие банков отказались подчиняться и объявили забастовку¹.

Но первыми в ответ на национализацию начали бастовать служащие петроградских банков. Они уже 15 декабря 1917 г. объявили забастовку, которую возглавил профсоюз работников частных кредитных учреждений «Кредит-труд». Несмотря на то что часть служащих вернулась на работу во второй половине января 1918 г., забастовка продолжалась еще 2 мес. Лишь 3 апреля 1918 г. общее собрание служащих кредитных учреждений с участием представителей советской власти решило прекратить забастовку и приступить к работе. 6 апреля все служащие петроградских банков вышли на службу. К 20 апреля забастовка была ликвидирована и в Москве².

Забастовка в кредитных учреждениях нанесла сильный удар как по финансовой системе страны, так и по финансовому аппарату. Практически с октября 1917 по март 1918 г. вся энергия Наркомфина была направлена на преодоление саботажа и на овладение старым финансовым аппаратом. Правительство не ожидало такого сопротивления банкиров. Позднее официальное издание Наркомфина констатировало: «История ликвидационной работы показывает, что нигде в других областях Советской власти не приходилось сталкиваться с таким сопротивлением внутреннего сцепления основных сил буржуазного строя, как в вопросах ликвидации банков»³.

Большевики не собирались разрушать «тонкий банковский аппарат», а хотели его взять «готовым» у капитализма. Но обстоятельства сложились таким образом, что пришлось ломать его снизу доверху. На службу в банки было принято много новых служащих, в подавляющем большинстве неквалифицированных. Когда большевикам удалось покончить с забастовкой государственных служащих и банковских работников, ЦК РКП(б) 31 марта 1918 г. констатировал: «Саботаж интеллигентских кругов сломлен. Техники идут к нам, их надо использовать»⁴.

По инициативе В.И. Ленина для разработки сложных вопросов финансовой и банковской политики были привлечены «буржуазные специалисты». В апреле 1918 г. при Центральном управлении Народного банка была созвана «Комиссия специалистов-теоретиков и практиков банковского дела по национализации банков». Первоначально перед комиссией была поставлена задача детальной разработки практических мероприятий по осуществлению Декрета о национализации банков. К работам привлекли около 100 специалистов, в т. ч. бывших членов правлений и директоров банков, чиновников старых министерств и научных работников. Однако вместо обсуждения конкретных мер по реализации правительственных декретов политика советской власти в сфере финансов подверглась жестокой критике. Видимо, поэтому комиссия работала только до конца апреля 1918 г. Ей

¹ *Нестеренко Ю.К.* С привкусом партизанской вольницы: Деньги, банки, золото ДВР. 1917–1925. Чита, 1999. С. 5, 35.

² *Атлас М.С.* Национализация банков в СССР. С. 104.

³ Известия Наркомфина. 1920. № 10–11. С. 19.

⁴ Государственная безопасность в России: История и современность. М., 2004. С. 387.

на смену пришел более узкий по составу и немного более лояльный Совет экспертов, но и он проработал лишь несколько месяцев¹.

Параллельно с борьбой за установление контроля над Государственным банком и огосударствлением частных банков, а также со сломом саботажа чиновников и банковских служащих советское правительство осуществляло целый ряд мероприятий, часть из которых была намечена еще до революции, а часть вытекала из потребностей текущего момента. Так, во исполнение Декрета о земле на заседании Совнаркома 25 ноября 1917 г. принимается Декрет об упразднении Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков².

Однако Народный банк не давал на места никаких конкретных указаний по этому вопросу. Поэтому местные отделения Крестьянского и Дворянского банков в первые месяцы советской власти продолжали работать по-прежнему, не приступая к ликвидационной работе³. К январю 1918 г. задолженность заемщиков Крестьянского банка составляла 1335,7 млн руб. (Дворянского банка – 1048,6 млн, акционерных земельных банков – 1491,6 млн руб.)⁴. Лишь 30 марта 1918 г. последовали первые распоряжения Народного банка с конкретными указаниями по ликвидационной работе в отношении государственных земельных банков. Служащим этих банков впредь предписывалось заниматься исключительно ликвидационной работой и получать жалованье как служащим государственных учреждений⁵.

13 апреля 1918 г. в Народном банке было организовано Временное управление делами государственных земельных банков. На местах при филиалах Народного банка создавались временные комиссии по ликвидации ипотечных банков⁶. Однако несмотря на указания из центра, по состоянию на 25 июля 1918 г. только 18 из 52 отделений Дворянского и Крестьянского банков вели ликвидационную работу⁷. Фактически работа по ликвидации государственных ипотечных банков началась лишь с осени 1918 г.

Очередные финансовые задачи

К весне 1918 г. положение Советского правительства несколько упрочилось. Но разногласия по поводу направления и методов проведения финансово-экономической политики сохранялись. По свидетельству Ж. Садуля, в апреле 1918 г. в Совнаркоме, по инициативе комиссара финансов И.Э. Гуковского и с одобрения В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, готовились документы, которые должны были денационализировать банки и отменить аннулирование иностранных займов,

¹ Левин А.А. К истории национализации банков. Совет экспертов и его работа // Кредит и хозяйство. 1929. № 1. С. 53–54.

² Декреты Советской власти. Т. 1. М., С. 148–151.

³ Моисеева О.Н. Ликвидация земельных банков в 1917–1918 гг. // Исторические записки. Т. 61. М., 1957. С. 265.

⁴ Проскурякова Н.А. Ипотека в Российской империи. М., 2014. С. 502.

⁵ Моисеева О.Н. Ликвидация земельных банков в 1917–1918 гг. С. 267.

⁶ Атлас М.С. Национализация банков в СССР. С. 161.

⁷ Проскурякова Н.А. Ипотека в Российской империи. М., 2014. С. 501.

т. к. «дальнейшее осуществление этих мер все больше и больше отрывало Россию от международного финансового рынка», без которого восстановление разрушенного войной и революцией хозяйства было маловероятно¹. Но предполагавшаяся реформа не была осуществлена.

Тогда же, в апреле 1918 г., нарком финансов Гуковский на заседании ВЦИК изложил свои тезисы, предлагая утвердить их как курс финансовой политики правительства. Нарком предлагал увеличить существовавшие налоги, ввести ряд новых прямых и косвенных сборов, усиленно обложив крестьянство. В предложенной программе он выступал за централизацию всего финансового дела². Оппозиция проголосовала против основных положений доклада и потребовала отставки наркома. Член коллегии НКФ Д.П. Боголепов пояснял: «Программа т. Гуковского не удовлетворила многих потому, что в ней нет ничего нового, как будто это программа старого правительства»³.

В.И. Ленин поддержал идею наркома о создании централизованного финансового аппарата: «Тов. Гуковский предложил нам план. Хороший ли план, худой ли, я не буду останавливаться на этом. Для меня только ясно одно, что даже самый лучший план – сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план. Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия»⁴.

Председатель правительства имел в виду, что денежный голод в стране обострялся. Совнарком 30 января утвердил декрет о выпуске купюр «Займа Свободы» в качестве денежных знаков. 16 февраля 1918 г. декрет был опубликован⁵. Чуть позже (3 марта 1918 г.) Народный банк объявил о законности хождения вместо денег купонов всех государственных процентных бумаг сроком до 1 декабря 1917 г. Затем циркуляром Народного банка от 9 мая 1918 г. были приравнены к кредитным билетам и серии государственного казначейства⁶.

В обстановке тяжелейшего денежного кризиса, отсутствия инструкций и помощи центра в регионах нашли достаточно простой вариант пополнения местных бюджетов – контрибуции. В феврале 1918 г. Наркомат внутренних дел призвал Советы использовать право обложения имущих классов: «Борьба требует громадных материальных средств, чего у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. Все ею награбленное у народа должно пойти на спасение завоеваний этого народа. Поэтому приступайте к общему обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою

¹ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 244.

² Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1919. С. 118.

³ Там же. С. 135.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 226.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 449–450.

⁶ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). С. 74.

жизнь, буржуазию же нужно заставить нести свои капиталы»¹. По некоторым данным, на 8 апреля 1918 г. сумма взысканных контрибуций составила 400 млн руб.²

Однако достаточно быстро стали проявляться отрицательные стороны такой формы обложения, прежде всего бессистемность и произвольность в наложении контрибуций. Это вызывало негативную реакцию населения, т. к. зачастую под обложение попадали не только буржуазные слои города и деревни, но и среднее крестьянство, простые горожане и даже государственные служащие. Следующей отрицательной чертой контрибуций была полная бесконтрольность Советов в расходовании полученных средств. После применения такого «обложения» очень трудно было рассчитать сумму поступления регулярных налогов. Благодаря контрибуциям уничтожался сам источник получения средств как для местных властей, так и для центрального правительства.

И хотя Советы продолжали использовать право наложения контрибуций, весной 1918 г. обозначился переход к регулярному налогообложению. Из 617 волостных советов 14 губерний Европейской России в мае 1918 г. 53,7 % получали средства путем подесятинных сборов, 13,1 % от продажи конфискованного помещичьего имущества и леса и только 21 % волостных Советов облагали сельскую буржуазию контрибуциями³. До ноября 1918 г. в 57 губерниях Советы взыскали 816,5 млн руб., из них в уездах – 69,7 млн, в волостях – 7,9 млн⁴.

В конце весны – начале лета 1918 г. одной из первостепенных задач становится налаживание связи центра с регионами и выработка единого направления финансовой политики. Для координации деятельности финансовых учреждений при Советах и выработки общего плана действий по инициативе Наркомата внутренних дел с 17 по 21 мая 1918 г. в Москве прошел Всероссийский съезд представителей финансовых отделов Советов.

Вследствие недостатка инструкций из центра в процессе национализации банков проявлялась полная самостоятельность местных органов. Нарком финансов И.Э. Гуковский в речи на открытии съезда обвинил провинцию в использовании на свои нужды слишком больших средств. Он заявил, что налоги имеют финансовое значение, если не разоряют плательщиков. Практика на местах, по мнению наркома, показала, что там «стараятся урвать, что и сколько можно», а «надо думать о более длительном существовании налогового аппарата и надо стричь овцу, но не сдирать с нее шкуры. Это касается и центра, и мест». Наркомфин резко высказывался против контрибуций, которые создавали впечатление легкости получения налогов, вследствие чего местные потребности не координировались со средствами⁵.

На вечернем заседании 18 мая выступил В.И. Ленин. Он определил финансовое положение страны как критическое и заявил: «Мы должны во что бы то ни

¹ Вестник Комиссариата Внутренних дел. 1918. № 8. С. 2.

² Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 г.). С. 53.

³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 379.

⁴ Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. 1917–1925 гг. С. 79.

⁵ Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 17, 20.

стало добиться прочных финансовых преобразований... всякие радикальные реформы обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике». Ленин высказался за единую, строго определенную финансовую политику и исполнение предписаний сверху донизу. Касаясь вопроса о контрибуциях, Ленин говорил: «Я вовсе не противник контрибуций вообще; чтобы уничтожить буржуазию, пролетариат не мог обойтись без контрибуций; это правильная мера переходного времени, но теперь переходное время кончилось и обложение имущих классов должно уступить место единому центральному государственному налогу».

Еще одна задача, выдвинутая главой Совнаркома, – замена старых денежных знаков новыми. Ленин считал, что деньги опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Поэтому прежде всего необходим строжайший учет бумажек для полной замены старых денег новыми. Предстоит тщательная подготовительная работа – подготовка нескольких миллиардов новых денег, создание в каждом квартале крупного города сберегательных касс и т. д. Далее Ленин показал механизм, который, по его мнению, поможет успешно провести реформу: «Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть». Руководитель правительства полагал, что эта мера вызовет отчаянное сопротивление буржуазии, но даст возможность дожидаться революции на Западе и провести необходимые реформы в стране¹.

Несомненно, съезду финотделов придавалось большое значение, о чем свидетельствует присутствие В.И. Ленина, но конкретным результатом его работы явилось лишь создание особой комиссии для разработки финансовых проблем. Ожидания делегатов не оправдались, т. к. каких-либо четких указаний по проведению финансовой политики они не получили.

Следующие столкновения по финансовым проблемам произошли через несколько дней на I съезде совнархозов, проходившем с 25 мая по 4 июня 1918 г. в Москве.

С докладом от Наркомфина «Основные положения финансовой политики» на съезде выступил заместитель наркома Г.Я. Сокольников. Он начал с того, что финансовая политика должна быть политикой переходного времени от капитализма к социализму, поэтому отказываться от денег, банков и других учреждений капиталистического строя пока не следует. Сокольников заявил, что в денежном обращении России приходится поставить крест на политике, которая строила свою денежную систему, опираясь на золотой запас. Но этот благородный металл нужно использовать для международных расчетов. Докладчик ратовал за получение внешних займов у капиталистических стран, а также за необходимость внутреннего займа. Сокольников утверждал, что кредитные билеты, выпускаемые Экспедицией заготовления государственных бумаг, по своему экономическому значению играют роль внутреннего займа, но такая форма «займа» неудобна, т. к. выпускаемые бумажки изымаются из оборота и откладываются «в виде государственных обязательств, которые лежат в кубышках, в бутылках,

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 351, 357.

закопанные в землю и представляют из себя действительно беспроцентный заем». Поэтому Сокольников предлагал превратить такого рода беспроцентный заем в процентный.

Докладчик утверждал, что в сегодняшней России только принудительным путем свободные деньги можно превратить в свидетельства государственного займа. Такую операцию можно провести при обмене старых денежных знаков на новые, превратив крупные купюры в облигации «Красного займа». Сокольников являлся яростным сторонником единого банка и резко выступал против планов денационализации, а также создания Центрального эмиссионного и отдельных производственных банков (Мукомольного, Железнодорожного и др.). Высказался он и против сохранения старых и основания новых иностранных банков в России. Сокольников, выступая против этого, объяснял свою позицию тем, что весь русский капитал заграмируется и будет действовать под иностранными ширмами.

Сокольников отмечал трудности в деле национализации банков. Он утверждал, что в республике фактически есть два банка – бывший Государственный и частные банки, которые не слились в единый аппарат по вине консерватизма Государственного банка. Эти кредитные учреждения действуют совершенно несогласованно¹.

Нарком финансов И.Э. Гуковский выступил 31 мая. Он сразу заявил, что не знает, от чьего имени вел свои рассуждения Сокольников, «лично от себя или от какой-либо организации, но моя финансовая программа несколько иная». Далее нарком приступил к критике своего подчиненного. Он заявил, что Сокольников видит выход из трудностей во внешнем займе, но заключение такого займа вряд ли будет возможно, потому что были аннулированы старые займы. Пока Россия не произведет расчета по старым займам «мы ни копейки денег из-за границы не получим».

Раскритиковал нарком и рассуждения Сокольникова о золоте. Гуковский считал, что до тех пор, пока в России будет существовать денежное обращение, золото должно служить обеспечением рубля.

Нарком настаивал на том, что нельзя существовать за счет Экспедиции изготовления государственных бумаг. Как только перестанут верить денежным знакам, «нам не будут давать ни продуктов, ни своего труда». Гуковский считал, что можно приступить к исправлению денежного обращения лишь при условии бездефицитности бюджета. «Если мы выпускаем из касс казначейства неизмеримо более того, что туда поступает, то всякое наше постановление о том, что деньги такие-то превращаются в иные, может быть игнорировано». Раскритиковал нарком и идею принуждения при выпуске новых денег, считая, что такое решение «может оказаться недейственным просто потому, что не будет реальной возможности заставить население осуществить это, ибо разыскивать эти деньги, зарытые в кубышках, мы едва ли сможем». Таким образом, Гуковский фактически выступил противником ленинской идеи денежной реформы.

Далее выступающий заявил, что для него вопрос, как лучше устроить национальный банк, недостаточно ясен. Гуковский отверг циркулирующее в печати мне-

¹ См.: Труды I съезда Советов народного хозяйства (стенографический отчет). 26-го мая – 4 июня 1918 г. М., 1918. С. 116–124.

ние, будто он является сторонником денационализации банков. Действительно, первое время после назначения комиссаром его осаждали всякого рода проекты банков, мукомольного, железнодорожного, текстильного и всякого рода других. «Я их категорически отвергал, даже не всегда просматривая... Я не собираюсь денационализировать банки и открывать новые». Выход из положения нарком видел в повышении производительности труда. А свою задачу он описал так: «как-нибудь получить наибольшее количество денег, чтобы как-нибудь извлечь деньги из кубышки»¹.

С заключительным словом выступил Г.Я. Сокольников. Прежде всего он ответил на критику И.Э. Гуковского, уверяя, что у последнего нет конкретных указаний, как строить финансовую политику, как получить больше доходов и меньше расходов.

По поводу займов Сокольников заявил, что здесь вопрос чисто политический – будет ли смысл для буржуазных государств не давать их, чтобы заставить советское правительство уплатить по царским займам. В английских и американских финансовых кругах обсуждается вопрос о поддержании отношений с Россией, проблему царских займов предлагается оставить до международной конференции. Кроме того, Россия не первая страна, аннулювавшая займы. Таких государств целый список, начиная с южноамериканских республик.

Не согласился Сокольников и с идеей Гуковского о возвращении золотого обращения. Если бы это произошло, то буржуазия тут же сплывала бы его за границу. «Одно из двух: или нам нужно отказаться от социализма, или нам нужно отказаться выпустить золото в обращение», – заключил Сокольников. Выступавший высказался за бумажное обращение, считая, что нечего бояться количества бумажек, а главная задача – установление твердых цен во всех областях хозяйства.

Дискуссия не способствовала подведению итогов первых месяцев работы. Констатацией сложившейся к лету 1918 г. ситуации прозвучали слова уральского делегата Ф.Ф. Сыромолотова: «Мы должны сознаться, конечно, что наша финансовая система и банковский аппарат разрушены»².

В резолюции «Основные положения финансовой политики», принятой съездом, предусматривалось следующее: 1) сокращение бумажноденежного обращения путем принудительной конверсии части денежных знаков в процентные облигации при обмене на новые денежные знаки; 2) развитие добычи золота в целях усиления золотого фонда для международных расчетов; 3) подготовка внешних займов в форме кредитов по производственным заказам и внутренних, принудительных и добровольных, для усиления фонда финансирования народного хозяйства; 4) признание недопустимости отдельного существования Госбанка и национализированных банков, указание на необходимость их слияния в кратчайший срок; 5) национализация крупнейших обществ взаимного кредита и полная ликвидация иностранных банков; 6) отказ в открытии отдельных производственных банков³. Судя по этой резолюции, съезд принял основные положения из речи Сокольникова.

¹ См.: Труды I съезда Советов народного хозяйства. С. 129–135, 141.

² Труды I съезда Советов народного хозяйства. С. 326.

³ См.: Труды I съезда Совета народного хозяйства. С. 474–477.

Аннулирование государственных займов

Еще одной проблемой финансовой политики советского правительства с самого начала являлась задача аннулирования государственного долга. В исторической литературе до сих пор нет единого мнения об общей сумме государственных займов (см. предыдущий параграф о финансовой политике Временного правительства). Общепризнано, впрочем, что по общему объему государственного долга Россия уступала только Франции, а по объему внешнего долга шла на первом месте в мире. Поэтому вопрос об аннулировании большевистским правительством гособязательств царской России и Временного правительства вызывал крайнюю озабоченность в странах-кредиторах.

8 декабря 1917 г. британские газеты опубликовали отчеты своих корреспондентов из Петрограда, которые информировали, что большевики планируют аннулировать все иностранные займы и прекратить по ним выплату процентов. Французская печать, комментируя готовившейся Совнаркомом декрет об аннулировании государственных долгов, писала, что «большевистское правительство при помощи Четверного союза довершает свою измену и угрожает разорением тысячам французских семейств»¹. Даже слухов о подобном аннулировании долгов было достаточно, чтобы французское правительство запаниковало. Министр иностранных дел С. Пишон, отвечая на вопросы перед Палатой депутатов о том, какие действия правительство предпринимает, чтобы защитить интересы Франции в России, настаивал, что пока существуют лишь слухи, без каких-либо официально подтвержденных оснований. В результате французское правительство сделало оптимистичное заявление, что купоны, которые должны быть погашены в январе 1918 г., будут оплачены как обычно².

Политики Великобритании также не могли поверить в происходящее. 12 декабря 1917 г. на заседании английского парламента член правительства Бонар-Лоу объяснял депутатам: «В вопросе об отказе от платежа государственных долгов я должен заявить, что за всю историю международных государственных долгов не было случая, чтобы большое государство отказалось целиком платить долги, даже Турция никогда не прибегала к методу полного отказа от платежей. И принимая во внимание, что Россия является страной с большими естественными богатствами, нежели всякая другая страна, принимая также во внимание, что рано или поздно в России будет устойчивое правительство, – мы должны прийти к выводу, что если в России создастся устойчивое правительство, то Россия скорее, нежели, быть может, другое государство, поймет, что развитие ее богатств и ее процветание немыслимо без финансовой поддержки со стороны других стран. Об этом нужно помнить, когда говорят о том, что Россия навсегда аннулировала свои долги. И если мы все это примем во внимание, то я не могу поверить тому, чтобы Англия рано или поздно не получила назад своих денег»³.

¹ Цит. по: *Ксенофонов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели. Документальный репортаж. М., 1991. С. 231.

² *Siegel Jennifer.* For Peace and Money. French and British Finance in the Service of Tsars and Commissars. Oxford, New York, 2014. S.170.

³ *Левидов М.* К истории союзной интервенции в России. Л., 1925. С. 25.

Тем временем 21 ноября 1917 г. Совнарком заслушал доклад Д.П. Боголепова о запрещении оплаты процентных бумаг. Но обсуждение этого вопроса было отложено. 23 декабря 1917 г. Совнарком принял декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам, который должен был действовать до выработки ВСНХ законов о ликвидации займов¹. 29 декабря появился декрет СНК о запрещении операций с ценными бумагами².

21 января 1918 г. на заседании ВЦИК был принят декрет об аннулировании государственных займов³. Декрет гласил:

«1. Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии, перечисленные в особо публикуемом списке, аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. Декабрьские купоны названных займов оплате не подлежат.

2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений.

3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы.

Краткосрочные обязательства и серии Государственного казначейства остаются в силе. Проценты по ним не уплачиваются, а самые их облигации имеют хождение наравне с кредитными билетами⁴. Интересно, что декрет подписал не председатель Совнаркома, которым был в тот момент В.И. Ленин, а глава ВЦИК Я.М. Свердлов.

Сумма аннулированных займов составила, по подсчетам И.Ф. Гиндина, 21,6 млрд руб. внутренних долгосрочных и 8,95 млрд руб. заграничных краткосрочных, всего 30,56 млрд руб. Сверх того, около 5,63 млрд руб. внутренних краткосрочных обязательств были превращены в денежные знаки⁵.

Таким образом, большевики выполнили свою предоктябрьскую программу по аннулированию всех «капиталистических» займов. Декретом предусматривалась также защита интересов мелких держателей облигаций государственных займов: «5. Малоимущие граждане, владеющие аннулируемыми государственными бумагами внутренних займов на сумму не свыше 10 000 рублей (по номинальной стоимости), получают взамен именные свидетельства нового займа Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на сумму, не превышающую 10 000 рублей. Условия займа будут определены особо».

Пунктом 6 декрета вклады в государственные сберегательные кассы и проценты по ним объявлялись неприкосновенными, а все принадлежавшие им облигации аннулированных займов подлежали замене книжным долгом Советской Республики. Особый порядок защиты интересов предусматривался и для кооперативов, местных самоуправлений, других общепользных или демократических

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 285–287.

² Государственные займы и сберегательные кассы СССР. Сб. важнейших законодательных материалов за 1917–1937 гг. М., 1938. С. 23.

³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 386–387.

⁴ Сборник декретов о финансах. 1917–1920. Пг., 1920. С. 107–109.

⁵ Гиндин И.Ф. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. С. 169.

организаций, «если будет доказано, что принадлежащие им облигации приобретены до опубликования настоящего декрета»¹.

7 марта 1918 г. постановлением ВСНХ «О правилах применения декрета об аннулировании государственных займов» льготы, предусмотренные декретом от 21 января 1918 г., были распространены и на граждан, имевших облигации государственных займов и иных аннулированных ценных бумаг на сумму до 25 тыс. руб. Особо оговаривалось, что эти граждане должны были владеть только аннулированными бумагами, выпущенными на внутреннем российском рынке, и находиться в России². Принципиально новым положением, введенным данным постановлением, являлось то, что все граждане, имевшие аннулированные ценные бумаги на сумму не свыше 10 тыс. руб., по своему желанию могли перевести причитавшиеся им суммы на свое имя в сберегательные кассы.

Общее руководство ликвидацией государственных займов осуществлял ВСНХ. Оперативную же работу проводил Народный (бывший Государственный) банк, подчинявшийся Наркомфину. Уже в феврале 1918 г. банк приступил к регистрации всех выпущенных облигаций государственных займов и других процентных бумаг, как подлежащих, так и не подлежащих аннулированию. Чтобы собрать необходимые сведения, в местной прессе было сделано объявление о том, что «всем владельцам процентных бумаг предлагается, под страхом аннулирования таковых, доставить процентные бумаги в местные учреждения Народного банка, до 1 мая нов. ст. 1918 года»³.

Декрет об аннулировании государственных займов вызвал бурную реакцию как внутри страны, так и за рубежом. Появились критические замечания профессиональных экономистов, которые подчеркивали, что декрет о государственном банкротстве (а отказ от уплаты долговых обязательств, по мнению специалистов, означал именно государственное банкротство) носит не финансовый, а социально-политический характер и направлен прежде всего на экспроприацию капиталистов – держателей ценных бумаг. Однако «для всякого непредубежденного человека совершенно ясно, что от такого декрета пострадает не буржуазия, а средние слои населения, поместившие свои трудовые сбережения в займы государства, оказав последнему в тяжелые минуты отечества поддержку». Критики декрета сразу же отметили, что после принятия декрета об аннулировании государственных займов «оборвана связь не только с союзниками, но и вообще с внешним миром, обрублены питательные провода, поддерживавшие расшатанное в корне русское государственное и народное хозяйство»⁴.

Кроме того, специалисты отмечали, что «мысль о государственном банкротстве России настолько страшна, что, как можно судить по иностранной печати, она даже не обсуждается серьезно в ответственных финансовых кругах Европы... Государственное банкротство России это – секретная болезнь европейского рынка капиталов». Отказ России обслуживать свои долговые обязательства может вызвать катастрофу на международном фондовом рынке. Именно это обстоятель-

¹ Сборник декретов о финансах. 1917–1920. С. 108–109.

² Сборник декретов и распоряжений по финансам. Т. 1. 1917–1919. Пг., 1919. С. 109.

³ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 78. Л. 5об.

⁴ *Зак А.Н.* Государственное банкротство России... С. 108–112, 122–123.

ство, по мнению российских экономистов, заставляло иностранных банкиров, «несмотря на изданные в России декреты об аннулировании займов и, несмотря на то, что фактически Россия давно уже не имеет возможности предоставить в распоряжение своих иностранных кредиторов валюту для текущих платежей по своей задолженности», продолжать оплачивать купоны по русским государственным займам «на свой собственный страх и риск»¹.

В Западной Европе декрет Советского правительства об аннулировании государственных займов действительно был встречен с нескрываемой тревогой и озабоченностью. Уже в январе 1918 г. на заседании кабинета министров Великобритании обсуждалось предложение Министерства иностранных дел о разрыве любых отношений с большевиками. По мнению английского МИДа, для этого появились достаточно веские причины: «Большевики нарушили договор России с союзниками, отказались от своих долгов... и открыто пытались поднять революционное движение во всех странах»².

14 февраля 1918 г. в Наркоминдел РСФСР поступила нота дипломатического корпуса, в которой говорилось: «Все союзные и нейтральные послы и посланники, аккредитованные в Петрограде, настоящим извещают Комиссариат по иностранным делам, что они рассматривают все декреты рабочего и крестьянского правительства об аннулировании государственных долгов, о конфискации собственности и т. д., поскольку они касаются иностранных подданных, как несуществующие». Дипломаты также констатировали, что их «правительства оставляют за собой право в любое время, когда они сочтут это нужным, настоятельно потребовать удовлетворения и возмещения всех ущербов и утрат, которые могли быть созданы путем исполнения этих декретов для иностранных государств вообще и для их подданных, живущих в России, в частности»³.

Ответ на эту ноту был дан 15 февраля в передовой статье «Правды», где говорилось: «Священный союз капитала против революционной России налично. После аннексионистского мира, предъявленного нам Германией, мы видим перед собой союзного Шейлока, который угрожает при помощи оружия выколачивать из русского народа проценты по долговым обязательствам царизма и буржуазии»⁴. Вскоре после дипломатической ноты от 14 февраля французское и английское правительства, являвшиеся крупнейшими кредиторами дореволюционной России, сделали совместное заявление. Ссылаясь на нормы международного права, Франция и Великобритания объявили, что «обязательства русского императорского правительства не могут быть отвергнуты никакой властью, которая распоряжается или будет распоряжаться в России. Подобный акт нарушил бы все основы современного международного права».

Даже среди симпатизировавших революции после опубликования декрета отношение к советскому правительству резко ухудшилось. Французский социалист Ж. Садуль (с лета 1917 г. атташе при французской военной миссии в России) писал из Петрограда, что «этот неловкий жест большевиков должен весьма за-

¹ Зив В.С. Государственное банкротство и иностранные капиталы. Б. м., 1918. С. 3–5.

² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. V. С. 95.

³ Внешняя политика СССР (1917–1920). Сб. документов. Т. 1. М., 1944. С. 48.

⁴ Правда. 1918. 15 февраля.

конно усугубить по отношению к ним враждебность общественного мнения тех стран, в которых, как во Франции, много мелких держателей русских ценных бумаг». Садуль отмечал, что большевики придавали аннулированию долгов «чисто символическое значение», т. к., по их мнению, после окончания мировой войны финансовое состояние воевавших стран будет настолько плачевным, что все они придут «к более или менее замаскированному банкротству» и что всем будет необходим «общий пересмотр заключенных международных обязательств». Кроме того, большевики надеялись, что революция охватит всю Европу, везде возникнут демократические правительства, с которыми РСФСР «очень легко договорится по всем спорным вопросам»¹.

Так как революционное правительство игнорировало дипломатические протесты, со стороны стран-кредиторов последовали откровенно агрессивные действия: весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция. То, что одной из основных причин введения войск Антанты было стремление восстановить в России такое правительство, которое бы гарантировало погашение внешних долгов, прекрасно понимали и большевики. В воззвании, с которым 1 августа 1918 г. советское правительство обратилось к пролетариату Франции, Англии, США, Японии и Италии, говорилось: «Первая их (буржуазных правительств. – *Авт.*) цель – захват по возможности большей территории России, дабы ее богатствами, железными дорогами обеспечить проценты по займам для французского и английского капитала»².

Однако, несмотря на критику специалистов, дипломатические ноты и угрозу иностранной интервенции, революционное правительство России продолжало действовать в соответствии с собственными установками. 16 апреля 1918 г. был издан декрет о прекращении принятия в залог аннулированных процентных бумаг³.

Через два дня (18 апреля 1918 г.) была установлена обязательная регистрация всех российских и иностранных ценных бумаг на предъявителя, принадлежащих как российским гражданам, так и проживавшим в пределах РСФСР иностранцам⁴. Таким способом советское правительство старалось не допустить передачи ценных бумаг из рук в руки, чтобы исключить возможность использования владельцами крупных пакетов получения компенсации за облигации путем предъявления их к оплате через подставных лиц. Конечным сроком регистрации было установлено 1 мая, позднее этот срок продлили до 30 июня 1918 г. Регистрация ценных бумаг производилась конторами и отделениями Народного банка РСФСР. Все ценные бумаги, не предъявленные для регистрации в этот срок, объявлялись аннулированными⁵.

28 июня 1918 г. Наркомфин принял решение о прекращении регистрации и аннулировании незарегистрированных ценных бумаг. Все ценные бумаги (кроме

¹ Садуль Ж. Указ. соч. С. 179.

² Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 158.

³ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 116.

⁴ Там же. С. 134–138.

⁵ Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. С. 66.

бумаг городских займов), находившиеся на руках у российских или иностранных держателей и относительно которых не было подано заявление или опись в отделение Народного банка, объявлялись «аннулированными и не подлежащими приему ни в государственных учреждениях, ни в частном обращении как не имевшие никакой цены»¹.

Однако в июле 1918 г. советская власть пошла на ослабление запрета на совершение любых сделок с процентными бумагами аннулированных займов. Это было сделано в интересах малоимущих граждан. В результате многочисленных обращений населения и различных организаций появился циркуляр Главного комиссара Народного банка от 22 июля 1918 г., по которому разрешалась выдача кредитов или покупка бумаг в ограниченных пределах². Ссуда составляла 50 % номинала, причем общая сумма ссуды одному лицу ограничивалась 5 тыс. руб., включая прежний долг (если ценные бумаги были заложены ранее), а ежемесячная выдача – 1000 руб. Приобретались ценные бумаги только у лиц, имевших их на сумму до 500 руб. по номиналу³.

Согласно официальным данным, за ноябрь 1917 – сентябрь 1918 г. Петроградская контора Народного банка РСФСР выдала 2804 ссуды на 6,8 млн руб. под залог ценных бумаг на 24,9 млн номинальной стоимости и приобрела разных ценных бумаг (за январь–октябрь 1918 г.) на 16,5 млн руб.⁴ Более 60 % всех выкупленных бумаг приходилось на военные займы и на «Займ Свободы». Ссуды выдавались в размере чуть более 25 % от стоимости принятых под залог ценных бумаг. Примерно половина всех ссуд была выдана с ноября 1917 по март 1918 г., т. е. в тот период, когда ссуды могли получить не только малообеспеченные граждане, но и средние, и крупные держатели облигаций⁵.

Окончательный порядок аннулирования государственных займов был определен постановлением СНК от 26 октября 1918 г. об аннулированных государственных процентных бумагах и инструкцией наркома финансов от 14 ноября 1918 г. о порядке применения этого постановления. Все лица и учреждения обязывались сдать все принадлежавшие им аннулированные государственные и гарантированные правительством ценные бумаги в течение месяца со дня опубликования объявления об этом на местах, но в любом случае не позднее 1 января 1919 г.⁶

Гражданам, владевшим аннулированными ценными бумагами на сумму не более 10 тыс. руб. по их номинальной стоимости, вместо предусматривавшейся замены облигаций на именные свидетельства нового займа зачислялись соответствующие суммы на их текущие счета в Народном банке или на их книжки в сберегательной кассе. Стоимость, причитавшаяся к перечислению, определялась на основании ликвидационной стоимости бумаг, указанной в прилагаемом к по-

¹ Сборник декретов и распоряжений по финансам. Т. 1. 1917–1919. С. 116. *Шабалин А.О.* Развитие рынка ценных бумаг России в XX веке. М., 2001. С. 71.

² История Министерства финансов России. С. 93.

³ *Дьяченко В.П.* Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. 1917–1925. С. 66–67.

⁴ Финансы и народное хозяйство. 1918. № 38. 7 ноября.

⁵ *Шабалин А.О.* Указ. соч. С. 72.

⁶ История Министерства финансов России. С. 94.

становлению СНК списке аннулируемых государственных и гарантированных правительством обязательств. При этом из переводимой суммы вычитался долг по ссудам, выданным под эти бумаги. Новые ссуды под процентные бумаги впредь не выдавались.

Что касается правительственных учреждений, в т. ч. Советов, бывших городских и земских самоуправлений, администраций национализированных предприятий, то убытки, причиненные им аннулированием государственных процентных бумаг, не возмещались вовсе. Средства, необходимые на покрытие расходов, ранее удовлетворявшиеся за счет доходов от аннулированных бумаг, испрашивались в обычном сметном порядке. Согласно декрету Совнаркома от 16 сентября 1920 г. все расчеты по аннулированным займам были прекращены¹.

Общим местом в советской экономической и исторической литературе являлся тезис, что «главная задача декрета 21 января 1918 г. состояла в том, чтобы обеспечить безусловное соблюдение интересов малоимущих граждан, владевших облигациями аннулированных займов, и пресечь всякие попытки эксплуататорских классов сохранить свои капиталы, помещенные в облигации займов или полученные под их залог»². Однако же постоянные изменения законодательства об аннулировании государственных долгов и запрете операций с ценными бумагами оставляли мало шансов населению, особенно вне столичных городов, получить хоть какую-то компенсацию за инвестиции в государственные облигации. Однако дело было не только в практике, а и в самом замысле операции.

Более вероятно, что подлинной целью «дефолта» 1918 г. была «красногвардейская» атака на российский и международный капитал. Этот шаг не только на долгие годы испортил отношения России со странами Запада (вопрос о «царских долгах» неоднократно обсуждался на международном дипломатическом уровне на протяжении всей истории существования СССР и даже сегодня решен лишь с несколькими странами), но и, что не менее важно и часто забывается, нанес удар по собственному населению, затронув громадную массу отнюдь не богатых жителей страны и фактически обесценив народные средства, отданные в займы государству.

Брестский договор и финансово-экономическая политика Советской России

Одним из самых значительных факторов, оказавших большое влияние на финансовую политику советского правительства являлся Брест-Литовский договор, заключенный 3 марта 1918 г. В советских исторических исследованиях основной упор делался на освещении политических и дипломатических коллизий, связанных с заключением договора, а также его военных последствий³. При

¹ Сборник декретов и распоряжений по финансам. Т. 1. 1917–1919. С. 12.

² Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. 1. 1917–1925. С. 65–66.

³ Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954; Майоров С.М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959; Ахтамзян А.А. От Бреста до Килия. Провал антисоветской

этом изложение событий, связанных с Брестским миром, в основном заканчивалось его ратификацией. Главный вывод, повторявшийся в разных работах с некоторыми вариантами, заключался в том, что «борьба Ленина за выход Советской России из мировой войны и заключение мира вошли в историю советской внешней политики как пример твердости в отстаивании провозглашенных принципов, умелого тактического маневрирования»¹. Но лишь в работах В.А. Шишкина и Д.А. Коваленко освещаются сюжеты, в определенной степени раскрывающие влияние Брестского мирного договора на экономическую политику советского правительства². В последние годы стали появляться работы, выходящие за принятые ранее идеологические рамки³.

Процесс обсуждения финансовых проблем был запущен еще в ходе мирных переговоров в конце 1917 г. 10 декабря 1917 г. ряд крупных германских фирм и банков обратился к немецкой делегации на Брестской конференции с посланием, в котором настойчиво просили ее членов «со всей энергией действовать в том направлении, чтобы интересы немецких держателей русских государственных займов и гарантированных государством облигаций железных дорог были обеспечены»⁴.

Сведения немецких предпринимателей, что советское правительство готовится аннулировать государственные долги, были верны. Но т. к. под запланированную акцию подпадали и долги в отношении Германии, то, не желая осложнять брестских переговоров, советское правительство направило в декабре 1917 г. своему представителю в Скандинавии В.В. Воровскому поручение – выяснить через германское посольство в Стокгольме, как Берлин отнесется к объявлению Советской Россией «государственного банкротства», т. е. к аннулированию

политики германского империализма в 1918 г. М., 1963; *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964; *Ознобишин Д.В.* От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти. 1917–1920 гг. М., 1966; *Блинов С.И.* Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М., 1977; *Петров В.И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980; *Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. Киев, 1981; *Мишч И.И.* Год 1918-й. М., 1982; *Зарницкий С., Трофимова Л.* Так начинался Наркоминдел. М., 1984; *Ксенофонтов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели.

¹ *Труш М.И.* Советская внешняя политика и дипломатия в трудах В.И. Ленина. М., 1977. С. 49.

² *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969; *Он же.* В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика советского государства (1917–1923 гг.). М., 1977; *Коваленко Д.А.* Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. 1917–1920 гг. М., 1976.

³ *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007; *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007; *Бутаков Я.А.* Брестский мир: ловушка Ленина для кайзеровской Германии. М., 2012; *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016.

⁴ Цит. по: *Израэлян В.Л.* Неоправдавшийся прогноз графа Мирбаха (Из истории антисоветской политики германского империализма в 1917–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 1967. № 6. С. 57.

иностранных государственных займов. Имперский банк счел советское предложение «приемлемым и полезным». По расчетам Рейхсбанка, Антанта на аннулировании займов теряла больше, чем Германия, и, следовательно, отмена больше затрагивала ее интересы¹.

Позднее, в феврале 1918 г., в Министерство экономики Германии было направлено письмо, подписанное директорами Дойче банка, Дрезденского банка, Коммерческого и дисконтного и других крупных немецких банков. В начале письма его составители напоминали, что в Советской России «распоряжением Совета народных комиссаров проведена национализация банков, оптовых торговых, а также промышленных предприятий», и выражали надежду, что «представители Германии во время мирных переговоров с Россией будут добиваться того, чтобы по возможности обеспечить немецкое частное имущество и немецкие притязания на частные предприятия, особенно на банки, и на торговые и промышленные предприятия». Сумму немецких капиталовложений в России (в промышленность, железные дороги и т. п.) банкиры определяли от 4 до 5 млрд марок. Но данная сумма, по мнению банкиров, не включала «претензии и требования к России со стороны германского государства; эти требования также исчисляются миллиардами»².

Не только немецкие, но и российские предприниматели надеялись, что в ближайшее время Советская власть будет свергнута и все вернется «на круги своя». Поэтому, когда мирные переговоры были прерваны и германская армия перешла в наступление, фондовые биржи Москвы и Петрограда отреагировали ростом курса аннулированных ценных бумаг. Газета «Утро России» так описывала обстановку в Москве в эти дни: «Биржа живет, кипит, волнуется. После многих недель полного затишья, когда в помещении биржи были запрещены даже частные сделки, биржевая площадка снова наполняется шумом голосов. Снова движение, водоворот. С приходом германцев связывают надежды на восстановление прав на собственность, капитал и землю»³.

Вообще надо отметить, что подготовка советской делегации к мирным переговорам оставляла желать много лучшего. Член советской делегации А.А. Иоффе, ответственный за финансовые вопросы договора, в письме из Брест-Литовска на имя Главного комиссара Государственного банка В.В. Оболенского от 17(30) января 1918 г. сетовал, что из-за неподготовленности вопроса ему туго приходится в дискуссиях с германской стороной. «Вообще всю эту главу (ст. VI проекта мирного договора о восстановлении частных прав. – *Авт.*) необходимо внимательнейшим образом обсудить специалистам, ибо тут есть, например, вопрос об уплате процентов; мы понятия не имеем, годятся ли 5 % или нет... Так работать нельзя, нужно иметь точные данные и специальные сведения... О государственных долгах мы тоже не могли точно сказать, ибо не знаем, аннулированы ли также железнодорожные долги и согласны ли платить немцам проценты за тот период, когда все получали, ибо долги еще не были аннулированы. Ясно, что необходимо все это возможно скорее весьма основательно и серьезно обсудить, и

¹ Зарницкий С.В., Трофимова Л.И. Так начинался Наркоминдел. С. 145.

² Цит. по: Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений / пер. с нем. М., 1956. С. 147–148.

³ Цит. по: Ксенофонов И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. С. 364–365.

сообщить нам результаты. Вы бы посмотрели, как работают немцы. По всем вопросам здесь специалисты, а кроме того, постоянная связь с интересантами, целые тома подготовительного материала. Нужно иметь в виду, что, если мы теперь расплюемся, вся эта работа пригодится впоследствии». Попросив адресата «из пяти посылаемых Вам экземпляров передать один Владимиру Ильичу», Иоффе настаивал, «чтобы специалисты обсудили весь этот проект» (мирного договора. – *Авт.*)¹.

О степени осведомленности советского представителя можно судить по его собственному признанию. На переговорах в Брест-Литовске по поводу размера возможной компенсации Иоффе заявил, что «вместе с уплатой на содержание военнопленных по нашей статистике сумма составит 6–7 млрд марок, а это уже приличная контрибуция. Конечно, – доверительно сообщал он В.В. Оболенскому, – эту сумму я высосал из пальца, чтобы бить их “контрибуциями”, но нужно точно установить, в чем дело, ибо они серьезно настаивают на этом»². Иоффе решил напугать противную сторону несообразно великой «потолочной» суммой, рассчитывая отчего-то, что германская сторона разделяет большевистский лозунг мира «без аннексий и контрибуций».

Брестский мирный договор является одним из самых тяжелых по своим не только военным, социально-политическим, но и финансово-экономическим последствиям. По некоторым подсчетам, Россия уступила странам Четверного союза (прежде всего Германии) до 1 млн кв. км территории, где проживали 46–49 млн чел. Это составляло 4–4,5 % всей территории бывшей Российской империи, или более 20 % ее европейской части. На этих землях проживало 26 % всего населения страны (более трети жителей Европейской России). Были потеряны 26 % железнодорожных путей страны, 27–33 % посевных площадей, 37–48 % собираемого хлеба, 84 % производства сахара, более 50 % сбора картофеля. Страна лишалась трети всего фабрично-заводского производства, $\frac{2}{3}$ добычи угля и железной руды, 73 % производства чугуна. Вместе взятое все это составляло почти третью часть государственных доходов России³.

В основном эти цифры относятся к Польше и Прибалтике, в отношении территорий которых в Брестском договоре было зафиксировано: «Для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет возникать никаких обязательств по отношению к России». В объяснительной записке по поводу договора, внесенной германским правительством в рейхстаг, в отношении данного пункта указывалось: «Особенно важным последствием из отказа России от государственного верховенства в этих ее частях является постановление, что для областей, о которых идет речь, не будет из прежней принадлежности к России вытекать никаких обязательств по отношению к ней. Из этого следует, что новые государства не будут обязаны ни к принятию на себя части русских государственных долгов, ни к выдаче находящихся на их территории русских государственных или казенных имуществ»⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1992. Л. 5–6.

² Там же. Л. 5.

³ *Ксенофонов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели. С. 363–364.

⁴ Цит. по: *Зак А.Н.* Разверстка государственных долгов. Берлин, 1922. С. 39.

Как ни странно, но принять постановление о том, что для оккупированных немцами областей не возникнет никаких обязательств по отношению к России, первой предложила советская делегация. На одном из заседаний Л.Б. Каменев заявил: «Из факта принадлежности оккупированных областей к составу бывшей Российской империи Русское правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственно-правовые обязательства по отношению к Российской республике»¹.

В основном тексте Брест-Литовского договора о финансах речи не было, ограничились констатацией, что «с заключением мира оканчивается война и в экономических и финансовых отношениях»².

А вот некоторые статьи русско-германского дополнительного договора, который также был подписан 3 марта 1918 г., подробно зафиксировали долговые обязательства сторон. Основные из них сводились к следующему. В ст. 7 говорилось, что «денежные требования, от уплаты которых можно было отказаться в течение войны на основании законов военного времени», могли не выплачиваться на протяжении 6 месяцев после ратификации мирного договора, но начиная с момента первоначального срока платежа за период войны и первое послевоенное полугодие по ним должны быть выплачены 5 % годовых. В ст. 8 прямо утверждалось, что «каждая из договаривающихся сторон... немедленно после ратификации мирного договора возобновляет уплату своих обязательств, в особенности процентов по государственным обязательствам, гражданам другой стороны». Ст. 11 определяла, что деньги и ценные бумаги, находившиеся в официальном учреждении для хранения ценностей (имеются в виду ценности, «замороженные» на счетах иностранных подданных во время войны. – *Авт.*) в течение 3 месяцев после ратификации договора должны быть переданы «в распоряжение специального уполномоченного». Ст. 15 предусматривала, что для установления ущерба, который должен быть возмещен потерпевшим гражданам обеих сторон в Петрограде создавалась комиссия, состоявшая по трети из представителей сторон и нейтральных членов³.

14 марта 1918 г., делая доклад о Брест-Литовском мирном договоре на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин заявил, что в нем «наиболее важны 2 статьи, которые имели в виду наше новое советское законодательство: статья, относящаяся к аннулированию государственных займов, и статья, относящаяся к экспроприации частной собственности в России. Что касается первой, то прежде всего постановляется, что все кредиторы восстанавливаются в своих правах, в т. ч. и держатели русских государственных займов – германские подданные». Опираясь на подсчеты германского правительства, нарком иностранных дел пояснил, что «в германских руках находится не более чем полмиллиарда русских государственных ценностей».

¹ Цит. по: *Каменев Л.* Борьба за мир. Отчет о мирных переговорах в Бресте. Пг., 1918. С. 71–72.

² Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. Т. 1. М., 1968. С. 372.

³ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. С. 416–421.

Другая статья, о которой говорил Чичерин, относилась к праву собственности германских подданных на землю и ее недра, концессии и акции. Он считал, что «поскольку в России была произведена экспроприация частной собственности и поскольку этим затронуты интересы германских подданных, нам предоставляется возможность от них, так сказать, откупиться... Откупиться, по их мнению, сравнительно скромной суммой в 3 миллиарда»¹.

Но были и другие точки зрения. Еще во время переговоров и практически сразу после подписания Брестского мира началась его критика. Если большинство политиков и публицистов рассматривали внешнеполитические и социальные последствия договора, то профессиональные экономисты производили более конкретный анализ. Так, известный специалист по внешней торговле профессор И.М. Кулишер задался вопросом: «Не потому ли Германия и заломила в Брестском договоре такую цену, поставила такие неслыханные, недопустимые, немислимые требования, что предстоит и будущий мировой конгресс и будущий, совершенно иначе построенный, торговый договор?». И сам же отвечал: «Если так, то становится понятным, почему уже в настоящее время наиболее разумные немецкие экономисты и политические деятели готовы не настаивать на экономической части Брестского мира, рассматривая его лишь в качестве исходной точки при будущих переговорах, как канву, на которой должны быть, по взаимному соглашению, разрисованы условия и характер русско-германского товарообмена»².

Другой известный профессор В.И. Гриневицкий считал, что «бремя внешних финансовых обязательств, которыми Россия уже связана и которые в значительной мере еще расширятся в результате капитуляции перед Германией и продолжения войны на территории России, должно быть очень существенным фактором в нашем экономическом будущем. Социалистические мечты о возможности уйти от международных финансовых обязательств при капиталистическом строе мирового хозяйства рассыпались в прах при первом движении германского экспедиционного корпуса. Ничего, кроме подчинения этой суровой экономической необходимости, не останется России и тогда, когда мировой капитализм будет соображать и весьма разнообразными средствами отстаивать свои интересы в России»³.

После ратификации Брест-Литовских договоренностей начался процесс их практической реализации. После открытия посольства Германии в Москве немецкие дипломаты по указанию посла графа В. Мирбаха развернули операции по покупке («по дешевке») у крупных акционеров ценных бумаг российских предприятий, а затем предъявляли их к оплате золотом по нарицательной стоимости. Весной 1918 г. ВЧК арестовала «спекулянтов», пытавшихся продать немцам акции Веселянских рудников на сумму 4,1 млн руб. и акции треста «Чистяково-антрацит» на 900 тыс. руб.⁴

¹ Чичерин Г.В. Указ. соч. С. 30–31.

² Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Пг., 1918. С. 290.

³ Гриневицкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Пг., 1918. С. 74.

⁴ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 41.

Известный петроградский банкир К.И. Ярошинский после заключения Брестского мира 1918 г. предлагал германской стороне приобрести банки своего концерна – Петроградский Международный и Русский для внешней торговли. Как и его германские партнеры, он исходил из убеждения, что советская власть долго не продержится. Переговоры с Ярошинским, прерванные после Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, стали важной частью разрабатываемого кайзеровским правительством плана крупномасштабного проникновения в экономику России¹.

Германское посольство очень активно защищало интересы своих подданных. Так, возражая против национализации Общества электрического освещения 1886 г., Мирбах писал: «Принимая во внимание, что свыше 40 % акционерного капитала общества является немецкой собственностью, я заявляю протест против всех, уже имевших место или предстоящих действий государственных и городских органов, посредством которых будет произведено нанесение вреда германской собственности и германским интересам»². Одновременно и сами германские подданные требовали от центральной и местной власти возврата принадлежавших им до войны компаний³.

Один из лидеров левых эсеров И. Штейнберг по этому поводу отмечал, что «целые груды акций российских частных банков и промышленных предприятий перепродаются прямо или через подставных лиц в руки германских подданных... Если бумаги заграничных займов, попадающие в руки германских и им подобных подданных, должны будут оплачиваться сполна, то этого же вскоре и настойчиво потребуют и капиталисты союзных стран. И если им придется уступить, то, что же останется от всего нашего аннулирования займов?»⁴.

Параллельно Мирбах требовал от советского правительства возврата ценностей, хранившихся в банковских сейфах (арендованных германскими подданными и арестованных после начала войны, а затем конфискованных большевиками). Почти ежедневно германский посол представлял в различные комиссариаты все новые и новые списки таких ценностей на различные суммы – от нескольких десятков до сотен тысяч рублей⁵. Эти претензии проверялись и (при подтверждении) удовлетворялись⁶.

2 мая 1918 г. Чичерин писал Иоффе в Берлин, что чуть ли не ежедневно встречается с советником германской миссии К. Рицлером, который всякий раз приносит ему «кучу жалоб на нарушения имущественных прав немцев, на притеснения, контрибуции, наложения запретов на их сейфы... Если мы им отказываем в вы-

¹ Петров Ю.А. «Русский Вандербильт» и планы германской экономической экспансии после Брестского мира. Документы Федерального архива ФРГ // Отечественная история. 1993. № 5. С. 144–157; Фурсенко А.А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической истории России XIX–XX веков. Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999.

² Цит. по: Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. С. 50.

³ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 86, 87, 119, 120 и др.

⁴ Штейнберг И.З. Почему мы против Брестского мира. М., 1918. С. 23.

⁵ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – октябрь 1919). М., 1990. С. 291.

⁶ См., например: РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 406. Л. 17, 25, 39–48, 52 и др.

даче вкладов и ценностей из сейфов, а мним их грандиозными перспективами, концессиями на завтрашний день, то они могут заподозрить нас в стремлении их надуть, путем обещаний довести до перемены мировой ситуации»¹.

Аналогичным образом защищать интересы своих граждан могла бы и российская сторона. Ведь на основании § 4 ст. 7 дополнительного договора «для ликвидации долговых требований и прочих частно-правовых обязательств» в качестве полномочных представителей допускались «признанные государством общества защиты интересов кредиторов»². Имелись в виду общественные организации. В России это были прежде всего еще сохранившиеся биржевые комитеты и торгово-промышленные палаты, куда входили профессионалы, понимавшие механизмы функционирования экономики и возможные перспективы послевоенного развития.

Одной из первых отреагировала на содержание ст. 7 образовавшаяся в Петрограде в марте 1918 г. Российская палата по внешней торговле. 30 марта она разослала членам палаты циркуляр, в котором сообщила об организации «Общества защиты интересов кредиторов и должников» и призвала всех присылать ей сведения об имевшихся со стороны подданных неприятельских стран долгах и невыполненных обязательствах. 4 апреля создание организации с несколько измененным названием (вместо общества – «Союз защиты интересов кредиторов и должников») было утверждено Советом Съездов представителей промышленности и торговли. В Союз вошли 60 наиболее авторитетных деловых организаций (Совет Съездов представителей промышленности и торговли, биржевой торговли и сельского хозяйства, акционерных коммерческих банков, акционерных страховых обществ и др.). Председателем Союза был избран бывший премьер-министр В.Н. Коковцов, его заместителем – бывший министр иностранных дел Н.Н. Покровский. В соответствии с Уставом Союз предполагал осуществлять юридическую, экономическую и техническую подготовку спорных дел по обоюдным претензиям, которые в будущем будут рассматриваться в международных комиссиях. Кроме того, он хотел стать полномочным защитником притязаний, представляемых им физических и юридических лиц. Свою деятельность Союз осуществлял до августа 1918 г. По некоторым сведениям, основные направления деятельности Союза и даже выбор руководителей согласовывались с советскими органами государственной власти³. Попытка организации подобного общества была предпринята и в Москве⁴.

Со своей стороны к продолжению диалога с Германией готовилось и советское правительство. Надо отметить, что на протяжении полугода, пока действовал Брест-Литовский договор, в советских структурах власти было создано множество различных органов (совещаний, комиссий, отделов), деятельность которых была связана, с одной стороны, с выработкой переговорных позиций и подготов-

¹ Цит. по: *Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 97–98.

² Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. С. 417.

³ Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 275, 282–285.

⁴ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 298. Л. 16–17.

кой необходимых материалов, с другой – с практическим осуществлением советско-германских договоренностей.

В начале апреля 1918 г. при Наркоминделе было создано Межведомственное совещание по проведению в жизнь Брест-Литовского договора. Задача этого совещания заключалась в том, чтобы подготовить материалы политического и экономического характера с целью уяснения отдельных положений договора, проверки германских финансовых и имущественных претензий, возбуждения вопроса о пересмотре неприемлемых условий, разработки ряда конкретных проблем, вытекавших из соглашения с Германией. 5 и 8 апреля состоялись заседания Межведомственного совещания, на которых было принято решение о создании специальных комиссий: политической при НКИД (по пересмотру договора), по торговому договору и таможенным вопросам при Народном комиссариате торговли и промышленности, транспортной, по возмещению убытков и имущественным отношениям и т. д. Это же совещание определило порядок их работы.

Одновременно для выработки «руководящих указаний» к предстоящим экономическим переговорам 31 марта 1918 г. при Комитете хозяйственной политики ВСНХ была образована Комиссия внешней торговли. В ее состав вошли В.И. Ленин, Г.И. Ломов, В.П. Милютин, М.Г. Бронский, И.Э. Гуковский и др. Председателем был назначен Г.И. Ломов.

К середине мая 1918 г. комиссия подготовила тезисы к экономическим переговорам с Германией для подготовки добавочного договора. К этому времени после дипломатических консультаций было решено, что будут организованы две комиссии, одна начнет работать в России, вторая – в Германии. Если в Москве основной темой обсуждения стали проблемы российско-германского товарообмена и привлечения германского капитала в Россию, то в Берлине главным, по выражению Мирбаха, было «найти модус вивенди между дополнительным договором к Брестскому договору и антикапиталистической экономической политикой Советского правительства».

Ленинский план перевода советско-германских отношений на новую основу – основу экономического сотрудничества и развития взаимовыгодных торговых связей был впервые изложен заместителем наркома по торговле и промышленности М.Г. Бронским на первом заседании русско-германской комиссии в Москве 15 мая 1918 г. Комиссия пыталась разобраться в том, на каких условиях возможно возобновление экономических отношений между Россией и Германией, найти разумный компромисс между двумя системами собственности. Предложения советского правительства предусматривали предоставление Германии концессий на добычу нефти, постройку железных дорог, производство сельскохозяйственной продукции и минеральных удобрений, а также на эксплуатацию месторождений золота. Эти концессии могли быть предоставлены на основе существующего в Советской России социального и торгового законодательства. При этом советское государство оставляло за собою право разработки природных богатств, участия в полученных доходах и сохраняло за собою контроль за концессионными предприятиями. В свою очередь Германия должна была предпринять ответные шаги: отказаться от вмешательства во внутреннюю и экономическую политику Советской России, признать национализацию внешней торговли и банков, не создавать препятствий для установления экономических отношений РСФСР с «окраинными»

областями, территории которых ранее входили в состав России, обеспечить получение Советской Россией железной руды из Кривого Рога и Кавказа¹.

Требования о признании национализации прозвучало и в Берлине на первом же заседании 10 июня 1918 г. По воспоминаниям Ю. Ларина, еще до отъезда на переговоры «некоторые товарищи нам говорили, что требование признать национализацию всей промышленности вызовет срыв дипломатических сношений, новое нашествие на Россию и пр. и что нас отправят из Берлина немедленно обратно в Москву»².

Надо отметить, что к этому времени в Советской России на основе декретов о рабочем контроле и национализации банков ликвидация частной собственности на промышленные предприятия осуществлялась достаточно активно. Но действия на местах были стихийными, рабочие коллективы попытались разрешить свои материальные затруднения путем «проедания» финансовых ресурсов предприятий³.

В Берлине советская делегация решила не отказываться от намеченного еще в Москве плана и начала с заявления о признании национализации промышленных предприятий. Германская сторона выразила протест по этому поводу, заявив, что «это означает полное устранение немецкого капитала из России». Но 20 июня немецкие делегаты заявили, что согласны «включить в паушальную сумму оплаты только тех национализаций и конфискаций, которые произведены до 1 июля. За все последующие национализации они требуют расплаты полностью немедленно при самой национализации чистоганом», – писал Ю. Ларин Ленину 21 июня 1918 г.⁴

Советские делегаты расценили это как вмешательство во внутренние дела России, заявив, что вопрос о национализации крупной промышленности уже обсуждался в Москве перед их отъездом в Берлин. В план национализации включался ряд важнейших отраслей промышленности, а в каждой из них – предприятия с акционерным капиталом не менее 500 тыс. руб. Принадлежавшие немцам акции предприятий входили в выкупную сумму, поэтому немецкое правительство не должно поддерживать каких-либо новых требований немцев-владельцев при всех будущих национализациях в этих отраслях промышленности.

Немецкие представители потребовали предоставить список отраслей и акционерных обществ, подлежащих национализации; Ларин и Красин составили его на основе имевшихся у них материалов. Список насчитывал около 1,5 тыс. акци-

¹ *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Так начинался Наркоминдел. С. 98.

² Цит. по: *Коваленко Д.А.* Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. С. 239–240.

³ *Павлюченков С.А.* Военный коммунизм в России. М., 1996. С. 57; *Фельдман М.* «Мы, собственно, ни одного серьезного опыта национализации не провели»: дискуссии на I съезде Советов народного хозяйства // *Российская история.* 2014. № 1. С. 51.

⁴ Цит. по: *Мальшева Е.В.* Осуществление декрета о национализации промышленности: пути дальнейшего изучения // *Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны.* Сб. научных трудов. М., 1988. С. 218.; *Журавлев В.В.* Декреты Советской власти 1917–1920 годов как исторический источник. М., 1979. С. 259.

онерных обществ с основным капиталом в 5 млрд руб. Перечень этих отраслей включался в проект декрета о национализации¹.

В приписке Л.Б. Красина к письму Ларина в Москву от 21 июня говорилось: «По ходу переговоров выяснилась безусловная необходимость официального опубликования не позднее 29 июня сего года вышеизложенного декрета; это мнение всех товарищей, принимающих здесь участие в работе комиссии. Просим убедительно в точности и не пропуская срока исполнить эту просьбу. Дело в том, что за все национализируемые после 30 июня предприятия потребуют предварительной уплаты наличными всей стоимости немецкого участия в данном предприятии, что делает для нас национализацию практически, может быть, неосуществимой. Список составлен нами по зрелом обсуждении»².

После получения этого известия Совнарком потребовал от ВСНХ «молниеносно установить окончательный список национализируемых отраслей промышленности». В повестку дня заседания СНК 27 июня был включен доклад президиума ВСНХ «О завершении намеченной СНК и ВСНХ национализации российской промышленности», но сразу декрет утвержден не был.

Лишь 28 июня Совнарком утвердил декрет «О национализации крупнейших предприятий по горной, металлургической и металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической, лесопильной и деревообрабатывающей, табачной, стекольной и керамической, кожевенной, цементной и прочим отраслям промышленности»³ (осуществление этого декрета растянулось на несколько лет, но формально сроки, оговоренные с Германией, были соблюдены). Интересно, что декрет с поправками утвердили, а вступительную часть к нему «в виде обращения к российским гражданам, в частности к рабочим» решили не публиковать⁴.

А.В. Шотман, бывший тогда членом президиума и секретарем ВСНХ, вспоминал: «Собрались мы у Владимира Ильича 27 июня. Ленин потребовал в течение суток составить список заводов и фабрик России всех отраслей промышленности. Работа была нелегкая. В то время не все главки и центры знали количество заводов и фабрик в своей отрасли. Мы указывали Владимиру Ильичу на это обстоятельство. Но он нашел из этого положения выход. Он предложил взять прежние справочные книги и по ним составить перечень подлежащих национализации заводов и фабрик»⁵.

В.И. Ленин торопил работников ВСНХ с составлением списков, запрашивая через каждые два часа, как идет работа. Только поздним вечером главки и центры представили списки предприятий, а президиум ВСНХ объявил их национализированными и тут же сообщил Ленину. В час ночи 29 июня он приказал Шотману

¹ Коваленко Д.А. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. С. 241.

² Мальшева Е.В. Осуществление декрета о национализации промышленности. С. 218.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 95–101.

⁴ Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 61.

⁵ Цит. по: Коваленко Д.А. Ленин и социалистические преобразования в промышленности Советской России. С. 242.

ехать в редакцию «Известий» и сдать список в срочный набор, чтобы утром он был опубликован. Когда в редакции отказались напечатать список, т. к. все полосы были готовы и сдавались в стереотипную, Шотман сообщил о случившемся Ленину. «Владимир Ильич возмутился и попросил передать трубку ночному редактору. Что он ему говорил, я не слышал, но, судя по тому, как вытягивалась физиономия у ночного редактора, я догадался, что Владимир Ильич крепко “нажимает”. Декрет наутро появился»¹.

В тот же день 29 июня в Берлин А.А. Иоффе была отправлена телеграмма, в которой Совнарком сообщал, что «согласно давно намеченному плану, после продолжительной работы, наконец, 28 июня утвержден декрет, появления которого с нетерпением ожидали народные массы России и опубликование которого задерживалось обстоятельствами, не зависящими от воли и желания Советской власти»².

Таким образом, представляется необоснованным принятое в советской историографии мнение о том, что декрет от 28 июня 1918 г. «был глубоко продуман и подготовлен с большим знанием состояния различных отраслей промышленности страны»³. Отметим, что еще в мае 1918 г. нарком торговли и промышленности В.М. Смирнов прямо заявлял: «У ВСНХ не было и нет плана национализации»⁴.

Немецкая делегация выразила протест, назвав декрет 28 июня «недобрым», но все же признала национализацию российской крупной промышленности. Для выполнения дополнительного договора в мае 1918 г. в Наркомате торговли и промышленности был образован специальный Ликвидационный отдел «по учету убытков, вызванных войной». В его ведение были переданы функции Особого делопроизводства по правительственному надзору за торгово-промышленными предприятиями при бывшем Министерстве торговли и промышленности; Особого комитета по продаже неприятельских акций того же Министерства; т. н. Комитета Шумахера, являвшегося межведомственной комиссией, наблюдавшей «за имуществом германских и других неприятельских подданных»; а также дела из бывших Министерств земледелия, юстиции и внутренних дел, относившиеся к данной сфере⁵. После создания Ликвидационного отдела все предприятия, принадлежавшие подданным центральных держав, перешли в его управление. На местах же временно были сохранены прежние ликвидационные органы, на которые была возложена обязанность охранять предприятия «впредь до передачи их прежним владельцам на основании Брестского договора»⁶.

¹ Шотман А.В. Ленин в штабе промышленности // В.И. Ленин во главе великого строительства: Сб. воспоминаний о деятельности В.И. Ленина на хозяйственном фронте. М., 1960. С. 63.

² Декреты Советской власти. Т. 2. С. 519.

³ Виоградов В.А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965. С. 100; История социалистической экономики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 131.

⁴ Труды I съезда Советов народного хозяйства. С. 110.

⁵ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 39–40.

26 июня 1918 г. Наркомфин направил в Народный банк письмо, в котором сообщал, что для «всестороннего» обсуждения вопроса «о наивыгоднейших способах оплаты» по Брестскому договору по распоряжению наркома финансов создано Межведомственное («Междуведомственное») совещание, первое заседание которого назначено на 1 июля¹. На нем было образовано 12 комиссий (политическая, по торговому и таможенному договорам, по возмещению убытков и восстановлению имущественных отношений и др.)².

Кроме того, 27 июня 1918 г. нарком финансов И. Гуковский сообщил в Народный банк, что «в целях объединения деятельности отдельных учреждений Комиссариата и ускорения разработки финансовой стороны Брестского договора» в Наркомфине создан «Особый отдел по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора». В частности, Особому отделу было поручено тщательное рассмотрение вопросов «о наивыгоднейших для России способах уплаты по обязательствам, вытекающим из исполнения означенного договора»³. Гуковский срочно предлагал «все возникающие вопросы и предположения по Брестскому договору, имеющие финансовый характер, предварительно согласовывать с Особым отделом»⁴.

Способы оплаты по обязательствам, наложенным Брестским мирным договором, обсуждались в эти же дни на совещании в Петрограде. В нем участвовали В.В. Кузьминский, М.И. Боголепов и А.М. Смирнов. В результате обсуждения они пришли к следующим выводам. Платежная операция не может быть произведена только одним каким-либо способом, это должна быть определенная комбинация. Необходимо как можно дальше «отсрочить» платежи. Нужно выяснить, какая часть платежей «упадет» собственно на Россию и какие могут быть «переложены на Украину и другие отделившиеся от России области». Необходимо составить план платежей, определяющий суммы уплат, сроки их и пр.

По мнению специалистов, «самый выгодный способ уплаты – заем в Германии, хотя бы на тяжелых условиях. Впоследствии заем может быть конвертирован, причем даже гарантии по займу будут менее опасны для экономического развития страны, чем долголетние концессии». Нужно стремиться платить главным образом рублями («посредством займа») и как можно меньше марками и золотом. Получение необходимой для оплаты долгов валюты также предпочтительнее с помощью займа, чем через товарообмен. Золото «всеми мерами» должно быть сохранено в стране, так как оно «опора внутреннего денежного обращения и курса рубля за границей». Передача золота Германии поставит рубль в «особенно невыгодное положение в отношении германской марки»⁵.

Дискуссия о необходимости использования золота при расчетах с Германией возникла и 29 июня 1918 г. на заседании Ликвидационной комиссии при обсуждении способов оплаты по Брестскому договору. Основной доклад делал М. Бронский. В своей речи он сказал о желании немецкой стороны получить воз-

¹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 226. Л. 20.

² РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 49. Л. 21–25.

³ История Государственного банка СССР в документах. М., 1971. С. 64–65.

⁴ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–1об.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 34–35.

награждение в виде «валовой аккордной суммы» и об их согласии на заключение займа только «под верное обеспечение наших таможенных сборов, табачной монополии т. п.». Вместе с тем Бронский указал на «коренное расхождение» с Гуковским по вопросу значения золотой валюты. Но в отличие от наркомов финансов Бронский высказался за «чистобумажное» обращение, рассматривая золото как товар, от которого, «пока оно имеет выгодную цену, нужно скорее избавиться, передать германцам в уплату по обязательствам по Брестскому договору».

Оппонентами Бронского стали представители финансово-экономической консультации, главным образом Каценеленбаум и Кафенгауз, указывавшие на «тщетность надежды», что остальные страны откажутся от восстановления золотого обращения. Они указывали, что обеспечение займа таможенными доходами и монополиями низводит Россию до уровня колониальных стран и что уплата аккордной суммы по существу станет уплатой контрибуции. Профессионалы подчеркивали, что «ни Брестский договор, ни известные в истории прецеденты не указывают на необходимость немедленного соглашения о подлежащей уплате сумме», указывая при этом, что переговоры по аналогичному вопросу между Турцией и другими балканскими странами велись более двух лет и не закончились до начала мировой войны. Кроме того, предлагалось объединить все операции по оплате долгов в одном центре, подчинив ему банки, биржи, заграничных корреспондентов и т. д.¹

Видимо, поняв, что противоречия между различными правительственными органами не будут способствовать проведению единой политики ни на переговорах, ни при осуществлении практических мероприятий по выполнению обязательств, Совнарком решил прислушаться к мнению «спецов» и создать единый орган, отвечающий за советско-германские финансово-экономические отношения. В аппаратной борьбе победил Наркомат торговли и промышленности. 2 июля 1918 г. появилось постановление Совнаркома «О Ликвидационном Отделе Народного комиссариата торговли и промышленности». Данный документ закрепил положение, по которому именно в этом подразделении сосредоточивались «все дела и связанные с ними вопросы, касающиеся притязаний о возвращении имущества и о возмещении ущерба, предъявляемых, на основании Брестского мирного договора, подданными воевавших с Россией государств к правительству РСФСР, а также подданными этой республики к правительствам воевавших с Россией государств, равно же претензий, предъявляемых гражданами и учреждениями областей, ранее входивших в состав бывшей Российской империи»².

4 июля 1918 г., выступая на V съезде Советов, Г.В. Чичерин заявил, что исполнение обязательств по Брест-Литовскому договору потребовало создания органа, проверяющего немецкие претензии. Он основан в виде Ликвидационного отдела при Народном комиссариате торговли и промышленности, который «функционирует вполне успешно», хотя и при «частичных дефектах нашего аппарата (это обстоятельство теперь устраняется)»³. Но «дефекты» советского аппарата управле-

¹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–2.

² Там же. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

³ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 47.

ния устранить было совсем нелегко. Несогласованность действий продолжалась и в дальнейшем.

Тесно связана с выполнением Брест-Литовского договора проблема заключения мирного договора с Украиной. В советской исторической литературе о российско-украинских переговорах и деятельности российской мирной делегации летом 1918 г. практически не упоминалось, лишь в 1990-е гг. в России и на Украине вышли сборники документов, раскрывающие некоторые подробности переговорного процесса¹.

В ст. 6 Брест-Литовского договора говорилось: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию и пропаганду против правительства и общественных учреждений Украинской Народной Республики». Под правительством УНР понималась Центральная Рада, которая была восстановлена в результате немецкого наступления.

Германское правительство в своих нотах неоднократно заявляло, будто советское правительство не желает урегулировать вопрос о границах непосредственно с правительством Украинской Народной Республики и уклоняется от выполнения ст. 6 Брестского договора. Обвинения, предъявляемые Германией советскому правительству, были необоснованными. Еще 3 апреля советское правительство официально предложило Центральной Раде начать переговоры в Смоленске, но не получило ответа. 11 апреля 1918 г. НКВД информировал МИД Германии о том, что «возложенная на нас Брестским договором обязанность заключить мир с Киевской радой остается невыполненной по причине, не зависящей от русского правительства»². 26 апреля в ноте НКВД вновь указывалось, что, несмотря на неоднократные предложения Центральной Раде приступить к мирным переговорам, «со стороны этого руководимого ныне Германией правительства никакого ответа не последовало»³. Лишь 29 апреля, уже после того как Германия ликвидировала Раду, осуществив государственный переворот и сделав гетманом Украины бывшего царского генерала П.П. Скоропадского, мирные делегации прибыли в Курск для переговоров о немедленном прекращении боевых действий и установлении демаркационной линии⁴.

В.И. Ленин внимательно следил за развитием переговоров, придавая им большое значение. Прекрасно понимая, что их успех во многом зависит от Германии, он 6 мая подготовил проект постановления ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении, в котором отметил, что необходимо «с Мирбахом вести перегово-

¹ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922. Документы и материалы. М., 1996; Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 239.

³ Там же. С. 270.

⁴ *Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. С. 117.

ры в целях выяснения того, обязуются ли заключить мир Финляндии и Украины с Россией, и всячески ускорять этот мир, сознавая, что он несет новые аннексии»¹.

По требованию украинской делегации переговоры были перенесены в Киев, где и возобновились 23 мая. В состав советской делегации входили Д. Мануильский, Х. Раковский, И. Гуковский, Н. Брюханов и др. Насколько серьезно в Кремле относились к переговорам с Украиной, видно из письма В.И. Ленина от 24 мая 1918 г. советскому послу в Германии А.А. Иоффе и генеральному консулу в Берлине В.Р. Менжинскому: «Если можно помочь тому, чтобы получить мир с Финляндией, Украиной и Турцией (в этом гвоздь), надо всегда и все для этого сделать (конечно, без неких новых аннексий и даней этого не получить). За ускорение такого мира я бы много дал»².

Германское посольство в Киеве со своей стороны контролировало переговоры. 1 июня оно направило украинскому правительству меморандум с изложением своих требований, которыми оно должно было руководствоваться при заключении мирного договора с РСФСР. В соответствии с ними Украина должна была прежде всего обеспечивать центральные державы продовольствием и сырьем, в т. ч. рудой, шерстью и фосфатами, а в РСФСР могла поставлять только «излишки». При получении же из РСФСР ценного сырья, например, платины, Украина была обязана поставлять «соответствующее количество» центральным державам.

Гетманскому правительству вменялось в обязанность при урегулировании с РСФСР вопроса о дореволюционных государственных долгах, аннулированных советским правительством, обеспечить интересы германских и австро-венгерских кредиторов и добиться возмещения потерь, понесенных ими во время войны по вине России.

Видимо, не случайно одним из вопросов, вызвавших продолжительные споры, стал вопрос о вывозе с территории России наличных денег и ценных бумаг. Российская сторона всячески старалась зафиксировать ограниченный объем наличных финансовых средств, которые могли быть перемещены на Украину, вполне справедливо предполагая, что этим коридором в обход советских декретов захотят воспользоваться многие предприниматели и представители привилегированных классов. Украинская сторона, заинтересованная в поддержке своих новых граждан, занимала прямо противоположную позицию³.

12 июня 1918 г. договор о перемирии был заключен. Каждой договаривающейся стороне предоставлялось право ограничивать и запрещать ввоз и вывоз иностранных валют. Между РСФСР и Украиной восстанавливалось регулярное железнодорожное сообщение, а также обмен подвижным составом и вагонами, возобновилось телеграфное и почтовое сообщение. Договаривающиеся стороны условились об обмене дипломатическими представителями и консулами.

Оба государства установили «временный товарообмен для удовлетворения неотложных текущих потребностей». С этой целью была создана смешанная товарообменная комиссия из представителей сторон на паритетных началах, в чье ведение относились вопросы, касавшиеся «установления правильных взаимоотно-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 315.

² Там же. Т. 50. С. 80.

³ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 129–143.

ношений по обмену продуктами сельского хозяйства и продуктами добывающей промышленности»¹. Украинскую сторону интересовали поставки нефти и нефтяных продуктов, смазочных масел, леса, бумаги и мануфактурных изделий, прежде всего различных тканей. Российская сторона хотела получить уголь, хлеб, сахар и другие продукты. Но на запрос о хлебе был получен ответ, что «по этому вопросу украинская делегация не может дать ответа до получения сведений о положении в хлебном отношении самой Украины в связи с местным потреблением и обязательствами в отношении центральных держав»².

Тем не менее работа над мирным договором продолжалась. Надо отметить, что в проекте этого документа, утвержденного сторонами 8 июня, содержалась ст. 7, в которой должны были быть зафиксированы принципы раздела государственного, общественного и частного имущества, а также ликвидации счетов. Советская делегация, предложила добавить сюда же пункт и «о государственном долге»³.

14 июня 1918 г. в ходе российско-украинских переговоров была образована финансово-расчетная комиссия, в которой должны были обсуждаться проблемы денежных расчетов, государственных имуществ и долгов⁴. Для обсуждения в этой комиссии и внесения в текст мирного договора российской стороной был подготовлен проект статьи «Об имуществе разного рода, принадлежащих государству всероссийскому, и о различных его обязательствах». В нем говорилось, что «расчет по таким ценностям, суммам и требованиям будет подчинен правилам, установленным для распределения ответственности по государственному долгу, или по требованию иностранных держав, между обоими договаривающимися государствами». Для урегулирования обязательственных отношений будет образована особая Смешанная комиссия из представителей обеих договаривающихся сторон на паритетных началах, под председательством одного из членов Гаагского Международного трибунала, из подданных нейтрального в мировой войне государства, по выбору России и Украины.

Российская сторона считала, что к обсуждению «возбужденных» проектом вопросов следует приступить только после разрешения «несравненно более важного вопроса» о принятии Украиной на себя возможно большей части общегосударственного долга и что окончательное решение вопроса о разделе государственных имуществ необходимо поставить в зависимость от решения вопроса о разделе государственного долга на международной мирной конференции. При этом предполагалось, что в основу «разверстания» государственного долга будет решено положить численность населения с поправками на большую платежеспособность украинского населения. Сроком, к которому должны были быть приурочены все расчеты, российская сторона называла дату ратификации мирного договора⁵.

Украинская делегация в ходе переговоров настаивала на невозможности раздела государственных долгов и имуществ и, соответственно, на своем пра-

¹ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922. С. 326.

² *Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. С. 118–119.

³ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 159, 349.

⁴ Там же. С. 151–152.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7029. Л. 52–56.

ве на определенную часть государственной собственности бывшей Российской империи. В связи с этим, исходя из принципов: а) территориального; б) по относительному количеству населения Украины и России; в) по степени участия Украины в доходном бюджете Российской империи, украинская сторона считала, что «наиболее целесообразным» было бы сочетание двух последних принципов. Соответственно, участие в государственных долгах и имуществах украинская делегация определяла в 20 %. Опираясь на эти принципы, украинцы просили представить им подробный список государственных имуществ, подлежащих разделу.

Со стороны российской делегации указывалось, что, исходя из общепризнанных норм международного права, в случае «отделения части от территории», отделяющаяся часть никоим образом не может требовать права участия в разделе имущества государства, от которого она отпадает. «Везде, где происходит расчленение государства, не может быть и речи о каком-либо наследстве и о дележе. Никакие внутренние изменения в форме правления, никакие территориальные изменения не допускают посягательства с чьей бы то ни было стороны на государственный суверенитет».

В результате принцип «одинакового участия» Украины в активе и пассиве Российской империи встретил с советской стороны «самые категорические» возражения. Российская делегация указывала, что долги, заключавшиеся дореволюционной Россией за границей, основывались не на «потенциальных богатствах» России, а исключительно на доверии кредиторов к платежеспособности населения. «Ввиду этого, размеры государственных долгов бывшей империи ни в коем случае не соответствовали количеству государственных имуществ и не находились от них в зависимости»¹.

Однако украинская сторона настаивала на том, что, принимая на себя часть государственного долга, возникшего до 25 октября (7 ноября) 1917 г., она должна получить часть золотого запаса и государственного имущества Российской империи. Кроме того, она требовала вернуть вывезенные с Украины в Россию культурно-исторические ценности².

Так как позиции сторон были прямо противоположны, работа русско-украинской финансово-расчетной комиссии по поводу раздела государственных имуществ и долгов окончилась безрезультатно и до осуществления практических действий не дошло.

Надо отметить, что переговоры о мирном договоре проходили очень трудно. Украинская сторона, пользуясь незримым присутствием немецких покровителей, постоянно провоцировала конфликты, обвиняя в них советскую делегацию. Не случайно глава последней Х. Раковский на одном из заседаний был вынужден достаточно пространно констатировать: «Мы с первого момента и сейчас желаем заключить мир. Мы не являемся государством, которое себе ставит империалистические цели, и даже, если у нас имеются определенные симпатии к той или иной государственной форме, то все же не мы будем нашим оружием эту форму выводить и навязывать другим, она должна быть результатом воли самого народа... Но, к сожалению, с Вашей стороны мы не заметили этой доброй воли. Вы не можете

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7029. Л. 56об.–57.

² Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 24.

привести ни одного факта, где бы Вы могли бы сказать: вот у нас уже налаживались переговоры и Вы Вашей неуступчивостью... прервали эти переговоры. А с нашей стороны мы можем Вам сказать, что вся история наших переговоров является калейдоскопической историей всяких новых инцидентов, вызванных украинской мирной делегацией»¹.

В результате 3 октября 1918 г. советская сторона сделала следующее заявление: «Ввиду того, что в процессе переговоров между российской и украинской делегациями возникли разногласия в самом толковании Брест-Литовского договора, являющегося основанием ведущихся переговоров, и ввиду того, что обе делегации согласны в том, что Украина не является контрагентом Брест-Литовского договора, заключенного между Российской Федеративной Социалистической Советской Республикой и центральными державами и их союзниками, российская мирная делегация предлагает, не разрывая мирных переговоров, обратиться за разъяснением смысла к контрагентам России на Брест-Литовской мирной конференции». Украинская сторона 7 октября согласилась с этим заявлением². И хотя рабочие консультации продолжались, совместные заседания делегаций больше не проводились.

Мирный договор подписан не был, но ход переговоров позволяет понять позиции российской и украинской делегаций³. Первая действительно на начальной стадии переговоров стремилась к подписанию мирного договора, но на не очень обременительных для России условиях, видимо, полагая, что Украина в конечном счете все равно останется союзным государством. В свою очередь, украинские дипломаты, рассчитывая на поддержку в этом вопросе Германии, всячески тормозили принятие каких-либо конкретных решений. Вероятно, они надеялись, что ситуация в России продолжит ухудшаться и можно будет добиться от слабого, как им казалось, советского правительства определенных преимуществ.

Летом 1918 г. в соответствии с дополнительным соглашением к Брест-Литовскому договору Советской России пришлось вести переговоры об удовлетворении владельцев аннулированных ценных бумаг с Австро-Венгрией. О том, что этот вопрос при подписании договора было решено «оставить открытым и отложить до особого соглашения в будущем», в своем докладе на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде советов говорил Г.В. Чичерин⁴.

После того, как российская сторона получила австро-венгерский проект соглашения об обязательствах по государственным долгам и ценным бумагам, 27 июля 1918 г. в Наркомате финансов состоялось совещание Особого отдела по финансовым вопросам в связи с осуществлением Брестского договора. С объяснениями по данному вопросу выступил представитель Особенной канцелярии по кредитной части С.К. Бельгард, сообщивший, что Кредитная канцелярия уже отметила пункты проекта, требующие обязательного изменения и в данный момент занята составлением собственного проекта соглашения. При этом докладчик отметил, что

¹ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. С. 255–256.

² Там же. С. 344–346.

³ *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 66–67.

⁴ *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. С. 32.

при выработке проекта соглашения надо учесть то обстоятельство, что на Россию ложится обязанность выкупа всех акций и облигаций, находящихся в Австро-Венгрии ко дню заключения Брестского мира или к началу войны (точную дату предстояло определить в ходе переговоров).

Практической реализации российско-австро-венгерские переговоры об урегулировании обязательств по дореволюционным займам, видимо, не имели. Не случайно 27 июля Л.Б. Красин, находившийся в составе советской делегации на финансовых переговорах в Берлине, писал Г.В. Чичерину, что «вопрос о купонах по царским займам... в договоре нигде не упоминается, дабы не создавать после прецедента для французов, бельгийцев и прочих держателей царских займов, а также – нотабене – для австрияков, которых мы можем отшить указанием на то, что Германия признала аннулирование царских займов и что мы им по этим займам не заплатим»¹.

Параллельно с советско-украинскими и советско-австро-венгерскими переговорами продолжались и переговоры в Берлине по поводу дополнительного финансового соглашения. На их ход в значительной степени влияли события на Западном фронте, где Германия несла значительные потери. А.А. Иоффе писал Ленину и Чичерину из Берлина: «Брестский мир в общественном мнении Германии с самого начала был не популярен... Общественное мнение Германии все время требует соглашения с Россией и действительного мира. Для этого правительству нужна ревизия брестского трактата... Глубоко ошибаются те, кто воображает, что неудачи Германии на Западе делают Германию более покладистой на Востоке... Несомненно верно, что как раз ввиду неудач на Западе Германии нужно возможно скорее преподнести народу новый мирный договор с Россией, который явился бы результатом соглашения обеих сторон, но, несмотря на это, или, вернее, именно поэтому, нельзя затрагивать этого соглашения, ибо, решив, как и после Бреста, что с нами каши не сваришь, Германия может совершенно переменить фронт и натворить нам бед»².

Но, несмотря на взаимную заинтересованность в подписании добавочных соглашений, переговоры проходили непросто. Особенно сложным было положение российской стороны. Как и на переговорах в Бресте, члены советской делегации не обладали всей полнотой информации по обсуждаемым вопросам. 27 июля 1918 г. Красин писал из Берлина Чичерину, что «к сожалению, разрозненные и неполные данные не позволили нам составить никакого представления об убытках России и, называя немцам при переговорах сумму этих убытков в 2–2,5 млрд, мы должны были обосновывать ее исключительно потоками красноречия и анекдотами о мытарствах русских в Германии в августе 1914 г., да еще речами Вильгельма, хваставшего в Аахене в марте этого года по поводу “богатой добычи” в Севастополе и других местах оккупации. Попытки выразить большую

¹ Цит. по: Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.; СПб., 2016. С. 186.

² Иоффе Н. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. Воспоминания, документы и материалы. М., 1997. С. 58–60.

часть долга в займе не увенчались успехом, несмотря на бесчисленные споры и всевозможные аргументы»¹.

И Красин ничего не преувеличивал. Для переговоров в Берлине сотрудники Народного банка и других центральных учреждений составляли различные справки о возможных претензиях Германии к России и России к Германии, но общий вывод советских чиновников заключался в том, что «не представляется возможным в данный момент дать хотя бы приблизительно **общей** (выделено в источнике. – *Авт.*) суммы возможных претензий»².

Советско-германское финансовое соглашение, подписанное в Берлине 27 августа 1918 г. в виде дополнения к мирному договору 3 марта 1918 г. (с российской стороны его подписал А.А. Иоффе), отменяло ст. 8 прежнего договора об уплате Россией процентов по государственным долгам и ст. 13–15 о вознаграждении за частноправовые убытки. Вместо этого Россия обязывалась уплатить «для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в 6 млрд марок»³. Цифра эта представляла компенсацию по всем долгам с учетом взаимных требований.

На Россию, по сути, накладывалась контрибуция, которая с лихвой перекрывала реальные претензии и была призвана погасить не только довоенную задолженность, но и убытки от действия военных законов, о которых у германских экспертов было весьма смутное представление, а также от советского декрета о национализации промышленности от 28 июня 1918 г. По условиям финансового соглашения советское правительство обязывалось до 31 декабря 1918 г. осуществить платеж в размере 1,5 млрд марок кредитными билетами царского правительства на сумму 544,4 млн марок и на остальную сумму – золотом из российского государственного запаса в объеме 245,6 т.

Далее, 3,5 млрд марок предполагалось позже покрыть отправкой русских товаров на 1 млрд и заключением в Германии нового русского 6-процентного займа на 2,5 млрд марок. Гарантиями этого займа должны были стать разного рода государственные доходы России, в т. ч. по экономическим концессиям, передаваемым германским подданным. Конкретный перечень гарантий намечалось включить в особое соглашение, при этом германская сторона оговорила, что общий ее доход по этой операции будет не ниже 20 %. Остальной 1 млрд марок, согласно ст. 4 финансового соглашения, обязывались принять на себя «отпавшие» от России Финляндия и Украина.

Имущества германцев, отчужденные в пользу российского государства, возвращались собственнику при условии, что отчуждение совершено до 1 июля 1918 г. В соглашении, правда, содержалась оговорка, что возврат имущества возможен лишь в случае, если отчуждение отменяется в отношении всего населения страны, т. е. только после официальной отмены национализации. Поскольку же рассчитывать на это можно было лишь в случае падения советского режима, Германия наложением громадной контрибуции пыталась компенсировать утраченные частные инвестиции в российскую экономику. Стороны условились также

¹ Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г. С. 185.

² РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 386. Л. 82–83.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 445–453.

вернуть владельцам ценности из сейфов национализированных российских банков, равно как и германских, а также выплатить «замороженные» в период войны вклады в частных банках. Соответствующие требования пострадавшим немцам предлагалось направлять особому государственному комиссару, первые выдачи ценностей и выплаты по вкладам намечалось провести до 25 октября 1918 г.

Был установлен жесткий срок ратификации добавочных соглашений – до 6 сентября. Одобрение договоренностей высшими органами власти обеих стран должно было быть осуществлено одновременно в Берлине и Москве – день в день и почти час в час. По просьбе Германии позже был определен более точный срок – 2 сентября. В этот день стороны информировали друг друга о ходе ратификации через каждые полчаса. До «добрых и доверчивых отношений между обоими государствами», к чему призывала преамбула политического договора, было очень далеко¹.

В Москве 2 сентября 1918 г. состоялось заседание ВЦИК, на котором доклад о русско-германских добавочных договорах делал Г.В. Чичерин. Прежде всего он подчеркнул, что «Брестский договор предусматривал заключение нового соглашения для урегулирования вопросов, вытекающих из аннулирования Россией государственных займов и из связанных с ее экономической политикой нарушений прав собственности. Из всех капиталистических государств, интересы которых нарушает антикапиталистическая политика Советского правительства, одна Германия была бы в состоянии непосредственным нападением положить конец этой политике, и нам необходимо было гарантировать себя от этой опасности, уплачивая, так сказать, выкуп германскому капитализму»².

Говоря непосредственно о финансовых обязательствах России по отношению к Германии и способов уплаты по ним, Чичерин их подробно описал, специально обратив внимание на то, что гарантиями заключаемого для оплаты государственных долгов займа станут «как некоторые государственные доходы, которые еще будут определены, так и концессии, относительно которых состоится особое соглашение». Интересно, что, хотя в тексте добавочного договора указывалось на Украину и Финляндию, как страны, обязанные уплатить часть (1 млрд руб.) государственного долга Российской империи, в своей речи Чичерин упомянул только Украину.

Чичерин сообщил, что выплатой 6 млрд руб. «покрываются» все обязательства России как «за причиненные немцам во время войны убытки и за содержание военнопленных, так и убытки, причиненные германским подданным нашим аграрным законодательством и национализацией или социализацией имущества германцев и аннулированием государственных займов». Эта сумма «покрывает» убытки, которые были причинены до 1 июля 1918 г., а за дальнейшие такие же убытки необходимо будет «платить германцам немедленно полностью». Декрет 28 июня о национализации также покрывается этим договором. При этом Чичерин подчеркнул, что «одновременно предусматривается возможность денационализации отнятого у немцев имущества; в таком случае они получают обратно свое иму-

¹ *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Так начинался Наркоминдел. С. 124.

² *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. С. 63.

щество по той стоимости, какую им теперь уплатит германское правительство, хотя бы эта стоимость была значительно ниже действительной»¹.

Отметим, что в Германии газеты напечатали текст добавочных соглашений лишь спустя две недели после их подписания. При этом немецкие власти предписали газетам вести обсуждение добавочных соглашений в строго определенных рамках, чтобы не дать России повода для отказа от их ратификации².

В советской печати, по мнению некоторых исследователей, текст добавочных соглашений 27 августа 1918 г. вообще «не публиковался, хотя в Западной Европе они были известны почти сразу же после их подписания»³. Однако это не так. Уже 4 сентября 1918 г. газета «Известия» опубликовала не только полный текст добавочных соглашений, но и комментарии к нему непосредственных участников переговоров в Берлине Ю. Ларина, Л.Б. Красина и Г.В. Чичерина⁴.

В этот же день, 4 сентября 1918 г., ВСНХ принял решение образовать комиссию в составе Ларина, Красина и Каменева «для выработки инструкции местным советским организациям и совнархозам по проведению в жизнь мирного договора с Германией». На следующий день ВСНХ отправил Ларина в Киев для участия в работах мирной делегации «с целью ознакомления с результатами экономических работ в Берлине и для поддержания требований российской делегации, принятым германским правительством в последнем с ним соглашении»⁵.

19 сентября Совнарком принял постановление «О проведении в жизнь финансового соглашения 27 августа 1918 г. и о внесении в общую роспись государственных расходов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на июль–декабрь 1918 года кредитов на производство вызываемых этим соглашением платежей». В соответствии с ним нарком финансов должен был принять «все меры, необходимые для проведения в жизнь финансового соглашения с Германией от 27 августа»⁶.

Но еще до этого 8 сентября 1918 г. из Москвы в Берлин был отправлен первый взнос на сумму 55,4 млн руб. золотом и 90 млн руб. «романовскими» и «думскими» денежными знаками⁷. Хотя сама операция была секретная, 15 сентября 1918 г. «Торгово-промышленная газета» поместила короткое сообщение: «Первая партия золота, подлежащего выплате Германии, согласно русско-германскому добавочному соглашению, прибыла в Оршу и принята уполномоченными германского Имперского банка»⁸.

Первый платеж был осуществлен в установленные добавочным соглашением сроки, однако среди советского руководства были существенные разногласия по поводу необходимости отправки золота. К. Радек позднее вспоминал:

¹ Там же. С. 65–66.

² Ахтамзян А.А. От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 г. М., 1963. С. 160.

³ Сироткин В. Зарубежное золото России. М., 2000. С. 99.

⁴ Известия. 1918. № 190 (454). 4 сентября; РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 28. Л. 86–88.

⁵ Протоколы Президиума ВСНХ. Пг., 1918. С. 222, 223.

⁶ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 577–578.

⁷ РГАЭ. Ф. 7733 Оп. 1. Д. 7016. Л. 1.

⁸ Торгово-промышленная газета. 15 сентября 1918 г.

«Независимые требовали от нас отказа от взноса дани, предписанной Брестским миром. Владимир Ильич сопротивлялся этому. “Стоит уплатить за то, чтобы Иоффе мог еще оставаться в Берлине”, – говорил он. И мы золото послали»¹. Но в российском обществе отношение к выплате «дани» было негативным. 26 октября 1918 г. патриарх Тихон в своем послании обвинил большевиков в том, что «вместо аннексий и контрибуций великая наша Родина завоевана, умалена, расчленена, и в уплату наложенной на нее дани вы тайно вывозите в Германию не вами накопленное золото»².

Через год в ноябре 1919 г., выступая на заседании ВЦИК, Иоффе подтвердил, что отношение к Советской России в Германии изменилось лишь после того, как «как пришел первый взнос, тот самый взнос, в поступление которого и тем более вовремя никто из представителей германского правительства не верил. Это вызвало большой перелом не только в правительственных кругах Германии, но также и в военных кругах»³.

А в тот период (22 сентября 1918 г.) А.А. Иоффе телеграфировал в Москву Г.В. Чичерину: «Я обещал воздействовать, чтобы с нашей стороны и второй взнос прошел так же аккуратно, как и первый. Очень советую это, ибо наши враги постоянно сеют недоверие именно указанием, что мы не в состоянии выполнить своих обязательств»⁴. Вторая партия была отправлена также в соответствии с оговоренными в соглашении сроками – 29 сентября – на сумму 65,4 млн золотом и 113,6 млн руб. «романовскими» и «думскими» кредитными билетами⁵.

Следующая партия золота и денежных знаков в конце октября была сформирована, но не отправлена, т. к. уже было понятно, что в мировой войне победили страны Антанты, а в Германии началась Ноябрьская революция⁶. Таким образом, всего Советская Россия уплатила Германии по Брестскому мирному договору 203,6 млн руб. бумажными деньгами и 120,8 млн руб. золотом, что соответствует 93,5 т золота⁷.

В литературе встречаются различные цифры отправленного в Германию в сентябре 1918 г. золота. В сборнике «Документы внешней политики СССР» говорится, что «Германия получила золото стоимостью 120,4 млн руб.»⁸. В. Сироткин пишет о «навсегда ушедших из России» 93 535 кг чистого золота и на 203,635 млн кредитных руб.⁹ А.П. Ефимкин считает, что «всего в 1918 г. по договорным обяза-

¹ *Радек К.* Ноябрь (страничка из воспоминаний) // Красная новь. 1926. № 10. С. 140.

² Цит. по: Проданные сокровища России. Л., 2002. С. 237.

³ *Иоффе А.А.* Дипломат революции. Сб. работ. Cambridge, 1999. С. 107.

⁴ *Петров В.И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 249.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733 Оп. 1. Д. 7016. Л. 1.

⁶ Подробнее об отправке «золотых» эшелонов в Германию см.: *Ефимкин А.П.* «Мы заплатили немецким империалистам золото...» // История СССР. 1990. № 5. С. 147–150.

⁷ РГАЭ. Ф. 7733 Оп. 1. Д. 7016. Л. 1; *Шишкин В.А.* Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. С. 57; *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г. С. 185.

⁸ Документы внешней политики СССР. Т. V. С. 298.

⁹ *Сироткин В.Г.* Указ. соч. С. 89.

тельствам РСФСР» было передано российского золота на сумму 124 835 549 руб. 47 коп.¹ Во французских официальных документах фигурируют две цифры полученного Германией «ленинского» золота – 93 542 и 93 563 кг².

По другим подсчетам, в общей сложности в период от Брестского мирного договора до Ноябрьской революции в Германии советское правительство выплатило (по довоенному курсу 1 руб. = 2,16 марки) около 584 млн марок золотом и денежными знаками по номиналу в счет погашения довоенной задолженности и ущерба, понесенного в России германскими собственниками в годы мировой войны³. Но все исследователи отмечают, что после заключения перемирия Германии пришлось все золото, полученное по Брестскому миру, передать Франции и Великобритании⁴.

Что же касается «романовских» и «думских денег», то требование отправки бумажных денежных знаков объясняется, видимо, тем, что они продолжали активно обращаться на оккупированной территории. Попытки Германии использовать специальные «военные» деньги фактически провалились. Несмотря на все принимаемые немцами меры, население Прибалтики доверяло русскому рублю больше, чем марке, и три года войны не поколебали это доверие⁵. И на Украине «покупка имевшихся в изобилии продуктов питания и сырья была возможна лишь за рубли. Из-за недоверия к валюте оккупантов использование ее при расчетах с населением было крайне ограничено»⁶. В самой Германии дореволюционные банкноты также продолжали использоваться в деловом обороте. По воспоминаниям М.Я. Лазерсона, в Берлине летом и осенью 1918 г. советское посольство обменивало «царские деньги» на немецкие марки не только в маленьких обменных конторах, но и в солидных банках⁷. По имеющимся данным, около 150 млн руб. германское правительство выплатило в качестве процентов немецким держателям русских ценных бумаг⁸.

После заключения добавочного советско-германского договора 27 августа 1918 г. германская дипломатия активизировала свою деятельность по защите частного капитала в России. Генеральное консульство рейха пыталось расширительно толковать ст. 2 гл. 3 соглашения, распространяя ее содержание о российских гражданах немецкой национальности на жителей Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Литвы и на любое лицо, носящее немецкую фамилию. Так, только в сентябре 1918 г. в советские официальные органы поступили 42 списка находив-

¹ *Ефимкин А.П., Ковалева Т.И., Харламов В.А.* Главный банк Нижнего Новгорода. Страницы истории. Т. 1 (1820–1954). Н. Новгород, 2000. С. 230.

² Как немцы передали русское золото Франции // Исторический архив. 1998. № 1. С. 139, 142.

³ *Петров Ю.А.* Проблема государственного долга и частные германские инвестиции в России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 465–466.

⁴ Как немцы передали русское золото Франции. С. 139–142.

⁵ *Николаев Р.* Деньги Белой гвардии. СПб., 1993. С. 6.

⁶ *Алексеев А.М.* Военная валюта. М., 1948. С. 27.

⁷ *Лазерсон М.Я.* В советском лабиринте. Эпизоды и силуэты. Париж, 1932. С. 34–35.

⁸ РГАЭ. Ф. 7733 Оп. 1. Д. 7016. Л. 1.

шихся в российских банках депозитов, вкладов, различных счетов и сейфов¹. Но советское правительство отказалось оплачивать претензии граждан Прибалтики.

Неудачей закончились и попытки немецких банков получить компенсацию от советской стороны за оплату купонов по российским ценным бумагам во время войны². Тем не менее российские ценные бумаги вывозились за пределы страны. В «Еженедельнике ЧК» от 6 октября 1918 г. в качестве примера приводился случай, «когда провалился даже представитель Германии при вывозе ценностей и денег на 3–4 миллиона». Через две недели печать ВЧК сообщила о германских дипломатических курьерах, перевозивших в своих чемоданах «золотые и серебряные вещи, деньги, много нового платья, аннулированные русские займы, ковры, письма и документы, не принадлежащие не только дипломатическим представителям, но и германским подданным»³.

Чтобы работа по удовлетворению убытков находилась в рамках закона и в соответствии с добавочным соглашением, в каждой стране была введена должность особого государственного комиссара по русско-германским финансовым расчетам. В Советской России на эту должность был назначен Я. Фюрстенберг (Ганецкий).

Одной из основных его обязанностей было наблюдение за выдачей денег и ценностей, принадлежавших германским подданным и хранившихся в русских учреждениях. Действовать он должен был в соответствии со специальной инструкцией, составленной в Ликвидационном отделе. Так, выдавать денежные средства и ценные бумаги можно только «через посредство» германского комиссара. Товарные документы (складочные свидетельства, коносаменты, дубликаты накладных, квитанции и т. п.) выдаче не подлежали, «как не предусмотренные добавочным финансовым соглашением 27 августа». Требования о выдаче от граждан Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и Литвы, как отмечалось выше, не принимались.

Вместе с требованиями о выдаче денег и ценностей комиссару должны были быть представлены доказательства прав на них. К доказательствам относились сохраненные расписки, вкладные билеты, расчетные книжки по текущему счету и неизрасходованные чековые бланки. После получения требований и доказательств от германского комиссара проверялось соответствие их условиям, предусмотренным финансовым соглашением 27 августа 1918 г.; те из них, которые не отвечали условиям, возвращались германскому комиссару с указанием оснований. Остальные требования комиссар передавал в те кредитные учреждения, в которых находились деньги и ценности с указанием на отсутствие с его стороны препятствий к выдаче.

Однако деньги и ценности не отдавались владельцам, а переводились на депозитный счет комиссара. Из переданных ему ценностей комиссар удерживал все аннулированные ценные бумаги, акции и облигации всех национализированных предприятий, а вместо них передавал германскому комиссару соответствующие удостоверения. Деньги и неаннулированные ценные бумаги, паи, акции и облигации не национализированных предприятий, а также купоны задержанных

¹ РГАЭ. Ф. 7733 Оп. 1. Д. 55. Л. 4–19.

² РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 406. Л. 39–39об., 48–48об.

³ ВЧК уполномочен сообщить... Жуковский-М., 2004. С. 150, 208.

паев, акций и облигаций национализированных предприятий за отчетные периоды, предшествующие национализации, выдавались советским комиссаром германскому после представления вторым засвидетельствованной квитанции того лица, на имя которого значится вклад или которое уполномочено на получение его. В своей деятельности комиссар должен был руководствоваться указаниями Ликвидационного отдела¹.

Уже в ходе брестских переговоров зимой 1917/18 г. было понятно, что советское правительство не сможет покрыть всю сумму долга золотом, наличными деньгами или товарами. В результате в июне 1918 г. в Берлине при обсуждении вопроса о добавочном соглашении стала активно обсуждаться идея выпуска советским правительством специального займа.

В начале июля 1918 г. в докладе на V съезде Советов Чичерин заявил: «Для покрытия наших обязательств перед центральными державами... мы вынуждены сделать заем, причем общая сумма этих обязательств превращается в государственный долг. Выплата процентов будет производиться частью продуктами нашего сельского и лесного хозяйства, частью золотом и немецкими обязательствами, имеющимися на руках у русского правительства»².

В личном фонде наркома финансов Г.Я. Сокольникова содержатся многочисленные справочные материалы об имущественных претензиях Германии к России, в т. ч. собственноручные подсчеты наркома о выплатах по купонам германских держателей на начало 1918 г. На основе этого источника можно заключить, что Сокольников в целом поддерживал идею Иоффе об уплате процентов по купонам в обмен на германский заем, подытожив свои расчеты выводом: «Теперь же может быть условлено, что первый взнос будет сделан 15 авг. с. г. в размере 45 милл. мар.»³.

Предметом расхождений между берлинской делегацией и советским руководством в Москве стал вопрос о возможных гарантиях займа. Письмом от 6 августа, адресованным непосредственно «тов. Ленину и Чичерину», Иоффе сообщал, что «ваше предложение в качестве гарантии займа выставить только одни концессии ни в коем случае не пройдет. Концессии, особенно развивающие нашу промышленность, денег не дают, но сами требуют вклада капитала. Как же они могут быть гарантией уплаты долга? Немцы это отлично понимают и потому усиленно настаивают на таможенных доходах и монополиях... С экономической точки зрения здесь даже Сокольников и Ларин, несмотря на всю свою сумбурность, против таких гарантий не возражали...»⁴.

Заинтересованность Иоффе в займе объяснялась тем, что эта операция должна была стать основой всех расчетов с Германией по российским долгам. В том же письме он извещал руководство в Москве, что по заключенному им предварительному соглашению «мы должны были уплатить немцам 3,5 млрд марок». Иоффе исходил из того, что «весь наш долг оценивается в 5 млрд марок, из них 1,5 млрд на Украину и Финляндию и 3,5 млрд на нас, т. е. 2,5 млрд заем и только

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 8645. Л. 10–11об.

² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. С. 48.

³ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

⁴ Там же. Ф. 5 (СТО, секретариат Ленина). Оп. 1 Д. 2133. Л. 28–29.

1 млрд наличными и товарами». Далее он сетовал, что «комиссия сама изменила это известным Вам образом, полагая, что на Украину нам выгоднее возложить всего 1 млрд, и требуя включения в паушальную (покрывающую все претензии, от нем. Pauschale. – *Авт.*) сумму нашего декрета 28-го». Речь шла о декрете Совнаркома от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности в Советской России.

Таким образом, на переговорах в Берлине советская делегация сама предложила включить в счет претензий «отступные» за национализированные предприятия, принадлежавшие германским владельцам. Иоффе констатировал, что «комиссии таким образом удалось за 750 млн откупить всю германскую промышленность в России»¹. На этом решении, очевидно, настоял Ю.М. Ларин, который, как иронически заметил Иоффе, «по моему мнению стоит нам эти $\frac{3}{4}$ млрд, а по его мнению спас Россию от великой ошибки, допущенной мной». В итоге советской делегации пришлось пойти на подписание соглашения, общая сумма которого серьезно превысила обсуждавшийся в Брест-Литовске максимум германских претензий.

Подводя итог своему письму от 6 августа 1918 г., Иоффе призвал адресатов, В.И. Ленина и Г.В. Чичерина, осознать, что «все это является максимумом уступок со стороны немцев. Существенных изменений внести ни в коем случае не удастся. Если не считать мелочей, то нужно либо принимать все это соглашение, либо отвергать его целиком и оставаться при Брестских условиях, дающих нам возможность передавать почти все вопросы на обсуждение комиссий и тянуть целый ряд лет. Поскольку это политически целесообразно, судите сами»². Правительством Ленина выбор был сделан в пользу скорейшего заключения соглашения, несмотря на гораздо более тяжкие его условия по сравнению с первоначальным планом Иоффе.

Тем не менее, сообщая в Москву об условиях займа в «2,5 млрд марок из 6 % годовых плюс 0,5 % на погашение при выпускном курсе сто за сто», Красин считал их «божескими». Однако он отметил, что из 2,5 млрд марок нового займа 1,5 млрд представляли старые царские 4-процентные и в отношении этой суммы фактически получалась конверсия «наоборот», т. е. доходность по облигациям возрастала с 4 до 6 %. По мнению Красина, частично это была плата за признание аннулирования государственных займов, частью – просто контрибуция. «Самые купоны, а также бумаги, облигации и прочее по мере поступления их в Рейхсбанк подлежат возврату нам и будут отсылаться в Россию или уничтожаться здесь (в Берлине. – *Авт.*) – по усмотрению наркома финансов»³.

Видимо, в период проведения переговоров в Берлине были подготовлены два проекта декрета Совнаркома о выпуске займа. В соответствии с первым проектом «для производства расчета с Германией» наркому финансов разрешалось выпустить 6-процентный заем на общую сумму в 2,5 млрд марок. Данный заем должен был быть внесен в Государственную Долговую книгу под наименованием «Первый 6 % заем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Облигации займа выпускались двух видов: именные и на предъявителя достоинством в 1, 5, 10, 25, 50, 100 и 500 тыс., а также 1, 5 и 10 млн имперских германских

¹ РГАСПИ. Ф. 5 (СТО, секретариат Ленина). Оп. 1 Д. 2133. Л. 29.

² Там же.

³ Цит. по: *Быстрова Н.Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г. С. 186.

марок. Второй вариант декрета отличался только более крупными номиналами облигаций – в 10, 25, 50 и 100 млн германских марок¹.

Данные проекты в конце октября – начале ноября 1918 г. М.Я. Лазерсон и Менжинский обсуждали в Берлине на переговорах с руководителями Рейхсбанка и частными берлинскими банкирами по поводу русско-германских расчетов².

Однако третий эшелон с золотом отправлен не был, российско-украинский и российско-австро-венгерский договоры не заключены, выпуск советского займа в Германии не состоялся, т. к. 13 ноября 1918 г. в связи с революцией в Германии правительством Советской России все договоры с кайзеровской империей, в т. ч. договор 3 марта 1918 и добавочное финансовое соглашение 27 августа 1918 г., были объявлены уничтоженными: «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными...»³. Позднее Брест-Литовский договор был признан ликвидированным и Версальским мирным договором 1919 г., подведшим дипломатические итоги мировой войны.

* * *

Оценивая финансово-экономическую политику советского правительства в первый год его существования, следует иметь в виду несколько моментов. Прежде всего, лидеры новой России, в т. ч. и Ленин, не были готовы к непосредственному управлению государственными финансами, поэтому не создали сколько-нибудь последовательной концепции развития этой отрасли. Члены революционного правительства руководствовались лишь некоторыми общими положениями марксистской теории (необходимость обобществления производства, ликвидация купли и продажи, отмена денег и т. п.). Поэтому политика большевиков в области экономики и финансов отличалась скорее импровизацией и реагированием на складывающуюся в данный момент ситуацию, чем следовала по заранее продуманному плану.

Как бы ни было велико значение «социалистической» фразеологии в агитации и пропаганде, не следует преувеличивать ее роль в конкретных действиях советского правительства. Можно согласиться с мнением В.А. Шишкина, считавшего, что «политика большевиков в области экономики до лета 1918 г. в значительной степени определялась задачами завершения демократических реформ и отчасти развивалась по правилам игры, сложившимся в дореволюционное время и при Временном правительстве. Элементы социалистического экспериментирования в экономике, конечно, имели место (национализация банков, внешней торговли

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

² Там же. Д. 124. Л. 6.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 565.

и т. д.), но не имели еще фронтального характера и во многом были фрагментарными или стихийными»¹.

Далее, отсутствие целенаправленной политики систематически порождало дискуссии среди руководства страны, а также критические отзывы о их деятельности со стороны профессиональных экономистов. Кроме того, центральные правительственные органы (Наркомат финансов, Наркомат промышленности и торговли, ВСНХ, Народный банк) в неустоявшейся структуре власти постоянно боролись за получение дополнительных полномочий и выясняли отношения. Инструктирование местных Советов по проблемам финансовой политики носило отрывочный характер. В результате политика центра оставалась загадкой для местных руководителей, которым очень часто приходилось действовать по своему усмотрению.

При анализе финансово-экономической политики большевиков в этот период необходимо учитывать очень большое влияние на нее Брест-Литовского мирного договора и добавочных соглашений 27 августа 1918 г. Многие мероприятия из числа «очередных задач Советской власти» (название работы В.И. Ленина весны 1918 г.) были обусловлены выполнением принятых революционным правительством на себя обязательств. Ради сохранения столь необходимой для власти мирной передышки Россия была вынуждена пойти на огромные финансовые жертвы. Германия со своей стороны, воодушевленная перспективой сепаратного мира с Россией, обязалась воздержаться от интервенции и вмешательства в ее внутренние дела, а также признала мероприятия советского государства в экономической области, прежде всего национализацию промышленности, в т. ч. принадлежавшей германским владельцам. Интересам же большевиков, конечно, наилучшим образом отвечало затягивание войны на Западе, ведь это содействовало углублению революционного кризиса в Германии и наступлению мировой революции, на чем основывался главный стратегический расчет большевиков.

Наконец, некоторые мероприятия в сфере финансов и экономики (национализация банков и промышленных предприятий, аннулирование государственных займов), осуществленные за первый год Советской власти, оказали огромное влияние на социально-экономическое развитие страны. Некоторые руководители страны это понимали уже тогда. В 1921 г. Л.Б. Красин, один из немногих советских руководителей, компетентных в вопросах экономики и финансов, писал из Лондона, где вел тяжелые переговоры о получении кредита: «Препятствием является, конечно, вопрос о государственном долге и об уплате за всю разбитую посуду при национализации, реквизициях и проч.»².

В.И. Ленин, видимо, считал эти потери не слишком существенными и главную задачу видел в сохранении Советской власти в ожидании грядущей мировой революции, ради чего был готов на любую сделку: «Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из

¹ Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб., 1997. С. 65.

² Цит. по: Хромов С.С. Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–1926 гг. М., 2001. С. 157.

наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же пролетарскую власть... без помощи капитала, – за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, – нельзя. Это надо понять. И поэтому – либо этот тип экономических отношений, либо ничего»¹.

Начав сразу после прихода к власти осуществление такой двойственной политики (отказ от выполнения обязательств своих предшественников и одновременно расчет на «помощь крупного передового капитализма»), Советское государство многие десятилетия фактически не имело возможности получения зарубежных государственных кредитов и испытывало большие проблемы в привлечении иностранных инвестиций. Советская власть, двигаясь по намеченному Лениным пути, была вынуждена проводить индустриальную модернизацию по самому тяжелому сценарию – без использования возможностей международного финансового рынка, опираясь только на внутренние источники, т. е. путем экспорта природных ресурсов, коллективизации крестьянства, низкого уровня жизни населения и проведения жесткой политики автаркии.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 68.

Раздел V. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ

Обычно под политической историей имеют в виду ряд сцепленных в хронологическом порядке событий борьбы за власть. Долгое время именно такая политическая история и господствовала в историографии. Это обуславливалось характером источниковой базы, преимущественно складывавшейся в результате деятельности органов государственной власти или ее оппонентов. В сущности, такого рода источники в значительной своей части и создавались для обслуживания официальной версии возникновения существующего режима и его легитимации. Позитивистская критика источника лишь в малой степени могла компенсировать этот врожденный порок документальной базы. Историк невольно следовал за используемым им текстом, как за путеводной звездой. Текст формировал исследовательскую оптику, категориальный аппарат автора, благодаря которому многие ключевые сюжеты политической истории терялись из виду.

Именно против такой политической истории и восстали представители школы «Анналов» в 1920-е – 1930-е гг. Их критика кому-то могла показать сокрушительной. Они констатировали очевидное: воспроизведение привычной канвы борьбы за власть не является интеллектуальным вызовом для историка. Этот путь уводил от реальных проблем организации власти и управления. Однако эти слова не стали поворотными в историографии. Большинство исследователей продолжало (да и продолжает) работать в прежнем ключе.

Отчасти это объясняется тем, что ни первое, ни второе поколение «Анналов», критикуя традиционное прочтение политической истории, не предложили ему альтернативы. Вместе с тем исследователей так или иначе волнует проблема государства и власти. Ведь ее распределение, пожалуй, ключевой вопрос в истории человечества. Иными словами, от политической истории невозможно отказаться. Ее можно по-новому прочитывать.

Об этом еще в 1960-е гг. заявил один из наиболее видных представителей третьего поколения школы «Анналов» Ж. Ле Гофф. Тогда и начался поиск формулы «новой политической истории», в центре которой – не политика, а «политическое», т. е. не события, а практики и институты¹. Или же, как пишет П. Нора, современный исследователь предпочитает не политическую историю, а историю политики или же историю власти². Об этом затруднительно говорить, когда речь заходит о средневековом периоде, прежде всего в силу ограниченности источни-

¹ Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сб. научных работ. СПб., 2004. С. 11–14.

² Капинская Г.Н. Французские историки о пространстве «новой политической истории» // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 305.

ковой базы. Зато перед исследователем политической жизни Нового и Новейшего времени открываются будоражающие перспективы. Технология принятия решений, «политическая кухня», «политический стиль», политическая культура и многое другое становятся предметом специального изучения.

Круг исследуемых проблем заметно расширится, если учесть достижения гуманитаристики 1970-х – 1980-х гг.: в первую очередь работы М. Фуко, предложившего принципиально новое понимание проблематики власти, которая в его интерпретации не сводится к полномочиям органов государственного управления. Власть, по Фуко, разлита по всему обществу. Она реализуется в каждодневных практиках. Это замечание тем более относится к революционным временам, когда власть в самых необычных проявлениях назойливо вторгается в жизнь каждого, а привычные всем государственные институты не в силах сдержать этот натиск.

Действительно, после февраля 1917 г. традиционные властные институты ушли в прошлое. Новые еще не сложились. Представления же о власти, бытовавшие в различных кругах общества, сильно расходились с формировавшейся реальностью, самой по себе весьма многогранной. Политическая система – это прежде всего всеми принятые правила игры. В России 1917 г. прежние уже не действовали. Новые не «приживались» и скоротечно «отмирали». В итоге политическая система распалась на части, а государственная власть утрачивала столь необходимую монополию на насилие¹. В провинции на авансцену выходила неполитическая власть, которая даже не задумывалась о собственной легитимности. Она устанавливала свое господство явочным порядком². Революция и стала временем «распыления» власти, которая потом была собрана воедино, но уже по-новому.

Все это затрудняет характеристику государственных и политических институтов. Они в т. ч. создавались как органы государственной власти, но чаще всего с данной ролью не вполне справлялись. В условиях распада единой ткани политической системы они должны были постоянно и быстро эволюционировать, приравниваясь к совместной работе с новыми политическими игроками и властными институтами. Такая ситуация не описывается традиционным языком права. Как раз поэтому и возникает популярный в историографии (как, впрочем, и в публицистике 1917 г.) термин «двоевластие». Он позволяет «приноровить» реалии 1917 г. к традиционным представлениям о власти, которая в условиях революции будто бы не качественно изменилась, а просто «раздвоилась». В связи с этим в центре внимания чаще всего оказывалось взаимодействие Временного правительства и Петросовета³. Само слово «правительство» как бы по умолчанию подразумевает его преемственность по отношению к предыдущей власти. Это порой настраивает историков на его изучение как «регулярного» правительственного учреждения,

¹ Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 645.

² Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 89–108; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 308–315.

³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 388–403. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 249–251; См. также: Он же. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978; Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). С. 87–120; Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 298–304.

подобного Совету министров дореволюционной России. В рамках такого подхода может показаться, что Временное правительство, несмотря на постоянно менявшийся состав и саму архитектуру властной вертикали в стране, проводило определенную политику, реализовывало собственную программу¹. Конечно, сомнения на сей счет не отменяют необходимости изучения преобразований новой власти² или отдельных аспектов ее деятельности³. Данные темы безусловно достойны самого тщательного изучения, однако с учетом постоянно менявшейся социальной среды и правовых условий, под воздействием которых трансформировался и сам кабинет министров. Это был тот редкий случай, когда политическая система преображалась даже быстрее институтов, ее составлявших, вынуждая последних адаптироваться к новым условиям.

Исследователи же вынуждены упорядочивать материал. Это относится и к политическим институтам, складывавшимся после октября 1917 г. Кажется вполне оправданным описать их как формы воплощения идеологического проекта победившей партии⁴. На практике ситуация оказывалась сложнее. Большевикскому правительству приходилось импровизировать, менять «сценарий» по ходу «спектакля», переосмысливая прежние программные положения⁵. Было бы некоторым упрощением рассматривать властные институты октября 1917 – июля 1918 г. как элементы уже готовой политической конструкции, сложившейся к 1920-м гг. Она формировалась постепенно, менялся характер институтов, ее составлявших⁶.

Зыбкая почва революционной России не позволяет рассмотреть институты в статике. Более того, само понятие «институт» следовало бы в данном случае трактовать расширительно, отталкиваясь от исследовательских приемов, характерных для неинституционального подхода. Его сторонники склонны оценивать институты скорее не как учреждения, а как писанные и прежде всего неписанные правила игры⁷. В России 1917 г. они трансформировались вместе с изменением представлений о власти, правительстве, реформе, праве и т. д.

¹ Именно по этой причине вполне понятно, почему Ф.А. Гайда, анализируя «механизмы власти» Временного правительства, остановился исключительно на первом его составе. В данном случае лишь на коротком временном промежутке можно говорить о программе или политической стратегии (*Гайда Ф.А.* Механизм власти Временного правительства, март–апрель 1917 г. // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153).

² Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б.В. Ананьич. СПб., 1996. С. 654–677.

³ *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.

⁴ *Боффа Дж.* История Советского Союза. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 52–67.

⁵ Критический словарь Русской революции. С. 37–41.

⁶ *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. М.; Л., 1966. С. 154–155; *Гимпельсон Е.Г.* Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 94–110; *Павлюченко С.А.* Партия и власть после революции. М., 2008. С. 27–30; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013. С. 154–161; Критический словарь Русской революции. С. 416–425.

⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17–20.

Глава 1. ТРЕТЬЕМАРТОВСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

(А.Б. Николаев)

Временное правительство было создано 2 марта 1917 г. Важную роль в этом сыграла Государственная дума в лице его Временного комитета. Так, в ночь с 1 на 2 марта на заседании думского Комитета было принято постановление об образовании Временного общественного совета министров¹. 2 марта председатель Временного комитета Государственной думы (ВКГД) М.В. Родзянко в телеграмме Николаю II сообщил, что «в настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству»². 3 марта Родзянко в ходе переговоров с генералом М.В. Алексеевым подтвердил, что новое правительство уже сформировано «нами», т. е. думским Комитетом³. В официальном сообщении «От Временного правительства» указывалось, что «Временный комитет Гос[ударственной] думы назначает министрами... следующих лиц...»⁴. Назначение нового правительства думским Комитетом свидетельствовало о том, что ВКГД выступил источником власти Временного правительства. Одновременно в «Известиях Комитета петроградских журналистов» сообщалось, что состав Временного правительства «установлен после переговоров» думского Комитета и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов⁵. Факт согласования вопроса о новом правительстве с Исполкомом Петроградского Совета говорил о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов стал вторым источником власти. Признание в качестве источников власти Временного правительства Государственной думы в лице ее Временного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в лице его Исполкома выступило одной из черт формирующейся третьемартовской политической системы⁶.

Какая же формула была реализована при создании Временного правительства: формула «ответственного» министерства или «кабинета общественного доверия»? П.Н. Милоков в своей речи, произнесенной 2 марта, заявил, что Временное правительство является общественной властью, выдвинутой народом⁷. Одновременно с этим Милоков выступил за сохранение династии Романовых. Можно утверждать, что новый правительственный кабинет рассматривал себя как «правительство общественного доверия», которое будет существовать при монархе (регенте).

¹ Февральская революция 1917 года. Сб. документов и материалов / сост. О.А. Шашкова; отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 154.

² Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) / подг. текста А.А. Сергеев // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 9.

³ Там же. С. 29.

⁴ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

⁵ Новое правительство // Известия КПЖ. 1917. 2–3 марта. № 6–7.

⁶ См. о третьемартовской политической системе подробнее: Николаев А.Б. К вопросу о политической системе России в марте–октябре 1917 г. // Дискурс. 2015. № 2. С. 23–34.

⁷ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

Формула «общественного кабинета» содержалась и в преамбуле к декларации Временного правительства 3 марта¹.

Император Николай II в своем манифесте об отречении от престола заповедовал великому князю Михаилу Александровичу «править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»². В сущности, речь шла о парламентарной форме правления, предполагавшей широкую сферу компетенции представительных учреждений. Кроме отречения, Николай II в тот же день подписал и указ Правительствующему Сенату о назначении председателем Совета министров князя Г.Е. Львова³.

В свою очередь великий князь Михаил Александрович отказался принять верховную власть. В обращении великого князя содержалась просьба к гражданам России подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти»⁴. Считается, что этот акт уничтожил строй, возникший с отречением Николая II⁵, и создал полномочное Временное правительство⁶. В действительности же это не произошло. Михаил не принял верховную власть, и поэтому не мог ее никому передать, не мог ничего уничтожить или создать. Можно утверждать, что данный акт лишь законсервировал ситуацию, порожденную манифестом Николая II. Вместе с тем он оставлял возможность великому князю Михаилу Александровичу принять верховную власть из рук Учредительного собрания. С формально юридической точки зрения это была система «спящих учреждений» (Думы, монархии) со спящими полномочиями.

Особого внимания заслуживает декларация 3 марта 1917 г., которая и установила принцип «непредрешения» вопроса о государственном устройстве до созыва Учредительного собрания⁷. Именно этот пункт, по мнению Н.Н. Суханова, превращал декларацию 3 марта в «революционную конституцию»⁸, а по утверждению В.И. Старцева, означал «в условиях 2 марта и даже ночи на 3 марта согласие на конституционную монархию»⁹. Принцип непредрешения как отнесение реше-

¹ Речь П.Н. Милюкова о новом правительстве // Известия КПЖ. 1917. 2 марта. № 6.

² Манифест Николая II // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 8.

³ Документы к «Воспоминаниям» ген[ерала] А. Лукомского // Архив русской революции. В 22 т. / изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Кн. 2. Т. 3. С. 265.

⁴ Отречение великого князя Михаила Александровича // Известия КПЖ. 1917. 4 марта. № 9.

⁵ *Маклаков В.А.* Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 324.

⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208; *Старцев В.И.* Передача власти от Николая II Временному правительству (юридическая сторона) // Политическая история России первой четверти XX в.: Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева / отв. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2006. С. 9.

⁷ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

⁸ *Суханов Н.Н.* Записки о революции / предисл. и примеч. А.А. Корникова. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 177.

⁹ *Старцев В.И.* Декларация Временного правительства от 3 марта 1917 г. // Нестор № 3 (2000. № 3). Между двух революций 1905–1917. Источники, исследования, историография / ред. И.В. Лукоянов. СПб., 2005. С. 210.

ния о государственном устройстве России к компетенции Учредительного собрания был подтвержден в обращении Временного правительства 6 марта 1917 г.¹

Временное правительство на первом же заседании, проходившем без участия членов думского Комитета, обсудило ряд важных вопросов, направленных на расширение своих полномочий. В частности, на нем обсуждался вопрос «о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы». Участники заседания высказались в том смысле, что «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва». Кроме этого, указывалось: «Нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 Основных законов, т. к. после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент»².

Протокол первого заседания Временного правительства составил Я.В. Глинка, который временно исполнял обязанности управляющего делами Совета министров. Этот документ вызвал резкую критику преемника Глинки - В.Д. Набокова, который писал в своих воспоминаниях, что «запись... была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно»³. Б.М. Виттенберг дает понять, что Глинка не завершил работы над журналом ввиду своего несогласия с позицией Временного правительства. Виттенберг приводит запись Глинки, относящуюся к этому заседанию Временного правительства: «На первом же заседании Совета м[инистр]ов, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым [вопросом] был поставлен вопрос об уничтожении Гос[ударственной] думы, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться»⁴. Итак, во-первых, работа над журналом не была завершена, и, во-вторых, по утверждению Набокова, журнал заседания Временного правительства был составлен совершенно неудовлетворительно. Он в связи с этим вспоминал, что обратился к П.Н. Милюкову, который взял запись и пообещал «восстановить по памяти ход и решения первого заседания, после чего Временное правительство, проверив в полном составе журнал, подпишет его». Милюков «за два месяца своего пребывания на посту министра иностранных дел не имел, по-видимому, необходимого досуга, чтобы выполнить эту работу»⁵.

¹ Граждане Российского государства! // Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

² Февральская революция 1917 года: сб. документов и материалов. С. 161–162.

³ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. / изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Т. 1. С. 24.

⁴ Виттенберг Б.М. Я.В. Глинка и его дневник // Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 31.

⁵ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 24.

На основе этого незавершенного журнала В.И. Старцев сделал вывод о том, что в ходе первого заседания «речь шла фактически об установлении неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства». Старцев писал: «В первом же столкновении с новой властью, вышедшей из ее недр и “по почину” ее возникшею, Дума потерпела поражение и была немедленно отодвинута на задворки политической жизни»¹. С этим утверждением нельзя полностью согласиться, и де-факто, и де-юре положение как Временного правительства, так и Государственной думы было иным. Основные государственные законы не были отменены. Временное правительство, безответственное по своему характеру, не смогло стать полновластным кабинетом именно по той причине, что прежнее законодательство хотя бы с формальной точки зрения оставалось в силе, а, значит, сохранялись Государственная дума и Государственный совет. И поэтому Временное правительство можно характеризовать как условно безответственное.

Вместе с тем принцип условной безответственности подвергся деформации в результате событий, последовавших за июльским политическим кризисом. Временное правительство, стремясь к полновластию, решило избавиться от Государственной думы как источника своей власти. Об этом, в частности, говорило приглашение Государственной думы на Государственное совещание в качестве корпорации депутатов / общественной организации, а не законодательного учреждения². С.В. Тютюкин справедливо замечает, что, созывая Государственное совещание, Временное правительство «явно искало точки опоры и поддержки общественности, чтобы как-то создать иллюзию некоего национального единения власти и всего российского общества»³. Добавим, что начиная с Государственного совещания Временное правительство приступило к поиску модели будущего квазипарламента (Предпарламента). В ходе Государственного совещания Временное правительство сумело заполучить поддержку большинства его участников, однако характер ее (поддержки) говорил о шатком положении коалиции. В связи с этим любопытно отметить, что А.Ф. Керенский, открывая Государственное совещание, провозгласил верховной властью само Временное правительство, его же он указал в качестве «единого источника власти до Учредительного собрания»⁴, не упомянув в качестве источников власти ни Государственной думы, ни Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В ходе Государственного совещания был поставлен под сомнение и принцип «непредрешения», который являлся одним из несущих элементов третьемартовской политической системы. Так, атаман Войска Донского А.М. Каледин, выступая на нем 14 августа 1917 г., призвал «все живые силы страны к объединению, труду и самопожертвованию во имя спасения родины и укрепления демократи-

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 116–117.

² Государственное совещание в Москве (От министра почт и телеграфов) / Последние известия // Речь. 1917. 6 августа; М.В. Родзянко о Московском совещании // Петроградская газета. 1917. 6 августа.

³ *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012. С. 260.

⁴ [Речь А.Ф. Керенского] // Государственное совещание. 12–15 августа 1917 г. (Стенографический отчет) / предисл. Я.А. Яковлева. М.; Л., 1930. С. 3, 7.

ческого республиканского строя»¹. При закрытии Государственного совещания в ночь с 15 на 16 августа 1917 г. раздались возгласы: «Да здравствует Российская республика!»². Керенский так и не рискнул тогда провозгласить Россию республикой, хотя республиканские настроения были среди членов Государственного совещания достаточно широко распространены. Но уже 1 сентября 1917 г. министр-председатель А.Ф. Керенский и министр юстиции А.С. Зарудный подписали постановление, которое, с отсылкой на республиканские настроения членов Государственного совещания, вводило в России республиканский строй: «Памятю единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказано на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику»³. Это постановление в «Собрании узаконений» Временного правительства опубликовано не было⁴.

Заключительными аккордами в разрушении третьемартовской политической системы стали учреждение 2 октября 1917 г. Предпарламента (Временного совета Российской республики) – совещательного органа при Временном правительстве⁵, о создании которого заявлялось в декларации Временного правительства 25 сентября 1917 г.⁶, а также роспуск 6 октября 1917 г. Государственной думы и признание полномочий членов Государственного совета по выборам утратившими силу⁷.

Глава 2. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

(К.А. Соловьев)

2.1. Цели и задачи Временного правительства. Парадоксы «непредрешенчества»

Падение монархии стало своего рода «большим взрывом» для политической, социальной системы страны, после которого должна была появиться совсем новая

¹ [Речь А.М. Каледина] // Государственное совещание. С. 74.

² Государственное совещание. С. 307.

³ От Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 3 сентября. *Чистяков О.И.* Введение / 1917 г., сентября 1. Постановление о провозглашении России республикой // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. С. 128.

⁴ *Чистяков О.И.* Введение / 1917 г., сентября 1. Постановление о провозглашении России республикой // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 128.

⁵ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства (ЖЗВП). В 4 т. Т. 4. Сентябрь–октябрь 1917 г. М., 2004. С. 237, 241. См. подробнее: *Руднева С.Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М., 2006.

⁶ ЖЗВП. Т. 4. С. 212.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ). 1917. 17 октября. № 256. Ст. 1846.

Россия. О ее параметрах современники могли только догадываться. Им оставалось лишь надеяться, что процесс складывания новой системы пройдет в правовых рамках и ключевую роль в этом сыграет всенародно избранное Учредительное собрание, о котором издавна мечтали революционеры самых разных направлений. В любом случае не ставилось под сомнение, что «распалась связь времен» и новый порядок должен был покоиться на принципиально новых основаниях. Говоря словами известного правоведа Я.М. Магазинера, «успешная революция означает захват власти над самим правопорядком, так что захват становится исходной точкой нового правопорядка», который, естественно, за несколько дней не успел сложиться¹.

Практически всеми участниками политического процесса в феврале – в начале марта 1917 г. подчеркивалось, что даже революционная Россия остро нуждалась в стабильном правовом режиме, который нужен был немедленно, а не по результатам работы Учредительного собрания. Так что приходилось рассчитывать, что те или иные политические формы – в центре и на местах – возникли бы в результате общественной самодеятельности, причем стремительно, в самом скором времени².

Эта мысль стала своего рода *idea fix* для представителей депутатского корпуса, которые волею судеб и в значительной мере неожиданно для себя оказались в центре политической жизни России в конце февраля 1917 г. Не веря в собственную легитимность, они рассчитывали на авторитет общественных объединений. Не случайно Временный комитет Государственной думы, занятый формированием новой организации власти, старался учитывать позицию общественных союзов, чья поддержка должна была обеспечить устойчивость правительственных учреждений, в т. ч. и по этой причине Комитет не слишком торопился с провозглашением состава кабинета министров. В Петрограде дожидались приезда князя Г.Е. Львова, который считался безусловным лидером «цензового общества»³.

Ситуация осложнялась принципиальной неготовностью «политического класса» однозначно аттестовать свершившуюся революцию, к которой с неизбежностью апеллировали новые власти. С одной стороны, «великая бескровная» полагалась безусловно национальной революцией. Отсюда и вытекала концепция будущей Конституанты, которой предстояло перевернуть весь правовой уклад России. С другой, не вызвала сомнения ключевая роль армии в низвержении «старого порядка». Страх перед военной силой материализовался в виде Советов, которые были отнюдь не только рабочими⁴. Иными словами, не был решен вопрос, кто в конечном итоге победил в революции: нация, которая еще не сказала своего последнего слова, или петроградская толпа, которая была уже вправе диктовать свою волю.

Новая формула власти была следствием тупиковой ситуации, когда возникший кабинет не мог игнорировать насущные потребности времени, господство-

¹ Магазинер Я.М. Республика или монархия // Право. 1917. № 9. Стб. 483.

² Понтович Э.Э. Непосредственное народное творчество в области организации местного управления // Право. 1917. № 15. Стб. 849–850.

³ Миллюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. С. 43.

⁴ Вишняк М.В. Организация власти в ходе русской революции (политический обзор) // Год русской революции (1917–1918 гг.). Сб. статей. М., 1918. С. 68.

вавшие общественные настроения и в то же самое время не чувствовал себя вправе предрешать волю нации, от имени которой могло говорить лишь Учредительное собрание. В этом отношении весьма характерны первые декларации Временного правительства, которое, определяя политическую линию на ближайшее будущее, свое место в складывавшейся политической системе, должно было так или иначе заявить собственное видение целей революции. Хотя бы по этой причине правительство при всем желании не могло быть сугубо техническим. Всякое его, пускай даже вынужденное, высказывание меняло политический ландшафт России. 3 марта 1917 г. Временное правительство огласило свою декларацию, в которой фактически нашла отражение программа действий нового кабинета.

«В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями: 1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений.

4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий».

В самом скором будущем Временное правительство приняло целый комплекс мер, которые принципиально изменили правовой климат в России. Были упразднены политические суды и реформированы мировые суды, отменены дискриминационные нормы в отношении различных национальных и конфессиональных групп, последовательно проведен принцип свободы совести, разработан закон о выборах в Учредительное собрание, принят декрет об аграрной реформе, был введен 8-час. рабочий день, созданы арбитражные суды, рабочие комитеты, подготовлено законодательство, регулировавшее деятельность кооперативов и т. д.

С формальной точки зрения Временное правительство как будто бы «не предрешало» ключевые вопросы общественной и политической жизни России: последнее слово в любом случае должно было оставаться за Учредительным собранием. В действительности же преобразования, намеченные в декларации, должны были привести к качественным изменениям. Правительственные гарантии провозглашенных гражданских свобод, всеобщее избирательное право, придание ор-

ганам местного самоуправления статуса правительственных учреждений, создание народной милиции – все это принципиально меняло властную конструкцию в России. Отныне был запущен процесс децентрализации власти. Уже не Петроград определял правила игры, он делегировал это право местным общественным учреждениям. Такое положение казалось членам правительства вполне нормальным, соответствовавшим духу революционного времени. В частности, князь Г.Е. Львов в интервью 7 марта высказывался о реформе местного управления: «Это вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением... Мы все бесконечно счастливы, что мы можем творить новую жизнь народа – не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти исторические дни!»¹

Иными словами, новая архитектура российской власти должна была стать результатом общественной самодеятельности, самоорганизации населения. Кабинету же отводилась задача лишь фиксировать происходившие изменения. Даже провозглашение республики 1 сентября 1917 г. не противоречило этому принципу. Уже весной 1917 г. мало кому приходила в голову мысль о возможности возрождения монархии в России. Сентябрьское постановление правительства констатировало очевидное, при этом не предвещая вопроса об организации власти.

2.2. Легитимность новой власти

Подобная «скромность» обуславливалась прежде всего тем, что Временное правительство с неизбежностью оказывалось в «подвешенном состоянии». Оно не могло тянуть свою легитимность с дореволюционных времен, но и в новых революционных условиях не чувствовало себя вполне уверенно. Неслучайна формула П.Н. Милюкова, найденная им в ходе его выступления в Таврическом дворце 2 марта 1917 г. В ответ на возражение одного из присутствовавших, что Временное правительство никем не было избрано, лидер кадетов отвечал: «Нас выбрала русская революция, но мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверия»². В сущности, Милюков признавал Временное правительство случайной властью, готовой в любой момент уступить свое место власти законной.

Подобным образом оценивал положение и председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов. В марте 1917 г. в беседе с журналистом газеты «Новое время» он объяснял: «Великая русская революция сделала нас исполнителями

¹ Вишняк М.В. Организация власти в ходе русской революции (политический обзор). С. 67.

² Там же. С. 51. В действительности тогда, 2 марта 1917 г., П.Н. Милюков сформулировал эту мысль так: «Я слышу, меня спрашивают, кто вас выбрал. Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы бы не могли вырвать власти из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организовать и победить и вас, и нас. Нас выбрала русская революция» (Известия. 2 марта 1917. № 6).

воли народной и хранителями прав народа до созыва Учредительного собрания. Мы знаем хорошо, что управление в условиях революционного времени не может походить вполне на управление при обычном течении жизни. Мы в полной мере оцениваем заслуги и значение всех тех сил страны, которые сыграли главную роль в выявлении воли народной в час великого переворота, а мы делаем отсюда соответствующие выводы. Мы прилагаем и будем прилагать все старания наши, чтобы осуществлять полноту власти, которую нам вверила народная воля, в согласии с этими силами»¹.

Ситуация осложнялась еще и тем, что Временное правительство приступало к своим полномочиям тогда, когда большая часть России еще не знала о произошедшей революции. Весть о ней распространялась не сразу и неравномерно, в первую очередь в крупных городах и вблизи железных дорог. Ее глашатаями часто выступали дезертиры, возвращавшиеся в родные деревни. Некоторые губернии (Могилевская, Казанская и др.) вплоть до апреля 1917 г. «не замечали» революции. В то же самое время почти повсеместно сохранялась местная власть в лице урядников и становых. Некоторые священники даже в пригородах Петрограда порой себя вели так, как будто бы ничего не произошло. Новость же о политическом перевороте, рано или поздно доходившая до самых отдаленных населенных районов империи, нередко взрывала социальную ситуацию. Так, в Нижегородской губернии она привела к крестьянским волнениям, в Бессарабской – к еврейским погромам².

2.3. Полномочия правительства

Имея в виду эти обстоятельства, а также масштаб произошедших революционных изменений и, конечно, же тот факт, что Россия находилась в состоянии войны, не могло быть и речи о создании сложной конструкции политической власти в стране. Нити управления (а также и законотворчества), по крайней мере на время, должны были оставаться в одних руках – кабинета министров. В журнале Временного правительства от 9 марта 1917 г. был пересказан доклад видного правоведа Н.И. Лазаревского, в котором определялся порядок законодательства. По словам Лазаревского, законодательные решения следует принимать солидарным решением министров³. В постановлении правительства от 9 мая 1917 г. лишний раз подчеркивалось, что «дела, направлявшиеся в порядке статей 86 и 87 Основных государственных законов... разрешаются властью Временного правительства»⁴. Более того, порой даже отдельные министры издавали законы, не согласовывая их со своими коллегами⁵. По словам министра путей сообще-

¹ Беседа с князем Г.Е. Львова // Новое время. 19 марта (1 апреля) 1917. № 14731.

² Март–май 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 2(15). С. 33–34.

³ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001. С. 64.

⁴ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг., 1918. С. 19.

⁵ *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). Под знаком Временного правительства // Архив русской революции. Т. 11. Берлин, 1923. С. 30.

ния Н.В. Некрасова, «с точки зрения государственно-правовой, Временное правительство обладает всей полнотой властью, всем суверенитетом... Ведь власть Временного правительства, если хотите, есть власть выше самодержавной, выше той власти, которой обладал царь и Государственная дума каждый в отдельности, потому что власть Временного правительства законодательная в полном объеме и исполнительная в полном объеме. С этой точки зрения в лице двенадцати «самодержцев» Временного правительства... мы имеем известного рода диктатуру, совмещающую в себе всю полноту власти»¹.

Кабинет был коллективным диктатором, и каждый его министр зачастую обладал диктаторскими полномочиями. Например, в вопросах реализации Положения о подоходном налоге широчайшие полномочия предоставлялись министру финансов². Как впоследствии писал сенатор С.В. Завадский, «старый режим не понимал надобности в разделении властей законодательной и исполнительной, а новый режим смешал их еще более, да еще и верховную власть с ними слил воедино»³. Временное правительство присвоило себе императорские полномочия. Так, оно обладало и правом помилования⁴. 9 марта Св. Синод присвоил Временному правительству имя «благодарное». Теперь новое учреждение следовало упоминать в ходе церковных служб вместо бывшего императора. 10 марта Г.Е. Львову была вручена резолюция Постоянного совета Объединенного дворянства, который от имени всего благородного сословия России обещал верой и правдой служить Временному правительству⁵. В недавнем прошлом видный монархист В.М. Пуришкевич в марте 1917 г. объезжал воинские части и призывал солдат подчиниться Временному правительству⁶. Все больше появлялось свидетельств тому, что новая власть была восприимчивой старой, монархической.

Министры Временного правительства не могли не принадлежать «старой» России и на первых порах видели в совершавшемся перевороте победу ее институтов – Думы, органов земского самоуправления, правда, на их глазах уходивших в прошлое. Кроме того, относительный консерватизм новой власти обуславливался юридической выправкой многих ее представителей, которые рассчитывали перебросить «мостики» между старой и новой правовой системами. Примечательно, что решением Временного правительства от 11 марта 1917 г. продолжала действовать Табель о рангах⁷. 14 марта было принято решение о публикации актов верховного управления, до сих пор не изданных. В журналах Временного правительства подчеркивалось: те из них, что не противоречили новым политическим реалиям,

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 475.

² Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 56. С. 104.

³ *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 11.

⁴ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. С. 163.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Известия. 4 марта 1917. № 8.

⁷ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 74.

продолжали действовать¹. Решение об отмене той или иной правовой нормы порой оформлялись с ссылкой на ст. 87 Основных законов 23 апреля 1906 г.² Это как будто бы противоречило принципам, установленным еще в ходе первого заседания Временного правительства 2 марта 1917 г.³ В конце концов никто не упразднял ни Государственной думы, ни Государственного совета, ни Правительствующий Сенат, сохранялась прежняя система орденов. 13 мая 1917 г. была приостановлена подготовка законопроекта об отмене всех сословных ограничений, т. к. эта мера потребовала бы существенной переработки всего законодательства Российской империи. Все подчеркивало тот факт, что «новая» Россия до поры до времени стремилась сохранить связь с Россией «прежней», дореволюционной⁴.

2.4. Пределы новой власти. Временное правительство и общественные организации

Однако это был формальный взгляд на вещи. На практике Временное правительство «стеснялось» своей диктатуры и всячески стремилось разделить ответственность с «общественностью». Прежде всего по этой причине было создано Юридическое совещание, которое получило широкие полномочия. Консультируя кабинет по правовым вопросам, оно, в сущности, обретало полномочия законодательного учреждения, чья точка зрения должна была всегда учитываться министрами. Примечательно, что оно приступило к работе еще до момента своего формального учреждения. Так, 8 марта 1917 г. Временное правительство поручило Юридическому совещанию определить статус комиссаров из членов Государственной думы⁵. Придворные чины и звания были отменены Временным правительством по заключению Юридического совещания⁶.

Вместе с тем лишь 20 марта 1917 г. в журнале Временного правительства нашло отражение решение об учреждении Юридического совещания «для предварительного рассмотрения возникающих правовых вопросов»⁷. К этому вопросу правительство вернулось 22 марта. В постановлении полномочия Юридического совещания определялись так: «На рассмотрение Юридического совещания пере-

¹ Там же. С. 95–96.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 385.

⁴ В действительности тут сказывался характерный для кадетов «исторический оптимизм». Они были убеждены, что их программные требования и тактические установки вполне соответствовали тенденциям исторического развития России: кадеты призывали плыть туда, куда и так нес «ветер» истории. В силах же «команды корабля» – сделать его движения более плавными. Следовало сделать так, чтобы эволюция политической системы была бы поступательной и не принесла существенного ущерба отечественной государственности. «Нет больше места революции. Мыслима только эволюция», – повторял П.Б. Струве в марте–апреле 1917 г. (*Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 299).

⁵ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 56.

⁶ Там же. С. 91.

⁷ Там же. С. 138–139.

даются вопросы публичного права, возникающие в связи с установлением нового государственного порядка. Равным образом Совецание дает предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также и иным, по которым такое заключение будет признано Временным правительством необходимым»¹.

И впоследствии Юридическое совещание самым активным образом участвовало в законотворчестве. 30 марта 1917 г. оно предложило свое заключение по вопросу об организации местного самоуправления в Эстляндской губернии² 23 апреля Юридическое совещание предоставило доклад о порядке утверждения сметных расходов³.

Однако уже летом 1917 г. активность Юридического совещания идет на спад. Оно периодически собиралось, работали его комиссии. При этом совещание все реже касалось вопросов юридического обеспечения законотворческой деятельности правительства, которое уже не слишком интересовалось мнением ведущих отечественных правоведов. Примечательно, что за все время работы этого учреждения оно участвовало в подготовке 56 актов кабинета: показатель довольно-таки скромный. В сущности, Юридическое совещание стало учреждением первого состава Временного правительства. В дальнейшем оно не было столь востребованным. Это обуславливалось как партийным составом этого консультативного учреждения (его в значительной мере составляли члены партии кадетов), так и ставкой Временного правительства на союз с «демократией», представленной преимущественно Советами.

Деятельность Юридического совещания – лишь частный пример того, как правительство «смуцалось» брать на себя прямую ответственность за законодательные решения, перекладывая ее на плечи авторитетных правоведов. В действительности же Временное правительство вскоре после его прихода к власти «обросло» различными комиссиями и совещаниями, которые стали неотъемлемой частью новой политической системы. Как писал В.М. Гессен почти сразу после Февральской революции, «одной из наиболее важных задач революции является организация общественной самостоятельности, привлечение к государственному делу неисчерпаемых духовных и материальных сил народа»⁴.

25 марта 1917 г. было создано Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание⁵. Решением 21 апреля были образованы Главный и местные земельные комитеты «для подготовки земельной реформы и для разработки временных неотложных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием»⁶. Примечательно, что первый министр земледелия во Временном правительстве, кадет А.И. Шингарев привлек к работе в своем ведомстве преимущественно представителей Партии социалистов-

¹ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 160.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 336.

⁴ Гессен В.М. Задачи революции // Право. 1917. № 8. Стб. 432.

⁵ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 166.

⁶ Там же. С. 327.

революционеров¹. Это имело существенные последствия. Министерство издало постановление об обязательной отдаче в казну большей части урожая всех частных хозяйств, что ставило под сомнение возможность их дальнейшего существования. Когда С.И. Шидловский спросил об этом Шингарева², тот ответил, что «совершенно не собирается разрушать частные хозяйства, а про нормы сказал, что, дескать, вы просто их не соблюдайте, если это невозможно, кто, мол, вас там будет проверять»³. Иными словами, принимая такого рода решения, данное ведомство прежде всего решало политические задачи, обусловленные духом времени, «музыкой революции».

Эта логика определила характер работы Главного земельного комитета. Первоначально в него были избраны 12 чел. Однако на первое заседание пришли 40, которые тут же были кооптированы в состав этого учреждения. В итоге, по оценке С.И. Шидловского, Главный земельный комитет из экспертной комиссии превратился в своего рода митинг, на котором тон задавали земские статистики, по большей части придерживавшиеся эсеровских взглядов⁴. Чем же должны были заниматься местные комитеты, оставалось загадкой. Закон этот вопрос, в сущности, не разрешал. В правительстве обещали подготовить соответствующую инструкцию, но так этого и не сделали. Созданным комитетам пришлось самим определять сферу своей компетенции⁵.

Временным правительством был создан Комитет труда, в который на паритетных началах вошли представители рабочих и работодателей. Председательствовали там руководители Министерства труда, где тон задавали представители российской социал-демократии. Через Комитет труда были проведены многие важнейшие законопроекты: о свободе забастовок, 8-час. рабочем дне, ограничении детского труда, страховании рабочих, обеспечении старости и инвалидности, инспекции труда, биржах труда и др. Из всех этих законопроектов силу закона получили решения о биржах труда и обязательном страховании рабочих от болезней⁶.

Как говорил 29 марта министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, «при новом строе в освобожденной России министр должен опираться на организации рабочих и промышленников, на биржи, трудовые палаты, профессиональные учреждения. Только прислушиваясь к голосам организованных сил на местах, министр может успешно справиться с обширными задачами. Между тем старый

¹ Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 137.

² Сам же Шингарев в тот момент весьма пессимистично оценивал будущее России. В конце апреля он говорил Н.А. Бородину: «Как бы вы знали, друзья мои, как на душе у меня тошно! Наше дело и будущее России близко к гибели» (*Бородин Н.А.* Мартовская революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. С. 358).

³ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 138.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 139–140.

⁶ Ауэрбах В.А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 15.

режим старался всячески препятствовать организации таких учреждений»¹. 23 апреля по инициативе Министерства финансов было создано Совецание для разработки плана финансового преобразования, в компетенцию которого входило и «обсуждение общих начал текущего финансового управления»². 21 июня были сформированы Экономический совет и Главный экономический комитет «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда»³. Вопросы реформирования судебной системы обсуждались при участии прокуроров судебных палат⁴. Земские и Городские союзы аттестовывались Временным правительством как правительственные учреждения. На них министры рассчитывали в деле разработки вопросов местного управления и финансов⁵.

Наконец, Временное правительство всегда прислушивалось к мнению Совета рабочих и солдатских депутатов. Примечательно, что, по воспоминаниям депутата Государственной думы и члена ее Временного комитета А.А. Бубликова, министры в ходе заседаний Временного правительства тратили немало времени на звонки членам Совета, спрашивая их мнение по тому или иному вопросу⁶. Термин «двоевластие» в данном случае кажется неоправданным. Правительство зависело не только от Совета, но от великого множества общественных организаций, которые, казалось, и представляли «революционный народ». Речь скорее может идти о нараставшем безвластии, т. к. правительственная власть себя в полной мере таковой не ощущала. Петроградский Совет – конечно, наиболее авторитетная организация из тех, с кем новым министрам приходилось договариваться. Однако и он к правительственной власти не стремился и даже побаивался перспективы стать ее частью. В этом отношении весьма характерно, что комиссия законодательных предположений Петросовета практически не функционировала⁷. «Властобоязнь»

¹ Беседа с министром торговли и промышленности // Новое время. 30 марта (12 апреля) 1917. № 14739.

² Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 336–337.

³ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. С. 11–12.

⁴ Так, фактически ими было заблокировано решение об установлении принципа сменяемости судей. (Таганцев Н.Н. Из моих воспоминаний // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 248).

⁵ Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 104–105.

⁶ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 48.

⁷ Н.Н. Суханов объяснял это масштабом задач, стоявших перед новым учреждением. Оно должно было решать более значимые проблемы, нежели «просто законодательствовать». Эту аргументацию сложно признать вполне удовлетворительной. (Суханов Н.Н. Записки о революции. Берлин; Пг.; М., 1922. Кн. 2. С. 85.) Весной 1917 г. Временное правительство утвердило целый комплекс мер, качественно изменивший правовое пространство России, что собственно и стало одним из важнейших последствий Февраля. Наконец, сама эволюция Совета привела его к более тесному взаимодействию с правительством. Оно могло быть более плодотворным для Петросовета, если бы он был готов предложить собственный пакет законопроектов. Видимо, причина бездействия комиссии была в другом – в элементарной неспособности технически организовать законотворческий процесс. При таком подходе к важнейшей ипостаси высшего государственного учреждения – законодателя – сложно было ожидать от Совета готовности заменить собой Временное правительство.

была присуща Совету даже тогда, когда он пытался ко всем министрам приставить своего агента в качестве видного сотрудника ведомства (что далеко не всегда выходило на практике). В то же самое время, в апреле 1917 г., в Совете очень опасались отставки кабинета Г.Е. Львова, полагая, что это может иметь непредсказуемые последствия для дела революции¹.

Сама особенность организации деятельности Исполнительного комитета Петроградского Совета заставляет усомниться в его положении «альтернативного правительства». Он заседал практически весь день: начинал в час дня и заканчивал поздней ночью. Это означало, что его решения некому было готовить, они принимались под напором обстоятельств, иногда довольно-таки случайным образом. Разрешение основной массы дел лежало на пленуме, который был завален делами и с ними не вполне справлялся. «Важнейшие решения принимались совершенно случайным большинством голосов. Обдумывать было некогда, ибо все делалось второпях, после ряда бессонных ночей в суматохе. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанные ночи, бесконечные заседания. Отсутствие правильной еды – питались хлебом и чаем, и лишь иногда получали солдатский обед в мисках без вилок и ножей», – вспоминал В.Б. Станкевич². Важнее же другое: Совет не представлял собой самостоятельную политическую силу. Его раздирали внутренние противоречия, он испытывал сильное давление слева и, в сущности, мало контролировал широкие массы, сила которых – главный его аргумент в разговоре с министрами. И, в конце концов, никакого управленческого аппарата в распоряжении Совета не было. Подобный делопроизводственный хаос не может казаться чем-то удивительным: управленческая и законотворческая техника складывается не сразу. Она становится более изощренной и упорядоченной с накоплением опыта. При этом П.Н. Милюков обратил внимание на парадокс: Совет обладал авторитетом, а следовательно, и возможностями, покуда его работа не была упорядочена и на заседаниях царил полнейший хаос. Когда же лидеры «демократии» хотя бы отчасти установили порядок, влияние Совета пошло на убыль.

И все же хотя бы внешнее влияние Совета обуславливалось не работоспособностью его руководителей. Рожденный революцией он для многих ассоциировался с подлинной демократией, от имени которой и выступал. Как писал Ф.А. Степун, «душою революции был хаос, от того и авторитетом революционных масс мог быть только хаотический Совет»³. Обладание этим «философским камнем» обеспечивало Совету определенное лидерство. Признавая это, Временное правительство было вынуждено уступать, принимать решения, вписывавшиеся в требования «революционной демократии».

Само правительство всякий раз отрицало какую-либо зависимость от Петроградского Совета⁴. Отчасти оно было право: влияние Советов сложно описать в привычных юридических терминах. Стихийно формировавшаяся политическая модель была охарактеризована Д.С. Мережковским в виде библейской ме-

¹ Там же. Кн. 3. С. 226.

² Цит. по: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 70–71.

³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 48.

⁴ Там же. С. 210.

тафоры: «Это значит, будет, как в Ветхом Завете. Были цари, а при них пророки... У нас будут министры, а при них пророки из Совета»¹.

С созданием первого коалиционного правительства Советы все более инкорпорировались в систему управления России: они санкционировали решения Временного правительства и даже порой участвовали в их выработке². Ситуация осложнялась тем, что «революционная демократия» как бы стыдилась своего сотрудничества с «буржуазией» и тем самым невольно подыгрывала левым радикалам, прежде всего большевикам, которые, по словам Ф.А. Степуна, представляли «контрреволюцию слева». В сущности, оказалось, что Петроградский Совет, а вместе с ним и Временное правительство оказались «центристами» – единственными защитниками революции, которым угрожали все усилившиеся контрреволюционеры справа и слева.

2.5. Эволюция состава правительства

Подобные изменения были бы невозможны, если бы состав правительства оставался неизменным. Доминировавшие поначалу либералы вынужденно делились властью с партнерами «слева». В этом также сказывалась неуверенность Временного правительства в собственной легитимности. Так, в первом составе правительства был лишь один социалист – А.Ф. Керенский. Кроме него, членами Временного правительства стали 4 кадета, 2 октябриста (при том что как массовой партии «Союза 17 октября» практически не было), прогрессист, «центрист» и двое беспартийных (в их числе и глава кабинета князь Г.Е. Львов). По мнению лидера эсеров В.М. Чернова, такой состав был «явным анахронизмом», соответствовавшим событиям двухлетней давности³. Так думал не только Чернов. Это казалось и некоторым членам правительства. В итоге особое значение в кабинете приобрел Керенский, который едва ли не пользовался правом veto на его заседаниях⁴. Наиболее правые министры – И.В. Годнев и В.Н. Львов – неизменно держались левее кадетов⁵. Уже в первое коалиционное правительство вошли представители Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (И.Г. Церетели, В.М. Чернов, М.И. Скобелев), а также социалисты, непосредственно не участвовавшие в деятельности Совета (А.И. Пешехонов, П.Н. Переверзев). В итоге 6 (из 15 мест) мест в правительстве получили социалисты. Этот состав стал результатом компромисса, который выработывали долго и мучительно. Для

¹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 83–84.

² Конечно, далеко не все члены Исполнительного комитета Петросовета полагали это благом. Так, Н.Н. Суханов видел в этом проявление «оппортунизма и соглашательства» (Там же. С. 370).

³ *Чернов В.М.* Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 164.

⁴ *Шидловский С.И.* Указ. соч. С. 145. Впрочем, оценивать первый состав Временного правительства можно иначе. Так, А.И. Гучков определял его как «слякотю». Исключение он делал лишь для П.Н. Милюкова (Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 20. С. 74).

⁵ *Бубликов А.А.* Указ. соч. С. 31.

эсеров было важным провести Чернова в министры земледелия, народные социалисты были категорически против. Во Временном правительстве хотели «заполучить к себе» И.Г. Церетели, полагая его наиболее авторитетным представителем «демократии». В Совете же рассчитывали сохранить Церетели в своих рядах. Кадеты, в свою очередь, настаивали, чтобы у них министерских портфелей было, по крайней мере, не меньше, чем у социалистов¹.

Соглашение состоялось, но оно не изменило правовой статус Временного правительства. Новые министры-социалисты фактически не были ответственны перед Петроградским Советом. Правда, поначалу Церетели в качестве министра отчитывался перед Исполнительным комитетом. Его члены «допрашивали» Церетели, возмущались, почему он не согласовал с Советом то или иное решение. «В один прекрасный день он [Церетели] заявил, что данное положение дел, не существующее ни в каких конституциях, он дальше выносить не намерен: если он министр, если ему дали власть, то пусть ему дадут и возможность ею пользоваться. Нельзя быть связанным в каждом своем шаге. Он будет отныне поступать по своему разумению, а если его действия найдут неправильными, то пусть лишат доверия и отзовут его»². Как отмечал Н.Н. Суханов, «советские» министры не зависели от Петроградского Совета, который, в сущности, от них ничего и не требовал³.

24 июля, после долгих переговоров, сформировался второй состав коалиционного правительства. Его возглавил эсер А.Ф. Керенский. В него вошли 7 социалистов, 2 беспартийных, 2 радикальных демократа и 4 кадет. Вторая коалиция была сформирована Керенским «под себя». П.Н. Милоков по этому поводу говорил: «Надо предоставить Керенскому, который обладает всем необходимым авторитетом и всеми качествами для этой задачи, составить кабинет из лиц, которых он сочтет нужным пригласить. Могут сказать, что Керенский уже пытался это сделать, но задача эта не удалась. Но теперь он будет чувствовать себя уполномоченным на это дело. Раньше он одним концом натолкнулся на кадетов, а другим – на “советы”. А теперь он будет иметь возможность решить, на какую сторону падет его выбор»⁴.

К этому моменту власть Временного правительства была персонифицирована и тесным образом увязывалась с авторитетом его председателя, который в самом кабинете (но не за его пределами) обладал почти безграничными возможностями⁵. Это была «квазидиктатура», тем более естественная, что прежние «подпорки» прерогатив кабинета министров уже не работали. Новый состав правительства не

¹ Станкевич В.В. Революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. С. 258.

² Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 4. С. 53–54.

³ Там же. Кн. 5. С. 21.

⁴ Цит. по: Там же. С. 102. При этом А.Ф. Керенский настаивал, что предлагал министерские портфели не партиям, а лицам. Следовательно, не могло быть и речи об ответственности руководителей ведомств перед партиями, в которых они состояли (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 196).

⁵ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 402.

был продолжением Временного комитета Государственной думы. Следовательно, он не поддерживал преемственности со старым режимом. Не мог он в полной мере рассчитывать на поддержку Петроградского Совета, чье влияние постепенно сходило на нет. Не было надежды на управленческий аппарат, который в значительной мере был дезорганизован за 1917 г. Правительственная власть с неизбежностью деинституционализировалась. Ей оставалось положиться на харизматического лидера, каким многим тогда казался Керенский. На все это накладывались подвижки в настроениях общественных деятелей, которые все более убеждались в том, что революция, разрушая привычные формы государственного общежития, мостила путь к анархии. Даже среди социалистов все большую популярность завоевывала мысль о необходимости укрепления правопорядка. Иначе говоря, по словам П.Н. Милокова, «революция закончена». «Бесспорно, что революция продолжается в смысле осуществления тех задач, которые она поставила, и притом задач не только политических, но и социальных. Но “революция кончена” в том смысле, что закончен процесс правового разрыва, тот дальнейший процесс незакономерностей, который составляет сущность революции и привел к созданию новой революционной власти. Революция уже создала себе свой закон»¹.

Харизматический тип легитимации власти – наиболее примитивный из существующих, не обеспечивающий стабильность политической системы. Ситуация осложняется в отсутствии действенных рычагов управления – как это и было в России летом 1917 г. При этих обстоятельствах правительство было вынуждено маневрировать, балансируя между противоречившими друг другу интересами. Казалось бы, в начале июля вторая коалиция была сформирована. Тем не менее Керенский вступил в переговоры с радикально-демократической партией, фактически подняв вопрос о создании третьей коалиции². В рамках этого приглашения министрами стали И.Н. Ефремов и А.А. Барышников. «Затем пошла чехарда кандидатов, министров и “управляющих”. Промелькнули “финансисты” – Бернацкий, Титов; путейцы – Ливеровский, Тахтамышев. Из этих почтенных людей (неопределенной партийности) прочно сидел на месте фактического министра торговли и промышленности один только знаменитый Пальчинский...»³ 13 июля Керенский вступил в переговоры с кадетами, что в итоге и привело к включению четырех из них в состав нового кабинета. Дабы убедить в необходимости этого Исполнительный комитет Петросовета, Керенский 21 июля даже подавал в отставку. Таким образом, за июль 1917 г. в действительности сменился не один состав правительства. Совет же смирился, что не он, а только Керенский определял состав кабинета. Не напрасны были слова Н.В. Некрасова, обращенные к «советскому» руководству: «Возьмите же лучше... власть в свои собственные

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 688–689. Среди кадетов все чаще раздавались голоса, что власть должна основываться на принуждении и физическом насилии. Эта уже доминировавшая точка зрения явно расходилась с господствовавшей среди юристов кадетского толка школы возрождения естественного права, согласно положениям которой насилие – сугубо вторичный атрибут государственной власти (Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 386–387).

² Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 39.

³ Там же. С. 40.

руки и несите ответственность за судьбы России. Если же у вас нет решимости это сделать, то предоставьте власть коалиционному кабинету, и тогда уже не вмешивайтесь в его работу»¹.

«Квазидиктатура» стремилась стать настоящей. Так интерпретировал создание Директории меньшевик Н.Н. Суханов. Образованная 1 сентября 1917 г. как учреждение чрезвычайного характера, она включала пять членов (А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Верховский, Д.Н. Вердеревский, А.М. Никитин), из которых лишь Керенский был самостоятельной политической фигурой². В течение месяца, отведенного историей Директории, шло формирование нового состава правительства. Решения по кандидатурам принимались без учета мнения Совета. Впрочем, и на этот раз Керенский заручился поддержкой «демократии», правда, не в лице Петросовета, а Демократического совещания. Наконец, 25 сентября образовался третий состав коалиционного правительства, естественно, также во главе с Керенским. В него вошли 5 социалистов, 4 кадет, остальные 8 министров считались беспартийными. Иными словами, удельный вес кадетов в правительстве неуклонно снижался. Новая коалиция отвергла даже идею собственной ответственности перед Демократическим совещанием, которое должно было стать лишь консультативным органом при Временном правительстве. Согласно сообщениям прессы, «вопрос о формальной ответственности был отвергнут почти без прений... Представители демократии настаивали на моральной ответственности, но промышленники и кадеты категорически возражали против всякой ответственности: нельзя декретировать моральную ответственность»³.

В.Б. Лопухин вспоминал: «Министром было легче сделаться в эти дни, чем помощником столоначальника. Лезли и пролезали в министры, правда на сами короткие сроки, из многочисленных и разнообразных питомников “политических деятелей” того удивительного времени все, кому только было не лень. Временное правительство обратилось в проходной дом, в ярмарку в огромном большинстве тщеславных, но сугубо немощных бездарностей»⁴. Работа в таком правительстве скорее дискредитировала общественного деятеля, ставя под сомнение его дальнейшую карьеру. И.В. Гессен вспоминал, что «когда пресса наседа на Церетели, чтобы он вошел в состав правительства, он в полном отчаянии говорил мне: “Каков смысл в этом? Разве тот, что еще одна репутация погибнет”»⁵. По оценке В.Б. Станкевича, после формирования первого состава коалиционного правительства кабинет находился в состоянии перманентного кризиса. Керенский го-

¹ Цит. по: Там же. С. 103. По словам Ф.Ф. Кокошкина, влияние Совета на правительство сошло на нет после отставки с должности министра И.Г. Церетели (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 204).

² *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Кн. 6. С. 62.

³ Цит. по: Там же. С. 170. Среди кадетов бытовала и другая модель организации сильной власти. Ее предлагал Н.М. Кишкин, считавший, что твердая власть могла исходить только от социалистов, которые имели шанс опереться на местные социалистические организации. Иной же опоры фактически не было (Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 387).

⁴ *Лопухин В.Б.* Указ. соч. С. 306.

⁵ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 366.

ворил, что «правительства уже нет, что оно не работает, а только обсуждает свое положение»¹.

2.6. Порядок работы

Характерно, что и порядок работы Временного правительства был установлен в соответствии с дореволюционными образцами. Немалую роль в этом сыграл юрист, видный член ЦК партии кадетов, а в прошлом сотрудник Государственной канцелярии В.Д. Набоков. Он рассчитывал навести порядок в делопроизводстве нового учреждения, поставить функционирование кабинета в жесткие рамки. По мысли Набокова, это было необходимым условием эффективности работы. Правда, из его замыслов немного вышло. Предложенный им регламент нечасто соблюдался.

До июня 1917 г. Временное правительство работало в Мариинском дворце, затем оно переехало в Зимний. Его заседания проходили два раза в день. Дневное должно было открываться в 4 час. дня, вечернее – в 9 час. вечера. В действительности заседания начинались с большой задержкой. В итоге дневное только заканчивалось в 8 час. вечера, а вечернее – продолжалось до глубокой ночи². Когда вечером канцелярия удалялась, министры обсуждали важнейшие вопросы без протокола. В этом как раз новое правительство очень напоминало прежний Совет министров, который также предпочитал обсуждать политические вопросы «без канцелярии» и обычно глубокой ночью.

Согласно воспоминаниям В.Д. Набокова (и вопреки его усилиям), заседания проходили довольно хаотично. Часто они открывались при отсутствии большинства членов правительства. Министры приходили на заседания крайне утомленные. Порой они дремали на заседаниях, едва прислушиваясь к докладам коллег. Решения, принятые на заседаниях правительства, записывались весьма приблизительно³. Подобное положение, помимо всего прочего, объяснялось и настроениями председателя правительства – князя Г.Е. Львова, который по воспоминаниям современников, отрицал принципы бюрократической дисциплины и субординации⁴. Одно из заседаний описал И.В. Гессен, случайно там оказавшийся: «За длинным столом вразбивку сидело несколько министров, глубоко погружившихся в лежащие перед ними бумаги, с краю возвышалась знакомая фигура старого друга Набокова, управлявшего делами Временного правительства, всем своим аккуратным видом тоже не соответствовавшего текучей обстановке; в центре князь Львов, точно всеми брошенный и озирающийся по сторонам, не оторвется ли кто-нибудь от бумаг, чтобы прийти к нему на помощь. Керенского, Милокова и Терещенко не было, они пришли к концу обсуждения, а некоторые конца заседания не дождались и уходили, не простившись. Мои объяснения отнюдь не отвлекли министров от бумаг, никто даже и головы не поднял...» Причем, по оценке Набокова, то было образцовое заседание правительства. Обычно же «между отдельными мини-

¹ Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 256.

² Набоков В.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 154.

страдами идет разговор, сливающийся в гул, и после заседания он не знает, как составить протокол и состоялось ли по тому или другому вопросу постановление»¹. Работа кабинета проходила фактически без повестки дня. Многие сравнительно маловажные вопросы занимали уйму времени. Так, согласно воспоминаниям А.А. Бубликова, обсуждение судьбы Пажеского корпуса заняло целых три часа².

Это отнюдь не объяснялось увлекательностью дискуссии. Обычно оживление наступало лишь в ходе закрытой части заседания или же во время работы контактной комиссии Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов³.

Несмотря на всю неупорядоченность работы, новая власть многое перенимала у старой. Так, 8 марта 1917 г. было принято решение о скорейшем создании Малого Совета министров, в который входили бы товарищи министров⁴. Подобное учреждение возникло еще в столыпинские годы и имело целью снять с большинства руководителей ведомств обязанность присутствовать при обсуждении незначительных управленческих вопросов, имевших, в сущности, технический характер.

Еще более значимо то, что бюрократический аппарат, оказавшийся в распоряжении Временного правительства, в значительной части достался ему в наследство от «старого режима». Своего рода «чистка» была проведена лишь в Министерстве внутренних дел⁵.

При этом опытные сотрудники ведомств находились в растерянности, делопроизводство было дезорганизовано. Сам внешний вид учреждений стал неряшлив. «Курьеры и сторожа бестолково мыкались от двери к двери, не понимая, кого нужно просителям, которые толпились массами в министерских коридорах и расходились... Все вместе взятое производило впечатление какого-то временного пристанища пришлых людей»⁶.

Вроде бы работа министерств шла в том же ритме, что и в дореволюционные годы. Однако опыт средних и нижних чинов не мог в полной мере компенсировать его практически полное отсутствие у руководителей ведомств и их ближайших помощников. Перед министрами стояла сложнейшая задача организации рабочего дня, с которой они далеко не всегда справлялись. И в прежние времена даже наиболее искушенные бюрократы редко решали эту проблему сравнительно успешно. Новые же министры «тонули» в потоке возложенных на них обязанностей. По воспоминаниям С.В. Завадского, «работая, что называется, вовсю, Керенский по недостатку технической выучки разбрасывался, хватался за многое разом и не умел отгораживаться от мелочей... Несколько раз принимая меня в девятом часу утра, Керенский с несомненной гордостью говорил мне, что он накануне сидел

¹ Гессен И.В. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 365.

² Бубликов А.А. Указ. соч. С. 48.

³ Набоков В.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 33.

⁴ Архив новейшей истории России. Серия: Публикации. Т. VII. ЖЗВП. Т. 1. Март–апрель 1917 г. С. 56.

⁵ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 155; Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 302.

⁶ Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. С. 167.

в заседании Временного правительства до поздних петухов: до 3, 4 и 5 часов»¹. Церетели постоянно не успевал поесть. И в Таврическом дворце на председательском месте его регулярно видели с коркой черного хлеба или жующим яблоко². Это относилось и к их ближайшим сотрудникам. Так, А. Демьянов, возглавлявший департамент Министерства юстиции, вспоминал, что он принимал посетителей с 10 час. утра до 6–7 час. вечера³. Все это прежде всего обуславливалось отсутствием элементарного опыта. В Министерстве юстиции «на главные должности были назначены присяжные поверенные, может быть, и хорошие люди, но беспомощные в деловом отношении. Так директором 1-го департамента, ведавшего личным составом, [стал] присяжный поверенный Демьянов, человек добрый и порядочный, но ума и способностей не больших, абсолютно не знавший чинов судебного ведомства, а потому совершенно не бывший в состоянии справиться со своей задачей. Товарищем министра был назначен присяжный поверенный А.С. Зарудный... Очень искренний и порядочный, не без ораторского таланта, он был вместе с тем крайне неуравновешенным, увлекающимся и даже пристрастным человеком, в государственные дела он совсем не годился, а между тем несколько позже из товарищей министра он был сделан министром юстиции»⁴.

Впрочем, не все министры столь нещадно изнуряли себя работой. Например, М.И. Терещенко, будучи министром финансов, за все время руководства ведомством так и не выслушал доклад директора департамента Государственного казначейства – ключевого своего сотрудника⁵.

Заимствовало Временное правительство у прежнего кабинета и другое. В сущности, оно не было в полном смысле объединенным. Его, как и до февраля 1917 г., раздирали внутренние противоречия. В первом составе Временного правительства неформальными лидерами стали П.Н. Милюков, с одной стороны, и А.Ф. Керенский, с другой. Обособленно держался А.И. Гучков⁶. В последующих составах правительства проблема лишь усугубилась⁷. Периодически возникали трения между министром торговли и промышленности и его коллегой по Министерству труда⁸. Министр земледелия В.М. Чернов не мог проводить свои постановления, не находя поддержки у своих коллег. Более того, порой он встречал противодействие своим инициативам в собственном министерстве⁹. По словам Ф.Ф. Кокошкина, во Временном правительстве периода второй

¹ *Завадский С.В.* Указ. соч. С. 33.

² *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Кн. 5. С. 48.

³ *Демьянов А.* Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 61.

⁴ *Таганцев Н.Н.* Указ. соч. С. 243.

⁵ *Бубликов А.А.* Указ. соч. С. 32.

⁶ *Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 362.

⁷ Там же. С. 367.

⁸ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Кн. 4. С. 144–145.

⁹ *Шидловский С.И.* Указ. соч. С. 141. Сам В.М. Чернов так формулировал эту проблему: «Цензовая Россия оказалась в этом вопросе [земельном] настолько чуждой трудовым толщам деревни, что не угадала, не поняла потребности нового правопорядка, созревшей в деревне. Цензовая Россия не верила тому, что здесь есть живые силы, ведущие определен-

коалиции был «внутренний кабинет», в который входили Керенский, Терещенко и Некрасов, который «вершил наиболее крупные дела»¹.

* * *

Двойственность положения Временного правительства создавала условия для эскалации политического кризиса. Это была диктатура, которая стеснялась своих диктаторских полномочий. Это была революционная власть, которая не считала себя вполне революционной. Она объявляла себя лишь «местоблюстителем» будущего Учредительного собрания и отказывала себе в праве устанавливать новый порядок, но при этом фактически его учреждала. Более того, она запустила процесс распада прежней конструкции власти, который невозможно было уже остановить. Не способное проводить собственный политический курс и, в сущности, его не представлявшее Временное правительство оказалось во власти стихии, с которой невозможно управиться. И в итоге на Государственном совещании, 12 августа 1917 г., министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву приходилось констатировать отсутствие какого-либо правопорядка в России: «Теперь мы можем охарактеризовать внутреннее положение России как положение развала, распыленности власти, распыленности воли, групповых устремлений... Мы, Временное правительство, во внутреннем строительстве должны при помощи всех живых сил страны поставить во главу угла идею государственности и идею порядка...»² Проще говоря, действовавшая власть в лице своего видного представителя вынуждена была расписаться в собственной беспомощности. По сути дела, об этом же говорил Г.Е. Львов еще в апреле 1917 г., беседуя с генералом А.Н. Куропаткиным. Последний записал в своем дневнике: «Князь Львов сказал мне, что они [правительство] не думали заходить так далеко, как унесли их события. Мы теперь, сказал он, “как щепки, носимые на волнах”... Князь Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдет. Она опередила их планы и скомкала их...»³ Схожим образом оценил ситуацию П.Н. Милоков еще 2 марта 1917 г. Тогда, отвечая на вопрос посланника в Китае И.Я. Коростовца – есть ли надежда совладать с бурным настроением, охватившим страну, он заметил: «Сейчас мы стоим перед несущимся нам навстречу потоком. Этот поток, если мы станем прямо против него, не приняв никаких мер, конечно, неминуемо все перед собой сметет. Но если мы сумеем как-то отклонить его порыв и направить его в более тихое русло, то, я надеюсь, справиться будет можно. Надо попытаться это сделать»⁴.

ные формы жизни и определенных новых рамок. Ей виделись только анархические силы. Ценовая Россия предпочитала отсидеться вместо того, чтобы разрешить поставленные задачи» (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3 Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. С. 769).

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 1. С. 735.

² Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 17.

³ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 20. С. 65–66.

⁴ *Татищев Б.* «Крушение» 1916–1917 гг. // Возрождение. 1949. № 4. С. 131.

Глава 3. РЕФОРМЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(А.Б. Николаев)

3.1. Право и управление

Политические права и свободы

Временное правительство уделяло особое внимание утверждению в России политических прав и свобод ее граждан, что нашло отражение в его программных документах. В обращении 6 марта 1917 г. говорилось о созыве «в возможно кратчайший срок» Учредительного собрания «на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, обеспечив участие в выборах и доблестным защитникам родины, проливающим ныне кровь на полях сражений». Вместе с тем Временное правительство обещало до созыва Учредительного собрания «немедленно» «обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины»¹. В этом заключалось известное противоречие. Вопреки декларированному принципу «непредрешенчества», правительство фактически предвосхищало решения Учредительного собрания, нисколько не сомневаясь, каким оно будет. В данном случае сказывалась характерная для русских либералов убежденность в своей исторической правоте, уверенность, что в их программах обрисовано неизбежное будущее России.

Первое коалиционное Временное правительство изложило программу преобразований политической сферы буквально в одном предложении. Оно заявляло в преамбуле декларации 5 мая 1917 г., что «будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства»². Впоследствии Временное правительство не раз ссылалось на эту декларацию. В программных документах второй коалиции – заявлении министра-председателя А.Ф. Керенского 22 июля и обращении Временного правительства 25 июля 1917 г. – содержались обещания следовать началам, выработанным и изложенным в предшествующих декларациях³. В декларации же 25 сентября даже не сослались на эти документы⁴.

Выполняя взятые на себя обязательства, Временное правительство провело целый ряд мероприятий. В частности, 27 апреля 1917 г. было принято постановление «О печати», которое ввело в России свободу печати и отменило всякую цензуру, как предварительную, так и карательную. Применение к произведениям печати каких-либо административных мер было запрещено⁵, об уголовных мерах постановление умалчивало.

¹ Граждане Российского государства! // Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

² Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 23 июля; ЖЗВП. М., 2004. Т. 3. Июль–август 1917 г. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько. С. 139.

⁴ ЖЗВП. Т. 4. Сентябрь–октябрь 1917 года. С. 209.

⁵ Там же. С. 358; СУ. Отд. I. 1917. 15 мая. № 109. Ст. 597.

Политическая практика 1917 г. стала своего рода проверкой для программных требований и деклараций. Новым властям так или иначе приходилось приравниваться к обстоятельствам. Июльское выступление большевиков заставило Временное правительство провести ряд мер, направленных на ограничение свободы слова. 12 июля 1917 г. по представлению Министерства внутренних дел Временное правительство приняло постановление «Об изменении постановления Временного правительства 27 апреля 1917 г. о печати», которое предоставило военному министру и управляющему МВД право закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне¹. 14 июля была введена предварительная военная цензура публикаций в повременных изданиях и других произведениях печати сведений, относящихся к военным действиям², 26 июля 1917 г. приняты постановления «О специальной военной цензуре печати» и «О специальном военном почтово-телеграфном контроле», которыми устанавливались наказания за нарушение правил военной цензуры³. 31 августа 1917 г. на заседании Временного правительства было заслушано устное предложение министра иностранных дел М.И. Терещенко «о необходимости установления особой цензуры для помещаемых в повременной печати сведений по внешней политике»⁴.

Аналогичная ситуация характерна и для судебной сферы. 6 марта министр юстиции А.Ф. Керенский составил указы, которые Временное правительство 7 марта решило препроводить в Сенат для обнародования и исполнения: «1) об амнистии и 2) о сокращении срока наказания, в случае добровольной их явки лицам, осужденным за общеуголовные преступные деяния и освобожденным народом из мест заключения»⁵. 17 марта Временное правительство приняло постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления», которое имело отношение и к гражданским, и военным лицам. Уголовным преступникам, осужденным на смертную казнь, она заменялась ссылкой в каторжные работы на 15 лет (п. 1). Кроме того, для других категорий осужденных сокращались сроки отбытия наказания или они полностью освобождались от них⁶. Первым указом объявлялась общая политическая амнистия лицам, которые были осуждены за политические преступления всех категорий. Второй указ был призван вернуть в места заключения тех, кто был освобожден из тюрем восставшим народом. Всего по России «из 104,7 тыс. заключенных (на 1 марта 1917 г.) было освобождено более 88 тыс. человек, в том числе 5,7 тыс. политических заключенных»⁷.

¹ ЖЗВП. Т. 3. С. 85.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 188–189.

⁴ Там же. Т. 4. С. 414.

⁵ Там же. М., 2001. Т. 1. Март–апрель 1917 года / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. С. 42.

⁶ Там же. С. 112–115.

⁷ *Иванов А.А.* Правовая политика Временного правительства в сфере борьбы с преступностью: иллюзии и реальность // История государства и права. 2009. № 6. С. 31.

Июльский кризис заставил Временное правительство усилить борьбу с экстремизмом. 6 июля 1917 г. по представлению министра-председателя кн. Г.Е. Львова были приняты постановления «О привлечении к судебной ответственности всех участвовавших в организации и руководительстве вооруженным выступлением против государственной власти» и «О наказании за публичный призыв к убийству, разбою, грабежу и другим тяжким преступлениям, а также к неисполнению распоряжений власти»¹. 19 июля 1917 г. по представлению Министерства юстиции было принято постановление, вводившее еще один состав преступления дополнительно к указанным в постановлении 6 июля 1917 г. – призыв к неисполнению законов и постановлений о железнодорожной службе²; 16 июля 1917 г. Временное правительство ввело в правовые рамки внесудебные аресты, не отменяя их полностью³, а постановлением «О принятии мер против лиц, угрожающих обороне государства, его внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе» от 2 августа 1917 г. восстановило внесудебные репрессии⁴. 4 августа Временное правительство приняло очередное постановление об усилении уголовной ответственности за насильственное посягательство «на изменение существующего государственного строя, или на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов верховной в государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую»⁵. Усилия Временного правительства по ужесточению уголовного законодательства в первую очередь были направлены против его политических противников, сторонников насильственного изменения существующих порядков.

Яркий пример эволюции правительственной политики – изменения отношения к смертной казни. 12 марта Временное правительство постановило отменить смертную казнь⁶. Во всех случаях, когда по закону полагалась в качестве меры наказания смертная казнь, она заменялась каторгой «срочной или бессрочной»; действие постановления распространялось и на не приведенные в исполнение судебные приговоры. Подчеркнем, что эта мера действовала ровно 4 мес. 12 июля 1917 г. по представлению Военного министерства было принято постановление о восстановлении смертной казни на время войны для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления и об учреждении военно-революционных судов⁷, а 31 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена и на флоте⁸. А.Ф. Керенский, выступая 12 августа 1917 г. на Государственном совещании, сообщил, что он в качестве военного министра «внес во Временное правительство частичное восстановление смертной казни». Затем, прервав возгласы «Правильно» и шумные аплодисменты, он воскликнул: «Кто смеет аплодировать, когда речь идет о смерт-

¹ ЖЗВП. Т. 3. С. 60–61.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 108–110.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 225–226.

⁶ Постановление Временного правительства об отмене смертной казни // Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта.

⁷ ЖЗВП. Т. 3. С. 85–86.

⁸ Там же. С. 203–206.

ной казни?! Разве вы не знаете, что в этот момент и в этот час была убита частица нашей человеческой души?!». И далее Керенский заявил: «Но если будет нужно для спасения государства, если голос наш, предвещающий великие испытания, не дойдет до тех, кто в тылу развращает и разнуздывает армию, мы душу свою убьем, но государство спасем»¹. Таким образом, Керенский грозил ввести смертную казнь и в тылу для тех, кто вел разрушительную работу в войсках.

Следуя своим первоначальным декларациям, 20 апреля 1917 г. Временное правительство опубликовало постановление «О собраниях и союзах»², которым устанавливалось, что «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом», а также «образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». Июльский кризис внес некоторые коррективы. 28 июля 1917 г. Временное правительство предоставило военному и морскому министру право закрывать всякие собрания и съезды, «которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности»³. Несомненно, что это постановление было преимущественно направлено против организаций радикального толка.

Наконец, Временное правительство, выполняя собственное обещание, данное им в ряде программных документах, предприняло меры, направленные к созыву Учредительного собрания, но отнюдь не форсировало его созыв⁴. Всеобщее избирательное право, реализованное в ходе выборов в это учреждение, должно было стать фундаментом будущей политической системы.

Преобразование центрального аппарата

Взяв власть в свои руки, Временное правительство занялось реформой государственного аппарата. Из высших учреждений прекратила свое существование лишь Собственная его императорского величества канцелярия, которая 13 марта 1917 г. на заседании Временного правительства впервые получила приставку «бывшая»⁵. 7 апреля было принято постановление об ее упразднении⁶. Из центральных правительственных учреждений существовавшему реформированию подверглось Министерство двора и уделов⁷. 27 марта земли, недра, рудники, фабрики и заводы, а также капиталы Кабинета отрекшегося императора Николая II были признаны государственной собственностью и с этого момента переш-

¹ [Речь А.Ф. Керенского] // Государственное совещание. 12–15 августа 1917 г. (Стенографический отчет) / пред. Я.А. Яковлева. М.; Л., 1930. С. 14.

² Вестник Временного правительства. 1917. 20 апреля.

³ ЖЗВП. Т. 3. С. 199.

⁴ См. подробнее: *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения / отв. ред. Н.Н. Маслов. Л., 1976.

⁵ ЖЗВП. Т. 1. С. 90.

⁶ Там же. С. 249–250.

⁷ См. подробнее: *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научных ст. СПб., 2011. С. 21–58.

ли в заведование министерств земледелия, торговли и промышленности, финансов и государственного контроля¹. 14 апреля Временное правительство разделило имущества и предприятия Удельного ведомства между министерствами земледелия и торговли и промышленности. В ведение Министерства земледелия была передана Императорская охота. Императорские дворцы с усадебными землями и парками при них передавались в ведение комиссара по бывшему Министерству двора². Формально же Министерство императорского двора и уделов существовало вплоть до взятия большевиками власти в качестве Комиссариата Временного правительства над бывшим Министерством двора³.

Серьезные перемены произошли в Министерстве внутренних дел. 4 марта было принято решение об упразднении Главного управления по делам печати, но только 27 апреля оно было ликвидировано⁴. 10 марта был упразднен Департамент полиции, а в составе МВД учреждено Временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. 15 июня 1917 г. оно было переименовано в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан⁵. Департамент общих дел МВД сообщал, что из 14 центральных учреждений МВД осталось только 4⁶. 5 марта Временное правительство признало желательным, впредь до образования Министерства труда, учредить Особый отдел труда при Министерстве торговли и промышленности⁷. 14 марта 1917 г. было постановлено упразднить Второй департамент и Юрисконсультскую часть Министерства иностранных дел. Вместо них были образованы два новых департамента – Экономический и Правовой⁸. 21 апреля был создан Главный земельный комитет, состоявший в ведении Министерства земледелия⁹. 5 мая 1917 г. постановлением Временного правительства были образованы Министерство труда¹⁰, Министерство продовольствия, Министерство почт и телеграфов, Министерство государственного призрения, 5 августа 1917 г. – Министерство исповеданий¹¹.

Реформируя центральный аппарат, Временное правительство не ставило цель существенно изменить его кадровый состав. Естественно, что пострадали от сме-

¹ Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора. С. 180–181.

² Там же. С. 289–290.

³ Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора // Актуальные проблемы истории парламентаризма. Междунар. науч. конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. научных ст. СПб., 2012. С. 164.

⁴ ЖЗВП. Т. 1. С. 30, 360.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С. 53.

⁷ ЖЗВП. Т. 1. С. 36, 61–62.

⁸ Там же. С. 94–95; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. в 4 т. СПб., 2004. Т. 4. С. 31–32.

⁹ ЖЗВП. Т. 1. С. 327.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 47.

¹¹ Там же. С. 369; Т. 3. С. 253.

ны власти царские министры и начальники главных управлений, которые лишились своих постов. Исключение составил П.А. Стахович, продолжавший занимать должность главноуправляющего государственным коннозаводством и после Февральской революции¹. Вместе с тем скрытая люстрация, суть которой состояла в освобождении руководящего персонала министерств и ведомств от политически неблагонадежных лиц, Временным правительством проводилась. Иначе невозможно объяснить тот факт, что за март–октябрь 1917 г. руководящий состав министерств внутренних дел, военного, земледелия, морского, путей сообщения и юстиции по сравнению с февралем 1917 г. обновился более чем наполовину². Напротив, в МИДе был фактически сохранен дореволюционный кадровый состав. Новый министр иностранных дел П.Н. Милоков оставил товарищем министра А.А. Нератова и не уволил никого из служащих³. Временное правительство не произвело сколько-нибудь существенных изменений и в дипломатическом корпусе, за исключением отстранения от должности в нейтральных странах нескольких «ярких приверженцев самодержавия»⁴. 20 мая 1917 г. получил отставку с должности посла в Великобритании С.Д. Сазонов⁵, назначенный на нее еще до Февральской революции, но так и не прибывший к месту службы.

Вместе с тем негативные тенденции в кадровом вопросе не ограничивались «чиновничьей чехардой». Начиная с вступления А.Ф. Керенского в должность министра-председателя в июле 1917 г. усилилась скрытая люстрация, которая на этот раз проявилась в том, что полностью прекратились назначения бывших царских сановников на посты товарищей (заместителей) министров⁶. Новая, пускай даже «временная» власть пыталась обрести свое лицо в буквальном смысле этого слова.

3.2. Реформа местного управления и самоуправления

Вопрос о земской реформе регулярно ставился в Государственной думе. Для III и IV Думы, состоявших в основном из деятелей местного самоуправления, земские вопросы имели ключевое значение. Тем более значимыми они оказались для Временного правительства, стоявшего перед необходимостью реорганизации местного управления в стране в первые же дни своей деятельности. Временное правительство в декларации 3 марта заявило о необходимости замены «полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 105.

² Куликов С.В. «В самых лучших отношениях»: бюрократическая элита и Временное правительство // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 379.

³ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. С. 13; Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль–октябрь 1917 г.). М., 2000. С. 223.

⁴ Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 32.

⁵ ЖЗВП. Т. 2. С. 88.

⁶ Куликов С.В. «В самых лучших отношениях»: бюрократическая элита и Временное правительство. С. 380.

самоуправления»¹. В обращении к населению 6 марта 1917 г. правительство сообщало, что «озаботится <...> установлением норм, обеспечивающих всем гражданам равное, на основе всеобщего избирательного права, участие в выборах органов местного самоуправления»². Декларация 8 июля первой задачей коалиционного правительства объявляла «скорейшее введение городского и земского самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования»³. В этом же документе говорилось о земельных комитетах: «Путем расширения и укрепления сети организуемых государством земельных комитетов с точно определенными законом правомочиями предполагалось упорядочить земельные отношения в интересах государственной обороны и продовольствия»⁴. В декларации 25 сентября вновь говорилось о земельных комитетах, на которые должно было быть возложено «непосредственное упорядочение поземельных отношений». Правительство предполагало издать особый закон, по которому земельным комитетам «могут быть передаваемы земли сельскохозяйственного назначения, в целях наиболее полного их использования для спасения народного хозяйства от окончательной разрухи». Впервые в программном документе говорилось о роли комиссаров в новой системе местного управления и самоуправления. Предполагалось осуществить постепенную передачу «всех функций местного управления в руки органов местного самоуправления при сохранении за правительственными комиссарами надзора за законностью действий местного самоуправления». Также указывалось, что «с момента выбора органов местного самоуправления» полномочия общественных исполнительных комитетов должны быть прекращены⁵.

Таким образом, Временное правительство уделяло основное внимание созданию органов местного самоуправления, заявляя о проведении выборов в них на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Рассчитывая на органы местного самоуправления как на надежного собственного представителя, оно следовало принципам, характерным для российской общественности, для которой земский деятель всегда относился к «своим», а государственный служащий – к чужим.

Временное правительство предприняло меры для создания общественно-государственных органов, которые стали частью управленческого механизма России. 25 марта по представлению министра земледелия, который одновременно являлся председателем Общегосударственного продовольственного комитета, утверждено положение о местных продовольственных комитетах как органах реализации государственной хлебной монополии⁶. Продкомы учреждались для заведования продовольственным делом на местах, «впредь до образования местных органов»⁷. В инструкции 17 апреля 1917 г. указывалось, что кооперативные учреждения,

¹ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

² Граждане Российского государства! // Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

³ ЖЗВП. Т. 3. С. 65.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Там же. Т. 4. С. 211.

⁶ Там же. Т. 1. С. 58, 169.

⁷ Там же. С. 276.

общественные организации, а также частные торгово-промышленные предприятия и лица, привлеченные к заготовке хлеба на комиссионных началах, должны выступать в качестве агентов местных продовольственных комитетов, всецело подчиняясь их указаниям. Однако привлечение частного сектора к делу хлебозаготовок должного эффекта не дало. Выяснилось, что создание продкомов оказалось делом весьма затратным. По предварительным подсчетам Министерства финансов, расходы на их организацию «могут достигнуть 500 миллионов рублей в год»¹. Процесс организации продовольственных комитетов затянулся². К октябрю 1917 г. создать действенную систему продовольственных органов не удалось³.

21 апреля Временное правительство приняло «Положение о земельных комитетах»⁴. Земельные комитеты должны были «собрать повсеместно сведения о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве». Временное правительство надеялось с их помощью сохранить «статус-кво» в аграрном строе России. Идея непредрешения важнейших вопросов до Учредительного собрания должна была найти отражение и в деятельности земельных комитетов. Те в итоге оказались в крайне трудном положении: с одной стороны, были обязаны выполнять постановления Временного правительства, с другой – вынуждены идти навстречу все возрастающим требованиям крестьян в земельном вопросе. Это противоречие так и не разрешилось, в результате чего земельные комитеты не приобрели устойчивого положения в административной системе, а затем утратили и влияние среди населения, хотя дорого обходились казне. По предварительным подсчетам Министерства финансов, расходы земельных комитетов должны были составить 140 млн руб. в год⁵.

Любая управленческая система подразумевает вертикаль власти, которую составляют подчиненные центру правительственные агенты. Отказываясь от института губернаторства, следовало предложить ему замену. 4 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О реорганизации административной власти на местах», которое касалось исключительно реорганизации администрации в земских губерниях. Вопрос об организации административной власти в неземских губерниях, казачьих областях, градоначальствах и Сибири было решено «оставить временно открытым», впредь до выяснения его «совместно с местными общественными организациями и должностными лицами».

В земских же губерниях обязанности губернаторов временно возложили на председателей губернских земских управ, которым было присвоено наименование «губернские комиссары Временного правительства». В уездах администра-

¹ [Речь Н.В. Некрасова] // Государственное совещание. С. 37.

² *Волбуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 401; *Китанина Т.М.* Война, хлеб, революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914–октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 315.

³ *Баранов Е.П.* Местный продовольственный аппарат Временного правительства в феврале–октябре 1917 г. // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Межвуз. сб. научных тр. Свердловск, 1983. С. 113.

⁴ ЖЗВП. Т. 1. С. 327–331.

⁵ [Речь Н.В. Некрасова] // Государственное совещание. С. 37.

тивная власть вручалась «председателям уездных земских управ»¹. 5 марта постановление было разослано в форме правительственного циркуляра на места, 7 марта опубликовано в «Вестнике Временного правительства». Согласно циркуляру от 5 марта, председатели губернских и уездных земских управ автоматически становились комиссарами Временного правительства.

По мере появления комиссаров, назначенных Временным правительством, вставал вопрос об их взаимоотношении с исполкомами общественных организаций². Назначение центральной властью комиссаров из числа председателей губернских и уездных земских управ вызвало протест со стороны демократических общественных органов. По их мнению, комиссары подлежали избранию из числа местных деятелей, не являющихся представителями цензовой общности. Правительству пришлось пойти на компромисс. Уже в марте 1917 г. на местах начался процесс переизбрания правительственных комиссаров. Так, из 55 председателей губернских земских управ, которые стали губернскими комиссарами на основе решения Временного правительства, эту должность сохранили в конце апреля 1917 г. лишь 23 чел. По сведениям МВД (вторая половина апреля 1917 г.), из 439 председателей уездных земских управ, получивших должность уездных комиссаров, ее сохранили 177 чел.³ МВД ограничилось формальным утверждением избранных комиссаров⁴. Такие комиссары не могли стать правительственными агентами. Они скорее представляли местные группы влияния, а не центральную власть.

Комиссары «обрастали» различными советами, комиссиями, отделами и т. д. Таким образом, весной 1917 г. власть на местах фактически принадлежала не комиссару Временного правительства, а комиссариату, на смену насаждаемому из центра принципу единоначалия пришел принцип коллегиального управления, проводимый местными исполкомами общественных организаций⁵.

Права и обязанности губернских комиссаров были прописаны в циркуляре от 1 апреля 1917 г.⁶ Губернский комиссар объявлялся представителем Временного правительства в губернии, ему присваивались все права и обязанности, возложенные на губернатора. Уездные комиссары назначались МВД по согласованию с губернским комиссаром из числа лиц, избранных или рекомендованных уездными комитетами. Увольнение уездных комиссаров могло быть произведено «исключительно по постановлению правительства по представлению губернского комиссара».

На комиссаров возлагался надзор за соблюдением законности на местах. В середине апреля кн. Г.Е. Львовым были направлены циркулярные телеграммы гу-

¹ ЖЗВП. Т. 1. С. 29.

² См. подробнее: Николаев А.Б. Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 382–383.

³ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М., 1992. С. 204, 212, 223.

⁴ Там же. С. 218–219.

⁵ Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). С. 81.

⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 448–449.

бернским комиссарам, которым предписывалось «всей силой закона прекращать проявления всякого насилия и грабежа». Министр-председатель напоминал губернским комиссарам, что те являются «в губернии главным представителем власти Временного правительства» и несут «вместе с местными общественными комитетами ответственность [за] сохранение в губернии порядка»⁷. Это свидетельствовало о некотором пересмотре правительством отношения к исполкомам общественных организаций (губернским и уездным). Теперь, под натиском крестьянского движения, направленного против помещиков, правительство готово было рассматривать их как ответственные органы, но, как и ранее, не наделенные властными полномочиями.

19 сентября 1917 г. правительство Керенского приняло постановление «Об учреждении должностей губернских и уездных комиссаров» и Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах⁸, которое вводилось повсеместно, за исключением некоторых областей и городов⁹.

Постановлением «Об учреждении должностей» упразднились, наконец, должности губернаторов, военного губернатора, вице-губернатора и помощника военного губернатора. Вместо них учреждались должности губернских (областных) и уездных комиссаров и их помощников¹⁰. Временное правительство пошло на компромисс с местными комитетами в вопросе о формировании состава комиссаров. Постановление «Об учреждении должностей» определяло, что губернские (областные) и уездные комиссары и их помощники назначаются министром внутренних дел, но «по сношению с подлежащим губернским или уездным комитетом объединенных общественных организаций, если таковые комитеты существуют». Иначе говоря, комиссары могли назначаться из числа кандидатур, предложенных комитетами общественных организаций. На деле это положение в полной мере не выполнялось, т. к. некоторые местные комитеты сами избирали комиссаров¹¹.

Губернскому комиссару поручался надзор за деятельностью всех губернских и уездных правительственных учреждений, исполнением решений судов по административным делам, законностью действий органов местного самоуправления, за деятельностью губернских и уездных общественно-административных учреждений (продовольственных комитетов, земельных комитетов и проч.). Таким образом, завершая создание института представителей центральной власти, Временное правительство было вынуждено учитывать местные комитеты

⁷ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 310.

⁸ ЖЗВП. Т. 4. С. 159–161, 171–175.

⁹ «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах» не было введено в областях Войска Донского, Закавказья, Кубанской, Терской и Семиреченской, в губерниях и областях Закавказья и Туркестанского края, землях Амурского, Забайкальского, Оренбургского, Сибирского, Уральского и Уссурийского казачьих войск, в Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской Орде, в местностях, отведенных кочевым инородцам Ставропольской губернии, в Петрограде, Москве, Одессе, Ростове-на-Дону, Нахичевани и Кронштадте (ЖЗВП. Т. 4. С. 159).

¹⁰ ЖЗВП. Т. 4. С. 159.

¹¹ Баранов Е.П. Губернские комиссары Временного правительства // Вестник Московского университета. Серия XII. Право. 1974. № 5. С. 67.

общественных организаций, которые могли рекомендовать своих кандидатов на комиссарские должности. Но эта зависимость правительственных комиссаров от исполкомов общественных организаций прекращалась с выборами местных органов самоуправления. Дело в том, что вслед за выборами в городские и земские органы самоуправления прекращались и полномочия исполкомов общественных организаций.

15 апреля Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях», «Временные правила о производстве гласных городских дум» и «Временные правила об участковых городских управлениях»¹. Выборы гласных городских дум были всеобщими, равными, прямыми при тайной подаче голосов. Устанавливалась пропорциональная система выборов. «Временные правила об участковых городских управлениях» давали возможность учреждать участковые (районные) органы самоуправления: участковые (районные) думы и управы в городах с населением не менее 150 тыс. жителей. Порядок производства выборов в гласные участковых дум устанавливался такой же, как и при выборах в гласные городских дум. Деятельность участковых (районных) дум и управ объединялась собранием всех председателей дум и управ, созываемым городской управой. Участковые думы получили право издавать постановления, которые могли быть приостановлены городской управой в случае несогласия их с действующими законами или противоречащими общегородским интересам. Окончательное решение по этому вопросу принимала городская дума. Над закономерностью деятельности участкового (районного) городского управления устанавливался правительственный надзор².

9 июня было принято постановление «Об изменении действующих положений в общественном управлении городов»³. Компетенция городского управления значительно расширилась⁴. Городское управление приобрело следующие новые функции: планировка города, заведование школьным делом в учебном отношении, оказание юридической помощи населению, охрана труда, охрана личной и общественной безопасности и порядка, заведование милицией. Городское общественное управление получило право издания обязательных постановлений. Однако они могли быть опротестованы губернским комиссаром, который осуществлял надзор за законностью действий городского общественного управления. Постановления городской думы подлежали утверждению министра внутренних дел, а некоторые из них – министром внутренних дел по соглашению с подлежащими министрами.

Выборы в органы городского самоуправления прошли летом – в начале осени 1917 г. По сведениям Главного комитета Союза городов, вторая муниципальная

¹ ЖЗВП. Т. 2. С. 294–302.

² Там же. Т. 1. С. 301, 302.

³ Там же. Т. 2. С. 383–408; 7 сентября 1917 г. Временное правительство внесло некоторые изменения в «Положение об общественном управлении городов» (Там же. Т. 4. С. 58–61).

⁴ *Петров М.* Городское самоуправление в России // Сб. муниципальных знаний. Лекции, читанные при отделе городского и земского хозяйства Русского технического общества. В 5 т. Пг., б/г. Т. 1. Вып. 3. С. 70.

кампания (август–сентябрь) ко 2 октябрю 1917 г. еще не закончилась: из 748 городов переизбрали свои думы только 650 городов¹.

21 мая Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» и Временные правила о производстве выборов губернских и уездных земских гласных². Выборы были всеобщими, равными при тайном голосовании. Уездные земские гласные избирались прямым голосованием. Выборы земских гласных проходили по пропорциональной системе³. 9 июня 1917 г. Временное правительство утвердило изменения в положение о губернских и уездных земских учреждениях⁴. На земские учреждения по новому положению возлагались обязанности управления, а также раскладка повинностей, наблюдение за состоянием дорог и т. д. Земства получили новые функции, среди которых оказание юридической помощи населению, заведование школьным делом в учебном отношении, устройство бирж труда, меры по охране труда, заведование милицией⁵. Губернские и уездные земства получили право издания обязательных постановлений, которые имели принудительную силу. Надзор за законностью действий земских учреждений возлагался на комиссара Временного правительства.

Выборы в уездные земства затянулись. Основная полоса организационных собраний новых уездных земств пришлось на октябрь–декабрь 1917 г. Уездные земства не спешили с избранием губернских гласных. Первые заседания губернских земских собраний прошли в основном в декабре 1917 – январе 1918 г.⁶

21 мая Временное правительство приняло постановление «О волостном земском управлении», Временное положение о волостном земском управлении и Правила о приведении в действие временного положения о волостном земском управлении⁷. Тем самым, отмечает Л.Е. Лаптева, был «положен конец политическим спорам о целесообразности введения так называемой “мелкой земской единицы”»⁸. Закон о волостном земстве был распространен на 43 «староземские» губернии⁹. Таким образом, правительство, наконец, разрешило вопрос, о котором говорили представители местного самоуправления последние полстолетия.

В постановлении «О волостном земском управлении» указывалось, что на волостную земскую управу возлагаются обязанности, которые ранее несли волостное правление и волостной старшина. Этим же постановлением «с открытием действий волостных земских собраний» упразднялись волостные сходы, волостные правления, должности волостных, волостные попечительства по призрению

¹ Андреев А.М. Местные советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983. С. 201.

² ЖЗВП. Т. 2. С. 113–122.

³ Там же. С. 114, 118, 119–120, 122. См. также: Сенцов А.А. Указ. соч. С. 123.

⁴ Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них положения // СУ. 1917. № 157. 8 июля. Ст. 870.

⁵ Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 125.

⁶ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 161, 164.

⁷ ЖЗВП. Т. 2. С. 91–112.

⁸ Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999. С. 136.

⁹ Сенцов А.А. Указ. соч. С. 123.

семейств солдат и матросов, волостные продовольственные комитеты; а также «образованные населением как по собственному почину, так и в порядке указаний, преподанных министром внутренних дел, всякого рода волостные комитеты, которые приняли в свое ведение дела, отнесенные настоящим постановлением к ведомству волостного земского управления».

«Временное положение» объявляло волостное земство органом местного управления. В ведении волостного земства находились вопросы оказания юридической помощи, охрана общественного порядка и безопасности и т. д. Во «Временном положении» были расписаны обязанности волостных земских управ в области земского хозяйства и управления, «в порядке» воинского и гражданского управления, по вопросу об охране общественного порядка. Волостные земства имели право принимать постановления, часть из которых подлежало утверждению уездным земским собранием, часть – нет¹.

15 июля 1917 г. были приняты постановление «О поселковом управлении» и Временное положение о поселковом управлении². Закон устанавливал, что по ходатайству поселкового собрания поселок может быть выделен из ведения волостного земства в качестве самостоятельной волостной единицы. Тогда поселковое управление приобретало те же права и обязанности, что и волостное управление, но только в границах поселка. Подобно волостным земствам поселковое управление имело некоторые административные и полицейские полномочия: право задерживать преступников, исполнять распоряжения правительственных органов. Кроме того, поселковые собрания имели право издания постановлений, которые затем утверждались уездной управой.

Однако волостное земское и поселковое управление так и не стали полноценным элементом административной системы. В первую очередь это было связано с тем, что выборы в эти органы затянулись. В частности, волостные выборы проходили с июля по октябрь 1917 г., и в ряде уездов не были завершены до Октябрьской революции³.

Итак, осенью 1917 г. серия реформ пришла к своему логическому завершению – административная система управления и самоуправления была создана. Основным звеном административного управления являлся комиссар Временного правительства (губернский и уездный), наделенный широкими полномочиями по руководству подчиненного ему региона. Вторым административным звеном стали земства и городские думы, которые соединяли в себе функции управления и самоуправления, а также общественно-административные органы и местные структуры министерств.

По подсчетам Б.Б. Веселовского, в этих целях было принято 44 законодательных акта, из них 36 прошли через Временное правительство, 8 – по соглашению министерств⁴. Десятки высококвалифицированных юристов, экономистов и чиновников потратили месяцы кропотливой работы на создание правового фунда-

¹ ЖЗВП. Т. 2. С. 92, 95, 97, 98–99, 107.

² Там же. Т. 3. С. 342–365.

³ Лантева Л.Е., Шутов А.Ю. Указ. соч. С. 146.

⁴ Веселовский Б. Реформа управления и самоуправления в 1917 году // Сб. муниципальных знаний. Т. 1. Вып. 3. С. 78.

мента административной системы, которая до Октября 1917 г. не смогла начать практическую деятельность на низовом уровне.

Реформа милиции

Революция подразумевала возникновение нового правопорядка, на страже которого должен стоять победивший народ (в лице учреждений органов местного самоуправления), а не репрессивные органы прежнего режима. 15 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об учреждении милиции» и Временное положение о милиции¹. В постановлении объявлялось о ликвидации полиции («взамен полиции учредить милицию»), а «обязанности уездных исправников и полицмейстеров по участию в уездных и городских комитетах, комиссиях и присутствиях» возлагались на начальников уездной и городской милиции. «Временное положение о милиции» распространялось повсеместно, за исключением Петрограда, Москвы, Киева и Одессы, где устройство милиции «будет предусмотрено особым узаконением».

Согласно «Временному положению», милиция объявлялась исполнительным органом власти на местах, состоящим «в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений». Специальный раздел был посвящен функциям милиции: 1) по охране общественного порядка и безопасности и делам общественного благоустройства; 2) по делам судебного ведомства; 3) по делам военного ведомства. Кроме того, «чины милиции обязаны исполнять все законные требования правительственных и общественных властей». Проблема заключалась в том, что вплоть до октября 1917 г. в большинстве районов России милиции, сформированной в соответствии с Временным положением, так и не было создано².

12 июля правительство приняло обещанное постановление и положение «Об устройстве милиции городов Петрограда, Москвы, Киева и Одессы»³. Милиция в этих городах объявлялась исполнительным органом власти, который состоял в непосредственном ведении местного городского общественного управления. Начальник милиции избирался и увольнялся городской думой. По представлению начальника милиции его помощники и городские инспектора назначались и утверждались городской управой. Городские инспектора выполняли функции надзора за районной милицией. Центральная власть значительно усилила свое влияние в милиционном деле, введя должность правительственного комиссара и его помощников, которые назначались и увольнялись министром внутренних дел, а подчинялись комиссару Временного правительства. Комиссар получил некоторые права по решению кадрового вопроса городской милиции. Принятые постановления, с одной стороны, показывали стремление Временного правительства следовать принципу децентрализации власти, а с другой – свидетельствовали о ее дальнейшей централизации.

¹ ЖЗВП. Т. 1. С. 302–304, 307.

² Несмиянов А.Н. Организационно-правовая деятельность Министерства внутренних дел по формированию органов обеспечения правопорядка в феврале–октябре 1917 года (историко-правовое исследование): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 20–21.

³ ЖЗВП. Т. 3. С. 83–84.

3.3. Национальный и конфессиональный вопросы

Временное правительство в своей декларации 3 марта обещало в т. ч. отменить все вероисповедные и национальные ограничения¹. Любопытно, что к национальному вопросу Временное правительство обратилось затем лишь в декларации 25 сентября 1917 г.: «Признание за всеми народностями права на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием. Разработка и издание законов, обеспечивающих национальным меньшинствам в местах их постоянного жительства пользование родным языком в школе, суде, органах самоуправления и в сношениях с местными органами государственной власти. Образование при Временном правительстве Совета по национальным делам с представительством всех национальностей России в целях подготовки материала по национальному вопросу для Учредительного собрания»².

Вместе с тем ряд мер, направленных на решение национального вопроса еще до созыва Учредительного собрания, Временное правительство все же приняло. 4 марта 1917 г. военному и морскому министру было поручено разработать «в спешном порядке» вопрос об отмене национальных, вероисповедных и других ограничений «при производстве нижних чинов в офицеры». По предложению министра народного просвещения А.А. Мануйлова была отменена процентная норма для евреев при поступлении в учебные заведения. На этом же заседании Временное правительство отменило общеимперское законодательство в Финляндии³. 7 марта был утвержден «Акт об учреждении конституции Великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме». Акт восстанавливал автономию Финляндии и ее конституцию 20 июля 1906 г., урезанную законом 1910 г. Было постановлено созвать Финляндский сейм 22 марта 1917 г.⁴

На заседании правительства 9 марта министр юстиции А.Ф. Керенский был уполномочен внести законопроект об отмене всех национальных и религиозных ограничений⁵. 16 марта принято решение опубликовать воззвание к полякам, в котором заявлялось о согласии на создание в будущем «независимого польского государства» при условии, что оно будет находиться в свободном военном союзе с Россией⁶. Постановлением от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» декларировалось, что «все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию или национальности, отменяются»⁷. В.И. Старцев считал, что этим постановлением «была исправлена несправедливость, допускающаяся к полякам, огульно считавшимся

¹ От Временного правительства // Известия КПЖ. 1917. 3 марта. № 7.

² ЖЗВП. Т. 4. С. 211–212.

³ Там же. Т. 1. С. 28, 29, 30.

⁴ Там же. С. 45, 48.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 106–107.

⁷ Там же. С. 142–146.

неблагонадежными в политическом отношении и подвергавшимся значительным ограничениям»¹. Отметим, что постановление 20 марта 1917 г. отражало взгляды и партийные установки либеральных министров, которые верили «в силу юридических решений, способных смягчить глубокие <...> национальные противоречия»². Но как выяснилось, достигнуть этого было в некоторых вопросах практически невозможно.

Обострился украинский вопрос. 4 марта 1917 г. в Киеве украинскими националистами была создана Центральная рада. I Всеукраинский войсковой съезд, проходивший 5–8 мая 1917 г., сформировал Всеукраинский Генеральный войсковой комитет. 10 июня на II Всеукраинском войсковом съезде был принят I Универсал Центральной рады, который провозгласил автономию Украины, а Центральную раду – высшей политической властью. Министр-председатель князь Г.Е. Львов, военный и морской министр А.Ф. Керенский и Ставка получили телеграмму Генерального комитета Центральной рады, носящую ультимативный характер. В ней содержалось требование, чтобы «все постановления Украинского войскового генерального комитета проводились в жизнь незамедлительно», а его постановления «для всех украинцев-солдат, украинских войсковых организаций отныне есть обязательны»³.

Для переговоров с Центральной радой 28 июня 1917 г. в Киев прибыли А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко и И.Г. Церетели. Переговорщики от Временного правительства, сумев добиться от Центральной рады некоторых уступок⁴, приняли другие требования Центральной рады, среди которых: «Назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган, Генеральный секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с Центральной Украинской радой, пополненный на справедливых началах представителями других народностей, живущих на Украине»⁵. В знак несогласия с результатами переговоров в ночь на 3 июля 1917 г. подали в отставку министры-кадеты А.И. Шингарев, А.А. Мануйлов, кн. Д.И. Шаховской и управляющий Министерством торговли и промышленности В.А. Степанов. Министры-кадеты заявили о неправомерности делегации Временного правительства заключать «декларативные акты», а также и о том, что будущую форму управления Украиной

¹ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 217.

² *Суни Р.* Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 283.

³ *Афанасьев И.Л.* Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 326–327.

⁴ В частности, Центральная рада согласилась считать территорией «Украины» не 12 губерний России, а только 9, исключив Гродненскую, Курскую и Воронежскую» (*Старцев В.И.* Кризис первого коалиционного Временного правительства // *Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.* Межвуз. сб. научных тр. Л., 1987. С. 51).

⁵ *Афанасьев И.Л.* Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье // *Анатомия революции.* С. 325–326.

может определить только Учредительное собрание¹. Министерский кризис вскоре перерос в июльский политический кризис.

В конце июля 1917 г. Временное правительство вновь вернулось к украинскому вопросу. На переговорах с делегацией Центральной рады обсуждался проект инструкции Генеральному секретариату. Несмотря на протесты украинской делегации, Временное правительство 4 августа 1917 г. решило принять и издать Временную инструкцию Генеральному секретариату Временного правительства на Украине². В ней указывалось, что «впредь до разрешения вопроса о местном управлении Учредительным собранием высшим органом Временного правительства по делам местного управления Украиной является Генеральный секретариат, назначаемый Временным правительством по представлениям Центральной рады». Генеральный секретариат получил право разработки предположений, касающихся жизни края, но обязан был представлять их на утверждение Временного правительства. В управление Генеральному секретариату передавалось 5 губерний – Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (украинская делегация считала украинскими и других территории – Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую губернии и северные уезды Таврической губернии).

Усилились противоречия между центральной властью и автономной Финляндией. 5 июля 1917 г. финляндский Сейм принял закон «Об осуществлении верховной власти Финляндии», который ограничивал власть Временного правительства в автономии³. 18 июля Временное правительство выпустило манифест о том, что «не может признать за финляндским Сеймом право самочинно предвосхитить волю будущего Российского Учредительного собрания и упразднить полномочия российской власти в делах финляндского законодательства и управления». Этим же манифестом Сейм был распущен и назначены новые выборы «в кратчайший срок, 1 и 2 октября нового стиля текущего».

Принятые Временным правительством решения не смогли смягчить национальные противоречия по украинскому и финляндскому вопросу. На Государственном совещании министр-председатель А.Ф. Керенский был вынужден вновь обратиться на них внимание. Он напомнил о предоставлении прав автономии Финляндии и посоветовал на то, что «там, может быть, на днях будет попытка использовать наши затруднения во имя насильственного торжества путем физической силы, задач и целей, в настоящее время невозможных и для всего государства губительных». И далее Керенский пригрозил: «Я, как глава Временного правительства, как военный министр, сделаю соответственное распоряжение. Это не будет допущено». Эти слова Керенского были поддержаны шумными аплодисментами и криками «Браво!». Вслед за этим министр-председатель заговорил об Украине: «Я не хочу касаться другой интимной и братской распри. Я верю, что многомиллионная трудящаяся крестьянская, рабочая и городская масса наших братьев по крови и по

¹ Токарев Ю.С. Июльский кризис // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 325.

² ЖЗВП. Т. 3. С. 227–228.

³ Кетола Э. Русская революции и независимость Финляндии // Анатомия революции. С. 296–297. «При обсуждении закона, – отмечает Э. Кетола, – большинство депутатов считало Временное правительство павшим».

общей судьбе – украинцев <...> никогда не пойдет по пути, на котором мы могли бы сказать: почему же и ты, брат мой, целуешь меня и кто дал тебе 30 сребренников?»¹.

На Государственном совещании представителей украинской национальной группы не было. Представители же других национальностей в большинстве своем стояли на позициях революционной демократии, подписав программный документ совещания – декларацию 14 августа, проявив себя, таким образом, сторонниками непредреждения национального вопроса до Учредительного собрания². Осенью 1917 г. национальные противоречия обострились настолько, что не только финны и украинцы, но и представители других национальностей требовали разрешения национального вопроса, не откладывая его до Учредительного собрания. На Демократическом совещании 14–22 сентября 1917 г. в Петрограде представители армян, грузин, украинцев и белорусов выступили с требованием немедленного введения в России федеративного устройства³.

Не менее важным был конфессиональный вопрос. В известной степени его остроту снимали амнистия, под которую попадали и лица, осужденные по религиозным делам, а также постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» от 20 марта 1917 г. Временное правительство провело ряд мер по отношению к Православной Грузинской церкви. 27 марта 1917 г. по представлению обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова правительство приняло постановление о восстановлении автокефалии древней Православной Грузинской церкви с Мцхетским католикосом во главе, и об установлении связанных с этим восстановлением правовых последствий⁴. За автокефальной Грузинской церковью признавался характер национально-грузинский, т. е. она не ограничивалась определенной территорией⁵.

20 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения»⁶, которое ликвидировало православное начальное образование, передавая в ведение МНП церковно-приходские и церковно-учительские школы. 14 июля 1917 г. было принято постановление «О свободе совести»⁷, которым заявлялось, что «каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к

¹ [Речь А.Ф. Керенского] // Государственное совещание. С. 12.

² Николаев А.Б. Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель–август 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 174.

³ Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. М., 2000. С. 105, 125, 126.

⁴ ЖЗВП. Т. 1. С. 178; Об установлении правовых последствий, связанных с восстановлением автокефалии древней Православной Грузинской церкви с Мцхетским католикосом во главе // СУ. 1917. 8 апреля. № 77. Ст. 440.

⁵ Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 г. СПб., 2015. С. 279.

⁶ ЖЗВП. Т. 2. С. 311–313.

⁷ Там же. Т. 3. С. 94–95.

вероисповеданию, и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах и убеждениях в делах веры».

Вскоре Временное правительство вновь вернулось к рассмотрению вопроса о Православной Грузинской церкви. 25 июля 1917 г. были приняты «Временные правила о положении Грузинской Православной церкви в Русском государстве»¹. Подтверждалось положение постановления 27 марта о национальном принципе автокефалии. Во главе Грузинской церкви должен стоять католикос-патриарх всех грузин, избираемый «согласно правилам Грузинской церкви», утверждение же избранного в должности подлежит «высшей государственной власти», т. е. Временному правительству. Эти правила вызывали недовольство грузин и не могли остановить процесс обособления Православной Грузинской церкви.

26 июля 1917 г. было принято постановление «Об изменении действующих законоположений по делам Римско-католической церкви в России»². В соответствии с этим актом архиепископ-митрополит, викарные епископы с правом преемства и апостольские администраторы назначались Святым престолом по соглашению с русским правительством. Не требовалось предварительного соглашения с правительством на возведение в сан прочих епископов. Свобода союзов распространялась «без каких-либо изъятий на всякого рода римско-католические религиозные общества, братства, духовные конгрегации и монашеские ордена». Также допускался «беспрепятственный въезд иезуитов в пределы государства, на общих основаниях». Римско-католический епископ получил гарантии от какого-либо государственного вмешательства в дела епархиального управления и суда³. Епископ без какого-либо дозволения местной гражданской власти производил сбор добровольных пожертвований на постройку и ремонт римско-католических церквей. Вместе с тем он был обязан ставить в известность местную гражданскую власть об учреждении новых приходов, о замещении капитульных, консисторских постов и должностей в духовных семинариях. Архиепископ-митрополит обязан был испрашивать согласие правительства на назначение ректора духовной академии, о состоявшихся назначениях на прочие академические должности он лишь доводил до сведения правительства.

Что касается политики Временного правительства по отношению к Русской Православной церкви, то согласно постановлению от 11 августа 1917 г. Поместному собору предоставлялось право «выработать и внести на уважение Временного правительства законопроект о новом порядке свободного самоуправления Русской церкви»⁴.

Итак, нововведения Временного правительства по конфессиональному вопросу не были направлены на отделение церкви от государства, но предусматривали большую ее независимость. Вместе с тем сохранение в руках Временного правительства властных полномочий в церковных делах способствовало обострению конфессиональных противоречий.

¹ ЖЗВП. Т. 3. С. 140, 155–156.

² Там же. С. 162–168.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 283.

Таким образом, Временное правительство за короткое время своего существования подвергло реформированию практически все сферы общественной жизни. Правительство стремилось держаться курса на создание демократического государства, ценности которого были озвучены уже в первой его декларации 3 марта 1917 г., носившей характер конституционного акта. Практически каждая декларация Временного правительства содержала программу реформ, соответствующую тому или иному политическому моменту. Заявления Временного правительства первого состава акцентировали внимание на политических правах и свободах граждан России, декларации коалиционных составов Временного правительства были посвящены более широкому кругу вопросов: о власти, военном, внешнеполитическом, социально-экономическом и др.

Ряд обещаний, заявленных в программных документах, так и не был реализован. В частности, не были изданы законы об отмене сословных ограничений, свободе стачек, 8-час. рабочем дне, всеобщем страховании лиц наемного труда и некоторые другие. Вместе с тем было бы некорректно обвинять Временное правительство в том, что оно не решило земельный, национальный, конфессиональный и другие вопросы, которые, как предполагалось, должно было решить Учредительное собрание, созыв которого затягивался. Правда, Учредительное собрание не было таким уже непреодолимым препятствием для Временного правительства, которое обходило принцип непредрешения (пусть и на временной основе!), когда этого требовали обстоятельства. В частности, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, правительство дало согласие на создание независимого польского государства, ввело временную форму управления 5 губерниями на Украине, а 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой.

Процесс реформирования шел в условиях мировой войны и роста революционного движения, что не могло не сказываться на его результативности. В частности, под влиянием провала наступления на Юго-Западном фронте, роста революционной агитации на фронте и в тыловых частях, а также под воздействием июльского политического кризиса Временное правительство было вынуждено принимать репрессивные меры и ограничивать свободу слова, печати, союзов и собраний.

Проводя преобразования центрального аппарата, Временное правительство сделало ставку на политическую благонадежность чиновников в ущерб профессиональной подготовке. Фактически проводилась скрытая люстрация, которая привела к «чиновничьей чехарде», невозможности бывшим царским чиновникам занимать руководящие должности в министерствах, падению профессионализма среди министерского персонала.

Некоторые реформы, ввиду сложности поставленных задач, затягивались. В частности, речь идет о реформе местного управления и самоуправления. Система местного управления и самоуправления, создание которой так и не было завершено в полном объеме, не выдержала испытание революцией и уже осенью 1917 г. оказалась неспособной поддерживать порядок и законность на местах.

Временное правительство делало ставку на председателей губернских и уездных земских управ и отчасти на городских голов. Именно они назначались центральной властью представителями на местах. Уступив давлению, Временное пра-

вительство согласилось на избрание комиссаров исполнительными комитетами общественных организаций с последующим утверждением центральной властью. Осенью 1917 г. была выстроена иная система формирования института правительственных комиссаров, при которой они назначались центральной властью из числа лиц, рекомендованных местными исполкомами общественных организаций. Но в любом случае возникал конфликт между происхождением и основной функцией комиссара. В первом случае получалось, что комиссар Временного правительства, он же председатель земской управы (или городской голова), осуществляет административный надзор, в т. ч. и за законностью деятельности земства (или городского самоуправления). Во втором – председатель (товарищ председателя) исполкома общественных организаций или лицо, избранное исполкомом, осуществляет надзор, в т. ч. и за законностью деятельности исполкома, а также организаций, имевших в нем своих представителей. Наконец, кандидат, рекомендованный исполкомом общественных организаций, осуществлял надзор за той организацией, которая его же и выдвинула на этот пост. Можно утверждать, что все три системы назначения комиссаров сосуществовали ко времени прихода большевиков к власти, причем преобладали первые две. Административный же надзор предполагает независимость надзирающей стороны от какого-либо влияния со стороны поднадзорных учреждений, организаций и т. д. В противном случае речь идет уже об административном контроле, который более уязвим для корпоративных и других влияний, не исключая и административного произвола.

В результате этой уступки Временного правительства комиссары, совершив поворот от земств и городских самоуправлений к исполкомам общественных организаций, осенью 1917 г. остались фактически без какой-либо опоры на местах. К этому времени исполкомы или окончательно потеряли свой авторитет, или уже прекратили свою деятельность, реформированные земства не успели наладить свою деятельность, а демократизированные городские думы существенно уступали во влиянии на массы Советам рабочих, солдатских и т. п. депутатов. Да и сами комиссары, активно боровшиеся летом 1917 г. против крестьянского движения, потеряли существенную часть своего влияния.

Слабость административной системы лежала даже не в форме и способе назначения и объеме полномочий, предоставляемых комиссарам законами, ни в незавершенности самого процесса создания этой системы (хотя и этого тоже нельзя не учитывать!), а в силе и авторитете центральной власти. Острота новизны преобразований в области управления и самоуправления быстро притупилась, и у населения бесчисленные реформы ничего, кроме раздражения и усталости, вызвать уже не могли.

В других областях – национальной и конфессиональной – реформы не смогли полностью снять существовавшие противоречия, т. к. Временное правительство, во-первых, хотело сохранить высшую власть в решении конфессиональных вопросов; во-вторых, являлось сторонником унитарного государства. Иначе говоря, к октябрю 1917 г. Временное правительство утратило поддержку как со стороны буржуазии, так и со стороны широких масс населения.

Третьемартовская политическая система, которая должна была обеспечить доведение страны до Учредительного собрания в условиях сосуществования цензовых и демократических элементов, стала разрушаться, в т. ч. и по вине самого Временного правительства. Так, министр-председатель А.Ф. Керенский от-

казался рассматривать Государственную думу и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в качестве источников власти. Верховным источником власти было объявлено само Временное правительство. Провозгласив 1 сентября 1917 г. Россию республикой, А.Ф. Керенский тем самым с формальной точки зрения нарушил принцип непредреждения государственного устройства. Учредив Предпарламент и распустив Государственную думу и Государственный совет, Временное правительство признало принцип парламентского строя исчерпанным. Закономерным итогом отказа от третьемартовской политической системы стала ликвидация в октябре 1917 г. и самой временной власти, созданной в результате Февральской революции.

Глава 4. СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

(А.Л. Стародубова)

Характерной особенностью политического процесса февраля–октября 1917 г. было образование большого количества совещательных структур. Процесс их возникновения был обусловлен сложившейся ситуацией: в результате соглашения представителей комитета Государственной думы и Петроградского Совета было образовано Временное правительство, основной задачей которого являлось доведение страны до Учредительного собрания, которое, в свою очередь, должно было определить основы построения будущего государства – установить форму правления и принять конституцию страны¹.

В период февраля–октября 1917 г. совещательные структуры создавались как самим Временным правительством [Юридическое совещание, Экономический совет, Государственный экономический комитет, Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное Собрание, Государственное (Московское) совещание, Временный совет Российской Республики (Предпарламент)], так и иными организациями [Всероссийское Демократическое совещание, Первое и Второе совещания общественных деятелей (Совет общественных деятелей) и др.].

4.1. Юридическое совещание

С самого начала существования перед Временным правительством встал ряд проблем общеюридического характера, связанных с коренным изменением структуры власти (отречение Николая II). В целях установить пределы своей компетенции на период до созыва Учредительного собрания, а также «как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент» 2 марта правительство постановило образовать «особую комиссию, пригласив для участия в ее работе ведущих государствоведов:

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта. № 1 (46).

Ф.Ф. Кокошкина, Н.И. Лазаревского, барона Б.Э. Нольде, членов Государственной думы М.С. Аджемова и В.А. Маклакова»¹.

Именно эта Комиссия явилась основой для учрежденного правительством 22 марта 1917 г. Юридического совещания². Члены Комиссии сразу приступили к работе: Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский и В.Д. Набоков приняли непосредственное участие в составлении текста проекта Декларации Временного правительства «К гражданам России», опубликованном 6 марта 1917 г.³ Уже 10 марта Совещание определило: «Не ограничивать круг своих занятий только рассмотрением уже выработанных проектов законов, но по поручению Временного правительства, принимать на себя также выработку новых законоположений ввиду выраженной чинами государственной канцелярии готовности оказывать содействие»⁴. 11 марта 1917 г. было составлено заключение о порядке издания законодательных актов исполнительной властью; установлен порядок определения на должности и увольнения от них; акты верховного управления, утвержденные в старом порядке до 27 февраля 1917 г., были признаны законно состоявшимися и потому подлежащими опубликованию (за исключением тех, которые «не совместимы с началами нового государственного строя»)⁵. Юридическое совещание рассмотрело вопрос о порядке применения ст. 87 Основных государственных законов; по результатам правовой экспертизы действие статьи было прекращено 22 марта 1917⁶.

Согласно постановлению Временного правительства об учреждении Юридического совещания от 22 марта 1917, оно должно было рассматривать все вопросы публичного права, возникающие «в связи с установлением нового государственного порядка», а также давать заключения «по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов»⁷. Таким образом, Юридическое совещание приобретало характер *законосовещательного, экспертного учреждения*, одной из основных функций которого являлось осуществление нормоконтроля – толкования правовых норм в действующих законодательных актах, а также представление предложений, рекомендаций или

¹ ЖЗВП № 2 // Февральская революция 1917 г.: сб. документов и материалов. М., 1996. С. 161–162.

² СУ. 1917. № 71. Ст. 404. Новый орган до 22 марта именовался «Юридическая консультация при Совете министров» или «Юридическая комиссия». Проект постановления об учреждении при правительстве Юридического совещания был выработан по поручению правительства в самой Юридической комиссии и принят постановлением Временного правительства от 22 марта 1917 г. (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 44; Д. 1. Л. 5).

³ Февральская революция 1917 г. Сб. документов и материалов. М., 1996. С. 176–177, 323.

⁴ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 12. Л. 2, 9, 13.

⁶ При этом в порядке преемственности все правовые акты, принятые в соответствии с ней до 27.3.1917, должны были считаться действующими до их отмены Временным правительством, а законопроекты, действие которых нарушало новые принципы построения государственного строя, были признаны недействующими и не подлежащими применению (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 43).

⁷ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта (10 апреля).

заклучений по изменению их содержания или отмене в целях их приведения в соответствие с новыми правовыми принципами, провозглашенными Временным правительством. Процедура нормоконтроля могла быть инициирована как самим Юридическим совещанием, так и другими субъектами публичного или частного права (запросы государственных учреждений, отдельных граждан и организаций), которые могли обращаться непосредственно в Юридическое совещание или Временное правительство.

Юридическое совещание получило также функции центрального юрист-консультантного учреждения для всего Российского государства. С 18 июля было установлено постоянное присутствие на заседаниях Временного правительства председателя или одного из членов Юридического совещания¹. В качестве центрального консультативного учреждения Юридическое совещание исполняло роль промежуточной инстанции между правительством и министерствами, которые присылали в Совещание свои законопроекты для составления заключения. В этом качестве Юридическое совещание являлось координатором деятельности отдельных ведомств, правительственных комиссий и совещаний. По инициативе самого Юридического совещания в качестве его рабочих органов при нем образовывались специализированные комиссии: Комиссия по вопросам применения 96 статьи Основных государственных законов, Особая комиссия по ликвидации сословных учреждений, Особая комиссия по составлению проекта Основных государственных законов. Кроме того, Юридическое совещание, а также каждый его член обладали правотворческой инициативой. Ряд законопроектов был подготовлен Совещанием самостоятельно по поручению Временного правительства. Со 2 марта по 11 декабря 1917 г. Юридическое совещание приняло и передало Временному правительству 56 законопроектов². Юридическое совещание прекратило деятельность после событий 25 октября 1917 (11 декабря 1917 г. дела были сданы в архив Государственного совета)³. Формально Совещание учреждалось как совещательный орган и не имело властных полномочий, однако, обсуждая принципиальные вопросы, стоящие перед новой властью, фактически оказывало значительное влияние на их решение.

Председателем Юридической комиссии был назначен В.А. Маклаков, с 20 марта им стал Ф.Ф. Кокошкин (до 10 июля)⁴. В состав Юридического совещания назначены М.С. Аджемов, Н.И. Лазаревский (товарищ председателя, с 10 июля председатель), В.А. Маклаков, Б. Э. Нольде, В.Д. Набоков был включен в состав на правах управляющего делами при Временном правительстве (с 15 мая

¹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 33.

² *Редких С.В.* Роль Юридического совещания в правотворческом процессе Временного правительства 1917 г. // Актуальные вопросы истории и теории государства и права. 2012. № 14. С. 42.

³ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д.43; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 11, Л. 6об.–7.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта (10 апреля). 3 июля 1917 г. Ф.Ф. Кокошкин подал прошение об освобождении от должности председателя и члена Юридического совещания в связи с назначением его на пост председателя Особого совещания для подготовки закона о выборах в Учредительное собрание; прошение было удовлетворено только в отношении председательствования (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 1. Л. 59).

он был назначен в состав на правах члена)¹. Все участники Совецания являлись крупными специалистами в различных отраслях правовой науки, старейшими членами Конституционно-демократической партии, пятеро (кроме Лазаревского) – членами ее ЦК. К концу октября 1917 г. Юридическое совещание состояло из 13 членов: были включены трудовик В.В. Водозов (с 19 апреля) и меньшевик А.Я. Гальперн (с 23 апреля)², в июле состав Совецания дополнили бывший статс-секретарь Государственного совета Российской империи Г.Э. Блосфельдт, конституционные демократы А.Э. Нольде и Д.Д. Grimm (с 18 июля), в октябре назначены присяжный поверенный Э.Г. Гинзберг (с 5 октября) и юристконсульт, председатель продовольственного комитета Петрограда В.Э. Гревс (с 6 октября)³.

подавляющая часть материалов Юридического совещания посвящалась трем основным темам: реформированию властных структур; национальному вопросу; устройству управления и самоуправления.

По вопросу о местном самоуправлении Юридическое совещание выступало преимущественно экспертным органом. Весной и летом 1917 г. через Совецание прошла основная часть законопроектов, разработанных в Особом совещании по местной реформе МВД. Законопроекты предполагали расширение полномочий местного самоуправления, углубление его до более мелких единиц (волостное и поселковое земство), распространение на всю территорию России. Государственная власть в России должна была в будущем иметь функции надзора и контроля над законностью (но не целесообразностью) действий общественных (местных) органов, объединений, союзов и т. п., которым предоставлялось право решать все вопросы, не отнесенные к компетенции государства. По мнению Юридического совещания, в отличие от комиссии Министерства внутренних дел, форма организации надзора должна была быть более жесткой и централизованной (удалось настоять на включении в законопроект права для губернского и уездного комиссаров при необходимости вызывать войска). При этом Юридическое совещание отмечало: если какой-либо уезд отличается разнообразием национального, вероисповедного и культурного состава населения, то при выборах в волостные органы целесообразно применять не мажоритарную, а пропорциональную систему, дающую больше шансов быть избранными представителям различных общественных организаций и небольших партий национальных меньшинств. В дальнейшем – при организации структуры Учредительного собрания – в законопроекте предполагалось, что одна из палат парламента будет состоять из представителей отдельных местностей.

Юридическое совещание принимало непосредственное участие в обсуждении украинского и финляндского вопросов, основанием возникновения которых стало требование национально-территориальной автономии Украиной и Финляндией весной 1917 г. Несмотря на отсутствие механизма решения подобного рода конфликтов и сложность переговоров Юридическое совещание содействовало поис-

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта (10 апреля); Там же. 1917. 25 апреля (8 мая).

² В мае А.Я. Гальперн сменил В.Д. Набокова на посту управляющего делами правительства, таким образом новых членов в Юридическое совещание включено не было.

³ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 1. Л. 50, 75, 78.

ку приемлемых для обеих сторон решений. В начале октября 1917 г. 1) по неразрешенным с Финляндией вопросам (передача спорных вопросов на решение Гаагского трибунала, право России в мирное время содержать в Финляндии войска) предлагалось создать специальную русско-финскую комиссию; 2) при Юридическом совещании была образована Комиссия для рассмотрения вопросов о распределении дел между министерствами и Генеральным секретариатом Временного правительства на Украине.

Аккумуляция опыта работы дала возможность Юридическому совещанию подготовить ряд документов, позволяющих подойти к проблеме решения национального вопроса не с точки зрения территориальной системы (предоставление автономии), но строить решение вопроса на начале «личном» – стремлениях отдельного гражданина. Подготовленные проекты предполагали введение нетерриториальных публично-правовых союзов, объединяющих граждан по национальному или религиозному признаку, которые должны были осуществлять указываемые законом задачи культурного управления (просветительские, религиозные и др.). Права таких союзов предполагалось дать Грузинской Православной Церкви и Древлеправославной Церкви¹.

Основная деятельность Юридического совещания по реформированию структур власти была связана с подготовкой Учредительного собрания и начата по поручению Временного правительства еще 8 марта 1917 г.² 11 марта 1917 г. состоялось первое обсуждение Положения о выборах в Учредительное собрание³. 21 марта 1917 г. барон Б.Э. Нольде сделал доклад о порядке работ по составлению проекта закона о выборах в Учредительное собрание. В результате его обсуждения было принято решение образовать специальное совещание (как из специалистов, так и политических деятелей России, представителей «всех партий, принявших участие в перевороте»), которому будет поручена предварительная сложная чисто техническая работа по выработке закона о выборах⁴. 25 марта, согласно проекту, подготовленному Юридическим совещанием, постановлением Временного правительства было учреждено *Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание*⁵. При этом в задачи Юридического совещания входила задача продолжать работу по подготовке Учредительного собрания⁶.

Таким образом, вариант создания узкой маленькой комиссии из компетентных юристов, которые бы быстро разработали избирательный закон, был отвергнут Юридическим совещанием еще 21 марта 1917 г. при обсуждении доклада

¹ О связи этих законопроектов и программы партии кадетов см. подробнее: Стародубова А.Л. Особенности национально-государственного строительства в либеральной модели 1917 г. // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 275.

² Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 428.

³ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

⁴ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 39об., 40, 44–46.

⁵ СУ. 1917. № 71. Ст. 406.

⁶ До открытия заседаний Особого совещания работа по составлению Положения о выборах, «не требовавшая разрешения принципиальных вопросов», постановлением правительства от 10.5.1917 возлагалась на Юридическое совещание (Вестник Временного правительства. 1917. № 52. 11 мая).

Б.Э. Нольде. По мнению В.Д. Набокова, такой «быстрый» вариант был и реализуем и целесообразен, однако в существующей ситуации такое решение могло вызвать «немедленный поход против правительства, с обвинением его в намерении составить закон кабинетным, бюрократическим путем»¹. Однако «внутренняя» работа по подготовке закона о выборах в Юридическом совещании продолжалась, при том что комплектование Особого совещания затянулось и постановление о его открытии было опубликовано только через месяц.

В апреле 1917 г. в Юридическом совещании был намечен и представлен во Временное правительство перечень основных вопросов *избирательного права*, подлежащих разрешению при выработке положения о выборах в Учредительное Собрание (условия активного и пассивного избирательного права, система выборов, организация избирательных округов, участие в выборах военных). В середине апреля перечень был разослан всем организациям, чьи представители должны были участвовать в работе Особого совещания². С марта 1917 под руководством члена Юридического совещания М.С. Аджемова производилась предварительная работа по систематизации и разработке данных, касающихся «применения той или иной системы к особым условиям некоторых местностей России»³. Кроме того, в Юридическое совещание направлялись письма различных партий и общественных объединений с просьбами о включении их представителей в состав Особого совещания по подготовке закона о выборах⁴.

Следующий этап подготовки Учредительного собрания начался в Юридическом совещании 26 июля 1917 г., когда Временное правительство возложило на него «подготовительные организационные работы, связанные с открытием Учредительного собрания»⁵. В рамках законодательной инициативы Юридическим совещанием были выработаны проекты законов «О порядке открытия Учредительного собрания и юридическом положении после его открытия Временного правительства» (21.9.1917), «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании» (14.9.1917), правила «Об ограждении безопасности Учредительного собрания» (8.10.1917) и др.⁶, которые должны были обеспечить преемственность власти и обеспечить ее безопасность на период работы Учредительного собрания⁷.

Новый этап подготовки деятельности Учредительного собрания в Юридическом совещании начался 11 октября 1917 г. в связи с необходимостью создания нормативной базы, на основании которой должно было действовать Учредительное собрание. При Юридическом совещании и по его собственной инициативе была образована Особая комиссия по составлению проекта Основных государственных законов. Целью создания нового законосовещательного органа являлась выработ-

¹ Набоков В. Указ. соч. Т. 1. М., 1991. С. 72.

² ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–3.

³ Там же. Д. 2. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 215, 216, 221, 267.

⁵ СУ. 1917. № 201. Ст. 1244.

⁶ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 24. Л. 3–9; Д. 25. Л. 14; Д. 26. Л. 1–13.

⁷ Подробнее см.: Стародубова А.Л. Либеральная модель реформирования России в 1917 г. и П.Н. Миллюков // П.Н. Миллюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 494–498.

ка проекта Основных законов Российской республики и справочного материала к нему для последующего рассмотрения их Учредительным собранием.

Председателем Комиссии был назначен Н.И. Лазаревский (совмещавший эту должность с постом председателя Юридического совещания). Согласно первоначальному проекту Юридического совещания Комиссия должна была состоять из членов Юридического совещания, представителей Министерства юстиции и его департаментов. На первом заседании 11 октября 1917 г. было принято предложение Н.И. Лазаревского пополнить состав комиссии путем кооптации представителей науки, государственного права, общественных деятелей¹ (были разосланы приглашения к участию в заседаниях представителям других городов, профессорам права Казанского, Юрьевского, Харьковского университетов) и участников других комиссий правительства, готовящих документы к Учредительному собранию (Комиссии по национальному вопросу МВД, Бюджетной комиссии Министерства финансов). Составлен список будущих членов комиссии. Всего в состав комиссии, включая членов Юридического совещания, должно было войти около 40 чел. Непосредственное участие в заседаниях приняли 30 чел., в т. ч. кадетские правоведы А.А. Боголепов, М.М. Винавер, В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, С.А. Котляревский, А.М. Кулишер, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде и др., октябристов представлял А.Ф. Мейендорф. Противовес составили представители партий эсеров, энесов, меньшевиков, трудовиков: А.А. Булат, М.В. Вишняк, А.Я. Гальперн, В.В. Водовозов, Я.М. Магазинер, Э.Э. Понтович, И.В. Яшунский и др.²

В течение четырех заседаний Комиссия представила проекты законов: о «Декларации прав граждан» Российской республики; «Об автономии»; об однопалатной и двухпалатной системах; о порядке пересмотра Основных законов, обсуди́в, таким образом, основополагающие вопросы государственного устройства³.

Открывая собрание комиссии Н.И. Лазаревский подчеркнул, что целесообразным является «составление проекта основных законов в виде материала для суждения, облеченного в форму определенного законодательного текста», который должен сопровождаться справками как законодательного, так и политического характера. Подавляющее большинство членов Комиссии высказало пожелание составить «объемистый законопроект, приблизительно 200 статей». Была принята программа деятельности из 18 основных направлений (титулов конституции), которые были распределены между членами Комиссии. 14 октября по предложению В.Ф. Дерюжинского принято включить в Конституцию главу о взаимоотношении церкви и государства (председателю поручено привлечь к работе комиссии С.А. Котляревского)⁴.

Доклад В.М. Гессена «О Декларации прав граждан» и его обсуждение проходили на заседаниях 14–17 октября. Комиссией единогласно был принят «интернациональный» принцип построения Декларации (государство руководствуется

¹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

² Там же. Л. 1.

³ Подробнее о работе Особой комиссии Юридического совещания см.: Стародубова А.Л. Особенности национально-государственного строительства в либеральной модели 1917 г. // Либеральный консерватизм: история и современность. С. 277–280.

⁴ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

общностью интересов всех граждан). Комиссия постановила не ограничиваться провозглашением прав и свобод, но включить в Декларацию принципы, наполнив формулы «определенным юридическим содержанием», что будет иметь также и воспитательное значение для российских граждан¹. Права негативного статуса (т. е. «права – свободы») возражений не вызвали. Подробно обсуждался вопрос о формулировках прав позитивного статуса, затрагивающих экономические и социальные вопросы («права – гарантии»). Решили, что права эти должны быть облечены в конкретную форму: «право на достойное существование» должно выступать как «право на образование», «право на лечение», «право на страхование» и т. д. Предложение о включении в Декларацию пункта об обязанностях граждан (воинская повинность, налоговые платежи и т. п.) было принято единогласно². По мнению членов комиссии, такая система должна обеспечить баланс взаимоотношений между государством и отдельными его членами.

Дискуссионным оказался вопрос о структуре предполагаемого представительного органа. 20 октября был заслушан доклад кадетов А.М. Кулишера и Б.Е. Шацкого «Тезисы по вопросу о верхней палате». Несмотря на то что за двухпалатную систему высказалось 11 членов Комиссии, а против 7, согласно окончательной резолюции Комиссии в Учредительное собрание должны были быть представлены три проекта формирования парламента (с объяснительной запиской)³: 1) двухпалатный парламент с правом абсолютного вето у верхней палаты; 2) двухпалатный парламент с правом отлагательного вето; 3) однопалатная система народного представительства. В Комиссию было также представлено два проекта «О порядке пересмотра основных законов»: А.Н. Макарова, составленных в предположении, что будет принята двухпалатная система, и Э.Э. Понтовича с учетом однопалатной системы организации народного представительства⁴.

На заседании 24 октября должен был обсуждаться «Предварительный проект статей Основных законов по вопросу об автономии», подготовленный Н.И. Лазаревским. Согласно ему государство должно было быть «едино и нераздельно» (ст. 1.); исключение представляла Финляндия, которая пользовалась самостоятельностью в пределах, установленных законом (ст. 2); принципы децентрализации реализовывались в предоставлении отдельным местностям областной автономии (ст. 3), объем полномочий которой определялся специальными актами государственной власти (ст. 4); уездные и губернские правительственные учреждения предполагалось подчинить «областным установлениям» (ст. 6), при этом законы, изданные местными властями, не должны были противоречить Основным законам государства (ст. 5).

Таким образом, Юридическое совещание играло значительную роль в работе по координации и подготовке деятельности Учредительного собрания: разрабатывало проекты законов и положения, намечающие программу работы и организацию власти в ходе его работы. Говоря о задачах и замысле Юридического Совещания в целом, необходимо также принять во внимание то, что члены Совещания сопо-

¹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 7. Л. 50.

² Там же. Л. 32–33.

³ Там же. Л. 23, 66.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 26, 60.

ставляли свою работу в нем не столько с работой Временного правительства, при котором оно было образовано, сколько с деятельностью общегосударственного значения, должной положить начало построению нового государства и общества¹.

В начале мая 1917 г. была создана первая правительственная коалиция. Декларация нового состава правительства от 6 мая заверяла: «Временное правительство приложит все усилия к скорейшему созыву Учредительного собрания в Петрограде»². Уже 9 мая во Временное правительство был представлен доклад Юридического совещания, ставший основой постановления Временного правительства по организации работ Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, учрежденного еще в марте 1917 г.³ Были определены: состав Совещания, первый день работы, сумма на подготовительные работы по организации Особого совещания, отпускаемая в распоряжение председателя Юридического Совещания (15 тыс. руб.)⁴. 17 мая Юридическое Совещание обсуждало регламент Особого совещания, А.Я. Гальперну было поручено составить проект Наказа совещанию⁵.

Согласно постановлению, в состав Особого совещания входили ведущие эксперты по вопросам государственного права, статистики, а также политические и общественные деятели (в т. ч. и от Советов), представляющие «главные политические и национально-политические течения России»; окончательный список членов Совещания, представленный от различных организаций и партий, должен был утверждаться Временным правительством. Комплектование Совещания затянулось, в частности, в связи с долгим процессом согласования кандидатов от Исполнительного Комитета. Первое заседание Особого совещания состоялось 25 мая 1917 г., последнее – 2 сентября 1917 г., полное завершение работы – 23 сентября 1917 г.⁶ Заседания Особого совещания по выборам проходили в Мариинском дворце, где также размещались Юридическое совещание и Временное правительство (до своего переезда)⁷. К началу заседаний совещания ряд положений избирательного закона уже был выработан Юридическим совещанием. Примечательно, что эти положения оказались близки к тем, которые были изложены Ф.Ф. Кошкиным на апрельском съезде партии Народной свободы (кадетов) и приняты партией⁸.

¹ Факт участия В.Д. Набокова в работе Юридического совещания после ухода из Временного правительства (с поста управляющего делами Временного правительства) является в этом смысле характерным. См.: *Набоков В.* Указ. соч. Т. 1. С. 71–73; *Нольде В.* В.Д. Набоков в 1917 году // Архив русской революции. Т. 7. М., 1991. С. 8 – 10.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 49 (95). 6 (19) мая.

³ СУ. 1917. № 71. Ст. 406.

⁴ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. Л. 161–172.

⁵ Там же. Д. 2. 191об.–192.

⁶ Постановление правительства о закрытии Особого совещания для изготовления положения о выборах. См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 241. Ст. 1681.

⁷ Мариинский дворец был полон. В.Д. Набоков вспоминал: когда Особое совещание приступило к работе, «бывали дни, когда все залы, до ротонды включительно, были заняты комиссиями» (*Набоков В.* Указ. соч. Т. 1. С. 73).

⁸ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 63.

В Президиум Особого совещания были назначены: председатель Ф.Ф. Кошкин; товарищи председателя В.А. Мякотин, В.Н. Крохмаль; секретарь Н.Н. Авинов. На правах членов-специалистов в Особое совещание вошли члены Юридического совещания Н.И. Лазаревский, М.С. Аджемов, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде, В.В. Водовозов, В.А. Маклаков, а также В.М. Гессен (который в октябре стал товарищем председателя Особой комиссии по составлению проекта основных государственных законов Юридического совещания)¹. Члены Юридического совещания активно участвовали в работе Особого совещания по выборам. В частности, Б.Э. Нольде разрабатывал часть избирательного закона, которая касалась выборов в действующих армии и флоте и считалась наиболее сложной.

В состав Особого совещания были также приглашены и назначены видные ученые и общественные деятели: историк А.С. Лаппо-Данилевский, С.А. Котляревский, тверской городской голова М.И. Арефьев и др.; вошли представители различных партий и групп, а также представители национальностей, в т. ч.: С.О. Мацевич, А.Э. Мейштович (от поляков Западного края), Ш.З. Мухаммедиаров, Валид-хан Таначев (от мусульман), В.А. Канторович (от еврейских политических партий), П.Я. Стебницкий и Н.Н. Ткаченко (от украинцев), Н.О. Янушкевич (от Литовской партии), Н.А. Ханхасаев (от бурят), бар. С.А. Шилинг (от Литовской партии), Н.Г. Адонц и И.Х. Завриев (от армянской группы), П.Н. Шишкина-Явейн (от Российской лиги равноправия женщин), С.И. Бондарев и С.Н. Прокопович (от Совета Всероссийских кооперативных съездов) и др.² Со временем состав Особого совещания разросся до сотни членов, став «многоголовым сборищем, почти парламентом»³. И весь аппарат Совещания «оказался настолько сложным и громоздким, что стало невозможным рассчитывать на сколько-нибудь быстрое окончание работы и назначение выборов в ближайшем будущем»⁴.

Для подготовительных работ Совещание избирало из своего состава 8 комиссий: редакционную; об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права; о системах избирательного права; об избирательных списках и их обжаловании; о выборах на окраинах (комиссия об окраинах и избирательных округах); комиссия о выборах в армии и флоте; для изготовления карательной части Закона о выборах в Учредительное собрание; о расходах по выборам в Учредительное собрание (Комиссия об издержках по выборам). Для обсуждения вопросов, касавшихся изъятий из общего порядка выборов, проводились соединенные заседания комиссий (образовывались специальные соединенные ко-

¹ В.М. Гессен до начала октября 1917 г. в деятельности Юридического совещания не участвовал, но был приглашаем для официальных консультаций и, вероятно, давал частные консультации кадетским правоведам, относящимся к Гессену как к своему учителю (ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 2. Л. 10).

² Полный состав совещания (на основании списков, опубликованных в Известиях Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание № 1–100, 25.5 – 10.9.1917) см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб., 1998. Т. 1. С. 252–254.

³ Нольде Б. В.Д. Набоков в 1917 году // Архив русской революции. Т. 7. С. 12.

⁴ Набоков В. Указ. соч. Т. 1. С. 72.

миссии). Специальное Статистическое совещание из членов особого совещания и специалистов-статистиков занималось экспертизой источников о численности населения России. Статистическое совещание избрало Комиссию по вопросу о методах определения количества населения избирательных округов, образуемых по проекту Положения о выборах в Учредительное собрание, обсуждавшую в пределах предоставленной ей Статистическим совещанием компетенции вопрос о численности населения местностей, для которых данные переписи являются «сомнительными» (Степной край, Сибирь, Закавказье, Туркестан, Прибалтика, прифронтовые губернии)¹.

В июле Особое совещание приняло решение образовать специальную избирательную комиссию, в задачи которой входило бы исполнение координирующих и контрольных функций, а также инструктирование на местах и т. п. Такая комиссия, получившая впоследствии название «Всевыборы», была создана и приступила к работе в начале августа 1917 г.² Ее состав был определен в 15 чел., утверждаемых правительством по представлению Особого совещания. Комиссию возглавил кадет Н.Н. Авинов³, исполнявший до этого обязанности секретаря Особого совещания по выборам. Членами комиссии были также назначены члены Особого совещания, причем пятеро из них были членами ЦК кадетов, крупными специалистами в различных отраслях гражданского права.

На общую связь совещательных органов, о которых речь шла выше, впервые обратил внимание О.Н. Знаменский, детально изучивший аспекты подготовки и созыва Учредительного собрания, в частности, механизмы формирования учреждений, занимавшихся его подготовкой. Он справедливо отметил, что Временное правительство, «конечно, хотело, чтобы в Особом совещании преобладали деятели буржуазных партий»; при этом в обязанности Юридического совещания входила задача продолжать и направлять работу по подготовке Учредительного собрания: оно оставалось как бы параллельным органом, изначально получившим задачу организации и проведения Учредительного собрания⁴. Важным фактом является также то, что период июльского кризиса правительства и выхода из его состава части либералов с 18 июля было установлено постоянное присутствие на заседаниях Временного правительства председателя или одного из членов Юридического совещания⁵.

Таким образом, на основе анализа механизма формирования, а также содержания деятельности совещательных органов, созданных при Временном правительстве с целью подготовки Учредительного собрания (*Юридическое совещание, Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное*

¹ Известия Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. 1917. № 80. 12 августа.

² Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). Первое заседание комиссии состоялось 7 августа в Маринском дворце; в сентябре было начато издание «Известий Всероссийской по делам о выборах комиссии».

³ Профессор Московского коммерческого института, одновременно товарищ министра внутренних дел.

⁴ *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. С. 75–76, 193.

⁵ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 33.

собрание, *Особая комиссия по составлению проекта Основных государственных законов*), можно прийти к заключению, что еще при первом своем составе Временное правительство образовало в лице Юридического совещания либеральный (кадетский) по своему составу орган, который был призван координировать все законодательные действия правительства на всем протяжении его деятельности, а также направлять работы по подготовке Учредительного собрания, предназначенного решить политическую судьбу России¹. Таким образом, Юридическое совещание становилось важным звеном правотворческого процесса Российского государства периода Временного правительства, позволявшим осуществлять единую государственную политику.

4.2. Экономический совет

Декларация нового коалиционного Временного правительства от 6 мая 1917 г. обещала: правительство «будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим планомерным проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнет и к организации производства»². По вопросам практической реализации положений о регулировании экономики сторонам правительственной коалиции еще предстояло договориться. С целью «выработки общего плана организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни» постановлением Временного правительства от 21 июня 1917 г. были учреждены две новых структуры: Экономический совет, а также его исполнительный орган – Главный экономический комитет³.

Значение этих учреждений в структуре органов государственного аппарата подчеркивалось тем, что председателем обоих, согласно Положению, являлся министр-председатель Временного правительства. 25 сентября председателем Экономического совета был назначен С.Н. Третьяков, включенный в связи с этим в состав правительства (в качестве председателя Экономического совета)⁴. Заместитель председателя Экономического совета назначался Временным правительством (с 1 июля С.Н. Прокопович, который на большинстве заседаний выполнял функции председательствующего). В состав Экономического совета входили: министры (или их заместители) земледелия, финансов, торговли и про-

¹ Либералы с образования первого Временного правительства видели в самой идее созыва Учредительного собрания «огромный риск». В.Д. Набоков впоследствии писал, что помимо значительных масштабов страны с отсутствующим налаженным местным аппаратом, находящейся к тому же в состоянии войны, сам созыв Учредительного собрания «был бы несомненно началом анархии» (*Набоков В.* Указ. соч. Т. 1. С. 72).

² Вестник Временного правительства. 1917. № 49 (95). 6 (19) мая.

³ Постановление 21.7.1917 подписано министром-председателем Г.Е. Львовым и министром труда М.И. Скобелевым; Положение об Экономическом совете и Главном экономическом утверждено 24 июня 1917 г. См.: СУ. 1917. Отд. 1. № 182. Ст. 1015; Вестник Временного правительства. 1917. № 86. 22 июня; № 90. 27 июня.

⁴ СУ. 1917. № 241. Ст. 1682; Вестник Временного правительства. 1917. № 167 (213). 3 (16) октября.

мышленности, продовольствия, путей сообщения, труда, военной и морской, внутренних дел (с 27 июля), иностранных дел (с 27 июля)¹; заместитель председателя Главного экономического комитета; выборные представители общественных организаций: Совета рабочих и солдатских депутатов (3 чел.), Совета крестьянских депутатов (3), Совета Съездов представителей промышленности и торговли (3), Совета банков (1), Совета Съездов кооперативов (3), Совета Съездов биржевой торговли и сельского хозяйства (2), Совета Съездов мелкой и средней промышленности (1), Центрального бюро профессиональных союзов (3), Всероссийских союзов городов (1) и земств (1); по 2 представителя от ученых обществ: Вольного экономического, Технического и Общества им. А.И. Чупрова; председатели комиссий Экономического совета; по 2 представителя от районных комиссий. Председателю Экономического совета было предоставлено право приглашать к участию в заседаниях с совещательным голосом «сведущих лиц», а также членов Совещания при Главном экономическом комитете. В работе Экономического совета участвовали известные государственные и общественные деятели: А.А. Бубликов, А.И. Вышнеградский, Н.Н. Кутлер, С.А. Лозовский, А.А. Маниковский. П.И. Пальчинский, П.Б. Струве, Н.В. Чайковский, И.П. Шипов; экономисты: М.В. Бернацкий, А.И. Буковецкий, В.Е. Варзар, В.Г. Громан, П.Н. Колокольников (председательствовал на двух последних заседаниях Экономического совета), Н.Д. Кондратьев, П.П. Маслов, Ф.А. Череванин; инженеры путей сообщения: Л.А. Устругов, А.Н. Фролов и др. Всего непосредственное участие в работе Экономического совета приняли 44 чел.

Экономический совет являлся совещательным учреждением, а также частью государственного аппарата, и все его решения утверждались Временным правительством за исключением случаев, когда они принимались на основании особо предоставленных Экономическому совету Временным правительством полномочий. Экономический совет являлся постоянно действующим органом, рассматривавшим вопросы, возбуждаемые как по собственной инициативе его членов, так и передававшиеся на рассмотрение в Экономический совет Временным правительством или Главным экономическим комитетом. Средства на содержание Экономического совета, Главного экономического комитета и их канцелярий отпускались по смете, составленной Главным экономическим комитетом и утверждаемой Временным правительством. Постановлением Временного правительства 28 июля 1917 г. при Экономическом совете было учреждено Совещание для выяснения экономических отношений Польши и России (с 19 сентября председатель А.Р. Ледницкий)². Выработанные совещанием предложения должны были вноситься на рассмотрение Экономического совета.

Всего состоялось 8 заседаний Экономического совета (первое – 21 июля, последнее – 10 августа)³. Прежде всего были рассмотрены доклады представителей министерств, связанные с проблемой снабжения страны: Министерства торговли и промышленности (П.И. Пальчинского, М.В. Бернацкого, С.Ф. Малявкина), Министерства труда (П.Н. Колокольникова), Министерства финансов (Г.Д. Де-

¹ СУ. 1917. № 197. Ст. 1182.

² Так же. № 241. Ст. 1695.

³ Стенографические отчеты заседаний Экономического совета. Пг., 1917. № 1–8.

ментьева). Докладчик от министерства финансов, отвечая на вопрос о предполагаемом пересмотре бюджета страны, уточнил по просьбе членов Совещания, что бюджета на 1917 г. не существует, т. к. его никто не утверждал. Состояние бюджета обсуждалось на 5-м заседании Экономического совета 31 июля 1917 г. На заседании 3 августа 1917 г. Экономический совет рассмотрел доклад управляющего Государственного банка И.П. Шипова; также на заседании было принято решение о создании комиссий Экономического совета по основным вопросам: финансовому, рабочему, урегулированию промышленности. 7-е заседание (9 августа) было посвящено обсуждению проекта Положения об организации снабжения в стране, выработанного Главным экономическим комитетом. Проект был принят с поправками на следующем, последнем, заседании. Согласно Положению, итоговый план снабжения армии и населения («массовых заготовок») должен был окончательно утверждаться Главным экономическим комитетом на основании заключения образованного при нем *Экономического совещания* и направляться к исполнению через Управление делами Главного экономического комитета. Тогда же было решено, что дата следующего заседания Экономического совета будет установлена по окончании Государственного совещания в Москве¹.

11 октября 1917 г. председатель Экономического совета С.Н. Третьяков внес во Временное правительство представление об упразднении Экономического совета в связи с предполагаемым созывом Временного совета Российской республики (Предпарламента). С.Н. Третьяков отметил, что «в свое время создание Экономического совета, построенного на началах общественного представительства, имело известный смысл и подавало надежду построить экономическую политику и законодательство в соответствии с определившимися нуждами страны. Однако, как на деле оказалось, состояние революции не благоприятствовало органической работе Экономического совета и фактически до настоящего времени последний активной деятельности не проявлял». Кроме того, Третьяков подчеркнул, что даже «как суррогат народного представительства Временный совет Российской Республики стоит гораздо выше Экономического совета», в итоге «при сохранении Экономического совета... будет два органа неодинакового социального веса, призванных к разрешению одних и тех же задач». Что касалось деятельности исполнительного органа Экономического совета – Главного экономического комитета, то напротив, по мнению Третьякова, на текущий момент времени он «получил совершенно самостоятельное значение и во многих отношениях занял место» Экономического совета².

Таким образом, Экономический совет как совещательный орган, возглавляющий работу по созданию «общего плана организации народного хозяйства и труда», к началу августа 1917 г. оказался не у дел. Часть его функций – по созданию плана снабжения, объединению экономических вопросов по организации тыла и армии – перешла к его исполнительному органу – Главному экономическому комитету, а представительная и совещательная роли в изменившейся политической

¹ Стенографические отчеты заседаний Экономического совета. Пг., 1917. № 8.

² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Ч. 1. Март–октябрь 1917 г. М.; Л., 1957. С. 306–307.

ситуации больше подходили предполагаемому к созыву Государственному совещанию, затем *Временному совету Российской республики*. Экономический совет был упразднен постановлением Временного правительства от 13 октября 1917 г. с передачей входивших в его компетенцию вопросов на рассмотрение Временного совета Российской республики, в котором создавалась Комиссия по урегулированию народного хозяйства и труда, а имущества Канцелярии Экономического совета – Главному экономическому комитету¹. Упразднение Экономического совета было подтверждено декретом Совета народных комиссаров от 15 ноября 1917 г.²

Главный экономический комитет учреждался при Временном правительстве, согласно Положению, утвержденному 24 июня 1917 г., «для согласованного проведения отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по регулированию хозяйственной жизни страны»³. Председателями Главного экономического комитета являлись министр-председатель Временного правительства: князь Г.Е. Львов (21.6 – 7.7.1917), А.Ф. Керенский (7.7 – 13.10.1917, номинально, фактически председательствовали его заместители); затем, после упразднения Экономического совета, председателем Главного экономического комитета был назначен С.Н. Третьяков (13–25.10.1917)⁴. Заместитель председателя назначался Временным правительством; ему предоставлялось право присутствовать на заседаниях Временного правительства с совещательным голосом; на заседаниях Главного экономического комитета заместитель председателя имел решающий голос независимо от присутствия председателя. Заместителями председателя Главного экономического комитета являлись: С.Н. Прокопович (1.7 – 25.9.1917)⁵, Н.Н. Саввин (с 20 августа)⁶, С.В. Лурье (с 11 октября)⁷. В состав Главного экономического комитета Временным правительством назначались представители министерств: труда, финансов, земледелия, продовольствия, торговли и промышленности, военного и морского, путей сообщения; с 27 июля 1917 г. – внутренних дел и иностранных дел⁸. Главный экономический комитет имел право также включать в свой состав по собственному усмотрению представителей ведомств и учреждений, а также отдельных лиц. В работе Главного экономического комитета приняли участие известные государственные и общественные деятели: М.В. Бернацкий и П.И. Пальчинский (от Министерства торговли и промышленности), В.Н. Зельгейм (от Министерства продовольствия), А.А. Маниковский (от Военного министерства), Л.М. Пумпянский (от Министерства труда), Н.И. Ракитников (от Министерства земледелия), А.Г. Хрущов (от Министерства финансов); инженеры путей сообщения А.В. Ливеровский и Л.А. Устругов (от Министерства пу-

¹ СУ. 1917. № 244. Ст. 1740.

² Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. № 63. С. 89.

³ Вестник Временного правительства. 1917. № 90. 27 июня.

⁴ Там же. № 182 (228). 20 октября (2 ноября).

⁵ С.Н. Прокопович до 25.9.1917 совмещал посты заместителя председателя Главного экономического комитета и министра торговли и промышленности.

⁶ Вестник Временного правительства 1917. № 147 (193). 6 сентября.

⁷ Вестник Временного правительства 1917. № 185 (231). 24 октября.

⁸ СУ. 1917. № 197. Ст. 1182.

тей сообщения), а также С.О. Загорский (от Министерства труда), Н.К. Корде (от Министерства внутренних дел), А.И. Ярон (от Морского министерства) и др.

По составу Главный экономический комитет был чисто бюрократическим органом. Однако, согласно Положению от 24 июня 1917 г., при Главном экономическом комитете было образовано отдельное Совецание по экономическим вопросам (т. е. совещательный орган, составная часть Главного экономического комитета)¹. В функцию этого Совецания входило составление заключения по отдельным вопросам, обсуждаемым Главным экономическим комитетом. Так, выработанный Главным экономическим комитетом План снабжения армии и населения страны должен был быть окончательно принят к исполнению на основании заключения Совецания по экономическим вопросам. Общее число членов Совецания по экономическим вопросам не было строго фиксировано. Из всех членов Совецания 3 места было предоставлено представителям «революционной демократии» (по одному от Советов рабочих и солдатских депутатов, от Совета крестьянских депутатов и т. д.), 4 – представителям промышленности и торговли (от Совета Съездов промышленности и торговли – 3, от Совета банков – 1), по одному кооперативам, Земскому союзу, Городскому союзу. Остальные места распределены между представителями ведомств и главноуполномоченными различных совещаний и комитетов.

Основной задачей, первоначально поставленной перед Главным экономическим комитетом, было выполнение программы, которая будет разработана Экономическим советом и утверждена Временным правительством. В порядке реализации этой программы на Главный экономический комитет возлагались руководство деятельностью всех действующих организаций «по урегулированию народного хозяйства в различных отраслях в их исполнительных функциях (особых совещаний и комитетов)»; согласование мероприятий по различным отраслям хозяйственной жизни; разработка и внесение на рассмотрение во Временное правительство и Экономический совет проектов новых положений и постановлений; выполнение поручений Экономического совета; объединение всех статистических работ и технических экспертиз, касающихся «текущей хозяйственной жизни». Постановления Главного экономического комитета могли отменяться только Временным правительством (ст. 11), что давало комитету фактическую независимость в действиях и принятии решений.

Первое заседание Главного экономического комитета проведено 17 июля 1917 г.² К 18 октября 1917 г. состоялось 41 заседание. С самого начала своей деятельности Главный экономический комитет приступил к организации работы центрального и местных органов снабжения, а также к непосредственной разработке общего плана снабжения продовольствием и топливом армии и населения³. Проект регулирования хозяйственной жизни страны был выработан Главным экономическим комитетом на 12 заседаниях и представлен на обсуждение Экономического совета

¹ В литературе эта структура часто именуется «Экономическое совещание» при Главном экономическом комитете, а также «Экономическое совещание», что создает определенную путаницу при существовании Экономического совета как самостоятельного органа.

² ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1649.

³ Там же. Д. 1649. Л. 7.

9 августа 1917 г. Он был принят Экономическим советом с небольшими поправками 10 августа. Новая «Схема органов регулирования хозяйства» (с описанием по ведомствам), которая в определенной степени может рассматриваться как вариант экономического плана, была направлена в первую очередь на унификацию и упрощение процедуры снабжения. По схеме предполагалось деление страны на 14 районов: Петроградский, Киевский, Одесский, Харьковско-Екатеринославский, Ростовский, Закавказский, Московский, Самарский, Саратовский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный, Туркестанский и Уральский. В своих действиях Главный экономический комитет должен был руководствоваться общими указаниями Экономического совета. Однако, согласно принятому Экономическим советом Положению, итоговый план снабжения армии и населения должен был окончательно утверждаться Главным экономическим комитетом на основании заключения образованного при нем Совещания по экономическим вопросам и направляться к исполнению через Управление делами Главного экономического комитета¹.

Главный экономический комитет вышел за рамки определенных для него при учреждении полномочий исполнительного органа Экономического совета и фактически занял основное место в руководстве экономической жизнью страны. Вместе с тем с самого начала выяснилось, что комитет считает существование Экономического совета фактором, который осложняет и тормозит его собственную практическую деятельность. С этого момента Главный экономический комитет как учреждение, реализующее правительственную политику, выходит на первый план.

В начале осени 1917 г. Главный экономический комитет вынес разработанный им проект нового Положения о Главном экономическом комитете на обсуждение Всероссийского съезда районных комитетов снабжения (Петроград, 6–9 сентября 1917 г.). По проекту Главный экономический комитет должен был стать высшим органом, объединяющим руководство всеми ведомствами и учреждениями по экономическим вопросам, в т. ч. органами снабжения армии и населения; его ведению должны были подлежать: определение цен на продукты и сырье, установление норм заработной платы и прибыли, разрешение вопросов о закрытии предприятий, наложении секвестра на имущество и др.; в состав Главного экономического комитета предполагалось ввести представителей промышленности, кооперации и профессиональных организаций. Однако Съезд районных комитетов снабжения проект не одобрил, вернувшись к положению о Главном экономическом комитете от 24 июня 1917 г. как исполнительном органе Экономического совета².

В связи с выработкой нового Положения Главный экономический комитет предполагал преобразование функций существующих Особых совещаний. Прежде всего в новом проекте Главный экономический комитет предполагал произвести подчинение Центрального комитета по топливу непосредственному руководству Главного экономического комитета (заменив действующее положение Комитета по топливу от 17 августа 1915 г.). Новое «Положение о Центральном

¹ Стенографические отчеты заседаний Экономического совета. Пг., 1917. № 7. С. 2–3.

² ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 560. Л. 8.

комитете по топливу» было направлено Главным экономическим комитетом на рассмотрение Временного правительства 6 октября 1917 г.

Как уже говорилось ранее, 13 октября 1917 г. Экономический совет был упразднен, его председатель назначен председателем Главного экономического комитета; канцелярское и другое имущество упраздненного совета передано Главному экономическому комитету¹. На этом основании 17 октября 1917 г. Главный экономический комитет направил на рассмотрение Временного правительства новый проект Положения о Главном экономическом комитете². Новый проект представлял собой несколько подкорректированный текст, вынесенный на обсуждение Всероссийского съезда районных комитетов снабжения, но не принятый им. В проекте уже не предусматривалось создание при Главном экономическом комитете никакого совещательного органа с участием представителей общественности (Совещания по экономическим вопросам, созданным по положению 24 июня 1917 г.), что объяснялось созданием специальной «Комиссии по урегулированию народного хозяйства и труда» при Временном совете Российской республики (Предпарламенте), который уже приступил к работе³.

19 октября 1917 г. вопрос о преобразовании Главного экономического комитета заслушан Комиссией по урегулированию народного хозяйства и труда *Временного совета Российской республики*. Однако новое Положение о Главном экономическом комитете введено в действие не было. В тот же день Главный экономический комитет внес на рассмотрение Временного правительства проект положения «Об учреждении районных экономических комитетов и советов»⁴, призванных объединить и согласовать деятельность местных органов снабжения в соответствии с устанавливаемым Главным экономическим комитетом планом снабжения страны (представление рассмотреть не успели).

26 октября 1917 г. С.Н. Третьяков был арестован вместе с другими членами Временного правительства, освобожден в конце февраля 1917 г. Главный экономический комитет был упразднен декретом Совета народных комиссаров от 15 ноября 1917 г. с передачей делопроизводства и средств в ведение уполномоченных Совета народных комиссаров по организации Высшего экономического совещания⁵.

Не подпадая формально под признаки государственных учреждений, Экономический совет и его исполнительный орган (Главный экономический комитет) были включены в структуру правительственного аппарата. Все решения Экономического совета подлежали утверждению правительством, следовательно,

¹ Вестник Временного правительства. 1917. № 182 (228). 20 октября (2 ноября).

² ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 560. Л. 126.

³ Там же. Л. 127.

⁴ Экономическая политика России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л, 1957. С. 307–309.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. № 63. С. 89. Декретом ВЦИК и СНК от 2 (15).12.1917 был учрежден ВСНХ в качестве органа, основной задачей которого являлась «организация народного хозяйства и государственных финансов», а с этой целью – выработка общих норм и плана регулирования экономической жизни страны, согласование и объединение деятельности центральных и местных регулирующих учреждений и др. См.: Декреты Советской власти. Т. 1. № 120. С. 172–174.

его можно рассматривать «в качестве совещательного органа, образованного для выработки принципов экономической политики»¹. Вместе с тем постановления Главного экономического комитета могли быть отменены только Временным правительством, что изначально давало ему фактическую независимость от Экономического совета в принятии решений. П.В. Волобуев отмечал, что «даже по характеристике монополистических кругов Главный экономический комитет был чисто бюрократическим учреждением», в котором преобладал «буржуазный» состав членов².

Это наблюдение, а также тот факт, что именно Главный экономический комитет занял лидирующее положение в проведении экономической политики правительства, представляются неслучайными, особенно если принять во внимание другие обстоятельства, связанные с деятельностью председателя Главного экономического комитета С.Н. Третьякова³. 8–10 августа он принимал деятельное участие в *Совещании общественных деятелей в Москве* и был избран в его постоянное бюро (товарищем председателя Совета общественных деятелей); 25 сентября 1917 г. именно по решению Совета общественных деятелей С.Н. Третьяков вошел в четвертое (третье коалиционное) правительство в качестве председателя Экономического совета и затем Главного экономического комитета⁴. Кроме того, С.Н. Третьяков в октябре 1917 г. входил в состав ежедневных частных совещаний министров-кадетов (А.И. Коновалов, Н.М. Кишкин, А.В. Карташов) и членов ЦК кадетов (П.Н. Милоков, А.И. Шингарев, М.М. Винавер и др.). Цель этих совещаний, по свидетельству В.Д. Набокова, заключалась в том, чтобы с одной стороны, держать министров в постоянном контакте с Центральным комитетом партии кадетов, с другой, «иметь постоянное и правильное осведомление обо всем, происходящем в правительстве»⁵. Необходимо также принять во внимание, что фактически Экономический совет и Главный экономический комитет приступили к работе только после июльского кризиса, т. е. после образования второго коалиционного правительства.

Исходя из характера деятельности и взаимодействия экономических учреждений, образованных при Временном правительстве летом 1917 г., можно утверждать, что, помимо прямой необходимости для правительственной коалиции договориться о методах проведения мероприятий по стабилизации экономической ситуации, образование Экономического совета и Главного экономического комитета было вызвано также тактическими соображениями: образовав при правительстве специальные совещательные учреждения по экономическим вопросам,

¹ *Белошанка Н.В.* Временное правительство в 1917 г.: механизмы формирования и функционирования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 25.

² *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 143.

³ О С.Н. Третьякове подробнее см.: Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002.

⁴ 14 сентября 1917 г. С.Н. Третьяков в числе других представителей московских либеральных кругов прибыл в Петроград для переговоров о создании нового кабинета правительства по приглашению нового премьера А.Ф. Керенского. Предварительные условия вхождения в правительство были выработаны ими заранее (*Милоков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 476).

⁵ *Набоков В.* Указ. соч. Т. 1. С. 83.

либералы, терявшие свое влияние в правительстве, пытались не только заставить социалистов разделить ответственность за государственные интересы страны, но и по возможности удержать решения по экономическим вопросам в границах собственной политики. Основным же условием реализации правительственной политики Центральный комитет кадетов в текущий момент считал укрепление авторитета и власти правительства прежде всего путем решительного отказа от посягательств «всех без исключения групп и организаций <...> отменяющих либо изменяющих акты Временного правительства и вторгающихся в область законодательства или управления»¹.

4.3. Государственное совещание

Июльский политический кризис нарушил неустойчивое равновесие политических сил. К этому моменту срок созыва Учредительного собрания уже был назначен на сентябрь 1917 г., позднее перенесен на ноябрь 1917 г.² К концу июля в правительстве становится очевидным необходимость создания парламентской платформы, которая могла бы консолидировать общественное мнение и таким образом оказать необходимую поддержку как политике нового правительства, так и самому новому премьеру Керенскому.

Идея парламентской платформы на период до созыва Учредительного собрания была обозначена общественными деятелями практически сразу после образования Временного правительства³. Создание представительного органа требовалось как для оперативного разъяснения общественности текущей политики правительства, так и для «ликвидации ненормального состояния двоевластия»⁴. Однако проект приблизился к реализации только во время июльского кризиса: на заседании правительства 12 июля Государственный контролер И.В. Годнев предложил вынести вопрос об образовании нового кабинета на специально созванное Государственное совещание. Было известно, что крупные партии скептически относились к такому проекту, однако его поддерживала непартийная общественность, особенно в Москве⁵. На заседании правительства 25 июля А.Ф. Керенский

¹ Из заявления ЦК партии Народной свободы, опубликованном 6 (19) мая 1917 г. (в день опубликования декларации первого коалиционного правительства) (Речь. 1917. № 105. 6 (19) мая); *Милуков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 98.

² Постановлением от 14 июня 1917 г. Временное правительство назначило днем выборов 17 сентября 1917 г., созыв Учредительного собрания – 30 сентября 1917 г. (Вестник Временного правительства. 1917. № 80. 15 июня); Постановлением 9 августа сроки перенесены на два месяца: на 12.11.1917 и 28.11.1917 соответственно.

³ Подробнее см.: *Жданова И.А.* Государственное совещание // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 212–213; *Руднева С.Е.* Демократическое совещание. С. 13–14.

⁴ *Николаев А.Б.* «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 г.: новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб., 1994. С. 39.

⁵ Московские либеральные газеты «Утро России» и «Русское слово» в июле и августе 1917 г. пропагандировали Государственное совещание под лозунгом «Петроград – не вся Россия», противопоставляя Государственное совещание межпартийным соглашениям и влиянию как отдельных партий, так и Советов.

выдвинул предложение созвать Государственное совещание в Москве с привлечением представителей широкого спектра политических и общественных объединений, которое «даст нам возможность почувствовать пульс страны и в то же время изложить и объяснить нашу политику»¹.

Государственное совещание было создано Временным правительством «в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны» и прошло в Москве 12–15 августа 1917 г.² На Совещании присутствовало около 2600 делегатов, в т. ч. 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 313 представителей исполнительных комитетов Советов рабочих, 129 солдатских и крестьянских депутатов, 100 чел. от Советов рабочих и солдатских депутатов, 150 от торгово-промышленных организаций и банков, 176 от профсоюзов, 147 от городских дум, 118 от Земского и Городского союзов, 117 от армии и флота, 100 от Крестьянского союза, 99 от технических организаций, 90 от продовольственных комитетов, 83 от трудовой интеллигенции, 51 от сельскохозяйственных обществ, 58 от национальных групп, 24 от религиозных обществ, 33 правительственных комиссара, 15 членов и представителей правительства³. Большевики от участия в Государственном совещании формально отказались (т. к. согласно принятому 10 августа 1917 г. ЦИК Советов решению их фракция лишалась права самостоятельного голоса), однако фактически в составе Государственного совещания были. Причинами протеста против московского совещания большевики называли подмену Совещанием реального общественного мнения (Учредительного собрания) с целью затягивания войны и поддержки контрреволюции. Московское совещание «имеет своей задачей подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман», в конечном счете «имеет своей целью санкционировать контрреволюционную политику, поддержать затягивание империалистической войны, встать на защиту интересов буржуазии и помещиков, подкрепить своим авторитетом преследование революционных рабочих и крестьян»⁴. Под влиянием агитации большевиков в день открытия Государственного совещания в Москве и окрестностях прошли уличные выступления и забастовки протеста.

Нарастающая конфронтация политических сил общества накануне московского совещания получила программное оформление. Обозначились два основных политических центра: либерально-консервативный («цензовый») и либерально-социалистический («демократический»), которые провели свои подготовительные совещания.

Правый блок (объединивший кадетов, депутатов Государственной думы, представителей торговли и промышленности, духовенства, Союза офицеров армии и флота и др.) созвал 8–10 августа 1917 г. в Москве Совещание общественных деятелей. Оно было организовано по инициативе П.П. Рябушинского, В.А. Маклакова, С.Н. Третьякова и др. В нем приняли участие около 400 чле-

¹ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 228.

² Вестник Временного правительства. 1917. № 131 (177). 15 августа.

³ Списки участников: Государственное совещание / предисл. Я.А. Яковлева. М., Л., 1930. С. 308–329.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 14.

нов из Москвы, Петрограда и провинции. Участники Совещания избрали постоянно действующий орган – Совет общественных деятелей и приняли общую резолюцию. Первым председателем Совета общественных деятелей был избран М.В. Родзянко, заместителем С.Н. Третьяков. Резолюция, оглашенная 10 августа 1917 г. П.Н. Милюковым и принятая единогласно, требовала немедленного создания единой и сильной государственной власти, которая восстановит дисциплину и полноту власти командного состава действующей армии, а также «покончит с системою безответственного хозяйничанья коллегиальных учреждений в области государственного управления», в частности, ликвидирует зависимость правительства и армии от «каких бы то ни было комитетов и советов и других подобных организаций»¹.

Левый блок сложился по инициативе меньшевистско-эсеровского ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, который 11 августа предложил в качестве основы для объединения демократических сил программу, объявленную 8 июля 1917 г. правительством А.Ф. Керенского (без соглашения с партией кадетов). К 11 августа 1917 г. в «демократический» блок вошло около 600 представителей различных демократических организаций; в последующие дни блок пополнился представителями кооперации, профсоюзов и др.

Открытие Государственного совещания происходило в атмосфере тревоги и недоверия, вызванных обострением политической борьбы, а также тем фактом, что впервые после Февраля две противоборствующие стороны должны были выступать в одном пространстве на широкой публике. Накануне распространились слухи о возможных эксцессах, вплоть до применения бомб. Большой театр, где собралось Государственное совещание, был взят под усиленную охрану².

Совещание проходило под председательством премьера А.Ф. Керенского, вступительная речь которого произвела на многих негативное впечатление своей жесткостью и ультимативностью требований подчиниться «воле верховной власти и мне, верховному главе ее»³. При этом речь генерала Л.Г. Корнилова 14 августа о необходимости жесткой дисциплины как в армии, так и в тылу (в частности, законодательного определения власти местных комитетов и Советов) была бурно поддержана правой частью зала⁴. В целом демонстрации поддержки выступавших посредством аплодисментов и криков углубляли у левых и правых участников Совещания ощущение острой вражды.

13 августа, во время проходивших фракционных заседаний, выяснился расклад сил, состоящий из двух основных коалиционных объединений. Левый «Демократический» блок объединил около 1240 членов Государственного совещания (47 %), включая представителей от кооперации и профсоюзов. Правый блок, сложившийся вокруг декларации IV Думы и резолюции Совещания общественных деятелей 10 августа, насчитывал примерно 300 человек (12 %) со-

¹ См.: Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8–10 августа 1917 года. М., 1917. С. 133, 135; Речь. 1917. 12 августа.

² Русские ведомости. 1917. 13 августа.

³ Государственное совещание. 12–15 августа 1917 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 3–16.

⁴ Там же. С. 64–64. В унисон с выступлением генерала Л.Г. Корнилова прозвучала речь генерала М.В. Алексева (Там же. С. 202–203).

става Государственного совещания. Несмотря на то что правые силы имели на Государственном совещании большинство мест, объединения всех правых членов совещания в одном блоке не произошло¹. На заседании блока представителей «демократических» организаций была принята общая декларация (на основе программы 8 июля 1917 г.), зачитанная на Государственном совещании 14 августа председателем Центрального Исполнительного комитета Советов Н.С. Чхеидзе от имени значительного числа организаций (которые, однако, не составляли большинства членов Государственного совещания)². Основная причина невозможности поддержки декларации «демократического блока» представителями «правого блока» состояла в том, что декларация «не видела причины распада армии и страны в ошибочной тактике «революционной демократии», напротив признавая «недопустимым восстановление дисциплинарной единоличной власти начальников»³.

Таким образом, общей резолюции на Государственном совещании принято не было. Но несмотря на то что надежды на консолидацию не оправдались, работа Государственного совещания имела свои положительные последствия. В целом оно смогло послужить первым опытом создания парламентской платформы, которая, с одной стороны, являлась альтернативой межпартийным соглашениям, с другой – могла бы контролировать власть. Временному правительству также удалось использовать факт проведения совещания для укрепления власти, прежде всего в провинции: комиссары разъясняли значение совещания как укрепление правительственной коалиции с опорой на общественный «базис», в органах местного самоуправления социалисты и кадеты смогли наладить сотрудничество⁴. Несмотря на отсутствие общей резолюции и расхождение программных требований, политические и общественные силы страны в конце августа 1917 г. продемонстрировали готовность к примирению, символом которого в последний день Государственного совещания стало рукопожатие между представителем торгово-промышленных групп А.А. Бубликовым и лидером Советов И.Г. Церетели, встреченное бурными аплодисментами.

4.4. Демократическое совещание

События конца августа 1917 г., связанные с провалом корниловского выступления, привели к очередному распаду коалиционного правительства. Образование

¹ Николаев А.Б. Исторический опыт российского парламентаризма. Государственное совещание 1917 г. // Историк и революция. СПб., 1999. С. 170–172.

² Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, Исполком комитета Совета крестьянских депутатов, Исполнительный комитет объединенных общественных организаций, кооперативов, продовольственных комитетов, фронтовых и армейских организаций и солдатских секций ЦИК Советов, Центральный комитет Всероссийского союза увечных воинов, Исполнительный комитет Петроградского союза увечных воинов, Всероссийский союз земских рабочих, Центральный союз служащих правительственных, общественных и частных учреждений, Всероссийский железнодорожный учредительный съезд и большинство представителей городских самоуправлений.

³ Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 294–295.

⁴ Николаев А.Б. Исторический опыт российского парламентаризма. Государственное совещание 1917 г. С. 172–173.

А.Ф. Керенским Директории («Совет пяти») с одновременным объявлением России республикой создали необходимость новой парламентской платформы. Активная поддержка правыми на Государственном совещании военной диктатуры генерала Корнилова, отрицание полномочий местных общественных организаций (Советов и комитетов) вызвали инициативу левых партий образовать новое демократическое правительство без участия правых сил, в частности, партии кадетов. Идея создания специального совещания представителей демократического блока была высказана Ф.И. Даном на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов 27 августа 1917 г., т. е. сразу после получения известий о корниловском выступлении¹. Резолюция 1 сентября 1917 г. объединенного заседания ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов объявляла о немедленном созыве съезда «всей организованной демократии и демократических органов местного самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного Собрания»².

Для придания демократическому совещанию характера широкого народного представительства предполагалось приглашение в его состав членов либерально-социалистического «демократического» блока, сформированного еще на Государственном совещании. При этом общество продолжало радикализироваться: социалистическая часть «советской демократии» предпочитала решить вопрос о власти не на Демократическом совещании, а на съезде Советов. Петроградским съездом 1 сентября 1917 г., Московским 6 сентября 1917 г. и др. были приняты большевистские резолюции о переходе власти к Советам. В условиях роста влияния Советов Временное правительство было вынуждено отложить окончательное формирование кабинета на период после окончания работы Демократического совещания³.

Оно состоялось в Петрограде 14–22 сентября 1917 г. в помещении Александринского театра⁴. В Демократическом совещании приняли участие 1582 делегата, в т. ч. от ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов – 200 чел., от областных и провинциальных Советов – 240, от профсоюзов рабочих и фабзавкомов – 100, от профессиональных организаций различных категорий служащих – около 200, от городских дум – 300, от земств – 200, от организаций армии и флота – 125, от кооперации – 120, от рабочей кооперации – 30, от комитетов по снабжению, топливу, металлу – 16, от продовольственных комитетов – 15, от земельных комитетов – 45, от национальных организаций – 60, от казачьих организаций – 31. Партийный состав: 532 эсера, 172 меньшевика, 136 большевиков, 55 членов Трудовой Народно-

¹ Рабочая газета. 1917. № 146. 29 августа; Меньшевики в 1917 г. В 3 т. М., 1996. Т. 2. С. 111.

² Меньшевики в 1917 г. В Т. 3. М., 1996. Т. 1. С. 143.

³ 9 сентября 1917 г. в «Совет пяти» министров прибыла депутация во главе с Чхеидзе, заявившая о недопустимости формирования коалиционного правительства до окончания Демократического совещания (*Милоков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 458).

⁴ О Демократическом совещании см. подробнее: *Руднева С.Е.* Демократическое совещание.

социалистической партии, 4 кадета., 23 украинских эсера, 15 бундовцев, 28 представителей других национальных социалистических партий, более 400 делегатов зарегистрировались как беспартийные¹.

Основной задачей Демократического совещания являлось разрешение правительственного кризиса путем формирования нового демократического правительства. Однако к открытию Совещания выяснилось, что в рядах меньшевиков – основных организаторов – произошел раскол по вопросу об организации власти. Часть меньшевиков считала необходимым защищать коалицию с кадетами, ради разрушения которой первоначально предполагалось созвать Демократическое совещание². Незадолго до открытия Демократического совещания на совместном заседании руководства ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов с участием делегатов от городских дум, земств и кооперативов приглашенные на заседание делегаты заявили, что в состав чисто демократического правительства они не войдут, т. к. считают, что такое правительство не будет признано населением. И «буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти» и «главная цель, ради которой оно (Демократическое совещание. – А. С.) было задумано, исчезла»³.

На заседании 12 сентября ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов принцип коалиции был принят с небольшим перевесом 119 голосов против 101, однако также была принята поправка меньшинства фракции меньшевиков о недопустимости коалиции с кадетами. Раскол в стане советской демократии фактически предопределил судьбу Демократического совещания, а также поставил крест на декларируемом ею стремлении сплотить вокруг себя все демократические слои российского общества. Парадокс заключался в том, что никто из спорящих делегатов Демократического совещания «так и не заметил, что в главном они мало чем отличались от столь поносимых ими цензовиков, сторонников Корнилова», которые также считали, что главная задача любого правительства – укрепление его управленческих функций⁴.

В ходе дебатов на самом Совещании, открывшемся 14 сентября, выяснилось, что голоса депутатов делятся на две примерно равные части: сторонников коалиции с «цензовыми элементами» и сторонников «однородного» правительства (или власти Советов). При этом обнаружилась радикализация левой части совещания: советская курия осудила ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов за созыв Демократического совещания вместо съезда Советов, при этом за «власть Советов» определенно высказалась половина курии (85 за и 87 против). В процессе общего голосования определенного решения по вопросу о коалиции достигнуто

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 1. С. 248.

² Подробнее см.: Меньшевики в 1917 г. М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 42–46; *Жданова И.А.* Демократическое совещание // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. С. 267–269.

³ *Дан Ф.* К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М., 1999. С. 137.

⁴ *Ненароков А.П.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // Меньшевики в 1917 г. В 3 т. М., 1996. Т. 1. С. 43, 46.

не было. 20 сентября 1917 г. «расширенный президиум» Демократического совещания (совместно с представителями групп, фракций и Центральными комитетами партий) принял резолюцию против коалиции (против 60, за 50). Однако А.Ф. Керенский отказался войти в однородное правительство и тем самым обеспечить преемственность власти¹.

В тот же день Демократическое совещание приняло окончательную компромиссную резолюцию: правительство должно руководствоваться демократической «программой 14 августа» и быть ответственным перед Всероссийским демократическим советом (Предпарламентом), созданным Демократическим совещанием в качестве постоянного представительного органа до открытия Учредительного собрания. В случае образования коалиционного правительства Всероссийский демократический совет также «должен быть дополнен делегатами от буржуазных групп»². Резолюция в целом была принята 829 голосами, против – 106, воздержавшихся – 69 (против голосовали левые эсеры и часть большевиков, большинство фракции большевиков не голосовало за резолюцию целиком, покинув заседание в связи с несогласием принять их предложение поставить статус Всероссийского демократического совета выше статуса правительства)³. Для переговоров о создании правительства на условиях принятой резолюции Демократическое совещание поручило президиуму выбрать делегацию, которая должна была отчитаться перед Всероссийским демократическим советом, состав которого был утвержден 21–22 сентября 1917 г. 22 сентября делегация президиума Демократического совещания (в нее входили только сторонники коалиции с кадетами⁴) приняла участие в переговорах об образовании нового правительства с членами уже намеченного кабинета⁵. Соединенное совещание представителей Демократического совещания и Временного правительства открыл А.Ф. Керенский сообщением о плане восстановления коалиции и создания консультативного органа – Временного совета республики, который должен был работать до Учредительного собрания⁶.

Со стороны либералов и представителей московской группы для вхождения в новый кабинет правительства имелись препятствия в принятой Демократическим совещанием резолюции, а именно «программа 14 августа» и принцип ответственности правительства перед новым представительным органом⁷. По мнению либералов, представительный орган мог быть только совещательным, поскольку депутаты его подбирались «произвольно», а не в результате выборов. Соответственно,

¹ Руднева С.Е. Демократическое совещание. С. 196–197.

² ГА РФ. 1798. Оп. 1. Д. 10. Л. 8, 9.

³ См.: Руднева С.Е. Демократическое совещание. С. 206–211.

⁴ Н.Д. Авксентьев, А.Р. Гоц, И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе (от Советов), городские голы В.В. Руднев и Г.И. Шрейдер (от городских дум), А.М. Беркенгейм – от кооперации, Я.И. Душечкин – от земств (Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 1. С. 338, 340).

⁵ В совещании приняли участие представители от московской группы (Совета общественных деятелей и кандидатов в члены правительства) А.И. Коновалов, Н.М. Кишкин, П.Н. Маянатович, С.А. Смирнов, С.Н. Третьяков и др.) и члены ЦК кадетов, члены Юридического совещания при Временном правительстве М.С. Аджемов и В.Д. Набоков (Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 1. С. 338, 340).

⁶ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 294.

⁷ Речь. 1917. 14 сентября.

правительство не могло нести перед ним ответственность, и он не мог быть поставлен выше правительства. В результате переговоров с либералами И.Г. Церетели пошел на уступки и 22 сентября 1917 г. представил Всероссийскому демократическому совету проект соглашения согласно которому: 1) Предпарламент созывался и формировался правительством, 2) ответственность правительства перед Предпарламентом формально не устанавливалась, поскольку неизбежно должна была установиться ответственность моральная, т. е. фактическая¹. В прениях по докладу И.Г. Церетели члены Всероссийского демократического совета (не только левые, но и умеренные) выразили неудовлетворенность результатами переговоров. Однако, исходя из необходимости во что бы то ни стало образовать коалиционное правительство, большинство собрания с Церетели согласилось. 23 сентября 1917 г. делегация Демократического совещания пошла и на отступление от «программы 14 августа»².

4.5. Предпарламент

Третье коалиционное правительство было образовано 25 сентября 1917 г. Однако оно не имело достаточной поддержки как слева, так и справа и было политически слабым. Как никогда власти требовалась морально-политическая опора в виде представительного органа. Поскольку коалиция стала фактом, Всероссийский демократический совет, ставший «демократической» частью будущего Предпарламента, должен был дополниться «цензовыми элементами».

С одной стороны, надежды на новый представительный орган возросли. Его социальный и классовый состав был шире, что приближало его к массе населения и обещало более прочным кредитом доверия. Предпарламент даже называли «третьим предпарламентом» (имея ввиду, что Государственное и Демократическое совещания были первым и вторым предпарламентами соответственно)³, подчеркивали его важность в ходе развития парламентаризма периода революции. С другой стороны, совещательный характер представительства сводил ожидания на нет и вызывал скептицизм.

Разработка проекта Предпарламента 25 сентября 1917 г. была возложена правительством на *Юридическое совещание*⁴. За основу был принят проект члена Юридического совещания М.С. Аджемова⁵. 28 сентября 1917 г. в обсуждении проекта принял участие И.Г. Церетели, настаивавший на сохранении ранее принятого размера представительства «демократической» и «цензовой» частей. Проект был

¹ Руднева С.Е. Демократическое совещание. С. 222.

² Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 1. С. 340–342.

³ Вестник Европы. 1917. № 9–12. С. 391.

⁴ ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 28. Л. 139об.; Руднева С.Е. Предпарламент. С. 50–63.

⁵ Образцом для проекта послужил текст «Учреждения Государственной думы» от 6 августа 1905 г., на отдельные статьи которого были сделаны соответствующие ссылки. Поэтому многие общественные и политические деятели рассматривали Предпарламент как воплощение проекта булыгинской думы, а пресса в связи с этим отмечала склонность февральского режима к восстановлению самодержавных институтов (Речь. 1917. 28 сентября).

утвержден правительством и опубликован 3 октября 1917 г.¹ Название «Совет Российской республики» было предложено делегацией Демократического совещания во главе с И.Г. Церетели². Органом, формирующим Предпарламент, стало Временное правительство, которое утвердило состав Предпарламента из 555 членов, из них 167 «цензовиков» (т. е. 30 % общего числа членов).

Временный совет Российской республики (Предпарламент) заседал в Петрограде с 7 по 25 октября 1917 г. в Мариинском дворце. Члены Предпарламента назначались правительством по представлению общественных и политических организаций по квотам: 388 представителей «демократических элементов» (либерально-социалистического направления), 167 «цензовых» (либерально-консервативного направления)³. Открывший заседание А.Ф. Керенский обозначил основные задачи: созыв Учредительного собрания, оборона и воссоздание боеспособности армии, борьба с анархией и экономической разрухой. Председателем Предпарламента был избран председатель Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов эсер Н.Д. Авксентьев, товарищами председателя меньшевик В.Н. Крохмаль, энес А.В. Пешехонов и кадет В.Д. Набоков, секретарем эсер М.В. Вишняк⁴. Всего состоялось 10 общих заседаний Предпарламента.

Большевики покинули заседание в конце первого дня работы. В оглашенной ими декларации было указано на полное несогласие с политикой правительства, а также на невыполнение Демократическим совещанием своих целей: «упразднение безответственного личного режима» и «создание подотчетной власти»; большевики указали на невозможность участия в Предпарламенте как в совещательном органе, созданном безответственной властью для собственного прикрытия, в котором «цензовые элементы» представлены «в таком числе, на которое, как показывают все выборы в стране, они не имеют никакого права»⁵.

Оставшаяся часть участников Предпарламента полностью совпала в мнениях только по одному вопросу: борьба с большевиками. Основными требованиями левых являлись активная мирная политика и передача земли земельным комитетам (меньшевики и эсеры надеялись таким путем отбить массы у большевиков); справа главными лозунгами были спасение армии, обуздание анархии и борьба с большевиками. Однако в рядах левых и правых произошел внутренний раскол по вопросам тактики. Из фракции меньшевиков выделилась отдельная группа меньшевиков-интернационалистов, 20 левых эсеров также образовали отдельную от фракции эсеров группу. У кадетов, таким образом, появилась возможность создать правое большинство в союзе с умеренными социалистами (сторонниками такого союза были В.Д. Набоков и М.С. Аджемов, их поддержали Центральный комитет и большинство фракции кадетов Предпарламента). Однако П.Н. Милюков, избранный главой фракции, посчитал союз с социалистами невозможным с точки зрения участия в избирательной компании в Учредительное собрание. Так, раздираемый

¹ Вестник Временного правительства. 1917. 3 октября.

² *Набоков В.Д.* Указ. соч. Т. 1. С. 69–70.

³ *Руднева С.Е.* Предпарламент. С. 89–94.

⁴ ГА РФ. 1799. Оп. 1. Д. 21. Л. 105–108; Д. 26. Л. 19–34.

⁵ Временный совет Российской республики. Заседание первое. 7 октября. Стенографический отчет. Пг., 1917. С. 2–23.

противоречиями и лишенный какого бы то ни было единства, Предпарламент шел навстречу большевистскому восстанию.

На утреннем заседании 24 октября 1917 г. А.Ф. Керенский объявил о начавшемся большевистском мятеже и попросил от Предпарламента поддержки правительства. Затем он покинул заседание. Только к вечеру была принята общая резолюция (за 123 чел., против 102), в которой Предпарламент фактически выразил недоверие правительству. Резолюция была предложена от фракций меньшевиков, меньшевиков-интернационалистов, эсеров и левых эсеров (написана Ф.И. Даном). Первый пункт осуждал подготовку большевиков к захвату власти; второй обвинял правительство в политике, создавшей почву для этого захвата, и требовал проведения мер: «Немедленный декрет о передаче земли в ведение земельных комитетов и решительное выступление во внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Далее предлагалось для борьбы с анархией создать «Комитет Общественного Спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующий в контакте с Временным Правительством»¹. Однако ситуация уже кардинально изменилась. 25 октября 1917 г. Мариинский дворец был окружен восставшими войсками, под угрозой насилия присутствующим членам Предпарламента пришлось разойтись.

* * *

В период между Февралем и Октябрем 1917 г. было образовано немало совещательных учреждений, призванных создать коалиционную платформу для обсуждения острых вопросов, стоявших перед страной и требовавших скорейшего разрешения. Правда, отдельные политические объединения, получившие возможность выражать и продвигать свое мнение в открытой дискуссии, стремились выразить именно свою точку зрения, недооценивая необходимость политического компромисса и сотрудничества. И все же совещательные учреждения стали необходимым элементом политической системы постфевральской России. Временное правительство обращалось к ним не столько как к экспертным группам, сколько к политическим форумам, способным укрепить авторитет новой власти, не уверенной в собственной легитимности. Вместе с тем эти учреждения должны были стать приемлемой альтернативой Советам – в силу своей большей предсказуемости. Формируя их, Временное правительство пыталось создать новые «площадки» политической активности. Проблема была в том, что к осени 1917 г. государственные институты перестали быть доминантами в системе властных отношений. Учреждаемые ими консультативные органы оказывались беспомощными. Советы же обретали особое значение, став вершиной «айсберга» складывавшейся политической системы, в основе которой был распад «ткани» прежнего государственного уклада.

¹ Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 185–186.

Глава 5. СОВЕТЫ И ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

(Е.П. Малышева, А.Ю. Бахтурина)

5.1. Идеиное обоснование и институализация власти Советов

Особое значение Советов в 1917 г. не ставится в историографии под сомнение¹. Напротив, авторами традиционно подчеркивается, что их заметная роль – явный признак того, как стремительно разрушались традиционные представления о политике и праве в условиях революции. Учреждения, отчасти напомиравшие о руссоистском идеале прямой демократии, самим фактом своего существования говорили о возможности принципиально нового политического режима². Правда, современная историография страдает от дефицита новейших исследований, посвященных Советам: а именно их социальной природе и политическому значению. В советской историографии неизменно подчеркивалась проблема «двоевластия», которая заслоняла все прочие сюжеты, связанные с функционированием Советов. В значительной мере этой традиции придерживаются и некоторые современные исследователи³.

Само понятие «двоевластие» возникло в первые дни работы Петросовета⁴, и оказалось очень удобным для будущих историков. С одной стороны, оно позволило увидеть в событиях февраля–марта 1917 г. признаки зарождавшегося нового, советской строя. С другой, само использование этого понятия подспудно оправдывало Советы как орган народовластия, по мнению ряда авторов, более легитимный, чем разогнанное Учредительное собрание⁵.

Вместе с тем концепция советской власти складывалась постепенно. Весной 1917 г. она вызывала неприятие даже у лидеров советских учреждений. В эсеровской газете «Дело народа» со всей определенностью утверждалось: «Для социалистов не может и существовать вопроса о двоевластии, на каждом шагу возбуждаемого робеющей буржуазией и паническими подголосками ее среди межеумочной прогрессивной интеллигенции. Властью является в данный момент Временное правительство, которое осуществляет – и поскольку оно осуществляет – свою

¹ *Потехин М.Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Очерки по истории Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 1917–1918. Л., 1966; *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 207–225; *Злоказов Г.И.* Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969; Он же. Большевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997; *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917. Л., 1976.

² *Степун Ф.А.* Избр. труды. М., 2010. С. 473–477.

³ История Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967. С. 17–29; *Андреев А.М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967. С. 89, 96–97, 139–157; *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С. 263–280; *Старцев В.И.* Революция и власть. Петроградский совет и Временное правительство в марте–апреле 1917. М., 1978. С. 11–46; *Гиммельсон Е.Г.* Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М., 2006. С. 12; Критический словарь Русской революции. С. 428–429.

⁴ *Жилкин И.В.* В Петрограде // Русское слово. 1917. № 53. 8 марта.

⁵ *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917–1918. М., 1987. С. 281–282.

программу»¹. В мае 1917 г. публицист и член партии кадетов А.С. Изгоев дал свое определение «двоевластия»: с его точки зрения оно заключалось в беспомощности действовавшей власти и вместе с тем нерешительности потенциального правительства, которое себя властью и не считало². Иными словами, «двоевластие» – это кризис власти, а не ее раздвоенность. Концепция советской власти завоевала популярность лишь к осени 1917 г. Как раз тогда ее начали реализовывать на практике.

Провозглашение Вторым Всероссийским съездом Советов перехода всей власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов имело характер политической декларации. Решения съезда и советского правительства в центре далеко не означали фактического перехода власти к местным Советами. Этот процесс шел в условиях жесткой политической борьбы, которая требовала определенной стратегии и тактики, а также на фоне активизации различных форм самоорганизации населения. Местные Советы, олицетворявшие собой элементы корпоративной системы самоуправления, по сути были одной из форм самоорганизации общества. Очевидно, что они вступали в столкновение с другими организациями самоуправления, возникшими как до, так и после февраля 1917 г. Соотнесение степени общественной инициативы и централизованной административно-политической деятельности в создании единой системы власти на местах, представленной Советами, свидетельствует о том, что именно Советы стали для большевиков средством овладения властью.

Отношение к Советам после создания Временного правительства напрямую было связано с оценкой возможности перерастания буржуазной революции в социалистическую. Обосновывая в статье «Нарастающий конфликт», опубликованной в марте 1917 г., курс на пролетарскую революцию, Л.Д. Троцкий говорил, что сделать это можно с опорой на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При этом непременным условием оставался созыв Учредительного собрания после победы революции³. Подчеркивал исключительно революционный характер Советов в начале 1917 г. А.В. Луначарский: «Советы как боевая революционная форма могут легко производить разрушительную работу против врагов революции, они могут, особенно в лице своего центра, законодательствовать. Но непосредственную, повседневную, часто мелкую, но столь важную работу осуществления революционного законодательства, но дело реального творчества в области хозяйственной и культурной... будут делать... органы местного самоуправления»⁴.

Несмотря на некоторое замешательство в первые послефевральские дни 1917 г., ЦК большевиков на заседании Бюро в начале марта допускал в перспективе возможность превращения Советов из зародышей революционной власти во Временное революционное правительство. В резолюции Бюро ЦК «О Временном правительстве», утвержденной Всероссийским Совещанием партийных работ-

¹ Дело народа. 1917. № 14. 31 марта. См.: *Смирнова А.А.* На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале–мае 1917 года. СПб., 2005.

² *Изгоев А.С.* «Кризис» // *Русская свобода*. 1917. № 3. С. 32–35.

³ *Троцкий Л.Д.* Соч. М.; Л., 1925. Т. 3. Ч. 1. С. 13.

⁴ *Луначарский А.В.* Муниципальная политика // *Город и земство*. 1917. № 1. С. 3–5.

ников в конце марта–начале апреля 1917 г. отмечалось, что Советы «как зачатки революционной власти» готовы в «определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа». Однако лозунг немедленной передачи власти в руки Советов не выдвигался¹.

Идея создания «республики Советов» как государства на основе замены пролетариатом «старой» («готовой») государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами впервые сформулирована В.И. Лениным зимой 1917 г. в работе «Марксизм о государстве». В «Апрельских тезисах» он подтвердит, что формой диктатуры пролетариата должна стать не парламентская республика, «а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»². Однако на апрельской конференции большевиков эта идея не получила безоговорочную поддержку. Изменения, внесенные в программу партии, заключались в замене буржуазно-парламентской республики демократической пролетарски-крестьянской, выражением которой было отсутствие полиции, постоянной армии, привилегированного чиновничества. При этом допускалось, что государственная власть после революции может перейти как в руки Советов, так и «других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа», в т. ч. Учредительного собрания и местного самоуправления³.

Тем не менее при отсутствии единства в теоретической трактовке будущей власти еще до прихода большевиков к власти началось практическое использование уже готовой организационной формы. В резолюции «О текущем моменте», принятой на апрельской конференции, впервые встречается указание на наделение Советов конкретными государственными функциями. Речь идет об осуществлении всеобщей трудовой повинности, «ибо характер этих учреждений гарантирует не полицейски-чиновничье осуществление преобразований, а добровольное участие организованных... масс пролетариата и крестьянства в регулировании собственного хозяйства». На этой же конференции было принято решение о пересмотре программы партии по различным направлениям, в т. ч. и в отношении организации государственной власти. На смену требованию буржуазно-парламентской республики был выдвинут лозунг о «демократической пролетарски-крестьянской республике (т. е. типе государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)»⁴. Другие формулировки, выдвинутые в ходе обсуждения этого вопроса, в т. ч. республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, не получили поддержки.

А.А. Богданов, полемизируя в статье «Государство-коммуна» летом 1917 г. с ленинским «Письмом о тактике», попытался определить характер Советов через обстоятельства их возникновения и, таким образом, выявить их состоятель-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М., 1983. С. 487.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 115.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК. Т. 1. С. 510–511.

⁴ Там же. С. 509.

ность как органов государственной власти. «Советы рабочих и иных депутатов представляют органы революционной борьбы, орудие движения революции, выполнение ею разрушения и строительства, – писал он, – следовательно, учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое». Подытоживая свои размышления, он скептически отмечал, что вряд ли они могут стать основой «нового типа государства», претендующего на демократическое. Ленинскую идею А.А. Богданов считал заблуждением, источник которого кроется в его максималистском мышлении, доведенном до крайности. Он вообще отмечал, что для В.И. Ленина и прежде было свойственно «отсутствие организационного анализа, вера в желаемое, своеобразный “оптимизм” разрухи, ожидание от него обыкновенных революционных результатов»¹.

К идее превращения Советов в органы государственной власти скептически относились представители иных социалистических партий. На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. один из лидеров меньшевиков Ф.И. Дан открыто заявил, что лозунг «Вся власть Советам» не имеет практического значения². Эсеры в партийной газете «Дело народа» 6 октября 1917 г. писали, что Советы в качестве института власти «совершенно не приспособлены к будничной работе»³. Исполком крестьянского съезда Советов, в своей резолюции 12 октября 1917 г. признавал эту «затею» «не только вредной, но и преступной, губительной для Родины и революции»⁴. Схожие настроения царили среди Советов солдатских депутатов. «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, – писала газета «Известия ЦИК Советов», – но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести дела и, наконец, нет самой организации»⁵.

Почему же Советы, возникшие спонтанно в ходе революции 1905–1907 гг. и неоднозначно оцененные социалистическим движением, все же были взяты на вооружение как органы государственной власти? Представляется, что объяснение тому кроется как в идеологических установках партии большевиков, так и объективных предпосылках. Прежде всего Советы являлись классовыми организациями, что делало их идеально подходящими для воплощения провозглашенной диктатуры пролетариата. «Для социалистической революции, – указывал Ленин, – необходимы не так называемые “общенародные” учреждения буржуазного парламентаризма, а классовые учреждения трудящихся и эксплуатируемых масс»⁶.

Марксистская правовая доктрина полностью строилась на организационно-правовом единстве власти. В этом заключалось ее своеобразие и скрывалась причина поиска новых организационных форм. Маркс видел такой орган в Коммуне,

¹ Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 344, 245, 347, 352–355, 358.

² Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы советской власти. 1917–1922 гг. М., 1957. С. 13.

³ См.: Кукушкин Ю. Русская государственность: от общины к Советам // Диалог. 1999. № 11. С. 68.

⁴ Дело народа. 1917. 13 октября.

⁵ Известия. 1917. 12 октября.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 232.

которая должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией. Ленин, отказываясь от парламентаризма, который символизировал разделение труда, взял на вооружение Советы, которые должны были сосредоточить «в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов».¹

Концепция организации власти не могла не учитывать одну из самых популярных не только в социал-демократическом, но и в либеральном движении идею – самоуправление. В основе ее марксистской трактовки лежало положение, что управление народом должно быть заменено самоуправлением народа. Говоря о Парижской коммуне, Маркс отмечал, что она воплощает «обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабащивающих общество, становятся его собственные живые силы»². Целесообразность такого самоуправления заключается в том, что оно разрушает прежнюю государственную машину, заменяет старое чиновничество выборными и ответственными перед народом должностными лицами. Правда, этот тезис вызывал закономерное опасение среди революционеров.

Идея самоуправления была подхвачена Лениным, который в подготовительных материалах к работе «Государство и революция» писал, что «задача пролетарской революции “разбить”, ослабить эту машину, заменить ее полнейшим самоуправлением внизу, на местах, и прямой властью вооруженного пролетариата, его диктатурой наверху». Советскому государству предстояло по-новому подойти к проблемам управления, «но... разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики». Развивая эту идею, Ленин утверждал, что «организаторская работа сильна и рядовому рабочему, и крестьянину, обладающим грамотностью, знанием людей, практическим опытом», и что «при социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтоб никто не управлял»³.

Нельзя оставить без внимания социальную природу Советов, которая скрывалась в общинном характере русского крестьянства. Во всяком случае, на это обстоятельство позже неоднократно указывалось даже в эмигрантских кругах. В публичной лекции кн. В.Н. Львова, прочитанной 12 октября 1921 г. в Париже, содержится признание, что «Советы есть осколок общинного управления и поэтому понятен народу»⁴. Кроме того, Советы возникли как органы социально-классового представительства, что в определенной мере отражало сложившуюся в российской истории традицию сословно ориентированных органов самоуправления. Политический потенциал Советов изначально выражался в реальной и неразрывной связи с массами. Учитывая особенности социального развития России в начале XX в., общинная природа Советов была понятна и близка большинству населения. Принимая во внимание эти обстоятельства и то, что Советы получили еще до октября 1917 г. массовое развитие, организационная модель новой власти была предопределена и поставлена в прямую зависимость от борьбы за

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 481.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 548.

³ Там же. Т. 35. С. 198. Т. 33. С. 116.

⁴ Львов В.Н. Советская власть в борьбе за российскую государственность. М., 1922. С. 35.

власть партии большевиков. Позже сам Ленин признавался, что Советы явились «готовой формой... оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму, законно признанную».¹

Несмотря на то что Советы были достаточно распространены в дооктябрьский период и в отдельных губерниях, уездах и городах представляли собой внушительную политическую силу, декрет «О власти» не был воспринят ими безапелляционно. Противоречия проявились уже на II Всероссийском съезде Советов. Представитель левых эсеров Карелин, несмотря на признание роли партии большевиков в революции, призвал свою фракцию голосовать против власти Советов². Во многом этому способствовало то, что провозглашение всевластия Советов уживалось с намерением созыва Учредительного собрания. Для первых после революционных месяцев был характерен двойственный подход к оформлению власти, который не мог не влиять на расстановку политических сил на местном уровне, а, следовательно, и на решение вопроса об организационной форме новой власти.

Советизация территории не была прямолинейным процессом и не вписывается в какие-либо разработанные схемы. Она во многом зависела от субъективных факторов, а также конкретного соотношения политических сил, их активности, степени политизации самого населения и актуализации для данного региона тех или иных экономических, продовольственных, военных, социальных и иных проблем.

Необходимо учитывать, что Советы были органами социального представительства и поэтому имели разную классовую ориентацию. И это выражалось не только в том, что одни приставляли рабочих, другие – солдат, третьи – крестьян. В силу разнообразия своего социально-партийного состава и политического воззрения на будущую государственность местные Советы заняли разную позицию по вопросу о превращении революционных органов в органы государственной власти. Некоторые из них прямо высказывались против. Такую позицию, например, заняли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Орле. На совместном заседании их исполкомов 26 октября была принята резолюция, осуждавшая Октябрьское вооруженное восстание. 30 октября Тульский Совет большинством голосов отклонил резолюцию о передаче власти Советам и т. д.³ Некоторые Советы вообще себя позиционировали как внесоциальные и беспартийные структуры. Совет в Усть-Сысольске, например, заявил, что он орган беспартийный, и поэтому занял следующую позицию: «Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильные – то согласимся, если неправильные – не согласимся... будем рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности»⁴. В отдельных регионах имело место своеобразное «двоевластие». Вятская губерния «находилась в состоянии острого брожения»,

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 6.

² Второй Всероссийский съезд Советов. М., 1928. С. 82–83.

³ Хесин С.С. Становление пролетарской диктатуры в России. М., 1975. С. 118.

⁴ Цит. по: Вайровская С.В. Земства и Советы в 1917–1918 гг. Сыктывкар, 1994. С. 15.

т. к. одновременно заявляли о своих властных полномочиях Верховный Совет по управлению губернией и городской Совет, и т. д.¹

Но говорить о полновластии Советов в первые месяцы после революции вряд ли корректно. С одной стороны, это было обусловлено некоторой имевшей место политической пассивностью Советов в условиях явно неопределившегося их статуса на местном уровне при наличии иных общественных институтов самоуправления и революционной нестабильности. В частности, 13 ноября 1917 г. Одесский комитет большевиков писал в ЦК партии: «Советы, и, главным образом, исполнительные комитеты Советов, принимая на пленумах большевистские резолюции, на деле в повседневной работе саботируют... большевистскую работу и тактику»². Бездействие Советов отмечалось даже в самом Петрограде. «Произвели выборы в районный Совет, но он не собирается. Когда ни придешь – там сидят вооруженные люди, высокомерно встречающие рабочих. Кто они – мы не знаем», – констатировал рабочий одной из петроградских фабрик³.

С другой стороны, для первых революционных месяцев была характерна децентрализация и местная автономия, обусловленная как дезорганизацией прежней системы территориального управления, так и пониманием объема полномочий Советов, а также той ролью, которую они играли в захвате власти. Широкие права Советов после революции также диктовались не столько желанием центра, сколько его неспособностью обеспечить централизованное администрирование. Санкционировав передачу их в руки местного управления, что являлось тактическим приемом овладения властью, большевистское руководство должно было смириться с его временной децентрализацией. Выдержать иной подход было очень трудно еще и потому, что советское правительство, несмотря на все усилия, еще не владело точной и полной информацией о состоянии дел на местах. Выступая в марте 1918 г. перед нижегородским партийным и советским активом, Я.М. Свердлов говорил, что повсеместно «наблюдается местническое строительство новой жизни... товарищи на местах рассматривают все вопросы, всю работу государственного строительства с точки зрения местной колокольни»⁴. На VII съезде РКП(б) Ленин признавал, что становление советской власти как нового типа «государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой буржуазного демократизма новой демократией... едва только начато и начато плохо»⁵.

Децентрализация местного управления отчасти объясняется и тем, что для власти оставался открытым вопрос не только о разграничении функций государственного и местного управления, но и о сущности советской системы и принци-

¹ Советское строительство. 1927. № 10–11. С. 192.

² Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. – февраль 1918 г.). М., 1957. Т. 2. С. 262.

³ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918. Собрание уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы / сост., вступ. ст. и примеч. Д.Б. Павлова. М., 2006. С. 43.

⁴ *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 155.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференция и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 51–52.

пах построения местных советов. Наиболее отчетливо это проявилось при подготовке первой советской Конституции, проекты которой отличаются различным позиционированием Советов. Исходя из того, что смысл социалистической революции заключается прежде всего в коренном изменении экономической системы, М.А. Рейснер и Н.Н. Ренгартен, например, предлагали положить в основу организации власти «экономическое, классовое, профессиональное и политическое представительство, осуществляемое путем интеграции соответствующих социальных групп в советы»¹. Власть должна осуществляться непосредственно трудовыми коллективами, а не государственной бюрократией.

Выражением синдикалистской альтернативы ленинскому централизму и полным опровержением классового подхода, а, следовательно, диктатуры пролетариата стали «Статьи проекта Конституции», составленные в Отделе законодательных предположений. В соответствии с этим документом местными органами являлись губернские собрания, состоящие из представителей региональных профсоюзов пропорционально их численности. Попытка рассмотреть Советы как учреждения реальной исполнительной власти предпринималась в другом проекте – «Учреждение Советов», составленном А. Шрейдером. В его трактовке Советы напоминали предшествующие земские учреждения. Влияние земского законодательства чувствовалось и в конспекте «О Советской власти» М.И. Лациса. И пусть сравнение волостного исполкома с земской управой, а городского совета с городской думой скорее носило внешний характер, подобная аналогия позволяет говорить о существовавшем восприятии реального места Советов в государственной системе².

Первые шаги по централизации местного управления будут наблюдаться весной 1918 г., т. е. когда был принципиально решен вопрос о переходе власти в руки Советов. К этому времени объективной становится потребность в решении ряда вопросов общегосударственного масштаба с целью стабилизации хозяйственно-экономического положения страны и обеспечения ее безопасности. Борьба за власть и необходимость решения конкретных административно-хозяйственных вопросов уже в первые годы скорректировали многие политические взгляды большевиков, в т. ч. на «государство-коммуны», степень автономности и др. Практические мероприятия диктовались «требованиями неотложной насущной потребности», как говорил Ленин, подчеркивая импровизированный характер советского строительства в своем политическом отчете на VIII съезде партии: «Мы поступали согласно тому, чему нас учил марксизм. В то же время... мы должны были сплошь и рядом идти ощупью...»³

Судьба Советов после прихода большевиков к власти окажется непосредственно связана с решением вопроса их политизации и большевизации, потому что сеть большевистских организаций на местном уровне, строящаяся по производственному принципу, не покрывала всей территории страны. По данным Всероссийской переписи членов РКП(б), проведенной в 1922 г., до революции в

¹ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 501.

² Представительная власть в России: история и современность. М., 2004. С. 395.

³ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 17.

стране существовали только 15 местных организаций, в 1917 г. возникло еще 577¹. Революционная целесообразность заставляла интенсивно формировать низовые партийные структуры. Только с октября 1917 по январь 1918 г., как указывалось в организационном отчете ЦК VII съезду партии, было создано более 200 новых организаций, свыше половины которых составляли рабочие организации, а к 1918 г. их насчитывалось уже 3460². Интенсивно менялась и ситуация с территориальными комитетами партии. Если концу 1917 г., несмотря на то что в 57 губернских городах существовали 53 партийные организации, губернские комитеты функционировали только в 19 губерниях; если из 472 уездных городов партийные организации были в 141 городе, а уездные комитеты только в 2 уездах, то к февралю 1918 г. в стране было уже 39 губернских, 52 уездных и 16 волостных комитетов партии³.

При отсутствии разветвленной системы партийных организаций на местном уровне большевики использовали местные Советы как готовые организационные плацдармы собственных идеологических интервенций. Овладение властью на местном уровне для большевиков в условиях собственной слабой территориальной организации означало овладение Советами и построение их иерархии. Через советские органы следовало установить контроль над территорией, а значит, решить вопрос власти.

Воплотив собственную концепцию политической власти как классовой диктатуры в форме Советов, большевики задали определенный вектор их развитию. Партия делала ставку на обеспечение своей руководящей роли в Советах. Ленин писал, что «вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различий профессий»⁴. Одновременно с организационными мероприятиями осуществляется кадровая интервенция партии в советские органы. Обосновывая необходимость преобладания на советских должностях большевиков, Ленин говорил, что «пока управлять будет правящая партия... Эта партия должна решать все вопросы о разных назначениях»⁵.

Количественные и качественные показатели депутатского корпуса к марту 1918 г. со всей очевидностью демонстрируют наметившуюся доминанту большевиков в местных Советах. На местах она воспринималась не однозначно. В обращении Организационного бюро сормовских рабочих по созыву Чрезвычайной конференции рабочих нижегородской губернии отмечалось: «Большинство Советов депутатов... не отражают воли рабочих, а являются орудием в руках одной политической партии для борьбы с пролетариатом и всей демократией, там же, где перевыборы произошли и не в пользу правящей партии, Советы разогна-

¹ См.: Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. Вып. 4. М., 1923.

² Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 4; Всероссийская перепись членов РКП(б) в 1922 г. Вып. 4. С. 34.

³ См.: *Чугаев Д.А.* История создания и упрочения Советского государства. М., 1964. С. 42–43; *Заикина Ф.Г.* Организационная перестройка Коммунистической партии после победы Октября // Вопросы истории КПСС. 1966. № 11. С. 56.

⁴ *Ленин. В.И.* ПСС. Т. 41. С. 31.

⁵ Там же. Т. 42. С. 166.

ны или заменены штабами, комиссиями и т. д. (Ярославль, Сызрань, Рыбинск, Рославль, Тула, Тверь, Брянск и т. д.)»¹.

Тем не менее целенаправленная политика центра, включающая агитационно-массовые и организационно-кадровые мероприятия, способствовала тому, что уже к весне 1918 г. завершилась советизация большей части территории страны. Несмотря на то что в ряде регионов, под влиянием внутреннего фактора политического противостояния и гражданской войны, а также внешнего – интервенции, переход власти в руки Советов не стоит абсолютизировать, но к этому времени именно советская модель организации власти стала объективной реальностью, дав основание для классической впоследствии формулы о «триумфальном шествии Советской власти».

Централизация местной власти, безусловно, была связана с политикой партии, направленной на перестройку своей организационной структуры. 29 мая 1918 г. ЦК обратился с письмом ко всем партийным организациям, в котором говорилось, что организационное устройство советской системы в определенной степени можно считать налаженной, и, следовательно, на первый план выдвигаются вопросы партийного строительства. Поскольку «мероприятия Советской власти... могут быть проведены в жизнь лишь путем суровой диктатуры», которая «требует от рабочего класса, от нашей партии, как его авангарда, в первую очередь, крепкой стройной организации»². Под «стройной организацией» понималась территориальная синхронизация партийных комитетов и местных Советов.

Отдельные действия в этом направлении были предприняты еще в ходе захвата власти, но губернских, уездных и волостных организаций было пока мало. Массовое создание партийных комитетов придется на вторую половину 1918 г. В отчете Московского областного бюро партии говорилось: «Партийная работа начинает превалировать над советской... Без партийной работы Советская власть не сможет удержать государственной власти и определенно на местах центр тяжести начинает переходить на партийную работу»³.

К осени 1918 г. политическое господство партии в советских органах было абсолютным. На V Нижегородской губернской партийной конференции, состоявшейся в октябре 1918 г., Л.М. Каганович констатировал, что в настоящее время «все крупные вопросы организационного и политического характера обсуждаются в губкоме»⁴. Одновременно разрешение тактических вопросов захвата власти весной–осенью 1918 г. поставило вопрос о «разграничениях» полномочий партийных и советских органов, который вызвал бурную дискуссию на местном уровне. В ходе «споров» вырисовывался механизм принятия решений и реализации власти. «Если партия в целом, общее собрание или комитет постановил кого-то арестовать, – пояснял политику партии Каганович, – значит, имеет право приказывать военному комиссару как члену партии, но неофициально (никто об этом не должен знать, вы не увидите в газетах объявления губ[ернского] к[омитета] партии). Губ[ернский] комитет постановляет, а официально объявляет уже власть».

¹ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918. С. 407.

² Правда. 1918. 29 мая.

³ См.: История коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3. Кн. 2. С. 60.

⁴ Общество и власть. Российская провинция. М., 2002. Т. 1. С. 42.

Потому необходимо, «чтобы члены комитетов бедноты, председатели этих комитетов, председатели советов, военные комиссары – были большевиками-коммунистами; вы как партия приказываете им как членам вашей партии, и они обязаны подчиняться вам на местах». В Советах необходимо «обращаться к фракции коммунистов-большевиков... раз ваша фракция – большинство, она и проводит в жизнь ваше предписание»¹. На центральном уровне вопрос о взаимоотношениях партии и Советов будет обсуждаться на VIII съезде партии в марте 1919 г. В его резолюции говорилось, что РКП(б) – это «партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат»².

В процессе советизации местной власти наметились основные направления интеграции партии в советскую систему с целью завоевать влияние и полностью встать у руководства. С этого времени партия становится «серым кардиналом» Советов всех уровней, визуально сохраняя и культивируя их народное представительство. В процессе становления советской власти было заложено глубочайшее противоречие послереволюционной политической системы: партийное руководство официальной государственной властью.

5.2. Советы и органы местного самоуправления: единство власти или распределение сфер влияния

Советская власть столкнулась с существованием организационно оформленных и во многих случаях потенциально готовых взять власть в свои руки органов самоуправления, которые по своей природе отвечали социалистической концепции власти, но не вписывались в большевистскую модель ее организации. Их параллельное существование с Советами вносило свои коррективы в становление новой политической системы на местах.

Отношение к органам местного самоуправления по ряду объективных причин не могло быть столь прямолинейно отрицательным, как к иным дореволюционным органам власти. Социалистические партии по-разному оценивали перспективы земских и городских органов. Левые эсеры, признавая за Советами наивысшую форму народовластия, считали, что сразу после революционных событий им брать на себя экономические и хозяйственные задачи нецелесообразно. Член ЦК партии левых эсеров, В.Е. Трутовский прямо заявлял, что «нет никакого смысла строить новый аппарат для использования этих задач, когда уже налажен и хорошо действует старый»³.

Сходной позиции придерживались и большевики. Органы земского и городского самоуправления, имея соответствующие финансовые ресурсы, практически управляли такими сферами местной жизни, как коммунальное хозяйство, транспорт, продовольственное дело и т. д. При отсутствии собственного аппарата и подготовленных кадров новая власть должна была считаться с этим фактом, чтобы сохранить социальную и экономическую стабильность в регионах. В связи с этим местным Советам рекомендовалось всемерно использовать аппарат прежних хо-

¹ Общество и власть. Российская провинция. С. 42, 57.

² Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 423.

³ Знамя труда. 1917. 28 февраля.

зяйственных и финансовых учреждений. Примечательно, что на первом заседании ВЦИК 27 октября 1917 г. было одобрено правительственное постановление, расширяющее права органов городского самоуправления в решении продовольственного вопроса¹.

На основе временного и вынужденного компромисса 18 декабря 1917 г. был образован Народный комиссариат местного самоуправления, который возглавил упомянутый эсер Трутовский². По свидетельству заместителя наркома внутренних дел Г.И. Петровского, его главной задачей было укрепление органов местного хозяйства и регулирование их деятельности, т. е. использование государственного централизованного контроля. В этом как раз и проявились реальные взгляды большевиков на возможность одновременного существования Советов и прежних органов местного самоуправления. Трутовский писал, что в случае «если они (думы и земства) рационально распределят роли с Советами, если будут исполнять те задачи, для которых существует весь муниципальный аппарат, тогда они смогут вывести Россию на счастливый путь в течение ближайших лет»³.

Первоначально высшие органы новой власти, учитывая знания и опыт работников прежних самоуправлений в административных, финансовых и хозяйственных делах, не стремились форсировать упразднение городских дум и земств. Мероприятия в этой области не требовали утверждения со стороны представителей новой власти и вступали в действие немедленно.

Осторожный подход выразился в том, что местным Советам рекомендовалось всемерно использовать аппарат прежних хозяйственных и финансовых учреждений. «Все чиновничьи канцелярии и управления, – говорилось в редакционной статье «Известий ВЦИК», – будут продолжением или, вернее, исполнительным органом в общих делах соответствующего отдела Совета Раб. Солд. и Кр. Депутатов»⁴. Для объединения деятельности всех городских и земских учреждений был создан Наркомат по местному самоуправлению. В ряде губерний возникли и успешно действовали коалиционные органы власти, в которых сотрудничали представители Советов и местных дум. Однако при временном сохранении ряда органов самоуправления как хозяйственных структур были распущены Петроградская, Московская, Саратовская и другие городские думы, олицетворявшие самостоятельность местной власти.

Для большевиков сосуществование Советов, земств и городских органов самоуправления было не более чем временной уступкой. Еще до прихода своей партии к власти Ленин, полемизируя с Мартовым в работе «Удержат ли большевики власть?», признавался, что Советы смогут удержать государственную власть только при условии, что не будут иметь альтернативы на местах⁵. В директиве Наркомата внутренних дел, разосланной 24 января 1918 г., отчетливо давалось понять, что «при существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места... Ликвидация самоуправления должна производиться по-

¹ Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. М., 1918. С. 6.

² Декреты Советской власти. Т. 1. С. 251.

³ Знамя труда. 1917. 31 декабря.

⁴ Известия ВЦИК. 1917. 15 ноября.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 287–333.

степенно, по мере того, как Совет овладеет работой, которая до сих пор лежала на органах самоуправления»¹. При этом, правда, рекомендовалось использовать «технический аппарат» и «работников прежних самоуправлений».

Роспуск органов местного самоуправления был поставлен в зависимость от овладения Советами управленческими функциями. Активный процесс ликвидации земств на местах развернулся с января 1918 г. В губерниях Центральной России он был в целом закончен к апрелю 1918 г. Ликвидация волостных, уездных, губернских земств проходила параллельно. Наиболее спокойно ликвидировались волостные земства, т. к. к большинству из них со стороны крестьян изначально сохранялось настроенное отношение. В конце января 1918 г. собрание граждан Одоевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии направило ходатайство об изменении названия волостной земской управы ввиду того, что «гражданам ненавистно название “земство”, “земская”», и просило назвать управу волостным комитетом. По ходатайству волостное земство было преобразовано в волостной Совет, а земская управа в Исполнительный комитет с устранением из этих учреждений буржуазных элементов². Чаще всего волостные земства разгонялись крестьянами из-за непризнания советской власти и отказа проводить в жизнь декреты II Всероссийского съезда Советов, первоначально весьма популярные среди крестьян.

Полоса ликвидации волостных земств пришлась на период массового создания Советов крестьянских депутатов, и в основном земства отстранялись от власти и упразднялись одновременно с возникновением этих Советов³. Образование волостных земств и создание, соответственно, волостных Советов проходили в среднем в течение полугода после октябрьских событий 1917 г., причем пик этого процесса, имевшего свои особенности в каждой из губерний, пришелся на январь–февраль 1918 г.

Иную специфику имели отношения между уездными и губернскими земскими организациями и соответствующими им Советами. Здесь, как правило, наблюдались более активное противостояние и борьба, что было связано со сложившимися традициями местного самоуправления и большей политизацией самих организаций. По способу перехода власти в руки Советов губернии подразделялись на две группы: где переход к власти был осуществлен мирным путем и где имели место вооруженные конфликты и открытое противостояние⁴. В первом случае органы местного самоуправления часто вливались в аппарат вновь образованных советских учреждений.

Конфликты в процессе ликвидации земств чаще всего происходили на почве непризнания ими советской власти и протеста против передачи функций Советам. Большинство уездных и губернских земств приход к власти большевиков не приняли, выражая свой протест резолюциями в поддержку Учредительного собрания, декларативным непризнанием власти Советов, саботажем. Оказавшись втянуты-

¹ Вестник НКВД. 1918. № 4. 24 января. С. 7.

² Информационный листок НКВД. 1918. № 17. 31 января.

³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. С. 213–215; Декреты Советской власти. Т. 1. С. 251–252, 341–343.

⁴ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. С. 219, 233–235.

ми в политическую борьбу, они закономерно предопределили реакцию центральной власти, политика которой весной 1918 г. становилась в отношении них более решительной. К апрелю 1918 г. было ликвидировано 77 % городских дум¹. В целом этот процесс растянулся до лета 1918 г.

5.3. Советы: традиционное крестьянское самоуправление или новая форма организации власти

В современной отечественной историографии прочно утвердилось мнение о нереализованном потенциале демократического управления сельским обществом, который прочно связывается с наличием общественного самоуправления у крестьян в форме сходов и их исполнительных органов². Советы как организационная форма власти не отвергались крестьянами, а включались в систему традиционного самоуправления. «Начиная с февраля месяца и до последнего времени, – сообщал в июне 1918 г. в своем докладе об организации советской власти на местах Провинциальный отдел Нижгубисполкома, – работа... по укреплению Советской власти шла гигантскими шагами. Тогда можно было смело сказать, что вся деревня стояла за Советы»³. Это объяснялось тем, что если в промышленных городах замена дум могла рассматриваться как выражение пролетарской диктатуры, то с заменой земств крестьянскими Советами дело обстояло иначе: за вычетом крупной торгово-промышленной буржуазии и сельской интеллигенции состав избирателей в земствах и Советах являлся более или менее одинаковым, поэтому замена земств Советами не могла оказать серьезного влияния на социальное содержание и направление деятельности этих организаций.

По свидетельству современников, в некоторых местах крестьянство вообще не видело разницы в задачах Советов и земства, главным образом волостного, и просто считало излишним существование двух параллельных волостных организаций. «Темная и малосознательная масса еще не успела понять, что в земском самоуправлении она получила крупную культурно-экономическую силу... Поэтому крестьяне смотрят на него как на “барское” дело и видят только одну сторону – налоги... В глазах малосознательных масс всякие организации, берущие налоги, не могут пользоваться любовью... и не следует забывать, что... крестьянские Советы иногда существуют только на земские субсидии»⁴.

На значительной территории России на момент революции существовало традиционное патриархальное общество со всеми свойственными ему ценностями и устоями повседневной жизни. В деревне, несмотря на появление земских учреждений, прочно сохраняли свои позиции органы крестьянского самоуправления. Даже согласившись с фактом существования волостных земств, сельские и волостные сходы не прекращали своей деятельности, как того требовали поста-

¹ См.: Морозов В. Октябрьская революция и Советы // Коммунист. 1967. № 9. С. 27.

² Судьбы русского крестьянства. М., 1996. С. 109–111; Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 14–18.

³ Общество и власть. Российская провинция. Т. 1. М., 2002. С. 46, 35–36.

⁴ Данилов С. Советы и местное самоуправление // Советская газета. 1917. № 40. С. 1; № 41. С. 1–2.

новления Временного правительства. Поэтому фундамент под волостными земствами оказался непрочным. Земская единица повисла в воздухе и не получила опоры в деревне¹. Все это создавало благоприятную почву восприятия Советов крестьянами в качестве исконных и адекватных сложившейся культуре органов самоуправления. Тем более что их деятельность на первоначальном этапе соответствовала ценностным установкам местного населения. Показательна в этом отношении позиция некоторых сельских Советов после издания декрета об отделении церкви от государства. Декрет не мог изменить крестьянской ментальности. В сводках с мест можно обнаружить сведения о защите волостными советами церковной утвари, предложения оставить иконы в помещениях советских учреждений. По-своему трактуя декрет, в Федосовской волости Шацкого уезда Тамбовской губернии «отдел по ведению записей актов гражданского состояния... был передан местному причту, при этом сам священнослужитель назначен заведующим отделом, псаломщик – его заместителем, а дьяки – секретарями»².

Традиционный характер русского общества предопределил восприятие власти и отношение к ней. Это красноречиво характеризуют письма в редакции «Крестьянской газеты» и журнала «Крестьянка». Центральная власть воспринималась как устроитель «царства божьего на земле». «Мы полагаем, – писали крестьяне, – что подлинная советская власть не такая, как ее проводят на местах... надеемся, что голос наш будет услышан подлинной Рабоче-крестьянской властью, и мы, наконец, получим свободу и право на человеческое существование»³.

Значительные коррективы в организацию местной власти и отношение крестьян к Советам внес продовольственный кризис. В мае 1918 г. 2-й Тамбовский губернский съезд Советов постановил «организовать заставы на станциях и границах губернии для борьбы с мошенниками и кулаками и отбирания излишков хлебных запасов у населения с оставлением продовольственной нормы в 25 фунтов на едока»⁴.

Система принудительного изъятия продовольствия сыграла свою негативную роль. Повсюду начались «повальные походы на Советы: или мирным путем, путем переизбрания, или же путем вооруженного восстания». В результате «политическая физиономия губерний изменилась». В середине июня 1918 г. 81 % местных Советов придерживались правоэсеровских взглядов. Часть Советов вообще распускалась, а их функции переходили к органам местного самоуправления. В начале лета 1918 г. был распущен, например, Новоликеевский волостной Совет. Избранная вместо него волостная сельская управа обращалась в губернский Совет, используя печати и штампы своего предшественника. При этом в протоколе ее общего собрания было записано, что «если кто приедет из городу будет разгонять нашу земскую управу, то ударять в набат и убивать тех лиц»⁵.

¹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. С. 141.

² Советское строительство. 1925. № 1. С. 263.

³ Цит. по: Орлов И.Б. Местная власть в 1920-е годы // Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сб. статей. М., 2000. С. 145.

⁴ Советское строительство. 1925. № 1. С. 264–265.

⁵ Общество и власть. Российская провинция. Т. 1. С. 46, 35–36.

При чрезвычайной слабости советского аппарата в деревне созданные декретом ВЦИК 11 июня 1918 г. комитеты бедноты практически аннулировали сельсоветы. Первоначально они имели достаточно узкие полномочия: перераспределение хлеба, предметов первой необходимости и сельхозорудий, содействие продовольственным органам в изъятии хлебных излишков. Их социальное назначение, как известно, крылось в классовом размежевании деревни, без которого было невозможно овладеть сельской Россией, осуществить новые принципы организации власти и ведения хозяйства.

Формирование сельсоветов со всей очевидностью продемонстрировало что, «октябрьская революция явилась идейно неподготовленной»¹ и для большей части крестьянства, потребности которого практически ограничивались решением хозяйственных вопросов посредством институтов общественного социального управления, олицетворявших их уравнительный идеал, Советская власть в деревне ассоциировалась исключительно с разными мобилизациями и повинностями. «Народ... деревень... темен и незнаком с деятельностью Советской власти, – читаем в официальной переписке тех лет, – эта темная масса знает о Советской власти только то, что она отбирает излишки хлеба, мобилизует скот, собирает чрезвычайный налог и т. д. Но для какой цели все это делается – она не знает»².

В конце лета 1918 г. некоторые волости Нижегородской губернии вообще отказывались формировать Советы, «заявляя единогласно, что нам советская власть не нужна. Мы ждем скорейшего прибытия чехословаков в наш край». По словам члена для поручений при комендантском отделе Нижегородского губвоенкомата, «из разговора с крестьянами» в деревнях и селах было ясно, что они «мало имеют понятия о Советской республике и о советах вообще, советы деревенские и сельские большинство сформированы из людей малоопытных... а потому они совершенно бездействуют... Зачастую советы волостные разгоняют сами крестьяне по причине нежелания иметь таковой»³.

В массе крестьянства, «отнюдь даже не кулацкого и неконтрреволюционного» формировалось недовольство советской властью и большевистской партией, «о которой они судили по своим местным коммунистам». Причина недовольства крылась также в «нетактичности некоторых... товарищей, командируемых на места по разным служебным делам, которые... позволяли себе кричать на мужиков и топтать ногами на манер прежних становых, пересыпая все свои речи словами “замолчать”, “перебьем”, “расстреляем”, и требовали для себя парных экипаж[ей]»⁴.

Особенности советизации деревни во многом обуславливались тем, что село оказалось дистанцированным от партийного строительства. Количественный рост партийных ячеек, число которых в 1918 г. увеличилось с 203 до 2304⁵, не мог решить эту проблему. В циркуляре Отдела управления Саратовского губиспол-

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. Документы и материалы. Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. Документы и материалы / под ред. В.П. Данилова и Т. Шанина. М., 2002. С. 212.

² Там же. С. 190.

³ Общество и власть. Российская провинция. Т. 1. С. 64.

⁴ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. С. 169, 203.

⁵ См.: Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 года. Вып. 4. М., 1923. С. 35.

кома говорилось, что местные коммунисты «имеют обычно весьма недостаточное представление о программе и тактике коммунистической партии и не располагают сколько-нибудь значительным опытом в деле управления. Отсюда целый ряд бестактных поступков, а нередко и прямых злоупотреблений и произвольных действий»¹.

5.4. Корпоративные институты общественного самоуправления в советской системе

Анализ создания нового государственного аппарата в Советской России нельзя ограничить рассмотрением только внешних структурных преобразований. В основу его организации был положен ряд актуальных и для настоящего времени идей: привлечение к управлению государством общественных институтов (т. е. самоуправление трудящихся), выборность, коллегиальность управления и т. д. Наиболее значимыми формами рабочего самоуправления стали профсоюзы и фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы).

Профсоюзы представляли собой в значительной мере заимствованную модель рабочего самоуправления. Возникнув первоначально на Западе, они были воспроизведены русскими социалистами на отечественной почве и объединяли рабочих по «отраслевому» принципу в отличие от фабрично-заводских комитетов, формировавшихся на базе конкретного предприятия. Сформированные таким образом, фабрично-заводские комитеты могли легче контактировать с Советами (институционально также связанными с крестьянской общиной и артелью), чем с профсоюзами.

Пролетарские организации уже в ходе революционных событий заявили о себе как действенная сила, выступающая с требованиями политического характера. Так, после ухода со II Всероссийского съезда Советов ряда партий из органов низового производственного руководства стали раздаваться отчетливые требования «создания однородного социалистического правительства»². В середине ноября 1917 г. Московским советом заводских комитетов была принята резолюция с требованием «немедленно организовать единую демократическую власть», поскольку партийные распри приведут ни к чему иному, как к гражданской войне³. Практически такую же резолюцию принял и ряд профсоюзов – металлистов, Петроградский Совет профсоюзов, Викжель и др. Таким образом, производственные и профессиональные корпоративные организации в условиях революции выступали и как субъекты политического влияния и административного управления. Именно этот дуализм в последующем определит вектор развития и обусловит определенную тактическую линию поведения большевиков.

Использование элементов профессионального корпоративного управления и самоуправления трудящихся было первым и, по сути, беспрецедентным опытом. В его основе лежала идея привлечения к управлению самих трудящихся, а объек-

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. С. 169.

² Киселев А.Ф. Российские профсоюзы: от независимости к огосударствлению // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993. С. 23.

³ Социал-демократ. 1917. 14 ноября.

тивной предпосылкой – существовавшее на предприятиях самоуправление, сложившееся после Февральской революции. Практикуемые формы участия трудящихся в государственном управлении были различны.

Среди профсоюзов выделялись уже организационно сформировавшиеся и обладающие огромным авторитетом среди определенных категорий работников и служащие организации. Одна из них, Исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного съезда (Викжель), до назначения комиссара путей сообщения, которое весьма затянулось, взяла на себя общее руководство всем ведомством путей сообщения. В январе 1918 г. состоялся Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников, который избрал Центральный исполнительный комитет этого союза (Викжедор). К нему и перешли все дела Викжеля. 31 января 1918 г. Викжедор избрал состав коллегии НКПС «для управления железными дорогами Российской Советской республики», который был утвержден СНК РСФСР 24 февраля 1918 г.¹

Формальным выражением политики отказа от реального участия профсоюзов в управлении отраслью стал декрет СНК РСФСР от 23 марта 1918 г. «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности», которым вводилась централизованная модель администрирования². Викжедором «железнодорожный» декрет был воспринят буквально «в штыки», но на заседании СНК 23 марта 1918 г. Ленину в острой полемике с представителями Викжедора удалось не только отстоять принцип единоначалия, положенный в его основу, но и усилить некоторые положения документа, покончив с попытками сопротивления («викжеланием», как он назвал политику профсоюза). Представители Викжедора справедливо замечали, что этот документ предусматривает «уничтожение роли Викжедора и замену его единолично властью комиссара»³.

Буквально через несколько дней декретом СНК РСФСР от 26 марта 1918 г., со ссылкой на необходимость централизации и повышения ответственности в деле управления транспортом, в Наркомате путей сообщения вводилось единоначалие. «Во главе Народного Комиссариата путей сообщения находится Народный Комиссар путей сообщения, ответственный перед Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов», наделенный «диктаторскими полномочиями в области транспорта». Коллегия, избранная на Всероссийском съезде железнодорожников и утвержденная СНК РСФСР, становилась совещательным органом, который не имел права вмешиваться непосредственно в распоряжения Народного Комиссара путей сообщения⁴.

Другой формой участия рабочих в управлении стали фабрично-заводские комитеты. Именно они, по мнению большинства исследователей, наиболее адекватно отражали в 1917 г. потребности и устремления пролетариата, и это соответствовало реальной практике того времени⁵. После Октября 1917 г. фабзавкомовское

¹ Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 421–422.

² СУ РСФСР. 1918. № 30. Ст. 395.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 592.

⁴ Знамя труда. 1918. 28 марта.

⁵ См.: Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998; Он же. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступ-

движение получило мощное развитие. Рабочие организации возникли и на тех предприятиях, где их раньше не было. По данным промышленной и профессиональной переписи 1918 г., в первые месяцы после революции органы рабочего самоуправления наиболее интенсивно развивались в кожевенной промышленности. В ноябре 1917 – марте 1918 г. у кожевников возникло 207 фабзавкомов, в то время как на предприятиях металлургической и машиностроительной отраслей только 167 фабзавкомов. С марта по август 1918 г. наибольшие темпы уже наблюдаются в пищевой промышленности – 381 организация. Также фабзавкомы активно создавались в меховой, обувной, лесной промышленности¹. Фабрично-заводские комитеты существовали не только на промышленных гигантах, но и на небольших предприятиях, что являлось особенностью именно послеоктябрьского периода.

В послереволюционных условиях фабрично-заводские комитеты сохранили основное направление деятельности: они занимались вопросами обеспечения предприятия сырьем, поддержкой производительности труда, бытовой и культурной стороной жизни рабочих, их досугом, контролем на производстве. Причем рабочий контроль рассматривался как одна из форм участия трудящихся в управлении. Вместе с тем уже с самого начала «было ясно, что рабочий контроль будет коротким этапом, переходной ступенью к фактическому овладению хозяйством...», – вспоминал А.Г. Шляпников². Его слова подтверждаются тем обстоятельством, что уже на следующий день после утверждения Положения о рабочем контроле СНК РСФСР принял первое решение о национализации предприятия (Ликинской мануфактуры)³.

Одним из принципиальных вопросов стало взаимодействие профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Первые дискуссии по этому вопросу разгорелись еще до прихода большевиков к власти. Большинство представителей социалистических партий, являясь сторонниками сочетания государственного регулирования экономики с профсоюзной организацией рабочего класса, рассматривали фабрично-заводские комитеты как низовое, подчиненное профсоюзам звено рабочего самоуправления, отмечая их производственное, а не профессиональное представительство.

По мере превращения органов рабочего самоуправления в низовые звенья государственного аппарата, что стало очевидно после декрета от 28 июня 1918 г. о национализации промышленности, резко менялись не только формы, но и содержание их деятельности. Теперь они сосредоточиваются на борьбе за трудовую дисциплину, рационализацию производства и режим экономии. По существу, рабочие комитеты и объединяющие их профсоюзы превращались в распределительные органы рабочего самоуправления.

лений рабочих в Советской России. 1917–1918 гг. М., 2004; *Ходяков М.В.* Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917–1920 гг. СПб., 2001.

¹ *Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917–1932 гг. М., 1966. С. 52–53.

² *Шляпников А.Г.* К Октябрю // Вопросы истории КПСС. 1987. № 11. С. 120.

³ Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 422.

тельный аппарат нового государства, а также в механизм контроля за рабочим движением¹.

5.5. Советы в национальных регионах

Весной 1917 г. отсутствовали четкие представления об организации Советов, а их возникновение во многом носило стихийный характер, шло под влиянием социальных, региональных и национальных факторов. В Петрограде, а затем и в прифронтовых районах параллельно с Советами создавались самостоятельные солдатские организации, которые активно взаимодействовали с Советами рабочих депутатов и создавали собственные советы. Наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов после Февраля 1917 г. создавались и действовали Советы военных депутатов, Советы матросских и офицерских депутатов, Советы безземельных крестьян (в прибалтийских губерниях), советы солдат и офицеров и множество других. Общим моментом в этом довольно хаотичном процессе было то, что Советы формировались по классовому или социальному принципу. Помимо Советов, создаваемых на отдельных территориях, возникали советы, объединявшие представителей отдельных национальностей или социальных групп. Так, в основном из бывших военнопленных был создан Совет немецких революционных рабочих и солдат². Уже весной 1917 г. постепенно проявлялась специфика в организации и деятельности Советов, зависевшая от региональных или национальных особенностей.

Весной 1917 г. перед Советами возникла задача установления связи и соподчиненности между возникавшими организациями. Разбросанные по всей стране разнообразные Советы следовало свести в систему. На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта – 3 апреля 1917 г. этот вопрос обсуждался. А.А. Богданов отметил, что «Советы являются органами революционной демократии» и необходимо создание четкой системы Советов на всей территории России³. По его докладу 2 апреля была принята резолюция съезда об объединении Советов⁴. В ней говорилось о том, что съезд утверждает сеть областных комитетов Советов рабочих и солдатских депутатов. В принятых документах имелся ряд расхождений, связанных с определением границ областных объединений. Согласно резолюции совещания предполагалось создать 9 районов: Московский, Центр, Север, Кавказ, Урал, Азиатская Россия, Донецкий, Приволжский, Юг и Запад. Вслед за этим решением был составлен дополнительный документ в форме информационной справки, где указывалось, что совещание Советов «признало необходимым создание областных организаций», и содержался более развернутый перечень областей, в которых в качестве самостоятельных выделялись Северная область, Западная область, Прибалтийские губернии, а также указывались губернии и города, которые должны стать центрами назван-

¹ См. *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 163.

² ГА РФ. Ф. 8402. Оп. 1. Д. 18.

³ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта – 3 апреля в Петрограде. Стенографический отчет. М.; Л. 1927. С. 214, 294.

⁴ Известия. 1917. № 33. 6 апреля.

ных областей. Также в провинцию рассылались инструкции от имени исполкома Петроградского Совета.

Согласно этим циркулярам, возглавить объединение Советов в Прибалтике должен был Ревельский Совет. Ему предлагалось «взять на себя инициативу... создания областной организации, если в Вашей области не создано для этой цели специальной организации»¹. От руки в текст было вписано: «ваша область составляется из Лифляндской, Эстляндской, Курляндской губерний». Но данная инструкция не учитывала наличия Рижского Совета рабочих депутатов, а также Советов, объединявших солдатскую массу.

Сразу после Всероссийского совещания Советов в Петрограде, 6 апреля в Витебске открылся Съезд представителей военных организаций всех гарнизонов Двинского военного округа. Не исключено, что инструкция Всероссийского совещания Советов до участников съезда не дошла, или у них был свой взгляд на то, какие Советы должны объединяться в регионе. Также можно предположить, что лидеры военных организаций при формировании границ областных объединений использовали свое влияние в Петрограде.

Съезд принял Временное положение о Северо-Западной областной организации Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов с центром в Пскове. В Северо-Западную область должны были войти Советы Новгородской, Псковской, Витебской, Эстляндской, Лифляндской и части Курляндской губернии. На этом же съезде была принята резолюция о создании пяти районных организаций: Псков, Новгород, Витебск, Ревель, Рига².

16 апреля Петроградский совет солдатских и рабочих депутатов на областном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и представителей действующих армий Северного фронта вновь объявил о создании областной организации Советов. Советы должны были объединиться в рамках области, образовав собственные съезды Советов. Причем при областном делении не учитывались национальные границы и в основе повторялось административно-территориальное деление Российской империи.

16 апреля 1917 г. был создан Верховный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта («Верхосев»). Он объединил Советы Псковской, Петроградской, Новгородской, Витебской, Эстляндской и Лифляндской губерний, неоккупированной части Курляндии, а также организации воинских частей городов Вышнего Волочка, Ржева и Торжка, т. е. те территории, которые согласно решениям Всероссийского совещания 29 марта – 3 апреля должны были входить в состав объединений Советов Северной, Западной областей и прибалтийских губерний. При этом число губерний, которые планировалось включить в перечисленные три объединения по решениям Всероссийского совещания, было сокращено вдвое. Таким образом, в середине апреля было декларировано создание объединения Советов Северо-Западной области с включением туда прибалтийских губерний.

¹ ГА РФ. Ф. 6978. Д. 425. Оп. 1. Л. 4.

² Резолюции II съезда представителей Советов Северо-Западной области и представителей Северо-Западного фронта. Б. м., б. г. С. 17.

На II съезде представителей Советов Северо-Западной области и представителей Северо-Западного фронта, проходившем в Пскове 26 мая 1917 г., был избран временный руководящий орган – Исполнительный комитет объединенных организаций Советов солдатских и рабочих депутатов тыла Северного фронта¹. В его состав входили представители Советов губерний, объединившихся в Северо-Западную область. Решение о включении прибалтийских губерний в состав Северо-Западной области принималось без участия представителей Эстляндской губернии, что в конечном итоге свидетельствовало об активной и самостоятельной роли военных в создании областных объединений Советов в прифронтовых районах.

3 мая 1917 г. в Петроград из Ревельского Совета была отправлена телеграмма, где говорилось, что получено несколько сообщений о созыве областного съезда советов в прибалтийском крае. Первое – о созыве съезда в Ревеле, второе – из Пскова «с указанием, что Эстляндия входит в состав областной организации с центром в Пскове», и третье – из Рижского Совета с сообщением о том, что областной съезд созывается Рижским исполкомом в Юрьеве².

Таким образом, весной 1917 г. при создании областных объединений советов выделение Советов прибалтийских губерний в самостоятельные объединения не произошло. Следует предположить, что определенную роль в этом процессе сыграли представители солдатской массы. Но, несмотря на это, Советы прибалтийских губерний демонстрировали явное стремление к самостоятельности. И фактически уже в апреле–мае 1917 г. прибалтийские губернии начали формировать объединения Советов по национальному принципу.

Областное объединение Советов прибалтийских губерний просуществовало недолго. На 10 мая 1917 г. был назначен созыв областного съезда Советов Прибалтики, где большинство делегатов представляли Советы Ревеля и Эстляндской губерний. Но съезд был признан несостоявшимся «за отсутствием большого числа представителей». При этом Ревельский Совет заявил о том, что из-за отсутствия кворума он «вынужден выступить в качестве представителя Прибалтийского края»³. Но это решение вызвало протесты многих общественных организаций. Параллельно прошли съезды Советов в Тарту и Риге. Намечился раскол Советов в Прибалтике по национальному признаку. И уже в конце мая 1917 г. Рижский Совет принял резолюцию о необходимости создания центрального Совета Латвии.

Таким образом, на территории прибалтийских губерний действовали самые разнообразные Советы, но при этом сохранялась ярко выраженная тенденция к созданию самостоятельных объединений Советов Латвии и Эстонии.

В июле 1917 г. была предпринята новая попытка сформировать областное объединение Советов в Прибалтике. 23 июля в Ревеле созывается съезд Советов Прибалтийского края. Этот созыв был согласован с Псковом как центром Северо-Западной области. На него приглашались Советы Эстляндии, Риги и других прибалтийских городов⁴. В приглашениях на съезд указывалось, что заседания съез-

¹ Там же. С. 26.

² ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 425. Л. 2–4.

³ Там же. Л. 9.

⁴ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 425. Л. 10–11.

да будут проходить на русском, латышском и эстонском языках¹. Но объединить Советы прибалтийских губерний не удалось.

В начале июля состоялся V съезд социал-демократии Латвии, где было сказано о необходимости создания автономии. При этом съезд определил возможные границы будущей автономной Латвии, считая необходимым включить в ее состав Видземе, Курземе и Латгалию, входившую на тот момент в состав Витебской губернии. Также съезд призвал «немедленно организовывать Советы рабочих, солдат и безземельных, объединяя их в одну общую организацию – Совет рабочих солдат и безземельных Латвии»². В итоге был создан Совет рабочих, солдат и безземельных Латвии, а 29–30 июля, 1917 г. прошло его первое заседание, на котором присутствовали 68 депутатов и был избран исполнительный комитет Совета³.

Аналогичным образом развивались события в Эстляндской губернии 23 июля в Ревеле съезд Советов принял решение, фактически выделившее губернию в особую территорию. В резолюции съезда говорилось, что эстонская часть Прибалтийского края «в экономическом и национальном отношении не имеет тяготения к Пскову», поэтому необходима самостоятельная организация Эстляндии и создание областного совета Эстонского края⁴. Был образован Исполнительный комитет Советов Эстонии. Вскоре его возглавил член Ревельского и Северо-Балтийского комитетов РСДРП(б) Я.Я. Анвельт, будущий председатель правительства Эстляндской трудовой Коммуны. В августе он выступил на II конференции Северо-Балтийской организации РСДРП(б), отметив, что проект автономии Эстляндии должен быть разработан и реализован Исполнительным комитетом⁵. При этом он сказал, что создание автономной Эстляндии является реализацией принципа пролетарского интернационализма.

Эта позиция находила свое подтверждение в решениях I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 20 июня 1917 г. по национальному вопросу. В резолюциях говорилось о том, что «Россия должна немедленно вступить на путь децентрализации управления, открывающей широкий простор самостоятельности демократии и развитию народных сил всех национальностей». Также подчеркивалось, что реализация права национальностей на «широкую политическую автономию» должна идти «путем создания предварительных (так в тексте. – А. Б.) органов местного и общегосударственного характера»⁶.

Таким образом, в Прибалтике в процессе создания Советов сразу дал о себе знать национальный принцип, и, если учитывать последующее развитие, объ-

¹ *Серебрякова З.Л.* Роль Советов в решении национального вопроса в период Октябрьской революции // *Общность судеб народов: Сб. научных трудов.* М., 1989. С. 14.

² *Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г.* Рига, 1963. С. 247.

³ *Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г.* С. 247; *Смирин Г.* Основные факты истории Латвии. Рига, 1993. С. 75–132.

⁴ *Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация.* Документы и материалы. М., 1959. С. 523.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Цит. по: *Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 году.* Сб. документов. М., 1928. С. 258–259.

единенные Советы в Прибалтике уже летом 1917 г. стремились сформировать границы будущих республик. В деятельности Советов Латвии и Эстонии к лету 1917 г. реализовывалась идея объединения не в административно-территориальных, а в этнических границах. К августу 1917 г. отчуждение этих Советов от Советов Северо-Западной области было настолько очевидно, что в совещании представителей исполнительных комитетов Советов области присутствовали только по одному представителю от Совета Эстонии и Совета Латвии¹. Состав Советов Эстонии и Латвии уже весной–летом 1917 г. отличался преобладанием в них представителей эстонской и латышской национальностей.

Накануне перехода власти в руки большевиков в Эстонии и Латвии были созданы военно-революционные комитеты (ВРК), куда вошли представители Советов. После победы большевиков в Петрограде в Эстонии 26 октября 1917 г. эстонский ВРК объявил о переходе власти в руки ВРК при Исполкоме Советов Эстляндского края. После этого Я.Я. Анвельт подчеркнул, что в Исполком «желательно избрать людей, знакомых с условиями жизни в крае и владеющих эстонским языком»². Аналогичным образом в начале ноября 1917 г. власть к Советам перешла в Латвии.

Фактически к ноябрю 1917 г. «пребывание Эстонии и Латвии в составе Северо-Западной области носило формальный характер, а в конце ноября состоялся официальный выход из областного объединения. 21–23 ноября в Пскове проходил III съезд Советов Северо-Запада России, где Советы прибалтийских губерний приняли решение отозвать из Исполкома своих представителей»³.

Таким образом, пребывание прибалтийских губерний в составе Северо-Западной области подошло к концу. 16–18 декабря 1917 г. состоялся съезд Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. Съезд установил, что верховным органом в Латвии является съезд депутатов, которому подчиняются уездные, городские, местечковые и волостные советы. В манифесте Совета от 19 декабря «Ко всему населению Латвии» объявлялось о переходе власти к Советам. Первые декреты зимой 1918 г. формировали новую систему управления: ликвидировались учреждения Временного правительства, декретом «О языке делопроизводства в официальных учреждениях Латвии» от 4 декабря 1918 г. в качестве официального вводился латышский язык⁴. Вскоре прибалтийские губернии были оккупированы немецкими войсками. 12 апреля 1918 г. собравшийся в Риге ландтат в составе 58 делегатов от Лифляндии, Эстляндии и Герцогства Курляндского, созданного в марте 1918 г., объявил об отделении Эстонии и Латвии от России и образовании «Балтийского Герцогства», куда также вошло и герцогство Курляндское, просуществовавшее до 11 ноября.

Возникновение Советов в Финляндии началось 5 марта 1917 г., когда был создан Совет депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта, переименованный в апреле в Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих.

¹ *Серебрякова З.Л.* Региональные Советы (1917 – март 1918 г.) // Советы национальных районов России, 1917–1922. Рига, 1985. С. 45.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 53.

⁴ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. С. 606–623.

Первоначально он создавался как объединение русского населения Финляндии, а территориально объединял российские военно-морские базы. Примечательно, что даже обращение исполкома Гельсингфорского Совета было адресовано «ко всем русским гражданам в г. Гельсингфорсе, Свеаборге, Або и прилегающих к ним местностям»¹. Но затем началось формирование Советов в других городах Финляндии, также объединявших русскоязычное население и представителей воинских частей. Значительное число Советов на территории Финляндии было создано на базе отдельных гарнизонов². Все это позволило уже в конце марта пойти по пути создания областного объединения. 30–31 марта 1917 г. состоялось финляндское областное совещание в Петрограде. В апреле 1917 г. в Выборге прошел I областной съезд представителей Советов солдатских и рабочих депутатов Финляндии. На нем присутствовали делегаты из войсковых частей, расположенных на территории Финляндии³. 19 апреля 1917 г. съезд избрал «Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии для координации деятельности выборных русских революционно-демократических организаций, военно-морских баз и финляндских гарнизонов» под председательством Н. Трофимова⁴.

Представитель Областного комитета был делегирован в Петросовет⁵, но в целом связь с Петроградом весной–летом была слабой. В августе 1917 г. на заседании иногороднего отдела ВЦИК отмечалось, что «нет достаточной информации о русских демократических организациях в Финляндии»⁶. Одновременно устанавливались связи с финляндской социал-демократией. В состав исполкома Гельсингфорского Совета в марте 1917 г. вошел один из ее тогдашних лидеров Г. Ровио⁷.

В дальнейшем Советы в Финляндии начали рассматриваться как русские организации. Другой значительной политической силой, боровшейся за автономию Финляндии и осуществлявшей управление краем были финляндский Сейм, Сенат и местные финляндские учреждения. По мнению Е.Ю. Дубровской, «финляндские власти рассматривали деятельность Советов как покушение русских военных на автономные права Финляндии»⁸. Но ряд эпизодов из истории взаимоотношений Областного комитета в Финляндии с финляндским Сеймом показывают, что ситуация была более сложной.

¹ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 33.

² ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 460–461.

³ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). С. 89.

⁴ ГА РФ. Ф. 6978. Д. 459. Оп. 1. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 460. Оп. 1. Л. 2об.

⁶ Там же. Д. 459. Оп. 1. Л. 9.

⁷ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет и революционно-демократическое движение в Финляндии (март–октябрь 1917 г.) // Общественные организации в политической системе России 1917–1918 г. М., 1991. С.74.

⁸ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). С. 81.

В мае 1917 г. Областной комитет издал обращение к финскому народу, где сформулировал свою позицию в отношении статуса Финляндии следующим образом: «Россия ставит своей задачей самоопределение народов внутри России и, следовательно, и Финляндии... Вопрос об автономии Финляндии будет решен Учредительным собранием»¹. Но положение вещей динамично менялось. В мае 1917 г. Временное правительство в условиях падения курса рубля вынуждено было обратиться к Финляндии с просьбой о займе в финских марках. В июне 1917 г. с просьбой о займе в Финляндию отправилась делегация I Всероссийского съезда Советов. Делегация вела переговоры с представителями Сейма. Финны оценили просьбу о займе как замаскированную контрибуцию, плату за независимость Финляндии. В ответ депутаты Сейма настаивали на передаче Финляндии телеграфа и выводе русских войск². К соглашению участники переговоров не пришли, но представители финляндской социал-демократии обратились к Областному комитету, предложив ему взять на себя посреднические функции в переговорах о займе. На заседании Областного комитета 27 июня 1917 г. по этому поводу говорилось: «Политика финнов в вопросе о русском займе в Финляндии производит впечатление, что финны избегают непосредственного сношения с Временным правительством и предпочли обратиться в Областной комитет, предлагая ему принять на себя функции чуть ли не министерства иностранных дел и Государственного контроля на том основании, что Областной комитет “ближе” к финнам, чем ЦИК Советов»³. В июне 1917 г. Областной комитет отказался вмешиваться в отношения финляндского Сейма и Временного правительства.

31 марта 1917 г. финляндский Сенат учредил Конституционный комитет под руководством К. Столберга, разработавший проект ограничения прав российских властей в отношении Финляндии. Временное правительство отклонило этот проект. Финляндия, несмотря на это, продолжала борьбу за самостоятельность, и 5 июля финляндский Сейм одобрил Закон о верховной власти, расширявший права местного парламента. В ответ 18 июля 1917 г. Временное правительство объявило о роспуске Сейма и предоставлении генерал-губернатору М.А. Стаховичу неограниченных полномочий «в деле предотвращения анархии в Финляндии»⁴. Обстановка в Финляндии осложнилась, и Областной комитет призвал к решению проблемы мирным путем, переговорам между российскими и финскими социал-демократическими организациями. В августе возникла опасность вооруженного вмешательства в дела Финляндии со стороны Временного правительства. В этой ситуации Гельсингфорский Совет 15 августа принял решение «о недопустимости вмешательства военных сил»⁵.

В марте–октябре 1917 г. работа Советов в Финляндии преимущественно шла параллельно с деятельностью финляндских органов власти. У них были свои не пересекающиеся сферы деятельности и свои задачи. Правда, в марте 1917 г.

¹ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 71. Л. 211.

² Там же. Л. 210–211.

³ Там же. Д. 460. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Д. 459. Л. 9.

Гельсингфорский совет сотрудничал с муниципалитетом Гельсингфорса, участвуя в организации охраны финляндской столицы¹.

Партийный состав Гельсингфорского Совета к осени 1917 г. изменился. Если в начале в его составе преобладали эсеры, выступавшие в союзе с меньшевиками, то к сентябрю укрепились позиции большевиков. В сентябре 1917 г. на III Областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии победили большевики. Председателем исполкома Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии стал И.Т. Смилга. Исполком взял под свой контроль все российские административные учреждения княжества. Большевики начали активно поддерживать Сейм и 14 сентября от имени Областного съезда русских Советов Финляндии обратились к Демократическому совещанию в Петрограде с заявлением по поводу возобновления сессии Финляндского Сейма. В нем, в частности, подчеркивалось, что «всякие попытки учинить препятствия к возобновлению заседания Сейма рассматриваются как акт контрреволюционный», Демократическому совещанию предлагалось «подтвердить право финского народа свободно располагать своей судьбой и тем самым предотвратить острый конфликт как между русской и финской демократиями, так и в самой русской демократии»². В начале октября 1917 г. прошли выборы в финляндский Сейм, где большинство мест получили националистические партии, возобновившие переговоры с Временным правительством о расширении самостоятельности автономии. Но только после прихода большевиков к власти в России 6 декабря 1917 г. финляндский Сейм утвердил решение Сената об отделении от России.

28 января 1918 г. представители левого крыла социал-демократической партии захватили власть в Гельсингфорсе, провозгласили образование Финляндской рабочей социалистической республики и 29 января сформировали революционное правительство – Совет народных уполномоченных. Новое правительство объявило об упразднении Сейма и Сената. Оно вступило в переговоры с Совнаркомом и заключило 1 марта 1918 г. Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой. На VII чрезвычайном съезде РКП(б) 7 марта Ленин отметил, что «наша революция перекинулась в Финляндию». Но финляндский Сенат проигнорировал распоряжение о роспуске и предоставил чрезвычайные полномочия Карлу Маннергейму, назначив его командовать верными правительству войсками. Положение правительства улучшилось после заключения 7 марта 1918 г. договора с Германией, которая не признала Совет народных уполномоченных законным правительством Финляндии. В 1918 г. революция в Финляндии была подавлена, и соглашения с Советской Россией утратили силу.

Создание Советов в Туркестанском крае имело ряд особенностей, обусловленных национальной спецификой и организацией управления Туркестаном до 1917 г. Дореволюционная система управления Туркестанским генерал-губернаторством устанавливала административные границы между русским и коренным населением за счет создания особых органов управления для представителей

¹ *Дубровская Е.Ю.* Гельсингфорский Совет и революционно-демократическое движение в Финляндии (март–октябрь 1917 г.). С. 74.

² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 9.

коренного населения Туркестана. К началу XX в. в городах Туркестана было две части: «туземная», или «азиатская», и «русская», имевшие различия в управлении. В сельской местности существовали села русских крестьян-переселенцев, казачьи станицы, аулы, кишлаки, также имевшие отличия в управлении. Это обстоятельство повлияло на подход к созданию новых органов власти и управления в Туркестане: коренное население не только стремилось сохранить прежние принципы организации управления, но и развить их. Вследствие этого Советы в Туркестане весной 1917 г. объединяли в самостоятельные организации русское и мусульманское население края.

2–3 марта 1917 года в Ташкенте был создан Совет рабочих депутатов, 4 марта – Совет солдатских депутатов. Первый объединил рабочих Главных железнодорожных мастерских среднеазиатской железной дороги, а второй – представителей воинских частей, расквартированных в Ташкенте. К весне 1917 г. на территории Туркестана было сосредоточено значительное число войск, переброшенных из Европейской части России по просьбе А.Н. Куропаткина для подавления восстания 1916 г.¹

В конце марта произошло объединение советов, и в Ташкенте стал действовать Совет рабочих и солдатских депутатов. Одновременно в связи с возвращением на родину «тыловиков» – представителей коренного населения, мобилизованных на тыловые работы в 1916 г., возникали Советы мусульманских рабочих депутатов, Союзы трудящихся мусульман. В Семиречье был создан Союз чернорабочих, состоявший из казахских рабочих-тыловиков. В сельской местности создавались независимые друг от друга крестьянские (для русских) Советы и киргизские (казахские) Советы (для представителей коренного населения). Так, в г. Ош действовали параллельно Совет рабочих и солдатских депутатов и Совет мусульманских рабочих и чайрикерских депутатов. Названные советы объединяли далеко не всех представителей мусульманского населения. Как отмечал известный казахский политический деятель М. Чокаев, существовали альтернативные общественно-политические течения, возглавлявшиеся мусульманским духовенством², которое организовало свой политический центр «Улэма Джамиэти».

Параллельно с созданием Советов в Ташкенте шло объединение общественных организаций. На собрании общественных организаций Ташкента, созванном городской думой, был избран 6 марта временный исполнительный комитет под председательством В.П. Наливкина, много лет прослужившего в Туркестане и занимавшего пост инспектора народных училищ Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. Туркестанского края, с 1901 г. – помощника военного губернатора Ферганской области³. Необходимо отметить, что в состав Ташкентского исполнительного комитета 9 марта вошли представители коренного мусульман-

¹ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. Сб. документов и материалов. М., 2016. С. 214, 216, 217; РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1970. Л. 17–38.

² Подробнее см.: Мустафа Чокаев. Революция в Туркестане. Февральская эпоха / вступ. ст. С.М. Исхакова // Вопросы истории. 2001. № 2.

³ Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 197.

ского населения. Они образовали внутри него самостоятельную структуру под названием «Шура-и-Исламия», что в переводе означает «Совет мусульманских депутатов», но функционировала она не как совет, а как координирующая структура возникавших в 1917 г. мусульманских организаций Туркестана¹ и в момент создания своей целью ставила управление старым городом в Ташкенте.

Аналогичные процессы происходили в Самарканде, где местное мусульманское население также стремилось провести границу в организации управления между русским и коренным населением. В связи с этим необходимо отметить, что при создании органов местной власти в Туркестане в 1917 г. имели место не только проявления двоевластия в лице Советов и органов Временного правительства, но и раскол этих структур по национальному признаку.

Наиболее активную позицию в марте 1917 г. занимал Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов. От власти был отстранен генерал-губернатор А.Н. Куропаткин и решением объединенного собрания Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 31 марта 1917 г. разделено гражданское и военное управление в Туркестанском крае. Во главе гражданского управления встали комиссары Ташкентского исполнительного комитета. С некоторой задержкой, 7 апреля 1917 г. в Туркестане был создан орган Временного правительства – Туркестанский комитет в составе 9 чел. под председательством кадета Н.Н. Щепкина, который должен был представлять власть Временного правительства в Туркестане, Хиве и Бухаре.

Процесс объединения различных политических сил в Туркестане и создаваемых ими местных структур весной 1917 г. шел весьма активно. Его пытались ускорить петроградские и местные лидеры. Со стороны Петроградского Совета в марте–апреле 1917 г. предпринимались шаги по созданию в Туркестане системы Советов и объединению их под контролем Ташкента. Туркестанский край был выделен на Всероссийском совещании Советов в марте–апреле 1917 г. в областное объединение с центром в Ташкенте. Но из-за обширности территорий Туркестанского края довольно быстро потребовалось формирование промежуточных звеньев. На Всероссийском совещании Советов 24–27 августа 1917 г. были представлены Советы областей Туркестанского края и Туркестанского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Так, на совещании присутствовали представители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Закаспийской области, который фактически являлся самостоятельным областным объединением и объединял 23 Совета, действовавших на этой территории.

В Ташкенте в апреле 1917 г. состоялось несколько самостоятельных съездов, также призванных объединить различные организации. 7–15 апреля в Ташкенте прошел I краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов, а 16 апреля – I съезд мусульман Туркестана, на котором был создан Центральный совет мусульман Туркестана. Таким образом, в Туркестане весной 1917 г. сформировалось несколько самостоятельных структур, претендовавших на организацию власти.

Дискуссионным до настоящего времени остается вопрос об участии нерусского населения Туркестана в деятельности Советов. Известный казахский политический деятель М. Чокаев позднее неоднократно подчеркивал, что малочисленное

¹ Халид А. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России. С. 196.

европейское население Туркестана стремилось сконцентрировать власть в своих руках. Но при этом имеются данные, которые свидетельствуют о попытках привлечь население Туркестана к деятельности Советов.

Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов стремился распространить влияние Советов на территорию края. Но оказалось довольно сложно установить контакты с нерусским населением. В мае 1917 г. Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов постановил обратиться в Бакинский, Тифлисский, Казанский, Оренбургский и Елизаветпольский советы с просьбой прислать агитаторов, знающих тюркские языки¹.

Петроградский Совет летом 1917 г. стремился привлечь коренное население Туркестана к поддержке Советов, и в край был отправлен инструктор Петроградского совета Джангильдин. Он встречался с представителями киргизского населения Иргизского уезда. В своем докладе Петросовету он отмечал, что, услышав сообщение о революции, «киргизы (имеется в виду казахское население уезда. – А. Б.) обещали поддерживать Советы»². На Всероссийском совещании Советов 24–27 августа 1917 г. в докладе представителя Закаспийской области отмечалось, что довольно сложно привлечь туркменское население к участию в деятельности Советов: «Все попытки провести организацию туркменских масс на началах демократизма разбиваются о донныне сохранившиеся начала родового быта и родовых отношений»³.

Таким образом, в силу национальных и конфессиональных различий в Туркестанском крае весной–летом 1917 г. коренное население или не участвовало в создании и деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов, или создавало свои объединения.

На территории Хивы осенью 1917 г. также произошли изменения местного управления. Местная власть по-прежнему оставалась в руках беков, но они стали избираться местным населением и утверждаться ханом. Также в каждом бекстве населению предлагалось создавать местные Советы, включавшие «не менее как по 1 представителю от каждого племени или от каждого аксакальства», но при этом Советы не имели самостоятельных полномочий⁴.

12 сентября в Ташкенте солдаты 1-го и 2-го Сибирских запасных полков и местные рабочие образовали ВРК и провели перевыборы Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. Был смещен командующий войсками Туркестанского военного округа полковник Л.Н. Черкес⁵.

Новый состав Ташкентского Совета не получил поддержки. Краевой Совет высказался против перехода власти к Советам, полагая, что власть до созыва

¹ *Абдуллаев Р.* Туркестан в 1917 году: формирование нового политического контекста // Востокведческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сб. материалов. Ташкент, 2008. С. 301.

² ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 446. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Туркестанский курьер. 1917. № 201. 3 сентября.

⁵ Там же. 1917. № 216. 16 сентября; *Егоров Н.Д.* Русский генералитет накануне Гражданской войны. (Материалы к биографическому справочнику). М., 2004.

Учредительного собрания должна оставаться в руках Временного правительства¹. Также против перехода власти к Советам выступил II Краевой мусульманский съезд, собравшийся 7–12 сентября 1917 г. А.Ф. Керенский охарактеризовал события в Ташкенте как «мятеж»². В крае было введено военное положение, Временное правительство направило в Туркестан дополнительные войска под командованием П.А. Коровиченко.

Ситуация в корне изменилась в ноябре 1917 г., когда сторонники перехода власти к Советам начали активные действия, получив поддержку демобилизованных солдат-семиреченцев, возвратившихся с Кавказского фронта. 1 ноября 1917 г. в Ташкенте было объявлено о переходе власти к Советам. Но при этом не все поддерживали это решение. Краевой Совет принял следующую резолюцию: «Отказываясь взять единолично власть в свои руки, краевой совет предлагает... организовать временный краевой Туркестанский исполнительный комитет», куда включить представителей Краевого Совета, Совета крестьянских депутатов, Краевого Совета киргизских депутатов и Краевого Совета мусульманских депутатов³. 5 ноября начал работу III Краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 6 ноября к нему присоединился Краевой съезд советов крестьянских депутатов, и он стал называться Краевым съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кроме того, в работе съезда приняли участие представители III Краевого съезда мусульман во главе с Ш. Лапиным. Они предложили создать коалицию с участием представителей мусульман, Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и городских дум, но оно не было поддержано съездом. Съезд избрал Совет народных комиссаров Туркестанского края, состоявший из представителей большевиков и левых эсеров. Следует отметить, что съезду не удалось достичь согласия с многочисленными Советами и другими организациями Туркестана. В состав Совнаркома представители коренного населения не вошли, но в резолюции съезда было специально отмечено, что «местное туземное население не устраняется от активной работы, а, наоборот, привлекается к работе»⁴.

Таким образом, преодолеть разногласия между Советами рабочих и солдатских депутатов и мусульманскими организациями не удалось, и 25 ноября Кокандский Чрезвычайный общекраевой съезд объявил о создании автономной республики Туркестан, а затем было создано Временное правительство автономного Туркестана. В конце января 1918 г. произошли столкновения между сторонниками двух правительств⁵.

Несколько иначе обстояло дело с объединением Советов в регионах, входивших в общеперскую губернскую структуру и после Февраля 1917 г. начинавших претендовать на национальную автономию. Так, на территории будущей

¹ Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921. С. 107.

² «Преступная попытка Ташкентского совета является явно контрреволюционной». Телеграмма А.Ф. Керенского. Сентябрь 1917 г. // Исторический архив. 2005. № 6. С. 203–204.

³ Там же. С. 111.

⁴ Наша газета. 1917. 23 ноября.

⁵ Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 670.

Украины создавались три советских района Юга России: Донецкий с центром в Харькове, Южная области с центром в Киеве, Второй Южный район с центром в Одессе. Он объединял Советы украинских и молдавских губерний. 10 мая 1917 г. на Областном съезде в Одессе был избран исполнительный комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. При этом на некоторых территориях параллельно действовали военные Советы.

После победы большевиков в развитии Советов наступил новый этап: из органов борьбы за власть они стали превращаться в органы местного самоуправления, органы власти большевиков на местах. В ноябре 1917 г. была опубликована директива СНК «Что такое власть Советов», 24 декабря – обращение Наркомата внутренних дел ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов «Об организации местного самоуправления»¹. В нем отмечалось, что «органами местной власти являются Советы, которые должны подчинить себе все учреждения как административного, так и хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения». При этом акцент делался на необходимости создания стройной взаимосвязанной системы Советов на всех уровнях и ликвидации прежних административных структур.

* * *

Таким образом, за понятием «Советы» в национальных регионах России порой скрывались принципиально различные институты: общественные организации, политические союзы, органы местного самоуправления. Этим термином пользовались различные политические силы и приравнивали их к своим целям. У Советов была своя региональная специфика. В ряде случаев они сразу обрели власть или же участвовали в ее распределении. В некоторых они и вовсе не претендовали на нее. Наконец, Советы динамично эволюционировали как институт в течение 1917 – первой половины 1918 г. Постепенно менялось и отношение к ним. Идея «советской власти» далеко не сразу получает «права гражданства» и среди большевиков. Безусловное же влияние Советов на политическую жизнь бывшей империи свидетельствовало не столько о «двоевластии», сколько о разрушении властной вертикали и утрате управляемости страной.

Провозглашение лозунга перехода всей власти в руки Советов в условиях политической борьбы и социально-экономических радикальных преобразований изначально делало неконкурентоспособными все остальные институты общественного самоуправления. Этот пролонгированный процесс, растянувшийся более чем на полгода в Центральной части России, был сложным и многоаспектным и непосредственно связан с необходимостью решения насущных вопросов жизнеобеспечения, что объективно предопределяло судьбу самой революции. Существенное влияние оказывала и свойственная России централизованная система распределения ресурсов, недостаточная самостоятельность (прежде всего финансовая) регионов. Одним из сильнейших инструментов подчинения местным Советам иных институтов общественной самоорганизации были денежные выплаты, выделяемые центральной властью. Власть на местах переходила в руки Советов по мере овладения ими управленческими ресурсами.

¹ Пролетарская революция. 1925. № 2.

Очевидно, что первоначальная ставка партии большевиков на обеспечение своей руководящей роли в Советах по сути предопределила судьбу иных институтов самоуправления. Однако само обращение к иным (помимо Советов) органам общественной самоорганизации не было чуждо идеологии большевиков, что подтверждает их ренессанс в 1920-е гг. и более позднее время. При этом должно было соблюдаться условие подконтрольности власти.

И, наконец, необходимо учитывать высочайшую степень децентрализации в первые месяцы революции, что было обусловлено как дезорганизацией прежней системы территориального управления, так и отсутствием полного понимания объема полномочий Советов. Это повлияло на формирование весьма разнообразных форматов отношений местных Советов и институтов самоорганизации населения, которые выстраивались под влиянием местных особенностей и расстановки политических сил.

К лету 1918 г., когда революционная ситуация несколько стабилизируется, совершенно естественно начинает расти организующая роль государства, и демократические тенденции, имевшие место в первые месяцы революции, были заметно ограничены.

Глава 6. СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ. ОКТАБРЬ 1917 – ИЮЛЬ 1918 г.

(Т.Г. Архитова, М.А. Андреев)

6.1. В поисках новой формулы власти: Учредительное собрание

Идея Учредительного собрания в России была не нова¹. В общепринятом смысле термин этот пришел из Европы, но в российской истории были прецеденты созыва представительных органов парламентского типа для принятия каких-либо основополагающих законов, избрания царей и т. п. В XIX в. идея созыва такого форума в самых разных его модификациях озвучивалась представителями нескольких поколений российского освободительного движения. В начале XX столетия большинство возникших партий, в т. ч. и социал-демократы, внесло в свои программы требование созыва Учредительного собрания. Особую популярность лозунг о созыве представительного органа с учредительными функциями приобрел после февраля 1917 г. Работа, начатая Особым совещанием для изготовления проекта о выборах в Учредительное собрание в конце мая 1917 г., завершилась в августе. В результате в законодательном порядке была оформлена самая демократичная для того времени процедура выборов. Активным и пассивным избирательным правом наделялись все граждане страны с 20 лет и военнослужащие с 18. Право голоса получили женщины, что в то время было довольно редким явлени-

¹ См.: *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997; *Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / авт.-сост. Л.Г. Протасов.* М., 2014.

ем в мире. Этот российский опыт оказал существенное влияние на зарубежную практику.

Предложенная система выборов сделала идею созыва Учредительного Собрания более привлекательной и в самой России, т. к. она была много демократичнее той, что существовала при выборах в Советы. Выборы по избирательным округам из расчета в среднем один депутат от 200 тыс. жителей состоялись в основном в ноябре 1917 г. В них приняли участие около 50 партий, голосовало примерно 67 % избирателей¹. Для страны с низкой политической культурой населения этот показатель представляется весьма высоким. Все попытки большевиков существенно повлиять на его состав желаемых результатов не дали. По данным С.В. Леонова, впервые в мировой истории социалисты в общей сложности получили 81 % голосов. Сюда вошли представители широкого спектра партий, но чуть ли не половина из них принадлежала к эсерам. Большевики же вместе с левыми эсерами получили из 715 мандатов лишь 215².

Учредительное собрание по решению Временного правительства должно было открыться 28 ноября, однако часть депутатов по разным причинам задержалась с приездом в столицу. Эта задержка дала Ленину дополнительное время на разъяснение своей позиции по отношению к Собранию и его роли в новых исторических условиях. Участь Учредительного собрания была решена на заседании ВЦИК 3 января 1918 г., в постановлении которого было заявлено, что любое посягательство на советскую власть будет этой властью подавлено³.

Намеченное на 5 января открытие Собрания было чуть не сорвано манифестацией его сторонников, опасавшихся за судьбу Конституанты. В начале работы присутствовало чуть более половины депутатов, и большинство из них относилось к левому блоку политического спектра. Кадеты, объявленные большевиками врагами народа, присутствовать не могли. Главными участниками были эсеры и большевики, между ними и возникло противостояние, однако и в рядах этих фракций отсутствовало единство, в т. ч. и по таким вопросам, как выборы председателя, утверждение повестки дня и т. п. Обсуждение любого из вопросов сопровождалось свистом, ругательствами, издевательским высмеиванием выступавших.

В конце концов собравшиеся в Таврическом дворце делегаты отказались одобрить подготовленную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», что не устроило большевиков – им нужна была легитимизация советской власти, а не угроза ей. Все остальные решения Учредительного собрания уже не имели особого значения для них: сначала они, а затем и левые эсеры покинули зал заседания, что сделало Собрание неправомочным принимать какие-либо решения, и 6 января 1918 г. оно было распущено.

Существовали, да и сейчас существуют весьма противоречивые оценки этого факта. Думается, что на извечный российский вопрос «кто виноват?» ответ может быть один: в сложившихся тогда российских реалиях – все. Опора большевиков – революционные солдаты и матросы жаждали социального реванша за мно-

¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. С. 195.

² Леонов С.В. Рождение советской империи. М., 1997. С. 157.

³ Городецкий Е.Н. Рождение советского государства 1917–1918 гг. М., 1987. С. 278–279.

говековое угнетение, эсеры боролись за легитимность, справедливость, демократию в их понимании, большевики – за сохранение за собой всех рычагов власти в государстве. Как писал Ю.А. Поляков, Советы во главе с большевиками имели шанс одержать победу и не упустили его¹. В то же время такой исход событий не мог не придать ускорение начинавшейся Гражданской войне.

Разгон Учредительного собрания дал противникам Ленина повод для критики не только внутри страны, но и за рубежом. Он же сказал Троцкому, что «вышло лучше», и разгон собрания – «полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры. Теперь урок будет твердый»². Как известно, урок был усвоен. Иногда можно встретить точку зрения, что Учредительное собрание – Конституанта, будучи сохраненным, со временем превратилось бы в подлинный парламент. При всей привлекательности такого предположения, скорее всего, его существование не вписалось бы в неразделенность законодательной и исполнительной власти, в однопартийную систему, а все шло именно к ней, в преимущество партийных решений над государственными и т. п. Оно либо было бы разогнано позднее, либо под натиском правящей партии превратилось бы в орган, одобряющий все предложения ее руководства.

Разгон Учредительного собрания сопровождался подавлением различного рода выступлений в его поддержку. Жертвы были с обеих сторон. 10 января открылся III съезд Советов, одоббивший все декреты советской власти. Подавляющим большинством голосов одобрил их и III Съезд Советов крестьянских депутатов, хотя отношение последнего к разгону Учредительного собрания было намного сдержаннее.

В дальнейшем все попытки проигравших возродить Учредительное собрание не увенчались успехом. Судьбы депутатов Собрания, вполне естественно, сложились по-разному. Члены большевистской фракции нашли себе место в советских структурах власти, их противники либо эмигрировали, либо приняли участие в антисоветских выступлениях. Проявившие хотя бы показную лояльность советской власти сумели за счет квалификации занять ряд постов в новой политической элите; не смирившиеся же с новыми реалиями и никуда не уехавшие периодически пополняли ряды осужденных. Лишь единицы из них, как, впрочем, и из числа членов большевистской фракции, пережили 1937 г. Л.Г. Протасов, приводя статистические данные, назвал список депутатов Учредительного собрания «политическим мартирологом, отражающим ожесточение межпартийной борьбы и социальной розни»³.

6.2. Съезды Советов и ВЦИК

Складывавшиеся постепенно нормы советского избирательного права изначально строились на принципе делегирования. Весьма сложная процедура «вы-

¹ Поляков Ю.А. Учредительное собрание: 80 лет спустя // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 68.

² Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 208.

³ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 304.

боров» позволяла отсеивать кандидатов, нежелательных для пришедшей к власти партии, манипулировать составом представительных органов. И дело было не столько в многоступенчатости выборов, в «лишениях» и других ограничениях далеко не демократического свойства, сколько в представительском неравенстве двух категорий граждан – рабочих и крестьян. Как известно, первые получили пятикратное преимущество по сравнению со вторыми. В стране, преимущественно крестьянской, большевики не хотели рисковать составом высшего органа власти, тем более что, по мнению Ленина, эта часть населения была заражена «мелкобуржуазным мировоззрением».

Как известно, большевистско-левоэсеровская прослойка на II Съезде Советов насчитывала около двух третей делегатов, на III Съезде картина оказалась иной за счет объединения существовавших параллельно представительного органа Советов рабочих и солдатских депутатов с аналогичным органом Советов крестьянских депутатов. Здесь следует отметить, что крестьянство стало самостоятельным субъектом политического процесса после I Съезда Советов крестьянских депутатов, состоявшегося раньше I Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, – в мае 1917 г. Попытки объединения предпринимались в конце лета – начале осени 1917 г., но не имели успеха из-за противоречий между крестьянством и лидерами крестьянских Съездов, чем сумели воспользоваться большевики¹. И вот объединение наконец состоялось, был создан единый ВЦИК. Завершился процесс создания единых органов советской власти. В результате объединения из почти 2 тыс. участников Съезда большевики, сочувствующие им и левые эсеры составляли более трех четвертей.

III Съезд принял ряд актов государствообразующего и конституционного характера – «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (позднее она вошла в Конституцию 1918 г.) и постановление «О федеральных учреждениях Российской республики». Последнее в общих чертах определяло конструкцию органов власти в российском государстве. Заявляя о децентрализованной системе власти, оно оставляло вне поля зрения широту компетенции ее высших федеральных органов. Поначалу чисто пропагандистские положения этого акта, тем более что федерации еще не было (ее предстояло создать), дополненные конкретными действиями новой власти, позволили остановить процесс дезинтеграции огромного, находящегося в жесточайшем системном кризисе государства, а потом перейти в наступление на любые проявления самостоятельности регионов. С этого времени все чаще к названию «Российская республика» добавлялось слово «федеративная», название «РСФСР» стало употребляться с принятием Конституции в июле 1918 г.

Продолжавшаяся Первая мировая война, начавшаяся Гражданская представляли собой угрозу новой власти. VII съезд партии, а затем IV чрезвычайный съезд Советов после ожесточенных дискуссий одобрили подписание Брестского мира. Этому в значительной степени способствовала резолюция ЦК РКП(б), принятая 15 марта 1918 г. и обязывающая всех членов партии голосовать на Съезде в со-

¹ См.: *Лаэров В.М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг.) М., 1996.

ответствии с решением ее руководящего органа¹. С этого времени тезис «власть осуществляет партия» все чаще встречается не только в партийных документах, но и партийной пропаганде. Главным итогом работы V Съезда Советов было принятие Конституции, о чем речь пойдет далее. В ноябре 1918 г. состоялся VI Съезд Советов, который не имел такого значения, как его предшественники.

На первом пленуме ВЦИК 27 октября 1917 г. в резолюции-обращении «Всем Советам, всем рабочим, солдатам и крестьянам» объявлялось, что все права II Съезда переходят к нему². В соответствии с этим актом делегаты представительного органа власти переставали быть ее носителями, сам же съезд отодвигался на второй план. 2 ноября 1917 г. было принято Положение о ВЦИК, которое закрепило основы его организации. Раз в две недели должно было созываться расширенное заседание ВЦИК в составе не менее половины его членов (в особых случаях допускалось заседание т. н. узкого состава – до четверти всех членов). 15 апреля 1918 г. принят «Наказ ВЦИК», более подробно регламентирующий процедуру проведения его заседаний³.

Поначалу ВЦИК II созыва работал в режиме пленарных заседаний (со временем пленумы стали называться сессиями), которые собирались чуть ли не ежедневно. Попытки установить периодичность созыва пленумов, кворум успешно не увенчались. Функции ВЦИК, в т. ч. и контрольные, требовали от многих его членов присутствия на местах, поэтому собирались по мере необходимости в том составе, который оказался в данный момент на месте. Как ни отрешивались большевики от парламентаризма, они не избежали парламентских форм деятельности – дискуссий, запросов, протестных действий, фракционной работы и т. п., более того, они даже их регламентировали.

Созданный уже в первые дни деятельности ВЦИК его Президиум, определялся как представительный и исполнительный орган власти, составляющий десятую часть от числа членов сформировавшего его органа⁴. В его задачи входило готовить необходимые материалы к заседаниям ВЦИК, проводить в жизнь его постановления, руководить работой членов ВЦИК и его отделов. Хотя он почти сразу стал решать вопросы, закрепленные за ВЦИК в узком его составе, предварительно рассматривать те, что затем выносились на заседания ВЦИК, значение высшего органа власти он приобрел не сразу – даже Конституция 1918 г. не включила его в их число. Произошло это только в 1919 г.⁵

Судя по первому протоколу заседания Президиума от 2 ноября 1917 г., это была короткая встреча Л.Б. Каменева и В.А. Аванесова, во время которой был обсужден вопрос «О конструировании Президиума ВЦИК» и сделан набросок списка его членов из 19 большевиков во главе с Я.М. Свердловым и В.А. Аванесовым и 10 левых эсеров во главе с Н.А. Натансоном и М.А. Спиридоновой⁶.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 57.

² Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II-го созыва. М., 1918. С. 4.

³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 103–105.

⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 17. Д. 266. Л. 16.

⁵ СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.

⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 32. Д. 1. Л. 1–2.

Как известно, несмотря на преобладание большевиков, ВЦИК, избранный II Всероссийским съездом Советов, был многопартийным¹, правительство же было сформировано однопартийным. В соответствии с решением этого же Съезда Совнарком оказался в двойственном положении. С одной стороны, он должен был быть подотчетным ВЦИК, которому по существу предоставлялось право вето на любые акты правительства, а с другой, нормотворчество ВЦИК объявлялось вполне допустимым. Такая расстановка сил не могла не сказаться на взаимоотношениях этих двух органов. ВЦИК во главе с Л.Б. Каменевым, уделявшим большое внимание политической деятельности, не спешил с нормотворчеством. Устав от противостояния с Л.Б. Каменевым и от его бездеятельности во ВЦИК, Ленин решил отказать ему в должности председателя этого органа. 8 ноября 1917 г. по его и ЦК партии рекомендации пленум ВЦИК избрал своим руководителем Я.М. Свердлова.

Из-за заминок ВЦИК с принятием актов законодательного характера нормотворчеством занялся Совнарком. За первый месяц своего существования он принял и опубликовал около 50 важнейших декретов, постановлений и директив². Иногда в течение одного заседания принималось 10–12 декретов. Начался т. н. декретный период деятельности первого советского правительства. Не прошло и десяти дней после октябрьских событий, как разразился скандал. Вечером 4 ноября Ленин вместе с Троцким были вызваны на заседание ВЦИК. Левые эсеры – приверженцы принципа разделения властей – потребовали разъяснений по поводу издания ряда декретов законодательного характера без санкции ВЦИК³. Ответ Ленина, как известно, отвергавшего в сложившейся в России ситуации этот принцип, квалифицировавшего его как буржуазный формализм, не удовлетворил левых эсеров, и они поставили на голосование вопрос о доверии правительству. Ленину и Троцкому с минимальным преимуществом удалось добиться принятия нужного им решения⁴.

Судя по всему, левые эсеры продолжали настаивать на прекращении такой практики. По предложению Я.М. Свердлова ВЦИК 17 ноября принимает «Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК», в котором подтверждается решение Съезда о подотчетности Совнаркома ВЦИК. В нем подчеркивалось, что «все законодательные акты, а равно и распоряжения общеполитического значения, представляются на рассмотрение и утверждение Центрального Исполнительного Комитета», «раз в неделю каждый член Совета Народных комиссаров отчитывается перед Центральным Исполнительным Комитетом», ответы на запросы ЦИК, если за них высказалось 15 его членов, должны даваться немедленно. Одновременно «Наказ» закрепил право правительства принимать декреты по вопросам борьбы с контрреволюцией, что впоследствии даст ему возможность принимать акты не только по административно-хозяйственным вопросам, но и по конституционным⁵.

¹ См.: *Разгон А.И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 30.

² *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. С. 88.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. С. 32.

⁴ *Никонов В.А.* Российская матрица. М., 2014. С. 447.

⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 102.

В принципе «Наказ» разграничил функции двух высших органов, но исполнялся правительством он все-таки выборочно. Несмотря на значительную активизацию законодательной деятельности, ВЦИК, будучи высшим органом власти, отставал от высшего органа управления (СНК) в принятии актов высшей юридической силы. Думается, что главной причиной такого положения вещей была внутри- и внешнеполитическая обстановка, требующая быстрого принятия оперативных решений и актов конституционного характера. В то же время обозначился вектор движения по пути постепенного отстранения органов представительной власти от законодательной деятельности. С весны 1918 г. ВЦИК, вслед за Всероссийским Съездом Советов, все чаще отходит на второй план. Правовое поле заполняется актами правительства; значение законодательных актов стало придаваться и партийным решениям. Лениным была заложена практика обязательного рассмотрения наиболее важных вопросов в руководящем органе партии, однако, по свидетельству В.М. Молотова, «острые вопросы Ленин нередко решал сам, своей властью»¹. Революция по природе своей авторитарна.

В условиях, когда большевики только приступали к «овладению» бывшими министерствами, созданные в структуре ВЦИК отделы оказывали наркоматам сильную организационную помощь. Затем параллелизм в деятельности отделов ВЦИК и наркоматов существенно осложнил работу последних. Поэтому с конца 1917 г. началась передача ряда отделов ВЦИК в структуру наркоматов, что также способствовало усилению роли СНК в системе органов государственной власти. Это, хотя и косвенно, подметил верный Ленину Я.М. Свердлов. Выступая 1 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК, он сказал, что деятельность его и Совнаркома точно не разграничена, чем создается путаница в решении аналогичных вопросов².

Первоначально состав ВЦИК был сформирован в количестве чуть более 100 чел., но постепенно увеличился чуть ли не вчетверо, в т. ч. и за счет Исполкома Чрезвычайного крестьянского Съезда. В результате такого объединения во ВЦИК резко возросло число левых эсеров. В этой ситуации большевики вспомнили о сформулированном еще I Всероссийским съездом принципе пропорционального представительства во ВЦИК партийных фракций съездов³. Выборы тщательнейшим образом контролировались руководящим органом партии. Центральный комитет создавал специальную комиссию по руководству Съездом. Она-то и разрабатывала сценарий Съезда, подбирала кандидатуры членов ВЦИК и его Президиума⁴. Все это вместе взятое вело к сокращению во ВЦИК представителей других партий. В результате перевыборов ВЦИК в июле 1918 г. из него были удалены левые эсеры, он стал однопартийным, небольшое число беспартийных и сочувствующих большевикам существа дела не меняло. Одновременно избирательная система привела к тому, что ВЦИК по преимуществу состоял из работников центральных органов, представителей Советов центральных губерний и областей, что не позволяет называть его, в отличие от Съезда, представительным органом.

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 186.

² См.: Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 161.

³ Первый Всероссийский съезд Советов Рабочих и солдатских депутатов. Т. 2. М.; Л. 1931. С. 62–63.

⁴ См.: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата.

6.3. Совнарком: новое правительство

С правительством большевикам пришлось сложнее, здесь готовой формы, как это было со Съездами Советов и ВЦИК, не нашлось. 21 октября 1917 г. ЦК партии поручает Ленину подготовить тезисы докладов о земле, о войне, о власти. Точная дата написания им заметок о власти не установлена, то ли они были написаны накануне заседания ЦК партии, то ли по результатам состоявшейся беседы с ближайшим окружением в одной из «комнатушек» Смольного¹. Судя по воспоминаниям очевидцев, это была чистой воды импровизация, да и сами заметки-наброски свидетельствуют о недостаточной проработке вопроса. В заметках написано о необходимости немедленного создания «комиссии народных комиссаров», состоящей из министров и товарищей министров. Помимо этой комиссии, названы еще две: революционного порядка (ее должен был возглавить М.Д. Бонч-Бруевич) и законодательных предположений во главе с Л.Б. Каменевым. Вторая комиссия должна была функционировать при министре-председателе, что предполагало активное участие правительства в законодательной деятельности. В числе будущих министров был назван Луначарский; Крупская предлагалась в качестве товарища министра. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что должна была быть и комиссия по просвещению. Фамилия министра-председателя в тексте не названа. Программа деятельности «комиссии народных комиссаров» была намечена штрихами².

По воспоминаниям участников событий, Ленин категорически отказывался стать главой правительства и согласился под давлением соратников, которые, вероятно, опасались, что это место может занять Троцкий³. Действительно, Троцкого в ЦК партии не любили, а, судя по его воспоминаниям, Ленин ему этот пост предлагал. Согласившись, Ленин не снял с себя полномочий лидера партии – это был по существу первый шаг в направлении подчинения государственного аппарата высшему органу пришедшей к власти партии. В то же время таким образом было положено начало практике совмещения высоких партийных и государственных постов.

Таким образом, на коренную модернизацию исполнительной власти большевики не пошли. При создании правительства они последовали примеру предшественника, Временного правительства, сохранив перечень ведомств с некоторыми новациями, к каким в первую очередь можно отнести комиссию по делам национальностей и объединение двух военных ведомств в один комитет.

Судя по тексту заметок о власти, Ленин не исключал сотрудничества с «социал-революционерами». Выступивший на II Съезде Л. Мартов (от меньшевиков-интернационалистов) предложил начать переговоры с другими партиями социалистической ориентации. Предложение было принято, однако сразу после голосования представители ряда партий выступили против «преступной авантю-

¹ См. : Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 416.

² Ленинский сборник. Т. 21. С. 91–92.

³ См.: Искендеров А.А. Первые шаги советской власти // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 74.

ры» большевиков. Не добившиеся своего, меньшевики и правые эсеры ушли со съезда, заявив при этом в специальной декларации об осуждении всего того, что произошло накануне и происходит на съезде, и о необходимости переговоров с Временным правительством. Устами Троцкого большевики предложили покинувшему Съезд отправиться «в сорную корзину истории». Н.Н. Суханов отметил, что, уйдя, оппоненты большевиков уступили последним «целиком всю арену революции». Ленин снял с себя ответственность за такой исход событий¹.

ЦК РСДРП(б) предлагал включить в первый состав правительства наиболее видных представителей руководства левых эсеров. Н.К. Крупская приводит эпизод о переговорах Ленина на эту тему с их лидером – М.А. Спиридоновой за несколько часов до открытия II Съезда, но переговоры результатов не дали². Между тем, Спиридонову можно было увидеть среди членов президиума Съезда. Левые эсеры не желали, как выразился В.А. Карелин, углублять «существующие в рядах революционной демократии разногласия»³. Справедливо, думается, полагают те, кто считает, что в этом случае была утрачена возможность создания коалиционного правительства с самого начала его существования как института. Сомнение, правда, вызывает продолжительность его функционирования в таком составе. Претензии пришедшей к власти партии, ее последующие действия являются свидетельством того, что она не предполагала эту власть с кем-либо делить. Ведь ее соратниками могли стать только те, кто разделял большевистскую точку зрения безоговорочно, с мыслящими иначе контакты могли носить исключительно временный, тактический характер.

Итак, списка кандидатур на важнейшие государственные посты у партии, претендующей на власть, не было. Канва событий, связанных с формированием первого состава правительства, известна: кандидатуры зачастую предлагались случайные, да и сами участники событий вдруг осознали, что отвечать за последующие шаги правительства придется им. Как вспоминал позднее Г.И. Оппоков (Ломов), соратники Ленина знали все дороги, ведущие на каторгу, чуть ли не все тюрьмы в России и порядки в них, но они «не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств» (последнее по-своему роднило их с министрами Временного правительства). Скорее всего, из опасений не справиться «желающих попасть в наркомы было немного», характерен пример с В.Р. Менжинским, которого Ленин в качестве очередной «жертвы» отлавливал в коридорах Смольного⁴. А вот что писал по этому поводу А.В. Луначарский, которому зачастую та или иная кандидатура казалась случайной: «Я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне еще не подготовленными для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил: “Пока... там по-

¹ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 36–37.

² *Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1957. С. 319.

³ Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 26.

⁴ *Ломов Г.* В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 172.

смотрим, нужны ответственные люди на все посты; если не пригодятся – сумеем переменить»¹. В известной степени Луначарскому вторит другой очевидец событий, В.М. Молотов, говоря, что выбора у Ленина не было, но он был человеком неунывающим, «умел всех использовать – и большевика, и полубольшевика, и четвертьбольшевика, но только грамотного»².

Действительно, Ленин и до революции, и после нее расходился во взглядах не только с А.В. Луначарским, Л.Б. Красиным, И.В. Сталиным и тем более с Л.Д. Троцким. С двумя последними фигурами отношения строились особенно сложно. После революции Сталин и Троцкий были наиболее близкими Ленину людьми, были как бы его правой и левой рукой. В зависимости от обстоятельств руки менялись, но они оба были ему нужны. Ценил он обоих – Сталина за исполнительность и организаторские способности, Троцкого – за ум и роль в октябре 1917 г., но первый был груб, из-за чего возникала масса проблем во взаимоотношениях даже с единомышленниками. Второй же позволял себе иметь особое мнение, резко и беспощадно отстаиваемое, зачастую идущее вразрез с мнением большинства в правительстве³. Думается, ценил Ленин в Троцком и то, что он умел убедить в своей правоте даже противников – с помощью сарказма и язвительности, равнодушных – страсти и убедительности, соратников – красноречия и остроумия, хотя и отталкивал последних нарочитым интеллектуальным превосходством.

Как и список членов правительства, на ходу были придуманы названия самого кабинета и должностных лиц, в него входящих. Судя по воспоминаниям участников событий, этот вопрос их заботил даже больше, чем состав правительства. Решили, что состоять оно будет из народных комиссаров и именоваться Временным рабочим и крестьянским правительством – Советом народных комиссаров⁴. Слово «временное» присутствовало в названии правительства до специального решения III Всероссийского Съезда Советов. Оно утратило смысл в связи с разгоном Учредительного собрания. Сложнее было с названиями органов, унаследовавших функции министерств как царского, так и Временного правительства. В ленинской записке они названы комиссиями, но комиссары первое время себя именовали по-разному: «комиссар по делам финансов» (В.Р. Менжинский), «народный комиссар почт и телеграфов» (Н.П. Авилов), «комиссар по Министерству внутренних дел» (Г.И. Петровский) и т. п.⁵ Понятие «народный комисариат» постепенно вошло в обиход после «овладения» бывшими министерствами.

Новое правительство должно было состоять из председателей 12 комиссий и трех членов комитета по военным и морским делам. Анализ его состава в свое время делали многие весьма известные отечественные историки – Е.Г. Гимпельсон, Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина и др.⁶ Более поздние характеристики членов правительства носят, скорее, характер дополнений и уточнений.

¹ Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 173.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 178–179.

³ Там же. С. 580–581.

⁴ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 212.

⁵ Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. С. 89–90.

⁶ Генкина Э.Б. Советское правительство в 1917–1922 гг. // Исторические записки. Т. 118. М., 1990; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1988; Городец-

Название правительства не отражало его состава, что, безусловно, было свидетельством популизма вождей революции, что не мешало им считать себя выразителями интересов угнетенного народа. Это были люди довольно молодые – старейшему из его членов М.Т. Елизарову было 55 лет, а Ленину и того меньше. Расхожее в свое время мнение о высоком уровне образованности членов первого советского правительства тоже не выдерживает критики – лишь малая часть из них имела дипломы об окончании высших учебных заведений. Были среди них и лица, не имевшие даже среднего образования. Конечно, ни в коем случае эти обстоятельства нельзя ставить им в вину. Как отмечал Е.Г. Гимпельсон, «в целом интеллектуальный потенциал правительства для того времени был довольно высокий, причем он определялся не только уровнем образования большинства наркомов, но и тем, что все прошли школу самообразования в «тюремных университетах»¹.

Не выдержали критики и другие мифы о первом правительстве, например, об однородности его состава по национальному признаку. В свое время Ю.В. Емельянов высказывал удивление по поводу того, что в условиях, когда на всех уровнях власти, в т. ч. и в правительстве, «оказались люди, не имевшие до этого ни дня опыта государственной работы... молодое государство смогло вообще функционировать»². Думается, заслуга здесь принадлежит идеологической составляющей государственной политики, использованию широкого спектра репрессий в отношении оппозиции. Сказались и незаурядные организаторские способности большевистского лидера.

Деятельность В.И. Ленина на посту главы первого советского правительства представляется изученной, в первую очередь благодаря работам М.П. Ирошников, Е.Г. Гимпельсона, других известных отечественных и зарубежных историков³. Наиболее полной, на наш взгляд, выглядит характеристика Ленина у Е.Г. Гимпельсона, берущего себе в союзники русского философа Н.А. Бердяева и английского историка Э. Карра. По его мнению, романтизм с изрядной примесью сентиментальности у Ленина сочетались с глубоким, ничем непоколебимым убеждением в правильности выбранного им пути и с пренебрежением большинством этических норм при достижении поставленной цели. В то же время сила его авторитета среди соратников по партии, ставшая отправной точкой для складывания традиции личного руководства в советском государстве, была настолько велика, что позволяла ему в большинстве случаев выходить победителем. В ход шли уговоры, сталкивание лоб в лоб сторонников разных точек зрения, лавирование между ними, угрозы уйти в отставку, спокойная реакция на критику и т. п.⁴

кий Е.Н. Рождение советского государства; *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине: Революция. История. Личность. М., 1989; Первое советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918. М., 1991 и др.

¹ *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. С. 83–84.

² *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. С. 154.

³ *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг.; *Ирошников М.П.* Председатель Совета Народных комиссаров Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974; *Он же.* Председатель Совнаркома и Совета Обороны Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 гг. Л., 1980 и др.

⁴ *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. С. 69.

Луначарский в свое время подметил еще и «крепчайшую практическую хватку» Ленина¹.

Скоропалительность принятых решений как по перечню правительственных учреждений, так и по персональному составу правительства не замедлила сказаться. Состав часто менялся. Причины были разные, кто-то в силу сложившихся на тот момент обстоятельств не смог вовремя приступить к работе и ему нашли замену, кто-то просто опасался этого вида деятельности, кто-то отказывался до последнего, как, например, Елизаров, кто-то пришел в правительство в связи с созданием нового наркомата. Сказывалось и то, что ряд назначенцев считали, что их время пребывания в должности будет недолгим. Так думали Л.Д. Троцкий, Н.И. Крестинский и др.²

Не могли не повлиять на состав правительства и его кризисы: малые и большие. Малые обычно не оставляли серьезных последствий. Одним из таких был протест А.В. Луначарского по поводу разрушения ряда памятников в Москве в ходе вооруженного захвата власти. Дело ограничилось разговором с главой правительства, который, во-первых, умел убеждать, во-вторых, прощать, в-третьих, к наркому просвещения, прекрасно зная его недостатки, испытывал особое уважение – фамилия Луначарского в записке о власти была названа не случайно.

Первый крупный кризис был связан с обострившимися отношениями с профсоюзом железнодорожников (Викжелем), лидеры которого настаивали на передаче ему «власти в Министерстве путей сообщения», создании «однородного социалистического правительства» с участием представителей партий, ушедших со II Съезда Советов и т. п. Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, несколько членов Совнаркома уступили натиску со стороны Викжеля, по существу согласившись с заменой ВЦИК «Народным Советом», выводом Ленина и Троцкого из состава правительства, существенным сокращением присутствия большевиков в нем. Что двигало при этом Каменевым, Зиновьевым и примкнувшими к ним членами правительства? По мнению Ленина, высказанному позднее, они боялись изоляции большевиков и дальнейшего обострения отношений с оппозицией³. Скорее всего, это именно так – они были слишком близкие Ленину люди для того, чтобы его просто предать и в то же время рисковать так легко доставшейся властью. В конце концов, разногласий в окружении Ленина было не так много. Сначала они касались вопроса о том, в чьих руках должна быть власть – большевиков или многопартийных Советов, а позднее – о мерах допустимости насилия. И вновь устами Троцкого сторонники Ленина дали отпор переговорщикам с Викжелем⁴. Часть из них вышла из состава правительства. Вакантными эти места в правительстве

¹ *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления... С. 179.

² Точка зрения Л.Д. Троцкого на Наркомат иностранных дел как «лавочку», которую надо поскорее закрыть, растираживана в целом ряде исследований, схожее мнение Н.И. Крестинского в отношении Наркомфина приводит С.В. Леонов (Рождение советской империи. С. 134).

³ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 41. С. 417.

⁴ *Рабинович А.* Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 г. в России // История СССР. 1990. № 6.

были недолго, а В.И. Ленин довольно скоро простил, как он выразился, «превосходных коммунистов», ошибки которых были быстро исправлены.

Второе значительное изменение в составе правительства связано с вхождением в него левых эсеров. История их вхождения и пребывания в российском правительстве анализировалась неоднократно¹. Трудно судить о том, насколько искренними были большевики в желании сотрудничать с левыми эсерами, но, критикуемые со всех сторон, они нуждались в союзниках. Искать союзников можно было среди тех, кто разделял их взгляды и поддерживал их действия. В конце концов, расхождения между большевиками и романтиками от революции – левыми эсерами носили тактический характер. Не могли большевики и игнорировать популярность левых эсеров в крестьянской среде, занимавшей выжидательные позиции в то время, когда поддержка рабочих и солдат была не вполне устойчивой. Союзники были нужны и левым эсерам, переживающим период партийного становления. Необходимую для этого политическую площадку они могли получить, заключив союз с большевиками. Вялые (после отказа левых эсеров войти в состав первого правительства) переговоры активизировались после оформления партии левых эсеров и их победы в декабре 1917 г. сначала на чрезвычайном, а потом на очередном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, вследствие чего произошло объединение двух съездов и образование единого ВЦИК. В результате переговоров в ночь с 9 на 10 декабря, при обязательном следовать программе большевиков, было заключено соглашение о вхождении семи представителей партии левых эсеров в состав советского правительства.

Произошедшие до этого изменения и вхождение в правительство левых эсеров, заменивших большевиков в некоторых наркоматах и вставших во главе вновь созданных, привели к существенному обновлению Совнаркома. Из пятнадцати наркомов, входивших в него первоначально, осталось чуть больше половины.

Первое время, несмотря на известные разногласия и споры, например, о месте ВЧК в структуре правительственных органов, левые большевики и эсеры действовали довольно слаженно. Последние поддержали запрет большевиками партии кадетов при подготовке созыва Учредительного собрания, а неистовая М.А. Спиридонова своим участием в нем во многом облегчила большевикам его разгон. Не осудили они большевиков и за расстрел демонстрации в поддержку Учредительного собрания. Ленин был доволен этим союзом. Выступая на III Всероссийском Съезде Советов 11 января 1918 г., он говорил о его прочности².

Зимой–весной 1918 г. резко ухудшилось положение в экономике страны, в т. ч. и из-за неэффективности управления. Обещанное равенство денежного содержания чиновника и рабочего средней квалификации постепенно перестало соблюдаться, что положило начало политике льгот и привилегий партийно-государственной номенклатуры. Вот как описывает ситуацию весны 1918 г. Л.Д. Троцкий:

¹ Штейнберг И.З. Партия левых социалистов-революционеров // Знамя. Берлин, 1921. № 2; Фельштинский Ю.Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918 (На пути к однопартийной к диктатуре). Париж, 1985; Разгон А.И. Правительственный блок большевиков и левых эсеров (октябрь 1917 – январь 1918) // Исторические записки. М., 1989. Т. 117; Леонтьев Я.В. Предисловие // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы 1917–1925: В 3 т. М., 2000. Т. 1. Июль 1917 г. – май 1918 г. С. 5–46.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 264.

«Продовольствия не было. Армии не было. Государственный аппарат еле складывался. Всюду... заговоры»¹. В этих условиях более чем в два раза сократилось число членов партии большевиков, росли ряды левых эсеров и меньшевиков². Левые эсеры почувствовали себя в правительстве более уверенно.

Отношения между двумя партиями стали обостряться в связи с критикой левыми эсерами политики большевиков по «социализации» земли, ведущей к ее национализации, политики продовольственной диктатуры и военного коммунизма, умаления роли Советов, установления над ними жесткого контроля, усиления роли ВЧК и т. д. и т. п. Такое отношение левых эсеров к деятельности большевиков, с одной стороны, отдаляло их друг от друга, а с другой, усиливало влияние левых эсеров теперь уже не только в крестьянской среде.

16 марта 1918 г., протестуя против ратификации Брестского мирного договора, в соответствии с отзывом своего партийного руководства левые эсеры вышли из Совнаркома. Это был второй крупный кризис советского правительства за полгода его существования. Все эти события положили начало существованию однопартийного правительства, дали еще один импульс (после разгона Учредительного собрания) к ликвидации всех оппозиционных партий в государстве, что в конце концов и привело к созданию в стране однопартийной системы.

Выведя из состава правительства своих представителей, левые эсеры активизировали критику власти, что, естественно, раздражало большевистское руководство. Наступление на левых эсеров началось в мае 1918 г., когда ЦК РКП(б) отклонил просьбу о возвращении в Совнарком их представителя на должность наркома земледелия. В начале июня 1918 г. Ленин пишет Свердлову, что он уже не доверяет своим бывшим союзникам³. Внесли свою лепту в дальнейшее ухудшение отношений и сами левые эсеры, в начале июля 1918 г. они открыто выступили против власти большевиков. В конце жизни М. Спиридонова сожалела об излишнем максимализме левых эсеров в то время⁴.

Теперь все члены Совнаркома, включая его председателя, занимали высокие посты в руководстве правящей партии, что со временем стало обычной практикой, формулировка «советский партийный и государственный деятель» вошла в обиход для характеристики того или иного высокопоставленного лица. Если первый состав правительства был утвержден съездом Советов, то последующие назначения производились ВЦИК, однако в том и другом случае эти назначения предварялись утверждением кандидатур наркомов решением ЦК РКП(б). Ленин, по заведенному при нем порядку, председательствуя на заседаниях Политбюро, предлагал очередную кандидатуру, которая и рекомендовалась к назначению на должность. Процедура назначения была еще более формальной. Ленин предлагал, ВЦИК безоговорочно утверждал. Согласование с ЦК партии было обязательным для кандидатов на все более или менее значимые должности, и даже при назначе-

¹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 222.

² Леонов С.В. Рождение советской империи. С. 175–176.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 94.

⁴ См. Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: Повествование в документах. М., 1995. С. 257; Кравченко Т. Возлюбленная террора. М., 1998.

нии на второстепенные должности предпочтение отдавалось кандидатам, имевшим заслуги перед революцией.

Не просто обстоляли дела и с «созданием» новых наркоматов, а точнее – с «овладением» прежними министерствами. Вот что пишет по этому поводу А.В. Луначарский: Ленин сказал, что каждый нарком должен ехать в порученное ему бывшее министерство, завладеть им и, «если будут посягать на то, чтобы вырвать у него порученную ему часть власти», живым оттуда не уходить. Задача была труднейшая. Для овладения бывшими министерствами наркомы создали коллегии, куда пригласили самых преданных революции товарищей.

Наркомы не спешили ехать в порученные им министерства. Даже исполнительный Луначарский с товарищами более недели не решался идти «овладевать» бывшим Министерством просвещения. Он вспоминает весьма интересный факт: напутствуя его, глава правительства заявил, что у него самого пока отсутствует «какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенческом деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям». Судя по всему, глава правительства не сразу расстался и с идеей отмирания государства. Как пишет все тот же Луначарский, на его упрек в том, что Ленин не уделяет достаточного внимания Наркомпросу, тот ответил буквально следующее: потерпите, «когда-то у нас будет только два громадных наркомата: наркомат хозяйства и наркомат просвещения, которым даже не придется ни в малейшей мере ссориться между собою»¹.

Не сразу направились в свои министерства и другие наркомы. В некоторых случаях поход был отложен на месяц и более. Так, лишь 6 декабря 1917 г. было покончено с троевластием на железных дорогах страны, при котором существовало прежнее министерство, в стадии формирования находился аппарат НКПС, значительным влиянием пользовался Викжель². Более длительным, чем в других ведомствах, был процесс «овладения» военным ведомством, продолжавшаяся война, отсутствие собственных военных кадров не позволяли сделать это быстро.

В столь сложный период своего рода промежуточной инстанцией между ВЦИК и бывшими министерствами стал до его упразднения 5 декабря 1917 г. Петроградский Военно-революционный комитет, созданный еще 12 октября в качестве органа Петроградского Совета для организации захвата власти. После октябрьских событий, передав власть II Съезду Советов, он превратился в главный оперативный орган ВЦИК и СНК по созданию аппарата новой государственной власти. Пока шло «овладение» прежними министерствами, ревком занимался всеми проблемами управления. По мере укрепления аппарата наркоматов его функции сужались и в результате свелись к борьбе с бандитизмом, саботажем, контрреволюцией. Но для этого нужен был уже другой орган. Им стала Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) под руководством Дзержинского. С.В. Леонов высказывает предположение, на наш взгляд, не вполне обоснованное, что ВЧК пришла на смену ВРК в связи с наличием в последнем левых эсеров³.

¹ См.: Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. С. 176–184.

² История железнодорожного транспорта России. XIX–XXI вв. М., 2012. С. 189–190.

³ Леонов С.В. Рождение советской империи. С. 138–140.

Структурные изменения в бывших министерствах произошли далеко не сразу, наркомы поначалу приняли их прежнюю организацию. Только во вновь образованных наркоматах создавать структурные подразделения пришлось с нуля. Но и здесь не обошлось без заимствований. Как отмечалось выше, в наркоматах были образованы коллегии. Высказываемая иногда исследователями точка зрения на них как на изобретение советской власти представляется не совсем верной¹. С заменой в России коллежской формы управления министерской в начале XIX в. коллегии были сохранены в целях обеспечения преемственности. С их упразднением единоначальник – министр стал нуждаться в советниках. Итогом стало появление в министерствах совета министра, куда, наряду с ним, входили товарищи (заместители министра) и директора департаментов. На заседания совета в качестве полноправных участников могли быть приглашены «сведущие» люди: фабриканты, заводчики, купцы, ученые, инженеры. Со временем в качестве совещательных органов появились и др. советы. Существование их было закреплено действующим законодательством и не отменяло единоначалия.

Итак, захватив министерства, наркомы столкнулись с сопротивлением старого чиновничества, в большинстве своем отказавшегося от сотрудничества с большевиками. Коллегии в наркоматах стали выходом из возникшей ситуации, когда наркомы оказались не в состоянии сделать первые шаги в управлении вверенной им отрасли, будь то экономика или социальная сфера. «Преданные революции товарищи» были дополнены квалифицированными кадрами из числа «буржуазных специалистов». Не случайно коллегии создавались по инициативе народных комиссаров, причем не важно, по какому акту – ведомственному или правительственному. Одна из первых коллегий была создана в Наркомате государственного контроля декретом СНК от 5 декабря 1917 г.² Таким образом, коллегии, образованные для овладения ведомством, трансформировались в совещательные органы при наркоме.

Количественный состав коллегий был разным, как и разными были их отношения с наркомами, тем более что в коллегиях некоторых наркоматов после соглашения большевиков с левыми эсерами работали представители последних. По данным Е.Г. Гимпельсона, среди членов коллегий наркоматов количество лиц с высшим образованием было достаточно высоким³. Без их квалифицированной помощи руководители центральных ведомств вряд ли смогли решать поставленные перед ними задачи. Как писал позднее нарком продовольствия А.Д. Цюрупа, «волна революции подняла нас высоко, но сами по себе мы люди маленькие»⁴. В то же время не стоит забывать, что руководство партии держало коллегии под надзором: в их составе были и активные члены партии, и представители профсоюзов.

Ленин считал коллегии чем-то «зачаточным», необходимым «на первой стадии»⁵, он был приверженцем единоначалия не только при чрезвычайных об-

¹ Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 422–423.

² СУ РСФСР. 1917. № 6. Ст. 91.

³ См.: Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. Гл. 2.

⁴ Ленинский сб. Т. XXXVШ. М., 1975. С. 289.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. С. 76.

стоятельствах. В условиях обострения политической борьбы и военной опасности 23 марта 1918 г. Совнарком принимает декрет «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности», где четко был обозначен приоритет единоначалия¹. Положения декрета распространились на все наркоматы. В результате коллегии были узаконены в качестве совещательных органов при наркоме, голос которого при обсуждении того или иного вопроса был решающим. При этом за членами коллегий оставлялось право обжаловать в правительстве распоряжение наркома. Соотношение единоначалия и коллегиальности нашло закрепление в Конституции 1918 г. (ст. 44, 45).

Небольшие поначалу штаты наркоматов стали интенсивно расти. М.П. Ирошников, анализируя материалы переписи служащих советского госаппарата (август 1918 г.) приводит весьма впечатляющие цифры – штаты некоторых правительственных учреждений достигли нескольких тысяч служащих². Причины этого были разные – от некомпетентности наркомов и новых чиновников до резкого увеличения функций бывших министерств и числа подведомственных им объектов управления. Особенно быстрыми темпами росли штаты Наркомпроса, т. к. в нем, наряду с функциями управления образованием, постепенно сосредоточивались функции управления наукой, культурой и искусством, набирала темпы идеологическая составляющая его деятельности. Луначарский констатировал, что очень скоро число чиновников в наркомате оказалось чуть ли не в 15 раз больше, чем в бывшем Министерстве³. Из-за расширения полномочий быстро росли штаты ВЧК.

В первые месяцы существования советской власти в условиях ее неприятия служащими бывших министерств главная задача состояла в том, чтобы удержать на своих местах хотя бы их часть. Примером могут служить факты поощрения к Новому году старослужащих в Наркомате просвещения, создания для них специального фонда выдачи пособий⁴. Однако это не было массовым явлением. ВЧК была создана именно для борьбы с саботажем в госаппарате. Совокупность таких мер привела к тому, что чем ниже располагалось подразделение на иерархической лестнице структуры наркомата, тем больше там оказывалось старых квалифицированных управленцев. Для всех центральных ведомств значение имели два обстоятельства: был ли у ведомства дореволюционный предшественник и не входило ли оно число учетно-регистрационных, информационных, статистических и иных подобных органов, к служащим которых относились достаточно бережно. К осени 1918 г. число служащих бывших государственных и частных учреждений и предприятий в руководящем составе сотрудников советских центральных органов составило 58,3 %, а в ряде ведомств их доля была еще больше: в НКПС 88,1 %, Наркомфине 97,5 %⁵.

¹ СУ РСФСР. 1918. № 30. Ст. 395.

² *Ирошников М.П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). С. 342–345.

³ *Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления... С. 184.

⁴ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп.1. Д. 131. Л. 36–37; Оп. 2. Д. 10. Л. 23.

⁵ *Ирошников М.П.* К вопросу о слове буржуазной государственной машины в России // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л.,

Конечно, в т. н. административно-политических органах подобного не было, но даже в ВЧК, хотя она по количеству членов партии и была на первом месте среди всех центральных учреждений, для оперативной работы привлекались беспартийные старослужащие. Велико было число специалистов, владевших военными знаниями и имевших боевой опыт в годы мировой войны, как в руководстве военного ведомства, так и непосредственно в армии. Как отмечал Ленин, без них не было бы Красной Армии и тех побед, которые она одержала¹. Если поначалу задача состояла в том, чтобы удержать старых специалистов, то весной 1918 г. Ленин заговорил о необходимости привлечения специалистов из числа «бывших», готовых служить советской власти, и даже больше им платить, просил этому не удивляться². Видимо, пришло осознание, что управленческие функции не столь примитивны, как представлялось до революции.

До 10 марта 1918 г. Совнарком находился в Петрограде. Вопрос об эвакуации правительства поднимался еще до октябрьских событий 1917 г., но условия войны, правительственные кризисы не позволили власти осуществить это намерение. Зимой 1918 г. возникла угроза утраты Петрограда в результате германского наступления. 20 февраля, когда потребовался более оперативный, чем СНК, орган, правительство пошло на создание узкой коллегии из 5 чел. (для обеспечения «непрерывности» в работе) – Временного исполнительного комитета во главе с Лениным³. 26 февраля на заседании Совета народных комиссаров по предложению Ленина было принято решение об эвакуации в Москву⁴. Решение далось нелегко, соратникам Ленина, в первую очередь, питерским, «ситцевая» Москва представлялась провинциальным городом – «большой деревней», да и советскую власть там установили с опозданием и с большими трудностями, чем в Петрограде. Известна была и определенная оппозиционность московских большевиков и Моссовета курсу руководства страны. Против переноса столицы были и другие партии, например, эсеры, меньшевики. Ленину удалось убедить соратников в его целесообразности⁵. Однако работа правительственных учреждений существенным образом осложнилась из-за растянувшегося почти на месяц переезда части оставшихся на какое-то время их структурных подразделений в Петрограде и неустроенности в Москве, где условия для размещения оставляли желать лучшего. Здания были не приспособлены для работы правительственных учреждений, а некоторые наркоматы оказались разбросаны по десятку адресов. Кстати, точка в вопросе о месте нахождения правительства была поставлена лишь Конституцией СССР 1924 г., до этого его пребывание в Москве считалось временным.

1973. С. 54; *Он же*. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). С. 424–427; *Он же*. Рожденные Октябрем. Очерки истории становления советского государства. Л., 1987. С. 109.

¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 199, 218.

² Там же. Т. 36. С. 178–180.

³ Ленинский сборник. Т. XXI. С. 98.

⁴ Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 379–380.

⁵ *Архипенко В.* Москва, Кремль... / Коммунист. 1978. № 4; Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 217.

Большинство участников событий, вспоминая работу в правительстве, во многом идеализируют ее по целому ряду причин, среди которых в первую очередь следует назвать воцарившуюся в государстве идеологию. Вслед за ними отечественные историки писали о связи деятельности правительства с правотворчеством масс, о ее плановости и т. п., чего в реалиях того времени просто не могло быть¹. Ведь даже Ленин отмечал «негодность» для практики ряда первых декретов Совнаркома². В то же время историки не могли не обращать внимания на то, что работа советского правительства первых месяцев его существования была осложнена целым рядом обстоятельств не только объективного характера. С самого начала возникла проблема с формированием повестки дня заседаний правительства и протоколированием самих заседаний. Первое было связано с тем, что наркомы могли потребовать включить вопрос в повестку дня незадолго до начала заседания или в ходе его. Это перегружало и без того весьма широкую повестку дня, зачастую насчитывающую не один десяток вопросов. Так, в повестках дня заседаний СНК «периода Смольного» (до переезда в Москву), а они сохранились не все, насчитываются 1182 вопроса, 781 из них внесен в протоколы³. Необходимая в таких случаях инструкция была принята в декабре 1917 г.⁴. В соответствии с ней предполагалось закрывать повестку дня за полчаса до начала заседания Совнаркома. В целях укрепления дисциплины не исключались и штрафные санкции для опоздавших.

Известно, что первое заседание Совнаркома состоялось 27 октября, но до 15 ноября они не протоколировались, т. к. опыт такой работы был не у всех, кому ее можно было доверить. В числе тех, кто в разное время вел протоколы, были Е.К. Кокшарова, М.Н. Скрыпник, Л.А. Фотиева, официально секретарем Управления делами Совнаркома с 2 ноября 1917 г. стал Н.П. Горбунов, фактически он исполнял эти обязанности уже с 30 октября⁵. Позднее он свидетельствовал, что учился протокольным премудростям по ходу дела⁶. Наверное, не только отсутствием опыта у протоколистов и неимением стенографистов объясняется известная краткость протокольных записей: они содержат вопрос повестки дня и информацию о принятом решении. Дело в том, что Ленин не считал нужным фиксировать прения. По его мнению, постановление, принятое в заседании, снимает вопрос об имевших место разногласиях⁷. Объяснить это можно, скорее всего, желанием Ленина скрыть информацию о разногласиях в его окружении, которое должно было выступать единым фронтом. В конце концов, нужные ему решения он отстаивал всегда.

¹ Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 г. М., 1991. С. 22–58.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 199.

³ Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. С. 12.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 54. С. 384, 692.

⁵ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 45. Л. 135, 157.

⁶ Горбунов Н.П. Как работал Владимир Ильич: сб. статей и воспоминаний. М., 1933. С. 11–17.

⁷ Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. С. 13.

Установить периодичность заседаний Совнаркома, как и точное число присутствующих на них, не удалось ни одному исследователю. Иногда собирались и два раза в день; не всегда имелся кворум для принятия решений. На заседании в отсутствие наркомов могли участвовать их заместители или члены коллегий. Собирались вечером и могли работать до 2–3 час. ночи. Элементы упорядоченности в работе правительства и наркоматов появились после переезда в Москву, когда была принята серия декретов, направленных на оптимизацию деятельности различных управленческих структур.

Условия Гражданской войны, экономическая ситуация первых лет советской власти, громоздкость конструкции Советов, пребывание лидера партии во главе правительства позволили сосредоточить в руках последнего существенные полномочия, как по их характеру, так и по объему. Это повлекло за собой разрастание аппарата, вместо одного секретаря в его штате к весне 1918 г. числились 65 чел., почти столько же, сколько было в свое время в канцелярии Совета министров. В правительственной охране были задействовано 500 чел.¹

По свидетельству Троцкого, первое время каждое заседание Совнаркома «представляло собой картину величайшей законодательной импровизации»². Во главу угла декретной деятельности правительства была поставлена задача формирования правового поля нового государства. Большое место занимали хозяйственно-экономические, военные, социальные вопросы. Решения оформлялись в виде декретов, постановлений (члены правительства не видели между ними особых различий), обращений. Декретами и постановлениями правительства упразднялись дореволюционные государственные учреждения, создавались новые, осуществлялись назначения и перемещения, отменялись акты царского и Временного правительств. Поднимались на заседаниях и вопросы политического характера. Политические мотивы вообще учитывались при принятии любых правительственных решений – революционная целесообразность превалировала над законностью всегда. Декреты играли роль идеологического и пропагандистского сопровождения всех действий новой власти. Состав правительства, а в первом его составе почти половина наркомов были членами и кандидатами в члены ЦК правящей партии, позволял рассматривать даже вопросы партийного характера. ЦК РКП(б), в свою очередь, зачастую вторгался в компетенцию Совнаркома.

Загруженность повестки дня заседаний СНК была настолько велика, что уже в конце ноября 1917 г. при нем создается специальная комиссия для решения мелких («вермишельных») вопросов, через какое-то время получившая название Малого Совнаркома (в отличие от Большого). Первым протоколом МСНК, помеченным 9 января 1918 г., были определены процедурные вопросы³. Судя по всему, Ленин непосредственно не участвовал в заседаниях МСНК, хотя предпо-

¹ *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата. М., 1967. С. 68, 94.

² *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. С. 217.

³ Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 г. С. 420.

лагалось даже его председательство¹. Состав присутствующих на заседаниях был переменным, постоянного членства МСНК не имел. Чаще других присутствовали А.Г. Шляпников, В.Е. Трутовский, в случае особой заинтересованности в решении конкретного вопроса бывал А.В. Луначарский, но обычно это были либо заместители наркомов, либо члены коллегии наркоматов. Через какое-то время у МСНК появился председатель, им стал М.Ю. Козловский².

Периодичность заседаний Малого Совнаркома установлена не была. Первое время он собирался раз в неделю, затем не менее 2–3 раз, а после переезда в Москву – ежедневно, обычно за 2–3 часа до начала заседания Большого СНК. Дело в том, что оба этих органа действовали в тесном контакте друг с другом: МСНК мог не только передать в БСНК вопросы, кажущиеся его членам выходящими за пределы его компетенции, но и «отобрать» из его повестки дня т. н. «вермишельные» вопросы. Большинство вопросов повестки дня его заседаний касалось финансовых и бюджетно-сметных вопросов. В числе других вопросов были: конфискация имущества тех или иных предприятий, конфликты между наркоматами, проекты декретов и постановлений Большого СНК. Созданный для решения маловажных дел, Малый Совнарком мог быть наделен правительством более широкими полномочиями. Так, например, известные обстоятельства начала июля 1918 г. (восстание левых эсеров) обусловили предоставление ему права окончательного решения ряда вопросов, входящих в компетенцию БСНК, но это было исключением из правила.

Если сравнивать число протоколов БСНК и МСНК за 1917–1918 г., то можно обнаружить, что первых больше (240 и 178 соответственно)³. Деятельность Малого Совнаркома находилась под пристальным вниманием Ленина, а с марта 1918 г. он в обязательном порядке от имени Большого Совнаркома утверждал его протоколы. Малый Совнарком относился к числу органов, созданных правительством для рассмотрения самых разных вопросов, требующих участия временных комиссий: по продовольствию, по охране дорог и др. Чаще всего их название начиналось словом «чрезвычайная». Срок их деятельности обычно был непродолжительным. Малый Совнарком прекратил свое существование в начале 1930-х гг.

Деятельность наркоматов, развернутая в основном к весне 1918 г., была направлена на то, чтобы в постреволюционных условиях остановить распад государства, замедлить разрушение его экономического потенциала, остановить маргинализацию части населения, создать местные органы управления и т. п. С большим трудом удалось сократить параллелизм в работе хозяйственных органов, усилившийся было с созданием Высшего Совета народного хозяйства, провести подготовительные мероприятия по созданию нового для России ведомства – Наркомата здравоохранения. Сфера деятельности большинства наркоматов была та же, что и дореволюционных министерств с похожим, а то и идентичным названием. Отличие состояло в классовой направленности их деятельности. В первую очередь это коснулось тех органов, которые позже вошли в категорию

¹ Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982. С. 11–12.

² ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 3.

³ Генкина Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР.. С. 13.

административно-политических, правоохранных или по современной терминологии – силовых.

6.4. Органы правопорядка

(М.А. Андреев)

Революционные процессы способствовали эскалации социальной напряженности, которая, в свою очередь, приводила к росту насилия в обществе. К этому следует добавить освобождение из тюрем в первые дни Временного правительства (по указу от 6 марта 1917 г.) более 80 тыс. заключенных¹. Это привело к тому, что крупные города в 1917 г. наводняются бандами уголовников, мародеров и погромщиков. Одновременно под давлением общественного мнения Временное правительство распускает жандармерию, охранные отделения, Департамент полиции и другие органы, ранее осуществлявшие правоохранные функции². Вместо них формируется «народная милиция» «с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления»³. Однако эффективно обеспечить охрану общественного порядка и безопасность граждан у народной милиции не получается, что еще больше способствует «общему процессу разложения России»⁴.

Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики не планировали организацию правоохранных органов. Опираясь на учение о классовой борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата, руководство РСДРП(б) рассчитывало на скорейшее отмирание государственного аппарата и победу мировой революции. В связи с этим основной задачей являлось не укрепление государственного аппарата, а захват власти и подготовка общества и государства к переходу в иное качественное состояние – от капиталистического строя к социалистическому⁵. Для достижения поставленных задач руководству партии требовались временные органы, которые в короткий срок подготовили и осуществили бы вооруженный захват власти с последующим проведением в жизнь идей диктатуры пролетариата и социалистической революции. Одним из таких органов и стал Петроградский Военно-революционный комитет.

Петроградский Военно-революционный комитет (ВРК) был создан 12 октября 1917 г. на закрытом заседании исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Среди его основных задач, помимо разработки плана по обороне Петрограда, установления минимума боевой силы, учета личного состава гарнизонов Петрограда и ряда других военно-революционных задач, значились также охрана Петрограда от погромов и дезертирства, поддержание среди рабочих и солдат Петрограда революционной дисциплины. В Положении о ВРК были указаны следующие отделы: 1) обороны, 2) снабжения, 3) связи, 4) информационное бюро, 5) рабочей милиции, 6) стол донесений, 7) комендатура⁶.

¹ Иванов А.А. Правовая политика Временного правительства в сфере борьбы с преступностью: иллюзии и реальность // История государства и права. 2009. № 6. С. 31–33.

² Борисов А.Б., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. История советской милиции. М., 2015. С. 13.

³ СУ РСФСР. 1917. № 97. Ст. 537.

⁴ Набоков В.Д. Указ. соч. Т. 1. С. 33.

⁵ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М., 1995. С. 8–19.

⁶ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 40–41.

Однако это была лишь приблизительная организационная структура ВРК. В дальнейшем она будет неоднократно меняться, как, впрочем, функции и кадровый состав указанного органа. Нестабильность и отсутствие четкости в построении ВРК во многом были обусловлены не только его временным характером, но и отсутствием административного опыта у большевиков¹, а также изменчивостью самих задач и основных направлений деятельности партии в рассматриваемый период.

Председателем ВРК сначала был избран левый эсер П.Е. Лазимир, но вскоре его заменил большевик Н.И. Подвойский. При этом значительная часть документов ВРК подписывалась другими его членами (Ф.Э. Дзержинский, Я.Х. Петерс и проч.), «дежурившими» в этот день на посту председателя, использовалась также подпись «за председателя» и «товарищ председателя», часть документов подписывал и секретарь В.А. Антонов-Овсеенко².

К числу руководящих органов ВРК можно отнести созданное 21 октября 1917 г. бюро в составе большевиков В.А. Антонова-Овсеенко, Н.И. Подвойского, А.Д. Садовского и левых эсеров П.Н. Лазимира и Г.Д. Сухарькова³. Количество отделов ВРК постепенно увеличивалось по мере появления новых задач и трудностей, с которыми столкнулась новая власть. Для налаживания связи с местными Советами и реализации решений РСДРП(б) на местах 27 октября было организовано бюро комиссаров ВРК. За короткий период до 10 ноября 1917 г. данное подразделение назначило для осуществления партийного контроля 184 комиссара в гражданские учреждения, 85 – в войсковые части, 72 комиссара и эмиссара – в провинцию⁴. В тот же период в структуре ВРК появляются продовольственный отдел, отдел печати, следственно-юридический, автомобильный, отдел вооружения, агитационно-пропагандный, следственная комиссия и др. Также в составе ВРК были образованы штаб, полевой штаб, особая разведка, врачебно-санитарный отдел, вооруженные отряды для охраны грузов и др.⁵

Компетенция ВРК не была очерчена каким-либо нормативным актом и зачастую определялась решениями самого комитета. ВРК действовал в сфере формирования органов советского государственного аппарата, снабжения Петрограда и армии продовольствием, боролся с выступлениями против советской власти, пресекал саботаж чиновников государственного аппарата, закрывал оппозиционные советской власти газеты и журналы, приостанавливал деятельность различных партий и организаций, выступивших против власти большевиков, а также боролся со спекуляцией и бандитизмом, осуществлял охрану общественного порядка⁶.

¹ Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930. М., 2003. С. 10.

² Титов Ю.П. Структура, компетенция и деятельность Петроградского ВРК. М., 1978. С. 9–10.

³ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 58.

⁴ Дыков И.Г. Петроградский Военно-революционный комитет – боевой штаб вооруженного восстания в октябре 1917 г. // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 9.

⁵ Титов Ю.П. Структура, компетенция и деятельность Петроградского ВРК. С. 9–14.

⁶ Там же. С. 16–19.

Фактически именно ВРК выполнял ключевые государственные функции до того момента, как аппарат ВЦИК и СНК в ноябре 1917 г. не приступил к исполнению своих полномочий. С этого момента работа ВРК уже дублировала работу соответствующих высших органов, и 25 ноября 1917 г. СНК РСФСР принял решение передать значительную часть функций ВРК профильным народным комиссариатам, сохранив за ним лишь функции борьбы с контрреволюцией. Чуть ранее, 21 ноября 1917 г., по предложению Ф.Э. Дзержинского при ВРК формируется особая комиссия по борьбе с контрреволюцией¹.

Уже в начале декабря 1917 г., после формирования народных комиссариатов, налаживания работы ВЦИК и СНК РСФСР необходимость в ВРК исчезает. 5 декабря 1917 г. на заседании ВРК принимается решение о ликвидации всех отделов и передаче их через ликвидационную комиссию ВЦИК, СНК и местным Советам².

На местах в конце 1917 – самом начале 1918 г. формируется и действует широкая сеть чрезвычайных органов, защищавших интересы новой власти и революции. Помимо местных военно-революционных комитетов, также действуют военно-революционные штабы, следственные комиссии при революционных трибуналах, отряды Красной гвардии и другие органы³. Большая их часть выполняла не только свои основные функции (например, военная или судебная), но и множество дополнительных (борьба с контрреволюцией, спекуляцией, а также борьба с бандитизмом)⁴. Это было обусловлено не только сложностью внутренней обстановки в стране, но и отсутствием опыта государственного строительства у пришедших к власти на местах руководителей, стремившихся к централизации полномочий в руках чрезвычайных органов.

Как уже было сказано, 21 ноября 1917 г. в структуре ВРК появилась особая комиссия по борьбе с контрреволюцией в составе И.К. Ксенофонтова, Н.А. Жидилева, В.К. Аверина, Р.А. Петерсона, Я.Х. Петерса, Д.Г. Евсеева, В.А. Трифонова, Ф.Э. Дзержинского и В.Н. Василевского. Фактически это и была та первоначальная структура, на основании которой создавалась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем при СНК РСФСР (ВЧК). Большая часть из указанных членов комиссии ВРК впоследствии перешла в ВЧК⁵.

В историографии до сих пор существуют различные оценки деятельности ВЧК в качестве чрезвычайного органа советской власти. Можно выделить несколько основных этапов исследования данной проблематики. В 1980-е гг. было издано несколько крупных работ, включая книги А.С. Велидова, В.П. Портнова. Эти издания содержат ценные факты о деятельности, структуре, кадровом составе ВЧК, однако при трактовке событий авторы исходили из идеологической установки о подавлении сопротивления эксплуататорских классов и оправданности исполь-

¹ Там же. С. 15.

² Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1967. Т. 3. С. 568.

³ Велидов А.С. К истории ВЧК – ОГПУ. СПб., 2011. С. 634, 752.

⁴ Там же. С. 752.

⁵ Туттов Ю.П. Указ. соч. С. 15.

зования против врагов советской власти любых форм насилия¹. Эмигрантские исследователи анализировали проблему принципиально иначе. В качестве примера можно привести работу С.П. Мельгунова о красном терроре, широко известную за рубежом и впервые напечатанную в России в 1990 г. Автор акцентировал внимание на карательной функции ВЧК, подсчитывая количество жертв большевистских репрессий и отмечая безусловную вину РСДРП(б) в развязывании Гражданской войны в стране. В этом смысле ВЧК рассматривалась им как обязательный инструмент проведения соответствующей политики².

Следующий этап развития историографии приходится уже на середину 1990-х гг., когда изменяется не только трактовка событий, но и открываются новые архивные материалы, позволяющие оценить роль чрезвычайных органов в политике РСДРП(б), причины и последствия введения красного террора в стране и т. п. Можно выделить работы В.П. Булдакова, М.Н. Петрова, а также С.В. Леонова³. В них делается акцент на «инициативу» самих большевиков в деле развязывания революционного насилия в стране и подавления (включая и физическое устранение) своих политических соперников. В частности, С.В. Леонов особо подчеркивает стремление руководства РСДРП(б) и лично В.И. Ленина спровоцировать народные массы на действия против буржуазии, на стихийную «революцию снизу». И только ввиду «мягкотелости» низов партии приходилось самостоятельно организовывать структуры подавления эксплуататорских классов, подобные ВЧК⁴.

В 2000-е гг. публикуются работы авторов, оценивающих ВЧК уже не только в связи с красным террором, но и с необходимостью защиты территории и целостности границ России, а также самих граждан от бандитов и преступников. В этом смысле работы И.С. Ратьковского, А.Л. Кубасова расширяют представления о сферах деятельности ВЧК и способствуют всесторонней оценке ее вклада в дело укрепления советской власти в конце 1917 – первой половине 1918 г.⁵

ВЧК была образована 7 декабря 1917 г. для «пресечения и ликвидации контрреволюционных и саботажных действий по всей России»⁶. Первоначально комиссии было разрешено вести только предварительное следствие по делам, а само судопроизводство возлагалось на суд революционного трибунала. В это время была определена и первоначальная структура ВЧК, включающая три отдела: информационный, организационный и отдел борьбы⁷. 11 декабря 1917 г. был об-

¹ Велидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920 гг.) М., 1970; *Портнов В.П.* ВЧК. 1917–1922. М., 1987.

² Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990.

³ Булдаков В.П. Красная смута; Петров М.Н. ВЧК – ОГПУ: первое десятилетие. Новгород, 1995; Леонов С.В. Рождение Советской империи. М., 1997.

⁴ Леонов С.В. Рождение Советской империи. С. 213.

⁵ Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006; Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере (март 1918 – февраль 1922 г.). Вологда, 2008.

⁶ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. М., 2003. С. 302.

⁷ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. документов (1917–1922). М., 1987. С. 22–23.

разован отдел по борьбе со спекуляцией, 18 марта 1918 г. организационный отдел был преобразован в иногородний (с задачами по руководству местными чрезвычайными комиссиями). Спустя еще два дня был образован отдел по борьбе с преступлениями по должности. В результате к середине марта 1918 г. сложилась следующая структура ВЧК:

- председатель (Ф.Э. Дзержинский);
- заместители председателя;
- секретарь;
- четыре основных отдела (иногородний, по борьбе с контрреволюцией, по борьбе с преступлениями по должности, по борьбе со спекуляцией);
- информационное бюро;
- восемь вспомогательных отделов (хозяйственный, тюремный, отдел связи, общий, справочное бюро, комендантский, автомобильный, стол личного состава)¹.

Кадровый состав ВЧК постепенно пополнялся. 8 декабря 1917 г. на заседании ВЧК был избран президиум из 5 чел.: Ф.Э. Дзержинский, Н.А. Жиделев, К.А. Яковлев, Я.Х. Петерс, И.К. Ксенофонтов. Через месяц, 8 января 1918 г., состав ВЧК в рамках межпартийного соглашения пополнился левыми эсерами – М.Ф. Емельяновым, В.Д. Волковым, П.А. Александровичем, П.Ф. Сидоровым².

Традиционно в историографии для ВЧК особо выделяют функцию преследования по политическим мотивам, особенно после принятия декрета СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!»³. Однако деятельность ВЧК включала в себя и борьбу с саботажем государственных служащих, пресечение деятельности оппозиционных большевикам партий, закрытие антисоветских газет и журналов, борьбу со спекуляцией, наконец, борьбу с бандитизмом и целый ряд других направлений.

В середине марта 1918 г. ВЧК вместе с советским правительством переезжает в Москву. Часть сотрудников остается в Петрограде и образует отдел по борьбе с контрреволюцией при СНК Петроградской трудовой коммуны. Уже 15 марта 1918 г. отдел преобразуется в Петроградскую чрезвычайную комиссию, ставшую фактически первым территориальным органом ВЧК⁴.

В дальнейшем в структуре и кадровом составе ВЧК происходят постепенные изменения. В начале июля, после мятежа левых эсеров, представителей этой партии исключают из состава ВЧК. Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, возложив на себя ответственность за этот просчет, подает в отставку с поста председателя ВЧК. Временно исполняющим обязанности председателя ВЧК на этот период (с 7 июля по 22 августа 1918 г.) становится Я.Х. Петерс. 22 августа 1918 г. решением СНК на пост председателя вновь назначается Ф.Э. Дзержинский⁵. Что каса-

¹ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 14–15.

² ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013. С. 7, 9.

³ *Леонов С.В.* Рождение Советской империи. С. 220; *Портнов В.П.* ВЧК. 1917–1922. С. 51–53.

⁴ *Скоркин К.В.* На страже завоеваний революции. История НКВД – ВЧК – ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 761.

⁵ В.И. Ленин и ВЧК. С. 58–59.

ется изменений в структуре, то 15 июля 1918 г. в рамках ВЧК был сформирован Корпус войск во главе со штабом, 7 августа в составе ВЧК учреждается особый железнодорожный отдел¹.

Отдельно стоит осветить вопрос о формировании местных чрезвычайных комиссий и их взаимодействии с центральной ВЧК. Традиционно в советской историографии подчеркивалась исключительная инициатива ВЧК в процессе организации местных чрезвычайных комиссий, отмечалось, что местные ЧК стали образовываться уже с начала 1918 г. под контролем и при взаимодействии с ВЧК². Однако постсоветские исследования обнаруживают, что до конца лета 1918 г. ВЧК фактически не имела подведомственных территориальных органов (за исключением Петроградской ЧК). Созданные на местах в первой половине 1918 г. комиссии, отделы, комитеты по борьбе с контрреволюцией, чрезвычайные и иные комиссии подчинялись преимущественно исполкомам Советов рабочих и солдатских депутатов и зависели именно от них в финансовом и кадровом отношении³.

В связи с этим большинство приказов и предписаний, которые пересылались ВЧК на места, попросту не выполнялись. Даже после I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий (11–14 июня 1918 г., Москва), принятия ею «Положения о чрезвычайных комиссиях на местах» и «Конструкции отделов чрезвычайных комиссий»⁴, четко определивших единую структуру и функции местных ЧК, летом 1918 г. ВЧК так и не смогла добиться больших успехов в этом направлении. Для этого требовалось централизованное финансирование местных ЧК и выведение их из-под руководства исполкомов местных Советов.

Помимо деятельности чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией важным сюжетом первых месяцев советской власти стало создание рабоче-крестьянской милиции, оформленное постановлением Наркомата внутренних дел РСФСР от 28 октября 1917 г. «О создании рабочей милиции». В нем говорилось следующее:

- «1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.
2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.
3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием.
4. Настоящее Постановление ввести в действие по телеграфу»⁵.

Но одного постановления НКВД для организации системы рабоче-крестьянской милиции было недостаточно. Для формирования отрядов милиции в начале 1918 г. не хватало ни денег, ни обмундирования, ни вооружения. Созданные при Советах рабочих и солдатских депутатов отряды милиции, наряду с органами

¹ Лубянка. С. 16.

² Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1922. М., 1960. С. 40.

³ Велюдов А.С. К истории ВЧК – ОГПУ. С. 757–758.

⁴ Лубянка. С. 159–166.

⁵ Вестник НКВД. 1917. № 1. С. 2.

Красной гвардии, носили различные названия – комиссариаты, отделы, штабы, коллегии и др. Эти отряды не имели постоянного штата и источников финансирования, а большинство их сотрудников сочетали работу на фабриках с милицеейской службой, получая зарплату и продовольственные карточки, а также талоны на обед на своих заводах и предприятиях. В отдельных случаях фабрично-заводские комитеты или местные Советы выделяли милицеейским отрядам обмундирование, но это было скорее исключением. В ряде городов сотрудники советской милиции получили отличительные ведомственные знаки: металлические жетоны и красные повязки с надписью «милиция»¹.

С весны 1918 г. обстановка в стране все больше накалялась и финансирование советской милиции ухудшилось. Фактически началось массовое увольнение из рядов милиции, которое не могли приостановить даже небольшие разовые ассигнования со стороны местных Советов. Для сохранения местной милиции требовались гораздо большие затраты и усилия, в т. ч. и центральных властей.

В структуре НКВД РСФСР отдел милиции был создан лишь 5 июля 1918 г. (его возглавил А.М. Дижбит). 1 августа 1918 г. он был преобразован в управление, ставшее через несколько месяцев Главным управлением милиции. Функции НКВД РСФСР в первой половине 1918 г. ограничивались лишь общим надзором за формированием исполнительных органов местных Советов (через Отдел местного управления), а также рассылкой указаний и распоряжений. В частности, одним из таких указаний стал циркуляр от 23 апреля 1918 г., предписывающий всем губисполкомам организовать в своей структуре отдел управления, в составе которого был бы учрежден «подотдел милиции или народной советской охраны, ведающий всей работой милиции или народной охраны в губернии»². Однако осуществить этот замысел до конца лета 1918 г. так и не удалось. Еще одним болезненным вопросом, который не могла решить в первые месяцы новая власть, являлось то, что во многих отделах милиции губернских исполкомов до середины 1918 г. все еще работали сотрудники царской полиции, изъявившие согласие сотрудничать с советской властью. Сил и средств для их замены было недостаточно, и НКВД РСФСР старался вести хотя бы внешний контроль, направляя в губисполкомы своих комиссаров³.

К лету 1918 г. сложились следующие основные направления деятельности рабоче-крестьянской милиции:

- охрана общественного порядка и имущества;
- охрана граждан и имущества от преступников;
- охрана советских, партийных, хозяйственных учреждений, предприятий, складов, вокзалов, мостов и т. п.;
- административный надзор за исполнением законодательных актов советской власти;
- регистрация различных категорий граждан (например, «лишенцы», иностранные подданные, врачи, фельдшеры и др.), организаций, а также регистрация печатей, штампов, огнестрельного и холодного оружия и др.

¹ Велюдов А.С. К истории ВЧК – ОГПУ. С. 635–636.

² Там же. С. 637–638.

³ Там же. С. 639; Портнов В.П. ВЧК. 1917–1922. С. 37.

- контроль за соблюдением санитарных норм помещений, улиц;
- контроль за соблюдением правил торговли и сдачи в наем жилья;
- пресечение незаконного производства и реализации алкогольной продукции и другие направления деятельности¹.

Таким образом, компетенция местных органов милиции к осени 1918 г. значительно расширилась и не ограничивалась лишь вопросами охраны общественного порядка. Для повышения эффективности работы милицмейской системы руководству НКВД РСФСР требовалось в срочном порядке усилить контроль над местными отрядами милиции и упорядочить их финансирование.

Подводя итоги, отметим, что с осени 1917 до конца лета 1918 г. в стране не было единого центрального государственного органа, осуществляющего охрану общественного порядка. Созданные большевиками чрезвычайные органы власти (ПВРК, ВЧК) отличались многофункциональностью и в первую очередь отвечали за борьбу с контрреволюцией и удержание большевистской власти в крупных городах, а уже во вторую очередь боролись с бандитизмом, спекуляцией и саботажем. У большевиков в рассматриваемый период не хватало кадровых, финансовых и организационных возможностей для построения местных чрезвычайных органов, подконтрольных центральному аппарату. В связи с этим исполкомы Советов рабочих и солдатских депутатов уже с конца 1917 г. самостоятельно образовывали различные исполнительные органы по борьбе с контрреволюцией и охране общественного порядка.

6.5. Конституция 1918 г.

К весне 1918 г. на территории, подконтрольной большевикам, возникли новые органы власти, оформлен курс на однопартийную систему, заложены правовые основы новой российской государственности. И все же в глазах значительной части общественности советская власть, в т. ч. съезды Советов, принявшие ряд актов, претендующих на то, чтобы быть конституционными без какой-либо санкции Учредительного собрания, выглядели нелегитимными.

Любая партия, пришедшая к власти, неизбежно стремится к легитимизации не только созданных ею институтов, но и принятых ими законодательных актов. Однако свойственный Ленину и его ближайшему окружению правовой нигилизм (при официальных заявлениях о роли закона в жизни государства²) позволял не спешить с решением этой проблемы.

Впервые идею принять Конституцию выдвинули левые эсеры на III объединенном Съезде Советов (10–18.1.1918), на котором было принято специальное постановление с поручением ВЦИК разработать ее основные положения для внесения их на следующий Съезд³.

Обстоятельства не позволили ВЦИК сразу же приступить к выполнению этого поручения. Проектом основного закона страны по собственной инициативе еще до переезда в Москву занялись сотрудники одного из подразделений Наркомата

¹ Велдгов А.С. К истории ВЧК – ОГПУ. С. 641–642.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 340.

³ Декреты советской власти. Т. 1. С. 350–351.

юстиции, где, наряду с большевиками, трудились и левые эсеры. С переездом и до того сложные взаимоотношения между Совнаркомом РСФСР и правительством Московской губернии, не поделивших между собой власть в столице, еще больше обострились. Имевшиеся правовые акты не содержали четких положений о иерархии советских органов, их взаимоотношениях друг с другом. Кроме того, далеко не все участники политического процесса воспринимали их в качестве системообразующих. Нужен был акт высшей юридической силы.

30 марта 1918 г. ЦК РКП(б), приняв решение об упразднении Мособлсовнаркома, поставил вопрос о подготовке Конституции и поручил председателю ВЦИК провести через возглавляемый им орган вопрос о создании специальной комиссии. Судя по всему, кандидаты в члены комиссии подверглись тщательному отбору, т. к. сформирована она была не сразу. При подавляющем большинстве большевиков в ее состав входили два левых эсера и один эсер-максималист. Комиссию возглавил председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, его заместителем стал историк М.Н. Покровский, среди членов комиссии находился также историк-юрист М.А. Рейснер. Секретарем комиссии был назначен В.А. Аванесов. О важности ее деятельности говорит факт включения в состав трех членов ЦК РКП(б).

По мнению Е.Г. Гимпельсона, все споры в самой комиссии и трех созданных позднее подкомиссиях «определялись личным пониманием той или иной проблемы, ведомственным подходом (в зависимости от положения в системе государственных органов) того или иного участника дискуссий. В целом борьба, и порой довольно острая, не была противоборством непримиримых политических сил... сопоставление альтернативных мнений завершилось их консенсусом»¹. Эта точка зрения представляется верной с учетом того обстоятельства, что проекты левых эсеров и максималистов были отклонены на стадии внесения на обсуждение. На комиссии обсуждались проекты, предложенные М.А. Рейснером, И.В. Сталиным, А.И. Бердниковым, Ю.М. Стекловым. Их содержание не только освещалось в печати, но и подвергалось обсуждению, причем довольно критическому. Активное участие в обсуждении принимали левые эсеры, настаивающие на введение в Конституцию ряда «буржуазных» принципов, например, разделения властей.

Ленин внимательнейшим образом следил за работой комиссии Свердлова. Будучи недоволен ее проектом и желая ускорить работу, он подключил Комиссию ЦК партии, которая, сохранив первоначальную основу, доработала документ². Сотрудники Наркомата юстиции, поначалу принимавшие участие в комиссии Свердлова, решили разработать собственный проект. Это решение было поддержано руководством партии. Теперь оно торопилось с подготовкой проекта (была поставлена цель – принять основной закон на ближайшем съезде Советов), а участие Наркомата могло ее ускорить. К тому же здесь были сосредоточены кадры высокой квалификации в области права.

Для проекта Наркомюста, хотя в основу его был положен опять-таки проект ВЦИК (М.Я. Рейснер являлся одним из его авторов), были характерны большая четкость и логичность, а также проработанность положений. Однако он был отклонен. Коллегия Наркомата во главе с П.И. Стучкой подала протест в ЦК партии.

¹ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. С. 64–65.

² Леонов С.В. Рождение Советской империи. С. 203.

Авторы протеста, критикуя проект комиссии ВЦИК, заявили, что он «представляет собой лишённое всякой последовательности и стройности нагромождение отдельных обрывков, относящихся к советскому устройству», и «менее всего отвечает требованиям программы Коммунистической партии и советского строя»¹.

По свидетельству Ю.М. Стеклова (член Конституционной комиссии ВЦИК, редактор газеты «Известия ВЦИК»), Я.М. Свердлов поручил ему и делегату V Всероссийского съезда Советов, председателю Казанского Совета Я.С. Шейнкману завершить работу над проектом, предварительно проконсультировавшись с Лениным. После завершения работы проект вновь был показан Ленину и Свердлову². Публикацию проекта в печати накануне открытия съезда можно оценить как формальность, т. к. времени на его обсуждение не оставалось. Вновь комиссия ЦК РКП(б) под председательством Ленина рассмотрела не только этот проект, но и документ Наркомюста. Комиссия ЦК предпочла проект комиссии Свердлова, внося в него некоторые изменения и дополнения, в т. ч. включила отдельные положения проекта Наркомюста³. V Съезд Советов открылся 10 июля 1918 г. и единогласно принял первую советскую Конституцию. Однако работа над текстом не закончилась – неделя ушла на его доработку в Президиуме ВЦИК. 19 июля он был опубликован уже в качестве основного закона страны и вступил в силу.

В общем ряду конституций, принятых в советское время, Конституции 1918 г. принадлежит особая роль – она провозгласила создание нового государства и определила его правовые основы. Акт 1918 г. лег в основу Конституции 1924 г., принятой в связи с созданием СССР.

Конституция обобщила короткий опыт государственного строительства, оформленный рядом декретов, принятых новой властью при решении конкретных политических, экономических и иных задач. Первый раздел представлял собой текст Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов. Ею провозглашалась в качестве общенационального, а по существу государственного достояния вся экономическая инфраструктура, заявлялась задача «водворения социализма» не только в России, но и «во всех странах», несмотря на подписанный большевиками Брестский мир⁴.

Споры об устройстве государства советского типа, в т. ч. и в большевистской среде (как известно, они не утихли и после принятия Конституции 1918 г., а при подготовке союзного основного закона вспыхнули с новой силой), привели к тому, что названная федерацией Россия еще не имела субъектов, ее составляющих. Получилось так, что сначала была заявлена форма государственного устройства, а потом началось практическое ее воплощение, т. е. федерация создавалась

¹ Цит. по: *Леонов С.В.* Рождение Советской империи. С. 206.

² *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 г. М., 2003. С. 26.

³ *Таранев М.Н.* К вопросу о работе комиссии ЦК РКП(б) по подготовке Конституции РСФСР 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1988. № 1. С. 45–60. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 г. С. 26; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1974. Т. 5. С. 595, 599.

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // Документы по советской конституции. М., 1938. С. 424–425.

не на основе договора, а на основе главного закона страны. Пойдя по пути создания национально-территориальных образований (первые внутрироссийские национальные границы появились в конце 1918 – начале 1919 г.), отказав в создании таких образований русскому народу, авторы Конституции допустили существование в федеративном государстве бессубъектных территорий. Негативные последствия такого решения проблемы построения крупнейшего многонационального государства ощущаются до сих пор. Одновременно Конституция положила начало ограничению прав входящих в федерацию автономных образований. Впоследствии такая политика уже в условиях СССР была продолжена и привела к оформлению по существу унитарного государства. Уступив ненадолго федералистам в период создания СССР, приверженцы унитаризма затем отыгрались¹.

Провозглашая диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства в виде власти Советов, Конституция содержала значительное количество статей, анонсирующих установление демократии исключительно для трудящихся. Это позволило впоследствии применять к «нетрудящимся» репрессивные методы. Как и следовало ожидать, в соответствии со сложившейся практикой вопрос о главе государства в ней не был даже обозначен. Не исключено, что это было связано с курсом на усиление партийного руководства. Однако, зная о заявлении 29 мая 1918 г. ЦК партии о том, что «декреты, мероприятия Советской власти исходят, главным образом, от нашей партии»², авторы первой Конституции этот тезис обошли. Впервые он появился, правда, в несколько размытой формулировке в Конституции СССР 1936 г.

Два раздела Основного закона страны были посвящены организации «центральной власти». «Буржуазный» принцип разделения властей был скрыт за терминами органы «высшей власти» и «общего управления» – сказались отголоски споров при разработке текста Конституции. Систему Советов по Конституции венчал Всероссийский их съезд, названный «высшей властью». Авторы Конституции по отношению к Съезду употребили вместо слова «избирается» слово «составляется». Безусловно, так было честнее. Опасаясь митингового характера работы Съездов, закрепляя неравные выборы, многоступенчатую систему, что в известной степени затрудняло их частый созыв, авторы Конституции, думается, вполне сознательно обозначили в ней общую для них и избираемого ими ВЦИК компетенцию, практически ничем не ограниченную.

Исключительная компетенция съездов заключалась в установлении, дополнении и изменении основных начал Конституции и ратификации мирных договоров. Заявив о подчиненности ВЦИК Съезду, Конституция все же заложила его приоритетность по отношению к последнему. Обращает на себя внимание и тот факт, что Конституция не определила орган, ответственный за принятие законов. Действительно, акты законодательного характера (они тогда именовались декретами) принимали все органы власти и управления вплоть до наркоматов. Известны, например, декреты Народного комиссариата просвещения. Причина всего этого видится не только в отрицании принципа разделения властей, но и в

¹ См. подробнее: *Архитова Т.Г., Мальшева Е.П.* Организация государственных учреждений в России. 1917–2013 гг. М., 2014. С. 23–26.

² Правда. 1918. 29 мая. С. 1.

желании наделить правоустанавливающими функциями и более узкий по составу, приближенный к партийному руководству ВЦИК, и возглавляемое лидером правящей партии правительство, иные исполнительные органы. Такая конструкция представительных органов позволяла председателю Президиума ВЦИК (правда, ни сам председатель, ни Президиум в Конституции не упомянуты) в случае необходимости сосредоточить в своих руках всю полноту власти. В период пребывания в этой должности Я.М. Свердлова – одного из ближайших соратников Ленина, последний мог абсолютно не беспокоиться на этот счет. Председатель ВЦИК, по свидетельству очевидцев, не делал ни одного серьезного шага, не посоветовавшись с ним. После смерти Свердлова роль ВЦИК в законодательной деятельности утратила прежнее значение, хотя Конституцией он определялся как «высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган» РСФСР.

Конституция определила нормы представительства, процедуру выборов, порядок созыва высших органов власти. Сняв все ограничения, присущие избирательной системе дореволюционной России, введя единое избирательное право, Конституция, вслед за Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, отказала в праве принимать участие в выборах семи категориям граждан – т. н. лишенцам. Закрепив ряд избирательных процедур, призванных, по мнению авторов Конституции, препятствовать проникновению в высший орган власти враждебных элементов, ст. 66 передавала организацию выборов местным Советам, предложив использовать «установившиеся обычаи»¹. Как бы извиняясь за некоторые из них, Ленин заявил, что возникли они «сами собой» и задача состоит в том, чтобы постепенно их исключить из избирательного права². Как известно, власть решилась на их исключение почти через два десятка лет, в Конституции 1936 г.

В качестве органа, осуществляющего «общее управление делами» в республике, Конституция закрепила Совет народных комиссаров, состоящий из 17 глав центральных ведомств и председателя ВСНХ. Кстати, в ст. 36 отмечалось, что члены ВЦИК «работают в отделах (Народных Комиссариатах) или выполняют особые поручения» его, что свидетельствовало о смещении их функций. Закрепила Конституция за ВЦИК и право формирования правительства. Здесь же были статьи, касающиеся компетенции, процедурных вопросов организации и деятельности и Совнаркома, и наркоматов.

Несмотря на то что уже действовал известный декрет СНК о суде, положивший начало созданию народных судов и революционных трибуналов, а также были приняты другие декреты, в той или иной степени регламентирующие их организацию и деятельность, Конституция не содержала каких-либо специальных статей, касающихся устройства судебной системы. Она осталась за пределами конституционного регулирования. Лишь ст. 49 Основного закона, посвященная предметам ведения Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК, в числе прочих устанавливала их компетенцию в области общегосударственного законодатель-

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. С. 436.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 38. С. 172.

ства, судеоустройства и судеопроезводства, в вопросах ообщей и частной амнистии. Это хараетеризовало отношение большевиков к судебнои ветви власти.

* * *

Сопротивление прежных элит, оппозиция не только буржуазных, но и социалистических партий, разномыслие в собственных рядах, утопичная теория, полная неподготовленность к организации управления, экономическая ситуация и ряд другие обстоятельства имели следствием спонтанность и прагматизм действий руководства большевистской партии, известную жестокость, получившую впоследствии более широкое распространение.

Ленин не мог не видеть несочетаемость своей дореволюционной доктрины с российскими постреволюционными реалиями¹. В итоге доктринальные установки, включавшие в себя полновластие Советов, слом старого аппарата, выборность чиновников, подконтрольность их трудящимся, равенство их зарплат с зарплатой рабочих средней квалификации и многое другое, рухнули. Властные институты строились под влиянием обстоятельств и формировавшейся идеологии. Справедливости ради следует отметить, что Ленин никогда не был заложником собственных теоретических построений, под влиянием вновь возникших обстоятельств он заменял их новыми.

Временное правительство не успело создать новый парламент. Большевикам же при их неприятии подлинного парламентаризма, используя готовую форму в виде Съезда, ВЦИК и его Президиума, удалось создать орган власти, внешне напоминающий парламент. В этой трехступенчатой системе представительным органом можно назвать лишь Съезд, органом власти назвать его трудно. Количество принятых съездами актов невелико – около трех десятков декретов, постановлений, деклараций, резолюций и обращений. Съезды постепенно оттеснялись на задворки законодательной деятельности, тем более что значительное число их делегатов было некомпетентно по большинству обсуждаемых на них вопросов, да и митинговый характер этих форумов, непостоянная основа их деятельности не позволяли контролировать принятые акты.

Органом власти был ВЦИК. По мере сокращения числа пленумов ВЦИК возрастала роль его Президиума, он все больше приобретал роль второго органа высшей власти. Органом власти был и Совнарком, причем не только исполнительным, но и законодательным. Все три органа состояли из партийно-государственной элиты.

Подавляющее число актов, столь необходимых для формирования правовой базы организации и деятельности новой власти, принималось ВЦИК и правительством, тем более что второе чуть ли не всем составом входило в первый. Наметиалась тенденция отстранения ВЦИК от формирования правового поля. С октября 1917 г. до принятия Конституции в июле 1918 г. ВЦИК издал более 100 декретов, постановлений, иных актов, СНК – около 600². Уже на первом этапе существования советской политической системы в результате организационно-массовых и

¹ Шейнис В.Л. Русская история от Гавриила Попова // Российская история. 2011. № 2. С. 171.

² Исаев И.А. История государства и права России. М., 2004, С. 561.

кадровых мероприятий произошла трансформация государственных органов как органов социального представительства в инструмент господства единственной правящей партии, что стало впоследствии одним из ее противоречий.

Первая Конституция не стала ни общественным договором, консолидирующим общество, ни мерилем политических оценок общественно-политической практики. Более того, она в значительной степени противоречила программным документам партии. Даже сложившиеся реалии она отражала частично, имела больше агитационное, чем юридическое значение. Принятие Конституции позволило закрепить легитимность и придать некоторую стройность системе высших и центральных органов¹, ускорить формирование на ее основе правового поля новой российской государственности, обозначило его магистральное направление, заложив на будущее фундамент новых устоев жизни российского общества.

* * *

В 1917–1918 гг. властные институты динамично менялись – быстрее понятийного ряда, которым пользовались современники революционных событий. В итоге под понятием «Временное правительство» «скрывались» очень непохожие друг на друга кабинеты с различным партийным составом. Большевистское правительство существовало в иной системе координат и пыталось вписаться в принципиально отличную политическую систему. Быстро эволюционировали Советы, менялась их роль в общественной жизни страны. Причем в различных частях бывшей Российской империи этот процесс имел ярко выраженную специфику. Менялось представление о праве, а следовательно, и о порядке функционирования правоохранительных структур, что влекло за собой естественные организационные подвижки. Наконец, менялись подходы к конституционному строительству. Не случаен спад активности Юридического совещания уже летом 1917 г. Принципы же, которые легли в основание Конституции 1918 г., прямо противоречили всему тому, что писали ведущие отечественные юристы.

Важнее всего, пожалуй, что в складывавшейся политической системе революционной России государственные учреждения на время утратили свое доминирующее положение. В политическую жизнь ворвались общественные структуры, которые явочным порядком захватывали свою, негосударственную власть. Это совещательные учреждения, советы, прочие органы самоуправления. Сам факт их существования кардинально менял всю политическую систему. В этих условиях государство в привычном понимании этого слова отмирало, чтобы воскреснуть вновь уже на новых основаниях.

Чрезвычайно изменчивые правила игры создавали пространство неопределенности, а следовательно, широкого применения насилия². Структурирующим элементом только складывавшейся политической системы становился иррациональный миф, который временно заменил силу государственной власти тотальным и неконтролируемым насилием.

¹ В.И. Ленин писал, что Конституция закрепила то, «что уже существует на практике», что «испытано массами» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 499).

² См.: *Норт Д., Уоллис Дж., Вангайт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 59–60.

Раздел VI. ОБЩЕРОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Глобальные революционные катаклизмы порождают возникновение множества историографических интерпретаций. «Победители» и «побежденные» в 1917 г., каждые под собственным мировоззренческим углом зрения, сразу же начали освещать ход и исход революционного процесса в стране, давать соответствующие характеристики своим политическим противникам и союзникам. В этой логике формировалась советская и зарубежная историография истории российских политических партий.

Следуя ленинской классификации политических партий, советские историки подразделяли их на «помещичьи», «буржуазные», «мелкобуржуазные», «пролетарские». Интерпретация деятельности политических партий под одномерным классовым углом зрения мало способствовала воссозданию реальной и объемной картины их места и роли в революционном процессе 1917 г. Характерно, что и исследователи, оказавшиеся в эмиграции, не преодолев «синдрома побежденных», так же мало преуспели в воссоздании реальной картины партийной борьбы в 1917 г.

Что касается зарубежной историографии с ее характерным плюрализмом исследовательских подходов, то на нее вплоть до 1960-х гг., с одной стороны, продолжала влиять русская эмигрантская литература, с другой – на нее оказывали влияние разного рода синдромы холодной войны. В последующий период ситуация в зарубежной историографии в деле изучения российских политических партий стала постепенно меняться¹.

Качественно новый этап в изучении российских политических партий наступил с 1990-х гг., когда произошла смена мировоззренческих парадигм, а исследователи получили практически неограниченный доступ к архивным источникам. В эти годы началась совместная реализация с зарубежными исследователями многолетнего проекта «Политические партии России. Документальное наследие»², что позволило исследователям на основе введения в научный оборот огромного

¹ См.: Уэйд Р. А. К столетию революции: тематика и проблематика англоязычной историографии русской революции 1917 г. // Политическая история России XX века. К 85-летию профессора Виталия Ивановича Старцева. Сб. научных трудов. СПб., 2016. С. 274–303.

² Непосредственно периоду революции 1917 г. посвящены работы: *Меньшевики в 1917 году*. В 3 т. М., 1994–1997; *Правые партии. Документы и материалы*. В 2 т. Т. 2. М., 1998; *Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии*. В 6 т. Т. 3. М., 1998; *Съезды и конференции Конституционно-демократической партии*. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы*. В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы*. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

массива источников приступить к воссозданию реальной картины формирования и деятельности российских политических партий за весь период их существования в России.

К числу позитивных моментов следует отнести и систематическое проведение совместных научных конференций в России, Англии, США, Италии, Израиле. В результате совместных встреч и обсуждений возникла идея создания «Критического словаря русской революции. 1914–1921», который был сначала издан в 1997 г. в Англии и США, затем переиздан в 2001 г. в Англии, в 2014 г. переведен на русский язык и издан в Петербурге. В специальный раздел словаря «Партии, движения, идеологии» вошли статьи У.Г. Розенберга о кадетях; М. Мелансона об эсерах; З. Галили и А. Ненарокова о меньшевиках и Р. Сервиса о большевиках¹.

К настоящему времени общепризнанной стала классификация политических партий, которые в соответствии с их мировоззренческими представлениями и выстроенными на их основе моделями преобразования России подразделяются на консервативные, либеральные и социалистические. Исследователи больше внимания стали уделять проблемам их генезиса, численности, социального состава, идеологии и программам, стратегии и тактике, раскрытию взаимоотношений с властью и обществом, формам и методам их воздействия на массовое сознание. Изменение исследовательских подходов к изучению политических партий дало существенное приращение знания об их месте и роли в революционном процессе в 1917 г. Анализ современного историографического поля российских политических партий позволяет верифицировать достигнутые результаты, что, в частности, нашло свое отражение в данном разделе коллективной монографии.

Прежде всего следует обратить внимание на значительное приращение знания в изучении российских консервативных партий в 1917 г. Если до 1990-х гг. исследователи главным образом акцентировали внимание на ранних периодах деятельности консерваторов, то в последние десятилетия их внимание сосредоточилось на времени Первой мировой войны и революции 1917 г. Расширение хронологии исследования истории консервативных партий позволило не только «вписать» их в общий контекст политической и социальной трансформации России, но обратить внимание на целый ряд малоисследованных тем и дискуссионных проблем².

¹ См.: Критический словарь русской революции. 1914–1921. СПб., 2014. С. 212–263.

² Подробно см.: *Колоницкий Б.И.* Правоэкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1: Россия и русское зарубежье. СПб., 1992; *Чхартушвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Михайлова Е.М.* Правые партии в дискурсе двух революций: победа в 1905 г. и поражение в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 84–90; *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Там же. С. 90–98; *Иванов А.А.* «Первый выстрел революции». В.М. Пуришкевич и свержение императора Николая II // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция

Та же тенденция прослеживается в изучении либеральных и социалистических партий. Предпринятый в последние годы историографический анализ исследовательской литературы позволил раскрыть тот позитивный опыт, который был приобретен отечественными и зарубежными историками за последние 70 лет. Отказавшись от априорных рассуждений о «природной контрреволюционности» (либералы) и о «соглашательской сущности» (социалисты-революционеры и меньшевики), исследователи перешли к осмыслению их реального места и роли в Февральской и Октябрьской революциях 1917 г.¹

В 1990-е гг. определенные результаты были достигнуты и в изучении анархистского движения в 1917 г. Отечественная историография обогатилась монографическими исследованиями, посвященными анализу мировоззренческих представлений видных идеологов и политиков разных направлений и течений в анархизме, их разносторонней агитационной и пропагандистской работе в различных социальных стратах, участия в подготовке демонстраций и вооруженных выступлений (апрель–июль, октябрь 1917 г. в Петрограде), а также других городах².

Глава 1. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПАРТИИ

(А.А. Иванов)

1.1. Февраль 1917-го и поражение правых

Стремительность и массовая поддержка Февральской революции ошеломила правых, повергнув их в шоковое состояние. Как справедливо отмечает Ю.И. Кирьянов, «в февральско-мартовские дни 1917 г., в отличие от 1905–1906 гг., не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавных устоев и монарха – важнейшей цели их существования и деятельности». А сами правые партии «превратились в аморфные объединения, которые без

1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 73–82; *Иванов А.А.* «На косяках ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2015. С. 187–195; и др.

¹ См.: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; *Кононенко А.А.* Современная российская историография партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2004. № 4. С. 112–120; *Сулов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России. Источники и историография. Казань, 2007; *Егоров А.Н.* Российские либералы начала XX в. и власть. Историографические дискуссии. Череповец, 2007; *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012; *Макаров Н.В.* Русский либерализм в зеркале англо-американской историографии. М., 2015; *Савельев П.Ю.* Генезис РСДРП. Историография и источники. М., 2016.

² *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России: история и современность. СПб. 1997; *Шубин А.В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2005; *Сапон В.П.* Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917–1918 гг.). Нижний Новгород, 2008. С. 95.

боя сдали позиции, отстаиваемые в течение 10–12 лет»¹. Лишь три представителя правой группы Государственного совета – князь А.А. Ширинский-Шихматов, А.Ф. Трепов и Н.А. Маклаков 25 февраля 1917 г., явившись на заседание Совета министров, настойчиво потребовали от правительства ввести в Петрограде осадное положение. Однако Совет министров на этот шаг так и не решился. Как вспоминал министр внутренних дел А.Д. Протопопов, эта мера показалась ему тогда «возможной, но нежелательной», ибо «дальнейший нажим мог бы снести все здание монархии»². Аналогичная картина наблюдалась и на местах. Большинство правых молчало, а робкие попытки отдельных лиц оказать сопротивление не встречали поддержки. Когда киевский губернский предводитель дворянства Ф.Н. Безак, бывший до революции членом Совета Всероссийского национального союза, заявил о необходимости оставаться верными императору и потребовать вызова в город казачьих частей для наведения порядка, то столкнулся с общим сопротивлением – никто не пожелал «идти против народа»³.

В итоге ни одного массового выступления правых против революции зафиксировано не было. За исключением телеграмм с мест, требующих от правительства немедленно остановить беспорядки, правые не предприняли никаких действий. «Черная сотня сгинула в подполье», – вспоминал меньшевик Н.Н. Суханов⁴. Усилило растерянность правых и добровольное отречение императора Николая II от престола, освободившее их от присяги. Отказ великого князя Михаила Александровича вступить на престол до волеизъявления Учредительного собрания не давал монархистам формального повода протестовать, ибо де-юре Россия все еще оставалась империей с законным претендентом на престол, отложившим свое восшествие на него и передавшим власть в руки Временного правительства. Показательно, что на высказанную 28 февраля 1917 г. одним из руководителей московских монархистов протоиереем И.И. Восторговым фразу «защищаться надо», последовал пессимистичный вопрос – «кого защищать?»⁵. Комментируя отсутствие каких-либо выступлений против новой власти со стороны правых, консервативный публицист А. Муретов писал: «Если бы мы и имели надежду увлечь за собой горсть людей, было бы противно нашей совести начать идейное междоусобие в дни, когда в полном единодушии всех виделась сила России в великой борьбе с нашим врагом»⁶.

Таким образом, борьба для правых против революции оказывалась лишённой смысла. Как справедливо замечает М.Л. Размолодин, «российская монархия в начале XX века погибла и вместе с собой утянула на дно истории всех, кто был в

¹ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79.

² Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 25.

³ Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 323.

⁴ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Берлин, 1922. Кн. 2. С. 9.

⁵ *Степанов А.Д.* Делатель любви. Протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов (1867–1918) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2015. С. 201.

⁶ *Муретов А.* Накануне. Пг., 1917. С. 3.

нее социально и политически интегрирован... Черносотенная идеология как политическая идея могла существовать только в условиях самодержавия, т. е. при наличии объекта поклонения – самодержавного царя»¹.

К удивлению либералов и социалистов угроза черносотенной реакции, которой они пугали со страниц своих изданий накануне Февраля 1917 г., оказалась беспочвенной. Более того, некоторые лидеры правых (И.И. Восторгов, В.М. Пуришкевич, Г.Г. Замысловский, А.А. Римский-Корсаков), увидев бездействие старой власти, заявили о своей солидарности с новым правительством². Бывший член фракции правых IV Государственной думы священник С.А. Попов с крестом в руках благословлял революционные войска³. В начале марта 1917 г. правые депутаты, собравшиеся в кабинете председателя Государственной думы М.В. Родзянко, бурно аплодировали А.Ф. Керенскому. Когда присутствовавший на этой встрече Б.А. Энгельгардт задал товарищу председателя фракции независимых правых вопрос, почему он аплодирует «самому Керенскому», получил следующий ответ: «Да, но знаешь, сейчас Керенский на высоте положения»⁴.

Растерявшись в стремительном водовороте событий, некоторые представители правого лагеря буквально уцепились за Керенского как за якорь спасения. Другие, видя крах монархического движения, стали говорить о своей поддержке столь ненавидимых ими ранее кадетов, а то и социал-демократов. Так, председатель Русского монархического союза С.А. Кельцев после ареста заявил, что он не только присоединяется «к партии народной свободы», но «даже примыкает к с-д “меньшевикам”»⁵. Позже, оправдывая свою позицию, монархисты писали о «помрачении умов», начавшемся после Февральской революции. «Все жило в каком-то угаре, – писал редактируемый Н.Е. Марковым эмигрантский монархический журнал «Двуглавый орел», – вчерашние консерваторы кричали о демократической республике, люди порядка и закона восторгались Родзянко, Гучковым, Милоковым, Терещенкой и прочими убийцами России. Боевые генералы восторженно “ели глазами” жалкого главковерха, истерика Керенского и, казалось, все-речь ожидали, что фонтанами красноречия ему удастся победить стальную силу германских штыков. Монархисты молчали»⁶.

Многие правые стали покидать консервативный лагерь, оставаться в котором после крушения самодержавия становилось бесперспективно, невыгодно и небезопасно. В первые дни революции здание Главного совета Союза русского народа в Петрограде, в Басковом переулке, было сожжено революционно настроенной толпой. В ночь с 1 на 2 марта было разгромлено помещение гимназии Русского собрания (располагавшееся в том же здании, что и само собрание, в Кузнечном

¹ *Размолodin М.Л.* О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2010. С. 37.

² *Чхартшвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. С. 134.

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005. С. 279.

⁴ ОР РНБ. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 23. Л. 57.

⁵ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха. С. 88.

⁶ Двуглавый орел (Берлин). 1920. № 1. 14 (27) сентября. С. 3; *Иоффе Г.З.* Крах монархической контрреволюции. М., 1977. С. 60–61.

переулке)¹. А вскоре последовали и репрессии. В Петрограде были закрыты все правые газеты (нелегально продолжала выходить лишь ультраправая «Гроза»). Монархические партии фактически оказались под запретом, их лидеры и активисты подвергались преследованиям. Пресса регулярно сообщала об арестах региональных монархических лидеров. Н.Е. Марков утверждал, что в родном Курске его хотят застрелить. В Житомире был арестован за «погромную агитацию» бывший член думской фракции правых В.И. Мельников². В Курске преследованиям подвергся секретарь фракции правых священник А.Д. Мешковский, который был вынужден бежать в Москву в связи с грозящим ему арестом³. В мае 1917 г. крестьянами-односельчанами из-за нежелания передать им часть своей земли был арестован правый депутат И.Е. Пулин (освобожден по личной телеграмме М.В. Родзянко). В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н.Е. Марков констатировал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, в том числе и я, пока не арестован, – мы скрываемся»⁴.

В исключительном положении оказались лишь В.В. Шульгин и В.М. Пуришкевич. Шульгин 27 февраля 1917 г. был избран в состав Временного комитета Государственной думы (ВКГД). 2 марта он вместе с А.И. Гучковым принимал отречение императора Николая II, а 3 марта участвовал в переговорах с великим князем Михаилом Александровичем. Что касается Пуришкевича, то он после возвращения 2 марта в Петроград сразу же стал выступать с речами в поддержку свершившегося государственного переворота, призывая солдат повиноваться Временному правительству⁵. Как вспоминал Б.А. Энгельгардт, Пуришкевич обратился к А.Ф. Керенскому с письмом, в котором предлагал своему бывшему политическому антиподу «трудовую руку» для общей работы на фронте⁶, рассчитывая получить руководство всей санитарной частью в армии без предоставления портфеля в кабинете Временного правительства, но тот не удостоил его ответом⁷.

Но были среди правых лидеров и те, кто в революционные дни остался верен монархическим принципам и не поступился убеждениями. Председатель Главного совета Союза русского народа (СРН) Н.Е. Марков, арестованный на территории Финляндии, вел себя на допросах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства спокойно, уверенно и даже вызывающе. Рассказывая о деятельности Союза русского народа, отношении правых к террору и политическим убийствам, Государственной думе и правительственных субсидиях, взаимоотношениях с властью и противодействии революции, Марков не заискивал перед следственной комиссией, не сожалел о своем политическом выборе.

¹ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 407–408.

² Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 г. С. 138.

³ Курский край. 1917. 11–12 апреля.

⁴ Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 191.

⁵ Солдатское слово. 1917. 4 марта.

⁶ Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / публ. С.В. Шумихин // Минувшее. Исторический альманах. СПб., 1998. Т. 24. С. 61.

⁷ «27-го февраля мы могли стать гражданами...» Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 130.

На вопросы отвечал твердо и по-деловому, спорил, задавал встречные вопросы, отстаивал свою точку зрения, никого не оговаривал и наотрез отказался называть следствию имена своих единомышленников, дабы не подвергать их опасности. Впрочем, уверенности Маркову придавало и то, что в отличие от других правых вождей, арестованных новыми властями, он, являясь депутатом Государственной думы, продолжал пользоваться неприкосновенностью и допрашивался исключительно как свидетель «преступлений старого режима», а не обвиняемый. Не найдя в действиях Н.Е. Маркова каких-либо преступлений, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства освободила его¹.

Однако ближе к концу весны – началу лета 1917 г. правые, несколько оправившись от постигшего их краха, стали предпринимать попытки восстановить свои силы и изменить ситуацию в свою пользу. Этому способствовала и политика Временного правительства, не справлявшегося с кризисными явлениями во всех отраслях жизни и стремительно терявшего поддержку населения. Так, В.В. Шульгин и В.М. Пуришкевич, поддержавшие в марте 1917 г. новую власть, начинают постепенно менять тон своих публичных выступлений. Летом 1917 г., осознавая, что ему «от этой революции не отречься», Шульгин, тем не менее, выступил против отмены смертной казни, выборных комитетов, автономии Украины и требовал от Временного правительства «стать сильной властью»². Убедившись в утопичности своих взглядов на революцию и на государственные способности творцов Февраля, Пуришкевич стал критиковать Временное правительство, требуя от него ужесточения дисциплины в армии и введения смертной казни. Обращая внимание на большевистскую угрозу, он стал настаивать на введение в стране военной диктатуры. «В дни революции, – говорил Пуришкевич, – нельзя быть Антонием, нужно быть Цезарем, а когда народ обращается в толпу Спартака, долг власти стать Крассом»³. На базе Общества русской государственной карты, созданном еще до революции, а затем расширенном за счет офицеров, Пуришкевич создал организацию, целью которой первоначально объявлялось «наведение порядка в стране». После того как Россия была провозглашена республикой, возник вопрос о «перехвате власти у Временного правительства» и установлении в стране «твердой власти». При этом эта власть мыслилась в форме монархии.

Конспиративная деятельность Пуришкевича, тем временем, не осталась незамеченной, и в дни корниловского выступления он был арестован и заключен в «Кресты». Однако обвинить в чем-либо правого политика было трудно – от выступления Корнилова он сразу же отмежевался, да и никаких противозаконных деяний за ним не числилось. В результате следствие не смогло предъявить Пуришкевичу каких-либо обвинений, и 20 сентября 1917 г. он был освобожден. Наладив издание газеты «Народный трибун», Пуришкевич с ее страниц с жесткой

¹ Подробнее о судьбе и деятельности Н.Е. Маркова в 1917 г. см.: *Иванов А.А.* «Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды.* СПб., 2013. С. 15–24; *Он же.* «На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды.* СПб., 2015. С. 187–195.

² Цит. по: *Голостенов М.Е.* Шульгин Василий Витальевич // *Политические деятели России 1917. Биографический словарь.* М., 1993. С. 364.

³ *Пуришкевич В.М.* Вперед! Под двухцветным флагом. Пг., 1917. С. 34.

критикой обрушился на власть, обличая и высмеивая ее действия в публицистических заметках, стихах, поговорках и пословицах. 18 октября 1917 г. он выступил с крайне резким стихотворением-призывом «Довольно», в котором призывал «смести» Директорию и поднять национальный флаг из «керенской пыли»¹.

Включился в борьбу и Н.Е. Марков, принявшийся за создание подпольной монархической организации. Поскольку все легально существовавшие до 1917 г. монархические партии и союзы прекратили свое существование, бывшему вождю Союза русского народа приходилось начинать все с начала. Первые месяцы после Февральской революции, писал Марков, «ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на уяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора “на костях” ужасного разгрома»². Однако уже к лету 1917 г. им была создана в Петрограде подпольная монархическая организация, имевшая целью спасение царской семьи. Кроме Маркова в нее входили такие его единомышленники, как В.П. Соколов, Н.Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной думы (Г.Г. Замысловский, Г.М. Дерюгин, Н.Н. Лавриновский, А.П. Горсткин), гвардейские офицеры.

Скрываясь на одной из дач в районе поселка Куоккала (ныне Репино), Марков, «меняя фамилии и наружность», довольно часто нелегально приезжал в Петроград и даже изредка навещал Москву³. Характерно, что штаб-квартира тайной монархической организации Маркова располагалась в самом центре революционной столицы на Невском проспекте в одной из коммерческих контор. Марковская организация тайно занималась мобилизацией «всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге людей», а также формировала военный отдел, вербовавший офицеров. Деятельность этой организации была в это время нацелена на создание мощного аппарата, способного при благоприятных обстоятельствах совершить переворот в Петрограде, освободить царскую семью и восстановить императора Николая II на престоле, а в случае его отказа – передать престол царевичу Алексею⁴.

Однако восстановить свои силы и добиться хоть какого-то успеха правым так и не удалось. Отсутствие значимой поддержки в обществе, острая нехватка денежных и людских ресурсов, а также последовавший в октябре 1917 г. приход к власти большевиков не позволили осуществиться их планам реванша.

1.2. Консервативный взгляд на Октябрь 1917 г.

Отношение правых к большевикам отличалось от их взглядов на победивших в феврале либералов и умеренных социалистов. Несмотря на то что революция, как Февральская, так и Октябрьская, воспринимались правыми монархистами крайне негативно, вместе с тем правые в целом были далеки от того, чтобы приписывать

¹ *Пуришкевич В.М.* Долой // Народный трибун. 1917. 18 октября.

² *Марков Н.Е.* Попытки спасения Царской Семьи // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 396.

³ *Марков Н.Е.* Ловцы правды // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. С. 405.

⁴ *Марков С.* Покинутая царская семья. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург. 1917–1918. Вена, 1928. С. 176.

все обрушившиеся на Россию беды большевикам. Приход к власти большевиков для монархистов оказался закономерным результатом развития февральско-мартовских событий 1917 г. Еще в 1912 г. Н.Е. Марков предупреждал либеральную оппозицию, что у нее нет массовой поддержки, а потому народ пойдет либо с правыми, либо с левыми, но не с либералами, ничего общего с народом не имеющими¹. Допуская, что итогом крушения самодержавия вполне может стать приход к власти левых радикалов, правые вместе с тем неоднозначно отнеслись к победе большевиков. Воспринимая «триумфаторов Октября» как своих политических противников, часть правых сочувственно восприняла ликвидацию большевиками либерального Временного правительства².

Издатель крайне правой газеты «Гроза» Н.Н. Жеденов уже 5 ноября 1917 г. опубликовал в передовице своего издания хвалебные слова по адресу новой власти: «Порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, газета заверяла своих читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью»³. Во время выборов в Учредительное собрание бывший товарищ председателя СРН академик А.И. Соболевский писал другому видному члену Союза приват-доценту Б.В. Никольскому: «Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассия), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых»⁴. Свой довольно странный для убежденного монархиста выбор Соболевский мотивировал тем, что его «теперешние любимцы» большевики «уж больно здорово... расправляются с либеральной слякотью»⁵. Б.В. Никольский, восприняв первоначально Октябрьскую революцию как авантюру, весной 1918 г. выступил с призывом не сопротивляться новой власти, считая, что большевики несколько не хуже «кадетов, эсеров, октябристов, Штюрмеров и Протопоповых». Оставаясь противником большевизма, он признавался, что злобы к ним не питает, поскольку «это единственные политически честные люди за все время революции»⁶.

Объяснялась такая позиция тем, что, рассматривая революцию с религиозных позиций, часть правых воспринимала большевизм как некую историческую неизбежность, как заслуженную Божию кару, изжить которую можно только всеобщим покаянием. «Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист, – писал Никольский Б.А. Садовскому, – но я, увы, много учился, много думал, и совесть и правда мне дороже всего. Заслуг у вождей нашего большевизма

¹ Государственная Дума. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912. Стб. 527.

² См.: *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября. С. 90–98.

³ Цит. по: *Стогов Д.И.* Правоконсервативная печать и события июля–октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 116–117.

⁴ Цит. по: *Степанов А.* Соболевский А.И. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 494.

⁵ *Степанов С.А.* Черная сотня. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 462.

⁶ Цит. по: *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября. С. 91–92.

нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неуправляемые и верные исполнители исторической неизбежности. Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану... но я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божией милостью, то Божиим гневом и попусшением»¹. Такой же позиции придерживался и лидер Всероссийского Дубровинского союза русского народа А.И. Дубровин, заявивший на следствии о своем отношении к советской власти: «Я как человек религиозный, прежде всего, все свои взгляды объясняю на указаниях Евангелия: “Всякая душа властям предрержащим да повинуется, несть бо власти, аще не от Бога”»².

Кроме того, часть правых стала приходить к мысли, что большевики, борясь за торжество своих идеалов, вместе с тем наводят порядок, укрепляют государственность и, по сути, не провозглашая этого, собирают «великую, единую и неделимую» Россию. Так, В.В. Шульгин – убежденный противник большевизма со временем был вынужден признать, что «хотя и бессознательно, они (большевики. – А. И.) льют кровь только для того, чтобы восстановить “Богохранимую Державу Российскую”... Они своими красными армиями (сделанными “побелому”) движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных органов... Это и будут естественные границы Будущей России...»³.

Но были и другие мотивы «симпатии» к большевикам, исходившие из принципа «чем хуже – тем лучше». Так, по свидетельству С.В. Маркова, бывший лидер Союза русского народа Н.Е. Марков «сочувственно» отнесся к выступлению большевиков в Петрограде еще 3–5 июля 1917 г., как, впрочем, и к большевистскому движению в целом. Естественно, ни о каком искреннем сочувствии большевикам со стороны бывшего лидера черной сотни говорить не приходится, правый политик лишь надеялся «использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[ременное] Правительство, а потом придушить их самих»⁴. «Во всяком случае, – утверждал С.В. Марков, – среди большевиков М[арков] 2-й имеет большое количество своих приверженцев, умышленно пошедших на службу к ним, и стремится к тому, чтобы во всех учреждениях и во всех партийных и внепартийных организациях иметь побольше своих надежных людей, дабы быть все время в курсе общего положения дел из первых источников»⁵.

¹ Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913–1918 // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 372–373. В 1930-е гг. корреспондент Б.В. Никольского писатель-монархист Б.А. Садовский запишет в дневнике: «Всякий честный монархист должен соизнаться, что большевики все же лучше президента Милюкова или императора Кирилла...» (Цит. по: *Ретников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 446).

² Следственное дело доктора Дубровина // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 301.

³ *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 527–528.

⁴ *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 176.

⁵ Там же.

Утверждение насчет большого количества приверженцев Маркова в большевистских структурах вызывает, конечно, сомнения. Но то, что такая агентура в принципе была, подтверждают показания соратника Маркова В.П. Соколова (в прошлом товарища председателя Главного совета СРН), сообщавшего в 1921 г., что фотографические снимки некоторых нужных для тайной монархической организации документов ее руководство получало «через своих людей, служивших от нас в большевистских учреждениях»¹. А бывший член Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) полковник Ф.В. Винберг записал в дневнике, что из двух зол – эсеров и большевиков – он предпочитает последних как «более сильную, более действенную, а потому и отколовшуюся от остальных социалистов группу: доводя до крайних пределов проведения в жизнь своих утопических теорий, большевики, пожалуй, подрывают все основы и всю популярность своей доктрины лучше, чем мог бы это сделать злейший и сильнейший враг социализма». Таким образом, полагал Винберг, временное торжество самой радикальной левой партии, чуждой какого-либо заигрывания с либерализмом, приведет к тому, что после краха советской власти «социализм потеряет свое обаяние и значение среди народных масс не только в России, но и во всем мире»².

Однако немало было в правом лагере и тех, кто воспринимал большевизм сугубо отрицательно и призывал к борьбе с ним. Резко негативно к советской власти отнесся член Главной палаты РНСМА и Русского собрания Г.А. Шечков. Трагую победу большевиков как явление религиозное, Шечков видел в действиях ленинцев борьбу сил зла с христианством и обвинял большевизм в том, что тот опирается на самые низменные свойства человеческой души: эгоизм, жадность, вероломство, разврат, жестокость. Если не положить ему конец, предсказывал Шечков, «то Россия останется без Церкви, без национальной интеллигенции, без традиций и обратится в страну измученных, голодных, обнищавших рабов, готовых за краюшку заплесневелого хлеба работать физически на кого угодно, кто только обеспечит им кое-какую безопасность и относительное спокойствие»³.

В.М. Пуришкевич, один из первых пронизательно обративший внимание на опасность большевизма⁴, был убежден, что приход большевиков к власти – во многом «заслуга» Временного правительства, допустившего его. Но это нисколько не обеляло в его глазах узурпировавших власть большевиков – буквально сразу же после октябрьского переворота Пуришкевич со свойственной ему энергией включился в борьбу с ними, уже 4 ноября 1917 г. призывая атамана А. М. Каледина скинуть с Петрограда «большевистское ярмо» и очистить столицу от захвативших ее «преступников и черни» «публичными расстрелами и виселицей»⁵. Выступая

¹ Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. Т. 8. С. 302.

² Винберг Ф.В. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера») // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. А.А. Иванов. М., 2008. С. 101.

³ Цит. по: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 579–580.

⁴ См., напр.: Пуришкевич В.М. Без забрала: открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов. Пг., 1917.

⁵ Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 171.

в начале 1918 г. перед революционным трибуналом, Пуришкевич, еще не исцелившийся от быстро усвоенной им в февральско-мартовские дни революционно-патриотической риторики, обвинил большевиков в... контрреволюции: «И теперь, когда партия большевиков захватила власть, – писал Пуришкевич, – Россия стала распинаться ими, и начался великий распад. Стали отделяться Украина, Дон, Финляндия, за ними объявляют свою независимость чуть не каждая область – вся Россия, не признавая власти большевиков, раскалывается, уходит от них. Что же это? Все они заговорщики против вас, ничтожного меньшинства? Заговорщики – вы. Контрреволюционеры – вы, ибо в тюрьмы сажаете всех истинных защитников революции»¹.

Оказавшись в ходе Гражданской войны на Юге России, Пуришкевич будет разъяснить вождям Белого движения, что, борясь исключительно с большевиками, они борются лишь с последствиями, а не с причинами (ослаблением православной веры и монархического чувства в народе; либерализмом, подготовившим почву для прихода к власти большевиков). Являясь непримиримым борцом с большевизмом, главной целью которого он считал «растление христианских народов мира в интересах иудаизма», лидер правых признавал и твердость советской власти и «волевой импульс ее проводников»². Но ничего позитивного, в отличие от некоторых своих недавних единомышленников, в установлении советской власти Пуришкевич не усматривал – для него большевики всегда оставались узурпаторами и насильниками, «заливающие реками русской народ[ной] крови родные поля в братоубийственной распре»³.

Разгон большевиками Учредительного собрания в начале января 1918 г. также был отмечен комментариями черносотенцев. Являясь убежденными идеологическими противниками большевизма, к факту разгона демократической «Учредилки» многие из них отнеслись сочувственно. Н.Е. Марков с нескрываемым удовлетворением описывал конец единственного заседания «Учредилки», «когда по приказу шустрого иудея Урицкого пьяный матрос Желязняков вошел в зал торжественного заседания Учредительного собрания и, хлопнув по плечу председателя собрания – великого селянина Чернова, заявил, что ему, Желязнякову, и его матросам надоела эта болтовня и что Учредительному собранию приказано зашабашить...» При этом Марков, отказываясь примириться с советской властью и объявив ей войну, отдавал должное решительности своих противников слева, отмечая, что «если говорить правду, то в большинстве своем народ сочувствовал матросу Желязнякову». «Для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо все то, что социалисты отдельных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности»⁴.

¹ Новая жизнь. 1918. 5(18) января.

² Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич В.М. Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов-на/Д., 1919.

³ «27-го февраля мы могли стать гражданами...» С. 122.

⁴ Марков Н.Е. Учредительное собрание // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. С. 374.

Характерно, что подавляющее большинство активных деятелей из правого лагеря, не испытывая никаких симпатий к большевистской власти, тем не менее уклонились от вооруженного противостояния ей. Лишь единицы из них приняли участие в Белом движении, да и то, как правило, находясь в правой оппозиции белому генералитету (например, Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич). Были, впрочем, и те, кто примкнул к красным, например, член Совета Русского собрания, видный русский военный инженер К.И. Величко, одним из первых поступивший на службу в РККА, поскольку считал для себя необходимым в деле обороны России от немцев примкнуть к единственной в стране организованной политической силе. Или бывший хозяин правого салона князь М.М. Андроников, поступивший, по некоторым сведениям, на службу в Кронштадтскую ЧК¹. В отличие от либералов и социалистов, процент эмигрировавших из страны правых был невелик, большинство из них осталось в России, разделив свою судьбу с Родиной. Почти все были уничтожены, основная часть в годы «красного террора», остальные – в 1930-е гг.

Глава 2. ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПАРТИИ

(В.В. Шелохаев)

2.1. Либералы-консерваторы и «центристы»: попытки новой партийной консолидации

Революционные события 1917 г. переформатировали и либеральное партийное пространство. При этом наибольшей трансформации подвергся правый спектр и «центр» либерализма – «Союз 17 октября» и Партия прогрессистов, которые, как известно, начали стремительно распадаться еще в годы мировой войны². После февральско-мартовских событий 1917 г. октябристы и прогрессисты полностью утратили связи между центральными органами и региональными структурами, фактически лишились своих печатных органов, а их политическая позиция стала отторгаться общественным мнением. По сути, на политической арене остались действовать не прежние партийные структуры октябристов и прогрессистов, а лишь отдельные их лидеры. Так, в состав Временного комитета Государственной думы вошли: от октябристов – М.В. Родзянко, И.И. Дмитрюков, С.И. Шидловский, Б.А. Энгельгардт; от прогрессистов – А.И. Коновалов и В.А. Ржевский. В первом составе Временного правительства оказались октябристы – А.И. Гучков и И.В. Годнев, прогрессист – А.И. Коновалов; в первом коалиционном правительстве – И.В. Годнев; во втором коалиционном – прогрессист И.Н. Ефремов и третьем коалиционном – прогрессист С.Н. Третьяков.

Осознавая свое шаткое положение и в правительстве, и в общественном мнении страны, лидеры октябристов и прогрессистов, тем не менее, на первых порах

¹ Стогов Д.И. Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 227–229.

² Подробно см.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014. С. 571–578.

предпринимали попытки, так или иначе, приспособиться к новой революционной реальности. Так, взамен прежних разрушенных партийных структур они попытались создать новые партийные организации (Либерально-республиканская партия, Национально-республиканская демократическая партия, Национально-демократическая республиканская партия, Российская радикально-демократическая партия, Партия радикалов-социалистов и т. д.). По замыслу их создателей, новые партии, а точнее небольшие организационно неформальные группки, должны были учесть изменившуюся политическую ситуацию в стране, соответствовать запросам общественного мнения. Создавая новый имидж для своих формирующихся партий, лидеры октябристов и прогрессистов с легкостью отказались не только от прежних названий своих партий, ставших нарицательными в общественном мнении за желание угодить монархической власти, но и решили существенным образом пересмотреть прежние свои программные и тактические установки.

Однако им так не удалось, как и прежде, найти общего языка друг с другом. Так, окончились провалом попытки договориться о создании единой общероссийской либеральной партии, которая могла бы, наряду с кадетами, претендовать на лидерство в острой политической борьбе за власть. Прежние мировоззренческие, идеологические и политические разногласия, помноженные на новые, уже возникшие в ходе революции, в либеральном спектре освободительного движения оказались непреодолимыми. В результате ни правые либералы, ни либералы-«центристы» так и не предложили российскому обществу реалистической программы и тактики, не смогли создать единой партийной структуры. Их деятельность была хронологически ограниченной и по преимуществу замыкалась на Петрограде и Москве.

Учитывая предельно скудную документальную базу, оставшуюся от перечисленных партий, отечественным исследователям удалось выявить и обобщить информацию лишь о Либерально-республиканской партии (ЛРП) и Российской радикально-демократической партии (РРДП), которые более или менее проявляли некоторые признаки политической жизни в 1917 г.¹

В середине марта 1917 г. в Петрограде небольшая группа бывших октябристов, прогрессистов и левых кадетов (А.А. Барышников, Н.М. Волковыский, Ю.Н. Глебов, И.И. Дмитрюков, И.Н. Ефремов, С.И. Иванов, А.И. Коновалов, В.Д. Кузмин-Караваев, М.С. Маргулис, И.В. Титов) выступила с инициативой создания ЛРП и ее печатного органа – газеты «Республика». Ими была сформирована специальная комиссия по выработке программы будущей партии. 8 апреля 1917 г. состоялся учредительный съезд ЛРП, на котором была принята ее программа, избран ЦК в составе Л.А. Базунова, А.А. Барышникова, Ю.Н. Глебова, И.И. Дмитрюкова, С.И. Иванова, М.С. Маргулиса и Э.А. Эрштрема.

Стратегической целью партии являлось создание в России федеративной республики. Однако при этом ЛРП настаивала на сохранении политического един-

¹ См.: *Шашкова О.* Либерально-республиканская партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 314; *Васильева Т., Кривенький В., Шашкова О.* Российская Радикально-демократическая партия // Там же. С. 515–516; *Соловьев К.А.* Либерально-демократическая партия // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в. Энциклопедия. М., 2010. С. 527; *Он же.* Российская Радикально-демократическая партия // Там же. С. 803–804.

ства России. В программе перечислялись разного рода требования: политические (права и свободы личности, демократизация избирательного права), экономические (государственное содействие развитию производительных сил, промышленному производству, налоговые льготы, введение прогрессивного налога), социальные (сокращение рабочего дня и социальные гарантии, решение аграрного вопроса). В целом программа ЛРП мало чем отличалась от программ большинства либеральных партий «однодневок», которые после победы Февральской революции одна за другой быстро появлялись и через некоторое время безвозвратно исчезали с политической арены¹. Однако для бывших октябристов и прогрессистов подобного рода радикальные программные требования во многом были диаметрально противоположны их прежним стратегическим и тактическим установкам. Они скорее свидетельствовали об их стремлении соответствовать «духу времени», чем их реальным мировоззренческим, политическим и социальным представлениям, а также интересам социальных страт, которые они намеривались представлять на политической арене.

В апреле 1917 г. основатели ЛРП установили связи с похожей на нее (по программным целям и тактике) Национально-республиканской партией (НРП), также претендовавшей на лидерство. К сожалению, об истории возникновения, а тем более практической деятельности этой партии, созданной в Москве из бывших октябристов и представителей делового мира, исследователям мало что известно. В ее организационный комитет входили С.Е. Кишкин, Н.Ф. Савин, Г. Эджунов и др. В отличие от ЛРП, НРП делала акцент на реализации лозунга национально-культурной автономии. Остальные пункты ее программы в основе своей были идентичны программе ЛРП. Неслучайно, что в мае 1917 г. о поддержке ЛРП заявил А.И. Гучков, незадолго перед этим покинувший пост военного и морского министра и, видимо, присматривающий партию, к которой он мог бы примкнуть.

Лидеры ЛРП, прекрасно сознавая свою неконкурентоспособность с кадетской партией, всячески пытались выйти в своей политической деятельности за пределы столиц на общероссийскую арену. В июне 1917 г. на совещании в Петрограде ЛРП была формально переименована в Национально-либеральную партию, что ей в принципе мало помогло на выборах в городскую думу в августе 1917 г. В сентябре 1917 г. ЛРП вынуждена была пойти на объединение с более демократической по своему составу РРДП.

Идея создания РРДП возникла в Петрограде еще осенью 1916 г. Однако ее практическая реализация затянулась до марта 1917 г. Основателями РРДП были М.В. Бернацкий, Б.Д. Бруцкус, М. Горький, Д.Н. Рузский, М.А. Славинский, В.В. Водовозов, А.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, Б.О. Богданов, О.А. Ерманский, Н.Д. Соколов, А.Ф. Керенский. На свой учредительный съезд, состоявшийся 11 марта в Петрограде, они пригласили прогрессистов и левых кадетов (И.Н. Ефремов, М.Я. Гродзицкий, А.И. Коновалов, АА. Барышников, Л.А. Базунов, Н. В. Некрасов, Д.Я. Попов И.В. Титов). Первый вариант программы РРДП мало чем отличался от программы ЛРП. Речь шла практически о тех же требованиях, что и у ЛРП: демократизация политической системы, децентрализация централь-

¹ См.: *Велихов Л.А.* Сравнительные таблицы русских политических партий. Опыт систематического анализа современных политических направлений. Пг., 1917.

ной и местной власти, равноправие национальностей, пакет социальных реформ (аграрной и рабочей).¹

Однако, в отличие от ЛРП, учредители РРДП быстрее осознали необходимость выхода на общероссийскую арену политической борьбы, установления более широких контактов с общественностью, активного использования печати (газета «Отечество»), создания широкой сети региональных организаций. Не случайно в этих целях лидеры РРДП в мае 1917 г. пересмотрели свою программу в сторону ее дальнейшей демократизации. В новом варианте программы речь уже шла о федеративной форме государственного устройства России во главе с президентом, избираемым путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; однопалатном законодательном народном представительстве (Государственная дума), исполнительной власти (Совет министров), ответственной перед парламентом; демократизации выборов в местные органы власти. Большое внимание в программе уделялось решению национальных проблем, в частности, предлагалось создать Государственный совет национальностей и Совет по национальным делам.

Специальные разделы программы были конкретизированы. В них выдвигались следующие требования: по аграрному вопросу (создание государственного земельного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских и принудительно отчуждаемых частновладельческих земель; право распоряжаться этим фондом передавалось в руки органов местного самоуправления; введение прогрессивного налога на земельную собственность); по рабочему (введение 8-час. рабочего дня, запрещение ночных и сверхурочных работ, создание профсоюзов, примирительных камер, заводской милиции, провозглашалось право рабочих на стачки). Кроме того, в программе говорилось о демократизации судебной системы (в частности, о несменяемости судей), отделении церкви от государства, всеобщем и бесплатном начальном образовании, отмене смертной казни. По сути, программа РРДП по многим пунктам повторяла программу кадетской партии.

РРДП самым решительным образом высказалась за поддержку политики Временного правительства, включая продолжение войны до победного конца. В июле 1917 г. РРДП заявила себя сторонницей сохранения коалиции. В состав коалиционного правительства от этой партии вошли: И.Н. Ефремов (министр юстиции), А.А. Барышников (управляющий Министерством государственного призрения); Л.Г. Голубков (товарищ министра государственного призрения), М.А. Славинский (председатель Особого совещания по областной реформе). На августовских выборах в городскую думу в Петрограде РРДП провела четырех своих кандидатов. В сентябре 1917 г. во Временный совет республики вошли три радикал-демократа: С.В. Познер, Д.Н. Рузский и М.А. Славинский.

В отличие от ЛРП, РРДП удалось создать (помимо Петрограда) свои отделения в Москве, Киеве, Одессе, Кунгуре, Перми, Ярославле, Могилеве, Минске, Ташкенте, Ялте, Архангельске, Рогачеве, Лубнах. В ряде городов (Ташкент, Ялта, Архангельск, Лубны и Рогачев) кандидаты от РРДП были избраны в органы городского самоуправления. РРДП имела собственные органы печати: в Петербурге («Отечество»), Москве («Свободное слово»), Ярославле («Ярославская мысль»), Ташкенте («Туркестанский голос»), Одессе («Южная мысль»).

¹ См.: Программа Российской радикально-демократической партии: Проект. Пг., 1917.

Достаточно активная деятельность РРДП, ее определенное влияние в общественных кругах стали основанием для объединения с ней, как говорилось ранее, ЛРП. Не без влияния РРДП в сентябре 1917 г. была создана Партия радикалов-социалистов (ПРС). ПРС опубликовала свой Манифест и воззвание «Задачи партии радикалов-социалистов», повторявшие в своих главных основаниях программу РРДП.¹ Однако влияние очередной новой партии было крайне слабым, ей не удалось провести хотя бы одного своего кандидата в Учредительное собрание.

В ноябре 1917 г. все перечисленные либеральные партии прекратили свое существование.

Как видим, после Февральской революции 1917 г. октябристам и прогрессистам не удалось возродить общероссийские либеральные партии, какими в свое время были «Союз 17 октября» и Партия прогрессистов. Их наиболее активным партийным лидерам удалось создать лишь несколько локальных партийных структур, действующих изолировано друг от друга и раздираемых личными амбициями. Вместе с тем на протяжении всего 1917 г. наблюдалась тенденция к консолидации данного сегмента либеральных сил, ибо его лидеры прекрасно осознавали, что в одиночку они не могут выдержать конкуренции с другими политическими партиями и занять ведущие позиции во властных центральных и региональных структурах. Однако по мере обострения политической борьбы эти партии вынуждены были выбыть из борьбы за власть, о чем, в частности, свидетельствовали результаты их участия в выборах в Учредительное собрание. Единственной либеральной партией, которая в 1917 г. активно боролась за политическую власть, были кадеты.

2.2. Конституционно-демократическая партия: испытание властью

2.2.1. Корректировка программы и тактики

Несмотря на то что Февральская революция застала кадетов, как и все другие партии, врасплох, ее лидеры сравнительно оперативно отреагировали на новую политическую реальность: скорректировали партийную программу и тактику, осуществили организационную перестройку, обновили агитационно-пропагандистский арсенал, расширили диапазон своей практической деятельности.

Кадетские теоретики и политики оценивали победу Февральской революции как логический результат всего предшествующего этапа освободительного движения в стране, в котором они занимали лидирующие позиции. Выступая 3 июня 1917 г. на частном совещании членов Государственной думы, П.Н. Милюков, отвечая на им же поставленный вопрос: какова наша революция? – заявил: «Она есть революция национальная, революция всенародная, т. е. она объединяет в себе все классы и общественные группы и ставит перед собой задачи, которые должен осуществить весь народ»². Согласно либеральной доктрине, Февральская революция трактовалась как революция политическая, которая создала необходимые пред-

¹ См.: Партия радикалов-социалистов. Манифест и программа. М., 1917.

² См.: Буржуазия и помещики в 1917 году. Частное совещание членов Государственной Думы. М.; Л., 1932. С. 108.

посылки и условия для последующего социально-экономического эволюционного реформирования России.

Делая акцент на «общенациональном» и «надпартийном» характере Февральской революции, кадеты питали надежду на то, что им удастся убедить умеренное крыло социалистических партий, имеющих определенное влияние в Совете рабочих и солдатских депутатов, в необходимости тесного сотрудничества с Временным правительством в деле «демократического государственного строительства» и «демократического социального преобразования».

Кадетские теоретики были убеждены в том, что власть после революции должна перейти в руки представителей либеральной оппозиции, как наиболее адекватно отражавшей и выражавшей общенациональные и общегосударственные интересы России. Считая, что переустройство России на основе социалистических моделей является «музыкой весьма далекого будущего», кадетские лидеры питали надежду на то, что социалисты должны оказать поддержку Временному правительству. «С нашей точки зрения, – говорил на VII съезде кадетов М.М. Винавер, – правительство является единственной исполнительной и законодательной властью страны, и никакие организации не должны брать на себя подобные функции. Никакое организованное общество не может покоиться на совмещении двух властей». Совет рабочих и солдатских депутатов не должен претендовать «на функции власти исполнительной»¹.

Кадеты настаивали на том, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов, имевший реальное влияние на массовое демократическое движение, стал прочным заслоном против «максимализма и большевизма». «В этой борьбе, – подчеркивал князь Д.И. Шаховской, – мы также найдем опору и возможность соглашения с левыми течениями, более разумными»². Однако расчеты кадетов на сотрудничество с Советом оказались иллюзорными, ибо умеренные социалистические элементы сами, испытывая «давление снизу», вынуждены были предъявлять Временному правительству все более радикальные требования, уступая тем самым нарастающим запросам экстремистски настроенных элементов, настаивавших на перерастании политической революции в революцию социальную. В итоге возник тот заколдованный круг, из которого все труднее было найти разумный выход.

В условиях нарастания политической и социальной нестабильности кадеты вынуждены были корректировать свою программу. После свержения монархии в кадетской среде победу одержали сторонники «народного суверенитета», введения в России демократической парламентской республики. Обосновывая отказ партии народной свободы от идеи монархизма, Ф.Ф. Кокошкин заявил, что кадеты «никогда в своем большинстве не считали монархию, хотя бы и парламентарную, наилучшей формой правления. Никогда монархия конституционная и парламентарная не была для нас, как для настоящих монархистов, тем верховным принципом, которому бы мы подчинили всю нашу политическую программу. Монархия была для нас тогда вопросом не принципа, а вопросом политической целесообразности».

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 454.

² Там же. С. 458.

Кокошкин пытался убедить делегатов съезда в том, что монархическая форма правления, которую отстаивала партия на своем учредительном съезде в октябре 1905 г., «есть для нас не цель, а только средство, при помощи которого мы в данный момент рассчитывали наикратчайшим путем приблизиться к осуществлению наших политических идеалов, тех принципов, которые мы кладем в основу нашей программы». Подчеркнув, что «в вопросе о государственном строе мы всегда отличаем вопрос о форме от вопроса о существе и содержании», Кокошкин отметил, что кадеты, выдвигая требование конституционно-парламентарной монархии, рассматривали его в качестве необходимой переходной ступени от абсолютизма к полному осуществлению начал народоправства.

Нельзя было также, продолжал он, сбрасывать со счетов и отношение населения к монархии, с которой оно связывало «свое представление о государстве с личным символом». Поэтому кадеты и не хотели, «насилуя эту потребность, навязывать народу свои собственные идеалы». Однако за 12 лет «личный символ утратил свой идеал». В течение этого времени монархия попирала права народа и сама разрушала в его сознании ту связь, которая «существует между представлением о монархии и представлением о государстве». Монархия, подчеркнул Кокошкин, сама «подорвала устои и своими собственными руками готовила свою гибель». Введение в программу партии требования демократической республики способствовало бы «снятию» противоречия между либералами и социалистами по вопросу о форме государственного устройства. «Монархия, – заявил Кокошкин, – нас разделяет, а республика нас соединяет».

В новой политической ситуации, сложившейся в стране после победы Февральской революции, Россия, считал Кокошкин, должна стать демократической парламентарной республикой: «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, ибо эта форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли народа – осуществляется в самом полном и чистом виде»¹.

Законодательная власть должна была принадлежать народному представительному собранию. Во главе исполнительной власти стоять президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий «через посредство ответственного перед народным представительством министерства». Согласно предложению Кокошкина, VII съезд кадетской партии единогласно (323 делегата) изменил § 13 программы о государственном устройстве России, записав в нем: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»².

Кадетские юристы подготовили базовые правовые документы, позволяющие практически реализовать идею разделения властей при формировании новой системы правового государства. Во-первых, речь шла о том, чтобы четко разграничить вопросы правомочности Временного правительства и его законодательные и исполнительные функции. Сторонников идеи «народного суверенитета» явно смущало то, что новая власть является преемницей старой авторитарной власти. По их мнению, источником правового государства должна стать воля большин-

¹ Там же. С. 373–377.

² Там же. С. 400.

ства народа, выраженная Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права. Поэтому они настаивали на эмансипации от влияния «третьеиюньской системы» и Временного комитета Государственной думы. Не случайно VIII съезд кадетской партии, состоявшийся 9–12 мая 1917 г., отверг предложение Д.И. Шаховского о формировании представительного собрания из членов Государственной думы четырех созывов. Несколько позднее сторонники идеи «народного суверенитета» высказались критически и по отношению к такой структуре, как Предпарламент, придавая ему статус не законодательного, а законосовещательного учреждения.

Отстаивая идею созыва Учредительного собрания, кадетские юристы считали, что оно должно выработать и принять конституцию, в которой и будет окончательно определена форма государственного устройства, структура законодательных и исполнительных органов власти. Такой «непредрешенческий» подход, безусловно, был рассчитан на политическую консолидацию либеральных сил, заинтересованных в мирном переустройстве России. Вместе с тем идея «непредрешенчества» в определенной степени сглаживала те противоречия, которые имели место между кадетами и социалистическими партиями.

Большое внимание кадетские теоретики уделили разработке национального вопроса, который рассматривался на VIII и IX съездах партии в докладах Ф.Ф. Кокочкина и Б.Э. Нольде соответственно. Подчеркнув свою приверженность принципу сохранения единой и неделимой России, оба докладчика и большинство делегатов съездов высказались против предоставления народностям права политического самоопределения. В условиях политической нестабильности и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны даже по национально-территориальному принципу, на чем настаивали представители отдельных национальностей, с логической неизбежностью привело бы к «полному разрушению единства России и установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)». Наиболее оптимальным решением национального вопроса в рамках многонационального государства, по мнению кадетских теоретиков, должно было стать предоставление народностям не территориальной, а культурно-национальной автономии. В противном случае, по мнению Кокочкина, могло произойти «крушение русской революции и русской республики под ударами разгоревшихся национальных страстей». За национальностями, по мнению Нольде, следует признать право составлять единые национальные союзы для осуществления культурного управления (школы, церковь, признание и т. п.). Национальные союзы должны иметь «публично-правовой характер. Пределы их компетенции и отношение к государству определяются законодательным порядком».

Вместе с тем Кокочкин не отрицал в перспективе возможности введения территориальной автономии, «поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых условий». При этом имелась в виду автономия «не государственного, а провинциального типа со сравнительно узким кругом ведомства, относящимся к чисто местным делам». Местному же законодательству должны быть предоставлены вопросы «местной национально-культурной жизни, правила употребления различных языков в местных учреждениях, с соблюдением только основных принципов, которые будут установлены общего-

сударственным законодательством для охраны прав общегосударственного языка и языков национальных меньшинств»¹.

Кадеты считали вполне назревшим распространение самоуправления на всю территорию России. Губернским и областным земствам предоставлялись широкие права, включая издание местных законов в сфере хозяйственной, культурной и культурно-национальной жизни. Однако при этом местное законодательство не должно было противоречить общегосударственному. Общегосударственным органам власти предоставлялось право в случае необходимости применять вето по отношению к местному законодательству. Губернские и областные органы местного самоуправления могли вступать между собой «в срочные и бессрочные» соглашения для совместного осуществления общих задач и образовывать для этой цели «временные и постоянные союзы». Изменение территориальных границ губерний и областей, а также их разделение и слияние могло быть осуществлено «по инициативе и с согласия подлежащих местных представительств в соответствии с желаниями местного населения», но только в порядке общегосударственного законодательства. Что же касается урегулирования взаимоотношений России с Польшей и Финляндией, то эти вопросы, по мнению кадетов, должны быть решены Учредительным собранием.

Большое внимание в докладах и резолюциях партийных съездов конституционно-демократической партии было уделено проблемам языка. Кадеты особо подчеркивали, что русский язык должен сохранять статус не только общегосударственного, но и должен быть языком межнационального общения. В местных государственных и общественных учреждениях, содержащихся за счет государства или органов самоуправления, устанавливалось право употребления местных языков соответственно национальному составу населения. При этом должны быть в порядке общегосударственного законодательства обеспечены права русского языка и языков национальных меньшинств. Населению каждой местности предоставлялось право получения начального и по возможности среднего и высшего образования на родном языке.

На IX съезде в новую редакцию кадетской программы были включены два новых отдела: церковный и военный. Положив в основу решения церковного вопроса принцип свободы вероисповеданий, кадеты подчеркивали, что православие как религия значительного большинства населения должно занимать приоритетное положение «во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии, и в публичных богослужебных действиях». Православная церковь должна стать институтом публично-правового характера, которому государство должно оказывать покровительство в законе и материальную поддержку. Такими же институтами публично-правового характера признавались и другие вероисповедания².

Что касается военного отдела программы, то в нем подчеркивалось, что вооруженные силы России «составляют одну общую для всего государства организацию, подчиненную президенту Российской республики, верховному вождю армии и флота». Армия и флот должны комплектоваться на основе всеобщей

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. С. 563–564, 723.

² Там же. С. 724–725.

обязательной воинской повинности с применением «по возможности территориальной системы». Взаимоотношения воинских чинов основывались на началах законности и строгой воинской дисциплины в соответствии «с основными принципами правового демократического государства и опытом западноевропейских демократий». Отменялись всякого рода личные и корпоративные привилегии при прохождении службы. Чины гвардии и армии уравнивались в правах¹.

Определенной корректировке подвергся и аграрный раздел кадетской программы. На VIII съезде партии в докладе Н.Н. Черненкова были сформулированы исходные принципы разрешения аграрно-крестьянского вопроса. С одной стороны, Черненков самым решительным образом высказался против социализации, национализации и муниципализации земли, предлагаемых представителями различных социалистических направлений. С другой стороны, он настаивал на необходимости передачи «трудового землевладения» непосредственно в руки трудящихся. «Земли сельскохозяйственного пользования, – подчеркивал он, – должны принадлежать трудовому земледельческому населению». Признавая право на существование «всех исторически сложившихся и могущих возникнуть форм местного земельного устройства», Черненков подчеркивал, что непосредственным «распределителем земли в современном государстве может быть только само население, живущее и хозяйствующее на этой земле». По его мнению, «всякая передача сколько-нибудь широких функций распоряжения землями сельскохозяйственного пользования крупным организациям, построенным уже на началах представительства, будут ли то области, губернии и тем более государственные учреждения, представляет громадные опасности в условиях современного государства и в то же время не может и дать каких-либо реально полезных результатов»².

VIII съезд по докладу Н.Н. Черненкова принял специальную резолюцию по аграрному вопросу, в которой были несколько расширены источники пополнения общегосударственного земельного фонда для наделения крестьян. В него должны были войти земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, принадлежащие Крестьянскому и Дворянскому банкам, а также принудительно отчуждаемые земли, превышающие трудовую норму. По существу, как и в октябре 1905 г., речь шла о принудительном отчуждении подавляющего большинства помещичьих земель.

Принудительное отчуждение частновладельческих земель должно было производиться путем выкупа их государством. «В основу оценки земли полагается нормальная ее доходность с устранением из расчета тех повышающих доходность элементов, которые обуславливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях, превышающих известные устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка. Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом». Выкупная сумма должна выплачиваться владельцам земли выкупными свидетельствами, причем государство принимало на себя погашение «всей выкупной суммы и известной доли про-

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. С. 725–726.

² Там же. С. 529–530.

центов по этим свидетельствам». Остальная часть подлежащих ежегодно уплате процентов включалась в особый налог с земель, отводимых в пользование населению¹.

Большое внимание кадеты уделили и общеэкономической части программы. Ее суть сводилась к требованию более активного вмешательства государства в экономическую жизнь страны, «регулирование главнейших отраслей хозяйства». Прежде всего речь шла о тех отраслях народного хозяйства, которые обеспечивали «жизнестойкость» экономики (предприятия оборонного комплекса, добывающих отраслей промышленности, металлургии, производство предметов первой необходимости). В программе отмечалось, что в случае необходимости правительство могло пойти на введение государственной монополии.

Государственное регулирование распространялось не только на производство, но и предусматривало вмешательство в борьбу между трудом и капиталом. Так, в регулируемых отраслях промышленности не допускалась «их остановка на почве конфликтов труда и капитала», которые должны были подлежать обязательному «примирительному разбирательству» правительственных органов. В случае недостижения соглашения в примирительных учреждениях по вопросу о заработной плате правительство могло само определять «нормы оплаты по профессиям и местностям». Кроме того, правительство посредством изменения шкалы налогового обложения регулировало прибыль предпринимателей, стремясь, однако, при этом «не убить у промышленников интереса к делу». Государственное регулирование должно было распространиться на сферу учета и распределения рабочей силы.

Как видим, в послефевральский период руководство партии народной свободы, учитывая новую реальность, внесло в свою программу ряд существенных корректив, направленных на политическую и социальную стабилизацию, на привлечение на свою сторону широких демократических масс. По сути, новая редакция кадетской программы 1917 г. представляла собой максимум возможных уступок, на которые готовы были пойти идеологи и политики российского либерализма в целях сохранения и упрочения своего влияния в общественном мнении и массовом сознании.

Определенные коррективы кадеты вынуждены были внести и в свою тактику. Прежде всего речь о необходимости более четко наметить границы, отделяющие «партию народной свободы», с одной стороны, от политического курса Временного правительства, а с другой – от тактической линии социалистических партий. Учитывая коалиционный состав Временного правительства, кадетские лидеры были не склонны оказывать ему безусловную поддержку. «Мы не можем отождествлять себя с Временным правительством как таковым», – заявил М.М. Винавер на VII съезде кадетской партии. Он выступил против того, чтобы кадеты объявили себя правительственной партией, перечеркнув тем самым свое историческое право на роль самостоятельного политического фактора. «Являясь в центре течений, которые обуревают русское общество, мы в состоянии, проводя нашу линию, – сказал Винавер, – расширить фронт защиты нового порядка, содействовать ему в такой мере, что мы можем явиться партией национальной

¹ Там же. С. 529–532, 664–667.

защиты завоеванной свободы»¹. Тактика «неслияния» партии с правительством позволяла кадетам сохранять в глазах общественного мнения самостоятельное и независимое положение в системе политических и партийных сил в стране.

До определенного момента кадеты занимали амбивалентную позицию и в отношении леворадикальных партий. Левые партии, по их мнению, должны быть кровно заинтересованы в сохранении и дальнейшем развитии достижений победившей общенациональной революции, что и могло стать базой соглашения их с кадетской партией. Новая политическая реальность, созданная революцией, предоставила либералам и социалистам уникальный шанс для совместного участия в правовом и демократическом преобразовании России. Однако реализации этой объективной тенденции, по мнению кадетов, мешают «течения максимализма и большевизма», которым, к сожалению, в должной мере не противодействует ни Временное правительство, ни лидеры умеренных социалистических партий. Более того, начиная с апреля 1917 г. максималистские и анархические тенденции в социалистической среде стали набирать силу, усиливая политическую и социальную деструкцию и хаос. Практически оказалась неэффективной идея кадетов ввести лидеров умеренных социалистических партий в состав Временного правительства. Расчет кадетов на то, что им удастся «повязать умеренных социалистов властью», использовать их в качестве барьера против максимализма и большевизма, оказался тактическим просчетом. На IX съезде партии, состоявшемся 23–28 июля 1917 г., П.Н. Милуков вынужден был признать, что «нам уже не только грозит катастрофа», но мы «находимся в ее водовороте. Уже всходят пышными всходами семена злого посева циммервальдизма и утопического социализма»². Разворот партии народной свободы вправо в июле 1917 г. оказался запоздалым.

2.2.2. Методы воздействия на массовое сознание и поиски компромисса с социалистами

Наряду с принятием новой редакции программы и тактики существенные изменения в послефевральский период претерпела и организационная структура партии народной свободы. Во-первых, был значительно обновлен и численно увеличен состав Центрального комитета партии. В него вошли наиболее авторитетные и активные функционеры думских фракций, региональных и студенческих организаций. В марте–апреле 1917 г. в стране уже действовало более 380 местных кадетских комитетов. Кадетское руководство, отказавшись от своего традиционного лозунга «армия вне политики», приступило к созданию разветвленной сети своих организаций в армии и на флоте, сделав при этом ставку на демократизированный в годы войны офицерский корпус. Общая численность партии народной свободы перевалила за 100 тыс. чел.

Как это всегда бывает при смене власти, в популярную и близкую к Временному правительству партию хлынули бывшие члены «Союза 17 октября», Партии прогрессистов и даже отдельные представители консервативных монархических ор-

¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. С. 483.

² Там же. С. 687.

ганизаций. Одновременно ряды кадетов наводнили, в буквальном смысле слова, выходцы из городских маргинальных слоев. Возникла парадоксальная ситуация: произошло не ожидаемое кадетским руководством упрочение партии народной свободы, а наоборот, она стала еще более рыхлой и аморфной. Обратив внимание на феномен «мартовских кадетов», П.Н. Милюков подчеркивал, что пополнение партии «право настроенными» элементами, придало «тактике партии несвойственный ей характер»¹.

В послефевральский период значительных масштабов достигла агитационно-пропагандистская деятельность кадетов. На заседаниях ЦК 29 марта 1917 г. была избрана под председательством М.М. Винавера литературно-издательская комиссия, в которую вошли А.В. Тыркова, А.С. Изгоев, П.В. Герасимов, В.И. Вернадский, Н.А. Бородин, М.И. Ростовцев. Комиссия должна была организовать подготовку и издание научно-популярной и агитационно-пропагандистской литературы. С этой целью за 800 тыс. руб. была приобретена типография. За март–апрель 1917 г. ЦК выпустил более 2 млн экземпляров плакатов и листовок. Только за три месяца литературная комиссия опубликовала около 20 научно-популярных и агитационно-пропагандистских брошюр, знакомящих массового читателя с историей партии, ее программой и тактикой. К маю 1917 г. в стране издавалось около 20 партийных газет. С 11 мая 1917 г. возобновился выпуск еженедельника «Вестник партии народной свободы».

В марте 1917 г. при ЦК была создана агитационная комиссия (куда вошли князь В.А. Оболенский, князь Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, Н.Н. Глебов, М.А. Красносельская, З.Г. Френкель, Е.И. Кедрин), которая должна была наладить распространение в крестьянской среде партийной литературы, организовать чтение лекций, проведение популярных бесед. В Петрограде кадеты организовали специальные курсы по общественно-политическим вопросам. Аналогичные курсы были открыты в Москве, Казани и Тифлисе. В столичных и губернских городах были созданы профессиональные организации интеллигенции (в Петрограде литературно-художественный кружок имени А.И. Герцена, Лига русской культуры), женские, молодежные, студенческие объединения, клубы, библиотеки, культурно-просветительные общества. В июне 1917 г. при Военной комиссии ЦК был организован Петроградский военный комитет во главе с В.Н. Пепеляевым. Комитет в июне открыл специальный военный клуб для солдат и матросов и всех военнослужащих. Такие же комитеты и клубы были открыты и в ряде других городов, где были дислоцированы воинские части.

Кадетской пропагандой и агитацией были охвачены практически все социальные слои населения: рабочие и крестьяне, интеллигенция и служащие, студенчество и военные. Кадетские агитаторы выезжали на фронт, встречались с ранеными в лазаретах, участвовали в острых дискуссиях на митингах с представителями других политических партий, устраивали концерты и театральные представления. Кадетские зеленые знамена развевались над партийными клубами, мелькали среди демонстрантов. Кадеты буквально «наводнили» всю политическую авансцену, и многим казалось, что партия народной свободы уже полностью и окончательно заняла лидирующие позиции среди политических и партийных сил России.

¹ См.: Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 2. С. 127–128.

На самом деле ситуация для кадетов складывалась не столь однозначно. Отечественными исследователями обстоятельно раскрыта роль кадетского руководства в деле формирования не только первого, но и последующих коалиционных составов Временного правительства, а также формирования центрального и местного административного аппарата. Так, уже 5 марта ЦК кадетов принял постановление об избрании специальной комиссии от ЦК, думской фракции и членов Государственного совета (М.М. Винавер, В.А. Маклаков, М.С. Аджемов и Д.Д. Grimm) «для постоянных сношений с министрами, принадлежащими к партии Народной свободы»¹. Через институт комиссаров кадеты пытались контролировать деятельность центральных правительственных учреждений, губернских, областных и уездных органов. Они участвовали в создании Комитетов общественной безопасности (в Москве, Киеве, Твери, Ростове-на-Дону, Одессе, Екатеринбурге), которые выступили в качестве противовеса многочисленным общественным демократическим учреждениям, возникшим явочным порядком². Кадеты играли важную идейно-политическую и экспертную роль в деле формирования и деятельности Юридического совещания, в Особом совещании для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание³.

Однако кадетам не удалось переломить нарастание деструктивных процессов, выразившихся в «многовластии» в центре и регионах, эскалации противостояния между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, активизации националистических партий и организаций, расширению и радикализации требований рабочих, крестьян, средних городских слоев, представителей разных национальностей и религиозных конфессий. Кадетская политика «балансирования» не приносила ожидаемых результатов, более того, в глазах масс делала ответственными за промедление в исполнении радикальных требований этих масс, обусловленных невзгодами войны, разрухой и анархией. Логическим результатом подобного рода деструктивных явлений стал апрельский правительственный кризис, приведший к первым кровавым столкновениям на улицах Петрограда между сторонниками и противниками Временного правительства.

Имея за своими плечами богатый опыт революции 1905–1907 гг., кадетские политики инстинктивно ощущали грозящую им угрозу со стороны леворадикального крыла социалистических партий. Не случайно в кадетской печати уже с апреля 1917 г. рефреном проходила мысль о вполне реальной опасности для дальнейших судеб страны со стороны «бланкизма и анархизма». Настойчиво внедряя в массовое сознание идею об окончании политической революции со свержением монархии, кадетские идеологи самым категорическим образом выступали против пропагандируемой большевиками идеи о вступлении революции в новую соци-

¹ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 355.

² См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 96, 114–119; *Николаев А.Б.* Административные реформы 1917 года // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 361–412.

³ См.: *Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история зарождения и гибели. М., 1997; *Он же.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

альную фазу. Особую тревогу у кадетов вызывала ленинская идея «перерастания» демократической революции в революцию социалистическую. Так, газета «Речь» 6 апреля 1917 г. писала: «Практическая программа г. Ленина вскрывает всю опасность, грозящую демократии и новому строю от этой войны, которая проникает во все группы, и поэтому-то социалистические партии, которые не на словах, а на деле стремятся закрепить столь нужную всем свободу, должны дать отпор не только т. Ленину, но и тем настроениям и идеям, которые вождь большевизма доводит до своего логического абсурда».

Оценивая апрельскую демонстрацию как грозный симптом, ЦК кадетской партии 20 апреля 1917 г. опубликовал воззвание, в котором призвал «всех, кому дорога Россия, к твердой решительной поддержке Временного правительства». Вместе с тем кадеты вынуждены были признать, что «после двух месяцев изнурительной работы правительству приходится констатировать, что страна находится в большой опасности и что опасность эта не уменьшается, а, напротив, растет»¹. Считая большевиков-ленинцев главными виновниками апрельских «кровавых бесчинств», кадеты настаивали на необходимости проявления Временным правительством «твердой власти» и «твердой воли» по отношению к тем, кто пытается нанести удар по идее общенациональной революции и способствует разжиганию классово-борьбы. Причем нарастание этой опасности Милоков напрямую связывал «с приездом эмигрантов ленинского типа, приглашавших страну и армию под знамя анархо-коммунизма и гражданской войны»².

Однако вопреки противодействию Милокова и его сторонников (Ф.Ф. Кошкин, Ф.И. Родичев, кн. Павел Д. Долгоруков, А.А. Мануйлов и А.И. Шингарев), настаивавших на «разрыве» с революцией и на подготовке сил к борьбе с ней, ЦК кадетов 2 мая 1917 г. большинством голосов принял решение о вхождении представителей своей партии в правительственную коалицию с социалистами.

Лидеру партии П.Н. Милокову пришлось смириться с решением ЦК. Однако в ходе выработки условий вхождения кадетов в коалицию, ему удалось придать им более жесткий характер. В качестве условий альянса были выдвинуты следующие требования: законодательная и исполнительная власть должна принадлежать только Временному правительству, которое не будет «предвосхищать волю Учредительного собрания». Совет рабочих и солдатских депутатов не должен издавать «никаких распоряжений, имеющих характер правительственных актов или отменяющих либо изменяющих акты Временного правительства». Внешняя политика должна основываться на единении с союзниками. Правительство должно противодействовать всем попыткам дезорганизации армии и посягательствам на порядок внутри страны, не останавливаясь «перед применением мер принуждения, вплоть до употребления силы против неправомερных и насильственных актов»³. Однако условия кадетского ЦК, по словам Милокова, были приняты «в очень урезанном и смягченном виде»⁴.

¹ Речь. 1917. 27 апреля (10 мая).

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 496–497.

³ Там же. С. 500.

⁴ Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 96.

В состав первого коалиционного кабинета вошли четыре члена ЦК кадетской партии: А.И. Шингарев (министр финансов), Н.В. Некрасов (министр путей сообщения), А.А. Мануйлов (министр народного просвещения) и князь Д.И. Шаховской (министр государственного призрения). Политический курс ЦК, направленный на консолидацию «государственно мыслящих сил», получил одобрение VIII съезда кадетской партии. В принятой съездом по докладу Милокова резолюции подчеркивалось: «Являясь хранительницей государственного начала, без укрепления которого добытой народом свободой грозит неминуемая гибель, – убежденная, что ее участие в правительстве явится наиболее важным средством предохранить страну от контрреволюции, – ожидая, что вступление в состав правительства более левых групп, ответственных отныне за направление государственной жизни, придаст власти силу и устойчивость и устранил пагубный элемент двоевластия как на фронте, так и в стране... партия народной свободы будет оказывать полную поддержку новому Временному правительству во всех его начинаниях, направленных на осуществление указанных целей»¹. Характерно, что в своем докладе Милоков, настаивавший на применении новым составом Временного правительства «твердой власти», подчеркнул, что в своих действиях ему «не следовало бы останавливаться перед применением силы в тех случаях, когда сюда являются люди, заведомо находящиеся на службе у Германии»².

Кадеты-министры перестали играть прежнюю ведущую роль в коалиционном Временном правительстве. По сути, партия народной свободы вступила в принципиально новый фазис своего пребывания в высшем эшелоне правительственной власти. Учитывая быстро меняющуюся политическую обстановку в стране (особенно после провала наступления на фронте 18 июня 1917 г.), кадетское руководство все больше внимание стало уделять вопросам мобилизации тех политических сил, которые были кровно заинтересованы в предотвращении сползания России к анархии, хаосу и в конечном счете к национальной катастрофе. Кадеты стали более интенсивно выполнять интегрирующую роль в объединении элементов из монархической торгово-промышленной среды, определенной части офицерского корпуса (например, Союза офицеров армии и флота, возглавляемого полковником Л.Н. Новосельцевым).

Однако, несмотря на значительные агитационно-пропагандистские усилия, кадетам не удалось установить контроль над развитием политической ситуации в стране. Итоги муниципальных выборов, состоявшихся в мае–июне 1917 г., убедительно показали, что кадеты потерпели поражение в Петрограде, Москве и многих других губернских городах. На муниципальных выборах Петрограде в мае–июне 1917 г. партия народной свободы получила 29,9 % голосов, в Москве – 16,8 %³. Анализируя результаты выборов в городские думы в целом по стране, Милоков пришел к неутешительному для кадетов выводу: «Выборы в городские Думы

¹ Милоков П.Н. История второй русской революции. С. 651.

² Там же. С. 509–510.

³ См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 169–170; Розенберг У. Конституционно-демократическая партия (кадеты) // Критический словарь русской революции. С. 216.

оказались почти повсюду, с политической точки зрения, плачевными»¹. С политического поля кадетов интенсивно вытесняли представители социалистической демократии, имевшие в данный период приоритетное влияние как в Советах рабочих и солдатских депутатов, так и в других массовых организациях. Усилившийся натиск леворадикального крыла социалистической демократии способствовал нарастанию консервативных тенденций в кадетском партийном руководстве, которое в лице своего лидера Милюкова еще в начале июня 1917 г. начало вести переговоры с адмиралом А.В. Колчаком о возможности установления в стране военной диктатуры².

Противоречия между кадетами и социалистами еще более обострились после того, как Временное правительство, проигнорировав позицию кадетов-министров, подписало с Украинской Радой соглашение о предоставлении Украине независимости. 2 июля ЦК кадетов отозвал из состава правительства своих представителей – А.И. Шингарева, князя Д.И. Шаховского, А.А. Мануйлова. На этот раз правительственный кризис «наложился» на беспрецедентные по своим масштабам и формам события 4–5 июля в Петрограде, которые окончательно переполнили чашу терпения кадетского руководства.

7 июля 1917 г. ЦК кадетов опубликовал «Воззвание», в котором в жесткой, по сути, ультимативной форме заявил: «Партия народной свободы требует, чтобы немедленным арестом Ленина и его сообщников свобода и безопасность России были ограждены от новых посягательств. Партия требует, чтобы завоевания революции были поставлены под охрану надежных сил и чтобы население столицы не подвергалось более опасности со стороны тех, кому вверена его охрана. Она требует, чтобы гражданские свободы и самая жизнь граждан не зависели от кучки преступников, прикрывающихся революционными лозунгами; чтобы была обеспечена правильная деятельность государственного суда, – которая не может быть ни заменяема, ни останавливаема какими бы то ни было расследованиями партийных или иных организаций. Партия народной свободы вновь настаивает на необходимости единой и твердой власти, способной мирно довести страну до Учредительного собрания, и она заявляет, что только такая власть, руководимая такими целями, может вернуть себе всенародную поддержку, без которой всему делу русской революции грозит окончательная гибель»³.

Учитывая, что после июльских событий 1917 г. произошло поправление умеренного крыла социалистов, осудивших большевистскую авантюру, кадетское руководство решило вступить в переговоры с А.Ф. Керенским о создании новой правительственной коалиции. В этих переговорах, вяло тянувшихся с 14 по 22 июля, приняли участие члены ЦК кадетов Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков и П.И. Новгородцев. Керенский, встревоженный вооруженной «вылазкой» большевиков в июльские дни, вынужден был принять кадетские условия вхождения в коалиционное правительство: 1) независимость власти от партийных,

¹ Вестник партии народной свободы. Пг., 1917. № 17/18. С. 11.

² См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 171.

³ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920. Т. 3. М., 1998. С. 382.

профессиональных и иных организаций; 2) непредрешение воли Учредительного собрания мероприятиями правительства; 3) срочная реформа в армии; 4) война и мир в согласии с союзниками. Только после этого ЦК кадетов дал добро на участие во втором коалиционном кабинете С.Ф. Ольденбурга (министр народного просвещения), П.П. Юренева (министр путей сообщения), Ф.Ф. Кокوشкина (государственный контролер) и А.В. Карташова (обер-прокурор Синода).

IX съезд партии народной свободы, состоявшийся в Петрограде 23–29 июля 1917 г., одобрил участие вышеназванных членов ЦК в правительственной коалиции. Обосновывая данное решение, Милоков в докладе о тактике обратил внимание на следующие моменты. Во-первых, если политические события будут продолжать развиваться в том же русле, то России неминуемо грозит национальная катастрофа. Во-вторых, политическим силам следует в конце концов дать ответ на кардинальный вопрос: либо настаивать на продолжении революции и тем самым приближать национальную катастрофу, либо же им следует признать революцию завершённой и немедленно приступить к возрождению России. В-третьих, развитие политического процесса поставило страну перед выбором: «или Советы, или Россия». По мнению Милокова, Керенский осознал суть сложившейся в стране ситуации, выдвинув приемлемую для кадетов формулу – «спасение родины и республики». «Эта последняя формула, – подчеркнул Милоков, – есть наша формула, и мы входим в правительство»¹.

Оказав очередную поддержку коалиционному Временному правительству, правое крыло кадетского руководства вместе с тем не отказалось от идеи военной диктатуры. Милоков вступил в переговоры с генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым. Однако не все члены ЦК кадетов соглашались на такую крайнюю меру, ибо прекрасно осознавали, что она может привести к двоякому результату: либо военная диктатура, подавив «циммервальдистские и анархо-максималистские» тенденции, позволит стабилизировать ситуацию в стране и осуществить объективно назревшие социальные преобразования, либо же она приведет к откату от февральско-мартовских «завоеваний революции» и усилению реставрационных тенденций.

Наличие среди кадетского руководства различных точек зрения на военную диктатуру проявилось в ходе заседания ЦК 11–12 августа 1917 г. В.Д. Набоков, А.В. Тыркова, П.И. Новгородцев, А.И. Шингарев безоговорочно высказались за установление военной диктатуры. Обосновывая свою позицию, Тыркова заявила: «Гипноз социалистических слов не прошел. Даже правительство большевиков не лишает их голосов. Страна ничего не понимает. Со всеобщим избирательным правом мы влезает в болото. Как создать власть, поссорившись с социалистами. Им еще нужен голод и удар немецкого кулака к этому». По мнению Новгородцева, «война на фронте уже началась, и воевать с врагом нельзя, не уничтожив Совет рабочих депутатов... Надо покончить с большевистской революцией... Страна хочет власти и порядка». Высказывая надежду, что «военная диктатура не должна пойти по пути реставрации», Шингарев заявил: «Нам не удалось охранить страну от раз-

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 687–692.

рушения путем коалиции. Теперь надо удержать обратное течение... Мы не будем объявлять войны с социалистами... Без применения военной силы не получится».

Другие участники заседания (А.А. Добровольский, князь В.А. Оболенский) более реалистически оценивали политическую ситуацию, сложившуюся после июльских событий, и считали, что ресурс совместного участия кадетов с социалистами в правительственной коалиции еще не исчерпан. Поэтому с введением военной диктатуры следует повременить. Так, Добровольский отмечал, что «нет реального источника силы ни у буржуазии, ни среди военных. Реальная сила – в Совете рабочих депутатов. Надо вместе с социалистическими кругами выйти из затруднения». По словам Оболенского, однородное буржуазное правительство не способно вывести страну из кризиса, более того, оно может «облегчить переход к царю». Отсюда им делался вывод, что надо «поддерживать в коалиционном правительстве наши течения»¹.

После Государственного совещания (12–15 августа, Москва), в котором активное участие приняли многие кадетские лидеры, процесс нарастания консервативных тенденций в партии народной свободы усилился. Характерно, что в выступлениях правых кадетов типа В.А. Маклакова появились критические нотки в адрес февральско-мартовской революции. Если в речи на частном совещании членов Государственной думы 3 июня 1917 г. Маклаков подчеркивал, что революция «лежит в основе нашего общего бытия, в основе нашего порядка, в основе нашей власти, от революции мы не уйдем и не уходим»², то в выступлении на Государственном совещании 14 августа 1917 г. он уже изменил акценты, заявив: «Россия, господа, за революцию себя не продаст! Для России нужно – спасать ее, а не революцию»³.

Итоги московского Государственного совещания окончательно и бесповоротно убедили кадетское руководство, во-первых, в неспособности Керенского предотвратить стремительно надвигающуюся национальную катастрофу, во-вторых, в невозможности «дуумвирата» Керенский – Корнилов, в-третьих, в неэффективности второй правительственной коалиции. Именно этими обстоятельствами можно объяснить то единодушие, которое царило 20 августа 1917 г. на заседании кадетского ЦК. Большинство его участников высказалось за установление военной диктатуры. «Как это ни тяжело, – заявила Тыркова, – но диктатору нам придется дать еще больше, чем Керенскому. Другого выхода нет, – только через кровь». Обосновывая необходимость введения военной диктатуры, Милюков подчеркивал: «Выбор момента не от к.-д. зависит; если столь многое могло от них зависеть, к.-д. вышли бы из создавшегося положения не путем хирургической операции. Будут ли поводом голодные бунты или выступления большевиков, но жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции. Процесс этот совершается без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы призываем его и сочувствуем ему в известной мере...

¹ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920. Т. 3. С. 384–386.

² Буржуазия и помещики в 1917 году: Частные совещания членов Государственной Думы. Сб. документов. М.; Л. 1932. С. 115.

³ Государственное совещание. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 117.

Собственно, и для партии выгоднее, чтобы жизнь нынешнего правительства продлилась дольше, чтобы неизбежные репрессии были предприняты по инициативе и решению самого социалистического правительства. Новым важным фактом является сейчас сведение на нет прежнего значения Советов солдатских и рабочих депутатов. Раз они бросились к большевизму, тем самым они предрешили свою судьбу»¹.

Выражая свое согласие на военную диктатуру и, помимо того, активно содействуя этому процессу, кадетское руководство осознавало, что по мере обострения политической ситуации в стране положение партии народной свободы становится все более сложным. Кадеты были «на коне» в условиях «равновесия» общественно-политических сил, в экстремальной же ситуации их позиция оказалась неопределенной, зависимой от перевеса той или иной борющейся стороны.

После провала корниловской авантюры положение партии народной свободы значительно ухудшилось. За кадетами, помимо прозвища «буржуи», закрепилась и другая кличка – «корниловцы». В очередной раз сказалась крайняя неустойчивость социальной базы партии народной свободы, проявившаяся в переходе колеблющихся элементов городской демократии на сторону, победившую Корнилова, т. е. леворадикальных социалистических элементов. Одновременно обострились их отношения и с умеренным крылом социалистических партий, а также с самим Керенским, которого они довольно резко критиковали за отсутствие «твердой воли», за его постоянные уступки леворадикальным требованиям. Рассчитывая сохранить свое влияние на определенные круги социалистической демократии, кадеты приняли активное участие в работе Всероссийского Демократического совещания, состоявшегося 14–22 сентября 1917 г.² В состав Временного совета республики (Предпарламента), избранного на совещании, вошли 55 представителей партии народной свободы. В работе Совета старейшин приняли участие П.Н. Милоков, М.М. Винавер, Ф.И. Родичев и В.Д. Набоков.

Оговаривая с социалистами условия своего вхождения в Предпарламент, кадеты настаивали на выполнении собственной программы, основные пункты которой сводились: 1) к увеличению боеспособности; 2) к борьбе с анархией и водворению порядка; 3) к скорейшему созыву Учредительного собрания; 4) к созданию блока с умеренными социалистическими элементами для поддержки коалиции и Временного правительства. Считая, что Предпарламент «все-таки давал правительству некоторую опору морального характера», кадеты вместе с тем делали существенную оговорку: «Мы признаем его приемлемость при условии лишь сощещательного характера»³.

Через три дня после окончания Демократического совещания, 25 сентября 1917 г., ЦК кадетов санкционировал участие своих представителей – А.И. Коновалова (заместитель министра-председателя, министр торговли и промышлен-

¹ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии Т. 3. С. 399–401.

² См.: Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.). История форума. М., 2000.

³ Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии Т. 3. С. 408.

ности), Н.М. Кишкина (министр государственного призрения), А.В. Карташова (обер-прокурор Синода), С.А. Смирнова (государственный контролер) – в третьем коалиционном кабинете на следующих условиях: установление сильной власти, независимой от органов «революционной демократии», отказ от радикальной программы в социально-экономических вопросах, восстановление дисциплины в армии.

X съезд партии народной свободы (14–16 октября) большинством голосов одобрил участие своих представителей как в Предпарламенте, так и в третьем коалиционном кабинете. В резолюции, предложенной Милуковым, подчеркивалось: «Съезд полагает, что ближайшей задачей партии в совете должно быть стремление к образованию в нем руководящего центра государственной мысли, объединяющего здоровые политические элементы, дающего Временному правительству возможность опереться на них при осуществлении неотложных жизненных задач, на нем лежащих, и направляющего правительство по пути неуклонного осуществления этих задач»¹.

2.2.3. Противостояние большевистской диктатуре

Сразу же после большевистского переворота, в ночь на 26 октября, члены ЦК графиня С.В. Панина, В.Д. Набоков, князь В.А. Оболенский вошли в состав «Комитета спасения родины и революции», начавшего борьбу против советской власти. На заседании ЦК 27 октября 1917 г. было принято воззвание ко всем гражданам «не признавать власти насильников, не подчиняться их распоряжениям. Законная и преемственная власть, созданная Революцией, должна быть восстановлена. Мы приветствуем все учреждения и организации, объединяющиеся в борьбе против большевистского захвата, и призываем всех членов партии всеми силами содействовать этой борьбе. Мы взываем к вам: спасите Родину и Свободу»². Кадеты содействовали организации саботажа чиновников. Они играли ведущую роль в московской подпольной организации «девятка», созданной в ноябре 1917 г. с целью сплочения антибольшевистских сил и для сбора средств в пользу формирующейся Белой армии, также она направляла на Дон добровольцев.

Партия кадетов не исключала и легальных форм борьбы за власть. В ноябре 1917 г. она провела энергичную предвыборную кампанию в Учредительное собрание. В целом за партию народной свободы отдали голоса лишь 4,5 % избирателей. Однако в 13 губернских городах кадеты вышли на первое место, в 32 городах, включая Москву и Петроград, – на второе после большевиков³.

Борьба кадетов против большевизма вызывала со стороны советской власти жестокие ответные меры. 26 октября 1917 г. были закрыты кадетские газеты «Речь» и «Современное слово», редакции и типографии были заняты матросами и красноармейцами. 28 ноября 1917 г. декретом СНК кадеты были объявлены партией «врагов народа», члены ее руководящих учреждений подлежали аресту

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 738.

² Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 409.

³ Ростовская речь. 1918. 16 января.

и преданию суду революционных трибуналов. В тот же день были арестованы четыре видных деятеля партии, избранных в Учредительное собрание, двое из которых А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин в ночь на 6 января 1918 г. были убиты в Мариинской тюремной больнице ворвавшимися туда красногвардейцами и матросами.

По сути, после большевистского переворота начался качественно новый период в истории партии народной свободы. В Петрограде кадеты перешли на нелегальное положение. Были закрыты Центральный клуб и районные отделения кадетской партии. В Москве положение партии было иным: Московское отделение ЦК продолжало проводить партийные заседания, функционировали районные и городские комитеты, работали комиссии. Продолжало свою деятельность издательство «Народная свобода», выходила газета «Русские ведомости», печатались брошюры.

13–15 января 1918 г. в Ростове-на-Дону состоялась Южнорусская партийная конференция. В ее работе приняли участие кадетские организации Дона и Северного Кавказа, Симферополя, Харькова. Группу кадетов, приехавших на Дон из Петрограда и Москвы, возглавил П.Н. Милоков. Резолюции конференции призывали к вооруженной борьбе против большевиков и усилению организации Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей¹. 24 и 28 января 1918 г. на заседании МО ЦК были приняты «Тезисы» по докладу князя Д.И. Шаховского, в которых говорилось о необходимости 1) «немедленно начать действенную борьбу с большевиками»; 2) «найти другие общественные и массовые объединения, которые можно было бы использовать для достижения своих целей»; 3) создания «мощной и связанной с партией “физической силы”»; 4) «войти в постоянные и систематические сношения с державами-союзницами», а также «органами российской православной церкви»².

В организации антибольшевистского движения кадеты претендовали на роль консолидирующей силы, готовой к сотрудничеству с политическими и общественными деятелями, стоящими как левее, так и правее их. При этом руководство кадетов предпочитало ориентироваться не на традиционные партийные группировки, а на вновь формирующиеся общественные объединения. Представители партии народной свободы участвовали в работе практически всех организаций, поставивших целью борьбу с большевиками. Весной 1918 г. на основе расширившейся «девятки» (за счет привлечения Всероссийского союза земельных собственников и ряда монархических групп) образовался Правый центр. В нем активно действовали кадеты Н.И. Астров, В.А. Степанов, М.М. Федоров, Н.Н. Щепкин, А.В. Каргашев, С.А. Котляревский, князь Е.Н. Трубецкой.

Кадеты предприняли ряд попыток сблизиться и с социалистическими партиями, но потерпели неудачу. Тогда было решено наладить сотрудничество с представителями этих партий на «персональной» основе путем создания Союза возрождения России (Левого центра), который объединял кадетов, народных со-

¹ См.: *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. С. 164.

² Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 414.

циалистов, правых эсеров, а также отдельных меньшевиков и кооператоров. В Левый центр вошли члены ЦК кадетов Н.М. Кишкин и князь Д.И. Шаховской. Некоторые кадеты входили одновременно и в Правый, и Левый центры (члены ЦК Н.И. Астров, В.А. Степанов, Н.Н. Щепкин), надеясь личными контактами содействовать сплочению антибольшевистских сил. Когда стал очевидным провал первых вооруженных выступлений против большевиков на Дону и Урале, кадеты начали серьезно рассматривать вопрос об иностранной интервенции (не исключая ее германский вариант) для свержения большевиков. Дискуссия в кадетском ЦК о выборе внешнеполитической ориентации свидетельствовала о серьезном кризисе партии народной свободы.

После общепартийной конференции (13–15 мая 1918 г., Москва) начался процесс организационного распада единой кадетской партии на отдельные региональные группировки, принимающие в районах дислокации Белого движения самостоятельные решения. На территориях, контролируемых большевиками, члены кадетской партии подвергались жестким репрессиям. В Москве был закрыт партийный клуб, арестован ряд членов ЦК и городского комитета. Партия окончательно перешла на нелегальное положение, перестав выполнять прежние функции объединяющего либерального центра в масштабах страны¹.

Как видим, революция 1917 г. коренным образом изменила судьбы общероссийских либеральных партий. Либерально-консервативные и центристские партии вынуждены были максимально свернуть свою деятельность еще до большевистского переворота, так и не сумев «вписаться» в новую политическую реальность. Более приспособленной к ней казалась кадетская партия, игравшая одну из ведущих ролей в раскладе политических сил и пытавшаяся изменить вектор исторического развития России в либерально-демократическом русле. Однако в условиях острейшего мировоззренческого и идейно-политического противостояния кадетам не удалось блокировать развитие событий по максималистскому и экстремистскому сценарию. Либерализм и его партии на многие десятилетия исчезли с российской исторической сцены.

Глава 3. НЕОНАРОДНИЧЕСКИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

(Н.Д. Ерофеев)

3.1. Социалисты-революционеры

Парадоксально, но партию социалистов-революционеров (ПСР), готовившую свержение самодержавного режима более 15 лет, февральские события 1917 г. застали врасплох. Однако захваченные вихрем революционных событий эсеры сразу же активно вмешались в них, оказав влияние на дальнейшее развитие событий в стране. Не только в столице, но и ряде провинциальных центров эсеры вместе с другими леворадикальными партиями свергали старый режим и почти

¹ См.: *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 619–635.

повсеместно участвовали в организации новых представительных и исполнительных властных структур. В Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов вошли Александрович, Н.С. Русанов, В.М. Зензинов и А.Ф. Керенский. Эсеры возглавили Комитет общественного порядка в Новониколаевске и Комитет общественной безопасности в Красноярске. Эсер В.И. Чижевский стал председателем Уфимского Совета рабочих депутатов. Под руководством ПСР оказались Совет рабочих и солдатских депутатов и Комитет общественных организаций в Иркутске. Особенно влиятельными были эсеры среди крестьян и солдат. Они преобладали в солдатских Советах в Москве, Нижнем Новгороде, Царицыне и ряде других.

Февральская революция коренным образом изменила общественное положение партии эсеров. Из находившейся в глубоком подполье, преследуемой и малочисленной организации ПСР превратилась в самую большую по численности и самую популярную в народе партию. Организационное возрождение ПСР происходило быстрыми темпами. 2 марта 1917 г. состоялась первая Петроградская конференция эсеров, которая избрала городской комитет. До созыва общепартийного съезда комитет был наделен функциями ЦК. В свою очередь московские эсеры 3 марта 1917 г. провели свою партийную конференцию, на которой заявили, что до создания правомочных общепартийных органов они берут на себя инициативу партийного объединения и подготовку съезда партии. Такая же несогласованность действий имела место на периферии, где наблюдался стремительный рост местных эсеровских организаций разных уровней (губернских, областных, городских, уездных, сельских), увеличение их численности. Характерно, что возрождение местных партийных организаций быстрее всего осуществлялось в местах их прежней дислокации периода 1905–1907 гг., что свидетельствовало о наличии глубинных традиций. Бывшие члены партии, вынужденные по тем или иным причинам покинуть ряды ПСР после поражения первой российской революции, возвращались в них.

ПСР активизировала пропаганду и агитацию в широких массах населения. Так, с 15 марта 1917 г. стала выходить ежедневная газета «Дело народа», тираж которой достигал иногда 300 тыс. экземпляров. Издавалось около сотни различных местных партийных периодических изданий. Огромными тиражами публиковалась популярная литература по вопросам государственного устройства, войны и мира, аграрному, рабочему, национальному и др. Прием в партию фактически был свободным, случалось, в нее вступали целыми фабриками, деревнями и полками. На август 1917 г., в период наибольшей популярности партии, в ней было 436 организаций (312 комитетов и 124 группы)¹. Ее численность составляла около миллиона человек. По этому показателю она превосходила всех своих тогдашних политических конкурентов.

Вместе с тем количественный рост ПСР обусловил и целый ряд негативных моментов, сублимированных в емком термине «мартовские эсеры». Хлынувшие в ряды популярной партии элементы (рабочие, крестьяне, солдаты, интелли-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. / сост., автор предисл., введения и коммент. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 1: Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 705.

генция, служащие, учащиеся и т. п.), в подавляющем большинстве имели весьма слабые представления о теоретической эсеровской модели преобразования России. Прежде всего их привлекало название партии, созвучное времени, ее радикальные программные требования и яркие демократические лозунги, ее героическое прошлое. Были среди них и те, кто руководствовался корыстными побуждениями, рассчитывая извлечь для себя выгоду из членства в самой влиятельной правительственной партии. Ярким выразителем интересов и настроений «мартовских» эсеров был А.Ф. Керенский. Партия эсеров, и в дореволюционное время не отличавшаяся идейным и тактическим единством и организационной монолитностью, с «мартовским» пополнением стала еще более неустойчивой и еще менее способной проводить в жизнь провозглашенную ею политическую линию.

Организационное оформление партии эсеров было завершено на ее III съезде, состоявшемся 25 мая – 4 июня 1917 г. На съезде был избран ЦК и выработана официальная позиция партии по вопросам об отношении к Временному правительству, войне и миру, земельному, рабочему, национальному и др. Решения съезда оказались временным компромиссом между различными течениями в партии. Официальный курс партии в конечном счете определялся центристами, возглавляемыми идеологом партии В.М. Черновым. Гибкий, владеющий искусством лавирования и умеющий в разных ситуациях находить равнодействующую между противостоявшими точками зрения, он нередко и сам колебался, но в пределах правого и левого централизма. А такие влиятельные члены ЦК, как А.Р. Гоц, председатель эсеровской фракции в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и товарищ председателя ВЦИК, и Н.Д. Авксентьев, председатель ВЦИК Советов крестьянских депутатов и Совета Республики (Предпарламента), министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, были правыми центристами. Лидерами правого крыла партии были А.А. Аргунов, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский и Б.В. Савинков. Их позиция выражалась газетой «Воля народа». Левое крыло партии возглавлялось М.А. Натансоном, Б.Д. Камковым, М.А. Спиридоновой и др. Их печатными органами были газеты «Земля и воля» и «Знамя труда».

Среди эсеров не было разногласий по вопросу о социализме как конечной цели партии. Различия касались главным образом пути и темпов движения к этой цели, характера движущих сил и перспектив революции, роли партии в ней. Правые эсеры считали, что вопрос о социалистическом переустройстве России еще не стоит на повестке дня, т. к. для него не созрели еще материальные и духовные предпосылки. Задачу революции они видели прежде всего в демократизации политического и экономического общественного строя. Партия и трудящиеся, по их мнению, должны были бороться не против капитализма вообще, а лишь против наиболее хищнических, паразитических его сторон. В связи с этим логичной в их концепции была ориентация на союз с прогрессивными элементами буржуазии и их политическими представителями – кадетами, идея правительственной коалиции с ними. Необходимость коалиции обосновывалась не только концептуальными соображениями, но и практическими потребностями текущего момента. Коалиция рассматривалась как условие и средство противостояния реакции справа, преодоления экономической разрухи, достижения успехов на фронте и мирного доведения страны до Учредительного собрания.

Концепция левых эсеров была иной. Они не отводили значительного места материальной подготовке социалистической революции. Для них решающим был субъективный фактор, инициатива революционного меньшинства, решительный настрой сторонников революции. Спасение России они видели в ее прорыве к социализму вопреки экономическим законам, через мировую революцию.

Политика эсеровского центра основывалась на концепции «народно-трудовой революции», которая мыслилась как революция переходного типа, в целом сохранявшая капитализм, но вместе с тем создававшая предпосылки и даже зародыши социализма, прежде всего реализацией идеи социализации земли.

По главному вопросу революции – о власти – разногласия в эсеровской среде выявились сразу же, как только он был поставлен на повестку дня. Прежде всего это касалось отношения к Временному правительству и Советам. Свое отношение к Временному правительству эсеры определили не сразу. Так, в дни революции в Петрограде, левый эсер П.А. Александрович вместе с меньшевиками-«межрайонцами» призвал рабочих и солдат не оказывать доверия Временному правительству и брать власть в свои руки. В то же время В.М. Зензинов, единственный из членов ЦК, бывший тогда в Петрограде и возглавлявший местный партийный комитет, одобрил вступление А.Ф. Керенского во Временное правительство. В поддержку Керенского и Временного правительства высказалась и 1-я Петроградская эсеровская конференция, состоявшаяся 2 марта¹. Но уже через месяц 2-я конференция эсеров решила отрицательно вопрос о вхождении социалистов во Временное правительство, посчитав более целесообразным ограничиться на первых порах давлением на него извне².

Однако две недели спустя произошел новый зигзаг. Причиной его стал первый кризис Временного правительства, вызванный негативной реакцией сил демократии на ноту министра иностранных дел П.Н. Милюкова к союзникам с заверением, что правительство останется верным союзническим обязательствам и будет продолжать войну. Эсеровское руководство посчитало, что, для того чтобы выправить курс Временного правительства, социалистам необходимо вступить в состав коалиции³. За поддержку коалиционного правительства высказался и III съезд партии. Коалиция оправдывалась тем, что силы демократии уже выросли настолько, что способны давить на правительство и контролировать его не только извне, но и изнутри. Съезд категорически высказался против любых попыток захвата власти в центре и на местах, назвав их авантюристическими. По мнению съезда, политика коалиции позволит партии решить две важные задачи: во-первых, укрепить демократию и подготовить себе победу в Учредительном собрании; во-вторых, ускорить ликвидацию войны и тем самым поспособствовать разрешению международных задач русской революции⁴.

Эсеры принимали участие в трех составах Временного коалиционного правительства: в первом А.Ф. Керенский, военный и морской министр; В.М. Чернов –

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. / сост., автор предисл., введения и коммент. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 1: Февраль–октябрь 1917 г. С. 26, 27.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 600–601.

министр земледелия; во втором А.Ф. Керенский, министр-председатель, военный и морской министр, Н.Д. Авксентьев – министр внутренних дел, В.М. Чернов – министр земледелия; в третьем А.Ф. Керенский на тех же постах, что и во втором правительстве, и С.Л. Маслов – министр земледелия.

Что касается Советов, то эсеры оценивали их роль двойственно. С одной стороны, они не были их противниками, а с другой – не считали их органами власти. Для них реальной властью являлись только Временное правительство и местные органы самоуправления: городские думы, волостные, уездные и губернские земства, избранные демократическим путем. По представлениям эсеров, двоевластия в стране не было. Предназначение Советов они видели в организации масс, осуществлении над ними идейно-политического руководства, контроле над Временным правительством и «подталкивании» его дальше по пути демократических преобразований. Характерно, что Советы вообще не включались эсерами в систему власти демократической республики, которую санкционировало бы Учредительное собрание. Одним из аргументов эсеров в их непризнании Советов как органов власти являлся их митинговый характер, неприспособленность к повседневной будничной работе. Такая оценка Советов лежала в основе неприятия эсерами большевистского лозунга «Вся власть Советам!».

Одним из главных факторов, определявших развитие революции в 1917 г. и влиявших на политику партий, в т. ч. и эсеров, являлась продолжавшаяся война. Эсеры понимали связь между тем или иным исходом войны и судьбой революции. По их мнению, если революция не покончит с войной, то война покончит с революцией. Эсеровское отношение к войне отражалось в их лозунге: «Демократический мир всему миру». Новая Россия рассматривалась в качестве форпоста и цитадели той «третьей силы», которая должна была положить конец войне. Из этих посылок вытекали и основные направления деятельности партии на внешнеполитической арене – борьба с империализмом воюющих государств. При этом подчеркивалась мысль, что русская демократия не желает никаких территориальных захватов. От Временного правительства требовалось пересмотреть тайные договоры, заключенные царским правительством с союзными державами. В свою очередь, народы воюющих стран призывались к давлению на свои правительства, чтобы заставить их отказаться от захватнических стремлений, взять дело мира в свои руки. К ближайшей задаче партии относилось и содействие скорейшему воссозданию II Интернационала и созыву Международного социалистического конгресса, который должен был способствовать восстановлению международной солидарности трудящихся, выработке условий мира и мер для их осуществления. Эсеры самым категорическим образом отвергали не только сепаратный мир, но и любые формы перемирия. Подчеркивалось, что пока война продолжается, необходимо сохранять «стратегическое единство фронта с союзниками» и укреплять армию для того, чтобы она могла выполнять активные операции «во имя осуществления задач русской революции и ее международной политики». Пропаганда в армии отказа от наступательных действий и неповиновения распоряжениям Временного правительства считалась недопустимой.

В сфере социально-экономических отношений главным для ПСР являлось решение аграрного вопроса. III партийный съезд, с одной стороны, подтвердил верность партии идее социализации земли, с другой – заявил, что окончательное решение земельного вопроса должно быть предоставлено воле Учредительного

собрания.¹ Для эсеров важно было не только передать землю крестьянам, но при этом создать такие условия, которые бы, с одной стороны, окончательно избавили их «от капиталистического ада», а с другой – создали в перспективе условия «для осуществления социалистического рая».

Осуществить это благородное, но утопическое желание предполагалось нейтрализацией собственнических устремлений крестьян авторитетом закона о социализации земли, предполагавшим отмену частной собственности на землю, превращение земли в общенародное достояние, передачу ее в уравнительное пользование тем, кто ее обрабатывает своим трудом. Министерство земледелия, находившееся под влиянием эсеров, интенсивно готовило детальный план аграрной реформы. Над ним работали более двух десятков комиссий и подкомиссий министерства. Была проведена специальная сельскохозяйственная перепись. Закон об аграрной реформе должен был быть принят Учредительным собранием, в котором эсеры надеялись получить большинство. Однако Временное правительство отодвигало срок созыв Учредительного собрания, а идти на разрыв с этим правительством эсеровское руководство не решалось. Не выполнило оно и постановление III съезда партии о передаче земли в распоряжение местным земельным комитетам. В данном случае (помимо его доктринерства и боязни подорвать коалицию) сказывалась еще одна причина – беспокойство за то, что солдаты, узнав о том, что в тылу делят землю, стихийно начнут покидать фронт, вследствие чего будет поставлено под сомнение решение вопроса о мире².

В такой ситуации некоторые местные земельные комитеты, даже руководимые эсерами, под влиянием нараставшего недовольства крестьян начинали решать земельный вопрос самочинно. Эсеровское руководство такие действия не поощряло. В то же время оно понимало, что ограничиваться только призывами ждать Учредительного собрания нельзя, надо принимать какие-то меры хотя бы паллиативного характера. Особенно активно действовал в этом направлении В.М. Чернов, бывший министром земледелия в двух составах Временного правительства. По его инициативе были отменены законы, касающиеся столыпинской аграрной реформы, принят закон о прекращении сделок по продаже и покупке земли, заготовке кормов и уборке урожая. Но его предложения, так или иначе затрагивавшие интересы землевладельцев, встречали, по словам Чернова, «ожесточенную оппозицию и вне, и внутри коалиционного правительства». Отвергнуты были его законопроекты о передаче всех земель в ведение земельных комитетов и расширении полномочий этих комитетов³.

Таким образом, двойственная политика эсеровского руководства в земельном вопросе в условиях резко обозначившихся социальных противоречий оказывалась малосостоятельной в практическом отношении. Она прежде всего не устраивала крестьян, видевших смысл революции в неотложном решении земельного вопроса, а также способствовала обострению отношений внутри самой партии

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1925 гг. В 3 т. / сост., автор предисл., введения и коммент. Н.Д. Ерофеев. Т. 3. Ч. 1: Февраль–октябрь 1917 г. С. 602

² Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания, 1905–1920. М., 2007. С. 180, 182.

³ Там же. С. 226–233.

между ее умеренными верхами, с одной стороны, и низами, настроенными под влиянием роста крестьянского недовольства более радикально, с другой. В то же время эта политика, проводившаяся ради сохранения коалиции, не укрепляла, а ослабляла партию эсеров, а также усиливала критику ее большевиками, наиболее сильными политическими конкурентами эсеров.

Столь же непоследовательной, опять же из-за стремления сохранить коалицию, была политика эсеровского руководства в рабочем вопросе. В этом вопросе эсеры солидаризировались с меньшевиками. Ими была разработана совместная широкая программа перестройки производственных отношений в сфере промышленности. Она предусматривала свободу стачек, 8-час. рабочий день, установление минимальной заработной платы, участие представителей демократии в контроле и регулировании производства и ряд других мер. Однако эта программа встретила упорное сопротивление других министров. Оказавшись перед дилеммой, разорвать ли коалицию с защитниками интересов торговли и промышленности или ради сохранения коалиции отказаться от своей программы, социалисты, по выражению В.М. Чернова, «дрогнули и уступили». Они согласились на публикацию вместо декларации правительства о необходимости коренного изменения экономической жизни страны и внедрения государственного контроля и регулирования обращения министра труда к рабочим с призывами к самодисциплине, самоограничению и к другим манерам хорошего поведения, устраивавшим предпринимателей. Лишь два их проекта стали законами: «абсолютно» безвредный закон о трудовых биржах и закон о пособии по болезни, возлагавший половину затрат на работодателей и половину на рабочих. По признанию того же Чернова, для революционного времени «такой результат был ничтожным», способствовавшим росту авторитета большевиков в рабочей среде. Вовсе не случайно фабрично-заводские комитеты, выражавшие интересы и настроения рабочих, «состояли почти исключительно из большевиков». Факт этот имел зловещее предзнаменование для сторонников коалиционной политики и сыграл значительную роль в нарастании кризиса в ПСР¹.

Недееспособность политики коалиции как инструмента для решения назревших социальных преобразований становилась все более очевидной, тем не менее большинство эсеровского руководства альтернативы такой политике не усматривало. Оно считало, что разрыв с либералами приведет к поражению демократии, откроет дорогу торжеству большевиков или правой военной диктатуры. На VII Совете партии, состоявшемся в начале августа 1917 г., было отвергнуто (как авантюристическое) предложение М.А. Спиридоновой установить в стране единовластие партии эсеров². Сторонники коалиции горячо поддерживали Государственное и Демократическое совещания, имевшие целью расширить и укрепить социальную базу коалиции, удержать в мирном русле развитие событий в стране до созыва Учредительного собрания. Однако осуществить эти благие намерения эсерам становилось все труднее.

По мере дестабилизации политической обстановки в стране обострялись разногласия и в самой партии. Старания ЦК сохранить хотя бы видимость единства

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 610–611; Чернов В.М. Великая русская революция. С. 206–209, 219–220.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 720–722.

партии ради победы на выборах в Учредительное собрание желаемых результатов не давали. Чернов, свидетельствуя о глубине расхождений в партии, отмечал, что уже задолго до формального раскола существовала «не одна партия, а, по меньшей мере, три партии. И фактически существовало три центральных комитета»¹. Характерно, что в первые месяцы после Февраля, когда инерция революции была значительной, а в самой партии преобладали левоцентристские настроения, стремление обособиться больше проявляли правые эсеры. Когда же радикальные преобразования в стране утратили свой темп, а партия стала все больше увязать в коалиционной политике «толчения воды в ступе», к организационной консолидации своих сторонников все активнее приступали левые эсеры.

Под влиянием военного мятежа генерала Л.Г. Корнилова и нараставшего в стране революционного движения кризис в партии эсеров еще более усилился. ЦК партии несколько сдвинулся влево, высказав несогласие с решением Керенского сконцентрировать власть в руках неподотчетной никому узкой по составу «Директории» и приняв резолюцию Чернова, отвергавшую любой союз с кадетами. Но такая позиция ЦК вызвала недовольство правых членов партии. Они образовали «Организационный совет Петроградской группы с.-р.», который призывал своих сторонников на местах консолидироваться и готовиться, быть может, к отдельному съезду. Более того, вопреки постановлению VII Совета партии о единстве выступления партии на выборах в Учредительное собрание, правые эсеры решили выставить в ряде губерний свои собственные списки кандидатов в депутаты².

В такой ситуации ЦК делает очередной разворот. На своих заседаниях, состоявшихся накануне Демократического совещания (14–22 сентября), ЦК подтверждает желательность расширенной коалиции с цензовой демократией при условии, что она будет подотчетна высшему органу, избранному Демократическим совещанием. Всем членам ЦК предписывалось активно проводить общую линию и единогласно голосовать на Совещании. Не согласным с решением ЦК предоставлялось право воздерживаться, но «без объяснения причин». Однако левые эсеры не вняли предписанию. Более того, они вышли из общепартийной фракции, а в Совете республики (Предпарламенте), избранном Совещанием, образовали свою особую фракцию³. Оказавшись на Совещании «рассыпанной храминой», партия эсеров, хотя и имела самое большое представительство, не смогла оказать существенного влияния на решения этого общероссийского демократического форума.

Усиливался разброд и в ЦК. Такие его влиятельные члены, как Н.Д. Авксентьев и А.Р. Гоц, стоявшие ранее на правоцентристской позиции, теперь особенно настойчиво выступали за коалицию с левыми кадетами и открыто перешли на позицию правых эсеров. В.М. Чернов, считая, что политика коалиции себя исчерпала и далее невозможна, т. к. ее продолжение чревато окончательной дискредитацией партии в массах, сдвинулся на левоцентристскую позицию. Заседание

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917–1925 г. М., 2015. С. 76.

² Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 777–781.

³ Там же. С. 765.

ЦК, состоявшееся 24 сентября, незначительным большинством одобрило линию Авксентьева – Гоца¹.

В этот критический момент для партии эсеров особенно проявилась слабость Чернова как политического лидера. Он занимал особое место в партии эсеров, фактически ему принадлежит заслуга в разработке идеологии и программы партии. Но он был главным образом литератором, а не политиком и организатором. Он обладал удивительными способностями вести полемику, выработать компромиссные резолюции, примиряющие на время разные точки зрения, но у него отсутствовали необходимые для политика твердость, решительность, настойчивость и напористость в отстаивании своей позиции. Мягкий и уступчивый по характеру, он чаще всего предпочитал тактику умывания рук. Не добившись от Временного правительства принятия его аграрных законопроектов, он оставил пост министра земледелия. Оказавшись в ЦК партии по вопросу о коалиции лишь в незначительном меньшинстве, он ради сохранения видимости партийного единства не стал добиваться пересмотра принятого решения, а предоставил правому большинству без помех проводить свою соглашательскую линию.

Любопытна оценка Черновым ситуации в партии и самого себя в этот период. В своих воспоминаниях он писал: «В 1917 г. верхи партии были столь далеки от низов, что человек с характером Ленина мог бы многого достичь, ставя ультиматумы руководству партии, подкрепляя эти ультиматумы призывом к рядовым членам», но он (Чернов) действовал менее твердо и решительно, чем требовалось для принятия его точки зрения, и тем самым «принес в жертву фетишу недостижимого партийного единства активную защиту той самой программы, которую партия формально одобрила по его инициативе»². Не желая подвергать открытой критике коалиционную линию большинства ЦК своей партии на предстоящем II съезде Советов и с целью выяснить настроения масс на местах, Чернов уехал из Петрограда. Можно предполагать, что причиной этого отъезда была и надежда на то, что большевики не решатся на захват власти.

Вместе с тем следует отметить, что позиция эсеровской верхушки в период правительственного кризиса накануне большевистского вооруженного восстания была противоречивой. Перед лицом нараставшей большевистской угрозы даже наиболее ревностные приверженцы коалиции с кадетами проявляли некоторую уступчивость. По свидетельству Чернова, когда после корниловского мятежа вопрос о продолжении политики коалиции чрезвычайно обострился, ЦК казалось, что выход может быть найден в создании однородного «правительства трудящихся». Был составлен примерный список кандидатов на министерские посты: меньшевик И.Г. Церетели – премьер-министр и министр иностранных дел, А.Ф. Керенский – министр юстиции, а в случае его отказа эсер М.Я. Гендельман, эсер Е.М. Тимофеев или эсдек М.Н. Богданов – министр внутренних дел, В.А. Ржевский (бывший прогрессист, председатель финансовой комиссии Государственной думы, присоединившийся к эсерам в 1917 г.) – министр финансов, большевик Л.Б. Красин – министр торговли и промышленности, социал-демократ П.Н. Колокольников – министр труда, П.А. Вихляев, помощник

¹ Чернов В.М. Великая русская революция. С. 377.

² Там же. С. 378.

Чернова, известный агроном – министр земледелия, профессора К.А. Тимирязев или В.М. Бехтерев – министр народного просвещения, генерал А.И. Верховский – военный министр, адмирал Д.Н. Вердеревский – морской министр¹.

Н.Д. Авксентьев, председатель Предпарламента, был одним из инициаторов принятой им 24 октября резолюции, в которой осуждалось вооруженное восстание как средство решения вопроса о власти. От Временного правительства требовалось немедленно принять меры, чтобы вырвать из рук большевиков самое сильное оружие их влияния на массы – декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов, предложить союзникам вместе провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Вечером того же дня Авксентьев, Гоц и Ф.И. Дан безуспешно пытались убедить в необходимости этих мер А.Ф. Керенского². Неуступчивость Керенского объясняется, видимо, тем, что меры эти были не только антибольшевистскими, но и колебали основы коалиционной политики, сторонником которой Керенский оставался до конца своего пребывания у власти.

К большевистскому выступлению эсеровское руководство отнеслось с негодованием. 25 октября ЦК выпустил воззвание «Ко всей революционной демократии России», в котором «самым решительным образом» осуждалась «безумная» попытка большевиков захватить власть вооруженной силой за день до открытия II Всероссийского съезда Советов и за месяц до Учредительного собрания. Одновременно подчеркивалось, что законной может быть лишь власть, организованная Демократическим совещанием, что эсеры не войдут в советское правительство, которое будет создано большевиками, и будут стремиться к созданию такого политического центра, который сосредоточит все революционные силы для борьбы с большевиками и возможными попытками контрреволюции. До создания такого центра революционная демократия призывалась «соблюдать возможное спокойствие, воздерживаться от отдельных вооруженных выступлений»³.

Эсеровское руководство считало, что большевики недолго удержатся у власти, скоро выявится неосуществимость их обещаний и они потерпят крах. Чтобы его ускорить, предлагалась следующая тактика: 1) изоляция большевиков от масс; 2) вооруженные выступления против них; 3) создание однородного социалистического правительства без большевиков, которое объединило и возглавило бы силы демократии в борьбе с ними и довело бы страну до Учредительного собрания. Однако по всем этим направлениям эсеры потерпели неудачу.

Безуспешными оказались и попытки эсеров организовать активные антибольшевистские действия. Не удалось шествие членов Петроградской городской думы во главе с ее председателем эсером Г.И. Шрейдером в Зимний дворец, осажденный большевиками, с целью поддержки Временного правительства. Не проявил себя чем-то значительным и Всероссийский комитет спасения родины и революции, организованный при энергичном участии членов ЦК эсеров А.Р. Гоца и Н.Д. Авксентьева. Не нашло отклика в стране и телеграфное обращение Комитета общественной безопасности, созданного при Московской городской думе, возглавляемой эсером В.В. Рудневым. Комитет, претендующий на роль всероссий-

¹ Там же. С. 382

² Там же. С. 383

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 30–31.

ского центра борьбы с большевиками, призвал городские думы и земства противостоять большевикам и незамедлительно избрать делегации, которые должны были по первому призыву съехаться в Москву для организации поддержки Учредительному собранию и формирования нового Временного правительства.

Однако надежды эсеров на изоляцию большевиков оказались иллюзорными. Подтверждением тому служат многие факты, самый значительный из которых касается изменения в соотношении представительства эсеров и большевиков на первых двух съездах Советов рабочих и солдатских депутатов. Если из 777 делегатов I съезда Советов, состоявшегося в июне 1917 г., эсеров и им сочувствующих было 305 (39 %), а большевиков – 105 (13,5 %)¹, то из 739 партийных делегатов, присутствовавших на открытии II съезда Советов 25 октября, большевиков было 338 (45,7 %), эсеров – 211 (28,5 %), из них 127 левых эсеров (17,2 % от общего числа партийных делегатов и 60,2 % от эсеровской фракции) и 84 (11,3 % от общего числа и 39,8 % от эсеровской фракции) правых².

На II съезде Советов устами М.Я. Гендельмана, члена ЦК эсеров и Президиума ВЦИК, правые эсеры обвинили большевиков в заговоре, осудили их методы решения споров силой оружия, назвали захват ими власти преступлением перед родиной и революцией, началом Гражданской войны, срывом Учредительного собрания, предложили создать правительство без большевиков и, объявив съезд неправомочным из-за недостаточного представительства фронта и многих Советов, призвали делегатов покинуть его. Вместе с правыми эсерами оставили съезд правые меньшевики, бундовцы и члены фронтовой группы, разделявшие взгляды умеренных социалистов.

С целью освобождения массового сознания от чар большевистских обещаний ЦК эсеров 26 октября 1917 г. опубликовал избирательную платформу партии на предстоящих выборах в Учредительное собрание. У умеренных социалистов были определенные основания говорить о неправомочности II съезда Советов решать вопрос о власти из-за недостаточности его всероссийского представительства. На съезде присутствовали делегаты от 402 Советов. Однако это внушительное представительство само по себе было лишь представительством в основном городских рабочих и частично солдат. Многомиллионную крестьянскую массу на съезде не представляли даже левые эсеры, преобладавшие среди эсеровских делегатов съезда и поддержавшие большевиков. С формально-юридической точки зрения больше оснований решать вопрос о власти имели Демократическое совещание и Предпарламент, т. к. эти органы были более представительными в социальном и политическом отношениях, чем II Съезд рабочих и солдатских депутатов.

Решение вопроса о власти на период до Учредительного собрания через Демократическое совещание являлось одним из этапов реализации демократической альтернативы насильственному развитию революции. Возможность убедиться в том, насколько реалистична была эта альтернатива, история не предоставила. Однако уместно задаться вопросом, почему такой вариант развития революции упорно отстаивался умеренными социалистами? Вероятно, надо иметь в виду не

¹ Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. Приложения с информацией о съездах и конференциях. С. 375 (подсчет в процентах произведен автором).

² Там же. С. 390.

только их доктрину революции, но и прагматический фактор – численное превосходство на Совещании, где эсеров было чуть менее половины (48 %)¹. Данная статистика имеет значение и для понимания таких фактов, как уход большевиков из Предпарламента и предложение умеренных социалистов, внесенное в Предпарламент вечером 24 октября, образовать демократическое правительство без большевиков.

На II же съезде Советов численное соотношение между умеренными социалистами и большевиками вместе с поддержавшими их левыми эсерами было уже не в пользу первых. Умеренных социалистов было 173 (84 правых эсеров + 69 меньшевиков + 20 объединенных социал-демократов), или 23,4 % из 739 делегатов, назвавших свою партийность. В то время как большевиков (338 чел., или 45,7 %) вместе с поддерживавшими их левыми эсерами (127 чел., или 17,2 %) было 465, или 63 %.² Однако дело было не только в количественном превосходстве большевиков над своими политическими соперниками, но и в их сплоченности и настойчивости во время решения вопроса о формировании правительства. Этими свойствами умеренные социалисты не обладали. Так, численно преобладая в Предпарламенте, они так и не решились вопроса о власти. В свою очередь, большевики на II съезде Советов решили этот вопрос без промедления, хотя их союзники, левые эсеры, и воздержались от вхождения в правительство.

Умеренных социалистов не оказалось не только в советском правительстве, но и в ЦИК Советов, и виноваты в том были не большевики, выступавшие за взятие власти Советами с представительством всех социалистических партий, а сами умеренные социалисты, покинувшие съезд. Надо подчеркнуть и то, что в данном случае умеренные социалисты поступили даже не в соответствии с теми наказами, которые имели делегаты съезда. Большинство делегатов (505) были сторонниками взятия всей власти Советами и формирования советского правительства, отражавшего партийный состав съезда. Не ограничившись уходом со II Всероссийского съезда Советов, эсеровское руководство приняло также решение отозвать членов своей партии из всех политических организаций, в которых преобладали большевики: Военно-революционного комитета, ВЦИК, а также Петроградского и других большевистских Советов рабочих и солдатских депутатов. Такая тактика бойкота была явной политической ошибкой. Она сужала поле борьбы эсеров за массы, отдавала большевикам монополию влияния в бойкотируемых ими организациях, сводила на нет зыбкую возможность образования единого революционного демократического фронта.

Усугубляло ситуацию и активное участие эсеров в попытках силовым путем свергнуть большевистскую власть. Эти попытки имели место в конце октября – начале ноября одновременно в столицах и на фронтах. А.Ф. Керенский организовал поход на Петроград казачьего корпуса генерала П.Н. Краснова, а в самой столице Комитет спасения родины и революции вовлек в мятеж юнкеров. Начали вооруженную борьбу московские эсеры. Приблизительно в то же время В.М. Чернов и А.Р. Гоц пытались поднять против большевиков войска Западного фронта, а Н.Д. Авксентьев – Юго-Западного. Однако все эти попытки успеха не имели.

¹ Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. Приложения с информацией о съездах и конференциях.

² Там же. С. 383.

Потерпел неудачу и план изолировать или нейтрализовать большевиков путем создания однородного социалистического правительства без них или с их незначительным меньшинством. Последний вариант, предлагавшийся Исполнительным комитетом Всероссийского железнодорожного союза (Викжель), казалось, мог бы осуществиться, т. к. нашел поддержку среди некоторых членов большевистского руководства. Однако против него были, с одной стороны, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, а с другой – Гоц и Авксентьев, которому Керенский передал свои полномочия по формированию нового коалиционного Временного правительства. В качестве важного аргумента для обоснования своей политики сторонники коалиции стали использовать теперь прежде всего необходимость объединения всех демократических и либеральных сил для борьбы с большевистской диктатурой.

Среди причин поражения эсеров на первом этапе борьбы против большевиков существенную роль сыграло и то, что партия в критический момент большевистского восстания не смогла выступить единым фронтом. Более того, отделившиеся от нее левые эсеры, составлявшие большинство в Петроградской и ряде местных организаций, поддержали большевиков. Подобная позиция левых эсеров шокировала эсеровское руководство и вместе с тем побудила его принять против них репрессивные меры: была распущена Петроградская партийная организация, исключены из партии те ее члены, которые участвовали в большевистском перевороте, не ушли со II съезда Советов, стали работать в большевистских органах власти. Однако эти меры не способствовали усилению влияния партии, а наоборот, ослабляли его. В частности, исключенные из партии левые эсеры вместе с большевиками способствовали тому, что ПСР лишилась преобладания в Исполкоме Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Характерно, что Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов высказался за левоэсеровскую резолюцию о переизбрании Исполкома, слиянии его с ВЦИК, избранным II Съездом советов, санкционировал вхождение одного из лидеров левых эсеров А.Л. Колегаева в советское правительство в качестве наркома земледелия.

Главные надежды эсеровскому руководству оставалось возлагать теперь только на Учредительное собрание. Пытаясь разобраться в причинах кризисного состояния партии в октябрьские дни 1917 г., IV съезд ПСР (26 ноября – 5 декабря 1917 г., Петроград) подверг резкой критике ЦК партии за то, что тот не контролировал в должной мере членов партии, занимавших ответственные посты в государственных структурах и общественных организациях и проводивших политику, не санкционированную партией, не отвечающую ее программе и тактике. В данном случае имелись в виду прежде всего Керенский и Авксентьев. При этом одни критики считали, что идейный и организационный разброд в партии был связан с тем, что ЦК в своих директивах тяготел к большевизму, другие – что он шел на поводу у меньшевиков. С целью найти равнодействующую между этими двумя позициями съезд осудил политику коалиции. Из партии были исключены эсеры-оборонцы, входившие в «Организационный совет Петроградской группы с.-р.».

Для проведения «твердой политики революционного социализма» съезд избрал более однородный состав ЦК. В него, в частности, не был избран Авксентьев, лидер сторонников коалиционной политики. Учитывая названные обстоятельства, видимо, недостаточно обоснованным является утвердившееся в историографии именование собственно эсеровской партии, из-за неприятия ею Октября и выделения из нее в самостоятельную партию левых эсеров, правой партией эсе-

ров. Во-первых, сами эсеры, остававшиеся в партии, не называли себя правыми; во-вторых, отпочковавшиеся от партии левые эсеры составляли ее незначительную часть и, в-третьих, такое именование партии несло прямую политическую нагрузку и активно использовалось политическими конкурентами эсеров. В то время понятие «правый» являлось жупелом, символом контрреволюционности, враждебности к советской власти и должно было негативно настроить массы по отношению к эсерам. Оправдываемое в какой-то мере накалом тогдашней политической борьбы это наименование в научном плане вызывает сомнение.

IV съезд эсеров состоялся уже после выборов в Учредительное собрание. Итоги выборов для эсеров были обусловлены целым рядом обстоятельств, среди которых значительную роль сыграла их политика во время избирательной кампании. Готовиться к Учредительному собранию эсеры стали сразу же после Февральской революции. Их представитель М.В. Вишняк принимал активное участие в работе Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание. На одном из первых же заседаний ЦК, происходившем после III съезда партии, была избрана специальная комиссия по Учредительному собранию под председательством В.М. Зензинова. В ее задачи входило инструктирование партийных организаций по всем вопросам избирательной кампании, руководство составлением списков кандидатов от партии, качественный подбор состава фракции партии в Собрании, а также снабжение местных партийных организаций необходимым для выборов агитационным материалом: листовками, брошюрами, плакатами и т. п. Комиссия приняла все зависящие от нее меры для того, чтобы в числе кандидатов в члены Учредительного собрания оказались руководители партии, ее талантливые ораторы и специалисты по государственному праву, земельному, рабочему, народнохозяйственным и другим вопросам.

По вопросу об отношениях на выборах с другими политическими организациями было решено, что партия будет выступать самостоятельно, не заключая соглашений. Исключение делалось для Советов крестьянских депутатов и некоторых национальных эсеровских организаций. В подавляющем большинстве избирательных округов эсеры участвовали в выборах в блоке с местными Советами крестьянских депутатов. В их совместных списках половина мест отводилась кандидатам от партии и половина – кандидатам от крестьянских Советов, но при обязательном условии, что эти кандидаты будут членами партии эсеров. В Харьковской и Херсонской губерниях эсеры блокировались с украинскими эсерами, а в некоторых губерниях и с Еврейской социалистической рабочей партией. С меньшевиками блок был заключен в одной лишь Олонецкой губернии. В Казанской, Пермской, Симбирской, Харьковской губерниях и Петрограде со своими особыми списками выступили правые эсеры, а в Воронежской и Енисейской губерниях и в округе Балтийского флота – левые эсеры. В ряде мест (Москва, Тверская, Курская губернии и др.) составление списков происходило в острой борьбе между правыми и левыми эсерами¹.

Итоги выборов в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 1917 г., для эсеров нельзя оценивать однозначно. По стране в целом они получили большинство (58 %) голосов. Однако это большинство было обеспечено за счет провин-

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 230–244.

ции, особенно сельскохозяйственных регионов, где за эсеров голосовало от 62 до 77 % избирателей. Более всего голосов эсеры собрали в Центрально-Черноземном (74,6 %), Северном (73,8 %) регионах и Среднем Поволжье. Успехи эсеров объясняются не только популярностью их программы, особенно ее земельной частью, но и тем, что политическая жизнь в провинции значительно отставала от жизни в столицах, крупных городах, промышленных центрах и на фронтах. В этих местах, где тогда наиболее бурно развивались события, итоги выборов для эсеров были малоутешительными. Так, в Петрограде за эсеров было подано лишь около 17 % голосов, а за их политических противников – большевиков и кадетов – 45 и 26 % соответственно; в Москве за эсеров проголосовало 8,5 %, большевиков – 50 %, кадетов – 36 %. По 20 избирательным округам Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов эсеры собрали 37 % голосов, большевики – 53 %. Из семи воинских округов за эсеров проголосовало большинство лишь в двух, наиболее удаленных от центра – Румынском и Кавказском фронтах. Всего 20 % голосов получили эсеры по тыловым гарнизонам, а в особо важных в политическом отношении гарнизонах Петроградского района и Московской области за большевиков высказалось 71 и 74 % избирателей соответственно.

Учредительное собрание было для эсеров альфой и омегой завершения революционного процесса, подведением его итогов. Победа на выборах воодушевляла их. Теперь перед эсерами встала нелегкая проблема сохранить Собрание, уберечь его от возможного покушения со стороны большевиков. Решить эту проблему было непросто, ибо зависело это не только от самих эсеров, но и от большевиков, позиция которых по отношению к Учредительному собранию не была однозначной. Незамедлительный созыв собрания был одним из лозунгов, облегчившим им приход к власти. Свое обещание большевики выполнили. Но результаты выборов не оправдали надежды большевиков. В связи с этим их отношение к Учредительному собранию изменилось.

До выборов они, как и другие политические партии, склонны были считать его окончательной инстанцией в определении формы и содержания российской государственности. Подтверждением тому является тот факт, что правительство, сформированное на II съезде Советов, именовалось как Временное революционное правительство с полномочиями до Учредительного собрания. Но необходимо иметь в виду, что это правительство было сформировано до того, как стали известны результаты выборов в Учредительное собрание. А результаты эти оказались таковыми, что ставили под сомнение надежды большевиков на то, что Учредительное собрание узаконит их политику и советскую государственность. С одной стороны, подобные сомнения, а с другой, обладание административным ресурсом и перевесом сил на решающих направлениях вне Учредительного собрания порождали в большевистском руководстве мысль о возможном роспуске этого общенационального форума. Теоретическим оправданием для него могло служить и такое рассуждение: вариант развития революции через Учредительное Собрание был присущ революциям буржуазным, но он не должен быть обязательным для социалистической революции. Решительное пресечение большевиками попытки эсеров самочинно открыть Учредительное собрание в указанный для этого законом срок 28 ноября 1917 г. показало, что судьба Собрания находится в руках большевиков, а не эсеров, выигравших выборы.

После неудачи с самочинным открытием Учредительного собрания эсеры поставили своей основной задачей организовать «все живые силы страны, во-

оруженные и не вооруженные», для защиты этого института. Местным партийным организациям предписывалось создавать боевые дружины и формировать «крестьянское ополчение». Активизировалась деятельность «Союза защиты Учредительного собрания», возглавляемого эсеровским военным работником В.Н. Филипповским. Однако и на этот раз не обошлось без разногласий. Большинство депутатов Учредительного собрания от эсеров и членов ЦК преувеличивали магическую силу Конституанты и считали, что сам народ возьмет его под свою защиту, что большевики «спасуют» и не решатся на него покуситься. Другие же эсеры, особенно депутаты с фронта, были настроены более решительно. Они заявляли, что в борьбе с большевиками допустимы все средства борьбы, включая террор. Прежде всего по их настоянию была реорганизована и поставлена в известную независимость от ЦК Центральная военная комиссия.

Эта комиссия занималась в основном работой в Петроградском гарнизоне, но особых успехов не добилась. Сколько-нибудь серьезную антибольшевистскую работу ей удалось наладить лишь в Преображенском и Семеновском полках и боевом дивизионе. Еще менее утешительными были попытки организовать рабочие дружины. Формально эсеровских дружинников насчитывалось около 2 тыс., но большинство из них существовали лишь на бумаге и ни на какие сборы не являлись. Начинание по созданию боевых дружин из фронтовых солдат и офицеров было приостановлено ЦК, усмотревшим в нем «слишком рискованную авантюру». Оппозицию в ЦК встретило и предложение террористической группы во главе с депутатом Учредительного собрания Ф.М. Онипко ликвидировать «всю большевистскую головку» и прежде всего В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Решено было не провоцировать большевиков своими экстремистскими выходками, а усилить агитацию и пропаганду в пользу Учредительного собрания.

Большевики же со своей стороны принимали все меры для того, чтобы не упустить из своих рук контроль над Учредительным собранием. Петроград был объявлен на осадном положении, создан Чрезвычайный военный штаб, мобилизованы все красногвардейцы, приведены в боевую готовность воинские части гарнизона, бывшие в большинстве своем на стороне большевиков, призван сводный отряд Балтийского флота, на промышленных предприятиях и в воинских частях проводились непрерывные митинги с призывами встать на защиту «революционных завоеваний».

Таким образом, ситуация в Петрограде перед открытием Учредительного собрания сложилась не в пользу эсеров. Учитывая это, их руководство вынуждено было согласиться с предложенным большевиками переносом даты открытия Собрания на 5 января 1918 г. На заседании ЦК ПСР 3 января было отвергнуто предложение Военной комиссии о вооруженном выступлении в день открытия Учредительного собрания. При этом утверждалось, что большевизм есть явление народное и надо предоставить самим народным массам возможность без братоубийственной войны изжить иллюзии в отношении его. Решено было ограничиться мирной демонстрацией в поддержку Собрания¹. Однако и эта демонстрация была разогнана большевиками с применением в некоторых случаях оружия.

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 274–285.

Лишь полностью обезопасив себя, большевики открыли двери Белого зала Таврического дворца для депутатов Учредительного собрания. К открытию Собрания не все депутаты успели прибыть в Петроград. Самой многочисленной была фракция эсеров – около 240 чел. Численность большевистской фракции составляла 110–120 чел. Левых эсеров было около 30–35 депутатов. Фракция эсеров под председательством В.В. Руднева, бывшего московского городского головы, начала свои заседания еще в конце ноября 1917 г. В ней было образовано около 15 комиссий, особым вниманием пользовалась «комиссия первого дня», занимавшаяся выработкой порядка первого заседания Учредительного собрания. За день до открытия Собрания фракция одобрила кандидатуру В.М. Чернова на пост председателя¹.

По сценарию эсеров открыть Учредительное собрание должен был его старейший депутат, член эсеровской фракции С.П. Швецов, но шум, поднятый большевиками и левыми эсерами, смутил старика, и этим не замедлил воспользоваться председатель ВЦИК большевик Я.М. Свердлов, заявивший, что ВЦИК поручил ему открыть Учредительное собрание. Зачитав «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», содержащую важнейшие декреты советской власти, и призвав ее одобрить, он предложил избрать председателя Собрания. Им стал В.М. Чернов, получивший больше голосов, чем М.А. Спиридонова, кандидатура большевиков и левых эсеров. Эсеровским большинством было отвергнуто и обсуждение «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа» и утверждена эсеровская повестка дня. Она включала в себя вопросы о мерах к скорейшему окончанию войны, проект основного закона о земле, государственном устройстве России, регулировании промышленности, борьбе с безработицей и продовольственной нуждой, охране Учредительного собрания, неприкосновенности его депутатов, обращение к народу и текущие дела. Против такой повестки выступили большевики. Обвинив эсеров в «буржуазности и контрреволюционности» и заявив о своем нежелании «ни минуты прикрывать преступления врагов народа», большевики покинули Учредительное собрание. Вслед за ними последовали и левые эсеры, недовольные прежде всего тем, что было отвергнуто их предложение одобрить пункт о мире в формулировке, содержащейся в декларации ВЦИК.

Уход большевиков и левых эсеров не прервал работу Учредительного собрания. С изложением позиции эсеров по вопросу об окончании войны выступил член ЦК Е.М. Тимофеев. Эсеры предлагали: а) вместе с союзными державами выработать условия демократического мира; б) продолжать перемирие и переговоры с неприятельскими странами, соблюдая интересы России и добиваясь всеобщего демократического мира; в) оказывать всемерное содействие созыву международной социалистической конференции по тем же вопросам; г) избрать из состава депутатов Учредительного собрания полномочную делегацию для ведения переговоров с союзными державами.

По второму вопросу повестки В.М. Чернов успел зачитать лишь десять пунктов эсеровского «Проекта Основного закона о земле», когда матрос А.Г. Железняков, начальник охраны Таврического дворца, потребовал от присутствующих покинуть зал заседания, т. к. «караул устал». Без прений были приняты оглашенные пункты

¹ Там же. С. 261–270.

проекта закона о земле и избрана комиссия, которая должна была в семидневный срок рассмотреть оставшиеся пункты проекта. Также без прений были одобрены резолюция о мире и предложение, провозглашавшее Россию «демократической федеративной республикой». Назначив следующее заседание на 5 час. дня, В.М. Чернов в 4 час. 40 мин. утра 6 января 1918 г. закрыл первое и оказавшееся единственным заседание Всероссийского Учредительного собрания.

Трагедия Учредительного собрания знаменовала торжество силы над демократией, была одной из предпосылок Гражданской войны. Ответственными за нее являются прежде всего большевики, ставившие «советскую демократию» выше «парламентской демократии», считавшие ее буржуазной. Но в немалой степени ответственны и тогдашние демократы, особенно эсеры. Затягивая с социальными реформами и вопросом о мире, они мостили дорогу большевикам, сумевшим привлечь на свою сторону народные массы не столько своими лозунгами (эсеровские лозунги были не менее привлекательны), сколько решительными мерами в социальной политике и деле прекращения войны. Именно этим можно объяснить спокойную реакцию народа на разгон Учредительного собрания. А тот факт, что оно так и не было реанимировано в последующей борьбе, дает основание предполагать, что русская революция в своем развитии переросла Собрание к моменту его однодневного существования. Эта истина была, видимо, понятна для кадетов, участвовавших в неудачном эксперименте с Учредительным собранием. Вопрос об Учредительном собрании ими больше уже не ставился. Позиция же эсеров в этом вопросе практически не изменилась.

Борьба за возобновление работы полномочного Учредительного собрания была провозглашена эсерами первоочередной задачей, а смысл всей их агитационной, пропагандистской и организационной работы сводился к подготовке масс к тому, чтобы они могли бы защитить Конституанту. Руководство ПСР призывало членов своей партии не впадать в отчаяние и не поддаваться эмоциям, не уходить в подполье и не прибегать к заговорщической тактике борьбы против «рабоче-крестьянского правительства», т. к. это было бы на руку большевикам, стремившимся лишить партию легальной арены борьбы, представить ее врагом народа. Подчеркивалось, что большевизм, в отличие от царизма, имеет опору в широких массах. Учитывая это обстоятельство, борьба с большевизмом должна носить преимущественно мирный идейно-политический характер.

Во исполнение этой политической линии в течение января–апреля 1918 г. ЦК эсеров издал 15 тезисов докладов для местных партийных организаций, разъясняющих те позиции, которые следовало отстаивать в борьбе с большевиками по важнейшим вопросам экономической, государственной и общественной жизни. Хотя Советы и не признавались органами государственной власти и органами местного самоуправления, однако отношение к ним предписывалось откорректировать. Рекомендовалось не только прекратить их бойкот, но и охранять их как классово-политические организации народных масс и как оплоты в борьбе с контрреволюцией справа. Ставилась также задача получить в них преобладание путем их перевыборов и отзывов большевистских депутатов. Курс на мирное отвоевание масс у большевиков проявлялся и в решениях принять участие в работе III Всероссийского съезда Советов, в съездах земельных комитетов, вернуться во Всероссийский Совет крестьянских депутатов, фабрично-заводские комитеты и

профсоюзы, отказаться от бойкота «социалистической армии», прекратить забастовку государственных учреждений¹.

Очередным зигзагом в политике эсеров по отношению к большевистской власти стал VIII Совет партии, состоявшийся в Москве 7–16 мая 1918 г. К этому времени общая обстановка в стране претерпела значительные изменения. Обострилась экономическая ситуация, а заключение «похабного» Брестского мира возмутило национальные чувства российских патриотов, усиливались реставрационные монархические настроения в частнособственнических кругах. Названные обстоятельства, как считал Совет, явились «тем сильным средством, которое излечило массы от большевистского угара», и в качестве главной задачи всей русской демократии поставили не социалистическое строительство, а ликвидацию большевистской власти, борьбу за восстановление независимости России и возрождение ее национально-государственного единства на основе решения социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией.

Инициативу в деле национально-государственного возрождения страны путем образования общенародного фронта должна была взять на себя трудовая демократия и создать «подлинно классовые организации трудящихся города и деревни» в виде постоянно функционирующих рабочих конференций или собраний уполномоченных фабрик и заводов. Эти организации должны были быть противопоставлены большевистским Советам, превратившимся в государственные органы большевистской диктатуры. Признавая Советы «отмирающими» организациями рабочего класса, эсеры вместе с тем считали пока «нецелесообразным» свой уход из них. Борьба с большевиками должна была вестись и в рамках Советов. Случаи своего исключения из Советов рекомендовалось использовать для дискредитации этих органов в рабочих массах и создания новых форм организации рабочих в виде беспартийных рабочих конференций или собраний уполномоченных фабрик и заводов.

Государственная власть диктатуры пролетариата необходимо было заменить народоправством, означавшим восстановление ликвидированных большевиками местных органов самоуправления и Учредительного собрания.

Формирование Учредительного собрания предполагалось в два этапа. В начальном его составе не должны были присутствовать большевики и эсеры, сами себя поставившие вне этого собрания, нарушив его неприкосновенность и предав родину и революцию. Этим составом Учредительное собрание решило бы задачи национального возрождения страны и позаботилось бы о созыве уже на демократической основе нового Учредительного собрания, которое и выразило бы действительную волю народа.

Партийным организациям предписывалось оказывать всяческую помощь массовому движению демократии, развивать его вширь, захватывая целые регионы и закрепляясь в них. С некоторыми оговорками признавалась возможность интервенции союзников. Она объявлялась не только приемлемой, но и желательной, но только «с согласия законной власти» и для того, чтобы восстановить русскую боеспособную армию, Восточный фронт и вести успешную борьбу с Германией. В то

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 311–318.

же время подчеркивалось, что трудовая демократия ни в коем случае не может опираться на иностранную поддержку для восстановления в стране народовластия.

В соответствии с изменением тактики борьбы изменялось и распределение обязанностей между членами ЦК. Из его 20 членов в Москве остались 8, а остальные были командированы в регионы: в Северную область и Вологду, Приуральскую область, в район Ижевского и Воткинского заводов и на Урал. Самая большая делегация была направлена в Поволжье, где назревал антибольшевистский мятеж. В Сибирь с самыми широкими полномочиями командировался Н.Д. Авксентьев. На него возлагалось руководство политической работой эсеровской фракции в Сибирском Временном правительстве и содействие планомерной постановке партийной работы в крае, а также сношение с представителями союзных держав, руководство внутренней и внешней политикой Сибирского правительства. В случае надобности ему разрешалось принять участие в реорганизации этого правительства с включением в него «деловых кандидатов... из националистических кругов»¹. По сути, это означало возврат к коалиционной политике, отвергнутой IV съездом партии.

Таким образом, решения VIII Совета партии знаменовали собой резкий поворот эсеров вправо, их переход к вооруженной борьбе с советской властью. В итоге не злостная политика большевиков и их органическая якобы неспособность делиться властью с другими партиями, а сама партия эсеров, следуя своей теории, руководствуясь своими представлениями о революции, своими тактическими принципами, поставила себя вне советской политической системы.

В связи с этим можно понять решение ВЦИК от 14 июня 1918 г., которое гласило: «Принимая во внимание: 1) Советская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск как международного империализма всех фронтов, так и его союзников внутри Российской республики, не стесняющихся в борьбе против рабоче-крестьянского правительства никакими средствами, от самой бесстыдной клеветы до заговоров и вооруженного восстания; 2) что присутствие в советских организациях представителей партий, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Советов, является совершенно недопустимым; 3) что из ранее опубликованных, а также оглашенных в нынешнем заседании документов ясно обнаруживается, что представители партий с.-р. (правые и центр) и меньшевиков, вплоть до самых ответственных, изобличены в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами: на Дону – с Калединым и Корниловым, на Урале – с Дутовым, в Сибири – с Семеновым, Хорватом и Колчаком, и наконец, в последние дни с чехо-словаками и примкнувшими к последним черносотенцами, ВЦИК постановляет: исключить из своего состава представителей партии с.-р. (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам Р., С., К. и Кр. Депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды»². Изгнание правых эсеров из Советов было не только репрессивным актом большевиков против своего политического соперника, но и превентивной мерой для обеспечения чрезвычайной власти в условиях развертывавшейся Гражданской

¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 373–390.

² Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва (1918 год). М., 1919. С. 439.

войны, а также важным шагом в утверждении в стране новой однопартийной российской государственности, нашедшей свое выражение в первой Конституции РСФСР, одобренной V Всероссийским съездом советом 10 июля 1918 г.

3.2. Левые социалисты-революционеры

История партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) представляет собой общественно-политический феномен, без которого невозможно в полной мере представить события в рассматриваемый период. Суть этого феномена – блокирование ПЛСР с партией большевиков. Изучение отношений двух российских социалистических партий в рамках этого блока позволяет лучше понять причины и характер формирования в России однопартийной государственной системы¹.

Участие левых социалистов в февральских событиях в Петрограде не было значительным. Оно отмечено лишь активными действиями рабочих-эсеров под руководством П.Александровича и изданием им вместе с меньшевиками-«межрайонцами» воззваний с призывами к солдатам действовать вместе с народом в борьбе против старой власти и выбирать своих представителей во Временное правительство. Отметим, что на данном этапе революции Александрович был единственным левым эсером в первом составе Исполкома Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов². Несколько успешней была деятельность левых эсеров в провинции. Ими были созданы организации в Гельсингфорсе и Казани. Они составляли большинство в эсеровских комитетах в Харькове, Воронеже, Одессе, Томске, Уфе, Кронштадте, Ревеле³.

Инкубационный период формирования левозэсеровской партии происходил в лоне ПСР и длился с марта по октябрь 1917 г. Ее основателями стали наиболее активные представители левого крыла эсеровского интернационалистского течения. Одни из них вплоть до февраля 1917 г. пребывали в эмиграции (М.А. Натансон, Б.Д. Камков, А.М. Устинов, П.П. Прошьян), другие – на каторге и в ссылке (В.А. Карелин, И.К. Каховская, М.А. Спиридонова, А.А. Биценко), третьи находились на легальном (И.З. Штейнберг, А.Л. Колегаев, В.Е. Трутовский, С.Д. Мстиславский, Д.А. Черепанов, Л.Б. Голубовский) или нелегальном (И.А. Майоров, П. Александрович, В.А. Дмитриевский) положении. Характерной чертой партии левых эсеров была относительная молодость ее руководителей, родившихся в основном во второй половине 1880 – начале 1900-х гг., что не могло не сказаться на формировании их психологии и образе политического действия. Исключение составлял лишь М.А. Натансон, патриарх революционного народничества, но в партии левых эсеров он был скорее символом, чем действенным представителем ее руководства.

¹ См.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.

² *Суханов Н.Н.* Записки о революции. В 3 т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 90–92; *Шлятиков А.Г.* Семнадцатый год. М., 1992. С. 165–196.

³ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 8.

Теоретическую основу ПЛСР по своей исходной сути составляли те же философские, социологические и экономические идеи, которыми в целом руководствовалась ПСР. Основанием для размежевания в эсеровской среде между ПСР и ПЛСР стали главным образом разногласия по политическим и тактическим вопросам.

Впервые левые эсеры как особое течение в ПСР проявили себя на 2-й Петроградской партийной конференции, состоявшейся в начале апреля 1917 г. Их позиция сводилась к следующему. Для решения вопроса о войне и мире идеолог партии и один из ее вождей, Б.Д. Камков предлагал созвать международный социалистический конгресс, оказывать давление на Временное правительство с целью заставить его опубликовать прежние международные договоры, выработать план мира и побудить союзников пойти на мирную конференцию. Но главную задачу он видел в том, чтобы перенести революционное движение в другие страны, «раздуть мировой пожар», в котором «сгорело» бы современное общество и создались бы предпосылки для возникновения нового социалистического общества. Другой лидер левых эсеров В.Е. Трутовский считал возможным заключение сепаратного мира с Германией при условии, если она откажется от аннексий и контрибуций¹.

Иной, чем у большинства участников конференции, была позиция левых эсеров и по вопросу об отношении к Временному правительству. Так, Камков заявил, что Временное правительство является «буржуазно-классовым» и эсеры не должны его поддерживать. Доверять, по его мнению, можно только Совету рабочих и солдатских депутатов². Одновременно левые эсеры выступали за социализацию земли, особо подчеркивали неотложную организацию земельных комитетов на основе всеобщего избирательного права и конфискацию помещичьей земли без всякого выкупа³. Таковы, по сути, были «апрельские тезисы» левых эсеров.

Вместе с тем уже на этой конференции проявилась и такая их черта: в разногласиях с «однопартийцами» не идти до конца, не доводить дело до разрыва с ПСР. Так, один из их лидеров С.Д. Мстиславский заявил под шумные аплодисменты, что расхождение по вопросу о войне «не может быть поводом для раскола и препятствием для товарищеской дружной работы всей партии»⁴.

Однако по мере углубления революционного процесса в стране левые эсеры четче определялись в своих программных и тактических вопросах, более сплоченными становились они и в организационном плане. На III съезде партии эсеров (конец мая – начало июня 1917 г.) левые эсеры выступили со своей особой «платформой 42-х». В начале июля 1917 г. левые эсеры сделали еще один шаг на пути формирования в особую фракцию в недрах ПСР. Ими было образовано Организационное (Информационное) бюро, которое в газете «Земля и воля», органе Северного областного комитета, опубликовало свою декларацию, настолько расходившуюся с официальной позицией партии, что ЦК, бывший обычно терпимым к течениям в ПСР, исключил членов Оргбюро из партии. Оргбюро поспешило довести до сведения ЦК о том, что никакой организационной работой по

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 38, 39.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 43.

сплочению своих сторонников внутри партии оно не занималось и никакой «организации в организации» не было, поэтому оно считает себя не существующим¹. При условии роспуска Оргбюро его члены были восстановлены в партии.

Однако в начале августа 1917 г. левые эсеры заострили свои политические требования. На VII Совете ПСР они предложили свою резолюцию (т. н. резолюция меньшинства), в которой потребовали от Временного правительства, во-первых, немедленной отмены смертной казни; во-вторых, отмены административных преследований левых социалистических партий; в-третьих, немедленного восстановления свободы печати и собраний в тылу и на фронте². О возраставшем влиянии левых эсеров свидетельствует тот факт, что за их резолюцию проголосовали 35 делегатов Совета, а за резолюцию ЦК – 54³. Однако и на этот раз левые не вышли из ПСР. Со своей стороны Совет ради сохранения фиктивного единства партии предоставил левым право выступать с изложением своих взглядов не только внутри ПСР, но и за ее пределами⁴.

Следующим этапом в формировании левоэсеровской фракции в партии эсеров стала позиция левоэсеровских лидеров на Демократическом совещании. Они заявили о том, что будут голосовать так, как решат в собственной среде, не подчиняясь точке зрения ЦК по голосуемым вопросам. Вслед за большевиками левые эсеры ушли с Совещания и из созданного им Совета Республики (Предпарламента). Чем дальше левые эсеры отклонялись от позиции эсеровского ЦК, тем больше они склонялись к большевикам. В частности, они признали социалистический характер происходившей революции, подчеркивали необходимость создания однородного правительства из представителей социалистических партий. Но в то же время они выступали против решения вопроса о власти насильственным путем.

Этим противоречием объясняется неоднозначное поведение левых эсеров в период Октябрьского переворота. В это время в левоэсеровской среде явственно проявилась разница в поведении ее руководящих кругов и основной партийной массой. Их представители вместе с большевиками активно участвовали в свержении Временного правительства. Однако руководящие круги не были столь решительными и последовательными. Они признавали, что вопрос о власти должен быть решен II Всероссийским съездом Советов, но не путем вооруженного восстания. Накануне восстания, 24 октября, они вместе с представителями других небольшевистских партий предлагали Керенскому принять немедленно решительные меры по подавлению готовившегося восстания – создать для этой цели Комитет общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующий в контакте с Временным правительством, издать декрет о передаче земли в ведение земельных комитетов и предложить союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Однако Керенский не согласился с этими предложениями⁵.

¹ Там же. С. 684.

² Там же. С. 721.

³ Там же. С. 722.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М.; Л., 1928. С. 173.

Раскол эсеровской фракции, насчитывавшей на 25 октября 159 чел., произошел на ее заседании днем 25 октября непосредственно перед открытием съезда. Резолюция, излагавшая точку зрения ЦК партии по вопросу об отношении к съезду, была отвергнута 92 голосами против 60. После этого фракция разделилась на две части: правую, решившую отказаться от участия в съезде, и левую, решившую вступить в контакт с меньшевиками-интернационалистами.

От левых эсеров вошли в президиум съезда 7 чел.: Камков, Спиридонова, Каховская, Мстиславский, Закс, Карелин, Гутман¹. Левые эсеры присоединились к предложению Мартова обсудить вопрос о мирном разрешении конфликта и осудили предложение Л.Д. Троцкого не заключать соглашения с правыми социалистами, ушедшими со съезда. Камков говорил о необходимости создания единого революционного фронта. Для этого, по его мнению, нужна демократическая власть «в самом широком масштабе». Свою идею он аргументировал тем, что большевики одни не справятся с контрреволюционерами, буржуазией и умеренной демократией. Самым же главным, по его мнению, является то обстоятельство, что за большевиками не пойдут широкие массы трудового крестьянства, «пехота революции», а без них революция должна погибнуть².

В то же время левые эсеры присоединились к воззванию съезда, составленному большевиками, извещавшему о том, что съезд берет власть в свои руки. Одновременно они добились включения в воззвание «поправки», разъясняющей, что основной формой перехода земли к крестьянам является передача ее в распоряжение земельных комитетов³. Левые эсеры голосовали также за Декрет о мире, т. к. им был «близок и понятен его дух и смысл». Как торжество левоэсеровской идеи Декрет о земле и Крестьянский наказ о земле приветствовал Колегаев⁴.

По признанию Карелина, программа, намеченная новой властью, в общем и целом могла бы объединить вокруг себя всю революционную демократию. Но в вопросе о механизме формирования власти левые эсеры по ряду принципиальных моментов расходились с большевиками. Они считали, что народные комиссары должны подчиняться многопартийному Всероссийскому Центральному Исполнительному комитету, а не однопартийному большевистскому Совету народных комиссаров. Их не удовлетворял список правительства, предложенный большевиками, прежде всего тем, что в нем не было представителей от Советов крестьянских депутатов.

Формально большевики, численно преобладавшие на съезде, имели право составлять правительство по своему желанию. Но, учитывая то, что в крестьянской стране, каковой была Россия, революция не может победить без союза с крестьянством, а левым эсерам, судя по тому, что за ними оказалось большинство эсеровской фракции на съезде, доверяет значительная часть крестьянства, большевики предложили левым эсерам войти в состав правительства, которые это предложение отклонили, мотивируя отказ тем, что их вхождение в большевистское правительство создало бы пропасть между ними и ушедшими со съезда правыми социали-

¹ Второй Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. С. 33.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 75.

стами, и они тогда не исполнили бы свою роль посредников между большевиками и правыми социалистами. Таким образом, левые эсеры продолжали питать иллюзию о возможности создания однородного социалистического правительства.

Октябрьские события существенно повлияли на организационное состояние левых эсеров. Те, кто вместе с большевиками участвовал в вооруженном восстании, не ушел со II съезда Советов, работал в органах большевистской власти, были исключены из партии эсеров. Это мера ЦК эсеров ускорила партийную консолидацию левых эсеров. 19–28 ноября 1917 г. состоялся учредительный съезд партии левых эсеров, после чего успешнее пошли переговоры о вхождении левых эсеров в советское правительство.

19 ноября Наркомат земледелия возглавил Колегаев. К началу 1918 г. блок левых эсеров с большевиками приобрел широкие масштабы. Кроме Колегаева, наркомы стали еще шесть левых эсеров: И.З. Штейнберг (нарком юстиции), В.Е. Трутовский (нарком местного самоуправления), В.А. Карелин (нарком государственных имуществ), П.П. Прошьян (нарком почт и телеграфов) и два наркома без портфеля (в коллегиях наркоматов внутренних дел и по военным и морским делам). В ряде наркоматов левые эсеры заняли посты заместителей наркомов и членов коллегий. В составе ВЦИК третьего созыва левым эсерам принадлежали 122 места из 284. Крестьянскую секцию ВЦИК возглавила М.А. Спиридонова. Их представители вошли также в состав других центральных и местных советских учреждений, в т. ч. в образованную в начале декабря при СНК Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Заместителями Ф.Э. Дзержинского стали Александрович и Г.Д. Закс. Представительство левых эсеров и большевиков в блоке было не равным, но оно не было дискриминационным для левых эсеров, если иметь в виду, что партия большевиков по численности в разы превосходила их партию и ей перед образованием блока принадлежала вся власть в стране. Итогом этого блока стало изменение характера советской государственности: из однопартийной она стала двухпартийной.

Распространено мнение, что блок большевиков с левыми эсерами носил тактический характер. Он был нужен большевикам лишь для того, чтобы в то чрезвычайно трудное для них время удержаться у власти. На наш взгляд, такой оценкой роль и значение блока не исчерпывается. В нем был потенциал для его функционирования в течение длительного периода построения в России социализма. Какие основания имеются для подобного предположения? Прежде всего социальной опорой партий, входивших в блок, были рабочие и крестьяне, не имевшие между собой коренных противоречий. У участников блока была одна конечная цель – социализм. Они одинаково были уверены, что мирным путем, через буржуазный парламентаризм, этой цели достигнуть нельзя. Этой верой, вместе с фактом, что не удалось получить большинство в Учредительном собрании, можно объяснить их отрицательное отношение к Учредительному собранию. Левые эсеры одобрительно отнеслись к разгону Собрания большевиками. И те, и другие признавали, что только в рамках советской государственности может быть построен социализм, что в переходный период к нему должны быть осуществлены отмена частной собственности на землю, рабочий контроль на фабриках и заводах, национализация банков. Учитывая сходство перечисленных программных положений, вряд ли можно думать, что столкновение между этими партиями в июле 1918 г. было неизбежным. К тому же надо принимать во внимание обоюдную заинтересованность

в блоке и большевиков (для которых эсеровская социализация земли помогала решить головоломную для них проблему вовлечения крестьянства в социализм), и левых эсеров (которые благодаря блоку становились правящей партией, получали возможность осуществить свою заветную мечту о социализации земли, опираясь на поддержку государства).

Исходивший от левых эсеров Закон о социализации земли являлся экономической платформой политического блока левых эсеров с большевиками. Проект закона был составлен И.А. Майоровым и А.Л. Колегаевым. Его обсуждение происходило в коллегии Наркомзема и на объединенных заседаниях крестьянской секции III Всероссийского съезда Советов и Всероссийского съезда земельных комитетов, открывшегося 17 января 1918 г. На съезде самой многочисленной была фракция левых эсеров: 150 чел. из 534, правых эсеров – 125, большевиков – 81. Большевики и часть беспартийных поддержали левых эсеров. Правые эсеры ушли со съезда. По предложению Колегаева было решено объединиться с крестьянской секцией III Всероссийского съезда Советов для совместного обсуждения Закона о социализации земли.

18 января III съезд Советов на своем заключительном заседании, начавшемся в 12 час. ночи, принял за основу первые 19 статей проекта с тем, что они «переходят на дальнейшую разработку крестьянской секции 3-го Всероссийского съезда Советов и утверждаются вновь избранным Центральным Исполнительным Комитетом». Против принятия закона высказались лишь два меньшевика, правый эсер и анархист.

На последующих заседаниях крестьянской секции совместно с представителями земельных комитетов было образовано 26 комиссий, рассмотревших отдельные разделы проекта и внесших много поправок, которые были обсуждены на пленуме крестьянской секции.

27 января 1918 г. на втором заседании ВЦИК третьего созыва после предварительного согласования проекта между фракциями большевиков и левых эсеров проект был утвержден в качестве закона. За него проголосовало около 1500 делегатов, против 30 и один воздержался. 6 (19) февраля 1918 г. он был опубликован.

По вопросу о том, какой вклад в закон внесли левые эсеры, а какой большевики, единого мнения нет. М.А. Спиридонова считала, что закон о социализации земли являлся «признанием нашей аграрной программы без единого изменения духа и буквы этой программы»¹. Более взвешенно оценивал этот закон муж Спиридоновой, автор первоначального проекта закона И.А. Майоров, отмечавший, что «закон издавался под определенным давлением большевиков и зачастую носит в себе известные принципиальные недочеты»². Не правы были и советские историки, утверждавшие, что основу этого закона составляла не эсеровская идея социализации земли, а большевистская идея ее национализации³. В.И. Ленин занимал по этому вопросу прагматическую позицию. В докладе о земле на II съезде

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Солдатских и Казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 50.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 552.

³ *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. Кн. 2: Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.) М., 1966. С. 37–38.

Советов 26 октября 1917 г., отвечая на замечания о том, что, мол, Декрет о земле и Крестьянский наказ о земле составлены эсерами, он заметил: «Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда»¹.

Реализация Закона о социализации земли представляла собой сложную задачу. Необходимо было сделать народным достоянием многие миллионы десятин земли и уравнительно распределить ее. Для левых эсеров эта операция осложнялась еще и тем, что распределить землю надо было по потребительно-трудовой норме и выработать условия для сохранения порядка такого пользования землей в будущем.

До того, как жизнью был поставлен на повестку дня вопрос о социализации земли, эсеровская программа, по словам Майорова, носила агитационно-пропагандистский характер, была набором ряда лозунгов, зачастую без определенного содержания. Такова была ситуация и с одним из главных ее положений – понятием о потребительно-трудовой норме. Она не могла быть одинаковой для всей страны. При ее расчете следовало учитывать множество обстоятельств: размеры земельных фондов, бывших в распоряжении местных земельных комитетов, количество земли, приходящейся на отдельные хозяйства в зависимости от наличия в этих хозяйствах рабочей силы и едоков. Чтобы осуществить эту работу, требовались большой штат статистиков и землемеров, а также значительные финансовые расходы.

Деньги нужны были и на разъяснительную работу среди крестьян о том, что социализация земли не сводится лишь к тому, чтобы бесплатно отобрать землю у помещиков и распределить ее между крестьянами. Одной из задач партии, по словам И.А. Майорова, выступившего по вопросу об аграрной политике партии на II съезде партии левых эсеров, являлась «борьба со стихийным захватническим инстинктом самих масс». По его мнению, «необходимо окончательно взять их в руки и руководить ими при практическом проведении социализации земли на местах»². И следует отметить, левые эсеры немало сделали для решения этой задачи. Так, М.А. Спиридонова, возглавлявшая Крестьянскую секцию ВЦИК, в своем отчете на V Всероссийском съезде Советов говорила о том, что в местные Советы, в организации большевиков и левых эсеров, в волости, села и деревни было разослано более тысячи пудов литературы, созданы школы агитаторов, через которые прошли 531 чел., и двухмесячные курсы инструкторов по социализации земли. На этих курсах читались лекции по социальным, политическим, аграрным и другим вопросам. Особое внимание уделялось правильному пониманию Закона о социализации земли. Помимо грамотных крестьян, присылаемых с мест, на курсы было привлечено около трехсот народных учителей. После окончания курсов слушатели должны были поехать в деревню и помогать крестьянам в распределении и уравнивании земли³.

¹ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 72–73; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 27.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 553.

³ Пятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов. С. 52–53.

К препятствиям в реализации эсеровской аграрной программы, обусловленным ее идеологической оболочкой и нехваткой необходимых специалистов, прибавлялись политические разногласия с большевиками по вопросу о Брестском мире. Левые эсеры выступали против этого мира и отозвали своих представителей из Совета народных комиссаров. Оставил свой пост и нарком земледелия Колегаев. Для самих левых эсеров этот шаг являлся большой ошибкой, он негативно сказался на работе по социализации земли. Финансирование аграрной реформы было сокращено. По подсчетам левых эсеров, на реформу требовалось до миллиарда рублей. Но решено было запросить у правительства только 200 тыс. Спиридонова лично обращалась с этой просьбой к Ленину и получила отказ. По ее словам, Ленин «грубо и цинично» заявил, что крестьяне сами взяли землю, они ее и разделят. Комментируя ответ Ленина, Спиридонова говорила, «это верно, что они разделят, но то не есть социализация земли... дележка не по правилам, не по законам, не по трудовой норме – это приговор всему крестьянскому социализму»¹. На финансирование дела социализации земли советское правительство, по оценке Майорова, смотрело не с государственной, а с классовой позиции, считало, что распределение земли есть дело самих крестьян, совершается только в их классовых интересах, поэтому и должно идти за счет самого трудового крестьянства².

После ухода левых эсеров руководство комиссариатом земледелия перешло к большевикам. Заметные изменения происходят в аграрной политике Наркомата земледелия. Недовольство эсеров вызывало то, что больше внимания стало уделяться созданию крупных государственных хозяйств (совхозов), основанных на наемном труде, за ликвидацию которого выступали эсеры, а также охране от раздела все большего количества бывших помещичьих хозяйств как хозяйств культурных и прогрессивных. Эсеровская работа по социализации земли сокращалась. Не благоприятствовала ей и левоэсеровская борьба против правительственных законов о продовольственной диктатуре и комитетах бедноты, а также мятеж 6 июля 1918 г.

Понятным становятся неутешительные итоги этой работы, о которых говорилось в докладах с мест на IV съезде партии эсеров, состоявшемся в начале октября 1918 г. Согласно приведенным в них сведениям, только в Петербургской губернии социализация шла более или менее успешно благодаря тому, что из Петрограда присылалось достаточное количество инструкторов³. В остальных губерниях социализация либо только начиналась, либо шла очень медленно. Так, делегат от Нижегородской губернии сообщал о том, что работы ведутся, но «таким темпом», что будут вестись «десятки лет»⁴. Вполне очевидно, что ситуация с социализацией земли не могла не беспокоить левоэсеровское руководство.

Все это вместе взятое не смогло не сказаться на ходе острейшей полемики по вопросу о Брестском мире. Учитывая, что в целом проблема «левые эсеры и Брестский мир» (особенно сюжет, касающийся убийства германского посла

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов. С. 57.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 573.

³ Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 467.

⁴ Там же. С. 490.

В. Мирбаха и выступления левых эсеров 6–7 июля 1918 г.) достаточно полно освещена в историографии¹, обратим внимание на другие ее аспекты.

3 марта 1918 г. советская Россия подписала в Брест-Литовске на очень тяжелых условиях мирный договор с Германией, к тому в обстановке острой борьбы между сторонниками Ленина и «левыми коммунистами» и левыми эсерами. Выступление последних против Бреста представляет собой еще один пример неустойчивости, колебания их политики. Выше говорилось о том, что лозунг справедливого демократического мира являлся одним из главных эсеровских требований в революции. Они голосовали на II съезде Советов за Декрет о мире, участвовали в переговорах о заключении мира. По вопросу о переговорах на III Всероссийском съезде Советов была принята совместная резолюция левых эсеров и большевиков. Однако вскоре левые эсеры стали менять свою позицию.

23 февраля 1918 г. на заседании ВЦИК они голосовали уже против заключения мира. Одновременно большинство членов ЦК ПЛСР стали высказываться за отзыв своих представителей из Совета народных комиссаров. Но против выхода из правительства, разрыва с большевиками и за подписание мира стоял ряд видных деятелей партии (Спиридонова, Колегаев, Трутовский, Устинов и др.). Тем не менее на IV Всероссийском съезде Советов (март 1918 г.) фракция левых эсеров заявила о том, что ее партия считает себя свободной от выполнения условий Брестского договора и отзывает своих представителей из Совета народных комиссаров. Но в то же время фракция подчеркивала, что означенное решение не распространяется ни на коллегии при комиссариатах, ни на организации местной советской власти, члены которых обязаны были оставаться на своих местах².

Новый, ультрарадикальный, курс партии получил одобрение на II съезде партии в апреле 1918 г. Он стал главным в политике партии не только внутри России, но и на международной арене. На своем закрытом заседании съезд партии принял решение с целью ускорения мировой революции организовать террористические акты против германского императора Вильгельма II и командующего оккупационными войсками на Украине Г. Эйхгорна. Срыву Брестского мира должно было послужить убийство немецкого посла в России В. Мирбаха.

В литературе продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, являлся ли новый курс партии левых эсеров следствием ослабления влияния партии или, наоборот, роста этого влияния. В советской историографии преобладала первая точка зрения³. Нам кажется, что более правильной является вторая точка зрения. Дело в том, что борьба левых эсеров против беспощадных для крестьян продовольственных законов советского правительства, насаждение им в деревне комбедов не могла не усилить тяготения крестьян к левым эсерам. О такой тенденции свидетельствует прежде всего рост численности партии левых эсеров. Если ко II съезду ПЛСР (17 апреля 1918 г.) ее численность не превышала 24,5 тыс. чел., то к июлю 1918 г. она возросла до 80 тыс. (без учета членов на территориях, ох-

¹ См.: *Коновенко А.* Партия социалистов-революционеров в 1901–1922 гг. Проблемы историографии. Тюмень, 2004. С. 274–280.

² Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 182, 183.

³ См.: *Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 156.

ваченных военными действиями)¹. О росте влияния левых эсеров свидетельствует характерная для того времени тенденция к вытеснению ими большевиков из Советов. В целом по стране левые эсеры имели в Советах около трети голосов. Причем весной и в начале лета 1918 г. они увеличили свое представительство на 11,5 %, большевики потеряли 7,6 %. К тому же левые эсеры возглавляли 10 губернских и более 45 уездных военных комиссариатов, а также не менее десятка губернских чрезвычайных комиссий и комиссариатов внутренних дел. В губернских и уездных Советах левые эсеры и эсеры-максималисты имели почти 30 % руководящих должностей (первые – около 28 %, вторые – 1,7 %)².

Рост численности ПЛСР и укрепление ее низовых организационных структур стимулировали левоэсеровских идеологов и политиков к разработке нового политического курса. По их мнению, «мирная передышка», связанная с заключением Брестского мира, оказалась политически малоэффективной, а ее инициаторы – большевики исчерпали себя как подлинные революционеры и сторонники мировой революции. Выступавший с докладом о текущем моменте на III съезде партии 30 июня 1918 г. Камков подчеркнул необходимость новой подготовки революционного восстания трудового крестьянства и рабочих для восстановления погрязших завоеваний революции. На новом витке революции, по его мнению, трудовое крестьянство и левые эсеры должны были сыграть главную и решающую роль. А мировая революция придет «путем нашего восстания против германского империализма. Наше восстание явится несомненным импульсом к революции мировой»³. М. Спиридонова утверждала, что сейчас выгодное международное положение, чтобы положить конец передышке⁴.

На заседании ЦК левых эсеров 28 июня 1918 г. было решено положить конец мирной передышке путем террористических актов против виднейших представителей германских милитаристов, 4 июля был назначен исполнитель террористического акта против Мирбаха, член партии, чекист Я.Г. Блюмкин. Через день, 6 июля, германский посол был убит Блюмкиным и Н.А. Андреевым. Этот акт стал началом левоэсеровского выступления, беспощадно подавленного большевиками. Ему посвящена большая литература, однако среди авторов нет единства в определении характера и целей этого события. В большинстве случаев оно именуется как мятеж. Так, Ю.Г. Фельштинский считает, что левоэсеровское июльское выступление 1918 г. представляло собой ряд заговоров: заговор Ф.Э. Дзержинского против ратификации Брестского мирного договора; затем заговор Я.М. Свердловва – В.И. Ленина и, возможно, Л.Д. Троцкого, целью которого была ликвидация партии левых эсеров; и, наконец, заговор Блюмкина против германского посла в Москве и германского консула в Петрограде⁵. Разные мнения существуют по вопросу о том, чего хотели левые эсеры: свергнуть ли большевиков или только

¹ Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. С. 292–293.

² Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 10–11.

³ Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 161.

⁴ Там же. С. 296

⁵ Подробнее см.: Кононенко А. Партия социалистов-революционеров в 1901–1922 гг. Проблемы историографии. С. 278.

выправить их политику, отклонявшуюся якобы от былой революционности. Но практически никто из исследователей не отрицает того, что левоэсеровское выступление являлось авантюрой экстремистского крыла руководства партии. Оно, с одной стороны, нанесло удар по самой левоэсеровской партии, а с другой – содействовало усилению тоталитарного характера складывавшейся тогда советской государственности. После июльских событий 1918 г. начался новый этап истории ПЛСР.

Глава 4. АНАРХИСТЫ

(Д.И. Рублев)

4.1. В союзе с «революционной демократией»

Революция 1917 г. принесла анархистам надежду на воплощение их идей в жизнь. Большинство анархистских организаций этого периода включали в свой состав представителей разных течений. Так, например, было в Московской (МФАГ) и Петроградской федерациях анархистских групп (ПФАГ), Киевской Ассоциации Свободных Анархистов (КАСА), Саратовской Свободной Ассоциации Анархических Групп (ССААГ), Тверской федерации анархистских групп. Должность секретаря МФАГ занимал индивидуалист, основоположник «ассоциационного» анархизма Лев Черный (П.Д. Турчанинов), однако среди ее лидеров были анархисты-коммунисты (В.В. Бармаш, Г.К. Якобсон, К.И. Ковалевич, А.М. Атабекян) и пананархисты (А.Л. Гордин). Такая же картина наблюдалась в ПФАГ. Идеологом КАСА был радикальный индивидуалист («неонигилист») А.Н. Андреев, но среди ее активистов преобладали анархисты-коммунисты (П. Арсентьев, Н. Дрикер и др.).

Характерно, что участники конференции 17 городов России, состоявшейся в Харькове 18–22 июля 1917 г., выступили с идеей объединения «всех анархических сил»¹. В объединенных организациях преобладали анархисты-коммунисты. При этом обособленные анархо-коммунистические федерации и группы действовали в ряде городов (Астрахань, Владивосток, Вологда, Петроград, Ростов-на-Дону, Харьков, Чита и др.). Отдельные организации создавали и синдикалисты. Наиболее известны среди них Петроградский Союз Анархо-Синдикалистской Пропаганды (САСП) и Московский Союз Революционно-Синдикалистской Пропаганды (МСРСП). Анархистские организации действовали лишь на региональном уровне. Ведущую роль играли федерации и группы Петрограда и Москвы. Лишь в марте 1918 г. была провозглашена Всероссийская федерация анархистов-коммунистов (ВФАК) – первая организация анархистов, претендовавшая на роль общероссийской.

В марте 1917 г. анархисты приветствовали свержение монархии, рассматривая его как шаг на пути к анархическому обществу. Редакция газеты «Рабочее знамя», издававшейся в Швейцарии лидерами анархистов-коммунистов (И. Гроссман,

¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2: 1917–1935 гг. М., 1999. С. 47.

А. Ге, А. Аникст), предполагала даже, что «всемирная Революция» перерастет в «коммунистический переворот», который «перекинется в самые отдаленные углы земного шара». Вместе с тем они прогнозировали попытку либеральных политиков и генералов установить военную диктатуру: «Русская буржуазия мечтает сейчас о государственном перевороте по образцу младотурецкого переворота 1908 года и ждет своего Энвер-пашу в лице какого-нибудь русского Поливановили Брусилов-паша»¹. Редакция призвала игнорировать борьбу между новыми центрами власти – Временным правительством и Петроградским Советом. Но анархисты, действовавшие в России, в марте 1917 г. заняли иную позицию.

Опасаясь реванша монархистов, они выступили за коалицию с социалистическими силами. Так, активисты Петроградской организации анархистов (ПОА) призвали к объединению сторонников Советов², провозгласив временный отказ от социальной революции и ограничившись требованием установления демократической республики: «Отсюда вытекает задача революционной демократии... провести в жизнь политические реформы в строго демократическом духе. Мы, анархисты, решили идти совместно с демократией к этой цели, пока наш враг не сломлен, пока не преодолены внешние затруднения, т. е. продолжается война, и временно отказаться от всяких попыток к осуществлению нашей конечной цели»³.

2 марта на общем собрании анархистов Петрограда было принято обращение к Петросовету, в т. ч. с условиями для сотрудничества: включить их представителя в Совет, удалить монархистов из государственных учреждений, провести суд над министрами Николая II, сформировать социалистическое правительство, выдать оружие революционным организациям, предоставить материальную помощь бывшим политзаключенным, гарантировать свободу слова левой печати⁴. Принятая в марте Декларация МФАГ рассматривала демократический строй как основу «укрепления пролетарских организаций и развития анархо-социалистического сознания». Ближайшей задачей считалась борьба «за расширение сферы политической свободы и улучшение экономического положения труда». По отношению к правительству Г.Е. Львова был объявлен временный нейтралитет: «Анархический социализм ставит своей задачей обеспечение устанавливающегося республиканского строя от всяких попыток контрреволюции. Не доверяя буржуазному Временному правительству, анархический социализм, однако, воздерживается от всяких выступлений против него, пока оно не препятствует ведению анархической пропаганды и организации революционных масс»⁵.

В середине марта – апреле 1917 г. была сформулирована теория третьей революции – наиболее популярное в 1917–1921 гг. обоснование анархистской стратегии и тактики. Согласно этой концепции, на первом этапе (февраль–март 1917 г.) власть перешла к буржуазии. Вторая стадия революции, связанная с борьбой за демократическую республику, завершится захватом власти

¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т. 2: 1917–1935 гг. С. 13, 16.

² Правительство и Совет депутатов // Коммуна. 1917. № 1. 17 марта. С. 2.

³ Революция и ее задачи // Там же. С. 1–2.

⁴ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 18–19; Речь анархиста перед Советом рабочих и солдатских депутатов // Коммуна. 1917. № 1. 17 марта. С. 6–7.

⁵ Декларация Московской федерации анархических групп // Клич. 1917. № 1. С. 47.

социалистами. Они проведут аграрную реформу, меры социальной защиты рабочих, национализируют промышленность и транспорт. Затем под руководством анархистов рабочий класс, крестьянство и солдаты начнут «третью революцию» – анархо-коммунистическую.

Впервые эти идеи были высказаны в журнале «Коммуна» в середине марта 1917 г. В апреле их в более систематическом виде сформулировал В.М. Волин (Эйхенбаум): «Первый этап русской революции – борьба народа с самодержавием, – завершился свержением последнего... Второй этап представляется нам... в виде решительной борьбы за власть... между либерально-буржуазным “республиканствующим” правительством и Советом. И этот, второй этап, завершится, вне всяких для нас сомнений, победой совета, т. е. победой той власти, которая выдвинута и поддерживается передовой, социалистической частью российского пролетариата и является первым шагом на пути к воплощению социал-демократической идеи... Мы думаем, что после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится.

Начнется третий и последний этап Русской революции... Начнется борьба... между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения... и – отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием»¹. При этом сторонники концепции третьей революции не отрицали возможности немедленно, не дожидаясь третьего этапа, приступить к «решению всех задач этой революции»². В марте–апреле 1917 г. эта теория стала обоснованием коалиции анархистов с социалистами против либерального Временного правительства, в апреле–ноябре – союза с большевиками против либералов и умеренных социалистов. После ноября 1917 г. с ее помощью доказывали неизбежность анархистской социальной революции.

Весной 1917 г. большинство анархистов заняли антивоенную, интернационалистскую позицию, рассматривая восстание пролетариата воюющих стран как путь к завершению мировой войны³. Из влиятельных анархистов оборонцем остался лишь П.А. Кропоткин. 3 марта 1917 г. он призвал граждан России спасти «нашу страну и цивилизацию от черных сотен центральных империй», сплотившись в «объединенный фронт»⁴. В то же время Кропоткин не порвал с логикой анархического коммунизма, не высказываясь в пользу «переходного периода» на пути к безгосударственному обществу. По-прежнему выступая против диктатуры и политических репрессий, восстановления смертной казни, он сосредоточился на поддержке прогрессивных реформ. В вопросах экономических преобразований Кропоткин по-прежнему возлагал надежды на «народный почин», предлагая передать организацию продовольственного снабжения и товарообмена профсоюзам и кооперативам, координирующим работу на съездах.

¹ [Эйхенбаум В.М.] Неизбежное началось // Голос труда. 1917. № 133. 13 апреля. С. 1.

² Революция и ее задачи // Коммуна. 1917. № 1. 17 марта. С. 1–2.

³ См., например: Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды // Голос труда. 1917. № 1. 11 (24) августа. С. 1.

⁴ См.: Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. М., 1999. С. 784–790.

Важным направлением его деятельности была пропаганда идей федерализма. В выступлении на Государственном совещании 15 августа 1917 г. и в ряде статей он призвал к созданию демократической федеративной республики по образцу США, Швейцарии или Канады с парламентом для каждого «штата» и правом вето регионов на решения центра. Касающиеся общегосударственного уровня решения предполагалось вырабатывать на основе «договоров провинций», а не указов правительства. Это означало децентрализацию власти, перенесение принципа свободного договора на отношения между субъектами федерации¹. При этом Кропоткин не призывал анархистов участвовать в органах власти и сам отказывался занимать государственные должности.

В апреле 1917 г. позиция анархистов радикализировалась вследствие роста антивоенных настроений среди рабочих и солдат. В то же время нараставшая самоорганизация трудящихся порождала надежды на воплощение в жизнь идей анархического коммунизма. Казалось, Советы, фабрично-заводские и солдатские комитеты, профсоюзы, кооперативы готовы взять на себя управление экономикой. Характерно высказывание Г. Якобсона: «Темный, забитый безграмотный рабочий за семь месяцев революции покрыл все безграничное, неизмеримо громадное пространство Российского Государства густой сетью всевозможных организаций. Создалось небывалое по своей величине и мощи Кооперативное движение. Выросли удивительно быстро могучие профессиональные союзы, охватившие все отрасли промышленности. Рабочий класс сплывается все больше и больше... Сам, самостоятельно, он творит свое великое дело, без представителей власти, часто вопреки им»².

Отношение анархистов к этим организациям было неоднозначным. Многих, как активиста МФАГ Н. Скворцова, разочаровал партийный состав Советов: «Советы по своей конструкции и внутренней сущности являются организациями партийными, которые интересы политики ставят выше освобождения рабочего класса... Признание самостоятельности рабочего движения на основе классовой борьбы обязывает нас отказаться от политического влияния партий и Советов на ход рабочего движения»³. Условиями поддержки Советов считались отказ от претензий на власть и постепенное превращение в органы, координирующие деятельность рабочего самоуправления⁴. В случае закрепления за Советами властных функций анархисты предполагали ограничить участие в них консультативными задачами⁵.

Возникли споры и об отношении к фабрично-заводским комитетам (ФЗК). С одной стороны, уже в мае–октябре 1917 г. многие анархисты рассматривали их как организацию, способную социализировать промышленность на началах самоуправления. Так, на I и IV конференциях ФЗК Петрограда (30 мая – 3 июня и

¹ *Кропоткин П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. С. 198, 231–232, 768–711; *Он же.* Избр. труды. М., 2010. С. 501–502, 504, 543–544, 551–552; ГА РФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 733. Л. 1.

² *Аскарлов Г.* [Якобсон Г.К.] Кризис власти // Анархия. 1917. № 5. 9 октября. С. 1.

³ *Скворцов Н.* О партиях и беспартийности // Анархия. 1917. № 6. 16 октября. С. 2.

⁴ *Ар[сентьев П.]* Роль «Советов» и анархисты в них // Свобода внутри нас. 1917. № 1. С. 4.

⁵ См.: Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 47–48.

10 октября) лидер рабочих Шлиссельбурга анархист-коммунист И. Жук призвал передать предприятия в управление контрольным комиссиям, избранным рабочими и служащими, а сельское и лесное хозяйство – крестьянским комитетам. Для координации их деятельности он предлагал создать региональные и всероссийское бюро комитетов¹.

Однако на Харьковской конференции анархистов мнения разделились. Большинство, признав, что ФЗК – «орган администрации», охраняющий частную собственность, отвергло сотрудничество с ним. Другие, напротив, признали, что «фабрично-заводской комитет... – орган революционной самостоятельности и организованного перехода предприятия в руки трудящихся в момент восстания»². Вторая точка зрения получила поддержку большинства анархистов.

Серьезными были и разногласия в вопросе о роли профсоюзов в революции. Часть делегатов признала их организациями, борющимися лишь за материальные улучшения. Другие встали на традиционную точку зрения синдикалистов, признав профсоюзы ведущей силой в классовой борьбе и строительстве анархо-коммунистического общества. Среди делегатов были как сторонники неидеологических рабочих союзов, так и профсоюзов с анархо-коммунистической программой. Не была единой и позиция об отношениях между ФЗК и профсоюзами. Часть делегатов в Харькове признала комитеты единственной классовой организацией рабочих. Их оппоненты требовали интегрировать ФЗК в состав профсоюзов как более массовых организаций³.

Летом 1917 г. завершилось обозначенное на Харьковской конференции размежевание анархистов на два течения: «бунтарское с широкой агитацией совместно со стихийными активными выступлениями до периода реакции и синдикалистское»⁴. «Бунтари», преобладавшие в «общеанархистских» организациях, верили в силу стихийного восстания масс, ведущего к анархическому коммунизму. Особую позицию среди них занимали немногочисленные, но влиятельные в МФАГ и ПФАГ пананархисты. Авторы концепции пананархизма («всеанархизма») братья А. и В. Гордины связывали революционную борьбу с противодействием различным видам угнетения («пять угнетений»): «Пананархизм... помимо идеала безвластия, заключает в себе еще четыре идеала, а именно Коммунизм с его “все – всем”! Педизм или освобождение ребенка и молодежи из тисков рабского воспитания, космизм (национал-космополитизм), полное освобождение угнетенных национальностей, и, наконец, гениантропизм, т. е. освобождение... женщины»⁵.

Движение к анархии представлялось двухэтапным процессом. На первом этапе («юридическая анархия») предполагалось добиться признания правительством всеобщего права на социальный эксперимент, права коллективов и индивидов на выход из состава государства и свободную организацию своей жизни, а также права граждан на отказ от военной повинности и уплаты налогов. Затем следовала стадия «фактической анархии»: уничтожение государства и «созидания»

¹ Там же. С. 32–33, 38–39.

² Там же. С. 48.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ *Бр. Гордины. Основные начала пананархизма // Безначалие. № 1. 25 октября 1917. С. 1.*

ние новых вольных форм управления обществом». Эту фазу Гордины делили на два подэтапа. Первый, «социотехнически-экспериментальный», предполагал выработку элементов нового общества в автономных от государства зонах («социотехникумах»). Второй этап, «социотехнически-реализаторский», они связывали с социальной революцией¹.

Анархо-синдикалисты ориентировались на агитационно-пропагандистскую деятельность в рабочих организациях с целью их подготовки к экспроприации средств производства и строительству анархо-коммунистических отношений. Такая задача была поставлена в Декларации САСП, принятой 4 июля 1917 г.² Эта организация придерживалась концепции «переходного периода», в 1915–1916 г. сформулированной Л.И. Фишелевым. Он предполагал, что после победы социальной революции государство сохранится в виде «федерации вольных городов и вольных общин, которая... стремится к разрушению современных централистических государственных форм» по мере перехода «к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях»³. В «Декларации» САСП утверждалось, что основой «общественного строя, который естественно и сравнительно безболезненно будет эволюционировать в направлении к полному осуществлению анархо-коммунистического идеала», станет федерация рабочих и крестьянских организаций. Политическую систему реорганизуют Советы. Социализацию земли и производства, управление экономикой возьмет на себя Всероссийский союз организаций производителей, объединяющий крестьянские комитеты и ФЗК⁴.

Лидеров правосоциалистических партий, вошедших в состав Временного правительства в результате «апрельского кризиса» 1917 г., анархисты обвинили в сотрудничестве с буржуазией⁵. В результате весной – осенью «бунтари» выступали за блок леворадикальных сил. «Сознавая серьезность создавшегося положения, мы, анархисты, решили поддерживать все революционные организации, стремящиеся к раскрепощению трудящихся масс от ига капиталистов», – утверждалось в резолюции Читинской группы анархистов⁶. В качестве таковых рассматривались и большевики, с которыми анархистов объединял ряд общих требований и лозунгов: мир без аннексий и контрибуций, свержение Временного правительства, поддержка Советов и ФЗК.

Большой резонанс произвела и близость анархизму ряда идей, высказанных в то время В.И. Лениным. Анархо-синдикалисты, напротив, выражали большевикам недоверие, указывая на их стремление к подмене власти Советов правлением собственной партии. Так, Фишелев писал: «Мы, таким образом, имеем дело

¹ *Бр. Гордины*. Основные начала пананархизма // Безначалие. № 1. 25 октября 1917. С. 1.

² Декларация Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды.

³ *Раевский М. [Фишелев Л.И.]*. Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк. 1919. С. 6, 30–31, 68.

⁴ *Раевский М. [Фишелев Л.И.]*. Роль Советов Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> в революции // Голос Труда. 1917. № 2. 18 (31) августа. С. 1.

⁵ См., например: *Солнцев Н. [Блейхман И.С.]*. Что делать? // Коммуна. 1917. № 3. Май. С. 6–7.

⁶ Резолюция Читинской группы анархистов // Коммуна. 1917. № 4–5. Сентябрь. С. 10.

с установлением диктатуры меньшинства населения, что логически ведет за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством. Осуществление же такой диктатуры естественно предполагает не децентрализацию и распыление государственной власти, – что явилось бы неизбежным следствием перехода власти к Советам, – а наоборот, означает захват центральной власти определенной политической партией и дальнейшую централизацию и усиление государственной власти. План несомненно утопический, ибо он предполагает устранение от участия в самоуправлении страны... многомиллионной массы крестьян, не принадлежащих к числу “беднейших”»¹.

6 июня 1917 г. правительственные войска заняли штаб-квартиру анархистов, расположенную на бывшей даче П.Н. Дурново. В ответ по всей России анархистские организации призвали трудящихся к социальной революции. Вскоре, 3–4 июля 1917 г., совместно с большевиками они организовали в Петрограде массовую вооруженную демонстрацию рабочих, солдат и матросов, предполагая, что она перерастет в восстание. По инициативе Петроградской Федерации Анархистов 9 июня на конференции представителей 150 предприятий и воинских частей столицы был избран Временный революционный комитет. После победы восстания он должен был превратиться в орган, контролирующий Петроградский Совет. Еще до демонстрации 3 июля находившиеся под влиянием анархистов солдаты установили контроль над Петропавловской крепостью, рядом вокзалов и железнодорожных станций, постами напротив Главного штаба и другими важными объектами. Однако выступление, как известно, было подавлено правительством².

Анархистские организации приняли участие и в борьбе против выступления генерала Л.Г. Корнилова, создавая комитеты по охране революции и агитируя за превращение сопротивления мятежникам в социальную революцию. Так, саратовские и ростовские анархисты призвали рабочих, выйдя «на улицу с оружием в руках», начать социализацию земли и промышленности. Анархист-коммунист И. Жук возглавил в это время Красную гвардию Шлиссельбургского порохового завода³. После подавления мятежа Федерация Анархистов-Коммунистов города Харькова в воззвании указывала на опасность нового заговора. Единственный способ противостоять контрреволюционерам харьковские анархисты-коммунисты видели в социальной революции⁴. Осенью 1917 г. в знак протеста против экономического кризиса в городах России начались стихийные бунты. Критикуя эти акции, анархисты призвали к коллективной и организованной экспроприации

¹ Раевский М. [Фишелев Л.И.]. Новый лозунг большевиков // Голос труда. 1917. № 2. 18 (31) августа. С. 1.

² См.: Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 45–46, 56; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. СПб., 1997. С. 54–56; Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2005. С. 50–53.

³ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 57; К моменту // Анархист. 1917. № 7. 5 сентября. С. 2; Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. С. 58–59; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. М., 2002. С. 6, 72–73, 79, 120, 222, 225, 320; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1. Омск, 2006. С. 168–169.

⁴ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 58, 60–61.

ции. Так, активист МФАГ Т. Пиро осудил «болезненные явления»: самосуды над офицерами, поджоги и уничтожения имений в деревнях, разгромы магазинов и складов¹.

Попытки Керенского создать опору правительству в виде квазипарламентских структур из представителей общественных организаций и партий также вызвали критику анархистов. «Всероссийское демократическое совещание» (14–22 сентября 1917 г., Москва) они оценили, как орган социалистов-«соглашателей», сотрудничающих со сторонниками Корнилова. «Временный совет республики» был объявлен буржуазным учреждением². Противопоставляя парламентаризму «прямое действие», анархисты бойкотировали прошедшие в сентябре 1917 г. выборы в районные думы. МФАГ предложила рабочим предъявить депутатам требования и добиваться их «прямым воздействием»³.

В условиях усилившейся большевизации Советов анархисты все чаще провозглашали недоверие к своим союзникам, которых стали обвинять в стремлении использовать рабочее движение исключительно для захвата власти. «Они добиваются власти, и, добившись ее... будут гораздо ожесточеннее бороться со своими противниками (идейными и неидейными), чем нынешнее правительство»⁴, – писал анархист Миллер. С ним соглашались и братья Гордины, заявлявшие, что «диктатура пролетариата» превратится в господство буржуазии и бюрократии, поскольку пролетариат «не умеет властвовать, не знает, как обращаться с этим угнетательским механизмом»⁵. Однако осенью 1917 г. они признали необходимость диктатуры большевиков, рассматривая ее как «меньшее зло» при угрозе возрождения «корниловщины»⁶.

4.2. «Третья революция» и большевистская диктатура

Совпадение с большевиками в стратегической линии, отдельных лозунгах, отчасти в тактике определило участие анархистов в свержении Временного правительства. Их коалиция сформировалась уже на перевыборах в Советы осенью 1917 г. Анархист-коммунист А.А. Железняков и анархо-синдикалист Х.З. Ярчук при поддержке максималистов и большевиков были избраны делегатами на II Всероссийский съезд Советов от Балтийского флота и рабочих Кронштадта. По единому списку с большевиками в Севастопольский совет в конце 1917 г. был избран анархист Мокроусов. Анархисты приняли активное участие и в событиях

¹ Пиро Т. Дух разрушающий и дух погромный // Анархия. 1917. № 4. 2 октября. С. 1.

² Бр. Гордины. Итоги демократического совещания // Анархия. 1917. № 3. 25 сентября. С. 1; Шапиро А. Ликвидация власти // Голос труда. 1917. № 8. 29 сентября (12 октября). С. 1.

³ Москвич. О районных Думах // Анархия. 1917. № 3. 25 сентября. С. 1.

⁴ Миллер. О советах (наши ближайшие задачи) // Вольный Кронштадт. 1917. № 3. 23 октября. С. 1.

⁵ Бр. Гордины. Ничего не забыли и ничему не научились // Анархист. 1917. № 11. 22 октября. С. 2.

⁶ Бр. Гордины. О моменте. Борьба диктатур // Свободная коммуна. 1917. № 1. 17 (30 сентября) С. 1.

24–25 октября в Петрограде. В состав возглавившего восстание Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК) вошли 4 анархиста-коммуниста (И.С. Блейхман, И.П. Жук, К.В. Акашев, Г.М. Богацкий), один анархист-индивидуалист (Ф.И. Другов), два анархо-синдикалиста (В.С. Шатов и Е.З. Ярчук). Акашев, комиссар Временного правительства в Михайловском артиллерийском училище, вывел две юнкерские батареи из расположения Зимнего дворца, что существенно уменьшило потери, которые могли понести восставшие. Анархисты были среди бойцов и руководителей рабочей Красной гвардии (Жук командовал Красной гвардией Шлиссельбурга). Участвовали анархисты в красногвардейских отрядах Василеостровского, Невского, Шлиссельбургского и Выборгского районов. При поддержке анархистов произошло установление власти Советов в провинции¹.

Но у анархистов не было единой позиции по отношению к Октябрьскому перевороту. Большинство организаций, таких как МФАГ, изначально приветствовало его, но и среди влиятельных анархистов были критики действий большевиков. А. Атабекян 28 октября 1917 г. выступил с воззванием не содействовать большевикам. «Совершилась не народная революция, а преступный партийный заговор», – писал он, обвиняя большевиков в преследовании инакомыслящих, социальной демагогии и расстрелах без суда в Москве². Более осторожно осудил участие анархистов в Октябрьском восстании САСП. Протестуя против «политического акта – захвата власти», подчинившего рабочее движение РСДРП(б), анархо-синдикалисты делали оговорку: если «выступление» станет массовым, организация примет в нем «самое активное участие» с целью пропаганды, стремясь «внести в него наше содержание, нашу идею, нашу истину»³. Волин, полагая, что большевики не пойдут на коммунистические преобразования, призвал противодействовать усилению власти Совета народных комиссаров, создавая беспартийные Советы, объединяющие организации рабочих и крестьян⁴.

Ряд социально-экономических преобразований, проведенных большевиками в первые месяцы после захвата власти, был поддержан частью анархистов. Один из лидеров ПФАГ, А. Карелин приветствовал Декрет о земле как санкцию на раздел помещичьих владений между крестьянами. Он утверждал, что правительство «большевиков ленинского толка» не будет мешать анархо-коммунистическим преобразованиям⁵. Однако несоответствие политики СНК радикальным ожиданиям анархистов вызвало обвинения в адрес большевиков в предательстве интересов рабочего класса и крестьянства. Вместо передачи всей власти «Советам

¹ Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. С. 58–61, 99; Кривенький В.В. Анархисты // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 34; Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX века Ч. 1. С. 158, 166–168.

² Атабекян А.М. Против власти. М., 2013. С. 23.

³ О так называемом «выступлении» (заявление Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды, 20 октября (2 ноября) 1917 г.) // Голос труда. 1917. № 9 (67). С. 1–2.

⁴ Волин [Эйхенбаум В.М.]. Новая власть // Голос труда. 1917. № 14. 4 (17) ноября. С. 1.

⁵ Карелин А.А. Петроград, 12 ноября 1917 г. // Буревестник. 1917. № 2. 12 ноября. С. 1; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 101.

на местах» постепенно создавалась централизованная государственная власть, формировались новые карательные органы, вместо социализации промышленности был введен рабочий контроль, проводилась национализация. По мнению Волина, лишь в вопросе о выходе России из войны СНК проявил решительность, в остальных вопросах правительство «со дня на день становится все умереннее и умереннее»¹. Атабекян назвал декреты СНК «лживыми» и «уворованными» у Временного правительства и левых политических партий с целью завоевания популярности². Начатая в конце 1917 г. национализация подверглась критике как нарушающая принцип «автономности организации производителей и потребителей»³.

Обсуждая альтернативу государственной монополии на товарообмен с деревней и распределение продовольствия, многие активисты встали на сторону крестьян. Архангельская федерация анархистов в феврале 1918 г. призывала: «Деревня! Не слушай приказов города, не подчиняйся центру. Устраивай комму-ну! Пусть Вольная деревня обменяет свои продукты с Вольным городом». Лидер вологодских анархистов А.Д. Федоров призывал рабочих проявить инициативу, наладив производство необходимых крестьянам товаров и их обмен на продовольствие⁴. В ведущих анархистских изданиях появились подтвердившиеся вскоре прогнозы о начале Гражданской войны и военной интервенции стран Антанты, изоляции северных и центральных регионов от сельскохозяйственных районов Украины и Южной России⁵.

Разногласия с большевиками обнаруживались и в вопросе о завершении войны. В конце 1917 – начале 1918 г. для анархистов были характерны надежды на всемирную революцию, придававшие радикализм их настроениям. «Социальная революция должна быть целью всех угнетенных, она надвигается и не только в одной России, ее признаки мы видим везде и всюду», – писал, например, Блейхман⁶. С этих позиций были подвергнуты критике переговоры о заключении мира с Германией и ее союзниками. Популярность приобрели идеи о прекращении войны явочным порядком. В декабре 1917 – январе 1918 г. активисты САСП призывали солдат организованно с оружием покинуть фронт. Ожидалось, что этот акт вызовет волнения и дезертирство в войсках противника, лишив морального оправдания попытки правительств Германии и Австро-Венгрии возобновить войну с Россией. Солдат и рабочих призвали к братанию, ведению антивоенной агитации⁷. Эти взгляды были близки позиции Л.Д. Троцкого, избравшего путь прекращения войны без подписания мирного договора. Анархо-синдикалисты

¹ Волин. Как быть? // Голос труда. 1917. № 19. 18 (1) декабря. С. 2.

² Атабекян А.М. Против власти. С. 25.

³ См., например: Ковалевич К. «Национализация» // 1918. Анархия. № 47. 26 апреля. С. 2.

⁴ Федоров А. Борьба за власть и задачи рабочих // Анархист. Орган Архангельской федерации анархистов. 1918. № 1. 20 февраля. С. 2, 3.

⁵ См., например: Будьте готовы! // Голос труда. 1917. № 24. 23 декабря. С. 1.

⁶ Солтцев Н. [Блейхман И.С.]. Гражданская война. С. 1.

⁷ Ге. А. Русская революция // Буревестник. 1917. № 8. 19 ноября. С. 2; Волин [Эйхенбаум В.М.]. Заключение мира // Голос труда. 1917. № 21. 2 (13) декабря. С. 2.

поддержали его в январе 1918 г., призвав отвергнуть ультиматум Германии о принятии невыгодных условий мира¹.

Выборы в Учредительное собрание, прошедшие в ноябре 1917 г., анархисты бойкотировали, предполагая, что оно превратится в «буржуазно-социалистическое» учреждение или же в опору диктатуры большевиков. Исходя из этого они одобрили и разгон Учредительного собрания.² Между тем преследования деятелей оппозиции, проводимые новой властью, вызвали неоднозначную оценку анархистов. С одной стороны, лидеры САСП и ПФАГ осудили убийство депутатов Учредительного собрания, кадетов Шингарева и Кокоскина, отметив, что подобные расправы дают «повод и легкую возможность противникам революции... действуя на неустойчивые умы, отбросить их в лагерь равнодушных или – еще хуже – враждебно озлобленных»³. Вскоре, однако, большинство членов ПФАГ отвергло это решение, одобрив расправу. В анархистской прессе публиковались заявления, осуждавшие цензуру и восстановление смертной казни⁴. Вместе с тем часть анархистов оправдывала эти меры. Так, активист ПФАГ в ноябре 1917 г. писал, что, закрывая газеты кадетов и эсеров, «правительство большевиков нанесло удар не свободной, а рептильной прессе»⁵.

Антипарламентаризм отразился и на изменении отношения анархистов к Советам, превратившихся в органы власти. «Ваши Советы и другие организации на местах должны будут, понемногу, стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства», – писал В. Волин⁶. Разделяя эту позицию, многие призывали бойкотировать советские органы. В заявлении редакции газеты «Буревестник» говорилось: «С того же момента, когда в руки советов перешла государственная власть и эти выборные классовые учреждения начали издавать законы-приказы... с этого времени анархистам нельзя входить в эти властные государственные учреждения, стало невозможным покрывать их деятельность своим присутствием»⁷.

Однако на II конференции ПФАГ большинство делегатов поддержали участие в Советах с целью пропаганды при отказе от работы в исполнительных и судебно-карательных органах. Активисты САСП также призывали входить с этой целью в Советы, чтобы превратить их «в неизбежных предшественников Свободных Коммун»⁸. К зиме 1918 г. оформилось течение т. н. советских анархистов – лояльных большевикам сторонников участия анархистских организаций в органах советской власти. Его начало положила образованная в середине января на

¹ Р.А. «Толстовство» ли? // Голос труда. 1918. № 19 (43). 14 февраля. С. 2.

² См.: Вместо Учредительного Собрания // Голос труда. 1917. № 21. 2 (15) декабря. С. 1; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 121.

³ Волин [Эйхенбаум В.М.]. Судорога // Голос труда. 1918. № 1(25). 9 (22) января. С. 1.

⁴ Всякая власть портит людей... // Буревестник. 1917. № 29. 16 декабря. С. 4.

⁵ Анархист-коммунист. Петроград 23-го ноября 1917 г. // Буревестник. 1917. № 10. 23 ноября. С. 1.

⁶ Волин [Эйхенбаум В.М.]. Революция и анархизм. Б. м., 1919. С. 58.

⁷ Петроград 3-го декабря 1917 г. // Буревестник. 1917. № 18. 3 декабря. С. 1.

⁸ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 81–82; Шануро А. Коммуна и Советы // Голос труда. 1918. № 4 (28). 15 (28) января. С. 1.

III Всероссийском Съезде Советов фракция анархистов-коммунистов. Три ее делегата (А. Ге, Ф. Горбов и Г. Шачнев) были избраны во ВЦИК, заявив, что входят в него лишь «с целью агитации и пропаганды» без участия в голосованиях¹. Деятельность фракции вызвала раскол в анархистском движении. В январе 1918 г. из ПФАГ были исключены А. Карелин, Б. Верхоустинский, А. Ге и их сторонники, которых охарактеризовали как «анархо-меньшевиков и полугосударственных коммунистов», участвующих в «парламентских интрижках», а Советы – как парламентские учреждения².

Во время IV Всероссийского съезда Советов (14–16 марта 1918 г.) сторонники Карелина и Ге совместно с членами его анархо-коммунистической фракции провозгласили создание Всероссийской федерация анархистов-коммунистов (ВФАК)³. В апреле 1918 г. на страницах анархистских газет были опубликованы заявления протеста против участия анархистов во ВЦИК⁴. Издательская группа «Голоса труда» назвала сторонников Ге и Карелина «анархистами-шкурниками», обвинив в карьеризме и манипуляции: «Пользуясь слабой связью между нашими организациями, разрозненностью наших сил, они не стесняются выдавать себя за “представителей” мифических, не существующих анархических групп и организаций». По мнению анархо-синдикалистов, такие действия превращали анархистское движение «в марионетку в руках совета народных комиссаров»⁵.

В связи с критикой действий большевиков интересны оценки социально-классовой сущности их режима. Среди анархистов постепенно утверждалось представление о капиталистическом характере социально-экономической системы, установившейся в РСФСР. В. Гордин характеризовал новый строй как «диктатуру экс-пролетариата»: «Верхушкам пролетариата нужна была диктатура, чиновничьи места и верховодство, они пристроились и успокоились»⁶. Уже с ноября 1917 г. среди анархистов получила популярность оценка нового строя как государственного капитализма,⁷ что связывалось с тенденцией к государственному регулированию экономики в эпоху мировой войны, с проводимой большевиками национализацией и с бюрократизацией управления народным хозяйством. Активист МСРСП Людмилин утверждал, что управление экономикой на этой стадии общественного развития переходит к государству, правящим же классом становится интеллигенция – «аристократия знания и таланта», состоящая из

¹ 3-й Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Буревестник. 1918. № 13 (52). 20 января. С. 1.

² См., например: *Гефен К.* Они ушли... // Буревестник. 1918. № 15 (54). 23 января. С. 1.

³ Извещение IV Всероссийского Съезда Советов в Москве // Свободная коммуна. 1918 г. № 4. 9 апреля (27 марта). С. 1.

⁴ Заявления // Голос труда. 1918. № 1(59). 2 апреля. С. 1; Заявления // Анархия. 1918. № 20. 17 марта. С. 1.

⁵ Анархисты, самозванцы и ЦИК // Голос труда. 1918. № 1 (59). 2 апреля. С. 1.

⁶ *Бр. Гордины.* Почему мы против диктатуры пролетариата – против советской власти? // Буревестник. 1918. № 70 (109). 23 (10) апреля. С. 1.

⁷ См., например: *Атабекян А.М.* Против власти. С. 52; *Бортновский [Карелин А.А.]*. Государственный капитализм // Вольный Кронштадт. 1917. № 1. 2 октября. С. 3–4.

«специалистов управления и политики». В политической сфере установится господство «одного определенного общественного настроения» – социалистического¹.

Тем не менее захват власти большевиками усилил надежды на воплощение в жизнь идеалов анархического коммунизма. «Мы должны готовиться к анархической революции. Передовые отряды революционного авангарда уже опережают своих вожakov, они идут прямо к цели. Большевизм уже не удовлетворяет»², – писал один из членов ПФАГ. На эту перспективу был нацелен изданный в ноябре 1917 г. Манифест Московской Федерации Анархических групп. Для реорганизации производства и потребления предполагалось опереться на ФЗК и крестьянские союзы, объединенные «снизу вверх на федеративных началах» в «Союзы Труда», возглавляемые «экономическими советами». В их ведение перешли бы планирование и координация производства, его кредитование, налаживание обмена между городом и деревней, регулирование внешней торговли. На всероссийском уровне регулирующие функции переходили к Всероссийскому Совету Труда (ВСТ). Предполагались отмена обесценившихся денег и установление натуральной оплаты труда, реквизиция торговых предприятий и учет «всех продуктов земли и товаров». Снабжением населения должны были заниматься ФЗК и домовые комитеты. В области сельского хозяйства признавались три уклада: индивидуальный, «товарищеский» (коллективный) и общинный. Манифест признал власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на период формирования новой системы³. Эту модель социальных преобразований многократно дублировали анархо-коммунистические публицисты.

Весной 1918 г. в своих изданиях «бунтари» приводили факты экспроприации земли, предприятий, жилья, доказывая приближение решающего этапа борьбы. «Массы, левеющие не по дням, а по часам, гигантскими шагами сами приближаются к нашей программе Коммунистической Социальной Революции»⁴, – писал А. Ге. Надеясь на стихийные действия масс, «бунтари» начали создавать вооруженные отряды. Один из первых призывов к их формированию выдвинул активист ПФАГ Борис Верхоустинский: «Для организованного удара по Капиталу и по Власти, для смертельной битвы за Социальную Революцию – вот для чего необходимы эти вооруженные кадры... Массы слабы для осуществления этого, вольные дружины или помогут им своей силой или умрут вместе с ними»⁵. Формирование боевых отрядов анархистов шло в различных регионах уже с момента Октябрьского переворота. На это направление было брошено значительное количество сил. В марте 1918 г. в Москве началось формирование Черной гвардии. Ее целью была борьба против внутренней и иностранной контрреволюции⁶.

¹ Людмила. Смысл происходящего // Рабочая жизнь. 1918. № 22. 5 августа. С. 1.

² Горшков Н. Петроград 19-го ноября 1917 г. // Буревестник. 1917. № 8. 19 ноября. С. 1.

³ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 66–68.

⁴ Ге А. Перспективы и задачи // Буревестник. 1918. № 6 (45). 12 января. С. 1.

⁵ Верхоустинский Б.А. Анархические дружины // Буревестник. 1917. № 35. 23 декабря. С. 1.

⁶ В Совете Московской Федерации Анархистских Групп // Анархия. 1918. № 13. 7 марта. С. 4.

Не имея опоры в лице массовых рабочих и крестьянских организаций, сочувствующих идеям анархизма, эти отряды быстро утрачивали самостоятельное политическое значение, превращаясь в подразделения, подчиненные общему советскому командованию. Этому способствовали как достаточно низкий идейный и культурный уровень бойцов, упрощенное пониманием многими из них идей анархизма, так и проникновение в их ряды уголовных элементов. Большинство из них было разоружено и ликвидировано советскими властями весной–летом 1918 г. Одним из наиболее ярких примеров анархистских подразделений был Первый Вольно-боевой отряд по борьбе с контрреволюцией, находившийся под командованием легендарной «Маруси» – Марии Григорьевны Никифоровой¹. Политический курс Никифоровой во временно занимаемых ею на Украине населенных пунктах сводился, во-первых, к экспроприации и распределению богатств буржуазии, во-вторых, к террору (впрочем, применяемому довольно избирательно) в форме расстрелов или угроз смертной казнью в адрес тех, кого она считала сторонниками контрреволюции. При этом важно иметь в виду, что террор мог осуществляться и по инициативе местных жителей. Так было в январе 1918 г., когда «Маруся» расстреляла начальника горвоенкомата – бывшего полковника Владимирова по требованию солдат Елисаветградского гарнизона, обвинявших его в рукоприкладстве и невыдаче обмундирования с военных складов².

После прибытия в тот или иной город Никифорова облагала контрибуцией местную буржуазию и помещиков. Собранные средства шли на содержание ее отряда и иногда частично передавались местному Совету. Затем бойцы по ее приказу экспроприировали поместья, магазины и склады товаров. Причем было совершенно неважно, какие вещи изымать. Так, имеются свидетельства об экспроприации магазинов кондитерских изделий и женского белья, гардероба помещицы Фальц-Фейн. Экспроприированное раздавалось местному населению (вероятно, за исключением тех, кого считали «буржуями») и бойцам отряда. Вероятно, с ее точки зрения, это было своеобразной реализацией программы, изложенной в «Хлебе и воле» П.А. Кропоткина. Отметим, что подобные действия были характерны и для отрядов, возглавляемых большевиками, максималистами, левыми эсерами. Это подтверждают показания, данные на следствии по делу Никифоровой в Москве украинскими советскими деятелями и главнокомандующим В. Антоновым-Овсеенко, отмечавшими даже сравнительно высокий уровень боевой подготовки и дисциплины ее подразделения по сравнению со многими другими³.

Впрочем, несмотря на разногласия с большевиками и наличие собственных боевых отрядов, анархистские организации в ноябре 1917 – марте 1918 г. оставались сторонниками единства революционных сил в борьбе с контрреволюцией. «Пока большевики не подались вправо, пока они еще продолжают вести борьбу – борьбу не бумажную только, а фактическую – с контрреволюцией и буржуазией, – мы будем бить вместе с ними, даже будучи их идейными противниками»⁴, – заявлял А. Ге.

¹ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 135. Л. 13.

² Там же. Л. 28об.–29; *Чон В.* Маруся Никифорова. URL: <http://www.makhno.ru/lit/chon/2.php>

³ ЦГАМО. Ф. 4613. Оп. 1. Д. 135. Л. 18–20, 24–24об.

⁴ *Ге А.* Врозь идти, вместе бить // Буревестник. 1917. № 31. 19 декабря. С. 1.

В условиях нарастающего дефицита товаров, приближающегося голода, разрушения экономических связей между регионами в декабре 1917 – марте 1918 г. анархисты-коммунисты предлагали и свои проекты решения насущных проблем. Так, Карелин в декабре 1917 г. предложил созвать Всероссийский Рабочий съезд, целью которого было провозглашение социализации производства и восстановление связи между предприятиями. Предполагалось, что съезд создаст «Всероссийский Рабочий банк» для кредитования производства¹. Предлагалось создать из безработных «Революционную гвардию» для защиты революции и выполнения общественных работ². Ковалевич в марте 1918 г. призывал ввести трудовую повинность и осуществить ряд мер по борьбе с безработицей (сокращение рабочего дня до 4–6 час., освобождение безработных от платы за жилье, наделение их квартирами). Для предотвращения голода он предлагал провести конфискацию продуктов питания и промышленных товаров, а затем ввести их распределение по трудовым карточкам³.

Несмотря на радикализм «бунтарей», часть из них под влиянием нарастающего коллапса экономики приняла идеи «переходного периода». В конце марта 1918 г. на эти позиции перешел Ковалевич, утверждавший, что «анархия, как мы ее понимаем, еще не скоро будет». Переходный этап к ней является «безвластный социализм», «коммунистический социализм», связанный с установлением полновластия Советов, совместно с профсоюзами реорганизующими управление экономикой на началах самоуправления и федерализма⁴.

В отличие от «бунтарей», САСП даже не ставил вопрос о немедленном достижении анархического коммунизма. Предполагалось, что преобразования должны проводиться рабочими организациями, вытесняющими государственные структуры из сферы активной общественной жизни. Продовольственный вопрос намечалось решить через социализацию торговли, изъятие продуктов питания «из частноторгового оборота» и передачу их кооперативам. Одновременно речь шла о социализации жилья и распределении домовыми комитетами квартир среди нуждающихся. Федерации домовых комитетов должны были взять в свои руки городское хозяйство и регулировать потребление. ФЗК, объединенные в отраслевые и межотраслевые союзы, становились органами управления в промышленности и на транспорте. Низовыми органами власти объявлялись общие собрания трудового коллектива, жителей дома и квартала, а также избираемые для взаимодействия советы делегатов. Координационные функции предполагалось передать Всероссийскому рабочему съезду. ФЗК должны были наладить продуктообмен с деревней и центрами добычи природных ресурсов. Впоследствии товарообмен и организация общественного питания стали бы прерогативой рабочей кооперации.

Для преодоления безработицы анархо-синдикалисты предлагали организовать общественные работы, преимущественно для ремонта транспортных средств. Решение аграрного вопроса они видели в социализации земли и организации ее

¹ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 100.

² *Молотов*. К моменту // Буревестник. 1917. № 27. 14 декабря. С. 1.

³ *Ковалевич К.* Что делать? // Анархия. 1918. № 10. 3 марта. С. 3; *Ковалевич К.* Безработица и голод // Анархия. 1918. № 15. 10 марта. С. 1.

⁴ *Ковалевич К.* Вопросы дня // Анархия. 1918. № 69. 26 мая. С. 2.

обработки «на артельных, мирских, общинных началах» при распределении сельскохозяйственной продукции «по едокам». Управление в сельской местности переходило к волостным, уездным, губернским и областным крестьянским Советам. Профсоюзы сохраняли за собой функции социальной защиты населения. Организация учреждений образования и культуры становилась задачей «рабочих и крестьянских культурно-просветительных организаций». Лидеры САСП полагали, что органы самоуправления возьмут на себя «подавление буржуазных контрреволюционных попыток», парализовав «полицейские функции государства»¹.

Несколько иную позицию занял основанный в феврале 1918 г. МСРСП, лидерами которого были Н. Лебедев, Н. Проферансов и Н. Критская. Эта организация стояла на позициях революционного синдикализма, выступая за развитие «классовых профессиональных союзов, организующих всех рабочих независимо от их политических настроений»². Считая существование ФЗК нарушающим единство рабочего класса, московские синдикалисты поддержали их включение в состав профсоюзов в феврале 1918 г. Участие в Советах МСРСП отверг, считая эти организации «партийными». В качестве альтернативы предполагалось создать Советы рабочих союзов из профсоюзных делегатов. Активисты МСРСП призвали к созданию «трудовой республики» на основе федерации самоуправляющихся профсоюзов. ФЗК следовало включить в их состав, кооперативы превратить в подчиненные профсоюзам организации. Органами власти стали бы всероссийский и региональные Советы рабочих союзов. Регулирование отношений между местностями предлагалось осуществлять на основе свободных договоров. На некоторое время должны были сохраниться рыночные отношения при замене денег «трудовыми бонами». После восстановления производства предполагалось ввести распределение по потребностям. Силами профсоюзов МСРСП предлагал перераспределить работу и сократить рабочее время, что решило бы проблему безработицы. Революционные синдикалисты предлагали установить систему непосредственного обмена между крестьянскими организациями и профсоюзами³.

Особое место среди анархистских публицистов занял Ф.М. Неусыпов. В декабре 1917 г. он сформулировал концепцию «единого анархизма», призванную примирить различные анархические учения. Неусыпов признавал, что каждое из них удовлетворяет «в полной мере запросы разнохарактерных личностей, различных, органически связанных с натурой индивидуальных миропониманий». Допускал он и сосуществование различных моделей безвластного общества⁴. С точки зрения Неусыпова «переходно-революционный процесс» приведет к об-

¹ *Волин [Эйхенбаум В.М.]*. Вторая революция // *Голос труда*. 1917. № 13. 3 (16) ноября. С. 1–2; *Он же*. Революция и анархизм. С. 52; *Он же*. Грядущие задачи // *Голос труда*. 1917. № 22. 9 (20) декабря. С. 1; № 24. 23 декабря. С. 1–2; *Максимов Г.П.* К чему стремятся анархосиндикалисты // *Голос труда*. 1917. № 24. 23 декабря. С. 2–3.

² *Наша газета* // *Рабочая жизнь*. 1918. № 1. 25 (12) февраля. С. 1.

³ *Балин*. Профессиональные союзы и фаб<ично>-заводские комитеты // *Рабочая жизнь*. 1918. № 1. 25 (12) февраля. С. 2; *З. И. М.* Синдикалисты и Советы // *Рабочая жизнь*. 1918. № 4. 18 марта. С. 1.

⁴ *Марк Вольный [Неусытов Ф.М.]*. Единая платформа анархизма // *Буревестник*. 1917. № 32. 20 декабря. С. 2–3.

разованию Всероссийского Политического Союза Федеративных Республик, состоящих «из групп автономных штатов». Эту модель, переходную к анархии, он попытался продемонстрировать на примере Уральского казачьего войска, организованного как федеративный союз автономных станиц, управляемый по системе делегирования и прямой демократии. Реорганизацию экономической жизни России он предлагал провести на основе имеющейся сети кооперативов. В условиях развала экономических связей, краха денежной системы, полагал он, проще будет перейти непосредственно к натуральному обмену между кооперативными организациями¹.

Из анархистов-коммунистов наиболее подробную программу «переходного периода» представил Атабекян, предлагавший временно сохранить рыночные отношения. Он идеализировал Советы, веря в их потенциал для подготовки предпосылок безвластного общества, но главную роль в преобразованиях передавал домовым комитетам, предполагая, что они возьмут в свои руки обеспечение безопасности и снабжение горожан. Государство формально сохранялось, но его функции перешли бы в руки общественного самоуправления: «Таким образом, государство будет организовано на начале свободной кооперации, сельских (земских) и домовых (городских) общин, вместо принудительного объединения централизованной правительственной властью»². Социализированный сектор экономики (управляемые профсоюзами промышленные предприятия, находящаяся в ведении домовых комитетов городская недвижимость, перешедшие в руки коллективов рабочих и батраков крупные поместья) должен был сосуществовать с традиционным для России «общинным землепользованием», хуторскими и ремесленными хозяйствами. Предполагалось сохранить денежное обращение и налоги. Их сбор и распределение перешли бы к общим собраниям сельских общин, а в городах к жителям домов. Организация народного образования, здравоохранения, городского хозяйства, связи, транспорта, утверждение бюджетных смет и уровня оплаты труда переходили к профсоюзам. Предполагалось создать Союз Земских Народных Банков (СЗНБ) – федерацию домовых, районных, городских, уездных и губернских касс и земских народных банков. В рамках новой системы управления должны были сохраниться нанимаемая домовыми комитетами полиция, профессиональный третейский суд и построенная по территориальному принципу армия³.

Поскольку в большинстве анархистских проектов преобразования ФЗК занимали центральное место, борьбе за расширение их полномочий уделялось значительное внимание. 26–28 ноября 1917 г. на II конференции ПФАГ делегаты поддержали идею вхождения в комитеты с целью проведения социализации производства. Немногие, как В. Гордин, предлагали отказаться от участия в них. 15 ноября на V конференции ФЗК Петрограда и окрестностей синдикалисты предло-

¹ *Неусытов Ф.М.* Основы и формы организации автономии Уральского Казачьего Войска // Революционное творчество. 1918. № 1–2. Январь–февраль. С. 91, 98–101; *Он же.* Организация безденежного кооперативного товарообмена // Революционное творчество. 1918. № 1–2. Январь–февраль. С. 112–113, 116.

² *Атабекян А.М.* Против власти. С. 96.

³ Там же. С. 31–33, 96, 103–104, 106–107, 110–112, 114–119, 121, 125.

жили передать комитетам контроль над снабжением населения. Предполагалось усилить их роль в органах управления экономикой. Так, на Совещании председателей и секретарей ФЗК Петрограда 7 декабря 1917 г. Блейхман требовал предоставить представителям комитетов большинство мест в ВСНХ. В своем выступлении на I Всероссийском съезде профсоюзов Г. Максимов, выступивший с резолюцией от анархо-синдикалистов, предлагал превратить ВСНХ в совет представителей отраслевых и региональных федераций «фабрично-заводских, железнодорожных, банковых, торгово-промышленных, домовых... комитетов»¹.

Расширение сопротивления советской власти (бои на Украине, восстание Каледина на Дону, формирование отрядов Белой гвардии на Юге России и Дальнем Востоке) укрепили поддержку анархистами «единого революционного фронта». Их призывы к ускорению революции не сопровождались подготовкой свержения большевиков, хотя такой вариант и допускался в будущем. Лидеры ПФАГ и МФАГ даже опровергали слухи о подготовке восстания. Более того, часть анархистских отрядов была ликвидирована. 11 марта 1918 г. был распущен Штаб Анархических Боевых Дружин Петрограда². На наступление германских войск в январе–марте анархисты ответили призывом к организации революционной войны³. Подписание же Брестского мира 3 марта 1918 г. вызвало конфликт анархистов с большевиками. Анархистские организации, как уже отмечалось, осудили этот шаг. Ге в своей речи на IV Чрезвычайном съезде Советов от имени фракции анархистов-коммунистов призвал отказаться от ратификации договора, продемонстрировав миру, что «Русская Революция не боится быть раздавленной немецким бронированным кулаком»⁴. Вплоть до Ноябрьской революции 1918 г. в Германии анархисты призывали разорвать Брестский договор.

11–12 апреля 1918 г. ВЧК провела операцию по разоружению Черной гвардии и роспуску ее отрядов в Москве. Затем репрессии против анархистских отрядов прошли по всей стране. Анархисты рассматривали эту акцию как крах союза революционных сил и установление открытой диктатуры РКП(б). Протест выразили даже «советские анархисты», такие как А. Ге⁵. Особенно резко протестовало радикальное крыло МФАГ и ПФАГ, лидерами которого стали М. Крушинская, Г. Богацкий и В. Бжостек. Они утверждали, что удар по анархистам большевики готовили давно, а его истинными причинами были недовольство рабочих условиями Брестского договора и провал попытки реорганизовать экономику на социалистических началах. В результате РКП(б) начала поиск компромисса с буржуазией, пытаясь завоевать ее доверие разгромом радикальных союзников. Ковалевич прогнозировал, что вскоре большевики отстранят от власти и своих

¹ 1-й Всероссийский съезд профессиональных союзов // Голос труда. № 4 (28). 1918. 15 (28) января. С. 3; Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 41–43, 81–82, 265.

² Буревестник. 1918. № 46 (85). 24 марта. С. 1; № 48 (87). 27 марта. С. 1.

³ См: *Волин В.* За революцию! // Голос труда. 1918. № 23 (47). 20 февраля. С. 1; *Бар-маш В.В.* Слушай, товарищ! // Анархия. 1918. № 11. 5 марта. С. 1.

⁴ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 140.

⁵ Там же. С. 235; *Бр. Гордины.* Погром // Анархия. 1918. № 45. 24 апреля. С. 1; *Роштин И.* [Гроссман И.С.] Горе победителям // Голос труда. 1918. № 11 (69). 13 апреля. С. 2.

ближайших союзников – левых эсеров¹. Появились и открытые призывы к борьбе против диктатуры большевиков². И все же апрельские события не разрушили идею единства революционных сил. Критикуя диктатуру РКП(б), активисты МФАГ противопоставляли ей восстановление единого революционного фронта. Ради этого они были готовы даже на время отказаться от своей программы, выдвигая в качестве условия коалиции решительную социалистическую политику, без расстрелов и тюрем³. В случае отказа большевиков предполагался уход в подполье и даже применение террора⁴.

Теперь анархисты все больше обращали внимание на силы, которые стали бы противовесом диктатуре РКП(б). Так, прогнозировалось приближение крестьянской войны, которая приведет к свержению большевистской диктатуры. Наиболее глубокий анализ ее предпосылок дал В. Бармаш. Курс большевиков на национализацию земли и поддержку «беднейшего» крестьянства, полагал он, приведет к восстанию большинства населения – среднего крестьянства⁵. Однако нельзя назвать однозначно сочувственным отношение анархистов к антибольшевистским народным движениям. Так, негативно, как «авантюру правосоциалистических элементов», оценивали анархисты находившееся под влиянием меньшевиков движение «рабочих уполномоченных», хотя и отвергали репрессии против его активистов⁶. Блейхман лично участвовал в Чрезвычайном собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в апреле 1918 г., призывая к созданию коммуны и социализации производства, выступая против сотрудничества с буржуазией и большевиками⁷. Характерно при этом и неприятие анархистами т. н. белого террора, например, А. Гордин осудил убийство М. Володарского⁸.

Усиление террора большевиков против своих противников весной–осенью 1918 г. укрепило оппозицию анархистов к их власти. Прежде всего их протесты были направлены против смертных казней. «Принципы террора наносят удар, удар непоправимый – свободе и революции. Чудовищная власть одинаково развращает носителей ее и тех, над кем она стоит»⁹, – писал Алексей Боровой. На страницах газеты «Анархия» в марте–июне 1918 г. появились лозунги: «Долой расстрелы безоружных!», «Требуем немедленной отмены декрета о расстрелах безоружных, кто бы они были!», «Долой смертную казнь!» Анархисты протестовали и против казни незаслуженно обвиненного в заговоре адмирала А. Щастного

¹ См.: *Чернокостов М.А.* Довольно лжи! // Черное знамя. Вольная анархическая трибуна. 1918. № 1. 10–17 мая. С. 3; *Ковалевич К.* Разоружают // Анархия. 1918. № 46. 25 апреля. С. 1.

² См.: *Андрей [Андреев А.Н.]*. Что делать? // Анархия. 1918. № 57. 12 мая. С. 2.

³ См.: *Ковалевич К.* Еще не поздно // Анархия. 1918. № 59. 15 мая. С. 2.

⁴ *Владимир [Аршинов П.А.]*. Пора в подполье // Анархия. 1918. № 64. 21 мая. С. 1–2; *Андрей [Андреев А.Н.]*. Безнаказанные террористы // Анархия. 1918. № 83. 12 июня. С. 1.

⁵ *Бармаш В.В.* Земельный вопрос // Анархия. 1918. № 68. 25 мая. С. 2.

⁶ См.: За неделю // Рабочая жизнь. 1918. № 16. 17 июня. С. 1.

⁷ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006. С. 143–145.

⁸ *Бр. Гордины*. Террор // № 93. Анархия. 1918. 25 июня. С. 1.

⁹ *Боровой А.А.* Террор и соглашательство // Жизнь. 1918. № 31. 1 июня (19 мая). С. 3.

и даже Ф. Каплан, совершившей покушение на В. Ленина¹. Также они осудили изгнание из Советов умеренных социалистов².

Первоначально успешное наступление германских войск на Западном фронте, укрепление позиций Германии на Украине, в Финляндии и Прибалтике подпитывало опасения новой интервенции против РСФСР. В конце апреля 1918 г. эти ожидания усилились после установления германскими властями правления гетмана П.П. Скоропадского на Украине. Считая это первым шагом на пути к восстановлению монархии в России, МФАГ призвала трудящихся вооружаться и готовиться к сопротивлению, развернуть партизанскую войну, поддержав крестьянские восстания против оккупантов³. Реакцией на усиление Германии стало и проявление националистических симпатий среди группы «советских анархистов», издававших беспартийную газету «Жизнь». Так, А.А. Боровой проповедовал патриотизм и национализм «как живое, здоровое чувство любви к своей родине»⁴. Я.И. Кирилловский, призывавший русскую интеллигенцию стать «патриотичной» и «национальной», открыто предлагал большевикам вновь вступить в войну на стороне Антанты. Во время восстания чехословацкого корпуса он призывал к примирению с восставшими, полагая, что их подразделения необходимы как военная сила против Германии⁵.

Считаясь с угрозой германского вторжения, некоторые активисты одобрили призыв в Красную Армию⁶. Однако создание регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии вызвало критику со стороны большинства анархистских организаций, отвергавших принятие на службу бывших офицеров и генералов, принудительную мобилизацию, и приветствовавших лозунг всеобщего вооружения народа⁷. Так, активист САСП А. Лисс указывал, что новая армия представляет реакционное явление, поскольку «отрывает воина от его класса» и формирует искусственно новую военную «касту». Поскольку цель борьбы солдату «диктуется... тем, в чьих руках его жизнь», военными чиновниками, РККА не отличается от обычных вооруженных сил. В качестве альтернативы он предлагал добровольную армию из бывших царских солдат и отрядов Красной гвардии, организованную на основе предприятий и крестьянских общин⁸.

¹ См., например: *Атабемян А.М.* Памяти мученика // Анархия. 1918. № 93. 25 июня. С. 1.

² См., например: *Новомирский [Кирилловский Я.И.]* Запрос революции // Жизнь. 1918. № 43. 16 июня С. 3.

³ Революция в опасности! // Анархия. 1918. № 55. 10 мая. С. 1; *Уралов М.* К восстанию // Анархия. 1918. № 98. 30 июня. С. 2.

⁴ *Боровой А.А.* Анархизм. М., 1918. С. 148, 153.

⁵ *Новомирский [Кирилловский Я.И.]* Новая корниловщина // Жизнь. 1918. № 39. 11 июня (29 мая). С. 3; *Он же.* Русский пример // Жизнь. 1918. № 42. 15 июня. С. 3. 1918.

⁶ См., например: *Бр. Гордины.* На защиту революции // Анархия. № 74. 1918. 1 июня. С. 1.

⁷ См., например: *Андрей [Андреев А.Н.]* Наконец то! // Анархия. № 74. 1918. 1 июня. С. 1.

⁸ *Лисс А.* Красная Армия и борьба классов // Голос труда. 1918. № 21 (45). 17 февраля. С. 2–3.

Весной 1918 г. в анархистском движении усилилось влияние «советских анархистов», сторонников поддержки политики РКП(б). Причины этого разнообразны. Прежде всего апрельский разгром анархистских организаций ослабил радикальное крыло движения. Кроме того, оппозиционные анархистские органы печати постепенно прекратили свое существование. В мае из-за недостатка средств прекратилось издание «Буревестника», тогда же после выхода первого номера была запрещена газета «Черное знамя», 2 июля решением Президиума ВЧК была закрыта «Анархия»¹. Росту пробольшевистских настроений способствовала и динамика Гражданской войны, сопровождавшаяся поляризацией политических сил. Воспринимая большевистскую диктатуру как меньшее зло по сравнению с победой белых, «советские анархисты» признали необходимость работы в государственных органах, выразив надежды на их эволюцию в духе широкого народного самоуправления. В апреле–июле 1918 г. эту позицию заняли издававшие беспартийную газету «Жизнь» анархисты А. Боровой Я. Новомирский (Кирилловский) и сотрудничавший в ней Г.Б. Сандомирский. Установленная большевиками система характеризовалась ими как «поворотный пункт в сторону от “демократии”, от лжи ее всеобщего избирательного права, испытанных гнусностей ее парламентаризма»². Указывая на тяжелые экономические условия, вынужденный мир с Германией, редакторы «Жизни» призывали примириться с большевиками ради спасения революции от гибели. Борьба против РКП(б) приравнивалась к пособничеству монархистам. Выходом из ситуации Новомирский и Боровой признавали «единый фронт против черной сотни и против Германии вокруг советов»³.

С позиций «советского анархизма» выступали и активисты ВФАК во главе с А. Карелиным, утверждавшим прогрессивность преобразований большевиков, как обеспечивающих предпосылки для анархического коммунизма. В своем выступлении на V Всероссийской съезде Советов, 9 июля 1918 г., Карелин выразил поддержку аграрно-продовольственной политике РКП(б). Он призвал сторонников советской власти «неустанно работать», чтобы создать «социалистическое государство» и обеспечить «условия для могучего роста великой русской земли». Источая похвалы политике Ленина и РКП(б), секретарь ВФАК поддержал введение хлебной монополии государства и твердых цен на хлеб. Карелин одобрил и комитеты крестьянской бедноты, создававшиеся большевиками с целью раскола крестьян и контроля над деревней. В целом положительный отзыв он дал действиям продовольственных отрядов: «Что касается продовольственных отрядов, то, хотя они иногда и безобразничают в деревне, однако, приносят несомненную пользу»⁴.

¹ Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 247.

² Боровой А.А. К бодрости! // Жизнь. № 1. 1918. 28 апреля. С. 3.

³ Сандомирский Г.Б. Расслоение большевизма // Жизнь. 1918. № 22. 22 мая. С. 3; Новомирский Я.И. Нам с вами // Жизнь. 1918. № 24. 24 мая. С. 3.

⁴ 5-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенограмма заседания 9-го июля // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1918. № 139 (403). 6 июля. С. 2.

Весна 1917 – лето 1918 г. стали для российских анархистов временем первых социальных экспериментов, связанных с проведением в жизнь на оказавшихся под их контролем территориях преобразований в синдикалистском и анархистском духе. Такая обстановка сложилась в Гуляй-Польской волости Александровского уезда Екатеринославской губернии (март 1917 – июль 1918 г.), в Черемховском угольном бассейне под Иркутском (май 1917 – июнь 1918 г.), в Макаровской волости Весьегонского уезда Тверской губернии (июнь–ноябрь 1917 г.). Однако во всех трех случаях следование ортодоксальным анархистским принципам сочеталось с занятием анархистами позиций в системе власти. Так, в Гуляй-Поле Н.И. Махно одновременно занимал посты председателей Совета, Комитета защиты революции и комиссара милиции. Одновременно он был избран руководителем крестьянского союза, профсоюза и больничной кассы взаимопомощи. В Черемховском районе лидер анархо-синдикалистов А. Буйских с марта 1917 г. занимал посты председателя профсоюза шахтеров, с 1 ноября – председателя президиума Исполкома Черемховского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Анархиста-индивидуалиста И.Е. Мокина, руководившего крестьянским движением в Макаровской волости, крестьяне избрали председателем волостного земства, а 17 декабря – председателем волостного Совета крестьянских депутатов.

В соответствии с принципами анархистской идеологии эти преобразования проводились с опорой на систему общественных и политических организаций, обеспечивавших массовую поддержку населения. В Гуляй-Поле это были «Союз крестьян», комитет батраков, профсоюз рабочих металлургической и деревообрабатывающей промышленности. В Черемхове такую роль сыграли 9 избранных горняками рудничных комитетов бассейна и Черемховский профсоюз горнорабочих, в котором доминировали анархисты. В Макаровской волости поддерживавшими преобразования общественными институтами стали сельские и волостные сходы. В Гуляй-Поле и Черемхове большую роль сыграли анархистские организации, осуществлявшие де-факто политическое руководство движением («Группа анархистов-коммунистов» Гуляй-Поля и имевшая разветвленную структуру из групп на всех рудниках района Анархистская федерация в Черемхове). Вооруженную поддержку преобразованиям здесь оказывали подконтрольные анархистам отряды Черной и Красной гвардий¹.

При этом следует учитывать, что преобразования анархистов были продиктованы в значительной мере требованиями их социальной базы. Так, в Гуляй-польском районе и Макаровской волости, большую часть населения которых составляли объединенные в общину крестьяне-середняки, на первое место вышла аграрная реформа, представлявшая собой «черный передел» земли помещиков в пользу безземельных крестьян, бедняков и середняков. В Гуляй-поле за крупными землевладельцами были сохранены небольшие наделы, часть скота и орудий труда для индивидуального ведения хозяйства. Попытки же анархистов создать на принципах добровольности сельскохозяйственные коммуны не получили ши-

¹ Скирда А. Нестор Махно, казак свободы. 1888–1934. Гражданская война и борьба за вольные советы в Украине 1917–1921. Париж, 2001. С. 32; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии: вторая половина XIX в. – 1918 г. Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2004. С. 232–233, 276; Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 144, 146, 166; Ч. 2. С. 190.

рокой поддержки крестьянства. В коммуны, созданные на базе бывших немецких колоний Нейсфельд и Классен, вошли только безземельные крестьяне и батраки (около 400 чел.). В Гуляй-Поле рабочие заводов Кернера, Кригера и мельниц даже отвергли предложения анархистов о коллективизации предприятий, отложив их до проведения аграрной реформы. В итоге анархисты ограничились введением рабочего контроля¹. В Черемхове, где угледобывающая промышленность являлась основной отраслью экономики, преобразования были направлены на социализацию производства. Первые меры стихийно предпринимались уже в мае 1917 г., когда под руководством Буйских рабочие взяли в коллективную собственность один из рудников и завод, передав предприятия под управление рабочих комитетов и назначив предпринимателю пенсию в размере 4 % от его бывшего дохода. Окончательно социализация (путем передачи в собственность Черемховского Совета рабочих и крестьянских депутатов при полном управлении на местах со стороны рудничных и заводских комитетов, избранных трудовыми коллективами) рудников и заводов была проведена в конце декабря 1917 – начале января 1918 г.²

Ряд мер был продиктован необходимостью социальной защиты населения в условиях нарастающей экономической разрухи. Сюда относится повышение оплаты труда. В Черемхове на это направление были брошены основные средства Совета и рудников. В итоге размер заработной платы рабочего здесь в 1,5–2 раза превысил средний размер оплаты труда в других районах Сибири. Понятны с этой точки зрения и проводившиеся реквизиции. В Черемхове весной 1918 г. были произведены разделы среди рабочих имущества подсобного предприятия по откорму свиней и Троицкого спиртового завода. В Гуляй-Поле прошла конфискация в местном отделении банка 2,5 млн руб., затем распределенных между учреждением для военных сирот, отделом снабжения Совета и революционным комитетом. В Макаровской волости был реквизирован и распределен среди нуждающихся хлеб, который помещик Измайлов пытался вывезти за пределы имения³. Были также предприняты попытки наладить прямые экономические связи с московскими предприятиями. Особенно показателен обмен хлеба на ткани, осуществленный в конце 1917 г. отделом снабжения Гуляй-Польского совета⁴.

Между тем в других регионах, где анархисты оказались у власти в 1918 г. (Бежецкий, Краснохолмский и Весьегонский уезды Тверской губернии), процесс проводимых ими преобразований имел тенденцию, связанную с установлением открытой этатистской диктатуры. Так, в Краснохолмском уезде 10 марта 1918 г. уездный Совет возглавил анархист П.А. Магунов. В Бежецком уезде в марте–июле 1918 г. председателем уездного исполкома был избран анархист-коммунист А.Г. Зуев. Бежецкий уездный совет (с июля 1918 г. и уездный исполком) возглавил анархист Л.А. Алексеев. В конце января 1918 г. комиссаром обложения,

¹ Скирда А. Нестор Махно, казак свободы. С. 33–35; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии С. 232–233.

² Штырбул А.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 144; Ч. 2. С. 183–184.

³ Там же. Ч. 1. С. 144; Ч. 2. С. 183–185; Скирда А. Нестор Махно, казак свободы. С. 38; Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. С. 233.

⁴ Скирда А. Нестор Махно, казак свободы. С. 36.

труда, промышленности и торговли Весьегонского уезда был избран анархист-индивидуалист И.Е. Мокин. Как правило, анархисты в данном случае рассматривали советскую власть «как переходную власть к анархизму»¹. К тому же, в отличие от имевших солидный стаж работы в анархистском движении Н. Махно и А. Буйских, к власти здесь пришли по большей части политически неграмотные, но весьма авторитарные лидеры. Ярким примером является Зуев, лишь в начале апреля 1918 г. примкнувший к анархистам.

В отличие от своих товарищей в Черемхове и на Украине бежецкие анархисты после прихода к власти отбросили сам анархизм и взяли курс на осуществление политики в духе «военного коммунизма» или же нэповского государственного капитализма (в Весьегонске) еще задолго до официального их провозглашения. Прежде всего анархисты Тверской губернии проводили экспроприацию собственности состоятельных слоев населения с помощью чрезвычайных налогов и штрафов. 4 марта 1918 г. в Бежецком уезде была проведена национализация промышленности и торговли. Добытые средства использовались для поддержки социальной базы. Например, проводилось распределение среди беднейшего крестьянства товаров, реквизированных в процессе национализации торговых предприятий. Вскоре, еще до начала политики «военного коммунизма», там же была введена трудовая повинность для граждан обоего пола 18–45 лет. Однако итогом этих реформ стали полное разрушение торговли, рост цен на продукты питания, введение централизованных закупок товаров Советом, распределение продуктов питания по карточкам, рост бюрократического аппарата. Популярность местных анархистов среди крестьян-бедняков, рабочих и демобилизованных солдат, полученная благодаря радикализму их лозунгов, не была подкреплена ни созданием собственной организации, ни широким распространением анархистских идей среди населения. Единственной мерой, отвечавшей идеям безгосударственного коммунистического общества, была организация Бежецкой трудовой сельскохозяйственной коммуны, в которую объединились 28 чел. (в т. ч. 10 анархистов)².

В Весьегонском уезде уже упоминавшийся И.Е. Мокин стал инициатором проведения экономической политики в духе государственного капитализма. Первоначально он, как и его бежецкие товарищи, проводил чрезвычайные меры по обложению чрезвычайным налогом промышленников и купцов. В то же время, будучи анархистом-индивидуалистом, Мокин исходил из того, что только на основе взаимной заинтересованности можно создать у людей стимул к производительному труду. В апреле–мае 1918 г. национализированные ранее предприятия (лесопильный и кожевенный заводы) были переведены им на хозрасчет и переданы в управление бывшим владельцам. Совет освободил их от контрибуций и налогов, поставлял оборудование и гарантировал определенный процент от прибыли³.

¹ Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. С. 278–279, 286, 320, 323.

² Там же. С. 264, 320, 328–331, 333, 337, 348–349; Суворов В.П. Производственный федерализм П.А. Кропоткина и попытки его осуществления на Тверской земле (к истории создания и деятельности Бежецкой трудовой земледельческой коммуны) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. СПб., 2005. С. 207–209.

³ Суворов В.П. Анархизм в Тверской губернии. С. 329.

Следует отметить, что свои преобразования анархисты проводили до начала Гражданской войны либо на ее ранней стадии, еще имея возможность относительно бескровно удержать контролируемые ими районы. Слабость центральной власти летом 1917 – весной 1918 г. обеспечила местному советскому руководству широкую автономию в определении политического курса на местах. Однако уже в мае–июле 1918 г. союзниками-большевиками были отстранены от власти анархистские руководители в Тверской губернии. Анархистские же социальные эксперименты на Украине и в Сибири были свернуты в результате победы контрреволюционных сил (немецких интервентов, украинских националистов и чехословацкого корпуса).

Как видим, революционные события 1917 г. впервые в истории России открыли перед анархистами перспективы воплощения в жизнь безгосударственной коммунистической модели общественного устройства. Реализацию своих программных принципов они пытались связать с современными общественными структурами, ориентируясь на Советы, фабрично-заводские комитеты, кооперативы, крестьянские союзы. Формирование и развитие органов общественного самоуправления порождали самые смелые надежды, вплоть до полной победы либертарной социальной революции. Вместе с тем в эпоху радикальной смены политической и социально-экономической модели развития России произошел пересмотр теоретических концепций и тактики анархистов, вынужденных обратиться к идеям «переходного периода», предполагающим сохранение элементов государственности и товарно-денежных отношений в период после победы социальной революции.

Стремительный рост влияния других леворадикальных сил (большевиков, левых эсеров, максималистов, меньшевиков-интернационалистов), использовавших порой близкие требования и фразеологию, отнимал у анархистов немало потенциальных сторонников. В этой ситуации анархистским организациям оставалось играть роль младших партнеров в коалиции с большевиками и левыми эсерами. Так действовало большинство анархистов. Оставалась, правда, возможность уйти в изоляцию и пытаться проводить собственный политический курс, играя роль «третьей силы». Однако эта позиция не получила поддержки подавляющего большинства участников движения, в ситуации нарастания Гражданской войны оказавшихся под влиянием полярных политических сил.

Следует отметить, что и анархистские социальные эксперименты в этот период показали невозможность полной реализации либертарной программы преобразований. Прежде всего анархисты оказались привязаны к требованиям собственной социальной базы (рабочих, крестьянства, солдат), далеко не всегда стремившихся к поддержке их программных требований в полном объеме. Скорее, они видели в сторонниках безвластия радикальных революционеров, способных предложить немедленное решение насущных социально-экономических проблем. Кроме того, оказавшись у власти на местах, анархисты были вынуждены считаться с необходимостью обеспечить своим регионам выживание в условиях надвигающейся экономической разрухи. Не имея опоры в виде массовых рабочих организаций, созданные анархистами вооруженные отряды были сравнительно легко ликвидированы уже летом 1918 г. Их организаторам оставалось либо, следуя логике «единого революционного фронта», поддержать большевистскую диктатуру, или же искать опору в лице оппозиционных крестьянских и рабочих движений.

Этот выбор впоследствии стал определяющим для стратегии анархистов в эпоху Гражданской войны, что выразилось в поддержке большевиков, с одной стороны, и в активной борьбе в рядах махновщины, сибирских и кронштадтских повстанцев, с другой.

Глава 5. РОССИЙСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

(П.Ю. Савельев)

5.1. Состояние социал-демократического движения в России накануне Февраля 1917 г.

К 1917 г. российское социал-демократическое движение продолжало оставаться фрагментированным¹. На его крайнем правом фланге находилась малочисленная группа Г.В. Плеханова, принявшая название Всероссийской социал-демократической организации «Единство». Она занимала патриотическую позицию, считая, что победа Германии приведет к торжеству реакции, и выдвигая в условиях войны на первый план задачу обороны Отечества. Лидеру группы Плеханову были присущи глубокое убеждение в необходимости восстановления единства российского и международного социал-демократического движения, негативное отношение ко всякой фракционности².

Первоначально эклектичный меньшевизм в условиях войны раскололся на три основных течения – патриотическое, центристское и интернационалистское. Первое течение представляла небольшая группа литераторов-патриотов во главе с А.Н. Потресовым, которая действовала в России³. Она выдвинула формулу «непротиводействия» войне, затем трансформировавшуюся в лозунг «самозащиты» от германской агрессии, которая угрожает демократизации России⁴. По большинству принципиальных вопросов позиция потресовской группы не отличалась от плехановского «Единства». Их объединению мешали лишь личный конфликт Плеханова и Потресова и отношение к меньшевизму, который для Плеханова был так же неприемлем, как и большевизм.

«Центристы» также действовали в основном в России и группировались вокруг официальных партийных учреждений [Организационный комитет

¹ См.: *Тютюкин С.В.* Большевизм: Страницы истории. С. 275–319; *Савельев П.Ю.* Проблемы патриотизма, национализма и интернационализма в идеологии российской социал-демократии // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). М., 2015. С. 240–246.

² См.: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 301–323; *Костяев Э.В.* Отношение Г.В. Плеханова и его единомышленников к проблемам войны и мира в 1914–1918 годах. Саратов, 2002.

³ Кроме него в группу входили В.И. Засулич, Е. Маевский (В.А. Гутовский), П.П. Маслов, Н. Череванин (Ф.А. Липкин) и др.

⁴ Первая мировая война в оценках современников М., 2015. Т. 4. С. 67–74; 112–129; 180–186; 273–294; 338–346; 437–446.

(ОК)¹, социал-демократическая фракция Думы²] и рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета во главе с рабочим К.А. Гвоздевым³. Рабочие группы существовали еще в 58 из 244 местных ВПК. Участие рабочих в ВПК приветствовали и «патриоты», тогда как «интернационалисты» и большевики их бойкотировали. Выступая с осуждением войны и желая заключения демократического мира, «центристы» не шли на разрыв с официальным руководством II Интернационала. К 1917 г. им так и не удалось обеспечить координацию работы меньшевистских организаций и наладить выпуск общероссийской нелегальной газеты. Рабочие группы ВПК санкционировали стачки в день памяти жертв 9 января, а затем 14 февраля 1917 г., в день открытия очередной сессии Думы, чтобы выразить свой протест против политики царского правительства. В ответ власти арестовали членов группы, еще более увеличив тем самым их популярность у части рабочих. Резкая критика правительства звучала и в выступлениях социал-демократических депутатов Государственной думы на ее февральской сессии⁴.

«Интернационалисты» сосредоточивались за границей и имели два организационных центра – собственно меньшевистский Заграничный секретариат Организационного комитета⁵ и газету «Голос» (затем «Наше слово»)⁶. Из российских организаций этого направления наиболее активной была Петроградская инициативная группа во главе с О.А. Ерманским, действовавшая нелегально. Что касается группы ссыльных во главе с И.Г. Церетели, то она занимала особое место⁷. Несмотря на ряд серьезных разногласий в рядах интернационалистов (Мартов – Аксельрод; Заграничный секретариат ОК – Троцкий), в целом они решительно выступали против империалистической войны, осуждали «патриотов» и критиковали «центристов», а завершение войны связывали с глобальными демократическими преобразованиями во всем мире и возрождением международной организации социалистов.

Еще левее меньшевиков располагались «внефракционные» интернационалистские группы. С начала 1917 г. под влиянием высланного из Франции Троцкого крайне радикальное направление принимает социал-демократическая газета «Новый мир» (Нью-Йорк). В ее издании принимала участие и группа левых большевиков во главе с Н.И. Бухариным. В самой России сторонниками

¹ Состав ОК постоянно менялся. В начале 1917 г. в него входили, по неполным данным, Б.С. Батурский, Б.О. Богданов (секретарь), депутаты Думы М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, В.И. Хаустов и представители Бунда М.Г. Рафес и Г.М. Эрлих.

² Н.С. Чхеидзе (лидер фракции), И.Н. Маньков, М.И. Скобелев, И.Н. Туляков, В.И. Хаустов и А.И. Чхенкели.

³ Кроме него в рабочую группу ЦВПК вошли В.М. Абросимов (оказавшийся провокатором), Я.И. Аносовский, Г.Е. Брейдо, Е.А. Гудков, И.И. Емельянов, Г.А. Кузьмин, Г.К. Комаров, М.Я. и Ф.Я. Яковлевы. Секретарем группы был Б.О. Богданов.

⁴ Большевики в 1917 году. В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 112.

⁵ Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, А.С. Мартынов, С.Ю. Семковский, И.С. Астров.

⁶ В редакцию входили меньшевики Ю.О. Мартов и В.А. Антонов-Овсенко, Л.Д. Троцкий, все более сближавшийся с большевизмом, бывший член группы «Вперед» Д.З. Мануильский и большевики-примиренцы С.А. Лозовский и М.К. Владимиров.

⁷ Кроме него в группу входили С.Л. Вайнштейн, Ф.И. Дан, бывшие большевики В.С. Войтинский, Б.И. Николаевский, Н.А. Рожков.

Троцкого были «межрайонцы» – члены подпольной Межрайонной организации объединенных социал-демократов, возникшей в Петербурге еще в ноябре 1913 г., лидером которой являлся бывший большевик К.К. Юренев. «Межрайонцы» ставили своей задачей восстановление единства РСДРП путем примирения и объединения различных политических течений и фракционных группировок, в то же время яростно критиковали «патриотов» с позиций «интернационализма», а большевиков за раскольничество.

Наконец, интернационалистскую позицию занимала группа литераторов, объединившаяся вокруг легального литературно-политического ежемесячника А.М. Горького «Летопись», издававшегося в Петрограде с декабря 1915 г. Его политическую линию определяли Б.В. Авиллов, В.А. Базаров и Н.Н. Суханов.

Крайне левый фланг российской социал-демократии представляли большевики. В условиях войны они полностью утратили свои легальные структуры. В эмиграции, в Швейцарии, действовала Заграничная коллегия ЦК РСДРП (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев и Н.К. Крупская), она же редакция газеты «Социал-демократ». В этой газете был опубликован, написанный В.И. Лениным, программный документ большевизма – Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия»¹, где выдвигались лозунги поражения своего правительства, полного разрыва социалистов со II Интернационалом и создания III Интернационала, превращения империалистической войны в войну гражданскую, которая должна завершиться созданием социалистических Соединенных Штатов Европы. Последний лозунг вскоре был Лениным снят. Одновременно он высказал мысль о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой стране. Платформа Ленина разделялась далеко не всеми лидерами большевиков. Существовала оппозиция ему как справа (Л.Б. Каменев), так и слева (Н.И. Бухарин).

В самой России в Петербурге действовало Русское бюро ЦК (А.Г. Шляпников, П.А. Залуцкий, В.М. Молотов.). Регулярной связи с Заграничной коллегией и с местными организациями Бюро не имело и занимало более прагматичную позицию, чем эмигранты, в частности, по вопросу объединения социал-демократов разных оттенков. С этой точки зрения нужно оценивать факт вхождения А. Г. Шляпникова в «Информационный центр» левых партий и групп, созданный незадолго до Февральской революции 1917 г. в Петрограде. Русское бюро находилось в постоянном контакте с Петербургским (несмотря на переименование столицы в 1915 г., городской комитет РСДРП сохранял старое название до 1921 г.) комитетом (ПК) РСДРП, занимавшим еще более осторожную позицию по отношению к «заграничникам».

Разнообразные группы «интернационалистов» от левых меньшевиков до большевиков объединялись международным циммервальдским движением, которое получило свое название от Международной социалистической конференции, работавшей в Циммервальде в сентябре 1915 г. Конференция приняла антивоенный Манифест и создала свой исполнительный орган – Интернациональную социалистическую комиссию (ИСК). Соответственно, термин «циммервальдист» стал синонимом слова «интернационалист».

¹ См.: Первая мировая война в оценках современников. Т. 4. С. 89–94.

Что касается оценки имевшихся у социал-демократов сил, то в литературе чаще всего приводятся преувеличенные и противоречивые сведения. Так, относительно численности большевистских организаций приводят расчетную цифру Всероссийской партийной переписи 1922 г. – 23,6 тыс. членов¹. С учетом того, что в петроградской организации большевиков состояли 2 тыс. чел, в московской окружной – 600 чел., а в остальных существенно меньше, В.И. Миллер уточнил, что в феврале 1917 г. у большевиков насчитывалось около 10 тыс. чел.² По его оценке, численность меньшевиков была примерно такой же, но речь шла преимущественно о членах легальных организаций³. Около 10 тыс. членов имел Бунд, еще 2–3 тыс. состояли во «внефракционных» организациях.

5.2. Консолидация и размежевание социал-демократов

Февральские события в России застали социал-демократов врасплох⁴. 23–26 февраля никаких осмысленных действий со стороны руководящих центров не наблюдалось. Лишь 27 февраля Русское бюро ЦК РСДРП, члены которого в тот день были освобождены из тюрьмы восставшими, выступило с манифестом «Ко всем гражданам России», где говорилось о победе революции, а перед рабочим классом ставилась задача создать Временное революционное правительство, которое должно было ввести 8-час. рабочий день, конфисковать помещичьи земли и обеспечить созыв Учредительного собрания⁵. Ни слова в Манифесте не было сказано о Советах рабочих депутатов. Однако именно в день издания Манифеста в Таврическом дворце начали собираться избранные на заводах депутаты. Ими был образован Исполком Совета рабочих депутатов, в котором доминировали меньшевики-центристы. В Исполком вошло всего 2 большевика – Шляпников и Залуцкий. Председателем Совета стал Н.С. Чхеидзе, его заместителями – М.И. Скобелев и А.Ф. Керенский. Секретарями были избраны – К.А. Гвоздев, К.С. Гриневич, Н.Д. Соколов и Г.Г. Панков⁶. Результат выборов отразил реальное соотношение сил в социал-демократической среде.

В воззвании ОК РСДРП (28 февраля), в отличие от большевистского Манифеста, содержался призыв поддержать создание Временного правительства и сплотить все революционные силы в Советах⁷. Если большевики первоначально явно недооценили организационные возможности Советов и авторитет, которым они пользовались среди рабочих и солдат, то меньшевики отдавали приоритет советской работе, отставая от большевиков в деле партийного строительства.

¹ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. М., 1923. С. 32.

² Миллер В.И. Осторожно: история! М., 1997. С. 106–107.

³ Там же. С. 104–105.

⁴ См., например: *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Paris, 1963. С. 15; *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 21.

⁵ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (КПСС в резолюциях и решениях). 9-е изд. Т. 1. М., 1983. С. 484–485.

⁶ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 76–77, 91–93.

⁷ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 140–142.

Одновременно началось восстановление системы местных и региональных партийных организаций, сопровождавшееся бурным ростом численности социал-демократов, причем преобладали объединительные настроения. В небольших центрах почти повсеместно создавались объединенные организации. Даже спустя полгода после ряда глубоких политических кризисов, раскалывавших социал-демократов, объединенными считали себя 65 организаций с общим числом членов 67 тыс. чел.¹ В Петрограде, где традиция фракционной борьбы была сильнее, эта тенденция проявлялась не столь заметно. Так, 2 марта состоялось учредительное собрание большевистской городской организации, избравшее легальный Петербургский комитет РСДРП. В него вошли Л.М. Михайлов (председатель), Б.В. Авилов, Н.И. Подвойский, П.И. Стучка и А.Г. Шляпников (от ЦК). В дальнейшем в состав комитета кооптировались представители районов². 4 марта ПК слушал представителя петроградской меньшевистской инициативной группы, уполномоченного общим собранием меньшевиков предложить большевикам объединение³. Члены комитета благожелательно отнеслись к предложению. Было принято решение, сформулированное В.Н. Залежским, образовать федеративный комитет, как в 1905 г.⁴ Но дальше этого дело не пошло, поскольку большинство членов ПК высказались против объединения на паритетных условиях, и 6 марта состоялось учредительное собрание Петроградской организации меньшевиков. В течение марта 1917 г. выборные комитеты – объединенные, меньшевистские и большевистские формировались и в других городах. Возобновилось издание легальных социал-демократических газет.

В марте появились первые отклики на события в России политэмигрантов. В.И. Ленин в «Письмах из далека» допускал возможность перерастания победившей революции в новую фазу, в результате чего власть должна перейти в руки пролетариата и беднейших крестьян. Он считал, что новое рабоче-крестьянское правительство будет иметь форму Советов рабочих и солдатских депутатов. Его главными задачами являются: слом прежней государственной машины и замена ее всеобщей организацией вооруженного народа, заключение демократического мира, конфискация помещичьей земли и национализация всей земли, контроль над производством и распределением и введение всеобщей трудовой повинности⁵.

Близкой к Ленину позиции придерживался и Троцкий. В статье «Война или мир?», опубликованной 20 марта в газете «Новый мир», он выдвинул лозунги: «Долой империалистических хищников! Да здравствует Революционное Рабочее правительство! Да здравствует мир и братство народов!»⁶ Их позиция различалась только тем, что Ленин видел возможность победы пролетариата в России

¹ *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. С. 130.

² Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 36.

³ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1. С. 142.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 54–55.

⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 55–56.

⁶ Первая мировая война в оценках современников. Т. 4. С. 390.

лишь в случае поддержки его большинством крестьянства, а Троцкий уповал на международную солидарность пролетариата.

В свою очередь, Мартов считал подобные теоретические предположения «чуждые» и «глупостями». По его мнению, события в России «блестяще» подтвердили те идеи, которые меньшевики защищали еще в 1905 г.: радикальная буржуазная революция развивается за счет контроля и давления пролетариата на буржуазное правительство. Партия пролетариата «получает возможность, не смешиваясь с правительством и не отвечая за его действия», организовывать силы пролетариата «в неслыханном размере, приобретать колоссальное влияние на всю страну и заставлять правительство идти влево и влево». Конечно, писал Мартов, когда возможности этого давления будут исчерпаны, придется свергать это правительство, «но это не значит, что свергать надо будет во имя рабочего правительства, а лишь во имя более прогрессивного буржуазного правительства». «Лишь тогда, когда вся буржуазия и их подголоски исчерпают себя, – подытоживал Мартов, – ...станет задача или взять власть в свои руки... или признать, что эта революция закончена... и занять место оппозиции». Ленинцы же, по мнению Мартова, лишь спровоцируют конфронтацию без шансов на успех и безнадежно испортят то «блестящее положение», в котором оказалась партия пролетариата¹.

Проблема возвращения политэмигрантов на родину опосредовалась идущей войной. Прежних транспортных путей не существовало. Воюющие державы были заинтересованы в возвращении в Россию одних из них, но препятствовали возвращению других. Так, Плеханов, призывавший к борьбе с германским блоком, мог рассчитывать только на путь через Францию, а затем морем вокруг всей Европы. Для «циммервальдийцев» Мартова и Ленина путь через Францию был заказан, ибо там их, скорее всего, ждал арест. Это предположение нашло свое подтверждение в аресте и заключении в концлагерь в Канаде Троцкого, пытавшегося добраться до России из США через Атлантический океан. Был и иной путь – через Германию, а затем Швецию. Германские власти были заинтересованы пропустить через свою территорию «циммервальдийцев», надеясь на то, что их агитация приведет к выходу России из войны и тем самым к коренному изменению стратегической ситуации в пользу германского блока. 16 марта на межпартийном совещании в Берне план проезда через Германию, как одна из возможностей, был озвучен Мартовым. Ленин сразу же оценил реалистичность этого плана и начал настаивать на его реализации. Его не останавливали щекотливость ситуации проезда через территорию страны, с которой воюет Россия, и неизбежные обвинения и подозрения на родине. Мартов, понимая, что германский путь, пожалуй, единственно возможный, желал получить официальную санкцию на такую поездку от Временного правительства и Петроградского Совета². Практической реализацией плана Мартова занялся Швейцарский Центральный комитет по возвращению политических эмигрантов, председателем которого был член Заграничного секретариата ОК РСДРП С.Ю. Семковский. Речь шла о проезде через Германию около 600 чел. Вскоре выяснилось, что в возвращении эмигрантов не заинтересовано

¹ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. М., 2007. С. 156–157. Эти строки были написаны Мартовым 31 марта.

² Там же. С. 149–150, 154.

не только Временное правительство, что было ожидаемо, но и Совет. Решение вопроса затягивалось. 18 марта Заграничная коллегия ЦК РСДРП приняла решение действовать сепаратно. При содействии швейцарских социал-демократов была достигнута договоренность с немцами, и 27 марта 30 большевиков во главе с Лениным выехали из Цюриха в Россию. Мартов ждал санкции Совета еще месяц и, не дождавшись ее, вместе с П.Б. Аксельродом и еще более 250 эмигрантами вынужден был ехать тем же путем.

Между тем социал-демократы, действовавшие в России, полагали, что политэмигранты плохо представляют себе происходящее на родине, и пытались самостоятельно определиться в области стратегии и тактики. Их подавляющее большинство оценивало русскую революцию как буржуазную, полагало, что в России отсутствуют достаточные материальные и культурные предпосылки для социалистического переворота. На основе этих общих оценок они приходили к выводу о недопустимости вхождения социалистов во Временное правительство. Вместе с тем они считали, что прогрессивные мероприятия этого правительства следует поддерживать, контролируя его со стороны Совета¹.

Что касается интернационалистского меньшинства, то оно выдвинуло формулу условной поддержки правительства «постольку – поскольку». Этой позиции придерживался ПК РСДРП². В свою очередь, Русское бюро ЦК первоначально заняло более левую позицию. Оно оценивало Временное правительство как «контрреволюционное» и призывало бороться за диктатуру пролетариата и крестьянства³. Однако, не получив поддержки от ПК, Бюро 7 марта включило в свой состав его представителей – К.И. Шутко, М.И. Калинина, М.И. Хахарева и Залезжского. Кроме того, состав Бюро был расширен за счет К.С. Еремеева, К.М. Шведчикова, М.С. Ольминского, М.И. Ульяновой и А.И. Ульяновой-Елизаровой. В результате этого резолюции Бюро стали более сдержанными: не считает нужным поддерживать Временное правительство, но и не видит путей активного противодействия ему⁴.

По второму важнейшему вопросу общественной жизни того времени – отношению к войне – позиция подавляющего большинства социал-демократов заключалась в признании необходимости борьбы за скорейшее заключение мира. Но речь не могла идти о сепаратном мире с Германией, а тем более поражении России. Поэтому наряду с борьбой за мир необходимо было вооруженной силой защищать завоевания демократической революции от мировой реакции, олицетворяемой Германией и стремящейся ее задушить. Логически из этого следовал вывод: необходимо поддерживать Временное правительство в его усилиях организовать оборону страны и предотвратить развал армии⁵. Эта позиция получила название «революционное оборончество».

¹ Большевики в 1917 году. Т. 1. С. 140–142, 146–147.

² Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 49, 65–67.

³ Протоколы и резолюции Бюро РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 136.

⁴ Там же. С. 141, 143.

⁵ См.: Большевики в 1917 году. Т. 1. С. 142–145, 157.

Интернационалистское меньшинство протестовало против такой постановки вопроса о мире. После приезда в Петроград 12 марта из Сибири Л.Б. Каменева, И.В. Сталина и М.К. Муранова эта позиция была поколеблена. Из них в Бюро ЦК ввели Муранова и Сталина. Кандидатуру Каменева отклонили в связи с его неприглядным поведением на суде над думской фракцией в 1915 г.¹ Все трое были направлены на работу в «Правду», которая стала центром оппозиции левому крылу в Бюро ЦК. Одновременно из редакции Бюро исключили Молотова². В «Правде» (№ 8) были опубликованы статьи Каменева «Временное правительство и революционная демократия», обосновывавшая тактику условной поддержки правительства, и «Без тайной дипломатии» (№ 9), защищавшая политику революционного оборончества. В том же духе писали в «Правде» Сталин и Муранов. В течение недели протесты ЦК были подавлены, и 22 марта Русское бюро приняло тактические резолюции вполне в каменевском духе³.

Не менее важные изменения происходили и в лагере революционного оборончества. 19 марта в Петроград из Сибири вернулась группа социал-демократов И.Г. Церетели, а несколькими днями позже из Туркестана приехал и Ф.И. Дан. Вновь прибывшие стали играть важную роль в Исполкоме Петроградского Совета. Они подчеркивали общенациональный характер Февральской революции, считали, что продвижение страны к демократии, миру, восстановлению разрушенного войной хозяйства должно происходить в обстановке гражданского согласия, союза пролетариата с буржуазией, поддерживали курс на соглашение с либералами и политику революционного оборончества. Эта позиция завоевала абсолютное большинство в ОК РСДРП и привела к пересмотру резолюции ОК от 19 марта в более умеренном духе. Лишь группа О.А. Ерманского в петроградской организации выступала определенно против «оборонцев»⁴.

Эволюция в сторону сближения тактических взглядов неизбежно ставила вопрос об организационном объединении социал-демократов. 29 марта – 3 апреля в Петрограде состоялось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Руководящую роль на нем играли революционные оборонцы. В президиуме совершенно отсутствовала левая оппозиция, но в качестве «объединительного жеста» были представлены большевики – Муранов, Шляпников, В.П. Ногин и И.А. Теодорович. С докладами по всем вопросам повестки дня выступали меньшевики. Так, Церетели констатировал, что авторитет Совета позволил ему влиять на внешнюю политику Временного правительства. В частности, с его точки зрения «поворотным пунктом» в борьбе за мир стало заявление Временного правительства от 27 марта об отказе от захватнических целей в войне. С другой стороны, Совет является единственной силой, способной обеспечить оборону страны. Таким образом, подытоживал Церетели, оборона страны и международная кампания за мир без аннексий являются двумя аспектами одной и той же революционной задачи⁵. Главный результат речи Церетели и обсуждения предложенной им

¹ Протоколы и резолюции Бюро РСДРП(б) (март 1917 г.). С. 143.

² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 156–157.

³ Протоколы и резолюции Бюро РСДРП(б) (март 1917 г.). С. 153.

⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 156, 159–160.

⁵ Там же. С. 161–168.

резюлюции заключался в завоевании массовой поддержки оборонческой позиции со стороны провинциальных и армейских депутатов, слабо осведомленных о доктринальных установках социал-демократии. Кроме того, все содержание его речи, а также последующих выступлений в прениях несло в себе новый оттенок в отношении к Временному правительству.

С одной стороны, речь шла о возможном признании коалиции с участием социалистов¹. С другой, некоторые делегаты настаивали на более осторожной позиции по отношению к Временному правительству. Так, в выступлениях Ю.М. Стеклова и Дана речь шла только о его условной поддержке, прежде всего в вопросах обороны². А председатель Московского совета Л.М. Хинчук вообще отверг идею коалиции³. Настроения против коалиции оказались сильнее. Что же касается определения роли Советов, то совещание дружно высказалось против идеи превращения их в органы власти⁴. Церетели получил неожиданную поддержку от прибывшего 31 марта в Петроград Г.В. Плеханова, который высказался за единение всех демократических сил уже во время встречи его на Финляндском вокзале, а затем и на самом совещании 2 и 3 апреля⁵.

К Всероссийскому совещанию Советов большевики приурочили свое партийное совещание. В нем участвовали представители ЦК, петроградской организации и делегаты-большевики, прибывшие на советское совещание. Всего было представлено 58 партийных организаций. По первому вопросу повестки дня о войне среди делегатов образовалось три группировки: «оборонческая» (В.С. Войтинский, Ш.З. Элиава, П.Н. Севрук), прямо поддерживавшая советское большинство, «циммервальдистская» (А.М. Коллонтай, Молотов, Милютин), требовавшая разрыва с оборончеством, и «центр», составившийся из большинства делегатов под руководством Каменева. Итоговая резолюция выражала его позицию усиления давления на правительство, прямое обращение Совета к народам с предложением мира, но до его заключения при условии сохранения боевой мощи армии⁶. Несмотря на резолюцию партийного совещания, Каменев пошел на компромисс с «оборонцами», согласившись на поправки к советской резолюции, связывавшие достижение демократического мира с Временным правительством. Каменев и Войтинский вступили в прямые переговоры с меньшевиками, которых представляли Ерманский и Либер, в результате чего советское совещание приняло оборонческую резолюцию.

29 марта большевистское совещание начало обсуждение центрального вопроса об отношении к Временному правительству. С докладом выступил Сталин⁷.

¹ Меньшевики в 1917 году. С. 169–172.

² Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 293; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 173–174.

³ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. С. 163–164.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Подробнее см.: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. С. 328–329.

⁶ *Драбкина Ф.И.* Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 года // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 7.

⁷ См.: *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 230–232.

Его позиция была более левой, чем у Каменева, он явно учитывал рекомендации Ленина, приезд которого ожидался в самом ближайшем времени. Сталин рекомендовал условную поддержку правительства до момента, пока оно исчерпает свои революционные потенции¹. С контрдокладом выступил Войтинский². Острые дебаты окончательно запутали вопрос, и на советском совещании Каменев, по сути, поддержал резолюцию Исполкома Петросовета.

Все это создало почву для объединения с меньшевиками. Соответствующее предложение поступило от Церетели. 1 апреля большевистское совещание занялось этим вопросом. По нему выявились две позиции. Сталин предлагал объединение только на основе признания резолюции Кинтальской конференции, Молотов требовал выработки четкой большевистской платформы как основы объединения. В итоге обсуждения было принято решение пойти на совместное с меньшевиками собрание, но пока с информационными целями. Оно было назначено на 4 апреля, а в организационную комиссию избраны Каменев, Сталин, Ногин и Теодорович³.

Вся эта с таким трудом возводившаяся тактико-организационная постройка была разрушена приездом в ночь с 3 на 4 апреля В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева. Встречать их на Финляндский вокзал прибыл сам Чхеидзе, сопровождаемый Скобелевым. Это не помешало Ленину в абсолютном диссонансе с настроениями оборонческого большинства в своей ответной речи на приветствия призвать к отказу в доверии Временному правительству и выдвинуть лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!»⁴. Во дворце Кшесинской, тогдашней штаб-квартире большевиков, Ленин выступил с развернутой речью перед партийным активом, а утром 4 апреля – в Таврическом дворце сначала на заседании фракции большевиков, а затем на совместном заседании фракций большевиков и меньшевиков уже закончившегося советского совещания.

Для удобства оппонентов Ленин оформил свой доклад в виде тезисов (один из экземпляров он лично вручил Церетели). Документ, получивший название «Апрельские тезисы», включал в себя 10 пунктов, расходившихся с решениями совещания⁵. Подчеркнув империалистический характер войны со стороны России, Ленин считал невозможными какие-либо уступки революционному оборончеству. По его мнению, своеобразие текущего момента состоит в переходе к социалистической революции. Поэтому никакая поддержка Временного правительства недопустима. Отсюда следовал вывод о нецелесообразности партийного блока большевиков с оборонцами. Лениным были выдвинуты лозунг создания республики Советов, требования конфискации всех помещичьих земель и национализации всей земли, установления контроля Советов над банками, общественным производством и распределением продуктов. Кроме того, Лениным выдвигались и собственно партийные задачи: немедленный созыв большевистского съезда, пересмотр программы и переименование партии в *Коммунистическую*, а также

¹ Там же. С. 234–235.

² Там же. С. 235–237.

³ Там же. С. 265–267.

⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 98.

⁵ Там же. С. 113–118.

создание революционного Интернационала, направленного против «социал-шовинистов» и «центристов».

«Апрельские тезисы» вызвали возмущение руководства Петросовета, Исполком которого 15 апреля, оговорив недопустимость применения какого-либо насилия над личностью Ленина и его единомышленниками, вынес резолюцию о том, что «Тезисы» являются «не менее вредными, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Церетели при этом заявил, что «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина!», а Чхеидзе предвещал вождю большевиков полное политическое одиночество¹.

Враждебно отнеслись к «Тезисам» и социал-демократы, не входившие в советское большинство. Плеханов, посвятивший им статью с вызывающим названием «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен», обвинял Ленина в разжигании гражданской войны в среде революционной демократии. Комментируя возможность построения социализма в стране с аграрной экономикой и крестьянским большинством, Плеханов заявлял, что «русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»². Суханов считал, что Ленин со временем будет вынужден отказаться от своих «тезисов» под давлением как остальных социалистических партий, так и самих большевиков: «Ленин быстро акклиматизируется, остепенится, станет на реальную почву и выбросит за борт львиную долю своих анархистских «бредней»»³.

В среде большевиков «Тезисы» вызвали «переполох», «колебания» и «смуту»⁴. Ленин вынужден был методично и упорно преодолевать непонимание и отрицание. С 5 апреля Ленин приступил к редактированию «Правды» (Муранова отправил на родину в Харьков). 6 апреля тезисы Ленина обсуждались на заседании Бюро ЦК РСДРП. Против тезисов выступали Каменев и Сталин. Зиновьев дистанцировался от Ленина. ЦК принял решение начать партийную дискуссию⁵. После этого Каменев и Сталин перестали препятствовать публикации тезисов. Они появились в «Правде» 7 апреля под названием «О задачах пролетариата в данной революции». Каменев на следующий день ответил на них статьей «Наши разногласия», в которой заявлял о неприемлемости «общей схемы» Ленина, «поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую».

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний ИК и фракций. В 5 т. Т. 2. СПб., 1995. С. 6–10.

² Статья была опубликована в газете «Единство» 12 апреля. См.: Плеханов Г.В. Год на Родине: Полное собр. статей и речей 1917–1918 гг. В 2 т. Т. 2. Paris, 1921. С. 22–28.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 19.

⁴ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 35; Шляпников А.Г. Семнадцатый год. С. 280.

⁵ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958. С. 15–16.

8 апреля ПК большевиков по докладу С.Я. Богдатыева голосовал против «Тезисов» (за 2 голоса, против 13 при одном воздержавшемся). Было решено продолжить их обсуждение в районных парторганизациях¹. П.Г. Смидович двумя неделями позже публикации «Тезисов» сетовал, что в результате фракция большевиков в Московском совете оказалась изолированной, остальные фракции слились, «влияние наше было аннулировано»².

В свою очередь, Ленин развернул необычайную активность, ежедневно публикуясь и выступая по нескольку раз в день. Оппоненты Ленина во множестве публикаций, не желая этого, по сути, пропагандировали ленинские тезисы. И наступил перелом. За Ленина проголосовали районные большевистские организации Питера, балтийские моряки, Москва, ряд городов центральной России, Харьков, Киев.

14–22 апреля на Первой петроградской конференции большевиков разгорелась острая дискуссия. Но результат ее был противоположным голосованию ПК двухнедельной давности. Ленин добился поддержки своей платформы (за 33 голоса, против 6 при 2 воздержавшихся)³. Повсеместно проводились большевистские конференции, на которых ленинские «Апрельские тезисы» принимались в качестве программного документа. 18 апреля по всей стране прошли грандиозные первые в истории России легальные первомайские митинги и демонстрации, показавшие, что ленинские лозунги созвучны настроению массы. В тот же день вышел первый номер интернационалистской газеты «Новая жизнь» (А.М. Горький, Б.В. Авиллов, В.А. Базаров, Н.Н. Суханов). Консолидация группы «новожизнителей», критически относившейся к тезисам Ленина, также являлась и реакцией на революционное оборончество. После ноты П.Н. Милюкова, подтвердившей верность России союзническим обязательствам, в Петрограде 20–21 апреля начались массовые акции протеста с участием вооруженных солдат с требованием отставки Временного правительства и немедленного заключения мира. В ходе их Богдатыев и его сторонники от имени ПК, не имея на то полномочий, распространяли антиправительственную листовку, разжигая страсти⁴. Были организованы и контрдемонстрации в поддержку правительства. В общей сложности в манифестациях участвовало до 100 тыс. чел. Под давлением демонстрантов Петросовет потребовал от правительства дезавуировать ноту Милюкова, глава правительства Львов в ответ пригрозил отставкой правительства. Начались переговоры о возможном компромиссе.

В таких условиях начинала работу Всероссийская конференция большевиков (24–29 апреля), в которой участвовали 152 делегата, представлявшие частью и объединенные организации. С центральным докладом «О текущем моменте (война и Временное правительство)» выступил Ленин, обосновывавший правильность тактики, предложенной им в «Апрельских тезисах». Против него выступили

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 182–186.

² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 89.

³ Там же. С. 16, 19, 20, 37.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 215.

авторитетные среди делегатов Каменев и А.И. Рыков¹. Перелом в настроении конференции произошел в связи с прибытием на нее делегации уральских большевиков во главе с Я.М. Свердловым. Спаянная крепкой внутренней дисциплиной, она консолидировала вокруг себя всех сторонников Ленина, которых на конференции оказалось большинство. В результате конференцией были приняты резолюции: во-первых, с осуждением военных мероприятий Временного правительства, во-вторых, с призывом рабочих организовываться и вооружаться для самозащиты².

Был взят курс на переход к следующему этапу революции, который должен был дать власть пролетариату и беднейшему крестьянству; выдвинут лозунг «Вся власть Советам!» Предполагалось, что в данных условиях возможен относительно мирный переход власти путем перевыборов Советов. Для этого необходимо было обеспечить свою партийную самостоятельность. В специальной резолюции «Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока», приветствуя в принципе объединение социал-демократов, конференция запрещала большевикам объединяться с «оборонцами». В реальной жизни это означало необходимость разрушения созданных до этого объединенных организаций и создание чисто большевистских комитетов на местном и региональном уровне. Тем не менее оппозиция во главе с Каменевым упорно отстаивала свои позиции. Вопрос о переименовании партии не был даже включен в повестку дня, по поводу программы было принято решение поручить ЦК разработать проект (решение этой задачи затянулось до 1919 г.), а по проблеме Интернационала Ленин, требовавший разрыва теперь и с «циммервальдийцами», остался в меньшинстве. Из 9 избранных конференцией членов ЦК четверо (Зиновьев, Каменев, Милютин и Ногин) в той или иной мере противостояли Ленину. Но все это было уже не столь существенно по сравнению с главным. Большевики пошли по пути консолидации своего течения внутри российской социал-демократии и противопоставления себя ей. Большевики были сильны не своей численностью, а исключительной энергией и самоотдачей в достижении поставленных целей. При ЦК и ПК большевиков действовала Военная организация («Военка»)³, в Советах – большевистские фракции. Особое внимание уделялось работе в фабрично-заводских комитетах (фабзавкомы). Далекое не всегда и не сразу большевикам удавалось привлечь к себе внимание пролетарской и солдатской массы, но ситуация стремительно менялась в их пользу. Эта будничная, кропотливая работа оказалась не под силу другим партиям и группировкам. Иное положение было в деревне, где преобладали эсеры.

Тем временем меньшевистское большинство Исполкома Петросовета погрязло в «высокой политике». Оно продолжало искать пути преодоления правительственного кризиса. При этом среди «оборонцев» все более явно определялась позиция в пользу создания коалиционного правительства с участием социалистов. Если до 20 апреля подавляющее большинство, по крайней мере, на словах, было против коалиции, то уже 22 апреля меньшевистская фракция боль-

¹ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). С. 82, 84.

² Там же. С. 241–245.

³ «Военкой» руководили С.Я. Богдатыев, Н.И. Подвойский, А.Н. Сулимов и В.И. Невский. Организация издавала газету «Солдатская правда».

шинством в 51 голос против 6 при 9 воздержавшихся поддержала эту идею¹. Но это решение не было поддержано ни в Петроградской организации меньшевиков, ни в ОК, обсудившим 24 апреля предложения советской фракции². На первых порах против коалиции были даже Церетели и Скобелев.

Однако в связи с опасением контрреволюционного переворота в случае отказа цензовых элементов нести «бремя власти» позиция оборонческого большинства стала меняться. 28 апреля на совместном заседании Исполкомов Петросовета и Моссовета голоса уже разделились почти поровну с перевесом в 1 голос у противников коалиции³. А 1 мая на совместном заседании ОК РСДРП и меньшевистской фракции Петросовета против коалиции было подано лишь 3 голоса. 2 мая при сильнейшем давлении Церетели, Дана и Керенского за коалицию уже проголосовали 44 члена Исполкома против 19 (все большевики, 3 меньшевика-интернационалиста и 4 эсера). Была сформирована советская комиссия по переговорам о создании коалиционного правительства, в которую от меньшевиков вошли Церетели, Чхеидзе, Дан, Богданов и перешедший к меньшевикам Войтинский⁴. К 5 мая переговоры завершились формированием нового кабинета, в состав которого вошли два меньшевика – Церетели и Скобелев. В качестве помощников они пригласили П.Н. Колокольникова, К.А. Гвоздева, Н.А. Рожкова, И.В. Чернышева.

Это был переворот во всем подходе меньшевиков к вопросам стратегии и тактики. Он провел еще более глубокую разделительную линию между ними и большевиками и грозил расколом самим меньшевикам. Подобно тому, как большевики в марте пытались оправдать свою позицию решениями партийного совещания до приезда Ленина, так «оборонцы» искали поддержки у партийной конференции до возвращения в Петроград членов Заграничного секретариата ОК, которые вполне определенно были против коалиции⁵.

Общероссийская конференция РСДРП, созванная ОК, состоялась 7–12 мая в Петрограде. Приводимые в литературе данные о численности меньшевиков в это время явно занижены. Участвовавшие в конференции делегаты от 31 меньшевистской и 28 объединенных организаций представляли 46,7 тыс. социал-демократов. Но на конференцию не прибыли представители Закавказья, Тулы, Одессы и ряда других крупных меньшевистских организаций, которые считали излишней фракционную меньшевистскую конференцию и ожидали объединительного съезда социал-демократов. С учетом этого, по мнению В.И. Миллера, меньшевиков в России в это время было свыше 100 тыс.⁶ Подавляющее большинство из них вступило в движение после февраля 1917 г., придерживалось революционно-оборонческих взглядов, подобно «молодым» большевикам, имело слабое представление о меньшевистских традициях и недостаточное уважение к заслугам «старых» лидеров. Это самым решительным образом сказалось на работе майской конференции. Она заслушала стандартный для того времени набор вопросов, сходный

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 2. С. 258, 318.

² Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 208–209.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 2. С. 416.

⁴ Там же. С. 485.

⁵ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 250, 253–254.

⁶ Миллер В.И. Осторожно: история! С. 109–110.

с повесткой дня конференции большевиков. На ней сложилось большинство под руководством Дана – Церетели, которое быстро проводило нужные ему решения.

Конференция взяла курс на упрочение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического мира, полное доверие коалиционному Временному правительству, соглашение пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, оттягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания. Несмотря на то что конференция обратилась ко всем социал-демократам (включая большевиков) с призывом объединиться¹, сама она продемонстрировала глубину разногласий в среде меньшевиков. Прибывшие из Швейцарии прямо на конференцию 9 мая лидеры интернационалистов во главе с Мартовым резко выступили против основных ее решений² и, оставшись в меньшинстве, образовали свое Бюро и начали издавать фракционный «Листок меньшевиков-интернационалистов» (вышло 2 номера). Мартов заявил, что не признает решений конференции и будет вести агитацию против них, что не видит возможности работать вместе со сторонниками Потресова, впрочем, как и с большевиками. На предложение войти в редакцию «Рабочей газеты» Мартов потребовал отдать ему всю редакцию³.

Особой была позиция П.Б. Аксельрода, избранного на конференции председателем ОК РСДРП и делавшего акцент на сохранении единства меньшевиков и восстановление Интернационала на широкой основе. В целом майская конференция, подобно апрельской большевистской, положила начало консолидации и обособлению меньшевизма внутри российской социал-демократии. Меньшевики быстро превращались в одну из самых влиятельных политических сил в стране, играли ведущую роль во многих Советах и были представлены в правительстве. Но в рядах меньшевиков сохранялось несколько обособленных друг от друга течений: правое во главе с Потресовым (несмотря на то что на майской конференции он по всем вопросам поддержал большинство), центристское во главе с Церетели и Даном и левое во главе с Мартовым. Доминировали в меньшевистских кругах взгляды Церетели.

Вне консолидационных процессов, которые шли у большевиков и меньшевиков, какое-то время оставались плехановское «Единство», и группы «новожизненцев» и «межрайонцев». Первая тяготела к меньшевикам (Суханов уже в мае вошел в группу Мартова), а вторая – к большевикам, особенно после 4 мая, когда в Петроград прибыл Л.Д. Троцкий, ставший ее лидером. 10 мая на конференции «межрайонцев» с речью об условиях вхождения в большевистскую партию выступал Ленин. «Единство», занимавшее принципиальную позицию «над фракциями», не участвовало ни в апрельской, ни в майской конференциях. Плеханов был полон надежд возродить единство РСДРП. Ее первоначальным ядром и должна была стать группа «Единство», с 29 марта издававшая в Петрограде одноименную ежедневную газету. 9 апреля группа провела свое учредительное собрание и нача-

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 413, 423.

² Там же. С. 351–359, 457.

³ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. С. 196–197.

ла организационное строительство, но реально смогла создать только две небольшие организации – петроградскую и московскую. Платформа же группы сводилась к требованию мира на основе возвращения всех оккупированных Германией территорий, а пока этого не произошло, сосредоточения всех сил страны на обороне, продолжения демократических преобразований коалиционным Временным правительством с участием буржуазии, критика «интернационалистов» за экстремизм, а «революционных оборонцев» за непоследовательность¹. Соответственно, и советское большинство не жаловало Плеханова. Депутатом Петросвета он был избран только 2 июня. Впрочем, сразу по возвращении на родину он простудился и в течение всего года болел, что существенно ограничивало его возможности влиять на политические события.

Июнь 1917 г. ознаменовался новым кризисом правительства, уже включавшего в свой состав меньшевиков и эсеров. Состоявшийся 3–24 июня I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прошел под лозунгами правых социалистов, имевших подавляющее большинство (у ленинцев было лишь 12 % мандатов). Это не помешало, однако, Ленину заявить на съезде, что большевики готовы взять на себя всю полноту ответственности за судьбы страны. Когда один из лидеров меньшевиков министр Церетели заявил: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», из зала вдруг раздался голос Ленина: «Есть!» Взяв затем слово, лидер большевиков сказал, что большевики каждую минуту готовы «взять власть целиком»². Съезд прошел в обстановке резкой конфронтации ленинцев с большинством съезда практически по всем вопросам. Но понятно, что при наличном соотношении мандатов речами и голосованиями они не могли серьезно влиять на принимаемые решения. А съезд фактически полностью поддержал Временное правительство, в т. ч. оправдал готовящееся на фронте наступление³.

С целью оказания давления извне на решения съезда ЦК и ПК РСДРП(б) наметили протестную демонстрацию на 10 июня⁴. Брошенный большевиками вызов укрепил, с одной стороны, единство меньшевиков. Для них всех по-прежнему было неприемлемо «подталкивание» революции к социалистической фазе. С другой стороны, меньшевики столкнулись с новым со времени первой коалиции внутренним кризисом. В дискуссиях по вопросу о противодействии большевикам четко выявились три группировки. Церетели и другие убежденные сторонники коалиции призывали исключить большевиков из Советов и разоружить все их милитаризованные формирования. Дан, Хинчук и Богданов обвиняли большевиков не в заговоре, а в авантюризме и были категорически против применения к ним в данный момент каких-либо репрессивных мер. Они предлагали запретить не только готовящуюся демонстрацию, но и подобные демонстрации в будущем. Наконец, «интернационалисты» устами своего лидера Мартова осуждали большевиков за авантюризм, требовали их «моральной изоляции», но наста-

¹ Костяев Э.В. Г.В. Плеханов, А.Н. Потресов и их единомышленники в 1917–1918 годах. Отношение к проблемам войны и мира. Saarbrücken, 2013. С. 33–34, 61.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 32. С. 267.

³ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 536–538.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. С. 249, 251, 273, 276.

ивали на том, что большевики выражают настроения масс¹. Нетрудно заметить прямую противоположность оценок Церетели и Мартова. Не случайно именно в это время меньшевики-интернационалисты создали свою отдельную фракцию в Петросовете.

Вопреки решению съезда о запрещении проводить в Петрограде массовые демонстрации она все же состоялась 18 июня по предложению группы Багдайева. По иронии судьбы демонстрация совпала с днем начала наступления на фронте. И хотя вышедшие на нее почти 500 тыс. чел. еще не знали об этом, она превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству под лозунгами «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!»

Провалившееся 18 июня наступление на фронте стало еще одним фактором нараставшей напряженности. Престиж Временного правительства упал до катастрофически низкой отметки. В этой обстановке часть большевиков, анархисты и некоторые «распропагандированные» ими воинские части, которым грозила отправка на фронт, стали склоняться к немедленной попытке вооруженного свержения Временного правительства. При этом речь шла о настроениях в низовых организациях. Партийные лидеры, не исключая и Ленина, считали вооруженное выступление несвоевременным и никакой подготовки к нему не вели. Более того, 27 июня Ленин уехал из Петрограда на отдых в Финляндию.

5.3. Обострение политического кризиса и раскол российской социал-демократии

Провал наступления на фронте предельно обострил политическую ситуацию в стране. Ранним утром 3 июля в Петрограде началось выступление 1-го Пулеметного полка, организованное анархистами. Как учебное подразделение этот полк имел численный состав, равный дивизии. Пулеметчиков поддержали матросы Кронштадта, где тоже были сильны позиции анархистов. Митингующие потребовали передачи всей власти Советам. Делегация пулеметчиков прибыла в резиденцию большевиков – дворец Кшесинской, где уже третий день работала 2-я Петроградская партийная конференция, представлявшая интересы 32,2 тыс. социал-демократов². Заседания конференции были прерваны требованиями пулеметчиков «возглавить восстание». Указание Володарского на то, что «партия решила не выступать», солдатами воспринято не было. Делегаты конференции немедленно разошлись по районам, где назревали стихийные массовые выступления. В середине дня ЦК РСДРП принял решение не допустить демонстрацию под предлогом, что провинция не готова поддержать столицу³.

На заседании ОК РСДРП, состоявшемся синхронно, разброс мнений относительно действий в сложившейся ситуации был чрезвычайно велик: от Богданова и С.О. Ежова, предлагавших увеличить удельный вес эсеров в правительстве, до Абрамовича, который считал, что настал момент для перехода власти в руки

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 543–547, 573–576.

² Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы. М.; Л., 1927. С. 14.

³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 361–362.

Советов. Дан, Гарви, Аксельрод и Либер решительно отвергли любое увеличение удельного веса эсеров в правительстве и ратовали за сохранение коалиции с ценовыми элементами. В этом духе была принята и резолюция, но с оговоркой, что в случае невозможности сформировать новое коалиционное правительство оно должно быть сформировано Советами¹. Практически было принято предложение Церетели оставить правительство в том составе, в каком оно было после ухода кадетов, и вернуться к обсуждению вопроса через 2 недели. По позднему признанию Церетели, принятые решения шли вразрез с настроениями масс².

Также оказались тщетными попытки большевистских агитаторов предотвратить выступление. Уже вечером 3 июля пулеметчики вышли на улицу, произошли первые вооруженные столкновения, появились первые жертвы. В этих условиях на совещании ЦК, ПК РСДРП, «Военки», Межрайонного комитета и рабочей секции Петросовета было принято воззвание, отпечатанное в виде листовки, с призывом к Советам взять власть в свои руки, «поскольку контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции»³. Причем расчет был на мирный ход событий.

В ночь на 4 июля совместно заседали и Исполнительные комитеты Советов. Здесь царили страх, что начнется разгром самого Совета, и необычайное единодушие в оценке событий: большевики – авантюристы, способствовавшие росту хаоса и контрреволюции⁴. Мартов, по-видимому, колебался. С одной стороны, он осуждал авантюризм большевиков, но с другой, заявлял, что «история требует, чтобы мы взяли власть в свои руки»⁵. При этом речь шла не столько о составе правительства, сколько об изменении политического курса.

Ленин вернулся в Петроград к середине дня 4 июля. К этому времени никем не управляемая толпа («вооруженная демонстрация»), о численности которой до сих пор идут споры, прошла по Невскому и Литейному проспектам, двигаясь к Таврическому дворцу. Во многих местах возникли стычки и перестрелки⁶. По мнению американского историка А. Рабиновича, сопоставившего самые различные источники, в вооруженных столкновениях в равной мере были повинны все – «воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха»⁷. Ленин оказался в весьма невыгодном положении. Несколько тысяч кронштадтских матросов, собравшихся у особняка Кшесинской, требовали руководящих указаний на наступательные действия. Для Ленина же было очевидно, что выступать не следовало, а уж если выступили, то

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 75–76.

² *Церетели И.Г.* Указ. соч. С. 265.

³ Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. М., 1959. С. 17–18.

⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 92–94.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ *Раскольников Ф.Ф.* Указ. соч. С. 132–135.

⁷ *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 182.

демонстрация должна была быть мирной. В таком духе он и вынужден был произнести перед матросами весьма противоречивую речь¹.

Между тем Исполкомы Советов обратились к войскам на фронте с призывом восстановить порядок в столице, в которой объявили военное положение. Между советским руководством и большевиками, которых представлял Сталин, начались переговоры. Революционные «оборонцы» явно тянули время, обещая созвать через 2 недели съезд Советов и, если не будет иного выхода, передать всю власть ему. ЦК и ПК РСДРП(б) были склонны «договориться».

Другим фактором, предопределившим поражение большевиков в июле, было обнаружение материалов об их причастности к шпионажу в пользу Германии. Несмотря на неполноту и слабую доказательность, материалы дела произвели должный эффект. В ночь на 5 июля части, ранее сохранявшие нейтралитет, выдвинулись к Таврическому дворцу для защиты исполкомов Советов. Последние сразу же приняли резолюцию с обещанием созвать в трехдневный срок совещание с участием представителей местных Советов для оформления нового состава Временного правительства. В то же время на совместном заседании ЦК и ПК РСДРП Ленин выступил с обоснованием необходимости прекращения забастовок и демонстраций². На следующий день сводные отряды георгиевских кавалеров и юнкеров начали разоружать воинские части, выступавшие за власть Советов, разгромили редакцию и типографию газеты «Правда», ряд райкомов большевиков. Ленин вынужден был перейти на нелегальное положение. 6 июля Временное правительство образовало особую следственную комиссию для привлечения виновных к ответственности. Согласно постановлению правительства, аресту подлежали в первую очередь Ленин, Каменев, Зиновьев³.

Немалых трудов стоило правительству арест кронштадтских лидеров. Местный Совет отказался их выдавать. И лишь под угрозой блокады и бомбардировки города Раскольников, Рошаль и Ремнев сами сдались властям. Позднее в знак солидарности с большевиками потребовал арестовать себя и Троцкий. Ленин и Зиновьев 9 июля тайно выехали из Петрограда в деревню Разлив. В тот же день Плеханов, комментируя аресты большевиков, писал в газете «Единство»: «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загоразживает ей дорогу». По-иному на это реагировал Мартов. «Перепуганная обывательщина, гады всякие, явно темные силы, погромщики подняли голову, – писал он Н.С. Кристи. – Пришлось взять на себя главную работу защиты чести и доброго имени многих противников, которых одни забрасывали грязью, а другие выдавали на рас-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 21–22.

² Петербургский комитет РСДРП... С. 365.

³ Доказать виновность разыскиваемых и арестованных контрразведке и Министерству юстиции так и не удалось, в отличие от скандала вокруг Р. Гримма, тесно связанного с меньшевиками-интернационалистами. Неоднократно поднимавшаяся в исторической литературе тема «немецкого золота» и действий Ленина в интересах Германии также не имеет достаточной доказательной базы. Подробнее см.: *Земан З., Шарлау В.* Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007; *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009; Следственное дело большевиков. Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. В 2 кн. М., 2012.

терзание из-за политиканства трусливого, из доктринерства или из фракционной мести»¹.

Между тем сам политический кризис не был исчерпан. ОК РСДРП 7 июля принял резолюцию «О текущих событиях», которую одобрили с изменениями исполкомы Советов и которая после этого получила известность как «Программа 8 июля». Она включала в себя объявление России демократической республикой, скорейший созыв Учредительного собрания, немедленный роспуск Государственной думы, реализацию мер, выработанных Советами по рабочему, земельному и продовольственному вопросам². Ознакомившись с этим документом, премьер-министр Львов подал в отставку. 9 июля правительство возглавил Керенский, сохранивший за собой и пост военного министра. В состав нового коалиционного кабинета вошел Церетели, став управляющим Министерством внутренних дел. 10 июля совместное заседание исполкомов Советов по предложению Дана провозгласило Временное правительство «правительством общественного спасения» и наделило его неограниченными полномочиями³. Большевики и меньшевики-интернационалисты выступили категорически против этого. В частности, Мартов подчеркивал, что правительство слишком увлеклось уступками «правым» и преследованием «левых»⁴. ОК РСДРП тоже настороженно отнесся к решению исполкомов, признав возможным поддержать его только при условии контроля революционной демократии над правительством⁵.

Однако возможностей для осуществления такого контроля теперь становилось все меньше. В этом отношении показательным стало объединенное заседание исполкомов Советов 13 июля, на котором Керенский огласил правительственную декларацию, не согласовывавшуюся с «Программой 8 июля», и решение созвать в Москве Государственное совещание на широкой партийной основе. Чхеидзе, Церетели, Дан и Либер приветствовали Керенского, и никто из них даже не пытался обсуждать заявленную им программу, требуя лишь суровых мер против большевиков. «Оборонцы» под давлением справа были готовы пойти и на запрещение большевистской партии⁶. Однако их пыл поубавил Мартов, заявивший: «По-видимому, настало время, когда декларации правительства не подлежат обсуждению, а лишь принимаются к сведению... Над революцией, по-видимому, поставлена точка»⁷.

Одним из результатов июльских событий 1917 г. стал все углублявшийся раскол в меньшевизме. Он проявлялся уже в различной оценке этих событий. В воззвании ОК РСДРП 11 июля они квалифицировались как большевистское наступление на демократию, «преступная авантюра, затеянная ленинским штабом»⁸. Комитет Петроградской организации оценивал их как предательство контрре-

¹ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. С. 229.

² Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 106–109.

³ Там же. С. 116.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ Там же. С. 128, 159.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же. С. 123.

волюционной буржуазии, спровоцировавшее стихийное выступление масс. Большевики лишь усугубили хаос, но в целом движение «ускользнуло из рук какой-либо партии». Меншевики-интернационалисты призывали социалистов сплачиваться вокруг Советов и прекратить партийные междоусобицы¹.

Коренное расхождение между «оборонцами» и «интернационалистами» углубилось на общегородской Петроградской конференции 15–16 июля, где обе фракции оказались численно почти равны. Основным докладчиком был Мартов. Лейтмотивом его выступления было резкое осуждение идеи коалиции и требование перехода власти к «органам революционной демократии»². Мартову оппонировал Дан, рекомендовавший социал-демократам вести организационную и пропагандистскую работу в несознательной рабоче-солдатской массе, подавшейся анархо-большевистской агитации³. 36 делегатов конференции проголосовали за резолюцию Мартова, 37 – Дана. Решение вопроса было отложено⁴.

Многим в те дни казалось, что большевики как политическая партия, потеряв авторитет у масс, потерпели окончательное поражение. Но это было не так. Большевики сохранили свое незначительное представительство в Советах. ЦК РСДРП(б) продолжал действовать, потеряв арестованного Каменева и скрывающихся Ленина и Зиновьева. 10 июля в здании школы по Петергофскому шоссе состоялось заседание ПК РСДРП, на котором Г.И. Бокий, суммируя поступающую из районов информацию, заявил, что «наша работа не парализована»⁵.

Находясь в Разливе, Ленин в ряде статей [«Политическое положение (Четыре тезиса)» и «К лозунгам»] предложил новую тактическую платформу⁶. Ее суть сводилась к следующему: контрреволюция при попустительстве меньшевиков и эсеров овладела государственной властью, двоевластие больше не существует; данные Советы взять власть не могут, поэтому лозунг «Вся власть Советам!» должен быть снят. В сложившейся обстановке приход пролетариата к власти возможен только посредством вооруженного восстания.

13–14 июля ленинские тезисы («Политическое положение») были обсуждены на расширенном заседании ЦК с участием представителей ПК, МК, Московского окружного комитета и «Военки». В принятой резолюции речь в общей форме шла о «подготовке и накоплении сил для решительной борьбы за реализацию программы большевиков»⁷. Однако в резолюции были обойдены молчанием вопросы о снятии лозунга «Вся власть Советам!» и вооруженном восстании.

16–20 июля продолжила свою работу прерванная 3 июля II Петроградская конференция большевиков. С докладом «О текущем моменте» на ней выступил член ЦК Сталин. Поскольку ряд делегатов был уже знаком с позицией Ленина, не совпадавшей с резолюцией ЦК, докладчик попытался занять промежуточную позицию, которая никого не удовлетворила. Главный акцент Сталин делал на за-

¹ Меншевики в 1917 году. С. 126–127.

² Там же. С. 142–144, 158.

³ Там же. С. 144, 145.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 373.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 1–5, 10–17.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 1. С. 574–576.

дачах выдержки и сплочения¹. По поводу доклада разгорелась горячая дискуссия. Оппозицию резолюции ЦК возглавили Молотов, Слуцкий и Савельев. Принятая конференцией резолюция по докладу Сталина почти дословно повторяла резолюцию ЦК, но голоса при ее принятии разделились следующим образом: за 28, против 3 при 28 воздержавшихся².

Несмотря на определенность тактической линии, занятой конференцией, в стране продолжался рост большевистских организаций. Рабочие и солдаты, недовольные Временным правительством, которое все еще продолжало формироваться до конца июля, воспринимали преследуемых этим правительством большевиков как героев и выразителей самых сокровенных народных чаяний. В ходе июльских событий фактически с большевиками объединились «межрайонцы». Крупная национальная организация Социал-демократия Латышского края на своем V съезде, прошедшем в Риге, приняла решение вступить в большевистскую партию. К середине августа Петроградская организация по сравнению с началом июля увеличилась на 8 тыс. членов и превысила 40 тыс.³ Возобновилось издание десятков большевистских газет. «Правда» была возрождена под названием «Солдат и рабочий». Рост авторитета большевиков показали выборы в Петроградскую городскую думу, проходившие 30 июля – 20 августа. Они получили 67 мандатов (больше них только эсеры – 75), меньшевики лишь 8⁴.

В этих условиях по соглашению между ЦК РСДРП(б) и Межрайонным комитетом был созван съезд «интернационалистских организаций и групп, стоящих на почве антиоборончества»⁵, получивший в советской историографии наименование «VI съезд РСДРП(б)». К моменту созыва съезда, состоявшегося в Петрограде 26 июля – 3 августа, в рядах большевиков насчитывалось уже 200–215 тыс. членов с учетом объединяющихся с ними «интернационалистов»⁶. На съезде были представлены 162 организации, из которых чисто большевистских было – 42, объединенных – 14.

В первую очередь съезд решил отрицательно вопрос о явке Ленина и Зиновьева в суд⁷. Из-за отсутствия на съезде главных партийных теоретиков делегаты договорились отложить обсуждение программных вопросов. Основное внимание съезд уделил анализу текущего момента и разработке нового политического курса партии. В резолюции, принятой по докладу Н.И. Бухарина («Война и международное положение»), речь шла о назревании «международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство»⁸. С докладом «О политическом положении» выступил Сталин, который добросовестно изложил ленинские тезисы и предложил съезду проект резолюции, по-видимому, также написанный Лениным⁹.

¹ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков. С. 64–68.

² Там же. С. 88.

³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 392.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 312.

⁶ Миллер В.И. Осторожно: история! С. 111.

⁷ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. С. 270.

⁸ Там же. С. 254.

⁹ См.: Савокин А.М. В преддверии Октября. М., 1973. С. 336–341.

Споры вокруг предложенного текста резолюции сконцентрировались на проблеме Советов. Разброс мнений был так велик, что назначенная съездом редакционная комиссия смогла представить компромиссный вариант текста только 3 августа. Он и был единодушно утвержден делегатами¹. Из исходного текста были устранены все резкие выпады против меньшевиков, и, наоборот, в окончательный текст включено положение о защите Советов «от контрреволюционных покушений», что не исключало сотрудничества с советским большинством. Лозунг «Вся власть Советам!» был снят, поскольку мирный переход власти к Советам стал невозможен. Был выдвинут лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии». В то же время резолюция ни слова не говорила о вооруженном восстании и захвате власти. Напротив, в ней подчеркивалось, что «пролетариат не должен поддаваться на провокации», она предостерегала от ввязывания в «преждевременный бой»².

Съезд очень большое внимание уделил грядущим выборам в Учредительное собрание, выработав детальную резолюцию, регламентирующую организационную и агитационную подготовку и тактику в ходе избирательной кампании³.

На VI съезде были сильны объединительные настроения. Съезд принял резолюцию «Об объединении партии»⁴. Она призывала к единству всех интернационалистов, но отвергала «проект беспочвенных интеллигентов из “Новой жизни”», предлагавших объединение и с революционными «оборонцами». Несколько испортило объединительный настрой анонсированное Лариным, но не состоявшееся выступление на съезде Мартова. Решающую роль в отказе Мартова выступить на большевистском съезде сыграл Аксельрод, не раз беседовавший с ним по этому поводу⁵. В последний день работы съезда, 3 августа, в газете «Новая жизнь» было опубликовано приветствие Мартова большевистскому съезду, в котором констатировалось глубокое расхождение в тактических вопросах между интернационалистами разных направлений, которое «делает все еще невозможным объединение всех партийных элементов»⁶.

4 августа состоялось организационное заседание вновь избранного ЦК РСДРП(б). В него входили 21 член и 10 кандидатов. Заочно членами ЦК были избраны Ленин, Зиновьев, Каменев, которого освободили из тюрьмы 4 августа за недоказанность обвинения, Коллонтай и Троцкий. Сохранили свои посты Сталин, Свердлов, Ногин, Милотин и Смилга. Бубнов повысил свой статус, перейдя из кандидатов в члены ЦК. Снова членом ЦК становится Муранов. В ЦК появился ряд новых фигур – Артем (Ф.А. Сергеев), Я.А. Берзин, Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, Н.И. Крестинский, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников, М.С. Урицкий и С.Г. Шаумян.

¹ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. С. 255–257.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 260–261.

⁴ Там же. С. 269–270.

⁵ *Непароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. С. 135, 137.

⁶ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 2. С. 223–224.

Вопреки утверждению советской историографии VI съезд не принял «курс на вооруженное восстание». В целом партия большевиков стремилась сохранить легальность, всерьез готовилась к выборам в Учредительное собрание и не представляла себе участия во власти вне блока с социалистическими партиями.

Между тем политический кризис в стране все еще не был исчерпан. Продолжалось формирование правительства, напоминавшее министерскую чехарду. 18 июля верховным главнокомандующим был назначен Л.Г. Корнилов, что вызвало восторг «правых» и раздражение «левых». После очередного краха коалиционных попыток в ночь на 22 июля в Зимнем дворце состоялось совещание всех политических партий левее октябристов. Дан на нем огласил заявление ОК РСДРП, доверявшее Керенскому составление кабинета, но на основе «Программы 8 июля»¹. Большинство совещания отвергло это требование, как и контроль над правительством со стороны Советов. Революционно-оборонческое большинство Советов вынуждено было проглотить эту горькую пилюлю, продолжая вести дискуссии о характере власти. Тем временем исполкомы были переселены из Таврического дворца в здание Смольного института под предлогом подготовки к грядущему Учредительному собранию.

Очередным шагом в наступлении на Советы стало Государственное совещание в Москве 12–15 августа. Оно было созвано по инициативе Керенского как попытка достичь политической стабилизации и объединить вокруг Временного правительства поддерживающие его силы. Делегаты-социалисты растворились в море правых. Из 2,5 тыс. делегатов 229 представляли Советы и еще 176 профсоюзы. Большевики – представители от Советов – намеревались выступить на Совещании с декларацией, разоблачающей контрреволюционный, по их мнению, характер Совещания, а затем покинуть его. Однако руководители ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов потребовали от них солидарного действия в составе делегации. Тогда большевики – члены советской делегации бойкотировали Совещание². Произошло резкое столкновение между «оборонцами» и меньшевиками-интернационалистами. При обсуждении меньшевистской декларации Мартов пытался внести в нее существенные изменения, придав ей больший радикализм. Однако его предложение было отклонено. Мартов демонстративно покинул Совещание³.

Большевики все же присутствовали на Совещании в составе профсоюзной, кооперативной и некоторых других делегаций, но были лишены возможности зачитать свою декларацию и передали ее в президиум Совещания для оглашения⁴.

Однако на Совещании рефреном звучали совсем другие лозунги – ликвидация Советов, армейских комитетов, война до победного конца. Для давления на Совещание извне московские большевики организовали в первый день его работы масштабную забастовку, в которой участвовали до 400 тыс. чел. Не работали рестораны, кофейни и даже буфет Большого театра, где проходило Совещание. Москва погрузилась в темноту, поскольку бастовали газовщики и электрики.

¹ Большевики в 1917 году. Т. 2. С. 188–189.

² Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 5, 7, 10–14, 28–29.

³ Большевики в 1917 году. Т. 2. С. 281–282.

⁴ Текст см.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 7–9.

Масштабы забастовки свидетельствовали о возможностях большевиков. Но ход дискуссии на Совещании показывает, что делегаты этого не поняли.

В этой тревожной обстановке собрался еще один съезд социал-демократов. Это был тот объединительный съезд, которого так жаждали социал-демократы разных направлений с начала революции. Организационное бюро его было создано 18 июня на собрании социал-демократов всех течений, делегатов I Всероссийского съезда советов. На съезд сознательно не пригласили группу «Единство» в связи с ее выходящей даже за рамки революционного оборончества позицией, а большевики даже не ответили на приглашение¹.

На съезде, состоявшемся 19–26 августа, были представлены 146 социал-демократических организаций общей численностью около 200 тыс. чел.² С первых же минут работы съезда обнаружились существенные разногласия между социал-демократическими лидерами. Так, из обмена репликами между Церетели и Мартовым стало ясно, что лидеры по-разному понимают и оценивают место и роль партии в текущих политических событиях. Если Церетели рассматривал ее как правительственную, подходящую к любому вопросу с внеклассовых, общенациональных позиций, то Мартов, напротив, исходил из понимания партии как классовой, пролетарской организации. Характерно, что делегаты съезда поддерживали Церетели, получившего 81 голос (против 65, воздержавшихся 12)³.

Ход дальнейших дебатов по пунктам повестки дня продемонстрировал разобщенность делегатов. Так, например, только интернационалистов на съезде оказалось четыре группы. По каждому вопросу выступало 3–4 докладчика от фракций. При этом «оборонческое» большинство всякий раз «продавливало» свои резолюции. По сути, все дебаты шли вокруг набивших уже оскомину вопросам: коалиции, доверия и поддержки Временного правительства, в т. ч. и в его военных усилиях. Чем дальше шел съезд, тем явственнее он разваливался на враждующие фракции. Последним аккордом стало обсуждение организационного вопроса и связанные с ним выборы ЦК. Характерно, что на съезде не удалось принять новый партийный устав. Предполагалось, что каждая партийная организация должна иметь собственный устав и обладать широкой автономией при принятии решений. Основной единицей отныне становилась организация в избирательном округе. Выборы в партийные учреждения на всех уровнях должны были проходить на основе принципа пропорционального представительства. Парламентская фракция признавалась автономной и ответственной за свою деятельность только перед съездом⁴. Все это выглядело очень «по-европейски», но это был отрыв от той социальной базы, которая всегда питала социал-демократию.

В предпоследний день работы съезда 40 делегатов подали в президиум заявления о несогласии с принятыми им решениями. 26 мартовцев заявляли о своем намерении выступать перед «пролетарскими массами» с критикой этих решений, другие вообще отказывались от участия в выборах ЦК. С раннего утра 25 августа начались фракционные совещания. Масла в огонь подлил Церетели, когда пред-

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 307.

² Миллер В.И. Осторожно: история! С. 112.

³ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 326.

⁴ Там же. С. 512–513.

ложил делегатам принять решение о недопущении в ЦК представителей «группы 26-ти»¹. Его предложение не только было отвергнуто, но и увеличило число противников Церетели. После длительных консультаций был согласован состав ЦК на фракционной основе: 28 оборонцев, 14 интернационалистов².

С формальной стороны съезд завершился успешно. На основе неприятия большевизма почти все собственно меньшевистские организации и группы оформились в РСДРП (объединенную) (с марта 1918 г. просто РСДРП). Однако это «объединение» ни в коей мере не сняло проблему фракционной борьбы внутри нее. Более того, эта борьба между фракциями после съезда только усилилась. Подводя итог работы съезду, Мартов писал: «Раскола не произошло, ибо мы оказались в очень сильном меньшинстве (приблизительно 70 против 110), но большая часть этого меньшинства и слышать не хочет о расколе, очевидно, нуждаясь еще в ряде уроков предметного обучения. Счел невозможным идти против своих собственных “каутскианцев”... Пришлось снова ограничиться заявлением, что не будем связывать себя дисциплиной и открыто будем выступать, когда нужно, против большинства. Не прочь были нас за это исключить, но... под конец дрогнули»³. Сам Мартов с сентября приступил к изданию своей газеты «Искра». Он выступал за продолжение и углубление революции в России как части мировой антиимпериалистической революции, требовал создания правительства, состоящего из представителей всех социалистических партий, советов, профсоюзов, фабзавкомов и армейских комитетов, осуждал вхождение меньшевиков во Временное правительство, настаивал на скорейшем заключении мира и передаче земли крестьянам.

«Новожиженцы» выступили с заявлением о том, что «задача создания единой классовой, рабочей партии осталась неосуществленной»⁴, и приступили к созданию собственной партии, первоначально получившей название «Организация объединенных социал-демократов-интернационалистов», затем РСДРП (интернационалистов). К 8 сентября было создано Центральное бюро организации, началась подготовка Всероссийской конференции, которая состоялась 18–22 октября⁵. На ней были представлены делегаты из Петербурга, Москвы, Харькова, Вологды, Казани, Перми и других городов, ряда армейских комитетов. В принятой политической платформе отрицалась необходимость диктатуры пролетариата в России. Россия должна была стать демократической парламентской республикой с «однородным социалистическим правительством», в задачу которого входит преодоление экономической катастрофы, заключение мира, созыв Учредительного собрания. Лидерами организации были Б.В. Авиллов, В.А. Базаров, В.П. Волгин, В.А. Десницкий, Г.Д. Лейтейзен.

Остались недовольны результатами съезда и «правые». Сразу после него группа правых меньшевиков – Потресов, И.Н. Кубиков (Дементьев), М.Л. Хейсин, Д. Кольцов (Б.А. Гинзбург) посетили Плеханова. В результате «Единство» и пра-

¹ Там же. С. 518.

² Там же. С. 524.

³ Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. С. 240–241.

⁴ Большевики в 1917 году. Т. 2. С. 529.

⁵ РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 8. Л. 1, 2; Д. 11. Л. 1–24.

вые меньшевики выступали с согласованной позицией поддержки Временного правительства, обороны революционного Отечества, борьбы с «контрреволюцией слева»¹.

Сокрушительный удар по идее широкой коалиции с цензовыми элементами нанесло вооруженное выступление генерала Л.Г. Корнилова. Цензовики были явно на стороне мятежного генерала, перепуганный Керенский, спровоцировавший мятеж, требовал санкции Советов на формирование Директории из пяти лиц с чрезвычайными полномочиями. Единственной силой, принявшей реальные и эффективные меры по пресечению мятежа, стали Советы. На совместном заседании исполкомов Советов в ночь с 27 на 28 августа сторонники и критики коалиции сошлись на том, что насущной задачей является сплочение масс в борьбе с контрреволюцией. Вайнштейн изложил разработанную накануне ЦК РСДРП(о) идею создания Комитета обороны от контрреволюции на межпартийной основе. Она была принята исполкомами, и с середины дня 28 августа Комитет уже работал. Первоначально в него вошли от РСДРП(о) Дан, Либер и Абрамович, от РСДРП(б) Каменев, Рязанов и Невский, от эсеров Б.С. Синани, П.Е. Лазимир и В.Г. Заварзин, от Исполкомов Чхеидзе, Чернов, Церетели, Мартов, В.Г. Архангельский, П.А. Сорокин и Н.Я. Быховский. Затем он пополнялся представителями профсоюзов и Петроградского Совета². Предложение Керенского о создании Директории было отвергнуто. Правда, публично это было сделано только меньшевиками-интернационалистами, большевиками и левыми эсерами. Даном были предложены конкретные меры выхода из кризиса, поддержанные и крайне левыми фракциями. Они предполагали ответственность членов партий, «входящих в демократические органы», перед своей партией; немедленный созыв нового Государственного (демократического) совещания, но с исключением из него всех контрреволюционеров; осуществление этим совещанием функций представительного учреждения вплоть до созыва Учредительного собрания; ответственность Временного правительства перед Демократическим совещанием³.

ПК РСДРП(б) первоначально занял сепаратную позицию по отношению к другим социалистическим партиям. Но в конечном итоге, осознавая различия между собственными и их целями, проявляя осторожность в вопросе о сотрудничестве, все же пошел на объединение усилий всех левых групп в борьбе с корниловщиной⁴. ЦК РСДРП(б) 29 августа направил на места директиву «во имя отражения контрреволюции» работать в техническом сотрудничестве с Советом, «при полной самостоятельности политической линии»⁵. К 30 августа при городских и сельских Советах было создано более 240 комитетов обороны, проделана огромная работа по организации и вооружению рабочей милиции (Красной гвардии)⁶.

¹ Костяев Э.В. Г.В. Плеханов, А.Н. Потресов и их единомышленники в 1917–1918 годах. С. 113–114.

² Большевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 72, 109–110.

³ Там же. С. 111–112.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 404–427.

⁵ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 31.

⁶ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 498–499.

В ЦК РСДРП(б) имели место известные колебания по вопросу о сотрудничестве. Так, на заседании 30 августа ставился вопрос о выходе большевиков из Комитета обороны. Но большинство отклонило это предложение¹. Предпринятые социалистами разных толков совместные усилия привели к быстрому подавлению мятежа и, показав эффективность и возможность таких действий, способствовали популяризации идеи «однородного социалистического правительства».

ЦК РСДРП(о) потребовал от министра юстиции освобождения из тюрем большевиков, обвинения против которых не доказаны, и решил, что недопустимо участие во Временном правительстве лиц, как-то причастных к контрреволюционному движению². На совместном заседании Исполкомов Советов 31 августа – 2 сентября Каменев предложил депутатам декларацию «О власти», 31 августа одобренную ЦК РСДРП(б)³. Умеренная по содержанию и по тону, она требовала отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, провозглашения демократической республики с правительством, составленным из представителей рабочих и крестьян. До представления Исполкомам декларация уже была принята Петроградским советом.

После жаркой дискуссии декларацию большевиков поддержали объединенные социал-демократы-интернационалисты (Стеклов) и меньшевики-интернационалисты (Мартов). Центристы (Дан и Богданов) были близки к ее одобрению, толкуя о создании однородного демократического правительства. Лишь Церетели продолжал отстаивать коалицию⁴. Вечером 1 сентября Керенский объявил о провозглашении России республикой, созыве Демократического совещания на условиях Советов, освобождении из тюрем ряда большевиков⁵ и создании Директории под своим руководством и без кадетов. Это усилило позиции центристов, и утром 2 сентября заседание Исполкомов закончилось принятием резолюции, откладывавшей принятие решения о власти до Демократического совещания.

Тем временем Ленин обратился в ЦК с письмом, зачитанным на заседании 3 сентября, в котором рекомендовал не оказывать правительству Керенского поддержки, но и не стремиться к его свержению. Он предложил координировать свои действия с левыми социалистами⁶. Вслед за тем Ленин написал статью «О компромиссах», в которой говорилось о готовности большевиков отказаться от вооруженной борьбы при условии формирования меньшевиками и эсерами советского правительства⁷. Статью первоначально не хотели даже публиковать. Она появилась в «Рабочем пути» лишь 6 сентября. А ПК пришлось убеждать в правильности предложенной тактики⁸.

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 32.

² Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 76.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 37–38.

⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 132.

⁵ 4 сентября были освобождены Троцкий, В.А. Антонов-Овсеенко, П.Е. Дыбенко, Н.В. Крыленко и ряд других большевиков.

⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 42, 43–46; Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 119–121.

⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 133–139.

⁸ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 429–431.

5 сентября состоялись совещания всех фракций ВЦИК, посвященные обсуждению роли предстоящего Демократического совещания. Большевики без прений приняли решение, что оно должно передать власть Советам. Меньшевики последовательно отвергли резолюции Потресова, отрицавшего саму идею Совещания, а также Дана, видевшего его задачу в сплочении демократии в борьбе с максималистскими настроениями, и приняли резолюцию Мартова, считавшего, что Совещание – источник «власти, опирающейся на широкие слои народа»¹.

В первую декаду сентября большевики сосредоточились на достижении компромисса между социалистами и обеспечении условий для мирного перехода власти к Советам. 9 сентября большевики добились принятия решения о реорганизации Президиума исполкома Петроградского Совета на пропорциональной основе. К 25 сентября реорганизация завершилась. Из 7 членов нового Президиума четверо (Каменев, Рыков, Федоров и Троцкий) были большевиками. Троцкий стал его председателем².

По существу, возникло советское двоецентрие – меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов и Петроградский Совет, поддерживавший большевиков. Последние утвердились во мнении, что возможен мирный переход власти к Советам через Демократическое совещание. На заседании ЦК 13 сентября была избрана комиссия в составе Троцкого, Каменева, Сталина, Милютина и Рыкова, которой поручили разработать декларацию для Демократического совещания³. В согласии с позицией Ленина она исходила из того, что мирное развитие революции еще возможно, и Демократическое совещание может и должно создать революционное правительство. Вместе с тем, в противовес Ленину, в декларации не исключалась возможность участия и большевиков в этом правительстве⁴. В таком духе была выстроена речь Каменева в день открытия Демократического совещания 14 сентября.

Однако надежды большевиков на поддержку делегатов оказались тщетными. Суть проблемы заключалась не в пропорциональности представительства различных течений в социализме [среди делегатов преобладали умеренные социалисты – 532 эсера (из них левых – 71), 172 меньшевика (из них только 56 интернационалистов), 55 народных социалистов, большевики имели только 134 мандата], а в том, что левые социалисты изменили свое отношение к большевикам. Их явно тревожила радикализация Советов, проходившая под влиянием большевиков. Резолюции о переходе власти к Советам к этому времени приняли вслед за Петросоветом, Московский (председатель В.П. Ногин), Бакинский (С.Г. Шаумян), Самарский (В.В. Куйбышев) и другие Советы. Большевики превратились в крупнейшую партию страны, насчитывавшую в своих рядах уже не менее 350 тыс. членов⁵.

В стане меньшевистской фракции Демократического совещания по вопросу о власти согласия не было. Дан защищал идею коалиции, напирая на то, что важны

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 152–153.

² Там же. С. 161–162; Известия. 1917. № 181. 26 сентября.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 49.

⁴ Там же. С. 49–54.

⁵ *Миллер В.И.* Осторожно: история! С. 112–113.

не дебаты о ее допустимости, а выработка программы, открывающей путь к соглашению. Мартов заявлял, что никакая коалиция с кадетами не допустима, а созыв Предпарламента – попытка ценовиков отсрочить Учредительное собрание¹. Демократическое совещание утонуло в словопрениях. 8 дней бесплодных споров и столкновений показали непримиримость разных фракций советской демократии, ставя тем самым крест на ее стремлении сплотить вокруг себя все демократические слои общества.

15 сентября лидеры большевиков получили от Ленина два письма, в которых он полностью отказывался от тактики, изложенной в статье «О компромиссах», и настаивал на немедленной подготовке восстания². Первое – «Большевики должны взять власть» – было адресовано ЦК, ПК и МК РСДРП(б), второе – «Марксизм и восстание» – только членам ЦК. Именно во втором письме содержались конкретные рекомендации организационного и тактического характера. Вечером того же дня собравшиеся члены ЦК РСДРП(б) отклонили предложение Сталина о рассылке ленинских писем в крупнейшие организации для их обсуждения. Было принято решение сохранить только по одному экземпляру каждого письма, а все их копии уничтожить. Более того, на совещании шла речь о недопущении распространения сведений о содержании ленинских писем.³

Тем временем Демократическое совещание продолжало дискутировать вопрос о власти. Только 20 сентября Президиум совещания незначительным большинством принял решение о необходимости формирования однородного демократического правительства, ответственного перед Всероссийским демократическим Советом Республики (Предпарламентом), которому Церетели и предложил передать окончательное решение вопроса о конструкции власти⁴.

Эти решения поддержали и большевики, которым были обещаны министерские портфели. 21 сентября заседал ЦК РСДРП(б). Призывы Ленина к вооруженному восстанию даже не рассматривались. С перевесом в один голос была принята резолюция о неучастии в Предпарламенте. Но вечером того же дня объединенное собрание ЦК и большевистской фракции Демократического совещания 77 голосами против 50 проголосовали прямо противоположное, и ЦК утвердил это решение⁵.

В это время руководители Исполкомов вели переговоры с Керенским о формировании правительства, пользующегося доверием Предпарламента, а в последнем «продавливали» вотум доверия формирующемуся правительству⁶. Тем самым были нарушены все установки решений 20 сентября. К 25 сентября было сформировано правительство, не ответственное перед Предпарламентом и включающее кадетов. 23 сентября состоялась встреча членов ВЦИК с делегатами Демократического совещания от областных Советов, на которой было решено созвать Всероссийский съезд Советов в Петрограде 20 октября. 24 сентя-

¹ Новая жизнь. 1917. № 128. 15 сентября; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 189.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 239–241, 242–247.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 55.

⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 258–261.

⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 65, 261–262.

⁶ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 353, 356.

бря на объединенном заседании ЦК, ПК РСДРП(б) и фракции большевиков в Предпарламенте была принята резолюция о том, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна служить задаче передачи власти Советам на приближающемся съезде¹. Эта установка определила политику большевиков на ближайшее время. Вместо того, чтобы покинуть Демократическое совещание и готовить вооруженное восстание, они занимались мобилизацией рабочих и солдат для оказания давления на Демократическое совещание, чтобы заставить его решить вопрос о власти.

В этой ситуации Ленин считал нужным немедленно вернуться в Петроград². В своих статьях и письмах, направленных в ЦК, он потребовал немедленных и решительных действий, направленных на свержение Временного правительства³. По мнению Ленина, партия сделала ошибку, войдя в Предпарламент, который следовало бойкотировать. Тактика ожидания результатов съезда Советов, считал он, приведет партию к краху и торжеству контрреволюции. В том, что его письма остаются без ответа, а статьи либо не публикуются, либо публикуются с купюрами, он видел нежелание ЦК обсуждать поставленные им тактические вопросы. Поэтому Ленин заявлял о своем намерении выйти из ЦК и начать агитацию в низах партии.

Тем временем некоторые ленинские письма дошли до членов ПК РСДРП(б). Они были возмущены тем, что ЦК выступил в роли цензора Ленина и потребовали от ЦК немедленного созыва совещания с представителями Питера и Москвы. Впрочем, сама резолюция ПК передавала вопрос о захвате власти на решение 3-й общегородской конференции петроградской организации⁴. Настоятельное требование ПК подействовало на членов ЦК, которые в тот же день приняли решение об уходе из Предпарламента и текст соответствующей декларации, оглашенной Троцким на первом официальном заседании этого органа 7 октября⁵. Демонстративный уход большевиков из Предпарламента породил целую волну слухов о готовящемся ими восстании. Между тем внутри большевистского руководства отношение к восстанию было неоднозначным. 10 октября на квартире Суханова, жена которого была большевичкой, состоялось заседание ЦК РСДРП(б), в котором после долгого перерыва участвовал Ленин. Он тайно прибыл в Петроград вопреки запрету ЦК между 4 и 9 октября и скрывался на квартире М.В. Фофановой на Выборгской стороне.

Центром дебатов являлся его доклад о текущем моменте. По докладу была принята 10 голосами (против 2) резолюция, которая констатировала, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», и поручала партийным организациям перестроить всю свою работу в связи с этим. Каменев и Зиновьев остались

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 69–71; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 468–470.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4: Март–октябрь 1917 г. М., 1973. С. 358.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 257–263; 279–283; 340–341; Т. 43. С. 347–350.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 481–497.

⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 77–79; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 394.

при особом мнении, зафиксированном в заявлении в ЦК и письме к партийным организациям. Они считали, что «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип учреждения, к которому мы идем», а вооруженное восстание лишь способно разрушить это конструктивное движение¹. Уже на следующий день Петроградским советом были сделаны первые шаги на пути его разрушения. Начал формироваться Военно-революционный комитет (ВРК) на межпартийной основе. Однако дело шло неспешно. Так, на заседании ПК 15 октября Бубнов лишь констатировал, что «мы накануне выступления». Один из руководителей «Военки» Невский заявлял, что с технической стороны «мы не вполне готовы». Никто еще не говорил о ВРК как руководящем центре².

Особенно ярко разногласия проявились на расширенном совещании при ЦК с участием представителей ПК, «Военки», Петроградского совета, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов 16 октября. Доклад о решении ЦК от 10 октября сделал Ленин. В докладах представителей с мест преобладал пессимизм: «боевого настроения нет», «настроение выжидательное», «дело плохо». Так, например, Крыленко от имени «Военки» сказал, что, исходя из настроения гарнизона Петрограда, «не нужно заострять вопрос практически». Эти слова вызвали острую дискуссию. Милютин и Шотман заявили, что «мы не можем выступать, но должны готовиться». Ленин с ними не согласился. Вновь взявший слово Крыленко, высказал уже свое несогласие с Лениным в вопросах непосредственной технической подготовки восстания и назначения его срока. Ленина поддержал Рахья, по мнению которого, «массы ждут лозунга и оружия». Однако Зиновьев заявил, что партийная тактика должна быть «оборонительно-выжидательной», что нельзя себя политически изолировать и потребовал пересмотра резолюции ЦК. В своем выступлении Каменев доказывал, что следует готовиться не к восстанию, а к Учредительному собранию. Он считал, что в партии противостоят два тактических подхода: заговор и «вера в движущие силы революции».

В ходе острой полемики Ленину оказали поддержку Сталин, Свердлов, Скрыпник, Дзержинский, Лацис. Коллеблющуюся позицию занимали Володарский, Сокольников, Иоффе. В результате на голосование было внесено две резолюции: Ленина о «всесторонней и усиленной подготовке восстания» и «поддержке создаваемого для этого... центра» и Зиновьева об отмене решения 10 октября. Резолюция Ленина была поддержана 19 голосами (против 2 при 4 воздержавшихся), резолюция Зиновьева отклонена 15 голосами (за 6, трое воздержались). Каменев и Зиновьев подали письменное заявление с требованием созыва пленума ЦК, Каменев – о сложении с себя полномочий члена ЦК³. Воздержались при голосовании ленинской резолюции, вероятно, Ногин, Милютин, Рыков и Я.Г. Фенигштейн. После совещания ЦК избрал Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского, который должен войти в ВРК⁴.

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 84–92.

² Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 500–504.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 93–105.

⁴ Там же. С. 104.

20 октября ВРК, обосновавшийся в Смольном, провел свое первое организационное совещание. Было образовано бюро из 5 чел.: 3 большевика Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский и 2 левых эсера П.Е. Лазимир и Г.Н. Сухарьков. Председателем избран Лазимир¹. ВРК начал посылать своих комиссаров во все части гарнизона, на склады оружия и боеприпасов. Он получил полную поддержку солдат, возбужденных известиями о намерении Временного правительства отправить их на фронт. 21 октября состоялись переговоры представителей ВРК со штабом Петроградского военного округа. ВРК требовал, чтобы все приказы командующего скреплялись подписью комиссара комитета. Получив отказ, он объявил все распоряжения штаба недействительными². Фактически гарнизон Петрограда был переподчинен ВРК. В знак протеста ВЦИК заявил, что покидает Смольный. С 22 октября Смольный фактически становится большевистским штабом по подготовке вооруженного восстания.

Что же касается РСДРП(о), то благодаря своему политическому курсу и в немалой степени в результате переноса центра тяжести всей партийной работы из ячеек на заводах и в казармах в представительные органы и избирательные округа партия стремительно теряла свое влияние. Этому способствовала и постоянная внутрипартийная борьба. В начале октября в отпуск на Кавказ уехали Церетели и Чхеидзе. Официальным партийным и советским лидером стал Дан. Он же возглавлял бюро фракции РСДРП(о) в Предпарламенте. Его политика была всецело подчинена задаче подготовки и проведения Учредительного собрания. Через Предпарламент он пытался обеспечить влияние на непосредственное государственное управление и разработку демократического законодательства³.

Меньшевики-интернационалисты, не получившие представительства в бюро, создали свою собственную фракцию, занявшую крайне левую позицию⁴. Правые меньшевики были представлены в бюро, но вступили в конфликт с интернационалистами при выдвижении кандидатур на выборы в Учредительное собрание. Мартовцы отказались включить в партийный список Чхеидзе и Церетели, потресовцы образовали свое Временное бюро избирательного комитета меньшевиков-оборонцев⁵. Партийный раскол приобретал все более определенные формы.

Между тем и большевиками с 10 октября было сделано немного. Каменев и его сторонники в ЦК явно саботировали подготовку восстания⁶. Ленин был воз-

¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. М., 1966. Т. 1. С. 55–56.

² Там же. С. 63.

³ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 122.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 200–201.

⁶ 18 октября Луначарский писал жене: «Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков: Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и др. Во главе левых стоят Ленин и Троцкий. У них – ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзной, фабрично-заводских комитетов, военной, советской» (Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. С. 281).

мушен и немедленно обратился с двумя письмами к ЦК¹. Он расценил позицию Зиновьева и Каменева как штрейкбрехерскую, считал, что они выдали решение партии о восстании противнику, и требовал их исключения из партии. ЦК принял отставку Каменева и запретил ему и Зиновьеву выступать с какими-либо публичными заявлениями². Но в воскресенье 22 октября, несмотря на запрет, Каменев выступал с обоснованием своей позиции на митингах. С другой стороны, Троцкий, лидеры петроградской организации и ВРК, согласные с Лениным в том, что революция вступила в новую социалистическую фазу, из прагматических соображений все же не форсировали событий, занимая оборонительную позицию и ожидая съезда Советов³.

Тем временем Керенский начал активные действия. В ночь на 24 октября правительство приняло решение о начале уголовного преследования членов ВРК, аресте лидеров большевиков, закрытии газет «Рабочий и солдат» [ЦО РСДРП(б)] и «Солдат» (орган «Военки»). В экстренном порядке шла мобилизация школы прапорщиков, женских ударных батальонов, с фронта были вызваны верные правительству части. На рассвете 24 октября отряд юнкеров разгромил типографию «Труд», где печатался очередной номер «Рабочего и солдата». К 9 час. утра рота саперного батальона по приказу ВРК взяла типографию под свой контроль и печатание номера возобновилось. В это время в Смольном собралось экстренное заседание ЦК РСДРП(б), где отсутствовал Ленин, который по распоряжению ЦК продолжал скрываться, но присутствовал Каменев, об исключении которого из своего состава ЦК почему-то забыл. По предложению Каменева постановлено: всем членам ЦК без особого разрешения не покидать Смольный, а по предложению Троцкого – создать запасной штаб в Петропавловской крепости. Однако вопрос о восстании на заседании даже не обсуждался⁴. Хотя на немедленном «выступлении» тогда уже настаивали ВРК и ПК РСДРП(б)⁵.

Большевистское руководство продолжало проводить тактику оттягивания решения вопроса о власти до открытия съезда Советов, делегаты которого уже съезжались в Петроград. Вооруженные силы, подчинявшиеся ВРК, продолжали оборонительные действия. 24 октября красногвардейцы и солдаты освобождали от юнкерских и офицерских отрядов и брали под свой контроль мосты, вокзалы, телеграф, телефонную станцию, электростанцию. Ленин считал тактику большевистского руководства неверной. Вечером он направил в ЦК очередное письмо, в котором характеризовал сложившееся положение как «донельзя критическое». Кризис не могут разрешить заседания, совещания и даже съезды Советов, он мо-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 419–427.

² Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 107.

³ 24 октября Луначарский писал жене: «Ситуация грозная. Революционный комитет и генеральный штаб ждут, кто начнет... Хватит ли у Советов силы взять власть? – Очень возможно, что да. Хватит ли у Советов силы спасти Россию и революцию? – Вероятно, нет... Чем меньше крайне левая была бы изолирована, тем больше шансов на спасение... Шансы эти невелики, будем готовы к самому худшему» (Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. С. 285–286).

⁴ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 119–121.

⁵ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 522.

жет быть разрешен только «борьбой вооруженных масс». Письмо он завершил словами «Промедление в наступлении смерти подобно!»¹. Прождав несколько часов ответа, Ленин тайно отправился в Смольный, оставив Фофановой записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

А меньшевики все еще вели дебаты, на этот раз обсуждая обращение Керенского о безусловной поддержке военных усилий правительства. 24 октября в позициях разных фракций меньшевиков произошло сближение. Они, исключая потресовцев, сошлись на необходимости полной реконструкции власти в однородную демократическую, осуждению выступления большевиков, но одновременно и правительства². Стало очевидным, что тактика меньшевиков-интернационалистов находит все большую поддержку. Поздней ночью с 24 на 25 октября на совместном заседании Исполкомов была принята резолюция, зачитанная Мартовым, о создании для борьбы с дезорганизаторами и контрреволюционерами Комитета общественной безопасности³.

В это же время в Смольном появился Ленин. Со свойственной ему энергией, настойчивостью и целеустремленностью он сразу же начал оказывать давление на «верхи» своей партии. Состоялось экстренное заседание ЦК, протокол которого не сохранился или не велся сознательно. На нем заслушивались сообщения о вооруженном противостоянии в городе, обсуждались название и состав нового правительства. Его предлагалось назвать Совет народных комиссаров (СНК), а состав виделся как коалиция большевиков и левых эсеров. Практический же итог обсуждения первого вопроса выразился в резком изменении тактики ВРК. От оборонительных действий с рассветом 25 октября он перешел к перехвату инициативы у правительственных войск. К середине дня все стратегически важные объекты оказались в руках ВРК, в т. ч. из Мариинского дворца были изгнаны члены Предпарламента, а Зимний дворец полностью блокирован. Но еще в 10 час. утра Лениным от имени ВРК было написано, сразу отпечатано в виде листовок и разослано по телеграфу по адресу «Всем! Всем! Всем!» обращение «К гражданам России», в котором заявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти в Петрограде в руки органа Петросовета ВРК⁴.

В 22 час. 40 мин. открылось первое заседание II Всероссийского съезда Советов. Из 670 делегатов съезда большевики имели 300 мандатов, эсеры 193 (более половины левые), меньшевики 68, меньшевики-интернационалисты 14, объединенные социал-демократы-интернационалисты 16, остальные 69 делегатов представляли национальные социалистические партии или были беспартийными⁵. Дан, открывший съезд от имени старого Исполкома, заявил, что его члены меньшевики и эсеры отказываются от участия в президиуме съезда. Был избран президиум, состоящий только из большевиков и левых эсеров, под председательством Каменева.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 435–436.

² Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 227.

³ Там же. С. 226.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 1.

⁵ Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. 144–153.

Первым по порядку дня взял слово Мартов, призвавший съезд сделать все для мирного разрешения конфликта и сформировать демократическое правительство. Его предложения были поддержаны всеми левыми, включая большевиков¹. Прежде чем съезд успел предпринять хоть какие-то практические шаги в соответствии с единодушно принятой резолюцией Мартова, с заявлениями выступили меньшевики Г.Д. Кучин и Л.М. Хинчук, поддержанные эсерами, об уходе со съезда фракций меньшевиков, эсеров и фронтовой группы². Ситуация на съезде коренным образом изменилась, атмосфера накалилась. Комментируя уход трех фракций, Троцкий заявил, что меньшевики и эсеры отправились «в сорную корзину истории». Мартов обиделся и заявил об уходе со съезда меньшевиков-интернационалистов³. Эти демонстрации лишь усилили позиции большевиков на съезде. Впрочем, некоторые, заявившие об уходе со съезда, продолжали присутствовать в зале. Между тем ВРК после ряда безуспешных попыток склонить защитников Зимнего дворца к добровольной сдаче начал его штурм. Сразу после перерыва около 4 час. утра Каменев информировал съезд о взятии Зимнего и аресте министров⁴. Вслед за ним Луначарский огласил текст воззвания, написанного Лениным, «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором говорилось о переходе власти в руки Советов. После внесения в текст незначительных поправок в 5 час. утра 26 октября воззвание было принято подавляющим большинством голосов⁵.

Весь день, пока делегаты съезда отсыпались, ВРК осуществлял «зачистку» города от «контрреволюционеров» – происходили аресты, закрывались оппозиционные газеты. Каменев и Берзин по поручению ЦК РСДРП(б) вели переговоры с левыми эсерами о составе правительства, начавшиеся еще 24 октября. Соглашение достигнуто не было⁶.

В 9 час. вечера открылось второе заседание съезда Советов. Единодушно был принят Декрет о мире, подавляющим большинством голосов Декрет о земле. В 3-м час. ночи Каменев представил на утверждение съезда список чисто большевистского правительства. Почти $\frac{2}{3}$ мест (62) получили большевики и в новом ВЦИК. Им противостояли 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист⁷. Политический переворот, возглавляемый большевиками, свершился.

5.4. Коммунисты против социал-демократов

События 24–26 октября в Петрограде привели к кардинальному перераспределению ролей в среде российской социал-демократии. РСДРП(о) утратила не только позицию одной из партий, входящих в правительственную коалицию, но и место

¹ Там же. С. 4, 34, 35.

² Там же. С. 4–7, 35–38.

³ Там же. С. 41–44. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 337.

⁴ Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. С. 47–50.

⁵ Там же. С. 53–54; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 11–12.

⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 120; Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. С. 26, 83.

⁷ Там же. С. 90–92.

руководящей советской партии. Причем последняя потеря была в значительной мере виной самих лидеров меньшевиков, избравших далеко не самую разумную тактику демонстративного ухода с занимаемых выборных постов и бойкота съезда Советов. Внутри РСДРП(о) значительно усилились позиции и «левых», и «правых», в равной мере активно критиковавших руководящий «центр». Все более заметной силой становились объединенные социал-демократы-интернационалисты.

Победа большевиков предельно обострила противостояние внутри социалистического спектра политических сил. Так, 26 октября ЦК РСДРП(о) принял резолюцию, объявляющую «захват власти большевиками путем военного заговора насилием над волей демократии и узурпацией прав народа». В качестве основной задачи момента выдвигалась «сплоченность всех пролетарских и демократических сил» для предотвращения «полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции». Органами такого сплочения, по мнению меньшевистского руководства, должны были выступать комитеты общественного спасения для защиты республики, сформированные из представителей городских дум, Советов и прочих демократических организаций как политических, так и профессиональных, в т. ч. армейских. Основными лозунгами момента должны были стать – созыв Учредительного собрания и немедленное начало переговоров о заключении всеобщего мира¹. Меньшевики-оборонцы отмежевались от этой тактики. Единственно законным до Учредительного собрания они признавали правительство Керенского².

В совместном заявлении фракции меньшевиков-интернационалистов II съезда Советов и Комитета петроградской организации от 27 октября отмечалось: «Большевики, произведя накануне съезда, по заранее разработанному плану, государственный переворот, захватили власть именем Советов, лишив их тем даже возможности обсудить самостоятельно вопросы о переходе к ним власти и мирной или насильственной формах этого перехода». Меньшевики-интернационалисты настаивали на немедленных переговорах со всеми революционными организациями и социалистическими партиями, на образовании общедемократического правительства и прекращении военных действий на время этих переговоров³. 28 октября ЦК РСДРП(о) принял решение о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками о совместной с ними организации власти, призвал к сплочению сил демократии вокруг Комитета спасения для скорейшей ликвидации большевистской авантюры⁴. Меньшевики-оборонцы, совершенно игнорируя прочие течения внутри меньшевизма, провели первое заседание собственного Бюро избирательного комитета в Учредительное собрание⁵.

29 октября один из самых влиятельных и организованных в стране профессиональных союзов – Всероссийский союз железнодорожников в лице своего исполнительного комитета (Викжель), в котором ведущие позиции занимали меньшевики и объединенные социал-демократы, ультимативно выдвинул требование

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 252.

² Там же. С. 255.

³ Там же. С. 259.

⁴ Там же. С. 261–262.

⁵ Там же. С. 265.

создания однородного социалистического правительства и пригрозил, в случае непринятия этого требования, забастовкой во всероссийском масштабе.

Сложность политической ситуации в стране после Октябрьского переворота и непосредственно в среде социалистических сил заставляла большевиков лавировать. 29 октября на заседании ЦК РСДРП(б), проходившем в отсутствие Ленина и Троцкого, было признано возможным расширить политическую базу советского правительства и изменить его состав. Однако отвергнуто предложение «правых» о включении в правительство представителей всех советских партий. Вести переговоры с ними было поручено Каменеву и Сокольникову. Ленин не оспорил решения ЦК. Рассматривая переговоры с социалистами как «дипломатическое прикрытие ведущихся военных действий», Ленин в принципе не возражал против решений ЦК¹.

Вечером этого дня начались переговоры с Викжелем. В совещании участвовали представители восьми партий и девяти организаций: Викжеля, Комитета спасения, городского самоуправления, почтово-телеграфного союза, союза служащих государственных учреждений, СНК, ВЦИК, ЦК РСДРП(о), ЦК РСДРП(б), ЦК ПСР, а также меньшевики-интернационалисты, объединенные социал-демократы-интернационалисты, левые эсеры и др. Каменев от имени ВЦИК заявил, что условиями соглашения, по его мнению, было признание вступающими в коалицию партиями платформы II съезда Советов и распространение соглашения на все советские партии до народных социалистов включительно. Каменев не возражал против предложения эсеров о назначении на пост главы правительства взамен Ленина Чернова. Он поддержал также предложение о пополнении ВЦИК представителями от Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, профсоюзов, а также петроградской и московской городских дум и превращении его во «Временный народный совет»².

Что касается Мартова, то он констатировал, что после большевистского переворота политическая ситуация обострилась. С одной стороны, «власть, созданная методом вооруженного солдатского восстания, власть одной партии не может быть признана страной и демократией», а с другой – «если большевики будут побеждены силой оружия, то победитель явится третьей силой, которая раздавит всех нас». Осознание этого непреложного факта, по его мнению, и должно было лечь в основу начавшихся переговоров. Если Комитет спасения и СНК согласятся на разоружение и перемирие на базе признания демократической власти (т. е. вне коалиции с представителями буржуазии), то вопрос о личном и партийном ее составе станет второстепенным³. Дан, указывая на антидемократический характер переворота, счел нужным подчеркнуть, что только этим может быть объяснено одно, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство: большевистский террор еще не коснулся буржуазии, а из присутствующих уже мало кто мог быть уверенным, что не сегодня-завтра этот террор не будет обращен на него. Условиями любого соглашения с большевиками, по его мнению, могли быть только ликвидация последствий заговора, роспуск ВРК, признание II съезда Советов не состояв-

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 122–123, 127, 269–270.

² Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 603–604.

³ Там же. С. 604–605.

шимся. Дану вообще претила мысль о вхождении в правительство большевиков, тем паче что, по его саркастическому замечанию, найти желающих сотрудничать с теми, кто несет ответственность за события последних дней, будет крайне трудно¹.

30 октября ЦК РСДРП(о) принял резолюцию «Об организации власти», фиксирующую позицию Дана на переговорах². Тональность продолжившихся под патронажем Викжеля переговоров определили вновь вспыхнувшие бои в Москве и под Царским Селом, обыски,³ аресты и расстрелы в Петрограде, закрытие либеральных газет и журналов⁴. Единогласно приняв резолюцию о прекращении террора, совещание высказалось и относительно позиции меньшевистского ЦК. Его мотивы отказа от вхождения в социалистический кабинет с большевиками были охарактеризованы как не соответствующие реальному соотношению сил в стране⁵. Дану пришлось отступить от своей позиции и признать, что меньшевистская партия согласна поддерживать правительство с большевистским представительством лишь «постольку, поскольку оно не будет прибегать к агрессивным мерам». Однако это заявление не нашло поддержки участников совещания. В результате Дан согласился обсуждать персональный состав правительства, не исключая кандидатур большевиков, а также предложил партнерам по переговорам составить особую комиссию для конструирования власти. Это предложение было принято без возражений⁶.

В свою очередь ЦК РСДРП(о) 31 октября постановил «принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков»⁷. Однако правые меньшевики выступили категорически против такого решения и потребовали созыва пленума ЦК. Не добившись изменения решения ЦК на пленарном заседании 1 ноября, 13 правых меньшевиков подали в отставку. На следующий день ими было опубликовано письмо «Ко всем членам РСДРП(о)» с мотивами своего выхода из ЦК. В ближайшие дни к этому протесту присоединился еще ряд видных меньшевиков-партийцев⁸.

Подавление к 31 октября выступлений юнкеров в Петрограде, войск Краснова и перелом в вооруженной борьбе в Москве в пользу большевиков привели к изменению соотношения сил в руководстве РСДРП(б). На заседании ЦК 1 ноября Ленин подверг критике «капитулянтскую» линию поведения Каменева. Тем не менее добиться немедленного прекращения переговоров главе советского правительства не удалось. Десятью голосами против трех ЦК партии высказался за их

¹ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 605–606.

² Там же. С. 270.

³ По злой иронии судьбы одним из первых социалистов, подвергшихся домашнему обыску, был основоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов. Произошло это 31 октября в Царском Селе (*Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. С. 353).

⁴ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24–25.

⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 614, 616, 617, 619.

⁶ Там же. С. 620.

⁷ Там же. С. 272.

⁸ Там же. С. 273, 276–278.

продолжение, но на более жестких условиях¹. От имени РСДРП(б) Сталин на совещании потребовал не менее половины наркомовских портфелей и безусловного участия Ленина и Троцкого в будущем кабинете. В результате переговоры зашли в тупик.

2 ноября ЦК РСДРП(б) с участием Ленина обсуждал вопрос об оппозиции внутри ЦК. 10 голосами против 5 (Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин) была принята резолюция Ленина, в которой констатировался отход оппозиции от всех основных позиций большевизма и решений II Всероссийского съезда Советов. В то же время она приглашала всех социалистов в правительственную коалицию на основе признания принятых II съездом решений².

Оставшиеся в меньшинстве опубликовали 4 ноября в газете «Известия» заявление о выходе из ЦК. Свое решение они мотивировали следующим образом: «Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки громадной части пролетариата и солдат...»³. Так десятый день пребывания большевиков у власти обернулся серьезным расколом в руководстве партии и первом советском правительстве. На состоявшемся в тот же день заседании ЦК был оглашен написанный Лениным «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству» с требованием подчинения партийной дисциплине⁴. В ответ последовало заявление группы народных комиссаров и заведующих отделами (Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышев, Арбузов, Юренев, Федоров, Ларин) об отставке с требованием образования правительства из всех советских партий. К этому требованию присоединились Луначарский и Шляпников, не сложившие своих наркомовских полномочий⁵. На двух заседаниях в ночь с 5 на 6 ноября ЦК продолжал заниматься партийным кризисом. Были заменены подавшие в отставку наркомы и принят второй ультиматум Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину. Им было предложено либо прекратить пропаганду идеи однородного социалистического правительства, либо покинуть все ответственные советские и профсоюзные посты⁶.

7 ноября «Правда» опубликовала написанное Лениным обращение «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам», где отставники квалифицировались как «дезертиры». 8 ноября ЦК постановил снять Каменева с поста председателя ВЦИК и рекомендовал на это место Я.М. Свердлову. По сути, с этого момента СНК определял партийную линию большевиков, а ВЦИК лишь утверждал принятые им декреты. Просьбы «отставников» о возвращении на занимаемые должности были отклонены.

В отличие от большевиков, сумевших консолидировать свои партийные ряды, в РСДРП(о) внутренний кризис так и не был преодолен. В сложившейся ситуации ЦК РСДРП(о) решил ускорить созыв экстренного съезда партии. Однако

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 124–130.

² Там же. С. 131–132.

³ Там же. С. 135–136.

⁴ Там же. С. 133–134.

⁵ Там же. С. 136–137.

⁶ Там же. С. 137.

меньшевики-оборонцы, не отказываясь от участия в съезде, приняли решение провести собственную конференцию¹.

К внутривнутрипартийным дебатам подключился и вернувшийся с Кавказа Церетели. Отвергнув большевистские декреты, он вместе с тем заявил, что «отказ от соглашения лишил бы демократию многих элементов, которые могут быть чрезвычайно полезны». Он выдвинул формулу, которая могла бы, по его мнению, сплотить партию: «Власть однородная, демократическая, с включением социалистических партий... Не будем говорить, что большевики не войдут, будем говорить – соглашение во что бы то ни стало»². 11 ноября под прямым давлением Церетели 8 бывших членов ЦК подали заявления о возвращении при сохранении особой позиции. Не вернулись Колокольников и Богданов. Но в партии была лишь видимость единства, наряду с «отставниками» ее в разные стороны тянули Мартов и Потресов. Самым печальным образом это сказалось на результатах, с которыми РСДРП(о) выступила на выборах в Учредительное собрание.

Провозглашение II съездом Советов нового строя как власти рабочих, крестьян и солдат на первых порах формально не противопоставлялось демократии общенародной, воплощавшейся в идее Учредительного собрания. На волне эйфории, вызванной мгновенной и почти бескровной победой Октябрьского вооруженного восстания, большевики надеялись закрепить свой успех, получить (если не единолично, то с поддерживавшими их левыми эсерами, а также меньшевиками-интернационалистами) большинство мест в Учредительном собрании и тем самым мандат доверия и законности непосредственно из рук народа. Уже 27 октября СНК подтвердил дату проведения выборов: 12–14 ноября³. Но при этом не забывалось и о разработке путей отступления. Так, за четыре дня до выборов на расширенном заседании Петроградского комитета РСДРП(б) открыто обсуждалась возможность разгона «Учредилки», если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями»⁴.

Выборы состоялись в срок по пропорциональной системе, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых) и голосование по партийным спискам. Всего на избирательные участки явились 48,4 млн чел., получивших возможность выразить свою волю в соответствии с самыми демократическими принципами. Эсеры получили 46 % мест; большевики – 23,5 %; меньшевики – 2 %. С учетом национальных организаций в целом социалисты имели 80,6 % мандатов, за них проголосовало более 39 млн избирателей⁵. Результат впечатляющий и убедительный. Но для РСДРП(о) это было сокрушительное поражение. В качестве важнейших причин катастрофы Дан назвал партийный раскол, приведший партию в состояние полной дезорганизации⁶.

Нельзя сказать, что итоги выборов обрадовали и большевиков. И не только количеством голосов, собранных ими, но и минимальным представительством сре-

¹ Большевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 284, 285.

² Там же. С. 295–298.

³ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 25–26.

⁴ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 561–566.

⁵ См.: *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. С. 108.

⁶ Большевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 318–320.

ди депутатского корпуса меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров. Они шли на выборы по общепартийным спискам, составленным еще в сентябре, в тот период, когда в их партиях господствовали оборонцы. Ситуацию пытались исправить по двум направлениям. Во-первых, путем отзыва уже избранных депутатов местными Советами согласно декрету ВЦИК¹. Но до открытия собрания оставалось так мало времени, что особой роли это сыграть не могло. Второй путь – взять в свои руки все дело организации «Учредилки» и одновременно создать общественное мнение против нее. 16 ноября согласно декрету СНК² была распущена Петроградская городская Дума – национальный центр поддержки и организации Учредительного собрания. После некоторого периода сопротивления к 28 ноября (день, первоначально назначенный для открытия собрания) Дума была разогнана силой, а наиболее активные гласные арестованы. Также силой были разогнаны многочисленные демонстрации в поддержку Учредительного собрания, организованные подпольным Союзом защиты Учредительного собрания. 29 ноября на заседании ЦК РСДРП(б) Бухарин выдвинул предложение созвать Собрание, учитывая силу конституционных иллюзий, но выдворить кадетов, а из левых организовать «революционный конвент». Его предложение не поставили на голосование, но большинство членов ЦК настаивало на необходимости отложить созыв Учредительного собрания до того момента, когда в Петрограде соберется кворум в 400 депутатов³. При этом они питали надежду, что большевикам удастся как-то уравновесить силы за счет отсутствия части депутатов с мест. ЦК одобрил также декрет СНК⁴, опубликованный в тот же день, о запрете партии кадетов и аресте ее лидеров. Причем аресты начались еще утром 28 ноября.

Синхронно большевики вели борьбу за поддержку со стороны левых эсеров, крайне недовольных результатами выборов и быстро идущих к разрыву с ПСР. 11–25 ноября большевики развернули активную работу на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, где имели свою партийную фракцию. На съезде неоднократно выступал Ленин, добившись одобрения всех шагов СНК, включая его политику по отношению к Учредительному собранию. Избранный съездом Исполнительный комитет в составе 108 чел. объединился с действующим комитетом, избранным II съездом Советов, с включением 100 представителей солдатских и матросских комитетов и 50 от профсоюзов в единый ВЦИК Советов. Тем самым большевики обеспечили себе поддержку крестьянства при сохранении большинства голосов во ВЦИК. С 15 ноября возобновились переговоры большевиков и левых эсеров о вхождении последних в СНК и расширении их представительства во ВЦИК. Со 2 по 7 декабря они велись уже вполне предметно и завершились включением в состав СНК в качестве наркомов И.З. Штейнберга, П.П. Прошьяна, В.Е. Трутовского, А.А. Измайлович, В.А. Карелина и В.А. Агласова. Левые эсеры были введены в коллегии всех наркоматов (четверть всех мест) и получили гарантированную треть мест во ВЦИК. Чтобы уравновесить назначение Штейнберга наркомом юстиции 7 декабря был

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 139.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 159; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 149–151.

⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 161–162, 165–166.

распущен ВРК, в состав которого входили левые эсеры, и создана чисто большевистская по составу ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Дзержинским.

Тем временем меньшевики собрались на Чрезвычайный съезд РСДРП(о) (30 ноября – 7 декабря). Несмотря на то что открытие съезда дважды откладывалось, дабы дать возможность собраться как можно большему числу партийцев, на съезде присутствовало около 120 делегатов, что было вдвое меньше, чем на августовском съезде. Они представляли около 100 тыс. членов партии¹. По сути, это была лишь половина партии. За второе полугодие численность меньшевиков не изменилась. Правда, за этой внешней стабильностью стояли неоднозначные процессы: уход от меньшевиков значительной части рабочих и приход к ним представителей средних городских слоев и солдат².

По всем вопросам, включенным в повестку дня, – о текущем моменте и задачах партии в Учредительном собрании, мире и перемирии, единстве партии, рабочем контроле, об отношении к Советам, органам местного самоуправления и общественным организациям, об областной автономии – каждое из течений представило свою точку зрения. Наиболее резко выступали центристы, к этому времени ставшие меньшинством, и «оборонцы». Однако чаще всего проходили – иногда большинством в один голос – резолюции по проектам интернационалистов.

Считая потенциал революции далеко не исчерпанными, а ее основные задачи нереализованными, Мартов так обозначил направление новой партийной политики: «Не назад от большевистского переворота к коалиции, а вперед к осуществлению намеченных, но неосуществленных задач путем восстановления единства пролетарского движения и координации сил пролетарской и мелкобуржуазной демократии». Этим он обосновывал и требование построить всю тактику партии «как длительную борьбу вокруг идеи суверенности Учредительного собрания по мере роста конфликтов внутри большевиков»³.

Съезд объявил единство политических выступлений представителей партии – равно как и единство организаций – необходимым условием выполнения партией ее задач. Съезд счел абсолютно недопустимыми и наказуемыми любые «самостоятельные политические выступления против решений соответствующих правомочных партийных организаций»⁴. Столь суровых дисциплинарных ограничений меньшевики никогда ранее не выдвигали.

Оживленная дискуссия развернулась по вопросу «Об отношении партии к Советам, органам самоуправления и общественным организациям». Для интернационалистов Советы продолжали оставаться «центрами революционных сил демократии» и основной ареной борьбы за реализацию их политического курса. Они доказывали необходимость участия в Советах «в целях воздействия на массы, противодействия большевистской диктатуре и проведения политики соглашения». Утверждалась недопустимость участия в боевых организациях (незави-

¹ *Непариков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. С. 287–288.

² *Миллер В.И.* Осторожно: история! С. 114.

³ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 2. С. 388.

⁴ Там же. С. 489–490.

симо от их политической окраски), поскольку они «стоят на почве применения военной силы и отрицательно относятся к политике соглашения внутри демократии». Что же касается ВЦИК, то интернационалисты считали участие в нем нежелательным, хотя и не исключали наступления такого момента, когда оно станет единственным «средством предупреждения катастрофического разрешения большевистского кризиса». Все эти идеи четко резюмировал Мартов: «Наша политика соглашения дает возможность безболезненного перехода от революционного периода к нормальному демократическому строю. Эта политика содействует превращению советов в органы нормального политического давления»¹. Поскольку Советы становятся властью, постольку участие в них недопустимо. Вот почему в качестве основной задачи должно быть выдвинуто «сплочение сил демократии около органов самоуправления и Учредительного собрания».

В то же время в решениях съезда члены партии, с одной стороны, призывались оставаться в Советах, а с другой – им запрещалось вступать в советские административные учреждения там, «где они стали органами большевистской власти». Членам партии настоятельно рекомендовалось участвовать в органах, дабы предотвратить превращение их в инструмент большевиков или контрреволюции. Во всех случаях исключалось любое сотрудничество в военно-революционных комитетах и комитетах спасения, «не принимающих соглашения всей демократии»².

Принятие этих амбивалентных решений на определенный период обеспечило объединение интернационалистов, центристов и части революционных «оборонцев» в новое партийное большинство, возглавляемое Мартовым и Даном. В то же время в новом самоопределении партии содержалось много того, что с трудом принималось не только ее правым крылом, но и центристами. Это прежде всего непреклонная решимость нового большинства не быть вовлеченным в губительную братоубийственную войну против рабочего класса; готовность признать захват власти большевиками выражением настроений пролетариата (пусть и чреватых самыми серьезными последствиями); безбоязненный разрыв с теми, чье бездействие породило октябрьский взрыв.

Для многих лидеров меньшевиков подобная смена тактического курса казалась неприемлемой. При выборах в ЦК 22 чел. воздержались от голосования, мотивировав свое решение явным несовпадением принятых съездом резолюций «со всей меньшевистской тактикой»³. В последний день своей работы совещание избрало Временное бюро «оборонцев», в него вошли Потресов, Маслов, Левицкий, Богданов, Юдин, Колокольников, Дементьев, Либер, Гвоздев, Батурский и др.⁴ Фактически Бюро стало альтернативным центром избранному 7 декабря, после многочисленных фракционных совещаний и межфракционных переговоров, новому составу ЦК РСДРП(о) из 19 чел., в т. ч. были избраны Аксельрод и Войтинский (заочно), Абрамович, Мартов, Дан, Ежов, Мартынов, Майский, Семковский, Череванин и др. Среди избранных не было Церетели, а Чхеидзе был избран только кандидатом в члены ЦК⁵.

¹ Там же. С. 510.

² Там же. С. 514.

³ Там же. С. 515.

⁴ Там же. С. 517–523.

⁵ Там же. С. 323–324.

Между тем «оборонцы» поспешили довести до партии свою альтернативную точку зрения. Нарушая решения съезда, они делегировали своих представителей во Всероссийский союз защиты Учредительного собрания. Вошедшие в него Богданов, Ермолаев, Левицкий и др. были арестованы и помещены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где пробыли до конца января 1918 г.

ЦК РСДРП(о) предпринял ряд мер, направленных на преодоление раскола. Представители всех течений, в т. ч. и оборонческого, вовлекались в работу различных комиссий, разрабатывавших документы для социал-демократической фракции Учредительного собрания и готовивших материалы для Бюро печати. Резолюция ЦК «О защите Учредительного собрания» призвала все партийные организации инициировать созыв беспартийных рабочих конференций для образования рабочих союзов или комитетов¹. Вслед за этим Ежов, по поручению ЦК, поставил на заседании Петроградского комитета «оборонцев» вопрос о воссоздании в столице единой организации и укреплении партийных рядов. 31 декабря совещание представителей ЦК и Бюро «оборонцев» принимает «план ликвидации параллельных организаций и воссоздания партийного единства в Петрограде»².

В конце декабря 1917– первых числах января 1918 г. состоялись заседания специальной комиссии, разрабатывавшей декларацию фракции Учредительного собрания. Верховенство его власти не подвергалось сомнению, при этом всячески подчеркивалась важность местного самоуправления. Предусматривалось создание органов, укрепляющих федерацию, равно как и представительство федеративных частей республики в составе центральной исполнительной власти. Учредительная власть за отдельными самоопределившимися народами признавалась лишь с теми ограничениями, которые устанавливались всероссийской. В их число входили: запрет на восстановление монархии, на какие-либо ограничения всеобщего избирательного права, публичных прав граждан и прав национальных меньшинств, на несоответствие регионального законодательства общероссийскому. Все земли государственные, монастырские и частновладельческие, выше удвоенной трудовой нормы, переходили в собственность государства. Подлежащая национализации земельная площадь ограничивалась правом мелких собственников продавать свои участки органам самоуправления, которые и должны были определять формы и способы землепользования. Главным в области внешней политики признавалось заключение справедливого мира³. В случае разгона Собрания (такого исхода никто не исключал) рекомендовалось не призывать к восстанию, но объявить все, что исходило и исходит от СНК, незаконным.

Большевики тоже готовились к Учредительному собранию. С одной стороны, ВРК репрессивными мерами пытался «зачистить» инакомыслящих. Закрывались органы печати не только консервативных и либеральных партий, но и социалистических. Так, 4 ноября был закрыт потресовский «День», 17 ноября – ЦО РСДРП(о) «Рабочая газета», 17 декабря – плехановское «Единство», 31 декабря

¹ Большевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 574.

² Там же. С. 595.

³ Большевики в 1918 году. М., 1999. С. 83–86.

ЦО «Новый луч» и плехановское «Наше единство». 18 декабря по распоряжению Ленина были арестованы Церетели, Дан и Скобелев, но вскоре освобождены¹.

С другой стороны, большевики принимали меры для консолидации сил внутри Учредительного собрания. В начале декабря образовалось Временное бюро большевистской фракции Учредительного собрания в составе «правых» Каменева, Ногина, Рыкова, Милютина, Рязанова и Ларина, которые потребовали от ЦК созыва чрезвычайного партийного съезда для обсуждения линии партии². Однако было решено съезд не созывать, а ограничиться проведением совещания с фракцией, надзор за которой поручалось осуществлять Бухарину и Сокольникову. Речь шла также о подготовке тезисов ЦК об Учредительном собрании. На заседании 12 декабря было избрано новое бюро фракции без представительства «правых» во главе со Шляпниковым. Оппозиционеры были выведены и из состава большевистской фракции ВЦИК. Совещание приняло написанные Лениным «Тезисы по вопросам Учредительного собрания». Подчеркивая, что интересы революции «стоят выше формальных прав избранного органа законодательной власти», «единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса» Ленин признавал «безоговорочное заявление» Учредительного собрания о признании им советской власти и принятых ею Декретов о мире и земле³.

По сути, сформулировав ультиматум, СНК наметил открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 г., а ВЦИК назначил на 8 и 12 января съезды Советов. Лениным для оглашения на Собрании была написана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Ее обсуждали и утвердили на совместном заседании ЦК большевиков и левых эсеров (2 января) и во ВЦИКе (3 января). Согласованная тактика большевиков и левых эсеров свелась к ультиматуму: либо «Учредилка» признает советскую власть и все ее законы, либо она будет разогнана силой.

5 января 1918 г. в час дня открылось первое и единственное заседание Учредительного собрания. Таврический дворец, где заседали депутаты, походил на осажденную крепость: на прилегающих улицах баррикады, охраняемые красногвардейцами и матросами, в самом здании многочисленная охрана, в окнах первого этажа устроены пулеметные гнезда. Перед открытием Собрания в разных районах города были расстреляны демонстрации в его поддержку. Настроение депутатов было нервное и агрессивное. С большим трудом Свердлову удалось зачитать «Декларацию прав», но большинство собравшихся отказалось ее обсуждать. Приступили к выборам председателя. Эсеры выдвинули кандидатуру Чернова, большевики – М.А. Спиридоновой, явно рассчитывая на часть эсеровских голосов. Голосование показало реальное соотношение сил: за Чернова было подано 244 голоса (избран председателем); за Спиридонову – 153⁴.

После пространных речей Чернова и Бухарина выступил Церетели. Его речь и зачитанная им Декларация РСДРП(о) стали самым ярким событием этого

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 459; Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999. С. 21.

² Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 160–161, 279–280.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 162–166.

⁴ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 4–5, 9.

единственного заседания Учредительного собрания. Церетели отверг ультимативное требование большевиков санкционировать их власть, а также «те опыты, которые делаются Советом народных комиссаров»¹. В случае разгона Собрания Церетели предрекал наступление «длительной анархии гражданской войны», а затем и утверждение у власти «самых максимальных цензовых буржуазных устремлений»². Церетели заявил о неприятии основных положений большевистской «Декларации». Большинством в 237 голоса (против 146) была принята резолюция, признающая верховной политической властью Учредительное собрание³. Это был переломный момент. Ленин потребовал немедленного ухода большевистской фракции с заседания. Раскольникову было поручено зачитать написанное Лениным заявление об уходе⁴. Вслед покинули Собрание и немногочисленные левые эсеры.

На следующее утро 6 января депутаты не смогли попасть в Таврический дворец, а выступления в поддержку Учредительного собрания были силой подавлены. После разгона Учредительного собрания большевики укрепились в своем убеждении, что демократия трудящихся в форме Советов выше, чем демократия всеобщая, которая квалифицировалась ими как буржуазная. Они сосредоточили все усилия на том, чтобы придать собиравшемуся III съезду Советов характер источника власти.

Меньшевики, напротив, пытались использовать факт разгона Учредительного собрания как дополнительный аргумент в критике большевиков⁵, а также сохранить органы местного самоуправления, избранные в августе–сентябре 1917 г. всеобщим, прямым и тайным голосованием и представляющие все слои населения. На совещании представителей земств и городов (Москва, январь 1918 г.) меньшевистская фракция призвала все распущенные органы местного самоуправления не слагать своих полномочий, принимать меры к сохранению муниципального хозяйства путем передачи заведования отдельными его отраслями лицам или коллегиям, составленным из своих работников. Вместе с тем фракция выступила против использования муниципальных забастовок как метода борьбы, признав возможность лишь краткосрочных демонстративных акций протеста⁶. Впрочем, все это не имело каких-либо практических последствий, поскольку органы самоуправления вскоре были распущены, а их функции перешли к местным Советам.

10 января в Петрограде началась работа двух советских съездов – рабоче-солдатского и крестьянского. На первом, собравшем 625 делегатов, господствовали большевики и левые эсеры, на втором в составе 200 делегатов был всего 1 большевик, а подавляющее большинство состояло из депутатов только что разогнанного Учредительного собрания. Этот второй съезд тоже был разогнан, и его делегаты

¹ Всероссийское Учредительное собрание. С. 72.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 88–90; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 227–228.

⁵ Меньшевики в 1918 году. С. 97–98, 107, 208, 209, 757. Еще в течение примерно полугодия требование немедленного возобновления работ Учредительного собрания являлось одним из главных лозунгов РСДРП(о).

⁶ Там же. С. 139.

собирались подпольно. Первый же провозгласил свой «учредительный» характер¹. С отчетами ВЦИК и СНК выступили Свердлов и Ленин соответственно. 12 января по их докладам развернулась острая дискуссия. Мартов, проводя параллель между Парижской коммуной и большевистским переворотом, доказывал, что методы террора не нужны той партии, которая олицетворяет чаяния большинства населения. Исходя из того, что для социалистических преобразований необходима почва в виде демократизации политической системы и укрепления экономического положения страны, он обвинил советских руководителей в разрушении именно этих условий. Мартов призвал нынешних властителей круто изменить свою политику в интересах революции². С резкими заявлениями выступили меньшевики Суханов и Абрамович, а социал-демократ Авилов заявил, что возможна комбинированная форма власти Советов и Учредительного собрания. Их выступления тонули в море выступлений в поддержку политики СНК и одобрений большевистской «Декларации прав».

13 января параллельно с рабочим съездом начал свою работу съезд Советов крестьянских депутатов, созданный большевиками и левыми эсерами. Съезд принял решение слиться с рабоче-солдатским съездом. Далее III Всероссийский съезд продолжил работать в составе свыше 1000 делегатов. Он одобрил внешнюю политику СНК и санкционировал провозглашение Советской федеративной республики, создав комиссию для разработки ее конституции. С докладом о конституировании РСФСР на съезде 15 января выступал Сталин. От меньшевиков ему оппонировал в тот же день Мартов. Он обвинил большевиков в прямом развале России, ибо они навязывали ее народам единую унифицированную форму власти, а реальный политический процесс на Украине, в Закавказье и ряде других регионов страны шел в направлении демократических республик. Сами Советы он подверг беспощадной критике, заявив: «Как революционные органы они необходимы, но как органы управления они стоят даже ниже столыпинской Думы, ибо выборы в эти органы двух- и даже трехстепенные. У них нет даже бюджетного права... Совет Народных Комиссаров фактически безответственен и не зависит от съезда Советов»³.

Но итоговая декларация фракции меньшевиков, включившая в себя всю эту критику, заявляла о готовности представителей РСДРП(о) войти в состав ВЦИК для «просвещения масс путем борьбы с режимом террора и гражданской войны»⁴. Во ВЦИК от меньшевиков были избраны Мартов, Дан и Суханов. РСДРП(о) оказалась на грани раскола. Правда, общее для всех течений меньшевизма отрицательное отношение к Брестскому миру отложило немедленное его организационное оформление.

Синхронно с советским съездом (14–20 января) собрали свой съезд и объединенные социал-демократы-интернационалисты. 17 делегатов от 15 местных организаций провозгласили на нем учреждение РСДРП (интернационалистов). Они

¹ Третий съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 5–6.

² Меньшевики в 1918 году. С. 119–120.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 131–132.

считали ошибочной установку большевиков на построение социализма в условиях отсутствия мировой пролетарской революции. Вместе с тем тактика вооруженной борьбы с большевиками ими осуждалась. Они предлагали «вытеснить» большевиков из Советов путем перевыборов и бороться за возобновление работы Учредительного собрания для создания многопартийной демократической власти. Ожесточенные дискуссии на съезде вызвал доклад Г.Д. Лейтейзена «Об отношении к другим социалистическим партиям». Одни делегаты были в равной степени враждебно настроены и к большевикам, и к меньшевикам, другие, напротив, призывали к тесному с ними сотрудничеству. Сошлись на том, что РСДРП(и) может впитать себя как правое крыло большевиков, так и левых меньшевиков, превратившись в крупнейшую социал-демократическую партию страны¹. На самом деле РСДРП(и) постепенно дрейфовала к большевизму, чему несомненно способствовал ее председатель С.А. Лозовский.

Большевики же столкнулись с очередным внутривнутрипартийным кризисом. Ленин, увлекшийся подавлением партийных «правых», тем самым создал благоприятные условия для организации оппозиции слева. Она начала формироваться еще в конце ноября 1917 г. в связи с сепаратными переговорами о мире между Германией и Россией, что вызвало озабоченность в Московском областном бюро РСДРП(б) и Петербургском комитете². В декабре эти две организации уже выступали за недопустимость сепаратных переговоров и, если потребуются, ведение «революционной войны с германским империализмом»³. К январю 1918 г. Ленин уже убедился, что нужно принимать мир на германских условиях и чем скорее, тем лучше, а «революционная война» – самоубийство советской власти. Троцкий полагал, что принять немецкие условия невозможно, но и воевать невыносимо, поэтому мирный договор подписывать не нужно, но русскую армию нужно демобилизовать и объявить об одностороннем прекращении войны. Он почему-то был убежден, что немцы наступать не смогут⁴.

8 января Ленин собрал партийное совещание с участием 63 деятелей партии, съехавшихся на съезд Советов, и представил им «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»⁵, обосновавшие его позицию по этому вопросу. В свою очередь, Троцкий предложил формулу «ни войны, ни мира, а армию распустить». С обоснованием необходимости вести революционную войну выступили Ломов, Осинский, Яковлева и Преображенский. В итоге «левые» одержали уверенную победу: 32 голоса было подано за «революционную войну», 16 чел. поддержали Троцкого и только 15 Ленина⁶. 11 января на заседании ЦК Ленин вновь потерпел сокрушительное поражение. Лишь трое из 16 чел. [Сергеев (Артем), Сокольников и Сталин] поддерживали его. Ленинскую

¹ РГАСПИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 18. Л. 4–10, 21–25.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 253; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 571–576, 581–587.

³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 607–619, 621–622.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 225; Троцкий Л.Д. Соч. Т. 17. Ч. 1. М.; Л., 1926. С. 631.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 243–252.

⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 168; Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 216–218.

резолуцию даже не поставили на голосование. Резолюция о «революционной войне» получила 2 голоса против 11. Зато сомкнулись позиции лидера «левых» Бухарина и Троцкого на основе формулы последнего. За нее было подано 9 голосов против 7. Ленину удалось лишь добиться решения ЦК затягивать переговоры, сколько будет возможно¹. Аналогичную «левым» большевикам позицию занял и ЦК левых эсеров.

14 января по докладу Троцкого вопрос о мире обсуждался на III съезде Советов. Партийные разногласия не выносились на съезд. Более того, Ленин подстраховался, выпустив на трибуну Каменева, который был его единомышленником по данному вопросу. Съезд, введенный в заблуждение неполной информацией о сложившейся ситуации и революционной фразой, по сути, санкционировал дальнейшие мирные переговоры. Даже Мартов, который критиковал советских переговорщиков за наивную веру в близость мировой революции, а военное руководство в разложении армии, похвалил СНК за «шаги к заключению всеобщего мира в самый разгар империалистической войны», которые «являются поразительным по своей смелости и революционности актом, предпринятым творцами всемирной международной революции»².

На следующий день СНК принял Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии, а 12 наиболее влиятельных «левых» большевиков во главе с членами ЦК Бухариным и Ломовым предъявили Ленину ультиматум с требованием в двухнедельный срок созвать партконференцию. В случае если мир будет подписан до конференции, они грозили отставкой. Аналогичное заявление подали члены ПК Бокий, Косиор, Фенигштейн, Равич и Плужников³. «Левые» развернули открытую агитацию.

19 января ЦК РСДРП(б) заслушал «подписантов». На этом заседании Троцкий отсутствовал. Из 13 членов ЦК, присутствовавших на заседании, Ленина поддерживали лишь пятеро. Было решено конференцию не созывать, а на 20 февраля (5 марта) назначить экстренный съезд партии⁴. Весь месяц партию лихорадила бесконечная дискуссия о мире и революционной войне. За это время Германия подписала сепаратный мир с Украинской Центральной радой, Троцкий на переговорах озвучил свою формулу об одностороннем прекращении войны, а германские войска двинулись в наступление на Ревель и Псков. Лишь 18 февраля⁵ на втором за этот день заседании ЦК Ленину удалось добиться незначительного большинства с перевесом в 2 голоса в пользу немедленного согласия на любые условия Германии, по сути, на капитуляцию⁶. Голосование в СНК дало Ленину преимущество в 1 голос. Без согласования со ВЦИК Ленин и Троцкий отправили в Берлин радиogramму о принятии всех германских условий. Начался процесс со-

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 167–173.

² Меньшевики в 1918 году. С. 124, 125.

³ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 181–183.

⁴ Там же. С. 174–180.

⁵ Отсюда и далее все даты приводятся по новому стилю, поскольку с 1 (14) февраля советская Россия перешла на новый календарь.

⁶ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 200–205.

гласования текста договора. Это спровоцировало новый виток конфронтации с «левыми».

На заседании большевистской и левоэсеровской фракций ВЦИК 19 февраля Ленина обвиняли не только по сути принятого решения, но и в связи с процедурой его принятия. Даже Свердлов указывал ему на то, что решение принято в обход ВЦИК. 20 февраля на заседавшей тогда 4-й Петроградской общегородской конференции большевиков после докладов Ленина и Радека собравшиеся приняли резкую резолюцию, критикующую ЦК и требующую отмены решения СНК. Одновременно четыре члена ЦК – Бухарин, Урицкий, Ломов и Бубнов и еще 7 видных деятелей партии подали заявление о своем намерении продолжать агитацию за «революционную войну»¹.

Внутрипартийный кризис усугублялся отчаянным давлением на большевиков со стороны левых эсеров и РСДРП(и). По докладу Мартова ЦК РСДРП(о) принял резолюцию, которая констатировала крушение попытки заключить демократический мир и возникшую угрозу расчленения России и установления военной диктатуры оккупантов. Меньшевики протестовали против подписания договора, призывали к всенародному сопротивлению неприятельскому нашествию, во всем этом удивительным образом смыкаясь с «левыми» большевиками в намерении организовать «революционную власть». В остальном они расходились. Организатором сопротивления нашествию меньшевики видели только демократическую власть, созданную Учредительным собранием². Левые эсеры заявили о своей готовности разорвать партийный блок с большевиками.

3 марта Брестский мир был подписан. 12 марта он должен был быть ратифицирован IV съездом Советов, а до того большевики должны были провести свой съезд, который состоялся в Петрограде 6–8 марта. В советской историографии он известен как седьмой съезд партии. Сами большевики тогда называли его просто «экстренный». К 5 марта, когда съезд должен был открыться, налицо было только 17 делегатов с решающим голосом, а заранее было согласовано, что для кворума должно быть 79 чел. – больше половины от решающих голосов на предыдущем съезде. Добраться до Питера стало еще сложнее, чем это было в январе. Началась масштабная и беспорядочная эвакуация советских и партийных учреждений в Москву. На следующий день при наличии 36 делегатов съезд решил начать свою работу. К концу его работы присутствовали 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным, представлявших свыше 160 тыс. членов партии.

На съезде с организационным отчетом ЦК выступил Свердлов. Сведения о численности партии, которыми он располагал на тот момент, носили приблизительный характер. Так, производя подсчеты, он указал на факт сокращения питерской организации на 12 тыс. чел., отметив в качестве причины назначения на партийную работу в провинцию. Он заявлял, что на самом деле был рост организации, и если бы не эти партийные мобилизации, то в Питере насчитывалось бы 50 тыс. большевиков. В итоге Свердлов пришел к выводу, что численность партии

¹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 209–210.

² Меньшевики в 1918 году. С. 274–276.

составляет около 300 тыс. чел.¹ С этой цифрой согласен и отечественный историк В.И. Миллер².

По главному вопросу о войне и мире с альтернативными докладами выступили Ленин и Бухарин. Ленин, оценив мир с Германией как аннексионистский, «похабный», главной причиной его заключения назвал полное разложение армии. Что же касается тяжелых условий мира, то Ленин обвинил в этом противодействовавших его скорейшему заключению «левых» большевиков и Троцкого. Ленин заявил, что какую бы высокую цену ни пришлось заплатить за мир, она является необходимой для выживания советской власти. Мир дает мирную передышку, вероятно, недолгую, которую нужно использовать для создания новой армии, восстановления железных дорог и других оборонных мероприятий³.

В своем докладе Бухарин апеллировал к большевистской традиции. Согласно ей, «левые» считали, что судьба русской революции тесно связана с мировой. В отличие от Ленина, он оптимистически смотрел на перспективы последней и видел в ней залог победы в «революционной войне». По справедливому замечанию Бухарина, короткая мирная передышка не позволит осуществить те оборонные мероприятия, на которые указал Ленин. Следовательно, делал общий вывод Бухарин, заключенный мир не имеет оправданий⁴.

Яростные дебаты в прениях по этим докладам закончились голосованием, в ходе которого 30 делегатов поддержали ратификацию сепаратного договора, 12 – высказались против, 4 – воздержались.⁵ После прений Рязанов заявил о своем выходе из партии, а Крестинский предложил принять резолюцию, одобрявшую действия Троцкого на переговорах. Съезд отклонил это предложение. Тогда Троцкий подал в отставку со всех постов⁶. Наконец, Зиновьев предложил смягченную итоговую резолюцию по докладу Ленина⁷, что несколько умерило бушевавшие страсти.

На последнем заседании съезда делегаты согласились с доводами Ленина о необходимости переименования партии. Было принято название «Российская коммунистическая партия (большевиков)», или РКП(б). Процедура переименования партии, ставшая итогом развернувшейся с апреля 1917 г. внутривнутрипартийной дискуссии по этому вопросу, прошла без особых осложнений.

В ночь на 11 марта 1918 г. высшие органы советской власти и ЦК РКП(б) и левых эсеров покинули Петроград и перебрались в Москву. 15 марта во второй столице открылся IV Всероссийский съезд Советов. Из примерно 1200 делегатов с решающим голосом коммунистов было 854 чел., левых эсеров 256, членов РСДРП(о) 28, РСДРП(и) 19. В президиуме, кроме большевиков и левых эсеров, «прочих» представлял меньшевик Л.М. Хинчук. Позиции определились еще до формального открытия съезда на заседаниях фракций. Коммунисты подавляю-

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). С. 4.

² См.: Миллер В.И. Осторожно: история! С. 112–113.

³ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 3–27.

⁴ Седьмой экстренный съезд РКП(б). С. 24–40.

⁵ Там же. С. 127–128.

⁶ Там же. С. 128–129.

⁷ Там же. С. 137.

щим большинством высказывались за ратификацию мирного договора. Тогда «левые» коммунисты провели собственное фракционное заседание и сформулировали декларацию, обосновывающую их позицию, но от выступления в прениях и голосования решили воздержаться¹. Левые эсеры предполагали в случае ратификации отозвать своих представителей из СНК. Меншевики, отказавшись от ратификации договора с Германией, возложили всю ответственность «на ту партию, которая сама отделилась от Социалистического интернационала, провозгласив себя партией коммунистов». РСДРП² заявляла, что будет добиваться разрыва Брестского мира и восстановления демократической республики в России³. Не возражая в принципе против эвакуации Петрограда, РСДРП считала ее «панической», беспорядочной, производящейся без учета «интересов народного хозяйства и рабочих масс», и требовала передачи всего дела эвакуации в руки восстановленных органов местного самоуправления⁴.

Однако оппозиционные голоса утонули в море выступлений в поддержку ратификации мирного договора. Учитывая царящие на съезде настроения, Абрамович, Дан и Мартов согласились войти в избранный съездом ВЦИК. В нем также были представлены лидеры РСДРП(и) Лейтейзен и Лозовский.

Сторонники Ленина одержали на съезде внушительную победу. Им удалось подавить внутри РКП(б) «левую» оппозицию («отставники» вскоре получили новые назначения на ответственные должности). Социалистическая оппозиция как целое потерпела поражение в попытке использовать заключение «похабного» мира для изменения политического режима. В результате социал-демократическое поле претерпело кардинальные изменения. Одновременно распался блок большевиков и левых эсеров. Последние вышли из СНК, и правительство стало однопартийным.

Брестский мир больно ударил по российской экономике, еще более понизил и без того невысокий жизненный уровень населения. Постепенно нараставший с января 1918 г. спонтанный протест рабочих Петрограда, Тулы, Москвы и Екатеринослава с начала марта получил новый импульс. Особенно широкий размах протест получил в эвакуируемом Петрограде. Организационное оформление ему придали меньшевистские деятели – Богданов, Левицкий, Г.Д. Кучин, Батурский, Ю. Денике, К. Кефали и др.⁵ 3 марта 1918 г. меньшевистское Оргбюро призвало рабочих фабрик и заводов Петрограда выбирать своих уполномоченных на Чрезвычайное собрание⁶. Первое такое собрание состоялось 13 марта, и с тех пор уполномоченные собирались регулярно, пытаясь отстаивать жизненно важные интересы рабочих. Работа велась легально, на собрания допускались и члены партий, однако права решающего голоса не имели, в чем, кстати, проявилось

¹ Седьмой экстренный съезд РКП(б). С. 296.

² В связи с изменением названия большевистской партии в апреле 1918 г. меньшевики в своем названии сняли уточнение «объединенная» (Меншевики в 1918 году. С. 345).

³ Там же. С. 316–317.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России 1917–1918 гг. М., 2004. С. 124–128.

⁶ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. С. 37–38.

разочарование рабочих во всех действующих в стране политических партиях. Реально на первом собрании присутствовали 35 меньшевиков, 33 эсера, 1 народный социалист и всего 42 беспартийных¹. Однако в постоянное Бюро Собрания уполномоченных фабрик и заводов были избраны только рабочие². В Питере оно объединяло представителей 55 крупнейших фабрик и заводов. С середины апреля подобное движение начало оформляться в Москве и ряде других промышленных городов России.

В отличие от «правых» меньшевиков, сразу же признавших это движение «своим», левоцентристское руководство РСДРП первоначально отнеслось к нему подозрительно потому, что в движении участвовало немало эсеров, коалицию с которыми меньшевики разорвали еще в январе. В дальнейшем оно пыталось организационно возглавить и идейно контролировать рабочие организации, «политически правильно поставить» планировавшийся всероссийский рабочий съезд³. Однако ни одно, ни другое, ни третье реализовать не удалось, хотя прокламации и памфлеты Собрания уполномоченных были полны меньшевистской риторики. В то же время (и также тщетно) новое большевистское руководство Питера в лице Зиновьева тоже рассчитывало на беспартийные рабочие организации как средство восстановления значительно ослабшей массовой поддержки Советов. Этим объяснялось длительное, вплоть до июня, отсутствие репрессий против членов движения именно в Питере.

На Всероссийском партийном совещании при ЦК РСДРП 21–27 мая в Москве была сделана попытка погасить существующие внутривнутрипартийные разногласия. В совещании участвовали 52 делегата с решающим и 12 с совещательным головами от 44 организаций, представлявшие от 60 тыс. до 100 тыс. членов партии. Лояльность ко всем представленным партийным течениям проявилась в том, что в президиум были избраны «правые» – Хинчук, Череванин и А.А. Шнеерсон. По всем вопросам повестки дня (о войне и мире, распаде России, тактике партии в Советах, экономическом положении, профдвижении и по организационному вопросу) содокладчиком выступал представитель правых Либер.

Основные доклады Мартова, Дана и Абрамовича были призваны обосновать правильность проводимой руководством тактики партии. По мнению докладчиков, общенациональная задача текущего момента состоит в аннулировании Брестского мира и предотвращении распада единого государственно-хозяйственного организма России. Конкретными шагами в этом направлении, по их мнению, должны стать: организация сопротивления агрессивным притязаниям германского империализма; сплочение всей материальной и духовной мощи страны для выступления в качестве самостоятельной силы на мировой арене; немедленное прекращение гражданской войны; прекращение разрушительных социалистических опытов, осуществляемых большевиками. Кроме того, по их мнению, важна организация всеобщего военного обучения и вооружения народа, а также широкое государственное вмешательство в хозяйственную жизнь страны⁴.

¹ Меньшевики в 1918 году. С. 38.

² Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. С. 46.

³ Меньшевики в 1918 году. С. 289, 335.

⁴ Там же. С. 478–483.

Что касается «правых», то они требовали немедленного отзыва представителей партии из всех советских органов и учреждений, а также сосредоточения партийной работы в независимых от Советов рабочих организациях¹. Очередная дискуссия между левоцентристским большинством и оборонческим меньшинством в партии окончилась безрезультатно.

Столь же безуспешно завершилась попытка консолидации меньшевистских сил на майском партийном совещании. Лидеры петроградской группы правых Потресов и В.Н. Розанов, московской Левицкой настаивали на активной борьбе с большевистским режимом. Они вошли в Союз возрождения России, основанный по инициативе кадетов, правых эсеров и народных социалистов. Основной целью Союза была подготовка вооруженного свержения советской власти. Более умеренные и осторожные меньшевики (Кучин, В.И. Яхонтов и др.), формально не порывая с партийным центром, провозгласили себя Группой борьбы за независимость и демократический строй России. Они ратовали за более широкое, чем это предусматривалось официальными партийными документами, вовлечение пролетариата в антибольшевистскую борьбу. Учитывая резкое неприятие членами этой группы «нейтрального», как они полагали, отношения ЦК к большевикам, их именовали «активистами». На местах часть членов партии приняла участие в антисоветских выступлениях.

В результате на РСДРП обрушились репрессии. Так, весной 1918 г., в момент проведения выборов в Советы, большевики предприняли ряд превентивных мер с целью уменьшить представительство в них социалистов². В апреле 1918 г. судебному преследованию подвергся Мартов, обвиненный в обнародовании фактов о причастности Сталина к экспроприациям в 1907 г.³ Тем не менее меньшевики сохранили свое представительство в Советах. В Костроме, Златоусте, Ижевске, Сормове им (совместно с эсерами) даже удалось завоевать большинство. 45 депутатов меньшевики провели в Москве, 225 в Харькове, 120 в Екатеринославе и т. д.

14 июня 1918 г., в преддверии V Всероссийского съезда Советов, большевики, обвинив эсеров и меньшевиков «в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами», стремления «дискредитировать и низвергнуть советскую власть», провели через ВЦИК постановление об исключении их из Советов всех уровней⁴ [это постановление не коснулось РСДРП(и)]. В Петрограде и Москве прошли массовые аресты, в т. ч. участников движения рабочих уполномоченных.

Подводя итог развитию российской социал-демократии в период революции, начавшейся в Феврале 1917 г. в качестве общенациональной революции, можно заметить, что на первом, послефевральском ее этапе объективно существовало стремление к объединению, преодолению фракционной разобщенности. Однако по мере обострения политических, социальных и национальных конфликтов ситуация в спектре социалистических партий стала постепенно ухудшаться, возросла роль субъективного фактора. Все сильнее стали давать о себе знать глубинные

¹ Меньшевики в 1918 году. С. 456, 483.

² См.: Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 22–23.

³ См.: Меньшевики в 1918 году. С. 343.

⁴ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 430–431.

мировоззренческие расхождения как в оценке характера революции и возможных перспектив ее развития, так и в определении путей преодоления набравшего силу общенационального кризиса. Фанатическая доктринальная приверженность постулату классовой борьбы, особенно среди левых социал-демократов, выразилась в сознательно нагнетаемом озлоблении масс, росте непримиримой враждебности между фракциями внутри российской социал-демократии.

По мере обострения ситуации в стране объединительная тенденция, характерная для первых месяцев революции, стала истончаться, все явственней стала превалировать тенденция к расколу. С приездом Ленина в Россию в апреле 1917 г. активизировался процесс обособления и консолидации большевизма. Пройдя ряд внутрипартийных конфликтов, этот процесс нашел логическое завершение в противопоставлении РКП(б), ставшей единственной правящей партией, всем остальным течениям внутри российской социал-демократии. Несколько позже Ленин объяснил, почему было невозможно объединение даже с теми из них, кто осуждал силовое свержение власти коммунистов, поскольку все они, по его выражению, – «демократическая контрреволюция», «буржуазные агенты» в рабочем движении, «ученые дураки и старые бабы», «худшие предатели пролетариата» и всякая «оппортунистическая шваль»¹.

Следует иметь в виду, что по степени нетерпимости к своим идейным и политическим оппонентам и правые, и левые социал-демократы мало чем отличались от большевиков. Так, с приездом из эмиграции Мартова в мае 1917 г. тенденция к расколу российского социал-демократического движения существенно усилилась. Объединительный августовский съезд к единству социал-демократии так и не привел, РСДРП(о) оказалась расколотой на три фракции. В декабре 1917 г. Мартову удалось создать внутри РСДРП(о) левоцентристское большинство на почве тактики компромисса с примиренчески настроенными большевиками и трансформации диктаторского режима в демократический через Советы. Однако тактическая линия Мартова в июне 1918 г. потерпела полный крах. По оценкам левоцентристского большинства РСДРП(о), наступил период временного вынужденного отступления, по оценкам правых – фактическая капитуляция. В судьбах российской социал-демократии произошел крутой перелом. Установилась однопартийная диктатура, окончательно оформленная на V Всероссийском съезде Советов (4–10 июля 1918 г.). Олицетворявшая ее РКП(б) противопоставила себя всем прочим партиям как «контрреволюционным», возобладали психология Гражданской войны.

* * *

Итак, революционный процесс 1917–1918 гг. обусловил качественное изменение российской партийной конфигурации. Крушение монархии привело к уходу с политической сцены консервативных партий, продемонстрировав тем самым их кровную связь со старыми властными институтами. Значительная часть их членов, шокированная стремительным крахом монархического режима, не только покинула ряды своих организаций, но и вообще отказалась от любых форм политической деятельности. Лишь меньшинство продолжало сохранять надежду на

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 41. С. 11.

возрождение монархической государственности в будущем. Характерно, что сами лидеры консервативных партий, уже не представлявшие своей жизни вне политической борьбы, вынуждены были оказать поддержку Временному правительству, рассчитывая, что оно остановит развитие революции и не допустит сползания страны к национальной катастрофе.

Существенные изменения претерпел спектр либеральных партий. Правый их фланг и «центр» (октябристы и прогрессисты), организационно распавшиеся еще в годы Первой мировой войны, предприняли попытку создания новых партийных структур. При этом лидеры этих партий, явно подстраиваясь под революционную реальность, вместо прежних умеренных программ предложили обществу более радикальные требования. Однако эта «перекраска» в более яркие цвета не помогла лидерам новоиспеченных партий привлечь на свою сторону массового демократического избирателя, который не забыл сервильного поведения октябристов и прогрессистов в III и IV Государственной думе. Из либеральных партий лишь кадетам удалось не только сохранить единство своих рядов, но пополнить их за счет наплыва определенного числа бывших членов консервативных, праволиберальных партий и даже умеренных социалистов. Феномен «мартовских кадетов» – яркое свидетельство того, что к ведущей правящей партии, как правило, готовы примкнуть те элементы, которые ранее не разделяли ее мировоззренческую позицию, программу и тактику. Все это вместе взятое наложило свой негативный отпечаток на политический курс Конституционно-демократической партии.

Значительные структурные изменения претерпел и социалистический спектр политических партий. С одной стороны, февральский взрыв спровоцировал стремительное пополнение их рядов представителями различных демократических страт, а с другой – проложил границы между умеренными и радикальными элементами внутри социалистического партийного блока. Первые, разделяя концепцию поэтапного развития революционного процесса в России, считали возможным действовать совместно с либеральными партиями, прежде всего с кадетами. Умеренные социалисты оказали поддержку первому составу Временного правительства, а затем приняли активное участие в трех его коалиционных составах.

Выступая за единовластие Временного правительства, умеренные социалисты рассматривали Советы лишь в качестве рычагов воздействия на правительственный курс. Иной позиции придерживались представители радикального крыла социалистических партий (левые эсеры-интернационалисты, меньшевики-интернационалисты, левые направления в анархизме), которые ратовали за дальнейшее «подталкивание» революционного процесса влево, за перевод политической революции в качественно новую социальную фазу. Представители радикального крыла социалистических партий видели в Советах властные органы, которые не только должны постоянно «давить» на Временное правительство, но и сами планировать и осуществлять действия, направленные на радикальное преобразование страны. После июльских событий 1917 г. эта позиция радикального крыла социалистических партий стала определяющей, способствовала их консолидации вокруг большевистских лозунгов. Октябрьская революция 1917 г. была результатом совместных действий радикально настроенных социалистических сил, а не только одних большевиков.

Таким образом, революционный процесс 1917 г. стал экзаменом для политических партий, определившим степень влияния каждой из них на массовое движе-

ние и общественное сознание. Революция 1917 г. со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли «укорениться» на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа. В общественном сознании превалировали традиционные лозунги «Земля и воля», к которым во время мировой войны был добавлен новый – «Мир без аннексий и контрибуций». Те политические партии, которые безоговорочно поддерживали эти лозунги, получили массовую поддержку и в конечном счете одержали победу.

Научное издание

**Российская революция 1917 года:
власть, общество, культура**

Том 1

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*
Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 0.0.2017.
Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 46,5.
Тираж 000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)